



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

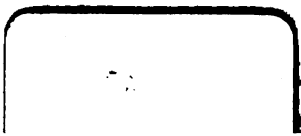
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



3 3433 05929188 4



Welan

1541

INDEX

*KQC

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

=

*Ἐπει δὲ τὸ ἀσχερὸν, τοῦδε ἐπίφρονος μὴ δύνανθαι παρὶ
ἑαυτοῦ τὰ δίκαια μῆτε γινώσκει μῆτε ποιῆσαι. Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δίκην τῶν προσηγορευμένων ἀσχερῶν
ἐν τοῖς ἐπιγυμνασίοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπεῖν τῶν
το ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

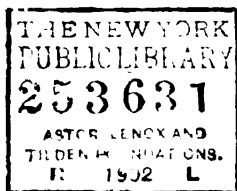
=

184

ТОМЪ СТО-ЧЕТВЕРТЫЙ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА КРАЙНА.
1850.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

на том, чтобы до окончательнаго одобрения Съезду Цесарский Комитетъ упомянутое
имею экземплярны. Санктпетербурга, 10 октября 1880.

Цензоръ Ю. Шидловскій.

XXXXXX
XXXXXX
XXXXXX

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТО-ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Качка въ бурю. <i>Я. Полонскаго</i>	9
Встрѣча. <i>Н. Щербины</i>	12
Замосковная Лѣтопись о нашихъ жейскихъ дѣлахъ и о другихъ. Книги третья. Статья третья. <i>Лейлы</i>	13
Звѣздка. Изъ путевыхъ впечатлѣній. <i>В. С.</i>	29
Петергофскій фонтанъ. Повѣсть <i>А. Дружинина</i>	53 ✓
Масторъ и Телемакъ. Не мнѣологическій и не историческій раз- сказъ. <i>Д. Сх.</i>	113 ✓
Баржевой скверъ. Разсказъ <i>Ж. Зарьчнаго</i>	133 ✓
Приключенія Корочкина. Повѣсть <i>И. Голубина</i>	147 ✓
Письма изъ степной деревни: 1) Мисхоръ и ночь въ Алупкѣ, 2) Херсонскія степи, 3) Пещеры Кизиль-Кова и мистръ Джинглъ въ Крыму, 4) Воспоминанія детства, 5) Осенняя охота, 6) Бахчисарай, 7) Молодая чета. <i>Гр. Данилево- скаго</i>	199

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Соната Бетховена.....	1 ✓
Тиньявелло.....	19 -
Исторія книги. Статья <i>Мари Лафова</i>	57

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

✓ Развитие испанскаго языка и первые памятники испанской литературы.....	1
✓ Иоганнъ Готфридъ Радемахеръ. Доктора М. Магазинера.....	29
Годовая выставка въ Императорской Академіи Художествъ. 1850. Давида Мацкевича.....	57
Химическіе законы образованія, разрушенія и превращенія минеральныхъ формъ. Статья С. Куторги.....	93
Очеркъ науки древностей. Статья М. К.....	129
Испанскіе обычаи и нравы. Статья вторая.....	161
✓ Древнія Гречанки. Статья третья и послѣдняя. П. Тихоновича	177
Музыкальныя воспоминанія. Статья третья. Б. Дамке.....	199

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Производство дѣлъ и работъ на желѣзныхъ дорогахъ. Статья вторая.....	1
Историческо-статистическое обзорнiе черноморской и азовской торговли отъ начала восемнадцатаго столѣтія до новѣйшихъ временъ. Статья третья и послѣдняя. Г. Н-а.....	19

V.

КРИТИКА.

Воспорское царство съ его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Сочиненіе Аптона Алика. Три части, 1848 и 1849 годовъ.....	1
---	---

Краткое начертаніе малой войны для всѣхъ родовъ оружія. Составилъ генераль-лейтенантъ А. Е. Энгельгардъ 1-й. 1850 года. Четыре части.

Малая война. Составилъ гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ Вунчъ. 1850 года..... 54

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Октябрь, 1850.	Новыя книги.....	1
—	— Новыя брошюры.....	10
—	— Разныя извѣстія.....	12
Ноябрь, 1850.	Новыя книги.....	13
—	— Новыя брошюры.....	17
—	— Разныя извѣстія.....	20

VII.

С М Ъ С Ъ .

Н О Я Б Р Ъ .

О зендскомъ языкѣ книгъ Зороастра	Статья первая.....	1
Археологическое путешествіе по Египту.	Верхній Египетъ.....	13
Распанъ въ Юзъ (въ Провансъ).....		35
Исторія одного испанскаго живописца.....		43
Художественныя новости.....		48
Елисавета Австрійская, жена Карла-Девятаго.....		48
Малибранъ въ Миланъ.....		50
Заемъ Бонапарта.....		54
Тайна.....		61
Зеркало.....		72
Приключенія носа.....		80
Музыкальныя извѣстія.....		88

Новыя французскія книги.....	97
Новыя нѣмецкія книги.....	99
Новыя музыкальныя сочиненія.....	107
Моды.....	1

ДЕКАБРЬ.

Исторія итальянской живописи въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ вѣкѣ.....	113
Веймарскія празднества.....	135
Какъ достается знаменитость.....	150
Кокосовое дерево.....	164
Исторія чепчика или за чѣмъ дѣло стало.....	168
Голубая лента.....	177
Новости русской литературы.....	186
Помпео Джироламо Батони.....	190
Доменико Чимароза и Тайный бракъ.....	192
Приключенія моего молодого знакома. Разсказъ женщины-писательницы.....	196
Драма подъ травою.....	203
Крыса.....	209
Музыкальныя извѣстія.....	214
Новыя нѣмецкія книги.....	224
✓ Новыя музыкальныя сочиненія.....	230
✓ Моды.....	17

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

—
I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=
КАЧКА ВЪ БУРЮ.

Грохъ и шумъ, корабль качается,
Море ташное кинуть,
Взторъ нарусь обрываетъ
И въ снастяхъ свнотить....

Помрачнлся сводъ небесный;
Я възяюсь кораблю,
И дремлю въ каютъ ташей, —
Закачало — сильно.

Снится мнѣ, меня качаетъ
 Няня, лампу засвѣтя,
 И надъ люлькой запѣваетъ :
 « Спи, мое дитя ».

Свѣтъ лампы на подушкахъ,
 На гардинахъ свѣтъ луны....
 О какихъ-то все игрушкахъ
 Золотые сны....

Просыпаюсь, — что случилось?
 Буря!... Плохо!... Черезъ носъ
 Вдоль волна перекатилась —
 Унесень матросъ.

Что же дѣлать! Что могу я?...
 Я ввзряюсь кораблю
 Вновь я легъ, и вновь дремлю я,
 Закачалю — сплю.

Снится мнѣ : я свѣжъ и молодъ,
 Я влюбленъ, — мечты кипятъ, —
 Отъ зари роскошный холодъ
 Проникаетъ въ садъ.

Скоро ночь, темнѣютъ сны....
 « Ты моя?!... » — « Твоя, твоя.... »
 Сядемъ вмѣстѣ на качели,
 Покачай меня ».

« Я ушла, мнѣ въ залъ душно »
 И дрожить моя рука,
 И качается послушно
 Зыбкая доска....

Просыпаюсь, что случилось?
Что такое? Новый шквал!...
Плохо.... Стенга обломилась,
Рулевой упал.

Что же делать? Будь, что будет....
Въ руни Бога отдаюсь....
Если смерть меня разбудить, —
Я не здесь проснусь!

Я. ПОЛОМСКИЙ.

ВСТРЪЧА.

Я съ нею встрѣтился неожиданно и случайно,
Разлукой долгою испарилась любовь,
Но чувствовалъ тогда я въ сердцѣ трепеть тайный,
Какъ-будто полюбить оно хотѣло вновь.

И чувство то мнѣ было непонятно,
Безсмысленно казалось чувство то,
Чтобъ жить преданьями и призывать обратно,
Что въ свой чередъ напрасно прожито.

Съ тѣхъ поръ я возмужалъ и сердцемъ и душою,
И такъ теперь любить, какъ я любилъ тогда,

Мнѣ показалось нѣтъякою снѣжнотой,
И дѣтскою глупостью — въ подростокѣ года....

Любить по прежнему мнѣ было невозможно,
Любовию иной любить я не дерось,
Мои прошедшія мечты были дожны,
Нѣтъ новыхъ радостей и тѣхъ старинныхъ слезъ.

В. ПУШКИНЪ.

=

ЗАМОСКОВНАЯ ЛЬТОПИСЬ

О НАШИХЪ ЖЕНСКИХЪ ДѢЛАХЪ И О ДРУГИХЪ.

=

КНИГИ ТРЕТЬИ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

=

X

Страшно было это свиданіе для обоихъ, и для Александрины, и для Адриана.

Когда эти люди, прежде столь близкіе, предстали лицомъ къ лицу послѣ прошлаго, которое лежало между ними для одного глубокихъ укоромъ, для другой тяжкихъ воспоминаній, никто въ первую минуту не рѣшился заговорить. Оба были поражены страшной переминой, которую это короткое время напечатлѣло на ихъ лица, оба съ прискорбнымъ удивленіемъ не сводили глазъ другъ съ друга.

— Александра Львовна, сказалъ наконецъ молодой человекъ, склонивъ передъ ней голову съ красивыми, но нехудыми чертами: ваше великодушіе, я вполне увѣренъ, заставитъ васъ пощадить и извинить поступокъ, который другіе, изъ мое положеніе, могутъ назвать неблагоразумнымъ: я отказываюсь не принять благодаренія, оказываемаго мнѣ вами...

Вынувъ изъ кармана банкнотный билетъ Александрины, молодой человекъ положилъ передъ ней на столъ.

— Слово благодареніе, графъ, въ этомъ случаѣ вовсе не кстати, отвѣчала Александрина съ благородной простотою. Это — дружеская услуга, которую я очень рада оказать вамъ. У меня есть лишнія деньги, вамъ деньги нужны, и я счастлива возможностью услужить вамъ. Это дѣлается каждый день на свѣтѣ, даже между незнакомыми, и никто не думаетъ говорить о благодареніяхъ.

— Позвольте мнѣ судить о томъ иначе, сказалъ Адріанъ съ волненіемъ. Это можетъ-быть дружеской услугой въ отношеніи ко всякому другому, но отъ васъ ко мнѣ это — даръ, благодареніе, которое моя совѣсть не позволяетъ мнѣ принять.

И, поклонившись ей еще ниже, онъ отступилъ къ дверямъ.

— Пойдите, Адріанъ! сказала Александрина, останавливая его настойчивымъ движеніемъ руки: если совѣсть ваша страдаетъ, что я отняла для васъ это имѣніе у графини.... то вы можете успокоиться. Я ничего у ней не отнимаю, а только, переводомъ имѣнія на ваше имя, имѣю въ виду оградить его отъ продажи въ чужія руки. Страсть вашей тетки жить выше средствъ, уже довела ее до разоренія. Я хотѣла поручить остальную жизнь ея вашему благоразумію, вашей предусмотрительности, будучи увѣрена, что въ вашихъ рукахъ это имѣніе, вѣроятно уже послѣднее изъ всего прежняго богатства, доставитъ и ей и вамъ безбѣдное положеніе; что по-крайней-мѣрѣ вы его не расточите такъ скоро какъ она.

— Цѣтъ, нѣтъ! сказалъ молодой человекъ съ порывомъ пылкаго одушевленія: я не прийму его отъ васъ.... Найдите другое средство, если хотите оказать благодареніе моей теткѣ. Я долженъ остаться въ сторонѣ.

— Зачѣмъ это?...

— Да затѣмъ, вскричалъ Адріанъ давая волю волненію, которое давило его грудь, затѣмъ, что слишкомъ унижительно принимать милости отъ особъ, передъ которыми мы виноваты.... Преслѣдуйте меня вашимъ гнѣвомъ, ненавистью, презрѣніемъ... но не уничтожайте незаслуженнымъ благодареніемъ.... это слишкомъ тяжело.

— Преслѣдовать васъ ненавистью и гнѣвомъ, я не буду.... по самой простой причинѣ: я уже забыла все.

Александрина сказала это такъ холодно, такъ спокойно,

нать только может сказать женщина, чувствующая свое достоинство, глубоко оскорбившему ее мужчине. Увереніе въ забвеніи для мужскаго тщеславія — всегда жестокой ударъ. Эти господа убѣждены, что мы не имѣемъ права, и не смѣемъ забывать ихъ, сказавъ однажды — какъ всегда говорится — что будемъ любить ихъ вѣчно. Разлюбить ихъ они полагаютъ дѣломъ невозможнымъ, непростительнымъ, преступнымъ въ высшей степени. Что бы ни сдѣлали они, какъ бы ни оказались негодными, недостойными дальнѣйшей привязанности, мы навсегда рабы нашей первоначальной любви, по ихъ бородастой теоріи. Пустяки въ сердце, они уже считаютъ его своей неотъемлемою собственностью. Какъ бы не такъ! Ударъ попалъ нѣтко. Яркій румянецъ вспыхнулъ на блѣдныхъ щекахъ молодого господина. Огонь заблесталъ въ его потухшихъ глазахъ. Нѣсколько секундъ смотрѣлъ онъ молчаливо на Александрина. Хотѣлось ли ему узнать, что таилось на днѣ этого сердца, подареннаго ему когда-то, или, разскакивая ея черты, такъ страшно измѣнившіяся по его винѣ, думалъ ли онъ уничтожить мгновенную досаду раскаяніемъ и состраданіемъ, только въ голосъ, когда онъ обратился къ ней съ этими словами, слышалось глубокое чувство.

— Если вы забыли... то я помню.... Но я долженъ молчать. Однакожъ, расставаясь, въ память этого свиданія, которое навѣрное будетъ послѣднимъ, удостойте меня одной милости, умоляю васъ. Скажите откровенно мнѣ, какъ человеку, который готовъ отдать жизнь за увѣренность въ вашъ счастіи.... скажите, довольны ли вашей судьбою.... счастливы ли вы?...

— Мнѣ быть несчастной! отвѣчала Александрина съ прежнимъ спокойствіемъ: это было бы очень странно съ моей стороны.... Любящая и любимая женщина никогда не бываетъ несчастна. Мой мужъ очень любитъ меня, я.... я его обожаю! Легкое движеніе губъ, похожее на недоувѣрчивую или грустную улыбку, сопровождало отвѣтъ Адриана.

— Дай Богъ, чтобы это было такъ! сказалъ онъ, поклонившись и собираясь удалиться. Важнымъ движеніемъ руки Александрина снова остановила его.

— Погодите, приподвила она, глядя на него сверкающими

казани. Это свиданіе, какъ сами вы сказали, будетъ послѣднѣйшій: угодно ли вамъ выслушать меня? Я не хочу оставить васъ въ заблужденіи; вы, кажется, думаете, будто я преувеличиваю привязанность свою къ мужу?... или, можетъ-быть, вовсе не люблю его?...

— Напротивъ, отвѣчалъ Адріанъ съ спокойствіемъ, которое вдругъ перешло къ нему отъ Александрины: я ни сколько не сомнѣваюсь.... я знаю васъ хорошо.... Чувство долга въ вашей душѣ всегда было велико и свято; вы навѣрное сдѣлали все что только человѣчески возможно, чтобы полюбить.... кого слѣдуетъ....

— Напрасно вы думаете, что тутъ нужны были усилія, возразила она, глядя твердо на дорогаго врага.... Почему не предположить, что это сдѣлалось само собою, что нельзя было не полюбить кого слѣдуетъ?...

— Я готовъ все предположить въ угожденіе вамъ, отвѣчалъ врагъ, колеблясь, но чувствуя, что въ послѣдней разговорѣ притворство неумѣстно: хотя и чувствую, что... женщина съ такимъ умомъ, съ такимъ образованіемъ какъ вы, можетъ невольно любить только равныхъ себѣ нравственно, или умственно....

— Въ такомъ случаѣ вамъ нечего опасаться за мое счастье, гордо сказала Александрина. Я вполне сознаю превосходство моего мужа передъ собою и никогда не осмѣюсь поставить себя съ нимъ наравнѣ.

Адріанъ молчалъ.

— Или вы думаете, продолжала Александрина съ нетерпѣніемъ, что мужчина, который своей цивилизаціи не потерпаетъ изъ парижскихъ романовъ, который умственно не живетъ въ Пале-рояль, который не произноситъ во всеуслышаніе на тротуарахъ пошлыхъ французскихъ фразъ, чтобы показать свое презрѣніе къ родному языку, не носить въ глазу стеклышка и на плечахъ моднаго фрака, не уметь поклониться такъ, чтобы учтивость походила на грубость и оскорбленіе, что такой мужчина не можетъ быть нравственно высокъ?....

Въ голосъ Александрины проявлялось нервное раздраженіе. Ей казалось, будто молодой человекъ не вѣритъ ей любви

къ другому, особенно къ мужу; и она, послѣ того, что было между ними, не хотѣла оставить его въ сомнѣніи.

— Простите, сказалъ Адрианъ грустно, если я неволью оскорбилъ васъ. Я осмѣлился спросить о вашемъ счастьи вовсе не съ намѣреніемъ унижить кого-нибудь.... и мнѣ простиительно не только справиться о томъ, что можете составлять радость вашей жизни, но и желать для васъ всѣхъ возможныхъ радостей....

— И желаніе ваше исполняется, сказала тихо Александрина, тронутая чувствомъ, которымъ дышали слова Адриана: я счастлива вполне. О! графъ! продолжала она, увлекаемая волненіемъ и отирая выкатившуюся слезу: кто столько выстрадалъ какъ я, кто утопился мученіями страсти, тотъ не знаетъ, какое отрадное чувство привязываетъ меня къ мужу, какъ моему истерзанному сердцу сладко отдыхать въ его доброй, спокойной, безыскусственной любви! О! если бы вы знали, какая предупредительная нѣжность, какое благородство, сколько душевной ясности, скрывается подъ этою простою оболочкой, не говоря уже о томъ, что этотъ человѣкъ сдѣлалъ для меня!

— Я вамъ вѣрю и, будьте убѣждены, умѣю цѣнить и уважать того, о комъ вы отзываетесь подобнымъ образомъ, но, при всемъ томъ я не совсѣмъ ясно вижу, что такое сдѣлалъ онъ для васъ особенное, возразилъ Адрианъ съ досадою. Предложилъ вамъ свою руку! Боже мой! да такое самопожертвованіе — явный барышъ для великодушія, намѣреннаго жениться, такое блаженство другіе готовы бы были даже кунить цѣною жизни....

— Однако другіе безжалостно бросили меня.... другіе не удостоили даже спросить объясненія....

— Александрина! вскричалъ молодой человѣкъ, простите!.. я былъ ослѣпленъ ревностью....

— Скажите лучше, я не любилъ....

— О! нѣтъ! клянусь, я обожалъ васъ....

— Жалкое обожаніе! сказала Александрина, качая головою: жалкая любовь, которая не нашла въ себѣ столько твердости, чтобы устоять противъ наговоровъ.... Какъ же

ваше сердце, если вы действительно меня любили, не защитило преследуемой противъ злыхъ навѣтовъ, противъ вашей ревности, противъ васъ самихъ?..... Извините.... это не упрекъ, я все простила.... все забыла.... но поймите же, наконецъ, какую признательностью оковалъ мое сердце человѣкъ, который протащилъ мнѣ руку въ бездну, куда вы меня толкнули; какъ я должна была полюбить его..... О! слушайте, и преклонитесь передъ благородною любовью этого человѣка! Вотъ что онъ сдѣлалъ для меня: когда убитая горемъ, выплакавъ слезы, сидѣла я у Любаковыхъ, когда я, въ отчаяніи, съ страшнымъ будущимъ передъ глазами, не знала и не понимала, что станется со мной, въ эту ужасную минуту вошелъ ко мнѣ онъ. „Я знаю что случилось съ вами, сказалъ онъ мнѣ просто: я видалъ васъ прежде, въ Петербургѣ, хотя вѣрно вы и не примѣтили меня, и не помните, а теперь жилъ я въ одной съ вами гостинницѣ. Мнѣ все извѣстно и, вмѣстѣ со всѣми, я негодую на безчеловѣчный поступокъ, которымъ поставлены вы въ это положеніе. Мнѣ страшно за васъ: что вы будете здѣсь дѣлать!... вы погибнете!... отчаяніе и горе убьетъ васъ.... я желалъ бы спасти вашу молодость и ваше чистое, довѣрчивое сердце для чувствъ болѣе отрадныхъ. Пріймите мою руку.... я человѣкъ простой, но могу доставить вамъ независимое положеніе въ свѣтѣ, и обещаю любить васъ всѣмъ сердцемъ. Если я и не заслужу себѣ вашей любви, то я полагаюсь на вашу признательность за мои усердныя и нѣжныя попеченія. Вы будете жить у себя дома, а это все-таки лучше чѣмъ жить у людей, вамъ непріятныхъ или ненавистныхъ. Согласны ли вы или нѣтъ?... Ахъ, графъ! поймете ли вы, съ какой восторженной благодарностью прижала я къ губамъ его руку, какими горячими слезами обливала ее! Подозрѣваемая и отвергнутая человѣкомъ, котораго ставила я выше всѣхъ мужчинъ, я готова была упасть къ ногамъ того, кто возвращалъ мнѣ уваженіе къ людямъ и ко мнѣ самой, кто среди моего униженія прикрывалъ меня щитомъ своего имени, меня, бѣдную дѣвушку, оклеветанную, поруганную, брошенную во неизвѣстной сторонѣ. Такого друга женщина, въ которой есть теплое сердце, не можетъ не обожать; такому че-

любку она отдается вся съ восторженною преданностью....
Ахъ, графъ, научитесь у него любить !

Александрина отерла слезы. Адрианъ наклонилъ голову, можетъ-быть съ сознаниемъ своего униженья. Они молчали нѣсколько времени.

— Хотите ли послушаться моего совѣта? продолжала она, грустно поднявъ на него глаза. Если вы встрѣтите женщину, которой захотите пожаловать свое имя, то дознайтесь прежде у своего сердца, довольно ли уважаете вы ее, чтобы устоять противъ клеветъ, противъ злословія, противъ чужихъ интригъ и своихъ подозрѣній.... Подозрѣнія, для любви, убійственнѣе самой смерти, Адрианъ!

— Я никогда не женюсь! вскричалъ онъ съ рѣшимостью: ни любви, ни счастья, для меня уже не существуетъ; если я хочу жить, такъ только для-того чтобы найти возможность доказать вамъ свое раскаяніе, свою преданность, готовность, если нужно, умереть за васъ.....

Не давъ ему договорить, Александрина встала, взяла со стола банковый билетъ, положенный Адрианомъ, и сказала съ торжественной настойчивостью:

— Такъ вы сдѣлаете, прежде всего, такъ, какъ я хочу; вы возьмете этотъ листъ бумаги и употребите его по моему желанію.... вы обезпечите судьбу графини.... вы перестанете грустить.... вы постараетесь забыть прошлое и найти счастье съ другою.... Вотъ чего я требую отъ вашей преданности.... отъ вашего раскаянія.... Прощайте, прощайте!... я нездорова.... меня ждуть.

Она подала руку, которую молодой человекъ прижалъ къ губамъ съ горячею слезою. Спустя мгновеніе, Александрина, съ улыбкой примиренія, исчезла въ полурастворенную дверь.

XI.

Въ обществѣ Надежды, сердце Александрины, постоянно пламенное, находило живительную прохладу. Кажущееся ей спокойствіе дѣйствовало на его раны какъ цѣлебный баль-

замъ. Александрина спѣшила къ своей доброй по другъ, чтобы успокоиться ея тихимъ, кроткимъ присутствіемъ, ея неизмѣнною наружною холодною, которую принимала она за благоразуміе. Но Надежды не было дома. Она уѣхала внезапно, оставивъ у горничной записку въ нѣсколько строкъ, начертанныхъ карандашомъ, въ которыхъ было сказано, что Хилковскій пріѣзжалъ къ ней по-утру извѣстить о непредвидимомъ несчастіи, у нихъ случившемся, и что по этому поводу она немедленно отправляется въ деревню къ Александру, гдѣ, вѣроятно, останется нѣсколько дней.

Эта записка ужасно встревожила Александрину, но тѣмъ не менѣе оказала спасительное дѣйствіе на ея воображеніе, давъ послѣ тягостной сцены съ Адрианомъ другое направленіе ея мыслямъ и заботамъ. Тѣстова старалась узнать отъ людей Надежды, въ чемъ могло состоять это непредвидимое несчастіе: по неяснымъ извѣстіямъ, которыя были имъ въ состояніи ей представить, казалось, что дѣло относится къ иностранцамъ, гостившимъ у Александра. Тысячью предположеній наполнилась ея горячая голова. Боже мой! неужели донъ Эммануэль въ опасности?...

Да! несчастіе настигло... если только конецъ жизни — несчастіе для того, кто съ нею разстается. Войдите за мной, читатели, туда, гдѣ все торжественно, безмолвно, мрачно. Въ этой комнатѣ умираетъ человекъ.

Да! на этомъ смертномъ одрѣ лежитъ тотъ, кто еще вчера былъ полонъ жизнью, чувствомъ, надеждами, мыслями... вчера еще творилъ безсмертное: сегодня самъ уже разсыпается въ прахъ.

Возвратившись отъ Надежды, Клара не выдержала — все рассказала мужу... Распространяться объ этомъ разговоръ и не намѣрена. Мнѣ стыдно за женщину, которая не хотѣла понять, какое сокровище досталось ей на долю. Мнѣ жаль мужчины, который женился на такой женщинѣ. Клара была не глупа и любила мужа, но того ума, или той любви, которыя умѣютъ сочувствовать идеямъ и приспособляться къ праву любимаго человека, въ ней не доставало. Это, впрочемъ, довольно обыкновенно въ женахъ. Подъ предлогомъ любви къ мужу, онѣ болѣею частью любятъ себя или свои

удовольствіи. Я не хочу обижать мужей, и охотно сознаюсь, что они также, большею частью, любят только себя и свои занятія, уверая женъ, что это — любовь къ нимъ. Вотъ отъ чего на свѣтѣ — такое множество счастливыхъ супружествъ. Но какъ я не очень высоко цѣню силу мужескаго характера и уверена, что, съ терпѣніемъ и нѣкоторымъ искусствомъ, женщина можетъ изъ самаго лютаго тирани мужчины сдѣлать все что угодно или, по-крайней-мѣрѣ, что нужно для ободнаго домашняго счастья, то и утверждаю, что умиѣ Клары воспользоваться тѣми преимуществами, которыхъ у нея было такъ много, мужъ былъ совершенно въ ея рукахъ: она изгладила бы въ его сердцахъ всю память о Надеждѣ. У мужчинъ это такъ легко изглаживается!.. стоить только польстить немножко тѣмъ привычкамъ, въ которыхъ, какъ на пуховицахъ, отрадно разлегается ихъ эгоизмъ. Но недостатокъ въ этомъ сочувствіи, или въ этой лести, со стороны Клары производилъ то, что между ними душевной связи не существовало. Клара не была необходимою Эммануэлю. Онъ смотрѣлъ на нее только какъ на хорошенькую игрушку, какъ на дитя, котораго нужно было баловать, для того чтобы оно не дулось. Узнавъ о неожиданномъ ея открытіи, мужъ вздумалъ воспользоваться — цѣловкостью совершенно достойная мужа цѣрваго разбору, потому что гдѣ другая женщина замѣшана, тамъ можно только взбѣсить, а не просвѣтить наше сердце. Онъ хотѣлъ, чтобы этотъ разговоръ имѣлъ вліяніе на будущую жизнь ихъ. Кротко, но настойчиво и убѣдительно толковалъ онъ Кларѣ, чего ему нужно отъ жены, какъ она можетъ сдѣлаться ему необходимою во всякой мысли его, во всякомъ памѣреніи или трудѣ, и замѣнить собою всѣхъ на свѣтѣ для него: отъ нея зависѣло стать ему всѣмъ — помощью — совѣтомъ — вдохновеніемъ — мыслью — вкусомъ, дополнить собою его способности, украсить его искусство, одушевить и усладить его трудолюбіе. Слушая эти рѣчи, полныя ума и готовности любить, Клара только плакала и сердилась. Она чувствовала, что въ основаніи этого наставленія лежитъ досадное сравненіе, что въ понятіи Эммануэля есть на свѣтѣ женщина, съ которой нравственно она не можетъ сравниться, и слѣзы жалости, упреки лились безконеч-

но. Ни однимъ словомъ однако жъ не показала она, что понимаетъ мысль мужа. Надежда была въ умѣ у обоихъ, но имя ея не кануло ни разу въ эту чашу любовной горечи, которую супруги впервые испивали до дна. Коротко сказать, они ссорились, очень въжливо, но ужасно. Эммануэль работалъ — но часто бросалъ палитру — становился предъ женою на колѣни — цѣловалъ ея руки, ноги, губы — умолялъ — заклиналъ. Клара сидѣла въ креслахъ, дулась — горевала — провозглашала свою любовь не понятою и себя несчастною. Послѣ нѣсколькихъ часовъ бесполезныхъ убѣжденій, Эммануэль страшно утомился, тѣмъ душевнымъ утомленіемъ, которое бываетъ слѣдствіемъ терзаній ума и сердца въ спорахъ о любви и нелюбви. Онъ былъ раздраженъ горестнымъ сознаніемъ совершеннаго ничтожества той, съ которой ему суждено прожить всю жизнь неразлучно. Онъ предпочелъ бы сцену бурной ревности и пылкаго отчаянія: тогда по-крайней-мѣрѣ, хоть бы и не предвидѣлась надежда переубѣдить жену, что вообще невозможно, сильный колоритъ драмы скрылъ бы безцвѣтность сердца и пустоту характера по-жизненной подруги.

Вечеръ былъ необыкновенно жаркій. Зной, продолжительная работа, споръ, просьбы, безуспѣшныя объясненія исчерпали силы супруга-художника. Безсознательно протянулъ руку къ стакану ледяной воды, которая всегда стояла на столѣ въ его мастерской и выпилъ этотъ ядъ. Въ нашемъ жаркомъ, совершенно азіатскомъ климатѣ ледяная вода точно можетъ быть причислена къ разряду ядовъ, а донъ Эммануэль, по обычаю свѣтлой Италіи, любилъ запивать ею мороженое, какао, кофе, чай, и даже скуку. Ужасный обычай! При несвоевременномъ употребленіи, по-крайней-мѣрѣ въ нашей сторонѣ, стаканъ такой воды производитъ убійственное воспаленіе внутренностей: иногда черезъ нѣсколько часовъ времени не остается уже надежды на спасеніе жизни.

Въ тотъ же вечеръ донъ Эммануэль почувствовалъ себя нездоровымъ. Къ утру онъ уже находился въ отчаянномъ положеніи.

Яркій лучъ солнца, пробиваясь сквозь опущенную стору,

освѣщаетъ пурпуровымъ сіяніемъ трехъ женщинъ и трехъ мужчинъ.

Одинъ лежитъ снокойно съ кроткимъ, уже потухшимъ взоромъ, съ печатью смерти на лицѣ.

Другой, у изголовья, закрывъ лицо руками, плачетъ тихо, но безутѣшно; плачетъ какъ дитя.

Третій поддерживаетъ женщину, которая судорожно рыдаетъ.

Въ углу передъ образомъ съ горячими слезами молится другая; а у ногъ умирающаго склонилась третья безъ слезъ, безъ словъ, почти безъ жизни, какъ статуя скорби, той глубокой скорби, которую можетъ олицетворить только одинъ прапоръ: ни перо ни кисть не сильны выразить ее.

— Клара! сказалъ умирающій: подойди ко мнѣ.... жизнь уходитъ.... простимся, мой другъ, навсегда.... надолго.... увидимся уже въ томъ мірѣ....

Онъ поднялъ глаза къ небу, и остался въ этомъ положеніи.

Хилковскій подвелъ къ нему рыдающую Клару, Эмиануэль тихо взялъ ея руку, холодную какъ и собственная рука его.

— Богъ да хранитъ тебя, продолжалъ онъ, приложивъ свои посинѣвшія губы къ склоненной головкѣ Клары.... не плачь, душа моя!... тебѣ остается въ утѣшеніе многое.... ты молода, богата, хороша.... ты любишь меня искренно и я умираю съ глубокою признательностью тебѣ за твою добрую, вѣрную любовь.... Но докажи мнѣ ее и тогда, какъ меня уже не станеть. Не предавайся отчаянію.... не произноси ни какихъ обѣтовъ.... Когда пройдетъ первый пылъ печали, выбери себѣ другаго мужа.... это мое послѣднее завѣщаніе.... мой послѣдній совѣтъ.... мое желаніе.... Обними меня еще разъ.... я благословляю тебя на счастье.... послѣ горя.... Если я сожалею нѣсколько о жизни, такъ именно потому powodu, что не успѣлъ принаровиться къ тебѣ.... чтобы составить вполнѣ твое счастье....

— О! нѣтъ! нѣтъ! вскричала Клара: я была вполнѣ счастлива съ тобою.... я виновата!... я!... прости меня, Эмиануэль.... я уру со стыда.... я виновата!... прости, прости!...

Она отчаянно рыдала и цѣловала руки мужа.

— Не плачь, мой другъ! произнесъ онъ: мнѣ больно видѣть твои слѣзы.... Богъ не оставитъ тебя, милое дитя мое!

Клара удержалась, приложила свои губки къ холоднымъ губамъ мужа и безъ чувствъ упала на руки Хилковского, который почти вынесъ ее изъ комнаты.

— Александръ! милый Александръ!... это вы?... прошептала художникъ.

Тотъ, утирая слезы, подошелъ къ больному.

— Благодарю, другъ добрый, неоцѣненный другъ, благодарю!.. вы были такъ искренно привязаны ко мнѣ. Вы радовались моимъ успѣхамъ.... постоянно и благородно.... Счастливъ тотъ, кому удастся встрѣтить въ жизни такую привязанность.... Я уношу съ собой въ могилу глубокую признательность къ вамъ.... Благослови васъ за то Господь! Не грустите!.. можетъ-быть этотъ талантъ, которымъ вы такъ гордились въ своемъ другѣ, поблекъ бы въ скоромъ времени.... я надѣялся усовершенствовать его.... я чувствовалъ въ себѣ большую силу созданія и огромный запасъ терпѣнія къ исполненію.... ждалъ что талантъ разовьется во мнѣ вдругъ могущественно.... и произведетъ что-нибудь.... великое.... бессмертное.... Мое честолюбіе, мое тайное наслажденіе, состояло въ отрадной мысли, что я сочиню нѣсколько чудесныхъ холстовъ и умру вслѣдъ за тѣмъ.... въ цвѣтѣ молодости и силъ.... какъ Рафаэль.... Люди, производящіе удивительное, не должны переживать себя.... Когда дарованіе далось, надо работать скоро.... надо оставлять по себѣ сожалѣніе, а не состраданіе.... Я умираю слишкомъ скоро.... но это къ лучшему, можетъ-быть (и больной улыбнулся въ послѣдній разъ): многіе станутъ сожалѣть.... а я, можетъ-быть обманулъ бы ихъ ожиданія.... Пусть я живу въ вашемъ дорогомъ воспоминаніи, говорите иногда обо мнѣ.... Вы, я знаю.... вы и ваша милая жена.... не забудете меня.... она тоже меня любила.... она любитъ все, что любите вы.... Ахъ, Александръ! такая подруга — большая отрада въ жизни....

Больной опустилъ голову и закрылъ глаза. Онъ не могъ говорить далѣе. Спустя нѣсколько минутъ, глаза его снова раскрылись. Они въ этотъ разъ были свѣтлѣе и живѣе: казалось, весь остатокъ жизни притекалъ и сосредоточивался

въ нихъ, чтобы вдругъ погаснуть, какъ потухаетъ послѣдняя искра въ простывающемъ пепелѣ. Съ кроткимъ дружелюбнымъ взглядомъ позволилъ онъ взять свою руку стоящей возлѣ Александра Фелицы, которая облила ее дождемъ тихихъ слезъ.

Эммануэль долго не говорилъ, но нѣсколько разъ взоръ его, обыкновенно поднятый къ небу, поворачивался на комнату, какъ-бы чего-то искалъ. Фелица поняла этотъ взглядъ: она бросилась къ Надеждѣ, стоявшей на колышкахъ почти въ забытьи и, схвативъ ее за руку, привела къ постели умирающаго друга. Эммануэль остановилъ взоръ свой на ея поникшей головѣ.

— Вы не хотѣли проститься со мною? сказалъ онъ слабымъ голосомъ, уже очень тихо и еще отрывистѣе, чѣмъ прежде. Имѣйте болѣе твердости, мой добрый другъ.... проститесь со мной какъ съ братомъ.... передъ гробомъ всѣ мы братья и сестры.... Вы плачете?... Я знаю всю цѣну этихъ слезъ.... но объ умирающихъ плакать не надо.... какъ и о засыпающихъ.... Я засну.... вотъ и все тутъ.... и проснусь, вадьюсь, тамъ.... въ небѣ.... Благородная женщина! вся жизнь ваша была постояннымъ самоотверженіемъ.... Вы жили только для того, кому отдали свое сердце. О! вѣрьте, онъ никого не ставилъ выше васъ.... воспоминаніе хранилъ какъ заветный кладъ....

Промолчавъ немного, Эммануэль продолжалъ:

— Вы обманули меня, Надежда.... отказались отъ правъ своихъ, для-того чтобы сдѣлать меня свободнымъ.... и, по вашему мнѣнію.... счастливымъ.... но вы и не думали искать самаго счастья, счастья въ другомъ бракѣ.... Великодушный другъ!... Ахъ! мнѣ очень трудно говорить.... Благословите меня скорѣе на вѣчный путь.... Клара!... гдѣ Клара?...

Александръ и Хилковскій побѣжали за нею.

— Я умираю.... но помните, добрый, безцѣнный другъ, что единственными минутами счастья.... которыя достались мнѣ въ жизни.... я обязанъ вамъ.... однѣ вы вполнѣ понимали эту душу.... которая улетаетъ изъ меня.... далеко.... ваше теплое, ясное сочувствіе долго освѣщало мой путь.... мою жизнь.... Я увижу васъ между ангелами....

Голосъ Эммануэля совершенно ослабѣлъ и взоръ вдругъ померчалъ.

— Надежда! прошептала онъ уже едва слышно: живите... помяните обо мнѣ... не предавайтесь унынію... въ память меня занимайтесь моимъ искусствомъ... не оставляйте кисти... живопись — большое утѣшеніе въ жизни... Любите Клару... она доброе дитя... она не виновата... Гдѣ же она?...

Онъ смолкъ, глаза его закрылись. Когда Клара вошла, онъ уже не очнулся...

Черезъ три дня весь нашъ городъ присутствовалъ на великолѣпномъ погребеніи графа донъ-Эммануэля де-Вальфрориды. Недоставало только двухъ особъ: Надежды, которая лежала въ горячкѣ, и Александрины, которая тихо плакала возлѣ нея.

Къ вечеру того же дня Александрину вызвали отъ больной: мужъ ея пріѣхалъ изъ города, и не одинъ.

— Душенька! вскричалъ Тѣстовъ своимъ дюжимъ голосомъ, когда она вышла къ нему: я привезъ къ тебѣ обратно бѣглеца. Что это значитъ?... онъ, говорить, что ты прогнала его отсюда? Павелъ Антоновичъ, извольте сказать это на очной ставкѣ: я вамъ не вѣрю.

Риналковъ и Александрина взглянули другъ на друга и невольно улыбнулись, но изъ взгляду ея онъ понялъ, что говорить ему запрещается.

— Ну, вотъ видите!... вы молчите!... продолжалъ Тѣстовъ торжественно и весело: я таки сейчасъ смекнулъ, что это — вздоръ... Какъ можно! Моя Саша не способна такъ больно огорчить меня, лишить себя такого пріятнаго общества!... изъ какихъ-нибудь пустяковъ!... (Я его не боюсь, душенька! шепнулъ Тѣстовъ женѣ, живописно протягиваясь къ ея уху: вздоръ! пусть остается!) Вообрази, Сашенька, продолжалъ онъ громко: что у Павла Антоновича тарантасъ и лошади были уже готовы: хотѣлъ удрать!... Спасибо Сергѣю Павловичу; встрѣчается со мною и говоритъ: „Ну, какъ я радъ! вашъ пріятель Риналковъ, я слышалъ, убивается изъ нашего города въ свою заморскую землю. Однимъ проказникомъ меньше въ городѣ: и то слава Богу. Знаете ли, говорить, что это — опасный человѣкъ?“ — Чѣмъ же онъ опасенъ? го-

верю: тѣмъ развѣ, что на васъ нарисовалъ каррикутуру?— „А на васъ-то? говорить: вы думаете, что у него нѣтъ каррикутуры и на васъ?... Загляните только въ его портретъ!... ни на комъ чести не оставилъ.... всѣхъ перестряпалъ въ чучель да въ уродовъ. А самъ-то каковъ?“ говорить. Онъ видно, больно васъ не жалуешь, Павелъ Антоновичъ: вы, я чай, ему крѣпко насолили. — Каррикутуры-то, говорить, еще бы ничего: да онъ, говорить, человѣкъ безнравственный, былъ влюбленъ поуши въ молодую и богатую вдову“.... онъ и назвалъ мнѣ ее, да я забылъ фамилію.... одна изъ здѣшнихъ помѣщицъ: „да грибъ съѣлъ, говорить; отказали палуну. Да и куда ему.... слишкомъ высоко забрался! Ну, словомъ, говорить, жениться не удалось, такъ и сталъ волочиться за чужими женами. Тутъ ужъ я не выдержалъ: я понялъ, на кого Сергѣй Павловичъ смекаетъ и почти разсорился съ нимъ.... хоть онъ нужный человѣкъ.... защищая нашего друга. Нѣтъ, какъ вамъ угодно, Павелъ Антоновичъ, а я васъ не пущу: оставайтесь съ нами.... кто у меня развеселитъ Сашеньку какъ вы? кто подастъ намъ совѣты честные и благородные вашихъ? Вѣдь я все знаю, любезный другъ: моя голубушка не утаила отъ меня этого, какъ вы дружески мудро распорядились ея капиталомъ по своему соображенію, чтобы воротить ее къ добрымъ чувствамъ и къ здоровью. И мнѣ дали случай сдѣлать доброе дѣло, въ дополненіе. Богъ да наградитъ васъ за доброе сердце, за учоный умъ.... Ученіе свѣтъ, неученіе тьма. Позвольте же намъ пользоваться вашимъ свѣтомъ; вашимъ умомъ подолѣе.... Скажи, Сашенька! вѣдь не хотѣлъ къ тебѣ ѣхать!... на-силу притащилъ: увѣряетъ, будто вы разсердились навсегда и ты не хочешь его видѣть. Какъ бы не такъ!... и слышать не хочу! Ну, большая бѣда! разсердились, такъ и помиритесь: вѣдь не въ первый разъ.... и не въ послѣдній. А если тотъ правду говорить, что вамъ отказала какая-то вдова, такъ и радуйся, сердечный Павелъ Антоновичъ, какъ я радуюсь. Съ какой стати жениться вамъ на вдовахъ? И благополучное дѣло! Мы вамъ найдемъ здѣсь супругу изъ двѣушекъ, изъ вашихъ, молоденькую, пригоженькую.... да и съ деньжонками. Вотъ напримѣръ, Таня Шляпова.... дочка Степана Потаповича....

шестнадцать лѣтъ, конечно не красавица.... смугленька немножко.... а не дурна.... отецъ потомственный почетный гражданинъ, торгуетъ лѣсомъ, на всѣхъ улицахъ строить дома, богатъ какъ банкиръ.... Дѣтей всего — одна дочь.... Вы ее знаете.... ну нечего сказать, умница, и раскрепощенная дѣвушка, и на фортепianaхъ бречить, и по-французски разсуждаетъ: черезъ одного меня выписала изъ Москвы пять пудъ тридцать шесть фунтовъ французскихъ романовъ, — я покажу вамъ квитанціи конторы транспортовъ. Хотите, отецъ Павелъ Антоновичъ, другъ и благодѣтель? Я это вамъ состряпаю, а при будущихъ торгахъ на винные откупа, мы съ вами войдемъ въ товарищество. Тото будетъ славное дѣло! А покажѣте, я подарю вамъ ящикъ такихъ сигаръ, которыя заставятъ васъ забыть всѣхъ вдовъ и всѣ ссоры. Сашенька, куда ты велѣла спрятать сигарки, которыя привезъ я на прошедшей недѣлѣ?

— Онѣ стоятъ на комодѣ, въ моей спальнѣ, отвѣчала Александрина, и Тѣстовъ бросился въ ея спальню, не дожидаясь возраженій.

— Ну-съ! сказалъ Риналковъ, вопросительно глядя ей въ глаза.

— Ну! сказала она.

— Я долженъ остаться? спросилъ молодой человекъ.

— Разумѣется, отвѣчала молодая женщина: когда мужа — такіе странные люди!

— Я остаюсь.

— Но я васъ замучу моими капризами!

— Очень радъ. Мнѣ жизнь надоѣла.

— А вы женитесь на Танѣ Шляповой?

— Никакъ нѣтъ.

ЛЕЙЛА.

ЗВАНКА.

=

(Изъ путевыхъ впечатлѣній.)

=

Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ,
Не вспомнётся нигдѣ и имя Званки

Державинъ.

Двадцатаго юня 1850 года я увидѣлъ въ первый разъ берега Волхова. Большой части путешественниковъ случается смотрѣть на эту историческую рѣку съ крутыхъ береговъ новгородскихъ, мнѣ же пришлось привѣтствовать ее въ сѣмидесяти верстахъ отъ Новагорода, на Сосникѣ.

Бросивъ первый взглядъ на это большое селеніе, расположенное по обонимъ берегамъ Волхова, глаза ваши легко могли бы обмануть васъ: вы назвали бы его городкомъ, и даже довольно не дурнымъ. На отлогомъ берегу большая площадь, посреди нея нѣсколько ларей съ вѣсами, около нихъ суетятся крикливыя бабы, торгующія съѣстными; по сторонамъ три гостиницы, каждая изъ нихъ занимаетъ двухъ-этажный деревянный домъ не дурной наружности; наконецъ вся на западной дѣльности по всему берегу, двѣ пристани для пароходовъ — все это невольно подтверждаетъ первое впе-

чатлѣніе вашего глаза. Но внимательно осмотрѣвшись кру-
чомъ, тѣ же глаза и разувѣрятъ васъ: они не увидятъ здѣсь
ни колоколенъ, ни присутственныхъ мѣстъ, ни почтоваго
двора, ни думы, ни карауленъ — значить это не городъ.
Это просто пристань для барокъ, идущихъ по вышневолоц-
кой системѣ. Отсюда ходятъ ежедневно два парохода въ
Новгородъ, вверхъ по Волхову, но я уже не засталъ ихъ,
и потому долженъ былъ избрать одну изъ трехъ гостинницъ
для своего ночлега. До заката солнца оставалось еще часа
три. Желая чѣмъ-нибудь разнообразить свое время, я подо-
звалъ молодаго крестьянина, который помогъ мнѣ стащить
мой чемоданъ въ лучшій, по его мнѣнію, *трактиръ*. Цѣлый
часъ, этотъ молодецъ занималъ меня своими умными, прямо-
русскими сужденіями, своими разказами. Переходя отъ пред-
мета къ предмету, онъ вдругъ упомянулъ о Званкѣ. Это сло-
во прозвучало въ моихъ ушахъ, какъ давно знакомое и про-
будило воспоминаніе. Желая увѣриться, не обманулся ли я
въ звукахъ, я переспросилъ своего разскащика.

— Да, Званка, снова повторилъ онъ, помѣстье покой-
наго *Державинова*.

При словѣ Державинова сомнѣніе мое совершенно исчезло.

— Далеко ли отсюда это селеніе? сказалъ я.

— Верстъ пять!

— Такъ ступай скорѣй, достань мнѣ лошадь, я хочу
туда съѣздить.

Я сказалъ это съ такой поспѣшной рѣшимостью, съ та-
кимъ нетерпѣніемъ, что крестьянинъ, какъ будто удивленный,
посмотрѣлъ на меня во всѣ глаза, не зная, чему приписать
причину такой внезапной перемены.

— Да вѣдь Державиновъ-то давно умеръ, замѣтилъ кре-
стьянинъ: и жена его умерла, вотъ ужъ лѣтъ осемь, а въ
дому никто не живетъ, запертъ, и ключи у священника.

— Хорошо, братецъ, хорошо, только достань мнѣ ско-
рѣй лошадь, и все тутъ.

Но крестьянинъ не вдругъ двинулся съ мѣста: ему жаль
было расстаться съ чаемъ, который, по его словамъ, онъ
любилъ лучше вина и пива. Допивъ стаканъ съ прежней
разстановкой и хладнокровіемъ, которое вовсе не согласо-

лось съ моей горячностью, онъ медленно всталъ и пошелъ не торопясь, полагая, вѣроятно, что я раздумаю; между-тѣмъ какъ нетерпѣніе мое разгаралось все болѣе и болѣе. Какъ не видать жилища нашего поэта, куда онъ на закатѣ своихъ дней каждую весну переселялся изъ шумнаго Петербурга! Какъ не посмотреть на тѣ окрестности, которыми часто любовался посѣдѣлый пѣвецъ Екатерины; какъ не взглянуть благоговѣнно на тѣ стѣны, откуда его прекрасная душа вольнымъ голубемъ понеслась на небо, оставя землѣ свое бренное тѣло, а міру небренную славу? Это было бы непростительное равнодушіе, и за него каждый Русскій имѣлъ бы полное право упрекнуть меня.

Спустя четверть часа крестьянинъ привелъ мнѣ осѣдланную лошадь; не стану описывать вамъ моего буцефала. Въ концѣ селенія я перенравился черезъ небольшую рѣчку на паромѣ. Потомъ, распросивъ о дорогѣ, я поѣхалъ мелкой рысью по берегу Волхова; но вдругъ новая бѣда: у меня отвалилось стремя, и не понимаю, какъ я остался цѣлъ и не сломилъ себѣ ноги. Сопутникъ мой, крестьянинъ, истый Санджо-Панса, замѣтилъ издали мое несчастье, и подбѣжалъ на помощь. Привязавъ стремя и опасаясь, чтобъ не случилось новой бѣды, онъ вызывался сопровождать меня до самой Званки и тутъ, на берегахъ Волхова, я узналъ на дѣлѣ всю неосновательность нашей старинной русской пословицы, что „лѣшій конному не товарищъ“. Однако я не согласился исполнить его настойчивое желаніе, и поѣхалъ одинъ. Было около девяти часовъ. По лѣвую сторону отъ меня катился Волховъ, по правую шелестилъ мелкій лѣсъ; сѣрая облака обложили все небо и вечеръ былъ темнѣе, тѣмъ можно было ожидать. Въ другое время, можетъ-быть, самъ Волховъ сдѣлался бы предметомъ моей думы, можетъ быть я призадумался бы, смотря на его пустынные берега, но теперь я думалъ только о Державинѣ, готовясь проникнуть въ его опустѣлое жилище. Мнѣ всегда представлялся вѣкъ Екатерины какимъ-то чудесно-героическимъ вѣкомъ: и теперь мое воображеніе рисовало мнѣ живую поэтическую картину: и смотрѣлъ на тѣхъ русскихъ исполнновъ и богатырей, съ которыми для могущественной царицы Сѣвера не было ничего

невозможнаго; всё они съ благоговѣніемъ окружали озаренный славю престолъ ея, всё они старались угадать и исполнить ея малѣйшее желаніе. Съ яснымъ, пламеннымъ взоромъ, прикасаясь восторженный бардъ къ золотымъ струнамъ своей настроенной лиры, и чудно-вдохновенная пѣсня неслась въ самыя отдаленныя края Россіи; бардъ воспѣвалъ мудрость и добродѣтель своей Монархини, подвиги ея героевъ и богатырей. Этотъ бардъ былъ Державинъ. Онъ умѣлъ чувствовать глубоко и пламенно; обращалъ онъ взоры на престолъ, гдѣ сіяла, по его словамъ, *внѣшняя добродѣтель*, и чувство его кипѣло восторгомъ; оно, можно сказать, превращалось въ могучіе исполнскіе образы, какъ могучи и велики были самыя дѣла, вдохновлявшія его. И потомство не даромъ назвало его пѣвцомъ Екатерины: онъ боготворилъ ее, какъ идеалъ мудрости и правды, къ которой стремился всю свою жизнь; желалъ обезсмертить этотъ живой идеалъ въ своихъ пѣсняхъ, и чрезъ то самъ сдѣлался бессмертнымъ. Въ минуту своего вдохновенія онъ понималъ свое высокое призваніе, вѣрилъ въ силу своего генія, и имѣлъ полное право говорить съ настойчивой увѣренностію о своей славѣ въ потомствѣ, какъ напимѣръ въ этихъ стихахъ:

Твои дѣла суть красоты —
 Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
 И въ шуткахъ правду возглаголю;
 Татарски пѣсни изъ-подъ смуду,
 Какъ лучъ, потомству сообщу;
 Какъ солнце, какъ луну поставлю
 Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
 Превознесу Тебя, прославлю;
 Тобой бессмертенъ буду самъ.

 Въ погдѣ буду я, но буду говорить.

— И Екатерина осыпала Державина щедротами, желая постоянно слышать звуки его лиры. Онъ хотѣлъ содѣйствовать ей въ благихъ стремленіяхъ, и видѣлъ средство къ этому не въ своемъ поэтическомъ дарѣ, не въ своихъ пѣсняхъ, а искалъ его въ однихъ лишь служебныхъ тру-

дяхъ. При такомъ стремленіи, онъ часто оставлялъ свои поэтическія занятія.

Кто велъ его на Геликонъ,
И управлялъ его шаги?
Не школъ витійственныхъ содомъ:
Природа, нужда и враги.

„Объясненіе четырехъ этихъ строкъ, писалъ Державинъ къ графу Хвостову, составить исторію моего стихотворства, причину онаго и необходимость.“

Слѣдовательно не наука, не систематическое воспитаніе, а горькія обстоятельства жизни развили и образовали талантъ его. Все это чаще доставляло Державину случай уединяться и звучному слову передавать волненія своего сердца. Такъ была ли счастлива доля нашего поэта? конечно нѣтъ! Не найди счастья въ шумномъ свѣтѣ, Державинъ, уже посѣдѣлый, оплакивая смерть своей вдохновительницы — монархини, искалъ спокойствія въ уединеніи, въ Званкѣ, гдѣ и провелъ большую часть заката своей жизни. И вотъ къ этому — то жилищу теперь подѣзжалъ я, размышляя о жизни Державина. Ея продолженіе, дальнѣйшія ея подробности, я думалъ прочитать на стѣнахъ его дома, на всемъ, что тамъ послѣ него сохранилось, даже на самыхъ деревьяхъ и дорожкахъ его сада, и не скажу, что безъ особеннаго волненія сердца я погонялъ свою клячу. Наконецъ передо мной показался довольно обширный пригорокъ, поросшій лѣсомъ, а вскорѣ потомъ изъ-за деревьевъ мелькнулъ бѣлый двухъэтажный домикъ. Это и есть Званка, подумалъ я, и остановился у небольшой хижинки, которая стояла на краю пригорка у самой дороги. Лай собаки возвѣстилъ мой пріѣздъ; въ дверяхъ показался крестьянинъ. Я спросилъ его, гдѣ живетъ священникъ.

— Да вонъ тамъ самъ батюшка, сказалъ онъ, и я повернулъ своего буцефала въ ту сторону, куда мнѣ указалъ крестьянинъ. Вскорѣ въ самомъ дѣлѣ между деревьевъ показался священникъ, возвращавшійся съ вечерней прогулки. Я обратился къ нему и просилъ его удовлетворить моему желанію — видѣть домъ Державина.

— Мнѣ весьма пріятно слышать, говорилъ священникъ въ отвѣтъ на мои слова, что вы нарочно пріѣхали посмотреть домъ Гаврилы Романовича, и я съ удовольствіемъ исполню ваше желаніе; но предупреждаю васъ, что вы съ сожалѣніемъ выйдете изъ этого дома, и, можетъ-быть, скажете: все въ мірѣ суета суетствій. Память о Державинѣ осталась въ его сочиненіяхъ, но не здѣсь, не въ этомъ домѣ.

Эти слова удивили меня и приготовили къ встрѣчѣ чего-то печальнаго. Священникъ пошелъ въ свой домикъ за ключами, а я между тѣмъ сталъ припомирать то стихотвореніе Державина, гдѣ онъ описываетъ свою *званскую жизнь* преосвященному Евгенію:

— Стеклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ,
На гору *желтый* всходъ межъ розъ осіявал,
Гдѣ встрѣчу *водою* шуметь лучей дождемъ....

— Домъ снаружи въ самомъ дѣлѣ храмовидный; бѣлый, простой двухъ-этажный, окруженный высокими деревьями, онъ мнѣ показался и веселенькимъ и красивенькимъ; но всходъ къ нему былъ теперь не желтый, а сѣрый; вѣсто песку лежала здѣсь пыль, изъ-подъ которой мѣстами проглядывала мелкая трава; трудно угадать, гдѣ были розы: теперь только одна крапива, чертополохъ, да опустившіяся вѣтви деревъ вьются по краямъ всхода. Далѣе, позади дома — небольшой, почти квадратный дворикъ; видно, что когда-то онъ былъ усыпанъ пескомъ; посреди его еще замѣтно мѣсто, гдѣ стояла большая чаша, изъ которой билъ фонтанъ. Потому съ лѣвой стороны дома, въ видѣ флигеля — домашняя деревянная церковь, построенная уже послѣ Державина. Между тѣмъ какъ я осматривался кругомъ, священникъ уже стоялъ у двери; ржавый замокъ едва-едва повиновался силѣ его ключа, а растрескавшаяся дверь съ трудомъ уступила усилію нашихъ плечъ и наконецъ закричала на своихъ перержавѣвшихъ петляхъ — видно было, что давно никто сюда не заглядывалъ. Изъ небольшой передней, наполненной соромъ, мы вошли въ большую полукруглую залу. Заколоченныя окна придавали ей какой-то мрачный видъ; пыльный псто-

локъ поддерживаютъ въ полукругѣн нѣсколько колоннъ, окрашенныхъ подъ сѣрый мраморъ; вѣво отъ нихъ большая вещь разсыпалась уже до половины; по всему полу валялись штукатурка, осыпавшаяся со стѣнъ и потолка; только одинъ развалившійся стулъ, да цѣпочка отъ люстры, еще не снятая съ крючка, свидѣтельствовали, что здѣсь когда-то жили люди. Со всѣмъ этимъ удушливый воздухъ производилъ самое тяжелое впечатлѣніе. А въ этой залѣ лѣтъ сорокъ назадъ бывали пиры, да еще какіе*!.. Сюда съѣзжались множество разряженныхъ баръ, въ раззолоченныхъ каретахъ, и не на одинъ день; здѣсь гремѣла веселая музыка; исполняли матлотъ и гавотъ; съ кухни, изъ кладовыхъ, съ погребовъ приносилось много разныхъ блюдъ и винъ; всѣмъ было здѣсь весело; а Гаврилъ Романовичу — веселѣе всѣхъ. Здѣсь-то составлялись тѣ веселыя домашнія игры, о которыхъ такъ простодушно рассказывалъ самъ Державинъ:

Внутри дома, тѣшмяся столецъ увеселеньемъ:

Великъ талантамъ роднымъ своимъ дѣтямъ

Блестать: музыкой, пляскою, пѣньемъ.

Амурчиковъ, Харитъ плетень шль хоровадь,

Занявъ у Галин игру и Терпсихоры,

Цвѣточныя вѣнки пастухъ пастушкѣ вьетъ:

А мы на нихъ и пляшиъ взоры.

Танъ съ арфы звучныя порывный въ души гроузъ,

Здѣсь *мизозерома* ** съ струнъ смягченны, плавны тоны

Бѣгутъ — и въ естественъ согласія во всемъ

Даютъ намъ чувствовать законы.

А теперь здѣсь и душно и мрачно и пусто. Справа дверь ведетъ въ другія комнаты; не стану описывать ихъ, потому-что онѣ представляютъ то же разрушеніе. Молча прошелъ я остальные комнаты, и съ душевною грустью возвратился въ круглую залу.

* Объ нихъ рассказывалъ мнѣ старикъ-рыбакъ, съ которымъ я встрѣтился, возвращаясь изъ Званки.

** Фортепиано (Forte-piano или piano-forte — тихо-громъ).

— А вотъ здѣсь былъ кабинетъ Гаврилы Романовича, сказалъ священникъ, указывая на дверь съ лѣвой стороны.

Кабинетъ Державина! Я бросился туда; но и тамъ кромѣ сору не нашелъ ничего: крошечная угловая комната выходитъ однимъ окномъ во дворъ, другимъ въ садъ; оба они заколочены; слѣва въ стѣнѣ передняго угла вѣлана дверь, откуда поднимается маленькая лѣстница въ верхній этажъ. Вотъ все, что могъ замѣтить въ этой комнатѣ мой жадный глазъ. А Державинъ ее называлъ святилищемъ Музъ, и вѣрно она заслуживала такое названіе.

....! Прихожу въ святилище я Музъ,
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ восѣдши въ мирѣ,
Къ царямъ, друзьямъ моимъ, иль къ небу возношусь
Иль славою сельскую жизнь на мирѣ;
Иль въ зеркало временъ, качая головой,
На страсти, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,
Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ, и драки человѣковъ

Далѣе говорить онъ :

«Все суета суетъ!» я, воздымая, шню;
Но бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полудневно
«О коль прекрасенъ миръ! Чтожъ духъ мой бременю?»
Творцомъ содержится вселенна
.
Дворовыхъ между тѣмъ крестьянскихъ рой дѣтей,
Собираются ко мнѣ не для какой науки,
А взять по нѣскольку баранковъ, кределей,
Чтобы во мнѣ не арѣян буки

Какая милая старческая заботливость. Я себя воображаю, съ какимъ добродушнымъ взоромъ, какимъ шутиливо-веселымъ отцомъ стоялъ Державинъ у этаго окошка, передъ которымъ собралась группа безпечныхъ крестьянскихъ ребятшекъ за баранками и кределями.

Не больше минуты стоялъ я въ этой пустой, будто ограбленной комнатѣ; но будь она тѣмъ же святилищемъ Музъ, какимъ была въ то время, когда Державинъ, задумавшись

надъ рѣкой времени*, чертилъ на аспидной доскѣ свои послѣдніе десять стиховъ** какъ бы заключительную границу своихъ произведеній,—я вѣрно пробылъ бы въ ней дѣлае часы. Я также задумался бы надъ этой исторической картой, пресмотрѣлъ бы и ту голстую тетрадь***, куда онъ обыкновенно вписывалъ свои стихотворенія, перебралъ бы всю его бібліотеку, и послѣ всего этого представилъ бы самого старца — поэта, съ его открытымъ морщинистымъ челомъ, съ его свѣтлымъ лицомъ, гдѣ въ складкахъ морщинъ блестяло старческое добродушіе, наконецъ въ его любимомъ татарскомъ халатѣ. Онъ, какъ живой, предсталъ бы тогда предо мною, и прогналъ бы всю мрачность, которая теперь налегла на его домъ.

Изъ нижняго этажа я поднялся въ верхній; тамъ, надъ заломъ находится почти такая же конната и въ такомъ же видѣ; только не заколочены окна.

— Здѣсь Гаврило Романовичъ игралъ на билліардѣ, сказалъ мнѣ священникъ. Я осмотрѣлся кругомъ, но не нашелъ ни билліарда, ни слѣдовъ его. Отсюда черезъ правую дверь я вошелъ въ другую коннату о двухъ окнахъ съ балкономъ. Здѣсь—то наконецъ я нашелъ нѣсколько вещей, которыя могутъ свидѣтельствовать, что богато было когда-то убрано жилище Державина. Это представляли мнѣ два прекрасныхъ

* Историческая карта.

** Извѣстное стихотвореніе, которое написалъ Державинъ передъ своею смертію:

Рѣка времени въ своемъ теченіи
Уносить всѣ дѣла людей
И топить въ пропасти забвенья
Народы царства и царей.
А если что и остается
Черезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы...

А двѣ послѣдніе строки не могутъ разобрать.

*** Объ этой тетрадѣ говорилъ мнѣ девяностолѣтній священникъ, нѣсколько разъ бесѣдовавшій съ Державиномъ.

мраморныхъ столика, роскошный диванъ, обитый красивой матеріей, нѣсколько такихъ же креселъ стариннаго стиля. Тутъ же стояли на высокихъ пьедесталахъ три или четыре бюста; изъ нихъ одинъ Императрицы Екатерины, другой Императора Александра. По стѣнамъ видны слѣды висѣвшихъ картинъ; и я полагаю, что это та самая *святлица*, которую описываетъ Державинъ:

На кровлѣ жъ зазвенитъ какъ ласточка, — и паръ
 Повѣтъ съ дома мнѣ манжурской или ливантской,
 Иду за круглой столъ: и тутъ — то растобаръ
 О снахъ, молвѣ градской, крестьянской;
 О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей,
 Чьи въ рамахъ по стѣнамъ златыхъ блистаютъ лица,
 Для воспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней,
 И для прикрасъ моея *святлицы*,
 Въ *которой* поутру, или въ вечеру порой
 Дивлюся въ *Вѣстникъ**, въ газетахъ или журналахъ,
 Россіянъ храбрости, какъ всякъ изъ нихъ герой,
 Гдѣ есть Суворовъ въ генералахъ;
 Въ *которой* къ госпожѣ, для похвалы гостей.
 Приносятъ разныя полотна, сукна, ткани,
 Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
 Ковровъ и кружевъ и вязани;
 Гдѣ съ скотенъ, пчельниковъ и съ птичниковъ, прудовъ.
 То въ масле, то въ сотахъ зрю золото подъ вѣтвями,
 То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ — пухъ грибовъ,
 Серебро трепещуще лещами;
 Въ *которой*, обзрѣвъ больныхъ въ больницѣ, врачъ
 Приходитъ доносить о ихъ вредѣ, здоровьи,
 Прося на пищу имъ: тѣмъ съ поливкой калачъ,
 А тѣмъ лекарствица въ подспорье;
 Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ,
 Усастый староста или скопидомъ брюхатый,
 Даютъ отчетъ казѣ, и хлѣбу и вещамъ
 Съ улыбкой часто плутоватой; —
 И *гдѣ*, случается, художники млады
 Работы кажутъ ихъ на дрѣвѣ, на холстинѣ,
 И получаютъ въ даръ подачи за труды,
 А въ часъ и денегъ по полтинѣ;

* «Вѣстникъ Европы» — журналъ, издававшійся въ то время. Это писалъ Державинъ во время прусской войны.

И едь до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ,
 Въ задоръ иногда въ игры, зѣло горячи,
 Играетъ въ карты ны, въ ерошки, въ фараонъ,
 По грошу въ долгъ и безъ отдачи.

Въ этомъ описаніи вполне видна жизнь поэта — помѣщика. Впрочемъ Державинъ самъ не любилъ заниматься хозяйствомъ; здѣсь онъ хотѣлъ наслаждаться совершенно спокойною жизнью, чуждой всякихъ житейскихъ заботъ, хотѣлъ жить въ полной свободѣ, веселиться, когда приходила минута веселья, погружаться въ думы, когда налетала минута задумчивости. Такая беззаботная, просторная жизнь казалась ему раемъ послѣ столичныхъ тревоженій. Здѣсь онъ чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ, и даже сознался, что наконецъ нашелъ покой и счастье. Возможно ли сравнить то, говорить онъ,

Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
 Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
Покой мнѣ нуженъ дней въ останкѣ
 Возставъ отъ сна, возвожу на небо скромный взоръ:
 Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной;
 Благодарю, что вновь чудесь, красотъ позоръ
 Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.
 Пройдя мнѣвшую, и не нашедши въ ней
Чтобъ зерния зияла мнѣ сердце урызала,
О! коль доволенъ я, оставилъ то людей,
И гестомлюбія набѣлъ отъ жала,
 Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу росъ,
 Зрю на багрянецъ зарь, на солнце возходяще;
 Нишу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
 Средь сада храню жезлоу чертаще,
 Иль накормя монхъ пшевицей голубей,
 Смотрю надъ чашей водъ, какъ вьютъ подъ небомъ круги;
 На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь сѣтей,
 На кроющихъ какъ снѣгомъ луги;
 Пастушьего вблизи вишнаю рога зовъ,
 Вдали тетеревей глухое токованье,
 Барашковъ, въ воздухѣ, въ кустахъ свистъ соловьевъ,
 Ревъ кравъ, громъ жернь и коней жавье....

Все хозяйство и управленіе имъ Державинъ возложилъ на свою супругу. Она уже вѣдалась и съ старостой и съ

крестьянами, наблюдала за работами, веда счеты, и онъ былъ доволенъ ея распоряженіями, потому что за столомъ всегда находилъ вкусныя русскія блюда и *чернопѣнное* пиво, за десертомъ прекрасныя сочныя плоды. Здѣсь мы опять не можемъ не выписать нѣсколько стиховъ его:

Идти за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ.

Я озрѣваю столъ — и вижу разныхъ блюдъ

Цвѣтникъ, поставленный узоромъ!

Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,

Румяно - желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,

Что смоль, яantar, кра, и съ голубымъ перомъ

Тамъ щука пестрая — прекрасны!

Прекрасны потому, что взоръ навятъ мой, вкусъ,

Но не обиліемъ, нль чуждыхъ странъ приправой,

А что опрятно все и представляетъ Русь:

Припасъ домашній, свѣжій, здравый.

Когда же мы довскихъ и крымскихъ кубки винъ,

И лица, воронка и чернопѣнна пива

Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хлѣбнъ, —

Бесѣда за сладкими шутива.

Но, молча, вдругъ встанетъ: — бьетъ искрами горя,

Древъ русскихъ сладкій сокъ до подвѣчныхъ бревенъ:

За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго Царя

Царицъ, Царевичей, Царевенъ.

Тутъ кофе два глотка; схрапну минутъ пятокъ,

Тамъ въ шахматы, въ шары, нль изъ лука сирѣлами...

Державинъ любилъ своихъ крестьянъ, какъ отецъ, часто вступалъ съ ними въ бесѣды, въ ласковые разговоры и крестьяне смотрѣли на него какъ на отца, и ловили случай — прибѣгать къ нему въ своихъ нуждахъ. Державинъ жилъ очень согласно со своей супругой, и если иногда происходили у нихъ ссоры, то единственно изъ-за крестьянъ.

Въ этой же комнатѣ меня особенно заинтересовалъ балконъ. Правда, чтобъ войти туда, я долженъ былъ употребить всѣ предосторожности, боясь провалиться, долженъ былъ съ порога ударить нѣсколько разъ ногой по жестянымъ листамъ пола, которые давно уже растрескались и скоробились; долженъ былъ слегка подойти къ бѣлымъ деревяннымъ периламъ, которыя грозятъ скорымъ паденіемъ. Здѣсь когда-то сжи-

ылъ нашъ поэтъ и смотрѣлъ вдаль на Волховъ, синѣющій между деревьевъ; здѣсь онъ углублялся въ свои думы; носился въ прошломъ, оплакивалъ свою вдохновительницу: онъ замѣчалъ, что переживалъ почти всѣхъ, кого пламенно и восторженно воспѣвалъ въ своихъ одахъ; и что прежній жаръ его потянулъ. Онъ только отрадно смотрѣлъ на того, кому пророчески-восторженно предназначалъ и высокую добродѣтель и великіе подвиги почти при самомъ его рожденіи. Это порочное Отроча, теперь въ полной силѣ мужества востановило на спасеніе Европы. Здѣсь поэтъ задумывался надъ слутными дѣлами Запада и грустно вопрошалъ себя, когда и чѣмъ они кончатся. Въ послѣдствіи онъ еще могъ собрать свои послѣднія дряхлыя силы и стихомъ выразить свою радость о блестящемъ концѣ этихъ смуть. Съ грустными чувствами, въ какомъ-то печальномъ стихѣ выразилъ Державинъ свои старческія думы:

Но вѣтъ, какъ праздника и въ будни я одинъ, —
 На возвышеніи сядя столповъ перильныхъ,
 При гусяхъ подъ вечеръ, челою моихъ сѣдинъ
 Склонясь вошусь въ мечтахъ умильныхъ.
 Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?
 Многолетящи суть всѣ времени мечтанья;
 Проходятъ годы, дни, ревъ морь и бурей шумъ,
 И всѣхъ зефировъ повѣванья.
 Ахъ! *грозь ницу я округ, минушій красный день?*
 Побѣды слава гдѣ, лучи Екатерины?
 Гдѣ Павлова дѣла? Сокрылось солнце, тѣнь!
 Кто вѣсть и впредь полетъ орлиный?
 Видъ лѣта краснаго намъ Александровъ вѣкъ!
 Овъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ двигать струны;
 Блаженствовалъ подъ Нимъ въ спокойствіи человекъ,
 Но мечеть днесъ и онъ перуны.
 Умокнутъ ли они? Сіе лишь знаетъ Тотъ,
 Который къ одному концу всѣ правитъ сферы:
 Овъ перстомъ ихъ своимъ, какъ строй какой, ведетъ
 Ко благу общему склоняя нѣры.
 Грудь Россовъ утвердилъ какъ стѣну онъ въ отпоръ
 Теширу новому подъ Пултускомъ. Прейсидь-лау
 Младыхъ вождей разцвѣлъ побѣдами тамъ взоръ,
 А скрылъ орла сѣдаго славу.
 Такъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ блескъ меркнетъ отъ ношей.

Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы и даже прахъ спахнеть моихъ костей
Сатурнъ крылами съ тѣвна мира.....

Замѣчательно, что въ этомъ уединеніи, среди веселья и легкой грусти, Державинъ особенно заботится о своей лирѣ и о своей славѣ, боясь забвенія; онъ какъ будто иногда былъ не доволенъ своими прежними произведеніями и хотѣлъ создать что-то новое, вѣковое. Бросаясь на трагедіи, онъ въ тоже время хотѣлъ идти и по слѣдамъ Анакреона. Такимъ образомъ и здѣсь онъ является въ странномъ противорѣчii съ самимъ собою: онъ живетъ одной жизнью, а въ стихахъ думаетъ представить себя совершенно иначе; онъ влюбляется, ласкается къ дѣвушкамъ, смотритъ на жизнь легко и беззаботно, мечтаетъ о пирушкѣ, но все это шуткой, на бумагѣ, а не въ самомъ дѣлѣ, и только для того, чтобъ приобрести себѣ новую славу. Онъ самъ высказываетъ это въ одномъ своемъ стихотвореніи:

Не колыхнеть Волховъ темный,
Не шелохнеть дѣсь и холмъ;
Мещетъ на поля чуть блѣдный
Свѣтъ луна и спитъ мой дошъ.
Какъ я мнилъ въ удивеньи,—
Въ хижинѣ быть славу нѣ?
Не живемъ, живя въ забвеньи
Что въ могилѣ то во снѣ.
Нѣтъ! талантъ не увядаетъ
Вѣчнаго забвенья въ тѣ;
Изъ подъ спуда онъ сілетъ:
Я блесну на вышинѣ.
Такъ! *пойду хотя въ забаву*
За пѣвцомъ Тинскимъ въ слѣдъ,
И снискать его чтобъ славу
Стану забавлять я свѣтъ;
Стану шуточно влюбляться,
На бумагѣ пить и ѣсть,
Къ милымъ дѣвушкамъ ласкаться,
И въ сѣдинахъ будто пѣсть.
Я пою — Пиндъ стала Званка;
Совосплещутъ Музы нѣ;

Возгрѣла балалайка
И я славець въ тишинѣ!

Въ другія минуты Державинъ вдохновлялся мыслью, что потомство почтитъ его памяти, и никогда не забудетъ его имени, тогда онъ настойчиво и самоувѣренно говорилъ себѣ:

«Буду я, буду бессмертенъ!»

Это желаніе жить вѣчно въ памяти людей, у Державина превратилось въ какую-то страсть, которая ни на минуту не оставляла его. Его иногда страшила мысль, что враги и завистники чернятъ его имя, и что можетъ — быть потомки повѣрятъ имъ, но тогда передъ нимъ являлась исторія въ образѣ Кліа, напоминала ему свое безпристрастіе и поэтъ примирялся съ собою. Прославивъ свое имя и не видя передъ собой ничего кромѣ могилы, онъ сталъ заботиться о своей біографіи, какъ о могильномъ намятникѣ, и даже возлагалъ этотъ трудъ на преосвященнаго Евгенія, епископа новгородскаго. Въ немъ онъ нашелъ себѣ друга; съ его же славой хотѣлъ сплести и свою, чтобъ и послѣ смерти жить вмѣстѣ въ памяти людей. Въ одномъ своемъ стихотвореніи онъ такимъ-образомъ обращается къ нему:

О мой Евгеній, коль Нарцисомъ
Тобой я чтусь — скалой мнѣ будь;
И какъ, покроюсь кипарисомъ,
О мнѣ твердишь не позабудь.
Пусть лирой я, а ты трубою
Играя, будемъ жить съ тобою
На Волховѣ, какъ чудный шумъ
Твоей гуловъ удивляетъ умъ.
Увы! лишь въ свѣтѣ воспоминаемъ
Бессмертенъ смертный человекъ
.
Такъ знатна честь за гробомъ ирачнымъ
Останется еще отъ насъ,
А паче свиткомъ безпристрастнымъ
О комъ воскликнетъ Кліивъ гласъ:
Тогда и Оввовъ разрушитель
Той самой Званки былъ бы чтитель,

Гдѣ Фебъ бесѣдовалъ со мною.
Потомство воззвучать — съ тобой.

или въ другомъ мѣстѣ:

Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ
Не вспомнется нигдѣ и имя Званки;
Но совъ, сычей изъ дупль огнезеленый взгляду,
И развѣ дымъ сверкнетъ съ земляки...
. . . Развѣ ты отецъ, святымъ своимъ желомъ
Ударивъ объ доски, заросши ихомъ, желѣзны,
И свитыхъ вокругъ моей могилы зѣвъ гнѣдомъ
Прогоняшь блѣдну зависть въ бездны,
Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней,
На возвышеніе, на пониженъе счастья,
Единой прахую меня въ умахъ людей
Черезъ Климъ воскресилъ соглася.
Такъ въ прахъ вѣчности она своей трубой
Удобна лишь явить то мѣсто, гдѣ отъзвонъ
Отъ лвы моя шумящею рѣкой
Неслись черезъ холмы, доли, нивы,
Ты слышалъ ихъ — и ты будя твоимъ перомъ
Потомковъ ото сна, близъ сѣвера столицы,
Шепнешь въ слухъ страннику, вдали какъ тихій громъ;
«Здѣсь Бога жилъ пѣвецъ, Фелицы.»

Замѣтимъ, что Державинъ особенно славился именемъ „пѣвца Фелицы“, и на этомъ названіи основывалъ свое бессмертіе. Еще въ 1794 году, въ стихотвореніи „Мой истуканъ“, онъ находитъ во всей своей жизни только одну заслугу — ту, что онъ пѣлъ Фелицу. Здѣсь поэтъ задумывается надъ своимъ бюстомъ, сдѣланнымъ художникомъ Рашетомъ, и спрашиваетъ себя, достоинъ ли онъ такого изображенія, которое нужно заслужить славными дѣлами въ жизни. Онъ припоминаетъ всю свою прошедшую жизнь, но такихъ дѣлъ не находитъ въ ней и въ отчаяніи онъ восклицаетъ:

Разбей же, мой второй создатель,
Разбей мой истуканъ, Рашеть!
Румянцева лица ваятель
Себѣ иной чести не найдетъ...

но вдругъ за этигь онъ останавливаетъ художника : его озабаетъ мысль, что онъ пѣвецъ Фелицы и вотъ новое торжественное восклицаніе :

Хвались моя, хвались тѣмъ лира !
Хвались и образъ мой скудельный
Въ храмъ славы вознеся съ собой.

Онъ рѣшается, наконецъ, позволить разбить свой бюстъ только тому,

Кто съ большими дарованіемъ
Могъ добродѣтель прославлять,
Пусть тотъ не медала и рѣшится
И мой кувиръ нѣтъ сокрушится.

Все это я припоминалъ, стоя на балконѣ Державина ; но не слыжалъ ни рожка, ни пѣсенъ, которыя своими тонкими, заунывными звуками погружали поэта въ различныя думы : теперь все было тихо и безмолвно. Отсюда я прошелъ по другимъ комнатамъ, и встрѣтилъ тамъ чрезвычайное опустѣніе ; въ однихъ окнахъ выбиты стекла, въ другихъ вырваны рамы : не знаю, буря или люди не пощадили жилища пѣвца Фелицы ! Съ грустнымъ чувствомъ вышелъ я отсюда, и направилъ свои шаги въ садъ. Здѣсь, разумѣется нѣтъ и слѣдовъ того сада, который описываетъ Державинъ : дорожки заросли травой, вѣтви деревьевъ опустились, такъ что можно ходить только, нагнувъ голову ; многіе кустарники посохли ; на куртйнахъ лежитъ гнилой листъ — все гармонируетъ съ запустѣлой внутренностью дома — все такъ дико, дико. Здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, насыпанъ небольшой холмъ ; подъ нимъ зарыта любимая собачка Державина. Она всегда была спутницей своего господина. Часто случалось, говорилъ мнѣ священникъ, что Державинъ, гуляя по саду, задумывался и, задѣвая головой о вѣтви деревъ, не слыжалъ, какъ съ него сваливалась шляпа — это заплата только его спутница — собака ! Она схватывала зубами потерянную шляпу, бросалась за своимъ господиномъ, и если онъ не обращалъ на нее вниманія, она оставляла свою пошу и грохочимъ лаемъ давала знать о своей находкѣ.

Вокруг холма посажены шесть липъ; теперь онѣ, чахлая и тощія, почти не даютъ ни какой тѣни, но прежде подъ ихъ сѣнью постоянно стояла скамейка и столъ, гдѣ Державинъ любилъ заниматься письмомъ и чтеніемъ. Иногда онъ гулялъ по саду, вооруженный большими ножницами и подстригалъ вѣтви деревъ, которыя задѣвали за его голову.

Изъ саду я опять спустился на берегъ. Вечеръ былъ не совсѣмъ свѣтлый, какъ іюньскій вечеръ, но онъ былъ тихъ, безмолвенъ и прекрасенъ надъ синимъ зеркальнымъ Волховомъ; спокойствіе это нарушалось только жужжаніемъ комаровъ, которые вьются здѣсь тучами. Такая тишина, такое безмолвіе теперь бываетъ здѣсь постоянно, но послушать разказовъ, что бывало здѣсь при Гаврилѣ Романовичѣ; какимъ шумомъ часто оглашался этотъ берегъ; какими картинами привлекалъ онъ взоры пловца. Впрочемъ и самъ Державинъ упоминаетъ объ этомъ, описывая званскую жизнь преосвященному Евгению:

Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по берегу пѣшь, верхомъ,
 Качусь на дрожжахъ я съ сосѣдей веревницей;
 То рыбу удами, то дичь громимъ свинцемъ
 То зайцевъ ловимъ псовъ ставницей:
 Иль стоя внемлемъ шумъ зеленыхъ, черныхъ волвъ,
 Какъ дернъ бугрится соха, злѣкъ травъ падеть косами,
 Серпами злато нивъ — и ароматовъ поля
 Порхаетъ вѣтръ межъ нивъ рядани;
 Иль утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подъ стѣнъ;
 На брегъ Волхова разводимъ огонь дымястый;
 Глядимъ, какъ на воду ложится красный день,
 И пьемъ подъ небомъ чай душистый.
 Забавно! въ тѣи челновъ съ стѣми какъ рыбаки
 Ливными строятъ плывъ, страшатъ тварь влаги стучомъ;
 Какъ парусы суда и дякой бурлаки
 Влекутъ одинъ подъ пѣсню духомъ.
 Прекрасно! тихіе отлогіе берега
 И рѣки холмики селеній мелкихъ поля,

 Стоять надъ токомъ струй безмолвыи.
 Приятна, какъ вдала сверкаетъ лучъ съ косы,
 И эхо за лѣсомъ подъ иглой гамитъ народа,
 Жнецовъ поющихъ, жницъ полкъ идетъ съ полосомъ,
 Когда мы ѣдемъ изъ похода.
 Изъ жерлъ чугуновыхъ громъ по праздникамъ реветъ;

Подъ звѣздной молніей, подъ свѣтлыми дровами
Толпа крестьянъ, ихъ жень, вино и пиво пьеть,
Постъ и пляшетъ подъ гудками.

Поговоривъ еще нѣсколько времени съ унынъ священникомъ, я простился съ нимъ и отправился въ обратный путь. Бросивъ поводъ, я далъ полную волю своему будущаду: онъ тотчасъ же воспользовался этой волей, и наклонивъ голову, побрелъ лѣнливымъ шагомъ, какъ будто чувствуя, что несетъ человѣка, который совершенно не былъ расположенъ понукать его. Я ѣхалъ, весь погруженный въ думы. Волховъ синѣлъ безмолвно. Званка оставила во мнѣ грустное воспоминаніе: въ моемъ умѣ безпрестанно повторялся стихъ:

«Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ».

Наконецъ, послѣ часовой ѣзды, я довѣхалъ до того мѣста, гдѣ нужно было переправляться на паромъ. Меня перевезли два рыбака, которые собирались на ночную ловлю. Одинъ изъ нихъ, сѣдой старикъ, съ любопытствомъ спрашивалъ меня, не родственникъ ли я покойнаго Гаврилы Романовича. Когда я ему отвѣтилъ „нѣтъ“, то онъ не могъ понять, что заставило меня ѣздить на пустую Званку. Почти со слезами на глазахъ вспоминалъ онъ о Державинѣ. — „Такого добраго человѣка, говорилъ онъ, не сыщешь и въ вѣкъ; и какой былъ благодѣтель для нашего брата, никого не обидѣлъ, всѣмъ дѣлалъ добро; за то добромъ всѣ и поминають его. Не знаю за что, а любилъ меня покойникъ; бывало наловишь рыбы, настрѣляешь дичи, принесешь къ нему на кухню, а онъ только узнаетъ, позоветъ къ себѣ, говорить-говорить, спрашиваетъ такъ ласково, что душѣ любо, а потомъ прикажетъ накорить и отпустить съ Богомъ. А какое изобиліе было у него въ домѣ — что посуды, что разныхъ запасовъ, что каретъ, что лошадей; а коровъ, гусей, куръ, утокъ и всякой живности ужъ и говорить нечего; не любилъ ни въ чемъ недостатка покойникъ, жилъ настоящимъ баринномъ, вѣдь былъ тайный совѣтникъ, а съ нашимъ братомъ обращался просто какъ отецъ. Бывало ни съ кѣмъ не поѣдетъ въ Новгородъ, какъ только со мной; или вздумаетъ такъ пока-

таться по рѣкѣ, — тотчасъ меня, распустимъ парусъ и цѣлый часъ катаемся. Иной разъ вѣтеръ; онъ обманомъ заведетъ на лодку жену, покойницу, велить отчалить: она боится, кричитъ отъ страха, а онъ смѣется себѣ, да подсмѣивается....“

Еще много чего говорилъ мнѣ словоохотный старикъ, и не могъ нахвалиться добрымъ Гавриломъ Романовичемъ. Онъ не зналъ Державина, какъ поэта, но зналъ какъ добрейшаго барина. На мой вопросъ, знаетъ ли онъ, чѣмъ славится Державинъ, онъ отвѣчалъ: „и онъ былъ тайный совѣтникъ, ѣздилъ во дворецъ, и покойная Государыня любила его“.

Слышалъ ли онъ, спросилъ я, что Державинъ писалъ стихи, по которымъ и теперь всѣ знаютъ и почитаютъ его? Но онъ, кажется, не понялъ моего вопроса.

— Читалъ ли ты *яльски*, которыя сложилъ Державинъ? спросилъ я его наконецъ.

— „Нѣтъ баринъ, я не увию читать!“ отвѣчалъ простодушно рыбакъ.

И такъ Державинъ живетъ на берегахъ Волхова только какъ добрый человекъ, какъ отецъ и благотворитель. Но придетъ ли то время, которымъ онъ такъ заманчиво льститъ себя, какъ напримѣръ въ этихъ стихахъ:

Необычайнымъ я парусецъ
Отъ тлѣнна міра отдѣлюсь,
Съ душой безсмертою и пѣвнемъ,
Какъ лебедь въ воздухъ поднимусь.....
Съ Курляскихъ острововъ до Буга,
Отъ Бѣлыхъ до Каспійскихъ водъ,
Народы, свѣта съ полукруга,
Составившіе Россовъ родъ,
Со временемъ о мнѣ узнаютъ,
Славяне, Гунны, Скифы, Чудь.
И всѣ, что бранью днесъ вылаютъ,
Покажутъ перстомъ и рекутъ,
Вотъ хоть десять, что *строю миру,*
Языка съ сердца говорилъ,
И проповѣдая миръ міру,
Себя всѣхъ счастьемъ веселилъ.

или:

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,

Гдѣ Волга, Донъ, Шона, съ Ринаса лять Уралъ;
 Всякъ будетъ помнить те въ народахъ несчастныхъ
 Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ навѣстенъ сталъ.
 Что первый я дезруль въ забавномъ русскомъ слогѣ,
 О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
 Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ.

Но теперь въ такомъ образѣ не знаютъ Державина даже тамъ, гдѣ онъ жилъ много лѣтъ, и гдѣ, какъ человекъ, оставилъ по себѣ добрую память. На другой день, рано утромъ, я вышелъ на площадь; здѣсь крестьяне также спрашивали меня, не родственникъ ли я покойнаго Гаврила Романовича. Что было отвѣчать имъ? сказать „нѣтъ“, значить возбудить въ нихъ любопытство, — за чѣмъ же я ѣздилъ въ домъ Державина; тогда нужно объяснять имъ чувство, которое влекло меня къ жилищу *поэта*. Но въ этомъ случаѣ, я боялся, что они не поймутъ меня и, признаюсь въ своемъ самозванствѣ, я назвалъ родственникомъ Державина. Здѣсь я имѣлъ случай снова услышать похвалы ему и все въ одноѣ и томъ же выраженіи: „добрый былъ человекъ покойный Гаврило Романовичъ“. Значить и названіе добраго человека можетъ долго жить въ народной памяти; значить и его имя отецъ съ любовью передать сыну! Утѣшительная мысль! и дай Богъ, чтобъ имена всѣхъ добрыхъ людей не забывались такъ же, какъ не забылось имя Державина: добра память въ народъ — самая лучшая награда для добраго сердца; предъ ней ничто всѣ великолѣпные памятники. — Спусти нѣсколько недѣль послѣ этого я проѣзжалъ черезъ Новгородъ. Здѣсь я вспомнилъ рассказъ званскаго священника, что въ девяти верстахъ отъ города, въ монастырѣ Варлаама Хутынскаго, живетъ девятидесятилѣтній священникъ, отецъ Никифоръ, который погребалъ Державина. Мнѣ хотѣлось повидать этого старца; и я остановился въ Новгородѣ на цѣлые сутки. На другой день утромъ я былъ въ кельи отца Никифора, но къ несчастью нашелъ его больнымъ; онъ былъ такъ слабъ, и отъ болѣзни, и отъ старости, что съ трудомъ могъ говорить. Къ тому же ему измѣнила и самая память, такъ что я очень не много узналъ отъ него о Державинѣ. Отецъ Никифоръ былъ

священникомъ какого-то села, недалеко отъ Званки; въ послѣдствіи его перевели въ самую Званку, когда, послѣ смерти Державина, супруга его построила тамъ церковь. Державинъ часто приглашалъ къ себѣ отца Никифора, просилъ его служить въ своемъ дому всенощныя, молебны; любилъ за просто бесѣдовать съ нимъ за чашкой чаю, какъ говорилъ мнѣ старецъ; иной разъ поэтъ бралъ свою толстую тетрадь, куда онъ обыкновенно вписывалъ свои стихи, и читалъ ему духовныя оды или переложеніе псалмовъ. Все прочее, о чемъ мнѣ говорилъ отецъ Никифоръ, я уже слышалъ въ самой Званкѣ. Я желалъ узнать отъ него что-нибудь о послѣднихъ минутахъ Державина, но онъ и самъ не зналъ о нихъ: его не было при постели умирающаго поэта. Онъ только помнилъ его погребеніе: гробъ Державина съ печальнымъ великолѣпиемъ везли на большой лодкѣ вверхъ по Волхову къ Хутынскому монастырю; его сопровождало множество духовенства и родственниковъ; много и такъ добрыхъ русскихъ людей провожало добраго человѣка, много лодокъ тянулось тогда по Волхову, и всѣ онѣ послѣ обѣдни и погребенія возвратились въ Званку для богатыхъ поминокъ; не было только хозяина. Вотъ все что помнилъ, что сообщилъ мнѣ отецъ Никифоръ.

Оставивъ его келью, черезъ минуту я стоялъ передъ могилой Державина. Поэтъ особенно любилъ Хутынскую обитель, которая привлекала его и своей живописной мѣстностью и жилищемъ друга его, Евгенія. Хутынскій монастырь стоитъ на горѣ, на самомъ берегу Волхова; этотъ-то холмистый берегъ особенно живописенъ: здѣсь природа блеститъ не роскошью, а какой-то милой простотой и разнообразіемъ; отъ каменныхъ стѣнъ монастыря тянутся улицами по разнымъ направленіямъ красивые сельскіе домики; за ними волнуется по холмамъ золотая рожь и зеленая трава. Державинъ любилъ сельскія картины; здѣсь онъ находилъ ихъ, находя вмѣстѣ съ тѣмъ и радушный приѣмъ и мирное отдохновеніе въ кельи своего друга. Здѣсь — то сидя на балконѣ, онъ могъ любоваться близкими и отдаленными видами, и душа его чувствовала сладкій покой, который составлялъ единственное же-

люю востѣдлага старца. „Здѣсь такъ хорошо, говорилъ онъ, что я хотѣлъ бы навсегда тутъ остаться“.

И точно, прахъ его покоится здѣсь уже тридцать четыре года. Въ храмѣ Святаго Варлаама съ лѣвой стороны вы увидите желѣзную рѣшетчатую дверь; черезъ нее входите въ другую, маленькую церковь Св. Архангела Гаврііла. Здѣсь, въ простѣнкѣ, между первыми двумя окнами, считая отъ алтаря, стоитъ большой гранитный четырехъ-угольный пьедесталъ, а на немъ урна, съ которой спускается пелена и до половины закрываетъ ее. На нижней половинѣ гранита представлена лира, украшенная цвѣтами; на лирѣ, въ сапогъ ея низу изображена гробница на высокомъ катафалкѣ; а подлѣ его ступенекъ, облокотившись на нихъ сидитъ съ повисшею головою Муза. Надъ урной виситъ образъ, передъ которымъ постоянно теплится лампада. Это могила Державина; о ней вамъ скажетъ мѣдная доска, находящаяся на верхней части гранита.

Поклонившись праху поэта, я не думалъ мечтать ни о суетѣ мірской ни о брэнной славѣ, не думалъ вдохновляться эгегическимъ чувствомъ, подобно многимъ, посѣщавшимъ вогды великихъ людей; я только думалъ, что весьма прилично было бы здѣсь вырѣзать тѣ-стихи, въ которыхъ Державинъ такъ вѣрно опредѣляетъ себя:

Не умѣлъ я прятворяться,
И философа брать видъ;
А любилъ чистосердечье,
Думалъ правиться лишь мнѣ:
Умъ и сердце человѣчье
Были гевіенъ моимъ.
Если я блисталъ восторгомъ
Съ струнъ монхъ огонь летѣлъ, —
Не собой блисталъ я — Богомъ:
Вѣ себя я Бога пѣлъ.
Если звуки посвящались
Лиры нося царямъ, —
Добродѣтели казались
Мнѣ они равны богамъ.
Если за побѣды громки
Я вѣнцы сплеталъ вождямъ —
Думалъ перелить въ потоки

Души нѣтъ я нѣтъ дѣтлять.
Если гдѣ великодушны властныиъ
Силъ я правду брякнуть въ слухъ,—
Мнилъ быть сердцемъ безпристрастныиъ
Имъ, Царю, отчизнѣ другъ.

Никто не оскорбитъ твоей памяти, стоя надъ твоимъ гробомъ, а всякій скажетъ подобно мнѣ: „миръ твоему праху!“

В. С.

ПЕТЕРГОФСКІЙ ФОНТАНЪ.

(Повесть.)

(Повелѣн. Е. Н. А—вои).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Наконецъ-то, милая сестра, я могу не безъ пользы поболтать съ тобою: прощаясь, я сказалъ тебѣ, что писать буду только въ случаѣ какихъ-нибудь событій, или интересныхъ или поучительныхъ, для вертушки твоихъ лѣтъ. Теперь я собираюсь жениться, слѣдовательно, событія начали завязываться. Надѣюсь, что ожиданіе женитьбы есть уже порядочное событіе, и потому у меня опять является охота дѣлиться съ тобою моими послѣдними впечатлѣніями.

Назадъ тому мѣсяцъ, какъ и теперь, я проживалъ въ Петергофѣ, возлѣ дачи брата. Жена его недовольна дачею; говорить, что публика слишкомъ церемонна, что здѣсь нѣтъ сельской природы и хорошаго воздуха для дѣтей; я не раздѣляю этихъ предубѣжденій. Давно уже мнѣ вездѣ хорошо и всякая публика мнѣ равно мила, даже болѣе мила нежели бы слѣдовало, — я не шутя становлюсь какимъ-то другомъ человечества — званіе не эффектное и вызывающее ни шутки. Нужно ли говорить тебѣ, что всѣхъ чаще шутила надо мною наша веселая, острая и вмѣстѣ съ тѣмъ разочарованная пріятельница, Надежда Львовна Тавская. Однажды вечеромъ, въ концѣ мая, мы даже имѣли съ нею

философскій и патетическій споръ, который будетъ переданъ тебѣ во всей подробности, такъ, какъ съ него начались всѣ мои приключенія.

Утро было холодное и дождливое; къ обѣду стало лучше, но все-еще было не хорошо на воздухѣ. Братъ угостилъ насъ превосходнымъ обѣдомъ, заставилъ дамъ пить венгерское, которое теперь въ большомъ ходу; подъ вліяніемъ отличнаго обѣда мужчины сдѣлались болтливы и горделивы вздоръ; дамы же призадумались, можетъ-быть съ досады, что отвѣдали предательскаго напитка. Больше всѣхъ болталъ вашъ почтенный супругъ и, нужно признаться, рѣчи его не отличались ни остроуміемъ, ни познаниемъ сердца человѣческаго. Танская кусала губки и насмѣшливо глядѣла то на него, то на меня.

Я слушалъ и былъ въ полномъ удовольствіи. Большая гостиная была такъ мила, подъ окномъ такъ жалобно вылъ вѣтеръ и такъ медленно ѣздили безпокойные, загрязненные экипажи, бесѣда состояла изъ людей чрезвычайно ко мнѣ близкихъ; мнѣ было такъ хорошо сидѣть, я молчалъ такъ добродушно, что вѣроятно мое лицо выражало собою идею совершеннаго и глупѣйшаго самоудовольствія. Думаю такъ; по-крайней-мѣрѣ Надежда Львовна съ особеннымъ коварствомъ тутъ же повела атаку на мое благополучіе.

«— Кажется, вамъ очень весело сидѣть у камина? спросила она.

«— То-есть не весело, а приятно. Вы знаете — веселье слишкомъ тревожное чувство, за нимъ не гоняются въ тридцать два года.

«— Вамъ, можетъ-быть и погода нравится?

«— Какъ-нельзя-болѣе. Этотъ слабый дождь и холодный вѣтеръ за чертой нашего пріюта, увеличиваютъ мое настоящее благосостояніе.

«— Я не понимаю, сказалъ домашній докторъ, чего хочется Мше Танской. Въ настоящую минуту мы пользуемся всѣми инжедіентами, на которыхъ фабрикуется человѣческое счастье, то-есть, хорошимъ пищевареніемъ, отличными сигарами впрочемъ это къ дамамъ не относится—внѣшнимъ убраннымъ уголкомъ дома, болтовнею и сознаниемъ того, что другіе менѣе насъ счастливы.

«— Совершенная правда, прибавилъ я:—сверхъ того мы знаемъ, что болѣе умныхъ мужчинъ и красивыхъ женщинъ намъ не сыскать верстъ за пять кругомъ.

«— Изъ всего этого слѣдуетъ:—замѣтила Танская, что вы находитесь въ самомъ нестерпимомъ градусѣ благосостоянія.

«—Если такъ, то я давно долженъ казаться вамъ нестерпимымъ человѣкомъ—моя насмѣшливая, холодная, многоиспытавшая противница.

«— Почти такъ, отвѣчала она:—въ дѣлѣ счастья, часто небольшая частица бываетъ лучше цѣлаго. Вспомните, что Голландцы, владѣя островами на какомъ-то океанѣ, нарочно встребляли на нихъ половину драгоценныхъ деревьевъ, чтобъ остальные росли лучше.

«— Вы забыли—замѣтилъ медикъ—что въ душѣ, растутъ не деревья, и что спокойствіе духа нельзя дробить на части.

«— Такія мелочи легко забываются въ спорѣ, особенно въ спорѣ съ много-испытанными дамами, замѣтилъ я шутя.

«— Это еще не бѣда, сказала Танская:—только прошу не смѣяться надъ моимъ характеромъ. Вы способны поддаться и погрузиться въ счастье,—не находите же дурнымъ, что я, въ кругу самыхъ близкихъ людей, иногда холодна и недовольна.

«— Все это слова.

«— А ваша рѣчь даже не слова, а такъ, болтовня соннаго человѣка.

«— Благодарю за сравненіе.

«— Вы же его вызвали.

«— Въ чемъ же дѣло? спросилъ братъ, съ явнымъ наиреніемъ подзадорить насъ обоихъ.

Танская, несмотря на дѣйствительное самообладаніе, довольно горяча на споръ. «Выслушайте и судите, сказала она, обращаясь къ дамамъ и хозяину:—я подсмѣялась надъ вѣчно ровнымъ, вѣчно благополучнымъ настроеніемъ духа Павла Александровича. Еслибъ онъ, какъ говоритъ безпрестанно, былъ дѣйствительно счастливымъ, спокойнымъ человѣкомъ, то не бѣсилъ бы другихъ своимъ счастьемъ, не говорилъ бы мнѣ того, что было имъ сей часъ сказано. Нѣтъ, продолжала она, отбиваясь болѣе и болѣе отъ предмета и переходя къ прямому анализу моего характера—онъ накидываетъ на себя философскую, эпикурейскую маску, точно такъ же, какъ наши отцы надѣвали на себя чайльдъ-гарольдовское одѣяніе

«— Да, да! сказалъ братъ:—онъ извѣстный актеръ и притворщикъ, у него на лицо надѣта маска подъ маскою.

«— Будьте откровеннымъ человѣкомъ продолжала милая спорщица, обращаясь ко мнѣ:—сознайтесь, что жизнь не прошла для васъ безъ испытаній и горькихъ опытовъ, разрушьте фальшивое счастье, которымъ вы себя обманываете.

«— Охотно, сказалъ я, улыбаясь:—только и вы сбросьте съ себя роль разочарованной, усталой женщины, роль, съ помощью которой вы себя обманываете...

Танская начала сердиться. Я понялъ, что на ея распросы нужно отвѣчать не шутками, а откровенностью. Я хотѣлъ быть умнымъ въ глазахъ этой привлекательной женщины.

«— Бросимъ эту игру въ мячикъ, началъ я снова, — и прежде всего сосредоточимъ смыслъ нашего спора. Сегодня, въ дурную погоду, послѣ дня, проведеннаго весьма однообразнымъ образомъ, вы, Надежда Львовна, изволили бросить взглядъ на меня и замѣтить, что я кажусь какъ-то особенно счастливымъ. Вы знаете, что у меня нѣтъ скрытыхъ причинъ къ радости и разсудили совершенно основательно, что я повергнутъ въ пучину благополучія хорошимъ обѣдомъ, свѣтскою болтовнею и мягкой кушеткою. Это счастье изъ малыхъ причинъ, способность моя къ микрокопическимъ радостямъ васъ неприятно поразила и вы желаете знать, не притворяюсь ли я, а если не притворяюсь, то какимъ путемъ приобрѣлъ я себѣ право и умѣнье быть спокойнымъ и счастливымъ, не имѣя подъ рукою, повидимому, ни одного средства къ счастью и блаженному спокойствію духа. Мало того, вы даже задали себѣ такой вопросъ: не испыталъ ли этотъ человѣкъ чего-нибудь особеннаго въ жизни, не далѣе ли *моего* зашелъ онъ на пути разочарованія, хотя его разочарованіе разрѣшается не насмѣшкою, не холодною, а тихою и довольно сладкою инерціею. На все это я готовъ отвѣчать вамъ.

Особенности въ моемъ характерѣ произошли, какъ происходятъ онѣ всегда и вездѣ—отъ испытанныхъ горестей. Говоря это, я не думаю увѣрить васъ, что на мою долю выпало какое-нибудь особенно огромное количество страданій. По всей вѣроятности, всѣ вы несравненно болѣе много имѣете право гордиться своею опытностью; всѣ вы испытали болѣе горя, нежели я его перенесъ; но вопросъ еще не въ томъ—нужно знать, *когда* каждый изъ насъ по-

накочился съ дурною стороною жизни. Я, одинъ изъ всѣхъ васъ, узналъ ее въ возрастѣ почти дѣтскомъ, въ возрастѣ слабости и поэтическомъ, въ возрастѣ самимъ Богомъ опредѣленномъ на радости. На школьной скамьѣ, при моемъ первенствѣ появленія въ свѣтъ, я былъ боленъ...—на мое счастье и мои способности наступали ногами враждебные мнѣ люди и я, только-что начавъ жизнь, забралъ впередъ все зло, данное на долю моей жизни. Оттого я теперь счастливъ и бокоздъ, здоровъ и довѣрчивъ; оттого я знаю цѣну величайшимъ и микроскопическимъ радостямъ жизни.

Чтобъ вы не сочли словъ моихъ пустымъ парадоксомъ, я позволю себѣ еще одно объясненіе. Для людей, рано отъчужденныхъ бѣдами и кое-какъ вынесшихъ ихъ враждебный напоръ, является своего рода вознагражденіе. Они переживаютъ новый возрастъ, который можно назвать молодостью; они умѣютъ хвататься за самое незначительное изъ жизненныхъ наслажденій и извлекать изъ него весь сокъ. Этотъ возрастъ похожъ на осенніе цвѣты, которые такъ ярки, сочны и такъ бодро противостоятъ непогодѣ. Если это сравненіе вамъ не нравится, то я сравню людей, завоевавшихъ себѣ вторую молодость, съ арміею, выдержавшею напоръ опаснаго непріятеля: она, быть-можетъ, и разстроена, но нравственные ея силы увеличились втрое. Я причисляю себя къ людямъ второй молодости, и вотъ почему я веселъ, спокойнѣе и моложе всѣхъ васъ, даже моложе Надежды Львовны, которая такъ молода и хороша, несмотря на свое глубокое отвращеніе къ жизни и людямъ.

«— Что вы скажете противъ этой импровизаціи, Мше Tansky? спросилъ братъ.

«— Я воображаю себя въ третьемъ актѣ донъ-Жуана, помните, когда Рубини со своими добродушно-наивными жестами, безъ словъ бродить по сценѣ и выводить всѣхъ зрителей изъ терпѣнія ничтожностью своей роли. Наконецъ, совершенно неожиданно, этотъ уморительный донъ-Оттавио подходитъ къ рампѣ, поетъ свою чудную арію: *il mio te-лого*, и вся публика не можетъ удивиться, не можетъ нахвалиться тѣмъ же персонажемъ.

«— Браво, дѣло идетъ на комплименты! замѣтила хозяйка.

«—... Что не мѣшаетъ, продолжала Танская съ ея необычайной ловкостью перескакивать отъ предмета къ предмету и отъ сравненія къ сравненію,—что все-таки не мѣшаетъ

роли донъ-Оттавіо быть самою безцвѣтною ролюю въ донъ-Жуанъ.

«— Вотъ это царापинка! замѣтилъ братъ. Не мѣшаетъ однако же намъ пройти по саду; послѣ вашихъ психологическихъ споровъ закружится въ головѣ какъ отъ поддѣльнаго элю. Чтобъ наши философы не мѣшали намъ говорить дорогою о дѣлахъ житейскихъ, пусть они идутъ рядомъ позади или впереди всѣхъ... а *volonté*.

«— Куда же идти? спросилъ я, подавая руку Надеждѣ Львовнѣ.

«— Въ саду сегодня музыка.

И мы пошли на музыку. Пока мы были заняты споромъ и куреніемъ сигаръ, дождикъ пересталъ, солнце выглянуло и небо совершенно разъяснилось. Сборы наши тянулись довольно долго и когда мы явились въ толпѣ гуляющихъ, вечеръ оказался очаровательнымъ; отъ мокрыхъ, еще свѣтлозеленыхъ листковъ вѣяло обворожительною свѣжестью, музыка играла самыя модныя вещи, то-есть Гугенотовъ, Гугенотовъ и опять Гугенотовъ, а вода въ длинныхъ бассейнахъ верхняго саду плескалась съ чудною лѣнностью, наводящею на задумчивость.

Скоро мы съ твоей подругой растеряли всѣхъ нашихъ и едва сами не потеряли другъ друга: около музыки Надежда Львовна направила шаги вправо, а я влѣво, и такъ-какъ мы ходили подъ руку, то руки наши пришли въ столкновение и мы опомнились.

«— Вамъ куда хочется? спросилъ я.

«— Гдѣ меньше народу—къ большимъ фонтанамъ.

«— А мнѣ по обыкновенію хочется толпы, которой вы такъ не любите и безъ которой умерли бы со снуки.

«— Такъ разойдемтесь.

«— Незачѣмъ, отвѣчалъ я: въ нижнемъ саду тоже не скучно, мы сядемъ на травѣ и будемъ вслушиваться въ музыку. На этомъ разстояніи Гугеноты покажутся намъ Соннамбулою, которую мы такъ часто слушали вмѣстѣ.

«— И Эрнани, при шумѣ воды, будетъ казаться Лучією. Дѣйствительно, изъ всѣхъ оперъ самая пріятная та, которую я слышалъ въ молодости.

«— Кстати, и здѣсь есть толпа.

«— Это мнѣ не нравится; вы, несмотря на свою филантропію, замѣтно хандрите въ кучѣ народу.

«— Вамъ такъ кажется; моя задумчивость въ толпѣ происходитъ отъ наблюдательности, перешедшей въ страсть и усиливающейся съ лѣтами. Меня интересуеѣтъ всякое новое лицо, всякій разговоръ лицъ извѣстныхъ и незнакомыхъ; моя жизнь раздробилась на милліоны мелкихъ событій, потому-что всякое наблюденіе признаю я за событіе. Наблюдайте и вы.

«— Для чего я буду наблюдать и кого? Всѣ эти люди мнѣ знакомы, каждый изъ нихъ собирается подойти ко мнѣ и цапнать на меня уныніе.

«— Переставьте, сказалъ я:— такъ не унываютъ. Я тысячу разъ слышалъ вашъ разговоръ, вашъ блестящій, не-содранный разговоръ въ толпѣ этихъ скучныхъ лицъ. Вы преобладаете надъ ними и дорожите своею властью. Васъ боятся, оттого-что вы хотите казаться влѣ, чѣмъ создала васъ природа, и оттого-то, что васъ боятся, вашъ аскетическій взглядъ цѣнится такъ, какъ никогда не будетъ цѣниться взглядъ другой женщины. Ваши нервы легко раздражаются, и вы смѣло можете, въ минуту раздраженія, отпустить десять сарказмовъ любому старику, любому горласту... онъ будетъ страдать и не поморщится, боясь васъ какъ огня. Продолжайте быть злою, Надежда Львовна, вашъ расчетъ вѣренъ и прекрасенъ для свѣта.

«— Расчетъ? сказала она, быстро повернувъ ко мнѣ свое оживленное личико.

«— Ахъ! сказалъ я плачевнымъ голосомъ,— еслибъ въ семидесять лѣтъ вы были холодною, огорченною, апатическою, разочарованною женщиной!

«— Это зачѣмъ? сказала она разсмѣявшись.

«— Я бы влюбился въ васъ безъ памяти и былъ бы счастливъ, хотябъ вы меня осмѣивали въ день разъ по пятидесяти. Любовь къ охлажденной женщинѣ! это конецъ моей старости, любимый мой идеалъ, моя мечта въ сумерки, при шумѣ фонтановъ! Между такой любовью и страстью къ юной, неопытной женщинѣ, такая же разница какъ между вырѣзываніемъ статуи изъ мрамора и лѣшкою дѣтковъ изъ воску. Подумайте только о томъ— отдаться женщинѣ, не вѣрящей страсти и ненавидящей общество, стараться пробудить въ ней вѣжвыя побужденія первой молодости, примирить ее съ жизнью и поэзіей, научиться сабому поучая, слѣдить за каждою вспышкой вновь пробуждающагося чувства, бороться съ воспоминаніемъ зла и го-

ря, защищать грудью милое существо, быть посредникомъ между нимъ и новою жизнью, тысячу разъ отчаяться и радоваться своимъ успѣхамъ... да это мнѣ Пигмалиона, это высочайшая поэзія вѣношенной души! Будьте разочарованы, Надежда Львовна, хотя бы за то, что вашъ супругъ вѣчно обьигрываетъ меня въ карты.

Танская не дослушала моей рѣчи, она весело засмѣялась и отошла отъ меня къ группѣ дамъ и кавалеровъ. Черезъ минуту вся кучка была оживлена ея появленіемъ, шумѣла, смѣялась и совалась туда-и-сюда. Я, впрочемъ, былъ радъ уходу моей пріятельницы: во все время моего монолога я чувствовалъ, самъ не зная почему, что кто-то позади меня слушаетъ мою рѣчь и внимательно на меня смотритъ. Къ тому же я начиналъ совѣститься своей болтливости, будто какой-то инстинктъ говорилъ мнѣ, что такая болтливость находить на людей при особенно важныхъ событіяхъ.

Оставшись одинъ, я принялъ болѣе спокойное положеніе на травѣ и повернулся назадъ, а повернувшись, не привелъ головы въ нормальное состояніе до-тѣхъ-поръ, пока не опомнился. Шагахъ въ четырехъ сзади меня, прислонясь къ высокому дереву, сидѣла дѣвушка, лѣтъ двадцатитрехъ и красоты замѣчательной, блѣлая, съ темными, почти-черными глазами и въ простомъ сѣренькомъ платьѣ. Она была окружена цѣлою вереницею дѣтей, тиснувшихся къ ней на колѣни, будто подъ вліяніемъ какой-то магической силы. Дѣти—большіе идеалисты, и ихъ привязанности даются не совсѣмъ легко: умный ребенокъ холодно пройдетъ мимо великолѣпнаго мундира и дамы въ брилліантахъ, а между-тѣмъ потянется къ каждой ленточкѣ на платьѣ отличенной имъ особы.

Дѣти, окружавшіе незнакомку, были въ самыхъ разнообразныхъ нарядахъ, отъ бархатной курточкы до ситцевой блузы, отъ польки, расшитой по всемъ швамъ, до холстинковаго платья. Они ласкались къ своей пріятельницѣ и въ то же время глядѣли на дорожку, по которой, переваливаясь, брела микроскопическая дѣвочка лѣтъ трехъ, въ шляпкѣ съ перьями и съ зонтикомъ. Съ великимъ трудомъ добравшись до цѣли путешествія, малютка въ свою очередь пошла цѣловаться съ дѣвучкой.

«— Ты какъ меня отыскала, Поля? спросила она съ виднымъ удовольствіемъ. Чтѣ у тебя въ рукѣ?»

Дѣвочка предложила незнакомкѣ связку нащипанныхъ съ деревьевъ желтыхъ и бѣлыхъ цвѣточковъ. Незнакомка вамъ подарокъ, сложила цвѣты въ крошечный букетъ великою съ пуговицу, перевязала его стебелькомъ травы и подала дѣвочкѣ. Восторгъ дѣтей при видѣ забавнаго букета дошелъ до немовѣрной степени; не прошло секунды, какъ двое мальчиковъ постарше, позабывъ всякое уваженіе къ женскому полу, отняли букетъ у дѣвочки, которая заплакала.

Такъ-какъ этотъ грабежъ произошелъ возлѣ меня, то и остановилъ буйныхъ мальчишекъ и возвратилъ малюткѣ похищенную вещь. Дѣвица поблагодарила меня легкимъ наклоненіемъ головы и прогнала хещниковъ, которые улазились, повѣся головы. Въ это время къ ней подошли двѣ парадныя дамы и старичокъ съ сѣдымъ хохолкомъ на головѣ.—«Вѣчно съ дѣтьми, Марья Александровна», сказала одна изъ дамъ. И какъ онѣ васъ ловко отыскиваютъ по всему саду! Эта крошка четверть часа ползла по длинной аллѣ и теперь ее вездѣ ищутъ. И какъ вамъ не надоѣли дѣти?

«— Это мое старое ремесло, отвѣчала дѣвушка, снова принявъ на скамейкѣ свое покойное положеніе.

«— Охота вамъ вспоминать это грустное время.

«— Чтѣжъ дѣлать, чтѣжъ дѣлать? грустно замѣтила Марья Александровна: — ничего не позабываю.

Старичокъ съ особеннымъ удовольствіемъ отпустилъ довольно ловкую шуточку, такого содержанія, что природа должна была дать ей эту способность, хотя бы въ отплату за то, что M-lle Маріи нельзя позабыть, разъ увидиши.

Мери тихо и кротко усмѣхнулась, нагнувъ головку и закутивъ губку; ослѣпительная эмаль ея зубовъ обворожительно блеснула на розовомъ фонѣ нижней губы; такой нѣмой и оригинальной улыбки мнѣ давно не случалось видѣть.

«— Пройдемся съ нами, mon ange, сказала старшая дама.

«— Я совсѣмъ слаба сегодня.

«— Ты всегда такая, не лѣжитесь же, Маріи.

Дѣйствительно, въ той манерѣ, съ которою Марья Александровна сидѣла на скамейкѣ, вогнувъ грудь и опустя голову, въ ея взглядѣ, въ самомъ ея голосѣ замѣчалось ка-

кое-то особенное утомление, едва-ли происходящее отъ физическо́й причины.

«— Миѣ и дѣлѣ хорошо, замѣтилъ старичокъ, съ любовью, дозволенною въ его лѣта, садясь на травѣ, у ногъ молодой дѣвушки.

Дамы размѣстились какъ могли, на скамѣйкѣ; дѣти, испугавшись многочисленной компаніи, разбрелись въ разныя стороны.

«— Какъ довольны вы своей дачей? спросила младшая дама:— въ вашей сторонѣ что-то очень пусто?

«— Дача хороша, только слишкомъ запущена, отвѣчала Марья Александровна: чтобъ убрать ее только, я положила весь мой годовой доходъ.

«.— Ай! ну, а здоровье поправляется?

«— Поправляется.

«— М-ше Мари все дѣлаетъ на изворотъ, замѣтилъ старикъ, растроиваетъ здоровье за границею, а лечится въ Петербургѣ.

«— Вы забываете, перебила младшая дама,— что послѣ ужасовъ, на которые Мари такъ насмотрѣлась, всякіе нервы разстроются.

«— Зачѣмъ же вы не уѣхали тотчасъ?

«— Странный вопросъ!— отвѣчала старику Марья Александровна:— я вѣхала въ Парижъ утромъ 23 Іюня, а когда проснулась отъ пальбы, нашу уличку брали какъ крѣпость и никого не пускали изъ дома; да, я думаю, прибавила она слегка улыбувшись:— никто бы и самъ не пошелъ.

Тогда еще іюнскія происшествія были у всѣхъ въ памяти; я невольно вздрогнулъ при напомниманіи этой катастрофы, составляющей кровавое пятно нашего вѣка.

Марья Александровна, побуждаемая разспросами любознательныхъ пріятелей, сообщила имъ нѣсколько подробностей о происшествіяхъ этихъ страшныхъ дней. Какъ ни былъ интересенъ ея рассказъ, несмотря на то, что она видимо лѣнилась говорить и тяготилась тяжелымъ предметомъ разговора, я болѣе всего увлекся ея манерою изложенія, потомъ нѣкоторыми свѣдѣніями о ея собственной жизни. Изъ словъ ея легко было понять, что вслѣдствіе какого-то горестнаго событія она очутилась въ чужомъ и возмущенномъ краѣ, безъ денегъ и защитниковъ, что посреди тревоги она легко затерялась бы въ огромномъ городѣ, еслибъ одинъ изъ генераловъ, командовавшихъ гарнизо-

номъ Парижа, не предложилъ ей убѣжища въ домѣ своей матери и не сдѣлалъ необходимыхъ сношеній съ нѣкоторыми изъ ея соотечественниковъ. Марья Александровна говорила по-французски съ совершенно парижскимъ акцентомъ, выраженія ея были до крайности сжаты, просты и оригинальны. Когда утомленіе, понятное всякому человѣку, непривыкшему къ длиннымъ разглагольствованіямъ, вынудило ее остановиться, не докончивъ разказа, я проснулся, будто отъ какого-то сна, полнаго грезъ и картинъ; я уже дошелъ до того, что готовъ былъ дать подписку въ томъ, что могу слышать ея голосъ до скопчанія вѣна. При ея словахъ съ рѣдкою ясностью видѣлись мнѣ разныя сцены изъ жизни загадочной дѣвушки; я видѣлъ эту стройную, слабую женщину посреди сценъ крови и разрушенія; видѣлъ толпу, обезумѣвшую отъ боя и шума; видѣлъ даже ея защитника, человѣка съ строгой и грустной фizioноміей, знакомаго мнѣ по портретамъ и газетнымъ статьямъ. Когда я очнулся, обѣ дамы и старичокъ шли опять къ музыкѣ, а дѣвица все сидѣла на старомъ мѣстѣ, глубоко задумавшись и жадно глядя на окрестность. Она будто предалась всѣмъ сердцемъ мечтамъ о спокойствіи, потому-что въ ея задумчивости не было ничего тревожнаго или унылаго.

Сцена кругомъ насъ была восхитительно-хороша. Последніе лучи солнца еще играли на вершинахъ деревьевъ и на самыхъ высокихъ фонтанахъ, посреди общей тишины природы, вода, забѣгая кверху изъ подъ каждаго дерева, нисвергаясь сверху золотой террасы, вскипая въ бассейнахъ, окружая насъ, составляя цѣлыя аллеи причудливыхъ и фантастическихъ фонтановъ, удвоивала свой шумъ, сквозь который изрѣдка пробивались звуки отдаленной музыки, будто аккомпанировавшіе голосу воды, подводя въ одно стройное цѣлое ея разнообразный, поэтический говоръ. Вѣковыя деревья, величественные свидѣтели столькихъ правдивыхъ, бурь и нѣжныхъ сценъ, отнимали излишнюю грандіозность вида и смягчали ослѣпительную роскошь картины. Мнѣ не сидѣлось на мѣстѣ, я всталъ и побрелъ отыскивать Танскуюю; несмотря на все восторженное настроеніе духа, я зналъ что дѣлаю, и нашелъ ее безъ труда посреди многочисленной компаніи въ верхнемъ саду.

«Идемте внизъ, сказалъ я подавая ей руку:— не стыдно ли вамъ говорить о вздорахъ въ такой вечеръ.»

— Вечеръ очень сырой, замѣтила она, уступивъ моеи просьбѣ:—а внизу еще сырѣе. Я бы хотѣла знать, какой расчетъ въ вашей теперешней восторженности?

«— Никакого расчета. Я хочу показать вамъ необыкновенный пейзажъ и необыкновенную женщину.

«— То-есть, другими словами, хотите съ ней познакомиться, потому-что я всѣхъ знаю.

«— Если вы ее знаете, я поклонюсь вамъ въ ножки.

«— Показывайте же.

Марья Александровна все сидѣла въ прежнемъ положеніи, разсѣянно вслушиваясь въ музыку и шумъ воды. «Мери, другъ мой Мери! закричала Надежда Львовна», бросившись къ дѣвушкѣ съ изъясненіемъ живѣйшей радости.

Моя незнакомка встала и съ какою-то тревожною недо-вѣрчивостью взглянула въ лицо Танской. Черезъ двѣ секунды, она радостно саѣлала нѣсколько шаговъ впередъ. Обѣ подруги, *la brune et la blonde*, поцаловались какъ-будто имъ было по пятнадцати лѣтъ, а я, сбоку, глядѣлъ на картину ихъ свиданія, не лишнюю граціи.

Потомъ я хотѣлъ уйти съ достоюжною скромностью, но Танская кликнула меня и тутъ же представила своей дорогой подругѣ, назвавъ ее Марьей Александровной Коростенской.

Еслибъ я былъ пятью годами моложе, а бы вскрикнулъ или по-крайней-мѣрѣ слегка ахнулъ при этомъ имени. Семь лѣтъ тому назадъ, исторія Мери Коростенской шопотомъ рассказывалась по уголкамъ нашихъ гостиныхъ, а сама Мери, въ шестнадцать лѣтъ отъ-роду, имѣла неизъяснимое удовольствіе видѣть, какъ всѣ молодыя женщины съ ужасомъ отказывались отъ ея знакомства, вслѣдствіе мрачной семейной катастрофы, которой я не расскажу здѣсь, щадя твоей юный возрастъ. Слѣдуетъ прибавить къ этому, что только въ прошломъ году, всѣ дѣйствующія лица тяжелой исторіи своими признаніями публично и торжественно оправдали бѣдную дѣвушку.

Теперь оканчивая мой рассказъ, развязка котораго тебѣ совершенно извѣстна, спѣшу обнаружить передъ тобою его нравственную сторону. Мораль его такова: нужно, какъ-можно-менѣе, думать о себѣ и о своихъ потребностяхъ, затѣмъ чтобъ жить спокойно. Не затѣй я въ маѣ мѣсяцѣ спора съ Танской, не ударься я въ психологическія тонкости, не понышлай въ этотъ вечеръ объ охлажденныхъ женщинахъ,

не сиди я одинъ на травѣ передъ фонтанами, вслѣдствіе поэтическаго моего настроенія — Мери не была бы моею невѣстою, а я имѣлъ бы перспективу быть вѣчно спокойнымъ и безстрастнымъ холостякомъ. Я бы встрѣчалъ Мери на минуту въ саду, находилъ бы ее хорошенькою, болталъ бы съ ней у Танской и находилъ бы ее умною. Мы бы пошолкали языкомъ — какъ называется твой мужъ — полупутливые, полунѣжные разговоры, и покойно разошлись бы въ разные стороны. А теперь я чувствую, что борьба за спокойствіе и счастье только-что начинается. *Alea jacta est*, говорилъ Юлій Кесарь, собираясь на войну противъ своего роднаго города; фраза эта въ русскомъ переводѣ значитъ: жребій брошенъ, и я произношу ее съ полнымъ сознаниемъ трудности своего положенія.

Ты спрашиваешь, когда назначена свадьба. Въ это, другъ мой, я тебѣ сказать не умѣю: Мери четыре раза откладывала срокъ и всякій разъ капризничала при этомъ.

Письмо второе.

Опять о ней, опять о моей невѣстѣ! Я всюду пишу съ моею привязанностью, чувствуя, что это послѣдняя привязанность — люблю ее какъ мать любитъ своего послѣдняго, самаго хвораго и причудливаго ребенка. Я пережилъ всѣ годы привязанностей, а ты, находясь на двадцать-первомъ году жизни, еще не знаешь, какъ къ ней много на свѣтѣ и какъ онѣ разнообразны, начиная отъ самой юной, легкой страсти, начинающейся съ перваго взгляда и заставляющей вѣрить въ душевную симпатію, до любви старика, готоваго жертвовать привычкѣ своимъ эгоизмомъ и чувствомъ внутренняго достоинства. Я быстро шелъ къ стариковской любви и самъ это чувствовалъ; я силился прикрыть эпикурейскою философіею бѣдность моего сердца, но, къ счастью, сама судьба моя выручила. Я встрѣтилъ женщину, которая поразила меня оригинальностью своего характера, душою, въ которой сливались непонятнымъ образомъ зло и добро, апатія и дѣятельность, вспыльчивость и сдержаніе, капризы и умъ. Красота Мери есть дѣло случайное и неимѣющее особеннаго вліянія на мою участь; правда, она увеличиваетъ оригинальность любимой особы, увеличиваетъ ея цвѣтушій организмъ въ контрастѣ съ пожелтѣвшимъ сердцемъ, но все-таки, повторяю, я бы по-

любилъ Мери и безъ ея темныхъ глазъ, стройности и блѣ-
локурыхъ локоновъ. Если любовь имѣетъ въ себѣ каприз-
ное начало, красота, даже молодость, становятся вещами
второстепенными.

Я не обманывалъ себя ни одной минуты, я знаю, что
моя страсть не есть погоня за блаженствомъ, я смотрю на
нее какъ на путешествіе, обильное трудами и опасностью,
но что же дѣлать, есть люди, которые ведутъ свой днев-
никъ подъ палящимъ солнцемъ, посреди раскаленныхъ сте-
пей Африки. Такъ дѣлаю и я: рѣдкій день, рѣдкій часъ
проходитъ для меня безъ страданій, но отнимите у меня
эти страданія, и мнѣ нечего будетъ дѣлать на свѣтѣ. Вотъ
почему я такъ люблю эту женщину, снова заставившую
биться и страдать мое сердце, вотъ почему я люблю самыя
ея худыя стороны, смѣло иду навстрѣчу испытаніямъ, ко-
торыхъ никто кромѣ меня не въ состояніи выдержать.

Ты не ошиблась, замѣтивъ, что характеръ Марьи Алек-
сандровны немного приближается къ характеру тѣхъ женъ,
отъ которыхъ приходять въ трепеть любители тихаго се-
мейнаго счастья и которыхъ называютъ дурными женами.
Выдайте ее насильно замужъ за добрѣйшаго, но дѣлваго
и прозаическаго человѣка, вы получите Ксангипу, передъ
которой померкнетъ слава жены Сократовой. Бросьте ее
посреди бѣдности и грязной жизни, съ пятью малолѣтними
крикливыми дѣтьми, можетъ-быть вы увидите юную ге-
роиню, героиню практическую, а можетъ быть она умретъ,
не шедевельнувшись, и не говоря ни слова, умретъ отъ нече-
го дѣлать, отъ слабости и нужды. Поселите въ ней взаим-
ность къ какому-нибудь восторженному юношѣ, она со
второго дня приведетъ его въ отчаяніе своею холодною
и презрительными капризами. Такова она, когда я строю
для нея воображаемыя положенія, но въ дѣйствительности
она еще страннѣе, еще неудобнѣе для изслѣдованій.

Въ свѣтѣ съ нею обращаются очень нѣжно, но никто
ее не любитъ. Во-первыхъ, она ни съ кѣмъ не сближает-
ся и не дѣлаетъ шагу на встрѣчу общему мнѣнію, которое
было къ ней такъ ласково при ея возвращенія изъ-за гра-
ницы. Во-вторыхъ, она бѣдна, но такъ же горда, даже
болѣе горда нежели первые богачи. Гордость небогатаго чело-
вѣка, особенно женщины, весьма бѣснѣтъ, потому-что одно изъ
наслажденій богатства состоитъ въ томъ, чтобы заставлятъ
другихъ бѣснѣться, да еще скрывать свою зависть. А Мери

кому не завидуетъ: пока у ней есть превосходная верховая лошадь, дача съ большими комнатами, солнце и земля, ей никого не нужно; она не глядитъ даже слѣдующаго дня, и оттого вѣчно независимая холодность ея къ стѣнѣ извѣстна, но гораздо грустнѣе та ея холодность, которая царствуетъ у ней въ домѣ, dans son fort intérieur.

У Мери и у ея дряхлой тетки вся прислуга женская, всѣ дѣвушки красивы, расторопны, умны, но не бойки; въ каждомъ ихъ движеніи свѣтится нѣкоторая робость сознанаго того, что для ихъ молодой госпожи онѣ не составляютъ ничего важнаго. Тонъ Мери вѣжливъ, но лишень малѣйшаго отбѣнка ласковости. Мери не имѣетъ ни малѣйшей привязанности къ тѣмъ подробностямъ домашняго быта, которыя созданы для женщинъ и для которыхъ женщины созданы; она, будто древній философъ, можетъ сказать omnia mecum porto (все ношу съ собою). У ней нѣтъ любимаго платья, любимой комнаты, любимой вещи, любимаго портрета, любимаго цвѣтка. Спрыгнуть съ утомленной лошади, она бросаетъ поводья коню попало и даже не поглядитъ доброе животное, достойное лучшей участи. Я видѣлъ молодыхъ дамъ, которыя прѣзжали изъ города повидаться съ Мери на нѣскольکو часовъ, въ вѣтеръ и дурную погоду; никогда она не благодарила ихъ за посѣщеніе, никогда не отвѣчала ласкою на самое горячее проявленіе вниманія и любви. Одна улыбка, которую я тебѣ описывалъ въ первомъ письмѣ, улыбка живописная, но холодная, служить отвѣтомъ на все, на complimentъ, на отъявленную глупость, на умный разговоръ, на новое свѣдѣніе, на изъявленіе привязанности.

Я, кажется, уже сказалъ тебѣ, что она безпрестанно измѣняетъ срокъ, назначенный до нашей свадьбы; сначала я уступалъ ея прихотямъ, предполагая ихъ причину въ лѣности перелѣ новыми хлопотами, потомъ я сталъ спорить, наконецъ я, полуштуя, выразилъ свое неудовольствіе при такомъ безпричинномъ капризѣ. Такъ-какъ послѣдній нашъ разговоръ происходилъ при двухъ или трехъ близкихъ людяхъ, то Мери не выразила и тѣмъ неудовольствія. Но когда мы остались одни въ ея большой гостиной, въ ту пору, когда начинаются сумерки и красное солнце тонетъ въ землю, окружающій восхитительное собраніе петергофскихъ вальсъ, Мери встала съ кушетки, прошлаъ раза два по

комнатѣ и не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія, сѣла за раскрытый рояль.

Я зналъ, что моя невѣста играетъ превосходно и даже импровизируетъ, да кромѣ-того кто не знаетъ, что слушать игру дорогѣй женщины есть своего рода нравственный этюдъ. Потому я придвинулся къ роялю и будто отъ нечего дѣлать помѣстился шагахъ въ двухъ подлѣ нея. Мери раскрыла двѣ-три тетради нотъ, бросила ихъ съ неудовольствиемъ и глядя кверху, стала играть на память ту свѣженькую вещьцу Розеллена, которая называется: *Le réve*. Звуки инструмента не дробились ни мало, такъ мягко брала она аккорды и замѣняла одинъ звукъ другимъ; мнѣ казалось по временамъ, что я слушаю не фортепианную игру, а пѣніе. Не спуская глазъ съ окна, въ которое видны были сады съ озлащенными верхами деревьевъ, будто слѣдя за всѣми оттѣнками потухающей зари, Мери продолжала играть тихо и задумчиво, варьируя взятый мотивъ безъ всякихъ хитростей и трудныхъ пассажей. Мало-по-малу игра ея становилась тише, мягче и спокойнѣе, когда ничтожное обстоятельство заставило ее вздрогнуть. Въ далекомъ лагерѣ выстрѣлили изъ пушки передъ зарею. Воздухъ былъ такъ чистъ и прозраченъ, что звукъ явственно долетѣлъ до насъ. Слегка испугавшись, Мери взяла фальшивый аккордъ, ей захотѣлось поправить дѣло, а между-тѣмъ взволнованныя мысли ея стали принимать болѣе грустное направленіе. Пальцы ея забѣгали по клавишамъ; изъ тучи рѣзкихъ эксцентрическихъ звуковъ прорвался тотъ тоскливый мотивъ, котораго нервическіе люди не могутъ равнодушно слышать, мотивъ знаменитаго дуэтта изъ Гугенотовъ: *le danger presse, le temps vole*. Съ какою-то лихорадочною быстротою. Мери начала примѣшивать эти раздражающіе душу звуки къ начатой ею фантазіи Розеллена, два мотива не ладилъ между собою, но мало-по-малу гармонія восстанавливалась въ игрѣ, благодаря страсти и упрямству исполнительницы. Я понялъ, зачѣмъ знаменитые пианисты бросаются въ трудности и едва не ломаютъ себѣ пальцы; сердцемъ понимая игру Марьи Александровны, я различилъ множество новыхъ эффектовъ въ ея манерѣ. Она боролась съ инструментомъ какъ поэтъ съ непослушнымъ языкомъ и когда, наконецъ одолѣла сопротивленіе, фантазія уже потеряла всю мягкость, была мрачна, тосклива и какъ-то торжественна.

— Вы жесточены, моя Мери, сказалъ я, когда она, докончивъ игры, быстро оборотила ко мнѣ свое разгнѣвшееся лицо.

— Будто-бы? спросила она насмѣшливо:—и вы это только теперь замѣтили?

— Я догадывался, что вашъ характеръ сильно испорченъ, но я предполагалъ въ немъ болѣе апатіи.

— Чтожъ? вспыхливо замѣтила Мери, глядя мнѣ прямо въ глаза,—это не моя вина, я не скрывалась передъ вами. Я такова, какою сдѣлала меня обстоятельства. Если вы мечтаете о кроткихъ и маленькихъ женщинахъ, которыя прыгаютъ какъ кошки и вѣшаются на шею къ счастливому мужу послѣ его дневныхъ трудовъ—я вамъ не пара.

— Дѣйствительно, вы не изъ такихъ женщинъ, только я ихъ давно уже не люблю. Но скажите мнѣ, развѣ нѣтъ середины между кротостью и постояннымъ раздраженіемъ?

— Скажите же мнѣ прежде: васъ, въ молодости, не обижали въ позорныхъ дѣлахъ, развратѣ и преступленіяхъ?

— Нѣтъ, но меня считали негоднымъ и вреднымъ человѣкомъ, за то, что я, мальчишкою, рѣзвился ранѣ своихъ товарищей?

— Отъ васъ не отступались люди, связанные съ вами родствомъ и дружбой?

— Моихъ друзей преслѣдовали за дружбу со мною.

— Вы не испытывали гоненій отъ единственнаго вашего защитника?

— Благодаря Бога, у меня не было защитниковъ. Я самъ себя служилъ крѣпостью и пробраться въ нее было невозможно.

— Къ вамъ, наконецъ, не приступали съ неприличными вѣжностями женщины, которыхъ вы полюбить ещене успѣли?..

— Это ужъ было на счетъ моихъ настояній о срокъ свадьбы; я улыбнулся, но удержалъ на губахъ отвѣтъ достойный вопроса.

Такимъ-образомъ перебранка, какъ видишь, дошла до высшей степени развитія. Не ожидаешь же ты, что мы начали говорить другъ другу дерзости, употребительныя между очень молодыми любовниками. Между нами водворилось молчаніе, предвѣщавшее совершенную размолвку. Къ счастью, неожиданное обстоятельство дало другой оборотъ

дѣлу: горничная принесла Мери запечатанный конвертъ на ее имя; прочитавъ бумагу, молодая хозяйка радостно улыбнулась.

«— Bravo! сказала она: перекидывая мнѣ письмо:— дача моя, мы будемъ богаты!..

Письмо было писано ея цвѣренными и заключало въ себѣ свѣдѣніе о томъ, что дѣло о дачѣ, которую хотѣли оттагать у Мери ея жадные родственники, рѣшено въ ея пользу стараніями одного изъ близкихъ къ ней лицъ, не желавшихъ сказывать своего имени. Конечно, дача въ Петергофѣ не составляла великаго богатства, но я понялъ, какъ должно быть пріятно Марьѣ Александровнѣ всякое обстоятельство, сколько-нибудь смѣшивающее разность между моимъ и ея состояніемъ.

«— Кто же этотъ таинственный заступникъ праваго дѣла? спросилъ я съ любопытствомъ.

«— Вѣрно кто-нибудь изъ наслѣдниковъ отца; такъ-какъ мнѣ недосталось ничего, то ему стало совѣстно.

«— Опять ваша подозрительность? отчего же не предлагать тутъ дружбы, участія, любви наконецъ?

И не знаю почему-то, я отдалъ бы многое, чтобъ открыть таинственнаго заступника.

«— Вы меня ревнуете! весело сказала Мери: — bravo, bravo, я въ восторгѣ отъ васъ! Браните меня хорошенько, я была сегодня такъ невѣжлива съ вами. Пойдите перескажите все Надеждѣ Львовнѣ; вы не повѣрите, какъ я рада, какъ я жадна къ деньгамъ: эти комнаты мои, эти цвѣты мои, этотъ видъ мой и это море — мое. Я совершенно счастлива.

На Мери напало капризное чувство домовитости, которое мы тутъ же сравнили съ ощущеніями парижскаго bourgeois, строящаго бесѣдки и непремѣнно фонтанъ въ своемъ саду, имѣющемъ шесть саженей въ окружности. Она пустилась увѣрять меня, что петергофскій садъ пріобрѣлъ для нея двойную цѣну; что море, котораго она прежде терпѣть не могла отъ воспоминаній о морской болѣзни, теперь было ея любимымъ зрѣлищемъ. вмѣсто Тавской мы проѣхали къ Монплезиру и посидѣли нѣсколько минутъ на террасѣ; вслушиваясь въ плескъ волнъ, набѣгающихъ съ ропотомъ на груди прибрежныхъ камней. Мери полюбовалась видомъ, поклонилась двумъ тремъ старичкамъ, питающимъ къ ней безпредѣльную страсть, оглядѣла группы гуляющихъ и

споза принялась смотреть на море. «О чемъ вы думаете?» спросила она меня.

«— Я думаю о великой глупости—мнѣ хочется знать имя таинственного ходатая по вашимъ дѣламъ.»

Она засмѣялась и начала строить разныя предположенія съ очевидною цѣлью подразнить меня. «Всѣ близкіе къ ней люди были отъменно хороши, умны и веселы, многихъ она отличала еще въ дѣтствѣ.» Шутки эти производили на меня странное впечатлѣніе: я имъ не вѣрилъ, но привыкъ цѣнить каждое слово Мери какъ чистое золото; я не могъ уберечься отъ тягостнаго впечатлѣнія. Небольшое число гуляющихъ стало меня тяготить, мнѣ захотѣлось быть наединѣ съ моею невѣстою.

Чтобы ни говорили суровые моралисты, извѣдавшіе любовь только посредствомъ чтенія англійскихъ романовъ съ счастливымъ и благоразумнымъ окончаніемъ, ревность при своемъ зарожденіи кажется необыкновенно-слабка, а на людей извѣстнаго возраста и она нагоняетъ такую поэзію, которая приближается къ поэзіи первой любви. Какъ Ахиллесъ былъ всѣхъ храбрѣе въ ту минуту, когда, кромѣ Троянъ, боролся съ раздраженными богами, Кеаномъ и Симонсомъ, забрасывавшими его и пѣной и кровью и трупами убитыми, такъ живительные элементы нашей души блещутъ яркимъ пламенемъ передъ неминуемой моральною бѣдою. Потому я смѣло признаюсь, что, подвигаясь съ Марьей Александровной отъ Монплезира къ сторонѣ верхняго сада, я былъ пьянъ отъ любви и начинающейся ревности. Свѣтлое небо, на которомъ неугасимо горѣла заря, сосѣдство молодой красавицы, которую нужно было завоевывать каждую минуту отъ враговъ и ея самой, ея разговоръ, противъ обыкновенія веселый и шуточный, разительно подѣйствовали на мою нервную систему. Пантеистическая привязанность моя къ природѣ воскресла во мнѣ съ давнозабытою силою; какой-то голосъ говорилъ внутри меня: «дѣйствуй и живи, ты не отжилъ еще своего срока, ты еще молодъ и смѣлъ, для тебя одѣлись веселою зеленью эти старыя деревья, для тебя розовая заря играетъ на небѣ и море тихо набѣгаетъ на изумрудный берегъ.»

Мы шли по темной и отдаленной аллеѣ, параллельной морю. Все было пусто кругомъ, ночь становилась теплѣе и тише, далеко, далеко отъ него, въ концѣ аллеи, между рядами высокихъ липъ, двигалась какая-то колоссальная

Бѣлая фигура и шорохъ, похожій на шелестъ падающихъ листьевъ, внятно доносился до моего слуха. Было еще не поздно, но мѣсяцъ стоялъ высоко и двѣ зари свѣтились сквозь промежутки деревьевъ. Въ этомъ странномъ освѣщеніи, въ бѣломъ туманѣ, который поднимался по окрестнымъ лужайкамъ, а болѣе всего въ видѣ бѣлой фигуры, двигавшейся въ отдаленіи, заключалась какая-то фантастическая, непонятная прелесть, напоминающая собою смутныя грезы посреди жаркой лѣтней ночи. Чѣмъ далѣе подвигались мы по густой аллеѣ, тѣмъ яснѣе обозначалась передъ моими глазами непонятная бѣлая фигура, то она будто подходила къ намъ, равняясь съ верхушками деревьевъ, то вдругъ удалялась, становилась ниже и незамѣтнѣе. Ни малѣйшій вѣтерокъ не освѣжалъ воздуха, а между тѣмъ шумъ слышался ближе и ближе, будто деревья съ умысломъ потрясали своими листьями—я догадался, что возлѣ насъ шумѣла вода. Что касается до Мери, то непонятная подвижность ея характера сыграла съ нею забавную штуку: при видѣ таинственной бѣлой фигуры, моя хладнокровная спутница прижалась ко мнѣ, выказывая всѣ признаки страха и въ то же время говоря, что наслаждается своимъ страхомъ. Видъ ея граціозно непривольной робости отуманилъ меня еще болѣе, мысли начинали путаться и лѣтній *Sehnsucht* охватывалъ меня своими жаркими объятіями, когда мы сдѣлали нѣсколько шаговъ и очутились передъ самымъ оригинальнымъ изъ петергофскихъ фонтановъ. Сотня трубочекъ, поставленныхъ въ одинъ снопъ, выбрасывала разомъ на значительную высоту тонкія струи воды, которая пѣнилась и бѣлѣла какъ молоко при яркомъ свѣтѣ мѣсяца. Вода текла въ каменный многоугольный бассейнъ со ступенями, брызги освѣжали ночной воздухъ, и вся величавая водная пирамида то поднималась, то опускалась, то шумѣла звонко и весело, то прекращала шумъ и будто говорила шопотомъ какія-то непонятныя рѣчи.

Марья Александровна задумалась глядя на пѣнившійся столпъ воды, потомъ сѣла на одну изъ ступеней, еще не остывшую отъ солнца. «Какъ здѣсь хорошо!» сказала она, придвигаясь къ бассейну и стараясь, чтобъ отдаленныя брызги долетали до ея лица.

«— Мнѣ казалось, что вы вовсе не знаете этого мѣста, замѣтилъ я.

«— Отецъ знаю, отвѣтила она улыбаясь: — около этого фонтана, когда мнѣ было только двѣнадцать лѣтъ, я шутила съ однимъ мальчикомъ, котораго гувернеръ заѣлъ же волочилъ за нашу наставницу.

Я² былъ готовъ ревновать ее и за дѣтскую шалость.

«— Мери, спросилъ я, помѣстившись у ея ногъ и снизу глядя на ея блѣдное личико, которое рисовалось надо мною, окруженное, будто сіяніемъ, водою, бившею въ трехъ шагахъ сзади насъ: — Мери, вы не знаете, что значить ревность къ прошлому?

«— Должно быть что-нибудь особенно дикое и нарочно придуманное.

«— Такого зла не придумываютъ нарочно.

«— Отчего же? насмѣшливо сказала Мери: — если настоящаго зла мало, то мужчины вашихъ лѣтъ не долго ходятъ за вымышленнымъ.

«— Другъ мой, снова началъ я: — хотя въ такомъ романтическомъ мѣстѣ оставьте на время вашу насмѣшливую холодность; станьте, на сколько можете, въ уровень съ моиими мыслями и подарите мнѣ минуту вниманія.

«— Охотно; говорите, въ чемъ дѣло, какая новая фантазія васъ преслѣдуетъ?

«— Мери, любили ли вы когда нибудь, страстно, сильно, до безумія?

«— Если я вамъ скажу—нѣтъ?

«— Я вамъ не повѣрю. Вы много видали зла и горя, характеръ вашъ носитъ явные тому признаки. Развѣ горе двадцати-трехлѣтней женщины можетъ существовать безъ любви?

«— Если я вамъ скажу—да?

«— Я сойду съ ума.

«— Отъ ревности къ прошлому?

«— Именно. Мысль о томъ, что другой просиживалъ съ вами лѣтнія ночи, глядѣлъ вамъ въ глаза, испортилъ васъ своею любовью, наложилъ на вашъ характеръ неизгладимую печать ожесточенія... я не уживусь съ этой мыслью. Какъ вы должны были любить этого невѣдомаго врага, какъ сладки были минуты, для меня недоступныя...

Она опять улыбнулась, по своему. «— Обсудите ваши вопросы—сказала она—положивъ мнѣ на плечо свою руку. Если я скажу—нѣтъ, вы мнѣ не повѣрите, если скажу—да, вы меня обвините. Выпутайтесь же изъ этой забавной дилеммы

и тогда мои полныя признанія къ вашимъ услугамъ. Согласитесь, что ревность къ прошлому...

«— Глупость, не правда ли?

«— Почти такъ.

«— Вѣрю вамъ.

«— Чего же вы хотите отъ меня? спросила Мери ласково.

«— Я хочу вашей жизни, другъ мой, продолжалъ я, ободренный ея кроткимъ видомъ:—я хочу, слушая вашъ рассказъ о прошлыхъ событіяхъ, пережить съ вами то, что вы пережили; хочу ревновать васъ, проклинать васъ и изъискивать всѣ средства къ оправданію; хочу ожесточиться вмѣстѣ съ вами, хочу обладать каждою изъ вашихъ тайнъ, хочу изчерпать все ваше прошлое, чтобъ узнать путь, по которому мы будемъ оба слѣдовать. Я хочу просидѣть у вашихъ ногъ всю эту майскую ночь, плакать и злиться, слушая васъ; открыто высказывать мои подозрѣнія, бороться съ вашей душой, оскорблять васъ и снова мириться, какъ мирятся люди, созданные другъ для друга.

«— Пойдемте, сказала Мери, вставая и подавая мнѣ руку:—здѣсь слишкомъ сыро и холодно для такихъ разговоровъ. Я вамъ скажу, что надобно дѣлать людямъ нашихъ лѣтъ въ подобныхъ случаяхъ: если въ голову войдутъ мысли въ родѣ высказанныхъ вами, слѣдуетъ идти домой, зажечь свѣчи, закрыть ставни, чтобъ не видѣть лѣтней ночи съ зарею, не слышать шума фонтановъ и не чувствовать запаха свѣжихъ листьевъ. Намъ не приходится просиживать ночей подъ деревьями, потому—что намъ не семнадцать лѣтъ и мы не высидимъ подъ ними ничего кромѣ безсонницы и насморка. Ведите меня къ Надеждѣ Львовнѣ, въ ея гостиной вы будете умнѣе и забавнѣе.»

Извольте послѣ этого подступиться къ такой женщинѣ. Не сказавъ ровно ничего, она раздражила всѣ мои чувства и вывернулась шутя, да еще прочла мнѣ маленькое наставленіе. Какъ бы то ни было, я узнаю, кто позволяетъ себѣ наблюдать надъ денежными дѣлами моей невѣсты!

Письмо третье.

Съ Мери нѣчего дѣлать ревниву. Одинъ только дуракъ можетъ недоувѣрять этой женщинѣ,—самъ Отелло отъ одного ласковаго взгляда ея иѣжныхъ вѣчно утомленныхъ глазъ;

превратится въ барашка. Сегодня я былъ одолженъ ей однимъ изъ счастливейшихъ дней въ моей жизни.

Поутру я ѣздилъ верхомъ, и разъ десять подѣзжалъ къ ей дачѣ; и всякій разъ возвращался, боясь потревожить Мери равнымъ визитомъ. Наконецъ мнѣ попалась на встрѣчу Танская, въ коляскѣ. Она, по обыкновенію, засмѣялась; мы поѣхали рядомъ.

«— Мери встаетъ въ шесть часовъ—сказала она, угадывъ мнѣ волненіе:—она почти не спитъ, какъ птичка.

«— Успѣю, сказалъ я, немного нахмурившись.

«— А! зайѣтила Танская. Неудовольствія влюбленныхъ... въ чемъ же дѣло?

Мнѣ было совѣстно признаться во вчерашнихъ подозрѣніяхъ—я уже сознавалъ ихъ низость.

«— Когда же свадьба? снова спросила Надежда Львовна.

Я ухватился за этотъ живой вопросъ и далъ волю своимъ чувствамъ. «— Я въ отчаяніи, мой добрый другъ—такъ началъ я:—мнѣ нѣтъ средствъ преодолѣть странное упорство Мери; мнѣ даже непонятны, обидны причины этихъ вѣчныхъ промедленій. Десять разъ мы назначали срокъ и десять разъ его измѣняли. Мери груститъ и тоскуетъ, какъ то бьется при одномъ напоминаніи, какъ будто-бы дѣло шло о ея чести.

«— И вы не догадываетесь, что она защищается и съ каждымъ днемъ будетъ защищаться еще упорнѣе. А вы, безрукій человекъ, вмѣсто того чтобъ ловко одолѣть послѣднее упорство недовѣрчивой дѣвушки, хмурите брови и строите постыную физиономію.

Я уже не слышалъ послѣднихъ словъ Танской—я скакалъ по улицѣ какъ мальчишка, духъ у меня занимался отъ скорой ѣзды и новыхъ ощущеній. Я началъ понимать еще стыдливую и гордую натуру моей Мери.

Бросивъ кому-то поводья, я вошелъ въ ея большую залу, убранную свѣжими цвѣтами. Мери, по обыкновенію, нѣвшеду зародышь въ слабости ея груди, лежала на кушеткѣ передъ окномъ; ея прелестные, густые, пепельные волосы зачесаны были буками назадъ; эту прическу она носила всегда, зная, что я ее такъ люблю. Передъ ней, на кругломъ столѣ, лежали письма и иностранныя газеты, но она не читала ничего и глядѣла въ потолокъ, подложивъ подъ свои чудные локоны обѣ руки. Ясно было, что

Мери хандрила. Она не замѣтила моего прихода, не переѣхала ни разу положенія втеченіи двухъ или трехъ минутъ.

Я былъ очень радъ этому обстоятельству—долго я стоялъ, не сводя глазъ съ ея личика. Боже мой, какъ она хорошѣла съ каждымъ днемъ; какимъ умомъ, какою непонятною дѣтскою свѣжестью сіяли всѣ ея черты! сердце отказывалось вѣрить, что граціозное созданіе, такъ кокетливо раскинувшееся передо мною, извѣдало такъ много зла, горя, болѣзней и лишеній. Я почти былъ готовъ спросить себя, гдѣ же эта связь между утомленною душою и цвѣтущимъ организмомъ, между практически-охлажденнымъ умомъ и дѣвственною прелестью тѣла? На половинѣ моего мысленнаго вопроса, Мери очнулась, слегка вздрогнула и посмотрѣла на меня съ тою улыбкою, которую я тебѣ столько разъ описывалъ.

Я взялъ ея руку и почтительно поцѣловалъ.

«— Садитесь, сказала она, очищая маленькое мѣсто возле себя,—я все утро работала, читала, и теперь сплю на яву. Вамъ неловко сидѣть?»

Она еще разъ улыбулась, потому-что солнце свѣтило мнѣ прямо на голову. Мѣсто, на которомъ стояла кушетка, было давно уже занято утренними его лучами.

«— Удивляюсь вамъ, Мери, замѣтилъ я, подвигая кресло и садясь въ тѣнь, сзади ея головки:—вы будто не замѣчаете лѣтняго солнца. Не спорю, сіяніе, которое играетъ около васъ, придаетъ вашей позѣ особенную картинность, (я побоялся сказать прелесть, хотя оно и такъ было), но по моему, лежать на солнцѣ вовсе непріятно.

«— Не браните солнца, задумчиво перебила Мери,—*ne touchez pas au soleil ni au sommeil...*

«— *A bas le sommeil!* усѣтемъ выспаться, больше чѣмъ бы слѣдовало.

«— Зачѣмъ вы такъ на меня смотрите? вдругъ спросила Мери, поворотивъ голову такъ, что ея кудри рассыпались и перемѣшались.

«— Оттого, что вы удивительно хороши собою, сказали я отъ полноты душевной.

«— А!.. еслибъ мы оба были поглупѣе, разговоръ могъ бы теперь завязаться самымъ пріятнымъ образомъ.

«— Поэтому, умные люди не имѣютъ права говорить ни одного слова ласковаго или нѣжнаго.

«— Почти такъ. Что нибудь одно—умъ или чувства.

«— Мери, началъ я:— или вы хотите дразнить меня, вслѣдствіе ханжры, или вы на своемъ вѣку, видѣвъ многое, не видали истинноумныхъ людей. Умъ долженъ блистать и украшать каждое наше слово, какъ красота и молодость, ея выше того и другаго; красота и молодость даются судьбою, умъ нашъ завоевываемъ мы сами. Еслибъ умъ изгонялъ чувства и радости, кто бы за нимъ гнался? Вѣрите, другъ мой, люди, одаренные рѣдкою способностью оцѣнивать каждое слово, анализировать и употреблять на пользу, каждое движеніе сердца, не холодны и не безстрастны — безстрастны только вполнитуемые существа, то-есть тѣ люди, для которыхъ мысль есть не жизнь, а пустая гимнастика.

«— И такъ, можно еще разъ сказать вамъ, что вы необыкновенно хороши сегодня? спросилъ я, замѣтивъ вниманіе Мери и слегка пожавъ ея руку.

«— Можно, сказала она, слегка покраснѣвъ.

Поболтавъ еще немного, и старавшись еще разъ растешить и ѣзжыны истинныкты моеѣ невѣсты, я сталъ утравивать ее о назначеніи рѣшительнаго срока... При этомъ наповиваніи Мери испыхнула, вадрогнула, поглядѣла на меня почти съ негодованіемъ.

«— Послѣ... въ другой разъ... я огорчена сегодня, быстро сказала она: сегодня я хочу быть совершенно спокойна.

«— Нападайте на меня, отталкивайте меня, но, Бога ради, рѣшите же чѣмъ вибудь...

Мери не отвѣчала. Еѣ было видимо досадно, что я разгадалъ причины ея уиорства.

«— Когда хотите—хоть завтра; вдруѣ сказала она, будто вызывая меня на споръ и колкости. Миѣ очень лестно такое ветерпѣніе. Назначайте.

«— Я не могу назначить дня:—сказалъ я:— потому-что собственно мои къ вамъ отношенія не измѣнятся ни на волосъ, хотя бы насъ сейчасъ обвинчали. Я имѣю планъ поведенія и передаю его вамъ съ полною охотой. День, въ который два или три пріятеля выпьютъ шампанскаго за наше здоровье и проводятъ насъ на одну общую квартиру, не можетъ припести никакой перемѣны ни для меня, ни для васъ, онъ только дастъ миѣ и вамъ полную свободу.

«— Парадоксъ! парадоксъ! вскричала она, замѣтно по-вѣселѣвши.

«— Васъ,—продолжалъ я:—благодаря Бога, не выдадутъ за меня насильно; мы сами на столько оцѣнили другъ друга, что рѣшаемся жить вѣдѣть, помогать другъ другу и прочая. Но любовь наша, или, правильнѣе, ваша, не развилась еще до такой степени, чтобъ мы съ перваго дня брака кинулись одинъ къ другому въ объятія, какъ это дѣлается или людьми въ двадцать лѣтъ отъ роду, или дѣйствующими лицами слезливой драмы, въ послѣдней явленій пятого дѣйствія. До этой счастливой минуты мнѣ предстоитъ еще много работы. Я обязанъ развлечь и успокоить васъ, взглянуть воспоминанія тяжелой поры въ вашей жизни, затронуть лучшія струны вашего сердца, доказать вамъ, что вы еще не отцѣли для жизни и страсти. Я хочу начать этотъ трудъ, какъ стихотворецъ торопится положить начало задуманной имъ поэмы. Повторяю вамъ, вы, въ день свадьбы, войдете не въ домъ мужа, а только приблизитесь нѣсколько къ другу, который по-старѣ васъ гдами и опытностью.

«— Я хочу сегодня кататься верхомъ! сказала Мери, довольно живо вскочивъ съ кушетки и покраснѣвъ сильнѣе прежнего. Вы ѣздаете у меня. Будемъ пить шампанское.

«— Браво, моя Мери! радостно произнесъ я, снова пожавъ ея руки. На лошадь, на лошадь, вскачь, по полю и темнымъ аллеямъ!

«— Позвать къ обѣду Надинъ?

«— Никого не нужно.

«— Вы соскучитесь.

«— Par exemple!

«— Ведите сѣдлать лошадь. Всѣ мои люди отъ васъ безъ памяти.

Она убѣжала и черезъ нѣсколько минутъ явилась подъ окномъ, въ темной амазонкѣ и мужской шляпѣ съ чернымъ бантикомъ сбоку, верхомъ на высокой и статной вороной лошади. Мы выѣхали сами не зная куда, и не могъ оторвать глазъ отъ моей спутницы. Она сѣдла такъ, какъ, по словамъ Тьера, сѣдла на лошади первый консулъ, то-есть вогнувъ грудь и наклонясь къ гривѣ лошади: эта неправильность въ посадкѣ была очень мила, тѣмъ-болѣе, что Мери ѣздила отлично, вспыхивая и сердясь при каждомъ капризѣ лошади. Мы проскакали, не переводя духу, чрезъ все поле

все поле, но которому я пятнадцать лѣтъ назадъ, столько разъ ходилъ съ ружьемъ въ рукѣ; миновали рванныя дачи и очутились посреди красиваго сельскаго мѣстоположенія. Тутъ мы поѣхали шагомъ и начали разговаривать.

Всякій изъ насъ былъ бы великимъ мудрецомъ, еслибъ помнилъ хотя половину имъ видѣннаго и прочтатнаго. Память, по моему, можно назвать основаніемъ всѣхъ достоинствъ человѣка, и въ этомъ отношеніи моя Мери была существомъ необыкновеннымъ. Она много видѣла на своемъ вѣку и все помнила; читанныя ею книги жили въ ея памяти съ рѣдкою ясностью. Чтобъ занять ее разговоромъ, нужно было, какъ говорятъ, *se mettre en quatre*, и тутъ даже человѣкъ безпрестанно натыкался на вещи совершенно ей внакомыя, о которыхъ трудно было сообщать, что либо новое. Совсѣмъ тѣмъ трудность эта облегчалась ощущеніемъ, что всякая мысль, каждый намекъ, понимаются ею безъ труда, безъ усиленныхъ поясненій. Тривиальность мыслей, этотъ бичъ cadaго порядочнаго человѣка въ разговорѣ съ женщинами, не могла имѣть мѣста: бѣлокурая головка Мери не дичилась умственной работы, не была ни тупа, ни заражена предразсудками. Я чувствовалъ, какъ подъ вліяніемъ усиленнаго желанія быть занимательнымъ, въ головѣ моей совершался благотворный переворотъ, въ воображеніи возникали чувства и образы, давно и повидимому безвозвратно забытые; я самъ видѣлъ, что рѣчь моя становилась горячѣе и изящнѣе. По поводу полей, по которымъ мы проѣзжали, и гдѣ прошла часть моего грустнаго и обильнаго происшествіями дѣтства, я принималъ мою первую юность съ ея терзаніями и первыми катастрофами; я сумѣлъ занять Мери исповѣдью души, развившейся одновременно и оттого повсюду сталкивающейся съ грозной дѣйствительностью. Десятки людей, совершенно забытыхъ в когда-то имѣвшихъ вліяніе на мою участь, представлялись мнѣ со своими кемическими, угрюмыми, а послѣ и благородными, особенностями; я какъ-то яснѣе понималъ прошлую свою жизнь и людей, видимо выигрывалъ отъ магического присутствія любимой и умной женщины.

Такого же рода фактъ случился со мною, когда Мери, нутанно выводя параллель, между ощущеніями дѣтства мужчины и женщины, коснулась нѣкоторыхъ воспоминаній своего четырнадцати лѣтняго возраста. Слушая ее присутствіе, открывающую рѣчь, я будто видѣлъ передъ собой

ною Мери еще малюткою, носилъ ее на рукахъ, наблюдая за всѣми размѣненіями ея лица и характера; начиналъ въ нее влюбляться и ревновалъ ее къ лицамъ, затронувшимъ ея первый поэтический вистиктъ. Мери не очень любила говорить, и потому была почти незнакома съ тѣмъ сладкимъ чувствомъ, которое рождается въ женщинѣ отъ сознанія всей прелести своего разговора. Мое жадное вниманіе ей нравилось, она будто радовалась своему успѣху и, отбросивъ всю лѣнь, все утомленіе, болтала, шутила, иногда путалась въ своихъ рѣчахъ, начинала фразу на одномъ языкѣ и кончала ее на другомъ.

«Не знаю какова была погода во время нашего поэтического странствованія и ходили ли тучи по небу, только черезъ часъ послѣ выѣзда, Мери вдругъ пріостановила лошадь и сказала—«что за странное освѣщеніе!»

Мы оба взглянули на небо и ахнули. Туча, черная и кошматая, застирала половину неба вправо отъ насъ; съ горы видно было, какъ, версты за двѣ всторону, она сливалась съ землею въ видѣ широкихъ синеватыхъ полосъ. Солнце еще не спряталось и будто покраснѣло; лучи его, не имѣя надлежащаго ходу, достигли до земли совершенно неправильно, освѣщая иной пригорокъ, тогда—какъ соседнее поле покрывалось мракомъ. Въ воздухѣ была страшная тишина; одни сверчки трещали въ травѣ съ особеннымъ свѣршествомъ. Лошади наши шли неохотно.

«— Буря! замѣтила Мери уныло: — а мы ее не ждали сегодня.

Тутъ только осмотрѣлся я около себя. Мы были невдалекѣ отъ города, вправо и влѣво тянулись пригорки, вправо былъ красивый оврагъ и въ глубинѣ оврага былъ садъ въ бесѣдку. Шагахъ въ полтораста отъ насъ, едва видимый за старыми деревьями, находился кокетливый домикъ въ швейцарскомъ вкусѣ; я обрадовался, узнавъ собственную вашу дачу, моя сестрица. Дача не была никому отдана, а мужъ вашъ въ ней никогда не бываетъ. У воротъ встрѣтилъ меня старый буфетчикъ и былъ изумленъ моимъ приказаніемъ изготовить завтракъ, накрыть столъ и вынуть възъ погреба шампанскаго.

Мери была довольна, что такъ скоро отыскался пріютъ. Какъ многіе нервическіе люди, она чувствовала перель приближеніемъ грозы тоскливое волненіе; мало того, я думаю, что она вообще съ солнцемъ и воздухомъ имѣла особенное;

фантастическое сочувствіе. Я помогъ ей сойти съ лошади, коснувшись до ея талии немного нѣжнѣе, чѣмъ это обыкновенно дѣлается. Мери опять покраснѣла и эти непронизвольные проблески молодости ея организма меня радовали несказанно. Когда я, отдавъ нужныя приказанія, явился въ гостиной, Мери стояла у стеклянной двери балкона и внимательно глядѣла на тучу. Комната была наводнена опаловымъ, дымчатымъ свѣтомъ, предшественникомъ грозы. «Пройдетъ она мимо?» спросила Мери, слегка отводя руку, которую я ее обнялъ, ставши рядомъ у балкона.

Я слышалъ однако, какъ билось ея сердце.

«— Дайте мнѣ призвать на помощь всю опытность отчаяннаго туриста, отвѣчалъ я:—Эта черная туча стоитъ еще слишкомъ высоко, боковой вѣтеръ усилитъ промесь ее; видите, какъ погнулись сирени». Мери была довольна, туча двигалась вправо.

«— Не правда-ли, сказала она улыбаясь:—есть что-то сладкое въ ожиданіи того, что гроза быть-можетъ отойдетъ въ сторону?.. отчего происходитъ это чувство? почему я боюсь грозы?..»

«— Вы дѣйствуете по аналогіи довольно поэтической— вы такъ сочувствуете природѣ, что буря непременно напоминаетъ вамъ о грозахъ вашей собственной жизни. Ожиданіе грозящей бѣды не лишено отрады, если бѣда еще можетъ пройти безвредно; каждая минута, проведенная спокойно, цѣнится и радуется ..»

«— Вы знаете дѣло, сказала она:—Стойте однако, подальше, въ такія минуты не нѣжничаютъ. Она проходитъ, проходите!»

Яркій свѣтъ освобожденнаго солнца озарилъ всю комнату. Мери улыбнулась, забыла свои наставленія и коснулась него плеча своей головою.

Я хотѣлъ поцѣловать ее, но удержался. «Рано еще, подумалъ я съ тяжелымъ чувствомъ: — жди и жди своего часу, бѣдный женухъ!..»

Глядя на правую сторону неба, мы забыли глядѣть лѣво; свѣтъ солнца продолжался двѣ минуты, снѣга тучи шла съ лѣвой стороны, по саду завылъ вѣтеръ, сгибая верхушки деревьевъ... еще нѣсколько мгновений и крупный градъ застучалъ по стекламъ, а молнія, красноватымъ шкваломъ прорывавши столкнувшіяся тучи, нѣсколько разъ порхнула между землей и небомъ, прежде чѣмъ послышался

ся первый громовый ударъ. Я заботливо взглянулъ на мою невѣсту, думая, что на ней лица не увижу, но, къ изумленію, Мери глядѣла совершенно спокойно. Для нея тревожное ожиданіе бури было тяжелѣе самой грозы. Видя, что погода не перемѣнилась сообразно прихоти, она вновь повеселѣла и мы сѣли завтракать, или вѣрнѣе, приступили къ нему, не садясь вовсе. Мери ходила по твоимъ комнатамъ, глядѣла на твои портреты, спрашивала о твоихъ ко мнѣ отношеніяхъ, о твоихъ дѣлахъ и характерѣ. Узнавши, что мы дружны, она шутя сдвинула нѣсколько креселъ около камина и назначила одно для хозяйки, одно для себя, одно для моего брата, одно для меня, одно для Тансиной: «Такимъ образомъ», говорила она:—«будемъ мы сидѣть черезъ годъ въ этой самой гостиной, нужно запомнить этотъ день, потому-что я веселюсь на-пропалую».

И такъ, Мери уже начала строить планы нашей жизни вдвоемъ. Я порадовался этому важному шагу. Потомъ она интересовалась знать, много ли у меня знакомыхъ и къ какому кругу они принадлежать. Я ей объяснилъ, что ихъ мало, что они принадлежать къ собственному моему кругу и рассказалъ, какихъ трудовъ стоило мнѣ сформировать въ многочисленномъ городѣ небольшое общество друзей, въ которыхъ нѣтъ ни одного человѣка, лишняго или непріятнаго. Я передалъ эту исторію моихъ многотрудныхъ исканій, безчисленныхъ знакомствъ, неприводившихъ ни къ чему; описалъ много домовъ, повидному соединявшихъ всѣ условія для знакомства и почему-нибудь неудостовѣвшихся чести постояннаго сближенія со мною. Мы много смѣялись, даже въ шутку составили проектъ романа или поэмы подъ названіемъ: «Искатель пріютовъ по вечерамъ».—Мы смѣялись надъ собственной нашею нетерпимостью, прихотливостью и взыскательностью. А между-тѣмъ дождь лилъ какъ изъ ведра и буря грохотала надъ нашими окнами.

«— Пусть она шумитъ себѣ,—говорилъ я, наливая двѣ рюмки шампанскаго:—«если намъ вдвоемъ не умѣтъ прятаться отъ какой бы то ни было бури, то кому же ее не бояться?»

«— Прятаться... прятаться, вѣчно прятаться!.. сказала Мери задумчиво.

Я разгадалъ ея мысль, хоть она была темновата. Мери знала, что всякій человѣкъ въ самомъ себѣ способенъ най-

не брѣтъ отъ горя и страданія, но она создавала всю сухость такой защиты.

«— Одиному скучно быть рговестомъ—отвѣчать я:— вдвоемъ же—это высшее наслажденіе. Будемъ прятаться, моя Мери, прятаться отъ бури, тревоги и жизненныхъ горестей: будемъ веселиться, пока гроза шумитъ подъ окнами. Выпейте эту рюмку, мой другъ, я всегда такъ весель, когда вы краснѣете. Покраснѣйте хоть немножко...

«— Мерси, сказала она, смѣясь и отводя рюмку. Я боюсь, что отъ такихъ средствъ вмѣсто щекъ краснѣютъ только носы. Однако мы говоримъ странныя ношлости. Смотрите, кажется все утихло.

Черезъ десять минутъ лошади наши были выведены, и скоро мы поскакали, жадно вдыхая въ себя освѣженный влагою воздухъ. Все пѣло и благоухало вокругъ насъ, лошади веселись по превосходной дорогѣ будто по паркету. Около своей дачи, Мери, противъ обыкновенія, погладила шею у своей лошади, и тихо отдала поводья, а не бросила ихъ какъ прежде дѣлалось. Она была сильно утомлена, объявила, что обѣдать не будетъ и слегка дала мнѣ замѣтить, что мнѣ слѣдовало бы оставить ее одну. Впечатлѣнія дня, долгій разговоръ, можетъ быть ощущенія болѣе пріятныя, отразились на Мери страннымъ образомъ. Она вся изогнулась и стала похожа на маленькую дѣвочку, такъ—что я сказалъ ей шутя, *mais tenez-vous droit, mademoiselle*. Говорила она съ трудомъ, не досказывая ни одной фразы. Когда я привнесъ изъ спальни подушку и подложилъ ей подъ голову, Мери могла только тихо улыбнуться и спросить меня, гдѣ я проведу вечеръ.

«— Вы рѣшительно хотите меня выгнать, Марья Александровна, замѣнилъ я дружески? Что вы, бонтесь молчать передо мною?

«— Конечно боюсь—молчать такъ глупо. Мы не будемъ никогда молчать. Не правда ли?

«— За исключеніемъ минутъ хандры и лѣзости.

«— Къ тому же я спать хочу.

«— Сните, моя Мери, я буду чтвать или думать, я готовъ отгонять мухъ отъ вашей кушетки. Сните.

«— Я не сплю при другихъ. Можетъ-быть я сплю съ глазами видомъ.

«— Благодарю васъ.

«— Это за что?

«— Вы думаете о моемъ судѣ. Впрочемъ, вы не можете спать безъ граціи.

«— Я что-то хотѣла сказать... прошептала Мери, закрывая глаза.

«— Вы рѣшительно меня выживаєте, моя урямица. Впрочемъ я васъ провѣдаю.

Несмотря на свою усталость, Мери проводила меня до двери.

«—Прощайте .. были послѣднія ея слова. Благодарю васъ... будемъ любить другъ друга потихоньку... безъ шума и труда... какъ слѣдуетъ старикамъ нашихъ лѣтъ.

Любить другъ друга потихоньку! Ей легко говорить такіа слова, моею лѣтнею красавицѣ!.. Благодаря Бога, я еще не умѣю любить потихоньку. Я былъ счастливъ на весь день и строилъ неустойчившіе планы: мнѣ хотѣлось бы перенести мою Мери подъ жгучее небо тропическихъ странъ, разогрѣть ея кровь, выручать ее изъ тысячи опасностей, любить ее какъ любятъ вольные львы или мужчины, подобные Мирабо и Данту! Любить слегка!.. когда моя кровь горитъ при одномъ праздномъ сочетаніи четырехъ словъ составляющихъ ее имя: когда она доводитъ меня до сумасшествия своею граціею и своими странностями. Только ей могло прійти въ голову выраженіе любить потихоньку, а между тѣмъ сколько глубокаго смысла въ этомъ выраженіи; какъ знаетъ она собственную свою силу! Не умѣй она любить потихоньку, изъ всей Мери осталась бы одна довольно красивая блондинка дѣвушка, видѣвшая на вѣку разныя несчастія и прочитавшая десятокъ книгъ серьезнаго содержанія!—Люби потихоньку, моя Мери, и ты вѣчно останешься первою изъ всѣхъ встрѣченныхъ мною женщинъ.

Письмо четвертое.

Ты пишешь, что исторія Мери тебѣ знакома; я не радъ этому — значить, что катастрофа, которой она была жертвою, извѣстна всѣмъ и каждому. Я доволенъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что обстоятельства избавляютъ меня отъ разсказа тяжелыхъ подробностей; но изъ твоихъ словъ видно, что ты знаешь только начало походившей заинтересовавшей меня дѣвушки.

Сцѣвленіе романическихъ событій, по которымъ Мери должна была на семнадцатомъ году искать прибѣжища у востороннихъ людей, было дѣйствительно чѣмъ-то ужаснымъ, но самая его разительность не могла подѣйствовать слишкомъ вредно на молодое сердце. Мери безропотно, съ нѣкоторою веселостію, заняла должность гувернантки въ одномъ семействѣ, жившемъ въ южныхъ губерніяхъ Россіи; укрывшись отъ своихъ гонителей, она испытала то сладкое чувство, къ которому способенъ человѣкъ, убѣдившійся, что главная буря его жизни прошла мимо, расхатавши душевное спокойствіе, но не разрушавъ его окончательно. Въ этомъ нравственномъ состояніи, сходномъ съ сумерками, въ которыхъ свѣтъ и тѣнь переищиваются какимъ-то особенно мягкимъ образомъ, есть своя сладость, есть свое укрѣпляющее вліяніе. Но Мери не знала, что сцѣвленіе неважныхъ горестей часто дѣйствуетъ сильнѣе всевозможныхъ катастрофъ, и такія горести не замедлили наступить.

Въ семействѣ, гдѣ она жила, не могли ею налюбоваться, нахвалиться ея веселымъ, дѣятельнымъ, ласковымъ нравомъ. На нее глядѣли какъ на феноменъ; самое обиліе талантовъ, которыми надѣлано ее превосходное воспитаніе, изобличало въ ней особу выше своего званія. Возбудивъ общее удивленіе, Мери почувствовала всю невыгоду своего успѣха; загадочность ея положенія наводила всѣхъ и каждого на подозрѣнія и догадки. Когда исторія ея семейства дошла до отдаленныхъ городовъ, съ приличными прибавленіями и ужасающими подробностями, Мери догадалась, что ей нельзя жить долѣе на томъ же мѣстѣ; въ переищившемся обхожденіи окружающихъ она читала недовѣріе и какой-то страхъ. Ее не удерживали, новыхъ мѣстъ не представлялось, мужчины и женщины пятились отъ нея въ какомъ-то смятеніи.

Она вернулась въ Петербургъ, но не къ роднымъ, хотя тѣ, по-видимому, изъявляли раскаяніе и желаніе сойтись съ нею. Мери имѣла многихъ подругъ въ столицѣ, но ей не большаго труда стоило убѣдиться, что ея исторія была всѣмъ понятна въ дурную сторону: вездѣ встрѣчала она или умошительное сожалѣніе или явную ненависть. Изъ всѣхъ родныхъ одна только кузина не переищивилась къ ней; заищавъ страданіе бѣдняжки, эта благородная женщина взяла ее съ собою за границу, куда уѣхала для поправленія

здоровья. Но видно на-роду нашей Мери было написано, что всё близкіе къ ней люди или возненавидятъ ее, или полюбятъ ее больше чѣмъ слѣдуетъ: мужъ ея новой подруги, человекъ до-тѣхъ-поръ чрезвычайно скромный и приличный, отъ поэтическаго и вліянія итальянскаго воздуха, отъ празднои ли жизни, дорогою влюбился въ бѣдную Мери безъ-памяти. Она была уже приучена къ вреднымъ привязанностямъ и не теряла надежды излечить своего новаго поклонника, но всё усилія были напрасны. Наперекоръ ея стараніямъ, всё ея покровители превратились въ злыхъ гонителей. Пусть будетъ что будетъ, рѣшила Мери и, простившись съ своими спутниками, поѣхала одна въ Россію, безъ провожатаго и почти безъ денегъ. Путешествіе это нанесло послѣдній ударъ ея здоровью.

Есть натуры, словно осужденныя на бѣду и тревогу. Въ домъ, гдѣ они проживаютъ, непремѣнно дѣлается пожаръ; если они путешествуютъ, то навѣрно попадаютъ въ какой-нибудь край, гдѣ свирѣпствуетъ холера. Изъ перваго письма моего ты уже узнала, что день, въ который Марья Александровна вѣхала одна въ Парижъ, былъ однимъ изъ ужаснѣйшихъ дней во всей новой исторіи.

Около года провела она послѣ того въ чужомъ городѣ, въ чужомъ семействѣ, съ которымъ познакомилась въ ту страшную нору и гдѣ принялась до выздоровленія, а потомъ жила поневолѣ, потому-что некуда и не на что было выѣхать. Первое извѣстіе изъ Петербурга получила она въ началѣ нынѣшняго года—ей писали, что дядя ея умеръ, торжественно оправдавъ, передъ смертью, свою племянницу, и разрушивъ до основанія всё ужасныя слухи, которые носились про ея исторію. Въ доказательство перемѣны своей участи, Мери получила множество писемъ съ приглашеніями и самыми ласковыми извѣстіями; успокоившись на счетъ своего добраго имени, она воротилась въ нашу столицу.

Въ среднихъ вѣкахъ, во многихъ городахъ Англіи и Франціи, существовало трогательное обыкновеніе. Если открывалось, что одинъ изъ подсудимыхъ былъ осужденъ безвинно, весь городъ обязанъ былъ воздавать великія почести невинной жертвѣ, или ея гробу, если казнь была уже произведена. Весь народъ стекался встрѣчать оправданную особу, усыпалъ ея путь цвѣтами, и съ суевѣрнымъ восхищеніемъ прикасался къ краю ея одежды. Такія торжества изумляли всѣхъ своимъ величіемъ, потому-что люди

не такъ дурны, какъ о нихъ вообще думаютъ. Пріемъ, сдѣланный нашей Мери близкими къ ней лицами, и даже просто людьми, знавшими ея семейство, не былъ лишень иѣ котораго сходства съ описаннымъ торжествомъ. Видѣться съ Мери считалось особеннымъ счастьемъ; оказать ей какую-нибудь услугу торопился всякій, старики были отъ нею въ восторгѣ; въ два мѣсяца она должна была отказать, по-крайней-мѣрѣ, десяти претендентамъ на ея руку. Рвеніе жениховъ было тѣмъ похвальнѣе, что при раздѣлѣ имѣнія Мери была обдѣлена съ замѣчательнымъ искусствомъ и изъ всего отцовскаго состоянія получила только даду въ Петергофѣ, да и ту у ней отняли бы, еслибъ не нашлось у ней заступника, о которомъ я недавно писалъ.

Вотъ всѣ подробности, которыя я могу тебѣ сообщить на счетъ жизни моей невѣсты, до знакомства ея со мною; онѣ не легко мнѣ достались, потому-что прямо о нихъ разспрашивать было бы весьма не деликатно съ моей стороны. Какой-то таинственный сумракъ окружаетъ всю жизнь и характеръ моей милой дѣвушки; до-тѣхъ-поръ, пока я не завоюю себѣ права на ея безграничную откровенность, мнѣ отрадно плавать по этому обширному морю, каждый день дѣлать новыя открытія и сердцемъ понимать всѣ особенности ея души. Я занимаю каждую минуту, и потому доволенъ.

Находить во времени на меня и минуты тяжелаго, хотя совершенно безразсуднаго, сомнѣнія. Я думаю иногда такъ: нельзя же, съ такой красотой и оригинальнымъ устройствомъ права объѣхать почти всю Европу, видѣть столько людей и не произвесть на нихъ какого-либо впечатлѣнія; нельзя уберечь и себя отъ привязанностей, отъ вліянія людей красивыхъ и смѣлыхъ, которые вездѣ водятся. Ослабленный моимъ пристрастіемъ къ Мери, я рисую передъ собою ея успѣхи вездѣ; мнѣ кажется, что молодые люди всѣхъ городовъ и земель, какъ и я, должны были гоняться за нею, пытаться разгадать то, что я пытаюсь разгадывать. Тогда передо мной рождаются милліоны иѣжныхъ сценъ подъ небомъ Италіи, въ шумныхъ окрестностяхъ Парижа, въ цвѣтущихъ уголкахъ Германіи и Швейцаріи. Я вижу себя жалкимъ наслѣдникомъ сердца, которое уже налюбилось; мнѣ кажется, что шагъ за шагомъ, приближаясь къ цѣли, я только смѣшу Марью Александровну. Во мнѣ является дерзость и ревность; я начинаю чувствовать, что, съхранивъ молодость души, я не успѣлъ переимѣнить юности-

скаго довѣрія къ женщинамъ; мнѣ дѣлается грустно за свою старость и вредныя грезы разрѣшаются безсиліемъ.

Третьягодна случилось со мною происшествіе, давнее, конечно на время, странный оборотъ моимъ мыслямъ. Собираясь жениться, я понималъ, что мнѣ нельзя уже вести моей прежней празднои жизни; привязавшись къ Мери, я потерялъ всякую способность тѣшиться свѣтомъ и ничего не дѣлать. Ты, безъ сомнѣнія, видишь разницу между моими прежними и настоящими письмами. Въмѣсто описанія ба-ловъ, чудаковъ, гордыхъ джентльменовъ, за которыми наблюдалъ я съ такимъ удовольствіемъ, вмѣсто смѣшныхъ или драматическихъ исторій, въ которыя поминутно вовлекала меня страсть къ новымъ людямъ и новымъ занятіямъ, ты читаешь толки объ одной и той же женщинѣ. Письма эти совершенно выражаютъ мое настоящее настроеніе, но тѣмъ не менѣе я чувствую, что Мери не можетъ быть пріятно такое неотступное стремленіе ко всему, что до нея касается. Мы не дѣти, и чтобъ нравиться такой женщинѣ, нужно имѣть кой-какія практическія побужденія, — праздная жизнь въ столицѣ, назначенные дни, пріятельскіе обѣды и гостиная съ причудливой мебелью, не могутъ теперь исполнѣе занять ни меня, ни будущей моей жены.

Сперва я думалъ съ толкомъ заняться хозяйствомъ въ деревнѣ, но, къ несчастію, всё мое имѣніе подъ Петербургомъ; отъ климата этихъ краевъ Мери такъ отвыкла, что даже теперь, лѣтомъ, замѣтно худѣетъ. Посоветовавшись съ нею, я рѣшился служить дѣятельнѣе и просить себѣ одно мѣсто на югѣ Россіи. На мѣсто это нашлась тьма претендентовъ, и такъ-какъ я не любилъ никого расталкивать, то почти отложилъ о немъ попеченіе и поѣхалъ въ Петербургъ, болѣе для успокоенія своей совѣсти.

Господинъ, отъ котораго зависѣло мое назначеніе, принадлежалъ къ разряду моихъ безчисленныхъ школьныхъ товарищей. Увидѣвъ меня, онъ засмѣялся и сказалъ — «что это? ты нынче ѣдешь къ старымъ товарищамъ съ визитомъ и съ благодарностью?»

«—Съ какой благодарностью? спросилъ я, удивившись не менѣе его.

Онъ объявилъ мнѣ, что я утверждёнъ на просимомъ мѣстѣ.

Мое удивленіе выходило изъ границъ, но я не хотѣлъ вернуть такой любезности однокашника. Не желая дѣлать

моего недоумѣнія, пріятель передалъ мнѣ, подъ великимъ секретомъ, что за меня просилъ Коншевскій, человекъ ему весьма нужный.

Я разсердился и отправилъ къ чорту Коншевскаго, котораго видѣлъ раза два въ жизнь мою. «Въ Испаніи, говорилъ я, почитается вѣжливостью заплатить за пріятеля въ трактирѣ. Я самъ помню, какъ разъ я уплачивалъ деньги за дряннаго пѣтуха въ оливковомъ маслѣ, когда одинъ глупѣйшій донъ началъ кивать головою и объявлялъ, что беретъ вздержку на свой счетъ. То была любезность къ чужестранцу, но за что же этотъ господинъ такъ со мною любезничаетъ?..

«— Это человекъ полезный, сказалъ пріятель.

«— Да кто онъ такой? Я незнакомъ съ нимъ.

«— Немудрено, онъ рѣдко бывааетъ въ Петербургѣ.

«— Я не хочу быть ему обязаннымъ.

«— Напрасно, онъ можетъ и *хочетъ* все для тебя сдѣлать.

Съ этими словами пріятель закрылъ аудіенцію. Я самъ разсмѣялся моею злобѣ, вспомнивъ, что Коншевскій былъ друженъ и переписывался съ моимъ братомъ. Полудовольный и полусердитый, я воротился въ Петергофъ и при встрѣчѣ съ Мери, рассказалъ ей всю исторію.

Но едва только имя моего страннаго помощника коснулось слуха Марьи Александровны, она выпрямилась грудью и ея черныя глаза, никогда не имѣвшіе тѣни восточнаго или цыганскаго блеску, вспыхнули такъ; что я вздрогнулъ, будто передъ моимъ лицомъ пробѣжала электрическая искра. Когда я поднялъ взглядъ въ лицо моей невѣсты, она была блѣднѣе обыкновеннаго, также сдѣла согнувшись, только волосы ея приведенные, въ безпорядокъ быстрымъ движеніемъ, лежали живописнѣе прежняго.

«— А! сказала она и задумалась.

Я ждалъ послѣдствій.

«— Мое *ami*, сказала Марья Александровна, ласково приподнявъ голову:—могу я дѣлать вамъ серьезныя просьбы?

«— Можете.

«— И нѣсколько разомъ?

«— Хоть тысячу.

«— Во-первыхъ, откажитесь отъ вашего мѣста.

«— Я догадываюсь.

«— Не догадывайтесь ничего,— продолжала Мери, приближаясь ко мнѣ съ каждой уступкою и краснѣя болѣе и болѣе.

Мы помолчали немного. «Я не была съ вами откровенна, начала она снова: — «эту недѣлю я получила извѣстіе о томъ, что мой родные отдали мнѣ еще домъ въ Москвѣ. Я не хотѣла васъ тревожить, и только разыскивала причины этихъ страннѣхъ удачъ... Послѣ вашей исторіи, я знаю что дѣлать. Домъ и дача должны быть возвращены, я отъ нихъ отказываюсь... устройте мнѣ это дѣло — безъ шуму.

Я поклонился, ожидая дальнѣйшихъ объясненій.

«— У меня есть еще много вещей. Снесите съ мнѣ повѣреннѣмъ, узнайте отъ него въ точности, что изъ нихъ досталось мнѣ при помощи разныхъ таинственныхъ заступниковъ, и что досталось безъ всякой сторонней помощи. Теперь садитесь къ письменному столу.

Я взялъ перо, едва удерживаясь отъ глупыхъ разспросовъ; Мери облокотилась на меня, такъ-что ея чудные волосы упали мнѣ на лицо. Она улыбнулась и отбросила ихъ назадъ.

«— Пишите отъ моего имени письмо къ г. Коншевскому, его зовутъ Сергѣй Борисовичъ. Напишите, что я, на теперешнее и будущее время, отказываюсь отъ всѣхъ его дѣлъ въ мою пользу; что я возвращаю ему домъ и дачу, которые мнѣ не принадлежали никогда; что я не требую ни чьихъ благодарній, что я не нуждаюсь въ покровителяхъ и заступникахъ. Пишите, что ежели бы во всемъ мирѣ у меня... нѣтъ это слишкомъ зло—не пишите этого.»

Письмо было окончено, Мери подписала свое имя, рука ея слегка дрожала. «Теперь у меня ничего нѣтъ... тихо сказала она мнѣ, робко опустивъ голову.

Несмотря на всѣ терзающія меня тайны, я не могъ не подивиться иѣжности ея души, съ необыкновенной подвижностью переходящей отъ сильныхъ чувствъ къ дѣвственной, трогательной подозрительности. Мери напомнила мнѣ свою бѣдность, будто затѣмъ, чтобъ дать мнѣ полную свободу отъ нея отступить; она словно не помышляла о томъ, что это пустое обстоятельство еще болѣе сближало насъ, еще сильнѣе развивало мою преданность. Никогда мы не были такъ близки, какъ въ эту минуту: волненіе, съ

которымъ я подаловалъ ей руку, прижалъ ее къ своему сердцу, едва-ли можетъ быть описано.

«— У меня ничего нѣтъ, — снова сказала Мери, на этотъ разъ улыбнувшись своею тихою улыбкою.

Она уже сознавала свою силу и могла понимать счастье.

«— Слава Богу, отвѣчалъ я:—и вы хорошо понимаете причину моей веселости. Теперь, моя Мери, не угодно ли вамъ сжалиться надо мною и дать мнѣ хоть какое-нибудь объясненіе...

«— Въ чемъ же? простодушно спросила Мери.

«— Ахъ, Боже мой! неужели-же вамъ весело меня мучить? Что за человекъ этотъ Коншевскій, почему онъ близокъ съ вашими родными и смѣетъ вамъ оказывать свои услуги?

«— Будто это такъ легко пересказать... задумчиво перебила моя невѣста.

«— Наконецъ, съ какой точки мнѣ должно смотрѣть на его поступокъ—какъ на глупость, или какъ на обиду?

«— Оставьте его, онъ довольно наказанъ», съ усиленіемъ отвѣчала она.

Я замолчалъ. Мери поняла, что объясненіе было необходимо, она хотѣла говорить и помѣстилась такъ, будто собиралась начать длинную исторію. Къ истинному моему изумленію, она не могла сказать ни слова; слова ей не повиновались, маленькія губки, стискиваясь съ замѣчательною силою, не хотѣли пропускать звука. Я понялъ, что подъ ея спокойною наружностью таится страшное волненіе; мнѣ было слышно, какъ билось ея сердце: она кашлянула и на платкѣ ея я замѣтилъ струйки крови.

«— Другъ мой, закричалъ я, перепугавшись этого тихого пароксизма:—успокойтесь, не говорите ни слова, ложитесь на меня, все будетъ сдѣлано, я огражу васъ отъ преслѣдованій ненавистнаго человека. Забудемъ этотъ разговоръ, забудемъ прошлое съ его тоской и страданіями. Передъ вами еще столько лѣтъ впереди, что эта перспектива одна можетъ исцѣлить васъ; я не хочу вашихъ секретовъ; я болталъ самъ не зная что. Что намъ до чужихъ людей, когда мы любимъ другъ друга. Успокойтесь же, беритесь за ваше всегдашнее лекарство, подложите руки подъ голову и засните.

И взявши ея холодныя ручки, я, шутя, загнулъ ихъ къверху и положилъ ихъ подъ ея волосы. Мои слова уже нибѣ-

ли власть надъ Мери; она улыбнулась, промлась по ком-
натѣ и выпила немного воды, а потомъ стала говорить о
своихъ домашнихъ дѣлахъ, будто бы съ ней ничего не
случилось.

«— Теперь, Мери—сказала я ей—примемся серьезно за
хозяйственныя распоряженія. Письмо вы отправьте, но не
переѣзжайте съ дачи тотчасъ же, чтобъ не возбудить раз-
ныхъ толковъ. Домъ, отапливаемый мною для насъ двухъ,
черезъ недѣлю будетъ готовъ, и наша свадьба можетъ слу-
жить лучшимъ средствомъ для того, чтобъ вамъ раздѣлать-
ся съ страннѣйшимъ своимъ наследствомъ».

Мери не могла удержаться отъ улыбки при словѣ свадь-
ба; она видѣла мою хитрость, но уже не сердилась на мои
настойня.

«— И такъ, черезъ недѣлю? спросилъ я прощаясь съ
нею.

Она вся вспыхнула и наклонила голову въ знакъ согла-
сїя. Я вышелъ совершенно пьяный отъ ожиданій близкаго
счастія, благословляя и Коншевскаго, и таинственное на-
следство, и капризы моей Мери. Конечно, она любитъ ме-
ня; конечно, послѣднее препятствіе отброшено.

Пора окончить и мое письмо, я совершенно надаю от-
усталости. Эта вѣчная борьба, вѣчное наблюденіе, вѣчная
сторожка измучиваютъ меня къ ночи. Миѣ даже некогда
ревновать, хотя кажется охота къ тому и не совсѣмъ уга-
сла...

Прощай, сестра.

Письмо пятое.

7 іюля.

Утромъ разбудило меня необыкновенное движеніе на
дорогѣ, проходившей, къ несчастію, подъ самыми окнами
моей спальни: ряды экипажей и тѣлегъ, пѣшихъ и кон-
ныхъ путниковъ тянулись, стучали, пылили и перегоня-
лись. Миѣ не трудно было догадаться, что все это
происходило по случаю праздника и ожидаемой ил-
люминаціи. Значитъ миѣ цѣлый почти день не придется
видѣться съ Мери, у ней ночуютъ двѣ подруги, прїѣхав-
шія на праздникъ; на сегодняшний день по-крайней-мѣрѣ
наши tête-à-tête тебѣ не стануть надобовать.

Думая такимъ образомъ, я еще валялся въ постели, когда шумъ началъ подбираться и ко мнѣ. Двери во всѣхъ комнатахъ стали хлопать, отворяться и затворяться; оно было тѣмъ страннѣе, что дачу брата давно уже занималъ я одинъ. Потомъ послышалось мое имя, повторенное разными голосами, и въ мою комнату ввалилось много разнаго народа. Городскимъ пріятелямъ захотѣлось поздравить меня женихомъ и повидаться со мною; мнѣ очень понравилась ихъ рвеніе, хотя оно, какъ нарочіо, приходилось въ тотъ день, когда всякій ищетъ себѣ уголка въ Петергофѣ, в радѣ поздравлять злѣйшаго врага съ тѣмъ только, чтобъ приютиться въ его квартирѣ на время праздниковъ. Я имѣю то сходство съ донъ-Жуаномъ, что готовъ ласково встрѣтить хотя бы тѣнь командора, вслѣдствіе того простаго обстоятельства, что какъ ни встрѣчай несноснаго гостя, результатъ посѣщенія будетъ одинъ и тотъ же. Въ кучкѣ пріятелей я отыскала людей дѣйствительно ко мнѣ близкихъ, отдалъ всю дачу къ услугамъ прибывшихъ, и чуть наступило время обѣда—мы всѣ усялись за послѣднюю холостую трапезу. Я хотѣлъ роскоши для этого импровизированнаго пира. Изъ всѣхъ комнатъ цвѣты снесены были въ столовую, ставни закрыты и зажжена была бездна свѣчей; стукъ экипажей и говоръ толпы на улицѣ, едва достигала до насъ, какъ шумъ отдаленнаго водопада. Мнѣ стало опять весело, я отдыхалъ, ни одна любовь не утомляла меня столько, какъ привязанность къ Мери: день отдыха былъ не лишнимъ въ моемъ положеніи. Возлѣ меня сидѣли тѣ же товарищи моей бродяжнической молодости, съ которыми мы выѣсть спрашивали нашу былую жизнь, сходясь и разходясь поминутно, прощая другъ другу общіе наши недостатки, составляя одинъ интимный кружокъ между тысячью разныхъ круговъ, зная всю подноготную другъ у друга и доводя юношескую снисходительность до ея послѣднихъ предѣловъ. Я чувствовалъ, что мнѣ навѣкъ слѣдуетъ проститься съ этими людьми и начать жизнь совершенно чуждую ихъ понятіямъ, жизнь, которая съ перваго дня разбросаетъ насъ въ разныя стороны. Почти каждый изъ моихъ пріятелей замѣтилъ во мнѣ важную перемену; одни говорили, что я исхудалъ какъ голодный живописецъ; другіе замѣтили, что на моемъ мѣстѣ и съ моимъ характеромъ они отказались бы отъ самой счастливой любви. Смутно сознавая то, что дѣлалось со мною, они вовсе не помышляли о Мери и, ка-

залось, не думали о томъ, что есть на свѣтѣ небольшое число женщинъ, съ которыми самая трудная, утомительная любовь кажется наслажденіемъ.

Съ половины обѣда я уже началъ скучать, если можно назвать скукою то сладкое, подстрекающее чувство, которое испытываетъ влюбленный женихъ, на короткое время разлученный съ невѣстою, около которой привыкъ быть поминутно. Я былъ готовъ расцаловать человека, упоминавшаго невзначай имя моей Мери, и моя стариковская нѣжность дошла до того, что, выпивъ свой стаканъ, я произнесъ во всеуслышаніе начало стиховъ:

Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моей,

но такъ-какъ ихъ продолженіе совершенно не согласовалось ни съ моимъ положеніемъ, потому-что я пилъ не одинъ, ни съ характеромъ самой Марьи Александровны, несколько не похожей на маленькую перь, то я ограничился только двумя начальными стихами. Двое изъ моихъ сосѣдей, посмѣявшись надо мною, потребовали, чтобы я, какъ женихъ, показалъ имъ портретъ моей будущей супруги, и я не заставилъ себя долго просить—готовъ былъ показывать цѣлому свѣту ея башмачки, ея записочки, ея волосы, вслѣбъ у меня было хоть что-нибудь въ этомъ родѣ; но ты вѣроятно догадываешься, что Мери не изъ такихъ женщинъ, отъ которыхъ можно получать башмачки, записочки и локоны волосъ. Къ-счастію, для моего самолюбія, у меня былъ довольно большой портретъ, сдѣланный въ двѣ секунды съ помощью дагерротипа и раскрашенный подъ моимъ личнымъ наблюденіемъ. Невѣста моя изображена была на немъ въ своей амазонкѣ, но безъ шляпы, мнѣ некогда было заботиться о ея нарядѣ, потому-что портретъ сдѣланъ былъ невзначай и за него мнѣ пришлось выдержать препорядочную вспышку; какъ-бы то ни было, минута выбрана была удачно въ ту самую пору, когда верховая ѣзда и мой разговоръ только-что начинали разгонять утреннюю хандру Марьи Александровны. При видѣ портрета, всѣ пріятель, привыкшіе не скрывать своихъ ощущений, разразились громкими возгласами. Мери была какъ живая, волосы ея въ беспорядкѣ, щеки покрыты тонкимъ румянцемъ, остатки грусти и начало улыбки появились на ея лицѣ и производили эффектъ неописанный.

Глядя на портретъ, я могъ смѣло назвать его своимъ завѣщаніемъ, и художникъ и солнце только копировали едѣлавшее мною. Я былъ гордъ какъ дитя, или какъ старикъ, внезапно открывшій, что въ него влюблена молодая дѣвочка. Пріятели мои не знали Мил-е Коростенской, и подъ вліяніемъ веселаго обѣда, дѣлали на счетъ Мери уморительные комментаріи.

«— Она тебя затаскаетъ по баламъ, говорилъ одинъ.

«— Напротивъ, возражалъ ему С**, человекъ, по-видимому, практической и на дѣлѣ не лишенный опытности,—напротивъ, я вижу передъ нашимъ Полемъ цѣлую идиллію съ розами и поцалуями. Ставлю свою голову, что будущая М-ше Лихновскій была въ самомъ сердцѣ Германіи:

«— Дѣйствительно, она была въ Германіи—замѣталъ и усмѣхнувшись:—только, ручаюсь тебѣ, она вывезла оттуда не идилліи.

«— Господа, замѣтилъ въ свою очередь старшій селядочъ Иванъ Николаичъ:—клянусь вамъ, что вы все ошибаетесь. На портретѣ изображена милая шалуныя, которая слишкомъ юна для того, чтобъ имѣть опредѣленный характеръ. Это мягкій воскъ, а изъ него, какъ говорится въ книгахъ, можетъ быть все сдѣлано.

«— Почти такъ, снова провознесъ я, не сводя глазъ съ портрета.

Скоро опустѣла зала, всѣ разошлись, торопясь въ садъ, и я одинъ остался за пустымъ столомъ передъ изображеніемъ моей Мери. Я протислся съ прежнею живостью; убѣдился, что всѣ прежніе товарищи должны быть востылены; что прежнее существованіе, лишенное и бѣды и счастья, прошло безвозвратно. Въ драмѣ моей жизни остались живыми только два лица, я и женщина, мною любимая, и любимая до того, что деиъ разлуки для меня несносенъ. Я понималъ тяжелую обязанность, на себя принятую, и самъ шелъ ей на встрѣчу. Вокругъ меня и моей Мери составила пустыня, тѣмъ волюнѣ было мое рѣшеніе, тѣмъ охотнѣе далъ я себѣ вѣчную клятву любить Мери, беречь ее и хранить какъ безцѣпный алмазъ.

А между-тѣмъ въ садъ уже собралось народонаселеніе, иммигрировавшее изъ столицы по поводу праздника. Когда я вышелъ на улицу, было уже темно, и красное зарево сѣло по направленію къ пристани. Мнѣ сдѣлалось совѣстно, что я потрагилъ столько времени на вѣчный вѣ-

чтанія, между-тѣмъ, какъ бѣдная Марья Александровна, по всей вѣроятности, тосковала, слушая болтовню своихъ провинціальныхъ пріятельницъ. На дачѣ ея мнѣ сказали, что вся компанія давно уже отправилась въ садъ, я отправилась туда же, и скоро передо мной открылся видъ, на который я столько лѣтъ не могу налюбоваться. Стоя на верхней террасѣ, передъ дворцомъ, я обнимала взглядомъ безконечную перспективу огня, воды и человѣческихъ головъ; деревья освѣщенные снизу, казались нарисованными на золотомъ фонѣ, звуки музыки, всплески воды и говоръ толпы волновали кровь и отуманивали голову. Торжественные праздники хороши для влюбленнаго человѣка — онъ готовъ всю свою жизнь провести посреди подобнаго праздника, въ блескѣ и огнѣ, посреди миліона свидѣтелей, изъ которыхъ ни одинъ о немъ не заботится.

Я зналъ гдѣ отыскать мою Мери мнѣ весело было расталкивать толпу и идти по извѣстному направленію. На берегу моря, передъ Монплезиромъ, я еще издали узналъ свою невѣсту по необыкновенному вкусу, съ которымъ она одѣвалась. Мое появленіе пришлось какъ нельзя болѣе кстати, потому-что скучныя подружки совершенно замучили милую дѣвушку и готовы были бродить до самаго утра безъ всякаго состраданія къ своему языку и ногамъ; всѣ усилія усадить ихъ хотя на минуту оказались безплодными; напрасно Мери, дурно скрывая свою досаду, соблазняла своихъ подругъ видомъ моря и освѣщенныхъ судовъ; напрасно я романтическимъ тономъ предлагалъ смотрѣть на луну, которая, плавая посреди зарева и клубовъ дыма, имѣла совершенно странный видъ — деспотическія дамы хотѣли гулять и слушать музыку.

Но едва охватили насъ волнующіяся стѣны народа и разговоръ сдѣлался почти невозможнымъ при общемъ шумѣ, какъ я долженъ былъ подать руку Марьѣ Александровнѣ и даже слегка придержать ее за талию. Легкая дрожь пробѣгала по ея членамъ, можно было безъ труда замѣтить, какъ погибались ея колѣна. Необыкновенно-тоскливое выраженіе отразилось во всѣхъ чертахъ лица и дыханіе стало прерывисто. «Больны вы, другъ мой!» спросилъ я, стараясь не придавать своимъ словамъ особенно приторнаго оттѣнка, хотя, правду сказать, былъ встревоженъ не на шутку. Мери только улыбулась и поглядывала мнѣ въ лицо такими глазами, что я скоро понялъ причи-

ну ея тревоги. Она боялась людей, боялась ихъ безъ всякой причины и основанія; видъ многочисленнаго собранія дѣйствовалъ на нее какъ на самаго больного ребенка; передъ этой инстинктивной боязнью умолкалъ ея свѣтлый разумокъ, уничтожались самые простые доводы. Тоска и тревога Мери въ эту почъ далеко оставляли за собою все то, что мы знаемъ о мизантропахъ и отшельникахъ; я поневолѣ улыбнулся, вспомнивъ о Танской, которая рассказывала, что целюбить людей, и видимо веселила посреди большаго собранія. Мери не знала никакихъ мизантропическихъ поговорокъ, по-видимому была ловка и развязна въ обществѣ, а между-тѣмъ дрожала всѣмъ тѣломъ, забывала весь свой характеръ, когда чужое платье касалось ея наряда и незнакомые глаза останавливались на ея личикѣ. На бѣду еще, она была особенно хороша въ тотъ вечеръ: стройная и блѣдная, какъ царица волшебницъ, она чрезвычайно много выигрывала при огнѣ фантастической иллюминаціи; нѣсколько разъ кучки шалуновъ загораживали нашъ путь и я имѣлъ несказанное удовольствіе слушать позади себя наивныя восклицанія любителей хорошенькихъ головокъ.

«— Мери—говорилъ я шутя—будьте бодрѣе.

Но бодрость совсѣмъ оставила мою оригинальную странницу.

«— Чего вы боитесь, *grande enfant!*»

Отвѣта не было.

«— Марья Александровна — сказалъ я серьезнѣе: — не стыдно ли вамъ давать волю своей слабости. Съ Божьей помощью, я надѣюсь васъ вылечить и отъ болѣе серьезныхъ припадковъ. Переломите себя, теперь случай въ нашу пользу.

Она улыбнулась и сказала—«попробуемъ».

Неспособныя подруги отстали отъ насъ, мы были свободны и я пережилъ лучшіе полчаса моей жизни. Мы смѣло, взявшись за руки, пошли на встрѣчу возмущившемуся морю народа, мы скользили между, пестрыми его волнами, сходясь и расходясь, улыбаясь другъ другу и обмѣниваясь ласковымъ словомъ. Нѣсколько разъ я бросалъ Мери на произволъ бурному теченію массы народа, любовался, глядя, какъ она, призывая на помощь всю свою твердость, пробиралась между чуждыми фигурами, и въ ту минуту какъ бодрость начинала оставлять ее, догонялъ ее снова, пода-

валъ ей руку и выхвалялъ ея рѣшимость. Она стала оживляться, всякая побѣда надъ призраками своего воображенія ее радовала, она уже сама начинала искать густой толпы, заглядывалась на каскады, узнавала мѣста и смѣялась своей прежней робости. Когда мы устали и сѣли на скамейкѣ неподалеку отъ моря, Марья Александровна начала говорить мнѣ ты и между прочимъ сказала съ радостной улыбкой: «значить я еще могу исправиться!»

«— Исправляйся, исправляйся, другъ мой, отвѣчалъ я на это—пусть эта прогулка будетъ тебѣ урокомъ. Долой тоску и апатію, прочь всякую робость, завоюй себѣ новую жизнь и новую молодость.

«— Какъ тепла ночь! какъ всѣ веселы! снова замѣтила она:—мнѣ хочется болтать и рассказывать глупости.

«— Начинай же, сказалъ я:—кстати, между нами есть еще секретъ—и, признаюсь тебѣ, я бы хотѣлъ...

Я думалъ, что Мери вспыхнетъ или захандритъ, но она действительно была въ завидномъ расположеніи духа. «Я не скажу моего секрета»,—лукаво сказала она.

«— Это въ твоей волѣ.

«— То—есть, другими словами: «опять за капризы».

«— Неужели я не могу жить безъ твоихъ секретовъ.

«— Жить можешь, но тебѣ хочется его знать.

«— Это опять—таки въ твоей волѣ.

Марья Александровна придвинулась еще ближе, очаровательно ласковая струна зазвучала въ ея серебряномъ голосѣ.

«— Другъ мой,—начала она:—у меня на сердцѣ лежитъ тяжесть важнѣе всѣхъ моихъ прошлыхъ тайнъ. Ты считаешь меня за холодную и капризную женщину, которая беретъ на свою долю лучшую часть твоей привязанности, оставляя тебѣ одному трудъ и горе. Не оправдывайся, ты не можешь иначе думать. Наша связь до-сихъ-норъ принесла тебѣ однѣ усилія и одно сомнѣніе, я же поправляюсь душой и тѣломъ, пока ты страдаешь, какъ докторъ, у постели больного. Я приняла твое предложеніе, думая, что ты потеряешь терпѣніе и отступишься отъ меня черезъ недѣлю...

«— Ты забыла только, что я люблю самую твою болѣзнь.

«— На перебивай меня,—продолжала она:—мнѣ еще нужно такъ много высказать, а я не люблю говорить дол-

го. Если ты когда-нибудь, рассердившись на мои капризы, приходишь въ отчаяніе и признавалъ меня безчувственнымъ существомъ, ты былъ неправъ. Я понимаю каждый твой шагъ и дѣню его, потому-что чувствую, я уже становлюсь другою жепщиной.

«— Больше мнѣ ничего не надо, произнесъ я, пожимая ея руку.

«— Не забудь только одного, другъ мой, снова начала Мери:— я еще больна и вдвое злѣе, какъ всѣ выздоравливающие. Потерпи еще не много, удвой свою осторожность. Тебя тревожитъ тайна моей прошлой жизни, мои сношенія съ чужимъ человѣкомъ; ты страдаешь и ревнуешь меня... но теперь я не могу пособить этому. Я сто разъ давала тебѣ зашѣтитъ, какъ грудень путь, тобой выбранный... ты влашь смѣло, даже спасаешь меня... но я все еще страдаю, несчастная Мери. Терпи еще, жди еще, только въ одномъ я могу увѣрить тебя отъ чистаго сердца, я не была ни одной горести, мною тебѣ принесенной. И я знаю, что скоро придетъ пора, когда за всякую минуту твоего гѣра я заплачу тебѣ всѣмъ, чѣмъ только можетъ платить любимая женщина, если только вы не разлюбите меня и советѣшь со мной не ссоритесь.

Последнія слова она сказала шутливымъ голосомъ, будто боясь отуманить меня, раскрывъ передо мной соприкоснута преданности и благодарности, таившіяся въ ея сердцѣ.

«— Помни же—такъ кончила она, вставая съ снамейки:— не подсматривай за мной, не спрашивай обо мнѣ нікого, положиись на меня съ слѣпой довѣренностью, — и на время забудь объ этомъ гадкомъ секретѣ...

И вдругъ, говоря такимъ-образомъ, она сдѣлала быстрое, порывистое движеніе и въ глазахъ ея сверкнула такъ знакомая мнѣ игра гѣва. Въ двухъ шагахъ отъ насъ стоялъ человекъ лѣтъ пятидесяти, высокій и худощавый, съ необыкновенно-умнымъ и энергическимъ лицемъ. Когда мы прошли мимо его, онъ снялъ шляпу и съ грустнымъ, но глубоко-почтительнымъ видомъ, хотѣлъ что-то сказать. Мери Адександровна не отвѣтила на поклонъ и не слушала незнакомца; смѣло и даже дерзко поглядѣвъ ему прямо въ лицо, она быстро отвернулась и оставивъ меня, свернула въ боковую аллею. Но сдѣлавъ тамъ нѣсколько шаговъ, она повернула голову и отрывистымъ знакомъ по-казала къ себѣ незнакомца.

Я подошелъ къ ней ранѣе. Я хочу быть одна — сказала она мнѣ холодно.

Хорошо, что я не сказалъ ей ничего — въ такомъ положеніи трудно вымолвить что-нибудь умное.

« — Отгнайте дѣвицъ и проводите ихъ на мою дачу, сказала она такъ повелительно, что вся кровь моя вспыхнула! Прощайте же.

И вмѣстѣ съ новымъ лицомъ она прошла къ пирамидальному фонтану. Я хорошо разглядѣлъ изящный парадъ таинственнаго фрака и легко различилъ бы его въ тысячѣ подобныхъ ему стариковъ.

Мнѣ стыдно признаваться тебѣ, сестра, но я рѣшился на вещь, недостойную благороднаго человѣка. Я былъ взбѣшонъ и несчастенъ: переходъ отъ нѣжнаго разговора къ подозрѣнію и холоду наложилъ на мою старую голову нѣсколько лѣтъ лишнихъ. Я понялъ ревность безпутныхъ и безиравственныхъ стариковъ, я былъ страшно старъ въ эти минуты. Зачѣмъ тутъ толковать долго — я просто былъ низокъ и жалокъ. Прикрываясь лѣсами и алюминацин и толстыми цѣпами деревьевъ, я, какъ воръ, пробрался къ прелестному фонтану, которому суждено играть роль въ моей исторіи...

Сцена, которую я увидѣлъ, до-сихъ-поръ носится передъ моими глазами. Распорядители праздника, будто зная, что всякое украшеніе только испортитъ романтическій видъ лужайки съ знакомымъ тебѣ фонтаномъ, не иллюминировали его, ни сосѣднихъ деревьевъ, ослѣпительно-бѣлымъ столбъ воды, чуть озаренный бѣлымъ мѣсяцемъ, на свободѣ взлеталъ вверхъ и шепталъ свою непонятную рѣчь; яркій лучъ свѣта изъ сосѣдней аллеи одинъ золотилъ площадку между старыми деревьями; гуляющихъ не было вблизи. Мари стояла у самаго бассейна, гордо закинувъ назадъ голову; какая-то злая, торжествующая улыбка порхала на ея губахъ, сама она казалась бѣднѣе прежняго. Незнакомецъ о чемъ-то говорилъ ей съ жаромъ, она поминутно его останавливала двумя тремя рѣзкими, короткими словами.

Весь поддавшись постыдному настроенію духа, я уже не зналъ мѣры и съ отчаянною смѣлостью шелъ навстрѣчу собственному униженію. Затаявъ дыханіе, изогнувшись какъ вишня, я пробирался по влажной травѣ и наконецъ доползъ до куста, спрятавшись за которымъ, могъ подслушивать сколько было угодно, — подслушивать въ первый разъ, кля-

вкусъ тебѣ. Те было первое и послѣднее подписыванье въ моей жизни.

«— Оставьте меня, говорила Мери съ неслыханною за-
нальчивостью:—кровь моя волнуется отъ каждаго вашего
слова. Идите прочь, я не могу владѣть собою долѣе.

«— Мери, Мери! отвѣчалъ ей таинственный человѣкъ,
опуская глаза, но не шевелясь съ мѣста: — я много стра-
далъ это время, я связанъ обѣтомъ умирающей и не отой-
ду отъ васъ, пока не выпрошу вашего прощенія. Я знаю
все зло, но не вы одинъ его испытали. Мы не видались
только два года,—взгляните на меня.

Онъ снялъ шляпу и я невольно вздрогнулъ. Густые его
волосы, тщательно причесанные какъ у молодого человѣка,
были бѣлы, бѣлы какъ молочная пѣна фонтана. Марья
Александровна взглянула на эту страдальческую голову и
усмѣхнулась съ ѣдкомъ провѣи.

«— Мнѣ жаль, сказала она, что я не могу отплатить
вамъ тѣмъ же. Къ сожалѣнію, мои волосы такъ же хороши,
какъ были въ то время, когда я заслужила ваше почетное ви-
жаніе. Можетъ-быть эти два года подѣйствовали и на ме-
ня—только другимъ образомъ.

Незванкомъ не шевелился, онъ будто не страдалъ полъ
огнемъ встрѣченной имъ насмѣшки. «Какъ христіянинъ и какъ
человѣкъ, васъ обидѣвшій—медленно проговорилъ онъ: —
для вашего будущаго счастья, для вашей будущей любви,
если въ васъ осталось хотя что-нибудь человѣческое, про-
шу васъ въ послѣдній разъ, забудьте прошлое—простите
меня.

«— Я не забываю прошлаго, я не умѣю прощать,—рѣ-
ше и внятно отвѣчала моя невѣста.

Нѣсколько секундъ будто туманъ носился передъ мои-
ми глазами. Чтобъ удержаться отъ паденія, я крѣпко ух-
ватился за вѣтки куста. Мысли мои были ясны: меня ужас-
нула эта сила ненависти, меня грызли весьма понятныя
подозрѣнія, но истиннаго волненія во мнѣ не было—сердце
не нѣсколько не колебалось, я любилъ слишкомъ сильно.
Я позналъ всю негѣдность моего инюиства,—еслибъ я под-
смотрѣлъ вещи десятиро обидѣвшія, я бы не могъ него-
довать на Мери. Она была вся моя, съ ея пероками и
вѣдннъ началомъ; на ней покоился интересъ всей моей жизни,
я принадлежалъ ей, и всякая ревность, за прошлое и на-
стоящее, была вещью бесполезною.

И совсѣмъ тѣмъ, что могло значить это свиданіе, какое воспоминаніе заключалось въ словахъ: «я не умѣю прощать», страшныхъ словахъ, которыя все еще отдавались въ моихъ ушахъ, слышались вокругъ меня, слышались въ вальсесахъ фонтана, въ ночномъ шелестѣ широкихъ листьевъ?..

Я взглянулъ еще разъ къ сторонѣ бассейна—незнакомца уже не было, и лицо Марьи Александровны приняло свою прежнюю спокойную миловидность. Но, Боже мой! она глядѣла въ мою сторону и будто ждала моего появленія. Нѣтъ сомнѣнія, она слышала произведенный мною шорокъ, можетъ-быть даже различила мои глаза.

Минута ожиданія была ужасна. Я чувствовалъ, что сдѣлалъ безчестный поступокъ, что слѣдуетъ первому въ немъ повиниться, и сознавалъ, что можетъ-быть веселое, откровенное признаніе исправить дѣло. Но я никогда не былъ слишкомъ находчивъ: дѣйствуя по разъ принятому плану, я еще умѣлъ вести дѣла съ самыми эксцентрическими людьми, но въ настоящую минуту сознаніе собственной своей низости убило меня...

Я оставался какъ былъ. Взглянувъ въ послѣдній разъ на мое жалкое пристанище, Мери улыбнулась и тихо пошла къ выходу изъ сада. Я никогда не забуду этой улыбки: она была хуже смертнаго приговора!

Письмо послѣднее.

** іюля 18** года. ■

Сегодня утромъ, когда я еще лежалъ въ постели, думая о вчерашнемъ днѣ и оправдывая себя всѣми мѣрами, нѣтъ недали записку, писанную незнакомою рукою, но подъ пелтерей стояло знакомое имя. Еще не читавши ее, я почувствовалъ, что буду читать вещи, не совсѣмъ пріятныя. Вотъ ея содержаніе:

«Какъ ни тяжело мнѣ писать къ вамъ, какъ ни трудно таяне раскрывать передъ чужимъ человѣкомъ тайную исторію своихъ поступковъ—я долженъ однакожь рассказать вамъ многое. Вы подстергли нашъ разговоръ съ Марьей Александровной, вы оскорбили ее шпионствомъ и подосрѣнствомъ. Мы оба преступны передъ одной и той же женщиной, мы оба равны.

«Имя мое—Кеншевскій, и не женѣ прихожусь дальнѣйше родственникомъ вашей невѣсты. Съ Марьей Александровной, для ея и моего несчастія, я познакомился по слѣдующему случаю. Передъ отъѣздомъ моимъ за границу, я женился на шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, которую любилъ безъ памяти и за которой долженъ былъ ухаживать каждую минуту, какъ за дѣтей. Ея здоровье было до того слабо, что угрожало началомъ чахотки; въ такомъ положеніи моей женѣ были необходимы перемѣна мѣста, совершенное спокойствіе дѣла, любовь мужа и отсутствіе всякихъ нравственныхъ потрясеній. Радостно принялъ я на себя роль доктора и отца, и гувернантки, чтобъ спасти мое бѣдное дитя и снова призвать его къ жизни.

«Въ первое время послѣ свадьбы, мои усилія оказались на безплодными: съ неописаннымъ восторгомъ я слѣдилъ цѣлые дни за возрождающеюся веселостью моей Нади, за каждымъ лишнимъ шагомъ, слѣваннымъ ею безъ труда. Мы не успѣли еще пробѣхать Германію, какъ она видимо похорошѣла, могла бывать въ театрахъ, даже всходить на горы. Одинъ разъ, въ ..., возвращаясь въ свою гостиницу послѣ какого-то необходимаго визита, я засталъ Надю въ припадкѣ неслыханнаго восхищенія: она отыскиала въ городѣ свою родственницу и подругу дѣтства, съ которой была постоянно дружна. Вы догадываетесь, что то была ваша невѣста. Марья Александровна принуждена была оставить Петербургъ, вслѣдствіе извѣстныхъ вамъ событій и свѣтскихъ сплетенъ. Не имѣя опредѣленнаго плана поѣдки и побуждаемая настояніями моей Нади, М-лле Мерв согласилась ѣхать съ нами въ Швейцарію и Италію. Я не сопротивлялся планамъ обѣихъ дамъ—съ перваго взгляда на подругу моей жены,—я не принадлежалъ самому себѣ. Есть женщины, которыхъ ни одинъ старикъ не можетъ видѣть равнодушно.

«Марья Александровна была тогда такъ же хороша, какъ и теперь; но въ ея характеръ не было той лѣности, усталости, раздражительнаго охлажденія, которымъ онъ отличается въ настоящее время. Три года тому назадъ она была однимъ изъ совершеннѣйшихъ созданій. Она была весела какъ юное существо, встрѣтившее въ жизни своей горе, но успѣвши сохранить свою свѣжесть и часть своихъ силъ; она была умна, какъ женщина, много думавшая; она была ласкова какъ человѣкъ, желающій покоя и привязан-

ностей. Все зло было назади ея, впереди она видѣла еще цѣлую жизнь—ей еще не было двадцати лѣтъ. Характеръ ея окончательно формировался подѣ благотворнымъ вліяніемъ отдыха, новыхъ мѣстъ и новыхъ друзей. Мнѣ суждено было отравить эти живительные источники.

«Я не оправдываюсь въ своемъ преступномъ увлеченіи. Я влюбился, забывая священную обязанность гостеприимства, забывая свой возрастъ, забывая свои отношенія къ слабой моей Надѣ, забывая цѣлый свѣтъ съ его законами и условіями. Я не былъ дурнымъ челокомъ, но тѣмъ безотраднѣе было мое нравственное паденіе, тѣмъ ужаснѣе были его послѣдствія.

«Двухъ недѣль было достаточно, чтобъ разстроить счастье трехъ лицъ, равно близкихъ къ бѣдѣ. Мери отшатнулась отъ меня съ ужасомъ и тоскою; Надя возненавидѣла свою невинную подругу; я самъ, чувствуя, что все зло, мною сдѣланное, не привело меня даже къ тѣни успѣха, сдѣлался суровѣе и раздражительнѣе. Совѣсть меня терзала. Мери не могла дольше оставаться съ нами, не могла смотрѣть на меня, видя во мнѣ почти убійцу слабой ея подруги... не простясь съ нами, она уѣхала изъ Италіи, безъ денегъ, безъ товарища, безъ прежней своей веселости, которая вся угасла подѣ гнетомъ неожиданныхъ бѣдствій. Ея юношескія силы были истощены... воротятся ли онѣ когда-нибудь?

«Наказаніе не заставило долго ждать себя. Въ Неаполѣ я удостовѣрился, что Надѣ осталось жить нѣсколько мѣсяцевъ: ея бѣдпый организмъ не перенесъ слѣдствій той драмы, которая разыгрывалась дорогою—ненависть была не для нея создана. Я не обманывалъ себя, я сознавалъ свое преступленіе. Послѣднія минуты моего бѣднаго друга были послѣдними минутами праведницы. За день до смерти, не раньше, она спросила меня, виновата ли Мери? Стоя на колѣнахъ передъ ея постелью, я разрушилъ ея предсмертныя подозрѣнія; тогда она взяла съ меня слово быть первымъ другомъ Марьи Александровны, испросить у ней забвенія прошлому, отыскать ее за границую, обезпечить ее всѣмъ, что я только имѣю, жить только для того, чтобы сгладить слѣды общаго нашего заблужденія. Еслибъ она не дала мнѣ этого приказанія, я бы застрѣлился надъ могилою моей Пади.

«Съ этой поры вся жизнь моя имѣла только одну цѣль: я шелъ по назначенному мнѣ пути съ упрямствомъ челоѣка, которому терять нечего. Я дѣйствовалъ неутомимо, съ врачной готовностью, какъ преступникъ, выпрашивающій себѣ суда и наказанія. Прежде всего я побывалъ въ Петербургѣ, говорилъ съ отцомъ Мери, со всѣми людьми, навлекшими на нее клевету общества. Я вывѣдалъ ихъ тайны, грозилъ, упрасивалъ, доказывалъ неосновательность ихъ подозрѣній. Я сталъ бороться съ существомъ, котораго одолѣть едва-ли кто въ состояніи—съ клеветою, полузабытою клеветою. Я одолѣлъ ее. Мери воротилась въ Петербургъ; дѣвушка, безвинно отвергнутая обществомъ, увидѣла общее участіе, вниманіе къ себѣ—она была оправдана.

«Пока она была за границею, я находилъ тысячи средствъ облегчать ея нужды, прискивать ей защитниковъ, не навлекая на себя ни малѣйшаго подозрѣнія; съ прибытіемъ ея въ Петербургъ роль моя стала труднѣе. Мери не имѣла ничего и не могла имѣть, потому-что родные простили ее противъ своей воли. Малѣйшее сношеніе съ людьми, низшими вліяніе на ея участь, могло открыть мою тайну и разрушить всякую возможность дѣйствія. Мери не могла слышать моего имени. Вы знаете, какимъ путемъ я успѣлъ обезпечить хоть сколько-нибудь мое существованіе; вы знаете, съ какимъ ужасомъ оттолкнула она отъ себя все, что имѣла, чуть только начала догадываться... Я былъ ея врагомъ, потому-что она уже не умѣла забывать обиды.

«Вы были свидѣтелемъ нашего послѣдняго разговора, но вы, на бѣду себѣ, не поняли его основнаго значенія, его безотраднаго, убійственнаго смысла! Вы не содрогнулись, не закрыли лица руками, услышавъ эти слова—«я не могу забыть прошлаго, я не умѣю прощать!» Не показались ли онѣ вамъ фразою, капризомъ, можетъ-быть полунѣжнымъ упрекомъ? О, въ такомъ случаѣ вы погибли. Вы не знаете, что женское сердце, злопамятное отъ природы, безвозвратно ожесточается, если веѣ его симпатическія достоинства, только-что начавшія возникать послѣ недавней грозы, разъ были охвачены желѣзною рукою неумолимой дѣйствительности.

«Я былъ первою причиною этого ожесточенія и каюсь въ немъ болѣе, нежели въ своихъ заблужденіяхъ, нежели въ смерти моей Нади. Надя на небесахъ между анге ламъ

Марья Александровна на землѣ, съ полумертвыми и судорожно-бьющимся сердцемъ. Одна можетъ прощать и молиться за насъ, другая—не прощаетъ, не молится и—не любитъ. Она не женщина, не человекъ, потому-что она не можетъ забывать прошлаго. Она не можетъ жить въ обществѣ, потому-что за зло она не въ силахъ платить добромъ. Она ожесточена, и я больше не могу ничего сказать. Она ожесточена, и первою причиною ея ожесточенія былъ я съ моею гибельною страстью!

— «Я вамъ говорю откровенно, вы погибли съ той минуты, какъ осмѣлились слѣдить за ея прогулкою, вчера; не рѣшившись на явное признаніе, дѣйствуя какъ презривый ревнивецъ, вы заслужили ея ненависть. Въ то время, когда вы усиливались разгадать значеніе нашего вчерашняго разговора, судьба ваша совершалась надъ вами. Вы упали въ ея глазахъ, вы разрушили ваше собственное счастье.

«Мысль эта меня терзаетъ; я любилъ васъ, какъ единственнаго человека, пытавшагося призвать къ жизни убитую мною красавицу. Вы умны, смѣлы и опыты, я слѣдилъ за вашимъ поведеніемъ и удивлялся вамъ. Вы гальванизировали остатки прелестной женщины; вы были способны мало-по-малу призвать ее къ новой жизни. Съ той минуты, когда лицо Мери озарилось бы улыбкою истиннаго счастья, когда сердце ея забилося бы сладкою любовью, и бы упалъ къ вашимъ ногамъ, былъ бы рабомъ вашимъ до конца жизни. Вамъ предстояло совершить два великихъ дѣла—спасти Мери отъ ожесточенія и меня отъ вѣчныхъ угрызений совѣсти!

«Я знаю все, что дѣлала она сегодня ночью. Вернется домой, она часа три, не сядя, ходила по своей комнатѣ, написала письмо къ Танской, объявила людямъ, что на утро всѣ вещи должны быть отправлены съ дачи, и заснула на кушеткѣ, не раздѣваясь. Признаки эти не объясняютъ ничего утѣшительнаго.

«Выслушайте послѣдній совѣтъ старика, выдавшаго на своемъ вѣку нѣсколько тысячъ женщинъ самаго страннаго характера. Вы погибли почти вавѣрное; въ свою пользу вы имѣете одну миллионную вѣроятность, но не отчаявайтесь, пока не потеряете и ее. Бывали примѣры, что крѣпость спасалась отъ гибели помощью самой безумной вылазки. Бросьте вашу крѣпость, ваши превосходно-построенныя ли-

ни и киньтесъ въ отчаянное предпріятіе. Идите къ моему же минутѣ, забывъ весь вашъ умъ, все ваше достоинство. Бросьтесъ къ ея ногамъ какъ безумецъ, влечите какъ женщина, будьте мелоды, глупы и слабы. Не поднимайте головы отъ ея ногъ, рыдайте, унижайтесъ и молитѣ е надеждѣ на прощеніе. Не оставляйте ея комнаты, не слушайте ея приказаній, не стылитесъ своего униженія. Вы можете снастисъ такимъ образомъ — или она плюнетъ на васъ, или кинется вамъ на шею.

«Дай Богъ, чтобы хоть для васъ однихъ въ цѣломъ мірѣ, она стумѣла позабыть прошлое!»

Такъ кончалось письмо; читая его, я чувствовалъ помылъ безсильнаго бѣшенства и раскаянія. Меня не тронула грустная исповѣдь человека, разрушившаго все мое счастье— въ его послѣднихъ словахъ слышался мнѣ родъ сарказма, впрочемъ весьма понятнаго. Затѣмъ описывать всѣ мои чувства въ это время?

Я одѣлся, поскакалъ къ знакомой дачѣ, мнѣ что-то оказалось у входа, я ничего не разслушалъ и вошелъ въ комнату. Все было пусто, вещи увезены, Мери въ восемь часовъ выѣхала изъ Петергофа. На мое имя не было оставлено даже записки—моя перѣста ненавидѣла оффиціальныя рапорты. Я кинулся къ Надеждѣ Львовнѣ. Она знала все и видѣла почти все. Глаза ея были красны, она поплакала обо мнѣ и моемъ несчастіи.

«— Что мнѣ дѣлать теперь? сказалъ я, даже не заботясь о сохраненіи своего достоинства.

«— Мужъ мой, отвѣчала Надежда Львовна, ѣдетъ на два мѣсяца за границу. Хотите проѣхаться съ нимъ, онъ довольно веселый попутчикъ.

Я понялъ, что все было кончено.

Петергофъ, ... сентября 1850.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ пролежало это письмо на моемъ письменномъ столѣ; въ эти два мѣсяца я успѣлъ поѣздить по Россіи и за границу, видѣлъ вѣздъ Луи-Наполеона въ Сtrasбургъ, проѣхалъ мимо какого-то поля сраженія въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ и успѣлъ развлечь себя какъ только можно развлечься въ такое короткое время. Особенно мой небольшой перѣздъ по Россіи былъ мнѣ очень полезенъ— Русская дорога съ ея безграничными полями, долгими су-

мерками, обозами и разнохарактерными домиками помѣнниковъ, со всёми ея простыми и тихими разнообразіемъ, можетъ назваться превосходнымъ лекарствомъ отъ сильныхъ потрясеній. Еслибъ я могъ, отбросивъ привычки закоренѣлой мѣности, проѣхать съ какими-нибудь купцами въ Сибирь, на другой конецъ Россіи, кочевать при огнѣ въ полѣ, сталкиваться съ кучею разнохарактерныхъ попутчиковъ, слушать ихъ рассказы и жить ихъ жизнью, я бы помолодѣлъ съизнова. Я знаю отличное средство противъ тоски и горя—оно состоитъ въ томъ, чтобъ совершенно измѣнить отношенія между своими потребностями и ихъ исполненіемъ. Только посреди большихъ городовъ, отъ избытка комфорта и роскоши, человекъ страдаетъ душевной болью и создаетъ себѣ призраки горя и радостей. Разрушайте эти призраки, бросьтесь въ бродячую жизнь, сдѣлайте, чтобъ на первое мѣсто между вашими желаніями стали потребность сна, обѣда, новыхъ мѣстъ и отдыха, и тогда вы уже въ половину излечитесь.

Въ настоящее время я здоровъ, но нахожусь въ какомъ-то нравственномъ упадкѣ. Я глупѣю съ каждымъ днемъ: это не фраза, а горькая дѣйствительность. Короткая вспышка юношескихъ стремленій, случившаяся со мной въ это лѣто, воскресила во мнѣ многое: умъ, находчивость, воспоминанія о вещахъ, давно случившихся, теплоту души, но тѣмъ замѣтнѣе темнота, сдѣлавшаяся теперь въ моей головѣ. Въ настоящую минуту я болѣе ничего, какъ добрый старый холостякъ, съ которымъ можно знаться, потому-что онъ богатъ и не смѣшонъ. Тутъ и кончаются мои достоинства; всѣ способности, снова возникшія въ моей душѣ, вслѣдствіе привязанности къ Мери, скрылись и вѣроятно не явятся болѣе. Старость беретъ свое и я привыкаю къ этой мысли. Часто я вспоминаю и о Мери, но безъ всякой злобы на самого себя. Ошибка сдѣлана и тоскою ничего не воротить; еслибъ я зналъ какъ поступать иначе, я бы иначе поступилъ, и Мери была бы моею женой, любила бы меня и я былъ бы молодъ десять лѣтъ лишнихъ. Этого не случилось, и сожалѣніями не поможешь дѣлу. Но охраняя себя отъ бесплоднаго раскаянія, я вовсе не силюсь изгнать изъ моего сердца воспоминаніе о бывшей невѣстѣ—я не изъ тѣхъ людей, которые, увѣрясь въ холодности любимой женщины, рвутъ на себѣ волосы и по ночамъ строить планы о томъ, какъ бы слѣдовало вести себя прежде

катастрофы. Я беру жизнь какъ она естъ, не торгуюсь и не вѣскищалась, живу всю, съ ея неконченными романами, съ траги-комедіями и растянутыми поэмами, съ стариковскою любовью, разочарованными мальчишками и холодными женщинами. Вотъ почему образъ Марья Александровны еще совершенно свѣжъ въ моей памяти, и изрѣдка думая о нашихъ отношеніяхъ, я ощущаю то поэтическое настроеніе, которое является у людей перестающихъ писать стихи. Поэтический инстинктъ, отлетая, въ послѣдніе разы, любить тревожить свою жертву.

Сегодня, въ одномъ изъ подобныхъ припадковъ довольно вѣжнаго настроенія, я захотѣлъ увидѣть свою дачу— мѣсто моей послѣдней любви, вмѣстѣ съ тѣмъ докончить это письмо и сдѣлать кой-какія хозяйственныя распоряженія. Въ одиннадцатъ часовъ утра я сѣлъ на Сильфиду и отправился къ себѣ, укачиваемый волненіемъ, хотя день былъ весьма ясенъ и даже тихъ, если взять въ соображеніе осеннюю пору. Я предчувствовалъ, какую пустоту встрѣчу въ любимомъ своемъ уголку. Сентябрь мѣсяцъ съ его морозами, безъ сомнѣнія, давно уже прогналъ оттуда всѣхъ дачныхъ жителей. Красивый пароходъ казался совершенною пустыней; на палубѣ сидѣло только двое пассажировъ: закутанный старичокъ съ молоденькимъ кавалерійскимъ офицеромъ.

Когда берега скрылись отъ насъ, я подошелъ къ борту и не замѣчая брызгъ, которыя отъ колесъ сыпались на мое пальто, началъ пристально вглядываться въ море, безъ мысли и безъ цѣли. Я люблю море и, кажется, знаю всѣ особенности европейскихъ заливовъ и проливовъ, по крайней-мѣрѣ Финскій заливъ съ его пузатыми гальотами, плавающими флагами, заброшенными барками и бурными волнами, я отличаю въ моей памяти отъ всѣхъ прочихъ. Мои-жъ есѣдамъ на палубѣ было, повидимому, скучно—они вытались заговорить со мною, но видя, что я не подаюся на болтовню, стали продолжать прежній свой разговоръ.

«— Жаль бѣднаго Коншевскаго, говорилъ старикъ, подымая воротникъ своей бекеши.

Я слегка вздрогнулъ.

«— Ему бы только и пожить, — замѣтилъ офицеръ: — люди всегда мрутъ не во время.

« — И что за фантазія, кататься на парусахъ по взморью въ сентябрѣ мѣсяцѣ? Воля ваша — жизнь ему надоѣла. Жаль бѣднаго Коншевскаго.

« — Еще больше жаль наследниковъ — прибавилъ кавалеристъ: — они такъ бѣдны: у одного своихъ пять домовъ, у другой душъ тысячи три.

« — И онъ все отказалъ той дѣвушкѣ, которою мы всѣ любовались въ Петергофѣ.

« — Не всѣ, не всѣ, шутя сказалъ офицеръ, отъ Марьи Коростенской больше всего сходили съ ума старики. Вы знаете, въ нашемъ городѣ только старикамъ и счастье на волокитство.

« — Кто же, виноватъ, промолвилъ старичокъ улыбаясь — если пониманье красоты развивается только подъ старость... Странно однакоже, что за сношенія могли быть у него съ этой дѣвушкой?

« — Поѣзжайте куда-нибудь на вечеръ, тамъ вамъ на-скажутъ про нее разныхъ сплетней.

« — А вы сами какого мнѣнія?

« — Я того мнѣнія, — отвѣчалъ молодой человекъ со всей горячностью молодости: — что второй разъ клеветать на одну и ту же женщину могутъ только люди совершенно безпутные.

« — И она опять въ Петергофѣ?

« — Можете видѣть ее въ нижнемъ саду, въ два часа, на вороной лошади, одну и всегда одну.

Судьба! подумалъ я. Пойдемъ навстрѣчу судьбѣ. Пароходъ остановился у берега; вправо и влево, куда только достигалъ глазъ, тянулась дремучая стѣна величаваго сада, вѣковыя деревья уныло стояли надъ самой водою и роняли въ нее желтые свои листья. Впереди, по линіи поперечнаго канала, садъ раздвигался, обнаруживая зданіе дворца и золотую террасу. Статуи не были еще убраны, большая часть фонтановъ била и переливалась на солнцѣ, только струя воды взбѣгала лѣнивѣе и ниже. Не могу выразить сладкаго и томительнаго чувства, охватившаго меня при видѣ знакомыхъ и дорогихъ сердцу мѣстъ. зная, что оно не будетъ продолжительнымъ, я спѣшилъ поддаться его очарованію, воскресить въ себѣ хоть сколько-нибудь кошескихъ ощущеній.

Все вокругъ было пусто, тихо и невыразимо грандіозно. Сдѣлавши нѣсколько шаговъ по верхнему саду, я остано-

вился, чтобъ наглядѣться на окружающую меня картину. Осеннее солнце золотыми блестками играло на золотой кровлѣ дворца, золотило песчанья дорожки и свѣтилось на поверхности бассейновъ. Древнія липы сада не потеряли и четверти своихъ листьевъ, но всѣ остальные листья были ярко-желтые и, озаренные лучами солнца, казались сходнѣе съ цвѣтами. Вода бассейновъ была почти закрыта плавающимъ рядомъ листьевъ, весь пейзажъ казался сдѣланнымъ изъ лазури и золота. Угасающая жизнь природы не была вполнѣ скрыта этимъ ослѣпительнымъ одѣяніемъ; шорохъ листьевъ подъ ногами, неестественная свѣжесть воздуха, черные силуэты деревьевъ, ранѣе другихъ утратившіе свой нарядъ, — все говорило о пустотѣ, объ осени и о старости, невыразимое великолѣпіе сцены смѣшивалось съ невыразимымъ чувствомъ холодности. Я не помню, даже во времена первой молодости, прогулки, которая бы такъ сильно на меня дѣйствовала. Я страдалъ и страдалъ самымъ сладкимъ образомъ, я испытывалъ всю пронизательную прелесть воспоминаній послѣдней любви, я бродилъ два часа по разнымъ аллеямъ, я напѣвалъ мотивы, которые заучилъ еще въ дѣтствѣ, я вызывалъ передъ собою образы когда-то любимыхъ женщинъ, но въ головѣ этой поэтической фаланги все-таки стояла гордая фигура бѣлокурой Мери.

Наконецъ, хорошо рассчитавъ время, пробрался я къ тому самому фонтану, около котораго совершилась первая развязка моего сватовства. Памятное мѣсто во многомъ измѣнилось, фонтанъ, не поднимался кверху, въ бассейнѣ высыхали остатки воды, лужайка впереди деревьевъ, засыпанная красными и желтыми листьями, похожа была на кайму турецкой шали. Я съѣлъ на каменную ступеньку и задумался, но потомъ вскочилъ... въ пятидесяти шагахъ отъ меня, въ большой аллеѣ раздался стукъ лошадиныхъ копытъ, и вороная лошадь мелькнула между деревьями...

Мери была такъ же хороша, такъ же стройна, какъ и прежде. Ни одного облачка, ни одной грустной тѣни не лежало на ея мраморно-блѣдномъ личикѣ. Глаза ея были попрежнему свѣтлы и покойны, волосы такъ же густы и такъ же причесаны, и такъ же выбивались изъ подъ шляпы. Она ѣздила такъ же, вогнувъ грудь, и такъ же ловко держала поводъ между своими пальчиками. Во всей ея посадкѣ было то же самое необыкновенное сліяніе лѣности и силы и

граніи, которое меня когда-то приводило въ изступленіе. Увидѣвъ меня, она вѣжливо коснулась правой рукой края шляпы, не выразивъ на лицѣ ни малѣйшаго признака радости или неудовольствія. Замѣтивъ, что я хочу говорить съ нею, она ловко остановила лошадь и даже повернула ее вбокъ, чтобъ встрѣтить прежняго жениха лицомъ къ лицу. Я вспомнилъ послѣднее наставленіе старика, мнѣ показалось даже, что губы Марья Александровны слегка раздвинулись и приняли ласковое выраженіе. Мнѣ показалось, что эта женщина можетъ еще любить во мнѣ, если не мужа, то раба. Но два мѣсяца не проходятъ даромъ для человѣка моихъ лѣтъ. Я зналъ свою вину, и все-таки помнилъ свое достоинство.

«— Марья Александровна, сказалъ я ей тихо:—я знаю, что оскорбилъ васъ:

«— Мы оба виноваты, — сказала она. Я вамъ благодарна за все—однако намъ слѣдуетъ разстаться.

Я приводилъ шляпу и отступилъ назадъ два шага, не спуская взгляда съ ея глазъ. Говорить намъ было незначѣмъ: въ настоящемъ моемъ положеніи одинъ взглядъ могъ рѣшить все дѣло.

Я съ жадностью хотѣлъ прочесть ея мысли и, къ несчастію, прочелъ ихъ слишкомъ скоро. Первая минута моего появленія не пробудила въ Мери ни дружественнаго, ни враждебнаго чувства—но это была только одна минута. Сердце мое замерло, когда я подмѣтилъ въ глазахъ моей бывшей невесты ту самую яркую искру, которая всегда выражала одну ненависть и отвращеніе. Все было кокетомо—Мери помнила одно зло, мною сдѣланное, недѣли и мѣсяцы трудной моей любви пропали напрасно. Не говоря ни одного слова и выпрямившись грудью, она разомъ отпустила поводья и быстро скрылась въ сосѣдней аллеѣ, а я веротился домой съ тяжелою грустью въ сердцѣ, съ безтолковыми обрывками мыслей въ памяти.

А. ДРУЖИННИНЪ.

МЕНТОРЪ И ТЕЛЕМАКЪ.

Не мифологическій и не историческій рассказъ.

I.

ДВА ПРИТВЛІЯ И ОДНА ПРИТЕЛЬНОЦА.

Въ одинъ изъ тѣхъ немногихъ теплыхъ и ясныхъ вечеровъ, которыми такъ нерасточительно было мрачное, хохотное лѣто 1848 года, въ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ собралась многолюдная, пестрая, разнообразная толпа. Никто не думалъ о невидимой грозѣ, висѣвшей таинственно надъ головою всѣхъ и каждаго, старались, по-крайней-мѣрѣ, забывать о страшномъ бѣдствіи, ежедневно вырывавшемъ изъ среды живыхъ цѣлыя сотни. Всякъ думалъ, надѣялся, что ему не суждено еще умереть, что горькая чаша пройдетъ мимо, и молилъ о томъ Бога. Всѣ искали развлеченія, хотѣли веселиться на зло невольному унынію, грызшему сердце. И вотъ около трехъ тысячъ челоуѣкъ наполняли Новую-Деревню, какъ, для сокращенія называютъ расположенное по сосѣдству съ нею обширное деревянное зданіе «Водъ», въ послѣдніе три года прославившееся своими «праздниками» и разными затѣями, достаточно описанными въ фельетонахъ.... Въ тотъ вечеръ на Водахъ замѣтны были какое-то особенное движеніе и суета. Военныя шинели и пальто, каски съ золотымъ и серебрянымъ приборомъ, эпюлеты и аксельбанты, круглыя шляпы съ широкими и узкими полями, высокія и низкія, низкія и высокія, шляпки бѣлыя, палевыя, голубыя, розовыя,

съ лентами всевозможныхъ цвѣтовъ и тѣней, манталы, бурнусы, плащи, шали турецкія, шали французскія, шали рускія — надобно полагать, что въ числѣ русскихъ мануфактурныхъ издѣлій, должны быть и шали — шелкъ и бархатъ, шерстяныя матеріи и кисея — все это переливалось, смѣшивалось, толкалось или сталкивалось, какъ въ поэмѣ юнаго стихотворца, гдѣ все есть, кромѣ смысла и цѣли, мысли и чувства, ума и остроумія, воображенія и поэзіи — богатыя, звучныя рѣзмы, металлическія слова, которыя звенятъ какъ мѣдныя кольца, ударяющіяся одно о другое, выраженія отборныя, но туманныя, фразы витіеватыя, но малопонятныя, прилагательныя, не прилагаемыя ни къ чему существенному или существительному, эпитеты громкіе, роскошныя, хотя значенія ихъ поэтъ не повѣдаетъ ина ушко....

Въ ту минуту, съ которой начинается нашъ рассказъ, масса посѣтителей господина Излера раздѣялась на три главныя части. Въ залѣ, ближайшей ко входу, большинство съ восторгомъ слушало знаменитую «Коровушку», и разразилось шумными рукоплесканіями, когда одна цыганская Віардо-Гарсіа протяжно выводила: *«И телата не напоены»*. Въ другой залѣ, откуда выходъ въ садъ, пили чай или гливейнъ, какъ предохранительное отъ холеры средство. Наконецъ въ саду оставалась лучшая, солиднѣйшая часть публики, съ артистическимъ безмолвіемъ внимавшая оркестру Гунгля, который разыгрывалъ какую-то новую польку, по прошествіи трехъ лѣтъ, поступившую въ архивъ,..

У самой эстрады, гдѣ помѣщались музыканты, стояли два господина, ни мало не похожіе одинъ на другаго, ни возрастомъ, ни наружностью, ни приемами. Младшему было лѣтъ двадцать съ небольшимъ. На красивомъ, но отнюдь не умномъ, не выразительномъ лицѣ его, крупными, четкими буквами, выступали неопытность, крайняя, ребяческая до вѣрчивость и бессознательное добродушіе. Онъ былъ одѣтъ щегольски, но безъ вкуса, богато, но грубо. Полосатый жилетъ и яркаго цвѣта шейный платокъ совсѣмъ не шли къ его одутловатымъ, румянымъ щекамъ и черному скрутку, который видѣлся изъ подъ свѣтлаго пальто. Одною рукою онъ опирался на трость съ дорогимъ набалдашникомъ, въ другой рукѣ держалъ потухшій папирсъ. Старшій медленно, съ замѣтнымъ апетитомъ, курилъ гаванскую сигару, и отъ времени до времени махалъ плетенымъ хлыстикомъ. Ему казалось уже за сорокъ. Онъ былъ, что на-

ивается, видный мужчина, не весьма высокаго, но приличнаго росту, плотный, смуглый, съ черными какъ смоль усами, съ бакенбардами, густыми какъ дуброва, и бровями, которыя какъ двѣ тучи сходились надъ окраннымъ лба, и полузакрывали маленькіе, впалые, но пронизательные глаза. Строгія, суровыя черты лица его напоминали не то Турка или Грека, не то Армянина или Сербана; но онъ улыбался весьма пріятно, умѣлъ смягчать свой глухой, басистый голосъ, и былъ если не привлекательнымъ, то, для перваго знакомства, довольно любопытнымъ человѣкомъ. Вся наружность его общала біографію занимательную, похождения драматическія. Его манеры также не лишены были нѣкоторой пріятности, обточенности, хотя кургузый и слишкомъ рѣшительный туалетъ его показывалъ, что онъ принадлежалъ къ кругу тѣхъ господчиковъ, которые любятъ красоваться на именинахъ купцовъ третьей гильдіи, смѣло разыгрывая въ этихъ собраніяхъ роль представителей избраннаго общества.

Мы скоро узнаемъ, какія отношенія связывали его съ неопытнымъ молодымъ человѣкомъ, котораго звали Александромъ Семеновичемъ. Теперь вниманіе ихъ обращено было на группу, стоявшую тоже близъ эстрады, по другую ея сторону.... Группа эта состояла изъ трехъ мужчинъ и двухъ дамъ, старухи и молодой. Правда, и младшей было уже за тридцать, но она далеко еще не утратила красоты, достигшей «полнаго развитія», при гибкомъ, впрочемъ, станѣ и рѣзвыхъ движеніяхъ. Ея звонкій голосокъ не пропадалъ въ звукахъ польки, ея веселый смѣхъ электрически сообщался тѣмъ, съ которыми она разговаривала, любезничала, шутила, умно и увлекательно, какъ настоящая Парижанка, съ тою счастливою способностью, которую Французы такъ выразительно опредѣлили двумя словами: «*esprit français*». Въ-самомъ-дѣлѣ ея ломаный русскій языкъ доказывалъ, что она родилась не на берегахъ Невы, гдѣ никто не допрашивался ея происхожденія, но гдѣ она очаровывала доживныхъ юношей и приковывала къ себѣ пустыхъ стариковъ. Она жила и являлась всюду съ какою-то теткою, ѣдила съ нею въ наемной коляскѣ и одѣвалась какъ содержательница моднаго магазина.

— Прокофій Ильичъ. — сказалъ румяный юноша, указывая на описанную нами бойкую даму: мнѣ очень она нравится....

— Я это не сегодня замѣтилъ, отвѣчалъ смуглый, бросая окурокъ сигары и слегка ударивъ себя хлыстикомъ по правой ногѣ....

— Говоря откровенно, я былъ бы очень счастливъ, еслибъ меня ей представили, продолжалъ Александръ Семеновичъ.

— Вещь возможная, равнодушно сказалъ Прокофій Ильичъ, тихонько посвистывая.

— Вы ее знаете? быстро спросилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, не знаю, небрежно отвѣчалъ пожилой, вынимая изъ портфеля другую сигару.

— Такъ какъ же, Прокофій Ильичъ?

— Весьма просто, любезнѣйшій Александръ Семеновичъ.... Видите ли, подлѣ нея вертится щедущный человѣчекъ.... Знаете, острякъ.... онъ мнѣ хорошій пріятель....

— Чудо! Такъ черезъ него? Обяжите меня.... устройте это....

— Охотно....

— Когда же?....

— Хоть сегодня, пожалуй... Но, въ такомъ случаѣ, намъ надобно разойтись. Ступайте слушать Цыганъ, а я останусь въ саду.

Спустя пять минутъ послѣ этого разговора, смуглякъ ходилъ уже подъ руку съ щедущнымъ человѣчкомъ. Они что-то толковали между собою очень *интимно* и много смѣялись, а часу въ двѣнадцатомъ сѣли ужинать въ залѣ. Къ нимъ присоединились и Александръ Семеновичъ. О бойкой дамѣ за ужиномъ не было произнесено ни слова: потому что Александръ Семеновичъ былъ застѣнчивъ и разборчивъ, Прокофій Ильичъ скрытенъ, а щедущный человѣчекъ, по страсти своей къ островамъ, придумывалъ каламбуры; тѣмъ не менѣе бесѣда шла оживленная, шампанскаго, не смотря на холеру, выпито двѣ бутылки, и за ужинъ щедрый юноша заплатилъ двадцать пять рублей серебромъ. Такъ кончился для этихъ господъ *увеселительный* вечеръ на «Водахъ».

II.

ОБЪЯСНЕНІЕ ОТНОШЕНІЙ ДВУХЪ ПРІЯТЕЛЕЙ И НАЧАЛО ЗНАКОМСТВА СЪ ПРІЯТЕЛНИЦЕЙ.

За годъ до нашего разсказа Александръ Семеновичъ имѣлъ несчастье лишиться отца. Какъ нѣжный сынъ, оплакавъ

кончину родителя, молодой человекъ, среди движеній глубокой горести, увидѣлъ себя единственнымъ наследникомъ значительнаго состоянія, и окруженнымъ множествомъ друзей, которые изъ всѣхъ силъ старались по возможности уменьшить или облегчить его сыновнюю скорбь. Одни знакомства приводили другія. И всѣ новые знакомые находили Александра Семеновича милымъ, умнымъ, добрымъ, любезнымъ, благороднѣйшимъ малымъ. По слабости, свойственной природѣ человѣческой, они, можетъ-быть, нѣсколько и льстили ему. Не льстилъ только Прокофій Ильичъ. Онъ даже прямо высказывалъ Александру Семеновичу всякую истину, откровенно замѣчалъ его промахи и недостатки, надѣлялъ его благими совѣтами, и тѣмъ пріобрѣлъ, въ непродолжительное время, неограниченную его довѣренность, что не было трудно, потому что отсутствіе твердой воли и готовность подчиниться влиянію каждаго, составляли въ характерѣ Александра Семеновича отличительное качество. Прокофій Ильичъ, по примѣру другихъ, вовсе не искалъ его знакомства. Они сошлись случайно въ одномъ трактирѣ, гдѣ Прокофій Ильичъ обратилъ на себя общее вниманіе тѣмъ, что неостижимо сдѣлавъ въ угольную лузу желтаго шара, пригвожденнаго къ самому борту, сталъ на линію, и контилъ партію, не переходя на другую сторону билліарда. Это искусство и спокойный, небрежный видъ Прокофія Ильича, удивившія первыхъ игроковъ, мгновенно снискали ему расположеніе и уваженіе Александра Семеновича, питавшаго энтузіазмъ къ героизму всякаго рода. Въ теченіе недѣли они совершенно сблизились....

Первою мѣрою Прокофія Ильича, при такомъ сближеніи, было удалить почти всѣ прежнія знакомства и дружбы Александра Семеновича, не допускать новыхъ, умѣрить его расходы и возбудить въ немъ мысль объ умноженіи доходовъ. Александръ Семеновичъ, по врожденной добротѣ, не могъ не оцѣнить столь безкорыстнаго въ постороннемъ человекѣ участія, и слѣпо слѣдовалъ его наставленіямъ и указаніямъ. Скоро они стали неразлучны. По убѣдительной просьбѣ Александра Семеновича, Прокофій Ильичъ переселился къ нему на жительство. Всюду они являлись вмѣстѣ, разъѣзжая въ щегольской двухмѣстной каретѣ, на лежачихъ рессорахъ, запряженной дорогою парюю гнѣдыхъ. Злословіе и зависть говорили, что младшій возить, кормить и поить старшаго, которому отъ этого будто бы везеть....

Чего не выдумаютъ зависть, досада и праздная болтовня! О Прокофій Ильичъ разсказывали невѣроятную исторію. Говорили, что онъ какой-то выходецъ съ Востока, промотавшійся торговецъ, спекулянтъ, аферистъ; что онъ былъ заводчикомъ, подрядчикомъ, фабрикантомъ, управителемъ разныхъ частныхъ имѣній, вдавался въ разные промыслы, обманывался и въ свою очередь принужденъ былъ обманывать; не разъ попадалъ въ затруднительное положеніе, и наконецъ, послѣ безчисленныхъ испытаній и приключеній, обратился къ невинной промышленности, сколько выгодной, столько же и безопасной, въ которой, ни чѣмъ не рискуя, могъ только выиграть. Онъ искусно знакомился и дружился съ богатыми молодыми людьми, тонко, мастерски ласкалъ ихъ самолюбіе и юныя, пылкія страсти; помогалъ имъ совѣтомъ и дѣломъ въ отношеніяхъ съ прекраснымъ поломъ; сначала обворожалъ изысканною вѣжливостью, предупредительностью, услужливостью; потомъ, мало-по-малу входя въ короткость; за бутылкою «редерера» незамѣтно переходилъ съ *вы* на *ты*, становился необходимымъ товарищемъ забавъ, развлеченій, руководителемъ своего запутаннаго клиента, котораго, порядкомъ обобравши, бросалъ на послѣдокъ, какъ бесполезный, выжатый лимонъ. Иронически, его называли Менторомъ, а питомцевъ или жертвъ его — Телемаками....

Все это, повторяемъ, гласило одно лишь злорѣчіе. По всей вѣроятности, въ сказкѣ, изобрѣтенной на счетъ Прокофія Ильича, не было, какъ водится, и десятой доли правды. Даже и изъ нашего дальнѣйшаго повѣствованія едва ли узнаетъ читатель что-либо достовѣрное о Прокофій Ильичѣ: потому что мы разсказываемъ одинъ только эпизодъ или анекдотическій случай, въ которомъ онъ слегка принималъ участіе, по дружеской услужливости. Изъ всѣхъ толковъ злословія, въ началѣ знакомства Прокофія Ильича съ Александромъ Семеновичемъ, оправдался самый ничтожный: за ужиномъ въ Новой-Деревнѣ, о которомъ упомянуто въ концѣ первой главы, Прокофій Ильичъ перешелъ съ своимъ питомцемъ отъ *вы* на *ты*. Возвращаясь въ городъ въ низенькой каретѣ, Менторъ объявилъ Телемаку, что завтра онъ будетъ представленъ являющейся ему бойкой дамѣ, въ ложѣ Александринскаго театра....

Слѣдственно, почти излишне прибавлять, что на другой день, въ семь часовъ вечера, Прокофій Ильичъ в Але-

Александръ Семеновичъ, всевозможно усовершенствовавъ свой талантъ, отправились въ храмъ Мельпомены. Давали, во второй или въ третій разъ, новую драму, въ которой, помнится, было семь «картинъ» и пятнадцать дѣйствующихъ лицъ, четыре обморока, нѣсколько заблужденій, двѣ жертвы и шесть гонителей, много слезъ, плача и — такіа страсти!... Партеръ и ложи.... но вы, конечно, освобождаете автора отъ театральнаго описанія. Всѣ кресла были заняты. Во второмъ ряду сидѣлъ нашъ знакомецъ, художавенькій человѣчекъ — записной театраль, не пропускавшій ни одного представленія, и одѣвавшійся съ большою притязательностью. На немъ были сѣрые брюки, канареечнаго цвѣту жилетъ и коричневый скюртукъ съ бархатными украшеніями. Находили, что голова у него нѣсколько велика для жиденькаго туловища, что глаза его въ китайскомъ родѣ и что, наконецъ, вмѣсто носа, по срединѣ желтаго лица его, носилъ онъ продолговатый пузырь, налитый медокомъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ «абсолютныхъ» театраловъ, которыми все равно, даютъ ли «Филатку и Мирошку» или «Аскольдову Могилу», «Горе отъ ума» или «Аи Ф»; онъ ходилъ въ театръ по привычкѣ, не зная какъ иначе провести вечеръ, и полагая, что самое пріятное занятіе перемигиваться съ милыми особами въ ложахъ втораго и третьяго ярусовъ. Впрочемъ онъ обыкновенно выдавалъ себя за пламеннѣйшаго почитателя и знатока драматическаго искусства; въ антрактахъ, прислонившись къ барьеру, принималъ картинное положеніе, видъ мечтателя, притворно задумывался. Глядя на него издали, вы, конечно, вообразили бы, что онъ уносился мыслью въ пространства заоблачныя, мечталъ о ней, или, по-крайней-мѣрѣ, припоминалъ подробности пьесы: тогда какъ — ничего не бывало — онъ просто соображалъ что бы ему лучше, послѣ спектакля, спросить у Доминика на ужинъ.... бифтексъ съ картофелемъ *а ля метръ-д'отель* или майонезъ изъ дачи. Подъ маскою мечтателя, художавенькій человѣчекъ скрывалъ въ себѣ самага прозаическаго истребителя бутербродовъ, растегаевъ, судаковъ, жареной телятины съ огурцами, рубленыхъ и отбивныхъ котлетокъ.... Случилось ему разъ, рисуясь у барьера и принимая свою любимую мечтательную позу, попасть вискомъ въ контрбасъ....

Піеса уже началась, когда Прокофій Ильичъ и Александръ Семеновичъ вошли въ театръ, первый медленною, мѣрною поступью, второй нетерпѣливо, съ неровнымъ біеніемъ серд-

ца. Окинувъ взглядомъ ложи, онъ увидѣлъ въ одной изъ нихъ, во второмъ ярусѣ, двухъ дамъ, старую и молодую: то были извѣстныя намъ тетка и племянница.

Въ антрактѣ худощавенкій человѣчекъ не преминулъ шмыгнуть къ барьеру, и сталъ рисоваться во всѣ стороны, стараясь придать лицу своему нѣжное, меланхолическое выраженіе, при чемъ указательнымъ пальцемъ очень искусно закрылъ неблагообразную и красноватую оконечность носа.

Тихонько пробрался къ нему Прокофій Ильичъ.

— Ну, что, Василій Петровичъ? Можемъ мы быть представлены Жозефинѣ Карловнѣ?

— Всенепремѣнно. Я предупредилъ ее утромъ. Идемъ теперь же....

Прокофій Ильичъ сдѣлалъ знакъ Александру Семеновичу.... Телемакъ, смущенный, покраснѣвшій отъ радости и ожиданія, робко къ нимъ приблизился, и всѣ трое вышли въ корридоръ, потомъ поднялись на лѣстницу, и черезъ минуту столли уже у ложи, въ которой, какъ пышная роза, красовалась залетная Француженка, любившая посѣщать русскій театръ....

Телемакъ чувствовалъ, что сердце у него замираетъ. На вотъ дверь ложи отворилась, они входятъ, онъ представляетъ, ему привѣтливо улыбаются....

III.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о Жозефинѣ Карловнѣ, въ прошедшемъ и настоящемъ....

Жозефина Карловна лѣтъ десять уже какъ поселилась въ Петербургъ съ своею теткою, Амаліей Фердинандовной, дамой почтенной во всѣхъ отношеніяхъ, обладавшей многими оригинальными качествами, въ томъ числѣ огромнымъ носомъ съ синеватою бородавкою на концѣ. Такъ какъ авторъ не имѣлъ случая видѣть самъ метрическихъ свѣдѣтельствъ тетки и племянницы, то и не можетъ несомнѣнно заключать, родныя онѣ или двоюродныя между собою, а также дѣйствительно ли состоятъ въ какомъ-либо родствѣ. Для исторіи нашей свѣдѣніе это, впрочемъ,

ве есть необходимое. Рассказывали, что обѣ онѣ были некогда актрисами на какомъ-то провинціальномъ французскомъ театрѣ. Младшая играла первыхъ любовницъ, старшая — тетокъ, и съ-тѣхъ-поръ навсегда осталась теткой, Утѣряли, что обѣихъ вывезъ изъ-за границы какой-то туристъ и авантюристъ, намѣреваясь устроить у себя домашній театръ. Намѣреніе это не было приведено въ исполненіе, отчасти по недостатку другихъ сюжетовъ, отчасти по непостоянству авантюриста, часто измѣнявшаго своимъ намѣреніямъ и увлеченіямъ. Снабдивъ племянницу и тетку приличнымъ вознагражденіемъ за то, что онѣ, для его притюти, пустились въ далекій и невѣрный путь, туристъ снова отправился странствовать. Немедленно открыли онѣ — одни говорятъ на Вознесенскомъ, другіе въ Гороховой — модный магазинъ, содержали его нѣсколько лѣтъ съ большою выгодною, накопили изрядный капиталецъ, и стали жить доходами съ него, оставивъ затѣмъ торговлю шляпками и зепками. Въ первой молодости Жозефина Карловна, была, какъ утверждаютъ старожилы, блистательной красавицей, и сводила съ ума многочисленныхъ поклонниковъ, но, видно, эти сведенные съ ума почитатели ея красоты были себѣ на умѣ. Ни одинъ изъ нихъ не вздумалъ предложить ей, вмѣстѣ съ сердцемъ, руку, а она сердца безъ руки не принимала, справедливо рассуждая, что сердце вещь закрытая, загадочная, и, слѣдственно, ничего не стоитъ.... Коротко сказать, злословіе, такъ легкомысленно очернявшее Прокофія Ильича, не прикасалось къ малозвѣстному имени Жозефины Карловны. Правда, на взглядъ, по чрезвычайной, артистической бойкости своей, она казалась вѣтряницей, но нѣсколько ближайшее знакомство съ нею неоспоримо убѣждало, что она съ роскошными прелестями Каллипы соединяла строгость и суровость Минервы. Вотъ къ какому острову приплылъ Телемакъ нашъ. Счастливъ еще былъ онъ, что его руководилъ Менторъ, не допуславшій его до опрометчивыхъ поступковъ....

Вы уже узнаете, что Прокофіи Ильичъ, Александръ Семеновичъ и Василій Петровичъ вошли въ дожу вмѣстѣ.... вослѣдній съ тѣмъ развязнымъ видомъ, который свойственъ старому знакомому, увѣренному притомъ въ себѣ; а художавемъкшій человекъ считалъ себя очень «интереснымъ» и обыкновенно воображалъ; что взоры всѣхъ локъ и беноарокъ обращаются на него, когда онъ ломается въ своей за-

ученой позѣ, сообщая пергаментному лицу своему нѣжно-тоскливое выраженіе....

Прокофій Ильичъ, всегда вѣрный своей развѣренности и расчитанности, и въ настоящемъ случаѣ соблюдалъ непоколебимое спокойствіе, да и не отъ чего было волноваться. Однакожь на губахъ его скользила пріятная улыбка, и онъ поклонился обѣимъ дамамъ такъ ловко и непринужденно, что младшая удостоила его самымъ ласковымъ наклоненіемъ своей хорошенькой головки, а старшая устремляла на него любопытный, испытующій и проницательный взглядъ.

Разумѣется, что всѣхъ обязательное принять былъ румяный юноша....

Жозефина Карловна, въ нѣсколько минутъ, обворожила его своимъ игривымъ умомъ, граціозною любезностью, острыми замѣчаніями, жемчужными фразами, можетъ быть, взятыми на прокатъ изъ романовъ Шарля Бернара, Леона Гозлана, покойнаго Бальзака, живой г-жи Дюдеванъ, или изъ драмъ, нѣкогда самой ею игранныхъ. Александръ Семеновичъ, не успѣвшій еще ознакомиться ни съ французскою, ни съ отечественною словесностію, принималъ всѣ эти перлы и блестящи за незанятую, вновь отчеканенную монету. Они удвоивали достоинства и красоту «идеала», уже давно его плѣняващаго....

Александръ Семеновичъ, вообще не слишкомъ разговорчивый, такъ какъ мыслительная система не довольно легко обращалась въ головѣ его на своей оси, и даръ слова не принадлежалъ къ числу даровъ, которыми осыпали его природа и случай, — Александръ Семеновичъ электрически воодушевился, старался выказать всю силу своихъ умственныхъ способностей и кое-какихъ знаній, пріобрѣтенныхъ хорошимъ воспитаніемъ. Телемаку нашему помогалъ въ поддержаніи антрактной бесѣды худощавенькій человекъ, имѣвшій, между-прочимъ, какъ намъ уже отчасти извѣстно, страшное притязаніе на остроуміе, игру словъ, каламбуры, заимствованные большею частью изъ такъ называемыхъ «шутокъ-водевилей», или очень на нихъ похожіе, по складу, глубокомыслию, - иронии....

Между-тѣмъ какъ молодые люди наперерывъ истощали свои очарованія, степенный, солидный Прокофій Ильичъ тихо говорилъ съ теткою по-нѣмецки, что не мѣшало ему, однакожь, украдкой посматривать на племянницу и слѣдить за питомцемъ. Опытная Амалия Фердинандовна много

начала ихъ отношенія и, статья можетъ, отчасти разгадала физиологію Прокофья Ильича. Они быстро сблизались и подружились. Бородовка на носу старухи ни сколько не отвращала отъ нея смуглаго господина.... «Страсти» на сценѣ кончились. Страсть въ сердцѣ Александра Семеновича только что развивалась....

Получивъ предварительно дозволеніе, Прокофій Ильичъ и Александръ Семеновичъ явились на другой день, утромъ, съ визитомъ къ новымъ знакомкамъ.

Небольшая, уютная квартирка убрана была со вкусомъ, почти роскошно. Зеркала, картины, драпри, фарфоровыя вазы съ цвѣтами, гамбсовская мебель, богатый рояль Вирта, ковры, этажерки, уставленные множествомъ бездѣлокъ, разныхъ фигуръ и статуэтокъ — все это бросалось въ глаза, и было расположено такъ, что не могло не бросаться....

Телемакъ возмѣлъ еще выгоднѣйшее понятіе о достоинствахъ Каллипсо, особенно, когда, послѣ утонченнаго завтрака, она присѣла къ роялю и премило запѣла какой-то сладенькій французскій романсъ....

Телемакъ таялъ и горѣлъ. Менторъ тихо, но весьма, по видимому, хладнокровно разговаривалъ съ Амаліей Фердинандовной, какъ вчера, на томъ же неподобномъ языкѣ Шиллера и Гёте, котораго Александръ Семеновичъ, къ сожалѣнію, не разумѣлъ....

Спустя три дня, визитъ былъ повторенъ, и послѣдовало приглашеніе къ обѣду. Утонченностью, онъ не уступалъ завтраку, приготовленному Жоржемъ, какъ узналъ Прокофій Ильичъ отъ Амаліи Фердинандовны, съ которою послѣ каждаго свиданія сходился болѣе и болѣе въ образѣ мыслей и воззрѣніи на предметы.... Жозефина Карловна, въ свою очередь, была очень внимательна къ Александру Семеновичу. Говоря съ нимъ, она такъ обольстительно закатывала глаза водъ лобъ, что бѣдный молодой чедовѣкъ совершенно терялся, и находилъ, что едва ли на свѣтѣ есть женщина лучше Жозефины Карловны....

Въ теченіе недѣли Телемакъ оказался влюбленнымъ, въ полной формѣ, до безумія, и — неоспоримое тому доказательство — сталъ писать стихи, никогда прежде нечувствовавши ни малѣйшаго призванія къ поэзіи.... Въ чаду упоенія у него была мысль о женитьбѣ, но мудрый Менторъ далъ ему совѣтъ не спѣшить этимъ важнымъ дѣломъ. «Надобно

прежде узнать, любить ли тебя она взаимно? говорилъ онъ часто Александру Семеновичу.

IV.

Менторъ не разстается съ Телемакомъ, мечтающимъ объ умноженіи своего достоянія и о благосклонности Калипсо.

Въ то злополучное лѣто, къ которому относится наше нехитрое повѣствованіе, многіе изъ петербургскихъ жителей, обыкновенно проводящіе четыре мѣсяца на дачѣ, предпочли остаться въ городѣ, гдѣ нѣтъ недостатка въ докторахъ, аптекахъ и гробовыхъ мастерахъ. Такъ какъ миазмы губительной болѣзни, согласно съ мнѣніемъ большинства, заключались въ воздухѣ, то справедливо полагали, что, по всѣмъ удобствамъ и уваженіямъ, въ случаѣ роковаго жребія, гораздо легче было пользоваться врачебными пособіями въ городской квартирѣ, нежели подѣ сѣнію березъ, липъ и акацій. Жозефина Карловна и въ особенности почтенная тетуска ея, Амалия Фердинандовна, дорожившая остаткомъ дней своихъ, были совершенно на сторонѣ этого основательнаго мнѣнія, и вовсе не переѣзжали на дачу, нанятую въ началѣ лѣта. — Онѣ оставили ее за собою только для временныхъ пріѣздовъ, и чтобы имѣть свой лѣтній пріютъ хотя на нѣскольکو часовъ посѣщенія. Дача эта находилась гдѣ-то за Лѣснымъ институтомъ и отличалась уединеннымъ тѣнистымъ садомъ....

Въ этомъ-то тихомъ пріютѣ дѣйствующія лица разсказа нашего проводили иногда пріятные вечера, Прокофій Ильичъ степенно бесѣдовалъ съ Амалией Фердинандовной, вязавшей кофточку и ронявшей петлю; художавенькій человекъ толковалъ съ какимъ-нибудь другимъ гостемъ о театрѣ и блисталъ островами, превосходившими всякое вѣроятіе. Чтѣ касается Жозефины Карловны, и Александра Семеновича, они удалялись наслаждаться природой въ самую глубь сада, въ густую аллею, вѣтви деревъ которой сплетали надъ головами ихъ зеленый навѣсъ. Здѣсь влюбленный Телемакъ, смущаясь и краснѣя, заикаясь и робѣя, нашептывалъ своей Калисѣ нѣжныя признанія, выслушиваемыя ею съ коварною, двусмысленною улыбкою. Жозефина Карловна веда

себя въ отношеніи къ Александру Семеновичу дипломатически, дѣла время, уклонялась отъ прямаго отвѣта о взаимности, не подавала и не отнимала надежды.... прощаясь, чуть чуть пожимала ему руку — и онъ былъ счастливъ. Въ молодости, когда такъ мало опытности и догадливости, такъ немного нужно для счастья и льстивыхъ ожиданій!...

Съ наступленіемъ сумерекъ дачу покидали, возвращались въ городскую квартиру Жозефины Карловны, гдѣ ожидали ихъ ужинъ, къ которому приступали, разумеется, не ранѣе полуночи. Это были превеселые ужины, оживляемые присутствіемъ и непринужденнымъ обхожденіемъ хорошенькой хозяйки. Она любила поболтать и посмѣяться. Прокофій Ильичъ рассказывалъ происшествія своей жизни, свидѣтельствовавшія о личности и характерѣ рассказчика съ самой выгодной стороны. Худощавенькій человѣчекъ, выбравшій всегда мѣсто передъ зеркаломъ, чтобы ловчѣе разсчитывать свои позы и мины, занималъ общество театральными анекдотами, при чемъ искусно намекалъ, что онъ въ короткой, дружеской связи со всѣми извѣстными актерами и актрисами, что составляло его гордость и хвастовство. Одна Амалия Фердинандовна большею частью молчала, значительно по временамъ переглядываясь съ Прокофіемъ Ильичемъ, чего вовсе не замѣчалъ его питомецъ, занятый одною хозяйкою. Онъ также иногда пускался въ рассказы.... преимущественно о своихъ рысакахъ.... но лишь только Жозефина Карловна кокетливо закатывала глаза подъ лобъ, языкъ влюбленнаго молодаго человѣка прилипалъ къ гортани и онъ весь обращался въ безмолвное, пламенное созерцаніе. Такъ шли дѣла нашихъ знакомцевъ до исхода августа. Холера начинала утихать, къ ней привыкли, хотя, сказать правду, это была дурная привычка....

Не думайте, однакожь, чтобы Жозефина Карловна и страстная склонность къ ней поглощали всѣ виды и все время Александра Семеновича. Нѣтъ, онъ думалъ, заботился и о дѣлахъ своихъ — думалъ головой и соображеніями Прокофія Ильича! Ему было такъ пріятно, легко, привольно подъ его великодушною опекою, въ его зависимости. Прокофій Ильичъ распоряжался всѣмъ домомъ, всею хозяйственною частью Александра Семеновича: покушалъ овесъ, сѣно и солому для лошадей, мѣнялъ мебель, собакъ и собаченокъ, до которыхъ молодой человѣкъ былъ большой охотникъ, убиралъ его кабинетъ со всевозможною роскошью, устранивалъ

обѣды и преферансы послѣ обѣда, выдавалъ деньги на расходы и получалъ доходы — короче былъ экономомъ и шкапюкою Александра Семеновича, въ которой хранились его банковые билеты и золото, при вѣрныхъ и ясныхъ отчетахъ, расчетахъ, итогахъ, которые точностью и аккуратностью своею могли бы пристыдить любого бухгалтера....

Прокофій Ильичъ завѣдывалъ не только городскими, но и деревенскими дѣлами своего воспитанника, который передавалъ ему управительскія донесенія и просилъ его принять на себя трудъ постоянной ихъ повѣрки. Будучи богатымъ человѣкомъ, Александръ Семеновичъ пользовался только плодами и результатами своего благосостоянія, не зная ни какихъ хлопотъ, возложенныхъ на обязательнаго друга и попечителя, великаго агронома, мастерски объяснявшаго ходъ управленія вотчинами, откупами, заводами, фабриками, рыбною ловлею.... Какъ ловятъ рыбу въ мутной водѣ, объ этомъ современномъ искусствѣ Менторъ благоразумно умалчивалъ, не желая разочаровывать Телемака касательно нѣкоторыхъ многостороннихъ вопросовъ и неблагоприятныхъ тѣней сего міра по предметамъ любостыжанія и корысти. Счастливые дни Александра Семеновича катились ровною, невозмутимую струею. Единственное волненіе, рябившее поверхность его сердца — это были невѣрительныя отношенія его къ французской Калипсо, которая вознамѣрилась, казалось, цѣлый вѣкъ услаждать его закатываніемъ глазъ подъ лобъ и очаровательными улыбками. Все остальное безусловно улыбалось ему, благодаря распорядительности и предупредительности друга....

Онъ былъ молодъ и неопытенъ — другъ постепенно его образовывалъ и приучалъ быть хозяиномъ. Онъ не зналъ всѣхъ утонченностей гастрономіи и обжорства — другъ обольстительно раскрывалъ передъ нимъ таинства первоклассной кухни и отборнаго погребя, ѣлъ и пилъ вмѣстѣ съ нимъ, для примѣра и указанія, чтобъ возбудить подражаніе и соревнованіе. Незамѣтно, но охотно и даже съ любовью Александръ Семеновичъ плясалъ по тайной идеѣ, мотивамъ и варіаціямъ привлекательной, гармонической дудки Прокофія Ильича, каждый день разигрывавшаго новыя, разнообразныя фантазіи.... Усыпленный юноша внималъ имъ въ упоительной полудремотѣ, тихо, лѣниво бесѣдовалъ съ опытнымъ другомъ, изливая передъ нимъ все заповѣдное чистой души своей. А тотъ слушалъ, не пропуская ни еди-

ваго слова, ни одной недоговоренной мысли, научая и на-
странная всѣ звуки, всѣ оттѣнки его немудреного нрава....

Осенью дѣла призывали Александра Семеновича въ отдаленную губернію, гдѣ было главное его имѣніе. Но онъ ни за что не хотѣлъ разстаться ни съ Петербургомъ, ни, еще болѣе, съ Жозефиной Карловной, жизнью его жизни, сердцемъ его сердца, какъ онъ самъ выражался....

Тщетно Александръ Семеновичъ убѣждалъ Прокофія Ильича отправиться, вмѣсто его, въ ту губернію, привести все въ порядокъ въ имѣніи, смѣнить, если нужно управителя, старость, взять все подъ надзоръ свой, и особенно покончить расчеты по тамошнему винному откупу, оставшіеся ему, между прочимъ, въ наследство послѣ покойнаго отца. Прокофій Ильичъ отказался на отрѣзъ ѣхать одинъ, не соглашаясь принять на себя столько важныхъ порученій, обязанностей, отвѣтственности.

— Пожалуй, поѣдемъ вмѣстѣ, прибавлялъ онъ : это дѣло десятое. А здѣсь я тебя не оставлю одного — ты закутишься, надѣлаешь дурачествъ съ Жозефиной Карловной....

Александръ Семеновичъ грустно задумывался, и, однажды, въ минуту полного изліянія откровенности, сознался, что Жозефина Карловна, кажется, его морочить, что онъ не питаетъ надежды преодолѣть ея равнодушіе, почти антипатію къ нему....

— Холодная кокетка ! замысловато вернулъ Менторъ. Я, на твоемъ мѣстѣ, давно бы ее кинулъ или умѣлъ бы тронуть ея жестокое сердце....

— А какъ бы ты умѣлъ ?

— Я гдѣ-то читалъ, будто-бы женщины чувствительны къ стenanіямъ уroda, не только красавца, когда онъ мастеръ на угожденія, на доказательства своей привязанности.... Селадоновъ, глупыхъ вздыхателей онѣ терпѣть не могутъ....

— Да развѣ я не угождалъ ей, не доказывалъ ? Какіе цвѣты каждый день посылалъ !!

— Цвѣты !... Кого нынче удивишь цвѣтами, букетами, которые бросаются Цыганкамъ. Это сюрпризы, копѣечнымъ жертвы бѣдняковъ. Богатый человекъ слагаетъ къ стопамъ своей возлюбленной турецкія шаали, французскія ткани, золото, брилліанты, даритъ экипажи, лошадей....

Александръ Семеновичъ вдругъ ударилъ себя по лбу : подобная счастливая мысль не забиралась еще въ нѣдра его черепа — и тутъ благодѣтелемъ его былъ Прокофій Ильичъ.

— Завтра же все это будетъ у нея! вскричалъ восхищенный Александръ Семеновичъ.

— Опять вѣдливость! остановилъ Менторъ. — За чѣмъ же завтра, и все вдругъ? Во всемъ въ жизни и въ свѣтѣ слѣдуетъ наблюдать расчитанную постепенность. Объ этомъ надобно потолковать серьезно....

И они начали серьезно толковать, долго спорили, возражали другъ другу, наконецъ согласились во всѣхъ пунктахъ, и отправились обѣдать къ первому ресторатору....

V.

НЕОЖИДАВШИЯ СОБЫТІЯ — РАЗВЯЗКА.

Когда друзья согласились въ выборѣ, количествахъ и порядкѣ подарковъ, то-есть, въ поднесеніи ихъ одного за другимъ въ возрастающей степени цѣнности, оставалось еще рѣшить не маловажный вопросъ, кѣмъ они должны быть вручаемы Жозефинѣ Карловнѣ: самимъ ли дарителемъ, или лицомъ посредничающимъ?

По мнѣнію Прокофія Ильича, принять на себя эту обязанность самому дарителю было бы неумѣстно, неделикатно, неразборчиво.

Александръ Семеновичъ немедленно одобрилъ таковое мнѣніе, за которымъ однакожь покамѣстъ не слѣдовало ни какого рѣшенія.

— Я думаю, не попросить ли Василья Петровича? сказалъ Менторъ.

Телемакъ отрицательно качалъ головой.

Онъ считалъ ужаснымъ соперникомъ художавенькаго челоуѣка, который такъ искусно принималъ живописныя позы и улыбался очень интересно....

— Не лучше ли вамъ взяться, Прокофій Ильичъ? Я совершенно полагаюсь на вашу опытность, ловкость....

Опытный другъ, въ свою очередь, покачалъ головой.

Молчаніе.

Телемакъ прерываетъ молчаніе, и обращается къ Ментору съ убѣдительнѣйшею просьбою сослужить ему эту службу.

Менторъ долго отговаривается, но, любя Телемака, не

можетъ наконецъ противиться его неожиданному желанію... склѣняется, крайне повидному неохотно....

Въ теченіе десяти дней будоаръ и гостиная Калипсы обратились въ складочный магазинъ.... въ конюшню отведена пара сѣрыхъ лошадей въ яблокахъ, въ сараѣ очутился удивительный кабріолетъ....

Александръ Семеновичъ, изъ деликатности и тонкой разборчивости, внушенныхъ другомъ-совѣтникомъ, являлся къ Жозефинѣ Карловнѣ рѣдко, на нѣсколько минутъ, отиѣкивался отъ сюрпризовъ, краснѣлъ отъ благодарности одаренной госпожи, которая говорила, что все это лишнее и просила прекратить подарки, просила такимъ ласковымъ, такимъ нѣжнымъ голосомъ, что Александръ Семеновичъ сходилъ съ ума и на другой день присылалъ новые сюрпризы....

Сладостныя мечты его, казалось, готовы были осуществиться, какъ вдругъ, среди надеждъ блаженства, грянуло новое въ міѣніи извѣстіе, настоятельно требовавшее присутствія владѣтеля или его довѣреннаго, безусловно уполномоченнаго лица....

Ѣхать!.... Ѣхать въ такія минуты? Нѣтъ, Александръ Семеновичъ скорѣе отказался бы отъ половины своего состоянія!.... Другъ, истинный другъ долженъ былъ его выручить. И — надобно отдать полную справедливость Прокофію Ильичу, — тотъ теперь не возражалъ, безмолвно принося жертву вріязни, выгодамъ молодаго человѣка и отношеніямъ его къ любимой женщинѣ....

Получивъ отъ Александра Семеновича неограниченную довѣренность, приличную сумму денегъ на путевыя и другія издержки, Прокофій Ильичъ немедленно собрался въ дорогу.... Настала грустная минута разлуки, послѣ прощальнаго ужина у Дюссо. Телемакъ, успѣвшій сильно привязаться къ Ментору, съ чувствомъ бросился въ его объятія, былъ крѣпко сжатъ ими, и молодому человѣку показалось, будто лицо почтеннаго друга орослосъ слезами....

Наконецъ, по окончаніи лобзаній, Прокофій Ильичъ съ видомъ отчаянія вскочилъ въ тарантасъ, быстро махнулъ рукою; и почтовая четверка понеслась какъ на крыльяхъ....

Покинутый Телемакъ, воротясь въ комнаты, въ изнеможеніи упалъ на диванъ. Изнеможеніе это происходило отъ двухъ причинъ: отъ избытка чувствъ при разставаньи, и отъ избыточнаго ужина — Александръ Семеновичъ покушалъ и выпилъ не въ мѣру. Слѣдствія такой неумѣренно-

сти, въ опасное время эпидеміи, не замедлили обнаружиться.... къ разсвѣту бѣдный, или, пожалуй, богатый молодой человекъ боролся уже съ припадками страшной болѣзни. Въ эти ужасные часы забыты были и Менторъ, и Калипса, и дѣла по имѣнію, и всѣ дѣла сей жизни.... Только жизни, только жизни просилъ онъ, только о ней молилъ онъ лучшихъ врачей столицы, собравшихся у его постели. Умереть въ двадцать лѣтъ, съ залогомъ увѣренности въ счастливомъ, роскошнымъ существованіи — кому это можетъ нравиться?...

И драгоценная жизнь была спасена, возвращена ему, хотя болѣзнь нѣсколько разъ принимала сомнительные обороты, и онъ былъ на волосъ отъ могилы....

Такъ прошло около мѣсяца. Въ одно октябрьское утро доктора позволили ему выѣхать со двора, а слуги подали ему нѣсколько писемъ. Онъ обратилъ вниманіе лишь на то, которое было отъ Прокофія Ильича — онъ узналъ по черкѣ друга.

Менторъ увѣдомлялъ, что дѣла устриваются и приглагалъ къ письму отчетъ въ издержкахъ полученной на дорогу и прочее суммы....

Александръ Семеновичъ ве дочиталъ письма, велѣлъ подавать карету, и черезъ четверть часа вбѣгалъ уже на лѣстницу, ведущую къ квартирѣ Жозефины Карловны: худой, блѣдный, онъ не сомнѣвался, что его встрѣтятъ съ самымъ нѣжнымъ участіемъ. Сердце его билось, какъ волна въ бурю....

Онъ хотѣлъ позвонить, машинально искалъ знакомой ручки звонка, и не находилъ ее. Взглянулъ на дверь — мѣдная дощечка съ имѣнемъ Жозефины Карловны исчезла — бѣлою тѣнью означалось только мѣсто, гдѣ она была прибита.

Въ-смятеніи онъ постучалъ въ дверь, разъ, другой, третій. Нѣмая тишина, нѣтъ отклика. Не идутъ отворять.

Мрачное предчувствіе охватило его душу, холодный потъ выступилъ по его слабому тѣлу, ноги его подгибались. — Боже мой! что это значитъ? думалъ онъ. Не умерла ли она отъ холеры?... Еще постучалъ. Безмолвіе, гробовое безмолвіе!

Шатаясь, спустился онъ съ лѣстницы, отыскалъ дворника. Тотъ объяснилъ ему, что Жозефина Карловна съехала недѣлю двѣ передъ тѣмъ....

— Куда съѣхала ?

— Совсѣмъ выѣхала изъ Питера....

Александръ Семеновичъ, словно пораженный громовымъ ударомъ, едва устоялъ на ногахъ, и съ трудомъ дошелся до кареты....

Возвратясь домой, онъ внимательно пересмотрѣлъ всѣ письма, поданныя ему утромъ. Оказалось еще одно отъ Прокофія Ильича, поздняйшаго числа, съ увѣдомленіемъ, что онъ высылаетъ ему нѣсколько тысячъ серебромъ собраннаго въ имѣніи дохода. Тутъ же, на столѣ, между письмами, лежала и повѣстка. Остальные письма были незначительныя. Но вотъ одно, маленькое, изящное, запечатанное золотистою облаткою, съ адресомъ незнакомаго почерка....

То было письмо Жозефины Карловны, первое и послѣднее, написанное, разумѣется, по-французски, шегольски. Прелестными фразами, которыми она владела неподражаемо, она сообщала ему, что получила на родинѣ наследство и принуждена отправиться туда неотлагательно, что впрочемъ, покидая Сѣверную Пальмиру, она жалѣетъ только объ одномъ.... объ одномъ Александрѣ Семеновичѣ.... что воспоминаніе о немъ сохранится въ сердцѣ ея до конца жизни.... что, можетъ-быть, въ цѣлой Европѣ не найдется юности, столь милого и обязательнаго.... Въ заключеніе она посылала ему мысленный поцѣлуй....

Александръ Семеновичъ сто разъ перечитывалъ дорогое посланіе, плакалъ, и, вѣроятно, сталъ бы перечитывать въ сто первый разъ, еслибъ камердинеръ, въ эту минуту, не подалъ ему новое письмо, только что принесенное почтальономъ....

Это опять было отъ Прокофія Ильича. Странное сближеніе! Тотъ также получилъ наследство, въ Азіатской Турціи, и прощался съ своимъ Телемахомъ, можетъ-быть на время, можетъ-быть навсегда, какъ сказано въ одномъ чувствительномъ старинномъ романѣ.... Такъ любовь и дружба вѣдугъ вмѣняли....

Какія-то досадныя мысли впервые мелькнули въ головѣ Александра Семеновича. Онъ долго думалъ. Наступилъ вечеръ. Снова велѣлъ онъ заложить карету, и поѣхалъ къ Василью Петровичу, въ надеждѣ, не объяснитъ ли ему худощавенькій человѣчекъ эту загадочную исторію. Но худощавенькаго человѣчка дома не было, Александръ Семено-

вичъ нашелъ его въ театрѣ. Кажинскій разыгрывалъ въ антрактѣ граціозную польку. Василій Петровичъ, по обыкновенію, рисовался у барьера, разсѣянно отвѣчалъ на тревожные вопросы молодаго человѣка, отпустилъ какую-то дикую остроу, и, прищуриваясь, сказалъ: «Посмотрите какая хорошенькая во второмъ ярусѣ!... мы съ нею перемигиваемся....»

Спустя недѣлю, Александръ Семеновичъ уѣхалъ въ деревню, самъ занялся устройствомъ своихъ дѣлъ, никого уже не уполномочивая, черезъ годъ женился на премиленькой сосѣдкѣ, и еще черезъ годъ узналъ, что Менторъ его также женился.... вообразите!... на Жозефинѣ Карловнѣ.... что они благополучно проживаютъ въ Крыму, гдѣ приобрѣли виноградники.... «На мой счетъ», простодушно прибавляетъ Александръ Семеновичъ, давно догадавшійся, что онъ былъ ихъ игрушкою. Опытность и уроки даромъ не даются....

А. СХ.

ВИРЖЕВОЙ СКВЕРЪ.

РАЗСКАЗЪ.

— Куда ты такъ роскошно снаряжаешься?...

Мой юный квартирантъ, къ которому относился этотъ вопросъ, рисовался передъ маленькимъ бритвеннымъ зеркальцемъ, открывая новыя достоинства въ запонкахъ изъ стемпруса, которыми украсилъ свою манишку, и побрякивая бронзовой цѣпочкой, къ которой прицѣплялъ серебряные часы съ истертымъ циферблатомъ и чрезвычайно вздутымъ стекломъ.

— Чудесная гравь!... пріятный звукъ!... восклицалъ мой квартирантъ, переходя отъ созерцанія мерзвѣйшихъ въ свѣтъ завонокъ къ наблюденію гадчайшей въ мірѣ цѣпочки.

Онъ повернулся, чтобъ лучше рассмотретьъ свою талію, и продолжалъ также восторженно: „Непостижимый фасонъ!... Вотъ фракъ, такъ фракъ!... модель.... настоящая модель!...“

Дѣйствительно, это была модель, служащая прототипомъ для портныхъ непостижимаго покроя: ихъ вывѣски съ изображеніемъ ножницъ въ видѣ древняго фаллоса рисуются, обыкновенно, на Козьемъ болотѣ, въ Чекушахъ, подѣ Смольнымъ, въ Колтовской и другихъ не менѣ замѣчательныхъ мѣстностяхъ.

— А шляпа?!... что за шляпа!... Пусть тамъ себѣ какіе-то Цвиерманы да Фишеренція какая-нибудь, — квартирантъ, въ-

роятно, говорилъ о Фишерѣ. — Нѣтъ, ужъ извините, господа честные, не пойду къ вамъ.... больно шибко заламываете....

А шляпа, судя по лоску, тулкѣ и полямъ, была куплена непременно въ магазинѣ — подъ Щукинымъ.

Какъ бы то ни было, а квартирантъ мой былъ въ страшномъ восхищеніи отъ всѣхъ предметовъ, въ которые облекался съ фанфаронскою картинностью; наконецъ, накинувъ на себя альмавиву, сто лѣтъ вышедшую изъ употребленія, впріавъ въ руки допотопную трость, направилъ шаги свои къ выходу, сказавъ мнѣ, по дорогѣ, небрежно, съ замѣтнымъ однако же желаніемъ щегольнуть этой небрежностью: „адью, мейнъ-герръ!...“

Эти слова произнесъ онъ совершенно по-русски, твердыми нашими звуками, потому-что другаго языка не зналъ.

— Да куда жъ ты? спросилъ я.

— Куда?... Туда!.... О, если бъ ты зналъ!....

И съ этимъ словомъ онъ исчезъ.

Замѣтили вы, каковъ мой квартирантъ? А вѣдь весело съ нимъ жить. Вы уже видѣли, какъ онъ преданъ фракамъ и запонкамъ; вы видѣли, какъ счастливъ онъ, владея тростью и шляпой.... Славный малый, мой квартирантъ! одѣвается по послѣднему журналу....

Однако жъ, квартирантъ мой не вѣтренникъ, не шалуны, не повѣса: отслуживъ гдѣ слѣдуетъ, утро до трехъ часовъ, онъ идетъ прямо домой, обѣдаетъ, выпиваетъ чашку кофе, потомъ отдыхаетъ, куря трубку и держа въ рукахъ какой-нибудь журналъ — преимущественно „Сынъ Отечества“, — потомъ садится за письменный столъ, для исполненія письменныхъ своихъ обязанностей и наконецъ, если, на примѣръ, соскучится этими занятіями, — идетъ прогуливаться по Невскому проспекту.

И тутъ-то именно надо посмотреть на него. Коричневый съ отливомъ плащъ безъ всякаго подбоя; воротникъ на плащѣ сине бархатный съ отливомъ, обѣ полы плаща, на передкахъ, обложены такимъ же сине-отливнымъ бархатомъ, и посмотрѣли бы вы, какъ онъ ловко и утонченно раскидываетъ эти полы для удовольствія прохожихъ!.... Около воротника двѣ шелковыя кисти; они съ особымъ эффектомъ откидываются на-

заль, на-спину: изъ подъ плаща виднѣется сюртукъ, опять-таки синеватаго съ отливомъ цвѣту... Словомъ, молодецъ-молодцомъ мой квартирантъ; со вкусомъ, чортъ возьми!... Онъ узналъ изъ „Старика Горіо“, что покойникъ Бальзагъ, одѣвъ одного парижскаго студента по послѣдней модѣ, доставилъ ему чрезъ то возможность жениться на сто тысячахъ годоваго дохода, и на такомъ основаніи, однажды разсудилъ весьма логически, что если одинъ чудесный фракъ можетъ поставить на точку блаженства (его выраженіе) парижскаго студента, то слѣдовательно, другой чудесный фракъ можетъ поставить на точку блаженства и его, петербургскаго молодаго человека.

Но, Богъ знаетъ, что сдѣлалось съ моимъ квартирантомъ въ послѣдніе три, четыре дня. Въ эти дни онъ ни разу не отдыхалъ послѣ обѣда, не читалъ журналовъ, ни разу не прикладывалъ рукъ къ своимъ занатіямъ, а между-тѣмъ, уходя изъ дому ранѣе обыкновеннаго, въ самомъ щегольскомъ нарядѣ, въ третій уже разъ говорилъ съ кѣмъ-то въ родѣ увѣченія: „ахъ, если бѣ ты зналъ, куда я иду!...“ а возвращаясь домой позднѣе обыкновеннаго, произносилъ какъ-то восторженно: „ахъ, если бѣ ты зналъ, гдѣ я былъ... что я видѣлъ... созерцалъ!...“

— Тутъ что нибудь да есть, подумалъ я, когда квартирантъ мой снова повторилъ свою таинственную прогулку и горячѣе прежняго воскликнулъ: „ахъ если бѣ ты...“ и прочая.

— Ну, что же такое, гдѣ ты тамъ того... созерцаешь? спросилъ я.

— Не могу, не смѣю, не скажу, боюсь...

— Отчего же?...

— Ты станешь смѣяться, трунить...

— Развѣ это смѣшно?...

— О, нѣтъ, напротивъ... но ты... у тебя такой взглядъ на вещи... я смотрю совсѣмъ иначе... у всякаго свой вкусъ... впрочемъ...

И камарадъ мой, прищуривъ глаза, посмотрѣлъ на меня съ крайней недовѣрчивостью, желая, конечно, отгадать: можетъ ли онъ, не возбуждая смѣху, не рискуя своей репу-

тацией, сообщить мнѣ о своихъ необыкновенныхъ путешествіяхъ. Продолжая такимъ-образомъ свои наблюденія, онъ однако же не выдержалъ, улыбнулся; еще и еще.... но скоро потомъ улыбка исчезла, онъ присанился, надулся какъ индѣйскій пѣтухъ, вытянулъ лѣвую ногу, прошелся рукой по своимъ рыжеватымъ завиткамъ и съ чувствомъ самаго отчаяннаго патетизма произнесъ: „о! если бѣ ты зналъ... я... да... я — влюбленъ.... рѣшительно.... бѣшено.... безъ ума влюбленъ!...“ Сказавъ столь чудесную и многими джентльменами въ подобныхъ случаяхъ часто употребляемую гиль, квартирантъ мой вздохнулъ не легче кузнечнаго пѣха, сложилъ по-наполеоновски руки, закрылъ глаза и рѣшительно на актерскій манеръ грохнулся въ знакомое ему кресло.

Положеніе моего камарада было въ высшей степени смѣшное. Я однако жъ не засмѣялся, и сказалъ только „а!“ Въ этомъ а! не было и тѣни ироніи; напротивъ, кажется, мое восклицаніе заключало въ себѣ смыслъ участія, расположенія, скромности; я даже думаю, что это а! сопровождалось особенною нѣжностью, потому что квартирантъ мой тотчасъ же вскочилъ, обнялъ меня душегубительнымъ образомъ и, не дожидаясь вопросовъ, рассказалъ мнѣ всю подноготную своей любви отчаяннымъ тономъ Вертера.

Такъ-какъ я, нижеподписавшійся, чувствую, сознаю себя въ рѣшительной невозможности передать подлинникомъ рассказъ новаго Вертера, рассказъ, преисполненный громоздкихъ эффектовъ и поразительныхъ прелестей слога, то здѣсь предлагается одна только сущность дѣла съ нѣкоторыми необходимыми, по мнѣнію нижеподписавшагося, обстановками въ повѣствовательномъ родѣ.

Кто не знаетъ, что чудесная рѣка Нева, въ томъ пунктѣ, который назовемъ, пожалуй, таможеннымъ, покрывается на все лѣто тысячею купеческихъ судовъ. И въ то время, какъ высшій тонъ Петербурга уѣзжаетъ на видныхъ парахъ въ свои деревни, или улетаетъ на незримыхъ парахъ въ чужіе края, спасаясь такимъ путемъ отъ столичной духоты и пыли, а люди чиновные и безчиновные и даже всякая, съ вашего позволенія, мелюзга разсыпается по окрестнымъ за-

коулкаты, называемыя дачами, — въ то время — говорю я, Васильевскій островъ, тамошня, биржа, принимаютъ сильное движеніе, становятся дѣятельнымъ центромъ для челоука, коммерческаго. Но я ни бѣдмеса не смыслю въ коммерціи да и не въ томъ штука; я люблю биржу только съ двухъ сторонъ: одна — это лакомыя лавки, въ которыхъ чего хочешь, того просишь, другая — скверъ, каштановая дорожка, вытягивающаяся, подковой. Вотъ ея-то мы и займемся. Во-первыхъ, вы видите милліоны кѣтокъ съ канарейками, которыя никогда не видали Канарскихъ острововъ, жаворонками, которыхъ родина совсѣмъ не Данія, хотя и называютъ ихъ датскими, — итальянскими соловьями, родившимися въ Туль, учеными дроздами, образованными попугаями, благовоспитанными мартышками, передъ которыми тѣснится безчисленное число мужскаго, женскаго, средняго и — конецъ концовъ — всякаго рода любопытныхъ. Словомъ, здѣсь прелюбопытная выставка живыхъ художественныхъ произведеній... Во-вторыхъ, посмотрите на этого твердаго господина, прѣхавшаго изъ какого-нибудь прибрежнаго чужестраннаго городка съ рѣдкимъ птичьимъ обществомъ; его легко отличить отъ собратьевъ его по ремеслу: длинный изъ краснаго сукна жилетъ, поверхъ жилета шерстяная голубаго цвѣту фуфайка и, въ заключеніе, бумажно-малиновый колпакъ съ какими-то узорами, составляютъ всегдашній его нарядъ, который имѣеть истинно нѣмецкое свойство — никогда не изнашиваться... В-третьихъ, вотъ вамъ дѣвушка, лѣтъ шестнадцать или около того, высокенькая, съ хорошенькимъ овальнымъ личикомъ, точечонько любское яблочко, въ шляпкѣ изъ довольно-странной соломки и въ шотландскомъ плащѣ; когда онъ распахнется, вы до безконечности любуетесь таліей, пышной и роскошной; это самая лучшая птичка во всемъ скверѣ, одушевленный, граціозный бюстикъ голландской работы... Разумѣется, вамъ желательно знать, кто эта дѣвушка съ розовыми щечками, какъ у любскаго яблочка? — О, что до вопроса, такъ извольте, смотрите... вотъ она!... вотъ она, подходитъ, въ сопровожденіи молодаго джентльмена, — вѣрно брата, а можетъ-быть и жениха — навѣрное не знаю, — подходитъ къ старому господину въ фуфайкѣ... Онъ начинаетъ

рѣчь ... говорить съ ней, и какъ еще говорить!... Въ тонѣ, въ голосѣ старика была такая нѣжность, такая ласка, что не трудно догадаться, что онъ — отецъ розовой дѣвушки. — „Маменька ждетъ меня, я пойду къ ней, на корабль,“ — сказала она, такъ наивно, какъ сказала бы каждая голландская дѣвушка, у которой матушка на кораблѣ. — „Ступай, малиновка моя, иди соловейчикъ мой, иди къ мамашѣ — говорилъ старикъ, — я самъ — сейчасъ, сію минуту, минуточку... Юганъ, Юганъ!.. куда ты? (Юганъ — тотъ самый джентльменъ, который провожалъ дѣвушку)... Постой, Юганъ, проводи... или нѣтъ... постой... я самъ доведу мою Шарлоточку...“

Здѣсь-то, въ скверѣ, квартирантъ мой изволилъ прогуливаться въ послѣобѣденное время, которое прежде, бывало — какъ вамъ извѣстно — онъ употреблялъ на отдыхъ, чтеніе журналовъ и, главное, на исполненіе постоянныхъ своихъ обязанностей. И ужъ само собою разумѣется, что камарадъ мой посѣщалъ скверъ вовсе не для жаворонковъ или канареекъ, потому-что никакія въ свѣтѣ птицы-пѣвчія не въ состояніи пріятно раздражить его слуховые нервы — это я знаю досконально; онъ ходилъ сюда — для Шарлоточки, въ которую, по его словамъ, онъ былъ влюбленъ до безумія. Дѣйствительно, это было сушее безуміе, и вотъ доказательство: не далѣе какъ на другой день послѣ своего признанія, втащилъ онъ къ себѣ въ комнату двѣ мерзкія клѣточки съ несноснѣйшими канарейками. Вообразите себѣ, читатель, двѣ клѣтки, въ каждой по парѣ птицъ, которыхъ ни я, ни вы, ни онъ терпѣть не можемъ!.. Я говорю — вообразите, и потомъ сообразите, каково должно быть вашимъ и нашимъ ушамъ, когда эти злодѣйки загорланяютъ?... Я знаю, однакожъ, нѣкотораго почтеннаго джентльмена, который поставилъ себѣ за правило издерживаться каждое лѣто на эту желтоперую дрянъ, какъ между-тѣмъ дѣти его — милашки-дѣти, — таскаются въ лохмотьяхъ и лѣтомъ и зимой... Но ... въ сторону и глупаго джентльмена и милашекъ-дѣтей его...

Съ того случая, какъ мой квартирантъ обзавелся птицами-дармоѣдками, я замѣтилъ въ немъ наивеличайшія способности

защитять свои поступки софизмами, не древне-греческими, а новѣйшими, европейскими, изволите видѣть. Въ самой ярой, пламенной рѣчи высказалъ онъ мнѣ причины, — почему прежде корчило его, когда, бывало, заслушитъ онъ канареечныя трели, и почему теперь съ наслажденіемъ внимаетъ ихъ дисгармоническому концерту. И какія причины, еслибъ вы слышали!.. Позвольте, вотъ маленькій образчикъ...

„О, да вразумится этотъ гранитный человѣкъ (то-есть я), да вразумится это ледяное существо.... любовь, та любовь, которая... вотъ эта любовь, которую... истинная, везыблемая любовь.... ну, однимъ словомъ, *любовь*. — перерождаетъ насъ, людей, съ душой и съ сердцемъ!.. Привычки наши, наши склонности, наши мишурныя желанія исчезаютъ... затѣняются возвышеннѣйшими, благороднѣйшими.... въ минуту, въ тотъ моментъ, когда преобладаетъ въ насъ поэтическяя страсть, страсть чистая и непорочная!.. Канарейки?... я купилъ канареекъ?! но что же тутъ дурнаго?! Она, сама она, своими бѣленькими пальчиками указывала... сама приподнимала, снимала... клѣточки... сама обвязала ихъ мнѣ платкомъ.... носовымъ.... сама.... о, какъ она поглядѣла.. какимъ обворожительнымъ взоромъ поглядѣла на меня!.. Нѣтъ, тебѣ не понять всей прелести этого необъяснимого взгляда.... ты не поймешь блаженства моего.... не почувствуешь тѣхъ неземныхъ восторговъ, *кои*ми... преисполнено — переполнено.... увлечено.... увлажнено мое сердце!.. И какъ можно, не любить.... канареекъ?... этихъ пухоныхъ, селадоновыхъ пташекъ съ очаровательными голосками?... Въ часы досуга — онѣ стануть улаждать мой слухъ своими разнообразными трелями, переливами.... фіюритурами.... въ часы грусти — будутъ навѣвать на мою душу прохладу.... нѣтъ, теплоту любви.... будутъ напоминать мнѣ ту, которая....

— Которая, сказалъ я, сопровождая слова свои безжалостнымъ хохотомъ — которая черезъ недѣлю, черезъ двѣ преспокойно уплыветъ во свояси....

— Не уплыветъ...

— Уплыветъ, любезнѣйшій камарадъ, да и какъ еще!.. Съ деньгами... съ деньгами... съ деньгами... а деньги — то....

— Тсъ ... ни слова!

— Нѣтъ, ужъ извини, я хочу сказать слово : какія твои на-
вѣренія относительно этой дѣвушки и чѣмъ должна разра-
зиться или — пожалуй — *увлчаться* любовь твоя, стран-
ная любовь?...

Онъ молчалъ.

— Знаешь ли, что съ этой любовью ты ужасно смахиваешь
на любезнаго Донъ-Кихота?

— Глупое сраженіе! прервалъ онъ сквозь зубы.

— Вотъ ты ужъ и сердисься, а я вовсе не хотѣлъ тебя
обидѣть; я хотѣлъ и хочу только предостеречь тебя.... отъ
ловушки... или, можетъ-быть, отъ какой-нибудь скандальной
исторійки.... Знаешь ли что, воскликнулъ я патетическимъ то-
номъ: пойдѣмъ сейчасъ на биржу; тамъ ты покажешь мнѣ
ту, которая....

Товарищъ мой въ свою очередь засмѣялся, не давъ мнѣ
докончить фразы, такъ мастерски начатой въ его же вкусъ;
онъ засмѣялся, впрочемъ, весьма благосклонно, уступчиво —
и мы, ни мало не медля, отправились въ путь.

Онъ не шелъ, и летѣлъ, какъ паровозъ. Я едва поспѣ-
валъ за нимъ, но, дѣлать нечего, не отставалъ. Наконецъ
мы на мѣстѣ, вошли въ биржевой скверъ, идемъ по
аллеѣ, останавливаемся подлѣ стараго господина въ голубой
фуфайкѣ.... „А!...“ произнесъ тотъ, протягивая руку къ мо-
ему камараду съ тѣмъ добродушнымъ видомъ, къ которому
чрезвычайно способны старики-Нѣмцы, когда бываютъ веселы,
а веселье-то онъ былъ оттого — какъ послѣ обнаружилось —
что выгодно спустилъ съ рукъ весь почти залежалый товаръ.

Надобно замѣтить, что эта смышленная фуфайка не въ пер-
вый уже разъ гостила въ нашей сѣверной столицѣ, и по-
тому, естественно, могла объясняться по-русски съ довольно
терпимою находчивостью. Камарадъ же мой разсыпался пе-
редъ Нѣмцемъ мелкимъ бѣсомъ, благодарилъ его за высо-
кое мелодическое достоинство канареекъ, причѣмъ онъ вво-
дилъ въ свои учтивости нѣкоторыя нѣмецкія полуфразы, — мы
сейчасъ узнаемъ, какъ и откуда набрался онъ этой премуд-
рости; — но ростарабарывая съ фуфайкой, онъ очевидно
больше думалъ о шотландскомъ плащѣ: онъ повертывался во

все стороны, смотрѣлъ назадъ и впередъ, приподнимая на доски и безпрестанно протирая глаза, чтобы встрѣтить, вѣроятно, другіе глазки, побыстрѣе чѣмъ у Фусайки, которая, асеконечно, не подозрѣвала, что передъ нею крутится плакнющій обожатель ея Шарлоточки. Но все напрасно. „Вя нѣтъ!“ — шепнулъ мнѣ камарадъ съ тяжелымъ вздохомъ, но такъ смѣшно, что мнѣ стало жаль его. Не видя ни малѣйшаго успѣха въ своихъ поискахъ, товарищъ мой свернулъ разговоръ на корабль: онъ надѣялся тамъ найти ту, которая... и прочая. Послѣ нѣсколькихъ вѣжливостей, Фусайка предложила намъ осмотрѣть его домашнее житье-бытье; камарадъ принялъ приглашеніе съ неудержимою радостью, и однакожь почему-то не пожелалъ быть въ гостяхъ у Нянца и пустился во-своихъ.

Было около десяти часовъ вечера, когда камарадъ мой вернулся домой. Я предложилъ ему стаканъ чаю.

— Чай! вскричалъ онъ — что такое чай? !... черная трава, желтая вода... китайская отравка !... я уношу... то-есть, уношу блаженствомъ... возвышеннымъ блаженствомъ !... что вы, люди различающіе, трезвые !... ты что, холодный... гранитный !... ты вотъ загляни сюда... въ сердце... поглубже загляни... Да гдѣ види !... вы — безъ глазъ, то-есть, безъ этихъ глазъ, которые... Денъ-Кихотъ !... ну, пусть Денъ-Кихотъ... пусть я сумасшедшій... При мнѣ мое помѣшательство... при мнѣ мое блаженство !... А ты ямарь — вотъ и все !...

И послѣ макового взыспреннаго сердечьяся, камарадъ мой бѣшено зацѣгалъ по всѣмъ комнатамъ, ненетово стуча въ грудь и время-отъ-времени потропывая несчастныхъ канареекъ, отчего тѣ приходили въ неописанную суматоху и впадали какъ угорѣлыя. Расхаживанья моего квартиранта и веселыя пляски продолжались до полуночи. Эта безтолочь, наконецъ, опротивѣла мнѣ, и потому я преспокойно отправился на бокоруча, но не туль-то было: мнѣ же спалось; я началъ наблюдать за моимъ камарадомъ... скоро, однакожь, онъ успокоился, началъ тише, останавливался чаще, какъ-будто, что-то обдумывалъ, соображалъ; потомъ пресѣлъ къ письменному столу, вытащилъ какую-то книжку и, схвативъ

обоняи рукамъ взъерошенную свою голову, началъ читать, переходя отъ едва примѣтнаго движенія губъ до нестерпимаго шопота и мало-по-малу возвышая это шипѣнье до рѣшительно звучныхъ нотъ.... тутъ-то я, къ великому моему изумленію, удостовѣрился, что камарадъ мой упражняется въ измѣцкомъ языкованіи, почерпая эти филологическія свѣдѣнія изъ какого-то московскаго самоучителя! Э-ге! — подумалъ я — такъ вотъ оно куда пошло!.... Ну, товарищъ, исподать тебѣ; знать, крѣпко взволновала тебя сврокая птичница!....

— Дьяволъ побери этотъ мудреный язычишко! — произнесъ онъ съ очевидною досадою: — но.... съ другой стороны.... какъ же ей выслушать меня.... мои признанія.... какими же образомъ узнать ей.... что у меня тутъ, вотъ тутъ?.. онъ слегка ударилъ себя въ грудь. — О, Шарлотта, Шарлотта!.... люблю, невыразимо люблю тебя!.... ги.... намѣренія — говорить онъ (это про меня) намѣренія!.... какія намѣренія въ любви сильной, кипучей?!.... Гдѣ онъ читалъ, гдѣ слышалъ, гдѣ приходилъ.... о, Шарлотта!.... одинъ твой взглядъ, такой небесно-голубой взглядъ!.... а онъ кричитъ: какія мои намѣренія?... намѣренія — ничто, грубость!.... любовь, то-есть.... благородная отвлеченность!.... я чувствую однакожъ.... эта страсть — страсть огненная.... она сжигаетъ меня.... калитъ кровь.... я не устою!.... О, Антоній!.... я сочувствую тебѣ.... понимаю тебя.... Дюна, Бальзакъ!.... взываю къ вамъ!.... вы великіе знатоки человѣческаго духа, нашихъ страстей! васъ бранятъ, васъ поносятъ, кричатъ: вы безнравственны.. вздоръ!.... постигаютъ ли эти поносители, что вы въ тысячу разъ невиннѣе ихъ.... да, невиннѣе.... вы живописцы, толкователи, analysts жизни.... природы.... сердца!.... я понимаю васъ.... вы берете природу, жизнь — какъ она есть.... со всѣмъ что въ ней есть.... вы умѣли вскрыть почву людскихъ стремленій, симпатій... вы проникли, что такое любовь, это неизбѣжное отношеніе одного пола къ другому.... одной личности къ другой.... вы проникли и объяснили, что такое страсть со всѣми ея взрывами.... вы углубились въ изслѣдованіе всѣхъ сторонъ человѣческой природы! О, Шарлотта.... какъ же если ты не видала Антонія!....“

Бредообразная чепуха, прихвръ которой я сейчас при-
велъ, продолжалась далеко за-полночь въ томъ же мелодра-
матическомъ смыслѣ, съ возрастающимъ жаромъ. Я не вы-
терпѣлъ.

— Любезный дружище — сказалъ я — что съ тобой ?!

— А!.. ты проснулся!.. — былъ его отвѣтъ.

— Ты, кажется, нездоровъ, дружище.... въ горячкѣ?....

— Въ горячкѣ?.... Да, я въ горячкѣ!.... А!.... вы думаете,
что человѣкъ, у котораго душа.... мысли.... чувства.... напря-
жены, можетъ такъ же спокойно спать, какъ вы?.... Вы думаете,
что бури страстей могутъ покориться сну, этому животному
инстинкту.... вы думаете, что сердечныя движенія могутъ са-
ми по себѣ.... произвольно разрушить.... внутреннюю.... свя-
зующую ихъ силу, чтобъ.... насильно успокоиться?.... что
вы еще тамъ думаете?.... я въ горячкѣ?.... да, я въ горяч-
кѣ!.... Видѣлъ ли ты *Антонія*?.... а?....

— Онъ, я думаю, храпитъ теперь во всю ивановскую.

— Плоская шутка.

— Ни чуть не шутка: ты вѣдь спрашиваешь объ Антонѣ,
нашемъ дворникѣ?....

— Плоская шутка, плоская шутка!....

— А видѣлъ ли ты когда-нибудь „Вертера, или заблужде-
нне чувствительнаго сердца?....

— Глупость.

— Именно глупость. И ты въ настоящую минуту именно
тѣйшій вертеристъ.“

Амарандъ мой надулся, фыркнулъ, накинулъ на себя до-
машнюю альмавиву, да и былъ таковъ. Это случилось
около часа въ два или около того, а утромъ, часу въ девятъ
— гдѣ онъ таскался все это время, неизвѣстно — онъ
сидѣлъ за письменнымъ столомъ, ретиво исполняя свои
домашнія обязанности.

Любезный товарищъ, обратился онъ ко мнѣ жалобно,
на меня: — я, должно-быть, ужасно блѣденъ.... не
дл, похудѣлъ?...

— Да, именно: это вѣроятно отъ бессонницы.

— Гулялъ.... кажется простудился.... меня принимаетъ

дрожь... голова горитъ... ивъ что-то очень дурно... я не пойду на службу... скажусь больнымъ...

Бѣдный каюратъ мой не лгалъ, я пригласилъ доктора, и докторъ, осмотрѣвъ больного, сказалъ, что онъ схватилъ опасную горячку. Надо было поставить его на ноги. Почти все время, недѣли двѣ съ половиной, провелъ я у кровати больного, наблюдая его во всѣхъ измѣненіяхъ, во всѣхъ переходахъ горячки. Въ бреду своемъ онъ былъ до крайности изобрѣтателенъ, хотя и вертѣлся около одного предмета, то-есть, около биржи, сквера, Шарлоточки и прочаго сюда входящаго. Я дивился, какимъ-образомъ молодой парень, всегда точный, систематическій, распорядительный въ своихъ занятіяхъ, простой и привязанный ко всему наружному, къ наряду своему еще больше, какимъ образомъ такой, почти матеріальный человѣкъ, могъ вдругъ потеряться отъ того, что встрѣтился гдѣ-то и когда-то съ смазливенькой дѣвчонкой?... Правда, что онъ читывалъ Бальзака и Дюма и даже Жоржъ-Занда, разумѣется, въ русскомъ переводѣ; правда и то, что онъ хаживалъ иногда въ Александринскій театръ, гдѣ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ даются разные драматическія произведенія; но ни что изъ всего этого, взятаго въѣзетъ — ни романы, ни драмы не волновали его.... А тутъ вдругъ.... Удивительно-съ, и да только!...

Когда товарищъ мой почувствовалъ себя хорошо, въ-силахъ, и докторъ позволилъ ему прогуливаться, я иногда сопровождалъ его. Это продолжалось съ недѣлю. Въ одну изъ такихъ прогулокъ мы непримѣтно добрали до Исакиевскаго мосту; каюратъ мой чуть-было не на-мостъ, да я во-время успѣлъ заговорить его, и мы пошли далѣе, по Англійской набережной. Представьте же себѣ: посреди Невы, насупротивъ Академіи Художествъ, стоялъ купеческій кораблишко, въ которомъ каюратъ мой узналъ... вы догадываетесь. Кораблишко этотъ смотрѣлся въ заливъ, приготавлиаясь, казалось, тронуться съ мѣста; на палубѣ суетились и всѣхъ больше проклятый красный жилетъ подъ голубой фуфайкой. „Это онъ... это она!..“ вскричалъ каюратъ. Я вслѣдствіи старался увѣрить его, что видѣлъ на биржѣ сотни красныхъ жилетовъ и голубыхъ фуфаякъ; онъ стоялъ на

своемъ. Когда встали на бортъ послѣднй якорь, корабль пустился вдомъ по теченю. О, въ эту минуту надобно было видѣть моего злополучнаго квартиранта! Онъ закрылъ глаза, потомъ открылъ ихъ, потомъ снова закрылъ, сморщился, будто проглотилъ устрицу, и все это такъ театрально, что я отчасти испугался за него. Однакожъ, къ счастью его и моему, мы поворотили оглобли и дошли до квартиры спокойно и молча.

Камарадъ мой, явившись послѣ горячки на службу, былъ встрѣченъ съ триумфомъ: всѣ его любили, особенно начальникъ.

Однакожъ горячка — какъ вы сейчасъ увидите — не совсѣмъ еще въ немъ прошла. Не смотря на мои предостереженія и совѣты, онъ потащился въ тотъ же день, со службы, прямо въ скверъ... Охъ, ужъ мнѣ этотъ скверъ!..

Являсь домой, товарищъ мой закурилъ трубку, ткнулъ ее въ пепелосердо и съ послѣдней затажкой такъ крѣпко хватилъ кулакомъ по невинному письменному столу, что бѣдныя бумаги затрещали:

— Она уѣхала!.. все пропало! заревѣлъ онъ по-дюжески.

— Нѣтъ, любезнѣйшій, теперь-то именно и не все пропало, замѣтилъ я, приготавлиаясь дать ему въ послѣднй разъ дружеское наставленіе. Послушай, дружище, волокитство твое, или пожалуй, любовь — чистѣйшій вздоръ шалость, капризъ, сумазбродство; неужели ты думалъ, что могъ въ самомъ дѣлѣ привязаться къ дѣвчонкѣ, канареечной торговкѣ, которой съ помощю розоваго личика удалось надуть тебя своимъ дряннымъ товаромъ.... Да хотя бы и такъ, то-есть, хотя бы ты и дѣйствительно очаровался ею, то чѣмъ бы ты кончилъ эту неловкую затѣю?... Кромѣ того, тебѣ оставалось еще узнать, такъ ли бѣшено она тебя любила, и тогда уже рѣшить или рѣшиться.... а мнѣ что-то сдается, что эта Шарлоточка съ своимъ папашей наклеили бы тебѣ преотивный носище. — Эхъ, камарадъ ты, камарадъ этакой!.. Ну, хоть бы теперь?... для чего еще горячиться, для чего прикидываться отчаяннымъ?... Богъ съ ней, съ этой голландской проказницей! она разстроила, правда не надолго, но все-

так разстроила головушку моего доброго капераса... Так ли?... Ну же товарищъ, руку, а не то... прощай! Ты бѣжи не квартирантъ мой...

И онъ, не дожидаясь исполненія угрозы, весело протянулъ ко мнѣ руку. Лицо его просвѣтлѣло, глаза заблѣтали и онъ чуть-чуть не заплакалъ. Но мнѣ смѣлые прошедшей глупости было приличнѣе, то онъ и засмѣялся.

— Согласись, любезный, ты порядкомъ небезумствовал нынѣшней весной?... а? сказалъ я.

— Можетъ-быть оно и такъ.... но вотъ... извольте вѣдѣть....

И онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что знаетъ наизусть множество нѣмецкихъ фразъ и кончаетъ уже грамматику этого языка, и что, получивъ охоту, онъ займется изученіемъ его и совершенствъ.

— Оно вѣдь не жѣшаетъ, прибавилъ онъ.

— Разумѣется.... а сказать ли правду?... вѣдь не знай ты какой-то Шарлотты, такъ не получишь бы и охоты. Тѣмъ-то справедлива поговорка: что ни дѣлается — все къ лучшему.

И квартирантъ мой радикально выкинулъ изъ своей головы биржевой скверъ.

Ж. ЗАРЪЧНЫЙ.

=

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОРОЧКИНА.

=
ПОВѢСТЬ.
=

I.

Кто-то сказалъ, что Петербургъ настоящее Эльдorado, вторая Калифорнія, однимъ словомъ такой городъ, въ которомъ бѣдному человѣку легко разбогатѣть. Въ самомъ дѣлѣ, жители уѣздныхъ городковъ и мало-доходныхъ деревенекъ смотрятъ на Петербургъ какъ на обитованную землю и стекаются въ нашу сѣверную столицу со всѣхъ концовъ, чтобы настричь себѣ золотаго руна. Справедливость этихъ словъ доказывается подлежащею повѣстью, или правильнѣе, героемъ ея — Спиридономъ Семеновичемъ Баласнымъ.

Этотъ великій человѣкъ на малыя дѣла родился и выросъ въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ, гдѣ онъ гонялъ голубей и галякъ до-тѣхъ-поръ, пока чадолюбивые родители не отвезли его въ приходскому дьячку. У приходскаго дьячка онъ долженъ былъ учиться читать и писать по складамъ, начиная съ букваря до Часослова и отъ Часослова до риторики Кошанскаго включительно. По окончаніи ученія, его опредѣлили на службу къ земскому исправнику, у котораго онъ переписывалъ набѣло всякую всячину и въ тоже время учился наживать копейку на черный день.

Нельзя сказать положительно, сколько лѣтъ Спиридонъ Семенычъ прослужилъ у земскаго исправника: намъ извѣстно только, что ему надоѣло, наконецъ, переписывать всякую всячину и въ тоже время наскучило жить въ уѣздномъ городкѣ. Бѣднякъ только и думалъ о томъ, какъ-бы отправиться въ Петербургъ. Онъ зналъ, что на дорогу потребуются деньги, а у него не было ни гроша. Что дѣлать? какъ быть?

Всѣмъ извѣстно, что человекъ съ трудомъ и терпѣніемъ далеко уйдетъ, хоть на край свѣта. Спиридонъ Семенычъ былъ трудолюбивъ до нелзя и терпѣливъ до удивленія: послѣ этого весьма не мудро, что въ одинъ прекрасный день къ нашему герою пришелъ какой-то степной помѣщикъ и дружески протянулъ ему руку помощи и покровительства. А бѣднякъ только того и ждалъ: онъ сѣлъ съ этимъ помѣщикомъ въ тарантасъ — да и, поѣхалъ въ Петербургъ.

Здѣсь, то-есть въ Петербургѣ, жизнь Спиридона Семеныча пошла другимъ чередомъ. Желая показать себя человекомъ порядочнымъ, онъ прежде всего позаботился опредѣлиться на службу. Но помню службы онъ занимался и такими дѣлами, которыя трудно выразить перомъ. Однимъ словомъ, онъ скупалъ все, давалъ подъ закладъ вещей деньги, покупалъ старую мебель, отдавалъ ее поправлять, передѣлывать, и потомъ весь этотъ хламъ продавалъ друзьямъ и знакомымъ за хорошія деньги. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ почти безъ труда скопилъ копейку на черный день и даже купилъ, вмѣсто кареты на лежащихъ рессорахъ, какую то чухонскую таратайку на двухъ колесахъ.

Въ тотъ день, когда начинается эта повѣсть, онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и читалъ весьма интересное письмо, которое начиналось слѣдующимъ образомъ:

«Достопочтеннѣйшій другъ и благодѣтель,

«Спиридонъ Семенычъ!

«Спѣшу увѣдомить васъ, что я лишилась моего драгоценнаго мужа, съ которымъ ровно двадцать-семь лѣтъ наслаждалась супружескимъ благополучіемъ. Не оставьте моей просьбы, а въ чемъ заключается моя просьба, о томъ слѣдуютъ параграфы:

1. Отправляю къ вамъ въ Питеръ моего любезнаго сына;

вразумите его своими благими совѣтами на счетъ того, какъ надо жить на свѣтѣ, а паче всего научите его политичному обхожденію.

2. Будьте добры и великодушны, постарайтесь опредѣлить моего сынка на хорошее мѣсто, дабы онъ могъ со временемъ составить себѣ приличную карьеру. Найти такое мѣстечко вамъ не трудно, потому что вы знаете всѣхъ князей и графовъ, которые проживаютъ въ Петербѣ. Это говорила мнѣ одна знакомая дама, у которой сывъ тоже въ Петербѣ живетъ: говорить, онъ хорошую должность занимаетъ; говорятъ даже, будто, — мнѣ что-то не вѣрится, — будто цѣлымъ департаментомъ управляетъ.

3. Коль скоро сынокъ мой прїѣдетъ въ Петербѣ, потрудитесь прїнехать для него приличную квартиру, только подешевле. А паче всего помогите ему, моему голубчику, одѣться по модѣ, дабы онъ могъ безъ стыда и совѣсти показаться въ петербургскихъ залахъ. На расходы я дала ему ровно три тысячи рублей серебромъ, то-есть почти цѣлую капитальную сумму. Спасибо мужу, что онъ оставилъ намъ состояніе: теперь есть изъ чего расходы держать.

4. Буде сынку моему потребуется бѣлье, то напишите мнѣ объ этомъ немедленно. Полотна у меня въ деревнѣ много: тотчасъ пришлю.

5. Когда сынокъ мой поступитъ на мѣсто, постарайтесь познакомиться его съ хорошимъ обществомъ, дабы онъ могъ образоваться на хорошей манерѣ. Пожалуйста познакомьте. За всѣ ваши хлопоты я вамъ сторицею заплачу, видитъ Богъ заплачу. Требуйте чего хотите: хоть икры паясной боченокъ, или балыкъ свѣжій — ничего не пожалѣю.

6. Буде сынку моему потребуются деньги на какойнибудь случай, то увѣдомьте меня объ этомъ немедленно: хоть мнѣ и жалъ будетъ, но я все-таки пришлю ему сотни двѣ или три, непременно пришлю. Безъ денегъ и въ деревнѣ жить плохо, а каково въ Петербѣ — бѣда, я думаю, просто бѣда!

7. Наконецъ прошу васъ еще объ одномъ: удаляйте его отъ дурнаго общества, а колыми паче отъ картежныхъ игроковъ.

«Писать болѣе не о чемъ. Затѣмъ желаю вамъ здоровья и всякаго благополучія.

Татьяна Корочкина.»

Пока Спиридонъ Семенычъ читалъ это письмо, видно было, что въ душѣ его происходила какая-то странная борьба. Быть можетъ, онъ размышлялъ, какъ-бы лучше обобратъ неопытнаго юному, который ѣхалъ къ нему изъ родной деревеньки.

Наконецъ онъ всталъ изъ-за стола, понюхалъ раза два табаку и началъ ходить большими шагами, закинувъ руки назадъ. Послѣ этой прогулки, продолжавшейся минутъ съ десять, онъ сѣлъ опять къ столу, написалъ два письма и позвонилъ.

Вошелъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, одѣтый казачкомъ.

— Сейчасъ же отнестъ это письмо на городскую почту, сказалъ Спиридонъ Семенычъ, отдавая мальчику запечатанный конвертъ.

— Слушаю, отнесу.

Мальчикъ хотѣлъ идти.

— Пстой! пстой! закричалъ Спиридонъ Семенычъ.

Мальчннъ остановился.

— Что прикажете? спросилъ онъ.

— Сейчасъ! не торопись! не торопись! Ты знаешь Забѣгаева?

— Нѣтъ, не знаю.

— А Петербургскую Сторону знаешь?

— Знаю.

— Ну, такъ возьми извозчика и поѣзжай на Петербургскую Сторону: Забѣгаевъ живетъ тамъ, въ домѣ штыкъ-юнкера Зюзна.

Когда мальчикъ ушелъ, Спиридонъ Семенычъ подошелъ къ зеркалу, погляделъ свои рыжіе бакенбарды и тутъ же подумалъ:

— Эхъ, чортъ возьми! хорошо тому жить, кому бабушка ворожить! А вотъ мнѣ — такъ нѣтъ, не ворожить! Все самъ, собственными трудами достаю, каждый грошъ въ потѣ лица добываю. Вотъ ужъ скоро двѣнадцать лѣтъ будетъ, какъ я живу въ Петербургѣ, а все не могу обзавестись каретой на лежачихъ рессорахъ!

По окончаніи этого монолога Спиридонъ Семенычъ скинулъ халатъ и легъ спать. Ему снялись золотыя горы, по которымъ онъ ѣдиль въ каретѣ на лежачихъ рессорахъ. Такой, право, счастливецъ!

II.

Олимпиада Васильевна, в которой пойдут годовы рѣчь, была женщина умно по возможности жить, но все еще съ драгостями на проходу и поладости. Она не получила надлежащаго образования, однако выдавала себя за знатную барыню и любила приравняться къ обыкновенным людям. Гордая и надменная своимъ знаньемъ, она смотрѣла на жизнь съ самой практической точки, и жила, не вырешившись Французомъ, какъ: *que maitresse femme*, то есть, говоря по-русски: бой-баба. Надо сказать, что во время молодости своей она считалась едва ли не первой красавицей на всемъ протяженіи Васильевскаго Острова. На восемнадцатомъ году она вышла замужъ за какого-то господина съ двумя бородавками на носу, который любилъ согрѣвать свою натуру парами Бахуса и въ тоже время былъ большой охотникъ до соседокъ съ кауистой зубицею, и до восточальскаго одорома съ зелеными горохами въ особенности. Однажды онъ поучалъ такъ много, что у него произошло воспаленіе въ желудкѣ. Приѣхалъ докторъ, осмотрѣлъ больного, прописалъ ему какую-то микстуру и тутъ же сказалъ, что опасность никакой нѣтъ, что воспаленіе это ничего не значитъ, потому что оно не воспаленіе, а просто пустяки. Однако господинъ съ двумя бородавками на носу не могъ спокойно переждать этихъ пустяковъ, и въ одно прекрасное утро заснулъ такъ крѣпко, какъ засыпаютъ только тѣ счастливацы, надъ которыми неютъ вѣчную память. Спустя три дня, его положили въ гробъ и со всѣми атрибутами печальной процессіи отвезли на Волково и смиреннѣе опустили въ глубокую могилу....

Почти два года Олимпиада Васильевна оплакивала смерть своего мужа, но потомъ забыла объ немъ совершенно, какъ забывается все на свѣтѣ. Впрочемъ надо сказать правду, что метушная вдова не сорвѣтъ осиротѣла: она была дочь, которая съ каждымъ годомъ росла и хорошилась собою на славу, а современникамъ на удивленіе. Теперь ей было около шестнадцати лѣтъ; ее звали Евгеніей. На щекахъ ея игралъ румянецъ здоровья, а подъ черными рѣсницами блистали такіе глаза, въ которыхъ заключался дѣльный едсанъ блаженства. Кроткая и любящая, Евгенія глядѣла на жизнь доверчиво и весело, какъ гл-

дять всѣ дѣвушки въ шестнадцать лѣтъ. Шестнадцать лѣтъ — самая очаровательная пора для женщинъ. Дѣвушки въ шестнадцать лѣтъ не потупляютъ глаза въ землю при встрѣчѣ съ молодыми вертопрахами, не краснѣютъ отъ каллибуровъ заманчивыхъ подлиннаго, и вообще гораздо граціознѣе претворяютъ, чѣмъ прискакиваютъ въ мазурки или польки.

Надо сказать, что Олимпіада Васильевна жила на Васильевскомъ Островѣ, на этомъ благодатномъ оазисѣ Финскаго Залива, гдѣ такъ хорошо и весело жить въ лѣтнее время. На Васильевскомъ Островѣ и воздухъ легче, и квартиры дешевле, да и теплото ногъ подъ рукой. Любители поразительныхъ сценъ могутъ иногда изъ окна смотрѣть, какъ провожаютъ покойниковъ на Смоленское кладбище. Въ самомъ дѣлѣ преназидательная картина!

Было утро. Олимпіада Васильевна сидѣла за столомъ и разливала чай. На этотъ разъ она была не въ духѣ и поминутно вертѣлась на своемъ стулѣ. Евочка была тутъ же.

— Странно! сказала Олимпіада Васильевна, накладывая въ чашку сахаръ: вотъ ужъ двѣ недѣли прошло, а Спиридонъ Семеновъчъ нѣтъ какъ нѣтъ! Ума не приложу, куда онъ пропалъ, что съ нимъ случилось! Ужъ не болѣвъ ли?!...

— Такъ что же, мамаша! замѣтила Евочка: пускай его хвораетъ, сколько угодно.... намъ и безъ него хорошо!

— Нѣтъ, душенька, не советишь хорошо! Знаешь ли, чѣмъ мы живемъ теперь?

— Не знаю, мамаша!

— То-то и есть! Если бы Спиридонъ Семеновъчъ, нашъ добрый кумъ и благодѣтель, не оказывалъ намъ своего покровительства, то мы бы....

Олимпіада Васильевна остановилась: она хотѣла еще разъ повернуться на стулѣ, чтобы выразительнѣе досказать начатую рѣчь; но тутъ произошла такая сцена, которую трудно изобразить перомъ: стулъ треснулъ, подломился и упалъ на бокъ.

— А! ай! погибаю! закричала Олимпіада Васильевна, потерявъ равновѣсіе и падая на полъ.

Несмотря на эту комическую сцену, Евочка подбѣжала къ матери, чтобы подать ей помощь. Въ это время она выршила

изъ-подъ перста, небольшую записку, которую въ суматохѣ ни кто не замѣтилъ.

— Охъ, моя батюшка! О-охъ!... о-охъ! ворчала Олимпіада Васильевна, поправляя чепецъ: о-охъ!... о-охъ!...

И она предавалась мысли де-тѣхъ-портъ, пока не вошла въ комнату Маврушка, которая исправляла должность стиральщицы и водовосницы.

— Къ вамъ, барыня-сударыня, писемцо пришло, сказала Маврушка, утирая кулакомъ носъ.

— Отъ кого? спросила Олимпіада Васильевна.

— Да отъ кого же больше, какъ не отъ Спиридона Семеновича: отъ него, родная, отъ него!

— А! отъ Спиридона Семеновича! Давай сюда скорѣе... давай!

— Извольте, барыня-сударыня!

Олимпіада Васильевна схватила письмо, распечатала и стала читать съ большимъ нетерпѣніемъ. Спиридонъ Семеновичъ писалъ:

«Любезная Олимпіада Васильевна! Сама судьба посылаетъ намъ счастье, только надо ловить его какъ можно скорѣе, а то оно, пожалуй, ускользнетъ изъ нашихъ рукъ. Скажу проще: на-дняхъ прійдетъ къ намъ въ Петербургъ Федоръ Ивановичъ Корочкинъ, о которомъ я говорилъ вамъ на прошлой недѣлѣ. Человѣкъ онъ молодой и неопытный, просто мальчишка, а вѣдь вы сами знаете, что такихъ-то людей намъ и надо. Скажите домовому хозяину, чтобы онъ поскорѣе очистилъ квартиру, ту самую, что напротивъ вашей. Какъ скоро Корочкинъ прійдетъ, я отрекомендую ему эту квартиру какъ лучшую во всемъ Петербургѣ. Да присоветуйте своей дочери наряжаться по авантюристе: лучше этого жениха ей днемъ съ огнемъ не сыскать. Пока прощайте! Надо кое-что приготовить, чтобы получше встрѣтить дорогаго гостя. Какъ только будетъ время, я заѣду къ вамъ самъ.»

«С. Баласинъ.»

Прочитавъ это письмо, Олимпіада Васильевна сперва немного подумала, потомъ подозвала къ себѣ дочь и сказала ей ласковымъ тономъ:

— Послушай, моя милочка! Ужъ ты не маленькая: можешь

«Обо всем собственным разсужденіем думать. Скажи самъ себѣ провенно: хочешь ли замужъ?»

Этотъ неожиданный вопросъ заставилъ молодую дѣвушку покраснѣть до ушей. Она не знала, что отвѣчать.

— Нѣтъ, маменька, нѣтъ! сказала, мамошца, Евочка.

— Отчего же нѣтъ? спросила щедлоблудная мать: говори правду, отчего?

— Уже я люблю, мамошечка.... уже я дала слово....

— Чтò та-ко-о? Ты, негодная дѣвчонка, смѣешь давать слово!..

— Чѣмъ же я виновата, мамошечка! Онъ самъ сказалъ, что я должна любить....

— Кто же это сказалъ? спросила Олимпиада Васильевна, принимая на себя видъ правосудной парки: говори скорѣе, кто это сказалъ тебѣ?

Евочка молчала. Крупная слеза — слеза стыда и отчаянія показалась на рѣсницахъ дѣвушки.

— Да говори же, негодница, кто сказалъ тебѣ, что ты должна любить....

— Василій Алексѣевичъ Забѣгаевъ, проговорила Евочка едва внятно, и тутъ же упала на стулъ.

— Какъ! этотъ мальчишка, у котораго еще молоко на губахъ не обсохло.... этотъ сочинитель, который все пишетъ, пишетъ, да строчекъ недописываетъ.... этотъ франтикъ, у котораго нѣтъ гроша въ карманѣ....

— Нѣтъ, маменька, нѣтъ! Вчера я сама видѣла у него кредитную бумажку; онъ хотѣлъ купить на эти деньги колечко и подарить его мнѣ.

Олимпиада Васильевна посмотрѣла на Евочку съ большимъ недоумѣніемъ. Она подумала, что дочь ея или дѣйствительно глупа, или только прикидывается дурочкой. Последнее предположеніе показалось ей вѣроятнѣе перваго.

— Ты, просто, дура! сказала наконецъ огорченная мать.

— Но, маменька....

— Молчать! Поди ко мнѣ!

Евочка подошла къ матери, заливаясь слезами. Олимпиада Васильевна взяла дочь свою за руку, подвела къ окну, показала ей

исключить из разговора ее стрессю, которое находилось по другую сторону двора, и тут же сказала:

— Видишь Олимпиада... нѣтъ! Уги, что запросто въ нашей квартирѣ?

— Видю, отвѣтила Евочка, утерев слезы.

— Такъ слушай же вслухъ. Въ этой моментъ скоро будетъ жить молодой человекъ: постарайся завлечь его, привалять въ бѣду... то-есть... какъ-бы тебѣ сказать... почти оу курь стрѣль.

— Курь стрѣль! вскричала Евочка почти съ ужасомъ: курь стрѣль! повторила она еще разъ: нѣтъ, нѣтъ, мамонька!.. я не уживу... я боюсь курь стрѣль!

— Да она просто дура! подумала Олимпиада Васильевна, и готова была разразиться новымъ гнѣвомъ, какъ вдругъ вспомнила на полу ту самую записку, которую Евочка выронила изъ-подъ вѣрсага. Записка эта была слѣдующаго содержания:

«Бездѣльная Евочка! Спѣшу уведомить васъ, что я окончилъ поэму и скоро напечатаю ее въ какомъ-нибудь журналѣ. Я надеюсь, что новое мое сочиненіе пріимутъ съ большимъ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что нынче ни въ одномъ журналѣ не печатаютъ стиховъ: должно быть, поэты вывелись.... Вчера я былъ на вечерѣ у Марьи Ивановны и очень весело время провелъ. Почти всю ночь танцовали и даже шампанское пили, только жаль, что васъ не было. Прощайте! Помните условіе: завтра, въ саду, на правой рукѣ. Я приду часовъ въ восемь, если будетъ можно, и вы приходите....

— Вашъ другъ до гроба В. Забьгаевъ.»

Олимпиада Васильевна прочтала эту записку спокойно, какъ будто дѣло шло въ обыкновенномъ порядкѣ вещей; но за то послѣ гнѣвъ ея не имѣлъ границъ...

— Это еще что за письмо?... Это отъ кого? кричала она, энергично размахивая руками и сильно топая ногами: да говори же негодница, кто принесъ тебѣ это письмо?

Евочка едва стояла на ногахъ; наконецъ она упала на диванъ и заплакала навзрыдъ.

— А! ты молчишь! Ты не хочешь сказать мнѣ, кто принесъ это

письмо! Молчи, молчи, сударыня! Я знаю, что дѣлать: ай, Маврушка!

На этотъ злобный крикъ въ комнату вошла страпуха въ своемъ иссачканномъ капотѣ и съ тарелкою въ рукѣ.

— Это твои шапки? закричала Олимпиада Васильевна, показывая Маврушкѣ письмо: да говори же скорѣе, твои что ли это шапки?

Бѣдная страпуха едва не присѣла на полъ отъ страху. Какъ живое олицетвореніе ужаса, она стояла разинувъ ротъ и выщуча глаза.

— Твои что ли это шапки? повторила Олимпиада Васильевна еще разъ, выхода изъ границъ терпѣнія.

Маврушка упала на колѣни.

— Мои, барыня-сударыня, мои! едва могла проговорить она, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страху.

— Такъ вотъ какъ ты служишь мнѣ! Въмѣсто того, чтобы на кухнѣ за порядкомъ смотрѣть, ты изволишь къ моей дочери любовныя записки носить, и чортъ знаетъ отъ кого! Подожди, голубушка, подожди!

— Виновата, барыня-сударыня, виновата! говорила Маврушка, утирая слезы. Не буду больше грѣшить, барыня-сударыня, вотъ те Богъ не буду!

Долго еще продолжалась эта эксцентрическая сцена. Наконецъ огорченная вдова плюнула съ досады и ушла въ свою комнату, а тамъ бросилась на кровать и утонула въ перинахъ....

III.

У насъ поэзія почти совершенно выходитъ изъ моды. Теперь всѣ заняты парамі, да акціями, и какой-нибудь прожектёръ, который успѣлъ набить карманъ свой кредитными билетами, славится гораздо болѣе, чѣмъ поэтъ — этотъ избранникъ небесъ, посланный на землю. Прежде смотрѣли на поэта какъ на человѣка, показывающаго путь къ истинѣ: теперь смотрять на него какъ на бродягу, который самъ сбился съ истиннаго пути. Если онъ идетъ по улицѣ, то родители, пекушіяся о благѣ и довольствіи чадъ своихъ, показываютъ на него пальцемъ и говорятъ сынкамъ:

Смотрите: вотъ прини́ръ для васъ!
 Онъ гордь былъ, не ужился съ нами....
 Глушецъ! хотѣлъ увѣрить насъ,
 Что Богъ гласить его устани!
 Смотрите-жь, дѣти, на него,
 Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
 Какъ презирають всѣ его,
 За то что онъ и нагъ, и бѣденъ!

Хотя поэзія выходитъ изъ моды, но число поэтовъ умножается почти съ каждымъ годомъ. Почти всякій недоучка-студентъ, который не чешетъ головы и опаздываетъ въ должность, непременно считаетъ себя сочинителемъ. Всѣ эти господа бывають одарены раздражительнымъ темпераментомъ и ходять, большою частію, съ взъѣрошенными волосами или съ прическою à la чортъ побери! Костюмъ ихъ отличается небрежностью и нерѣдко бываетъ такой, въ которомъ стыдно выдти на улицу. Однако поэты ходять вездѣ, гдѣ только можно ходить въ оборванномъ костюмѣ.

Василій Алексѣичъ Забѣгаевъ, о которомъ пойдетъ здѣсь рѣчь, былъ тоже поэтъ. Онъ родился и выросъ на Петербургской Сторонѣ, въ домѣ штыкъ-юнкера Зюзиана. Дѣтство его прошло тихо и безмятежно, безъ всякихъ особенныхъ приключеній: днесь, послѣ ученья, онъ игралъ съ разнокалиберными собаченками на-окрестныхъ улицахъ, а вечеромъ поѣдалъ украдкою морковъ и рѣпу въ сосѣднемъ огородѣ. Только на шестнадцатомъ году, когда почти въ каждомъ человѣкѣ проявляется сознаніе собственнаго достоинства, герой нашъ вдругъ почувствовалъ сильное влеченіе къ стихотворнымъ бреднямъ. Проникнутый ложными идеями романовъ и повѣстей, онъ вообразилъ, что сдѣлаться сочинителемъ весьма не трудно, только стѣбитъ взять перо въ руки. Онъ не зналъ, что званіе литератора сопряжено съ большими трудностями и неудачами, и что преодолѣть эти трудности и неудачи можетъ только тотъ счастливецъ, кто получилъ отъ природы гармоническое соединеніе душевныхъ силъ.

Въ самомъ дѣлѣ, стихобѣсіе такой недугъ, что хуже всякой чумы и холеры. Если за перо поэта возьмется человѣкъ съ талантомъ и съ сознаніемъ своихъ собственныхъ силъ, то, мож-

но сказать положительно, онъ напишетъ что-либо прекрасное, что любознательная публика прочтеть съ большимъ удовольствіемъ. Но къ стыду всего образованнаго челоѣчества, мы должны признаться, что у насъ берутся за это дѣло люди совершенно бездарные, которые не только не имѣютъ понятія о механизмѣ стихосложенія, но даже не знаютъ грамматики.

Мы сказали выше, что Василій Алексѣичъ жилъ на Петербургской сторонѣ. Онъ занималъ въ домѣ штыкъ-юнкера Зюкина небольшую комнату, и платилъ за эту комнату, съ освещеніемъ и прислугою, по четыре рубля серебромъ въ мѣсяцъ. Василій Алексѣевичъ велъ жизнь довольно правильную и аккуратную. Утромъ онъ вставалъ въ восемь часовъ, пилъ чай съ Выборгскими кренделями и читалъ Полицейскія вѣдомости. Послѣ этой довольно продолжительной операціи, онъ надѣвалъ форменный сюртукъ, бралъ въ руки палку съ бронзовымъ набалдашикомъ и отправлялся въ должность на извозникъ, или пѣшкомъ, смотря по обстоятельствамъ кармана. Послѣ должности онъ заходилъ къ кухмистеру, обѣдалъ у него за двадцать пять копѣекъ серебромъ, потомъ возвращался домой, надѣвалъ кашемировый халатъ, закуривалъ папироску и начиналъ фантазировать. Иногда, вечеромъ, чтобы поразмять свою черствую натуру, Василій Алексѣичъ любилъ гулять по безлюднымъ улицамъ Петербургской Стороны. Во время этихъ прогулокъ онъ заходилъ иногда и въ трактиръ, гдѣ выпивалъ стакана два чаю съ гусарскими сливками и читалъ Сѣверную Пчелу.

Штыкъ-юнкеръ, у котораго жилъ нашъ поэтъ, былъ челоѣкъ довольно пожилыхъ лѣтъ и небольшого росту; но широкая грудь и мускулистыя руки свидѣтельствовали, что въ немъ кипитъ еще солдатская кровь, и что онъ можетъ еще, въ силу этого обстоятельства, попытаться на людяхъ свою богатырскую мочь. Онъ былъ не богатъ, но и не бѣденъ, а такъ себѣ—жилъ кое-какъ спокойно и весело. Жители Петербургской Стороны считали его челоѣкомъ самыхъ строгихъ правилъ и неукоризненнаго поведенія. Даже лавочникъ, у котораго онъ забиралъ съѣстные припасы, читалъ къ нему неограниченное довѣріе и называлъ его не иначе, какъ *господиномъ съ аккуратнымъ карманомъ*.

Штыкъ-юнкеръ любилъ Василья Алексѣича какъ роднаго сы-

на. Но нѣтъ друзей и родныхъ, старый слугака радъ былъ отогрѣть на своемъ сердцѣ хоть одно существо, ослаславить своего участника, хоть одного человѣка, дабы онъ, этотъ человѣкъ, могъ современно попасть на большую дорогу.

Только молодой человѣкъ не умѣлъ цѣнить своего друга и благодѣтеля. Вмѣсто того, чтобы заниматься дѣлами по службѣ, Василь Александровичъ любилъ гулять подъ окошками туземныхъ провансовъ, и восхвалялъ ихъ въ своихъ водянистыхъ стихотвореніяхъ. Къ довершенію злополучія, онъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, выкулся въ омутъ литературнаго міра и, къ общему удивленію друзей и знакомыхъ, заговорилъ на языкѣ боговъ совершенныя глупости.

Нарядомъ произведеніемъ Василь Александровича была какая-то чрезвычайно длинная поэма, подъ заглавіемъ: *Дѣва съ голубыми глазами*. Почти три мѣсяца молодой человѣкъ сочинялъ и переделывалъ это стихотвореніе; наконецъ переписалъ его на бѣломъ и послалъ жъ одному известному журналисту при слѣдующемъ письмѣ:

«Милостивѣйшій государь
«Карль Сидорычъ!

«Имѣя сильное влеченіе къ стихотворному творчеству, я рѣшился испытать свои способности въ ямбическихъ стихахъ. Предлагаемая при семъ письмѣ поэма написана тѣмъ самымъ размеромъ, которымъ Пушкинъ написалъ своего Евгенія Онегина. Увѣдомьте меня, пожалуйста, имѣю ли я способность писать стихи, или нѣтъ. Если имѣю, то всепокорнѣйше прошу васъ напечатать въ журналъ мою *Дѣву съ голубыми глазами*, дабы и могъ еще съ большимъ жаромъ обрѣчь себя на служеніе музамъ. Цѣну за мои труды назначьте какую хотите: я на все буду согласенъ. Пожалуйста, напечатайте!

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть

«вашъ, милостивѣйшій государь,
всепокорнѣйшій слуга

«Василій Забѣгаевъ.»

Журналистъ прочиталъ это письмо съ большимъ вниманіемъ,

потомъ улынулся съ самодовольнымъ видомъ, поправилъ на носу золотые очки, понюхалъ раза два табакъ изъ черепаховой табакерки — и отослалъ *Дюбу* съ голубыми глазами въ типографію, съ надписью: набирать и прислать скорѣе корректуру.

Спустя двѣ недѣли, журналистъ выдалъ своимъ подписчикамъ новую книжку.

Когда молодой человѣкъ узналъ, что его стихотвореніе напечатано, онъ едва не сошелъ съ ума отъ радости. Только какимъ-то чудомъ избавился нашъ поэтъ отъ приглашенія погостить вѣсело три или четыре въ желтомъ домѣ. Такъ велика бываетъ радость всѣхъ бездарныхъ писакъ, когда они видятъ свое дѣише въ печатномъ экземплярѣ.

Вскорѣ послѣ этого происшествія какой-то случай облизалъ и познакомилъ поэта съ дочерью Олимпиады Васильевны.

Доктора говорятъ, что сильныя страсти доводятъ человѣка до самосгаранія. Когда молодой человѣкъ встрѣтилъ Евочку, онъ полюбилъ ее искренно, со всѣмъ изступленіемъ молодости. Черезъ нѣсколько дней любовь его превратилась въ самую сильную страсть, которая томила душу и сжигала сердце: однимъ словомъ, молодой человѣкъ сгаралъ отъ этой страсти какъ пани-роска.

Евочка тоже полюбила молодаго человѣка. Быть можетъ эта любовь произошла вслѣдствіе сердечной симпатіи, а быть можетъ и то, что она развилась отъ гармоніи ихъ чувствъ. Какъ бы то ни было, но молодые люди долгое время наслаждались настоящимъ благополучіемъ и даже нѣсколько разъ собирались просить Олимпиаду Васильевну, чтобы она дозволила имъ сочетаться законнымъ бракомъ. Но вдругъ дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ, потому-что въ одно прекрасное утро молодой человѣкъ получилъ небольшое письмецо, которое разстроило всѣ его планы и надежды на счетъ женитьбы.

Читатель помнитъ, что въ первой главѣ этой повѣсти Спиридонъ Семенычъ написалъ два письма, изъ которыхъ одно отослалъ къ Олимпиадѣ Васильевнѣ, а другое приказалъ своему мальчику отнести къ нашему поэту. Спиридонъ Семенычъ писалъ:

«До меня дошли довольно странные слухи, которымъ я не хочу вѣрить, но все-таки желаю предостеречь васъ на всякій случай.

Во-первыхъ, вы должны немедленно прекратить все сношенія съ домою Олимпиады Васильевны, и ни подъ какимъ видомъ не волочитесь больше за ея дочерью. Я думаю, вамъ самимъ довольно хорошо извѣстно, что Евочка невеста не для васъ: къ ней сватаются не такіе женихи, какъ вы, а съ вѣсомъ и капиталомъ. Капиталъ въ сунружеской жизни весьма необходимъ, такъ-что безъ него вся ваша поэзія и книжная мудрость просто дрянь. Надѣюсь, что письмо мое послужитъ вамъ урокомъ и на будущее время. Прочитайте его со вниманіемъ и обо всемъ, что я написалъ, подумайте хорошенько.

«Спиридонъ Баласинъ.»

Прочитавъ это письмо, нашъ поэтъ пришелъ въ неописанную ярость: онъ вспыхнулъ, покраснѣлъ до ушей, задрожалъ всѣмъ тѣломъ и такъ выразительно замахалъ руками, какъ будто его вызвали на поголовное ополченіе.

— Какъ! закричалъ онъ благимъ матомъ, становясь въ позицію театральнаго героя: какъ! насъ хотятъ разлучить, погубить на вѣки вѣковъ! Никогда! никогда! Сейчасъ же напишу Евочкѣ письмо, скажу ей, что намъ угрожаетъ опасность, что насъ преслѣдуютъ люди — злые люди! Евочка любитъ меня, она скажется надъ моимъ горемъ, будетъ просить свою мать, чтобы она позволила намъ сочетаться законнымъ бракомъ.

И молодой человѣкъ дѣйствительно сѣлъ къ столу, чтобы написать письмо. Пока онъ пишетъ, мы посмотримъ, что дѣлаетъ Спиридонъ Семенычъ.

IV.

Спиридонъ Семенычъ жилъ на Обуховскомъ проспектѣ, въ довольно красивомъ и опрятномъ домѣ, который принадлежалъ какому-то господину съ рыжими бакенбардами и багровымъ носомъ. Какъ все люди хвастливой породы, Спиридонъ Семенычъ любилъ показывать съ хорошей стороны не только себя, но и все свое ниущество. Во всѣхъ его комнатахъ стояла въ симметричествомъ порядкѣ дорогая мебель, которую онъ купилъ за весьма дешовую цѣну, чуть ли не на мѣдныя деньги. Кабинетъ его былъ отдѣленъ съ особеннымъ вниманіемъ, и надо сказать правду, эта

отдѣлка Спиридону Семеновичу не дешево обошлась. По всѣмъ столамъ и этажеркамъ были разбросаны въ поэтическомъ беспорядкѣ разные бездѣлки изъ прессы — папье и бронзы, стояли чернильницы съ колокольчиками и безъ колокольчиковъ, лежали книги, ноты, литографіи, планы, карандаши, печатки, перья, сургучъ, — однимъ словомъ, эта комната болѣе была похожа на галантейную лавочку, чѣмъ на кабинетъ дѣловаго человѣка.

Съ тѣхъ-поръ, какъ Спиридонъ Семеновичъ получилъ изъ провинціи интересное письмо, прошло болѣе недѣли. Въ продолженіе этого времени онъ только и думалъ о томъ, какъ бы получше принять дорогаго гостя, который ѣхалъ къ нему изъ Саратовской губерніи. Спиридонъ Семеновичъ былъ крѣпко убѣжденъ, что этотъ дорогой гость не устоитъ противъ его стратегическихъ замысловъ и неизбежно попадетъ въ ту западню, которую онъ приготовилъ для него вмѣстѣ съ Олимпиадою Васильевною. Читатель узнаетъ послѣ, какъ сбылись мечты и надежды Спиридона Семеновича — этого великаго человѣка на малыя дѣла.

Пробило два часа ночи. Несмотря на позднюю пору, Спиридонъ Семеновичъ еще не спалъ. Онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и чуть ли не въ десятый разъ перечитывалъ публикаціи въ Поллицейскихъ Вѣдомостяхъ.

Вшелъ мальчикъ и доложилъ о пріѣздѣ Федора Ивановича Корочкина.

— Какъ! вскричалъ Спиридонъ Семеновичъ, всплеснувъ руками отъ радости: ужъ онъ пріѣхалъ, этотъ дорогой гость.... ужъ онъ здѣсь! Да это счастье, просто счастье! Кто бы могъ подумать, что я увижусь съ нимъ такъ скоро!

Говоря это, Спиридонъ Семеновичъ все еще смотрѣлъ на Поллицейскія Вѣдомости. Наконецъ онъ опомнился, бросилъ на столъ газету и поспѣшно вышелъ на лѣстницу, чтобы встрѣтить дорогаго гостя.

Это былъ молодой человѣкъ довольно привлекательной наружности, но съ такими странными манерами и ухватками, что опытный наблюдатель тотчасъ могъ узнать въ немъ жителя степной губерніи, гдѣ общественная жизнь не достигла еще полного развитія. Онъ былъ невысокаго росту, немножко смугловатъ, но во-

обще хорошо сложены. Несмотря на лѣтнюю пору, на немъ была надѣта фуражка изъ сибирской мерлушки и сакъ-пальто на ватѣ.

Спиридонъ Семенычъ принялъ молодого человѣка очень пріятливо: онъ цѣловалъ его, пражиналъ къ сердцу какъ роднаго сына и тутъ же не замедлилъ вернуть словцо-другое:

— Ты, братецъ, только слушайся меня, говорилъ онъ ему: а ужъ я тебя выведу въ люди, ей-ей, выведу! И невѣсту хорошую отыщу тебѣ, непременно отыщу.

Молодой человѣкъ слушалъ Спиридона Семеныча съ большимъ удивленіемъ.

— Здѣсь, братецъ, надо жить осторожно, а не такъ какъ въ деревнѣ, продолжалъ Спиридонъ Семеновичъ: деревня — дрянъ, плохое дѣло, бабье рѣшето: тамъ живи какъ хочешь — никто не осудитъ! А здѣсь — нѣтъ, стой! Здѣсь, братецъ, все на тонкой политикациі основано, все подъ модную мѣрку подведено — вотъ какъ!

Въ такомъ тои разговорѣ продолжался болѣе часу. Молодой человѣкъ переходилъ отъ изумленія къ изумленію и наконецъ совершенно согласился со словами Спиридона Семеныча, что Петербургъ не деревня, а городъ, и что жить въ этомъ городѣ надо осторожно, а то какъ разъ пропадешь, ни за грошъ пропадешь.

Наконецъ Спиридонъ Семенычъ накормилъ своего гостя ветчиною съ горохомъ, напоилъ хересомъ изъ ближайшаго погребка, и уложилъ спать на мягкую постель. Послѣ безпокойной и продолжительной дороги, молодой человѣкъ заснулъ богатырскимъ сномъ. Ночью снились ему не то феи, не то нимфы, а какія-то красотики въ кисейныхъ юбкахъ, которыя поочередно отплясывали передъ нимъ шотландъ-польку.

На другой день Спиридонъ Семенычъ повезъ своего гостя осматривать квартиру, которую онъ заблаговременно нанялъ для него на Васильевскомъ Островѣ. Квартира эта состояла изъ трехъ комнатъ, довольно удобныхъ и обитыхъ хорошими обоями. Осматривая квартиру, молодой человѣкъ нечаянно взглянулъ въ окно: тамъ, по другую сторону двора, въ каменномъ флигелѣ, находилась квартира Олимпіады Васильевны. Евочка сидѣла у окна и что-то шила. Молодой человѣкъ замѣтилъ дѣвушку, а дѣвушка, съ своей стороны, замѣтила пріѣзжаго.

— Скажите, пожалуйста, кто здѣсь живетъ? спросилъ молодой человѣкъ, показывая пальцемъ на окно, у котораго сидѣла Евочка.

— Здѣсь, братецъ, живетъ какая-то богатая вдова, отвѣчалъ Спиридонъ Семенычъ: говорятъ, она женщина съ вѣсомъ.... говорить, хоршее состояніе имѣеть.

— А кто сидитъ у окошка, за пальцами: ужъ не дочка ли этой вдовы?

— Точно такъ, братецъ, точно такъ! Это она сидитъ. Замѣчаешь ли, какъ она хороша: прелесть, братецъ, просто амурчикъ!

Молодой человѣкъ опять посмотрѣлъ на дѣвушку. Въ это время Евочка приподняла свою прекрасную головку и взглянула на него такими глазами, которые, казалось, хотѣли сказать:

— Сюда!... сюда!... ко мнѣ! ко мнѣ!... я тебя люблю!...

— Что, братецъ, засмотрѣлся! сказалъ Спиридонъ Семенычъ, и тутъ же прибавилъ: смотри — не смотри, а ужъ лучше этой красавицы во всемъ Петербургѣ не найдешь. А знаешь-ли, какъ она поетъ: чудо, братецъ, просто соловей!

— Что же она поетъ? спросилъ молодой человѣкъ.

— Мало ли что! отвѣчалъ Спиридонъ Семенычъ; а болѣе всего подъ музыку. Какъ заиграетъ на клавикордахъ тра-ла ла, а какъ запоетъ:

Приди ко мнѣ... въ чертогъ златой,

Приди ко мнѣ... мой князь драгой!...

Тутъ Спиридонъ Семенычъ остановился: онъ почувствовалъ, что заврался безвыходно.

Къ сожалѣнію, молодой человѣкъ не слышалъ послѣднихъ словъ своего друга и покровителя: онъ все еще стоялъ у окна и смотрѣлъ на Евочку, на эту чудную и прекрасную дѣвушку. Она сіяла передъ нимъ во всемъ блескѣ красоты и молодости.

Черезъ недѣлю молодой человѣкъ переѣхалъ на эту квартиру, а спустя еще нѣсколько дней, онъ получилъ отъ Спиридона Семеныча счетъ, по которому обязанъ былъ заплатить ему 1627 рублей серебромъ. Помышляемъ здѣсь этотъ счетъ безъ поправки. Вотъ онъ отъ слова до слова:

СЧЕТЪ,

Федору Ивановичу, господину Корочкину, по которому слѣдуетъ получить съ него 1627 рубл. 85 коп., а за это именно, о томъ слѣдуютъ пункты:

1. За дюжину стульевъ на пружинахъ, подбитыхъ барканомъ	235	р.	—
2. За два дивана, тоже на пружинахъ	120	—	—
3. За два зеркала, стекло въ 2½ аршина величиною . . .	190	—	—
4. За три стола ломберные	75	—	—
5. Еще за дюжину стульевъ, попроще, но тоже на пружинахъ	105	—	—
6. За бюро съ музыкой и потайнымъ ящикомъ	120	—	—
7. За круглый столъ для званныхъ обѣдовъ	50	—	—
8. За алдгель, новѣйшаго фасону	500	—	—
9. За обои и драпировку комнатъ	210	—	—
10. Подъѣзникамъ за переноску и за другія мелочи	92	—	85 к.

Всего, 1627 р. 85 к.

Корочкинъ заплатилъ по этому счету безъ всякихъ отговорокъ; онъ даже благодарилъ Спиридона Семеныча за хлопоты. Черезъ недѣлю неопытный молодой человѣкъ замѣтилъ, что отъ трехъ тысячъ, которыя получилъ онъ отъ матери, у него осталось всего на все только двадцать семь цѣлковыхъ. Это обстоятельство такъ сильно огорчило нашего героя, что онъ не зналъ что ему дѣлать, какъ быть, чѣмъ горю пособить!

V.

Молодой человѣкъ, подобно Спиридону Семеновичу, родился и выросъ далеко отъ Петербурга, чуть ли не въ саратовской губерніи. Дѣтство его прошло тихо и незамѣтно, безъ всякихъ эксцентрическихъ затѣй. Долгое время объ немъ почти никто не думалъ, его какъ будто совсѣмъ позабыли. Наконецъ, когда онъ подросъ, чадолюбивые родители наняли ему гувернера, для обученія сына французскому діалекту. Мальчикъ учился прилежно, какъ могъ, но не совсѣмъ хорошо: гувернеръ со всѣми своими науками былъ для него хуже всякой безтолковой тарабарщины. Провывнувъ удивляться въ самаго себя, мальчикъ мало-по-малу сдѣлался робокъ и молчаливъ. Со временемъ, эта робость произвела въ немъ совершенную реакцію, такъ что въ наружности его стало

проглядывать что-то неуклюжее и неловкое, отчего рѣшительно никто не могъ смотрѣть на него безъ смѣху и сожалѣнiя. Однако много чистыхъ помысловъ и дивной поэзiи таилось въ его бѣдной душѣ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Мальчикъ сдѣлался юношей, юноша молодымъ человѣкомъ и его стали звать Федоромъ Ивановичемъ. Но ни лѣта, ни опытъ, ни обстоятельства жизни, однимъ словомъ ничто на свѣтѣ не могло пересоздать этой упрямой и неуклюжей-натуры: онъ какъ былъ медвѣдемъ, такъ и остался имъ на всю жизнь.

Здѣсь кстати вспомнить слова графа Соллогуба, который говорить, что медвѣди бываютъ различнаго рода: отъ бѣдности, отъ неудачной фiзиономiи, отъ чрезмѣрнаго самолюбiя, отъ любви къ заграничной жизни, отъ ненависти къ фраку, отъ непривычки быть учтивымъ, отъ образа воспитанiя, отъ непрiятностей житейскихъ отъ происхожденiя, но большею частiю отъ равнодушiя ко всему житейскому, отъ скуки и лѣни, отъ непреодолимой наклонности къ халатной жизни. Самые жалкiе изъ нихъ тѣ, представляетъ графъ Соллогубъ, которые, какъ настоящиe медвѣди по природѣ, съ дѣтства дичатся людей, потому что не избалованы ни чѣмъ участiемъ....

Федоръ Ивановичъ принадлежалъ къ послѣднему роду медвѣдей. Послѣ смерти отца, ему осталось довольно хорошее состоянiе: около двухъ сотъ нигдѣ не заложенныхъ душъ. Мать его была женщина самыхъ строгихъ правилъ, но ограниченнаго ума и очень слабаго характера. Федоръ Ивановичъ жилъ въ деревнѣ довольно скучно и довольно грязно, какъ живутъ всѣ вообще медвѣди на свѣтѣ. Лѣтомъ онъ уходилъ въ степь и тамъ просиживалъ по цѣлымъ днямъ, поѣдая арбузы и дыни. Иногда въ степи его застигала гроза: громъ и молнiя бороздили небо, вѣтеръ шумѣлъ, дождь лилъ какъ изъ ведра, и все, что было въ природѣ, трепетало отъ страха, только нашъ медвѣдь сидѣлъ преспокойно, любуясь хаосомъ разъяренной стихiи. Въ зимнее время Федоръ Ивановичъ или лежалъ спокойно въ своей комнатѣ, или уѣзжалъ въ губернскаiй городокъ. Здѣсь, въ губернскомъ городкѣ, онъ заходилъ иногда и въ театръ, и въ гостиный дворъ, и въ дворянское

собраніе, чтобы поиграть на бильярдѣ, послушать музыку, поглядѣть на канатныхъ плясунѡвъ и похлопать хорошевыми маршкетками. Иногда, Корочкинъ не прочь былъ и покутить, вѣроятно для того, чтобы поразмять свою крѣпкую натуру. Впрочемъ это случалось съ нимъ очень рѣдко. Только однажды мелькнула передъ нимъ звезда любви и блаженства.

На двадцать первомъ году Корочкинъ встрѣтилъ какую-то дѣвушку, которая въ то время жила со своими родителями въ губернскомъ городкѣ. Ее звали Любинькой, она была хороша и молода. Молодой человѣкъ, не смотря на свою натуру, любилъ эту дѣвушку искренно, и даже хотѣлъ на ней жениться, но ему отказали на отрѣзъ. Онъ сталъ скучать, сохнуть съ вечами и черезъ годъ такъ ушелъ въ землю, что сдѣлался ниже травы, тише воды. Мать глядѣла на сына своего со слезами на глазахъ, и не знала, что дѣлать, какъ быть, чѣмъ горю пособить! Наконецъ она разсудила, что его надо отправить въ Петербургъ — на службу. Воля матери — законъ: нечего дѣлать, надо вѣхать. Молодой человѣкъ сѣлъ въ повозку и потонулъ въ слезахъ и перниѣ. Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались, сперва тихо, потомъ все быстрее и быстрее. Вотъ и Петербургъ недалеко....

Приѣхавъ въ Петербургъ, молодой человѣкъ прежде всего позботился откомендоваться Спиридову Семенычу; тотъ принялъ его съ большимъ радушіемъ, даже нанялъ ему квартиру и закупилъ мебель, какъ это вы ужъ знаете изъ предыдущей главы. Особенно же Спиридову Семенычу непременно хотѣлось женить Корочкина на дочери Олимпіады Васильевны.

VI.

Петербургъ, какъ записной щеголь, мѣняетъ свои привычки и обычаи съ каждымъ мѣсяцемъ, почти съ каждымъ днемъ: сегодня онъ охотно слушаетъ очаровательную игру Тальберга, а завтра съ такимъ же удовольствіемъ поѣдетъ въ Новую деревню, на Милеральныя воды, слушать цыганскій таборъ. Жители Петербурга, богатые и бѣдные, чиновные и безъ чиновъ, умные и глупые,

старшки и молодые, однимъ словомъ, почти всѣ безъ исключеній только и думаютъ о томъ, какъ бы не отстать отъ моды.

Олимпиада Васильевна любила принаравливаться къ обычаямъ моды. Она глубоко была убѣждена въ своемъ аристократическомъ происхожденіи, такъ глубоко, что считала себя лучше всякой знатной барыни.

Она любила Евочку горячо и непритворно. Какъ чадолюбивая мать, она употребляла всѣ средства, чтобы просватать дочь за выгоднаго жениха. Она знала, что Федоръ Ивановичъ все-таки выгодный женихъ, потому что имѣетъ хорошее состояніе и можетъ современемъ сдѣлаться отличнымъ мужемъ. Вотъ почему она употребляла всѣ средства, чтобы познакомиться свою дочь съ молодымъ человѣкомъ. Она думала, что отъ знакомства до любви только одинъ шагъ, а отъ любви до женитьбы и того меньше. Желая скорѣе покончить это щекотливое дѣло порядкомъ, она пригласила Спиридона Семеновича и еще двухъ или трехъ родственниковъ на семейный совѣтъ. Послѣ долгаго совѣщанія и довольно жаркихъ преній, на этомъ совѣтѣ была, наконецъ, составлена инструкція такого рода:

Во-первыхъ, такъ-какъ всѣмъ стало извѣстно и вѣдомо, что Федоръ Ивановичъ любитъ Евочку, то члены совѣта обязаны стараться какъ можно скорѣе склонить его къ женитьбѣ. Сама же Евочка, для вицшаго успѣху, должна возобновить свои нападенія на Корочкина еще съ большею силою.

Во вторыхъ, такъ-какъ Петербургъ не деревня, а столица, гдѣ богатый человѣкъ можетъ отыскать себѣ невѣсту въ тысячу разъ лучше Евочки, то члены совѣта обязаны поставить Федора Ивановича въ такое положеніе, чтобы онъ лишникъ друзей заводитъ не могъ, и съ матушками и тетушками, у которыхъ висятъ на рукахъ взрослые дочери, знакомства не заводилъ.

Въ третьихъ, въ случаѣ Корочкинъ будетъ упрямиться и уклоняться отъ женитьбы, то Спиридону Семеновичу, какъ главѣ совѣта, предоставляется полное право послать къ его матери письмо, въ которомъ онъ обязанъ написать, что Федоръ Ивановичъ хотя и подаетъ большія надежды въ будущемъ, но въ настоящее время ведетъ самую неблагопрістойную жизнь, и что избавить его отъ этой безолаберщины можно только однимъ

средствомъ — женить на доброй и разсудительной дѣвуркѣ. Спиридонъ Семеновъ долженъ въ письмѣ прибавить, что у него есть на принятіе такая повѣста, которая хотъ кого выловить отъ вслнхъ музостей — позволительныхъ и непозволительныхъ.

Особая статья: каждому предоставляется полное право дѣйствовать открыто, отъ имени Олимпиады Васильевны. Если же, сверхъ всякаго чаянія, Корочкинъ не захочетъ вступитъ въ законный бракъ, то члены совѣта обязаны пріехать Евочкѣ другаго жениха, а Корочкина втянуть въ долги и засадить въ тюрьму.

Затѣмъ рѣшено приступить къ дѣлу немедленно.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Спиридонъ Семеновъ тотчасъ же пошелъ къ молодому человѣку и засталъ его дома. Корочкинъ сѣлъ на диванѣ и курилъ сигару. Глаза его метали искры, а самъ онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, какъ въ анхорадкѣ. Дѣло въ томъ, что ему приходилось жутко: онъ давно уже промытарилъ всѣ свои деньги и не зналъ какъ выпутаться изъ неприятнаго положенія. Увидѣвъ Спиридова Семеновича, Корочкинъ посиѣшно всталъ и съ почтеніемъ протянулъ къ нему руку.

— Ба! ба! вскричалъ Спиридонъ Семеновичъ, устремивъ на Корочкина свои пронизательные глаза: да ты, братецъ, какъ я вижу, сего-дня что-то не въ духѣ. Не случилось ли съ тобой какой-нибудь бѣды: ужъ не проигрался ли ты въ карты?

— Я? сказалъ Корочкинъ съ удивленіемъ: нѣтъ, я не играю въ карты.

— Тѣмъ лучше! Молодому человѣку въ карты играть не слѣдуетъ: бѣда! разореніе! Какъ-разъ обдерутъ какъ липку. Однко скажи, братецъ, отчего ты такъ блѣденъ и дрожишь всѣмъ тѣломъ?

— Такъ... ничего... мнѣ что-то скучно, отвѣчалъ молодой человекъ: кажется, у меня болитъ сердце.

— Та! та! вотъ что! Ну, братецъ, удивилъ! рѣшительно удивилъ! Объясни же по-крайней-мѣрѣ, отчего болитъ у тебя сердце: ты, вѣроятно, по комъ-нибудь тоскуешь?

— Какъ тоскую?

— Да такъ, очень просто: вѣдь сердце не будетъ болѣть безъ причинъ. Видно ты влюбился въ какую-нибудь краю съ голубыми глазами. Впрочемъ тутъ нѣтъ еще никакой бѣды, только

вотъ что гадко : .можетъ-быть твоя любезная, какъ и всѣ женщины на свѣтѣ, поклялась любить тебя до гроба, это хорошо... это въ порядкѣ вещей. Но спустя нѣсколько времени она встрѣтилась съ какими-нибудь новымъ Ловеласомъ и позабыла свою клятву : это неприятно, это мерзко ! настоящая бѣда, изъ-за которой можно съ ума свихнуть и даже повѣситься на оснѣ!

— Перестаньте шутить, Спиридонъ Семенычъ !

— Я, братецъ, говорю правду. Скажи мнѣ откровенно, давно ли ты любишь Евочку ?

— Евочку ! Какую Евочку ? спросилъ молодой человекъ какъ школьникъ, пойманный на мѣстѣ своихъ шалостей.

— Разумѣется ту, которая живетъ здѣсь, въ этомъ домѣ. Я давно замѣтилъ, что она каждый день смотритъ на тебя изъ своего окошка, и всякій разъ при этомъ случаѣ будто хочетъ сказать : душенька, Федя, поди ко мнѣ — я тебя поцѣлую !

Корочкинъ покраснѣлъ до ушей.

— Что вы, что вы ! Спиридонъ Семенычъ ! заревѣлъ ркъ по-медвѣжьи, — какъ вамъ не стыдно говорить такіа вещи !

— А что — развѣ это не правда ?

Корочкинъ покраснѣлъ еще болѣе. Спиридонъ Семенычъ продолжалъ :

— Послушай, братецъ ! Я знаю, что ты человекъ добрый, настоящій умница ! Жаль только, что у тебя болитъ сердце. Впрочемъ этому горю помочь не трудно : если хочешь, я сегодня же познакомлю тебя съ Олимпиадой Васильевной. Только смотри, береги свое сердце, а то какъ разъ пропадешь, ни за грошъ пропадешь ! Ты самъ знаешь, что Евочка удивительная красавица, просто à la парфеть-амуръ ! Хоть кого обворожить своими прелестями !

Молодой человекъ ничего не отвѣчалъ. Казалось, въ душѣ его происходила какая-то странная борьба.

— Что же ты, братецъ, ничего не говоришь ! Отвѣчай, хочешь ли познакомиться съ этимъ почтеннымъ семействомъ ?

— Съ этимъ почтеннымъ семействомъ ? проговорилъ Корочкинъ едва внятно и какъ будто трепеща отъ страху.

— Ну да, съ этимъ семействомъ ; что жъ тутъ удивительнаго ?

— Ничего !

— Такъ перестанемъ и толковать. Надѣвай скорѣе фракъ да пойдешь. Я сейчасъ же отрекомендую тебѣ Олимпиадѣ Васильевнѣ: скажу ей, вотъ, молъ, человекъ, такъ ужъ человекъ! Со- стояніе свое имѣеть: двѣсти душъ крестьянъ — шутка ли!

— А вы развѣ знакомы съ нею?

— Еще бы! Пожалуйста, пойдемъ скорѣе: меня тамъ ждутся.

— Нѣтъ, не пойду! сказалъ Корочкинъ рѣшительно.

— Это почему?

— Страшно!

Спирidonъ Семенычъ захохоталъ во все горло.

— Ну, братецъ, удивилъ! ей-ей, удивилъ! страшно! ха! ха! ха! Страшно идти въ гости! ха! ха! ха!

Корочкинъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ: онъ какъ будто хотѣлъ спросить: да чему же вы смѣтаетесь, Спирidonъ Семенычъ? Вѣдь Олимпиада Васильевна женщина съ вѣсомъ, а я чтó такое.... я-то чтó?

Наконецъ Спирidonъ Семенычъ подошелъ къ молодому чело- вѣку, взялъ его за руку и сказалъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Перестань ребячиться, любезный другъ! Надѣвай скорѣе фракъ, да пойдешь!

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ хотите познакомить меня съ этимъ семействомъ?

— Не только хочу, но даже требую! ты, братецъ, ужъ не мальчикъ, а человекъ.... человекъ съ вѣсомъ и достоинствомъ. Тебѣ непременно надо познакомиться съ Олимпиадой Васильев- ной: она тоже женщина съ вѣсомъ и достоинствомъ. Черезъ нее можно хорошее мѣсто получить. Пойдемъ скорѣе, меня давно тамъ ждутъ.

— А меня?

— И тебя тоже.

— Нечего дѣлать, надо идти! подумалъ Корочкинъ, вытаски- вая изъ комода фракъ, брюки, жилеты, манишки, галстуки; однимъ словомъ, онъ пересмотрѣлъ почти весь свой гардеробъ и все-таки не зналъ, чтó лучше надѣть: фракъ или сюртукъ, брю- ки со штрихами или безъ штрипокъ. Наконецъ, спустя нѣсколь- ко минутъ, Корочкинъ кое-какъ одѣлся и хотѣлъ посмотрѣться въ

зеркало, но Спиридонъ Семенычъ схватилъ его за руку и безъ церемоній потащилъ изъ комнаты. Когда они подошли къ лицу Олимпиады Васильевны, Корочкинъ вдругъ поблѣдѣлъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Ахъ! пожалуйста, избавьте меня отъ этого знакомства! сказала онъ Спиридону Семенычу, стараясь высвободить свою руку.

— Что ты, братецъ! Неужели тебѣ опять сдѣлалось страшно! ха! ха! ха! Вотъ человѣкъ, такъ ужъ человѣкъ! Оригиналь, право, оригиналь.

— Я не боюсь, но мнѣ отчего-то нездоровится; я едва стою на ногахъ.

— Пустяки, братецъ, пустяки! Пойдемъ скорѣе, пока насъ никто не примѣтилъ. На лѣстницѣ стоять не хорошо: пожалуй за мазуриковъ сочтутъ.

Говоря это, Спиридонъ Семенычъ дернулъ изъ всей силы за ручку звонка. Колокольчикъ зазвенѣлъ. Отъ страху Корочкинъ едва не присѣлъ на лѣстницѣ.

— Пустите меня, пустите! закричалъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства.

— Да вотъ вѣтъ-же, не пушу!

— Я закричу караулъ!

— Куда ты! постой! постой! сейчасъ отпрутъ!

— Нѣтъ, отвѣчалъ Корочкинъ: ни за что не пойду! страшно!

И онъ вырвалъ свою руку изъ рукъ Спиридона Семеныча и почти кубаремъ спускался съ лѣстницы. Степка, который исправлялъ у него должность лакея и трубочиста, чрезвычайно удивился, когда увидѣлъ своего барина безъ шляпы и съ растрепанными волосами.

— Воды! воды! закричалъ Корочкинъ, вбѣгая въ свою комнату: воды! воды! повторилъ онъ еще разъ, падая на диванъ: мнѣ дурно! я умираю!

Степка стоялъ передъ нимъ ни живъ ни мертвъ. Онъ смотрѣлъ на него вышуча глаза и разинувъ ротъ.

— Вотъ тебѣ разъ! баринъ умираетъ! сказалъ онъ наконецъ вполголоса, выходя на цыпочкахъ изъ комнаты: А жаль будетъ, если умреть, очень жалко! онъ хотѣлъ меня въ гусары опредѣлить.

Говоря это, Степка гдѣ-то отъисналъ тубякъ и растянулся на него. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ заснулъ преспокойно, какъ будто ничего не бывало.

На другой день Корочкинъ всталъ довольно рано. Перебирая въ умѣ своемъ вчерашнія событія, онъ сердился на самого себя и въ особенности на свое неумѣнье обращаться съ людьми. Въ это время онъ вспомнилъ нечаянно о своей матери, и тутъ же сообразился, что виноватъ передъ нею, кругомъ виноватъ. Какъ благовоспитанному сыну, ему давно бы слѣдовало уведомить эту добрую старушку о своемъ благополучномъ пріѣздѣ. Желая вознаградить потерянное время, Корочкинъ сѣлъ къ столу, взялъ перо, обмакнувъ въ чернильницу и сталъ изливаться на бумагу свои мысли, желая придать имъ какъ можно больше оригинальности.

VII.

«Любезная моя маменька,

«Татьяна Герасимовна!

«Спѣшу уведомить васъ, что я пріѣхалъ въ Петербургъ пятаго апрѣля въ двѣнадцать часовъ ночи. Дорогою никакихъ особенныхъ приключеній со мною не случилось. Благодаря Бога, я до сихъ поръ живъ и здоровъ. Теперь живу я на Васильевскомъ Острову, въ довольно хорошей квартирѣ, которую нанялъ мнѣ Спирidonъ Семенычъ за двадцать цѣлковыхъ въ мѣсяць. Можетъ быть вамъ покажется это дорого: чтожъ дѣлать, сами посудите, Петербургъ не деревня, а большой городъ. Спирidonъ Семенычъ говоритъ, что дешевле этой квартиры нигдѣ не найдешь, развѣ только въ Гавани. Но въ Гавани жить мнѣ никто не совѣтуетъ: говорятъ неблагопрістойно. Въ самомъ дѣлѣ, любезная маменька, Гавань почти тоже, что наша деревенька, только крестьянъ нѣтъ. Тамъ живутъ какіе-то непонятные люди, которые отъ нечего дѣлать ѣздятъ по взморью, да въ лодку древа собираютъ. Говорятъ, каждую осень, во время прибылн морской воды, эту Гавань затопляетъ аршина на полтора, такъ что тамошніе жители принуждены бывать въ это время ѣздить по влпцамъ въ лодкахъ, приѣрно сказать, какъ по навазѣ. Одна гаванская старуха, у которой мой Степка покупаетъ

сливки, недавно говорила мнѣ, что изъ Гавани вода переходитъ на Смоленское кладбище и тамъ подымаетъ всѣхъ покойниковъ, которые тотчасъ же встаютъ изъ могилъ и начинаютъ нырять въ водѣ, какъ рыба. Кроме того носится слухъ, что въ прошлую осень по взморью крокодилъ плавалъ, чуть было всѣхъ гусей не передушилъ. Вотъ какова Гавань! Ни за что не буду тамъ жить: страшно!

«Писать болѣе нечего. Цѣлую вашу ручку и желаю вамъ всѣхъ благъ на свѣтѣ. Затѣмъ остаюсь

«вашъ всепокорнѣйшій сынъ

«Федоръ Корочкинъ».

P. S. Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ сколько-нибудь денегъ.

У меня теперь всего-на-все осталось только двѣнадцать цѣловыхъ, да и тѣ надо отдать въ трактиръ за кушанье. Просто бѣда! Не знаю что и дѣлать! Ради Бога пришлите скорѣе!

«Дорогой мой сыночекъ, Федоръ Ивановичъ! Ума не приложу, что съ тобою дѣлается. Болѣе семи недѣль прошло, какъ ты уѣхалъ въ Питеръ. Отчего же во все это время ты не прислалъ мнѣ ни одного письма, не обрадовалъ меня ни одной вѣсточкой. Наконецъ, получаю письмо, начинаю читать, и едва вѣрю глазамъ! Что это пришло тебѣ въ голову написать мнѣ цѣлую страничку о мертвецахъ и утопленникахъ, которые съ какии-то морскими звѣремъ гусей душатъ. Эдакихъ ужастей у насъ и въ деревнѣ довольно. А ты, мой дорогой сыночекъ, лучше напиши о томъ, какъ время проводишь, поступилъ ли на мѣсто и хорошо ли жить въ Питерѣ. Обо всемъ этомъ напиши подробно, да прибавь кстатѣ нѣсколько словъ и о Спиридонѣ Семеновѣ, здоровъ ли онъ и какъ идутъ его дѣла.

«Поесылаю тебѣ пятьдесятъ рублей серебромъ: больше нѣтъ. У насъ въ деревнѣ большой неурожай. Если на будущей недѣлѣ успѣю продать пшеницу, такъ пришлю еще сколько-нибудь. Только ты, мой дорогой голубчикъ, не забывай меня и пиши по чаще.

«Затѣмъ желаю тебѣ добра и здоровья. Живи поаккуратнѣе, лишней чарочки не прихлебывай, грѣшныхъ словъ не рассказывай.

«Татьяна Корочкина».

Р. С. Миѣ помнится, что ты сильно жаловался на зубную боль и на мозольныя страданія. Нужно ли говорить, что хорошіе зубы не только придаютъ тѣлу красоту, но даже необходимы для здоровья. Молодой человѣкъ съ худыми зубами хуже старой бабы. Онъ не можетъ приличнымъ образомъ жевать говядину и телятину, а пуще всего копченый окорокъ. У него пищевареніе въ желудкѣ ослабѣваетъ, тѣло лишается теплоты и розы здоровья блискнутъ на щекахъ. Это весьма непріятно, хотъ кого избѣсить? Чтобы избѣжать этой невзгоды, ты долженъ каждое утро промывать ротъ водою и чистить зубы какииъ-нибудь порошкомъ. Эти порошки почти всѣ вообще составляются на одинъ ладъ, и вотъ какииъ-образомъ: возьми углекислой магнезии польуницѣи, фіалковаго корня двѣ драхмы, кремортартару тоже двѣ драхмы: все это смѣшай вѣстѣ и обливай настойкою изъ кошенили... обливай до-тѣхъ-поръ, пока не появится розоваго цвѣту. Какъ скоро розовый цвѣтъ начнетъ появляться, тотчасъ же бери этотъ порошокъ на зубочистку да и чисти имъ зубы. Отъ этого чищенія они будутъ гораздо бѣлѣе да и болѣть перестанутъ; это я испытала на себѣ. А на счетъ пластыря для прекращенія мозольныхъ страданій я напишу тебѣ въ другой разъ. Пока прощай, мой голубчикъ!

«Милостивѣйшая государыня, любезная маменька

Татьяна Герасимовна!

«Письмо ваше съ деньгами я получилъ въ пятницу на прошлой недѣлѣ. Благодарю васъ за эту присылку отъ полноты всѣхъ чувствъ, которыя наполняютъ резервуаръ души моей. Вы хотите, чтобы я написалъ вамъ подробную картину обо всѣхъ своихъ обстоятельствахъ, то-есть: какъ живу, что дѣлаю и весело ли время провожу. Я готовъ исполнить ваше желаніе съ большимъ удовольствіемъ и сейчасъ же принимаюсь за это дѣло съ дипломатическою точностію:

«Во-первыхъ, я до сихъ поръ еще нигдѣ не служу, хотя миѣ и предлагали нѣсколько довольно отличныхъ мѣстъ. Зачѣмъ торопиться? успѣю послужить. Во-вторыхъ, живу я, благодаря Бога, хорошо и весело: за одинъ обѣдъ по цѣлковому въ день

шляху — вотъ какъ! А сколько у меня выходитъ на хересь, на устрицы да сардинки — и подумать страшно! Спиридонъ Семеновичъ говоритъ, что въ Петербургѣ жить экономнѣе никакъ нельзя — тотчасъ осудить, осмѣить: скажутъ, вотъ, дескать, какой скряга! Кстати о Спиридонѣ Семеновичѣ: съ мѣсяцъ тому назадъ онъ хотѣлъ было познакомить меня съ однимъ почтеннымъ семействомъ, да я пораздумалъ, не помешалъ. Семейство это состоитъ изъ одной пожилой дамы, но такой модницы, что за три сажени слышно, какъ отъ нее несетъ одесколономъ. Она едова и живетъ вмѣстѣ съ дочерью, которая тоже любитъ пощеголять. Впрочемъ, дочка прехорошенькая дѣвушка, просто краля на лицо. Иногда она посылаетъ мнѣ съ ручки свои воздушные поцѣлуи, отъ которыхъ сердце мое чувствуетъ не то радость, не то восторгъ, а что-то такое весьма приятное и черезъ-чуръ сладкое для души. Спиридонъ Семеновичъ говоритъ, что мнѣ непремѣнно надоознакомиться съ этимъ почтеннымъ семействомъ. Онъ увѣряетъ, что черезъ это знакомство можно получить отличное мѣсто. Попробую! Авоось повезетъ! Только отчего-то страшно! Терпѣть не могу знакомишься сь дамами, особенно съ такими модницами, отъ которыхъ одесколономъ пахнетъ.

«Затѣмъ цѣлую вашу ручку и съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь

«вашъ всепокорнѣйшій сынъ

«Федоръ Корочкинъ».

P. S. Сдѣлайте милость, любезная маменька, пришлите скорѣе денегъ, хоть рублей двѣсти пока. Я сейчасъ видѣлъ Спиридона Семеновича: онъ говоритъ, что мнѣ выходитъ отличное мѣсто, на которомъ со временемъ можно до большихъ чиновъ дослужиться, даже министромъ сдѣлаться можно. Если слова его оправдаются на самомъ дѣлѣ, тогда что я буду дѣлать безъ денегъ! Говорятъ, на одинъ мундиръ рублей триста потребуется. Нельзя же будетъ служить безъ мундира: придется одѣть себя въ золото, такъ, знаете, чтобы все блестяло, бросалось въ глаза. Пришлите же скорѣе сколько-нибудь, хоть рублей двѣсти пока!

«Дорогой мой сыночкѣ, Федоръ Ивановичъ! Что это въ Петербургѣ съ тобою дѣлается, отчего все какія-то завирательныя штуки въ твою голову лезутъ? Ты пишешь, что на одинъ мундиръ триста рублей потребуется: Господи Боже! Частъ-отъ-чаю не легче! Самъ посуди, гдѣ я возьму столько денегъ — гдѣ? Если бы рублей пятьдесятъ — еще такъ, куда не шло! А те триста на одинъ мундиръ! Да это вымолвить трудно, сказать страшно! На эти деньги можно тысячу четвертей пшеницы купить: цѣлый вѣкъ будешь сытъ! Скажи мнѣ, пожалуйста, какое же это выходитъ тебѣ мѣсто, и отчего ты долженъ служить невремянно въ золотомъ мундирѣ? Развѣ нельзя будетъ ходить въ должностъ во фракѣ съ свѣтлыми пуговками: вѣдь ты не графъ и не князь. Только князья да графы ходятъ въ золотыхъ мундирахъ, и все потому, что при дворѣ служить, Царскими милостями пользуются. Ради Бога, мой дорогой голубчикъ, подумай обо всемъ этомъ хорошенько; долго ли до бѣды: какъ разъ пропадешь, ни за грошъ пропадешь. Читая твое письмо, можно подумать, что ты нездоровъ, вѣроятно у тебя болитъ голова. Пей во утрамъ кремортарторъ съ водою, а на ночь, ложась спать, малею или ромашку. Ромашка имѣетъ такую силу, что всѣ болѣзни [какъ рукой снимаетъ.

«Въ деревнѣ у насъ все обстоитъ благополучно. Скоро въ городѣ откроется ярмарка: надо будетъ купить тарелокъ да банокъ водъ варенье и грибы. Посылаю тебѣ еще пятьдесятъ рублей серебромъ: больше нѣтъ. Если встрѣтится сильная нужда, займи хоть у Спиридона Семеныча: онъ дастъ безъ всякихъ отговорокъ. Живи поэкономнѣе да поменьше пей горячительныхъ напитковъ и слушайся умныхъ людей.

«Затѣмъ желаю тебѣ всѣхъ благъ на свѣтѣ. Прощай! Храни тебя Богъ и Пресвятая Богородица.

«Татьяна Корочкина.»

P. S. Ты пишешь, что хочешь познакомиться съ какими-то почтеннымъ семействомъ. Смотри, будь остороженъ, различай хорошихъ людей отъ худыхъ, а худыхъ отъ настоящихъ негодяевъ. Это весьма не трудно, только стобитъ посмотреть на лицо человека, съ которымъ хочешь познакомиться. Худошавое

лицо съ тупымъ и краснымъ носомъ означаетъ человѣка маго, хитраго, способнаго на всякія подлости. А веселое и милое лицо съ большими глазами принадлежитъ человѣку щедрому, великодушному и славолюбивому: съ такимъ человѣкомъ можно смѣло знакомиться — бѣды не будетъ! Легко узнать человѣка и по зубамъ: кто имѣетъ зубы бѣлые, не такъ большіе и крѣпкіе, тотъ добръ, храбръ и вѣренъ въ своемъ словѣ. А у кого зубы кривые, неровные, черные и большіе, какъ у волка — съ такимъ человѣкомъ опасно заводить знакомство, тотчасъ обманетъ, загрызетъ на всю жизнь.

«Любезная маменька, Татьяна Семеновна!

Вчера я былъ въ гостяхъ у Олимпиады Васильевны, которая приняла меня очень ласково, чего я никакъ не ожидалъ. Хотя я вообще не охотникъ до танцевъ, однако жъ на этотъ разъ не утерпѣлъ и проплясалъ съ Евочкою почти цѣлый вечеръ. Спиридонъ Семеновъ совѣтуетъ мнѣ жениться на ней: онъ говоритъ, что невесты лучше Евочки во всемъ Петербургѣ не найдешь. Въ самомъ дѣлѣ, она очень хороша! А какъ поетъ, какъ на клавикордахъ играетъ — просто прелесть! Я никогда не слыхалъ Виардо-Гарсин, однако думаю, что Евочка споетъ дуэтъ или арію не хуже этой заморской Итальянки. Въ ея голосѣ столько силы, столько чувства, столько теплоты душевной, что самыя трудныя пассажи она проходитъ легко и свободно, какъ настоящая артистка, какъ гениальная знаменитость. Когда я слушаю пѣніе этой прелестной дѣвушки, въ умѣ моемъ рождается довольно странное желаніе, скажу прямо: мнѣ такъ и хочется разцѣловать ее. Иногда я думаю, что имѣть такую жеву весьма не худо хоть кому вообще, а мнѣ въ особенности. Прошу васъ, любезная маменька, позвольте мнѣ сочетаться съ Евочкою законнымъ бракомъ. Для холостой жизни я неспособенъ, а наслаждаться супружескимъ благополучіемъ могу только въ такомъ случаѣ, когда получу отъ васъ материнское благословеніе. Благословите же меня! За это я буду любить васъ еще больше и благодарить до скончанія дней.

«Теперь я нахожусь въ самомъ ужасномъ положеніи: денегъ у меня нѣтъ ни гроша, кредиторы меня преслѣдуютъ, хотять

всадить въ тюрьму. Вчера я просилъ въ займы у Спиридона Семеновича: онъ говоритъ, что самъ нуждается въ деньгахъ, говоритъ, что весь свой капиталъ на какое-то выгодное предпріятіе употребилъ, кажется на самолетъ съ паровымъ котломъ. Что мнѣ теперь дѣлать! Пожалуйста, пришлите скорѣе денегъ, только побольше.

«Федоръ Корочкинъ».

P. S. Сегодня вечеромъ я опять пойду къ Олимпиадѣ Васильевнѣ, чтобы посмотреть на Евочку. Меня такъ и тянетъ къ ней какая-то сверхъ-естественная сила. Пожалуйста, позвольте мнѣ сочетаться съ нею законнымъ бракомъ.

«Дорогой мой сыночекъ, Федоръ Ивановичъ!»

«Я до-сихъ-поръ не могу опомниться отъ радости, которая завала въ мое сердце при чтеніи твоего послѣдняго письма. Если Спиридонъ Семеновичъ совѣтуетъ тебѣ жениться, женись мой другъ: я рада этому случаю. Да будетъ надъ тобою мое материнское благословеніе на вѣки нерушимо. Спиридонъ Семеновичъ не будетъ сватать тебѣ худой невесты, — это я знаю очень хорошо. Онъ съ незапамятныхъ временъ питаетъ къ намъ постоянную дружбу и самое искреннее уваженіе. Вѣроятно онъ помнитъ еще, какъ однажды мы избавили его отъ большой бѣды, то есть дали ему на дорогу двѣсти пятьдесятъ рублей, когда онъ собирался въ Петербургъ. Я писала ему, чтобы онъ прискалъ для тебя хорошую невесту: стало быть онъ внялъ голосу моего материнскаго сердца и рѣшился устроить твою карьеру съ надлежащимъ стараніемъ. Пошли ему, Господи, добра и здоровья. Ты говоришь, что твоя невеста настоящая красавица. Мнѣ хотѣлось бы знать, что разумѣешь ты подъ этимъ словомъ. Опытные люди увѣряютъ, что настоящая красавица должна имѣть волосы тонкіе, длинныя и мягкіе, какъ шелкъ, а глаза полныя жизни, не на выкатѣ, но и не углубленные; носъ прямой, сообразной величины, и высокую, величавую грудь. А по моему мнѣнію, красавица въ полномъ смыслѣ должна имѣть лицо бѣлое, съ румянцемъ китайскаго розана, и голубые глаза, какъ незабудки. Впрочемъ, объ этомъ говорить много

не стоить: вѣдь ужъ ты не мальчикъ, можешь обо всемъ своимъ разумѣніемъ судить.

«Татьяна Корочкина».

P. S. А насчетъ денегъ я тебѣ скажу, что теперь и у меня нѣтъ ни гроша. Потерпи немного: я пришлю тебѣ на свадьбу вдругъ цѣлковыхъ тысячу. Хотя займу гдѣ-нибудь, а ужъ скоро пришлю, непременно пришлю....

«Любезная маменька, Татьяна Герасимовна!

! Письмо ваше пролило въ резервуаръ души моей самую восхитительную радость, такъ что теперь я считаю себя счастливишимъ человекомъ въ мірѣ. На этой недѣлѣ я хочу сдѣлать Олимпиадѣ Васильевнѣ формальное предложеніе насчетъ женитьбы. Безъ Евочки жить не могу, никакъ не могу. Она такая хорошецкая дѣвушка, что и сказать нельзя. Пожалуйста, пришлите скорѣе денегъ на свадьбу, только побольше. Нужно будетъ блеснуть, показать себя съ хорошей стороны. Къ-тому же и кредиторы каждый день меня преслѣдуютъ.... покою не даютъ мнѣ, варвары! Поминутно кричатъ: деньги отдай! отдай намъ деньги! Просто ужасъ! Только одна любовь къ Евочкѣ и согрѣваетъ мое сердце; только она одна и уноситъ меня въ эдемъ надеждъ и упоеній отъ дольнаго праха.

! Пока прощайте! Желаю вамъ счастья и всѣхъ радостей на свѣтѣ.

«Федоръ Корочкинъ».

«Любезная маменька, Татьяна Герасимовна!

! Я до сихъ поръ не могу ничего придумать, отчего вы вдругъ перестали писать ко мнѣ. Вотъ ужъ болѣе мѣсяца прошло, какъ я не получаю отъ васъ ни отвѣту ни привѣту. Сдѣлайте милость, пожалуйста пришлите скорѣе денегъ: того и смотри, что меня засадятъ въ тюрьму. Олимпиада Васильевна вамъ кланяется, Свиридонъ Семенычъ тоже. Пожалуйста пришлите денегъ.

«Федоръ Корочкинъ».

Р. С. Вчера я былъ въ театрѣ. Давали какую-то драму, въ которой всѣ актеры плачутъ навзрыдъ, только публика смѣется: должно быть смѣшно. Евочка и Олимпиада Васильевна сидѣли въ ложѣ: я все смотрѣлъ на нихъ въ лорнетку. Разсказать сюжетъ драмы очень трудно. Впрочемъ, ну ее, эту драму! Я самъ сочиню не хуже, только пришлите денегъ.

«Любезная маменька, Татьяна Герасимовна!

«Посылаю вамъ еще письмо: неужели и на этотъ разъ я не получу отъ васъ никакого отвѣту? Послѣ этого что же мнѣ дѣлать и на кого надѣяться? Прошу васъ, сдѣлайте милость пришлите скорѣе денегъ.... денегъ, денегъ! Спиридонъ Семенычъ ничего не дастъ: говорить—женись, такъ вдругъ разбогатѣешь, сто тысячъ, говорить, разомъ получишь! Пожалуйста, пришлите! Сами знаете, что Петербургъ не деревня, а городъ. Какъ же мнѣ въ городѣ жить безъ денегъ? Это ужасно!

«Федоръ Корочкинъ.»

VIII.

Пока Корочкинъ писалъ эти письма, время, между тѣмъ, шло да шло своимъ чередомъ, и въ одно прекрасное утро къ нашему герою стали собираться неожиданные гости. Степка всталъ съ постели съ недовольнымъ видомъ и машинально отворилъ дверь.

—А что — баринъ дома? спросилъ у него какой-то купецъ, который отъ нечего дѣлать поминутно разглаживалъ свою рыжую бородку.

—Еще спитъ, отвѣчалъ Степка.

—Ничего: я подожду.

—Какъ вамъ угодно!

Купецъ вошелъ въ переднюю, взглянулъ подозрительно на вѣшалку съ платьемъ и сѣлъ на диванъ, приговаривая въ полголовы: охъ ужъ эти господа! придешь за поучкою, говорятъ денегъ нѣтъ, а сами спать до десяти часовъ. Народецъ, право!

Спусти минуту, опять кто-то позвонилъ.

— Баринъ дома? спросилъ какой-то господинъ въ гороховомъ пальто.

— Еще спать, отвѣчалъ Степка.

— Ничего: я подожду!

И господинъ въ гороховомъ пальто тоже вошелъ въ переднюю. Такимъ образомъ, въ какихъ-нибудь полчаса, пока Корочкинъ спалъ, къ нему набралась цѣлая ватага неожиданныхъ гостей. Наконецъ молодой человекъ проснулся и дернулъ изо всей силы за сонетку.

— Самоваръ! закричалъ онъ довольно громко, надѣвая халатъ в туфли: готовъ ли самоваръ?

— Готовъ, отвѣчалъ Степка.

— Давай чаю.

— Сейчасъ принесу, только позвольте доложить....

— Что такое?

— Къ вамъ, баринъ, какіе-то гости пришли.

— Гости! такъ рано! какіе гости!

— А кто ихъ знаетъ! Должно быть купцы, у которыхъ мы забираемъ товаръ.

— Зачѣмъ же ты не сказалъ, что меня дома нѣтъ.

— Не вѣрятъ. Говорятъ, насъ не обманешь! Знаемъ мы, говорятъ, что значить дома нѣтъ! Намъ, говорятъ, денежки подай! Денежки, говорятъ, подай намъ, денежки!

— А вотъ я имъ дамъ денежки! сказалъ Корочкинъ съ досадою, и смѣло пошелъ къ займодавцамъ, которые ждали его въ другой комнатѣ.

Увидавъ своего должника, кредиторы оступили его со всѣхъ сторонъ.

— Господа! у меня нѣтъ теперь денегъ! сказалъ молодой человекъ отрывисто: но будутъ.... скоро будутъ....

— А какъ скоро? спросилъ одинъ купецъ, поглаживая свою бородку: ужъ не опять ли завтра?

— Цѣтъ, отвѣчалъ Корочкинъ: не завтра, а черезъ двѣ недѣли, когда я женюсь на богатой невѣстѣ. Какъ будутъ деньги, я заплачу вамъ съ благодарностью.

— Знаемъ мы эту благодарность! кричали кредиторы: нѣтъ,

милостивый государь, насъ не надуетъ! Мы и то третій мѣсяцъ ждемъ: это не шутка!

— Что же дѣлать! Потеряте еще немножко.

— Ну ужъ нѣтъ! Извольте ка сейчасъ же расплачиваться. А не то мы ваши заемныя письма къ протесту подадимъ.

— Это неблагородно! это безчеловѣчно! говорилъ Корочкинъ, выходя изъ терпѣнія: неужели вы думаете, что я не заплачу вамъ?

— Мы ничего не думаемъ, а только смотримъ, какъ бы получить съ васъ деньги.

— Но сами посудите, откуда я возьму такую сумму! Вотъ если маменька пришлетъ, тогда извольте, съ большимъ удовольствіемъ....

— А когда вамъ маменька пришлетъ?

— Можетъ быть завтра, а можетъ быть дня черезъ два или три. Во всякомъ случаѣ не дальше, какъ черезъ недѣлю.

— Нѣтъ, сударь! Недѣлю дожидаться мы не будемъ.... и то много ждали! Даемъ вамъ два дня сроку. Подумайте въ это время обо всемъ хорошенько.... только помните, худо будетъ, если не явитесь къ намъ на расплату: въ Долговое отдѣленіе запрячемъ! Непремѣнно запрячемъ!

Когда кредиторы ушли, Корочкинъ не зная, что дѣлать съ досады. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его было незавидное. Въ какихъ-нибудь два или три мѣсяца онъ промытарилъ все свое состояніе, которое привезъ изъ родовой деревеньки, и вдобавокъ такъ погрязъ въ долгахъ, что кредиторы не шутя хотѣли сыграть съ нимъ презабавную шутку. Чтобы избавиться отъ этихъ непріятностей, Корочкинъ долженъ былъ или тихонько уѣхать въ деревню, или жениться на Евочкѣ. Онъ выбралъ послѣднее средство, и хотѣлъ немедленно отправиться къ Олимпіадѣ Васильевнѣ, чтобы сдѣлать ей формальное предложеніе.

— Эй, Степка! закричалъ наконецъ Корочкинъ отчаяннымъ голосомъ: одѣваться! скорѣе одѣваться!

Черезъ нѣсколько минутъ Степка одѣлъ своего барина, который выбѣжалъ на улицу какъ сумасшедшій и сѣлъ на перваго извозчика.

— Куда прикажете? спросилъ возница.

— На Обуховскій просвѣать, къ Четвертой ротѣ, отвѣчал Корочкинъ.

Молодой человѣкъ прежде всего рѣшился зайти къ Спиридо-ну Семеновичу. Онъ засталъ его дома и тутъ же разсказалъ ему все по порядку, какъ было дѣло съ кредиторами. Спиридонъ Семеновичъ слушалъ его съ большимъ удивленіемъ и наконецъ спросилъ: на что же ты, братецъ, рѣшился?

— Теперь я и самъ не знаю, что мнѣ дѣлать! отвѣчалъ Корочкинъ: вотъ ужъ скоро два мѣсяца будетъ, какъ я не получаю отъ маменьки писемъ: о деньгахъ и говорить нечего. Кажется она совсѣмъ позабыла обо мнѣ.

— Быть не можетъ! сказалъ Спиридонъ Семеновичъ: вѣроятно съ нею случилось какое нибудь несчастіе, можетъ-быть она нездорова...

— Все-таки не мѣшало бы кому-нибудь увѣдомить меня. Сами посудите, что я теперь буду дѣлать безъ денегъ!

— Женись поскорѣе. Евочка невѣста хоть куда! Я тебѣ скажу, лучше этой дѣвушки во всемъ Петербургѣ не найдешь! А какъ она образована, просто прелесть! настоящая графиня! Женись, братецъ, женись поскорѣе!

— Я знаю, что Евочка хорошая невѣста, сказалъ Корочкинъ: но какъ жениться?

— Чтожъ тутъ мудренаго? Жениться весьма не трудно!

— Не трудно — это такъ, но очень страшно!

Спиридонъ Семеновичъ захохоталъ во все горло. Корочкинъ обидѣлся, взялъ шляпу и хотѣлъ идти.

— Куды ты! постой! постой! кричалъ Спиридонъ Семеновичъ, схвативъ Корочкина за руку. Чего ты опять испугался: ужъ не женитьбы ли?

— Я пришелъ къ вамъ не для шутокъ, сказалъ молодой человѣкъ съ достоинствомъ: неужели женитьба такое пустое дѣло, что объ ней и поговорить толкомъ нестѣитъ!

— Напротивъ, братецъ, напротивъ! Кто женится, тотъ поступаетъ весьма благоразумно. Ты еще молодъ, неопытенъ, смотришь на жизнь простыми глазами и ничего не видишь, или, лучше сказать, видишь эту жизнь не такъ, какъ она есть. Легко можетъ случиться, что, проживая здѣсь, въ нашемъ взыскательномъ Пе-

Петербургъ, ты надѣлалъ кучу глупостей, такихъ глупостей, что се временемъ будешь красѣть до ушей. Но если ты женишься... предположимъ, что ты женишься, — этихъ неприятностей не будетъ; говорю тебѣ какъ честный человѣкъ — этихъ неприятностей не будетъ! Къ тому же ты самъ знаешь, что Евочка — дѣвушка умная, образованная и богатая невѣста. Она любитъ тебя—это вѣрно! Она будетъ беречь тебя, уважать и отвлекать отъ всякихъ глупостей. А это много значить, очень много! Только женись, братецъ, женись поскорѣе! Если хочешь, я сегодня же поѣду къ Олимпиадѣ Васильевнѣ и въ полчаса уложу все дѣло. Эта почтенная женщина съ радостью согласится назвать тебя своимъ сыномъ. Черезъ нее ты можешь отыскать себѣ хорошее мѣсто, потому что она женщина съ вѣсомъ и протекціями.

— Все это такъ! сказалъ Корочкинъ: но что мнѣ дѣлать съ кредиторами? Они съѣдятъ меня, загрызутъ до смерти, въ тюрьму посадятъ!

— Пустяки, братецъ, пустяки! Насчетъ кредиторовъ не беспокойся: съ этимъ народцемъ я расплачусь по своему. Только ты сейчасъ же поѣзжай къ Олимпиадѣ Васильевнѣ и просто-запросто расскажи ей причину своего несчастія. Часа черезъ два я и самъ пріѣду: тогда мы кончимъ все дѣло однимъ разомъ. Ну, маршь! впередъ! прибавилъ Свиридовъ Семенычъ, толкая молодого человѣка за двери.

Выходя на улицу, Корочкинъ вздохнулъ свободнѣе, потому что съѣлъ дрожжи и поѣхалъ къ Олимпиадѣ Васильевнѣ.

IX.

Хотя Корочкинъ вѣхалъ очень скоро, — мы все-таки успѣемъ опередить его и подсмотреть, что дѣлается въ домѣ Олимпиады Васильевны.

Эта знатная барыня еще съ самаго утра уѣхала на Петербургскую Сторону, неизвѣстно за какихъ дѣломъ. Маврушка тоже куда-то ушла. Дома была только одна Евочка, которая отъ нечего дѣлать сидѣла за пальцами, но ничего не вышивала: она думала въ это время о своемъ любезномъ поэтѣ, съ которымъ не вида-

лась уже болѣе трехъ недѣль. Вдругъ кто-то позвонилъ въ колокольчикъ. Евочка вышла въ переднюю, чтобы отворить дверь, и сверхъ всякаго ожиданія встрѣтилась съ поэтомъ.

— Ахъ! это вы! сказала она тихо, отступая въ удивленіи.

— Точно такъ, сударыня: это я! отвѣчалъ поэтъ иронически; кажется, вашей маменьки нѣтъ дома?

— Почему вы такъ думаете?

— Я сейчасъ имѣлъ честь видѣть ее на Тучковомъ мосту. Теперь она, вѣроятно, гдѣ нибудь гостить на Петербургской Сторонѣ.

— Да, это правда. Однако она скоро пріѣдетъ....

— Тѣмъ лучше: я подожду ее хоть здѣсь.

— Ахъ! что вы!... что вы! закричала Евочка почти съ ужасомъ: развѣ вамъ неизвѣстно, что маменька не любитъ васъ.

— Но мнѣ нужно поговорить съ нею...

— Поговорить съ маменькой! Ахъ, Боже мой! Да вы, кажется, съ ума сошли!

— Совсѣмъ нѣтъ! отвѣчалъ поэтъ, немного обидясь; совсѣмъ нѣтъ! повторилъ онъ еще разъ и потомъ прибавилъ: Сдѣлайте милость, выслушайте меня! Я люблю васъ.... горячо люблю!... такъ что безъ васъ жить не могу! Скажите, что мнѣ дѣлать?

— Ахъ, какіе вы, право! сказала дѣвушка: развѣ на свѣтѣ только и людей, что я одна? Поищите себѣ другую невѣсту.

— Другую невѣсту! подхватилъ поэтъ съ трагическимъ хохотомъ: другую невѣсту! прибавилъ онъ еще разъ. Стало быть, вы никогда не любили меня! Стало быть, вы только шутили, смѣялись надо мной! О женщины! женщины! Неужели вы такъ малодушны, такъ злы....

Въ это время опять кто-то позвонилъ въ колокольчикъ, и питомецъ музъ и вдохновеній повелѣтъ долженъ былъ прекратить свою тираду.

— Ахъ, Боже мой! Это, вѣроятно, маменька! вскричала Евочка съ паническимъ страхомъ. Что я буду теперь дѣлать! прибавила она почти шопотомъ, устремивъ на поэта безпокойный взоръ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, что мы теперь будемъ дѣлать! Быть или не быть? сказалъ поэтъ, пародируя стихи Гамлета.

— Убирайтесь съ своими стихами! Нашли время декламировать!

— Куда же мнѣ убираться, сударыня?
 — Да вонъ хоть туда.... въ кухню!
 — Въ кухню!
 — Развѣ это вамъ непріятно?
 — О, нѣтъ! напротивъ....
 — Такъ ступайте скорѣе! Помните, вамъ худо будетъ, если увидитъ маменька....

— Извольте, я готовъ.... иду!
 — Скорѣе! скорѣе! опять звонятъ!....
 — О, женщины! шепталъ поэтъ, стараясь спрятаться за ушатъ съ водою, который стоялъ въ кухнѣ: о женщины! о порожденіе крокодиловъ! После этого, что я слышалъ и видѣлъ теперь, можно ли васъ любить, можно ли вамъ вѣрить! А я, дуракъ, вѣрилъ вамъ, любилъ васъ, воспѣвалъ въ стихахъ, и еще въ какихъ: въ ямбическихъ стихахъ, въ чудныхъ стихахъ!...
 Пока поэтъ говорилъ, Евочка успѣла между тѣмъ отворить дверь: передъ нею стоялъ Корочкинъ.

— Ахъ! это вы!.... Федоръ Ивановичъ! сказала она присѣдая.
 — Это я! заревѣлъ Корочкинъ.
 — Милости просимъ! войдите! Маменька скоро будетъ!
 — Развѣ вы одни?
 — Одна.

Въ передней Корочкинъ скинулъ пальто и довольно смѣло вошелъ въ гостиную, широко растворяя всѣ двери. Онъ всѣми силами старался принять учтивыя манеры и смотрѣлъ на Евочку съ вѣжностью.

— Хороша ли погода? спросила Евочка, желая прервать молчаніе, отъ котораго обонимъ нмѣ становилось какъ-то неловко.
 — Отличная погода! чудесная погода! отвѣчалъ Корочкинъ.
 — Вы еще нигдѣ не служите?
 — Нигдѣ
 — Что же вы дѣлаете?
 — Все на васъ смотрю.
 — Ха! ха! ха! Вотъ забавно! Какой вы, право, странный!
 — Отъ чего же такъ?
 — Да ужъ такъ, я знаю! сказала дѣвушка, продолжая смѣяться. Откуда же вы смотрите на меня?

- Изъ своего окна.
- Ахъ, да !... я и забыла, что мы сосѣди.
- Настоящіе сосѣди ! самые близкіе сосѣди ! подхватилъ Корочкинъ, не находя больше словъ поддержать разговоръ.
- Скажите, пожалуйста, зачѣмъ же вы на меня смотрите, спросила Евочка, устремивъ на Корочкина свои пронизательные глазки.
- Зачѣмъ ?
- Да, зачѣмъ, скажите ?
- Затѣмъ, что я люблю васъ ! проговорилъ Корочкинъ своимъ дюжимъ голосомъ и упалъ передъ дѣвушкой на колѣна. Потомъ, вслѣдъ за этой комической сценой, онъ схватилъ ее за руку и хотѣлъ подѣловать.
- Ахъ ! что вы !... что вы ! закричала Евочка, едва удерживаясь отъ смѣху. Оставьте меня !... отойдите прочь ! Еще, пожалуйста, кто-нибудь увидить....
- Такъ что же ! Я никого не боюсь !
- Даже моей маменьки ?
- Вашей маменьки ! сказалъ Корочкинъ : вашей маменьки ! повторилъ онъ еще разъ и потомъ вдругъ прибавилъ : Ахъ, да !... я и забылъ ! Гдѣ ваша маменька ?
- А на что вамъ ?
- Миѣ бы хотѣлось поговорить съ нею... насчетъ одного дѣла....
- А могу ли я спросить, насчетъ какого дѣла ?
- Это дѣло касается.... до моей женитьбы....
- Какъ ! вы хотите жениться !
- Да.
- Вотъ мило ! На комъ же.... кто ваша невѣста ?
- Сказать вамъ ?
- Скажите, пожалуйста !
- Моя невѣста — вы !
- Какъ !... я ! вскричала дѣвушка со смѣхомъ.
- Отчего же вамъ такъ смѣшно ! замѣтилъ Корочкинъ. Неужели я такой уродъ, что на меня и смотрѣть нельзя равнодушно ?
- О, нѣтъ !... я только такъ.... Впрочемъ, если хотите, я скажу вамъ правду, только чуръ — не сердиться !

— Помилуйте! за что же я буду сердиться!

— Хорошо, я буду говорить откровенно. Вы хотите на мнѣ жениться?

— И еще какъ хочу! день и ночь я только и думаю объ этомъ.

— Благодарю за комплиментъ! Однако послушайте: я не люблю васъ.

— Вы.... меня.... не любите? сказалъ Корочкинъ съ удивленіемъ.

— Да, Федоръ Ивановичъ, да! Ужъ я дала слово другому....

— Какъ! Ужъ вы дали слово.... другому!

Говоря это, Корочкинъ поблѣднѣлъ какъ смерть, и задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Потомъ онъ устремилъ на Евочку свои грустные глаза и сказалъ, едва не задыхаясь отъ бѣшенства:

— Благодарите Бога, что я люблю васъ! А то...

— А то чтобы? спросила дѣвушка.

— Я убилъ бы васъ!

Евочка отскочила отъ него съ ужасомъ. И немудрено: Корочкинъ былъ такъ страшенъ, глаза его метали такіа искры, что, казалось, онъ не шутя готовъ былъ исполнить на дѣлѣ свою угрозу. Спустя нѣсколько минутъ, Евочка опомнилась.

— Ахъ, Господи! Онъ убилъ меня!... убилъ! закричала дѣвушка комическимъ тономъ: помогите!... умираю!...

Въ это время въ дверяхъ показался поэтъ, который готовъ былъ броситься на своего соперника. Дѣвушка замѣтила это и весѣлила рассказать, въ чемъ дѣло. Соперники посмотрѣли другъ на друга съ удивленіемъ.

— Послушайте, господа! сказала Евочка: моя мамелька скоро вѣдетъ, и тогда пусть она сама рѣшитъ, кому изъ васъ я должна принадлежать. Однако, повторяю вамъ, Федоръ Ивановичъ, я не люблю васъ: вотъ мой женихъ!

Корочкинъ посмотрѣлъ на поэта и едва не заплакалъ.

— Я не знаю вашихъ отношеній, сказалъ онъ грустно, однако вижу, что я здѣсь лишній. Позвольте мнѣ удалиться!

— Ну ужъ нѣтъ, любезный другъ, не пушу! перебилъ поэтъ: ни за что на свѣтѣ не пушу! Мнѣ нужно кое-что рассказать вамъ. Присядьте, пожалуйста, хоть на минутку.

Корочкинъ присѣлъ на стулъ. Евочка, между тѣмъ, ушла въ другую комнату.

— Теперь вамъ извѣстно, сказалъ поэтъ, что я люблю Евгению, а она любитъ меня. Следовательно, если вы человекъ благородный, то должны отказаться отъ всякихъ видовъ, которые имѣете на эту дѣвушку. Я знаю, что это трудно исполнить, очень трудно, тѣмъ болѣе, что любовь ваша, какъ мнѣ кажется, слишкомъ далеко зашла. Однако повѣрьте мнѣ.... повѣрьте моему благородному слову: моя любовь сильнѣе вашей... во сто разъ сильнѣе! Я люблю Евочку отъ всего сердца... люблю до безумія.

— О! я понимаю васъ! произнесъ Корочкинъ грустно, — я понимаю васъ!

— И такъ, мой другъ! мой благородный другъ, продолжалъ поэтъ, желая придать своему голосу какъ можно больше шѣпотливости: и такъ, прошу васъ, откажитесь отъ Евочки, уступите мнѣ эту милую и любезную дѣвушку.

— Она ваша! отвѣчалъ Корочкинъ со вздохомъ: ступайте къ ней и расскажите, что произошло между нами.

— О, благодарю тебя, мой добрый другъ! отъ всей души благодарю! Я знаю, что у тебя прекрасное сердце... благородное сердце.... чувствительное сердце!

— Однако прощайте! сказалъ Корочкинъ: мнѣ здѣсь нечего дѣлать, — я лишній.

— Пстой! пстой! куда ты! пойдѣмъ вѣстѣ.

— Куда же мы пойдѣмъ?

— Куда-нибудь.... хоть ко мнѣ въ гости, — на радостяхъ помѣшаетъ и кутнуть немножко.

— Пожалуй! я согласенъ!

— Какъ! ты и на это согласенъ? О, благодарю тебя, мой добрый другъ, тысячу разъ благодарю! Доброе сердце! чувствительное сердце! шепталъ поэтъ, выходя съ Корочкинымъ на лѣстницу. Потомъ, пройдя вѣскольکو домовъ, друзья наши наткнулись на цѣлую стаю извожиковъ, которые оступили ихъ кругомъ, какъ голодные волки.

— Подавать, баринъ? говорилъ одинъ извожикъ.

— Не занимайте его, баринъ! кричалъ другой: у него лошадь съ бракомъ, еле-еле на ногахъ стоитъ!

— Ахъ ты французская горчица! Вздумалъ хулить мою лошадь. Да ты прежде на свою хорошенько посмотри: вѣдь она у тебя, какъ говорится, съ мѣста сойти не можетъ!

— А твоя то! твоя-то! Ха! ха! ха! Рысакъ! настоящій рысакъ!

— Эй, вы! олухи! закричалъ поэтъ, — на Петербургскую!

— Да, что, баринъ! дайте трехрублевичекъ: право не дорого!

— Полтинничекъ! больше не дамъ! Только вези скорѣе!

— Ну, ну, хорошо! извольте!

— Садись, мой другъ! сказалъ поэтъ, усаживая Корочкина на дрожки: я знаю, прибавилъ онъ шопотомъ, что у тебя доброе сердце... чувствительное сердце!... великодушное сердце!...

— Ну! ну! помахайвай! закричалъ возница, присвистывая на послѣднемъ словѣ. А что, баринъ, на водку будетъ?

— Будетъ.

Слуэта полчаса, друзья наши остановились на Петербургской Сторонѣ, у воротъ одис-этажного дома съ мезониномъ, который принадлежалъ штыкъ-юнкеру Зюзину.

X.

Петербургская сторона до сихъ-поръ носитъ на себѣ отпечатокъ первобытной старины. Какъ прежде, такъ и теперь, эта часть города состоитъ изъ кривыхъ улицъ и довольно узкихъ переулковъ, которые расположены между собою безъ симетріи. По бокамъ этихъ улицъ и переулковъ красуются деревянные домики разнокалиберной величины и весьма незатѣливой архитектуры. Между этими домиками встрѣчаются и такіа строенія, которыя фасонамъ своимъ смахиваютъ на дачи въ китайскомъ вкусѣ: это народніи на лѣтнія жилища людей съ вѣсомъ и достоинствомъ.

Домъ штыкъ-юнкера Зюзина, у котораго остановились наши друзья, не заключалъ въ себѣ ничего особеннаго. Онъ былъ обвѣсенъ деревяннымъ полисадникомъ, за которымъ, на пространствѣ четырехъ квадратныхъ саженъ, расло нѣсколько березъ и два или три куста акаціи.

Ужъ солнце давно закатилось за сѣро-голубой горизонтъ : время клонилось къ вечеру. Штыкъ-юнкеръ только-что приѣхалъ за самоваръ, чтобы утолить свою жажду китайскимъ наиткомъ съ ямайской эссенціей. Онъ не успѣлъ еще выпить стакана, какъ въ комнату вошли поэтъ и Корочкинъ. Увидѣвъ незнакомаго человѣка, старый слѣзакъ приветалъ со стула и вопросительно посмотрѣлъ на Забѣгаева. Пятомецъ музъ и вдохновеній попалъ этотъ взглядъ и поспѣшилъ сказать :

— Рекомендую вамъ Федора Ивановича Корочкина. Это рѣдкій человѣкъ! Благородный человѣкъ!

— Ужъ не спятилъ ли онъ съ ума, подумалъ старый слѣзакъ, смотря на поэта съ удивленіемъ. Потомъ, оборотаясь къ Корочкину, онъ прибавилъ : очень радъ познакомиться! очень радъ! Садитесь, пожалуйста, безъ церемоній!

Корочкинъ сѣлъ на диванъ.

— Это рѣдкій человѣкъ, продолжалъ поэтъ, благородный человѣкъ! лучше его во всемъ Петербургѣ не найдешь! Представьте себѣ, онъ уступилъ мнѣ невѣсту.... слышите ли, невѣсту свою уступилъ! Развѣ это шутка!

— Какую невѣсту? спросилъ штыкъ-юнкеръ : ужъ не ту ли, которая чуть было тебя съ ума не свела!

— Евочку, мой отецъ и благодѣтель, Евочку! Помните, о которой я вамъ говорилъ.

— А! теперь вспомнилъ! вспомнилъ! Однако скажи, братъ, какъ это случилось? Кажется, у этой дѣвушки есть родственники....

— Такъ что же! Родственники рады будутъ, если я посвятаюсь ей.

— Нѣтъ, братъ, не-то! Тутъ что-то не такъ.... право, не такъ! Почему ты думаешь, что родственники тебѣ рады будутъ?

— Ужъ разувѣется потому, что мой другъ отказался отъ Евочки, а другаго жениха еще нѣтъ. Притомъ же Евочка любитъ меня, — а это много значить! Она будетъ просить, умолять свою мать, чтобы та позволила намъ сочетаться законнымъ бракомъ. Да и чѣмъ же я не женихъ! Молодъ, хорошъ собою....

— Нѣтъ, братъ, не-то! закричалъ опять штыкъ-юнкеръ, прихлебывая изъ стакана чай съ ромомъ : для этой невѣсты нуженъ

не такой жондъ, какъ ты. Что ты за человѣкъ — нуль, братецъ, просто нуль!

— Кто... я?

— Да, ты, братецъ, ты!

— Какъ бы не такъ!

— Во-первыхъ, ты не имѣешь ни состоянія, ни связей.... однимъ словомъ, ты человѣкъ небогатый, а въ супружествѣ богатство — пунктъ весьма важный. Во-вторыхъ, ты еще молодъ.... очень молодъ, такъ-что не умѣешь жить на свѣтѣ, потому-что не думаешь о службѣ, а только пишешь стихи....

— Такъ что же! Это дѣлаетъ мнѣ честь!

— Въ томъ-то и сила, что стихи чести тебѣ не дѣлаютъ; ни, ни! Говорятъ, нынче поэты безъ сапоговъ ходятъ — вотъ какъ! Впрочемъ, ты и самъ знаешь, что въ наше время стихами только одни мальчишки бредать.... И что проку въ нихъ, въ этихъ стихахъ? изъ нихъ шубы не сошьешь: ни, ни!

— А слава! почести! благодарность потомства!

— Э-ге, куда махнулъ! Слава! почести! благодарность потомства! Все это вздоръ, братецъ, пустяки, слова безъ толку! Повѣрь мнѣ, старому солдату, что потомство даже и не вспомнитъ о тебѣ, а если вспомнитъ, то непременно скажетъ: вотъ, молъ, жилъ когда-то такой дуракъ, который отъ стиховъ чуть-было съ ума не спятилъ! Такъ и скажетъ объ тебѣ потомство!

Нѣтъ-къ-юнкеръ выпилъ еще полстакана пуншу.

— Послушай, другъ! продолжалъ онъ съ жаромъ: я люблю тебя... очень люблю! Перестань дурачиться! Если хочешь, я самъ буду твоимъ сватомъ.... Завтра же поѣду къ родственникамъ твоей любезной.... Скажу имъ, что ты получилъ наследство.... богатое получилъ наследство!...

— Что вы говорите! сказала поэтъ отрывисто:— Откуда я получилъ наследство! Развѣ не могутъ справиться.

— Пускай справляются, да ты все-таки современемъ получишь наследство, только перестань дурачиться! Брось стихи! Богатое получишь наследство!

— Да съ чего вы это взяли! откуда я получу?

— Отъ меня.

— Какъ!... отъ васъ!

— Что, братъ, это удивляетъ тебя? Ужь не думаешь ли ты, что у меня ничего нѣтъ?

— Вы шутите.

— Шучу ли я—это узнаешь послѣ, сказалъ штыкъ-юнкеръ съ жаромъ. Послушай, другъ, да кстати и взгляни на меня: ужь я старъ.... очень старъ.... Надо полагать, что мнѣ скоро придется отдать Богу душу. Кто же послѣ меня останется наследникомъ.... спрашиваю тебя, кто послѣ меня останется наследникомъ?

— Вы—мой отецъ и благодѣтель! закричалъ поэтъ, бросающъ къ штыкъ-юнкеру на шею; потомъ, спустя мигу, онъ вдругъ удержался отъ изліянія чувствъ и прибавилъ тихо: вашъ домикъ....

— Что мой домикъ? ничего не стоить! Такъ, братецъ, такъ! Однако я тебѣ скажу, что у меня есть кое-что кромѣ домика.... однимъ словомъ, у меня лежитъ въ банкѣ небольшой капиталъ.

— Какъ! у васъ есть капиталъ!

— Что, братецъ, испугался! Тѣ-то и есть! Слушайся меня, такъ будешь человѣкомъ! Непремѣнно человѣкомъ будешь!

— Я вижу, что и у васъ тоже великодушное сердце! благородное сердце! сказалъ поэтъ, обнимая штыкъ-юнкера. Ну, а ты, мой другъ, прибавилъ онъ съ участіемъ, обращаясь къ Корочкину: что же ты повѣсилъ голову?

— Обо мнѣ не беспокойтесь! отвѣчалъ Корочкинъ:—я постараюсь забыть эту глупую любовь и уѣду въ деревню.

— Нѣтъ, дружище! мы тебя не пустимъ! загремѣли въ одинъ голосъ поэтъ и штыкъ-юнкеръ:—ты долженъ у насъ на свадьбѣ погостить.... шаферомъ будешь!

— Благодарю за честь! Но я не могу въ Петербургѣ жить.... мнѣ надо ѣхать. Вотъ ужь скоро два мѣсяца будетъ, какъ я не получаю отъ маменьки писемъ. Что мнѣ здѣсь дѣлать? чѣмъ жить?

— Все это вздоръ, братецъ! пустяки! Ужь ты тамъ какъ хочешь, а мы тебя не пустимъ! Ахъ, да! прибавилъ вдругъ штыкъ-юнкеръ, ударивъ себя рукою по-лбу:—какой же я дуракъ! Эй, Степаньда! сходи поскорѣе въ погребокъ, да принеси намъ бутылочки три дрей-мандеры....

Черезъ нѣсколько минутъ Степанида поставила на столъ три изящныя бутылки.

— Ну же, братецъ! ну!... на-радостяхъ выпьемъ по бутылочкѣ! говорилъ штыкъ-юнкеръ.

Корочкинъ вынулъ стаканчикъ.

— Еще, братецъ, еще!...

Не будемъ описывать, долго ли пировали друзья. Корочкинъ прѣехалъ домой часу въ первомъ ночи. Онъ нашелъ на столѣ двѣ записки, изъ которыхъ одна была отъ Евочки. Она писала:

«Благодарю васъ, Ѳеодоръ Ивановичъ, что вы отказались отъ женитьбы. Повѣрьте мнѣ, бѣдной дѣвухкѣ, я никогда не думала обидѣть васъ. Если я говорила вамъ, что понимаю ваши чувства, то это еще не значитъ, что я любила васъ. Я говорила то, что велѣла маленька и Спиридонъ Семенычъ. Забудьте меня и не сердитесь на мое откровенное признаніе. Я буду вспоминать объ васъ, какъ объ лучшемъ другѣ.»

Пробѣжавъ глазами этотъ лоскутокъ бумаги, Корочкинъ заплакалъ, какъ мальчикъ. Спусти минуту, онъ успокоился, утеръ слезы и сталъ читать другую записку. Спиридонъ Семенычъ писалъ:

«Милостивый Государь, Ѳеодоръ Ивановичъ! Вчера я былъ у Олимпиады Васильевны, и узналъ, что вы рѣшительно отказались отъ Евочки. Послѣ этого ищите себѣ невѣсту гдѣ угодно, а я умиваю руки. Говорю вамъ въ послѣдній разъ, если хотите жениться, то мы завтра же сдѣлаемъ обрученіе. Если же нѣтъ, то всѣ ваши векселя будутъ представлены ко взыскацію, и васъ... можетъ-быть.... посадятъ въ тюрьму. Я не виноватъ, что вы надыали такую пропасть долговъ. С. Балласинъ.»

Корочкинъ взялъ перо и написалъ Спиридону Семенычу отвѣтъ:

«Теперь я понялъ ваше покровительство. Благодарю Бога, что онъ вразумилъ меня во-время. Отъ женитьбы я отказываюсь рѣшительно. Ѳ. Корочкинъ.»

На другой день кредиторы подали заемныя письма ко взыскацію, и молодой человекъ поневолѣ долженъ былъ оставитъ свою квартиру, потому-что все его имущество описали и запечатали. Корочкинъ вспомнилъ штыкъ-юнкера и пошелъ къ нему, какъ къ единствен-

тому другу, съ которымъ онъ могъ поразмыкать свое горе. Онъ проклиналъ въ душѣ всѣхъ кредиторовъ вообще, а Спиридона Семеныча въ-особенности.

Было еще довольно рано. Солнце спряталось за тучи, изъ-за которыхъ начиналъ накрапывать дождикъ. Перейдя Тучковъ мостъ, Корочкинъ сбился съ дороги и попалъ нечаянно въ такую грязь, гдѣ увязъ по колѣна. Пока онъ размышлялъ, какъ бы получше выпутаться изъ бѣды, изъ-подъ воротъ соседняго дома выскочила дворовая собака; на лай ея сбѣжались всѣ окрестныя собаченки. Тутъ произошла одна изъ тѣхъ сценъ, которыя весьма нередко повторяются на Петербургской Сторонѣ, особенно въ осеннее время, когда на Крестовскомъ островѣ не бываетъ музыки.

— Прочь пошли отъ меня! закричалъ Корочкинъ съ глѣвомъ: — прочь пошли, прочь!

Но маленькія собачки все продолжали лаять.

Молодой человѣкъ потерялъ терпѣніе, схватилъ комокъ грязи и швырнулъ имъ въ разнокалиберныхъ собаченокъ. Однако эта остратка нисколько не помогла дѣлу: собаченки бросились на него съ новымъ рвеніемъ. Корочкинъ пустился бѣжать, чтò было силы. Черезъ нѣсколько минутъ онъ добѣжалъ до Большаго проспекта и присѣлъ на тумбу, чтобы перевести духъ. Вдругъ изъ-за угла одной улицы выѣхалъ извозчикъ, у котораго на дрожкахъ сидѣла пожилая женщина въ тепломъ салопѣ. Корочкинъ взглянулъ на нее и вскрикнулъ отъ радости: маменька!

— Стой, батюшка, стой! закричала женщина въ тепломъ салопѣ, схвативъ извозчика за руку: — говорю тебѣ, стой! Меня кто-то кланчетъ.

Извозчикъ остановилъ свою лошадь, а Корочкинъ, между-тѣмъ, подбѣжалъ къ дрожкамъ.

— Маменька! это вы!

— Ахъ! это ты, сыночекъ! А ужъ я тебя, мой дорогой кормилецъ, цѣлый день ищу.

— Развѣ вы не знаете, маменька, что мою квартиру зачистали,

— Знаю, отецъ родной, все знаю! Даже знаю и то, что Спиридонъ Семенычъ — негодай, пройдоха, интригантъ, который не

несовѣстится обогреть хоть кого! Ужъ мнѣ про него одна знающая дама все рѣзительно разсказала.... ужъ я весь его плутни развѣдала — толкомъ развѣдала.

— Онъ хотѣлъ женить меня....

— Знаю, кормилецъ, знаю! Садись на дрожки, да поѣдемъ до-волѣ: здѣсь толковать неблагопристойно.

— Куда же мы поѣдемъ?

— Ко мнѣ, сыночекъ.... въ гостиницу.... я въ гостиницѣ оставалась....

Корочкинъ сѣлъ на дрожки. Мать разсказала ему, что она была издорова, и вотъ причина, отчего не присылала писемъ.

— Ахъ, мои батюшки! вскричала вдругъ помѣщица, взглянувъ на костюмъ своего сына: да ты мой отецъ родной, весь въ грязи!

— Маменька! меня чуть-было собаки не заѣли!

— Какъ!... чуть-было собаки не заѣли!... тебя?

— Да, маменька, да! Посмотрите, какъ они изорвали мою шинель — просто ужасъ!

— Охъ ты мой дорогой кормилецъ! говорила чадолюбивая мать:— вѣстоюща я дура, что отпустила тебя въ Питеръ! Вотъ тебѣ и политичное обхожденіе! Ужъ теперь я и сама вижу, что Петербургъ не деревня, а городъ.... большой городъ!

Черезъ двѣ недѣли Корочкинъ заплатилъ кредиторамъ долги и мѣлъ приготовить шарабанъ, въ которомъ онъ пріѣхалъ изъ деревни. На этотъ разъ шарабанъ былъ нагруженъ не ватрушками и не жареными поросятами, а вестфальскими окороками, голландскими сыромъ, сардинками и страсбургскими пирогами. Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались.... быстро помчались.... такъ быстро, что Корочкинъ только успѣвалъ считать версты. Вотъ, наконецъ, передъ нимъ мелькнула и родная деревенька съ заводомъ, мукомольной мельницей. Кругомъ этой деревеньки жемчужеть степь съ безконечными пустырями, а тамъ.... дальше.... на голубомъ горизонтѣ —

Звѣзда горитъ въ огняхъ заката,

Любви прекрасная звѣзда!

Молодой человекъ вздохнулъ свободно, и на дунѣ его стало—

...легко и свято,
Легко, какъ въ лучшіе года.

Вскорѣ послѣ этого поэтъ женился на Евочкѣ и пересталъ писать стихи. Штыкъ-юнкерь былъ сватомъ. Говорятъ, на свадьбѣ было такъ весело, что старый служака чуть-было не переломилъ себѣ ногу, отплясывая казачка съ хлопуншкой.

И. ГОЛУБИЦКІЙ.

ПИСЬМА

ИЗЪ СТЕПНОЙ ДЕРЕВНИ.

I. Нискоръ и ночь въ Алуикъ. — II. Херсонскія стѣны. — III. Пещеры Кизиль-Кова и пещеръ Джингаръ въ Крыму. — IV. Воспоминанія дѣтства. — V. Осенняя охота. — VI. Бахчисарай. — VII. Молодая чета.

Поездка по Руси имѣеть много интересныхъ сторонъ. Я не могу понять, что за пріятность сѣсть въ вагонъ парижской „лугунки“ и пріѣхать хоть бы въ Дрезденъ? Шалонъ, Нанси, Мецъ, Гота, Лейпцигъ, все это увидишь только мимоходомъ, изъ узкаго окна кареты и подъ говоръ двадцати человѣкъ товарищей-пассажировъ. Нѣтъ, попробуйте сѣсть въ перекладную въ Алуикъ, гдѣ на столбѣ прочтете: „до Санктпетербурга 2,143½ версты“ и повъжайте одни, безъ товарищей, подвигайтесь на одинъ градусъ въ сутки и пріѣзжайте черезъ двадцать девять дней, напримѣръ — въ Большую Конюшенную, съ поклономъ Чернаго моря — морю Балтійскому, ии, также на перекладной, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ сдѣлайте пять тысячъ верстъ, да въ то же время проѣзжайте по морю четыреста верстъ, да въ тѣ же четыре мѣсяца сдѣлайте въ Крыму триста верстъ верхомъ и почти шагомъ, да, наконецъ, опять въ тѣ же четыре мѣсяца, пройдите

отъ Ялты до Балаклавы, по южному берегу Крыма, пѣшкомъ — тогда вы поймете всю прелесть путешествія.

Читатель вѣрно уже догадывается, что я порядочно поѣздилъ по нашей Руси и хочу ему объ этомъ рассказать. Точно. Я теперь нахожусь въ положеніи человѣка, который возвратился неожиданно изъ дальняго пути, хоть бы напримѣръ изъ Южной Америки, у котораго щеки и глаза еще красны отъ бессонницъ, и съ платья и волосъ еще не всѣ упали брызги двухъ-недѣльнаго дождя и страшной бури, гнавшей его къ берегамъ Руси: привѣтствія вокругъ него мѣшаются съ самыми уморительными вопросами о его странствованіи, и усталый путникъ видитъ, сквозь смѣхъ и быстрыя слезы, что онъ не совсѣмъ неинтересное лицо въ кругу своихъ друзей. погодите. Вотъ онъ садится къ теплой печкѣ. Огонекъ трещитъ и осыпаетъ пурпурнымъ блескомъ лица, съ нетерпѣніемъ обращенна къ нему. Онъ открываетъ ротъ, и улыбка пробѣгаетъ по фізіономіямъ слушателей. И странникъ вретъ безъ зазрѣнія совѣсти, рассказываетъ самую дикую чепуху, и ни у кого изъ слушающихъ не сорвется съ языка слово, которое могло бы его остановить.... Всѣ знаютъ, что похожденія рассказчика въ перувьянскихъ пампахъ — чистая выдумка; что его приключеніе съ чиллійской виконтессой — пустая сказка; что его поединокъ съ дикимъ флибустьеромъ близъ Вилла-Рики явный вздоръ, и что, наконецъ, онъ вовсе и не думалъ задавать объѣда въ Рио-Джанейро, ярославскимъ купцамъ и ѣсть устрицы, въ Буэнос-Айресь, съ знаменитымъ капитаномъ Мэриетомъ или съ Габріелемъ Ферри.... Никто не перебьетъ рассказчика, потому что мы всѣ эгоисты и подчасъ любимъ превращаться, если не въ грознаго мужа Шехеразады, то по-крайней-мѣрѣ въ древнихъ нашихъ бояръ, охотниковъ до мирной лѣни и ловкихъ краснобаевъ-сказочниковъ.

Предупреждаю читателя, что слушая мои сказки, онъ можетъ считать меня самымъ отчаяннымъ дуномъ, энтузіастомъ, можетъ подозрѣвать меня въ хвастовствѣ; я на все это скажу только одно: простите меня, если мой рассказъ будетъ васъ иногда поражать отсутствіемъ должной системы и пла-

я. Я буду говорить поспе благосклонному читателю о томъ, тѣ мнѣ вздумается. Было бы вамъ, не скучно слушать.

I.

ИСКХОРЪ И НОЧЬ ВЪ АЛУПКѢ.

Благополучно доѣхалъ я отъ Петербурга до харьковскихъ степей. Особыхъ приключеній со мною не было.

Было уже поздно, когда-я ступилъ на черноземъ своего родового помѣстья. Смерклося, и виднѣющіяся вдали черты блага сельскаго дома были уже покрыты парами тумана. Вдругъ направо отъ экипажа, въ травѣ, сверкнули профили трехъ длинноухихъ и сѣроногихъ зайцевъ.... Они стали играть, садиться на заднія лапки и около версты бѣжали почти въ десяти шагахъ отъ меня, останавливаясь, когда экипажъ убавлялъ ходу на толчкахъ и балкахъ, и, какъ шальные, прыгая, куврякаясь и удирая впередъ, когда онъ пускался на всѣхъ рыскахъ.... Мой человекъ, блѣдный и неподвижный, сидѣлъ на тряскомъ облучкѣ и сквозь слезы вглядывался въ темный очеркъ селенія, по которому уже брызнули красные огоньки вечернихъ посидѣлокъ, — и гдѣ какая-нибудь отставная барыня — барыня уже четвертый годъ, каждый вечеръ, гадала о немъ на бѣдныхъ засаленныхъ картахъ....

Вечеромъ я вышелъ на курганъ, который пришелся у насъ какъ-разъ среди двора, и къ которому я съ дѣтства питаю самую теплую дружбу. — „Посмотри въ лѣвую сторону неба!“ сказалъ мнѣ дядя. Я взглянулъ. Бѣлая, фосфористая и огромная звѣзда, съ небольшимъ хвостомъ, тянулась съ сѣвера на югъ, явственно скорѣе другихъ звѣздъ, и около десяти минутъ была видима простому глазу. Няня моя крестилась, маменька задумалась, а я съ невольнымъ трепетомъ пошелъ спать....

Но — сонъ бѣжалъ отъ моихъ усталыхъ глазъ. Смутныя мысли одѣвались въ видимые образы, которые пугали мое раздраженное воображеніе.... Я вышелъ на балконъ — въ садъ. Было уже далеко за-полночь. Во всеи огромномъ домѣ не слышно было человѣческаго звуку.

Я сидѣлъ болѣе часу. По полу тянулись длинныя полосы луннаго свѣта. Я склонилъ голову черезъ перилы дряхлаго крыльца и неподвижно вслушивался въ живой, лепечущій воздухъ степей.... Филинъ дико и глухо аукалъ надъ соломенной крышей памятника моего отца. Ему каждый разъ отвѣчалъ такой же звукъ изъ купы акацій, бѣлѣющихъ почти у самыхъ ногъ монахъ, и этотъ речитативъ тянулся нескончаемо.

Въ сожженной и низкой травѣ трепеталъ цѣлый адъ кузнечиковъ, точно скрипъ микроскопическихъ колесъ подземной мануфактуры. Лягушки тянулись въ-припрыжку подъ балконъ, изъ потемнѣвшей гущины бурьяна и тоненькихъ листвъ. Пруда не было видно. Онъ былъ закрытъ стѣною бѣлыхъ топей....

Правое ухо мое, склоненное къ сторонѣ села, безпрестанно наполнялось звуками умолкающаго въ загонахъ скота и далекими пѣснями косарей, которые, вонъ тамъ, за плоскою балкою, уже успѣли разложить ряды огоньковъ, и варили пшеничную кашу съ перепѣлками, курили тютюнъ, и, лежа на животъ, горланили чумацкія пѣсни.... И степь, какъ зелено-сизое море, съ шелковистыми волнами ковыля, съ дымовыми лентами пароходовъ — вихрей и съ этими огоньками косарей и чумаковъ, какъ съ отраженіями небесныхъ звѣздъ въ ея потемнѣвшей лазури; будто колыхалась передъ засыпающими глазами и будто сама медленно погружалась въ сонъ — до новой зари....

Лѣвое ухо мое не поражалось ни чѣмъ. Оно было обращено къ сторонѣ хлѣбной клуни и къ черному силуэту кладбища, кладбища многихъ лѣтъ и многихъ поколѣній — мирныхъ обитателей села! Все тамъ тихо и душисто.... Иногда только рогатый жукъ, этотъ кочевой, гудящій и холодный звукъ, какъ ходячая, слабо натянутая струна баса, пролеталъ мимо меня и виѣсть съ вѣтромъ, пахнувшимъ мнѣ въ лицо свѣжимъ ароматомъ левкоя и цвѣтушихъ яблонь, исчезалъ за растворенною дверью гостиной, гдѣ трепетно горѣла свѣча передъ открытою книгою Вальтеръ Скотта и уничтожала безжалостно лапки и крылышки цѣлаго роя налетѣвшихъ къ ней гостей украинской ночи.

Чудная вещь степная деревня! Не сравнится съ нею ни-

или жизнь аристократическихъ улицъ Петербурга, гдѣ кинуть норвежская, французская рѣчь, подъ звуки полекъ Кавкинского и Флиннова, гдѣ преферансъ одерживаетъ верхъ надъ бесѣдою въ дальнемъ уголку душистой комнаты, надъ бесѣдою съ любимою женщиной, — и гдѣ женятся только въ тридцать пять лѣтъ! Разница большая — чувство и мысль. На какомъ языкѣ вы не произнесете слово любви — скажете ли по-латыни: «*amo*», или по-польски „*kocham*“ или по-нѣмецки «*ich liebe Sie*», или по-молдавски «*io voi besk*», или по-шведски «*kärleken*», или по-русски „*люблю*“, или по-осетински „*уарзэн*“, или по-французски «*je t'aime*», или наконецъ по-татарски „*жилл силл северилл*“, но если въ вашемъ словѣ не будетъ кипѣть неподдельное чувство, васъ не пойметъ сердце женщины. Притомъ, я не могу понять обычныхъ наслажденій петербургскихъ.... Петербургъ для меня, какъ глаза черноволосыхъ Жидовокъ. Въ нихъ много блеску — мало жизни, то-есть мало чувства; мало того, что составляетъ элементъ, не гибнущій въ лучшемъ земномъ существѣ.

Проживъ мѣсяцъ въ степномъ селѣ, я отправился на перекладныхъ въ Одессу, а оттуда на южный берегъ Крыма — моремъ, на пароходѣ, почему и имѣлъ случай испытать двадцати-восьми часовую бурю, бурю во время равноденствія, со всѣми ея милыми нечаянностями и другими принадлежностями. До-сихъ-поръ вижу, какъ колоссальный пароходъ черпаетъ носомъ воду, погружаясь до половины дымовой трубы въ ревущую бездну волнь, до-сихъ-поръ слышу вопли бѣдныхъ дамъ, попавшихся въ когти морской болѣзни; до-сихъ-поръ не могу безъ содроганія слышать запаха лимоновъ, которые я уничтожалъ безъ счета, валяясь подъ ногами усталыхъ матросовъ и обливаемый холоднымъ дождемъ.... Долго послѣ бури, уже на материкѣ, мнѣ все казалось, что и земля, и горы, и деревья качаются подо мною.

Рано на зарѣ, пароходъ нашъ бросилъ якорь передъ Ялтою. Море волновалось боковою зыбью; собственно ни одной волны не было видно на его поверхности, а пароходъ до-того качало, что съ одного конца его на другой едва можно было дойти въ четверть часа. Я оправился и подошелъ къ

бурту. Надъ голодой моей тѣснились горы, одна другой выше, въ лесахъ и лилово-голубыхъ отблескахъ загорающейся зари: облака были ниже горъ!...

Я чуть-было не надѣлалъ при этомъ глупостей, какъ когда-то въ Москвѣ, въ оперѣ, услышавъ въ первый разъ Рубини.

Я перешелъ на берегъ и, отдавъ приказаніе британу Татерину, отвезти или отнести мой чемоданъ въ гостиницу и велѣть вскипятить для меня молока, пока я сбѣгаю на вершину сосѣдней горы, гдѣ мнѣ хотѣлось взглянуть поближе на облака — повернулся и хотѣлъ уйти.

— Стой, баринъ! сказалъ мнѣ строго тяжелый мусульманецъ, и при этомъ безъ церемоній положилъ мнѣ руку на плечо: — Прикажи осѣдлать коня!... До вершины горы не двѣдешь и до полудня.... Туда двадцать одна верста.

Я опустилъ голову и пошелъ въ гостиницу, на вывѣскѣ которой красовалась надпись: «La citta di Odessa». Мнѣ сказали, что порція щей стоитъ здѣсь не дорого, что самоваръ тоже поставятъ за дешевую цѣну, а тюфякъ дадутъ человѣку, пожалуй, даже даромъ.... Оказалось послѣ, что за поставку самовара съ меня за каждый разъ взяли по полтиннику, за абониментъ тюфяка на каждую ночь потребовали не мѣнѣе рубля серебромъ, и все въ такомъ же родѣ.... Я тотчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло и перешелъ въ Мисхоръ, чудную дачу***, также на южномъ берегу, въ трехъ верстахъ отъ знаменитой Алупки.

Здѣсь я прожилъ довольно долго. Каждый день мой начинался купаньемъ въ соленыхъ волнахъ вѣчно бурнаго „Эвксинскаго понта“. Потомъ я покупалъ на базарѣ „око“, почти три фунта, винограду, что стоило немного болѣе пятака серебромъ, грушъ, яблокъ и гранатовъ, и отправлялся въ садъ, поближе къ морю.

Солнце пекло безъ милосердія. Картины воды и неба были еще ослѣпительнѣе картинъ Айвазовскаго. Сады особенно манили мои влюбленные глаза.

Зеленый фонъ изъ хмѣлю, дикаго виноградника и шелковицы, усыпанной лилово-багровыми ягодами, съ одной стороны прижимается къ розовой, гранитной цѣпи зѣлѣной

Яйца, съ другой опускается къ морю. Тамъ и снѣгъ изъ него вырываются нѣмны киварисовы, длинныя, почти черныя и устьяныя коричневими шипками. Налѣво глушитъ красная, приземистая сосна, увитая, какъ древняя колонна, легкими локонами хмѣлю, который уже успѣлъ перекинуться по воздуху на молодую чинару, обвиня ея зелеными прядями своихъ опьяняющихъ нитей и тутъ же кокетливо поползъ, со всѣхъ сторонъ, по игольчатой глыбѣ сѣраго граниту, окутывъ по дорогѣ курчавую голову круглаго платана... Направо, надъ неутомляющимъ блескомъ свѣжихъ струй фонтана, нависла зелеными, волнистыми лентами плакучая ракета, какъ распутившаяся кеса неутѣшной вдовы надъ могилой молодого мужа, и нѣмъ ясно видятся тѣ двѣ знаменитыя ракеты, которыя еще недавно, на далекомъ островѣ дальняго океана, сбивали тѣло великаго императора. А у самаго края плакучей ракеты несется запахъ безчисленныхъ розъ, въ одно мѣсто распутившихся уже въ третій разъ, и колоссальный орѣшникъ—съ котораго вчера, цѣлый день, загорѣлый Нѣмецъ садовникъ сбивалъ волошскіе орѣхи, въ ихъ толстой, мясистой и зеленой корѣ—лѣниво возносить свою широкую вершину. Бирюзовая „устра“ зелеными и плоскими куполами прильнула къ утесамъ, какъ неподвижный полигъ. Колочій „ардычъ“ глядитъ изъ-за бѣло-пепельнаго утеса, облитого снизу блескомъ солнца, а сверху перерѣзаннаго длинною полоскою налетѣвшаго облачка....

Внизу, у ногъ моихъ, параллельными рядами пестрѣтъ коверъ виноградниковъ, съ ихъ сторожевыми шалашами. Вы можете прійти здѣсь къ любому садовнику и въ его присутствіи кушать винограду даромъ сколько можете; вы только должны сказать вездѣ свое имя и не можете брать винограду съ собою на-домъ.

Съ первыхъ же дней моего пребыванія въ Мисхорѣ, я сталъ ходить пѣшкомъ въ Алунку.

Почтовая дорога по берегу моря здѣсь необыкновенно красива. Безчисленные извивы ея, каменный заборъ съ лѣвой стороны, надъ унцельями и садами зеленѣющими на нѣсколько сажень внизу, и огромныя скалы справа, которыя гнѣздятся одна надъ другою, давая только порою мѣсто горнымъ ру-

чьмъ, на каждомъ шагу превращеннымъ въ чистые фонтаны, и, наконецъ, запахъ розъ и щебетанье птицъ—все это дѣлаетъ незамѣтною усталость отъ „пѣшаго хожденія“ по крымскимъ почтовымъ дорогамъ.

На границѣ между Алупкою и Мисхоромъ стоитъ обелискъ съ гербами владѣльцевъ этихъ дачъ. Отсюда еще далеко до Алупки, а вамъ уже виднѣнъ весь этотъ чудный замокъ, сложенный изъ массивныхъ плитъ зеленого граниту. Пройдя черезъ мостъ и часть села, вы приближаетесь къ воротамъ замка.

У самаго входа во дворъ я былъ пораженъ необыкновеннымъ благоуханіемъ.... Налѣво, въ стѣнѣ окружающей палаты, сквозитъ желѣзную, рѣшетчатую дверь, я увидѣлъ небольшой цвѣтникъ, залитый градами малиновыхъ, синихъ, бѣлыхъ и лиловыхъ цвѣтовъ. Я попробовалъ отворить рѣшетку, она была забита наглухо.... Я прильнулъ къ ея периламъ и жадно вдыхалъ истинно-волшебный запахъ цвѣтовъ.... Я не могъ достать ихъ рукою, и это препятствіе еще болѣе увеличивало мое опьяненіе. Какая чудная неожиданность!

Узкій дворъ чистъ, но мраченъ; въ одномъ углу его помѣщаются часы, въ другомъ, вдоль стѣны, покрытой прядями живаго плюща и съ окнами въ ростъ человѣка и шириною въ три вершка, идетъ путь въ нижній садъ. Палаты Алупки, со стороны горъ, окружены верхнимъ садомъ, стариннымъ; къ морю спускаются террасы, на которыхъ еще мало развели деревьевъ: здѣсь будетъ нижній садъ.

Передъ домомъ, со стороны моря, на самой верхней террасѣ, раскинутъ богатыми градами новый цвѣтникъ. Надъ нимъ красуется мавританская арка главнаго фасада палатъ. Эта арка загнута въ видѣ надломленной посерединѣ подковы; края ея украшены каменною бахромой и миниатюрными балконами; въ глубинѣ ея, подъ раскрашеннымъ потолкомъ, устроены три дубовыхъ крыльца, съ которыхъ видъ во всѣ стороны моря. По краямъ террасы разставлены бѣлыя мраморныя вазы съ зеленымъ, колючимъ столѣтникомъ. На лѣстницѣ, ведущей на вторую террасу, помѣщены два бѣлыхъ, мраморныхъ, льва во весь ростъ; ниже, на новой лѣстницѣ, помѣщены такіе же два льва, только нижніе спятъ крѣпкимъ сномъ, прикрывши головы широкими лапами; верхніе же, будто

заслышавъ чьи-то шаги, пробудились... Одинъ изъ нихъ едва раскрывъ глаза и неподвижно косится влѣво, внизъ... Другой быстро вскочилъ и уже губы его подергиваются заглушаемымъ ревомъ: онъ готовъ броситься на незваного гостя! Статуи эти сдѣланы въ Италиі.

О внутреннихъ достопримѣчательностяхъ палаты я долженъ умолчать; скажу только, что врядъ-ли въ аристократическихъ помѣстьяхъ Англии найдется домъ лорда, убранный съ подобнымъ вкусомъ.... Китайская комната, въ которой все, отъ мебели до драпри и картинъ, выписано изъ Китая; турецкая зала, въ такомъ же родѣ; огромная бібліотека старинныхъ и новыхъ книгъ; оранжерея съ фонтаномъ; картины, которыя васъ останавливаютъ на каждомъ шагу — и между прочими прекрасная картина А. Майкова; наконецъ въ каждой комнатѣ каминны изъ туземнаго граниту: сѣраго, чернаго, розоваго, зеленаго и желтаго — все это придаетъ дому Алупки чудный колоритъ.

Верхній или стары садъ, въ которомъ собрано и воспитывается до двухъ тысячъ родовъ растений, вѣнецъ торжества природы и вкуса человѣческаго. Здѣсь вы не видите границы между водою, деревьями и камнями... Камни срослись съ деревьями!...

У самаго входа, на кучѣ огромныхъ скалъ, сброшенныхъ сюда съ вершины Яйлы, быть-можетъ еще во времена Ноя, рисуется статуя мраморнаго журавля. Далѣе вы входите въ гротъ, устроенный подъ скалами величиною съ любой пятиэтажный петербургскій домъ. Здѣсь поставленъ простой деревянный крестъ и плетеная скамья: это богомолья. Пахучій плющъ и роца душистыхъ лавровъ встрѣчаютъ васъ близъ двухъ скрытыхъ каскадовъ. Недалеко отсюда растетъ тюльпанное дерево... При этомъ вы вспоминаете о миленькой сказкѣ Жуковскаго „Тюльпанное дерево“.

Далѣе, въ небольшомъ гротѣ, подъ утесомъ оплетеннымъ плющевою тканью, вы видите камень и на немъ надпись:

„Chemleck-broussa XX Mai — MVCCCXL. — Aloupka XXVI Novembre MVCCCXLII.“

Недалеко отсюда находится прудъ съ форелями. Надъ его

берегомъ склоняется бронзовая статуя Арабки. Сквозь тростникъ и водяныя лианы, глядится она въ темныя струи, гдѣ медленно движутся синелиловыя рыбки.

Къ этому пруду дорога, въ однужъ мѣстѣ, на нѣсколько десятковъ шаговъ тянется аллею изъ бѣлыхъ розъ, заплетенныхъ надъ полукруглою галереей изъ тонкихъ прутьевъ. Стоитъ только пройти по этой галереѣ, чтобъ охнуть и перенестись въ какой-то странный мѣръ. Эта бездна розъ и этотъ тонкій запахъ живо напомнили мнѣ одну изъ сказокъ Гофмана, гдѣ дѣти блуждаютъ въ царствѣ глянцевъ и кушаютъ душистые леденцы. Вспомнилъ я при этомъ также небольшое стихотвореніе Фрейлиграта, въ которомъ разсказывается, какъ однажды цвѣты отмстили одной красавицѣ за то, что она безжалостно сорвала ихъ съ живыхъ стебельковъ и поставила въ вазу. Вообще необыкновенное убранство цвѣтами садовъ Алупки напоминаетъ вамъ Генуу; по словамъ Ламартина, садовничество тамъ дошло до высшаго совершенства; не только букеты, въ которыхъ, какъ въ знаменитой гирляндѣ, представляемой теперь предмѣстями Лондона на „Всемирную выставку“, заключается нѣсколько тысячъ сортовъ растений — цѣлыя ковры, съ самыми капризными узорами, дѣлаются въ Генуѣ изъ садовыхъ цвѣточныхъ букетовъ. Аллея изъ бѣлыхъ розъ — едва-ли не подобное же чудо въ Алупкѣ.

Недалеко отъ пруда съ форелями, скалы неожиданно раздвигаются, и среди темныхъ лавровъ открывается передъ вами широкая и веселая поляна. Въ глубинѣ ея сверкаетъ озеро, окруженное плакучими ивами, и среди небольшой площадки два пробочныхъ деревца, съ ихъ розовою, хрупкою корою и жесткими листьями.

Мимозы, пахучій плющъ, оливковыя деревья, бездна лавровъ, миртовъ и каштановъ, и наконецъ цѣлая роща столѣтнихъ кипарисовъ, изъ узкой аллеи которыхъ чуть виднѣется синяя полоска неба — вотъ красоты, которыя завершаютъ очеркъ алупкинскаго сада.

Иногда бывають здѣсь иллюминаціи: огни раскладываютъ не только по скаламъ, между каскадовъ и деревьевъ сада, но даже по цѣпи горъ гранитной Яйлы. Тогда заоблач-

ныя массы кажутся фантастическимъ чертогомъ, котораго они сіяютъ праздничнымъ блескомъ. Тогда очарованіе превосходитъ всякое понятіе.

Усталый, бродилъ я однажды по садамъ Алупки до сумерекъ. Выкупавшись въ морѣ, я увидѣлъ, что ноги мои рѣшительно отказываются служить. Лошади достать было негдѣ. Я не зналъ на что рѣшиться, какъ вспомнилъ, что у меня въ карманѣ было письмо къ одному изъ простыхъ Татаръ, жителей Алупки. Письмо было изъ Эвпаторіи, отъ богатаго бахчисарайскаго купца, и потому я разсудилъ, что тотъ, къ кому адресовано черезъ меня это письмо, не откажетъ мнѣ въ ночлегѣ.

— Гдѣ Татаринъ Бекиръ? спрашивалъ я у каждаго встрѣчнаго и поперечнаго.

— Воиъ Татаринъ Бекиръ, поспѣшно отвѣчали мнѣ обитатели Алупки, возвращаясь въ свои сады съ дневныхъ работъ. Татаринъ Бекиръ славный человекъ, добрый человекъ!.. У Татарина Бекира и лавка есть.... и дочка хорошенькая, узналъ я послѣ....

Бекира не было дома. Онъ сидѣлъ въ кофейной, поджавши ноги и курилъ изъ „наръеле“, по-русски кальяна, легкій арабскій табакъ „тембеки“. Этотъ наръеле состоялъ изъ черной деревянной подставки, стеклянной кружки съ мутною водою, а надъ кружкою изъ турецкой трубки и вѣтвато кожаного чубука съ косточкой на концѣ.

Разскажу вамъ, что такое было внутри кофейной Бекира.

Вокругъ стѣнъ ея идетъ небольшое возвышеніе, покрытое чернымъ войлокомъ; по войлоку разбросаны пестрыя холщевыя подушки. Между подушекъ дымятся „мангалы“ — низенькія мѣдныя жаровни, съ угольями для раскуриванія трубокъ и кальяновъ, а зимою для согрѣванія коннаты.

Тутъ же, между дремлющими мусульманами, валяются котята, мокрая тряпка, открытые сундуки съ неубраннымъ хламомъ, постель, готовая къ услугамъ всякаго гостя, и по-

рожня чашки и стаканчики. У дверей, въ нишѣ небольшой печки, на неугасаемыхъ угляхъ, кипятъ вѣчный кофе. Сонный мальчикъ, варитель этого кофе, онъ же и управляющій всѣмъ заведеніемъ, дремлетъ на лавкѣ близъ печки, положи голову на спину Эрмембетъ, дурачка этой кофейной, у котораго желтое, широкое и мясистое лицо, заплывшіе жиромъ глаза, сѣдые усы, черная баранья шапка, никогда не покидающая его обритой, красно-сизой головы, оранжевая куртка и синіе кальвары, — и который продаетъ желающимъ талисманы, писанные имъ на клочкѣ грязной бумаги и могущіе доставить всякому человѣку несчетныя блага, какъ-то: открытіе вора, открытіе клада, и покореніе души и чувствъ любимой женщины.... Къ-несчастью Эрмембетъ имѣлъ сердце младенца и сошелъ съ ума отъ любви. Онъ былъ бѣденъ и, какъ ему не удалось отыскать никакого клада, то его холодная возлюбленная съ презрѣніемъ насмѣялась надъ его восторженными стихами, отдала свою раскрашенную охрою руку балаклавскому купцу, и Бекиръ однажды нашелъ его подъ дверьми своей кофейной съ перерезаннымъ горломъ. Съ-тѣхъ-поръ Эрмембетъ молчитъ всю жизнь, пишетъ талисманы и плачетъ такъ жалко при взглядѣ на всякую хорошенькую женщину, что самому становится грустно и хочется плакать.

Я вручилъ Бекиру рекомендательное письмо. Серьезный мусульманинъ бережно распечаталъ его, собралъ въ карманъ обломки сургуча, молча прочелъ письмо своего бахчисарайскаго патрона, всталъ и попросилъ меня идти къ нему въ домъ, потому-что въ кофейной имъ будетъ не совсѣмъ спокойно. Онъ между-прочимъ съ удивительно холоднымъ педантизмомъ протянулъ руку къ уху своего сына и наказалъ его безъ милосердія за то, что тотъ вздумалъ-было готовить имъ постель въ кофейной.

Это напоминаетъ мнѣ анекдотъ объ эксцентрическомъ вкусѣ греческихъ гастрономовъ. Русскій пришелъ къ Греку, своему отличному пріятелю и хвасталъ, что онъ только-что съѣлъ камбалу, известную рыбу съ однимъ глазомъ.

— А какъ же ты ее съѣлъ? подхватилъ „греческій человекъ“.

— Я заварилъ ее, пріятель.

Грекъ при этихъ словахъ упалъ въ обморокъ. Очувшившись, онъ не могъ выдержать, чтобъ слова не взбѣсятся отъ такого неслыханнаго варварства.

— Камбалу не жарить, камбалу.... Грекъ хотѣлъ сказать: варить, и ошибкою смазалъ: пекуть!...

Отъ этого онъ снова упалъ въ обморокъ. Когда его привели въ чувство, онъ со слезами повѣдалъ своему другу, съ какими пріемами надобно приступать къ превращенію камбалы въ соусъ и какъ судьба метитъ человѣку, если онъ задумаетъ камбалу не варить, а жарить.

Но страшно-грязной и гористой улицѣ — улицѣ, въ которой насилу разъѣзжаются два всадника, мы дошли до дома Бекира. Бекиръ, положи руку на сердце, попросилъ меня войти въ комнату, а самъ остался на крыльцѣ, чтобъ засвѣтить свѣчу. Скоро и онъ вошелъ съ салнымъ огаркомъ, заслоня его рукою отъ вѣтра, отъ чего внигъ окрасился пунцовымъ цвѣтомъ и его сѣдая борода, и наморщенный лобъ, и половина носа, и четверть уха, запрятаннаго подъ зеленую чалму. Онъ откачался и сталъ ораторствовать.

Въ это время я разглядѣлъ убранство его комнаты. Съ крыльца, окруженнаго точеными перилами, ведетъ дверь, надъ которой рисуются черныя и желтыя изображенія стиховъ изъ корана. Комната, шаговъ въ пятнадцать во всѣ стороны, устлана рыжиѣ войлокомъ, кизомъ. Вдоль стѣнъ красуется, сверхъ войлока, богатый келимъ — родъ пестраго тузенаго ковра; по келиму разбросаны плоскія шелковыя подушки краснаго и синаго цвѣтовъ и еще прислоненныя къ стѣнѣ подушки таяинныя для локтей; послѣднія по-татарски называются „астыхъ“.

Комната наполнена смолистымъ благовоніемъ цвѣтущаго лавра. Изъ небольшой жаровни, похожей на описанный мною кангалъ, вѣчно струится легкій, сивеватый дымокъ: это особый наркотическій порошокъ, необходимый для очищенія воздуха въ сакляхъ зажиточныхъ Крымцевъ, которые обыкновенно складываются изъ необтесанныхъ кусковъ тузенаго булжника и потому очень сильно втягиваютъ въ себя сырость холодныхъ ночей прииорской Тавриды.

Возлѣ жаровни, рядомъ съ полками, на которыхъ, какъ на показъ въ магазинѣ, стояло множество посуды, каменной и жестяной, деревянной и серебряной, лежали, бережно сложенные, разные татарскіе товары. Тутъ же въ двухъ мѣшкахъ помѣщались только-что собранные орѣхи, кизиль и айва, и въ одной мискѣ мускатный виноградъ, а въ другой каштаны. Каштаны были еще чрезвычайно зелены и собраны для корму телятамъ. Бекиръ позабылъ это, среди своей рѣчи взялъ каштанъ и раскусилъ его.... Древесная кислота вмигъ стянула ему щеки, губы и языкъ.... Бѣдный Бекиръ! какъ онъ перепугался. Ротъ его вмигъ отказался ему служить, а я былъ не въ-силахъ удержаться и хохоталъ ему прямо въ лицо!

Среди комнаты, на маленькомъ царградскомъ точеномъ столикѣ „курсю“, лежала шахматная доска. Чтобы возвратитъ хозяину присутствіе духа, я предложилъ ему сыграть со мною въ шахматы. Но и тутъ я сдѣлалъ ошибку. Позабывшись, я обыгралъ Бекира восемь разъ сряду и совершенно перепугался, когда нечаянно взглянулъ на его лицо, подергиваемое конвульсіями и побагровѣвшее отъ досады. Наконецъ я смекнулъ, какъ можно поправить дѣло, и спросилъ Бекира о человѣкѣ, который адресовалъ меня къ нему.

Въ цвѣтистыхъ и необыкновенно ломаныхъ русскихъ выраженіяхъ, сталъ онъ исчислять мнѣ достоинства Сейдъ-Умера, бахчисарайскаго магната. Безпрестанно употребляя то русскія, то французскія, то итальянскія восклицанія, повѣдалъ онъ мнѣ, что Сейдъ-Умеръ очень богатъ и пышенъ, что онъ честный мусульманинъ и, подобно ему, храня законъ Мохаммеда, никогда не пьетъ ни винограднаго вина, ни „бузы“, вина пшениаго, хотя порою, по-крайней-мѣрѣ разъ въ недѣлю, напивается пьянъ русскою водкой. Тогда обыкновенно онъ разгоняетъ палкою своихъ гостей, вырываетъ нѣсколько клочковъ изъ своей бороды и грозитъ своему гарему, что завтра же продастъ его первому встрѣчному Жиду или Англичанину.

Битый часъ не умоляя стоялъ передо мною Бекиръ. Онъ не шевельнулъ даже пальцемъ, ни разу не улыбнулся, потому-что Татары считаютъ смѣхъ и жесты неприличіемъ, ко-

торое может подать о них дурное мнѣніе, может заставить посторонняго человека считать ихъ людьми легкаго и вѣтреннаго характера.

Между-тѣмъ, какъ Бекиръ ораторствовалъ, я начиналъ чувствовать признаки голодной смерти!... Я забылъ даже сказать, что мнѣ страшно хотѣлось ѣсть, что, улажившись адунинской бібліотекой, я съ самаго утра съѣлъ всего пару грушъ, да кисть сушенаго винограда. Бекиръ объявлялъ мнѣ, что сегодня у нихъ пятница, большой постъ, и что они ничего не готовили къ обѣду. Я вспоминалъ о яичахъ и молокѣ, и мы отправились съ Бекиромъ въ его кухню, гдѣ скоро разложили огонь на довольно-грязной плитѣ. Я наотрѣзъ объявилъ Бекиру, что хочу испытать рѣшительное средство — приготовить яича и молоко въ одно время; что у меня есть часы, что я побросаю яича въ кипящее молоко и что черезъ три минуты все будетъ готово разомъ....

Бекиръ замахалъ руками, схватилъ себя за бока, какъ-будто у него стало колотъ подъ ложечкой или желудокъ заболѣлъ, и покатился со смѣху. Хотѣлъ жирнаго Татарина начать не на шутку сердить меня. Я побросалъ яича въ молоко, вынулъ часы и притаилъ дыханіе.

Что-то зашелестило около меня.... Я поднялъ глаза.... Передо мною сидѣла на корточкахъ дѣвочка лѣтъ четырнадцати.... это была дочь Бекира.... Пораженный красотой этой дѣвочки, я совершенно растерялся.

Подобный случай со мною былъ уже и въ Одессѣ. Помню, что я какъ-то неожиданно зашелъ въ одну изъ глухихъ одесскихъ улицъ и снялъ шляпу, чтобъ поправить свою прическу и отереть вспотѣвшее лицо. Надо мною кто-то слегка засмѣялся. Я поднялъ голову и увидѣлъ на балконѣ, во второй этажъ дома, передъ которымъ стоялъ, молодую дѣвушку ослѣпительной красоты.... Дѣвушка стояла неподвижно, врезаясь всѣмъ торсомъ черезъ чугуныя перила балкона. Въ черное платье, черные глаза и черные волосы превратили меня въ подобіе той знаменитой статуи, которая представляетъ прозрѣвшаго слѣпца: все тѣло бѣднаго счастливца на нигъ окаменѣло; одна рука его неволью приподнялась и, закрывъ глаза отъ солнца, остановилась на воздухъ; другая

рука въ ботинкѣ скользнула вдоль колѣна, и Асея отъ улыбается чудному и ослѣпительному свѣту... Если бы я могъ пить въ ту минуту, я сплъ бы моей прекрасной незнакомкѣ самую восторженную баркароллу.

Дочь Бекира была еще красивѣе одесской незнакомки. Прежде уже узнавъ я, что ее звали четырьмя именами: *Аббѣ*, *Месса*, *Тотаной* и *Шерфе*... Каждое изъ этихъ именъ значило что-то въ родѣ „Вечерней зари“, „Радости“, „Крика Младенца“ и „Запахъ Ананаса“... Можетъ-быть это значить что-нибудь и другое, но для меня Аббѣ могла значить еще и понятіе „хорошенькой женщины“.

Въ ней вообще поражала какая-то видимая, не скрываемая извѣженность, какая-то неестественная чуткость чувствъ, какая-то болѣзненная, страстная лѣньность. Она была вродѣ развита и вѣроятно уже продана своему будущему мужу, потому-что въ ея розовыхъ и немногихъ надутыхъ и прозрачныхъ ноздряхъ я приметилъ золотую сережку, признакъ близкаго брака.

Ея нѣсколько широкія и влажныя губы были свѣтлѣе шохорской розы. Ея грудь — плоская, омуглая и въ дорогихъ шитьяхъ; пальцы, окрашенные по концамъ въ желтую краску и насурмленные брови; ея алая феска, родъ низенькой шапочки съ огромною синею кистью, отъ которой такъ свѣтлы были ея глазки; ея синіе шальвары, стянутые внизу, у худощавой, бѣлой и обнаженной ножки — ножки, которая немножко переязбла и жалобно сжимала свои круглыя и шнурчатыя пальчики; ея лиловая куртка, перетянутая на плечахъ широкою коричневою шалью, отчего такъ ловко и хитро гнулась ея извѣженная и сухощавая спина, все это бросало меня въ какой-то въ высшей степени желовкій трепеть. Три мѣсяца уже я жилъ въ Крыму, предпринималъ поѣздки въ Чуфутъ-Кале, Симферополь и Узембашъ, и видѣлъ въ лицѣ изъ женскаго пола только русскую Парашу, близъ колоніи Біасъ. Какъ бы то ни было, а я не зналъ, на что рѣшиться.

Бекиръ, какъ-будто не принимая моего замѣшательства, спокойно курилъ свою самодѣльную сигару и дремалъ, облокотясь на кедку съ водой, а Аббѣ зорко и пристально

не глядела на колоко, которое давно уже бѣжало черезъ край вершка. Я проткнулъ руку съ желѣзной ковергой и не-винно зрѣлъ за нудое косяно Татарочни.

Абибе была изъ тѣхъ кощунъ, на которыхъ можно оцѣ-нить, не отъ которыхъ невозможно отвести взгляда. Въ ней все было медленно и растянута.... Взоръ ея былъ свѣтлый, но долгій взоръ, который переключитъ отъ одного предме-та къ другому съ какими-то страстными, нѣбиди тѣдѣн-снѣ. Улыбка ея горячихъ губъ была также медденна, лѣни-ва.... Слова, которыя я сваре усмывалъ, она наслау произ-носила и нежилосердно, какъ-то нѣхотя, съ свойственнымъ ей младенческимъ капризомъ, растагивала и нѣжила.... Нако-нецъ ея длинныя пальцы были все перепачканы въ красныя ягоды кизила, который она незадолго передъ тѣмъ чистила и сертировала. Она даже выпачкала кизилемъ одну изъ сво-ихъ продолговатыхъ щекъ и никакъ не подозрѣвала, что ее надо вымыть холодной водой, которая бѣжала изъ фонтана передъ самымъ ея окномъ.

Написалъ я это гораздо скорѣе, чѣмъ успѣлъ оторвать свои глаза отъ Абибе и обратить ихъ снова на часы.

Молоко въ это время рѣшительно выбилось изъ рукъ; оно дотого закипѣло, затрещало и брызнуло въ огонь, что мы въ одинъ мигъ очутились въ совершенной темнотѣ.... Бекиръ, на этотъ шумъ, пробормоталъ что-то сквозь сонъ и окон-чительно упалъ на коверъ.

Я зажегъ спичку, засвѣтилъ свѣчу и вмѣстѣ съ Абибе при-нялся доставать янца. Янца, которыя я думалъ сварить въ-свѣтку, превратились въ булжники. Вмѣсто трехъ минутъ они прокипѣли три четверти часа!!.

Я покраснѣлъ и въ волненіи не смѣлъ поднять глазъ на Абибе. Наконецъ я взглянулъ.... Умная дѣвочка поняла въ чемъ дѣло!.. Она холодно и бойко встрѣтила мой трепещу-щій взоръ.... Я взялъ одно хорошенькое яичко, показалъ его Абибе и поцѣловалъ его.... Абибе молча улыбулась. Серд-це говорило мнѣ, что плутовка меня понимаетъ.... Кровь бросилась мнѣ въ голову.... Я взялъ руку Абибе и, нѣжно пожавъ ее, взглянулъ ей прямо въ глаза.... Холодная какъ ледъ рука салетин непринятно дрожала.... Изъ-подъ рѣсницъ

ей что-то сверкнуло, и вдруг крупная слеза медленно выкатилась на ее щеку и ссыпалась съ грустным улыбку, которая тихо осветила ее раскрасившееся лицо.

Мы молчали и въ волненіи сѣдѣли другъ противъ друга. Наконецъ я рѣшился взглянуть на отца Абибе.... О, ужасъ!.. Бекиръ лежалъ съ открытыми глазами и въ-оба пристально глядѣлъ на насъ!

Здѣсь я на-минуту прерываю свое письмо и забѣгаю нѣсколько впередъ. Эта сцена, сознаніе собственнаго достоинства, мысль, что мнѣ удалось лицомъ къ лицу сойтись съ женщиной, которую другой можетъ увидѣть только подъ покрываломъ, наконецъ надежда сдѣлать изъ этого получасоваго похода сказку въ родѣ „испанскихъ писемъ“ Дюма, — все это заставило меня загордиться не на шутку. Я думалъ описать это пятистопнымъ ябонь, напечатать и никогинто прѣвѣхать въ Петербургъ, чтобъ услышать, что будутъ толковать обо мнѣ. Я даже поспѣшилъ своимъ отъездомъ въ мою степную деревню.

Въ этихъ мысляхъ я прибылъ въ Орелъ, ровно на середину пути между южнымъ берегомъ Крыма и Петербургомъ; я вошелъ на станцію, началъ грѣться и порицать холода, которые терзали меня уже другія сутки.

— Э! что это за морозъ?!.. подхватилъ одинъ господинъ, который ѣхалъ изъ Петербурга и до такой степени влѣзъ въ свою енотовую шубу, въ свои медвѣжьи сапоги и баранью шапку, что представлялъ родъ шалаша, въ окно котораго смотритъ красное какъ стручковый перецъ лицо садовника.... Вы погодите.... Да, позвольте.... Ну, позвольте.... Не перебивайте меня....

— Вѣдь и я то же скажу вамъ....

— Да слышите же, не перебивайте меня!... У насъ въ Петербургѣ снѣгъ давно по колѣна, Нева становится, мосты сняли, и до Москвы всѣ на саняхъ ѣздить.... Я изъ Петербурга всего седьмой день.... Такъ-то, купецъ, всего седьмой день!

— Во-первыхъ, я вовсе не „такъ-то, купецъ“!... А во-вторыхъ, я лучше скажу вамъ: также за семь дней отъ ильшняго числа—я былъ на южномъ берегу Крыма, гдѣ еще

воздухъ чистъ, розы цвѣтутъ подъ открытымъ небомъ, солнышко не даетъ вамъ спать цѣлую ночь, каштаны едва начинаютъ созрѣвать, виноградъ только-что сняли, вѣтеръ еще такъ и шалитъ, и солнце припекаетъ до того, что я, между Гурусомъ и Ай-Данилемъ, восемь часовъ шелъ пѣшкомъ безъ сюртука и шляты и едва былъ въ-силахъ сдерживать сощипанный картузь на своей бѣдной головушкѣ. Такъ-то! Впрочемъ, прибавилъ я, собираясь отпустить нѣсколько краснорѣчивыхъ сужденій, ненудрено, что я отсталъ отъ нашего Петербурга.... Я уже три недѣли, по выѣздѣ изъ Севастополя, не видѣлъ ни одного листка газетъ.

— А вотъ я, перебилъ меня жирный голосъ другаго г-о сводня, который все это время сидѣлъ молча въ противоположномъ углу станціонной комнаты и, уничтоживъ вторую порцію бѣтексу съ горчицей и хрѣномъ, утиралъ свои толстыя губы концомъ скатерти:— вотъ я такъ втораго мая выѣхалъ изъ Пекина и до нынѣшняго октября, черезъ Сибирь и Воронежъ, гдѣ всего на день посѣтилъ родныхъ, никакъ не доберусь до Петербурга.... Я почти сто восемьдесятъ дней не слѣзаю съ траской телѣжки!

Я зашолчалъ и далъ себѣ слово впередъ не слишкомъ предаваться энтузіазму по поводу собственной личности. Поэтому продолжаю свое письмо въ возможно-хладнокровномъ тонѣ.

Бекиръ именно лежалъ съ открытыми глазами и глядѣлъ на меня и на свою дочь. Абибе сидѣла неподвижно.

— Ай-ай-ай! закричалъ Бекиръ, вскакывая.... Верблюды то уже ушли.... За тобою, баринъ, я и позабылъ о нихъ.... Фе-е-е! прибавилъ онъ, покрывивъ концы своихъ губъ и трясъ въ то же время головою и правою рукой: въ Эвпаторію пришелъ съ товарами стамбульскій корабль: я хочу продавать пшеницу.... Пшеницу я мѣняю у Русскихъ на сливы, да на орѣхи.... Извини, баринъ.... Знаешь, дѣло купеческое.... Расхватаютъ турецкіе товары.... Да гдѣ это мой „баранчукъ“ (сынъ)?... Ну? обратился онъ къ приземистому и толстому парню, который вошелъ въ комнату, хлопая сафьянной влеткой и угощая насъ острыми запахами корицы и гвоздички:— готовъ жеребецъ?

Мальчицъ покосился на меня и отвѣтилъ что-то по-татарски.

— Извини, господинъ! Надо догонять караванъ. Уже тысяцъ вошелъ. Сынъ тебя угостить. — Дай барину воду, сливъ, да кофе свари, — прибавилъ онъ по-русски.... Сваришь, Абла?... Это отъ Сейдъ-Умерат...

— Сваришь.... отъ Сейдъ-Умеръ, — шепталъ толстый татарченочъ, почесывая ватылокъ. Косые глаза его такъ и сверкали, а угловатая скула надулась, какъ-будто на душъ его кошки скребли.

Мы проводили Бекира на крыльцо. Онъ поправилъ сѣдло на своемъ бѣломъ скакунѣ, причеиъ тотъ ловко обернувшись къ нему голову и, покосившись, дунулъ ему изъ всей силы прямо въ уши. Бекиръ обтерся, пощекоталъ коня за ребры и вскочилъ въ сѣдло, причеиъ бѣдный конь чуть не легъ на землю. — Бекиръ былъ до такой нечѣпости толстъ и имѣлъ такіе необъятные шальвары, что когда онъ сидѣлъ въ своей кофейной, поджавши кривыя ноги и слушая полусонныя бредни какого-нибудь сказочника, его можно было принять за мучу его же красныхъ товаровъ, изъ которой торчали только шары длинныхъ усовъ, да кожаный чубукъ закопченаго кальяна.

Скоро Бекиръ исчезъ за ближнимъ пригоркомъ, и эхо семь разъ повторило замирающій звукъ топота его скакуна.

Толстый сынъ Бекира накинулъ на себя что-то въ родѣ плаща, рѣзко отвѣтилъ на двѣ или три фразы сестры, которая чуть не плакала, и быстро выскочилъ въ сѣни. Скоро онъ скрылся изъ виду, а я, погнавшись—было за нимъ, снова вошелъ въ комнату. Я не понималъ, что такое творится въ этомъ странномъ семействѣ.

Какъ бы то ни было, а во всеиъ домѣ Бекира остались я, да его дочь.... Какъ-нарочно еще этотъ домъ стоялъ совершенно уединенно и былъ окруженъ огромными садами орѣшниковъ и платановъ.

Я отворилъ окно. Мнѣ было душно. Кровь прилиwała къ воспаленной головѣ. Сквозь рѣдкіе листья дерева, стоявшаго передъ окномъ, я увидѣлъ чистое, ярко-синее небо. Малютны звѣзды трепетали надъ хребтомъ лилово-оранжевыхъ горъ. Блескъ полнаго мѣсяца затопилъ все побережье чешуями

разглаженного золота.... Снизу, изъ деревни, неслись протяжные звуки носовой пѣсни.... Воздухъ былъ дотогу ду-
денъ, что невозможно было ощутить его прикосновения къ
лицу. Я изъ-подлѣбья посмотрѣлъ на Абибе.

Она сидѣла въ углу и пристально, боязливо смотрѣла на
меня. Я сталъ подходить къ ней, не произнося ни одного
слова, потому-что это было бы напрасно: Абибе не пони-
маю по-русски. Она съ улыбкой и вопросительно взглянула
на меня.

Мнѣ хотѣлось поцѣловать это хорошенькое дитя. Я рѣ-
шился, сѣлъ подлѣ нея на корточки и предложилъ ей яб-
локо, которое съ утра еще носилъ у своего сердца. Аби-
бе протанула мимо меня руку — къ трубкѣ, наложила ее и
подала мнѣ. Мы оба засмѣялись. Меня это начало сердить.
Я быстро вскочилъ и хотѣлъ поймать ее за руку. Абибе увер-
нулась и побѣжала въ противоположный уголъ.

Не безъ труда вытащилъ я ее изъ-за мѣшковъ съ орѣ-
хами, взялъ ее на руки и посадилъ на окошко. Обнаженные
ножки Абибе покорно свѣсались внизъ, руки скользнули на
колѣни, спина по обыкновенію лѣниво согнулась на бокъ и
звонкій, звонкій хохотъ раздался въ комнату.... Абибе стала
вертѣться, бить въ ладоши, расправлять мнѣ волосы, коло-
тать ногами и руками объ стѣну, и вдругъ тихо и съ ру-
ладами запѣла:

Я припомнилъ начало ся пѣсни.

- «Айва дерекъ саламыр,
- «Салаяъ дыкджасъ баламыр,
- «Айварирачъ, варирачъ,
- «Колтрайтъ койбувачъ!
- «Трунъ каларъ уйнакъ,
- «Эчкызаръ тузанджасъ,
- «Эчкызаръ тузерне, варирачъ,
- «Кызданъ дѣйранъ узари, варирачъ.»

Это значило: „Айва падаетъ съ дерева, айва давно пе-
репелла и стала слаще меду, айварирачъ, варирачъ! Вставай,
моя дѣвочка, давай танцовать; танцуй, пока не разорвешь
ковра! Ковра нельзя мнѣ разорвать — айварирачъ! Надо знать

мѣру — иначе ты меня непустишь больше танцовать — а-варирачь!^а и такъ далѣе.

Абибе такъ наивно сѣла это, такъ невинно поглядѣла на меня, что мнѣ стало жутко. Потомъ она откусила кое-кого моего яблока, а остальное спустила въ карманъ своихъ широкихъ шальваръ, показывая, что это она причесть на винять. Меня обдало холодомъ. Я взглянулъ на нее поближе и замѣтилъ, что ея брови страшно подкрашены. Грязный востокъ спустился и показывалъ ея худыя плечи. Она какъ-нарочно необыкновенно нѣжно указала мнѣ на забытую иную трубку. Я затянулся преотвратительной махоркой, такъ-что духъ захватило, и чуть не упалъ въ обморокъ.... Тутъ только я опомнился. Мысль моя быстро перелетѣла нѣсколько назадъ, и я невольно увидѣлъ себя снова въ далекомъ городѣ, въ ослѣпительномъ блескѣ свѣчей и улыбокъ, въ кругу ароматныхъ фразъ и обнаженныхъ плечъ роскошныхъ красавицъ, увидѣлъ себя въ шармеровскомъ фракѣ, съ гигантскими воротничками и въ кругу замысловатыхъ фигуръ мажурки — и какъ бомба выскочилъ изъ комнаты Бекира.

Черезъ часъ я уже лежалъ на своей складной постели въ Мисхорѣ. Заря начинала загораться надъ оріандскими вершинами. Я досадовалъ на свое путешествіе.

II.

ХЕРСОНСКІЯ СТЕПИ.

Странная вещь человѣческое сердце! Какъ ни увѣряйте себя, что вотъ этого-то съ вами никогда не случится, что вамъ нечего бояться того-то или другаго; а пробѣги вы черезъ дорогу кошка, упади со стола ножикъ или книга — и вамъ уже кажется, что вамъ не избѣжать самаго невѣроятнаго несчастія.

Пробѣжая черезъ одинъ городъ въ херсонскихъ степяхъ, я вспомнилъ, что отъ него верстахъ въ двадцати живетъ одинъ мой знакомый. Я панялъ вольныхъ и своротилъ съ большой дороги.

Свечерѣло. Жаркая степь подернулась туманомъ. Луна была величиною съ серпъ и то до такой степени низко надъ землею, что, казалось, будто ее кто-нибудь воткнулъ въ стогъ съ сѣномъ, изъ-за котораго глядѣлъ ея тусклый и оранжевый очеркъ. Небольшой прудъ, мимо котораго тихо пробѣжала моя тройка, отражалъ длинную и мерцающую полосу свѣта. Вдругъ черезъ это отраженіе переплыла какая-то черная точка... за нею другая, третья, разомъ пять.... И цѣлая вереница дикихъ утокъ, качаясь въ прозрачной водѣ, выплыла изъ черныхъ тростниковъ.

Въ лилово-голубомъ и страшно высокомъ небѣ нависли фосфористыя звѣзды, и ихъ алмазный шатеръ склонился отъ зенита по самымъ края земнаго горизонта. Пугливыя зайцы играютъ по дорогѣ.... Сверчокъ трещитъ и звенитъ безъ милосердія, какъ ослабѣвшая гайка въ дрожкахъ старосвѣтскаго помѣщика. Худая и измученная собака, запыленная и изсохшая, лежитъ безъ движенія въ заросшемъ котловинѣ.... Въ тепломъ воздухѣ пахнетъ скошеннымъ хлѣбомъ. Загорѣлые Хохлы лежатъ у самой дороги вокругъ распряженнаго воза; склонившись на спонь, подъ развѣшенной свиткою, сидитъ молодая женщина и кормитъ смуглою грудью бѣлое, какъ снѣгъ, дитя. Лѣнивая задумчивость кивитъ ко сну. Въ мысляхъ нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго. А тройка бѣжитъ и бѣжитъ, неперестаетъ гремѣть хрустальными бубенчиками и будитъ далеко эхо чуткихъ степеней....

Вдругъ изъ травы приподнялось какое-то бѣлое существо... Рога мѣлькнули у самой телѣжки, и лошади понесли.... Напрасно казакъ-ямщикъ, носившій громкое имя Богдановича, неизвѣстно какъ попавшее сюда, силился удержать перекуганную тройку.... Мы неслись по ровной степи легче вѣтра.... Я едва успѣлъ удержать свою фуражку.... Бѣдная корова, виновница нашего приключенія, едва мы промчались мимо нея, снова опустилась на траву. Остановились мы почти передъ самыми воротами дома моего знакольца.

Я соскочилъ съ телѣжки и пошелъ на свѣтъ, горѣвшій въ одномъ изъ оконъ дома. На дворѣ все было тихо. Собакъ здѣсь вѣроятно и не знали. Мое приключеніе казалось

мнѣ недобрый предзнаменованіемъ. Предзнаменованіе сбылось.

Вместо моего пріятеля я встрѣчить былъ его отцемъ, старикомъ лѣтъ пятидесяти. Старый помѣщикъ лежалъ въ креслахъ, заваленный подушками. Съ кашлемъ и истерическимъ хохотомъ встрѣтилъ онъ меня и крѣпко пожалъ мнѣ руку.

— Радъ, весьма радъ видѣть васъ.... Только вы идите теперь спать.... Ужинъ уже убрали.... Сынъ же мой второй годъ какъ убитъ на Кавказѣ.... Жаль мнѣ его !.... Завтра мы поговоримъ объ этомъ.... Прощайте.

Я ушелъ спать и отъ слуги узналъ, что полусумасшедшій старикъ разбитъ параличомъ, что второй сынъ его служить въ Оренбургѣ, и что съ нимъ теперь всего—его третій, маленкій сынъ, взрослая дочь и гувернантка, Русская.

Жаль мнѣ стало третьяго, убитаго сына старика. Мы съ нимъ были товарищи по одному заведенію и я всегда принималъ въ немъ большое участіе.

Вотъ исторія его жизни. Выйдя изъ третьяго класса одного института, онъ, вмѣстѣ со вторымъ, меньшимъ своимъ братомъ, поступилъ въ юнкера одного изъ нашихъ кавалерійскихъ полковъ. Тамъ началась его странная извѣстность. Молодой Курбетовъ — былъ ужасный лгунъ.

Часто, бывало, пригласить къ себѣ съ ученья всѣхъ товарищей на шоколадъ и къ назначенному часу уѣхать въ гости къ другому. Товарищи не застанутъ его дома и расходятся, качая головами. — Опять надулъ насъ Курбетовъ, опять попались! — говорятъ они и снова имъ готовится ловушка. Однажды Курбетовъ пригласилъ къ себѣ на охоту очень почтеннаго человѣка. Приглашенный является. Братъ Курбетова встрѣчаетъ его и спрашиваетъ съ кѣмъ имѣетъ честь говорить? — Я пріѣхалъ на охоту къ вашему брату; братъ вашъ ведетъ сюда шестнадцать своръ собакъ и восемь скаковыхъ лошадей. — Какія лошади? какія собаки? Братъ! спрашивалъ входящаго Курбетова безжалостный братъ: — откуда взялъ ты твои своры, что приглашаешь на охоту почтенныхъ сосѣдей?.... — Я никогда и не думалъ этого говорить, отвѣчалъ бойко честный лгунъ, и формально — въ

глаза свидѣтелю — отперся отъ собственныхъ словъ. Въ другой разъ онъ услышалъ, что одна молоденькая, хорошенькая родственница его прѣехала съ мужемъ въ ихъ губернский городъ. Курбетовъ нанялъ тройку лихихъ коней и покатилъ къ своей кузинѣ. Мужа ея онъ не засталъ дома, и совершенно отуманилъ ее. Онъ увѣрилъ ее, что его мундиръ не юнкерскій, а капитанскій, что онъ много страдалъ, былъ въ дѣлѣ противъ Черкесовъ, раненъ въ високъ, въ шею и въ ногу, что онъ наконецъ женатъ, но что жена его со свѣта гонитъ. Молоденькая женщина совершенно расчувствовалась. Исполнивъ свое дѣло, Курбетовъ снова ускакалъ въ полкъ. Черезъ два дня является къ молоденькой кузинѣ его братъ. Она шутя замѣчаетъ ему, что братъ его уже капитанъ, а онъ только юнкеръ?! — Какъ капитанъ?! — „И въ сраженіи былъ!“ — Въ какомъ сраженіи?! — „Э, полноте, стыдитесь, кузень, даже съ сердцемъ отвѣчала обманутая женщина: — какъ-будто я не знаю? вашъ братъ даже раненъ“... Но скоро она разувѣрилась въ мужъ, котораго гнала со свѣта мнимая жена: младшій Курбетовъ объяснилъ ей въ чемъ дѣло.

Подобныя продѣлки служили предметомъ для разговоровъ всей окрестности. Имя Курбетова вошло въ пословицу. Гдѣ онъ ни являлся, вездѣ вралъ безъ милосердія, обманывалъ всѣхъ, отъ родныхъ до чужихъ и незнакомыхъ. Между-тѣмъ онъ вступилъ уже въ тотъ возрастъ, когда перестаютъ носить на одеждѣ пестрые цвѣта, когда прозу предпочитаютъ тусклымъ стихамъ и когда хересь беретъ верхъ и надъ малагой, и надъ лафтомъ, и надъ шампанскимъ. Истощенное лицо его походило на физиономію стараго щенка. А между-тѣмъ его младшій братъ не гнушался имъ.... Онъ снѣло шелъ по его слѣдамъ и вездѣ очищалъ имя его отъ черной лжи. Этотъ надзоръ дотога вооружилъ Курбетова, что онъ не могъ равнодушно слышать имени брата. Онъ считалъ его чело-вѣкомъ, который сталъ на серединѣ его пути и не даетъ ему ходу. Когда онъ являлся въ какое-нибудь общество и притѣчалъ тамъ своего брата, тотчасъ удалялся. — И между прочимъ онъ въ своей чередѣ страстно любилъ брата.

Бывало ночи просиживаетъ надъ нимъ, когда тотъ чѣмъ-

нибудь боленъ. Услышать, что братъ упалъ съ лошади, или что у брата кровь идетъ изъ носу — весь задрожитъ, поблѣднѣетъ, терзается истерикой и готовъ въ обморокъ упасть.

Какъ ни старались вразумить бѣднаго молодого человека, онъ не переставалъ лгать немилосердно. Наконецъ одна исторія заставила его удалиться изъ этихъ мѣстъ. Грустно простился онъ съ братомъ, цѣловалъ ему руки, плакалъ, но все-таки поклялся, что никогда не лгалъ, съѣлъ въ телѣгу, уѣхалъ на Кавказъ и вскорѣ былъ убитъ въ одной изъ послѣднихъ экспедицій. А сердце у Курбетова было предоброе. Всѣ знали, напримѣръ, что онъ единственно потому никогда не ходитъ на охоту съ ружьемъ, что не имѣетъ духу убить какого-нибудь поджараго кулина или утку. Всѣ знали, что онъ однажды продалъ всѣ свои вещи, чтобъ избавить отъ взысканія человека, котораго обокрали въ то время, какъ онъ везъ на ярмарку чужіе товары....

Вотъ исторія моего знакомаго. Вспоминая о немъ, я цѣлую ночь не могъ сомкнуть глазъ.

Выйдя къ чаю, я встрѣтился съ отцомъ покойнаго. Старика подкатили къ чайному столу въ его креслѣ. Блѣдный разговоръ нашъ былъ прерванъ появленіемъ гостей.

Прибылъ изъ города гимназистъ, племянникъ Курбетова.

— А что новаго, панъ ученый?

— Ничего новаго, дяденька.

— А говорятъ, что въ городѣ завелась какая-то Кузубенчиха или Вайлиха?...

Здѣсь нужно пояснить слова стараго Курбетова. У Малороссовъ существуетъ особая градація живыхъ родовъ. Такъ напримѣръ, фамилія прадѣдовъ будетъ Вайло и Вайлиха; фамилія дѣдовъ превращается въ Вайленко и Вайленчиха; фамилія отца и матери становится уже — Вайленченко и Вайленченчиха, — дѣтей ихъ — Вайленя и Вайленевна, — а внуки уже будутъ Вайленчата.

— Не слыхалъ, дяденька, отвѣчалъ гимназистъ на вопросъ старика о Вайлихѣ.

— Да говорятъ, что она и кофе пьетъ, лукаво продол-

жалъ Курбетовъ, давно уже знавшій всю подноготную новой жертвы губернскихъ сплетней.

— А ну, панъ ученый, я тебя проэкзаменую. Говори за мною: Жидъ стригъ свинью....

— Жидъ стригъ свинью....

— Много было писку....

— Много было писку....

— Да мало шерсти....

— Да мало шерсти....

— Понялъ?... а?... И старый острякъ покатился со смѣху, веселье по самое темя. — Ну иди къ моей дочкѣ! Она и по-французски и по-англійски учена: она докончитъ твой экзаменъ.

Племянникъ ушелъ....

III.

ПЕЩЕРЫ КИЗИЛЬ-КОВА И ИМСТРЪ ДЖИНГЪ СЪ ИОНЕ.
ВЪ КРЫМУ.

Когда я впервые увидѣлъ заоблачныя террасы Чатырдага, я счелъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ. Изъ глазъ у меня сыпались искры, а съ конца пера самыя эксцентрическія рѣчи. Чатырдагу пришлось улыбаться отъ меня много восклицательныхъ словъ. Я говорилъ ему: „ты мачта Крыма-корабля“ — „ты надишахъ“ — „ты стражъ адама“ — „попирающій ногами тучи“ — „у тебя изъ облакъ выпита чалва“ — „ты драгоманъ созданія“ — „и землю, и людей, и громы — ты подостлать себѣ возмогъ“.... Видѣлъ ли я какую-нибудь долину или трещину въ скалахъ, и я превращался въ героя сонетовъ. Помню, что я даже продекламировалъ эти стихи:

ПЯЛГРЕНЪ.

.... И сквозь трещину земли —

Я заглянулъ въ все!...

Т. CIV. — Отд. I.

МИРЗА.

Скажи,

Что жъ видѣлъ ты?...

ПИЛЬГРИНЪ.

Мои видѣнья,

Мирза, по смерти расскажу;

Но для живыхъ я выраженья

Въ живыхъ рѣчахъ не нахожу.

Только вотъ въ чемъ дѣло: въ моихъ рѣчахъ къ-несчастью все обстояло благополучно; а изумлялся я безсилію моихъ глазъ.... Какъ я ни расширялъ своихъ зрачковъ, и какъ ни колесилъ по Чатырдагу, а не могъ сказать о себѣ съ господиномъ поэтомъ:

«Не вѣтся гдѣ орелъ, я тамъ стремилъ свой бѣгъ, —
«Я видѣлъ спящій громъ въ туманной колыбели».

Ни спяшаго грома, ни мѣста, куда бы не залетали орлы, я въ Крыму не видѣлъ, такъ точно, какъ не видѣлъ въ Бахчисарѣя ничего подобнаго этимъ стихамъ:

«Въ степи стоятъ умыль Гирей парскій домъ;
«На тѣхъ софахъ *эмля* сверкаетъ чешуей
«И скачетъ *саранга* по хранивъ пустой.»

Въ Бахчисарѣя во всѣхъ окнахъ есть стекла, во всѣхъ комнатахъ чисто и опрятно, и Бахчисарѣя стоитъ ереди ложбины, въ кругу высочайшихъ утесовъ.

Чатырдагъ — мѣсто истинно очаровательное. Я переправлялся черезъ него два раза. Въ первый разъ онъ былъ въ облакахъ и я ничего на немъ не видѣлъ. Во второй разъ онъ также былъ въ довольно-густыхъ облакахъ. Но я побѣдилъ себя и остался на немъ.

Уже предпоследняя его терраса поражаетъ взоръ непривычнаго. Дикая природа, завядшіе листья дубовъ и сосенъ, золотыя травы, блѣнопепельныя скалы утесовъ, изломанные пни пустынныхъ яблонь и сырой воздухъ, все это переносить воображеніе на сѣверъ. Вершины крымскихъ горъ — чистая Финляндія! Въ Крыму есть сѣверъ, но въ Финляндіи,

въ самое жаркое лѣто, я не видалъ и подобія нестерпимо-знойнаго юга полуденной Руси.... Между Ловизой и Борго я какъ-то скитался по одной горѣ. Время было въ июль, а я не могъ скинуть пальто, и переносился мыслью въ Петербургъ, вспоминалъ, какъ иногда, въ трескучій морозъ, выжется будто вся атмосфера улетучилась надъ Невоею и остался одинъ неизбѣжный холодъ; люди бѣгутъ, дыша прерывисто и покрываясь на-лету кристаллами инея; приземистыя лошадки извозчиковъ движутся какъ-то неровно, ударая, или скорѣе зигзагами; небо какъ-будто тоже вымерзло и до половины покрылось алымъ отливомъ; дымъ вышелъ изъ нѣсколькихъ рядовъ трубъ, протянулся лылово-кудрявымъ столбомъ кверху и вдругъ переломился, сталъ неподвижно въ страшно-разрѣженномъ воздухѣ, наполнился розовыми отблесками вечерней зари и уже снова превращается въ какіе-то алмазные цвѣты этого малахитоваго неба.... А противъ моего окна — на ледяной желѣзной крышѣ сидитъ ожесточившая ворона: она почти умираетъ съ-голоду; носъ ея жалобно раскрытъ, она качается, каркаетъ охрипшимъ горломъ и скользитъ по крышѣ, сдуваемая порывомъ такого страшнаго вѣтра, отъ одной идеи котораго я теперь, въ теплую погоду и на вершинѣ Чатырдага, готовъ лишиться чувствъ....

Долго я сидѣлъ на самой верхней точкѣ Палатъ — Горы. Туманъ заслонялъ отъ меня все окружающее. Вдругъ я замѣчаю, что въ одномъ мѣстѣ облака озолотились солнечнымъ лучомъ.... Кисейная туча, какъ искусственное облако въ фантастическомъ балетѣ, стала рѣдѣть, рѣдѣть, разрываться на легкія космы, приподнялась выше меня, отдернула свои послѣдніе, треугольные клочья — и вдругъ передо мною, въ безконечной перспективѣ, развернулась полоса Крыма, полоса самая художественная — Ногайская степь и Салгирская долина.... пространство верстъ на двѣсти....

Едва я успѣлъ впиться глазами въ это благословенное мѣстечко, и степь, какъ море, стала уходить передо мною въ даль; все тоньше и тоньше; набѣжало новое облако и остался въ прежней неизвѣстности.

Но я уже зналъ капризы Чатырдага, и облакамъ не дана въ обманъ. Скоро опять сталъ рѣдѣть одинъ уго-

локъ моего тумана. Нѣсколько отверстій засквозили по немъ, и голубые лучи солнца полились на-искось на обнаженные массы пепельнаго гранита... Зазеленѣлъ лѣсъ, разомъ сверкнули гребни утесовъ, и южный берегъ весь вышелъ изъ моря облаковъ — весь, и долины, и сады, и горы, и лѣса, и церкви, съ рядами колонновидныхъ кипарисовъ и тополей, и почтовая дорога, какъ желтая, лѣнивая змѣя, и небо, и страшно-далекое море — такое далекое, что небо передъ нимъ казалось одной изъ его свѣтлыхъ, стеклянныхъ волнъ....

Закусивъ самымъ прозаическимъ бутербродомъ и запивъ его самымъ поэтическимъ хересомъ, я отправился далѣе въ путь и скоро увидѣлъ желанный источникъ *Салмира*.

Всѣ ѣздить за нѣсколько десятковъ верстъ смотрѣть на рожденіе крымской Волги. И въ-самомъ-дѣлѣ, природа въ этомъ мѣстѣ очень замѣчательна. Въ расщелину двухъ совершенно обнаженныхъ красныхъ горъ, упала третья, разбилась на огромные утесы и образовала родъ навѣса надъ этою ложбиною; изъ-подъ нея, столбомъ, почти цѣлымъ колодезѣмъ, поднимается свѣтлая масса ключевой воды, выходитъ на поверхность земли, и вдругъ съ шумомъ и громомъ спадаетъ по долинѣ, рвется объ утесы, прыгаетъ по круглымъ камнямъ, наполняетъ воздухъ прохладою и бѣжитъ на сѣверо-востокъ, какъ синяя лента, нанизывая на себя по пути богатые плантаціи, села, виноградники, рощи розъ и кипарисовъ, и цѣлые города. Я подошелъ къ трехугольному гроту, изъ-подъ котораго бѣжитъ родникъ. Въ свѣтло-золотистой водѣ его чернѣло глубокое дно и медленно двигались серебряныя рыбки. Камень, который я бросилъ въ этотъ странный колодезь, шелъ необыкновенно долго до дна. Когда онъ коснулся земли, разомъ поднялась цѣлая куча пузырьковъ. Вода была очень холодна. Но вѣрный своему слову, я бросился въ нее, выкупался, освѣжилъ свою голову и набралъ воды еще въ дорожную фляжку; вода эта отправилась, вибѣсть съ послѣднимъ знакомъ на Чатырдагъ, съ нисхорскою розою и съ миртовой вѣточкой изъ Бахчисарая, въ то мѣсто и къ той особѣ, о которыхъ нужно знать только мнѣ одному.

Наконецъ я покинулъ горы. На зарѣ, вечеромъ, въ субботу, я кѣхалъ въ деревушку Кизиль-Кова.

Деревушка Кизиль-Кова, то-есть Красная-Пещера, расположена на скатѣ заоблачной горы Ямуръ-Хая. Качаясь на споконномъ татарскомъ сѣдлѣ, въ курчавой буркѣ и въ фуражкѣ *chasseur d'Afrique*, я шагомъ подвигался по узкой улицѣ. Вечернія тѣни уже ложились на окрестныя горы. Я давно ощутилъ поводья. Лошадь моя бережно ступала съ камня на камень, ошупывая каждую песчинку и весело глядя своими умиными глазами... Она чула близость ночлега и подалочную порцію ячменю.

Татарская улица — это цѣлый русскій журналъ. Чего тутъ нѣтъ? И поражающая смѣсь плохого и смѣшнаго, и отсталыя картины старины, и пѣсни полногрудой Сальге-Бичечъ, атой блѣднолицой Татарки, въ красныхъ шальварахъ, въ синей курткѣ, съ жаднымъ взглядомъ и съ художавымъ ребенкомъ у смуглой груди; и орѣховая скорлупа, вмѣсто корыта хрюкающихъ тварей, попавшая вамъ подъ ноги; и ошьяняющій табакъ, развѣшанный желтыми пачками на длинныхъ жердахъ, отъ плетня къ плетню, такъ-что если вы хотите итти далѣе, то нужно сперва приподнять эти жерды, а потомъ уже итти своимъ путемъ и никакъ не сердиться на эту китайскую простоту, потому-что вамъ придется еще удариться коленнымъ о тумбу фонтана, умѣстившагося какъ-разъ среди улицы, которая вся шириною менѣе трехъ шаговъ, и въ заключеніе всего очутиться по поясъ въ грязи! Нѣтъ!. Athenaeum и Невскій Проспектъ лучше татарскихъ улицъ.

Дорога, по которой я пробирался, безпрестанно перерывалась горными ручейками. По туземному обычаю, у каждаго ручейка я долженъ былъ позволять моему коню пить сколько душѣ угодно. По бокамъ дороги тянулись колючіе плетни, увѣшанные звѣвьями вѣтвей дикой шелковицы, — и я не оставался въ долгу у моей лошади: когда она пила, я протягивалъ съ сѣдла руку, рвалъ ягоды и ѣлъ ихъ до того, что скоро разболѣлись у меня и языкъ и губы. За плетнями Татары сбивали длинными, бѣлыми жердями волошскіе орѣхи.

Проводникъ мой сталъ торопить меня. Узкая улица сдѣлалась нестерпимо крутою. Я почти съѣзжалъ на шею лошади. Татарскія сакли тоже будто не вытерпѣли висѣть рядомъ, надъ глубокою долиной, и съехали одна на другую. Иная торчала на такой рыхлой глыбѣ песчаника, что, казалось, одного толчка колеса скрипучей арбы достаточно было, чтобъ она перевернулась вверхъ дномъ и засыпала обломками свою нижнюю сосѣдку; а между-тѣмъ на крышахъ обѣихъ спокойно лилась татарская беззаботная жизнь.... На плоской кровлѣ верхней сакли сидѣлъ, поджавъ ноги, толстый Сейдъ-Ахметъ-Кара-Свадетъ-Унеръ и на длинной, длинной палкѣ отбивалъ тупымъ ножомъ число снятыхъ кадокъ кизила; а на кровлѣ нижней сакли лежала тучная красавица — жена набздника Гассана, и осипшимъ отъ извѣстныхъ причинъ голосомъ совѣтовала своему осьмимѣсячному ребенку не лазить въ кузовъ съ арбузами и орѣхами, а то, по ея понятію, и ребенокъ могъ покатиться кубаремъ на улицу и ей могло достаться отъ сварливаго Гассана.

Какъ бы то ни было, а тѣснота, пестрота и другая красота восточныхъ улицъ, осленки съ глупыми глазами и мутнымъ цвѣтомъ своей ослиной шерсти, фонтаны, кустарники хмѣля и устрицъ, дѣвочки въ косичкахъ по плечамъ, въ красныхъ фескахъ, съ открытыми отъ изумленія ртами и толстые, хорошенькіе мальчики въ бархатныхъ шапкахъ — все это нестерпимо утомило меня, и я, почти дремя на сѣдлѣ, въѣхалъ на сырой дворъ кофейной Кизиль-Кова....

Проводникъ мой обрадовался, когда я сказалъ ему, что онъ мнѣ нуженъ столько же, сколько нужно Жиду „малороссійское сало“, и отправился къ своимъ знакомымъ. Я остался одинъ. Въ моей комнатѣ горѣла жалкая салная свѣча. Я ее погасилъ, заверъ дверь и скоро крѣпко заснулъ на сололенномъ походномъ матрацѣ.

Мнѣ снились гиль и чепуха. Возволнованная кровь дѣйствовала всѣми силами. Со мною случился родъ припадка сомнамбулизма. Поию, что въ глухую полночь я почувствовалъ передъ глазами рѣзкое сіяніе. Смотрю — я во снѣ зажегъ свѣчу и стою съ нею въ одномъ изъ угловъ комнаты.... Я опомнился, погасилъ опять свѣчу и вышелъ на улицу.

Чудная ночь сіяла въ полномъ блескѣ. Прохладный воздухъ медленно струился. Земля была смочена легкимъ дождемъ набѣжавшей тучки, которая вонъ-тамъ нагнала мѣсяцъ и такъ ловко перерѣзала своею тонкой лентой его круглый ликъ, что онъ казался головкой хорошенькой блондинки, играющей въ жуурки.... Сады благоухаютъ, какъ-будто всѣ они созданы изъ лепестковъ розъ и опьяняющихъ жасминовъ. Я встрепенулся. Слухъ мой поразили звуки меланхолической пѣсни....

Звуки пѣсни ночью какъ-то особенно тоскливо хватаютъ за сердце! Тутъ и плакать хочется, и жаль дѣтства своего невозвратнаго, и душа болитъ, и любовь какъ-будто доступнѣе бѣдному, разбитому сердцу, и цѣли жизни яснѣе испуганному воображенію, и грудь разрывается отъ такой страстной и млѣющей тоски, что если бъ не перо и не бумага, такъ не зналъ бы, кажется, куда и дѣваться.

Звуки заслышанной мною пѣсни слетали съ кровли покосившейся сакли, изъ чащи небольшого платановаго сада. Эти звуки были нѣсколько слабы и пѣлись слегка въ носъ. Но они дѣйствовали на меня невыносимо. Слушая, какъ они трепетали и будто наполнялись удушливыми воплями, я сжималъ въ волненіи кулаки. Миѣ казалось, что никто кромѣ меня не слушаетъ этой пѣсни; а она могла рождаться только въ устахъ красавицы изъ красавиць.... Но прерываясь и не переходя въ пеструю фіоритуру, тянулись тоны свѣжей и ароматной мелодіи; иногда только они дотога стихали, что казалось, будто эти гармоническія паутинки плель какой-то воздушный призракъ, и я въ волненіи вытягивалъ шею, боясь обронить и одинъ звукъ этой таинственной пѣсни. И тутъ же неожиданно поражалъ меня страстный взрывъ мелодіи: сильная и твердая нота росла неимоверно, росла быстро и ровно, и плавно летѣли ноты, наполняя сонный воздухъ темной деревушки. Такъ, когда-то, я шелъ узкой тропинкой по морскому берегу близъ Гельсингфорса, — и такъ же точно былъ пораженъ звуками органа одной изъ лѣтнихъ тамошнихъ дачъ; громкая и дрожащая музыка внезапно полилась съ утеса черезъ долину, на мою голову, и я былъ подавленъ и очарованъ ею.

Кто же пѣлъ такъ чудно въ Кизиль-Кова? Кто такая была эта невидимая пѣвица? думалъ я, возвращаясь уже на зарѣ въ свой „хаве“ и все-еще вслушиваясь въ замолающую даль. Я уже составилъ въ умѣ своемъ идеалъ пѣвицы: по тонкому голоску ея я придавалъ ей самую тонкую красоту! Съ нетерпѣніемъ дождался я дня и отправился къ замѣченной мною сакль, рѣшась, во что бы то ни стало, хоть увидѣть крымскую Гризи. Желтая и косматая старуха сидѣла на крыльцѣ сакли, смотря единственнымъ глазомъ своимъ въ открытую и засаленную книгу алкорана. Морщинистыя щеки ея дотогѣ обвисли, что совершенно скрывали ея черствую шею. Бородавка съ двумя гигантскими сѣдинами торчала у ея ослабшаго глаза.... Губы ея шевелились, кривыя ноги висѣли изъ-подъ шерстяной, желтой пародии шальварь, и платокъ съ головы окончательнo съѣхалъ на одно изъ ея красныхъ ушей. Я скользнулъ мимо ея.

— Что тебѣ нужно, господинъ?

— Пусти меня....

— Фай-фай-фай!... Не годится, не можна такъ....

— Скажи, кто у тебя пѣлъ тутъ вчера цѣлую ночь?

— Какъ пѣлъ цѣлую ночь?... Я пѣлъ цѣлую ночь, господинъ.... баринъ, отвѣчала она.

Но я уже бросилъ старуху и издали только слышалъ, какъ она, ворча и съ сердцемъ перебирая желтыя, какъ могильная кость, листы корана, говорила себѣ подъ носъ: „какъ пѣлъ цѣлую ночь?... Я пѣлъ цѣлую ночь, — я пѣлъ, господинъ.... бааринъ“....

Мой проводникъ явился ко мнѣ только въ полдень и съ самою нѣжною улыбкою, что впрочемъ никакъ не мѣшало ему быть мертвецки пьянымъ, объявилъ мнѣ, что онъ былъ у пріятеля Зейнепа Еянова, гдѣ ѣлъ баклажаны съ перцемъ, и что въ двухъ стахъ шагахъ отъ этой деревни есть пещеры, а въ пещерахъ озеро, которое идетъ подъ горами на двѣсти верстъ и впадаетъ въ море близъ Феодосіи.

Я объявилъ желаніе осмотрѣть пещеры, и ко мнѣ явилась цѣлая куча ребятнишекъ, длинно-ногихъ пастуховъ и даже стариковъ! я былъ очень радъ этой веселой компаніи; но послѣ узналъ, что каждый изъ этихъ господъ былъ мовиъ

проводникомъ и потому имѣлъ полное и неоспоримое право на одинъ изъ моихъ полтинниковъ.

По совѣту моего пьянаго, но не потерявшаго своего сознания проводника, я взялъ съ собою шесть стеариновыхъ свѣчъ и кучу хвороста. Гора Ямуръ-Хая, въ которой находится пещеры Кизиль-Кова, примыкаетъ къ южной горѣ Яму. Она пересѣкается внутри двумя ярусами пещеръ. Оба яруса сходятся въ самой глубинѣ ея, и на мѣстѣ ихъ соединенія рождается быстрый источникъ. Имя верхнихъ пещеръ — Ель-Кова, нижнихъ — Хараныхъ-Кова.

Уже у самаго входа я долженъ былъ свернуться въ самую маленькую фигуру, чтобы пролѣзть въ пещеры; но чѣмъ далѣе шли мы, тѣмъ препятствія увеличивались. Сталактиты, наполняющіе пещеры, дотогу суживали ихъ, что оставалась одна возможность подвигаться впередъ: лечь на грудь, вытянуть и ноги и руки и ползти, какъ ползаютъ лягушки. Такъ путешествовали мы почти съ четверть часа! Наконецъ своды пещеръ раздвинулись и мы очутились въ гротъ, раззонъ отразившемъ тысячи огней; кристаллическія массы представляли самыя странныя фигуры; они походили и на вѣтвистые или деревьевъ, и на классическія колонны, и на людей, и на звѣрей. Но вотъ бѣда: цѣлые тысячи летучихъ мышей напали на наши свѣчи и доминутно гасили ихъ! Мы поспѣшили далѣе. Послѣ нѣсколькихъ минутъ быстрой ходьбы, мы пришли въ такое мѣсто, гдѣ уже не было не только летучихъ мышей, но и никакихъ другихъ живыхъ существъ; все здѣсь было дико, сыро, глухо и темно; закопѣлые своды дышали страшною древностью; гнилой и тяжелый воздухъ напоминалъ собою могильные погреба. Чтобы идти далѣе, нужно было миновать сперва пространство, наполненное стоячею водою. Вода эта, проникшая сюда вѣроятно сверху, сквозь рыхлые своды, стояла здѣсь, быть можетъ, уже не одно тысячелѣтіе. Она была до того прозрачна, что прикоснувшись къ ея поверхности свѣчю, я увидѣлъ отраженіе ея и тутъ только убѣдился, что это не воздухъ, а чистѣйшая вода. Дожидъ парень предложилъ мнѣ свои плечи и перенесъ меня на другую сторону этого подземнаго озера. Мы вышли на бархатистый песокъ и, пройдя шаговъ двѣсти, остано-

лись въ изумленіи. Колоссальная' пещера раскинулась надъ нами. Ея прозрачные своды, отражая огонь нашихъ свѣчей, блистали миллионами алмазовъ. Я разложилъ костеръ изъ хворосту.... Дымъ легкой струйкой потянулся къ куполу сталактитовъ, и пурпурный блескъ окрасилъ мрачныя скалы и углы пещеры.... Всѣ смолкли.... И вдругъ вдали раздались серебристые звуки падающей воды.... Чѣмъ болѣе стихали мы, тѣмъ громче раздавался шумъ недалекаго водопада, а поразительная картина наполняла насъ всѣхъ непонятнымъ восторгомъ.... Я отошелъ отъ огня ближе къ звукамъ водопада, такъ сурово и вѣстѣ отрадно разстилавшимся подъ сводами нашей пещеры.... Одинъ Татаринъ вскрикнулъ и захопалъ въ ладоши. Другой присоединился къ нему, и вдругъ вся толпа схватилась за руки и съ визгомъ стала вертѣться и плясать вокругъ огня. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Древность вставала передо мною изъ темныхъ и сырыхъ могилъ подземной галереи.

Дымъ скоро напомнилъ намъ о нашемъ путешествіи. Мы пошли далѣе. Шаговъ черезъ пятьдесятъ, шумъ водопада уже заглушалъ и наши голоса и наши крики. Мы подошли къ камню, изъ-подъ котораго въ черной треугольной ямѣ закипала вода и съ неимоверною силою бросалась внизъ по скользкой гранитной подосѣ земли.... Бездна чернѣла у насъ подъ ногами. Заглянувъ въ нее, я перевѣсился и бросилъ въ отверстіе ея стеариновую свѣчу. Свѣча быстро полетѣла и скоро исчезла изъ глазъ нашихъ, но вѣроятно не погасла и еще долго летѣла внизъ, пугая своимъ появленіемъ темныя пространства подземнаго водопада.

Вырѣзавъ свое имя на обломкѣ разбитаго известняка, я пошелъ назадъ. Но когда мы приблизились къ озеру, черезъ которое меня перенесли на плечахъ, я, въ разсѣянности, избралъ для новой переправы спину пятидесятилѣтняго Аблы, и, какъ нужно было ожидать, на самой серединѣ озера вѣстѣ съ худымъ Аблюю погрузился въ воду съ головой.... Меня вытащили. Но паденіе наше сильно всплеснуло воду и погасило разомъ всѣ пять свѣчей. Спичекъ съ нами не было.... Мы очутились въ страшной темнотѣ....

Нужно было идти тѣмъ же пещерами, гдѣ мы битыхъ чет-

верть часа ползли, какъ ползають лягушки, а мое платье было все мокро, изъ сапоговъ струилась грязь. И самая шея не спаслась отъ холодной воды пещерь. Меня обдавалъ то жаръ, то ознобъ. Впереди у меня была горячка или по-крайней-мѣрѣ та крымская лихорадка, отъ которой человекъ сверья безпробудно спитъ часъ, потомъ два, потомъ сутки, потомъ двое сутокъ, а потомъ уже и вовсе не просыпается, и я умолялъ Татаръ спасти меня. Изъ моихъ притихшихъ проводниковъ нашелся одинъ, который сказалъ, что нужно снова перейти озеро, и что за нимъ онъ знаетъ выходъ, черезъ который мы въ пять минутъ выйдемъ на чистый воздухъ. Мы снова перешли въ бродъ озеро, вышли на берегъ и въ-самомъ-дѣлѣ скоро пришли къ выходу. Тутъ опять бѣда: выходъ этотъ оканчивался отвѣсною скалою саженъ въ пять....

Всѣ ахнули отъ ужасу. Но тутъ я нашелся — велѣлъ имъ скинуть и связывать пояса, и на этомъ канатѣ мы всѣ спустились съ горы. Я сѣлъ на лошадь, пустилъ ее въ карьеръ и, пока прискакалъ къ своему „хаве“, платье мое высохло. Я никакъ не подозрѣвалъ, что это одно только спасаетъ меня отъ лихорадки. Сверхъ ожиданія, выкупавшись такъ хорошо въ Кизиль-Кова, я не получилъ даже легкаго насморку.

И какъ я былъ еще вознагражденъ за свое приключеніе? Уже подъѣзжая къ „хаве“, я замѣтилъ у крыльца его щегольской тарантасъ.... Въ комнатѣ меня встрѣтили двое незнакомецевъ: это были чистые *Англичане*, лорды и записные путешественники. Вечеръ, который я провелъ съ ними, надолго останеца въ моей памяти. Поэтому, позвольте васъ познакомиться и съ мистромъ *Джинглемъ* и съ мистромъ *Уинклемъ*, его спутникомъ. Оба Англичанина носили другіе имена, но для насъ они будутъ мистры Джинглъ и Уинклъ.

Мистръ Джинглъ человекъ высокаго роста, весельчакъ, съ римскимъ или скорѣе съ Моцартовскимъ носомъ, съ рѣдкими, власянистыми кудрями, съ сахарной улыбкой, и въ короткомъ клѣтчатомъ пальто, котораго карманы помѣщаются на сани; онъ очень вѣжно, даже вяло жметъ вамъ руку; старается не говорить по-французски, а говоритъ только на языкъ выпрезнаго автора „Сарданапала“ и „Лары“, потому-

что онъ вѣсто *beadsrip* говоритъ *бюку* и вѣсто *debedes* и *схартаи* говоритъ *дебеде* и *чамена*; наконецъ у него очень бѣлые зубы, румяныя и смуглыя щеки и очень замѣчательный даръ слова. Мистръ Уинклъ человекъ роста средняго, носа толстаго, лица рябаго, волосъ щетинистыхъ и длинныхъ, съ злою и тупою физиономіей, глаза ебрыхъ и спиртука до пятокъ; онъ страшно коверкаетъ и французскій и нѣмецкій языки и заикается на каждой согласной и даже гласной буквѣ; онъ долгое время сидѣлъ худенькой спичкой у окна и молчалъ; я принялъ его за подержаннаго франтика, безсильнаго и совершенно ничтожнаго. Но вдругъ однажды его сладенькій товарищъ обратился къ нему, безъ — сомнѣнія по-англійски, такую сладенькую рѣчь:

— Вы, саръ, знатокъ древностей, — какъ имя капитана — онъ открылъ на Родъ-Эйландѣ — помогаетъ разъяснить исторію Америки!...

— Капитанъ Веббъ! закричалъ мистръ Уинклъ такимъ голосомъ, что я разомъ переѣнилъ свое мнѣніе о способности его груди. Ночью, отходя на покой, я подалъ ему руку, осторожно обнимая его худые пальцы, съ намѣреніемъ не повредить ихъ. Но мистръ Уинклъ такъ сжалъ мнѣ руку, что у меня потемнѣло въ глазахъ и я чуть не упалъ въ обморокъ. Это все я говорю съ намѣреніемъ очертить личности двухъ англійскихъ путешественниковъ.

Мистръ Джинглъ встрѣтился съ мистромъ Уинклемъ въ Петербургѣ, въ съѣдномъ базарѣ Пассажа, полюбилъ его за какую-то отчаянную англійскую выходку, и съ-тѣхъ-поръ путешествуетъ съ нимъ вѣстѣ по Руси. До этой встрѣчи, мистръ Джинглъ ѣздилъ по свѣту одинъ и, слѣдовательно, одинъ издерживалъ ежегодно свои сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Мистръ Джинглъ окончилъ курсъ въ кэмбриджскомъ университетѣ, по камеральному факультету, гдѣ впродолженіи четырехъ лѣтъ каждый день портилъ разными сластями желудки своихъ товарищей и до синяковъ избивалъ бока своихъ слугъ, боксеровъ ех-офиціо. Потомъ, въ коричневой курточкѣ и съ колоссальными воротниками, объѣхалъ онъ Испанію, Рейнъ и Францію. На одномъ изъ митинговъ въ своемъ

вадильскомъ герцогствѣ, онъ какъ-то напился до непости-
тельности, и заглушая крики противной партіи, изумилъ все
общество слѣдующею рѣчью: „Благородные лорды и джентль-
мены Англій, отечество — душа, свѣтъ — наука, путешествіе
— книга, гиней — азбука.... У меня много гиней, я все увижу;
мистеръ Понкертонъ напечатаетъ — по пенсу брошюрка —
знать лорды Соединенныхъ Королевствъ!“ И съ этой рѣчи
мистеръ Джингль не даетъ себѣ отдыха. Пять лѣтъ скитался онъ
по Тихому — Океану, въ Новой-Голландіи и въ обѣихъ Во-
сточныхъ-Индіяхъ. Въ эти пять лѣтъ онъ однажды только
бывалъ въ Англій.

Сидя послѣ долгаго странствія у камина своего пустынного
займа, онъ перебиралъ бумаги своихъ путевыхъ записокъ....
Грустная улыбка раздвинула его наморщенные брови. Онъ че-
го-то не видалъ на одной изъ горъ острова Цейлона, и
географія, которую онъ держалъ въ рукахъ, упоминала это
мѣсто.... Путевыя записки полетѣли въ огонь, и мистеръ Джингль
снова потхалъ въ Южную Азію. Вторая поѣздка его чуть не
окончилась трагедіей. Пиратскій катеръ Канибаловъ столкнулъ-
ся съ кораблемъ, на которомъ были Джингль и его собака....
Мистеръ Джингль купилъ собаку въ Калькуттѣ, потому-что ея
физиономія была похожа на физиономію одного изъ его зна-
комыхъ.... Канибалы погнались за европейскимъ кораблемъ,
и если бъ не случайный порывъ вѣтру, который мгновенно
удалилъ ихъ отъ пиратовъ, мистеръ Джингль вѣсто бѣсѣды
со мною, давно былъ бы на ужинѣ коромандельскихъ дика-
рей. Это порядкомъ пугнуло храбраго Джингла и онъ воз-
вратился въ Англію во второй разъ, давъ себѣ слово не
предпринимать новаго путешествія. Жизнь его потекла сре-
ди обычныхъ англійскихъ митинговъ и англійскихъ „умизъ“
или странностей. Онъ жилъ въ двадцати шагахъ отъ Лон-
дона и по цѣлымъ мѣсяцамъ не бывалъ въ немъ ни ногой.
Слугъ своихъ онъ одѣлъ въ ливрей, сдѣланныя изъ настоя-
щаго манчжурскаго сукна и съ четверугольными китайскими
пуговицами. На каждомъ предметѣ въ домѣ, на сбруяхъ ло-
шадей, на ошейникахъ собакъ, онъ велѣлъ выставить ния:
„Бензагъ“ — такъ называлась одна повоголландская особа, съ
которой мистеръ Джингль былъ когда-то въ довольно пріят-

ныхъ отношеніяхъ. Въ лондонскую оперу онъ два раза приѣхалъ въ тюлевомъ фракѣ и въ каретѣ тѣлеснаго цвѣту. Среди самаго патетическаго дуэтта „Нормы“, онъ однажды вышелъ изъ ложи и сталъ разспрашивать своего лакея о завтрашнемъ объѣдѣ. Поутру въ огромномъ фельетонѣ „Таймзъ“ была напечатана объ этомъ важная диссертація. Въ концѣ диссертаціи сказано, что мистръ такой-то „очень странный человѣкъ“.

Нынѣшнею весною мистръ Джингль читалъ случайно старинный номеръ „Edinburgh-Review“, гдѣ была напечатана длинная статья о Россіи. Мистръ Джингль ударилъ себя по лбу, велѣлъ закладывать коляску, и черезъ пять часовъ уже шылъ на пароходѣ по пути въ Копенгагенъ. Въ Копенгагенѣ онъ узналъ, что надъ его головой, въ Швеціи, есть писательница Фредерика Бремеръ, а въ Финляндіи водопадъ Иматра... Поэтому онъ повернулъ на Сѣверъ и черезъ Швецію, гдѣ вмѣсто Бремеръ узналъ окрестности Стокгольма, и черезъ Финляндію, гдѣ побывалъ въ полуверстѣ отъ Иматры и нарочно на самый водопадъ не поѣхалъ, — прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ осмóтрѣлъ все замѣчательное, и Александринскій театръ, и Волковы-бани, и Сѣнную площадь, и съѣстной базаръ Пассажа, и слушалъ русскую оперу... Изъ Петербурга, уже съ мистромъ Уинклемъ, проѣхалъ онъ черезъ Москву въ Нижній-Новгородъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ получилъ посланіе отъ какого-то русскаго литератора и ученаго, который славилъ его за то, что мистръ Джингль купилъ въ Москвѣ, на Ильинкѣ, подъ круглыми воротами, до двухъ сотъ суздальскихъ лубочныхъ картинокъ, снялъ внутренний планъ московскаго гостиннаго двора и очень хвалилъ сайки у Тверской заставы.

Описываю дальнѣйшее странствованіе мистра Джингла и К°. Какъ истинный Британецъ, мистръ Джингль нанялъ въ Нижнемъ-Новгородѣ барку и на ней двадцать девять дней ѣхалъ по Волгѣ въ Астрахань... На барку онъ оставилъ свой тарантасъ, во время всего пути не выходилъ изъ него и то и дѣло твердилъ: „Волга красивѣе Рейна — Рейнъ узокъ, какъ нѣмецкая голова. — Волга — чудо, Волга — прелесть, goddem“! — Кромѣ молчаливаго Уинкля, съ мистромъ Джинглемъ ѣхалъ еще русскій лакей, знавшій отлично француз-

скій языкъ. По приказанію Джингля, онъ вездѣ освѣдомлялся о туземныхъ сказкахъ, пѣсняхъ и повѣрьяхъ, и вотъ почему я выписываю изъ книги мистра Джингля, подъ его собственную диктовку, слѣдующую новую волжскую пѣсню. Это пѣсня бурлаковъ. Она еще не вполнѣ сложилась. Въ чемъ мѣстѣ поютъ изъ нея только это трехстишіе :

- Какъ шелъ чудо-паровозъ, паровозъ!
- Ужъ и што да таково, паровозъ?
- Парой везъ онъ, парой дожикъ лошадей....

Въ другомъ мѣстѣ къ этимъ стихамъ прибавляютъ еще слѣдующіе :

- Какъ заржалъ-та! охъ! заржалъ бѣдовый конь,
- Изъ поздрей летить и пышиитъ огонь....
- Занорили чудодѣла коня!
- А кричатъ онъ: вавонте вы мезя!».

Наконецъ, подъ Рыбинскомъ, гдѣ охотникъ до русскихъ пѣсенъ и списалъ это рукою своего лакея, поютъ всѣ семь вышеприведенныхъ стиховъ и къ нимъ прибавляютъ еще новые :

- Размотался тяжъ гужовый на спивѣ,
- А сѣдка подгорѣла на огнѣ!..
- Ай, люли, люли, шелъ чудо-паровозъ!
- Шелъ по Волгѣ-рѣчкѣ парюю колесъ....
- Шелъ безъ вѣтру, безъ дороги, по водѣ, —
- Внизъ по Волгѣ, внизъ по матушкѣ-рѣчкѣ». —

Изъ Астрахани мистръ Джингль проѣхалъ въ Керчь, а изъ Керчи въ Кизиль-Кова, гдѣ мы съ нимъ и встрѣтились. Мистръ Джингль получилъ въ Керчи подарокъ отъ одного изъ тамошнихъ антикваріевъ. Подарокъ этотъ состоялъ изъ маленькаго стеклянаго флакончика, древней слезницы, служившей крымскимъ Гречанкамъ сосудомъ для собиранія слезъ, которыя ставились съ другими драгоценностями въ могилы ихъ мужей. Мистръ Джингль качалъ флакончикъ и увѣрялъ меня, что надъ его до-сихъ-поръ сохранились классическія слезы Гречанокъ. Я изъявлялъ сомнѣніе въ дѣйствительности этихъ слезъ...

Мистръ Джингль значительно кивнул мистру Уинкль. Оба джентльмена горько улыбнулись. Передъ моиими глазами снова очутилась рука мистра Джингля; въ ней лежала стальная цѣпочка, сдѣланная однимъ устюжскимъ мужичкомъ: цѣпочка состояла изъ восемьсотъ стальныхъ висячихъ замочковъ, для которыхъ тутъ-же висѣлъ одинъ микроскопическій ключикъ, въ восемьсотъ замочковъ запирались и отпирались этииъ ключикъ. Уинкль увѣрялъ меня, что мистръ Джингль заплатилъ за эту цѣпочку — на русскія деньги — сто цѣлковыхъ. По поводу этого я рассказалъ ему известный классическій анекдотъ. Къ Александру Филипповичу Македонскому привели Грека, который безошибочно, на двадцать пять шаговъ, попадалъ горошину въ отверстіе величиною съ горошину. Всѣ видѣли изумленіе царя и думали, что онъ осыплетъ фокусника неисчислимыми милостями. Дѣло рѣшилось тѣмъ, что Александръ приказалъ выдать Греку четверникъ отборнаго гороху....

Англійскіе джентльмены вспыхнули и пришли въ негодованіе. Мистръ Джингль отперъ ящикъ автографовъ и съ торжествомъ показалъ мнѣ клочокъ исписанной бумаги и пожелтѣвшее гусиное перо. Клочокъ бумаги былъ денежный счетъ Боршнянскаго, а перо — то самое перо, которымъ, по слову мистра Джингля, Пушкинъ на-было переписалъ своего „Бориса Годунова“..... На этотъ аргументъ я не возражалъ и разстался съ джентльменами по-джентльменски.

IV.

ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА.

Не знаю, право, куда мнѣ укрыться отъ моей сантиментальности? Сознаніе, что я относительно счастливъ и относительно спокоенъ, не даетъ мнѣ средства забыть товарищій моей деревенской жизни; училищныхъ товарищій я вижу очень часто, въ Москвѣ и въ Петербургѣ — слѣдовательно они въ отношеніи ко мнѣ могутъ быть совершенно спокойны... Нѣтъ; друзья моего дѣтства, эти свѣжіе, загорѣлые мальчишки,

въ ситцевыхъ рубашонкахъ и въ истоптанныхъ башмакахъ, мальчики, которые меня ежеминутно щипали и обманывали и которыхъ мнѣ такъ часто ставили въ примѣръ; съ которыми я лазилъ въ грязный прудъ, собиралъ вишневый клей и землянику, съ которыми жизнь была свѣжѣе украинскаго утра — вотъ кого я не могу оторвать отъ моихъ далекихъ воспоминаній.... Были у меня товарищами и дѣвочки; съ ними я игралъ въ куклы, вязалъ чулки и вышивалъ по канвѣ; но дѣвочки эти не похожи на моихъ мальчиковъ. Онѣ теперь уже повзрѣлы. Одною я увлекся и недавно поѣхалъ къ ней съ визитомъ. Но.... я заговорилъ о чувствахъ, — а Тѣша приняла мои слова за сердечное объясненіе, за предложеніе ей „всего себя на цѣлый вѣкъ“ — и покраснѣвъ какъ піонъ, сквозь слезы отвѣчала мнѣ: „я буду согласна, только, какъ маменька скажутъ!“ — Въ другой разъ я просто и откровенно сказалъ ей: „позвольте поцѣловатьъ вашу ручку“; Тѣша мнѣ отвѣчала, присѣвъ и улыбаясь: „у васъ своя есть“! Наконецъ, уѣзжая, спросилъ я ее съ истиннымъ сожалѣніемъ: „какъ ваше здоровье“? — „А вамъ какое дѣло“? отвѣчала мнѣ моя бывшая суженая.

Да, я люблю вспоминать своихъ товарищей — мальчиковъ. Какъ жизнь ихъ измѣнилась послѣ нашей разлуки! Напримѣръ одинъ изъ нихъ былъ нашъ дворовый человѣкъ. Я до сихъ поръ помню его черные глаза и курчавую голову. Онъ первый выучилъ меня играть въ бабки и первый посадилъ на старую отцовскую лошадь. По цѣлымъ вечерамъ просиживали мы съ нимъ въ углу дѣтской; онъ зналъ бездну украинскихъ сказокъ и говорилъ, какъ по писанной книгѣ. Онъ вѣчно снабжалъ меня сырыми яблоками и кочанами свѣжей капусты. Однажды даже я забрался на село, къ его отцу, и тамъ наѣлся каши и варениковъ, которыхъ дома у насъ никогда и въ ротъ не брали. Онъ былъ очень злой и истительный мальчикъ, но съ большимъ музыкальнымъ дарованіемъ, въ высшей степени впечатлительная натура и трусъ. Однажды мы всѣ уѣхали къ сосѣдямъ. Его заставили топить печь въ портретной комнатѣ. Ребенокъ разложилъ огонь, спокойно угнѣздился передъ нимъ и началъ напѣвать какую-то пѣсню. Звуки его голоса странно отозвались въ опустѣвшихъ комна-

такъ двухъ-этажнаго дома.... Онъ оробѣлъ и поднялъ взоръ всторону.... Три ряда фамильныхъ портретовъ глядѣли на него во всѣ глаза! Мальчикъ вскочилъ и хотѣлъ убѣжать.... Но вдругъ странная мысль мелькнула въ его головѣ. Онъ положилъ желѣзную кочергу въ печь, раскалилъ ее до-красна и выжегъ ею глаза всѣмъ своимъ предкамъ! Много было хлопотъ, пока эти портреты снова очутились съ глазами. Мой любимецъ поступилъ въ дворовый пѣвческій хоръ. Но тоска взяла его за нотами и гаммами. Онъ чувствовалъ въ себѣ зародышъ чего-то лучшаго, призваніе какого-то неяснаго творчества, и кончилъ тѣмъ, что вздумалъ учить воробьевъ пѣть по перепелиному.... Вслѣдствіе этого онъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ, лазилъ по крышкамъ и вынималъ изъ гнѣздъ маленькихъ воробьевъ.... Судьба горько подшутила надъ моимъ любимцемъ. Однажды онъ взобрался подъ крышу каретнаго сарая и, уцѣпившись за хворостину, запустилъ руку въ воробьиное гнѣздо. Палка лопнула, онъ стремглавъ полетѣлъ на экипажи и былъ поднятъ чуть-живой, истекая кровью. Впрочемъ его взялъ къ себѣ одинъ нашъ сосѣдъ, вылечилъ и сдѣлалъ своимъ библіотекаремъ. Мой бывший товарищъ до-сихъ-поръ не знаетъ грамоты, но за то очень растолстѣлъ, и носить косматыя и колоссальныя бакенбарды....

Главнымъ товарищемъ моимъ въ дѣтствѣ былъ Коля, сынъ добраго нашего сосѣда Юдзиньскаго.

Теперь моего товарища нѣтъ уже въ сосѣдней деревушкѣ. Богъ вѣсть, гдѣ носить его капризная судьба. И грустно мнѣ, когда я, вспоминая его, вспоминаю дни моего невозвратнаго дѣтства...

А весело было мальчику ничего не дѣлать, бѣгать съ утра до ночи подъ открытымъ небомъ и замѣчать, что дѣлается вокругъ него и какъ живутъ люди его родимаго села....

И я замѣчалъ, замѣчалъ столько, что теперь и не припомнишь.... Помню весну, помню, какъ любо было мнѣ глядѣть на отогрѣтую землю.... Солнце печетъ невыносимо; волю у забора грѣютъ свои спины; отъ вошедшаго въ комнату кучера пахнетъ свѣжестью.... Вездѣ желтыя лужи, вездѣ вода, по которой стелется голубая паутина, едва проле-

цать надъ ней вѣтерокъ... Степь снѣдетъ, какъ разливанное море! Рѣка одѣвается въ зеленые тростники... А вотъ и „вирій“^а начинается: летать лебеди, летать синицы, журавли и дикія утки.... Я стою на курганѣ, среди нашего двора, и стрѣляю въ нихъ изъ дубоваго лука; а грудь и плечи обвѣваетъ прохладная вода вѣтра.... Воробьи прыгаютъ по лужамъ, ползутся, трепещутъ крылышками и съ громкимъ чиликаньемъ, цѣлыми тучами улетаютъ на крышу конюшни.... все дышетъ, все полно радости!

А вотъ и садъ зазеленѣлъ. Ландыши смѣнились исопомъ. Вилли окунулись медовымъ запахомъ и бѣлыми лепестками. Яблоня вся превратилась въ ватовую куколку: дотога осыпалъ ее плодородный цвѣтъ!... Въ ближней гушѣ кленовъ и ясеней цѣлый день кричитъ иволга: *брось сами, возьми оза!*... И чуется уже жаркое лѣто!

Лѣто настало....

Скошенная степь просвѣчиваетъ черноземомъ; по немъ золотыми пятнами желтѣютъ оставшіеся колосья пшеницы... Кузнечики цвиреньчатъ, какъ шальные, и полусонно вслушиваешься въ ихъ звонкую и дребезжащую трель.... Подъ снопами лежитъ навзничъ косарь, и черные шалвары его не отличаются отъ его пыльнаго, загорѣлаго и потнаго лица, на которомъ змѣею легъ длинный чубъ.... Бѣлая, накаленная облака сдавили атмосферу, и въ матово-сѣромъ небѣ видны только кресты неподвижно-распластанныхъ крыльевъ коршуна, да порою вдали загремитъ гроза, надвинется свинцовымъ пологомъ на вялый воздухъ и своею тяжелою тѣнью обложитъ лѣсъ, поддеревни и пару оторопѣлыхъ воловъ.... Ополудни такъ жарко, что хотѣлось бы куда-нибудь пойти, да ноги не двигаются! Вороны сидятъ поодиначкѣ на раскаленной дорогѣ, пораскрыли рты и жалобно качаются.... Пара дикихъ голубей быстро и шумно летитъ надъ отяжелѣвшей головой въ далекій лѣсъ.... Рѣка сверкаетъ голубымъ зеркаломъ. Молодой ястребъ сидитъ на плетнѣ и не въ-силахъ уже камнемъ ринуться на бѣднаго утѣнка, который подъ своими ногами забился въ тѣнь камышей и, спрятавъ голову подъ крылышко, качается на водѣ.... Все спитъ и съ трудомъ переводитъ дыханіе, пока солнце не спрячется за

пологий холмъ и заря не обольетъ розовымъ заревомъ дынныхъ мазанокъ деревушки...

Мужики идутъ съ поля. Поравнялись съ барскими воротами и сняли шапки. Атаманъ зоветъ ихъ къ крыльцу.

Отецъ мой любилъ самъ угощать своихъ крестьянъ. Отъ важно и чинно подносилъ имъ по стакану водки. Сперва пилъ мужики, приговаривая: „за здоровьечко, пане, дай Богъ дождаться и вашего сына, да оженить его, да посадить на хозяйство“! Бабы, по туземному выраженію, „соромились“ и не выпивали чарокъ до дна.... Но одна изъ нихъ бойко схватывала стаканъ, выпивала его до дна, остатокъ горьлки вышлекивала къверху и говорила: „дай Боже, чтобъ такъ мы всѣ прыгали“! Ея примѣръ дѣйствовалъ на мужичковъ. Начинались толки, смѣхъ; отцу выносили на крыльцо чаю; и скоро толпа, сперва неловко и страшно фальшивя, а послѣ бодро затягивала полевою пѣсню; къ голосамъ мужчинъ присоединялся звонкій пискъ бабъ, наконецъ дивчатъ, и я слушалъ слѣдующіе куплеты:

Видчивый, пане, погребы, —
Уже само погреблы,
Только край-дорожки
Зисталося трошки....
Видчивый, пане, ворота, —
Пришла твоя работа....
Ой, нашъ пане, нашъ,
Намъ по чарца дашь!
У нашего пана —
Голова кудрява;
Винъ кудряни потрясе,
Намъ по чарца поднесе....

Послѣ этой пѣсни отецъ мой снова угощалъ своихъ жнецовъ и гребцовъ. Новая порція еще болѣе оживляли мужичковъ.... Одна молодая баба, кажется Хинка-Трикозиха, но вытерпѣла, вырвалась изъ толпы подругъ, стала бить въ ладоши и пустилась отплясывать. Она колотитъ ногой объ ногу, повторяетъ одну и ту же ноту, и задыхаясь отъ усталости импровизируетъ: „Вотъ, бабы, какіе у меня черевики саломъ смазаны: мужикъ купилъ на па-

лять!... Хинка-молодчикъ.... Вотъ така она и всегда.... Милости просимъ на блинцы.... Гуляй, бабка! Гуляй, душа... Кто хочетъ ко мнѣ вечерять?... Угощу. Эй, но-о-о-жъ“!..

Но скоро осень приходитъ и уходитъ, и настаетъ скучная зима. Зима въ степяхъ ужаснѣе московскихъ и петербургскихъ зимъ. Вѣтру есть гдѣ разгуляться! Бывало, помню, какъ поднимется зѣмля, такъ просто никакого удержи нѣтъ. Окна и двери такъ и ломить, такъ и засыпаетъ снѣгомъ!... Свѣта Божія не видно; хоть не выходи изъ дому сутокъ трое или четверо. Сугробы завалютъ степь по всѣмъ дорогамъ; нѣльзя ни ѣхать, ни идти. Остается одно: спать безъ просыпу или читать старинные нумера нашихъ журналовъ. А вѣтеръ воетъ въ трубѣ простывшей печи и слышатся пѣсни изъ дѣвичей: весь женскій полъ двора сидитъ за прялками и готовитъ себѣ будущее приданое.

Люблю я пустынную и тихую жизнь обитателей нашихъ степныхъ деревень. Въ чемъ проходитъ ихъ время зимою? Бабы встаютъ съ первыми криками пѣтуховъ, за нѣсколько часовъ до разсвѣта, слѣдовательно почти въ полночь. Онѣ зажигаютъ „свѣтло“, то-есть, жировыя плошки, а у кого нѣтъ сала — щепки, и до восхода солнца прядутъ шерсть или ленъ. Онѣ молчатъ, прядутъ и прядутъ, и дремлютъ, качалась и вода соннымъ веретеномъ. Съ разсвѣтомъ, онѣ принимаются за вареву мужьямъ обѣда; завтраковъ и пошлаго чаю онѣ не знаютъ. Борщъ изъ капусты съ бараниной, каша пшонная или гречневая, а въ праздникъ и пироги съ горохомъ или съ макомъ — вотъ столъ нашего мужичка. Обѣдаютъ на селѣ часовъ въ десять и снова бабы садятся за пряжу, а кто умѣетъ, такъ и за станъ, или за другую работу. Это продолжается до новаго заката солнца. Въ сумерки бабы варятъ ужинъ. Часовъ въ пять вечера всѣ уже ложатся спать....

Мужики встаютъ, или съ бабами, въ полночь, что случается съ тѣми, кто знаетъ какое-нибудь ремесло, бочарное, кожевненное, сапожное, портняжное или слесарное; или, что случается вообще съ дѣтями и новичками въ работѣ, они спятъ безъ просыпу до восхода солнца: значить отъ пяти до пяти часовъ, ровно половину сутокъ... Последнiе молодцы обыкно-

венно имѣютъ водянистыя, пухлыя физиономіи и страдаютъ болями въ поясницѣ и подъ ложечкой, отъ чего лучшиимъ лекарьствомъ считается трехпробная водка.

Вставши и всегда умывъ лицо, степняки наши идутъ въ свои загоны, задаютъ корнѣ коровамъ, лошадамъ, быкамъ, овцамъ или козамъ, и идутъ тотчасъ на барщину, гдѣ молотятъ хлѣбъ и возятъ дрова и воду, или работаютъ для себя, слѣдовательно также молотятъ хлѣбъ. Три барскихъ и три мірскихъ дня въ недѣлю чередуются между двумя половинами села. Послѣ утренней работы мужики работаютъ съ женами и дѣтьми; послѣ обѣда поятъ скотъ, опять работаютъ, и наконецъ, снова поужинавъ въ своихъ семействахъ, ложатся спать. Дѣтвора нѣсколько неугомоннѣе. Дѣвочки, если онѣ уже на подростъ, прядутъ съ матерями; маленькія играютъ и, день-деньской неразлучны съ мальчиками-братьями. Иногда только эти послѣднія также находятъ себѣ занятіе: это, если въ домѣ есть грудной ребенокъ, за которымъ не можетъ ухаживать сама мать.

Но изъ этой обыкновенной повседневины бывають здѣсь три исключенія: похороны, свадьбы и вечеринки или *вечерницы*. Опишу послѣднія.

Вечерницы — отрада украинской молодежи. Въ нихъ ясно видится общее, дружеское начало нашихъ славянскихъ обществъ. Здѣсь начинаются всѣ степные романы; здѣсь сохраняются всѣ народныя, степныя сказки; здѣсь заключаются самыя невинныя союзы между парубкомъ и дивчиною, союзы, которые наконецъ разрѣшаются торжествомъ брака.

Затѣявъ вечерницу, молодежь избираетъ день и сходится въ какую-нибудь избу, какъ-только улягутся отцы и матери. Этихъ случаевъ пользуются обыкновенно бѣдныя вдовы. Эгоистическій инстинктъ направляетъ ихъ въ средину складки: не имѣя дровъ или огня для работы, эти хитрыя вдовицы предлагаютъ парубкамъ свой домишко и не остаются въ накладѣ... Роли складки распредѣляются по силамъ общества. Иные несутъ въ назначенную избу горшки и сковороды, другіе сало свиное, немного муки и масла, третьи являютъ съ десяткомъ яицъ, съ кусочкомъ меду или воску для свѣчь; молодые пар-

ни обыкновенно складываются по нѣскольку грошей и на эту общественную сумму покупаютъ водки.

Когда всѣ сойдутся, начинается суматоха и возня. Дѣвки пѣсать тѣсто, пекутъ булки, медовики, сдобные орѣшки, пампушки, варятъ галушки, уху, фруктовъ взваръ и кутью.... Другія, которыя помоложе, садятся по лавкамъ, прядутъ, судачатъ о томъ, о семъ, говорятъ сказки, звонко и отрывисто хохочутъ выходякъ какого-нибудь задорнаго парня, и поютъ пѣсни.... Въ это время хозяйка дома обыкновенно не показывается. Она сидитъ гдѣ-нибудь въ углу и молчитъ, чтобъ не вѣшать свободнымъ наслажденіямъ скромной молодежи.

Мужская половина вечерницы разсаживается также по лавкамъ, на полу, на боченкахъ и палатахъ. Иные играютъ на балабайкахъ, увитыхъ розовыми лентами и съ шелковыми струнами; другіе, работающіе, точатъ своимъ даламъ веретена или чашки; а кто умѣетъ, поетъ или говоритъ сказку о „Кобыльей головѣ“ или о „Ерусалмъ Лазаревичъ“.... Увы! суздальскіе альманахи проникли теперь и въ это благословенное мѣстечко Малороссіи! Такъ, междуужиномъ, сказками, пѣснями и работой, проходитъ вся скучная ночь напролетъ, и долго-долго вспоминаютъ о ней веселые ребята и скромныя дивчата степной деревушки.

V.

ОСЕННЯЯ ОХОТА.

Я вообще подверженъ мнительности и суевѣрію своего рода. Напримѣръ, остановившіеся часы приводятъ меня въ волненіе и трепетъ; мнѣ видится въ нихъ какое-то подобіе могилы; я не могу заснуть въ комнатѣ, гдѣ есть ненадежныя часы! Мнѣ такъ и кажется, что вотъ-вотъ я ночью прикажу всѣмъ долго жить, и часы станутъ въ минуту моей кончины, какъ это случилось съ Фридрихомъ-Великимъ и съ покойнымъ моимъ дѣдомъ....

Мой покойный дѣдъ былъ большой хлѣбосоль и охотникъ, а главное, человѣкъ, по-своему, современный. Онъ имѣлъ

обыкновеніе переписываться со всѣми своими родичами и знакомыми во всѣхъ углахъ Руси; всегда сохранялъ получаемыя имъ письма, и вслѣдствіе этого я теперь владѣю богатыми матеріалами для какого-нибудь историческаго романа. Жаль, что я живу въ степномъ селѣ. Будь я въ Петербургѣ, я непремѣнно составилъ бы канцелярію въ родѣ канцеляріи Александра Дюма и началъ бы писать романъ компаніей — въ десяти или пятнадцати частяхъ.

Я говорю, что дѣдъ мой былъ страстный охотникъ. Именно. Въ моемъ кабинетѣ до-сихъ-поръ виситъ цѣлая сотня ошейниковъ съ его борзыхъ собакъ и десятка два кухенрейтерскихъ ружей и винтовокъ. Перечитывая въ шестой разъ „Орlando Фуріозо“ и въ шестнадцатый „Записки“ моего дѣда, я наконецъ соблазнился видомъ ружей, снялъ одно изъ нихъ со стѣны, сѣлъ въ деревенскіе „чертопьяны“, родъ доморощенныхъ дрожекъ изъ липовыхъ досокъ, и отправился въ нашъ дремучій лѣсъ.

Слово дремучій да не приведетъ васъ во искушеніе. Ничего дремучаго тамъ нѣтъ: ни столѣтнихъ дубовъ, ни фантастическаго березнику, ни пропастей, ни скалъ, увѣчаныхъ развалинами замковъ и крѣпостей. Дремлетса тамъ одному новѣйшему посѣтителю, потому-что мирно и тепло на душѣ при взглядѣ на эту кроткую природу и на эти нѣмые сосны и дубки.

Лѣсъ нашъ не простирается далѣе какихъ-нибудь десяти верстъ. Нѣтъ въ немъ ни рысей, ни песцовъ, ни росомахъ, ни горностаевъ, ни барсуковъ, ни соболей, ни бобровъ, ни енотовъ, ни лосей, ни медвѣдей. Зато въ неисчислимомъ множествѣ прыгаютъ въ его чащѣ приземистыя, красно-бурая лисицы; зато всѣ орѣшники его усыяны быками; зато волки въ немъ какъ дома: никто имъ, уже болѣе десяти лѣтъ, не мѣшаетъ выходить оттуда, являться въ наше село и на выборъ хватать себѣ на ужинъ самыхъ лучшихъ барашковъ и поросятъ. Одинъ только разъ досталось у насъ какому-то косолапому сѣрку: зато онъ уже всѣхъ вывелъ изъ терпѣнія! Можете себѣ представить: онъ пробрался въ околицу, отыскалъ хату — и чью еще?.. самого лѣсничаго, Колодяжнаго-Цвиркуна, онъ же и Хриновъ-Бу-

рыкъ — вошелъ въ сѣни, потомъ въ кухню, заѣвъ на палатѣ, съѣлъ тамъ три окорока, которые готовились къ святкамъ, закусилъ ниской варениковъ, да тамъ же и заснулъ. Вотъ за что досталось у насъ обитателю Пришибскихъ лѣсовъ.

Не думайте также, чтобъ и птицъ было много въ нашемъ дремучемъ лѣсу. Вы тамъ не увидите ни тетеревовъ, ни фазановъ. Встрѣтите вы тамъ чернаго дрозда, скворцовъ, желтенькую иволгу, удода съ кокетливымъ хохолкомъ, кедровку; встрѣтите соловья, который хоть не долго поетъ, но усладить вашъ слухъ лучше всякаго зяблика, до котораго такой охотникъ нашъ общій гругъ Пудъ Мокіевичъ Гвоздикъ, и лучше всевозможныхъ криковъ перепеловъ, до которыхъ еще бѣльшій охотникъ нашъ дамскій угодникъ, Петръ Петровичъ Петровъ, человекъ въ черной дѣтской курточкѣ, въ пестромъ жилетѣ и въ осетинскихъ усахъ: онъ большой проказникъ и вѣчно трунить надъ однимъ нашимъ знакомымъ, который всѣмъ толкуетъ, что онъ знатокъ парижскаго нарѣчія и однажды слѣдующею рѣчью распотѣшилъ гостей Петра Петровича. — Петръ Петровичъ спросилъ его:

— Monsieur Pavlitschenko ?

— Que?..

— Est-ce vous ? est-ce vous, mon cher monsieur?....

— Je! отвѣчалъ онъ, краснѣя какъ дѣвушка.

Петръ Петровичъ жилъ въ полверстѣ отъ Пришибскаго лѣсу; поэтому, отправившись на охоту, я заѣхалъ къ нему, надѣлъ на него патронташъ и пороховницу и съ нимъ приблизился ко входу заповѣднаго бора. Боръ шумѣлъ уныло и протяжно. Я насилу держалъ возжи моего старика-коня. Петръ Петровичъ курилъ изъ витаго чубука пѣнковую трубку, молча сплевывалъ въ сторону и глядѣлъ внизъ. Очевидно было, что какая-то особенная мысль тяготила его веселое и почти дѣтское сердце. Но я не хотѣлъ выводить его изъ поэтической задумчивости....

Петръ Петровичъ былъ чрезвычайно поверхностный человекъ. Гдѣ онъ ни учился? Гдѣ ни пускалъ якорей, и гдѣ его ни любили? Лицо его напоминало собою какое-то не русское начало; Петръ Петровичъ былъ похожъ на бѣлаго

Араба: тѣ же толстыя, пробочныя губы, та же неподвижность личныхъ мускуловъ, тотъ же отброшенный назадъ лобъ и курчавые, щетинистые волосы; только волосы эти были совершенно блокурые и лицо имѣло кожу атласистыхъ щечекъ московскихъ барышенъ. Странности въ разговорѣ были азъ и ужьца Петра Петровича. У него иногда гостилъ учитель изъ Нѣмцевъ, Швейцарецъ Густавъ Густавычъ, котораго между-прочимъ вся дворня звала: Остапъ Остапычъ. Гляди на его жалкую физіономію, на его рыжейкіе бакены, на его тоненькія ножки, сѣренькіе, гнойные глазки и вѣчный мокротный кашель, отъ котораго Остапа Остапыча не спасали ни его фланелевыя куртки, ни перцовыя настойки, Петръ Петровичъ всегда иронически улыбался и говорилъ:

— Экой народъ удался! плевкомъ перешибешь! Ну что вы такое, Густавъ Густавычъ? Изъ васъ и пары башмаковъ не выйдетъ, право не выйдетъ.... Вотъ, вы нынче брились.... Ужъ признайтесь, въ городъ хочется? Нѣтъ слова: за бритаго двухъ небритыхъ даютъ.... Только ужъ извините: въ городъ все тузы, а вы и двойкой тамъ не будете!

Нѣмецъ краснѣлъ, кашлялъ и отмалчивался, какъ отмалчиваются многіе и нѣкоторые....

Петръ Петровичъ трунилъ и надъ своимъ пріятелемъ, оставшимъ канцеляристомъ Шоколо. Этотъ Шоколо былъ надокъ до идеальной дружбы, до идеальной любви и до идеально-приготовленныхъ наливокъ. Руки его тряслись еще со времени его выхода изъ службы, носъ отливалъ яхонтовымъ цвѣтомъ молодой вишневки, а на головѣ было счетомъ всего пятнадцать блокурыхъ волосковъ! Но Петръ Петровичъ иногда осматривалъ его красный затылокъ и потомъ всѣхъ увѣрялъ, что у Шоколо появились новые, свѣжепросольные волоски. У Шоколо были двѣ комическія наклонности, за которыя особенно ему доставалось отъ Петра Петровича. Онъ имѣлъ обыкновеніе плевать во снѣ, и всѣмъ, знакомымъ и незнакомымъ, поправлять табакъ въ трубкѣ. Бывало, сидитъ незамѣтно и скромно въ углу комнаты, увидитъ, что кто-нибудь курить трубку, подкрадется, ухватитъ ее, и большимъ пальцемъ правой руки придавливаетъ раскаленный табакъ. Но самымъ большимъ порокомъ Шоколо была — шопот-

живая рѣчь. О чемъ бы онъ съ вами ни заговорилъ, непременно отвелъ бы васъ всторону и на ухо шепчетъ разныя вещи, точно неприличности. Даже „какъ ваше здоровье“? и „на дворѣ сегодня дождикъ“? онъ говорилъ всѣмъ на ухо и шепотомъ.

Петръ Петровичъ повѣдалъ мнѣ также о какомъ-то знакомомъ ему актерѣ, который въ Таганрогѣ жилъ съ нимъ на одной квартирѣ, игралъ съ нимъ въ карты „rag amoug“, то-есть на мѣлокъ или, какъ говорятъ, на Ротшильдовское наследство, и въ молодости терпѣлъ великую бѣдность. Будучи въ одномъ городѣ, въ частной группѣ, онъ получалъ въ мѣсяцъ всего десять рублей ассигнаціями, чего никакъ не доставало ему на обѣдъ и на одежду. Актеръ не унывалъ и каждый день, въ семь часовъ утра, ходилъ на рынокъ въ мясныя лавки; тамъ онъ заводилъ рѣчь съ мясниками, садился съ ними играть въ шашки на говядину и всякій разъ возвращался домой съ фунтомъ или двумя самаго лучшаго филея.

Вообще за рассказы, за анекдоты Петра Петровича можно было просто вызвать! Онъ никогда не унывалъ и былъ востощимъ въ передачѣ своихъ воспоминаній. Но, владея такимъ спиртомъ разговоровъ, какъ онъ самъ выражался, Петръ Петровичъ былъ ужасный лѣнтяй. Послѣ каждаго дѣла, послѣ каждой пустячной поѣздки къ сосѣдямъ или небольшой прогулки по своимъ владѣніямъ, онъ возвращался въ свой кабинетъ и совершенно превращался въ нуль: ни голова его, ни руки, ни ноги, ни желудокъ, ничто тогда не дѣйствовало! Онъ лежалъ, молчалъ, спалъ, глядѣлъ на безвсную личность какого-то древняго мудреца, который восемь лѣтъ служилъ на его каминѣ сборнымъ сѣдалищемъ для мухъ, и ничто не нарушало его покоя!.... Такъ проходила жизнь Петра Петровича. Онъ не читалъ, не писалъ и не любилъ музыки. На всѣ совѣты своихъ друзей онъ отвѣчалъ самымъ квіетическимъ тономъ:

— Безъ-сомнѣнія, всякимъ иногороднымъ подписчикамъ, всякимъ литераторамъ и мусикійцамъ — я дамъ въ ихъ ремеслѣ хоть пятьдесятъ очковъ впередъ и перещеголяю ихъ.... Но вы знаете, что я лѣнивъ, что я мертвецки скупъ на труды....

Не беспокойте же меня! Вы являетесь въ губернской театр, вы платите за журналы.... Вздите-себѣ и платите! А я не бѣдок и не платокъ!

И, довольный каламбуромъ, Пётръ Петровичъ заключалъ: — Вотъ напримѣръ вашъ ученый, вашъ пишущій господинъ, Середниченко или Коровченко, какъ тамъ его зовутъ! Толкуйте съ нимъ! Онъ какъ двѣ капли сливокъ, похожъ на литератора: нечистъ, взбалмошенъ, ночи просиживаетъ надъ петербургскими книжками, и дотога не любитъ всего опрятнаго, что новое пальто и фракъ даетъ сперва обнашивать своему лакею, и потомъ уже надѣваетъ его самъ.... У него и бібліотека есть и ротъ отъ учености на-бекрень! Онъ хоть и плачетъ, а все кажется, что смѣется и что вотъ-вотъ отдѣлаетъ васъ за какое-нибудь словцо или совѣтъ!.... Сущій умница, сущій мезантропъ!....

Таковъ былъ мой сосѣдъ Пётръ Петровичъ Петровъ. — Болѣе получасу бѣжали мы съ нимъ по лѣсу и оба молчали.

— О чемъ вы думаете, Пётръ Петровичъ? не пора ли слѣзать съ дрожекъ, да пускать собаку въ камыши?

— Два рубля на четверть какъ надбавить, такъ уступлю! сказалъ Пётръ Петровичъ и вмгъ опомнился.... Хохлы всегда почти отвѣчаютъ на вашъ вопросъ продолженіемъ того, о чемъ они только-что думали.

Пётръ Петровичъ спрыгнулъ на траву и наша охота началась.

Пришибскій лѣсъ перерѣзанъ многими озерами, между которыми Лебяжье, Плоское, Кривое и Уступъ знамениты своею дичью. День уже приближался къ вечеру. — Смыть, моя старая собака, была глуха и подслѣповата, но необыкновенная охотница до ружейныхъ выстрѣловъ. Чуть я взводилъ курокъ, она поднимала уши и переднюю лапу и бойко глядѣла въ кусты. Выстрѣлъ — и она кидалась въ воду сквозь камышъ и колючія травы.... Но въ дѣлѣ охоты она была то же, что Тредьяковскій въ дѣлѣ русской элоквенціи. Много труда и мало пользы, много убитой жизни и мало пріобрѣтеній; словомъ, говоря языкомъ Шекспира, много шуму изъ ничего! Она не только не могла выгнать и дунить дичи, она не могла, какъ я ни выходилъ изъ себя, вытаскивать

застрѣленныхъ утокъ и молодыхъ гусятъ. Побродивъ до заката солнца, я приобрѣлъ въ свою волосяную сумку всего одного перепела, котораго убилъ на лету; между-тѣмъ всѣ мои шестнадцать патроновъ были выстрѣляны. Я оглянулся, Петра Петровича нѣтъ около меня... Нечего дѣлать! Оттоптавъ по-напрасну ноги, я отправился назадъ, набрелъ на землянку лѣсничаго, Хриноваго Бураяка, и, желая на утро вознаградить себя новою охотою, остановился у него переночевать.

Старикъ-лѣсничій принялъ меня довольно-сухо и надменно. Очевидно было, что я невпопадъ нарушилъ его философское уединеніе. Онъ зажегъ свѣчу и сталъ молча у двери. Бураякъ давно уже потерялъ счетъ своимъ лѣтамъ и помнилъ только, что сдѣланъ сторожемъ въ тотъ день, какъ родился мой старшій дядя, а старшему дядѣ теперь уже за пятьдесятъ лѣтъ: лѣсничій пятьдесятъ лѣтъ не покидаетъ своей землянки. Я попытался какъ-нибудь войти въ довѣріе своего вассала; но все было тщетно! Старикъ отдѣлывался комплиментами и хитро-придуманннми фразами на счетъ его невѣжества, простодушія и тому подобное.

Землянка лѣсничаго состояла изъ двухъ комнатъ: одной большой и другой маленькой, отдѣленной отъ первой тяжелой полотняною перегородкой, которая не пропускала туда ни одного насѣкомаго въ родѣ комаровъ и мускитовъ. Я забрался въ эту благословенную комнатку. Скинувъ платье и развѣсивъ охотничій снарядъ, я зажегъ походный фонарь и легъ на печи. Лѣсничій, по моей просьбѣ, развязалъ охотничью сумку, вынулъ оттуда курицу и пару пироговъ съ макомъ, налилъ изъ моей походной фляжки стаканъ водки, уничтожилъ все это и скоро оживился и помолодѣлъ.

— Расскажи, пожалуйста, Никита, какъ ты здѣсь живешь? Неужто ты ничего не боишься?

— А чего мнѣ бояться? отвѣчалъ Никита, утирая замасленную бороду и доставая изъ-за сапога тавлинку съ нюхательнымъ табакомъ.

— Какъ чего? а волки, вѣдьмы, лѣсные воры?

— Эхъ, барченокъ ты мой, нечего мнѣ бояться. При покойномъ дѣдушкѣ твоёмъ, разъ только струсилъ я волковъ,

да ужъ больно досталось отъ вражьихъ дѣтей. Двадцать два разбойника сбѣжались и засѣли вокругъ хаты; вой подняли такой, что дыбомъ волосы стали на всемъ тѣлѣ... Я отперъ окно, выстрѣлилъ изъ винтовки и убилъ волчицу. Какъ пошли они ложиться, да биться въ двери и въ узкія оконницы, — такъ я залѣзъ подъ печку и насилу меня откачалъ приващикъ Битюговъ, который на ту пору налетѣлъ сюда съ сабаками.

— Ну, Никита, а вѣдьмы — онѣ вѣдь то же, чай, не даютъ тебѣ покою?

— Пусть имъ бѣсъ приснится, тѣмъ вѣдьмамъ!

— А что? развѣ... спросилъ я серьезно, заинтересованный мрачнымъ тономъ старика.

— Какой тебѣ — развѣ! Просто однажды не зналъ что и дѣлать! Была у меня невѣстка, ходила за коровою; только вдругъ у коровы пропало молоко. Я туда, сюда, спрашиваю у людей, какъ помочь бѣдѣ? Никто ничего не знаетъ. Одинъ разъ вошелъ я въ хлѣвъ — а тамъ сидитъ собака, вся бѣлая какъ мѣлъ, смотритъ на меня красными глазами и сосетъ корову... Я захопнулъ дверь, да какъ началъ поѣжомъ чистить бока собакѣ... опомнился уже черезъ часъ: я перебилъ ей всѣ ребра и ноги и полуживую вытащилъ за сарай... Ночью слышу, невѣстка охаетъ, все ворочается и не спитъ. Поутру посмотрѣлъ, собаки нѣтъ, а невѣстка лежитъ вся избитая и насилу языкомъ шевелить. Невѣстка моя была вѣдьма!

— Что ты, Никита? И въ-правду?

— И въ-правду! Чуть она выздоровѣла, опять стала пошаливать. У меня, бывало, то масло, то сыръ пропадетъ въ чуланѣ. Я началъ замѣчать, и увидѣлъ, что въ окно чулана по ночамъ все летаетъ голубая сорока... Однажды я и подкараулил! Только-что она влетѣла туда, я пошелъ тайкомъ въ кусты, откуда она явилась, и увидѣлъ на землѣ три ножа, воткнутые по черенки въ траву. Я выдернулъ ихъ и спряталъ. Забилась моя сорока! Три дня сновала и маялась надъ крышею моей хаты; измучилась, исхудала, насилу крылья волочила; пришлось хоть пропадать! Сжался я и воткнулъ опять ножи: она перевернулась надъ ними и по-

была коницкою въ дѣлѣ... Вечеромъ придетъ моя по-
вѣстка, только такая чахлая и синяя, что стражъ меня взздъ.—
„Гдѣ ты была, Оксана?“ Оксана ничего не отвѣчала; но съ
той поры уже видкою не переворачивалась.

— Ну, Никита, а признайся-ка, много у тебя крадутъ
лѣсу?

Никита кривнулъ, понюхалъ табакъ до обморока, покрас-
нѣлъ, вынулъ глаза на воздухъ и, послѣ долгаго туцаго
молчанія, свойственнаго вошь охотникамъ до тютюну, такъ
отвѣчалъ мнѣ:

— Не редилаось та душа пронащад, чтобъ срубить у меня
хоть одно полѣно! Были такіе скалдыринки, только ужъ не ме-
жду нашими братомъ. Десятиа три годовъ назадъ, подкараулилъ
я одного Цыгана: ну ужъ не позабудеть онъ меня. Я его
поймалъ, связалъ поясомъ, да на ремнѣ и привязалъ его подъ
сосною.... Поутру ѣдемъ съ покойникомъ бариномъ, а онъ ме-
ня и спрашиваетъ:—Что ты, Никита, все носишься туда вонъ
въ кусты: развѣ краснаго звѣря какого завидѣлъ? — „Какого
звѣря! Камальскаго Цыгана я вчера привязалъ къ соснѣ, а
онъ не дождался моего благородія, да ночью и убѣжалъ!“

— Надулъ Цыганъ, молодець!

— Ну нѣтъ! Ужъ коли на то пошло, такъ нѣтъ же! Бы-
ваетъ и Цыганъ — тетеревъ.... Скажу тебѣ напоследокъ при-
сказку. — Ъхало три Цыгана черезъ лѣсъ и черезъ камыши
и завидѣли Татарина. Свяжемъ, да и свяжемъ его, толкують
они и рѣшили ждать его у озера. Одинъ Цыганъ взлѣзъ на
дубъ, другой легъ въ траву, а третій спрятался въ камышъ.
Татаринъ подѣхалъ къ водѣ, слѣзъ съ коня, напоилъ его и
самъ склонился къ студеннымъ волнамъ. Цыганамъ стоило толь-
ко выскочить изъ засады и накинуть ему петлю на шею.
Но не вытерпѣлъ Цыганъ, который сидѣлъ въ камышѣ: при-
личіе пересилило его коварные умыслы. — Здоровъ пилъ, Та-
таринъ! сказалъ онъ спроста....—А! такъ ты тутъ? закри-
чалъ Татаринъ и накинулъ на него арканъ. — Э! Петро, Пе-
тро! заговорилъ второй Цыганъ изъ травы: — сидѣлъ бы уже
да молчалъ: — къ чему было озываться?... И ты тутъ? закри-
чалъ Татаринъ и его потащилъ на арканъ. — Не поддавайся,
братъ, не поддавайся камальскому Татарину! проговорилъ съ

дуба третій Цыганъ, — и этого третьяго потащилъ въ воду усатый Татаринъ.

Долго еще болталъ я съ моимъ лѣсничимъ, но сонъ меня одолѣлъ и я заснулъ подѣ его словоохотливыя побасѣнки. Рано на зарѣ я вскочилъ. Смотрю, потерянный мною Петръ Петровичъ лежитъ около меня, весь въ грязи и съ испаряннымъ лицомъ.... Но его охотничья сумка также пуста, какъ и моя. Наша осенняя охота совершенно неудалась!

Несмотря впрочемъ на эту бѣду, я бережно всталъ, снарядилъ ружье и патронташъ и одинъ, пѣшкомъ, отправился на озеро.... Солнце встало уже надъ крутыми берегами лѣсной рѣвки; егѣ пурпуровыя пятна замелькали по деревьямъ.... Сяневатый паръ поднялся надъ камышами и кустарниками.... Брильянтовыя росинки падали съ деревьевъ на траву и холодный воздухъ лѣниво ласкалъ мои горячія щеки и уставше глаза.... Небо все болѣе и болѣе яснило.

Вдругъ я слышу утиный крикъ.... Пара норцовъ несется мнѣ навстрѣчу.... Я хватаю ружье, прицѣливаюсь прямо въ головку молодого селезня, стрѣляю и бросаюсь въ кусты.... Утки несутся весело за версту отъ меня: я далъ блистательный промахъ! Слѣхъ прерываетъ мое сѣтованіе. Оборачиваюсь: изъ-за кустовъ глядятъ на меня двѣ заспанныя головы: Петръ Петровичъ Петровъ и лѣсничій, Хриномъ Бурякъ, онъ же и Колодяжный-Цвиркунъ.

VI.

Бахчисарай.

Я сиотрю на ѣду въ дорогѣ, какъ на самое вѣрное средство откусить себѣ кончикъ языка. Поэтому я никогда не ѣмъ ни въ каретѣ, ни на перекладной, ни въ тарантасѣ. А между-тѣмъ великое дѣло удержаться въ Крыму и не купить себѣ на дорогу спѣлаго винограду или маринованной рыбы. Всѣ берега Азовскаго моря усыяны хижинами рыбаковъ. Okолю каждой хижины, надъ моремъ, стоитъ вбитый въ

землю наклонный столбъ, съ кѣткою вверху; рыбаки поднимаются по веревочной лѣстницѣ въ эту кѣтку и, очутившись надъ морскою бездною, высматриваютъ, много ли рыбы поднялось со дна моря? Опредѣливъ заранѣе, какъ будетъ выгоденъ ловъ, рыбаки бросаютъ сѣти и вытаскиваютъ вамъ живыхъ скрумби, баламутъ, калкановъ, кефалу, гѣсисъ, пагуръ и бычковъ. Вы можете сойти съ своей телѣги, приказавъ себѣ зажарить какое-нибудь подобіе полипа и наслаждаться имъ подѣ открытымъ небомъ.

Я теперь ѣду по Арабатской Стрѣлкѣ, пространству земли, шириною въ полверсту и длиною верстъ во сто, отдѣляющему Азовское море отъ гнилаго Сиваша. Вода въ Сивашѣ дотога горька и солона, что не только люди и животныя не могутъ пить ея, но птицы боятся даже садиться на ея поверхности. Однако же одинъ содержатель шинка прожилъ на Арабатской стрѣлкѣ двадцать лѣтъ и до того привыкъ къ водѣ Сиваша, что послѣ не могъ пить прѣсной воды и тосковалъ по горькосоленымъ волнамъ своей Стрѣлки. Мимо моей телѣги на каждомъ шагу мелькаетъ дичь: кулики, аисты, фазаны, чибисы, мартыны, перепела, чайки и дрофы; послѣднихъ въ одномъ мѣстѣ я встрѣтилъ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ. На пути я нагоняю караваны верблюдовъ и стада дикихъ воловъ и лошадей.

Но вотъ мелькаетъ передо мною Керчь, Феодосія, Карасубазаръ и Симферополь. Я снова въ *Бахчисарай*. Сердце мое бьется при мысли о роли Бахчисарая въ судьбѣ нашего Пушкина!

Къ моему несчастію, я познакомился въ Бахчисарай съ однимъ ученымъ муллою. Мулла былъ величайшій скептикъ и совершенно разочаровалъ меня. Онъ, какъ дважды два четыре доказалъ мнѣ, что никакой Маріи Потоцкой никогда не было въ султанскомъ гаремѣ, что Зарема существовала только въ поэтическомъ воображеніи русскаго поэта. Онъ объяснилъ, что преданіе, рассказанное въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ — выдумка дворцовыхъ сторожей. Не знаю на сколько это вѣрно, но одинъ сторожъ вывелъ меня изъ терпѣнія. Онъ мнѣ объяснялъ, какъ въ одно утро

Марія нылась у фонтана, какъ Зарема прыгнула изъ-за угла и прынула ее ножомъ въ бокъ!.. Его выдумки совершенно охладили мою фантазію. Въ-заключение моихъ скептическихъ придирокъ я открылъ даже несообразность въ стихахъ нашего великаго поэта. Зарему у Пушкина зашиваютъ въ мѣшокъ и на-утро бросаютъ въ бурныя волны воды. Въ Бахчисарай и его окрестностяхъ одна только рѣка, Чюрюкъ-Су, что значитъ гнилая вода. Чюрюкъ-Су образуется изъ воды, вытекающей изъ дворцовыхъ фонтановъ и такъ мелка и узка, что во многихъ мѣстахъ черезъ нее переходятъ мухи по-волѣна.

Бахчисарай возбуждаетъ какое-то тягостное уныніе. Узкія улицы, женщины въ бѣлыхъ чадрахъ, тѣснота въ домахъ, вѣхстота на базарѣ и въ кофейняхъ — все это непріятно поражаетъ глаза. Длинныя башни минаретовъ и гнусливыя пѣсни муззыниновъ; огромныя тополи, у корней которыхъ нѣкогда кибла веселая бесѣда султанскихъ женъ и дѣтей; скривившійся вѣтесанныхъ арбъ, кривыя шеи и злые глаза гордыхъ верблюдовъ; гробницы, о которыхъ польскій поэтъ сказалъ, что въ нихъ лежатъ тѣла рано-увядшихъ дѣвъ гарема, и изъ надписей которыхъ вы ясно увидите, что этимъ дѣвамъ, круглымъ числомъ, было по-крайней-мѣрѣ по сорока лѣтъ; выскочившаго изъ Одессы, извѣстнаго Шулина Гарфина Гассанова; пестрое убранство дворцовыхъ комнатъ; тишина и пустыньность въ пресловутыхъ садахъ, которые всѣ не стоять и четверти садовъ царскосельскихъ; наконецъ вѣчный плескъ фонтановъ, этихъ живыхъ слезъ, оставшихся отъ басурманской Тавриды — все это вамъ никакъ не дастъ того наслажденія, которое вы испытывали, читая стихи Пушкина.

Близъ Бахчисарая есть караимская крѣпость Чуфуть-Кале. Чтобы нѣсколько разсѣяться, я поѣхалъ туда. Но и тутъ грусть давила мое сердце. Чуфуть-Кале выстроена надъ ущельемъ на отвѣсномъ утесѣ саженъ въ тридцать. Выше утеса, въ сторонѣ, раскинуто караимское кладбище: это извѣстная Юсафатова Долина. Цѣлыя тысячи надгробныхъ бѣлыхъ камней разсѣяны по долинѣ; въковые дубы и каштаны шумятъ надъ ними, и сердцу страшно больно при видѣ этой живой лѣтописи человѣческихъ силъ. Я въѣхалъ въ Чу-

суть-Кале. Каменные дома безъ оконъ на улицу, каменные заборы, каменная мостовая и каменные крыши напоминаютъ новую могилу. Я не встрѣтилъ ни одного человѣка на всѣхъ улицахъ и молча выѣхалъ изъ Чуфуть-Кале.

Въ Бахчисараѣ прожилъ я цѣлую недѣлю, въ ханскомъ дворцѣ. Осмотрѣлъ всѣ его достопримѣчательности, записалъ нѣсколько татарскихъ сказокъ и простился съ столицей Гиреевъ.

Много толкуютъ въ Крыму объ одномъ татарскомъ рыцарѣ, Халилѣ. Халиль былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что грабилъ Жидовъ и Грековъ и никого не убивалъ. Онъ обыкновенно ѣздилъ безъ шайки, одинъ, увѣшанный пистолетами и на черкесскомъ конѣ. Онъ грабилъ такимъ-образомъ: догонялъ вечеромъ какой-нибудь караванъ, подъѣзжалъ къ его заднему возу, объявлялъ свое имя, отнималъ у возницы все до чиста и приказывалъ ему ѣхать впередъ, не смѣя подавать товарищамъ и намека о томъ, что съ нимъ случилось; потому онъ такъ же поступалъ и съ остальными возами, оставлялъ ихъ въ страхѣ до самаго утра и скрывался въ горы. Жидовъ онъ грабилъ такимъ-образомъ: догонялъ среди бѣла дня ихъ колымагу, объявлялъ свое имя, приказывалъ имъ выходить на поле и поодиначкѣ подзывалъ къ себѣ. Жидки тряслись, подходили къ Халилю, выворачивали подъ остріемъ его кинжала свои карманы и становились по другую его руку. Обобравъ ихъ до чиста, Халиль приказывалъ имъ закрывать глаза и не шевелиться, пока онъ не скроется изъ виду; садился въ колымагу и со всѣмъ жидовскимъ богатствомъ исчезалъ въ горахъ. Имя Халилия привело многихъ въ соблазнъ. Появлялось нѣсколько Халилей-самозванцевъ. Рассказываютъ, что однажды настоящій Халиль нагналъ на дорогѣ, въ степи, двухъ Грековъ. — О чемъ вы плачете? — „Да вотъ, негодяй Халиль обобралъ у насъ всѣ деньги и послѣднюю пару ословъ“. — Какой Халиль? — „А вонъ онъ, еще не скрылся за горою“. Халиль прищпорилъ лошадь и догналъ своего соперника. — „Ты Халиль?“ — Я Халиль. — „Ну, пойдемъ же! и за воротникъ притащилъ его къ ограбленнымъ Грекамъ: — Отдавай, негодяй, закричалъ настоящій Халиль своему двойнику, деньги и ословъ бѣднымъ людямъ!“ „Испуганный само-

званецъ послушался. — „Отдавай мнѣ и твои собственные деньги!“ Мнимый Халиль и свое добро отдалъ Грекамъ. — „Теперь же, чтобъ насъ съ тобой впередъ различали—вотъ тебѣ что: и онъ обрубилъ ему уши.... Я съ этихъ поръ буду Халиль, а ты Халильчикъ!“

Когда-нибудь я опишу вамъ нѣкоторыя приключенія мой въ Одессѣ, въ Керчи и въ Карассубазарѣ. Теперь же мнѣ лѣнь. Перо отказывается служить.... Мнѣ самому хотѣлось бы лежать въ теплой комнатѣ, курить гаванскую сигару и, запивая ароматный дымъ ароматнымъ кофе, слушать, какъ говорятъ другіе. Въ Крыму это въ большомъ обыкновеніи!..

Въ Карассубазарѣ я какъ-то бродилъ по жаркимъ и грязнымъ улицамъ. Вдругъ слышу звуки скрипокъ и бубенъ. Музыка неслабъ изъ отворенныхъ дверей низенькаго и закопѣлаго домика. Это была татарская *бузня*. Я вошелъ въ нее...

Бузня — родъ нашего столичнаго питейнаго дома. Стѣны ея увѣшаны разною посудой. Возлѣ огромной печи, гдѣ кипитъ по-обыкновенію неизбежный кофе, стоитъ большой чугуинный котелъ: въ немъ окисляется буза, пшениное вино. У одной изъ стѣнъ стоятъ два ряда лавокъ. На лавкахъ я засталъ съ дюжину Татаръ: это были пирующие. Передъ каждымъ изъ нихъ, на столикъ, стояла небольшая сальная свѣча, роскошь мусульманскихъ денди, подъ ногами ихъ лежала куча угольевъ для раскуриванія трубокъ, и въ рукахъ каждого было по гигантскому кувшину бузы. Противъ нихъ сидѣло шесть человекъ татарскихъ музыкантовъ.... Трое слѣпыхъ и трое видящихъ виртуозовъ варьировали какіе-то крымскіе мотивы.... Хозяинъ бузни стоялъ посреди комнаты, лукаво поглядывалъ на пьяныя лица своихъ веселыхъ гостей и, набивая себѣ трубку, бойко пристукивалъ ногами и судорожно двигалъ плечами и руками... Пьяные Татары хохотали и въ пылу воѣторга вовсе не видѣли, что глаза мои давно слѣдятъ за ними и за ихъ національною пирушкой... .

VII.

СЧАСТЛИВАЯ ЧЕТА.

Не знаю, когда я приймусь снова за перо или когда оставлю мою степную деревню. Завтра поутру отходить въ Петербургъ почта, и я спѣшу дописать вамъ мое послѣднее письмо. Осень уже давно на дворѣ.... Сѣрое небо напоминаетъ собою небо Павловска и Васильевскаго Острова.... Дождь виситъ въ каждой гучкѣ, точно слезы на трепещущихъ глазкахъ капризной дѣвочки... Мухи засыпаютъ на зиму въ каждой щели старыхъ стѣн моего кабинета. На гумнѣ раздаются глухіе звуки молотильной машины. По отлогому косогору идетъ грустное стадо овецъ и пастухъ не поетъ своей обычной пѣсни.... По грязнымъ улицамъ села бѣгаютъ одиѣ куры: ребятишки грѣются на полатахъ, пока отцы ихъ не съѣздятъ на балаклейскую ярмарку и не привезутъ имъ къ зимѣ новые сапоги и свитки. Огонѣкъ трещитъ въ моемъ каминѣ. Неразрѣзанныя книжки ноябрскихъ журналовъ валяются по измятому дивану. Поваръ повѣсидъ голову и грустно идетъ по двору; я на отрѣзъ объявилъ ему, что никакихъ мнѣ суповъ и соусовъ нынче не нужно, что я ѣду обѣдать къ моему неогнѣнному сосѣду, и чтобы онъ былъ въ этомъ отношеніи совершенно спокоенъ.

Лошади были давно готовы. Я вышелъ на крыльцо, взглянулъ въ ту сторону, гдѣ лежитъ нашъ щегольской Петербургъ, и, закутавшись въ шинель, весело покатилъ въ деревушку Айковыхъ.

Айковы, мужъ и жена, еще новые люди въ нашемъ краю. Имъ обоимъ въ сложности всего тридцать-семь лѣтъ! Но не думайте, чтобъ двадцати-лѣтній мужъ былъ слишкомъ молодъ для своей семнадцати-лѣтней жены! Нашъ вѣкъ быстро развилъ его умъ и способности, и юноша Айковъ положительнѣе и опытнѣе всякаго стараго воробья, всякаго, какъ говорится, кудака-человѣка. Онъ окончилъ курсъ въ одномъ изъ нашихъ высшихъ специальныхъ училищъ, поступилъ на службу въ Петербургъ, положилъ начало своей карьерѣ и, желая также заранѣе устроить и свою fortuna, отпросился въ

отпускъ, женился и съ молодой жонушкой прїѣхалъ въ свое степное село! Я очень рѣдко бывалъ у него. Я всегда боялся отнять своимъ визитомъ лишній часъ у его блаженства. Но наконецъ не удержался и сегодня ѣхалъ къ нему, съ намѣреніемъ побѣсить его и остаться у него какъ-можно-дольше!

Айковъ и его жена созданы другъ для друга. Говоря словами одной исландской саги, Айковъ — мужъ и Айкова — жена, до теперешней ихъ жизни навѣрно когда-нибудь страстно любили другъ друга, умерли, снова родились, встрѣтились въ свѣтъ въ концѣ послѣднихъ годовъ этой половины девятнадцатаго вѣка, полюбили другъ друга и опять стали мужемъ и женою.. Одного только недоставало къ полной сказочности ихъ женитьбы — Айковъ женился на любимой имъ женщинѣ безъ малѣйшихъ препятствій! А мнѣ бы хотѣлось, чтобъ онъ въ этомъ случаѣ былъ однимъ изъ тѣхъ исландскихъ рыцарей, которые тогда только получали руку своей возлюбленной, когда побѣждали ее въ кровавомъ поединкѣ.... Какое дивное и полное глубокихъ ощущеній положеніе! Сражаться съ тою, которую любишь болѣе всего на свѣтѣ, знать, что если побѣдишь, что если тяжелымъ ударомъ ранишь и повергнешь ее на землю, она будетъ твоею, и въ то же время не имѣть силъ нанести на нее грубую руку, ранить ее нѣжное тѣло!....

Мой сосѣдъ зналъ меня еще на сѣверѣ. Онъ часто являлся ко мнѣ и мимоходомъ, не-хотя, повѣдывалъ свои тайны. Онъ былъ необыкновенно счастливъ съ женщинами! Если вы знаете слѣдующую записочку, такъ знайте еще болѣе, — она нѣкогда была адресована къ моему сосѣду:

„Душечка, ване благородіе! Я каждое время и даже всегда о васъ думаю, насмѣшникъ, обидчикъ вы эдакой; я буду любить васъ по гробъ моей жизни. Вы непобѣдимы! Но надежда есть у моемъ сердцѣ!!.... Скажите дядюшкѣ Ивану Дмитриевичу, чтобъ они купили мнѣ платье изъ букмуслину и не забывали дрожашую

„Аметъ....“

„P. S. а также и шляпку.“

Теперь онъ жилъ въ своей деревушкѣ, въ Бѣлой-Черешневѣ.

да. Кто не знает Черошников? Она стоит как раз на большой дороге. Съ крыльца ея деревяннаго домика видны провзжіе из Москвы и из Одессы. Часто, въ глухую полночь, въ Черошниковку являются дорожныя страждущіе, и ихъ привимаютъ съ радушіемъ. Садъ Черешневки состоитъ изъ дремучаго лесу яблокъ и черешень. Плодовъ въ немъ не оберешься! Подъ самыми садами течетъ рѣчка, гдѣ можно ловить щукъ и карасей. На рѣчкѣ устроены китайскій мостикъ и павильонъ. Въ павильонѣ часто гремитъ оркестръ черашневской дворовой музыки.

День свой молодые проводятъ очень пріятно. Вставая тогда какъ крестьяне, пообѣдавъ, ложатся уже отдыхать, они пьютъ къ будоарѣ своемъ кофе и чай. Тутъ Айковъ открываетъ въ своей женѣ нѣсколько новыхъ достоинствъ и обогащаетъ ея познанія нѣсколькими новыми анекдотами. Жена одѣвается и заказываетъ обѣдъ, причемъ не мало достается ея итальянскому повару за то, что онъ не придумаетъ новыхъ сюрпризовъ для ея муженька. Муженекъ же идетъ въ кабинетъ, роется въ апокрифическихъ книгахъ и журналахъ, дѣлаетъ выписки, справки, составляетъ справочные лексиконы своихъ познаній, пишетъ письма въ наши столицы, въ Нижній-Новгородъ, въ Одессу и за границу. Между этими занятіями и завтракомъ онъ еще пишетъ ученые трактаты о сельскомъ хозяйствѣ въ отечествѣ и готовитъ ежемѣсячныя статьи для нашихъ журналовъ. Наконецъ настаетъ завтракъ....

Молодые супруги сходятся въ столовой. Хорошенькая женщина здѣсь блистаетъ всѣми своими чарами, всею свѣжестью своей рѣзвой природы.... Безъ церемоніи уничтожая маринированные грибы, отварную зелень и сардинки, супруги занимаются также чтеніемъ изящныхъ произведеній нашей журналистики. Въ последнее время они много и очень серьезно толковали о какой-то „Племянницѣ“ и о какихъ-то „Греческихъ стихотвореніяхъ“. Я давно не разрѣзывалъ получаемыхъ мною книгъ, и потому еще не знаю, что это именно за произведенія.

Толкуя о литературѣ и другихъ изящныхъ произведеніяхъ, молодые супруги никогда не замѣчаютъ, какъ летѣло время. Иногда бывають между ними и ученые диспуты. Особенно спорить

они объ английской литературѣ. Лизавета Ивановна увѣряютъ, что Шекспиръ — варваръ и говорить неприличности; а Андрей Любимычъ ей возражаетъ, что Жоржъ - Зандъ - фантазерка и больше ничего.... Андрей Любимычъ всегда проигрываетъ сраженіе, потому-что пылокъ, горячъ и очень гордится своимъ декламаторскимъ талантомъ: споры свои онъ заключаетъ тѣмъ, что беретъ со стола какое-нибудь стихотвореніе Брайанта и, желая имъ подтвердить свою мысль, увлекается, читаетъ все и читаетъ, и чтеніе это кончается тогда только, какъ лакей входитъ въ комнату и объявляетъ, что кушанье готово и обѣдъ на столѣ.

Обѣдаютъ мужъ и жена почти всегда одни. Большаго знакомства въ степи они не ведутъ, а мои сосѣди въ свой чередъ дичатся ихъ. Послѣ обѣда они пьютъ желтый чай, отдыхаютъ подъ тѣнью липъ или на балконѣ, и потомъ отправляются въ поле или въ лѣсъ. Вечеромъ они занимаются музыкой. Лизавета Ивановна разбираетъ мазурки Шопена или аріи итальянскихъ оперъ, а Андрей Любимычъ перевертываетъ листы.

Послѣ чаю они удаляются каждый въ свой кабинетъ. Лизавета Ивановна работаетъ въ пальцахъ или учится по-испански и по-нѣмецки, а Андрей Любимычъ снова роется въ своей библиотекѣ....

Время летѣло незаметно. Срокъ отпуска Айкова сталъ наконецъ видимо приближаться. Но молодые супруги не унывали и допивали чашу своихъ тихихъ, деревенскихъ наслажденій....

Видали ли вы когда-нибудь ландшафты во вкусъ старой фламандской школы? Или еще ближе: читали ли вы комедіи или драмы предшественниковъ Шекспира, — Томаса Киды, Марлоу, Декера, Уэбстера, Гэйвуда или Роулея? Помните ли вы въ нихъ этотъ грустный и широкій фонъ сюжета, эти растянутые эпизоды и этотъ неуловимый и тонкій, какъ горизонтъ нашихъ степей, очеркъ главной идеи? Не усматривали ли вы въ „Мальтійскомъ Жидѣ“, первообраза „Ричарда II“ или въ „Колдунѣ“ Миддълтона зародыша „Макбета“? Вы должны со мною согласиться, что наша степь въ свой чередъ можетъ приготовить васъ къ самой увлекательной се-

неволежности, къ проявленію въ дѣйствительности одного идеальнаго счастья. Нравственная устрица такъ же велика для меня, какъ и устрица морская, устрица елисейская или смуровская. Теплый уголокъ, хорошенькая жена, умный тесть, та-есть такой тесть, который въ зятѣ своемъ души не чуеъ сотни двѣ отборныхъ англійскихъ и русскихъ книгъ, сотрудничество въ достойномъ русскомъ журналѣ, передъ окномъ видъ на степную глушь и на безоблачное небо, зиную меланхолическій вой въ трубѣ и демонскіе сны послѣ чтенія какого-нибудь протокола одного изъ засѣданій англійскаго парламента, а лѣтомъ жара и тѣнь въ саду, купанье въ илстой рѣчонкѣ и охота за перепелами, наконецъ хлопоты по хозяйству, ярмарки, продажи, покупки, переписка и ежеминутное сознаніе тихаго спокойствія — все это заставляетъ меня произнести диониромъ сельской, степной жизни! Пожалуй, придирайтесь къ моимъ словамъ и острите на счетъ моихъ сосѣдей.... Они такъ счастливы, ихъ Бѣлая Черешневка такъ красива и такъ полна чего-то, въносящаго здоровьенъимиромъ,какого-то простодушнаго веселья, что они и не подозреваютъ о другой, лучшей жизни на землѣ... Вы можете оставить за ними имя *устрицъ*: ни Андрей Любимычъ, ни Лизавета Ивановна на васъ за это не разсердятся! Достанется мнѣ одному за мою болтливость.... Но я не трушу! Лизавета Ивановна сама при мнѣ трунила надъ одной своей сосѣдкой и наговорила не мало сатирическихъ колкостей по поводу описанія какого-то бывшаго ея поклонника... Поклонникъ этотъ однажды сталъ передъ нею на колѣна и повѣдалъ ей, что, если она выйдетъ за него замужъ, онъ будетъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ: въ прекрасное майское утро онъ будетъ курить гаванскую сигару и нюхать розу, а надъ нимъ въ кѣткѣ будетъ пѣть канарейка!...

И вотъ куда я вѣхалъ! Я, холостякъ, человекъ съ неоконченнымъ общественнымъ положеніемъ, желалъ подсмотреть картинку жизни моихъ чудныхъ сосѣдей!.. Лошади мои уже слышали близость гостепріимныхъ конюшенъ Черешневки.... Они лихо подхватываютъ мои неуклюжіе чертопьяны (смотри

выше) несутъ меня по рыхлому чернозему, и веселая деревушка съ розовыми огоньками выходитъ передо мною изъ за пригорка.....

Я въѣхалъ во дворъ.... Чистота и уютность наполняютъ мое сердце теплымъ и лихорадочнымъ бѣненіемъ.... Я всхожу на крыльцо.... Запахъ жасминовъ встрѣчаетъ меня въ растворенной двери...

Что-то дѣлаютъ мои молодые голубки?

Г. ДАНИЛЕВСКИЙ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СОНАТА БЕТГОВЕНА*.

— Что вы думаете о Бетговеиъ? спросилъ я однажды одного господина, — съ умомъ чрезвычайно оригинальнымъ, — съ которымъ любилъ разсуждать объ искусствѣ, составляющемъ для меня постоянный предметъ изученія.

— Что я думаю о Бетговеиъ? отвѣчалъ онъ, бросивъ на меня безकोшый и недовѣрчивый взглядъ. Что вы хотите этимъ сказать?

— Просто, хочу знать ваше мнѣнiе объ этомъ безсмертномъ гени, котораго характеръ, кажется, до сихъ поръ еще не объясненъ, несмотря на то, что объ немъ высказано столько различныхъ сужденiй.

Послѣ довольно продолжительнаго молчанiя, причину котораго я никакъ не могъ понять, этотъ странный человекъ сказалъ мнѣ:

— Пойдемте ко мнѣ.

Мы пришли къ нему на домъ; онъ отперъ конторку, вынулъ оттуда свертокъ бумагъ и отдалъ ихъ мнѣ, сказавъ:

Прочтите, что тутъ написано, если только можете разобрать,

* Статья эта служитъ дополненiемъ къ статьѣ «Бетговеиъ» того же автора, помѣщенной въ августовской книжкѣ Библиотеки для Чтенiя.

и тогда поймете, отчего я не рѣшился отвѣчать на вопросъ, который казался вамъ такимъ простымъ.

Въ бумагахъ этихъ, которые я взялъ съ собою, заключалось слѣдующее, писанное на итальянскомъ языкѣ.

«И такъ, это правда, вы уѣзжаете; вы выходите замужъ! Вы оставляете прелестную страну, гдѣ я узналъ васъ, вы рываєте невидимую цѣпь, связывавшую насъ, не смотря на усилія злыхъ людей, и отдаете другому сердце, первыя благоуханія котораго принадлежали мнѣ. Пусть исполнится судьба. Я ждалъ этого удара; уже давно предчувствовалъ я печальное пробужденіе, которое должно было смѣнить мой счастливый сонъ. Среди рѣдкихъ качествъ, отличающихъ васъ, сквозь эту ткань граціи и красоты, облекающую васъ магическимъ покровомъ, мои ослабленные глаза съумѣли однако же открыть едва замѣтные недостатки вашей богатой натуры. Да, милое дитя, и вы также носите въ себѣ свидѣтельство жевской слабости. Прежде, нежели скажу вамъ мое послѣднее прощаніе, заклинаю, выслушайте меня.

«Скоро будетъ шесть лѣтъ, какъ я получалъ отъ васъ признаніе въ чувствѣ, составляющемъ очарованіе и мученіе моей жизни. Это было въ прекраснѣйшій осенній вечеръ, если вы еще помните объ этомъ. Мнѣ же этотъ вечеръ памятенъ до самыхъ малѣйшихъ подробностей. Вы сидѣли въ небольшой гостиной вашей тетки: окна были растворены въ паркъ, окружающій этотъ превосходный замокъ. Было около восьми часовъ вечера. Тетка ваша съ остальными гостями гуляла въ паркѣ, вдыхая свѣжій воздухъ и болтая о тѣхъ милыхъ вещахъ, которыя не имѣютъ въ себѣ ничего опредѣленнаго и слетаютъ съ языка, какъ невольная вибрація воображенія. Мы были одни, что случалось съ нами часто. Вы сидѣли за роялемъ; ваши проворные пальчики разсѣянно бѣгали по клавишамъ; а я, притворяясь занятымъ чтеніемъ, сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ. Солнце, готовое исчезнуть за горизонтомъ, освѣщало насъ своими послѣдними пѣжными и дрожащими лучами. Вечернія тѣни медленно сходили съ ближняго холма, и луна, какъ цѣломудренная дѣва, съ трудомъ отдѣлялась отъ яркаго еще потока свѣта, окружавшаго ее, показывалась съ робкой кокетливостью надъ лѣсомъ. Маленькая гостиная, гдѣ вы

сидѣли, была исполнена таинственности и благоуханій, навѣянныхъ на насъ теплымъ вечернимъ вѣтеркомъ. Ничто не прерывало нашихъ уединенныхъ мечтаній, и только взрѣдка долеталъ до насъ смѣхъ гулявшихъ въ паркѣ, или меланхолическій свистъ востуха, проходившаго по большой дорогѣ. Въ комнатѣ становилось все темнѣе и темнѣе и я не могъ уже видѣть ни вашихъ свѣтлорусыхъ волосъ, граціозно падавшихъ на прелестную шейку, ни голубыхъ, меланхолическихъ глазъ. Вдругъ пальцы ваши, до того неопредѣлено скользившіе по послушнымъ клавишамъ, неволью оставались на одной темѣ, глубокіе и меланхолическіе ноты которой заставили меня вздрогнуть: это была соната Бетговена въ *ut dièse-mineur*.

Съ первыхъ тактовъ этого удивительнаго произведенія, я почувствовалъ лихорадочную дрожь. Голова моя склонилась на книгу, которая тихо выпала изъ рукъ. Эти продолжительные и мрачныя аккорды отозвались въ глубинѣ моей души и пробудили усыпленное воспоминаніе о моей печальной судьбѣ. Когда тема, веденная періодическимъ движеніемъ баса, перешла въ соотвѣтствующій тонъ *mi majeur*, лунный лучъ, прорѣзавъ легкіе облака, упалъ на насъ и какъ бы дополнилъ этимъ чудную модуляцію гения. Чѣмъ дальше развивалось анданте, тѣмъ больше волненіе мое увеличилось. Нечувствительно появились слезы на глазахъ, и на пятнадцатомъ тактѣ, слушая эти терзающія сердце ноты и этотъ диссонансъ *септимы*, выражающей глубокое отчаяніе, я не могъ удержать рыданій: Бетговенъ открылъ тайну моего сердца. Одни только поэты и артисты обладаютъ знаніемъ жизни, и изображая мученія и удовольствія души своей, изображаютъ радость и печаль всѣхъ. Вы чудеснымъ образомъ исполнили это безсмертное вдохновеніе, тема котораго, начатая въ *ut dièse-mineur*, исчезаетъ подъ сѣтью трогательныхъ модуляцій, потомъ снова появляется, и печально замираетъ въ первоначальномъ тонѣ; вы энергически съиграли бурное аллегро, составляющее вторую часть вьесы, гдѣ бредъ страсти то шуметь, то стихаетъ, гремитъ патетическими проклятіями и оканчивается послѣднимъ, отчаяннымъ крикомъ. — Я не выдержалъ этого страшнаго потрясенія, вскочилъ съ своего мѣста, и подошелъ къ окну, чтобъ скрыть свое волненіе. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, въ продолженіе которыхъ я старался со-

браться съ мыслями, устремивъ разсѣянный взглядъ въ паркъ, гдѣ все было темно, вы спросили меня.

« — Что съ вами?

« Въ голосѣ вашемъ слышно было волненіе, которое вы хотѣли скрыть.

« — Я страдаю глубокою скорбью Бетговена, отвѣчалъ я вамъ. Бѣдный и высокій геній, сколько ты долженъ былъ пролить слезъ въ твоей агоніи, столь же продолжительной, какъ и жизнь твоя!

« Развѣ Бетговенъ былъ несчастливъ?

« Можете ли вы въ этомъ сомнѣваться? Какъ бы могъ онъ написать сонату въ *ut dièze-minent*, балладу «Аделаида», анданте симфоніи въ *la* и множество другихъ удивительныхъ страницъ, которыя вы послѣ узнаете,—еслибъ не находилъ къ тому источника въ глубинѣ своего собственнаго сердца. Думаете-ли вы, что искусство, пустая игрушка ума, роскошь воображенія, которую по произволу приобрѣтаютъ и бросаютъ, или наконецъ ученое сплетеніе разныхъ лжей? Нѣтъ, нѣтъ! вы никогда не поддѣляетесь подъ языкъ страсти, если никогда ее не испытывали, никогда не тронете людей поддѣльнымъ выраженіемъ чувства, которое не проникло въ ваше сердце. Еслибъ я не боялся показаться въ вашихъ глазахъ педантомъ, я бы привелъ вамъ множество великихъ именъ, поэтовъ и бессмертныхъ мыслителей, которые всѣ защищали истину въ искусствѣ, и доказывали, что невозможно человека заставить раздѣлять чувство, если оно не испытано имъ самимъ. Гораций сказалъ, послѣ Аристотеля :

....Si vis me flere, dolendum est
Primum ipsi tibi?..

« И это правило, повторенное Боало и всѣми тѣми, которые брались учить искусству говорить и писать, не есть одно только правило эстетики; это всеобщая истина, которая примѣняется ко всѣмъ дѣйствіямъ жизни. Знаете ли, что такое софистъ? Это человекъ, который говоритъ обо всемъ *pro* и *contra* съ равнымъ стараніемъ, и воображаетъ, что можетъ обмануть на счетъ состоянія своего сердца и ума холодными хитросплетеніями діалектики. Знаете-ли, что такое риторъ? Это тоже сло-

весный ремесленник, который старается дополнить недостаток воображенія замысловатыми сочетаніями словъ. Софисты, риторы, гаеры и всѣ тѣ, которые замѣняютъ идеи словами, чувства пустыми формами и бездушными призраками, эти люди, въ умственномъ отношеніи то же, что лицеѣры въ нравственномъ. Это дѣлатели фальшивой монеты, которые покупаютъ искусство и наслажденіа жизни поддѣльными средствами. Нѣтъ! воля и ученые хитросплетенія не могутъ пополнять недостатокъ вдохновенія и тщетою человѣкъ старается процессомъ мышленія замѣнить таинственный голосъ чувства. Жизнь Бетговена, и въ особенности исторія сонаты, вами сейчасъ разыгранной съ такой глубокой выразительностью, доказываютъ это гораздо лучше общахъ мѣствъ.

« Отчего же вы мнѣ не разкажете происхожденія этой сонаты въ *ut dièze mineur*, которую я люблю больше всѣхъ другихъ сонатъ этого обширнаго и глубокаго гениа? Мнѣ ничего неизвѣстно изъ жизни этого великаго человѣка, а вы знаете, какъ я люблю васъ слушать, когда вы говорите объ искусствѣ, составляющемъ очарованіе моей жизни. Я ничего не понимала въ музыкѣ до тѣхъ-поръ, пока счастливый случай не привелъ васъ въ эту страну. Тетка моей, которая такъ цѣнитъ вашъ умъ, ваши знанія, и уважаетъ характеръ вашъ,—пріятно видѣть, что я нахожу удовольствіе въ интересной бесѣдѣ съ вами. Она думаетъ, что въ вашемъ взглядѣ на искусства и въ разсужденіяхъ внутреннихъ вамъ произведеніямъ великихъ композиторовъ, можно найти правила полезныя, столько же для жизни практической, какъ и для образованія вкуса.

« — Графиня де Норбаль, тетка ваша, какъ женщина умная, очень хорошо понимаетъ, что то, что мы называемъ обыкновенно вкусомъ, есть соединеніе всѣхъ тонкихъ оттѣнковъ ума и сердца. Искусства, повторяю, только воспроизводятъ идеалъ, заключенный въ насъ самихъ, идеалъ, который мы бы осуществили на землѣ, еслибы непослѣдовательность и слабости нашей ватуры не противопоставляли тому сильныхъ преградъ. Вотъ вамъ примѣръ. Посмотрите вокругъ себя, и замѣтьте порядокъ и граціозную изящность, которые повсюду видны здѣсь: все обнаруживаетъ вліяніе женщины, которая умѣла придать своему суще-

стравацію гармонію, царствующую въ душѣ ея. Безъ графини де-Норваль видѣть и въ блестящемъ и основательномъ образованіи, которое она дала намъ, точно также какъ и въ употребленіи, которое она дѣлаетъ изъ своего состоянія. Помощь бѣдному безъ всякаго шума и огласки, отборныя книги, гравюры, драгоценные предметы, украшающіе эти комнаты, музыка и другія удовольствія, которыми пользуетесь здѣсь, все это различными обнаруженіями благороднаго созданія, котораго умъ и сердце гармонически содѣйствуютъ къ достиженію истинной цѣли жизни—осуществленія прекраснаго. Ахъ! сколько печальныхъ и вѣстѣ пріятныхъ воспоминаній пробуждаетъ во мнѣ видъ этого свѣтлаго уголка, гдѣ меня приняли такъ благосклонно!.. Но я забылъ о Бетговенѣ и его сонатѣ въ *ut dièxe-tineur*, которой происхожденіе вы хотите знать! Какъ еще рано, а графиня де Норваль любитъ прогуливаться долго, то мнѣ есть еще время рассказать вамъ объ этомъ. И можно ли лучше употребить часы этой лѣной ночи, бесѣдуя о великомъ Бетговенѣ, который такъ хорошо принялъ гармонию природы.

Происходя изъ бѣднаго семейства артистовъ, Бетговенъ прорвелъ тревожно свое дѣтство, и воспитаніе его носило на себѣ сдѣды колкости его характера. Сначала надобно было даже принудить его заниматься искусствомъ, которое должно было обезсмертить его имя. Ему было непріятно садиться спокойно за фортепiano и подвергать свои руки чьсто механическому управленію. Тоже самое было и съ игрою на скрипкѣ, которой трудности онъ никогда не могъ преодолѣть.

Ни одинъ великій человекъ не имѣлъ характера, столько сходнаго съ своимъ гениемъ, или гениа, столько согласнаго съ натурою своего характера, какъ Бетговенъ. Съ ранняго возраста обнаружилъ онъ болѣзненную неровность своего мизантропическаго характера и ума. Онъ ни чему не учился, какъ другіе. Логическіе выводы устрашали это воображеніе, восхищенное видомъ природы. Онъ былъ глухъ къ схоластическимъ наставленіямъ и сердце его наполнилось живыми ощущеніями только при изученіи доклетныхъ произведеній любимыхъ композиторовъ. Онъ руководствовался внутреннимъ свѣтомъ, обыкновенной методою гениа, любилъ пить изъ живаго источника, и подобно птицѣ небесъ:

Онъ освѣтитъ свои крылья водою изъ чистаго ручья. Бѣхъ, Гейдель и Моцартъ—вотъ настоящіе его наставники. Онъ изучилъ ихъ вдохновляющія произведенія и усвоилъ ихъ себѣ. Отъ одного онъ взялъ дикую и бѣдную гармонію и учебную шаловливость вѣроятельныхъ его фугъ; у другаго величественный родъ мелодической фразы; у третьяго лучъ дивной граціи, которой тайному вліянію долго поддавался. Молодость Моцарта и Бетговева представляеть уже противоположность, которая позже замѣчается въ судьбѣ ихъ: одинъ кроткій, смиренный, благоговѣнно принимая совѣты учителей и развивается гармонически, безболѣзненно среди семьи своей, а другой, тревожный, непослушный, вырастаетъ съ челою, освѣненнымъ молніей бурь.

Любовь научила Бетговена говорить языкомъ страсти. Попробуйте ли, что есть педанты, которые пресеріозно спрашивать, испытывалъ ли когда нибудь это вѣжное чувство авторъ сонаты въ *ut dixit-tineur* и симфоніи въ *la*? О ученые кезъзды, воображающіе, что люди, подобные Глюку, Веберу и Бетговену, выковываются въ мастерскихъ контрапункта. Бѣдные критики: они смотрять на музыку только какъ на науку звуковъ, но ихъ собственному выраженію, а не какъ на искусство модулировать *il dolci lamenti* страсти.

Въ Боннѣ жило одно благородное семейство Брейшнговъ, въ которомъ молодой Бетговенъ былъ добродушно принятъ. Въ этомъ семействѣ, отличавшемся богатствомъ, вкусомъ и образованностью, безпокойный характеръ и пылкое воображеніе молодаго артиста находилъ себѣ мирный пріютъ. Онъ бывалъ тамъ почти каждый день, или съ какимъ-нибудь новымъ своимъ произведеніемъ, которое развѣгивалъ, или съ мрачнымъ лицомъ и сердцемъ, съ священнымъ одною изъ тѣхъ горестей, которыя составляютъ пищу и привилегію гения. Его благосклонно выслушивали, одобряли, старались утѣшить скорбь его взволнованной души; были очень снисходительны къ неровностямъ его характера. Иногда онъ пропадалъ по цѣлымъ недѣлямъ, и когда снова появлялся, его принимали безъ упрековъ и только дѣлали ему вѣжливые выговоры за продолжительное отсутствіе. Среди этого пресвѣщеннаго семейства, въ кругу образованныхъ особъ, тамъ собиравшихся, и остроумныхъ разговоровъ, Бетговенъ получилъ вкусъ къ избран-

тому обществу, которое всегда любил посѣщать, и первыя понятія объ отечественныхъ поэтахъ и великихъ писателяхъ. Въ числѣ лицъ, обыкновенно бывавшихъ у Брейшиговъ, была одна молодая дѣвушка, живая, остроумная, пѣжная и весьма кокетливая блондинка, которая называлась Анной Гонратъ. Она жила въ Кельнѣ и нѣсколько разъ въ году прїѣзжала навѣстить семейство Брейшиговъ. Дѣвица Гонратъ была небольшого росту, но стройная, образованная, веселаго характера, хорошая музыкантша и пѣвица со вкусомъ. Бетговенъ сильно влюбился въ нее. Онъ обнаруживалъ волненіе своего сердца или различными выходками, очень много забавлявшими прелестную Гонратъ, или импровизациями на фортепіано, которые восхищали ее, заставляли мечтать и иногда растрогивали до слезъ; такому преимуществу генія, оплодотвореннаго любовью; оно заставляетъ забыть все, различія возраста, положенія, званія и состоянія. Да, хотя дѣвица Гонратъ была уже невѣста одного господина, за котораго послѣ вышла замужъ, и была старше молодого Бетговена, однакожъ не могла равнодушно слушать его игру на фортепіано, послушномъ истолкователѣ его скорби или неопредѣленныхъ надеждъ. Ей овладѣвало душевное волненіе, и Бетговенъ, бывшій уже однимъ изъ удивительнѣйшихъ импровизаторовъ, вдругъ выросталъ въ ея глазахъ подъ огнемъ разжигающей страсти. Ей было гораздо свободнѣе разговаривать съ Бетговенонъ, котораго она возбуждала къ разнымъ наивнымъ выходкамъ своею шлою насмѣшливостью: это была газель, играющая съ львенкомъ. Однажды, отправляясь въ Кельнъ, она просилась съ своимъ молодымъ вздыхателемъ слѣдующими тремя стихами известной пѣснѣ:

Mich heute noch von dir zu trennen
Und dieses nicht verhindern können
Ist zu empfindlich für mein Herz *.

Однакожъ это не помѣшало дѣвицѣ Гонратъ выдти замужъ за одного австрійскаго капитана, Карла Грета, умершаго 15 октя-

* Какъ чувствительно для моего сердца опять сегодня разставаться съ тобою и не имѣть возможности воспрепятствовать этому.

бря 1827 года, въ чинѣ генералъ-маіора, командиромъ тринадцатаго линейнаго полка.

Ветговень долго хранилъ въ своемъ сердцѣ кровавые слѣды этой первой любви и глубоко чувствовалъ эту, какъ онъ самъ называлъ, нестрвность дѣвицы Гюратъ, и ни годы, ни развлеченія славы и ни новыя, сильнѣйшія печала не могли совершенно изгладить образъ этой молодой и граціозной дѣвушки, которая въ первые дни жизни заглянула въ его еще дѣвственную душу. Истинные поэты и артисты не имѣютъ почти дѣтства и не знаютъ старости. Душа ихъ развертывается, какъ чашечка цвѣтовъ, при первыхъ лучахъ зари, и одна смерть можетъ изсушить сокъ, волнующій ихъ. Микель-Анджело былъ влюбленъ въ женщину, которая никогда не принадлежала ему, а Гёте, на закатѣ дней своихъ, получилъ въ даръ шестнадцатилѣтнее сердце, которое обязано безсмертіемъ поцѣлюю, впечатлѣнному на дѣвственномъ челѣ подъ видомъ Маргариты. Такъ точно капля амбры увѣковѣчиваетъ парадную бабочку. Альфіеръ, Байронъ, Канова, все утверждали, что первая страсть пережила въ ихъ опечаленномъ сердцѣ все треволненія судьбы.

Но самый чудесный примѣръ скороспѣлой, продолжительной и плодотворной любви представляетъ намъ исторія Данта. Творецъ «*la Divina Comedia*» почувствовалъ то странное сотрясеніе, которое должно было рѣшить его участь и произвести одно изъ превосходныхъ образцовыхъ произведеній ума человѣческаго. Въ небольшой книгѣ, подъ заглавіемъ «*Vita Nuova*» столько же любопытной для философа, какъ и интересной для артиста, поэтъ рассказываетъ, что онъ, въ маѣ 1276 года, увидѣлъ въ первый разъ, въ одномъ домѣ во Флоренціи, ту, которая сдѣлалась предметомъ его мечтаній. Увидѣвши эту молоденькую дѣвочку, онъ вскричалъ, какъ самъ говоритъ, въ глубинѣ восхищенной души: «*Ecce deus fortior me, qui veniens dominabitur mihi!*». Девять лѣтъ спустя, онъ встрѣтилъ Беатриче на улицѣ Флоренціи, съ двумя благородными дамами. Одѣтая въ бѣлое платье, она шла величественною поступью, обернула голову и устремила на молчаливаго и дрожащаго человѣка свой взоръ *pietosi*. Съ этой минуты и въ особенности со времени смерти Беатриче, послѣдовавшей въ 1290 году, Данте рѣшился посвятить все

свои способности къ увеличенію памяти объ этой женщинѣ, которая на пути жизни бросила на него свою очаровательную тѣнь.

Бетговенъ, врачный гениі котораго имѣеть такъ много общаго съ гениемъ перваго италіанскаго поэта, оставилъ Боннъ и отпрѣвился довершить свое музыкальное образованіе въ Вѣну, центръ развитія симфоній и всякаго великаго движенія инструментальной музыки. Ему было тогда двадцать два года и онъ былъ извѣстенъ только какъ авторъ легкихъ произведеній, романсовъ, кантатъ и нѣсколькихъ пѣсень для фортепiano, въ которыхъ замѣтно почти постоянное подражаніе Моцарту, съ небольшою примѣсью собственной оригинальности. Онъ былъ принятъ въ Вѣнѣ съ рѣдкой благосклонностью докторомъ Ванъ-Свентеномъ, лейбъ-медикомъ императрицы Маріи-Терезы и большимъ любителемъ музыки. Домъ доктора Ванъ-Свентена былъ нѣчто въ родѣ академіи, гдѣ собиравались три раза въ недѣлю много аматѣровъ и просвѣщенныхъ артистовъ для совокупнаго изученія образцовыхъ произведеній искусства. Тамъ-то молодой Бетговенъ имѣлъ случай ближе познакомиться съ гениальными произведеніями Баха, Генделя, Гайдна и Моцарта, а также и съ великими композиторами италіанской школы, до Палестрины включительно.

Около этого-же времени онъ познакомился съ княземъ Лихновскимъ, ученикомъ Моцарта. Жена князя была дочь графа Туна, у котораго авторъ «Донъ-Жуана» и «Свадьбы Фигаро» останавливался въ Прагѣ, когда прѣхалъ въ этотъ городъ въ первый разъ, въ 1786 году. Въ домѣ князя Лихновскаго молодой Бетговенъ встрѣтилъ то же радушіе, какъ и въ семействѣ Брейшпигговъ. Тамъ на него смотрѣли какъ на гениальнаго молодаго человѣка, нуждающагося въ совѣтахъ и утѣшеніяхъ. Для исполненія произведеній его гениа, по мѣрѣ того какъ онъ сочинялся, отданъ былъ ему въ распоряженіе квартетъ, составленный изъ самыхъ замѣтныхъ артистовъ, какіе были тогда въ Вѣнѣ. Совѣты этихъ замѣчательныхъ людей были очень полезны Бетговену, который узналъ такимъ-образомъ свойство и механизмъ каждаго инструмента. Ему также давали совѣты Гайднъ и Албрехтсбергеръ, ученый и строгій контрапунктистъ, который скорѣе навугалъ пылкое воображеніе своего ученика, нежели просвѣтилъ его, по-

тому что Бетговена, кажется, не шельма въ немъ, ни не творецъ силеюи наставника по своему гению, болѣе дѣйствующему по вдохновенію, нежели терпѣливному и покорному. Бетговень часто говорилъ друзьямъ, въ послѣдніе годы своей жизни что самый полезный человекъ для него, въ отношеніи знанія матеріальнаго процесса композиціи, былъ Шенкъ, милый композиторъ, извѣстный по оперѣ, имѣвшей успѣхъ: «Деревенскій цырульникъ».

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ то время, когда Бетговени былъ въ полномъ развитіи жизни и способностей своихъ, его поразила самая страшная болѣзнь, какая только можетъ постигнуть музыканта: онъ оглохъ. Болѣзнь эта, которую онъ почувствовалъ еще въ 1796 году, все увеличивалась годъ отъ году и по невѣжеству пользовавшихся его медиковъ, сдѣлалась неизлечимою. И вотъ композиторъ, граціозный гений, поражающій новый міръ, осужденъ никогда не слышать того, что составляетъ вѣчное наслажденіе потомства. И вотъ поэтъ, великій какъ Гомеръ, Данте, Микель Анджели или Шекспиръ, съ которыми онъ имѣетъ много общаго по плодovitости фантазіи, не будетъ никогда въ возможности проникнуть въ очарованный лѣсъ, появляющійся по мановенію его магическаго жезла, и наполненный имъ таинственными звуками. Вы можете вообразить, каково было положеніе этого великаго человѣка! Врачье отчаяніе овладѣло его душою. Стыдясь глухоты своей, въ которой не смѣлъ признаться, онъ убѣгалъ человѣческаго общества. Въ завѣщаніи, написанномъ имъ въ 1802 году, и найденномъ вчертѣ послѣ его смерти, замѣчательны слѣдующія слова: «Люди, считающіе меня злымъ, сумасшедшимъ или мизантропомъ, клеветуютъ на меня, потому что не знаютъ причины моихъ дѣйствій. Сердце мое и умъ были созданы для того, чтобы понимать и вкушать наслажденія общительной жизни, но ужасная болѣзнь, которую невѣжественные медики сдѣлали неизлечимою, отдѣвла меня навсегда отъ свѣта. Возденный съ огненнымъ темпераментомъ и воображеніемъ, которому нравились милые разговоры и вѣжныя изліянія, я осужденъ жить подобно изгнаннику. Сколько горькихъ мыслей толпилось въ головѣ моей, среди этого глубокаго уединенія, сколько разъ я хотѣлъ прекратить жизнь мою, но искусство, бессмертное

искусство оставалось моею рукою; мнѣ казалось постыднымъ оставить мѣръ, не совершивши всего задуманнаго мною... О, всемогущій Боже! видящій всю глубину моего сердца, Ты знаешь, что ненависть и зависть никогда туда не проникали! И вы, которые будете читать эти строки, подумайте, что писавшій ихъ всѣми силами старался заслужить уваженіе себѣ подобныхъ.»

Въ 1810 году, онъ познакомился съ Беттиною Арнимъ, а черезъ нее съ Гёте, къ которому питалъ живое удивленіе. Оба великіе поэта встрѣтились въ первый разъ на водахъ, въ Теплицѣ, въ Богеміи, лѣтомъ 1812 года.

Авторъ «Фиделіо» не былъ никогда женатъ. Не смотря на свой недугъ, требовавшій попеченій простой и преданной женщины, онъ не хотѣлъ заключить союзъ. Кромѣ того, переносить его строптивый характеръ, его нервическій темпераментъ, его угрюмый нравъ, не опредѣленную меланхолю, — удѣлъ всѣхъ великихъ людей, по замѣчанію Аристотеля, — могла только женщина нѣжная и благочестивая. Бетговенъ искалъ уединенія, гдѣ задумываются великія вещи: шумъ толпы пугаетъ скромность души и разгоняетъ обильныя идеи, которыя разлетаются, какъ птицы при приближеніи охотника. Онъ убѣгалъ въ лѣсъ, гдѣ любилъ вдыхать упительный запахъ и слушать таинственное *шептаніе*, эти вздохи природы, которая, кажется, трепещетъ подъ поцѣлуи человѣка, оплодотворяющаго ее. Онъ провелъ три четверти своей жизни въ веселыхъ деревняхъ Бадена и Гетцендорфа, окружающихъ лѣсъ въ Шенбруннѣ, императорской резиденціи. Подъ тѣнью этого лѣса онъ написалъ, въ 1805 году, оперу «Фиделіо». Онъ работалъ много, большею частью въ позднее время ночи. Мысль его трудно выработывалась и осуществлялась послѣ многихъ попытокъ, которыхъ слѣды остались въ его рукописяхъ. Есть произведенія, напримѣръ «Фиделіо», которыя онъ писалъ цѣлкомъ три раза.

Творенія Бетговена одиѣ изъ огромнѣйшихъ. По разнообразію и величинѣ формъ, ихъ можно сравнить съ произведеніями Микель-Анджело или Шекспира. Онъ писалъ во всѣхъ родахъ и для всѣхъ инструментовъ, отъ пѣсни до оперы, отъ простаго каприза для флейты до симфоніи, гдѣ всѣ діалекты и стили соединены въ могучей картинѣ. Не смотря на всѣ красоты въ «Фиделіо», въ большой пѣснѣ въ ге, въ кантатахъ и этой удивительной балладѣ

«Аделандъ», которую вы такъ хорошо поете, — Бетговенъ гораздо ниже Моцарта и даже Вебера въ вокальной музыкѣ и лирической драмѣ. Его пылкому гению и нестерпимому воображенію трудно было сдерживаться въ ограниченной рамѣ человеческого голоса, отъ котораго онъ требовалъ невозможныхъ усилій. Въ его Симфоніи съ хорами, въ каптатахъ и «Фиделію», есть мѣста, совершенно неисполнимыя. Однажды, когда репетировали, подъ его управленіемъ, оперу, госпожа Зонтагъ и Унгеръ, пѣвшія въ ней, одна соло для сопрано, другая для контральто, имѣли съ Бетговеномъ презабавное объясненіе. Не могли взять слишкомъ высокихъ нотъ, они просили автора перемѣнить ихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ, прошу васъ пѣть такъ, какъ написано. Знаю, что моя музыка не такъ удобна къ исполненію, какъ общія мѣста господъ Италіянцевъ; но я желаю, чтобы она была исполнена, какъ написано.

— Но если это невозможно!

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Бетговенъ, качая головою.

— О вы, тиранъ бѣдныхъ пѣвцовъ, замѣтила ему съ живостью госпожа Унгеръ, и обѣ пѣвицы, сговорившись, спѣли эти пассажи, измѣнивъ ихъ по своему, и оставивъ Бетговена въ совершенномъ невѣденіи ихъ продѣлки.

Сила и оригинальность Бетговена блистаютъ въ инструментальной музыкѣ. Лирической поэтъ, съ душою религіозной и глубокой, съ грандіознымъ и милымъ воображеніемъ, онъ вполне высказывался только въ тѣхъ инструментахъ, которые говорятъ на всѣхъ языкахъ и воспроизводятъ все звуки природы. Соната, концертъ, тріо, квартетъ, все эти формы поэзіи звуковъ, которые Бахъ, Гайднъ и Моцартъ, казалось, установили навсегда, получаютъ отъ Бетговена новую фizioномію: онъ раздвинулъ ихъ раму и сдѣлалъ изъ нихъ картины, гдѣ самая прихотливая фантазія соединяется съ рыданіями скорби и драматическимъ проклятіемъ. Да, отличительный характеръ инструментальной музыки Бетговена состоитъ въ томъ, что она задумана подъ вліяніемъ дѣйствительнаго чувства, обнаруживаетъ его тайну, рассказываетъ объ его непостояствѣ. Это настоящія драмы, гдѣ страсть развивается среди всей роскоши воображенія, которое она возбуждаетъ къ произведенію. Тамъ вы находите все звуки, отъ про-

стаго речитатива, до патетическаго взрыва отчаянія. Оттого каждое произведеніе Бетговена имѣетъ связь съ какимъ нибудь случаемъ изъ его жизни, и увѣковѣчиваетъ такимъ-образомъ память объ немъ. Такъ, напримеръ «Symphonie héroïque» (третья), оконченная въ 1804 году, была задумана имъ для прославленія Наполеона. Первая идея этой мрачной и превосходной поэмы была внушена ему генераломъ Бернадоттомъ, посланникомъ французской республики при вѣнскомъ дворѣ. Квартетъ органа 12, въ которомъ есть адажіо съ такой трогательной мелодіей, былъ написанъ весною 1825 года, послѣ долгой болѣзни, о которой Бетговенъ сохранилъ воспоминаніе въ слѣдующемъ эпиграфѣ: *Canzone di ringraziamento in modo lirico, offerta alla Divinita da un guarito.*

Въ числѣ колоссальныхъ произведеній Бетговена, въ которыхъ властвуютъ его девять симфоній,—сонаты для фортепіано, въ числѣ сорока-деяти, занимаютъ совершенно особое мѣсто; онѣ въ отношеніи къ генію Бетговена тоже, что *Lieder* въ отношеніи къ генію Гёте: выраженіе испытаннаго чувства, идеализація какого нибудь случая жизни. Это задушевныя поэмы, имѣющія свою исторію, предметомъ которой всегда бываетъ любовь. Сердце его было постоянно наполнено любимымъ предметомъ, и изъ боязни разочарованія онъ никогда не хотѣлъ жениться. Многія замѣчательныя женщины, принадлежащія всѣ къ аристократіи, сумѣли привлечь къ себѣ вниманіе Бетговена. Въ числѣ этихъ женщинъ, упоминаютъ о графини Маріи Ердёди (*Erdödy*), которой онъ посвятилъ два превосходныя трио, органа 70. Она жила въ Венгріи, и приказала выстроить среди своего парка небольшой павильонъ, куда никто, кромѣ ея, не имѣлъ права входить, и который былъ посвященъ генію ея обожателя. Мы сказали уже, что музыка Бетговена и въ особенности его сонаты для фортепіано — драматическое выраженіе испытаннаго чувства, идеальная живопиcь какого нибудь случая жизни. Подтверженіемъ этому можетъ служить отчасти то, что Бетговенъ просилъ своихъ издателей сохранить всѣмъ его произведеніямъ эстетическія наименованія, данныя имъ. «Музыка моя, говорилъ онъ часто, должна объясняться сердцемъ, а не *метрономомъ*. Надобно се чувствовать и декламировать какъ стихи, а не просто *играть* пальцами. Кто

не может понять, что значатъ слова: *прости, отсутствіе, обращеніе*, пусть никогда не садится играть сонату, опера 81. Какой настоящей артистъ не догадается, что *largo* третьей сонаты въ ге миноръ — мечтаніе меланхолической души, которая ни на чемъ не останавливается, которую ничто не удовлетворяетъ, которая борется среди неосвязаемыхъ тѣней, окружающихъ и волнующихъ ее. Хотите узнать основную идею двухъ сонатъ, опера 27 и 29, прочтите «Бурю Шекспира»!

Самыя лучшія свои произведенія Бетговенъ написалъ въ счастливѣйшую эпоху жизни, то-есть, съ 1800 по 1816 годъ. Въ это время онъ былъ знакомъ съ женщиной, игравшей большую роль въ его жизни; память объ этой женщинѣ передается далекимъ въкамъ въ мрачныхъ и меланхолическихъ аккордахъ сонаты въ *ut diecis* миноръ, посвященной ей. Она называлась Джульетта ди Гвиччарди (Guicciardi), и граціозностью своей наружности, блондуриной, роскошными волосами и живостью ума, оживила въ сердцѣ Бетговенса образъ мадамъ Гонратъ. Въ самомъ дѣлѣ, человекъ можетъ глубоко любить одну только типъ женщины, которой идеалъ онъ ищетъ постоянно въ разблѣнныхъ предметахъ, какіе представляетъ ему дѣйствительность. Въ глубинѣ нашего сердца происходятъ нѣчто подобное прививкѣ деревьевъ, старый садъ которыхъ служитъ къ произведенію новыхъ плодовъ. Такимъ образомъ новыя страсти берутъ начало свое въ воспоминаніяхъ прошедшаго, и, кажется, оживляютъ исчезнувшія мечты его. Увы! больше, нежели кто-нибудь, я могу свидѣтельствовать объ истинѣ этого оживленія нашихъ чувствъ.

Страсть Бетговена къ Джульеттѣ ди Гвиччарди была одна изъ самыхъ пылкихъ, и, кажется, пережившая въ этой, постоянно взволнованной душѣ, всѣ другія обольщенія судьбы. Никогда не могъ онъ забыть имя этой женщины, которая управляла его сердцемъ во время самаго славнаго періода его жизни, и, до послѣдней минуты, его хладѣющія уста шептали это имя. Три письма Бетговена, найденныя вчерпѣ послѣ его смерти, доказываютъ намъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что этотъ чудный геній былъ далеко отъ того дикаго дѣлателя симфоній, какіихъ представляютъ намъ его біографы. Эти три письма, самыя замѣчательныя мѣста которыхъ я удержалъ въ памяти, потому

что нашелъ въ нихъ подтвержденіе моихъ убѣжденіямъ, написаны имъ во время его отсутствія, продолжавшагося нѣсколько мѣсяцевъ. Отправившись пить воды въ какой-то венгерской деревнѣ, онъ писалъ Джульеттѣ въ іюлѣ 1806 года:

Жизнь моя, я могу тебѣ послать сегодня только нѣсколько строкъ, которыя пишу твоимъ карандашомъ. Къ чему эта печаль? Любовь не есть ли законъ жертвы? Сердце мое до того наполнено твоимъ изображеніемъ, что языкъ не въ состояніи выразить того, что я чувствую. Утѣшься, Джульета, будь вѣрна мнѣ и оставишь судьбѣ совершать остальное... — Ты страдаешь, Джульетта? а я, если бы ты знала, какую ужасную жизнь веду я здѣсь, вдали отъ тебя!.. Я не могу закрыть глазъ; вдали отъ тебя я похожъ на блуждающую тѣнь. Когда, обнявъ тебя, я вознесусь въ вѣчныя сѣры? О Боже всемогущій! зачѣмъ раздѣлять два сердца, столь необходимы одно другому. Любовь твоя, моя Джульетта, — очарованіе и мученіе моей жизни. Съ какими нетерпѣніемъ жду я минуты, когда буду опять съ тобою, чтобы никогда не разлучаться! Любовь, любовь, ты моя сила, ты — источникъ моего вдохновенія!

Но кто можетъ разгадать сердце женщины? Нѣсколько мѣсяцовъ спустя послѣ этой переписки, которая, кажется, указывала на нетерпѣніе и блаженство раздѣленной любви, Бетговенъ узнаетъ, что предметъ его страсти, та, которая еще такъ недавно высказывала ему столько вѣжностей, — невѣста другаго. Ничто не можетъ выразить глубокаго отчаянія, овладѣвшаго этимъ великимъ человѣкомъ. Онъ уѣхалъ изъ Вѣны, какъ раненный левъ, уносящій въ бокахъ своихъ отравленные стрѣлы, и отправился искать убѣжища въ Венгрію, возлѣ стараго друга, графини Ердѣи; но не могши оставаться на одномъ мѣстѣ, онъ исчезъ изъ замка, и три дня блуждалъ по пустыннымъ полямъ, съ своею скорбью, которую ничто не могло утѣшить. Онъ найденъ лежащимъ въ изнеможеніи на краю рва, женою ортепаннаго учителя графини Ердѣи, и былъ приведенъ ею въ замокъ. Бетговенъ признался этой женщинѣ, что онъ хотѣлъ умерить себя голодомъ. Осаждаемая постоянно совѣтами семейства и въ особенности настояніями матери, которая хотѣла, чтобы дочь ея непременно вышла замужъ за человѣка съ титуломъ, Джуль-

етта Гвиччарди сдѣлалась женою графа Галемберга, бѣднаго дворянина, котораго она знала прежде Бетговена. Этотъ графъ Галембергъ былъ тоже музыкантъ и жилъ исключительно своимъ талантомъ. Онъ сочинилъ музыку для многихъ балетовъ, имѣвшихъ успѣхъ. Въ 1822 году, графиня Галембергъ, по смерти мужа, изнемогая отъ угрызенія совѣсти, явилась, со слезами на глазахъ, вымолить себѣ прощеніе у своего знаменитаго возлюбленнаго, который, посмотрѣвъ на нее сердитымъ взглядомъ, отвернулся, и не сказалъ ни слова.

Имя этой женщины, не могшей удержаться на высотѣ чувства, внушеннаго ей, переживетъ однакожъ свою бренную оболочку, благодаря сонатѣ въ *ut dièze mineur*, куда Бетговень вынулъ, какъ въ чашу горести, рыданія своей скорби*.

Только что я кончилъ рассказъ этотъ, какъ ваша дрожащая рука, ребко сжимая мою, показала, что вы открыли тайну моего сердца. Приходъ госпожи Нарбаль съ гостями внезапно охладилъ волненіе, которое овлаждало нами, какъ электрическій токъ. Шесть лѣтъ прошло послѣ этого роковаго вечера, причины очень многого, объ чемъ я вамъ не буду напоминать, и что время унесло уже въ вѣчную ночь. Увы! онѣ уже существуютъ только въ моемъ воспоминаніи, эти счастливые часы, когда вы пѣли подлѣ меня созданія великихъ мастро, и въ особенности Мацарта, котораго меланхолическій и вѣжнѣйшій геній такъ согласовался съ природою высшихъ чувствъ. Ваши вздохи, смѣшиваясь съ чудными аккордами, наполняли душу мою невыразимымъ упоеніемъ. Что сталося съ вашими клятвами разорвать всѣ препятствія, которыя встрѣтились бы для нашей любви? Увы! они исчезли вѣстѣ съ звукомъ вашихъ словъ! Вы несете въ жертву матеріальнымъ расчетамъ поэзію сердца. Нѣтъ, нѣтъ, матеріальныя удовольствія не могутъ замѣнить безконечнаго блаженства чувства. Нельзя обмануться бездушными призраками. Жизнь безъ любви — это произведеніе безъ вдохновенія. Прежде нежели мы расстанемся съ вами навсегда, позвольте передать вамъ мою послѣднюю просьбу. Во время уединенныхъ часовъ, которые вы

* Джульетта Гвиччарди умерла въ Вѣнѣ, 1840 году.

можете исторгнуть у вашего новаго существованія, въ ночной тишинѣ, когда дума свободна отъ земнаго шума и наполнена таинственными предчувствіями, заклинаю васъ, съядте когда-нибудь за фортепіано, сыграйте сонату въ *ut dièze mineur* Бетговена и удѣлите нѣсколько слезинокъ воспоминанію о сердцѣ, которое вы разбили, и которое вызываетъ къ вамъ съ другаго берега: Фредерика, Фредерика, прости на вѣкъ!

Мнѣ остается только кончить жизнь, повторяя вѣстѣ съ пономѣмъ, котораго мы читали вѣстѣ :

En vain le jour succède au jour,
Ils glissent sans laisser de trace:
Dans mon ame rien ne l'efface,
O! dernier songe de l'amour!

Разсказъ этотъ — не выдумка моей фантазіи, а истинный эпизодъ изъ жизни интереснаго человѣка, которую я разскажу вамъ въ другой разъ.

=

ТИЦАНЕЛЛО.

=

Въ февралѣ 1580 года, на разсвѣтѣ, молодой человекъ пришелъ въ Венецію на Пиацету. Одежда его была въ безпорядкѣ: токъ, на которомъ развѣвалось красивое красное перо, надвинутъ былъ на уши. Онъ шелъ большими шагами къ Славянской набережной и шага его и плащъ тащились за нимъ, между-тѣмъ какъ онъ презрительно шагалъ черезъ головы рыболововъ, спящихъ на землѣ. Дойдя до мосту di Paglia, онъ остановился и посмотрѣлъ вокругъ. Луна закатывалась за Джудеккой и Аврора позлащала дворецъ дождей. Время отъ времени густой дымъ и яркій свѣтъ вырывались изъ сосѣдняго палаццо. Тюремный каналъ былъ заваленъ бревнами, камнями, огромными кусками мрамору. Недавній пожаръ разрушилъ жилище одного патриція. Искры вылетали по временамъ и при этомъ зловѣщемъ свѣтѣ видѣлся вооруженный солдатъ, бодрствовавшій среди развалинъ.

Но нашего молодого человека не поразило ни это зрѣлище разрушенія, ни красота неба, которое расплѣчивалось самыми свѣжими оттѣнками. Онъ смотрѣлъ нѣсколько времени на горизонтъ, чтобы глазамъ стало свѣтлѣе. Но дневной свѣтъ, казалось, произвелъ на него неприятное дѣйствіе: онъ быстро завернулся въ плащъ и продолжалъ дорогу бѣгомъ, скоро снова остановился у воротъ одного палаццо и постучался. Слуга, со свѣчой въ рукѣ, тотчасъ отворилъ ему дверь. Обернувшись и бросивъ еще одинъ взоръ на небо, онъ вскричалъ:

— Клянусь, карнавалъ нивѣ дорого стоитъ!

Этот молодой человекъ назывался Помпоніо Филиппо Вечеліо. Это былъ второй сынъ Тиціана, молодой человекъ съ умомъ и воображеніемъ, подававшій отцу блистательныя надежды, по котораго страсть къ игрѣ увлекала въ непрерывные беспорядки. Только прошло четыре года какъ великій живописецъ и старшій сынъ его, Ораціо, умерли почти въ одно время, и молодой Пиппо въ эти четыре года уже промоталъ большую часть огромнаго богатства, доставшагося ему отъ этого двойнаго наслѣдства. Видѣто того, чтобы совершенствовать природныя дарованія и поддерживать славу своего имени, онъ днемъ спалъ, а ночью игралъ у пѣкаго сеньора Орсини. У него каждый вечеръ собиралась многочисленная компанія дворянъ; тамъ ужинали, играли, и какъ за ужинъ не платили, то, разумѣется, что кости вознаграждали хозяина. Между-тѣмъ какъ кучи золота передвигались, лилось кипрское вино, перемигиваніе шло своимъ чередомъ, и жертвы, вдвойнѣ ослѣпленныя, оставляли тамъ и деньги и разумокъ.'

Изъ этого-то именно дома вышелъ Пиппо. Не одну востро едѣлалъ онъ въ эту ночь. Кромѣ того, что опорожнилъ карманы въ домѣ сеньора Орсини, единственная картина, которую онъ окончилъ въ своей жизни, картина, которую всѣ знатоки находили превосходной, погибла въ пожарѣ палатцо Долфинно. Содержаніе ея было историческое, исполненное съ силою и смѣлостью кисти, достойными самого Тиціана; проданная богатому сенатору, эта картина имѣла одинакую участь со множествомъ другихъ драгоценныхъ произведеній: неосторожность слуги превратила въ пепель эти сокровища. Но Пиппо мало о томъ заботился, онъ только думалъ, что несчастіе преслѣдовало его въ игрѣ съ ожесточеніемъ, что онъ страшно проигрался.

Воротясь домой, онъ началъ считать деньги, оставшіяся у него въ ящикѣ, потомъ, будучи по природѣ характера веселаго и беззаботнаго, раздѣлся и сѣлъ въ шlafрокѣ къ окну. Видя, что уже разсвѣло, онъ не зналъ, закрыть ли ему ставни и лечь въ постель или встать какъ другіе и, не рѣшаясь ни на то, ни на другое, пилъ шоколадъ на балконѣ, борясь со своимъ. Едва закрывались глаза, ему чудился столъ, блѣдныя лица, обычный противникъ, старшій серъ Веспазіано Меммо, завладѣвающій золотомъ на сукнѣ. Тогда онъ проворно раскрывалъ вѣки, чтобы избавиться отъ гадкаго сна и смотрѣлъ на дѣвушекъ, проходящихъ по набережной; вдругъ ему показалась издали замаскированная женщина. Онъ удивился, хотя это было время карпавала, но простолюдины не маскировались, а въ такое раннее время венеціанской знатной ба-

рыи странно было выйти одной пѣшкомъ; (прежде въ Венеціи выходили въ маскахъ, пока продолжался карнавалъ). Но онъ узналъ, что принялъ за маску лицо Негритянки. Она шла очень скоро и Пиппо, свѣсившись съ балкона, увидѣлъ съ удивленіемъ, что Негритянка стучалась къ нему въ дверь. Привратникъ не отворялъ.

— Кого тебѣ надо? закричалъ молодой человѣкъ. Ко мнѣ пришла ты, что ли? Моя фамилія Вечелліо, я самъ пойду отворю тебѣ.

Негритянка подняла голову.

— Васъ зовутъ Помпоніо Вечелліо?

— Да, или Пиппо, коли хочешь.

— Вы сынъ Тиціана?

— Къ твоимъ услугамъ. Чтò тебѣ угодно?

Бросивъ на Пиппо быстрый и любопытный взглядъ, Негритянка сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ, ловко кинула на балконъ ящичекъ, завернутый въ бумагу, потомъ убѣжала, обращиваясь время отъ времени. Пиппо поднялъ ящичекъ, открылъ, и нашелъ тамъ хорошевыій кошелекъ, завернутый въ хлопчатую бумагу. Онъ подумалъ, что въ хлопчатой бумагѣ можетъ быть записка, которая объяснитъ это приключеніе. Записка точно была, но такъ же таинственна какъ все остальное:

«Не мотай беззолезно того, что во мнѣ заключается; выходя изъ дому, положи въ меня червонецъ — на день будетъ, а если къ вечеру что останется, хоть бы самая малость, найдется бѣднякъ, который и за это поблагодаритъ тебѣ». Когда молодой человѣкъ разъ сто перевернулъ ящичекъ, разсмотрѣлъ кошелекъ, снова взглянулъ на записку и увидѣлъ ясно, что не узнаетъ ничего больше, онъ подумалъ: — надо признаться, что это престранный подарокъ и явился вовсе не кстатъ. Совѣтъ хорошъ, да не время говорить тебѣ, тому, кто уже на днѣ морскомъ. Кто это мнѣ его прислалъ?

Пиппо легко догадался, что Негритянка была служанка. Онъ началъ припоминать, какая женщина или какой пріятель могъ ему прислать такой подарокъ, и какъ скромность не ослѣпляла его, онъ увѣрилъ себя, что это должна быть скорѣе женщина чѣмъ пріятель. Кошелекъ былъ бархатный, вышитый золотомъ; ему показалось, что онъ отдѣлавъ такъ изящно, что не могъ выйти изъ лавки купца. Онъ перебѣгалъ въ головѣ, сначала самыхъ прелестныхъ венеціанскихъ дамъ, потомъ тѣхъ, которыя были не такъ красивы, потомъ остановился на этомъ и спросилъ себя, ка-

кимъ бы образомъ узнать, отъ кого этотъ кошелекъ? Тутъ онъ пустился въ самыя отважныя и сладостныя мечты, нѣсколько разъ думалъ, что уже отгадалъ, сердце у него билось, между-тѣмъ, какъ онъ старался узнать почеркъ; одна болонская княгиня именно-такъ ставила прописныя буквы и у одной красавицы изъ Брешии, почеркъ походивъ на этотъ.

Ничего не можетъ быть неприятелие, какъ досадная мысль вдругъ прокрадется среди такихъ мечтаний; это все равно, какъ если гуляя на лугу съ цвѣтами, наступить на змѣю. Это испыталъ Пиппо, когда вдругъ вспомнилъ, что вѣкая Монна Біанкина съ своимъ любезнымъ братцемъ воображали, что онъ, сынъ славнаго живописца и человѣкъ богатый, предложить ей свою руку. Съ этой женщиной онъ познакомился въ маскарадѣ, она была довольно хороша, но Пиппо не чувствовалъ къ ней ни малѣйшей склонности. Монна Біанкина, напротивъ, вдругъ страстно въ него влюбилась и даже усиливалась видѣть любовь тамъ, гдѣ была только вѣжливость; осыпала его, при свиданіи съ нимъ въ обществѣ, вѣжными упреками, но все это страшно ему надоѣло, онъ поклялся не обращать на все это ни малѣйшаго вниманія, и сдержалъ слово. Ему пришло на мысль, что Монна Біанкина прислала ему кошелекъ и это подозрѣніе разрушило его веселость и мечты; чѣмъ болѣе онъ думалъ, тѣмъ правдоподобнѣе находилъ это предположеніе. Онъ закрылъ окно очень не въ духѣ и легъ спать.

Но заснуть онъ не могъ; не смотря на всю вѣроятность, онъ былъ не въ состояніи отказаться отъ сомнѣнія, льстившаго его гордости; невольно продолжалъ онъ мечтать, то хотѣлъ забыть кошелекъ, то отрицать существованіе Монны Біанкины, чтобы свободнѣе отъискивать. Однако онъ задернулъ завѣски и повернулся къ стѣнѣ, чтобы не видѣть дневнаго свѣту, но вдругъ спрыгнулъ съ постели и позвалъ слугу. Ему пришло въ голову очень простое размышленіе, о которомъ онъ прежде и не подумалъ. Монна Біанкина была не богата, мать ея имѣла одну только служанку и не Негритянку, а толстую дѣвку изъ Кіап. Какимъ образомъ могла бы она достать, для этого случая, эту неизвѣстную посланицу, которую Пиппо никогда не видѣлъ въ Венеціи? Мой привѣтъ твоему червону лицу, вскричалъ онъ, и африканскому солнцу, которое такъ тебя размалевало! И вѣстившаяся долѣе, онъ спросилъ кафтана и велѣлъ подать гондолу.

Онъ рѣшился посѣтить синьору Доротеею, жену авогадора, Паскуалиго. Дама эта, почтенная по лѣтамъ, была одна изъ са-

ныхъ богатыхъ и остроумныхъ въ Венеціи и яромъ того, крестьянка мать Пиппо, и какъ она знала всѣхъ благородныхъ особъ въ Венеціи, овъ надѣялся, что она поможетъ ему разъяснить занимавшую его тайну. Онъ подумалъ однако, что еще рано явиться къ своей покровительницѣ и пока поѣхалъ прогуляться подъ Прокураціями.

Случаю было угодно, чтобы онъ именно тамъ встрѣтилъ Монну Біанкину, покупавшую себѣ что-то; онъ вошелъ въ лавку и самъ не зная зачѣмъ, послѣ вѣсколькихъ незначительныхъ словъ сказалъ :

— Монна Біанкина, вы мнѣ прислали сегодня утромъ хорошенькій подарокъ и подали мудрый совѣтъ; препокорнѣйше васъ благодарю.

Выражаясь съ этой увѣренностью, онъ надѣялся сейчасъ выйти изъ сомѣтѣя, мучившаго его; но Монна Біанкина была слишкомъ хитра, чтобы показать удивленіе прежде чѣмъ увидѣть, нужно ли его выказать. Хотя она ничего не посылала молодому человѣку, однако видѣла, что можно его поддѣть, правда, отвѣчала, что не знаетъ о чемъ онъ говоритъ, но постаралась, говоря это, улыбнуться такъ хитро и покраснѣть такъ скромно, что Пиппо остался убѣжденъ, не смотря на вѣроятность, будто кошелекъ отъ нея.

— А съ которыхъ поръ у васъ, спросилъ онъ, эта хорошенькая Негритянка?

Смущенная этимъ вопросомъ и не зная какъ на него отвѣчать, Монна Біанкина колебалась съ минуту, потомъ громко захохотала и оставила Пиппо. Оставшись одинъ, раздосадованный Пиппо отказался отъ задуманнаго посѣщенія, воротился домой, швырнулъ кошелекъ въ уголъ и пересталъ объ немъ думать.

Черезъ вѣсколько дней, однако, случилось, что онъ проигралъ на слово значительную сумму. Выходя изъ дому, чтобы расплатиться, онъ нашелъ удобнымъ взять этотъ кошелекъ, который былъ великъ и очень шелъ къ поясу; онъ взялъ его, и въ этотъ же вечеръ снова игралъ и проигрался.

— Продолжаете? спросилъ серъ Веспазіано, старый нотариусъ когда у Пиппо уже не было денегъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, не хочу больше играть на слово.

— Я дамъ вамъ займы сколько хотите, вскричалъ сеньоръ Орсини.

— И я также, сказалъ Веспазіано.

— И я также, повторилъ пріятный и звучный голосъ одной

изъ племянницъ Орсини; но развяжите кошелекъ, сеньоръ Вечеліо: въ немъ есть еще червонецъ.

Пиппо улыбнулся и точно нашелъ въ кошелекѣ забытый червонецъ.

— Хорошо, сказалъ онъ, сыиграемъ еще разъ, но больше ужъ не хочу; бросилъ кости, выигралъ, потомъ опять бросилъ и черезъ часъ загладилъ и вчерашній и теперешній проигрышъ.

— Продолжаете? спросилъ онъ въ свою очередь у серъ Веспазіано, передъ которымъ уже ничего не было.

— Нѣтъ! надо быть дуракомъ, чтобы позволить обьиграть себя человѣку, который поставилъ только одинъ червонецъ. Будь проклятъ этотъ кошелекъ! онъ вѣрно заколдованъ!

Нотариусъ вышелъ въ бѣшенствѣ изъ залы, Пиппо располагался идти за нимъ, когда племянница Орсини сказала ему смѣясь:

— Такъ какъ вы мнѣ обязаны вашимъ счастіемъ, подарите мнѣ червонецъ, отъ котораго начался вашъ выигрышъ.

На этомъ червонцѣ былъ знакъ, по которому его можно было узнать. Пиппо отыскалъ его и протягивалъ уже руку хорошенькой племянницѣ, какъ вдругъ вскричалъ:

— Нѣтъ, сньюора, не отдамъ, но для доказательства, что я не скупъ, и что хочу послѣдовать дапному мнѣ совѣту, я дарю его тому кто найдетъ.

И онъ бросилъ червонецъ въ окно.

— Возможно ли, думалъ онъ, чтобы кошелекъ Монцы Біанкины приносилъ мнѣ счастье?

Скоро ему точно показалось, что всякій разъ, какъ онъ бралъ кошелекъ, онъ выигрывалъ. Когда онъ клалъ туда золотую монету, то не могъ удержаться отъ суевѣрнаго уваженія и иногда, противъ воли, думалъ о справедливости словъ записки, присланной съ кошелькомъ. Сколько людей не могутъ тратить въ день червонца, думалъ онъ. Эта мысль дѣлала его менѣе неблагоразумнымъ и заставляла ограничивать нѣсколько свои издержки.

Къ несчастію, Монна Біанкина не забыла разговоръ своего съ Пиппо. Чтобы подтвердить его заблужденіе, она время отъ времени присылала ему или букетъ или другую какую бездѣлицу, съ запиской. Мы уже сказали, что ему надоѣла ея докучливость, на которую онъ рѣшился не отвѣчать. Монна Біанкина, выведенная изъ терпѣнія этою холодностью, рѣшилась на отважный поступокъ, который очень непоправился молодому человѣку, и просилъ оставить его въ покорѣ.

Біанкина, которая, какъ мы уже сказали, была хороша, ужасно разсердилась. Она осыпала Пиппо упреками, встрѣтившись съ нимъ на одномъ балѣ, говорила, что подвергла опасности свою репутацію для него и что будетъ ему мстить. Пиппо за эти угрозы тоже разсердился, и чтобы доказать ей, что ничего не боится, отослалъ ей назадъ букетъ, присланный утромъ и какъ кошелекъ былъ у него подъ рукою, онъ писалъ:

— Примите и вашъ кошелекъ, который принесъ мнѣ счастье, и ничего не хочу имѣть отъ васъ.

Едва уступилъ онъ этому гнѣвному движению, какъ уже сталъ сожалѣть. Монна Біанкина остереглась вывести его изъ заблужденія; она была исполнена ярости, но также и притворства, приняла кошелекъ и рѣшилась заставить Пиппо раскаяться.

Онъ, по обыкновенію, игралъ вечеромъ и проигрался и въ слѣдующіе дни не былъ счастливѣе. Вспазіано выигралъ у него значительныя суммы. Онъ возмущался противъ его счастья, противъ своего суевѣрія, сталъ упорствовать и опять проигралъ. Наконецъ, однажды, выходя отъ сеньора Орсини, онъ не могъ удержаться, чтобы не вскричать на дѣвственнѣ:

— Я думаю, что этотъ старый дуракъ былъ правъ и что кошелекъ мой заколдованъ; съ-тѣхъ поръ какъ я отослалъ его Біанкинѣ, мнѣ не подалось ни одной порядочной кости.

Въ эту минуту онъ привѣтилъ передъ собою платье съ цвѣточнымъ разводомъ, изъ подъ котораго видѣлись двѣ тонкія и проворныя ноги; это была таинственная Негритянка. Онъ ускорилъ шагъ; нагналъ ее и спросилъ кто она и кому принадлежитъ.

— Кто это знаетъ! отвѣчала Африканка съ коварной улыбкой.

— Я полагаю, что ты.... ты служанка Монны Біанкины?

— Нѣтъ; кто это Монна Біанкина?

— Тѣ, которая велѣла тебѣ наединѣ принести мнѣ ящичекъ, который ты такъ ловко бросила на балконъ.

— О! этого, кажется, не было.

— Я знаю, не притворяйся; она сама мнѣ сказала.

— Если она сказала.... отвѣчала Негритянка съ верѣвательнымъ видомъ, потомъ пожала плечами, подумала съ минуту и легонько ударивъ вѣтромъ по щекѣ Пиппо, замричала ему, убѣгая:

— Ахъ голубчикъ, какъ тебя поддѣли!

Венеціанскія улицы такой лабиринтъ и перекрещиваются такъ разнообразно и причудливо, что Пиппо никакъ не могъ догнать Негритянку. Онъ остановился въ большомъ смущеніи, потому что сдѣлалъ двѣ ошибки, во-первыхъ отдалъ кошелекъ Біанкинѣ, во-

вторых не удержалъ Негритянки. Блуждал на удачу по городу, онъ направилъ шагъ къ дворцу сеньоры Доротей, своей крестной матери, раскаиваясь, что не посѣтилъ ее вѣскольکو времени тому назадъ; онъ имѣлъ привычку совѣтоваться во всемъ съ нею и рѣдко прибѣгалъ къ ней, не получивъ оттого выгоды.

Онъ нашелъ ее одну, въ саду и сказалъ, поцѣловать у нея руку:

— Посудите, какую глупость я сдѣлалъ! Миѣ прислалъ, недавно, кошелекъ....

Едва онъ произнесъ эти слова, сеньора Доротей начала смѣяться.

— Ну чтожъ! сказала она, развѣ этотъ кошелекъ не хорошъ? развѣ ты не находишь, что золотые цвѣты очень красивы на красномъ бархатѣ?

— Какъ! вскричалъ молодой человекъ; неужели вы знаете?...

Въ эту минуту вѣскольکو сенаторовъ вошли въ садъ; почтенная дама встала принять ихъ и не отвѣчала на распросы, съ которыми удивленный Пиппо не переставалъ къ ней приставать.

Когда сенаторы ушли, сеньора Доротей, не смотря на просьбы крестника, не хотѣла говорить. Она сожалѣла, что въ первомъ движеніи веселости, призналась, что знаетъ тайну приключенія, въ которое не хотѣла вмѣшиваться.

— Я могу только сказать тебѣ, отвѣчала она, что объявившая особы, которая вышла для тебя этотъ кошелекъ, я оказала бы тебѣ славную услугу, она одна изъ благородныхъ и прелестныхъ дамъ въ Венеціи. Пусть тебѣ будетъ этого довольно; не смотря на желаніе обязать тебя, я должна молчать; я не измѣню тайнѣ, которая известна мнѣ одной, и которую могу открыть только въ такомъ случаѣ, если мнѣ это поручать. Ты сочинишь стихи, зачѣмъ не написать на это сонетъ?

Видя, что не можетъ ничего добиться, Пиппо пересталъ настаивать, но, разумѣется, что любопытство его было возбуждено до высочайшей степени. Онъ остался обѣдать у авагатора, Паскуалиго, надѣясь, что, можетъ быть, прелестная незнакомка пріѣдетъ вечеромъ, но вечеромъ пріѣхали только сенаторы, судьи и слѣдственные важныя мѣстныя Венеціи.

На солнечномъ закатѣ, молодой человекъ отдѣлился отъ общества и уѣхалъ въ маленькой рошицѣ, раздумывая, что ему остается дѣлать и рѣшился на двѣ вещи: заставить Блаккину возвратитъ кошелекъ и послѣдовать совѣту, который сеньора Доротей дала ему шута, то есть, написать сонетъ. Онъ рѣшился отдать со-

цать, когда онъ будетъ готовъ, своей вѣстной матери, которая вѣрно покажетъ его прелестной незнакомкѣ. Не желая медлить долѣе, онъ тотчасъ началъ приводить въ исполненіе свое двойное вѣреніе. Побѣжалъ къ Моннѣ Біанкинѣ съ вѣреніемъ развѣгать отчаянную сцену и наугадъ ее.

Съ-тѣхъ поръ какъ Пиппо такъ дурно съ ней обошелся, онъ не получалъ отъ нея никакой вѣсти; вѣрно она безмолвно приготовляла ищеніе, которымъ ему угрожала. Стало быть, нужно было нанести рѣшительный ударъ. Она располагалась выйти, когда молодой человекъ вошелъ къ ней; онъ встрѣтилъ ее на лѣстницѣ и просилъ воротиться.

— Сивьора! вскричалъ онъ, что вы сдѣлали? Вы разрушили всѣ мои надежды и ищеніе ваше исполнилось!

— Что случилось? вскричала Біанкина въ изумленіи.

— Вы спрашиваете? Гдѣ тотъ кошелекъ, который вы мнѣ сказали, что былъ присланъ отъ васъ? Можете ли вы утверждать это?

— Что за нужда, солгала я или нѣтъ! Я не знаю, куда дѣвался этотъ кошелекъ

— Возвратите мнѣ его или умрете! вскричалъ Пиппо, показавъ ей кошелекъ.

Біанкина сочла себя погибшей и стала звать на помощь, но Пиппо принудилъ возвратить кошелекъ, который она, къ счастью, сберегла.

— Вы причинили несчастіе могущественной фамиліи, сказалъ онъ потомъ, навсегда возмутилъ спокойствіе знаменитаго дома въ Венеціи! Трепещите! этотъ домъ наблюдаетъ за вами, и вы и братъ вашъ, куда ни пошевелитесь, отнынѣ будете подъ присмотромъ. Господа ночные записали васъ въ своей книгѣ; знаете-ли, что такое подвалы дожа республики? При первомъ словѣ, которое вы скажете, чтобы открыть страшную тайну, угаданную вами, исчезнетъ цѣлое семейство!

Онъ вышелъ, а всѣ знаютъ, что въ Венеціи нельзя было произнести словъ болѣе страшныхъ. Неумолчные и тайные приговоры *consiglio maggiore*, распространяли такой сильный ужасъ, что тѣ, которые воображали, что ихъ подозрѣваютъ, считали себя заранѣе мертвыми. Это именно случилось съ братомъ Біанкины, сэръ Оріо, которому она рассказала, приблизительно, угрозы Пиппо. Правда ни она ни Пиппо не знали причины, потому что все это дѣло было чистою басней, но сэръ Оріо считалъ болѣе благоразумнымъ не знать, чѣмъ навлекъ онъ на себя гнѣвъ верховнаго суда

и что важнѣе всего какъ избавиться отъ этого гнѣва. Онъ родился не въ Венеціи, родственники его жили на твердой землѣ; на слѣдующій день онъ уѣхалъ съ сестрою и матерью и объ нихъ послѣ ничего не было слышно.

Довольный успѣхомъ перваго предпріятія, Пиппо подумалъ о второмъ, то-есть, сочинить сонетъ для прелестной незнакомки. Черезъ два часа онъ написалъ двѣнадцать порядочныхъ стиховъ, очень гармоническихъ и очень пустыхъ, переписалъ ихъ на красивый пергаментный листъ, нарисовалъ на поляхъ птицъ и цвѣты и старательно ихъ раскрасилъ. Но едва окончилъ работу и прочелъ стихи, какъ бросилъ ихъ изъ окна въ каналъ, протекавшій передъ его домомъ.

— Къ чему продолжать приключеніе, подумалъ онъ, если тутъ не участвуетъ мое сердце?

Онъ взялъ мандолину, и сталъ ходить по комнатамъ, напѣвая и акомпанируя себѣ сонетъ Петрарки. Черезъ четверть часа онъ остановился, сердце у него билось. Кошелекъ, возвращенный отъ Біанкипы, лежалъ на столѣ. Онъ взглянулъ на него:

— Женщина, которая сдѣлала его для меня, говорилъ онъ, должна меня любить и умѣть любить. Такая работа трудна и продолжительна; работая, она думала обо мнѣ. Въ короткихъ словахъ, сопровождавшихъ этотъ кошелекъ, былъ дружескій совѣтъ и—ни одного двусмысленнаго слова. Это сердечный вызовъ, посланный женщиной съ чувствомъ; хоть бы она и думала обо мнѣ только одинъ день, все-таки надо храбро поднять перчатку.

Онъ снова взялъ перо и волнуемый опасеніемъ и надеждою, написалъ на скоро сонетъ, исполненный истиннаго чувства.

На другой день Пиппо отправился къ синьорѣ Доротей и положилъ сонетъ на колѣна знаменитой дамы, говоря:

— Вотъ для вашей пріятельницы.

Синьора сначала удивилась, потомъ прочла стихи и сказала, что никогда не возьметъ на себя показать ихъ. Но Пиппо смѣялся, и увѣренный въ обратномъ, ушелъ, увѣряя, что насколько о томъ не беспокоится.

Слѣдующую недѣлю онъ провелъ въ тревожномъ состояніи, не лишенномъ однако очарованія, не выходя изъ дому, не смѣлъ такъ сказать, пошевелиться, какъ будто для того, чтобы предоставить судьбѣ полную свободу.

На девятый день, вечеромъ, къ нему постучались въ дверь. Онъ пошелъ самъ открыть. На порогѣ стояла негрятка, держа въ рукѣ розу, которую поднесла къ губамъ Пиппо.

— Поцѣлуйте этотъ цвѣтокъ, сказала она, на немъ есть поцѣлуй моей госпожи. Можете ли вы завтра написать портретъ моей сеньоры? Она прислала меня къ вамъ узнать объ этомъ. Вотъ вамъ адресъ дома сеньоры.

— Завтра, сказалъ Пиппо, задумавшись, завтра я непременно буду у твоей сеньоры.

Негритянка поспѣшно оставила Пиппо.

На другой день онъ всталъ рано, еще до свѣта, развелъ огонь, надѣлъ рубашку, вышитую золотомъ, надушенный воротникъ, каштанъ бѣлый бархатный, съ рукавами изъ китайскаго атласу; вѣтнулъ сѣвъ у окна и началъ мечтать о своемъ приключеніи.

Пиппо не сожалѣлъ, что не спрашивалъ негритянки, потому что служанка не можетъ не расхвалить госпожи своей, будь она дурна какъ нельзя болѣе; нѣсколько словъ, вырвавшихся у сеньоры Доротен, было ему довольно. Онъ бы хотѣлъ только знать, брюнетка или блондинка его незнакомка. Чтобы составить себѣ идею о женщинѣ, когда знаешь, что она хороша, всего важнѣе знать цвѣтъ ея волосъ. Пиппо долго колебался между цвѣтами, наконецъ чтобы успокоиться, вообразилъ, что у нея волосы каштановые. Но тогда не зналъ какъ рѣшить цвѣтъ глазъ, будь она брюнетка, они были бы черныя, блондинка — голубые. Онъ вообразилъ, что голубые не этого свѣтлаго и неопредѣленнаго голубаго цвѣту, который переходитъ то въ сѣрый, то въ зеленоватый, но чистой лазури какъ небо, которая принимаетъ оттѣнокъ болѣе темный и становится черною какъ вороново крыло.

И вотъ явился ему эти прелестные глаза съ вѣжными и глубокимъ взоромъ, которые его воображеніе окружило челомъ, бѣлыми какъ снѣгъ и двумя щеками, розовыми какъ солнечные лучи на вершинахъ Альповъ. Между двумя щеками вѣжными какъ версикъ, ему явился носикъ тонкій какъ у античнаго бюста, названнаго греческимъ Амуромъ. Внизу пунсовый ротъ, ни слишкомъ большой, ни слишкомъ маленькій, пропускающій между двумя рядами жемчугу, свѣжее дыханіе; подбородокъ, легко округленный; открытая, но нѣсколько гордая физиономія; на шеѣ, немножко продолговатой, безъ одной складочки, матовой бѣлизны, вѣжно колебалась, какъ цвѣтокъ на стеблѣ, граціозная головка. Этому прелестному образу, созданному его воображеніемъ, не доставало только дѣйствительности. Но странное дѣло! онъ, самъ того не подозревая, сдѣлалъ вѣрный портретъ прекрасной сеньоры.

Когда со сторожевого фрегата раздался въ газани выстрѣлъ, навѣщающій о томъ, что уже шесть часовъ утра, Пиппо увидѣлъ, что свѣтъ лампы его сталъ красноватымъ и легкій голубоватый оттѣнокъ расцвѣтилъ стекла. Хотя ночь прошла безъ сна, однакоже чувствовала себя свободнѣе и веселѣе, чѣмъ когда-нибудь. Начиная свѣтать, но Венеція спала еще; эта лѣтняя отчужденная удовольствій не равно просыпается. Въ тотъ часъ, какъ въ другихъ городахъ, отворяются лавки, толпятся прохожіе, сплать кареты, туманъ встѣлъ надъ пустынной лагуной и покрывалъ завѣсой безмятежныя палаты. Вѣтеръ едва шевелитъ воду, нѣсколько парусовъ видѣлись вдали, со стороны Фузины, привнесъ паритъ морей дивную промѣну. Однакъ, на вершинѣ спящаго города, ангелъ на шапкѣ Святого Марка, выдавался сіяющей изъ туману и первые луча солнца блистали на его позолоченныхъ крыльяхъ.

Но уже въ многочисленныхъ церквахъ Венеціи, шумно блистали изъ утренней молитвы, голуби при звукѣ колоколовъ, который они понимаютъ съ удивительнымъ инстинктомъ, летѣли стали по Славянской набережной на большую площадь, заворонами, которыя разсыплютъ для нихъ аккуратно каждый день, въ это время; туманъ разсѣивался мало по-малу, солнце появилось, рыбки принялись чистить лодки, одинъ завѣлъ чистымъ и звучнымъ голосомъ народную пѣсню; съ торговаго судна, отвѣчали ему басомъ, другой голосъ подалеже присоединился къ второму куплету, скоро составился хоръ; каждый нѣлъ работая и славная утренняя пѣснь привѣтствовала дневное свѣтло.

Домъ Пиппо находился на Славянской набережной, недалеко отъ палата Нави, на углу небольшого канала. Въ десять часовъ на этомъ каналѣ заблесталъ желѣзный носъ гондолы; только одинъ гребець былъ на корнѣ, но легкая лодочка разсѣкала волны съ быстротою стрѣлы и словно скользила по густому зеркалу, куда нѣрно углублялось ея плоское весло. Въ этой гондолѣ ичался Пиппо къ ожидавшей его сеньорѣ. Добравъ до мѣста, раздѣляющаго каналъ отъ большой лагуны, гондола остановилась. Пиппо тотчасъ сошелъ на набережную, гдѣ находится домъ сеньоры. Робко вошелъ онъ въ него. Прекрасная дама, хозяйка дома, привѣтно встрѣтила художника, и пригласила его въ гостиную.

Дойдя до прелестно убранной гостиной, дама сѣла на софу и нѣсколько времени оставалась въ задумчивости. Пиппо увидѣлъ, что сеньора Доротей не обманула его и передъ нимъ точно была одна изъ прелестнѣйшихъ женщинъ Венеціи и насвѣдница двухъ

благородныхъ саншій, Беатрика Лоредано, вдова прокурора, До-
нато.

Невозможно передать словами прелесть первыхъ взглядовъ,
брошенныхъ Беатрикой. Хотя она уже имѣла около двухъ лѣтъ,
ей однако было только двадцать-четыре года.

Пинпо смотрѣлъ на нее съ такимъ восторгомъ, что не могъ го-
ворить. Въ какихъ обстоятельствахъ ни находились, невозможно
смотреть на совершенную красавицу безъ изумленія и уваженія.
Пинпо часто встрѣчалъ Беатрику на прогулкахъ и частныхъ со-
брашійхъ. Онъ самъ хвалилъ и тысячу разъ слышалъ какъ расхва-
ливали ее красету. Она была дочерью Пьетро Лоредано. Гор-
дость этой саншии была слишкомъ хорошо известна въ Венеціи и
единогласно говорили, что Беатрика наследовала гордость пред-
ковъ. Ее очень рано выдали за прокурора Марко Донато, котораго
смерть оставила ее независимую обладательницей огромнаго сесте-
нія. Первые вельможи Венеціи домогались ея руки, но на все
усліишя поправиться ей, она отвѣчала самымъ презрительнымъ
равнодушіемъ. Словомъ, ея надменный и почти непоколебимый харак-
теръ вошелъ въ пословицу. Пинпо вдвойнѣ удивился: съ од-
ной стороны онъ никогда не могъ предполагать, чтобы женщина,
вслышавъ ему кошелекъ, была Беатрика Донато, съ другой сто-
роны ему казалось, что онъ видитъ ее въ первый разъ, до того
она не походила на самое себя. Любовь, которая умѣетъ обра-
вить прелесть самымъ почтлымъ лицамъ, выказывала въ эту ми-
нуту все свое могущество, украсивъ образцовое произведеніе
природы.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Пинпо подошелъ къ Бе-
атрикѣ и взялъ ее за руку, стараясь выразить удивленіе и благо-
дарить ее за счастье, но она не отвѣчала, какъ-будто не слыка-
ла его; она оставалась неподвижною и словно ничего не разли-
чала, будто все ее окружающее было сломъ. Онъ говорилъ долго,
она не дѣлала никакого движенія.

— Вы мнѣ прислали вѣтера, наконецъ сказалъ онъ, садясь вслѣдъ
ней, поцѣлуй на розѣ, позвольте возвратить вамъ на цѣвтъ еще
болѣе прелестношь, еще болѣе свѣжемъ, то, что я получилъ отъ
васъ.

Говоря это онъ хотѣлъ поцѣловать ея руку, но она легонько
его оттолкнула и сказала, покладывая головою съ грустью, испол-
ненной граціи:

— Вы не станете меня любить, но я люблю васъ...

Пинпо съ возрастающимъ изумленіемъ смотрѣлъ на вдову До-

нато. Тронутый до глубины сердца, онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, упоенный гордостью; но это продолжалось только одно мгновеніе: Пиппо бросился на колѣна и нѣсколько минутъ оставался въ этомъ положеніи.

Хотя Беатрика была дочерью Лоредановъ, но кровь матери ея, Біанки Ковтарини, также текла въ ея жилахъ. Ни одно созданіе на свѣтѣ не было добрѣе Біанки, одной изъ венеціанскихъ красавицъ. Всегда счастливая и пріятливая, она думала только о томъ, какъ бы въ мирное время хорошо пожить, а въ смутное показать свою любовь къ отечеству. Біанка казалась старшей сестрою дочерей. Она умерла очень рано и черезъ нее-то Беатрика научилась понимать и любить искусства, особенно живопись. Она была въ Римѣ и во Флоренціи, но образцовыя произведенія Микель Анджео внушили ей только любопытство. Будь она Римлянка, она любила бы только Рафаэля, но какъ дочь Адриатики, предпочтала Тиціана. Пока вокругъ ея все занималось балами, она заботилась только о новыхъ картинахъ и о томъ, что сдѣлается съ ея любимымъ искусствомъ послѣ смерти стараго Вечеллю. Она видѣла въ палацѣ Дольфини картину, о которой мы говорили въ началѣ этого разсказа, единственную, работы Тиціанелло и погибшую въ пожарѣ. Пріѣхавъ въ восторгъ отъ этой картины, она встрѣтилась съ Пиппо у синьоры Доротеи, и полюбила его.

Живопись въ вѣкъ Юлія Второго и Льва-Десятаго не была ремесломъ какъ нынче, а дѣломъ совѣсти художниковъ, предметомъ просвѣщенной любви вельможъ, славою для Италіи, страстью у женщинъ. Когда папа оставялъ Ватиканъ, чтобы посѣтить Буонаротти, дочь благороднаго Венеціанца могла безъ стыда любить Тиціанелло, но Беатрика задумала планъ, который возвышалъ и придавалъ силѣ ея страсти. Она хотѣла сдѣлать изъ Пиппо болѣе чѣмъ своего мужа, хотѣла сдѣлать изъ него великаго живописца. Она знала, какую беспорядочную жизнь велъ онъ и хотѣла вырвать его изъ этой жизни. Она знала, что не смотря на его безпорядки, священный огонь искусствъ еще не погасъ въ немъ, а только покрытъ цепломъ и надѣялась, что любовь зажжетъ въ немъ божественную искру. Она колебалась цѣлый годъ, ласкала тайно эту мысль, встрѣчая Пиппо отъ времени до времени, смотря въ окно, когда онъ проходилъ по набережной. Прихоть увлекла ее, она не могла устоять противъ искушенія вышить комелекъ и послала ему. Она, правда, общала себя не итти далѣе, но когда синьора Доротея показала ей стихи, сочиненные для нея Пип-

но, она заплакала отъ радости. Добрая сеньора Доротея очень желала, чтобы ея любимый крестникъ женился на Беатриксъ. Зажигая любовь къ нему своей пріятельницы, она радовалась, что онѣ общими силами навсегда отвлекутъ молодаго человѣка отъ пагубной игры въ кости и обратятъ его къ искусству, которымъ такъ прославился его отецъ.

Все утро прошло для Пиппо въ разговорахъ съ Беатрикой о живописи и о портретѣ, который сеньора поручала ему написать.

Прошло двѣ недѣли, а Беатриксъ еще не говорила о своемъ намереніи. Правду сказать, она сама немножко его забыла. Первые дни любви похожи на путешествія Испанцевъ, во время открытія Нового Свѣта. Увѣжая, они обѣщали слѣдовать давнымъ инструкціямъ, привести планы, образовать Америку; но по пріѣздѣ, видъ беззвѣстнаго неба, дѣвственный лѣсъ, золотая или серебряная руда, заставляли ихъ забывать цѣлую Европу, но за то имъ случалось открывать сокровище; такъ случается и съ влюбленными. Еще другая причина извиняла Беатрику. Въ эти двѣ недѣли Пиппо не игралъ и ни разу не былъ у сеньора Орсини. Это предвѣщало начало благоразумія, по-крайней-мѣрѣ Беатриксъ такъ полагала и, не знаю, права ли она была или нѣтъ. Пиппо проводилъ половину дня съ Беатрикой, по большой части въ присутствіи своей доброй крестной матери, а другую половину проводилъ дома, занимаясь, по временамъ, живописью. Пріятель не видѣлъ его, онъ прервалъ всѣ свои привычки.

Пиппо и Беатриксъ были созданы другъ для друга. Они это пріѣхали въ первый день, но надо было въ томъ убедиться, для чего потребно было по-крайней-мѣрѣ мѣсяць. Но взамѣнъ того много говорили о любви, много прогуливались, много занимались музыкой на водѣ.

Черезъ мѣсяць, когда однажды Беатриксъ случайно встрѣтилась съ Пиппо, она нашла его веселѣе обыкновеннаго. Онъ только что кончилъ завтракать и прогуливался распѣвая. Онъ игралъ наканунѣ и выигралъ полторы тысячи піастровъ у Вессасіано. На эти деньги онъ купилъ вѣтской вѣрзь, надушенные перчатки и золотую цѣпь, удивительной работы; все это онъ положилъ въ ящичекъ кедроваго дерева, обложенный перламутромъ и поднесъ его Беатриксъ.

Она сначала приняла этотъ подарокъ съ радостью, но послѣ узнавъ, что онъ купленъ на выигранныя деньги, не хотѣла взять его. Вѣсто того, чтобы раздѣлить радость Пиппо, она впала въ

задумчивость. Можетъ-быть, она думала, онъ меньше ее любитъ, когда возвратился къ прежнимъ привычкамъ. Какъ бы то ни было, она увидѣла, что настало время говорить и заставить его отказаться отъ беспорядочной жизни, за которую онъ опять принимается.

Въ мѣсяцъ она могла уже узнать характеръ Пиппо. Правда, онъ былъ чрезвычайно безпеченъ къ тому, что относилось къ обыкновеннымъ дѣламъ жизни и съ наслажденіемъ предавался *saug niente*, но въ вещахъ важныхъ не легко было управлять имъ, по причинѣ этой же самой безпечности: едва хотѣла она взять надъ нимъ власть, тогда онъ, вмѣсто того, чтобы бороться и спорить, позволялъ говорить что угодно, а самъ все-таки дѣлалъ по своему. Чтобы достигнуть своей цѣли, Беатрика спросила у него, хочетъ ли онъ написать ея портретъ, о которомъ такъ много было говорено имъ въ первое свиданіе.

Онъ согласился безъ труда; на другой же день купилъ полотно и велѣлъ отнести въ домъ Беатрики красивый рѣзной дубовый набреть, который принадлежалъ его отцу. Беатрика явилась въ широкомъ темномъ платьѣ, которое сгла какъ только Пиппо принялся за работу, и очутилась передъ нимъ въ нарядѣ, довольно похожемъ на тотъ, которымъ Парисъ Бордоне облекъ свою вѣчанную Венеру. Волосы, перевитые жемчугомъ, падали на руки и на плеча длинными, волнистыми прядями. Жемчужное ожерелье, спускавшееся до пояса и прищипленное на груди золотымъ фермоаромъ, обрисовало обнаженную шею. Платье изъ двучичевой тафты, голубой съ розовымъ, приподнято было на колѣнъ рубиновой застежкой, выказывая ногу, гладкую какъ полированный мраморъ. Кромѣ того на Беатрикѣ были богатые браслеты и красныя бархатныя туфли, зашнурованныя золотомъ.

Извѣстно, что Венера Бордоне — портретъ венеціанской дамы и что этотъ живописецъ, ученикъ Тиціана, пользовался большою извѣстностью въ Италіи. Но Беатрикѣ, которая, можетъ быть, знала модель картины, было также извѣстно, что она прелестнѣе. Ей хотѣлось возбудить соревнованіе Пиппо; она показывала ему, что онъ могъ превзойти Бордоне.

— Венера просто торговка арсенальской площади, которая не-реодѣвалась въ богиню; но вотъ мать любви и другъ бога сраженій! сказалъ Пиппо.

Легко повѣрить, что при видѣ такой прелестной модели первое стараніе его было приняться за кисть. Беатрика сначала боялась, то была слишкомъ хороша и выбрала дурное средство для усилъ-

ху своихъ плановъ въ преобразованіи. Однако портретъ былъ начатъ, но набросанъ разбѣивною рукою. Пиппо печально уронилъ кисть; Беатрика подняла и подала ему.

— Кисть вашего отца, сказала она, точно также упала однажды изъ его рукъ. Карлъ-Пятый поднялъ и подалъ ему; я хочу сдѣлать какъ Кесарь, хотя я не царица.

Пиппо всегда питалъ къ отцу безграпичную привязанность и восторгъ, всегда говорилъ объ немъ съ восхищеніемъ. Это воспоминаніе сдѣлало на него впечатлѣніе. Онъ всталъ и открылъ шкапъ.

— Вотъ кисть, о которой вы говорите, сказалъ онъ, показывая ее Беатрикѣ; мой бѣдный отецъ сохранилъ ее какъ драгоценность, съ тѣхъ-поръ какъ владыка полміра дотронулся до нея.

— Были вы при этомъ? спросила Беатрика и можете ли вы ей рассказать?

— Я былъ очень молодъ, отвѣчалъ Пиппо, но хорошо помню. Это было въ Болоньи, папа и императоръ имѣли свиданіе, дѣло о флорентійскомъ герцогствѣ или, лучше сказать, объ участи Италіи. Павелъ-Третій и Карлъ-Пятый разговаривали вмѣстѣ на террасѣ; во время ихъ разговора цѣлый городъ молчалъ. Черезъ часъ все было рѣшено; страшный шумъ людей и лошадей смѣнилъ безмолвіе. Не знали, что будетъ, а всѣмъ хотѣлось знать; жители съ любопытствомъ и страхомъ смотрѣли какъ проходили овицеры обокъ дворовъ; говорили о раздѣлѣ Италіи, о новыхъ владѣніяхъ. Отецъ мой писалъ большую картину, стоя на лѣстницѣ, когда конейники съ аллебардами въ рукахъ отворяли дверь и выстроились вдоль стѣны. Вошелъ пажъ и громко провозгласилъ: Кесарь! Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ императоръ, въ кафтанѣ, застегнутомъ на вытяжку и улыбаясь. Отецъ, удивленный и восхищенный этимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, сходилъ съ лѣстницы такъ скоро, какъ только могъ; онъ былъ старъ и, держась за перила, уронилъ кисть. Всѣ оставались неподвижны. Отецъ смутился отъ своей медленности и неловкости, но боялся, поторопившись, ушибиться. Карлъ-Пятый сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, медленно нагнулся и поднялъ кисть.

— Тицианъ, сказалъ онъ яснымъ и повелительнымъ голосомъ, Тицианъ заслуживаетъ, чтобы Кесарь оказалъ ему услугу!

И съ величіемъ, истинно безпримѣрнымъ, подалъ кисть отцу моему, который сталъ на колѣна, чтобы принять ее.

Послѣ этого разказа, который Пиппо не могъ кончить безъ востанія, Беатрика нѣсколько времени оставалась безмолвною

опустила голову и казалась до того расфранцов, что Пинно спрашивала, о чемъ она думаетъ.

— Я думаю о томъ, сказала она, что Карлъ-Пятый умеръ, а королема Испаніи сынъ его. Что сказали бы о Филиппѣ-Второмъ, если бы вмѣсто того чтобы носить мечъ отца, онъ допустилъ его заржавѣть въ ножнахъ?

Пинно улыбауся и хотя появля мысль Беатрики, однако спрашивала, что она хочетъ этимъ сказать?

— Я хочу сказать, отвѣчала она, что вы также наследникъ знатнаго человека. Бордоне, Моретто, Романнио хорошіе живописцы, Тинторетто и Джорджіоне были художники, но Тицианъ — знатнѣе, а кто теперь заступаетъ его мѣсто?

— Братъ мой Ораціо, отвѣчалъ Пинно, былъ бы великимъ живописцемъ, если бы жилъ.

— Конечно, возразила Беатрика и вотъ что скажутъ о сыновьяхъ Тициана: одинъ былъ бы великъ, если бы жилъ, другой — если бы хотѣлъ.

— Вы думаете? сказалъ Пинно, смѣясь; ну, пусть же прибавятъ: но онъ лучше любилъ кататься въ гондолахъ съ Беатрикой Донато.

Беатрика надѣялась другаго отвѣта, и немножко смутилась, однако не потеряла бодрости и начала болѣе серіознымъ тономъ:

— Послушайте меня и не смѣйтесь. Единственная картина, которую вы написали, привела всѣхъ въ восторгъ, всѣ объ ней жалуютъ; жизнь, которую вы ведете, хуже пожара палацо Долоне, потому что сожигаетъ васъ самого. Вы думаете только какъ бы гулять, подумайте: вѣдь то, что для другихъ шалость, для васъ повошеніе. Играть въ кости можетъ сынъ разбогатѣшаго купца, а не Тицианелло. Къ чему служить вамъ то, что вы знаете столько же какъ старые живописцы и, въ добавокъ, еще имѣете молодость, которой у нихъ нѣтъ? Ваши пріятели васъ обманываютъ, но я исполняю свою обязанность, говоря вамъ, что вы оскорбляете память отца и кто вамъ это скажетъ, кромѣ меня? Пока вы богаты, вы найдете людей, которые помогутъ вамъ разориться; пока вы красивы, женщины будутъ любить васъ, но что случится послѣ, если пока вы молоды, вамъ не скажутъ правды? Если вы меня любите, то должны трудиться: Я велѣла устроить съ изящнымъ вкусомъ одну изъ гостинныхъ моего дома. Велите отнести туда малбретъ и если общаете работать тамъ только два часа въ день, я буду являться туда каждый день. Будете ли вы имѣть столько терпѣнія? Если согласитесь, черезъ годъ навѣрно вы

привыкнете трудиться и въ Италиі однимъ великимъ моментъ быть болѣе. Если откажете, я не могу перестать любить васъ, но это будетъ значить, что вы меня не любите.

Говоря это Беатриксъ дрожала. Она боялась оскорбить Пиппо, но возложила на себя обязанность выразиться откровенно; отъ этой болзни и желанія нравиться, глаза ея сверкали. Она походила не на Венеру, а на музу. Пиппо не тотчасъ отвѣчалъ ей онъ находилъ ее до того прелестною, что нѣсколько времени оставилъ въ безыюкойствѣ. Беатриксъ говорила отъ всей души, чистымъ тосканскимъ языкомъ, съ венеціанской сладостью. Когда чудная арія выходитъ изъ прелестнаго ротика, мы не обращаемъ большаго вниманія на слова; иногда даже пріятнѣе не слышать ихъ ясно, а увлекаться одной музыкой. Почти тоже сдѣлалъ Пиппо. Не думая о томъ, чего отъ него требовали, онъ подошелъ къ Беатриксъ, поцѣловалъ ея руку и сказалъ:

— Все, что вы хотите, вы хороши какъ ясный день.

Условились, что съ этого дня Пиппо будетъ работать аккуратно. Беатриксъ хотѣла, чтобы онъ далъ обязательство письменно, вынула свою записную книжку и написала тамъ нѣсколько строкъ съ гордостью и любовью.

— Вы знаете, сказала она, что мы, Лореданы, ведемъ счета въ трио. Записываю васъ какъ должника моего на два часа работы ежедневно, въ продолженіе года; подпишитесь и платите мнѣ въ трио, чтобы я знала, любите ли вы меня.

Пиппо охотно росписался.

— Но, разумѣется, сказалъ онъ, что я начну съ вашего портрета.

Любовь Пиппо и Беатриксъ могла сначала сравняться съ источникомъ, выбѣгающимъ изъ земли; теперь она походила на ручеекъ, который просасывается мало-по-малу и вырываетъ себѣ ложе въ землѣ.

Гостиная была приготовлена. Пиппо сдержалъ слово, бывая тамъ каждый день; сказать, что онъ работалъ, было бы слишкомъ много, но онъ дѣлалъ видъ, или скорѣе самъ думалъ, что работаетъ. Беатриксъ, съ своей стороны, неопыляла болѣе обѣщаннаго, потому что приходила всегда первая. Портретъ былъ набросанъ, но подвигался медленно. Каждое утро Беатриксъ посылала съ негрятинкой Пиппо букетъ, чтобы онъ привыкъ вставать рано.

— Живописецъ долженъ быть на ногахъ съ разсвѣтомъ, говорила она; солнечный свѣтъ — его жизнь, настоящая стихія его искусства, потому что онъ не можетъ ничего дѣлать безъ него.

Это замѣчаніе казалось Пиппо справедливымъ, но исполненію находилъ онъ труднымъ. Ему случилось оставить букетъ, принесенный негртяжкой въ стаканъ сахарной воды, стоявшій на его дочномъ столѣ и опять засыпать. Когда онъ проходилъ мимо оконъ сеньора Орсини, ему казалось, что деньги ворочались у него въ карманѣ. Однажды онъ встрѣтилъ Веспасіано, который спросилъ, почему его не видно?

— Я далъ клятву и не играть въ кости и не брать картъ въ руки, отвѣчалъ онъ; но мы можемъ сыграть въ орлянку на тѣ деньги, которыя у насъ.

Веспасіано, хотя нотаріусъ и человѣкъ старый, былъ однако отъявленнымъ игрокомъ и не отказался отъ предложенія. Онъ бросилъ піастръ на воздухъ, проигралъ тридцать секкиновъ и ушелъ не слишкомъ довольный.

— Какая жалость, думалъ Пиппо, что нельзя играть въ эту минуту! я увѣренъ, что кошелекъ Беатрики продолжалъ бы приносить мнѣ счастье и что я выигралъ бы въ недѣлю то, что проигралъ въ два года.

Однако онъ слушался Беатрики съ большимъ удовольствіемъ. Его мастерская представляла самый веселый и спокойный видъ. Онъ находился тамъ какъ въ новомъ мірѣ, о которомъ однако сохранилъ воспоминаніе, потому что полотно и малбретъ напоминали ему дѣтство. Когда онъ брался за палитру и растиралъ блестящія краски, ему казалось, что онъ слышалъ издали какъ суровый голосъ отца кричалъ ему:

— Ну, лѣтай, что ты тамъ зѣваешь? начинай работать полотно.

При этомъ воспоминаніи онъ оборачивался, но вмѣсто строгаго лица Тиціана, видѣлъ Беатрику, съ челомъ, увѣчанннымъ жемчугомъ, которая, приготовляясь служить ему моделью, говорила улыбаясь:

— Когда прикажете, сеньоръ?

Не надо думать, чтобы онъ былъ равнодушенъ къ ея совѣтамъ, а она была на нихъ щедра. То она говорила ему о венеціанскихъ художникахъ и о славномъ мѣстѣ, которое они заняли между италіяпскими школами, то припоминая ему, до какого величія возвысилось искусство, показывала его упадокъ; въ этомъ она была справедлива, потому что Венеція поступала такъ же какъ Флоренція. Она теряла не только славу, но уваженіе къ своей славѣ. Микель-Анджело и Тиціанъ оба жили около вѣка; научивъ искусствамъ свою отчизну, они боролись противъ безпорядка такъ долго, какъ только можетъ человѣческая сила; но

эти двѣ старыя колонны наконецъ рухнулись. Чтобы возвышалъ до небесъ неизвѣстныхъ нововводителей, забывали учителей, недавно погребенныхъ. Брешиа, Кремона, открывали новыя школы, превозглашая ихъ выше древнихъ. Даже въ Венеціи, сынъ учителя Тиціана, завладѣвъ прозваніемъ, даннымъ Пиппо, называлъ себя Тиціанелло и наполнялъ самыми обыкновенными произведениями своей кисти патриаршіи соборъ. Если бы даже Пиппо не заботился о стыдѣ родины, его должно было раздражить это. Когда передъ нимъ хвалили дурную картину, или когда онъ находилъ въ какой-нибудь церкви плохое произведеніе между образцовыми работами своего отца, онъ чувствовалъ такое же неудовольствіе какъ патрицій, видѣвшій нмѣ неизвѣстнаго, записанное въ золотой книгѣ. Беатрика понимала это неудовольствіе, а всѣ женщины болѣе или менѣе обладаютъ инстинктомъ Даллы. Уважая знаменитыя имена, Беатрика старалась, время отъ времени, хвалить какого нибудь посредственнаго живописца. Ей было довольно трудно противорѣчить себѣ самой, но она очень искусно придавала этимъ лживымъ похваламъ правдоподобный видъ. Этимъ средствомъ она часто возбуждала досаду Пиппо и заключала, что въ тѣ минуты, онъ принимался за работу съ необыкновенной живостью. Тогда у него проявлялась смѣлости великаго мастера и истеричіе вдохновляло его. Но его вѣтренный характеръ скоро бралъ верхъ. Онъ вдругъ бросалъ кисть.

Такой непостоянный умъ лишилъ бы бодрости другую женщину, но если мы находимъ въ исторіи рассказы объ упорной ненависти, не надо удивляться, что любовь настоячива. Беатрика была увѣрена, что привычка можетъ все сдѣлать и вотъ откуда происходило это убѣжденіе. Она видѣла, какъ отецъ ея, человѣкъ чрезвычайно богатый и слабаго здоровья, предавался въ старости большимъ трудамъ, самымъ сухимъ счетамъ, чтобы увеличить нѣсколькими секнами свое огромное состояніе. Она часто умоляла его шадить свое здоровье, но онъ всегда отвѣчалъ, что это привычка, принятая съ дѣтства, что она сдѣлалась ему необходима, что онъ сохранитъ ее пока живъ. Наученная этимъ примѣромъ, Беатрика не хотѣла ни объ чемъ заключать, пока Пиппо не приневолятъ себя къ аккуратной работѣ и говорила себѣ, что любовь къ славѣ должна быть чувство такое же сильное какъ скупость.

Она не ошибалась, но затрудненіе состояло вотъ въ чемъ: чтобы придать Пиппо хорошую привычку, надобно было лишить его дурной. Есть вредныя травы, которыя можно вырвать безъ боль-

шихъ усилий, но игра не изъ этого числа; можетъ-быть даже эт единственная страсть, которая въ состояніи противиться любви случилось, что честолюбцы и мизантропы подавались волѣ женщины, игроки же почти никогда и причину сказать легко. Какъ же каменный металлъ — представляетъ собою почти всѣ наслажденія, точно также игра сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ сильныя ощущенія, каждая карта, каждая кость влекутъ за собою потерю или обладаніе извѣстнаго количества золотыхъ или серебряныхъ монетъ. — Отсюда отчаяніе того, кто проигрываетъ и вдругъ очутится въ невозможности дѣйствовать, обладая прежде огромными суммами. Такого рода испытанія, часто повторяясь, истощаютъ и пережигаютъ умъ, бросаютъ въ головокруженіе и обыкновенныя ощущенія уже слишкомъ слабы, являются слишкомъ медленно и слишкомъ постепенно, чтобы игрокъ, привыкшій сосредоточивать свои ощущенія, могъ принимать въ нихъ участіе.

Къ счастью для Пиппо, отецъ оставилъ его до того богатымъ, что проигрышъ или выигрышъ не могли имѣть на него такое пагубное вліяніе. Праздность довела его до этой жизни; къ тому же онъ былъ еще такъ молодъ, что зло не могло быть вездравно; непостоянство его наклонностей доказывало это; онъ еще очень могъ исправиться, только надо было внимательно наблюдать за нимъ. Эта необходимость не укрылась отъ Беатрики. Съ другой стороны, она пустила въ ходъ всѣ средства женскаго кокетства, ея прическа, нарядъ, даже языкъ безпрестанно измѣнялись. Всякій разъ какъ она заговаривала съ Пиппо о планахъ, составляемыхъ ею для будущаго, онъ всегда отвѣчалъ:

— Начиненъ прежде съ вашего портрета.

— Я ничего лучше не желаю, говорила она, мы уже давно условились. Но что же думаете вы дѣлать послѣ? Портретъ этотъ нельзя выставить публично; какъ только онъ будетъ копченъ, надо подумать о томъ, какъ сдѣлать васъ извѣстнымъ. Есть ли у васъ какой-нибудь сюжетъ въ головѣ? Какая это будетъ картина, духовная, или историческая?

Когда она обращалась къ нему съ этими вопросами, онъ всегда находилъ средство чѣмъ-нибудь разсѣяться и не слушать, или поднимать платокъ, или поправлять пуговицу, или заняться чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Она начала думать, что это можетъ быть тайна художника, и что онъ не хочетъ отдавать отчету въ своихъ планахъ, но ни въ комъ не было менѣ таинственности, никто не былъ доврчивѣе его, по-крайней мѣрѣ съ Беатрикой.

Может ли быть, чтобы онъ меня обманывалъ! думала Беатрика, чтобы его угодность была только шутка, чтобы онъ не имѣлъ настрѣненія сдержатъ слово? Когда это сомнѣнiе приходило ей на умъ, она принимала важный, даже высококомѣрный видъ.

— Я имѣю ваше обѣщанiе, говорила она, вы обязались на годъ; посмотримъ, благородный ли вы человекъ.

Но Пиппо прерывалъ ее вѣчнымъ отвѣтомъ:

— Начнемъ съ вашего портрета, повторилъ онъ; потомъ всегда умѣю заставить ее говорить о другомъ.

Можно представить какъ ей хотѣлось поскорѣ видѣть окончанiе этого портрета. Черезъ шесть недѣль наконецъ онъ былъ готовъ. Въ послѣднiй сеансъ Беатрика была такъ весела, что не могла оставаться на мѣстѣ, переходила отъ картины къ краскамъ, съ восклицанiями восторгу и удовольствiя. Пиппо работалъ медленно и время отъ времени качалъ головою, вдругъ онъ нахмурилъ брови и провелъ по картинѣ кускомъ полотна, которымъ вытиралъ кисти. Беатрика тотчасъ къ нему подбѣжала и увидѣла, что онъ стеръ ротъ и глаза. Она до того смутилась, что не могла удержать слезъ; но Пиппо спокойно положилъ краски въ ящикъ.

— Взглядъ и улыбку, сказалъ онъ, передать трудно; надо вдохновенiе, чтобы осмѣлиться ихъ изобразить. Я чувствую, что у меня не тверда рука и не знаю даже, будетъ ли тверда когда-нибудь.

Портретъ остался такъ обезображеннымъ и каждый разъ, какъ Беатрика смотрѣла на эту голову безъ глазъ и рта, беспокойство ее удваивалось.

Пиппо любилъ греческiя вина. А хотя восточныя вина не имѣютъ болтливаго свойства, онъ послѣ хорошаго обѣда охотно болталъ. Беатрика всегда заводила разговоръ о живописи, но едва начиналась о томъ рѣчь, случалось одно изъ двухъ: или Пиппо молчалъ, и тогда на губахъ его мелькала улыбка, которая не нравилась Беатрикѣ, или онъ говорилъ объ искусствахъ съ страшнымъ равнодушиемъ и пренебреженiемъ. По бѣльшей части, причудливая мысль приходила къ нему во время этихъ разговоровъ.

— Нельзя хорошо дѣлать двѣ вещи въ одно время, говорилъ

Пиппо. Вы не станете совѣтовать купцу писать стихи и счета въ одно и то же время, ни поэту отмиѣривать холстъ, когда она присккиваетъ рюмы, зачѣмъ же хотите заставить меня рисовать, пока я влюбленъ?

Беатрика не знала, что отвѣчать.

Рафаэлъ, продолжалъ Пиппо, напрасно влюбился, будучи живописцемъ, или напрасно началъ заниматься живописью, будучи влюбленъ. Вотъ почему онъ умеръ тридцати семи лѣтъ. Никто изъ почитаемыхъ образцовыхъ произведеній живописи, это было бы несчастіемъ для насъ, который былъ бы принужденъ украшать свои капеллы рукою другаго живописца, а Рафаэлъ избавился бы отъ запаха масляныхъ красокъ, вреднаго для здоровья.

Не смотря на легкомысленный тонъ, Пиппо не шутилъ. Подъ этими насмѣшками онъ скрывалъ разсудительное мнѣніе и вотъ каково было оно:

Въ исторіи искусствъ часто говорили о легкости, съ которою великіе художники исполняли свои произведенія, и даже упоминали о такихъ, которые умѣли соединить съ трудомъ даже праздность. Но это огромное заблужденіе. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что опытному живописцу, увѣренному въ своей кисти и извѣстности, удавалось набросать прекрасный очеркъ среди разсѣваній и удовольствій. Винчи писалъ иногда съ жерой въ одной рукѣ и съ кистью въ другой, но знаменитый портретъ Жюконды оставался четыре года на мольбретѣ. При всѣхъ штукахъ искусства, которыхъ достоинство обыкновенно преувеличиваютъ, истинно прекрасное всегда дѣло времени и размышленія, истиннаго генія нѣтъ безъ терпѣнія. Пиппо былъ въ этомъ увѣренъ и примѣръ отца утвердилъ его въ этомъ мнѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть никогда не существовало живописца такого смѣлаго какъ Тиціанъ, противъ учителя его Рубенса; но если рука Тиціана была жива, за то мысль терпѣлива. Въ продолженіе девятидесяти лѣтъ своей жизни, онъ постоянно занимался искусствомъ. Вначалѣ онъ писалъ съ мелочною боязливостью и съ сухостью, которыя дѣлали его работы похожими на готическія картины Албрехта Дюрера. Уже послѣ долгихъ трудовъ осмѣлился онъ повиноваться своему генію и дать волю кисти; и то еще случалось ему раскаяваться; Микель-Анжело сказалъ, смотря на одну картину Тиціана: жаль,

что въ Венеціи такъ пренебрегаютъ основными правилами рисунка!

А въ то время, когда происходило то, что мы рассказываемъ, несчастная легкость производства, всегда первый знакъ упадка искусства, господствовала въ Венеціи. Пиппо, поддерживаемый именемъ, которое носилъ, съ небольшою смѣлостью и съ тѣмъ чему научился, могъ бы легко и скоро прославиться; но онъ именно этого то и не хотѣлъ. Онъ считалъ постыднымъ пользоваться вслѣдствіемъ толпы и говорилъ, справедливо, что сынъ архитектора не долженъ разрушать того, что выстроилъ отецъ, и что если сынъ Тиціана сдѣлается живописцемъ, то обязанъ подкупить упадокъ живописи.

Но, чтобы предпринять подобную обязанность, надо, безъ сомнѣнія, посвятить ей цѣлую жизнь. Удастся ли ему? Это невѣрно. У одного человѣка мало силы, когда противъ него борется цѣлый міръ; онъ увлекается тобою какъ пловець вихремъ. Что изъ этого выйдетъ? Пиппо не ослѣплялся на свой собственный счетъ; онъ предвидѣлъ, что рано или поздно у него недостаетъ твердости и прежнія удовольствія снова его увлекутъ; онъ рисковалъ сдѣлать бесполезную жертву, будь эта жертва полная или нѣтъ, какую пользу получить онъ? Онъ былъ молодъ, богатъ, здоровъ, любилъ прелестной женщиной, должно ли было отказаться отъ всего этого для сомнительной славы, которая, по всей вѣроятности, не достанется ему?

Пиппо рѣшился выказывать равнодушіе, которое мало-по-малу стало у него естественнымъ. Если я буду изучать живопись еще двадцать лѣтъ, думалъ онъ, если успѣю подражать отцу, я буду лѣтъ передъ глухими; если у меня недостаетъ силы, я обезсмыслию свое имя.

Пока онъ спорилъ съ Беатрикой, портретъ все оставался неоконченнымъ. Однажды Пиппо вошелъ нечаянно въ новый домъ одного знакомаго ему богатаго сеньора. Домъ этотъ только что отхлывался внутри. На лѣсахъ, поставленныхъ въ залѣ, онъ привѣтилъ сына Марка Вечеліо, того самого, который также называлъ себя Тиціанелло. Чтобы принять это прозваніе, молодой человѣкъ не имѣлъ никакой справедливой причины, развѣ только, что онъ былъ дальнимъ родственникомъ Тиціана и носилъ одно съ нимъ имя — Тито, изъ котораго сдѣланъ Тиціанъ, а изъ Ти-

ціана — Тиціанелло, вслѣдствіе чего венеціанскіе ротозѣи считали его наслѣдникомъ гевія великаго живописца и приходили въ восторгъ отъ его фресковъ. Пиппо никогда не обращалъ вниманія на этотъ смѣшной обманъ, но въ эту минуту, или ему было непріятно встрѣтиться съ этимъ человѣкомъ, или онъ думалъ о своемъ собственномъ достоинствѣ серьезнѣе обыкновеннаго, только онъ подошелъ къ лѣсамъ, построеннымъ изъ дрянныхъ и дурно утвержденныхъ бревенъ, ударилъ ногою въ одно бревно и уронилъ его; къ счастью, лѣса не упали, а только закачались такимъ образомъ, что мнимый Тиціанелло зашатался словно пьяный, потомъ потерялъ равновѣсіе и упалъ на краски, перепачкавшись пресмѣшнымъ образомъ. Можно себѣ представить, въ какой гнѣвъ пришелъ онъ. Тотчасъ же слѣзъ съ лѣсогъ и бросился на Пиппо. Ихъ розняли въ ту минуту, какъ они вынимали шпаги. Тито кричалъ, что его хотѣли убить, что онъ проситъ правосудія, что опрокинутое бревно это свидѣтельствуешь. Между присутствующими начался ропотъ; одинъ, по смѣлѣе другихъ, хотѣлъ взять Пиппо. Пиппо, который сдѣлалъ это изъ шалости и смотрѣлъ на эту сцену смѣясь, чуть было не увидѣлъ себя въ тюрьмѣ и слыша, что его называютъ убійцей, разсердился въ свою очередь. Оттолкнувъ того, кто хотѣлъ задержать его, онъ бросился къ Тито.

— Тебя надо схватить за воротъ и повѣсить на площади какъ вора! вскричалъ онъ. Знаешь ли съ кѣмъ ты говоришь, самозванецъ? я Помпоніо Вечелліо, сынъ Тиціана. Я сейчасъ растолкалъ ногою твой негодный балаганъ, но будь тутъ мой отецъ, такъ ужъ повѣрь, что за принятіе тобой имени Тиціанелло, онъ бы тебя палкой растресалъ такъ исправно на твоёмъ деревѣ, что ты бы свалился на землю какъ гнилое яблоко; онъ взялъ бы тебя, дерзкій школьникъ, за ухо, да привелъ въ мастерскую, откуда ты убѣжалъ прежде, чѣмъ научился рисовать голову. По какому праву пачкаешь ты стѣны и подписываешь моимъ именемъ твои дрянныя фрески! Поди-ка, поучись анатоміи, да покопируй труповъ безъ кожи какъ я самъ это дѣлалъ у моего отца и посмотримъ потомъ, кто ты таковъ, и можешь ли подписываться какимъ-нибудь именемъ. А до-того не смѣй брать той фамиліи, которая принадлежитъ мнѣ.

Пиппо вышелъ при этихъ словахъ. Какъ только толпа услышала его имя, она тотчасъ разступилась, чтобы пропустить его и

последовала за нимъ съ любопытствомъ. Онъ пошелъ къ Беатриксъ и нашелъ уже ее въ гостиной. Не теряя времени на рассказъ о своемъ приключеніи, онъ взялъ палитру и еще волнуемый гнѣвомъ, принялся за портретъ.

Онъ кончилъ его менѣе чѣмъ въ часъ, сдѣлавъ большія перемены; сначала уничтожилъ множество слишкомъ мелочныхъ подробностей, свободнѣе расположилъ драпировку, прошелъ кистью фигуру и принадлежности, очень важныя въ венеціанской живописи. Потомъ принялся за ротъ и глаза и нѣсколькими взмахами кисти успѣлъ придать имъ удивительное выраженіе. Взглядъ былъ протокъ и гордъ, губы, надъ которыми видѣлся легкій пушокъ, были полуоткрыты и, казалось, готовы заговорить, зубы блистали какъ жемчугъ.

Можно угадать радость Беатриксъ; пока Пиппо работалъ, она едва могла дышать, благодарила его разъ сто, сказала, что впередъ хочетъ называть его не Тиціанелло, а Тиціаномъ. Цѣлый день говорила только о безчлєвннхъ красотахъ, которыя каждую минуту открывала въ своемъ портретѣ; только сожалѣла, что онъ не можетъ быть выставленъ, но почти готова была просить о томъ. Вечеръ прошелъ въ Квинта Валле; никогда они не были такъ веселы и такъ счастливы. Самъ Пиппо радовался какъ ребенокъ послѣ тысячъ увѣреній въ любви!

Беатриксъ не спала цѣлую ночь; самыя пріятныя намѣренія, самыя сладостныя надежды волновали ее. Она видѣла уже, что ея мечты осуществились; Пиппо превозноситъ и завидуетъ вся Италия и Венеція одолжена ему новой славой. На другой день она пришла въ гостиную и начала, въ ожиданіи Пиппо, разсматривать свой дорогой портретъ. Основаніемъ картины былъ пейзажъ и на первомъ планѣ скала. На этой скалѣ Беатриксъ примѣтила нѣсколько строкъ, начертанныхъ кинноварью. Она вѣковилась съ безпокойствомъ; очень мелкими готическими буквами былъ написанъ сонетъ, смыслъ котораго заключался въ томъ, что сынъ Тиціана написалъ этотъ портретъ, чтобы сдѣлать бессмертною свою невѣсту и съ этого дня пересталъ писать, чтобы не прославить ничего и никого болѣе своей рукой. Не смотря на все усилія, Беатриксъ никогда не могла заставить Пиппо снова приняться за работу. Онъ былъ неумолимъ ко всемъ ея просьбамъ, и когда она слишкомъ настаивала, онъ читалъ ей

собиет. Беатрикс видѣла, что ей нельзя сдѣлать изъ Тицианомо великаго человека; но что она могла сдѣлать изъ него любимаго мужа — она вышла замужъ за Пинцо. Онъ до конца жизни своей мало занимался живописью, но иногда не возвращался изъ нагубной игры въ кости и всегда былъ добрымъ семейникомъ. Жаль, что гордость Лоредановъ, оскорбленная этимъ бракомъ уничтожила послѣ смерти обоихъ супруговъ портретъ Беатрикс, какъ случай уничтожила первую картину Тицианелло.

=

ИСТОРИЯ КНИГИ.

СТАТЬЯ МАРИ-ЛАФОНА.

Въ одной старомъ замкѣ, передъ огромнымъ камнемъ, важно собралось шестеро братьевъ, для семейнаго совѣщанія. Отецъ ихъ, бывшій прокуроромъ въ Фoa, купилъ этотъ замокъ въ 1793 году, и какъ это былъ человекъ аккуратный и хитрый, то, умирая, оставилъ каждому изъ сыновей своихъ порядочное состоянiе; а въ такъ славно пошли по слѣдамъ батюшки, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ у каждаго оказалось столько же какъ у отца.

Одинъ былъ фабрикантомъ желѣзныхъ издѣлій, другой банкиромъ, третій акционеромъ лучшаго изъ горныхъ заводовъ, четвертый капиталистомъ, пятый обладалъ значительнымъ лѣсомъ, шестой, и самый старшій, былъ владѣтелемъ замка и первымъ сельскимъ хозяиномъ той провинци.

Дюо шло о выборѣ званія сыну помѣщика, молодому человеку, подававшему прекрасныя надежды. Когда предметъ этого совѣщанія былъ изложенъ старикомъ Дювалемъ твердымъ голосомъ, акционеръ закашлялъ, взялъ двѣ щепотки табаку, одну за другою, изъ золотой табакерки и медленно сказалъ:

— Молодой человекъ учился успѣшно, получилъ первую на-

Т. CIV. -- Отд. II.

граду за латинскую диссертацию, за греческую тему, я предлагаю сдѣлать его инженеромъ.

— Инженеромъ! Чтѣ ты это, братъ! прервалъ съ живостью фабрикантъ, пусть его будетъ адвокатомъ, научится говорить... защищать....

— Чтѣ? спросилъ я, приглашенный на это совѣщаніе въ чинствѣ друга хозяина.

— Наше желѣзо, сударь, наше желѣзо, которое приносятъ въ жертву иностранному.

— На мѣстѣ брата, сказалъ лѣсоводъ, я бы не погнался за блестящими, чтобы не разойтись съ существеннымъ.

— Чтѣ же бы ты изъ него сдѣлалъ? спросилъ отецъ, не знавшій кого слушать.

— Я бы велѣлъ ему торговать лѣсомъ.

Продавать его дрова! прошенталъ насмѣшливо банкиръ; пусть онъ лучше будетъ маклеромъ.

— Если у тебя есть хоть капелька здраваго смысла, шенталъ ему на ухо капиталистъ, — онъ долженъ быть нотаріусомъ.

— Чтѣ скажете вы? прошенталъ озадаченный отецъ, обернувшись ко мнѣ.

— Мнѣ кажется, что всего естественнѣе обратиться прежде съ этимъ вопросомъ къ вашему сыну.

— Справедливо. Альфредъ! сказалъ Дюваль молодому человеку, который, любуясь картиной Шательвейна, висѣвшей на стѣнѣ, не обращалъ никакого вниманія на споры; послушай, Альфредъ, какое званіе предпочитаешь ты, другъ мой?

Альфредъ взглянулъ на отца, но не отвѣчалъ.

— Хочешь быть инженеромъ?

— Нѣтъ.

— Адвокатомъ?

— Нѣтъ.

— Хочешь торговать лѣсомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Можетъ статься, ты предпочитаешь быть маклеромъ или нотаріусомъ?

— Вовсе нѣтъ.

— Какъ! ужъ не выбралъ ли ты самъ?

— Точно такъ, батюшка.

— Чѣмъ же ты хочешь быть?

— Авторомъ.

Если бы луна вдругъ свалилась на землю, не столько испугались бы люди, какъ всѣ эти господа при этомъ словѣ. Отецъ безмолвно опустилъ голову; пятеро дядей окаменѣли на мѣстѣ.

— Авторомъ! повторилъ задыхаясь Дюваль; авторомъ! и его умоляющіе глаза, казалось, испрашивали пощады у братьевъ.

— Да, батюшка.

— Развѣ ты хочешь насъ посрамить! вскричали вдругъ всѣ пять дядей въ избыткѣ негодованія.

— Званіе писателя, сказалъ спокойно молодой человѣкъ, кажется нѣтъ, напротивъ, однимъ изъ почетныхъ.

— Одно изъ самыхъ бесполезныхъ званій, вскричалъ колко акціонеръ.

— Занятіе сумасшедшихъ! произнесъ со смѣхомъ Лѣсоводъ.

— Болвановъ! замѣтилъ капиталистъ.

— Дураковъ! прошепталъ акціонеръ-рудокопъ.

— Которые оканчиваютъ жизнь въ больницѣ, прибавилъ банкиръ въ видѣ заключенія.

— Если бы еще, сказалъ старшій Дюваль, если бы сочинитель не былъ для всѣхъ бесполезенъ; если бы его бредни не испарялись въ воздухъ и не оставляли пустоты въ головѣ. Я — самый невзвѣстный, самый неизвѣстный изъ сельскихъ хозяевъ, а десятки семействъ однако благословляютъ имя мое, потому что моя земля даетъ имъ пропитаніе. А будешь ли ты имѣть такое удовольствіе? Можешь ли сказать, когда будешь сочинителемъ: сегодня трудъ мой принесъ пользу, я обезпечилъ, взявшись за веро, прокормленіе нѣсколькихъ семействъ?...

Я почувствовалъ необходимость подоспѣть на помощь молодому человѣку.

— Если только это мѣшаетъ вамъ согласиться на намѣреніе вашего сына, я берусь доказать, что авторъ такъ-же полезенъ обществу, какъ сельскій хозяинъ, что онъ ворочаетъ, для общей пользы, большими капиталами, чѣмъ банкиръ для собственной своей

пользы; наконецъ, что ваши пять братьевъ, совѣтовавшіе племяннику каждый различное званіе, сообразно своимъ частнымъ видамъ, сами выиграютъ, если онъ приметъ благородное званіе литератора.

Можно угадать, какую грозу подвляли слова мои; цѣлые пять минутъ только слышались крики да насмѣшки, — наконецъ негодованіе пяти братьевъ вышло въ такомъ вызовѣ:

— Нутка, извольте доказать, такъ мы не только согласны отпустить Альфреда на сумасбродство, но еще готовы содержать его цѣлый годъ на нашъ счетъ, пока онъ набьетъ руку.

— Ну, и по рукамъ! отвѣчалъ я, успокоивъ Альфреда взоромъ.

— Когда же вы приступите къ вашей рѣчи?

— А вотъ какъ попробуемъ этого пуншу.

Когда мы выпили поочередно за здоровье каждого, когда въ комнатѣ слышалось только трещаніе дровъ въ камнѣ и дождь, бдашій къ стеклу, — я началъ такимъ образомъ:

— Чтобы доказать истину, которая кажется вамъ парадоксомъ, я безъ всякихъ разсужденій и разглагольствованій, просто расскажу вамъ исторію книги.

Представьте себѣ, что съ помощью какой-нибудь волшебницы вы перенеслись на самую высокую башню этого замка, смѣтрите на долину и можете обнять взоромъ огромное пространство, простирающееся между береговъ Океана и Средиземнаго моря. Вотъ молодой человекъ, медленно поднимающійся по скалистымъ горамъ, съ книгой въ рукѣ, съ бумагами подъ мышкой; онъ внимательно разсматриваетъ площадку конической формы, на правомъ берегу Дордоны; по его приказанію, поселяне принимаютъ копать землю и скоро между известковыми обломками выказываются отломки древней посуды, медали съ именемъ Цезаря. Работа эта, прилежно продолжавшаяся уже нѣсколько дней, кажется, увѣнчана успѣхомъ и молодой человекъ, щедро расплатившись съ землекопами, отправляется далѣе къ подошвѣ развалины Мираподы, разбѣивнячьяго гнѣзда среднихъ вѣковъ, для изслѣдованій обоихъ береговъ Дордоны, столь богатыхъ историческими воспоминаніями. Этотъ молодой человекъ, какъ вы уже отгадали, будущій писатель; онъ хочетъ написать книгу и для одной первой

страницы привелъ въ движеніе нѣсколько десятковъ рукъ и оста-
 лись деньги нѣстахъ въ двадцати. Слѣдуйте за нимъ въ этой
 лодкѣ, быстро его уносящей. Давъ лодчику, бѣдному рыбаку,
 явное противъ того, что тотъ бы выработалъ въ недѣлю, молодой
 человѣкъ выходитъ на землю возлѣ Рокаматура; ему нужны ло-
 шадь и проводникъ, потому что онъ намѣренъ посѣтить готиче-
 скую часовню, куда отправлялись, въ тринадцатомъ вѣкѣ, толпы
 пѣлжннхъ пилигримовъ. Внизу каменной лѣстницы, ведущей въ
 церковь, выстѣченную въ скалѣ, необходимъ новый проводникъ.
 Потомъ кошелекъ писателя открывается пять или шесть разъ,
 для покупки заржавѣлыхъ древностей, безъ которыхъ нельзя опи-
 сывать обычаи древнихъ временъ. Осмотрѣвъ церковь, онъ уѣз-
 жаетъ, несмотря на дождь и ужасную дорогу, въ сопровожденіи
 полдюжины поселанъ съ факелами и ломани. Они идутъ разры-
 вать одинъ изъ тѣхъ знаменитыхъ друндскихъ памятниковъ, ко-
 торыя французскіе антикваріи называютъ *долменами*, и найти
 какую-нибудь сѣкуру изъ кремня, извѣстное оружіе древнихъ
 Галловъ. Въ замкѣ, обвитомъ плющемъ, искатель открылъ двѣ
 неопознанныя рукописи: одна, гдѣ курсивный почеркъ тлѣется и
 извивается на пергаментѣ какъ змѣя, содержитъ жалованную гра-
 моту одного города; другая, которой золотыя и лазурныя выш-
 етки такъ красивы, хранитъ на своихъ блестящихъ страницахъ
 послѣднія пѣсни трубадуровъ. Въ замкѣ этихъ древнихъ лист-
 ковъ отдано золото. Бросьте еще взоръ на моего путешествен-
 ника, въ ту минуту, когда онъ сходитъ съ горъ Керси на Аж-
 незскую долину. Двѣ особы, встрѣченныя имъ, кажется, по на-
 ружности вовсе не имѣютъ ни какого отношенія къ его книгѣ;
 одна — поселанка, которая не умѣетъ читать, и, присѣвъ за рас-
 кидистой нвой, моетъ ноги въ росѣ; другой — деревенскій разно-
 щикъ, прельщается дѣвущку тесемками, да иголками. А между тѣмъ
 книга не напишется безъ этихъ двухъ человѣкъ, потому что дѣ-
 вушка разводитъ гусей, которыхъ перья ждуть съ нетерпѣніемъ
 жерскіе купцы, а разнощикъ одинъ изъ тѣхъ деревенскихъ три-
 щичковъ, которые доставляютъ первый матеріалъ на бумажныя
 фабрики. Это еще не все. Если вы мысленно поднимете эти пыль-
 ные своды, подъ которыми старичокъ, называемый *архивариусомъ*,

хранить въ каждомъ городѣ документы прошедшаго, вы увидите, среди груды реестровъ, полусъѣденныхъ крысами, среди пожелтѣлыхъ, заплеснѣлыхъ и разодранныхъ пергаментовъ, внимательныхъ и безмолвныхъ переписчиковъ, работающихъ для будущаго автора книги. Вернитесь къ Гароннѣ, гдѣ пароходъ шумно выпускаетъ длинныя кольца дыму по чистой и свѣжей Ронѣ, протекающей между двойной каймой тростника и тополей, и вы примѣтите, то на пароходѣ, то подъ палаткой лионскихъ пакетботовъ, путешествующаго писателя, сыплющаго деньгами, чтобы набрать истинныхъ впечатлѣній и матеріаловъ для своей книги. Онъ нанимаетъ бѣднаго ходульщика (échassier), который углубляется съ нимъ въ песчаныя степи, указать мѣсто исчезнувшей деревни, прудъ, откуда слышится звукъ таинственнаго колокола, лѣсъ, посѣщаемый колдунами; перенейскаго горца, который ведетъ на старинныя башни, къ источнику, окровавленному ударами копій, къ святому кресту Бетарракской пустыни; себенскаго пастуха, который съ такимъ удовольствіемъ углубляется въ свои дикіе пустыри и каштановые лѣса, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы описать на энергическомъ гарскомъ нарѣчій подвиги древнихъ воиновъ. Кромѣ того, авторъ употребляетъ въ дѣло, за деньги, сторожей этихъ амфитеатровъ, которые продолжаютъ на нашей почвѣ преданія римскаго величія и религіозныхъ памятниковъ, заставляетъ Цыганъ бѣгать по развалинамъ, провансальскихъ рыбаковъ — грести подъ стѣною Ивскаго замка или скаль Ламалльской крѣпости, стариковъ рассказывать преданія о жизни и мужественной смерти Барбаруосы, и каждый шагъ Цыгана, каждый ударъ весломъ лодочника, каждый разговоръ старика, стоитъ ему денегъ. Я еще не говорилъ о букинистахъ, въ истертомъ сюртукѣ, съ слезливымъ взоромъ, съ краснымъ носомъ, которые въ это время трудились день и ночь, чтобы найти записки, историческія или сатирическія, сборники, диссертациі прошедшихъ столѣтій, ни о приходскомъ учителѣ, который переписываетъ всѣ важныя мѣста изъ мѣстныхъ историческихъ книгъ; ни о бѣдномъ землемѣрѣ, снимавшемъ планы съ знаменитыхъ мѣстностей, ни о молодомъ художникѣ, посвящающемъ въ первый разъ карандашъ свой на изображеніе разрушенныхъ замковъ, зданій, обезображенныхъ временемъ, гдѣ раз-

игрывались великія историческія сцены. Сколькія таланты работают для перваго труда! И однако ничего еще не сдѣлано, книга покинута еще въ головѣ и портфель автора и все собранное состоитъ только безобразную и смѣшанную груду матеріала, которые теперь слѣдуетъ пустить въ ходъ.

По этой картинѣ, за точность которой я ручаюсь, и которая описываетъ только часть предварительныхъ пожертвованій, необходимыхъ для исторіи южной Франціи (молодой авторъ, котораго я показалъ вамъ въ этой фантастической дали, это я самъ, въ двадцать-четыре года); по этой картинѣ вы можете составить себѣ идею о важности книги въ промышленномъ отношеніи. Теперь пройдемъ въ молчаніи три или четыре года, необходимые для того, чтобы написать книгу. Положимъ, что она написана, но еще не напечатана, это только рукопись, которая до тѣхъ поръ не выйдеть изъ мрака, пока издатель ее не напечатаетъ. Но прежде чѣмъ это сдѣлается, мы имѣемъ время посѣтить четыре фабрики, которыя пришли уже въ движеніе для этой рукописи.

Войдемъ сначала на фабрику бумажную. Съ перваго шагу насъ останавливаетъ грязная груда этого тряпья, которое ночные столычые Диогены и сельскіе тряпичники подняли на улицахъ или вытѣкали на тесемки. Промышленность эта занимаетъ также очень много рукъ, потому что среднимъ числомъ каждый годъ въ одной Франціи потребляется сто восемьдесятъ милліоновъ фунтовъ тряпья. Тряпье сначала отдается работницамъ, которыя разбираютъ, сортируютъ, разрѣзываютъ и обстригаютъ его чтобы уничтожить рубцы и швы. Отсюда тряпки поступаютъ на широкое колесо, которое, вертясь со скоростью отъ ста-пятидесяти до двухъ-сотъ оборотовъ въ минуту, выбиваетъ изъ нихъ пыль и грязь. Потомъ тряпье бросаютъ въ чаны, налитые холодной водой, гдѣ щеты паровой машины валютъ его и промываютъ. Послѣ первой паровой стирки производится еще другая, нужная для окончательнаго очищенія. Затѣмъ тряпки переходятъ подъ цилиндры, которые растягиваютъ ихъ на водѣ и превращаютъ въ *тѣсто*. Тѣсто это нѣсколько разъ продѣлываютъ и снова перетираютъ, бѣлятъ хлоромъ въ запоронныхъ чанахъ, окрашиваютъ въ разные цвѣта, избалты-

лесты, разламывают и медленно вылизывают на длинную продолговатую сѣтку бумагодѣльной машины, приведенной съ дѣшево паромъ. Сѣтка, подвѣсаясь съ яркими бѣлыми войлоками, которыми она снабжена, гнетъ въ одного конца зѣлы шарою безконечный листъ, который тутъ же сунутся въ другую сѣтку: концы вывертываются на цилиндръ помощью очень замѣчателюй механики. Когда цилиндръ повернулся до известной точки, его сдвигаютъ со стѣны и находящійся на немъ стѣноу листъ, прорѣзая стальнымъ колесомъ, поодиноку разрываютъ въ малые листы различныхъ форматовъ, на себѣнаго рода столахъ.

Теперь нужно эти листы перенести въ другую залу, гдѣ они аширетируются; тамъ каждый листъ съ обѣихъ сторонъ очищаютъ помехами, снимая всѣ узлы и нечистоты, не уничтоженною трѣнемъ и проѣживавіемъ. Изъ рукъ аширетировщицъ листы переходятъ къ сортировщицамъ, которыя раздѣляютъ ихъ на стопы, просматриваютъ каждый передъ свѣтомъ, для открытія дыръ и изъяновъ и подбираютъ одинъ къ другому для соблюденія одинаковости цвѣту и зерну. Отъ нихъ листы получаютъ прессировщицы, кладутъ ихъ стопами въ прессы между полированныхъ досокъ. Когда бумага достаточно выровнилась и выдѣлилась, стопы обрѣзываютъ стальными колесами, завертываютъ, перевязываютъ и отправляютъ въ кладовыя.

— Я никогда не думалъ, вскричалъ фабрикантъ, чтобы печатаніе книги дѣлало такую кутерьму.

— Это еще ничего, отвѣчалъ я, это только бумага, которой производству способствуютъ торговля и мореходство, потому что я не говорилъ вамъ ни о берлинской лазурѣ, ни о кобальтѣ, необходимыхъ, чтобы ее окрасить въ лазуревый цвѣтъ, ни о хромовонисломъ свинцѣ, ни о красильныхъ деревьяхъ, ни о квасцахъ, ни объ оловянныхъ соляхъ, которыя нужны для приданія бумагѣ зеленого, желтаго, краснаго, розоваго и другихъ цвѣтовъ, употребляемыхъ для книжныхъ обертокъ. Пойдемъ на вторую фабрику и посмотримъ какъ отливаютъ литеры или шриеты.

Положимъ, что изъ числа васъ одинъ братъ поставитъ первую матеріалъ, то есть, свинецъ и шѣдь. Допустимъ также, что для

над Беллора марфаль на снад выжудные цуревны, пролетар-
леннiо" всѣ буквы алфавита и всѣ звуки произношенiя. Эти, со зву-
ками, вбитые въ серебряныя над ибавныя кулаки, оставле-
ны: по себѣ сабы. — лосова, инфинiа вадъ будка и пидат,
моника нагривани над формамъ, до которымъ отделяють
проста. Войдемъ въ словосочинудъ Жесткая ложка, реактивна
на: на ибаванно ячесса, лажитъ на плавленой цети. Шестъ
ребнищавъ стоща: передъ лажитъ очагомъ, подъ которымъ го-
реть сурiа дрожа, доставляемая, бытъ-наметъ, въ дбавъ лажина
братъ. Плавленая металлъ, который зовутъ гартонъ, и ве-
рней состоитъ изъ салину и окиси антимонiа, влосочетъ въ
срѣдъ. Каждый изъ работниковъ погружаетъ въ него малецкое
нагнное черпало съ деревянной ручкой, беретъ ибаванно над
наде металла, вавнннштъ на литерныя формы, ветацдонныя въ
стѣнн жегннвай ложка и какъ скоро металлъ застынетъ, тѣ
дбаветъ почти мгновенно, онъ одавимъ движениемъ руки опре-
кдмиваетъ на тросованкъ гетованы литеры, образовавшiеся въ
серѣдъ. Ихъ тотчасъ же отдѣляютъ одну отъ другой и обглажи-
ваютъ, обтирая всѣ бока на жерновомъ камнѣ, другiе выра-
вннштъ ихъ высоту; третьи сострагиваютъ ибдннмъ инструмен-
томъ торчанное ребро, оставшесся отъ шолки въ формѣ; четвер-
тые оканчиваютъ ихъ, тщательно шлифуя каждую прощечнымъ
напикомъ! Наконецъ, каждая буква должна быть осмотрѣна съ
большимъ вниманiемъ, подобрана, уложена и завязана въ пак-
тецъ, который поступаетъ въ типографiю.

Теперь мы знаемъ два главныхъ начала книгопечатанiя: бумагу
и шрифтъ; остаются чернила и печатанiе.

Пойдемъ сначала на этотъ дворъ, гдѣ васъ оттаиваетъ, съ
первыхъ шаговъ, отвратительный запахъ. Въ серединѣ двора сто-
итъ палатка, а въ палаткѣ горитъ на котлѣ смола, испуская стал-
бы черного дыму. Въ углу уже два часа кипитъ на огнѣ дере-
вянное масло. Посмотрите со вниманiемъ на этого человѣка, ко-
торый паливой обколачиваетъ палатку, выкладывая внутри бума-
гой, чтобы страхнуть съ нея сажу, образованную дымомъ смолы.
Его помощникъ тутъ же промываетъ эту сажу; другiе работни-
ки раздѣиваютъ ее ириворными пестами съ выпаченымъ до тл-

гучести масломъ; и вотъ вамъ фабрика и фабриканты типографскихъ чернилъ.

— Со всѣмъ тѣмъ, сказалъ очень громко фабрикантъ, вы не чуть не доказали, что я имѣю личную выгоду въ печатаніи книгъ.

— А между-тѣмъ, на этой фабрицѣ почти все вышло изъ нашего завода. Вы сдѣлали эти болтики, винты и все прочія желѣзные орудія; следовательно вы одни можете сказать, сколько нужно работниковъ, чтобы сплавлять, пробурывать и выливать каждую изъ этихъ вещей. Я прибавлю, что доска типографскаго станка дѣлается нынче изъ чугуна и выходитъ изъ вашего же завода, а вы согласитесь, что, еслибы авторъ не написалъ своей книги, не было бы нужно ни бумаги, ни чернилъ, ни литеръ, ни печатнаго станка. Эти тысячи работниковъ, которыхъ я показываю вамъ исключительно занятыми, вблизи или далеко, прямымъ или непрямымъ путемъ, приготовленіемъ изданія книгъ, остались бы безъ дѣла. Отсюда происходитъ, если не ошибаюсь, что авторъ въ матеріальномъ отношеніи, служитъ обществу столько же какъ сельскій хозяинъ и приноситъ пользу даже фабрикантамъ желѣзныхъ издѣлій.

— Признаюсь, сказалъ добрый Дюваль, нюхая табакъ, что это литературное ремесло начинаетъ казаться мнѣ не такъ противнымъ; даже въ глубинѣ сердца чувствую я снисхожденіе, которое удивитъ всѣхъ моихъ братьевъ.

— Оно, конечно, замѣтилъ фабрикантъ, я еще не рассматривалъ вопроса съ этой точки зрѣнія.

— Ни я, сказалъ акціонеръ горныхъ издѣлій, который уже рассчиталъ, сколько приблизительно нужно въ годъ свинцу и желѣза для типографій.

— Теперь у насъ есть бумага, продолжалъ я, чернила, литеры для нашей рукописи, остается свести ее въ типографію, но для этого нужно посѣтить посредника, безъ котораго бѣдная рукопись не увидитъ свѣту; я разумію издателя. Издатель, въ волшебныхъ грѣзахъ начинающихъ писателей, является одаренный чарующею властью гениевъ и волшебниковъ. Этотъ волшебникъ, дѣйствительно одаренъ всемогущей палочкой Аладина. Когда онъ произнесетъ одно только слово, — иррашъ, окружитъ

ний писателя, развѣется словно какинъ-нибудь чарошаніемъ. Но это слово не легко у него вырвать. Если бы даже предлагали ему произведеніе образцовое, что иногда и случается — вамъ всѣмъ, я думаю, извѣстно, что Мильтону съ его «Утраченныиъ Раемъ» было отказано, что Ла-Брюйеръ долженъ былъ обезпечить издержки печатанія своихъ «Характеровъ», что Бернардешъ де-Сенъ-Пьерръ не могъ добиться ни отъ одного книгопродавца, чтобы напечаталъ дромъ «Павла и Virginію» — можно держать его противъ одного, что издатель откажетъ. Размысливъ о издержкахъ, необходимыхъ для изданія книги и о невѣрностяхъ удачи, обыкновенныхъ при всякомъ началѣ, можно безъ труда понять холодность издателей, иногда несправедливую и всегда жестокую; и потому часто ловкость полезнѣе достоинства. Позвольте вамъ разсказать, по этому случаю, анекдотъ, который я знаю изъ первыхъ рукъ.

Въ 1838 году, молодой литераторъ, еще мало извѣстный, является въ одно утро къ модному издателю. Амброазъ Дюпонъ приходилъ въ этотъ день на вечеря, выльзающаго изъ берлоги, послѣ дурной ночи. Вы понимаете, какой приѣмъ получилъ молодой человекъ. Не будъ у него твердой и непоколебимой любви къ литературѣ, онъ опростелю убѣжалъ бы; но онъ запасся настойчивостью и хладнокровіемъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, подаль свирѣпому издателю рукопись, которую тотъ успѣшилъ оттолкнуть какъ чашу горечи.

Начался споръ о томъ, останется ли эта угрожающая связка на конторкѣ Амброаза Дюпона или авторъ унесетъ ее съ собою. Споръ былъ продолжителенъ, но авторъ одержалъ побѣду, вѣроятно благодаря желанію издателя отвязаться отъ него. Унесъ съ собою обѣщаніе, что романъ будетъ прочитанъ, авторъ воротился черезъ недѣлю, и потомъ тридѣсяца сряду, приходилъ каждую недѣлю въ тотъ же день и въ тотъ же часъ, спрашивать, какой судъ произнесенъ о несчастной рукописи. Наконецъ ему объявили рѣшеніе, и хотя оно не было лестно, за то отличалось ясностью. Вы думаете, что молодой человекъ впалъ тотчасъ въ отчаяніе? напротивъ: черезъ двѣ недѣли онъ снова явился къ Дюпону.

— Какъ, сударь, сказалъ издатель, опять вы! кажется въ послѣдній разъ я выразился такъ, что...

— Такъ, что я совершенно убѣдился въ превосходствѣ моего искусства. Я даже до того пометился отъ радости, нацѣсавшей мнѣ самолюбиво, что безъ малѣйшаго сожалѣнія бросаю мой романъ къ огню.

— Такъ, для чего же вы пришли?

— Но для себя. Можете угадать нѣсколько минутъ?

— Известно говорю.

— Знаете ли автора «Обрученныхъ»?

— Мадонна! Она пользуется европейской славой и живи она въ Парижѣ, я бы надѣлъ его романъ, за какую бы то ни была цѣну; въ моемъ каталогѣ стоятъ всѣ европейскія знаменитости.

— Такъ вышлите же туда Мадонна.

— Что вы хотите сказать?

— Что я приношу вамъ, подъ величайшимъ секретомъ, переводъ перваго тома новаго романа автора «Обрученныхъ», котораго и существованіе и заглавіе совершенно не извѣстны и въ Неаполѣ и въ Парижѣ.

— Возможно ли?

— Знаете вы по-итальянски?

— Нѣтъ!

— Вотъ его письмо.

— И вы ужъ нѣсколько перевели?

— Цѣлый томъ.

— Нельзя ли мнѣ оставить...

— Невозможно, авторъ запретилъ отдавать его, прежде чѣмъ мы уповорядимъ.

— А каковы условія?

— Скажу, когда узнаете переводъ.

— Можете прочесть мнѣ нѣсколько главъ?

— Къ вашимъ услугамъ.

Издатель отворилъ боковую дверь и привелъ человека еще молодого, которому сказалъ что-то на ухо. Тотъ сѣлъ съ взумившимъ видомъ.

— Можете начать, слушаемъ, сказала Дюнона.

Переводчикъ прочелъ первую главу, извѣщаясь безпрестанно въ своей неопытности, въ скудость французскаго языка, но позво-

ляшаго, предлагать, какъ бы ему хотѣлось, богатый подарокъ подписчика. Онъ хотѣлъ начать вторую главу, когда редакторъ всталъ и развѣтвившись взглядомъ съ другимъ редакторомъ, сказалъ отрывисто и рѣшительно:

— Ваши условія?

— Издать непременно черезъ мѣсяць, мнѣ двадцать пять экземпляровъ и тысячу франковъ за оба тома.

— Вы не шутите?

— Такъ далеко отъ этого, что прошу сейчасъ же подписать условіе.

Когда оба подписи улеглись чинно на бумагу, Дюпонъ высказалъ весь свой энтузіазмъ и восторгъ къ тому, что онъ слышалъ.

— Послушайте, Сулѣ, сказалъ онъ свидѣтелю этой сцены, въ вашихъ романахъ все драма да жизнь, все расписано рѣзко и сильно, вы словно умѣете запутать завязку; но у насъ, почтеннѣйшій, нѣтъ ни той естественности, ни того живаго и вѣрнаго колориту, который преобладаетъ у Манцони. Тутъ такъ и чувствуешь живой, горячій отблескъ итальянскаго солнца.

Переводчикъ скромно опустил голову и, казалось, смутился отъ похвалы.

Романъ печатался три недѣли: каждый листокъ увеличивалъ восторгъ издателя, съ жадностью читавшаго корректуры. Наконецъ наступила торжественная минута, когда надо было дать книгѣ заглавіе. Въ семь часовъ утра Дюпонъ былъ уже у молодого человѣка, тотъ отдалъ ему бумагу, такъ нетерпѣливо ожидаемую. Издатель развернулъ ее и прочелъ: «Бертранъ»...

— Вы смѣтаете надо мной, вскричалъ онъ. Это заглавіе того романа, который я отказался напечатать.

— Правда, сказалъ спокойно молодой человѣкъ.

— И вы хотите назвать такъ переводъ?

— Я не переводилъ.

— Какъ?

— Это мое бѣдное сочиненіе, которое вы отвергли; не прочтя его, и которымъ я заставилъ васъ восхищаться подъ прикрытіемъ имени Манцони.

Мщеніе было вѣдко, но издатель былъ человѣкъ умный, не раз-

сердился и отказался даже разорвать условіе, которое возвращалъ ему молодой авторъ.

Вышла бы претолстѣйшая книга, если бы я захотѣлъ рассказать вамъ всё тревоженіе писателя, отъискивающаго издателя. Чтò жь дѣлать? Не каждый день встрѣчаются такіе великодушные друзья, какъ живописецъ Вьеръ, не побоявшійся пожертвовать тремястами франковъ для напечатанія образцоваго произведенія Бернардена де-Сенъ-Піерра. Не всё могутъ начинать такъ счастливо, какъ Самуэль Джонсонъ, знаменитый англійскій критикъ прошедшаго столѣтія. Онъ былъ еще въ школѣ, когда профессоръ задалъ ему перевести латинскими стихами поэму Попа. Самуэль послалъ переводъ къ отцу, книгопродавцу въ Личфильдъ. Тотъ, хорошій латинистъ, восхищался стихами сына, напечаталъ ихъ, издалъ, не говоря ему о томъ, и послалъ первый экземпляръ Попу. Попъ въ восторгъ закричалъ, что это образцовое произведеніе, что собственное его сочиненіе кажется переводомъ. Тутъ стоустая слава принялась трубить и Самуэль узналъ въ школѣ, что онъ первый и самый знаменитый латинскій поэтъ.... въ Англіи. Не имѣя такого отца, молодые писатели безропотно подчиняются самымъ причудливымъ требованіямъ. Многіе авторы, которые теперь въ славу, скрѣпя сердце видѣли, какъ рукопись ихъ романа, или забыта цѣлые годы подъ макулатурами издателя или съѣдена пылью, какъ «Гордіевъ Узелъ», Карла Бернара, который былъ уже обглоданъ крысами, когда случайно попался на глаза одному журналисту. Многіе должны были передѣлать сюжетъ, испортить планъ, сообразно причудамъ и корыстнымъ видамъ издателя. И не думайте, что одни посредственныя дарованія осуждены переходить черезъ эти тяжкія испытанія: и гевіямъ доставалось тоже нѣсколько разъ, и я могъ бы привести множество знаменитыхъ примѣровъ; но, для сокращенія, положимъ, что автору повезло, что онъ попалъ на одного изъ тѣхъ умныхъ и смѣшленныхъ людей, которые дѣлаютъ честь книжной торговлѣ, — на какого-нибудь Фюрна; — онъ берется издать книгу, уговаривается съ типографщикомъ и несетъ къ нему рукопись.... Но позвольте теперь сказать вамъ нѣсколько словъ объ искусствѣ, которое мно-

гис, но нѣтъ о немъ конатія, смѣшиваются съ механическими результатами.

Съ шестнадцатаго столѣтія, государи оказывали особенное покровительство типографскому искусству.

Тридцатаго апрѣля 1583 Генрихъ-Третій издалъ указъ, чтобы подтвердить права и привилегіи типографскаго искусства, какъ вераго и превосходѣйшаго изъ всѣхъ, потому-что люди, самые опытные въ литературномъ дѣлѣ, принимали на себя званіе типографщиковъ. Шестьдесятъ лѣтъ спустя, Людовикъ Четырнадцатый еще усиливъ грамоту Генриха Третьяго и опредѣлилъ строгія взысканія за безпорядки, вкрашіеся въ производство типографскаго дѣла подъ управленіемъ типографовъ, неспособныхъ исправлять это благородное званіе.

Такимъ-то образомъ короли и папы создали Альдовъ, Необаровъ, Плантеновъ, Этіеновъ, истинныхъ покровителей науки, на которыхъ сквозь туманъ вѣковъ невозможно смотрѣть безъ призвательности и уваженія. Я не въ состояніи описать вамъ, какое глубокое впечатлѣніе вынесъ я посѣтивъ въ сообществѣ одного знаменитаго лингвиста, бывшую типографію Плантена въ Антверпенѣ. Это было 3 мая 1836 года; солнце бросало сквозь утренній туманъ эти вѣжные золотистые лучи, которые такъ любилъ Рубенсъ. Въ старинное зданіе ввелъ насъ человекъ съ благороднымъ обращеніемъ, который, какъ я послѣ узналъ, былъ потомокъ Плантена по женскому колѣву. Рабочая комната, построенная въ 1554 году, была наполнена пыльными остатками, на которые мы смотрѣли какъ на драгоценности. Тамъ есть два станка тогдашняго фасона, съ полсотни деревянныхъ верстаковъ, старыя спускальныя доски, и стулъ на трехъ ногахъ вычурной рѣзбы. Потомъ мы перешли въ контору Плантена, гдѣ реестры, счѣтныя и дѣловыя книги лежатъ еще на полкахъ. Возлѣ кабинетъ корректоровъ. Представьте себѣ довольно большую комнату, обитую золоченою кожей и отлично свѣтлую. Все въ ней сохранило отпечатокъ старины до того, что, зажмуривъ глаза, мнѣ могло бы показаться, что я стою позади Юстуса Липсуса, согнувшася надъ корректурами. Потомъ насъ провели въ залу типографскихъ украшеній. Мы любовались тамъ на эти гра-

выровнанныя дощечки, узорчатые буквы, шпалетти; бордюры, которые образуют еще коллекцію болѣе трехъ тысячъ штукъ, когда дамы, впереди которыхъ почтительно шелъ Альбертъ Мортусъ, наследникъ Платена, подошли къ этимъ сокровищамъ. Особенно одна изъ нихъ разсматривала все съ живѣйшимъ любопытствомъ. Когда онѣ вышли, я спросилъ у нашего проводника:

— Не Французенки ли это?

Онъ отвѣчалъ утвердительно.

— Вы ихъ знаете?

Съ безмолвнымъ призракомъ, вышедшаго изъ могилы Платена, чтобы отвѣчать намъ, онъ указалъ пальцемъ на печатный листъ съ богатыми типографскими украшеніями, на которомъ изображены были слова:

«Въ эту минуту, въ одиннадцать часовъ утра, 3 мая 1836 года, ея величество королева бельгійская и ея королевское высочество принцесса Марія Орлеанская, сестра ея, изволятъ удостоивать своего присутвіемъ древнюю архитипографію Платена.»

Трогательное посѣщеніе благородной государыни, которая такъ рано сошла въ могилу!

Обратимся къ нашей рукописи.

Рукопись поступила въ типографію. Взойдите въ это любимое заведеніе и посмотрите, какая тѣма народу работаютъ для превращенія ея въ книгу. Одни стоятъ передъ огромными которами, или такъ-называемыми *кастами*, которыхъ верхняя наклонная доска раздѣлена на сотни ячеекъ, или кѣлокъ, куда кучами насыпаны разнаго виду и разной величины буквы, знаки препинанія, свинцовые квадраты и тонкія пластинки, и *набираютъ* рукопись, разрѣзавшую по листочкамъ. Каждый листочекъ оправленъ въ родъ рамки, утвержденной на кастѣ. Поперечная подвижная линѣйка указываетъ работнику на мѣсто набиральной строчки. Наборщикъ не спускаетъ глазъ со словъ этой строчки, держа въ лѣвой рукѣ дощечку съ выдающимися краями, между тѣмъ какъ правая рука его быстро летаетъ по ячеекѣ касты, хватая изъ нихъ по-одиночкѣ литеры, запятые, точки и ставитъ, не глядя, на дощечку лѣвой руки. Когда строчка кончена,

наборщик разсматривает слова ея, набранные по-татарски, из оборотных литеръ въ обратномъ порядкѣ, отъ лѣвой руки къ правой, размѣщаетъ ихъ правильнѣе или красивѣе, пригоняетъ послѣднее слово или послѣдній слогъ къ краю, и на строчку сверху накладываетъ тонкія металлическія пластинки, которыя должны отдѣлять одну строчку отъ другой. Не только литеры въ словѣ и слова въ строчкѣ являются глазу обратно въ типографскомъ наборѣ, но и самыя строчки идутъ снизу вверхъ, такъ что наборщику приходится читать свой наборъ вверхъ ногами. Это упражненіе доводитъ наборщиковъ до удивительнаго искусства разбирать самыя невѣроятныя почерки, отъискивать логическій порядокъ словъ и смыслъ въ самыхъ страшныхъ черновыхъ. Нельзя не замѣтить, что при этомъ умъ ихъ чрезвычайно образуется при малѣйшихъ природныхъ способностяхъ, особенно если которому-нибудь случается набирать дѣльныя сочиненія: бывали перѣдкіе примѣры, что изъ наборщиковъ вдругъ выходили хорошіе поэты и примѣчательные писатели.

Между-тѣмъ при другихъ засталъ другіе наборщики *разбираютъ шриеты*, то-есть, отпечатанный и уже не нужный наборъ разлагаютъ на его стихіи, буквы. Держа въ одной рукѣ, на дощечкѣ, нѣсколько строкъ шриету отпечатанной страницы, наборщикъ беретъ другой рукой нѣсколько словъ вдругъ, читаетъ ихъ, и быстро, не глядя, разбрасываетъ литеры и закладываетъ по ячейкамъ. Эта операція чрезвычайно важна и требуетъ большой сноровки: разумеется, что если наборщикъ броситъ, напримѣръ, букву *б* въ ячейку буквы *л*, то при наборѣ слѣдующей рукописи буква *б* будетъ вата и поставлена вмѣсто буквы *л*. Корректоръ принужденъ будетъ отмѣтить ее на корректурномъ листѣ и наборщику придется потомъ мучительно вынимать шиломъ *б* изъ набора и на мѣсто ея вставлять *л*. Большая часть типографскихъ опечатокъ происходитъ именно отъ неопытности тѣхъ, которые *разбираютъ* наборы.

Третья въ то же время *правятъ* на-каменныхъ столахъ корректуры, то-есть, каждую отмѣченную корректоромъ букву или пропущенное слово перемѣняютъ и возстановляютъ. Выправка корректуры — снуетская работа. Кромѣ естественныхъ ошибокъ,

происходящихъ отъ недосмотра со стороны наборщика, многіе авторы, читая сами вторую или третью корректуру, до того измѣняютъ слова и цѣлыя фразы, прибавляютъ, вычеркиваютъ, передѣлываютъ свой первобытный текстъ, что наборщикъ принужденъ иногда переломать всѣ строчки или перебрать вновь цѣлыя страницы. Покойный Балзакъ, говорятъ, былъ въ этомъ отношеніи бичъ бѣдныхъ наборщиковъ: перѣдко въ своихъ корректурахъ онъ слова на слова не оставлялъ въ цѣлости.

Когда корректура совершенно исправлена и на послѣдней *сводкѣ* авторомъ или корректоромъ написано: *исправивъ, печатать*, — полный листъ набору, завыченныи въ двѣ желѣзныя квадратныя рамки или *формы*, передается печатальщикамъ. Два рода приборозъ употребляются для произведенія оттисковъ на бумагу: ручныя станки и печатальныя машины, которыя оныя бываютъ, или ручныя, или паровыя. При каждомъ ручномъ станкѣ нужны два работника: Одинъ накладываетъ листы бумаги, прижимаетъ ихъ прессомъ къ набору и поочередно снимаетъ со станка; другой, который послѣ каждого оттиснутого листа, наводитъ наборъ чернилами, помощью кожаного упругаго цилиндра, вертящагося въ рукахъ его на оси. Производство на механическихъ прессахъ описывать было-бы долго. Довольно какъ сказать, что на хорошихъ печатальныхъ машинахъ четыре человека оттискиваютъ до пяти-тысячъ листовъ, на обѣ стороны, въ одну ночь, безъ помощи паровъ. Новая паровая печатальная машина лондонской газеты «Times» производитъ въ одну часъ десять-тысячъ экземпляровъ одного листа. Наборъ въ этомъ чудномъ механизмѣ расположенъ не на плоской поверхности, какъ обыкновенно, но на огромномъ цилиндрѣ, который, быстро вращаясь, съ одной стороны принимаетъ чернила, а съ другой печатаетъ; между-тѣмъ какъ особенный приборъ подвигаетъ подъ цилиндръ безконечный листъ бумаги. Огромныя мануфактуры механическихъ издѣлій заняты исключительно дѣланіемъ ручныхъ ставковъ и печатальныхъ машинъ, ручныхъ и паровыхъ, для безчисленныхъ типографій образованнаго свѣта. Если къ тому примете въ соображеніе, сколько рукъ работаютъ у переилетника, чтобы выны напечатанныхъ листовъ превратить въ томы, сколь-

во сельскихъ хозяевъ, кожевниковъ и красильщиковъ нужно для востановки нить кожи, клею, холста, крахмалу, нитокъ и прочая, сколько лошадей и судовъ употребляется для развозу этихъ товаровъ въ отдаленныя мѣста, — то можете сказать безъ преувеличенія, что каждый томъ книги, даже самой глухой, самой скучной, самой безполезной, который попадается вамъ въ руки, доставилъ трехдневное пропитаніе, быть можетъ, тысячъ трудолюбивыхъ бѣднѣековъ. Посчитайте теперь, сколько сотенъ томовъ издается въ свѣтъ каждыя сутки въ видѣ книгъ, книжекъ, журналовъ и газетъ въ каждой грамотной землѣ и во всей Европѣ и сколько сотенъ тысячъ, сколько миллионовъ людей кормятся и существуютъ этими орудіями образованности, *книгою*.

Теперь возвратимся къ корректурамъ. Выправка корректуры для книги то же, что душа для тѣла, что зрѣніе для человѣка. Только одна рѣчь сумасшедшаго можетъ дать идею о корректурѣ, выправленной безтолково. Пойдемте въ кабинетъ, находящійся гдѣ-нибудь на дворѣ, и посмотримъ на корректоровъ. Одинъ человѣкъ, съ верою въ руки, читаетъ вслухъ и поправляетъ корректуру, между тѣмъ какъ его помощникъ сидитъ сгорбившись надъ рукописью и останавливаетъ чтеніе его при каждомъ неправильно набранномъ или пропущенномъ словѣ. Этотъ процессъ повторяется нѣсколько разъ. Кажется, всѣ мѣры человѣческаго вниманія приняты для избѣжанія ошибокъ. Не смотря на то, почти нѣтъ на свѣтѣ книгъ, въ которой мысли или слова автора не были бы исковерканы самыми странными опечатками. Въ старинныхъ книгахъ авторы имѣли обыкновеніе прибавлять, вначалѣ или концѣ сочиненія, сентенцію въ слѣдующемъ родѣ: «Аще что въ сей книгѣ недосмотрѣно, или просмотрѣно, то, благоразумный читателю, съ писавшаго не зыскивай: ибо нѣсть человѣка безъ грѣха, а книги безъ погрѣшностей, въ конхъ притомъ самъ я лично не виновенъ, положась на умѣние людей искусныхъ и въ семь дѣлѣ смысленныхъ.» —

Важный и ученый докторъ Горншу, бывшій въ 1608 году корректоромъ въ Лейпцигѣ, даетъ своимъ собратамъ слѣдующія наставленія: «корректоръ долженъ съ великимъ тщаніемъ избѣгать глупаа, грусти, волокитства, словомъ, всѣхъ смѣльныхъ ошущеній.

Особенно долженъ онъ бояться пьянства, потому-что отъ Бахуса происходятъ самыя пагубныя впечатлѣнія.»

Съ такими добродѣтелями ничто ли найдется теперь корректору?... Прежде за это благородное занятіе брались съ восторгомъ и всѣ пожертвованія казались легкими. Вотъ черта изъ жизни одного корректора, именно Фредерика Морела, внука Ребера Этіена, который, кажется, исправлялъ третью корректуру, когда къ нему пришла сказать, что жена его очень дурно.

— Черезъ минуту, сказалъ онъ слушавшій.

Эта минута такъ долго продолжалась, что докторъ самъ пошелъ въ кабинетъ сказать Морелю, что онъ долженъ повториться, если хочетъ застать жену въ живыхъ.

— Только осталось два слова, отвѣчалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ опять постучался въ дверь, но на этотъ разъ уже затѣмъ, чтобы сказать, что несчастная умерла.

При этой исторической чертѣ, всѣ миссере Дювалей закричалъ во все горло :

— Не можетъ-быть! Не можетъ быть!

— Право? А что вы скажете, если я найду заимъ что-нибудь равносильное, не заходя далѣе конца прошлаго столѣтія?

— Не можетъ-быть!

— Слушайте же. Въ 1773 году, зала Антонія Ступа, преемница Ле Претона, придворнаго типографщика, была блистательно освѣщена. Мастеръ книгопечатныхъ дѣлъ, какъ величали себя типографщики того столѣтія, хотѣлъ праздновать у себя свадьбу корректора своего, Карла Крауде. Новобрачная была такъ хороша, въ своемъ бѣломъ платьѣ, въ гирляндѣ, которая блистала при свѣчакъ на головѣ ея, искусно напудренной, голубые глаза ослѣплялись съ такой кроткой невинностью, что всѣ женщины кусали съ досады губы, а всѣ мужчины завидовали счастливому супругу. Но тотъ, къ общему изумленію, казался задумчивымъ, угрюмымъ, принужденнымъ, и взоръ его чаще обращался на стѣнные часы, чѣмъ на новую свою подругу. Этотъ озабоченный видъ не укрывался ни отъ кого, но болѣе всѣхъ три особы наблюдали за нимъ съ особеннымъ вниманіемъ: типографщикъ, новобрачная и ея строгая тѣтка. Чѣмъ позднѣе становилось, тѣмъ ярчѣе хму-

ишь женихъ. Пробыла полночь; наконецъ онъ не могъ болѣе выдержать и вышелъ изъ залы. Можете себѣ представить состояніе гостей, отъзвѣніе новобрачной, когда увидѣли, что онъ не возвращается; глаза ея обратились на Ступа, который, съ радостью, съ торжественными видомъ смотрѣлъ на пустое мѣсто. Отецъ новобрачной спросилъ у него о причинѣ отсутствія жениха. Отвѣта не было. Старая тѣтка съ полнотью повторила вопросъ. Ступъ какъ будто не слышалъ. Наконецъ новобрачная бросилась къ нему вся въ слезахъ; онъ съ отеческой нежностью поцѣловалъ ее въ лобъ:

— Гадуйся, дочь моя, сказалъ онъ съ восторгомъ, у тебя не нуть, а золото!

— Человѣкъ, который оставляетъ жену въ день свадьбы! какъ замѣтила старуха.

— Да, сударыня, возразилъ Ступъ, — я горжусь этимъ человѣкомъ! Когда стрѣла укажетъ три часа, Карлъ возвратится.

Новобрачная вздохнула, родные зароптали, каждый гость сдѣлалъ потихоньку замѣчаніе, но, нечего дѣлать, ждали. Когда прошло три часа, новобрачный воротился.

— Откуда вы? закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Я поправлялъ корректуры; онѣ ждали меня въ типографіи, сказалъ онъ, нѣжно смотря на молодую жену, которая вѣрно въ эту минуту ревновала къ типографіи.

— И вы ручаетесь за справедливость анекдота?

— Да, господа, потому-что родной сынъ героя, Краплё, покойный товарищъ мой по королевскому обществу французскихъ любителей древности, двадцать разъ рассказывалъ мнѣ это происшествіе въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ и, мало того, что рассказывалъ, напечаталъ въ своихъ «Etudes typographiques».

— Я нисколько не сомнѣваюсь, сказалъ добрый Дюваль; но мнѣ кажется, что это отступленіе удаляетъ васъ отъ цѣли.

— Напротивъ, приводитъ къ ней. Этотъ самый Карлъ Краплё, увидавъ, что на первомъ листкѣ «Телемака», который онъ поправлялъ со всѣми стараніемъ, напечатанъ Régnore, вмѣсто Répôre, чуть не лишилъ себя жизни.

Изъ этихъ корректурныхъ опечатокъ возникаютъ горькія и до-

волью основательныя жалобы со стороны авторовъ. «Малѣйшая типографская опечатка убиваетъ меня, писалъ Байронъ своему издателю; ради Бога исправляйте, если не хотите, чтобы я перерѣзалъ себя горло. Ахъ! я бы хотѣлъ привязать наборщика къ спицѣ дикой лошади вмѣстѣ съ ванширомъ.»

Эти проклятія, за которыя наборщики и корректоры платили ему сторницею, потому-что почеркъ его былъ такъ дуренъ, что иногда онъ самъ не разбиралъ его, эти проклятія не произвелись бы Байрономъ, если-бы онъ потрудился лично надзирати за печатаніемъ своихъ сочиненій. Прежде такъ дѣлалось. Эразмъ не стыдился быть корректоромъ собственныхъ своихъ сочиненій, а кардиналъ Мори слѣдовалъ, страница за страницей, строчка за строчкой, слово за словомъ, за печатаніемъ своего «Опыта о церковномъ краснорѣчїи».

«Не проходило дня, говоритъ авторъ *«Etudes typographiques»*, чтобы онъ не являлся въ типографію, быстро взбирался въ четвертый этажъ, предшествуемый и провожаемый лакеемъ. Обыкновенно онъ былъ въ фиолетовой сутагѣ, въ маленькой красной мантии, иногда въ короткомъ плащѣ, становился возлѣ своего наборщика и показывалъ ему каждое слово въ корректурномъ листѣ, исписанномъ до-того поправками, что онъ могъ назваться новымъ текетомъ, и что нужно было держать до двѣнадцати корректуръ каждаго листа.

— Все это, замѣтилъ Дюваль, никогда не пропускавшій случая сдѣлать справедливое замѣчаніе, все это должно было занимать много времени!

— Два года. Отъ 1808 до 1810. Мы не такъ долго оставались на печатаніи нашей книги.

Отпечатавъ и выпустивъ шестьдесятъ листовъ, составляющихъ два тома, посылаютъ ихъ къ переплетчику. Пойдемте же на сколько минутъ въ мастерскую этого необходимаго вспомогателя типографіи. Тамъ вы увидите, какъ смышленныя работницы складываютъ листки деревяннымъ ножомъ, шиваютъ и отдають переплетчику, который накладываетъ на нихъ обертку. Ну, теперь книга готова, если никакой бѣды не случится.

— Какая же можетъ случиться бѣда? спросили мой хозяева.

— Случаются такія, что книга можетъ быть уничтожена до тла. Въ концѣ 1835 года, среди темной и холодной зимней ночи, крики: пожаръ! пожаръ! вдругъ раздались со стороны Святого Сулпиція... одно изъ первыхъ переплетныхъ заведеній столицы, а съ нимъ товаръ всей парижской книжной торговли — сгорѣлъ.

— Надо признаться, — сказалъ капиталистъ, какъ человѣкъ положительный, — что имѣешь полное право прийти въ отчаяніе, видя какъ вдругъ уничтожился трудъ, на который уже употреблено столько различныхъ производительныхъ силъ.

— Я начинаю сознаваться, прибавилъ владѣлецъ лѣсовъ, что книгодѣліе не такъ бесполезно для промышленности, какъ я сначала предполагалъ; но теперь, какъ книга уже переплетена, намъ вѣрно остается только воротиться къ автору?

— Нѣтъ еще, господа, отвѣчалъ я, возгордившись этимъ двойнымъ успѣхомъ: намъ надо еще перенестись въ три или четыре различныхъ мѣста, гдѣ работаютъ для этой книги. Сначала я введу васъ въ большую комнату, среди которой стоитъ передъ соевымъ столомъ одинъ изъ самыхъ совѣстныхъ ученыхъ нашего времени. Этотъ человѣкъ, ученый не по нынѣшнему, а какъ бывали въ прошломъ столѣтіи, съ компасомъ въ рукѣ, занятъ окончательнымъ исправленіемъ географической карты, которая должна украшать эту книгу. Онъ занимается этимъ съ такимъ стараніемъ, что мы можемъ войти, наблюдать, и выйти такъ, что онъ насъ и не примѣтитъ. Это знаменитый географъ Макарти, въ его головѣ сидитъ вся Европа, выпукло нарисованная.

Мы идемъ изъ его кабинета въ четвертый этажъ, къ литографу, переносящему эту карту на камень. Потомъ къ работницѣ, которая раскрашиваетъ ее синей, зеленой и красной краской. Наконецъ карта раскрашена, книга готова и отдана автору.... Онъ раскрываетъ ее торопливо, но лицо его блѣднѣетъ, и такъ давно ожидаемая книга выпадаетъ изъ дрожащихъ рукъ. Перелистывая ее, онъ попалъ на самое страшное пугало для писателей, на опечатки. Я уже говорилъ объ опечаткахъ, и опять къ нимъ возвращаюсь, теперь исправить ихъ уже нельзя.

— Это несчастіе, сказалъ Дюваль, должно случаться часто.

— Слишкомъ часто, увѣ! въ типографскихъ лѣтописяхъ

можно найти любопытные примѣры. Вѣсто слова *procos* (женехи) Пенелопы, корректоръ Генриха Этиенна поставилъ *ведъ* *rocos* (поросята); наборщикъ Байрона замѣнилъ *азіатскій* берегъ Востора *адриатическимъ*; даже я, ничтожный, упрекаю своего корректора за то, что въ «Исторію южной Франціи», онъ поставилъ *professions anglaises* вѣсто *possessions*. Но попомощію страницы опечатокъ, прибавленной на концѣ книги, сочиненіе можетъ-быть издано въ свѣтъ. Здѣсь начинается рядъ новыхъ дѣствій, не менѣе важныхъ въ промышленномъ отношеніи. Во-первыхъ, объявленіе о книгѣ, потомъ поступленіе ея въ продажу и наконецъ, журнальныя статьи. Позвольте отдѣльно поговорить о каждой изъ этихъ потребностей.

Лѣтъ двадцать-пять или тридцать тому объявленіе было вещью самую простою. Издатель шелъ въ контору журнала и отдавалъ напечатать за известную цѣну заглавіе книги, выставивъ цѣну и свой адресъ. Кассиръ изъ вѣжливости прибавлялъ одну или двѣ фразы въ пользу сочиненія, потомъ давалъ квитанцію и дѣло было кончено. Это можно бы назвать дѣтствомъ искусства. Теперь это дѣлается не такъ. Надо обратиться къ маклеру объявленій, безъ котораго ничего не дѣлается въ Парижѣ. Условливаются, что книга тотчасъ будетъ объявлена въ дюжннхъ журналовъ и когда уговорятся о формѣ и величинѣ объявленія, издатель отдаетъ похвальную статью, написанную имъ, а чаще всего самимъ авторомъ.

— Какъ! авторомъ? вскричалъ молодой Дюваль, краснѣя.

— Да, это вошло въ литературныя нравы нашего вѣка, по примѣненію старинной поговорки: человекъ самъ себя лучшій слуга. Впрочемъ, статьи авторовъ всегда можно узнать по преувеличенныимъ похваламъ. Вотъ что сказалъ мнѣ одинъ литераторъ, большой охотникъ курить себя *фиміамъ*. «Публика, говорилъ онъ себѣ въ извиненіе, вѣритъ только половинѣ того, въ чемъ ее уверяютъ; стало-быть необходимо немножко преувеличивать, чтобы сказать всю правду.»

Чего еще желать автору? не исполнились ли его желанія? Ахъ еще нѣтъ! Остается великій предметъ для тревоженія — критическій разборъ въ журналахъ. Два экземпляра отправки авто-

решъ въ контору каждаго журнала. Съ этого достопамятнаго дня, злодѣйный осуждаетъ себя на чтеніе безчисленныхъ листовъ, заводящихъ Парижъ ежедневно. Ни одного не развертываетъ онъ безъ сильнаго біенія сердца, потому-что надѣется найти тамъ хвалебный или, по-крайней-мѣрѣ, безпристрастный отчетъ своему сочиненію, но дни проходятъ, недѣли смѣняются недѣлями, а объ его книгѣ ни слова. Несчастнаго немовѣрно мучитъ самолюбіе; онъ безнаочно проклинаетъ въ гнѣвѣ всѣхъ редакторовъ.

— Вы однако сказали, пролепатавъ молодой Дюваль, что каждый журналъ получилъ два экземпляра.

— Да, но новички не знаютъ, что вслѣдствіе условія, заранѣе заключеннаго — кромѣ исключая нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, составляющихъ исключеніе — эти экземпляры немедленно продаются за полцѣны, такъ-что простодушный писатель можетъ всю жизнь ждать статьи, о которой никто не думаетъ. Неможно возно узнавъ объ этомъ, авторъ думаетъ о средствахъ заставить говорить о своемъ сочиненіи. На это есть три средства, которыхъ успѣхъ можно назвать несомнѣннымъ: протекція, объѣды и визиты.

Когда женщина не въ любимомъ возрастѣ покойнаго Бальзака, когда важный человекъ, который можетъ быть полезенъ — въ Парижѣ всякая услуга подразумѣваетъ другую — серьезно заберутъ себя въ голову покровительствовать книгѣ, они вырвутъ тсатью у гнѣности и скептической беззаботности журналистовъ.

Второе средство, прежде такъ могущественное, мало-по-малу теряетъ свое дѣйствіе, особенно когда удаленъ отъ свѣта Евгений Брифодъ, который болѣе всего на свѣтѣ любилъ столъ, вина и цвѣтники. Похвальный отчетъ легко было получить отъ него, взявъ въ посредники *братьевъ Провансаловъ* (ресторанъ въ Пале-Рояль, известный по своей дороговизнѣ). Но горе писателю, и довольно богатому, которому приходилось заплатить за свою славу! Тутъ гастрономическая неумѣренность Брифода становилась просто страшною. Я долго буду помнить объ одномъ изъ такихъ достопамятныхъ вечеровъ. Авторъ, болѣе скупой, чѣмъ остроумный, но столько же тщеславный, какъ и богатый, былъ отрекомендованъ съ успѣхомъ лакомому журналисту; желаніе заплатить дань лите-

ратурной признательности, внушило ему роковую мысль пригласить двух главных своих заказавцев, Бриффё и меня. Если бы амфитрионъ и осмѣлился, то судя по взглядамъ, бросаемымъ имъ на кофейныя, мимо которыхъ мы проходили, вѣжливость не разорила бы его. Но Бриффё не того хотѣлось. Дружески овладѣвъ его рукою, чтобы отнять отъ него всякое искушеніе, онъ потащилъ его къ Пале-Роялю. Когда мы проходили мимо кофейной Корраза, авторъ задрожалъ; но когда увидѣлъ, что Бриффё удваиваетъ шаги, лучъ надежды блеснулъ на лицѣ его. Скоро онъ совсѣмъ развеселился; Бриффё ташилъ насъ въ двухъ франковую кофейную. Я ломалъ себѣ голову, чтобы понять эту загадку, но она скоро объяснилась: Бриффё увидѣлъ издали пріятеля и спѣшилъ пригласить его. Облако пробѣжало по чертамъ автора, однако онъ покорился своей участи и хотѣлъ остановиться передъ Лондовской кофейной, но Бриффё утащилъ его. Амфитрионъ подумалъ, что мы хотимъ обѣдать у Вефура и вздохнулъ; но онъ ошибался, Бриффё велъ насъ къ братьямъ Провансаламъ и дорогой еще пригласилъ двухъ пріятелей. Авторъ былъ блѣдеетъ какъ смерть, но его блѣдность и испугъ поразили всѣхъ, когда онъ услышалъ, какъ Бриффё отдавалъ приказанія слугамъ. Авторъ протянулъ-было робкую руку къ картѣ, но Бриффё уже овладѣлъ ею.

— Вы не знаете этой лавки, позвольте мнѣ распорядиться, мы пообѣдаемъ по королевски.

Скупецъ находился въ такомъ отчаяніи, что всякій другой, кромѣ гастронома, жалился бы надъ нимъ, но Бриффё, не обращая вниманія на крупныя капли пота, пробившіяся на его блѣдомъ лицѣ, писалъ медленно списокъ кушаньямъ, покрывшій два листа бумаги.

— Мы не можемъ съѣсть всего этого! — вскричалъ амфитрионъ пашъ измѣнившимся голосомъ.

— Полноте! сказалъ Бриффё, это только первая подача.

Я бы хотѣлъ быть живописцемъ въ эту минуту, хотя мнѣ кажется невозможнымъ передать гримасы, нервные судороги разстроеннаго лица автора. При второй подачѣ кушанья было еще хуже, Бриффё держалъ слово и угощалъ насъ по-королевски. Роскошь была до того изумительна, что всѣ гости единогласно расхвалили

амитриона; но онъ оставался глухъ, устремивъ неподвижный взоръ на зеленый горошекъ — это было въ началѣ февраля; наконецъ онъ рѣшился спросить у сосѣда, чего можетъ стоить это блюдо.

— Лундоровъ десять, отвѣчалъ разсѣянный сосѣдъ.

— Десять лундоровъ! мосьё Бриффъ! десять лундоровъ одно блюдо!

Надо было насильно заставить его остаться; онъ хотѣлъ уйти, увѣрялъ будто болѣзь и оханьемъ нарушалъ общую веселость. Со второй подачи досада его обратилась въ ярость, и контрастъ этотъ съ нашей веселостью составлялъ преуморительную сцену. Судите же объ его бѣшенствѣ, когда явилась великолѣпная индѣйка съ трюфлями и самыя рѣдкія вина! Тутъ ужъ надо было вынуть ключъ изъ двери и я удивляюсь, какъ не выпрыгнуть онъ изъ окна. Обѣдъ продолжался до трехъ часовъ утра. Несчастный видъ до чего не дотронулся, пилъ только воду и былъ пьянъ отъ отчаянія и бѣшенства. Когда ему подали счетъ, онъ посмотрѣлъ на него какъ на смертный приговоръ и кинувъ на столъ скомканный банкнотный билетъ, убѣжалъ, бросивъ на прощанье страшный взглядъ на Бриффъ! Обѣдъ этотъ впрочемъ послужилъ ему въ пользу, потому-что вылечилъ его радикально отъ охоты писать. Однако, онъ въ добавокъ поплатился за него болѣзнию, и чуть-было не умеръ отъ новаго припадка, возобновившагося отъ того, что ему показали дюжину писемъ, въ которыхъ друзья Бриффъ предлагали написать объ немъ похвальные статьи.

— Ужъ лучше прибѣгнуть къ третьему средству, къ визитамъ, заштилъ Дюваль, уже видѣвшій сына у *бритьевъ Провансаловъ*.

— Или написать книгу по совѣсти, и обойтись безъ критическихъ пѣспонѣвій. Когда книга издастся, объявится, продается, даже расхвалится, если хотите, — остается только прилично украсить экземпляры, назваченные для легкомысленной части публики, покупающей разъ въ годъ для подарковъ. Двѣсти или триста экземпляровъ несутся къ переплетчику, который беретъ: у вашихъ каменоломень, господинъ акціонеръ горныхъ заводовъ, каменную доску, на которой онъ сколачиваетъ книгу; — на вашемъ желѣзномъ заводѣ, господинъ фабрикантъ, двадцати-пяти фунтовый желѣзный молотъ; — у москотильщика — вишневый клѣй, чтобы

дверсти доскъ; у сырмятника кожу, для переплета, у золото-бойца золотые листки, которыми золотить обрѣзъ книги.

— Вы правы, сказалъ убѣжденный Дюваль; никогда не думалъ я, чтобы изданіе въ свѣтъ сочиненія могло занимать столько народу!

— Я еще не кончилъ.

— Какъ! серьезно? Но что же можете вы прибавить? вернулись всѣ шесть братьевъ.

— А иллюстрація! нынѣ, благодаря успѣхамъ искусства, это второе колесо литературной колесницы. Она нынѣ даже часто напоминает, употребляя сравненіе поновѣе, быстрый паровозъ, который влечетъ за собою длинный рядъ вагоновъ! Сколько тяжелыхъ томовъ, сколько сочиненій, уже далекихъ отъ насъ, иллюстрація увлекаетъ за собою на рельсахъ успѣха.

Чтобы иллюстрировать книгу, теперь употребляютъ рѣзбу на деревѣ, гравированіе крѣпкой водкой, гравированіе грабшпихомъ на мѣди, на стали. Начинаю съ первой изъ этихъ трехъ отраслей искусства Албрехта Дюрера. Этотъ великій художникъ былъ истиннымъ отцомъ гравѣрнаго искусства, въ концѣ пятнадцатаго столѣтія. Свергая съ себя тяжелую опеку Михамма Вольгемута Нюренбергскаго, Албрехтъ оставилъ отчизну, чтобы изучать въ Венеціи, въ Болоньи, въ Нидерландахъ, образцовыя произведенія; онъ, по призванію, былъ скорѣе граверомъ, чѣмъ живописцемъ. Къ счастью для искусства, молодой человекъ, послѣ своего путешествія, женился на самой злой женщинѣ въ Нюренбергѣ. Она такъ его мучила, что находя покой только въ работѣ, онъ искалъ въ ней убѣжища съ утра до вечера.

Послѣ Лесюэра, Жоліе, Бирсника, Бутмона, вырѣзываніе на деревѣ вло тянулось до 1815 года. Потомъ граверъ Томпсонъ изобрѣлъ новую методику, отличавшуюся отъ старой тѣмъ, что онъ рѣзалъ на деревѣ, поставленномъ въ торцѣ помощію совершенно того же процесса, какъ гравировается на мѣди.

— Я ухожу, перебилъ лѣсоводъ, очевидно опасавшійся ученаго разсужденія.

— Напрасно, продолжалъ я, вы болѣе всѣхъ заинтересованы въ предметѣ, который я излагаю. Не владеете ли вы самымъ лучшимъ лѣсомъ въ этой провинціи?

— Точно такъ.

— Не состоитъ ли этотъ лѣсъ большей частью изъ буковыхъ деревьевъ?

— Да, и я продаю ихъ для токарей.

— Вы думаете? а между тѣмъ вашъ букъ исключительно назначается для преемниковъ Андрию, Бревиера и Тринона.

— Вотъ и вы, дядюшка, вскричалъ весело будущій авторъ, способствуете также производству нашей книги.

— Я не думалъ о томъ!

— Боюсь наскучить вамъ подробнымъ описаніемъ, я не распространяюсь о гравированіи, но можете сами вообразить, сколько рукъ и капиталовъ потребно для иллюстрированія книгъ....

— Которой исторія уже теперь кончена, сказалъ добрый Дюваль. Мы видѣли ее написанной, напечатанной, сшитой, объявленной, расхваленной, переплетенной, иллюстрированной....

— Что жъ, батюшка? вскричалъ молодой Дюваль.

— Да, право, сказалъ тотъ, смотря на братьевъ, мнѣ кажется, что дѣло изложено....

— Прекрасно, и рѣшено въ вашу пользу, объявилъ благородно фабрикантъ отъ имени четверыхъ другихъ. Мы проиграли процессъ и заплатимъ; но у меня осталось одно опасеніе....

— Какое?

— Я боюсь за сочинителя книги: совершенно соглашаясь съ вами, что онъ ворочаетъ большими капиталами и руками, тѣмъ сельскій хозяинъ, лѣсоводъ, акціонеръ горныхъ заводовъ, капиталистъ, банкиръ и фабрикантъ желѣзныхъ издѣлій, — я думаю однако, что всѣ выигрываютъ, а онъ, бѣднякъ, остается, кажется, въ чистомъ накладѣ.

— Значитъ, продолжалъ я, вы считаете это ремесло не прибыльнымъ?

— Именно.

— Ошибаетесь. Ни въ вашихъ лѣсахъ, ни на поляхъ, ни въ банкѣ, ни въ заводѣ, ни на фабрикѣ, не найдете вы такъ легко богатства, какъ знаменитый писатель въ своемъ кабинетѣ. Вспомните Байрона, Шатобриана, Гюгю, Тьера, Дюма, Скриба, Ламар-

тина и множество другихъ. Литература была для этихъ людей Калифорніей. Царапая бумагу, они добывали золото.

— Нечего больше возражать, сказалъ фабрикантъ.

— И такъ, мосѣ Дюваль, вы позволяете вашему сыну посвятить себя литературѣ?

— Пусть его! вскричалъ отецъ, а для его и я сдерживать слово.

— Начинайте же съ Богомъ, [молодой человекъ, непоколебимо и всегда сохраняя въ памяти, что всякая книга, которую вы напишете, должна быть книгою полезной и нравственной; чтобы сохранить воспоминаніе объ эріежскомъ гостепріимствѣ и объ этомъ пріятномъ вечерѣ, запишу всю нашу болтовню и когда-нибудь напечатаю подъ заглавіемъ: *Исторія книги.*

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

РАЗВИТІЕ

ИСПАНСКАГО ЯЗЫКА

И ПЕРВЫЕ ПАМЯТНИКИ ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

=

Ни одно, можетъ-быть, изъ главныхъ государствъ нынѣшней Европы, не подвергалось такому множеству переворотовъ, оставившихъ неизгладимые слѣды въ характерѣ народа, въ его языкѣ и литературѣ, какъ страна, извѣстная подъ названіемъ Испанія, — названіемъ, котораго происхожденіе и значеніе донынѣ остаются неразрѣшимою загадкою, не смотря на множество толкованій, придуманныхъ и туземными и иностранцами учеными. Въ предѣлахъ историческихъ вѣковъ эту страну покоряютъ и занимаютъ въ разные времена Финикійяне, Римляне, Готы и Аравіяне, племена рѣзко различающіяся между собою и происхожденіемъ, и характеромъ, и гражданскимъ развитіемъ, и которыхъ тѣсное сліяніе между собою или съ прежними обитателями страны образуетъ новыя племена, столько-же замѣчательныя и не похожія на своихъ родоначальниковъ. Изъ сліянія всѣхъ этихъ элементовъ, переплавленного и упроченнаго тридцатью вѣками броженій и переворотовъ, произошелъ нынѣшній испанскій народъ, котораго литература, родившаяся за семь сотъ лѣтъ, составляетъ предметъ нашихъ изслѣдованій.

Но почти невозможно вполне оценить литературу народа, не имея хотя некотораго понятія о происхожденіи и исторіи его языка, отъ которыхъ необходимо зависитъ значительная часть ея красотъ. Знаніе языка, въ свою очередь, требуетъ знакомства съ народами, которые постепенно вносили въ него свои элементы, и довели его до того окончательнаго развитія, въ какомъ мы его находимъ въ произведеніяхъ его литературы. По этому, вступая къ исторіи испанской литературы, мы считаемъ необходимымъ представить краткій очеркъ племенъ, которыя въ различное время занимали Испанію и болѣе или менѣе имѣли вліяніе на развитіе характера нынѣшняго испанскаго народа, его образованія и его литературы.

Изъ этихъ племенъ, за самыхъ древнихъ, и даже за коренныхъ жителей Испанскаго полуострова, по невозможности проникнуть далѣе въ древность, должны мы признать Иберовъ. Въ самую отдаленную эпоху; о которой преданія достигли до насъ, находимъ мы это племя уже распространеннымъ по всей странѣ, и ему, кажется, должно приписать имена горъ, рѣкъ и городовъ, сохранившихся донынѣ. Это было племя воинственное и сильное, котораго ни одно изъ племенъ, въ различные времена завоевывавшихъ некоторые части полуострова, не могло совершенно покорить. Донынѣ даже ученые съ достаточною достовѣрностію находятъ остатки этого племени, — и гораздо менѣе искаженныя, чѣмъ бы можно предполагать, столкновеніемъ съ различными народами, поочередно вступавшими въ предѣлы ихъ отечества, — въ *Баскахъ* или *Бискайцахъ*, живущихъ въ горахъ сѣверозападной части нынѣшней Испаніи. Справедливы ли, или нѣтъ, предположенія о происхожденіи Васковъ, во всякомъ случаѣ они представляютъ донынѣ любопытное и совершенно отдѣльное племя: они имѣютъ свой особенный языкъ, свои мѣстные учрежденія, свою литературу, которая относится къ гораздо древнѣйшей эпохѣ, чѣмъ литература котораго либо изъ племенъ, занимающихъ нынѣ не только испанскій полуостровъ, но и другія части южной Европы. Дѣйствительно этотъ народецъ является какъ бы осиротѣлымъ племенемъ, не имѣющимъ почти ничего общаго, даже въ языкѣ, — котораго родство переживаетъ всякое другое родство, — съ другими племенами, живущими нынѣ или оставившими по себѣ слѣды; некоторые ихъ обычаи и любимыя ихъ поэтическія вымыслы

принадлежать, кажется, къ вѣкамъ, относительно которыхъ исторія и преданіе представляютъ только нѣсколько гадательныхъ вѣсковъ. Изъ предположеній, дѣланныхъ донынѣ для объясненія особенностей бискайскаго племени и языка, самое правдоподобное — то, которое производитъ ихъ отъ древнихъ, загадочныхъ Иберовъ, которыхъ языкъ, кажется, былъ нѣкогда распространенъ по всему полуострову, и оставилъ слѣды, ясно проглядывающіе и въ нынѣшнемъ испанскомъ языкѣ.

Первымъ чуждымъ племенемъ, нагрянувшимъ на Иберовъ, были Кельты, составляющіе, по мнѣнію англійскаго ученаго Перси, передовой отрядъ повременныхъ переселеній, которыя переполненная народомъ Азія высылала въ Европу. Въ какое именно время Кельты явились въ Испанію или въ другія части Западной Европы, — опредѣлить невозможно. Изъ немногихъ вѣсковъ, дошедшихъ до насъ, можно только угадывать, что борьба между завоевателями и старыми обладателями почвы была продолжительна и кровопролитна; и что, какъ обыкновенно бывало при уснѣшныхъ вторженіяхъ этихъ перекочевывающихъ толпъ, часть первобытнаго населенія была оттѣснена въ неприступныя твердыни горъ, остальная же постепенно слалась съ завоевателями. Новый народъ, образовавшійся изъ этого сліянія двухъ племенъ, которыя оба считались въ древности воинственными и могучими, былъ названъ Кельтберами, и составилъ общую массу народонаселенія, разбитаго на множество колѣвъ, но соединеннаго правами и учрежденіями, и занимавшаго полуостровъ въ то время, какъ онъ сталъ извѣстенъ образованнымъ народамъ Европы. Какъ и слѣдовало ожидать, языкъ Кельтовъ, хотя въ очень незначительной пропорціи, вошелъ въ составъ испанскаго языка, точно также какъ и французскаго, и даже итальянскаго.

До этого времени, всѣ вторженія въ Испанію совершались съ материка, сухимъ путемъ, потому что, въ древнѣйшіе періоды исторіи, это былъ единственный извѣстный путь переселеній и завоеваній. Но Финикіане, первый торговый народъ древняго міра, скоро открыли себѣ путь по Средиземному морю. Когда они пришли въ Испанію и гдѣ учредили первыя свои поселенія, неизвѣстно. Вся исторія этого замѣчательнаго народа подернута не-

пронизаемымъ иракомъ, который не принадлежитъ времени, въ которое онъ жилъ, а происходитъ скорѣе отъ старательности, съ какою эти хитрые купцы скрывали свои торговые сношенія и экспедиціи. Вслѣдствіе положенія ихъ родной страны, учрежденіе колоній было для нихъ самымъ очевиднымъ вѣдалью и единственнымъ путемъ къ богатству, а въ всѣхъ странах, которыхъ они могли достигнуть, ни одна не могла прельщать ихъ болѣе Испаніи. Главнѣйшія поселенія ихъ были около Геркулесовыхъ столповъ, близъ нынѣшняго Кадикса, который они же вѣроятно основали, и при устьѣ и по берегамъ Гвадалкивира. Цѣлью этихъ колоній было преимущественно добываніе драгоценныхъ металловъ изъ ея богатыхъ рудниковъ; потому что Испанія, съ перваго появленія своего въ исторіи, до самаго паденія Римской имперіи, была эльдорадомъ всего политическаго міра и доставляла большую часть золота и серебра, находившихся въ оборотѣ. Долгое время эти рудники были извѣстны однимъ Финикіянамъ, которые такимъ образомъ обладали тайною, доставляшею имъ большое могущество и сильное средство вліянія на всѣ окружающіе народы. Учреждая, по своему обычаю, колоніи для охраненія источниковъ своего богатства, они вмѣстѣ съ тѣмъ распространили свой языкъ и свои обычаи по значительной части южной Испаніи, и даже довольно далеко по берегу Атлантическаго океана.

Но Финикіане еще прежде основали колонию на сѣверномъ берегу Африки, которой суждено было, подъ именемъ Картагена, далеко превзойти могущество метрополи. Средства обѣихъ были почти одинаковы; потому что Картагеняне были также народъ по преимуществу торговый и главный источникъ ихъ могущества и богатства заключался также въ колоніяхъ. Они почти постоянно шли по стопамъ своей метрополи и нерѣдко вытѣсняли ее изъ областей, въ которыхъ она утвердилась. Такъ, напримѣръ, черезъ финикійскія колоніи Картагеняне проникли въ Испанію, отделенную отъ нихъ однимъ только Средиземнымъ моремъ. Впрочемъ долгое время, хотя они имѣли значительныя военныя силы въ Кадиксѣ и смѣло и успѣшно подвигались вдоль испанскихъ береговъ, однако же не старались, повидимому, проникнуть далеко во внутреннія ея части, и заботились не столько о покореніи страны, какъ о томъ, чтобы держать народонаселеніе въ посто-

нѣ и владѣть всею его торговлею. Только когда первая пуническая война удвоила для нихъ важность Испаніи, стали они помышлять о совершенномъ покореніи и занятіи всей страны. При Ганнѣкарѣ, отцѣ Аннибала, около 227 года до Рождества Христова, они вдругъ распространили свою власть почти по всему полуострову, до рѣки Ибера (нынѣшняго Эбро), построили Картагену и другія крѣпости, и, казалось, окончательно утвердились въ странѣ, въ которую не вступала еще нога Римлянъ.

Между-тѣмъ Римляне скоро поняли всѣ выгоды, которыя пріобрѣли этимъ ихъ опасные соперники. Первымъ мирнымъ договоромъ, заключеннымъ между этими двумя могущественными государствами, было положено, чтобы Картагеняне не распространяли своихъ владѣній въ Испаніи далѣе, чтобы они не трогали Сагунта и не переходили за Иберъ. Аннибалъ нарушилъ эти условія, и загорѣлась вторая пуническая война, въ 218 году до Рождества Христова. Сципіоны вступили въ Испанію, и къ концу войны, въ 201 году, Картагеняне не имѣли уже никакихъ владѣній въ Европѣ. Однакоже, какъ потомки Финикіянъ, они оставили въ характерѣ жителей и въ языкѣ Испаніи слѣды, которые и въ послѣдующіе вѣка никогда не могли исчезнуть совершенно.

Но, хотя Римляне, послѣ второй Пунической войны, успѣли совершенно вытѣснить Картагенянъ съ испанскаго полуострова, однакоже сами не могли утвердиться на немъ прочно и спокойно. Сами Картагеняне, не смотря на торговый и, слѣдовательно, миролюбивый характеръ своего владычества, были въ безпрестанной войнѣ съ воинственными кельтиберскими народами, занимавшими внутреннія области; и Римляне, вмѣстѣ съ страной, должны были наследовать и эту кровопролитную борьбу, въ которой они, какъ народъ завоевательный, одержали верхъ. Римскій сенатъ, правда, по своему обыкновенію, тотчасъ по окончаніи второй пунической войны, причислялъ Испанію къ завоеваннымъ землямъ и наименовалъ ее римскою провинціею; и въ самомъ дѣлѣ, власть Рима утвердилась уже довольно прочно въ значительной части полуострова. Но съ перваго вступленія римскихъ войскъ въ эту страну до окончательнаго покоренія ея, — и то только до сѣверо-западныхъ горъ, которыя никогда не признавали ихъ власти, — прошло цѣлыхъ два столѣтія кровопролитныхъ войнъ. Ни одна провинція не обходилась Риму такъ дорого. Осада Нуманціи, продол-

жавшаяся четырнадцать лѣтъ, войны съ Виріатомъ, Серторіева война, — не говоря уже о расприхъ Помпея и Цезаря, — доказываютъ упорство и кровопролитность борьбы, которую должны были выдержать Римляне, прежде чѣмъ власть ихъ утвердятся на полуостровѣ; такъ что хотя Испанія была первою римскою провинціею въ Италіи, однакоже она послѣдняя совершенно покорилась ихъ владычеству.

Съ самаго начала, однакоже, была замѣтна склонность къ сліянію между обими народами во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ завоевателямъ удавалось упрочить миръ и порядокъ; потому что огромныя выгоды римской цивилизаціи можно было получать только принятіемъ римскихъ нравовъ и латинскаго языка. Сами Римляне понимали всю важность этой обширной и богатой провинціи и желали этого сліянія не менѣе туземцевъ. Не болѣе сорока семи лѣтъ спустя по вступленіи римскихъ легионовъ въ Испанію, сенатскимъ декретомъ основана большая колонія изъ потомковъ римскихъ переселенцевъ и туземцевъ, съ гораздо обширнѣйшими льготами, чѣмъ обыкновенно давалось колоніямъ. Въ короткое время колоніи всякаго рода чрезвычайно размножились; и чтилъ Цезаря и Ливія, нельзя не сознаться, что политика Рима въ отношеніи къ Испаніи была несравненно милостивѣе и уступчивѣе, чѣмъ къ другимъ странамъ, подпавшимъ его владычеству. Таррагона, куда сперва пристали Сципионы, Картагена, основанная Аздубаломъ, и Кордова, всегда бывшая однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ Испаніи, очень рано получили устройство и приняли характеръ большихъ вольныхъ городовъ, муниципій, Италіи; при Страбонѣ, Кадиксъ многочисленностью, богатствомъ и дѣятельностью уступалъ уже одному только Риму. Слѣдовательно, за долго еще до того времени, когда Агриппа одолѣлъ могущество сѣверныхъ горцевъ, весь югъ, съ своими плодородными и роскошными долинами, сдѣлался второю Италіею; фактъ, въ которомъ невозможно сомнѣваться, читая описанія въ третьей книгѣ Плиніевой «Естественной исторіи». Къ этому должно еще прибавить, что вскорѣ по усмиреніи сѣвера, императоръ Веспасіанъ считъ полезнымъ распространить на всю Испанію права латинскихъ вольныхъ городовъ.

Испанцы же, первые изъ всѣхъ чужеземцевъ, начали достигать высшихъ почестей въ республикѣ. Первый чужеземецъ, достигшій

воиульскаго сана, былъ Балль, изъ Кадикса; онъ же первый изъ чужеземцевъ удостоился высокой почести триумфа. Траянъ, верный чужеземецъ, возведенный на престолъ всемірной имперіи, былъ также Испанецъ, изъ Италики, близъ Севильи. Однѣмъ словомъ, если просмотрѣть всю исторію Рима, со времени Аннибала до паденія западной имперіи, мы вѣроятно найдемъ, что ни одна страна, внѣ предѣловъ Италики, не содѣйствовала столько богатству и могуществу Рима, какъ Испанія; и что ни одна провинція не получала, въ вознагражденіе, такой огромной доли въ почестяхъ и управленіи Римскаго государства.

Изъ всего этого видно, что сближеніе между Испаніею и Римомъ было самое тѣсное; и, слѣдовательно, образованность и нравы столицы должны были весьма скоро распространиться на провинцію. Серторій призналъ необходимою политическою мѣрою обучать дѣтей знатнѣйшихъ туземныхъ домовъ латинскому и греческому языкамъ и знакомить ихъ съ литературою и съ науками Греціи и Рима. Десять же лѣтъ спустя, когда Метелль, испровергнувъ владычество Серторія, возвратился триумфаторомъ въ Римъ, онъ привезъ съ собою вѣсколькихъ природныхъ кордовскихъ востовъ, въ латыни которыхъ тонкій слухъ Цицерона находилъ однѣ только недостатки: вѣчто тяжелое, грубое и чужеземное, *pingue quiddam.... atque peregrinum*, въ произношеніи.

Съ этого времени въ Испаніи начали постоянно являться латинскіе писатели. Порцій Латронъ, родомъ изъ Кордовы, адвокатъ, пользовавшійся огромною славою въ Римѣ, открылъ въ метрополіи вервую изъ тѣхъ школъ реторикки, которая впоследствии такъ размножилась и прославилась; въ числѣ пріиѣчательнѣйшихъ учениковъ его были Октавій Цезарь, Меценъ, Маркъ Агриппа и Овидій. Оба Сенекки и Луанъ были также Испанцы; а этихъ именъ, конечно, было бы достаточно, чтобы прославить любой городъ римской имперіи. Марціалъ былъ родомъ изъ Билльбикса, и въ старости возвратился доживать свой вѣкъ въ мѣстахъ, о которыхъ онъ всю жизнь вспоминалъ съ любовью. Колумелла, лучшій изъ римскихъ писателей по части агрономіи, былъ Испанецъ; Квинтильянъ и Силий Италикъ, по вѣсѣмъ вѣроятіямъ, также. Можно бы насчитать еще множество другихъ, которыхъ права и слава, какъ ораторовъ, востовъ и историковъ, были вполне призваны въ столицѣ міра въ послѣдніе годы респу-

блики или въ первое время имперіи; но сочиненія ихъ, славныя въ свое время, погибли въ великомъ крушеніи, уничтожившемъ значительнѣйшую часть древней литературы. Впрочемъ великія свѣтила римской литературы въ Испаніи всегдѣ извѣстны; они составляютъ немаловажный отдѣлъ въ рядахъ латинскихъ классиковъ и существенную часть славы древней римской образованности.

Послѣ этого періода, не произошло на Испанскомъ полуостровѣ никакихъ важныхъ перемѣвъ до самаго неопроверженія римскаго владычества. Въ сѣверозападной части, особенно въ горахъ и долинахъ нынѣшней Бискайн, латинскій языкъ и римскія учрежденія, конечно, никогда не имѣли большаго вліянія; но въ остальныхъ частяхъ страны, все общественное устройство и вся образованность были чисто римскія. Однакоже, здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ провинціяхъ, римская образованность скоро начала трещаться и клониться къ упадку. Хотя въ послѣдніе четыре вѣка имперіи, Испанія пользовалась сравнительно большимъ спокойствіемъ, чѣмъ прочія провинціи, однакоже и въ ней весь этотъ періодъ также былъ подверженъ частымъ смутамъ и беспорядкамъ, и она мало-по-малу раздѣлила общую участь всѣхъ завоеванныхъ Римомъ земель.

Въ этомъ же періодѣ было внесено въ Испанію христіанство. Съ точностью опредѣлить время перваго появленія евангельскаго ученія въ Испаніи — невозможно. Несомнѣнно только то, что оно проповѣдывалась уже во второмъ вѣкѣ, и, какъ кажется, проникло черезъ южныя берега, изъ Африки. Сначала оно подвергалось гоненіямъ и распространялось тайнѣ; но въ 300 году уже открыто строились христіанскія церкви, а со времени Константина и Олія Кордовскаго, оно признано господствующею вѣрою во многихъ областяхъ Испаніи. Для насъ, въ этомъ великомъ происшествіи важно собственно то, что языкъ христіанства въ Испаніи былъ латинскій. Ученіе его, безъ всякаго сомнѣнія, совершалось по-латыни; и первая христіанская литература въ Испаніи являлась исключительно на этомъ языкѣ. Это обстоятельство чрезвычайно важно, не только тѣмъ, что оно свидѣтельствуетъ, какъ распростраиенъ былъ латинскій языкъ съ третьяго вѣка до осьмаго, но и тѣмъ особенно, что оно неоспоримо доказываетъ, что въ среднихъ и южныхъ областяхъ не бы-

ю другого языка, довольно сильнаго, чтобы составлять съ латинскія.

Должно, однакоже, помнить, что христіанское духовенство ничего не сдѣлало для сохраненія въ Испаніи латинскаго языка въ его первоначальной чистотѣ. Одна изъ главныхъ причинъ, почему духовенство въ южной Европѣ не могло сохранить латинскаго языка въ его чистотѣ, та, что оно должно было само прибѣгать къ искаженной латыни, чтобы ученіе его было доступно простому народу. Латынь же, употреблявшаяся необразованными классами, было ли это такъ называемое *сельское нарѣчіе*, *lingua rustica*, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ была совсѣмъ не та, на которой говорили люди просвѣщенные. Точно также было въ Италіи, съ тѣмъ различіемъ, что въ Испаніи, вѣроятно, между языкомъ образованнаго класса и простонароднымъ было еще большее различіе. Обращаясь безпрестанно къ простому народу, христіанское духовенство нашлось въ необходимости употреблять доступный ему языкъ, испорченную латынь. Наконецъ ему самому настоящая латынь, даже богослужбная, стала непонятна. Такимъ образомъ христіанство прямо и существенно содѣйствовало образованію новыхъ нарѣчій, точно также, какъ оно содѣйствовало образованію всего характера новыхъ народовъ, столь непохожаго на характеръ древнихъ. Не входя въ разборъ многосложныхъ и запутанныхъ вопросовъ о простонародномъ языкѣ, *lingua rustica* или *quotidiana*, о его происхожденіи, характерѣ и преобладаніи, мы скажемъ только, что для насъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что новые языки южной Европы заимствовали свой латинскій элементъ изъ той искаженной латыни, которую употреблялъ простой народъ.

Нашествіе сѣверныхъ варваровъ произвело другую весьма важную перемену въ языкѣ Испаніи; оно дало ему совершенно новое направленіе. Завоеватели принадлежали къ племени чуждому, отличному отъ четырехъ племенъ, занимавшихъ полуостровъ до того времени, и языкомъ, и происхожденіемъ, и всѣмъ рѣшительно, что образуетъ характеръ народа. Они принадлежали къ тѣмъ огромнымъ зарейскимъ толпицамъ, которыя были извѣстны Римлянамъ еще со временъ Юлія Цезаря, и которыя уже болѣе столѣтій съ ужасною силою напирали на слабые берега славной рѣки, столь долго обозначавшей границы римскаго могу-

ности. Изъ врожденному стремленію сѣверныхъ народовъ переселяться въ болѣе умѣренные климаты и къ склонности зареать пати туда, гдѣ болѣе уютнѣе образъ жизни обидаетъ богатую добычу, присоединилось большое движеніе между татарскими племенами въ Верхней Азіи, которое сообщилось, черезъ славянскія племена, германскимъ. Въ началѣ пятого вѣка толпы ихъ устремились со всеокрушающею силою на разбитыя и слабо защищенныя границы имперіи. Не останавливаясь на попыткахъ, которыя предшествовали этому окончательному и роковому вторженію, и были частью отражены силою, частью отклонены, скажемъ только, что перемы орды дикарей, сокрушавшихъ всемірную имперію, начали переходить черезъ Рейвъ въ концѣ 406 и въ началѣ 407 года. Эти орды были тѣсныи впередъ, можно сказать, чисто физическимъ искомъ другихъ толпы, направившихъ на нихъ сзади. Одно племя сѣвнлось другимъ съ быстрою и готовностью кочевой жизни, но знающей ни любви къ родному краю, ни мѣстныхъ интересовъ и всею стремительностію, со всеимъ свирѣпствомъ варваровъ, дующихъ на грабежъ. Такъ-что въ концѣ этого столѣтія, когда вслѣдствіе отяглы этого большаго вомнественнаго переселенія прорвался въ предѣлы римской имперіи, можно сказать безъ преувѣличенія, что отъ Рейва и Британскаго пролива съ одной стороны, до Каабріи и Гибралтара съ другой, не оставалось ни одного мѣста, чрезъ которое бы они не проходили, и очень немногихъ областей, въ которыхъ бы они не поселились и не приютили себя политической и военной власти.

Но особенному характеру ордъ, поселившихся на постепенное жителство на ея почвѣ, Испанія была счастливѣе многихъ другихъ частей Европы, подвергшихся подобному вторженію. Первые племена, перешедшія черезъ Пиреней, — Фравки предшествовашіе великому переселенію, и Вандалы, Аламы и Суевы, составившіе для Испаніи ея передовой отрядъ, — обозначали путь свой кровью, грабежомъ и ужасными свирѣпствами, которыхъ олушевляющую и краснооръчивую картину начерталъ историкъ Иовинъ, Маріана; но она пробывъ здѣсь не долго и перешли въ Африку, откуда уже не возвращались. Готы, слѣдовавшіе во пятатъ ихъ, были, правда, такіе же дикари, но болѣе кроткаго и мягкаго нрава. Притомъ они побывали уже въ Италіи, гдѣ повзвонились

исполненіи съ римскими законами, правами и языкомъ, и когда они, въ 411 году, пройдя черезъ южную Францію, вступили на полуостровъ, вхъ встрѣтили болѣе какъ друзей, чѣмъ какъ завоевателей. Дѣйствительно, въ первое время они властвовали именемъ и подъ верховною властью императора; но съ небольшимъ черезъ полвѣка, послѣдній западный императоръ былъ низверженъ съ римскаго престола, и вестготская династія, весьма самостоятелно, утвердилась почти во всей Испаніи и была признана Одоакромъ, первымъ варварскимъ королемъ Италіи.

Еще до вступленія своего въ Испанію, Вестготы были обращены въ христіанство благочестивымъ епископомъ Ульфиломъ, а въ самую смутную эпоху, между 466 и 484 годами, они составили себѣ уголовное уложеніе, къ которому въ 506 году было присоединено и гражданское; эти два сборника законовъ послужили впоследствии основаніемъ важному уложенію, изданному въ слѣдующемъ вѣкѣ четвертымъ толедскимъ соборомъ. Но, хотя Вестготы приняли это важнѣйшее средство гражданского образованія, языкъ ихъ, однакоже, какъ языки всѣхъ сѣверныхъ завоевателей, остался въ прежнемъ варварскомъ состояніи. Онъ никогда не былъ въ Испаніи языкомъ письменнымъ. Онъ былъ отраслью великой вѣтви тевтонскихъ языковъ, и не имѣлъ ничего общаго съ языкомъ латинскимъ. Однакоже, племя, говорившее на этотъ языкъ, такъ тѣсно слилось съ племенемъ побѣждаемымъ, оба народа были въ такой зависимости другъ отъ друга, что необходимость должна была заставить ихъ искать средства для своихъ ежедневныхъ сношеній въ общественной и въ частной жизни. Такъ и случилось. Послѣдствія были совершенно тѣ же, какъ и въ другихъ римскихъ или ормилянскихъ областяхъ, завоеванныхъ этими сѣверными пришельцами. Оба языка слились въ одинъ, но не на равныхъ правахъ. Равенство между ними было невозможно, потому что латинскій языкъ имѣлъ на своей сторонѣ не только существовавшее еще, хотя въ искаженномъ видѣ, общественное устройство, и немногіе остатки образованности, пережившіе варварскій погромъ, но и возрастающее могущество христіанства съ его организованнымъ духовенствомъ, которое не хотѣло признавать другаго языка. Такимъ образомъ, не смотря на то, что Готы имѣли на своей сторонѣ политическую власть и военную силу, и даже большую свѣжесть и полноту жизни

умственныхъ силъ, однакоже они должны были подчиниться сильнѣйшему вліянію и принять, до известной степени языкъ, посредствомъ котораго они могли усвоить себѣ преимущества болѣе развитой гражданственности. Латынь, то-есть, та испорченная, уродливая латынь, которую употребляла масса народа, осталась въ Испаніи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ совершилось подобное сліяніе разнородныхъ племенъ, преобладающимъ, основнымъ элементомъ языка, возникшаго изъ этого сліянія, и изъ котораго образовался цыѣншій испанскій языкъ.

Вліяніе завоевателей на языкъ, который они нашли въ обществѣ употребленіи въ Испаніи, проявилось преимущественно въ измѣненіи его грамматическаго строенія. Готамъ, какъ всякому необразованному народу, легче было запомнить отдѣльные слова языка, который они слышали каждый день, чѣмъ усвоить себѣ его грамматическую систему. По этому, принявъ богатое содержаніе латинскаго языка, слова, они подчинили его сложныя и разнообразныя формы болѣе простымъ правиламъ своего роднаго нарѣчія. Для объясненія этого процесса, достаточно будетъ указать на перемѣны, введенныя ими въ измѣненіяхъ именъ и глаголовъ. У Римлянъ, какъ известно, были правильныя склопенія, для обозначенія отношеній именъ, и такія же правильныя спряженія для различенія временъ глаголовъ. У Готовъ не было ни тѣхъ ни другихъ; они употребляли членъ съ приставкою предлога для означенія падежей именъ, а для временъ глаголовъ — различныя вспомогательныя глаголы. Принявъ, въ Испаніи, латинскій языкъ, но имѣвшій члена, они обратили мѣстоименіе *ille*, какъ наиболѣе соответствовавшее имъ цѣли, въ опредѣленный членъ, а числительное *unus* — въ неопредѣленный; такъ въ древнѣйшихъ грамотахъ и другихъ памятникахъ мы безпрестанно встрѣчаемъ выраженія: *ille homo*, *unus homo*, *illa mulier*, и тому подобныя. Отсюда въ выѣншнемъ испанскомъ языкѣ явились члены *el* и *la*, *uno* и *una*, точно также, какъ Французы, подобнымъ же путемъ, произвели свои члены *le* и *la*, *un* и *une*, а Итальянцы *il* и *la*, *uno* и *una*. Такого же роду примиреніе двухъ языковъ произошло въ формахъ глагола. Въмѣсто *vici*, они стали говорить *habeo vicium*; въмѣсто страдательнаго *amor* — *sunt amata*; и такимъ употребленіемъ глаголовъ *habere* и *esse*, ввели въ испанскій языкъ вспомогательныя *haber* и *ser*, въ итальянскій *avere* и *essere*, во

французскій *avoir* и *être*. Эти перемѣны, произведенныя Готами въ формахъ именъ и глаголовъ, только образчики измѣненій, которыя они произвели въ общемъ стрбненіи языка, и которыми они еще болѣе содѣйствовали его искаженію и образованію изъ него вытѣшняго испанскаго языка. Для совершенія этого огромнаго переворота, потребовалось болѣе семи вѣковъ, и еще два или три вѣка для доведенія его до послѣднихъ результатовъ.

Между тѣмъ обрушился на Испанію новый погромъ; внезапное, страшное нашествіе, которое грозило вѣкоторое время совершеннымъ разрушеніемъ остаткамъ образованности и гражданственности, уцѣлѣвшимъ отъ стараго устройства страны, и началъ, возникавшимъ изъ новаго. Это было нашествіе Аравитанъ, которое принуждаетъ насъ искать вѣкоторыхъ элементовъ испанской народности, испанскаго языка и литературы въ глубя Аіи, какъ прежде искали мы ихъ на сѣверѣ Европы.

Аравитяне, во всѣ періоды своей исторіи, были народъ замѣчательный и поэтический. Фанатическая религія Мохаммеда дала имъ во многихъ отношеніяхъ безпримѣрныя до того времени силу и стремленіе. Въ 623 году успѣхъ и судьба Махаммеда были еще невѣрны даже въ собственномъ его полудкомѣ, кочевомъ племени; но не прошло послѣ того столѣтія, какъ уже не только Персія, Сирія, и почти весь западъ Азіи, но даже Египетъ и весь сѣверъ Африки, подчинилсъ этой воинственной религіи. Такое огромное и такое быстрое расширеніе могущества небольшого племени, основанное на одномъ религиозномъ энтузіазмѣ и притомъ такъ скоро достигшее самой утонченной образованности, — явленіе безпримѣрное въ исторіи міра.

Утвердившгсь довольно прочно и мирно въ городахъ и по берегу Африки, Аравитяне должны были обратить взоры на Испанію, которая была отдѣлена отъ нихъ одними только проливами Средиземнаго моря. Въ 711 году они съ довольно значительными силами сдѣлали высадку близъ Гибралтара; тотчасъ послѣдовало сраженіе, которое арабскіе писатели называютъ гвадалетскимъ, а христіане хересскимъ; а черезъ три года, они успѣли уже, съ обычною своею быстротою, покорить всю Испанію, кромѣ сѣверо-западной ея части, гдѣ многочисленная толпа христіанъ,

подъ предводительствомъ Пелайо, укрѣпились въ горахъ, оставивъ прочія области своего отечества въ рукахъ побѣдителей.

Между тѣмъ, какъ христіане, бѣжавшіе отъ крушенія готскаго царства, были такимъ образомъ заперты въ бискайскихъ и астурийскихъ горахъ, или вели отчаянную борьбу, продолжавшуюся почти восемь вѣковъ и кончившуюся изгнаніемъ завоевателей, Аравитяне или Мавры, — какъ они названы по своимъ владѣніямъ въ Африкѣ, откуда они пришли въ Европу, — основали въ среднихъ и особенно въ южныхъ областяхъ Испаніи могущественное и цвѣтущее царство, и скоро достигли высшей степени просвѣщенія.

Много было писано о величинѣ этого халифата и о вліяніи его на литературу и на нравы южной Европы. Еще въ концѣ семнадцатаго и въ половинѣ восемнадцатаго вѣка, французскіе ученые, Гюэ и Масье приписывали имъ начало рифмы и романтической поэзіи; нынче однакоже признано вообще, что та и другая суть самостоятельныя проявленія человѣческаго ума, являвшіяся въ разные времена у разныхъ народовъ сами собою, безъ всякаго подражанія. Нѣсколько позднѣе, отецъ Андресь, ученый Испанецъ, писавшій въ Италіи и на итальянскомъ языкѣ, желая присвоить своему отечеству честь возрожденія въ Европѣ образованности послѣ паденія Римской имперіи, придумалъ систему болѣе обширную и болѣе опредѣленную, которою онъ доказывалъ, что поэзія и образованность провансальскихъ трубадуровъ, признанная вообще за древнѣйшія въ южной Европѣ, были заимствованы вполнѣ и непосредственно отъ испанскихъ Аравитянъ; эту же теорію приняли Женгевэ, Сисмонди и другіе французскіе изслѣдователи. Но всѣ они основываются на ложномъ предположеніи, что рима и стихотворное сочиненіе, и вообще все поэтическое творчество Прованса, родились гораздо позже, чѣмъ дозволено новѣйшими изысканіями. Отецъ Андресь и его послѣдователи считаютъ начало испано-арабскаго вліянія на югъ Франціи со взятія Толедо, въ 1085 году, вслѣдствіе котораго сношенія обѣихъ странъ естественно должны были очень увеличиться. Но съ тѣхъ поръ Ренуаръ, ученѣйшій изслѣдователь прованской литературы, издалъ отрывокъ поэмы, которой рукопись писана никакъ не позже 1000 года, и тѣмъ доказалъ, что начало провансальской литературы должно относить болѣе чѣмъ вѣкомъ на-

здѣ, и именно въ періоду восточной порчи латинскаго языка и образованіи новыхъ языковъ. Августъ Шлегель, въ своемъ изданномъ сочиненіи о врансалльскомъ языкѣ и его литературѣ, разобралъ самую теорію Андреса, и послѣ его изысканій не остается уже никакого повода сомнѣваться въ основательности предложеній Ренуара.

Впрочемъ, если мы и не можемъ согласиться съ отцомъ Андресомъ и его послѣдователями въ томъ, что южная Европа обязана всею своею поэзію и образованностью испанскимъ Аравитянамъ, тѣмъ не менѣе однакоже, нельзя отвергать ихъ влияния и даже довольно значительнаго, собственно на испанскій языкъ и поэтическую литературу. Успѣхи ихъ въ умственномъ развитіи были почти также блестящи и быстры, какъ и въ политическомъ могуществѣ. Царствованіи двухъ Абдграхмановъ и періодъ славы Кордовы, продолжавшійся отъ 756 года почти до взятія этого города христіанами въ 1236 году, представляютъ такую высокую степень образованности, какой въ то время нельзя было найти нигдѣ; а въ гренадскомъ халифатѣ, павшемъ въ 1492 году, если было менѣе образованности, то, можетъ-быть, еще болѣе блеску и роскоши. Арабскія школы и библіотеки посѣщались не только ихъ единовѣрцами, испанскими и восточными, но даже христіанами со всѣхъ концовъ Европы; Гербертъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего вѣка, былъ обязанъ своимъ возведеніемъ на папскій престолъ, который онъ занималъ подъ именемъ Сильвестра Второго, съ 999 по 1003 годъ, образованію, которое онъ получилъ въ арабскихъ школахъ въ Севильѣ и въ Кордовѣ.

Среди этого цвѣтущаго царства жило множество природныхъ христіанъ, которые не удаляясь съ своими сиблыми братьями на сѣверо-западъ, въ горы, подъ предводительствомъ Пелайо, а остались между побѣдителями, подъ покровомъ вѣротерпимости, которую первоначально предписывала и соблюдала магометанская религія. Христіане, какъ народъ побѣжденный, должны были платить подати вдвое болѣе противъ Аравитянъ, и сверхъ того еще налогъ съ церковныхъ имуществъ; но за исключеніемъ этого, они не подвергались никакимъ другимъ угнетеніямъ или стѣсненіямъ правъ; имъ было даже позволено имѣть своихъ епископовъ, церквей и монастыри, судиться своими законами и въ

своихъ судахъ, если только дѣло не касалось мусульманъ и не влекло за собою смертной казни. Слѣдовательно народность ихъ нисколько не была стѣснена, и они сохранили даже нѣкоторую степень независимости. Тѣмъ не менѣе, хотя они остались непоколебимо вѣрны своему вѣроисповѣданію, однако же врсуетіемъ могущественнаго и славнаго царства и безпрестанныя столкновенія съ племенемъ, превосходившимъ ихъ и богатствомъ и образованностью, не могли остаться безъ вліянія на нихъ. Необходимымъ слѣдствіемъ этихъ столкновеній было то, что съ теченіемъ времени христіане начали мало-по-малу уклоняться отъ своей народности; наконецъ они дошли до того, что стали носить маврское платье, принимать маврскіе обычаи, служить въ халифатскихъ войскахъ и занимать почетныя должности при кордовскомъ и гренадскомъ дворахъ. Они во всѣхъ отношеніяхъ заслуживали данное имъ прозваніе *Мосарабовъ* или *Мусарабовъ*;

* Много было толковъ о значеніи и происхожденіи названія Мосарабовъ. Большая часть писателей производили его отъ латинскаго *misti-arabes*, и понимали въ этомъ смыслѣ. Это нѣвѣе было такъ распространено, что названіе Мосарабовъ встрѣчается въ этомъ смыслѣ не только въ «Испанской хроникѣ», но и въ чисто литературныхъ произведеніяхъ; такъ, наприимѣръ, въ комедіи «*Los Muzarabes de Toledo*», одинъ Мусарабъ объясняетъ королю Альфонсу-Седьмому, что они такъ называются потому, что *жили между* Аравитянами, всегда свято и мужественно хранили предписанія истиннаго закона.

Muzarabes, Rey. nos llamamos,
Porque, entre Arabes *mezclados*,
Los mandamientos sagrados
De nuestra ley verdadera,
Con valor y fé sincera
Han sido siempre guardados.

Въ новѣйшее время довь Паскуаль де-Гаявгозь, въ своемъ сочиненіи «Мусульманскій династіи въ Испаніи», предложилъ другое толкованіе, болѣе точное. Онъ производитъ это слово отъ арабскаго *Must'arab*, что означаетъ человека, который старается подражать арабамъ, хочет назваться арабомъ въ нравахъ и языкѣ, но все-таки остается иноплеменикомъ. Въ противоположность Мосарабамъ, когда христіане начали подвигаться къ югу, Мавровъ, оставшихся между ними, и принимавшихъ ихъ языкъ и нравы, стали называть *облатинившимися Маврами*, *Mogos*

то есть, людей, старающихся переимать нравы и языкъ Аравлянъ, потому что съ теченіемъ времени они такъ сблизились съ своими побѣдителями, что почти ничѣмъ уже не отличались отъ нихъ кромѣ вѣры.

Это арабское вліяніе очень скоро отразилось на сохранившихся у христіанъ остаткахъ языка и литературы Рима. Туземцы, жившіе между мусульманами, начали забывать свою искаженную латынь, и говорить по арабски. Въ 794 году побѣдители смѣли уже заводить школы для обученія своихъ христіанскихъ подданныхъ арабскому языку и требовать исключительнаго употребленія его. Альваръ Кордовскій, котораго свидѣтельство въ этомъ дѣлѣ вывѣтъ большой вѣсъ, въ своемъ «Indiculus luminosus», написанномъ въ 854 году, доказываетъ, что цѣль ихъ была вполне достигнута; онъ жалуется, что въ это время христіане до такой степени презирали свой родной, латинскій языкъ, что изъ тысячи человѣкъ едва одинъ былъ въ состояніи написать по латыни простое письмо къ своему единовѣрцу, между тѣмъ какъ многіе писали арабскіе стихи, не уступавшіе сочиненіямъ самихъ Мавровъ^{*)}. Преобладаніе арабскаго языка было такъ сильно, что Іоаннъ, епископъ севильскій, одинъ изъ тѣхъ почтенныхъ наставниковъ, которые пользовались равно уваженіемъ христіанъ и магометанъ, считалъ нужнымъ велѣть перевести на арабскій языкъ Священное Писаніе, потому что его паства не могла читать

latinos. Такъ въ «Испанской хроникѣ» и въ «Поэмѣ о Сидѣ», говорится о Маврѣ Альфараки, совѣтникѣ Сиды, что онъ такъ облатинился, что казался почти христіанномъ: *era tan latino, que semejava christiano.*

* «Indiculus Luminosus» написанъ въ защиту кордовскихъ учениковъ, пострадавшихъ за вѣру при Абдеррахманѣ-Второмъ и при его сынѣ. Вотъ слова автора, которыя тоже не отличаются чистотою латинскаго языка: «*Non, proh dolor! linguam suam nesciunt Christiani, et linguam propriam non advertunt Latini, ita ut omni Christi collegio vix inveniatur unus in milleno hominum numero, qui salutaris patri possit rationabiliter dirigere literas. Et reperitur absque numero multiplex turba, qui eruditè caldæicas verborum explicet pompas. Ita ut metricè eruditiori ab ipsis gentibus carmine et sublimiori pulchritudine*», и прочая.

на другомъ языкѣ^{*)}. Даже приходскія метрики во многихъ христіанскихъ церквахъ велись въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ на арабскомъ языкѣ. Донынѣ въ архивѣ толедскаго собора хранится болѣе двухъ тысячъ документовъ, писанныхъ христіанскими духовными лицами по арабски.

Это преобладаніе арабскаго языка не могло даже тотчасъ прекратиться, когда сѣверные христіане начали силою оружія отнимать свое древнее достояніе у пришельцевъ. Довольно долго еще послѣ того, какъ они утвердились въ нѣкоторыхъ изъ внутреннихъ областей Меванн, на мостахъ, выбиравемыхъ христіанскими королями для обращенія между христіанами, были арабскія надписи, какъ видно на мостахъ Альфонса-Шестого и Альфонса-Осмаго 1185, 1186, 1191, 1192, 1199 и 1212 годовъ. Въ 1256 году Альфонсъ-Мудрый, своимъ бургундскимъ декретомъ отъ 18 декабря, принявъ мѣры къ распространенію просвѣщенія въ севильской провинціи, учреждалъ тамъ арабскія школы на ряду съ латинскими. И позже, даже въ четырнадцатомъ вѣкѣ, встрѣчается еще въ этой части Испаніи множество государственныхъ актовъ, писанныхъ на арабскомъ языкѣ; часто случалось также, что на важнѣйшихъ духовныхъ актахъ, подаными дѣлались арабскія прѣтоты, хотя бы самый актъ былъ писанъ на меваннскомъ или латинскомъ языкѣ; такъ, напримѣръ, на льготной грамотѣ, дарованной Фердинандомъ-Четвертымъ монастырю Святаго Клементія. Изъ всего этого видно, что до самаго покоренія Гренады, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и еще позже, языкъ, нравы и образованность Аравитянъ были въ большой слѣзъ между христіанами во всей средней и южной Испаніи.

Такимъ образомъ, когда сѣверные христіане, послѣ продолжительной и упорной борьбы, освободили большую часть своего отчества изъ подъ чужеземнаго ига, и отгѣснили Мавровъ къ юго-

* Время, когда жилъ Іоаннъ Севильскій, неясно; но о томъ, что онъ приказалъ перевести Священное Писаніе на арабскій языкъ, «Общая Меваннская хроника» говоритъ очень положительно: «Traslado las sanctas Escripturas en arábigo e fizó las exposiciones dellas según conviene a la sancta Escriptura». Маріана въ своей исторіи прибавляетъ очень ясно: «A causa que la lengua arábiga se usaba mucho entre todos, la lengua ordinarriamente ni se usaba, ni se sabia».

Западѣ, они были окружены множествомъ своихъ единоплеменныхъ братьевъ, христіанъ по вѣрѣ и по чувствамъ, но Мавровъ по одеждѣ, по правамъ и по языку. Послѣдовало сліяніе между этими двумя отраслями одного племени, которыя были такъ долго разлучены чужеземнымъ владычествомъ, что даже давно утратили одну изъ самыхъ сильныхъ связей, соединяющихъ племена, — общность языка. Но гдѣ и когда ни совершалось такое соединеніе двухъ частей народа, необходимымъ условіемъ и послѣдствіемъ его было немедленное измѣненіе языка той и другой и приравненіе его къ общему употребленію. Конечно, такое измѣненіе готизированной латыни началось уже въ нѣкоторой степени съ самаго покоренія Испаніи Аравитянами; но теперь необходимость требовала его довершенія. Такимъ-образомъ, новый элементъ, арабскій, былъ внесенъ въ языкъ Испаніи: послѣдній изъ основныхъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ нынѣшняго испанскаго языка, который въ послѣдующіе вѣка гражданскаго и умственнаго развитія былъ очищенъ и обработанъ, но въ сущности остался донинѣ тѣмъ же, чѣмъ онъ явился вскорѣ послѣ великаго событія, которое народъ издавна такъ выразительно называлъ возрожденіемъ Испаніи.

Мы уже видѣли, что основнымъ элементомъ языка, принесеннаго съ сѣвера христіанами, и подвергшагося новому вліянію среды полуарабскаго населенія юга, былъ вовсе не настоящій латинскій языкъ, а латынь, испорченная сначала по тѣмъ общимъ причинамъ, которыя содѣйствовали порчѣ ея по всей римской имперіи еще до испроверженія римскаго владычества, а потомъ, вторично испорченная вслѣдствіе поселенія въ Испаніи Готовъ и другихъ варваровъ. Послѣ того она подверглась еще разъ измѣненію, внесеніемъ въ нее многихъ элементовъ изъ древняго иберскаго или баскискаго языка, во время пребыванія христіанъ между горцевъ, которые и донынѣ остались вѣрными своему первобытному нарѣчію. Но главною причиною окончательной порчи латинскаго языка на сѣверѣ, начиная со второй половины осьмаго вѣка, было, безъсомнѣнія, жалкое состояніе людей, говорившихъ на немъ. Они бѣжали изъ подпавшаго чужеземной власти лативо-готскаго царства, преслѣдуемые всеокрушающимъ мечемъ Аравитянъ, и были заперты въ дикихъ ущельяхъ бискай-

скихъ горь. Тутъ, лишенные общественныхъ учреждений, въ которыхъ они были воспитаны, и которыя, при всемъ своемъ упадкѣ, представляли еще послѣдніе остатки прежней образованности ихъ отечества; смѣшанные съ племенемъ, котораго дикость и варварство одолѣло оружіе Римлянъ и Готевъ; награжденные на небольшомъ пространствѣ бесплодной и дикой почвы, едва дававшей имъ самыя скудныя средства пропитанія, христіане на сѣверѣ почти возвратились къ дикому состоянію, и конечно, не могли ни заботиться, ни даже думать о чистотѣ языка, на которомъ говорили*. Не болѣе могли они помышлять объ этомъ, когда они начали, съ мужествомъ отчаянія, возвращать себѣ утраченное достояніе предковъ, безпрестанно съ оружіемъ въ рукахъ, безпрестанно окруженные опасностями и страданіями кровопролитной народной войны. По этому, по мѣрѣ того, какъ они подвигались къ югу и къ востоку, и сближались съ тѣми частями своего племени, которыя остались среди Мавровъ, они приходили въ столкновение съ гражданскимъ и умственнымъ развитіемъ, далеко превосходившимъ ихъ собственное.

Послѣдствіе было неминуемо. Это различіе степени развитія должно было обусловить измѣненіе, происшедшее въ ихъ языкѣ. Какъ Готы, между пятымъ и осьмымъ вѣками, приняли множество латинскихъ словъ, потому что это былъ языкъ народа, съ которымъ они были въ постоянныхъ сношеніяхъ, и народа несравненно болѣе развитаго, чѣмъ они сами, — такъ точно, между осьмымъ и тринадцатымъ столѣтіями, весь народъ принялъ множество арабскихъ словъ, и съ замѣчательною воспримчивостію принаровился къ превосходному умственному развитію своихъ южныхъ единоплеменниковъ и мусульманскихъ подданныхъ.

Въ какое именно время возникъ новый языкъ, названный впоследствии испанскимъ или кастильскимъ, изъ этого соединенія

* Конде приводитъ слѣдующій отзывъ современныхъ арабскихъ писателей о дикомъ состояніи христіанъ сѣверной Испаніи въ осьмомъ вѣкѣ: «Они живутъ, какъ дикіе звѣри, никогда не моются и не снимаютъ платья до-тѣхъ-поръ, пока оно само не спадетъ съ тѣла въ лохмотьяхъ, отъ ветхости». Нѣкоторыя мѣста «Общей испанской хроникки» и исторіи Маріаны доказываютъ, что въ этомъ описаніи почти нѣтъ преувеличенія.

готварованнаго, испорченнаго латинскаго языка съ арабскимъ, употребившимся въ южной части полуострова, нельзя опредѣлить. Такое соединеніе, по своей природѣ, должно было совершиться однимъ изъ тѣхъ медленныхъ и неуловимыхъ переворотовъ во всемъ, что составляетъ народность племени, которые не оставляютъ по себѣ видимыхъ памятниковъ и не могутъ вноситься въ летописи. Но ученый Марина, на свидѣтельство котораго можно полагаться въ этомъ предметѣ, увѣряетъ, что онъ не встрѣчалъ никакого памятника, писаннаго на кастильскомъ языкѣ, ранѣе 1140 года. Древнѣйшій извѣстный доселѣ памятникъ есть подтверждающая льготная грамота, дарованная Альфонсомъ-Седьмымъ, въ 1155 году, городу Авилесу, въ Астуріяхъ. Поэтому, какъ ни постепенно и какъ ни неуловимо образованіе кастильскаго языка и водвореніе его въ Испаніи, однакоже можно положительно сказать, что около половины двѣнадцатаго вѣка, онъ былъ уже не только въ общемъ употребленіи, какъ языкъ разговорный, но даже языкомъ письменнымъ, и началъ являться въ важнѣйшихъ государственныхъ актахъ.

Съ этого времени, слѣдовательно, должно признавать существованіе въ Испаніи языка, постепенно распространяющагося по всей странѣ; языка, равно отличнаго отъ чистаго и отъ испорченнаго латинскаго языка, а еще болѣе отъ арабскаго; во очевидно образовавшагося изъ сліянія обомъ подъ вліяніемъ духа и стремленія готскихъ нарѣчій, и заключающаго нѣкоторыя заимствованія изъ языковъ германскихъ племенъ, Иберовъ, Кельтовъ, Финикійцевъ, которые въ разные времена занимали большую или меньшую часть полуострова. Этотъ языкъ названъ сначала *романскимъ*, *lingua romanca*, потому что онъ образовался преимущественно изъ языка Римлянъ, точно также какъ Аравитяне называли христіанъ сѣверо-западнаго нагорья Альорни, считая ихъ потомками Римлянъ. Въ послѣдствіи его называли *испанскимъ*, по имени всего народа, а наконецъ стали еще чаще называть *кастильскимъ*, потому что вмѣстѣ съ политическимъ преобладаніемъ Кастильи надъ прочими областями Испаніи и нарѣчіе ея стало постепенно брать верхъ надъ прочими нарѣчіями, галсійскимъ, каталонскимъ, валенскимъ, которыя всѣ были нѣкоторое время языками письменными и имѣли каждый свою самостоятельную литературу.

Количество матеріаловъ, доставленныхъ каждымъ изъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ испанскаго языка, никогда не было опредѣлено съ точностью; однакоже оно извѣстно достаточно для того, чтобы показать вообще отношеніе ихъ другъ къ другу. Сармиенто, изслѣдовавшій этотъ вопросъ съ большимъ стараніемъ, полагаетъ, что шесть десятыхъ вышшняго кастильскаго языка происхожденія латинскаго; одна десятая, — греческаго и церковнаго; одна десятая — германскаго; одна десятая — арабскаго; остальная же за тѣмъ десятая заимствована изъ языковъ остиндскихъ, американскихъ, цыганскаго, новонѣмецкаго, французскаго и итальянскаго. Это исчисленіе, кажется, довольно близко къ истинѣ; только съ одной стороны, изслѣдованія Ларраменди и Гумбольдта доказываютъ, что должно бы еще прибавить элементъ баскскій; съ другой стороны, изысканія Марини вѣсколько уменьшаютъ пропорцію арабскаго элемента; Галагосъ же, напротивъ, увеличиваетъ ее до одной осмой. Во всякомъ случаѣ одно тутъ несомнѣнно, что главную основу кастильскаго языка составляетъ языкъ латинскій, которому можно, пожалуй, приписать и большую часть того, что считается заимствованнымъ изъ греческаго. Самымъ разительнымъ, можетъ-быть, доказательствомъ, какъ много латинскихъ словъ и оборотовъ перешло въ вышнній испанскій языкъ, служитъ множество стихотвореній и прозаическихъ статей, писанныхъ такимъ образомъ, что ихъ можно читать и по испански и по латыни. Первый примѣръ подобнаго фокуса встрѣчается въ «Трактатѣ объ арифметикѣ», Хуана Мартинеса Силлесе, архіепископа толедскаго и наставника короля Филиппа-Второго, изданномъ въ 1514 году; это небольшое разсужденіе, писанное имъ въ Италиі съ тою цѣлью, чтобы доказать итальянскимъ ученымъ, что испанскій языкъ ближе къ латинскому, чѣмъ итальянскій. Изъ множества другихъ примѣровъ, мы упомянемъ только о самомъ любопытномъ, именно о книжечкѣ стихотвореній *Diego-de-Agiara*, изданной въ 1621 году подъ названіемъ: «*Tercetos en latin congruo y puro castellano por Diego de Aguiar*» (Терцеты на толковой латыни и на чистомъ кастильскомъ языкѣ). Для образчика приведемъ вѣсколько стиховъ:

Scribo historias, graves, generosas
Spiritus, divinos heroes puros,

Magnanimos, insignes, bellicosos;
 Canto de Marte, defensores duros
 Animosos Leones, excellentes,
 De rara industria, invictos, grandés muros,
 Vos animas illustres, præminentes
 Invoco, и такъ далѣе.

Конечно въ подобныхъ стихахъ не можетъ быть соблюдена чистота ни того, ни другаго языка; но они доказываютъ чрезвычайно близкое ихъ родство.

Образовавшійся такимъ образомъ испанскій или кастильскій языкъ вошелъ въ общее употребленіе скорѣе и легче всѣхъ прочихъ языковъ, возникшихъ въ южной Европѣ, среди неурядицы среднихъ вѣковъ, изъ развалинъ общаго языка римской имперіи. Причиною этому было во-первыхъ то, что въ Испаніи было нуже чѣмъ гдѣ либо образованіе и введеніе средняго языка, который могъ бы служить въ безпрестанныхъ сношеніяхъ Мавровъ, Мусарабовъ и христіанъ; во-вторыхъ, что царствованіе Фердинанда-Католика, по-крайней-мѣрѣ до взятія Севильи въ 1247 году, было періодомъ, если не прочнаго мира, то все-таки благоденствія и даже нѣкоторой славы; и наконецъ то, что латынь, и какъ языкъ письменный и какъ разговорный, была до такой степени испорчена, что еще менѣе могла бороться съ новымъ языкомъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ совершался подобный переворотъ. Поэтому впрочемъ не удивительно, что мы встрѣчаемъ не только образцы, но даже замѣчательныя произведенія испанской литературы вочти немедленно по появленіи самаго языка. Поэма о Сидѣ, напримѣръ, можетъ быть отнесена не позже, какъ къ 1200 году; а Версео, писавшій между 1220. и 1240 годами, оставилъ намъ болѣе тринадцати тысячъ стиховъ на чистомъ испанскомъ или кастильскомъ языкѣ. Впрочемъ, онъ почти извѣстенъ въ томъ, что онъ не довольно *грамотенъ*, чтобы писать по-латыни, и это доказываетъ, что онъ жилъ въ эпоху состязанія обоихъ языковъ. Только нѣсколько позднѣе, при Альфонсѣ-Десятомъ, съ 1252 по 1282 годъ, водвореніе испанскаго языка, какъ языка письменнаго и разговорнаго для простаго народу и для образованныхъ классовъ, можно считать признаннымъ и окончательно совершеннымъ. По приказанію Альфонса была переведена Библия,

съ изданія Вульгаты; онъ же предписалъ, чтобы всѣ договоры и другіе юридическіе акты писались по-испански, и чтобы этотъ языкъ употреблялся въ судопроизводствѣ. Наконецъ своимъ замѣчательнымъ уложеніемъ *Las siete-partidas*, онъ положилъ основаніе распространенію и утвержденію его повсюду, куда должны были проникнуть испанское племя и испанское могущество. Съ этого времени, слѣдовательно, начинается для насъ исторія развитія испанскаго языка и испанская литература.

Рожденіе и направленіе каждой литературы, имѣвшей хотя бы временно самостоятельное существованіе въ нынѣшней Европѣ, было результатомъ мѣстныхъ и другихъ, случайныхъ повидимому, обстоятельствъ. Въ иныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Провансѣ, чудесный климатъ и необыкновенное плодородіе почвы придали образованности преждевременное, роскошное развитіе, которое также быстро и внезапно исчезло подъ вліяніемъ окружающаго его варварства. Въ другихъ странахъ, какъ въ Ломбардіи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи, нѣкоторыя городскія общины такъ долго сохраняли учрежденія древности, что въ случавшіеся отъ времени до времени промежутки мира, можно было почти думать, что древнія формы гражданственности и образованности должны ожить и разцвѣсть съ прежнимъ блескомъ; но надежды эти порождались только на короткое время, чтобы снова угаснуть въ неустройствѣ, среди котораго возникалъ и утверждался новый общественный бытъ, въ новыхъ формахъ и съ новымъ направленіемъ. Иногда наконецъ эти два элемента соединялись съ другими, и обѣщали богатую поэзію, полную свѣжести и оригинальности; но въ самомъ началѣ своего развитія, эта поэзія встрѣчалась съ другою, болѣе сильною и развитою, и подчинялась ея превосходному вліянію; языкъ ея останавливался на степеняхъ мѣстнаго нарѣчія, или же совершенно поглощался языкомъ болѣе счастливой соперницы. Такое явленіе видимъ мы въ Спидліи, въ Венеціи, въ Неаполѣ, гдѣ превосходство великихъ тосканскихъ поэтовъ было признако съ самаго начала съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ во Флоренціи и въ Пизѣ.

Югозападный полуостровъ, заключающій нынѣ королевства Испаніи и Португаліи, подвергся почти всѣмъ тѣмъ же вліяніямъ, какъ и прочія части Европы. Климатъ, богатство почвы, остатки

римскаго образованія, долго сохранявшіеся въ горахъ, восторженный и страстный характеръ, которымъ отличался этотъ народъ во всей своей исторіи до новѣйшаго времени, все это способствовало въ Испаніи раннему пробужденію поэтическаго творчества; и дѣйствительно, оно является на Испанскомъ полуостровѣ, со всѣми признаками самостоятельнаго развитія, гораздо раньше даже тѣмъ въ Италіи. Но эти первыя начала испанской литературы, которыхъ часть носитъ печать провансальскаго происхожденія, остальное же — чисто испанское или кастильское, явилось въ смутное время, когда они не могли свободно и быстро развивать формы, въ которыя испанская литература должна была облечься впоследствии. Христіанское населеніе различныхъ королевствъ, на которыя была раздроблена вся страна, было занято упорною борьбою съ Аравіянами, которая въ продолженіе двадцати поколѣній поглощала все его силы; такъ-что когда крестъ водрузился на башняхъ Альхамбры и мѣръ позволилъ народу обратиться къ умственной дѣятельности, въ Ломбардіи и въ Тосканѣ, пользовавшихся въ это время сравнительнымъ спокойствіемъ и благоденствіемъ, явился уже Данте, Петрарка, Боккачіо, и Италія заняла уже свое прежнее мѣсто въ главѣ европейской образованности и литературы.

Въ такихъ обстоятельствахъ большая часть Испаніи, такъ долго служившая оплотомъ христіанской Европѣ противъ вторженія исламизма съ его несовершенною образованностью, и среди своихъ страданій всегда обращавшая взоры къ Риму, какъ къ представителю истинной вѣры, должна была немедленно признать первенство Италіи въ литературѣ, тѣмъ болѣе, что она привыкла къ этому первенству еще со времени римской имперіи. Тотчасъ возникла литературная школа, образованная по итальянскимъ образцамъ; и хотя слава и плодovitость испанскаго поэтическаго творчества спасли его отъ такого подражанія, какого можно бы ожидать, однако же вліяніе Италіи, съ самаго начала, было слишкомъ явно и значительно, чтобы историкъ испанской литературы могъ оставить его безъ вниманія.

Поэтому первый періодъ исторіи испанской литературы распадается на два отдѣла. Первый заключаетъ самобытное, народное развитіе поэзій, отъ перваго зарожденія поэтическаго творчества

до царствованія Карла-Пятаго; второй ту часть литературы, которая, поставивъ себя въ образцы литературу Прованса и Италіи, болѣе или менѣе отдѣлялась отъ народнаго характера и направленія. Это двойственное развитіе литературной дѣятельности совершалось одновременно, и наполняетъ весь періодъ, въ который выработывались элементы и характеръ испанской литературы, сохранившіеся въ ней до нашего времени.

Слѣдовательно и изложеніе исторіи испанской литературы, въ этомъ періодѣ мы начнемъ съ литературы, возникшей, такъ сказать, съ самой почвы Испаніи, почти не подвергаясь никакимъ постороннимъ вліяніямъ.

При самомъ приступѣ поражаетъ историка одно обстоятельство, которое даетъ ему уже вѣсколько угадывать духъ и направленіе возникающей литературы. Это то, что она является въ эпоху неурядицы и народной войны. Во всѣхъ другихъ частяхъ Европы, если среди неурядицы, сопровождавшей ниспроверженіе римскаго владычества и образованіе новыхъ формъ гражданственности, являлись проблески поэтическаго творчества, то всегда въ промежутки спокойствія и благоденствія, когда внѣшнее положеніе позволяло уму удѣлать часть своихъ силъ другимъ стремленіямъ, кромѣ заботы о личной безопасности и объ удовлетвореніи самыхъ необходимыхъ физическихъ потребностей. Въ Испаніи было напротивъ. Первый отголосокъ того народнаго чувства, которое сдѣлалось основаніемъ всей народной литературы, раздался среди самаго разгару семилѣтней войны испанскихъ христіанъ съ ихъ мавританскими повелителями; такъ что первая испанская поэзія выливается прямо изъ того воинственнаго, героическаго духа, который въ то время владѣлъ сердцами всего христіанскаго населенія полуострова.

Дѣйствительно, если взглянемъ на состояніе Испаніи въ тѣка непосредственно предшествовавшіе образованію нынѣшняго ея языка и литературы и слѣдовавшіе за нимъ, то одни хронологическія числа дадутъ намъ ключъ въ исторіи этой литературы. Въ 711 году, когда Аравитяне начали проникать изъ Африки въ западную Европу, Родерикъ безразсудно предоставилъ одному сраженію рѣшить судьбу его христіано-готскаго царства. Онъ былъ побѣжденъ, и религіозно воинственный эту

Земля, отличавшій первый період мусульманскаго могущества, почти однимъ сраженіемъ завоевала всю страну. Но христіане были только подавлены этою всеокружающею силою, и не вкоренились ей. Напротивъ, они толпами отступали передъ мусульманскимъ мечомъ, и поселились въ сѣверо-западной части своего отечества, въ неприступныхъ горахъ Бискайн и Астурій. Тутъ, какъ мы уже видимъ, латинскій языкъ, которымъ они говорили столько вѣковъ, окончательно утратилъ свою чистоту, вслѣдствіе пренебреженія и умышленнаго огрубленія, необходимо сопряженныхъ съ бѣдственнымъ состояніемъ, въ которое были погружены изгнанники. Однакоже, съ тѣмъ же упорствомъ, съ какою праотцы ихъ боролись съ римскими легионами и съ какою ихъ потомки въ новѣйшее время отстаивали свою независимость противъ Франціи, они сохранили свои древніе обычаи и чувства, вѣру, законы и учрежденія. Отдѣлившись отъ мавританскихъ завоевателей непримиримою враждою, здѣсь, въ своихъ дѣлкахъ и бесплодныхъ горахъ, положили они основаніе народности, сохранившейся до настоящаго времени.

Окрѣпнувъ въ бѣдствіяхъ, и понявъ немногія преимущества, которыя давали имъ мѣстность и ихъ положеніе, они начали дѣлать набѣги на владѣнія завоевателей и возвращать себѣ постепенно свое древнее достояніе. Но каждый клочекъ земли отстаивался съ такимъ же мужествомъ, какъ былъ добытъ. Христіане, правда, не смотря на то, что были иногда отражаемы, усиливались и приобрѣтали что-нибудь съ каждымъ своимъ значительнымъ набѣгомъ; но удержаніе приобрѣтеннаго требовало едва ли еще не большаго мужества и не большихъ усилій, чѣмъ самое приобрѣтеніе. Въ 801 году они владѣли уже значительною частью Старой Кастильи; но самое названіе страны, данное ей по множеству замковъ и крѣпостей, которыми она была усыяна, достаточно доказываетъ, какого труда стоило наборнымъ христіанамъ сохраненіе этихъ первыхъ плодовъ ихъ мужества и упорства. Въ одно столѣтіе, то есть къ 914 году, они подвинули уже свои завоеванія до Гвадаррайскихъ горъ, отдѣляющихъ Новую Кастилью отъ Старой; и съ этого только времени можно сказать, что они стали твердой ногою въ своемъ древнемъ отечествѣ, котораго столицу они учредили въ Леонѣ.

Съ этого времени христіане, кажется, не сомнѣвались уже въ успѣхъ своего оружія. Въ 1085 году они вырвали изъ рукъ Мавровъ Толедо, главу старой христіанской монархіи, бывшую во власти враговъ триста шестьдесятъ три года; а въ 1118 овладѣли Сарагоссою. Такимъ-образомъ въ началѣ двѣнадцатаго вѣка, весь полуостровъ до толедскихъ горъ (Sierra de Toledo), былъ уже во власти древнихъ обладателей страны, а Мавры были отѣснены въ южныя и югозападыя провинціи, черезъ которыя они первоначально вступили въ Европу. Но, если предѣлы ихъ власти и были ограничены немногимъ больше одной трети прежняго ея пространства, однако же она не только не пала еще, но можетъ быть даже была тверже, чѣмъ когда-либо. Послѣ трехъ столѣтій успѣховъ, прошло еще три столѣтія борьбы, прежде чѣмъ паденіе Гренады совершенно освободило страну отъ ненавистнаго ига невѣрныхъ.

Среди этихъ-то кровопролитныхъ войнъ, и притомъ въ періодъ, когда междоусобныя распри раздирали христіанскую Испанію почти столько же, какъ изнуряла ее борьба съ общимъ врагомъ, возникли и пачали развиваться испанскій языкъ и испанская поэзія. Между взятіемъ Сарагоссы, упрочившимъ за христіанами обладаніе восточною частью Испаніи, и славною побѣдою ихъ на Толоской равнинѣ, которая нанесла Маврамъ ударъ, отъ котораго они никогда не могли уже совершенно оправдаться, — въ этотъ вѣкъ кровопролитія, неурядица и насилія, когда христіане, по выраженію старинной хроникки, были день и ночь въ боевомъ строю, — раздаются первые звуки этой странной и оригинальной народной поэзіи, которая, кажется, мѣшается съ военными кличками и громомъ оружія и дышетъ всѣмъ упоеніемъ побѣды.

ЮГАННЪ ГОТФРИДЪ РАДЕМАХЕРЪ.

Деятаго февраля 1850 года скончался въ глубокой старости врачъ города Гоха, на нижнемъ Рейнѣ, докторъ *Юганнъ Готфридъ Радемахеръ*. Слишкомъ полвѣка занимался онъ, съ неусыпною ревностью и рѣдкимъ усердіемъ, врачебною практикою въ этомъ городѣ. Весьма мало осталось тѣхъ, которые имѣли случай видѣть дѣйствія Радемахера въ цвѣтѣ юнаго и въ силѣ возмужалаго возраста его. Но всѣ оставшіеся еще въ живыхъ, въ Гохѣ и сосѣднихъ мѣстахъ, молодые и старые, бѣдные и богатые, скажутъ, что ни приближеніе старости, ни самыя преклонныя лѣта не препятствовали ему ревностно исполнять свою обязанность, не удерживали его отъ строжайшаго исполненія главной задачи его жизни. О дѣйствіяхъ Радемахера осталась одна молва, но чувство живетъ во всѣхъ сердцахъ: чувство благодарной признательности и искренней къ нему преданности. Да иначе и быть не могло; потому что въ Гохѣ и его окрестностяхъ мало такихъ, которые не были бы чѣмъ-нибудь ему обязаны: одинъ спасеніемъ любимаго родственника отъ тяжкаго недуга, другой возстановленіемъ собственнаго здоровья, а многіе внимательнымъ его уходомъ за дорогихъ имъ лицамъ, уже усопшими, во время ихъ смертныхъ страданій! Дѣйствія Радемахера въ Гохѣ, какъ дѣятельнато врача, обезпечиваютъ ему благодарное воспоминаніе его согражданъ на будущія времена. Пройдутъ поколѣвія пока все-разрушающее время въ состояніи будетъ изгладить его изъ памяти тамъ, гдѣ протекла долговременная дѣятельная жизнь его. Но труды Радемахера, какъ сочинителя и, по части медицинны, в то, что онъ постояннымъ стремленіемъ къ усовершенствованію

дѣлалъ для развитія медицины какъ науки и искусства, сдѣлалъ имя его уже теперь вѣстнымъ и славнымъ въ отдаленнѣйшихъ странахъ; труды эти сохраняютъ память о немъ позднѣйшему потомству и упрочать за Радемахеромъ почетное мѣсто въ исторіи исторіи медицины. Проложенный его собственными изслѣдованіями новый путь въ медицинѣ и общій благопріятный пріемъ, котораго удостоилось ученіе его въ нѣсколько лѣтъ, современн появленія его «Опытной медицины», уже такъ велики, что Радемахера можно, по справедливости, поставить на ряду съ знаменитѣйшими мужчинами нашего времени, столь богатаго литературными произведеніями.

Большая часть изъ многихъ друзей, которыхъ приобрѣлъ Радемахеръ своими литературными трудами, мало знаютъ о жизни, тихой и скромной его дѣятельности, а еще меньше знаютъ лично. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе, читавшіе его послѣднее сочиненіе, отличающееся особеннымъ способомъ изложенія, не могли узнать что-либо замѣчательнаго о личности автора; личности, которая всякому внимательно читавшему его книгу, показывалась особенною рѣдкою.

Иоганнъ Готфридъ Радемахеръ родился 4 августа 1772 года въ городѣ Гамбѣ, въ графствѣ Маркѣ, отъ честныхъ и благомыслящихъ родителей. Отецъ его былъ директоромъ какого-то судебного мѣста, а мать — дочь Г. Х. Бранде, бывшего антексера короля англійскаго. Бранде имѣлъ также необыкновенныя познанія въ медицинѣ, приобретенныя имъ во многихъ университетахъ и въ ученыхъ путешествіяхъ по Германіи, Франціи и Англіи. Въ дѣтствѣ Радемахеръ былъ слабаго здоровья и почти постоянно хворалъ. Онъ самъ рассказывалъ, что родители его часто желали, чтобы смерть избавила бѣднаго ребенка отъ страданій. Однако съ лѣтами здоровье его начало поправляться, особенно подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха, такъ, что онъ могъ уже рано посѣщать школу. Первое образованіе получилъ онъ на родинѣ въ Гамбѣ, а потомъ поступилъ въ латинскую школу города Швельмъ, которою завѣдывалъ тамошній проповѣдникъ, прежній наставникъ брата Радемахера; къ пастору этому родители юноши имѣли полную довѣренность. Получивъ въ этой школѣ нужныя познанія, Радемахеръ поступилъ осьмнадцати лѣтъ въ

йенскій университетъ по медицинскому факультету. Быть-можетъ, рассказы матери объ учености, путешествіяхъ и опытности дѣда его, были первымъ поводомъ къ возбужденію охоты въ ребенкѣ посвятить себя врачебной наукѣ, но по собственнымъ словамъ его, онъ рѣшился на то предполагая обрѣсти, въ изученіи ея, средство къ сохраненію здоровья своего, еще не совсѣмъ укрѣпившагося. «Я уже рано замѣтилъ», — говорилъ онъ — что сидячій родъ жизни не соответствуетъ и вреденъ моему тѣлосложенію, но родъ жизни, сопряженный съ движеніемъ, особенно на вольномъ воздухѣ, будетъ для меня благотвѣльнымъ. Съ того времени, какъ я сдѣлался практикующимъ врачомъ, я былъ непрерывно въ движеніи, и этому-то обстоятельству приписываю преимущественно то, что я чувствовалъ себя всегда хорошо, сдѣлался вѣнокъ тѣломъ и, исключая нѣкоторые незначительные болѣзненные припадки, оставался постоянно здоровымъ».

Въ Іенѣ Радемахеръ подѣ руководствомъ Лодера, Грунера, Штарка, Бретшнейдера и другихъ, усердно занимался изученіемъ медицины и вѣстѣ съ тѣмъ старался получить всестороннее образованіе. Лекціи и клиническія упражненія въ то время уже преподавались въ Іенѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Радемахеръ рассказывалъ, что онъ, для усовершенствованія себя въ латинской литературѣ и разговорѣ, необходимыхъ для сочиненія диссертаций и выдержанія докторскаго экзамена, уговорился съ товарищемъ, жившимъ съ нимъ въ одномъ домѣ, разговаривать межъ собой исключительно по-латыни. Это продолжалось два года, въ которые Радемахеръ получилъ такой навыкъ въ латинскомъ языкѣ, что съ необыкновенною легкостью записывалъ по-латыни нѣмецкія лекціи Гуфеланда о частной терапіи. Этотъ впрочемъ не важный манускриптъ, Радемахеръ сберегалъ и часто показывалъ его, вспоминая съ удовольствіемъ свои латинскія упражненія.

Въ продолженіе университетскаго курса Радемахера, былъ высланъ изъ Веймара въ Іену Хр. В. Гуфеландъ. Радемахеръ вскорѣ оцѣнилъ новаго профессора, и это чувство къ своему наставнику не угасало въ немъ въ продолженіе всей его жизни. И Гуфеландъ очень уважалъ прилежнаго слушателя своего и всѣми способами способствовалъ его ревностному ученію. Послѣ четы-

рехъ-лѣтняго курса и выдержаннаго экзамена, Радемахеръ признанъ былъ 18 апрѣля 1794 года докторомъ медицины и хирургіи, и въ тотъ же день защищалъ свою диссертацию, о различіи ревматизма и ломоты*.

Это первое произведеніе Радемахера даетъ уже намъ нѣкоторое понятіе о степени его образованія, по выходѣ изъ университета, и о направленіи, которое было имъ избрано. Химическія и микроскопическія наблюденія тогда едва только начали переходить въ область врачебной науки. По этому Радемахеру оставалось одно поле опыта, на которомъ онъ могъ искать матеріалы для своихъ изслѣдованій. «Мнѣ казалось страннымъ», — пишетъ онъ, — «что будучи молодъ и милосѣдучъ, не имѣя малѣйшей врачебной опытности, я взялся писать о предметѣ, требующемъ опытныхъ познаній. Не лучше-ли было бы выписать что-нибудь изъ другихъ авторовъ». Нерѣшившись на послѣднее, онъ взялся принять критику къ семиотическому оцѣненію двухъ извѣстныхъ болѣзненныхъ формъ, ревматизма и ломоты. Результатъ трудовъ его заключался въ томъ, что онъ послѣ критическаго сличенія мнимо-характерическихъ признаковъ, приводимыхъ лучшими авторами, не могъ, по настоящему, отыскать никакого различія между этими болѣзнями; потому что нѣтъ ни одного признака, который можно было бы назвать истинно отличительнымъ. Трудно предполагать, чтобы при этомъ первомъ трудѣ родилась въ Радемахерѣ первая мысль о невѣрности основаній раціональной эмпириі. Гораздо вѣроятнѣе, что при скептическомъ духѣ молодого ученаго, мысль эта таилась въ немъ еще во время ученія, а при сочиненіи этой диссертациі, она безъ сомнѣнія еще болѣе потрясла, уже и безъ того немного колебавшееся, вѣрованіе его въ истинны методическаго ученія. Оттого мы думаемъ, что въ диссертациі его есть первая нападка на это ученіе. Впрочемъ самъ Радемахеръ мало цѣнилъ свое сочиненіе, какъ видно изъ приве-

* *Dissertatio inauguralis semiologica, sistens quæstionem utrum differat Rheumatismus ab Arthritide, quam fecit ore academiae magnificentissimo serrentissimo principe ac domino Carolo Augusto, duce Saxoniae etc. etc. gratiosi medicorum ordinis auctoritate pro gradu doctoris Medicinæ et Chirurgiæ a d. 18. Aprilis 1794 publice defendet Joannes Godofredus Rademacher, Marca-Guestphalus. Jenæ. Typis Fiedleri. 8°, 48.*

дѣлнато мѣста его «Опытной медицины», гдѣ даже сказано: «Мнѣ непонятно, какъ человѣкъ съ здравымъ разсудкомъ могъ заняться подобною критикою и окончить ее; непонятно, какъ онъ рѣшился разбирать ничтожный признакъ, породившійся изъ неопредѣленнаго, мимолетнаго очерка въ мозгѣ многоглаваго чудовища — литературы; невозможно, чтобы такой трудъ былъ открытiемъ истины и мудрости, подобно возрожденiю Паллады изъ мозга одноглаваго Зевса».

Въ 1794 году Радемахеръ отправился въ Берлинъ, гдѣ занимался цѣлый годъ дальнѣйшимъ усовершенствованiемъ во врачебной наукѣ, получивъ, по экзамену, дозволенiе на свободную практику. Въ 1796 году находимъ мы его вольнопрактикующимъ врачомъ въ Клевѣ. Тутъ однако онъ не долго оставался и 19 апрѣля 1797 года переселился въ Гохъ, гдѣ представилось ему обширное поле дѣятельности, послѣ смерти тамошняго единственнаго врача, доктора Курциа. Здѣсь поручены были Радемахеру должности штаттензена и врача для бѣдныхъ. Оставался въ Гохѣ безъвыгодно, Радемахеръ въ продолженiе пятидесяти трехъ лѣтъ посвящалъ все свое время, все силы свои страждущему человечеству, и способствованiю развитiю медицины. Около сорока лѣтъ Радемахеръ былъ единственнымъ врачомъ въ Гохѣ. При водворенiи его въ этой странѣ и еще долго послѣ, ни одинъ врачъ, исключая Клеве, не жилъ ближе трехъ или четырехъ миль въ окружности. Семь мѣстечекъ пользовались въ то время однимъ гохскимъ врачомъ. Теперь въ тѣхъ мѣстахъ одиннадцать, и въ одномъ Гохѣ четыре врача, хотя число жителей противъ 1797 года въ немъ умножилось не болѣе какъ на одну треть. Правда, что недолжно упускать изъ виду и то, что въ первые годы практики Радемахера и еще долго послѣ, жители этой страны гораздо рѣже прибѣгали къ совѣтамъ и помощи врача, чѣмъ теперь, и что находились тамъ и слѣдъ хирурговъ, которыхъ теперь болѣе нѣтъ, занимавшихся по нуждѣ врачебною практикою; при всемъ этомъ нельзя опровергнуть, что не многимъ врачамъ представлялось такое обширное поприще практической дѣятельности и такой изобильный источникъ для почерпанiя богатой опытности, какъ Радемахеру въ его время.

Радемахеръ скоро приобрѣлъ полную довѣренность своихъ новыхъ соотчичей, и по мѣрѣ того, какъ превосходныя качества и нравъ его сдѣлались извѣстны, возрастала къ нему довѣренность и слава его, какъ врача, распространялась болѣе и болѣе. Свободное время отъ практическихъ занятій онъ посвятилъ изученію медицины, и чтобы обезпечить собранное имъ сокровище опытовъ, онъ записывалъ, до послѣднихъ дней своей жизни, всѣ встрѣчавшіеся ему болѣзненные случаи.

Въ 1798 году Радемахеръ женился на вдовѣ судьи, умершаго черезъ годъ послѣ женитьбы. Супруга его была женщина съ необыкновенно образованнымъ умомъ и притомъ, по собственнымъ словамъ Радемахера сострадательна и благотворительна. Супружество ихъ было счастливо и долговременно. Единственный плодъ этого брака былъ сынъ, умершій въ младенчествѣ.

При занятіи Французами этой страны, Радемахера назначили окружнымъ врачомъ клевакаго округа. По обширности области занятія его еще болѣе увеличались, что и заставило его въ 1810 году сложить съ себя эту обязанность. Когда Пруссія вступила опять во владѣніе этой области и учреждены были физикаты, то Радемахеру предложили мѣсто окружнаго физика, но онъ отказался отъ него, по причинѣ обширныхъ занятій своихъ.

Вотъ все о жизни Радемахера въ Гохѣ. Она протекала однообразно, какъ жизнь каждаго слишкомъ занятаго практикою врача, раздѣляющаго свое время между посѣщеніемъ больныхъ, изученіемъ медицины и самостоятельными трудами. Досугами своими Радемахеръ пользовался самымъ совѣтливѣйшимъ образомъ, какъ это довольно доказываютъ многія и отчасти обширныя его сочиненія. Едва можно постигнуть, какъ онъ могъ, при такой врачебной практикѣ, удѣлять еще столько времени на ученіе и авторскія занятія. Почти ежедневно онъ долженъ былъ ѣздить за городъ, къ больнымъ, жившимъ въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго. Пятьдесятъ лѣтъ Радемахеръ ѣздилъ верхомъ за городъ къ своимъ больнымъ, и только послѣ сталъ ѣздить въ экипажѣ. Тягость практики въ этой странѣ Радемахеръ превосходно изобразилъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, выставя однако нѣкоторыя преимущества загородной практики передъ городскою, по свободѣ и совершенной независимости вра-

ча въ своихъ дѣйствіяхъ. «Я совершенно увѣренъ», пишетъ онъ, «что есть дни, въ которыхъ ни одинъ изъ городскихъ врачей не захочетъ промѣнить свою карету на мою верховую лошадь. Когда я возвращаюсь изъ загорода домой, измоченный дождемъ и обрызганный грязью, то отдаю высушить мой плащъ; когда цѣвлю отъ холоду, то согрѣваюсь у печи; а когда изнемогаю отъ зноя, то ложусь въ саду подъ тѣнью дерева, читаю «Патогенію Ренлауба» и засыпаю. Но если-бы я имѣлъ досаду и огорченіе, то былъ бы несчастѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Такія впечатлѣнія изглаживаются только временемъ, а вредъ, причиненный ими здоровью, часто неисправимый. Потому что досада и огорченіе стоятъ въ главѣ опасностей, сокращающихъ жизнь. По этому правиломъ мойнъ было избѣгать ихъ. При загородной практикѣ это возможно. Если мнѣ кто въ чемъ-либо мѣшаетъ, я уступаю ему. Я не знаю здѣсь никого, чье одобреніе или худа могли бы имѣть ощутительное вліяніе на общество и могли бы причинить мнѣ выгоду или вредъ въ моей практикѣ».

Необыкновенныя напряженія силъ, которыя Радемахеръ ежедневно испытывалъ, сидѣніе на лошади часто по цѣлымъ днямъ и трясучія тамошнія сельскія повозки, столь забавно имъ описанныя въ сказанной книгѣ, имѣли также мало вліянія на его душу, какъ и на тѣло. Напротивъ, здоровье его видимо укрѣпилось при такомъ образѣ жизни. Уже въ 1802 году писалъ онъ: «Если бы кто сказалъ, во время ученія моего въ Іенѣ, что я боленъ, я считалъ бы это невѣжливостью, но еслибъ пришлось промѣнить теперешнее мое здоровье на тогдашнее, я никакъ бы не согласился». За исключеніемъ нѣкоторыхъ легкихъ болѣзней, особенно повторявшихся пароксизмовъ бедраиной боли, Радемахеръ былъ постоянно здоровъ во все время пребыванія своего въ Гохѣ; чувствовалъ себя счастливымъ и довольнымъ среди занятій по практикѣ, ученыхъ упражненій и отдыхалъ въ обществѣ своей супруги и немногихъ друзей. Къ несчастію, жена его начала чувствовать въ 1830 году припадки болѣзни сердца, описанной Радемахеромъ въ его «Опытной медицинѣ». Четыре года сряду она находилась, хотя въ постоянно страдальческомъ, но сносомъ состояніи. Въ 1834 году поразилъ ее параличъ половины тѣла. Съ того времени еще пол-

тора года она влчила бѣдственную жизнь, помраченную разнаго рода страданіями, отъ которыхъ въ 1837 году избавила ее смерть, на семидесятомъ году жизни. Послѣ смерти жены Радемахеръ велъ уединенную, тихую жизнь съ своею старою и вѣрною служанкою Регниою, ходившею съ необыкновенною заботливостію за покойною его женою. Онъ удалялся болѣе и болѣе отъ общественной жизни, посвящая все свободное время на совершеніе своей любимой идеи — на окончаніе своей «Опытной медицины». Приближаясь къ семидесятому году, Радемахеръ началъ слабѣть силами, сталъ по немногу отказываться отъ леченія загородныхъ больныхъ; городскихъ же навѣщалъ по обыкновенію и готовъ былъ къ услугамъ каждаго, кто только приходилъ къ нему на домъ за совѣтомъ.

При празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея его докторскаго званія, Радемахеръ получилъ орденъ Краснаго Орла, въ признательность къ его заслугамъ. Общество берлинскихъ врачей избрало его въ прошломъ году своимъ чрезвычайнымъ членомъ-корреспондентомъ. Въ 1846 году онъ сложилъ съ себя обязанность городского врача для бѣдныхъ, которую исполнялъ почти пятьдесятъ лѣтъ, а въ 1848 году должность врача тамошняго сиротскаго дома.

Съ половины 1848 года Радемахеръ началъ хворать, а весной 1849 оказались у него явные признаки гнойной легочной чахотки. Съ упадкомъ силъ слабѣли мало по малу свѣжесть его ума и вѣрность памяти. Однако еще часто въ хилостъ его тѣлѣ вспыхивали искры живаго и забавнаго ума, подобно тому какъ въ прежнія времена. Съ половины 1849 года Радемахеръ уже не навѣщалъ больныхъ въ городѣ, прогуливался еще нѣсколько разъ въ экипажѣ, но и это онъ долженъ былъ оставить, потому что такое движеніе возбуждало его удущіе. Искавшимъ однако совѣтовъ его, онъ не переставалъ служить, и даже когда отъ слабости онъ не могъ уже сдѣлать ни шагу безъ поддержки слуги, онъ негодовалъ, когда отказывали ищущимъ его помощи. Казалось, что при посѣщеніи немногихъ искреннихъ друзей, большой забывалъ свои страданія, но не обманывался въ положеніи своемъ. Напротивъ, онъ чувствовалъ приближеніе смерти, и желалъ этого скорѣе. На кончину свою онъ

смотрѣлъ съ большимъ спокойствіемъ духа и приводилъ въ порядокъ и распредѣлялъ нужное съ хлопотливою заботливостью. Не смотря на то, что слабость его усиливалась съ каждымъ днемъ, что удуще развивалось, онъ не хотѣлъ ничего измѣнять въ своемъ прежнемъ образѣ жизни. Въ концѣ января этого года, Радемахеръ заболѣлъ перемежающеюся лихорадкой, которая, продолжаясь нѣсколько дней, разительнo истощила силы его, причемъ душевныя отправленія начали быстро угасать; больной это видѣлъ и радовался. Седьмого февраля онъ согласился, чтобы перенесли постель его изъ спальни въ кабинетъ. Не смотря на сильную слабость, онъ еще на слѣдующій день всталъ въ обыкновенное время и велѣлъ одѣть себя. Въ вечеру 8 числа, онъ казался еще хуже, но при всемъ томъ всталъ 9 числа утромъ, послѣ весьма дурно проведенной ночи, велѣлъ одѣть себя и въ десять часовъ утра, сидя въ креслахъ, выкурилъ обычную утреннюю трубку табаку, хотя смерть уже видѣлась въ чертахъ его лица. Послѣ обѣда онъ легъ отдыхать, а вечеромъ, въ шесть съ четвертью часовъ заснулъ вѣчнымъ сномъ тихо и безъ страданій. Самосознаніе оставило его только нѣсколько мгновений передъ смертью. Похороны свидѣтельствовали о привязанности городскихъ и сельскихъ жителей къ усопшему.

Радемахеръ былъ равно достоинъ уваженія, какъ человекъ и врачъ. Строгое праводушіе и любовь къ истинѣ, настоящая прямота, рѣдкое человѣколюбіе, простота нрава и безукоризненная жизнь, были отличительными его качествами.

Врагъ всякой неправды, Радемахеръ никогда не страшился говорить истину даже и тамъ, гдѣ онъ могъ опасаться столкновения. Дѣло, признающее имъ правымъ, онъ защищалъ противъ каждаго безъ отношенія къ связямъ. Какъ онъ говорилъ съ иждивимъ, такъ онъ безбоязненно объяснялся съ богатыми и знатыми, излагая мысли и мнѣнія свои неподдѣльно, безъ хитрой лести и прикрасъ. Хотя онъ получилъ прекрасное образованіе и умъ его обращеніемъ и чтеніемъ достигъ высшей сферы, однако его грубая, неуклюжая природа, — какъ онъ самъ о себѣ выражался, — преобладала въ немъ до того, что выказывалась немного рѣзкимъ обращеніемъ. Людямъ, не знавшимъ эту манеру его, нѣрѣдко казался онъ необразованнымъ и грубымъ, а праводушіе и от-

кровенность его считалась недостаткомъ приличія и вѣжливости, тогда какъ въ этомъ не заключалось ни намѣренія оскорбить, ни страсти похвастать своею оригинальностью. Сочиненія его, въ особенности «Опытная медицина», служатъ чистымъ отпечаткомъ его образа мышленія и разговора. Какъ думалъ и писалъ, такъ онъ и говорилъ. Радемахеръ былъ родомъ Вестфалецъ, однако онъ такъ освоился съ гохскимъ бытомъ народа, что въ обхожденіи употреблялъ большею частью нѣстное нарѣчіе, смѣсь нѣмецкаго языка съ голландскимъ.

Радемахеръ отличался безкорыстіемъ въ высочайшей степени. Искусствомъ своимъ онъ занимался изъ любви къ искусству и человечеству, безъ малѣйшихъ постороннихъ намѣреній, безъ отношеній къ прибыли. Медицина слѣдалась для него, по слову Гуфеланда, его утѣшеніемъ. Уже въ первые годы своей практики въ Клевѣ, единственнымъ занятіемъ Радемахера было леченіе бѣдныхъ больныхъ, по причинѣ слабаго здоровья тамошняго стараго врача. Какое огромное число больныхъ онъ пользовалъ, доказываютъ его сочиненія тогдашняго времени. «Въ первые полтора года моей практики», — рассказываетъ онъ въ письмахъ «О площадной медицинѣ — «я, не имѣя въ этой странѣ ни друзей, ни родственниковъ, ни знакомыхъ, долженъ былъ выслуживаться и быть настоящимъ нищенскимъ врачомъ.» Не только въ продолженіе пяти-десяти лѣтъ, въ которыя онъ былъ врачомъ, получавшимъ жалованье, но даже по увольненіи своемъ отъ этого мѣста, Радемахеръ не переставалъ служить бѣднымъ, обращавшимся къ нему за совѣтами, съ тѣмъ же усердіемъ и равною рачительностью, какъ и богатымъ. Вѣрно мало сѣпнется врачей для бѣдныхъ, которые могли бы, подобно Радемахеру, похвалиться, что бѣдные, которымъ трудно угодить, никогда на него не жаловались. Въ сосѣднихъ Гоху селеніяхъ, въ которыхъ только недавно опредѣлены на жалованье врачи для бѣдныхъ, Радемахеръ занимался безвозмезднымъ леченіемъ до тѣхъ поръ, доколѣ ему позволяли силы. Онъ никогда не бралъ платы за труды свои, даже у людей съ ограниченнымъ состояніемъ. Безкорыстіе его простиралось еще далѣе. Всѣ ремесленники и мелкіе промышленники, жившіе малыми своими доходами, а также и тѣ, которые хотя не были бѣдны, но, по мнѣнію его, немогли ничего сберечь,

были имъ пользуемы даромъ. Если же онъ видѣлъ, что подобные люди дѣлаютъ ненужныя издержки, живутъ не по карману своему, то иногда требовалъ отъ нихъ награды за свои труды. Если вспомнимъ, какую Радемахеръ имѣлъ значительную практику, и при такихъ выгодныхъ обстоятельствахъ, можно было бы додумать, что онъ приобрѣлъ весьма значительное состояніе, но зная во вниманіе, какимъ образомъ онъ производилъ свою практику, не трудно понять отчего самый большой годовой доходъ его былъ ничтоженъ въ сравненіи съ доходами другихъ врачей, практиковавшихъ при менѣе выгодныхъ обстоятельствахъ. Однако Радемахеръ имѣлъ состояніе, сверхъ того велъ простую жизнь и тратилъ очень мало на особенныя прихоти. По этому онъ могъ до конца своей жизни оправдать мнѣніе о врачебной практикѣ въ той степени, какъ онъ представилъ се въ своихъ письмахъ «О площадной медицинѣ.»

Радемахеръ былъ врагомъ роскоши и всякаго наружнаго блеску; вся жизнь его отличалась простотою и умѣренностью. Онъ вставалъ съ зарей, и если не обѣщаль навѣстить больного за городомъ; то посвящалъ утро до девяти часовъ чтенію и литературѣ. Время до обѣда проводилъ онъ въ городѣ, весь же остатокъ дня за городомъ. Обѣдъ его состоялъ изъ немногихъ простыхъ блюдъ. Поутру онъ пилъ чашку кофе, а передъ ужинкомъ стаканъ вина, выкуривая притомъ трубку табаку. Въ этомъ заключался его ежедневный образъ жизни. Старинной архитектуры домъ его въ Гохѣ ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ жилищъ прочихъ гражданъ. Хотя въ немъ выказывалась зажиточность, по въ то же время видно было, что хозяинъ при устройствѣ его болѣе заботился о прочности и удобствѣ, нежели о щегольствѣ, и что повременныя перемѣны вкуса не имѣли на него никакого вліянія. Почтенная старина жилища и поселяющій уваженіе видъ самаго доктора, дѣлали на посѣтителя пріятное впечатлѣніе. Въ одеждѣ своей Радемахеръ примѣнялся, какъ къ личной потребности и времени года, такъ и къ своей многолѣтней привычкѣ; съ модою онъ не имѣлъ никакого дѣла. Главное вниманіе его было обращено, чтобы одѣваться тепло; самое же платьѣ было простое, опрятное и всегда одинаковаго покроя. Не многіе могутъ припомнить себѣ Радемахера иначе, какъ въ большомъ поярко-

вомъ картузѣ стѣраго цвѣту, съ большимъ козырькомъ; сверхъ длиннаго синяго сюртука у него былъ надѣтъ зеленый широкій балахонъ, сверхъ того нарядъ его довершали короткія изъ стѣраго сукна камаша и широкіе низкіе башмаки. Только въ суровую зиму носилъ онъ плащъ. Шляпу надѣлъ одинъ разъ въ жизни, на похоронахъ своей жены. Незнавшій не могъ бы подозревать въ этомъ простомъ одѣяніи великаго мыслителя и многоопытнаго врача, и скорѣе почелъ бы его за степеннаго ремесленника или простодушнаго селянина.

Радемахеръ былъ чуждъ гордости, онъ только высоко цѣнилъ достоинство своего призванія. Врачебное искусство онъ ставилъ выше всего, и хотя не скрывалъ его недостатки, однако не терпѣлъ, чтобы кто либо безнаказанно оскорбилъ въ лицѣ его благороднѣйшее изъ искусствъ, не терпѣлъ, чтобы нарушали нравственнаго и добросовѣстнаго врача. Кто однажды съ намѣреніемъ оскорбилъ его врачебную честь, какого бы онъ ни былъ званія, тотъ не могъ болѣе надѣяться увидѣть его когда-нибудь на порогѣ своего дома, и никакое средство не могло измѣнить таковую рѣшительность. Заслугами своими, оказанными имъ страждущему человечеству и медицинѣ, Радемахеръ никогда не хвастался и не превозносилъ себя, съ чувствомъ самодовольствія, надъ другими. Когда въ послѣднее время жизни ему изъявляли со многихъ сторонъ признательность, когда слава его распространилась, что онъ едва ли когда-либо могъ предвидѣть, когда имя его возхвалялось въ отдаленнѣйшихъ странахъ отечества и чужихъ краяхъ, когда знатные люди и извѣстныя медицинскія знаменитости не пренебрегали искать у неученаго практика совѣтовъ, — нравъ его не измѣнился, онъ остался постоянно тѣмъ же прямодушнымъ, простымъ врачомъ, не стыдившимся ласково разговаривать съ самымъ простѣйшимъ человѣкомъ. Подъ этии однако отнюдь не должно разумѣть, что Радемахеръ ни сколько не цѣнилъ своихъ заслугъ, что онъ пренебрегалъ отдаваемою ему признательностью. Нѣтъ, онъ всегда душевно радовался успѣху, который имѣло появленіе его «Опытной медицины», радовался удивительно огромному участію, которое снаскало въ врачебномъ мѣрѣ это любимое его сочиненіе и большому числу приверженцевъ, которыхъ ученіе его приобрѣло въ столь короткое время.

Весьма утѣшительно было для его близкихъ знакомыхъ, видѣть, какъ онъ уже въ вечеру жизни своей радовался, рассказывая имъ объ этомъ, и радовался такъ, какъ можетъ радоваться человекъ, который въ истинномъ сознаніи своего достоинства, чуждъ гордости и честолюбія.

Будучи въ высочайшей степени любознательнымъ, Радемахеръ всегда думалъ объ усовершенствованіи своихъ познаній, старался, какъ самъ это говорить, никогда не вѣрить тому, чего не попыталъ самъ. Ему никогда не приходило на мысль пренебрегать тѣми, кто не соглашался съ его мнѣніемъ и навязывать свои мнѣнія другимъ. Отъ этого, не смотря на различіе мнѣній своихъ, онъ жилъ въ согласіи съ врачами, имѣвшими съ нимъ дѣло. Онъ не отказывался совѣщаться съ молодыми врачами относительно трудно-больныхъ, какъ равно и не былъ противникомъ новыхъ открытій, которыми по справедливости можетъ гордиться човѣчій періодъ методической медицины. Радемахеръ былъ человекъ съ жельзною настойчивостью и твердостью характера, не измѣчивъ въ своихъ предпріятіяхъ, держась строго того, что признавалъ разъ истинной. Одна сила истины была въ состояніи перемѣнить его мнѣніе. Когда же его убѣждали, — онъ не опасался сознаваться въ прежнихъ своихъ заблужденіяхъ. Многія мѣста въ сочиненіяхъ его доказываютъ это показаніе.

Одна изъ самыхъ прекраснѣйшихъ сторонъ Радемахера была любовь и вѣжная привязанность къ тѣмъ, которые приобрѣли его дружбу и были ему милы по душевнымъ и по сердечнымъ своимъ качествамъ. Впрочемъ, этотъ човѣколюбивый мужъ имѣлъ слабость, — не прощать тѣмъ, которые по какой-либо причинѣ потеряли его уваженіе и довѣренность, особенно, когда они пользовались послѣднимъ въ необыкновенной степени.

Въ обхожденіи съ людьми, Радемахеръ отличался познаніемъ човѣка. Онъ изъ опыта зналъ тончайшія оттѣнки човѣческаго сердца и рѣдко ошибался при сужденіи о душевныхъ способностяхъ другихъ. Спокойно, съ испытующимъ духомъ и рѣкимъ остроуміемъ, онъ проникалъ самые темные изгибы сердца и сокровенныя пружины людскихъ стремленій, которыя менѣе опытный наблюдатель едва ли бы замѣтилъ. Излишнимъ будетъ приводить здѣсь доказательства его знанія людей. Въ письмахъ «О

площадной и опытной медицинѣ: онъ являлъ во многихъ мѣстахъ несомнѣнный тому доказательства.

Такимъ же образомъ излишнимъ было-бы распространяться объ умственныхъ способностяхъ Радемахера. Цшокке говоритъ, что внутренний человекъ автора, какъ и у прочихъ смертныхъ, обнаруживается несомнѣнно и невольно въ его твореніяхъ. Можетъ быть не бесполезно будетъ припомнить здѣсь сужденіе о Радемахерѣ, высказанное при различныхъ случаяхъ, знаменитымъ авторитетомъ врачебнаго міра, Хр. В. Гуфеландомъ, его старымъ учителемъ. Вскорѣ по самостоятельномъ выступленіи Радемахера на поприще врача и автора, Гуфеландъ напоминаетъ въ замѣчаніи своемъ къ одной небольшой статьѣ своего ученика что онъ чтитъ автора весьма высоко и считаетъ себя за честь быть его учителемъ. Спустя долгое время (1827 года) Гуфеландъ, при другомъ случаѣ, не раздѣляя впрочемъ врачебныхъ мнѣній Радемахера, называетъ его мыслящимъ, остроумнымъ, многоопытнымъ и многоначитаннымъ человекомъ и своимъ старымъ другомъ. Съ этимъ приговоромъ совершенно согласно сужденіе Гезера, который хотя не можетъ сдружиться съ новымъ ученіемъ Радемахера, но все-таки называетъ автора мужемъ откровеннымъ, мыслящимъ, остроумнымъ и съ логическою головою. Къ сужденіямъ этихъ людей должно прибавить вѣрную память Радемахера, живое воображеніе, высокую степень остроты и даръ къ сатирѣ и юмористической шуткѣ. Радемахера не разъ называли чудачкомъ и находили въ его опытной медицинѣ много странностей. По умозрительному уму и строгимъ логическимъ формамъ изложенія мыслей, его могли-бы назвать философическимъ врачомъ, но какъ онъ никогда не желалъ такъ называться, то мы довольствуемся считать его философомъ въ той степени, въ какой примѣняется къ нему изрѣченіе Сиденгема: *Medici philosophia omnis in expiscandis morborum historiis, iisque remediis adhibendis quae experientia indice et magistra eosdem valent depellere tota stat.*

Радемахеръ былъ лютеранскаго исповѣданія. Въ бытіи Бога, безсмертіи души и жизни за гробомъ онъ такъ былъ убѣжденъ, что они услаждали послѣдніе дни его жизни. Онъ встрѣталъ смерть съ большимъ и величественнымъ спокойствіемъ души,

радуясь съ дѣтскимъ благочестіемъ скорому свиданію съ тѣми въ милыхъ сердцу, которые опередили его. Чистѣйшая любовь къ человѣчеству и твердая вѣра въ вѣчную любовь, на которыхъ по собственнымъ его словамъ, основывается ручательство въ продолженіи нашей жизни послѣ смерти, сдѣлали ему священнымъ его многотрудное званіе, были причиною, что медицина не могла быть ему ни безутѣшною, ни тягостною, ни же неблагоприятною; были причиною, что онъ безъ всякихъ порочныхъ побужденій столько лѣтъ занимался ею; наконецъ любовь къ Богу и ближнему столь благодатно поддерживала его здоровье и сдѣлали, что вечеръ его жизни былъ тихій и кроткій, подобный лунному сіянію.

Радемахеръ былъ большой любитель музыки и живописи. Въ молодыхъ и возмужалыхъ лѣтахъ, онъ любилъ въ свободные часы играть на флейтѣ въ обществѣ знакомыхъ и равныхъ себѣ любителей и знатоковъ. Большое число картинъ, собранныхъ имъ въ теченіе многихъ лѣтъ съ трудомъ и за большую цѣну, старался онъ приумножить еще въ послѣдніе годы своей жизни. Это собраніе показываетъ изящный его вкусъ, знаніе, и доставляло ему не одну пріятную минуту, показывая ихъ своимъ посѣтителямъ. Нѣкоторые эпизоды изъ его «Опытной медицины» доказываютъ это.

Наконецъ остается еще сказать нѣсколько словъ о врачебныхъ достоинствахъ Радемахера. Мы ограничимся только однимъ практическимъ его поприщемъ, потому что достоинства его какъ медицинскаго автора, уже отчасти показаны; разбирать же ихъ критически едва ли было бы здѣсь у мѣста. Радемахеръ былъ усердный, совѣстный врачъ, другъ больныхъ, безъ разбора: бѣдныхъ и богатыхъ. Въ городкѣ Гохѣ, наполненномъ бѣдными, нѣтъ въ одной самой бѣднѣйшей хижинѣ, въ которой бы онъ не лечилъ больныхъ съ тѣмъ-же радѣніемъ, усердіемъ и терпѣніемъ, какъ и зажиточныхъ. Попеченіе о больныхъ составляло главное его занятіе, и только тогда отдыхалъ, когда это не мѣшало его больнымъ. Во все время пятидесяти трехъ лѣтъ дѣятельности своей въ Гохѣ, онъ оставлялъ городъ только нѣсколько разъ для посѣщенія дальнихъ больницъ; для своего же удовольствія ни разу не отлучался болѣе, какъ на одинъ день. Хирургическою и акушерскою практикою онъ не занимался; однако объ эти науки были ему

знакомы, почему въ случаѣ нужды и тутъ подавалъ оубо помощь. Самые противники его не могутъ ему отказать въ даръ наблюденія, который выказывается въ его сочиненіяхъ. Точно также, нельзя оспаривать, что онъ былъ слишкомъ богатъ опытностію въ области врачебной науки. Рѣдкій наблюдательный даръ, глубокія познанія и неутомимая прилежность при изслѣдованіи свойства болѣзни, уже заранѣе дѣлали его счастливымъ въ практикѣ. По мѣрѣ того, какъ опытность его возрастала, познанія его увеличивались отъ собственныхъ изслѣдованій и прилежаго чтенія новѣйшихъ и старыхъ сочиненій; слава его, какъ врача, распространялась въ такой степени, что онъ считался любимѣйшимъ и многоуважаемымъ практикомъ въ нижне-рейнской области. Съ того времени, какъ Радемахеръ началъ слѣдовать своей «Опытной медициннѣ», слухъ о немъ болѣе и болѣе распространился, къ чему несомнѣнно было поводомъ его счастливое лечение. Утвержденія Радемахера, что онъ при своей методѣ достигалъ самыхъ благоприятныхъ результатовъ, подало поводъ одному, впрочемъ весьма почтенному мужу, полагать будто Радемахеръ запутался въ мечтахъ своихъ, потому что ученіе его такъ противно мнѣніямъ настоящей медицины. Непускаясь въ изслѣдованіе до какой степени это заключеніе справедливо, мы позволимъ себѣ только замѣтить, что Радемахеръ не былъ такъ близорукъ и ограниченъ, чтобы выдумывать такіе успѣхи; столько же несправедливо думать, чтобы онъ сообщалъ опыты, которыхъ не дѣлалъ. «Я не упражнялся искусствомъ своимъ на луиѣ,» говоритъ онъ самъ, «нѣтъ, нѣтъ! я занимаюсь имъ на этомъ странномъ земномъ шарѣ.»

Почти ежедневно приходили больные въ Гохъ изъ ближайшихъ и отдаленныхъ мѣстъ, лежащихъ на разстояніи отъ десяти до двѣнадцати миль, за совѣтами его. Послѣ появленія его «Опытной медицинны» многіе искали лично и письменно его совѣта, не только изъ отдаленныхъ странъ Германіи, но и изъ чужихъ краевъ. Врачебная слава его, сохранявшаяся постоянно слишкомъ сорокъ лѣтъ до конца дней его и служивъ доказательствомъ его врачебной способности и счастливой практики.

Радемахеръ былъ въ той странѣ самый популярный человѣкъ. «Старога гохскаго доктора» знали отъ Рейна до Мааса.

Въ городѣ и окрѣстностяхъ много изъ средствъ его сдѣлалась истинно народными лекарствами. Каждый знаетъ его капли (Liqu. Natr. Nitri), пластырь, желтые грудные порошки (Sulph. aur. antim.) и конючія капли (Tinct. Asae foet. Comp.).

Радемахеръ былъ высокаго роста, статный, въ мужественномъ возрастѣ души и мужчины, съ широкою грудью, совершенный образъ силы и здоровья. Старость едва замѣтно наклонила его голову и до самыхъ послѣднихъ дней жизни, походка его осталась прямою и свободною. Не измѣни старцу сѣбристыя волосы, его можно было бы считать моложе. После пятидесяти лѣтъ, по словамъ его, сдѣлался животь у него немного полнѣе, что однако на семидесятомъ году совершенно потерялось и тѣло его показывало, до послѣдней болѣзни, правильную полноту и крѣпость мышцъ. Образование черепа Радемахера было замѣчательно по своей округлости, и именно въ отношеніи къ мозговой части; чело его не было слишкомъ высокое, но крѣпко скругленное, съ немногими морщинами; носъ былъ довольно большой, сильно выпуклый, а ротъ самый прекрасный. Живые голубые глаза, въ которыхъ отражался свѣтлый умъ его, и изъ которыхъ лучи крѣпости и ласковости падали на серьезныя черты его лица, производили на каждого пріятное впечатлѣніе, а гладкіе, сѣбристые волосы возвышали почтенный видъ его.

Весьма похожій портретъ Радемахера налитографированъ художникомъ Штейнбейномъ и напечатанъ въ придворной литографіи Тидеманна въ Ростокѣ. Онъ изданъ докторомъ Биннефельдомъ, искреннимъ другомъ покойнаго.

Историческія замѣчанія о развитіи врачебныхъ мнѣній и ученій Радемахера, мы находимъ въ его сочиненіяхъ.

Радемахеръ является медицинскимъ авторомъ уже съ самаго начала своей практики. Съ 1796 до 1827 года, мы видимъ Радемахера ревностнѣйшимъ сотрудникомъ «Практическаго журнала», не задолго предъ тѣмъ основаннаго его наставникомъ Гулландомъ. Статьи, помѣщенныя Радемахеромъ въ этомъ медицинскомъ изданіи, раздѣляются на двѣ различныя группы. Первая изъ нихъ содержитъ извѣстія и наблюденія, въ которыхъ авторъ является еще приверженцемъ методической школы, хотя нельзя не замѣтить, что уже и здѣсь обнаруживаются укло-

нія и сомнѣнія. Вторая, меньшая группа, объемяетъ три статьи, писанныя въ духѣ опытной медицины и показываютъ точку зрѣнія, съ которой авторъ смотритъ на методическое ученіе.

4 Первая статья первой группы есть отчетъ «О состояніи здоровья въ Клевѣ въ 1796 году». Радемахеръ описываетъ въ ней повальную гнилую горячку, въ которой онъ употреблялъ съ хорошимъ успѣхомъ возбуждающія и постоянно укрѣпляющія средства. Потомъ говоритъ о натужныхъ поносахъ, и способъ ихъ леченія, и наконецъ объ оспѣ. Когда Радемахеръ говоритъ въ этой статьѣ о натужномъ поносѣ, что онъ принадлежитъ къ болѣзнямъ, принимающимъ на себя многообразные виды, и что онъ можетъ получить въ различныя времена различный характеръ, отчего бываетъ, что образъ леченія, оказавшійся полезнымъ въ одно время и принять за общій, въ другомъ случаѣ вовсе неприличенъ и даже весьма вреденъ; когда, говоря, читаешь это въ самомъ первомъ сочиненіи его, то involuntarily вспоминаешь «Опытную медицину», въ которой онъ постоянно твердитъ, обращать вниманіе на изслѣдованіе характера болѣзни и изложеніе эпидемической конституціи.

2. «Замѣчанія о леченіи личной боли чрезъ переносъ болѣзни».

3. «О натужномъ поносѣ, господствовавшемъ въ Клевѣ въ 1796 году». Эпидемія, о которой здѣсь идетъ рѣчь, продолжалась отъ конца іюля до половины октября. Въ это время одинъ Радемахеръ имѣлъ въ пользованіи своемъ 305 больныхъ, изъ которыхъ умерло 21. Достоинно замѣчанія въ этой статьѣ то, что Радемахеръ вспоминаетъ въ ней въ первый разъ о ксилитъ острогахъ, накопляющихся въ кишечномъ каналѣ, которыя онъ послѣ считалъ такъ важными при леченіи больныхъ. Кислая отрыжка, жестокая боли живота, неуступавшія сильнымъ приемамъ опія, и зеленыя испражненія, изъязвлявшіе задній проходъ, подали ему поводъ подумать въ первый разъ о желчной острогѣ. «Я хотѣлъ легко испражнять средними солями», пишетъ онъ, «но долженъ былъ скоро отъ того отказаться, потому что боли увеличились. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ пришли на мысль метанія древнихъ объ острыхъ матеріяхъ, я подумалъ, не были ли они въ некоторыхъ случаяхъ правы? Опытъ, сдѣланный мнѣ съ углекислою содою (Natr. Carbonic.) оправдалъ его предположеніе».

4. «О леченіи неистоваго помѣшательства ума у родильницы, и о сѣрной кислотѣ и водкѣ въ гнилой горячкѣ».

5. «Исторія болѣзни дѣвушки, минно укушенной бѣшеною собакой».

6. «Наблюденіе надъ параличемъ личныхъ мышницъ».

7. «Наблюденіе надъ вередомъ печени».

8. «Помѣшательство ума, излеченное яланой». Въ введеніи къ описанію этой болѣзни, авторъ воспользовался случаемъ выставить затрудненія, встрѣчающіяся врачу при сужденіи о свойствахъ болѣзни и ея леченіи. «Никогда не должно», продолжаетъ Радемахеръ, «дѣлать диктаторскія заключенія о болѣзняхъ, рѣдко позволяющихся, а лучше сомнѣваться. Практикъ долженъ сообщать публикѣ вѣрные факты. И если-бы оказалось, что онъ только эмпирикъ, еслибы онъ лечилъ болѣзни безъ умѣнья опредѣлительно показать, какъ онъ ихъ лечилъ, то все-таки эта образованная эмпирія можетъ быть полезнѣе для практической медицины, нежели слишкомъ раціональныя наблюденія, въ которыхъ наблюдатель нерѣдко приводитъ одиѣ тѣ обстоятельства, которыя исключительно изъясняютъ ту сторону разсказываемаго случая, съ которой онъ его разсматривалъ». Эти слова, писанныя въ началѣ нынѣшняго столѣтія, кажется, достаточно высказываютъ, сколько воспламененное воображеніе автора силится выпутаться изъ оковъ методической медицины, сколько ему стоитъ труда втиснуть каждый болѣзненный случай въ опредѣленныя границы извѣстныхъ несологическихъ формъ, какъ ихъ представляютъ учебники патологів. Въ этихъ словахъ легко можно узнать того самаго человѣка, который позже написалъ: «Болѣзни не направляются по мыслямъ врача, хотя-бы онъ былъ ученѣйшій мужъ, а потому врачъ долженъ соображаться съ болѣзнію». Но эти самыя слова показываютъ, какъ Радемахеръ поступалъ при сообщеніи своихъ наблюденій; онъ, какъ вѣрный наблюдатель и описатель фактовъ, не покушался объяснять того, чего не можетъ объяснить разсудокъ, и не опасался умолчать о томъ, чего не могъ проникнуть, совершенно придерживаясь своего позднѣйшаго изрѣченія: «Объясненія, дѣлаемыя врачами о происхожденіи некоторыхъ болѣзней, состоятъ иногда изъ одного сплетенія техническихъ словъ, странно звучащихъ, но отнюдь не объясняю-

шихъ разуму происхожденія болѣзни. По этому откровенное сознаніе невѣдѣнія покажетъ также хорошо, если еще не лучше, умъ врача, нежели такой наборъ словъ.

9. «Замѣчанія объ употребленіи ртути въ грудныхъ воспаленіяхъ». — Въ этой статьѣ Радемахеръ замѣтно отстываетъ отъ своего прежняго мнѣнія, о необходимости и пользѣ провозвѣщеній, стараясь замѣнить ихъ менѣе вредными средствами. Во второй части «Опытной медицины» изложены причины этого мнѣнія его.

10. «Замѣчанія о нервной горячкѣ, господствовавшей въ Готѣ въ 1800 году».

11. «Достопримѣчательное и чрезвычайно счастливое леченіе эпидемической нервной горячки. Изъ письма Радемахера къ Гу-селанду, издателю журнала». Вспоминяемая здѣсь горячка есть та самая, подробное описаніе которой Радемахеръ издалъ въ особенномъ сочиненіи, упоминаемомъ ниже.

12. «Объ эпидемической конституціи и натушномъ поносѣ въ 1811 году».

13. «Замѣчательный болѣзненный случай и вскрытіе трупа. (свищъ кишечно-пузырный)».

14. «О различныхъ формахъ головнаго ревматизма и леченіе его ртутью».

15. После продолжительнаго молчанія, Радемахеръ выступаетъ со второю группою своихъ журнальныхъ статей, изъ которыхъ первая имѣетъ заглавіе: «О спорадической холерѣ». Въ ней она въ первый разъ является съ собою уже образовавшеюся «Опытною медициною», готовый начать борьбу съ методическою наукою. «Носологическая форма», говоритъ онъ «есть, по моему мнѣнію, не болѣе какъ свѣтлѣе припадокъ, которому врачи дѣють, по произволу, извѣстное имя, а потому оно не имѣетъ для врача никакого значенія. Искать непосредственно-дѣйствующихъ средствъ и методъ леченія для носологическихъ формъ, все равно, что преслѣдовать физическую невозможность. Но печаль непосредственно-дѣйствующихъ (прямо дѣйствующихъ) средствъ не основное заболѣваніе самой жизни отдѣльныхъ органовъ, не есть истина безуміе, а напротивъ — похвально. Тутъ мы не гонимся за физическою невозможностью, а ищемъ только то, что можемъ

дѣйствительно отыскать въ природѣ, и что можетъ принести прѣитиѣ необыкновенную пользу». Въ этой статьѣ рѣчь уже идетъ не только о средствахъ, дѣйствующихъ на извѣстные органы, но и дѣйствующихъ на общій организмъ.

16. «Вѣрное средство для произрастенія волосъ у плѣшивыхъ». — Эта небольшая статья, не столько интересна по своему заглавію, сколько по прибавленію, содержащему въ себѣ обстоятельства спора, возникшаго между Радемахеромъ и тайнымъ совѣтникомъ и профессоромъ Гарлесомъ, издателемъ «Рейнскихъ лѣтописей». Дѣло состояло вотъ въ чемъ: Радемахеръ помѣстилъ во второй книжкѣ IV части «Рейнскихъ лѣтописей» статью, содержащую опыты надъ употребленіемъ мѣди, общая доставить въ скоромъ времени продолженіе этихъ опытовъ, о чемъ Гарлесъ его особенно просилъ въ примѣчаніи къ этой статьѣ. Но какъ Радемахеръ считалъ нужнымъ предварительно познакомить публику съ ученіемъ древнихъ ятрохимиковъ, которыми онъ руководствовался при употребленіи мѣди, то послалъ Гарлесу статью подъ заглавіемъ: «Очерки чистой эмпирии и ученія древнихъ ятрохимиковъ», для помѣщенія въ сказанныхъ лѣтописяхъ. Но Гарлесъ не рѣшился помѣстить ее, полагая, что она не доступна всѣмъ читателямъ. Это объясненіе Гарлеса достаточно доказало Радемахеру, что еще не наступило время для спокойной и безпристрастной оцѣнки странныхъ опытовъ древнихъ ятрохимиковъ. Не желая однако навлечь на себя подозрѣнія грубаго эмпирика, или даже врачабнаго мистика, и сожалься о томъ, что не сдержалъ даннаго обѣщанія, относительно продолженія своихъ наблюденій о мѣди, Радемахеръ раскрылъ все это дѣло въ журналѣ Гуфеланда, прося издателя, чтобы онъ помѣстилъ у себя слѣдующую статью, на что послѣдній охотно согласился.

17. «Критическое изслѣдованіе врачебныхъ системъ». — Эта статья составляетъ, за исключеніемъ немногихъ измѣненій, пропусковъ и прибавленій, вторую главу послѣ изданной «Опытной медицины», и есть ядро этого сочиненія. Оно изложено съ такою строгою логическою послѣдовательностью мыслей, доказательства такъ остры, слогъ такъ чистъ и идеи трезвы, что эта часть «Опыт-
Т. CIV. — Отд. III. 4

ной медицины» есть самая труднѣйшая къ опроверженію. Сколько намъ извѣстно, до-сихъ-поръ еще никто не написалъ разумной критики на эту статью. Въ № 49 «Медицинской центральной газеты 1849 года», одинъ анонимъ обѣщалъ исполнить это и мы надѣемся, что оно выйдетъ лучше и безпристрастнѣе, чѣмъ разборъ спеціальной части. Хотя Гуселандъ въ примѣчаніи своемъ къ статьѣ Радемахера, приведенной нами подъ № 16, вызвалъ автора, чтобы онъ, собравъ золотыя зерна чистой опытности и практическихъ истинъ, дѣйствительно содержащихся въ сочиненіяхъ ятрохимиковъ и ятромистиковъ, обвародовалъ ихъ; хотя Гуселандъ соглашается съ тѣмъ, что на дѣйствіяхъ врачебныхъ средствъ преимущественно основываются не только матерія медика, но и патологія, — при всемъ томъ онъ не ожидалъ отъ своего стараго ученика такого нападенія на методическое ученіе, какъ это Радемахеръ сдѣлалъ въ своемъ «Критическомъ изслѣдованіи врачебныхъ системъ». Гуселандъ не могъ удержаться, чтобы не назвать Радемахера скептикомъ, новымъ Аркезиласомъ, оспаривалъ нѣкоторые несущественныя пункты этой статьи, но въ опроверженіи главнаго дѣла остался въ долгу. Это возраженіе Гуселанда называетъ Радемахеръ, въ другомъ мѣстѣ, безвреднымъ, и часто говаривалъ, что Гуселандъ писалъ его уже въ старости. Съ этого времени онъ ни чего болѣе не помѣщалъ въ его журналѣ.

Въ другихъ періодическихъ изданіяхъ Радемахеръ почти не участвовалъ. Кромѣ упомянутой статьи «О мѣди» въ Рейнскихъ лѣтописяхъ, онъ въ первомъ году настоящаго столѣтія, помѣстилъ въ журналѣ Лодера нѣкоторыя наблюденія о замѣчательнѣйшихъ болѣзняхъ.

Скажемъ еще о большихъ сочиненіяхъ Радемахера:

1. «Описаніе новаго способа леченія нервной горячки». Если взять въ соображеніе время, въ которое издана эта книжечка и разсмотримъ средства, которыми Радемахеръ съ такимъ удивительнымъ счастіемъ побѣдилъ описанную здѣсь злокачественную горячку, то легко приходитъ на мысль, что авторъ слѣдовалъ тогда Броунианизму, или былъ, по крайней мѣрѣ, приверженцемъ *теоріи возбужденія*. Этого мнѣнія были дѣйствительно лю-

ди знающіе. Да и самъ Радемахеръ не отрекался, что и на него нѣтъ вліяніе духъ времени. Однако должно сказать, что ученіе Броуна ему никогда особенно не нравилось. Въ этомъ сочиненіи онъ опровергаетъ, самымъ острѣйшимъ оружіемъ, мнѣнія Андрея Реслауба, одного изъ извѣстнѣйшихъ корифеевъ теорій возбужденія.

2. «Письма для врачей и не-врачей о площадной медицинѣ» и прочая. Хотя все писанное Радемахеромъ носитъ на себѣ особенный типъ мыслей и слога, такъ что не трудно узнать въ немъ автора, но это сочиненіе отличается тѣмъ, что въ немъ господствуетъ та же свѣжесть мыслей, тотъ же веселый и вмѣстѣ логически серьезный духъ, которые дѣлаютъ его «Опытную медицину», исключая содержанія ея, оригинальнымъ твореніемъ. Письменная форма, въ которую Радемахеръ облекъ подлежащее сочиненіе, дала мѣсто игривости его веселаго нрава. Среди серьезныхъ предметовъ здѣсь помѣщены эпизоды, которые дѣлаютъ книжку сколько забавною, столько и поучительною. Относительно содержанія ея, скажемъ, что Радемахеръ, исчисливъ разные роды площадныхъ врачей, показываетъ, въ какомъ отношеніи и почему они могутъ считаться вредными, безвредными, полезными и даже необходимыми. Наблюденія, сдѣланныя имъ въ томъ краѣ, весьма способствовали ему при этомъ трудѣ. «Ужели неинтересно будетъ», — говорятъ онъ — «слышать мнѣніе человѣка о вещахъ, которыя онъ въ продолженіе девяти лѣтъ видѣлъ въ странѣ, гдѣ не знали ни докторскихъ дипломовъ, ни врачебныхъ постановленій, ни одобренія начальства, ни экзаменовъ, и гдѣ каждый могъ быть врачомъ, внося за патентъ нѣсколько гульденовъ въ годъ?» Чрезвычайно важно восьмое письмо, въ которомъ Радемахеръ излагаетъ правила для руководства врачей при леченіи больныхъ, и охуждаетъ низкія побужденія и средства, которыми нѣкоторые врачи ищутъ приобрѣсти себѣ практику.

3. «Записки о натужномъ поносѣ». — Это сочиненіе стоитъ наряду съ классическими твореніями Дежне и Циммермана, и по всей справедливости заслуживаетъ быть извѣстнѣе врачамъ, тѣмъ оно есть понынѣ, хотя не заключаетъ въ себѣ всѣхъ опытовъ Радемахера о натужномъ поносѣ.

Послѣ похвальной Радемахеромъ въ 1827 году въ «Журналъ Гуселанда» статьи: «Критическое изслѣдованіе врачебныхъ системъ», казалось, что онъ оставилъ авторское поприще, но въ 1841 году вышло главное его сочиненіе.

4. «Оправданіе опытной медицины древнихъ ятрохимиковъ, непризнаваемой учеными, и результаты двадцати - пяти - лѣтняго испытанія ея у востела больныхъ» и прочая. Предисловіе къ первому изданію (сочиненіе имѣло уже три изданія) содержитъ краткую исторію какъ происхожденія книги, такъ и развитія мысли автора; указываетъ точку зрѣнія, съ которой ее должно рассматривать и правила, которыми авторъ руководствовался при сочиненіи ея. Объ опасностяхъ, грозившихъ этому творенію, рассказываетъ сочинитель въ предисловіи ко второму изданію, говорить также, что онъ занимался имъ въ часы отдохновенія отъ практическихъ занятій, и что этотъ трудъ поддерживалъ духъ его въ долговременныхъ и тяжелыхъ скорбяхъ, постигшихъ его домъ. Последнее относится къ болѣзни супруги Радемахера. Безъ этого горестнаго событія, онъ врядъ ли окончилъ бы свое «Опытную медицину».

Изъ собственнаго признанія Радемахера, встрѣчаемаго во многихъ мѣстахъ его «Опытной медицины» видно, что онъ оставилъ университетъ сомнѣвался уже въ непогрѣшимости рациональной эмпири. Дальнѣйшіе опыты на практическомъ поприщѣ еще болѣе способствовали къ усиленію недоувѣрчивости. Его занимала безпрестанно мысль, что между грубою и рациональною эмпириями медицины, долженъ быть еще третій родъ науки леченія. Не смотря однако на всѣ труды свои, онъ не могъ найти слѣдовъ предчувствуемой имъ науки леченія, и потому въ разладѣ съ собой самими принужденъ былъ двадцать лѣтъ слѣдовать въ практикѣ рациональной эмпири. Впрочемъ это не мѣшало ему недоувѣрять въ некоторымъ мѣнѣямъ этого ученія, но не по внушенію ятрохимиковъ, а по собственнымъ изслѣдованіямъ и изысканіямъ. Изъ ятрохимиковъ онъ тогда зналъ одного только Потерія. Когда же въ 1814 году онъ случайно узналъ о цѣлительныхъ дѣйствіяхъ кубической селитры, то полагая, что нашелъ въ

ней одно изъ противугоричечныхъ средствъ древнихъ ятрохимиковъ, началъ изслѣдовать ихъ ученіе, на которое обратилъ его особенное вниманіе Этмиллеръ. Послѣ долговременныхъ неутомимыхъ трудовъ, онъ наконецъ успокоилъ распаленный умъ свой: предчувствіе его сбылось, онъ открылъ «Чисто опытную медицину», основывающуюся на прямыхъ цѣлительныхъ дѣйствіяхъ врачебныхъ средствъ. Она, выводя изъ отдѣльныхъ опытовъ, чистыя общія положенія опыта, представляетъ ихъ единственными правилами, для руководства при леченіи болѣзней. Съ 1815 года Радемахеръ слѣдовалъ этому ученію у постели больныхъ. Однако какъ въ сочиненіяхъ древнихъ ятрохимиковъ встрѣчаются часто одни темные намеки, и большая часть данныхъ не совершенны, то онъ старался развить ихъ собственными изысканіями и наблюденіями и умножить число непосредственно-дѣйствующихъ врачебныхъ средствъ. Хотя при такихъ обстоятельствахъ онъ долженъ былъ болѣе и болѣе удалаться отъ методической науки, даже совѣтъ отъ нее отстать и категоріи патологій и матеріи медикки совершенно изгнать изъ памяти своей, однако онъ никогда не доходилъ до того, чтобы пренебрегать и считать бесполезнымъ, то, что приобрѣтено въ области врачебнаго искусства методическими врачами для блага больныхъ. Напротивъ онъ старался освоиться съ такими приобрѣтеніями и по возможности пользоваться ими. Не смотря на то, что Радемахеръ востоянно заботился объ усовершенствованіи своего ученія, однако онъ не хотѣлъ обнародовать его прежде, пока многолѣтнимъ опытомъ оно еще болѣе не усовершенствуется, не очистится сравнительными наблюденіями, и не созрѣетъ со временемъ. Это главная причина почему медицинскій міръ не прежде узналъ о новомъ ученіи, какъ только въ 1826 году, изъ статьи въ журналѣ Гуфеланда «О спорадической холерѣ». Въ 1829 году «Крвтическое изслѣдованіе врачебныхъ системъ» познакомило врачей съ основными идеями, на которыхъ ученіе это опирается. Съ того времени Радемахеръ занимался, сколько позволяло ему его ограниченное время, собраніемъ матеріаловъ и составленіемъ отдѣленій для своей «Опытной медицины.» Такъ въ 1829 году была уже большею частью окончена глава о *чистотѣль* (Chelidonium);

напротивъ послѣднія главы книги написаны только въ 1836 году. Приведеніе цѣлаго въ порядокъ и пополненіе промежутокъ производилось въ 1832 и 1837 годахъ. Радемахеръ говаривалъ, что ученіе его годво для практическаго употребленія. Что эти слова проистекали отъ душевнаго убѣжденія, показываетъ то обстоятельство, что онъ самъ лечилъ себя по правиламъ этого ученія.

Здѣсь не мѣсто подвергать критикѣ мнѣнія Радемахера, по которымъ онъ сдѣлался основателемъ новаго ученія, не мѣсто также вступаться за его ученіе. Однако мы не можемъ не изъявить здѣсь нашего крайняго сожалѣнія, что предметъ, столь важный, былъ въ некоторымъ осужденъ съ ненавистію и пристрастіемъ. При каждомъ новомъ открытіи въ области наукъ, можно съ вѣрностью предвидѣть, что это открытіе подвергнется строгому и безпристрастному испытанію. Отъ результатовъ этого испытанія будетъ зависѣть признаніе открытія истинною или ложью. Каждому, дѣйствительно способствовавшему чему-либо полезному, пріятно такое испытаніе, и никакой человѣкъ не обидится, если бы результатъ оказался даже неблагопріятнымъ. Мнѣ же всего боялся такого испытанія Радемахеръ. Предметъ, о которомъ идетъ рѣчь въ послѣднемъ его сочиненіи, есть опроверженіе методической медицины и въ этомъ принято чрезвычайно большое участіе. Многіе врачи держатся съ непоколебимою твердостью того, что однажды принято, считаютъ то единственною истинною, и не могутъ допустить, чтобы то что въ медицинѣ слыло цѣлыя столѣтія глубокою истинною, могло быть заблужденіемъ и обманчивымъ, а потому они считаютъ излишнимъ испытывать какое-либо новое открытіе. Нѣкоторые, изъ любви къ старинѣ и долговременному умственному бездѣйствію, такъ притупили, что не въ состояніи болѣе заниматься изслѣдованіемъ новыхъ открытій, а другіе опять, хотя къ тому способны, но считаютъ такое изслѣдованіе не нужнымъ, будучи вполне убѣждены, что если бы было еще что открыть, то оно вѣрно не ускользнуло бы отъ ихъ просвѣщеннаго ума. Послѣ появленія «Опытной медицины» Радемахера, выступилъ люди, изъ которыхъ одни, обидѣвшись идеями новаго учителя, и опасаясь за методическое ученіе,

за науку, древностью освященную, стараются унижить его язвительными насмѣшками и подозрѣніями, а другіе, увлеченные эгонистическимъ высокоуміемъ, надѣются уничтожить новое ученіе одною улыбкою состраданія, или низкими словами. Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ доктора Тивеманна, одного изъ заслуженныхъ учениковъ опытной медицины. По случаю двухъ статей, помѣщенныхъ въ «Медицинской центральной газетѣ» относительно этого предмета, онъ говоритъ, что язвительная насмѣшка столько же мало въ состояніи уничтожить ученіе Радемахера, сколько и улыбка. Мы полагаемъ, что основательнаго испытанія этого ученія можно только тогда достигнуть, когда къ тому приложить такое же стараніе и безпристрастіе, съ какимъ Радемахеръ преподавалъ его. Тогда окажется, содержитъ ли оно противурѣчія, и можно ли отъ совѣтуемыхъ Радемахеромъ средствъ пріобрѣсть тѣ же результаты, какіе онъ, по утверженію его, самъ видѣлъ. Такое изслѣдованіе не могло быть совершенно донинѣ, потому что результаты отъ предлагаемыхъ имъ средствъ можно получить только тогда, когда изслѣдователю встрѣтятся тѣ самыя болѣзни, на которыя испытуемое лекарство имѣетъ дѣйствительно прямое цѣлительное дѣйствіе.

Радемахеръ пріобрѣлъ себѣ «Опытную Медициною» много друзей, и считаетъ, какъ видно изъ вышеприведенной статьи, не малое число врачей, «да, болѣе, чѣмъ полагаютъ», своими учениками. Мы радуемся, что къ этимъ ученикамъ принадлежатъ почтенные, ученые мужи, такіе врачи, которые знаютъ патологию не изъ однихъ лекцій, но и многіе занимавшіеся долговременною практикою по методическому ученію. Они отъ нея отстали, потому что ученіе Радемахера общаетъ имъ гораздо болѣе. Мы также радуемся и тому, что повинѣ всѣ ученики подражаютъ терпимости своего ваставника, который будучи въ совершенномъ разладѣ съ методическою медициною, никогда не хулилъ и не считалъ вреднымъ ни одного образа леченія, основывающагося на другомъ ученіи. Наконецъ радуемся, что никто изъ учениковъ Радемахера никогда неупотреблялъ противъ методическаго ученія подобныхъ выраженій, какъ это сдѣлано въ «Общей медицинской центральной газетѣ» 1848 года. Слѣдовать у постели больныхъ

ученію, основывающемуся на началахъ благоразумныхъ, стараться сдѣлать медицину дѣломъ опыта и ума, въ чемъ волею всякому удостовѣриться, никогда не можетъ назваться «ученымъ безчестствомъ.» Напротивъ, можно со всею справедливостію назвать безчестствомъ, если кто, какъ въ помянутой статьѣ, не входя ни въ какое изслѣдованіе, обнаруживаетъ личную ненависть и по внушенію пристрастія распространяетъ недоброжелательныя нападки.

ДОКТОРЪ Ж. МАГАЗИНЕРЪ.

=

ГODOВАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ИМПЕРАТОР- СКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

1850.

=

Изящныя искусства доставляютъ невыразимое наслажденіе тому, кто смотритъ на нихъ не только со стороны вѣрнаго подражанія природѣ и поразительности эффекта, но умѣеть находить въ изящномъ источникъ примиренія съ жизнью, отрадное успокоеніе посреди ея мелочныхъ и утомительныхъ заботъ, и поддержку въ стремленіяхъ къ истинѣ и добру. Живопись, въ особенности, имѣетъ многостороннее и многообъемлющее призваніе: въ тѣхъ даже случаяхъ, когда воспроизводитъ предметы самой чистой реальности, она пробуждаетъ чувства, погружающія насъ въ міръ внутренній и оживляетъ въ душѣ рой воспоминаній; разсматривая нынѣ произведенія, мы часто снова ощущаемъ впечатлѣнія давно минувшихъ дней.... Великолѣпное зрѣлище природы, историческія событія и происшествія частной жизни, словомъ все, что входитъ въ область искусства, находитъ тайный отголосокъ въ душѣ нашей и внезапно волнуетъ сердце давно забытыми ощущеніями. Вотъ почему истинно прекрасныя созданія кисти нравятся намъ и трогаютъ насъ, хотя намъ трудно было бы сказать, что именно доставляетъ намъ наиболѣе удовольствія въ томъ или другомъ произведеніи, потому что сочувствіе изящному

не имѣть выраженія; но у него есть свой языкъ, неопредѣленный и точный, безмолвный и краснорѣчивый...

Такой взглядъ на живопись можетъ быть не новъ, но намъ необходимо было показать точку, съ которой мы будемъ смотрѣть на произведенія нынѣшней выставки. Но прежде чѣмъ станемъ говорить объ ней, для полноты, представляемъ легкій очеркъ исторіи русской живописной школы.

Почему при первомъ взглядѣ на нашу школу, мы видимъ, что у насъ живопись получила развитіе недавно, именно не прежде царствованія Петра Великаго. До того же, начиная съ незапамятныхъ временъ, живопись, переданная намъ съ христіанскою вѣрой Византією, существовала у насъ въ небольшомъ видѣ. Тогдашніе живописцы по большой части ограничивали свою дѣятельность произведеніемъ образовъ и расписываніемъ церковныхъ стѣнъ. При отсутствіи столкновеній съ Европой, обладавшей уже безсмертными образцами искусства, завѣщанными Рафаэлемъ, Микель-Анджело, Тиціаномъ, Рубенсомъ и другими, русская живопись до-Петровскаго періода находилась въ состояніи неподвижности, не смотря на поощреніе и покровительство, оказываемыя тогдашнимъ иконописцамъ, какъ видно изъ жалованной имъ грамоты царя Алексѣя Михайловича 1669 года, въ которой они называются: «тщаливіи и честные иконъ святыхъ писатели, яко истинныя церковницы, благолѣпія художницы.»

Явился Петръ Великій. Отъ вниманія его не ускользнуло состояніе русской живописи, и онъ отправилъ многихъ молодыхъ людей въ чужіе края, для пріобрѣтенія познаній въ искусствѣ. Къ сожалѣнію, тогда почти не у кого было учиться: блистательныя времена италіанской и французской школъ кончились, фламандская изнемогала; Германія, послѣ Альбрехта Дюрера и Гольбейна не имѣла великихъ художниковъ. Воля Петра-Великаго, указавшаго при Академіи Наукъ преподавать и «знатныя искусства», не была приведена въ исполненіе. При Императрицахъ Аннѣ Иоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ, когда понадобились живописцы, было выписано нѣсколько иностранныхъ художниковъ. Подъ руководствомъ ихъ образовалось нѣсколько художниковъ русскихъ, которые стали самостоятельно заниматься искусствомъ и даже удо-

стоились чести писать образа для большой и малой церкви Зимняго Дворца.

Для русской живописи настала новая эра съ учрежденіемъ Академіи Художествъ. Едва прошло 90 лѣтъ со времени ея основанія, а искусства въ Россіи сдѣлали такіе успѣхи, что смѣло могутъ сравниться съ искусствами всѣхъ современныхъ европейскихъ государствъ, а нѣкоторые представители нашихъ художествъ могутъ быть поставлены наравнѣ съ первоклассными главами старыхъ школъ.

Въ русской школѣ прежде всего поражаетъ то, что она явилась вдругъ, безъ наслѣдства и преданій, и не имѣла того дѣтскаго возраста, когда постепенно развиваются силы и способности, долженствующія возмужать и принести плоды въ зрѣломъ возрастѣ.

Лосенко и Бажевъ были первые воспитанники Академіи, учившіеся за границею. Они жили во времена безусловнаго подражанія всему французскому, когда въ царствованіе Людовика-Четырнадцатаго, Франція предписывала Европѣ законы вкуса, общечитія, моды и искусства. Учителями художниковъ нашихъ были Французы: Лорренъ (не Клодъ, а другой) и Лагренé. Въ главѣ тогдашней французской школы были: Ватто, Буше, Юсипъ Вернетъ, Грѣзъ, Ванло. Читатели этого журнала достаточно знакомы съ ними. Не говоря о Вернетѣ, живописцѣ морскихъ видовъ и Грѣзѣ, составлявшемъ счастливое исключеніе, произведенія остальныхъ художниковъ носятъ на себѣ отпечатокъ направленія того времени: изысканность, жеманность, театральную напыщенность и небрежность рисунка. Къ счастью, Лосенко не поддавался господствовавшему тогда вкусу: одаренный художественнымъ инстинктомъ, онъ искалъ идеала во *всѣхъ* памятникахъ искусства, постигъ тайну истинно-изящнаго и во всѣхъ своихъ работахъ показалъ правильность рисунка и правду колорита. Условія эти онъ передалъ ученикамъ своимъ, изъ которыхъ Угрюмовъ, одаренный огромнымъ талантомъ, шелъ неуклонно по слѣдамъ своего наставника и утвердилъ данное имъ направленіе русской школѣ. Такимъ образомъ наша школа получила прочное начало, какъ итальянская при Джіотто. Въ вѣкъ Екатерины, русскія искусства сдѣлали еще большіе успѣхи. Сношенія съ иностранными арти-

стали усилились. Учрежденіе Эрмитажа и пріобрѣтеніе для него картинныхъ галлерей сэра Роберта Вальполя, графа Брюля, барона Кроза, графа Шоазёля и многихъ другихъ, представили художникамъ нашимъ образцы произведеній великихъ мастеровъ, и кроімъ того содѣйствовали распространенію въ публикѣ вкуса къ изящному. Вскорѣ образовалась цѣлая семья замѣчательныхъ художниковъ по всѣмъ частямъ. Боровиковскій, Левицкій, Соколовъ, Щукинъ, Ротчевъ, Алексѣевъ, С. Щедринъ, Мартыновъ, Матвѣевъ (живописцы); Гордѣевъ, Ѳ. Щедринъ, Прокофьевъ, Козловскій, Шубинъ, Мартосъ (скульпторы); Волковъ, Захаровъ, Демерцовъ, А. Михайловъ (архитекторы) и многіе другіе, обогатили Россію многочисленными произведеніями; но всѣ они хранили правила, завѣщанныя Лосенкою. Въ царствованіе Императора Павла-Перваго яляются еще новыя художники: Акимовъ, Петровъ, Ивановъ, Шебуевъ, Кречетниковъ, Смуглевичъ, Миттенейтеръ, Скотти, Виги. Въ это собственно время, Павелъ и Андрей Ивановы, Шебуевъ и Егоровъ стали обращать на себя вниманіе. Вслѣдъ за ними видимъ Варнека, Кипрейскаго и Воробьева.

До нашего времени отличительнымъ характеромъ русской школы было преобладаніе живописи церковной. Достоинства ея заключаются въ простотѣ, естественности, величіи сочиненія и твердомъ, правильномъ рисункѣ. Условія эти, водворенныя въ школы съ самаго ея основанія, и господство религіознаго направленія, въ которомъ требуется величавая простота и священное спокойствіе въ расположеніи сюжетовъ, все это спасло русскую школу отъ вредныхъ заблужденій и уклоненій отъ строгихъ требованій искусства, которые такъ много способствовали упадку школы французской, о которой мы скажемъ нѣсколько словъ ниже.

Нашему времени суждено было видѣть появленіе яркихъ талантовъ въ области русскаго искусства. Не называю ихъ, потому что имена ихъ извѣстны всѣмъ. Нѣкоторые изъ нихъ представили труды свои на нынѣшнюю выставку и потому мы будемъ еще имѣть случай говорить объ нихъ.

Первое мѣсто на выставкѣ занимаютъ произведенія К. П. Брюллова. Извѣстно, что онъ еще весною прошлаго года отправился для излеченія своей болѣзни на островъ Мадеру; благодатный тамошній климатъ принесть великому художнику нашему

большую пользу; здоровье его теперь до такой степени удовлетворительно, что онъ могъ исполнить нѣсколько произведеній, въ которыхъ влады неслабѣющая сила творческаго таланта и фантазій художника. Посѣтители академической выставки видѣли, что продолжительный недугъ не имѣлъ вреднаго вліянія на Брюдлова, котораго геній снова ожилъ подъ южными небомъ. Въ настоящее время онъ въ Римѣ, и тамъ не перестаетъ заниматься любимымъ искусствомъ. Вотъ описаніе одного, исполненнаго имъ въ Римѣ рисунка, сообщенное В. И. Григоровичемъ въ послѣднемъ отчетѣ Академіи Художествъ: «Я сдѣлалъ, пишетъ К. П. Брюдловъ, рисунокъ, представляющій Римъ въ видѣ старой женщины, облокотившейся на руку. На колѣнахъ у нея бременящій ее шлемъ, шить съ буквами S. P. Q. R. (Senatus populusque romanus) свалился съ лѣвой руки; у ногъ ея обломанная мраморная колонна съ Ромуломъ и Ремомъ; по ея стражи охраняютъ ее. Это Микель-Анжелло, держашій рисунокъ, на коемъ начертана *Capella Sistina*, а съ другой стороны Рафаэль съ своимъ рисункомъ Ватикана. Позади видны тѣни цесарей: Тита, Траяна, Марка-Аврелія и прочихъ, вдали неопытные остатки древностей и куполъ церкви Святаго Петра».

На обращаюсь къ произведеніямъ Брюдлова, выставленнымъ въ Академіи.

Портретъ Его Императорскаго Высочества, Президента Академіи Художествъ, въ гусарскомъ ризъ-мундирѣ, отличается высочайшими достоинствами; поразительнымъ сходствомъ, естественнымъ колоритомъ, измѣстствомъ рисунка; кисть художника удивила и передала полотну то выраженіе, которое одно даетъ истинную жизнь вѣдшимъ чертамъ, представляющимъ внутренняго человека. Здѣсь все связано удивительной гармоніей, все вѣрно природѣ: взглядъ, поворотъ головы, положеніе фигуры, словомъ, вся личность подлинника передана съ тѣмъ высокимъ искусствомъ, которымъ запечатаны всѣ произведенія нашего художника. — Кроме того, на выставкѣ есть еще портретъ кисти Брюдлова: это портретъ княгини А. А. Багратіонъ, возбуждающій всеобщее удивленіе неподражаемой нѣжностью и мягкостью отдѣлки, и освѣщенный такимъ непостижимымъ колоритомъ, что въ очертаніяхъ лица нѣтъ почти тѣней, между тѣмъ какъ оно писано *en face*,

выдается изъ рамы и дышитъ жизнью. О краскахъ зритель забывается: ихъ нѣтъ, а предъ вами живое существо, съ глазами, въ которыхъ отражается вся душа. Нельзя надвинуться, до какой степени изящна отдѣлка кружевъ и легкаго свѣтлаго капшона, накинутого на голову. Какъ все полно правды, простоты и граціозности въ этомъ прелестномъ произведеніи Брюллова, начиная съ драпировки одежды до правой руки, поддерживающей конецъ капшона; въ рукѣ этой, совершенно отдѣляющейся отъ холста, цѣбъ и мягкость живаго тѣла.— Лучше этого портрета мы знаемъ только портретъ К. П. Брюллова, имъ самимъ написанный передъ выѣздомъ за границу, и уступленный имъ для галлерей картинъ русской живописи господина тайнаго совѣтника Ѳ. И. Пранишникава. Представьте себѣ лице, худое, со впалыми щеками, свидѣтельствующими о долгой, изнурительной болѣзни; впалые глаза полны строгихъ размышлений: въ нихъ свѣтится тотъ огонь, который знаменуетъ человѣка, отиѣченнаго высшимъ гениемъ; голова покоится на спинкѣ кресель; на рукѣ ихъ повисла небрежно больная, усталая рука, только что водившая чудной кистью художника.... Если бъ вамъ показали одну эту руку, то вы бы тотчасъ сказали, что это рука человѣка, долго и тяжело страдавшаго подъ бременемъ болѣзни, такъ рука эта высохла, такъ изъ подъ этой кожи выдались кости и свиѣютъ жилки, въ которыхъ медленно струится кровь. Очертаніе головы и всей фигуры выражаетъ именно положеніе человѣка, гнетимаго физическимъ недугомъ; но изнуренное тѣло не въ силахъ ослабить въ немъ энергіи духа, сосредоточенной въ этихъ голубыхъ, выразительныхъ глазахъ, прямо на васъ устремленныхъ. Портретъ этотъ не отдѣланъ окончательно, но и въ такомъ видѣ, онъ принадлежитъ къ самымъ блестящимъ созданіямъ представителя нашей живописной школы.

Нѣсколько дней спустя послѣ открытія академической выставки появились два эскиза К. П. Брюллова, писанные водяными красками. Подъ однимъ изъ нихъ написано: *«le Cardinal de Richelieu dansant devant la reine Anne d'Autriche»*. — Рисунокъ въ прекрасномъ испанскомъ костюмѣ, съ кастаньетами въ рукахъ, танцуетъ передъ королевой *la zarabande*. Закрывъ голову, онъ взглянулъ на королеву, заливающуюся самымъ искреннимъ

сѣхонѣ. На второмъ планѣ, въ углу, музыкантъ играетъ на скрипкѣ, и, въ свою очередь, желалъ бы посмѣяться, и на силу удерживаетъ порывъ веселости. За ширмами, на право отъ королевы, тѣснится толпа придворныхъ дамъ и кавалеровъ, которыхъ также чрезвычайно забавляетъ самоотверженіе кардинала, выдѣлывающаго въ эту минуту самую трудную па. Фигура Ришльё, на которой сосредоточено общее вниманіе, начертана бойко: мастерски схваченъ тотъ моментъ, когда, поднявъ правую ногу, онъ стоитъ на самомъ кончикѣ лѣвой ноги, щелкаетъ кастаньетами и, обращаясь къ королевѣ, ищетъ одобренія въ ея взорахъ. — Это краснорѣчивая страница французской исторіи прошлаго вѣка, въ которомъ угожденіе женщинамъ не имѣло предѣловъ, и котораго однимъ изъ самыхъ блистательныхъ представителей былъ Ришльё, не терпѣвшій ни въ чемъ первенства предъ собою. Для него мало было славы законодателя, администратора, полтика, вонна; онъ вздумалъ еще первенствовать и въ области искусствъ, и вотъ онъ хочетъ доказать завистникамъ своимъ, что въ ловкости въ танцахъ онъ не уступитъ ни кому, не смотря на то, что ему въ ту пору было подѣ пятьдесятъ лѣтъ. Сцена происходитъ въ комнатѣ, убранной во вкусъ того времени и украшенной картинами Пуссена и Лебрена. Здѣсь все до мелочей исторически вѣрно, и отдѣлано со вкусомъ, ловко и изящно.

Не знаемъ, до какой степени исторически вѣренъ случай, изображенный К. П. Брюлловымъ въ этой гениальной игрушкѣ; но читатели нашего журнала знаютъ изъ напечатанной у насъ (см. декабрьскую книжку 1849 года) повѣсти де Мюссе: Ришльё и его племянница, что кардиналъ не танцевалъ передъ королевой, а игралъ на лютнѣ. Дѣло въ томъ, что Ришльё всю жизнь свою не могъ вылечиться отъ двухъ болѣзней: любви и поэзіи; между тѣмъ, ему не было удачи ни въ той ни въ другой. Однажды кардиналъ принарядился, примазался и съ праздничной физиономіей отправился къ королевѣ. Тамъ нашелъ онъ небольшое собраніе и одну даму, у которой былъ чудесный голосъ.

— Послушайте герцогъ, сказала королева министру, за чѣмъ не учинся мы музыкѣ? Играете вы на лютнѣ?

— Игрывалъ не много въ молодости.

— Какъ же я никогда васъ не слыхала? Приходите когда-нибудь утромъ и принесите съ собою хорошую болонскую лютию.

— Съ охотою; только ни кому не говорите объ этомъ и дайте мнѣ знать, когда будете одни.

— Хорошо, съ нами будетъ только одна герцогиня де-Шеврѣзъ, мы будемъ въ моемъ кабинетѣ.

Кардиналъ возвратился домой въ такомъ восторгѣ, что не слышалъ ногъ подъ собой.

На другой день кардиналъ взялъ первый урокъ въ музыкѣ у знаменитѣйшаго виртуоза того времени. Между тѣмъ онъ каждый день являлся въ Лувръ съ праздничной физиономіей.

Надобно замѣтить, что въ это время, по приказанію Ришельё, содержался въ Венсенскомъ замкѣ одинъ молодой вельможа, оклеветанный въ тайныхъ сношеніяхъ съ испанскимъ дворомъ.

Въ назначенный день Ришельё былъ у королевы. Кромѣ герцогини де-Шеврѣзъ тамъ никого не было.

Ришельё взялъ лютию, сдѣлалъ видъ будто ее настраиваетъ, хотя совѣтъ не зналъ, какъ за это пріятыся, и принялъ самую живописную позу, то-есть, самую смѣшную и неловкую.

Королева начала улыбаться, на лицѣ ея не было видно прежней строгости. Наконецъ кардиналъ сталъ играть съ большими усиліями вытверженную піэсу. Это была смѣсь нестройныхъ, невнятныхъ звуковъ безъ такта. — Герцогиня качала головою, какъ будто чувствовала тактъ и до того умѣла владѣть собой, что даже не улыбалась. — За занавѣской послышался шопотъ и съ трудомъ удерживаемый смѣхъ; но музыкантъ, весь погруженный въ свое дѣло, ничего не слышалъ и кое-какъ кончалъ піэсу. — Герцогиня стала аплодировать ему и сказала, что радуется, увидавъ рѣдкую вещь въ мірѣ, великаго министра, играющаго на лютивѣ, чтобъ развеселить свою королеву.

Во время совѣщанія королевы съ кардиналомъ, герцогиня де-Пюйлоранъ, (жена заключеннаго въ Венсенскомъ замкѣ), и четыре фрейлины стояли за занавѣскою въ библиотекѣ Анны-Австрійской и составляли самую живописную группу. Ихъ лица дышали участіемъ и любопытствомъ; стоя на цыпочкахъ, вытанувъ шею и приложивъ ухо къ дверямъ, онѣ на силу дышали и съ жадностью ловили каждый звукъ, вылетавшій изъ кабинета. — Фрейли-

ны забавлялись этой продѣлкой. Когда зазвучала лютия и издала такіе странные звуки, то одна изъ нихъ, не будучи въ состояніи удержаться отъ смѣху, убѣжала изъ комнаты, другая упала на диванъ лицомъ въ подушку, а двѣ другія громко расхохотались; но къ счастью кардиналъ ничего этого не слышалъ. Даже герцогиня де Пюйлоранъ не могла удержаться отъ улыбки; но вдругъ она изрогнула и остолбенѣла: на порогѣ стоялъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ агентовъ Ришельё, вдругъ появившій весь сокровенный смыслъ этого дѣла. Онъ тотчасъ исчезъ, не замѣченный фрей-лянами.

Когда вечеромъ парикмахеръ кардинала пришелъ съ помадою, щетками и духами, — «убирайся къ чорту съ своими притираниями, гнѣвно закричалъ министр: я безъ нихъ хорошо причесанъ. Препараты эти не для меня; молодость моя прошла... Надо мной смѣяться!

Второй эскизъ Брюллова представляетъ лѣтнюю поѣздку за городъ, на островъ Мадеръ. Въ экипажѣ, похожемъ на наши сани и везомомъ дюжими волами, сидятъ двѣ дамы и два кавалера. Другіе кавалеры ѣдутъ верхомъ по каменистой сѣрвовой дорогѣ. Не смотря на то, что вся эта сцена происходитъ подъ тѣнью деревь, пейзажъ блестятъ южнымъ колоритомъ и нестрымъ разнообразіемъ, свойственнымъ той странѣ. Эскизъ этотъ драгоцененъ потому, что всякое лицо на немъ — портретъ. Здѣсь представленъ и самъ художникъ, хоть не въ лицо, а съ тыла: его несутъ на носилкахъ два служителя.

Наконецъ пятое и самое замѣчательное произведеніе К. В. Брюллова, украшающее выставку — это также эскизъ, изображающій поле сраженія между христіанскими рыцарями и Сарацинами. Поле это усеяно трупами, въ самыхъ смѣлыхъ и живописныхъ позахъ. Между этими тѣлами, недвижными и охолодѣвшими, распознаны мстительные духи зла и увлекаютъ свою добычу. Демоны готовы завладѣть всѣмъ полемъ и покрывающими его трупами, но надъ ними паритъ свѣтлый сонмъ ангеловъ, охраняющій души павшихъ во имя Христа. На землѣ — царство мрака и страданій; тамъ, въ горнихъ селеніяхъ, престолъ вѣчнаго свѣта и блаженства. Изъ современныхъ художниковъ всей Европы, только Брюлловъ можетъ создавать подобныя вещи.

Эскизъ этотъ, набросанный, говорятъ, не болѣе какъ въ два часа, напоминаетъ известную картину Микель-Анджело «Страшный Судъ» превосходя послѣднюю строгимъ единствомъ идеи и выско-художественной группировкой. У Микель-Анджело картина загромождена трупамъ, костями и различными частями человѣческаго тѣла, во всѣхъ возможныхъ видахъ и положеніяхъ; у него нѣтъ ни неба ни земли, нѣтъ вселенной, которой наступилъ послѣдній часъ, нѣтъ мысли, которой представленные предметы должны служить выраженіемъ. У Микель-Анджело тѣло служило для того только, чтобы показать одну силу душевнаго страданія и его вопль; у него пластика погибала, контуръ человѣка прерывался громаднымъ разбѣромъ, потому что служилъ только одеждою мысли, эмблемою; у него являлся не человѣкъ, а только его страсти. — Напротивъ того, у Брюллова явлется человѣкъ въ преображенномъ видѣ, для того, чтобы показать всю красоту свою, все неземное изящество своей природы. Притомъ у Брюллова все созданіе проникнуто необыкновеннымъ единствомъ мысли, которому онъ подчинилъ самые смѣлые порывы своей фантазіи. Фигуры нижняго плана, нарисованныя болѣею частью ракурсами, начертаны истинно-гениальнымъ карандашомъ. Какъ замѣримъ поразительно ужасна лежащая фигура бѣса, на правой сторонѣ: съ какимъ сатанинскимъ наслажденіемъ сжалъ онъ въ страшныхъ когтяхъ своихъ убитаго, и какое торжество во взорахъ его, обращенныхъ на второй планъ картины, гдѣ ползаютъ другіе бѣсы. Въ отношеніи рисунка и расположенія плановъ, Брюлловъ показалъ здѣсь все свое искусство: невозможно придать болѣе смѣлости контурамъ, ни правды перспективѣ. Это вершъ совершенства.

Этотъ эскизъ, лишенный преимуществъ колорита, составляющаго душу картины, постоянно привлекаетъ тѣсную толпу зрителей. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что масса нашей публики одарена чувствомъ изящнаго, и судить основательно и здраво о достоинствѣ художественныхъ произведеній.

Чрезвычайно много толковъ возбуждаютъ двѣ картины почетнаго общника господина Шопена «Судъ Царя Соломона» и «Саулъ и Давидъ.» Но прежде чѣмъ говорить о картинахъ Шопена, познакомимъ читателя съ французской живописной школою вообще.

Французская живописная школа имѣетъ свой отдѣльный, самостоятельный характеръ. Характеръ этотъ обуславливается преобладаніемъ *дѣйствительнаго* надъ *мечтательнымъ* и *идеальнымъ*. По положенію своему среди Европы, Франція не могла усвоить ни германскаго идеализма, ни матеріальныхъ стремленій народовъ южныхъ. Во французской школѣ, начиная съ ея основанія, мы видимъ постоянную борьбу двухъ началъ: поэтическаго и положительнаго, которыхъ главными представителями были: Лесюэръ и Пуссенъ. Но послѣдній скоро взялъ верхъ надъ первымъ, и мечтательное уступило мѣсто положительному. Лесюэръ, изучавшій живопись по высокимъ образцамъ италіанской школы, не нашелъ сочувствія въ своихъ соотечественникахъ, подвергнулся преслѣдованіямъ, насмѣшкамъ и не оставилъ послѣ себя ни послѣдователей, ни учениковъ. Съ нимъ разстался и зародыши спиритуализма, которому суждено было возродиться только въ наше время, живо сочувствующаго высокой поэзіи, которою пропитаны созданія Леопольда Робера.

Французская школа, вообще, только изрѣдка и слабо выражала любовь къ природѣ и высокія стремленія духа; поэзія проявлялась въ ней не иначе, какъ въ значеніи лирическаго. Но въ ней преобладало въ высокой степени направленіе *историческое*; она была вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности и исключительно передавала идеи, нравы и событія современной жизни. Потребность драматическаго движенія и дѣятельной мысли до такой степени проникла въ нравы Французовъ, что она первые рѣшились ввести ихъ даже въ пейзажъ. Для Француза недостаточно извѣстныя красоты природы и имъ сочувствовать, по этому зрѣлище лѣсовъ, полей и луговъ, онъ оживилъ сценой и на этой сценѣ заставлялъ дѣйствовать человѣка. И вотъ является, такъ называемый *историческій пейзажъ*, созданный Пуссеномъ. Здѣсь природа служитъ только пышной обстановкой, великолѣпной рамой картины, на которой человѣкъ долженъ играть главную роль. Клодъ Лорренъ, не смотря на всю свою любовь къ природѣ, не могъ освободиться отъ условій, наложенныхъ на французскую школу гениемъ Пуссена. Всѣ картины Лоррена, съ роскошнѣйшими пейзажами и чудеснымъ освѣщеніемъ, непремѣнно

изображаютъ то свадебный пиръ пастуховъ, то деревенскій праздникъ: это настоящія идилліи Анакреона.

Такимъ образомъ французская школа постоянно шла своимъ особеннымъ путемъ, и въ то самое время, когда школа голландская больше всего заботилась объ окончности и тщательной отдѣлкѣ подробностей, парижская отличалась граціозностью, а испанская величавостью, когда флорентинскіе живописцы достигли необыкновенной смѣлости и бойкости рисунка, а венеціанскіе чуднаго колорита, — отличительнымъ характеромъ французской школы были: изобрѣтеніе и разсудительность. Всѣ знаменитые французскіе живописцы заимствовали у иноземцевъ только внѣшнія условія своего искусства: чужими красками и кистью они выражали свои собственные идеи. И въ самомъ дѣлѣ, начиная съ Пуссена, истиннаго основателя французской школы, до Давида, ея представителя въ началѣ нынѣшняго столѣтія, французскіе живописцы, разумѣется, не могли не подвергаться вліянію другихъ школъ. Но вліяніе это всегда было чисто внѣшнее, ограничивавшееся *формою* и никогда не доходившее до *содержанія*. Такъ напримеръ, Пуссенъ изучалъ остатки древнихъ мозаикъ; Лесюэръ, подобно нашему Брюллову, писалъ копіи съ ватиканскихъ фресковъ Рафаэля; Лебрень, — во многомъ напоминаетъ Караччи; Валентенъ, — Караваджа и Эспаньоleta; Ларжильеръ, — похожъ больше на Фламандца, чѣмъ на Парижанина; Жувене какъ будто родился въ Болоньи, а не въ Руанѣ; Грѣзъ, — настоящій Швейцарецъ; о Ватто можно подумать, что онъ былъ ученикомъ Рубенса; наконецъ Давидъ, въ произведеніяхъ своихъ, являетъ много сочувствія къ древнимъ греческимъ героямъ. Но не смотря на все это, каждая изъ картинъ названныхъ нами художниковъ, — составляетъ прекрасную страницу французской исторіи. Произведенія ихъ отражаютъ въ себѣ всѣ отличительныя черты народнаго характера. Кто не найдетъ родственнаго сходства между живописцемъ Пуссеномъ и поэтомъ Корнелемъ, между Расиномъ и Лесюэромъ? Картины, представляющія побѣды Александра Македонскаго, могли развѣ принадлежать другому времени, кромѣ царствованія Людовика-Четырнадцатаго? Кто бы могъ лучше и вѣрнѣе изобразить современные нравы, чѣмъ Ватто, въ своихъ *fêtes galantes*? Имя Бушѣ не разлучно съ именемъ Людовика-Пятнадцатаго. — Потому, подѣ вліяніемъ

эстетической философии являются Грёзъ и Шарденъ. — Въ эпоху большихъ морскихъ экспедицій, когда прогремѣла слава Лаперуза, возникаетъ новый талантъ Юсефа Вернета. Наконецъ Давидъ, писавшій сначала копін съ древнихъ барельефовъ, становится самымъ оригинальнымъ французскимъ живописцемъ. Подобно Ватто и Бушэ, онъ былъ самымъ вѣрнымъ истолкователемъ своего времени. Онъ далъ совершенно новое направленіе французской живописи и увлекъ всѣхъ своихъ современниковъ. Нравы и событія, составлявшія всю драму времени Наполеона, вотъ что вдохновляло тогдашнихъ живописцевъ. Никто изъ нихъ не смѣлъ вознестись надъ существенностью, увлекаться порывами фантазіи, мечтать о красотахъ пейзажа, возвыситься до благоговѣйныхъ, высокихъ помысловъ, небесно-непостижимыхъ чувствъ, которыми исполнены древніе художники, и въ особенности Рафаэль.

При такомъ направленіи живописи, при тѣсномъ сліянніи ея съ окружавшею художниковъ дѣйствительностью, искусство, естественно, должно было придти въ упадокъ. Подавшіеся современными требованіями, они торопились работать и разучились хорошо писать. Подчиняя талантъ свой случайнымъ, скоро-преходящимъ интересамъ, они заботились единственно о томъ, чтобъ изъ труда своего извлекать матеріальныя пользы, всегда равнявшіяся значительности изображаемыхъ ими событій. Тогдашнія обстоятельства поддерживали данное Давидомъ направленіе французской живописной школы; но въ самомъ направленіи этомъ заключался уже зародышъ ея разрушенія. Сколько разъ самъ Давидъ показывалъ совершенное пренебреженіе къ отдѣлкѣ и вообще къ вѣшнимъ условіямъ живописи! Небрежность эта, не совѣтъ впрочемъ прекривная, не могла не имѣть самыхъ вредныхъ послѣдствій, и во французской школѣ не замедлило явиться господство какихъ-то безконечныхъ приличій и условій. Между тѣмъ неправильность рисунка, невѣрность перспективы и колорита, не считались важными недостатками. Живопись Герена, не отличавшаяся отъ живописи на фарфорѣ, не оскорбляла эстетическаго чувства; въ картинѣ Жироде: «Потопъ» были такіе тоны, какіе можно видѣть только въ живописи на стеклѣ, но и противъ этого никто не рѣшался возвысить голоса. Дошло наконецъ до того, что драпировка была мраморная, а вмѣсто людей, на картинахъ стали являться

статуи. Деревья походили на изношенные перья, а камни какъ будто были вытѣплены изъ картона.... о тѣлѣ и рѣчи не было. За исключеніемъ Гро (Gros) и Жерико, никто почти не заботился о томъ, чтобы уловить малѣйшіе признаки жизни: въ живописи главную роль играли затверженные, условныя правила, безъ малѣйшаго сочувствія къ предмету, безъ стремленія выдти изъ избитой колеи.

Такой порядокъ вещей существовалъ почти до 1825 года, когда явился романтизмъ. Тогда, вмѣсто языческихъ божествъ, наводившихъ искусство всей Европы, родилась страсть ко всему средневѣковому. Мифологія пришла не по вкусу молодому поколѣнію, воспитывавшемуся подъ влияніемъ Шатобриана и полюбившему поэзію крестовыхъ походовъ. Послѣ Бернарден де-Сенъ-Піера, Обермана и Рене показали природу совершенно въ другомъ видѣ: рощи стали дышать благоуханіемъ; казалось, что до-тѣхъ поръ никто не понималъ ни шума лѣсовъ, ни завыванья ночнаго вѣтру.

Это было начало всеобщаго переворота въ искусствахъ. Правда сдѣлалась необходимою, а между тѣмъ ее не было въ этихъ рисующихся и обнаженныхъ фигурахъ, холодныхъ и неподвижныхъ какъ мраморъ. Воскресшая любовь къ природѣ не находила удовлетворенія въ невѣроятныхъ пейзажахъ, писанныхъ по академическимъ правиламъ. Чувство поэзии не могло находить пищи въ скучнѣйшихъ классическихъ произведеніяхъ того времени. Вотъ отягчегіа греческія сандалии и туники, Ахиллесовы шлемы, — словомъ, вся эта ветошь маскарада, свержена была съ высоты своего пьедестала и вмѣсто того восторжествовалъ *готизмъ*. Прежняя нагота покрылась великолѣпными одеждами. Теперь, кто хотѣлъ возбуждать удивленіе, тотъ учился писать шелковыя ткани, бархаты, почеркѣвшія стѣны древнихъ церквей, рыцарскіе доспѣхи и рѣзныя церковныя утвари. Поспѣвшимъ однакожь прибавить, что реформа, произведенная романтизмомъ, неограничивалась усовершенствованіемъ однихъ высшихъ сторонъ искусства; нѣтъ, услуги, оказанныя романтизмомъ, были гораздо важнѣе: онъ коснулся высшихъ началъ искусства, сообщилъ поэзію самой матеріи, вознесъ форму до идеала, въ природѣ умѣлъ отыскать значеніе вѣчной красоты и гармоніи, и наконецъ заставилъ лю-

быть пейзажъ для пейзажа, а не для фигуръ, которые перестали являться на пейзажахъ.

Съ водвореніемъ романтизма возникла новая школа пейзажистовъ. Известно, что отдалка и оконченность важнѣе въ пейзажѣ, чѣмъ въ другихъ родахъ живописи. Здѣсь форма составляетъ почти все, потому что надъ *содержаніемъ* трудится сама природа. Художникъ призванъ только выбирать изъ богатой и роскошной сокровищницы природы, и выбранное воспроизводить съ любовью. Условія эти вполне выполняли Руссо, Марилла, Каба, Ж. Дюпрэ. Полусгнившее бревно, брошенное чрезъ ручей вмѣсто мостика, зеленая равнина, нѣсколько сѣрыхъ камней, — вотъ изъ чего состоитъ большая часть ихъ картинъ, до такой степени богатство тоновъ и блескъ колорита, сообщаютъ этимъ простымъ пейзажамъ прелесть невыразимую. Иначе и быть не могло: придавъ такое высокое значеніе матеріи, живописцы должны были донесиваться поэтическаго значенія въ вѣрности подражанія.

Но смотря на то, французская живопись не вполне подчинялась законамъ романтизма, господствовавшимъ преимущественно въ литературѣ. Ари Шеферь, поборникъ новаго направленія, не могъ уметь за собой всей школы, заботившейся больше всего о томъ, чтобъ хорошо писать. Нѣкоторые изъ французскихъ живописцевъ старались проникнуть въ тайны колорита; большая часть изъ нихъ, вслѣдъ за Энгромъ достигла изящества формъ, не придавалъ большаго значенія тонамъ, и обращая вниманіе преимущественно на отдалку контуровъ, на округленіе формъ и ихъ гармонію. Въ эту пору французская школа усвоила характеръ чисто пластическій. Большинство молодыхъ талантовъ стало стремиться къ двумъ цѣлямъ: во-первыхъ, они старались правильно рисовать, избѣгать въ положеніяхъ фигуръ напыщенной важности (недостатокъ, почти общій всѣмъ послѣдователямъ Давида), а потомъ заботились о томъ, чтобъ искусное сочетаніе свѣто-тѣни и колорита производило эфектъ и пріятно было для глазъ.

Между-тѣмъ какъ художники занимались усовершенствованіемъ лѣвѣйшей стороны живописи, а самая живопись все болѣе и болѣе погружалась въ материализмъ, — критика, въ свою очередь, хотѣла утвердить начала, которымъ должно слѣдовать искусство. Тутъ мы видимъ два совершенно противоположныя мнѣнія: одни

твердили за Аристотелемъ, что «искусство есть подражаніе природѣ»; другіе вспомнили, что Платонъ, опредѣляя значеніе искусства, указалъ ему стремленіе къ высшему идеалу, и что простое подражаніе здѣсь дѣло второстепенное. Не станемъ входить въ подробности продолжительной и упорной борьбы партій, занимавшей тогда почти всё журналы, — скажемъ только, что результатомъ этихъ преній было то, что представители эстетической критики вновь воскресили мнѣніе Платона, сказавшаго, что простое воспроизведеніе природы можетъ быть только *средствомъ*, а не *цѣлью* искусства, и что предметы внѣшняго міра должны служить лишь для выраженія чувствъ и идей, получающихъ зародышъ въ душѣ артиста.

Отчего же мы видимъ художниковъ въ такомъ разладѣ съ критиками? По чему одни преклоняютъ колѣна передъ идеаломъ, а другіе погрязли въ матеріальности художества?

Въ отвѣтъ на это скажемъ нѣсколько словъ.

Молодое поколѣніе, жадное къ новизнѣ, рѣшилось не признавать эстетическихъ преданій, которыхъ хранительницею была Академія. Юноши стали бредить средними вѣками и до такой степени не возлюбили наготу Давидовыхъ героевъ, что портные не успѣвали исполнять получаемыхъ со всѣхъ сторонъ заказовъ. Въ это время возникли рыцари, вооруженные съ ногъ до головы, нажи въ атласныхъ одеждахъ и сантиментальныя дамы, встрѣчающія на балконѣ восходъ зари. Сначала, казалось, всѣ были очень довольны такой перемѣной; но потомъ, когда простылъ первый пылъ увлеченія, оказалось, что представители новыхъ стремленій, не вполне понимали другъ друга. Между ними возникли расколы и несогласія такого рода, какія бываютъ между мыслителями и поэтами. Поэты обожали форму и приходили отъ нея въ восторгъ, тогда какъ мыслители требовали отъ живописи, также какъ и отъ искусства вообще, выраженія возвышенныхъ цѣлей, событій, и страстей, — словомъ, всего того, что до Давида, составляло, какъ мы видѣли, отличительный характеръ французской живописной школы. Мыслители восхищались твореніями Лесюэра, въ картинахъ полныхъ высокой поэзіи; но въ то же время вспоминая о Пуссенѣ, увидѣли, что прежде, чѣмъ онъ сталъ приводить въ удивленіе величіемъ идей, онъ приобрѣлъ славу первого

живописца Европы. — Среди такого разнорѣчія, періодическія изданія стали порицать бесполезную живопись, безплодныхъ труженниковъ искусства, ничтожество простаго подражанія. Большинство возстало противъ направленія, имѣвшаго девизомъ: «Искусство для искусства». — Романтизмъ, возвышая форму, безъ сомнѣнія, оказалъ искусству значительную услугу; но важность, приданная формѣ, была слишкомъ преувеличена. Поборники романтизма обожали искусство въ условія, тайны которыхъ были непроницаемы для массы публики. Они забыли, что живопись, въ отношеніи ея вѣтвиныхъ проявленій, имѣла уже величайшихъ представителей въ лицѣ Микель-Анджело (рисунокъ) и Рубенса (колоритъ), что по тому, въ наше время искусство имѣетъ высшее, благороднѣйшее призваніе, которому въ прежнее время оставалась вѣрною французская живопись, и которое состоитъ въ характерѣ историческомъ по превосходству.

Но въ то самое время, какъ большинство писателей возвысило голосъ въ защиту прежняго направленія французской живописи, нѣсколько молодыхъ литераторовъ, подъ знаменемъ Виктора Гюго, продолжали восхвалять чувственную сторону искусства. Въ статьяхъ, посвященныхъ безконечнымъ восторгамъ по поводу картинъ нѣкоторыхъ изъ современныхъ живописцевъ, юные законодатели вкуса расточали бездну техническихъ выраженій, вовсе непонятныхъ большинству читателей, предъ которыми открывались тайны живописи. Въ это время форма, очевидно, составляла сущность вещи.

Замѣчательно однако жъ, что вліяніе романтизма отразилось больше всего на художникахъ, тогда какъ критика первая стала возставать противъ слишкомъ большаго значенія, придаваемого практической части искусства.

Новое направленіе, которому поддались художники, было полезно однако жъ въ томъ только отношеніи, что заботясь о формѣ, всѣ высшіе французскіе живописцы очень хорошо владѣютъ кистью, подобно тому, какъ литераторы владѣютъ перомъ. Конечно великіе художники родятся вѣками; но хорошихъ живописцевъ у Французовъ теперь довольно. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ привести здѣсь имена ихъ и творенія, доставившія имъ извѣстность. У всѣхъ ихъ главное достоинство — это мастер-

ская, отчетливая мысль. Но гдѣ же мысль? гдѣ возвышенное чувство, которое должно быть благотворнымъ свѣтильникомъ въ сюжетахъ историческихъ? Напрасно станете вы искать идеи, изобрѣтенія, слѣдовъ прежней французской школы. Ихъ на у кого почти нѣтъ, исключая впрочемъ Делароша, живописца историческаго по превосходству, съ рѣдкимъ искусствомъ пользующагося своими познаніями, умомъ и умѣньемъ выбирать сюжеты для картинъ своихъ. Къ счастливымъ исключеніямъ должно причислить еще Горациа Вернета, Гаварши, этого остроумнаго феметониста живописи, и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальнаго мыслителя, и наконецъ Шопена, по поводу картинъ котораго мы вошли въ нѣкоторыя подробности о французской живописной школѣ.

Одна изъ картинъ Шопена была на прошлогодней большой выставкѣ. Это «Судъ Соломона». Вотъ въ краткихъ словахъ событіе, послужившее предметомъ этой картины. Двѣ женщины сѣлись матерями въ одинъ и тотъ-же день; одна изъ нихъ, во время сна задушила своего ребенка и положила его на мѣсто живаго, взятаго ею къ себѣ. Свидѣтелей подлога не было; но мудрый царь нашелъ средство открыть истину, приказавъ живаго младенца разсѣчь пополамъ и раздѣлить между двумя матерями. Но истинная мать, подвинутая естественнымъ материнскимъ чувствомъ, уступила дитя свое другой женщинѣ.

Сюжетъ этотъ послужилъ предметомъ одной изъ картинъ Пуссена, находящихся въ Луврской галлерей. Гравюра этой картины въ эту минуту передъ нами. Пуссенъ изобразилъ моментъ, когда, по произнесеніи Соломономъ рѣшенія, палацъ схватилъ за ногу ребенка, занесъ надъ нимъ свой мечъ. Еще мгновеніе — и ступени трона обольются кровью. Истинная мать бросается на колѣна и движеніемъ руки останавливаетъ исполнителя приговора. Подложная мать съ выраженіемъ злобной радости указываетъ на живое дитя и съ нетерпѣніемъ ждетъ роковаго удара. На лицахъ, окружающихъ эту сцену, написаны ужасъ и отраженіе.

Въ картинѣ Шопена представлено то же событіе. Рѣшеніе произнесено: ложная мать потушила глаза; у Пуссена она поражаетъ зрителя безчеловѣчною жестокостью; у Шопена, напротивъ, какъ-то мирнѣея съ ней, потому-что въ этомъ холодномъ сердцѣ отъ:

зависеть что-то похожее на чувство — румянецъ стыда покрываетъ ея щеки и грудь; она машинально беретъ мертвого своего младенца и сходитъ со ступеней трона. Другая женщина — въ восторгѣ: она упала на колѣна и произноситъ слова благодарности. Посмотрите на этотъ взоръ — сколько въ немъ души и чувства! Но Соломонъ не слушаетъ ея: эта черта служить доказательствомъ художественнаго такта Шопена и того, до какой степени онъ проявляетъ выбраннымъ имъ предметомъ. Нѣкоторые находятъ, что лицо Соломона женственно; но оно прекрасно и выражаетъ восторженное, вдохновительное настроеніе его души. — Но что наиболѣе дѣлаетъ честь вкусу художника, это искусство, съ которымъ онъ умѣлъ сгруппировать своихъ персонажей: онъ не увлекся прихотью Пуссена, котораго картина производитъ въ зрителѣ чувство ужаса. Шопенъ хотѣлъ избѣжать этого, и исполнителя рѣшенія онъ поставилъ на второмъ планѣ; младенецъ, изображенный Пуссеномъ въ висячемъ, опрокинутомъ положеніи, у Шопена на рукахъ матери, прижимающей его съ любовью къ груди своей. И какъ прекрасна эта дѣтская головка, съ глазами, выражающими испугъ! Намъ кажется, что одно изъ главнѣйшихъ условій искусства состоитъ въ томъ, чтобъ художникъ трогалъ зрителя выраженіемъ и глубиною чувства, а не тѣмъ, что можетъ произвести одно отвращеніе и заставить содрогнуться. Такимъ взглядомъ на искусство руководствовался и Валентъ. Въ его картинѣ «Судъ Соломона», ложная мать спокойно отдаетъ младенца исполнителю царскаго рѣшенія, взявшему уже за руку обреченную жертву. Истинная мать на колѣняхъ смотритъ на дитя свое со слезами горести и отчаянія.

Сюжетъ другой картины Шопена: «Давидъ и Саулъ» также не новъ: онъ послужилъ соотечественнику его Гро предметомъ известной по гравюрамъ картины: «*Saül calmé par la musique de David*». Здѣсь, на первомъ планѣ, во всю длину картины, полулежащая фигура Саула, прислушивающагося къ звукамъ, извлекаемымъ изъ арфы Давидомъ, стоящимъ въ углубленіи картины. Близъ Давида сходитъ со ступеней женщина, вѣроятно дочь Саула. Еще далѣе, за Давидомъ, видны три мужскія головы. Положеніе всѣхъ этихъ лицъ лишено простоты и естественности: за тѣмъ эти раздвинутые пальцы правой руки Саула и эта

накинута на его голову пелена, поддерживаемая нить лѣвою рукою? Еще больше не натуральна фигура дочери Саула, съ поднятыми вверхъ руками.

Не таковы лица въ картинѣ Шопена, представившаго Саула съ двумя дочерьми, и Давида, играющаго на арфѣ. Саулъ, мучимый завистью къ побѣдителя Голіаза, въ припадкѣ бѣшенства, засовываетъ судорожную руку подъ подушку, чтобы достать изъ подъ нея дротикъ и поразить ювощу героя. Старшая дочь Саула, Мероувъ, положившая правую руку на плечо его, замѣчаетъ движеніе отца и въ безпокойствѣ и недоумѣніи не знаетъ что дѣлать: остановить отца или предупредить Давида? Въ лицѣ и въ позѣ видны испугъ и нерѣшимость. Меньшая дочь царя Саула, Мелхола, сидитъ по правую сторону, на подушкахъ, склонивъ на грудь прелестную свою головку. Она влюблена въ Давида (въ послѣдствіи она будетъ его женою) и теперь вся погружена въ сладкія его пѣсни. Это идеалъ очаровательнаго существа, отъ котораго не хочешь отвести глазъ. О чемъ она мечтаетъ? Отгадать легко: она думаетъ о своемъ Давидѣ, который, прямо противъ нея, полный вдохновенія, съ возведенными глазами, забывъ, какъ она, весь міръ, поетъ и играетъ. Здѣсь, по видимому, двѣ противоположности: Саулъ и старшая его дочь схвачены художникомъ въ минуту, необыкновенно-драматическую, тогда какъ меньшая дочь его и Давидъ выражаютъ состояніе болѣе спокойное: они не возмущены порывомъ страсти. Не смотря на эту противоположность, не смотря на то, что эти четыре фигуры какъ будто окаменѣли подъ пантіемъ различныхъ чувствъ, въ цѣломъ царствуетъ необыкновенная гармонія, глубокая обдуманность и единство идеи.

Объ картины Шопена могутъ назваться истинными представительницами французской живописной школы, которой главныя достоинства: мягкость и пластичность кисти, граціозность рисунка и въ особенности мастерская отдѣлка аксессуаровъ: мрамора, золота, шелку, кисеи, полотна и прочаго. — Прослѣдивъ развитіе французской школы, мы видѣли, какую важность придавали всѣ ея представители *формѣ*, доведенной романтизмомъ до крайнихъ предѣловъ. Блестать, щеголять формами, производить ими эффектъ — сдѣлалось потребностью каждаго французскаго живописца. Оттого

въ позакъ, у нихъ рѣдко встрѣчается величественная простота, безукоризненность рисунка и небесное спокойствіе, которыя плѣняютъ насъ въ твореніяхъ Рафаэля. — Кто-то сказалъ, что девятнадцатый вѣкъ есть вѣкъ эффектовъ; если такъ, то Французы вполне оправдываютъ это мнѣніе. Но это стремленіе къ эффектности, дающее ложное направленіе искусству, не увлекаетъ насъ. Наша живописная школа идетъ своей самостоятельной дорогой, и слѣдуетъ продолженіемъ школы италянской. Здѣсь разумѣется историческая живопись. Въ пейзажной и *de genre*, у Французовъ есть Каламъ и нѣсколько жанровыхъ живописцевъ съ огромнымъ талантомъ.

Послѣ Шопена намъ слѣдуетъ сказать о почетномъ вольномъ обществѣ господинъ Штейбенъ, представившемъ на нынѣшнюю выставку нѣсколько произведеній, между которыми первое мѣсто занимаетъ картина, изображающая «Исуса Христа на Голгофѣ».

Художникъ изобразилъ тотъ моментъ, когда Спаситель, приведенный на Голгофу, стоитъ окруженный воинами, за нѣсколько минутъ до совершенія великой тайны искупленія; предъ нимъ лежатъ крестъ, гвозди и другія орудія страданія. Смирѣность и жестокость, написанныя на лицахъ воиновъ и нѣмая, глубокая горѣсть Іоанна Богослова и Маріи Магдалины, заливающихся слезами — все это исторически вѣрно. Богоматерь, свидѣтельница истязаній своего божественнаго Сына, преисполненная величайшей скорби, падаетъ безъ чувствъ подъ бременемъ своего несчастія. Это замѣчательное произведеніе извѣстно у насъ по гравюрамъ; но на лицѣ Богочеловѣкъ изображенъ со взоромъ, возведеннымъ къ небу; теперь, художникъ, глубоко обдумавшій избранный сюжетъ, сдѣлалъ въ картинѣ важную перемену: голова Спасителя поникла съ выраженіемъ полной покорности своему божественному посланію. — Въ суровыхъ, звѣрскихъ лицахъ исполнителей казни, вы видите отжившее, одряхлѣвшее челоуѣчество; въ образахъ Іоанна и Магдалины, въ которыхъ болѣе смиренія нежели отчаянія, раскрывается начало возрожденія общества, уже проникнутаго духомъ Евангельскаго ученія. — Вотъ задача, которую предложилъ себѣ господинъ Штейбенъ, изобразившій величайшее священное событіе, совершившееся на землѣ какъ художникъ, вполне постигающій важность избраннаго предмета;

оттого картина его носитъ на себѣ печать строгаго единства; на лицѣ сотинна нѣтъ той жестокости, которою поражаютъ насъ воины: въ немъ пробуждается чувство состраданія и участія. — Говорить ли о вѣнскихъ достоинствахъ картины? Достоинства эти опредѣляются сами собою, если мы скажемъ, что господинъ Штейбенъ занимаетъ замѣтное мѣсто, какъ живописецъ историческій. Онъ по-видимому остался твердъ въ избранномъ направленіи и не поддастся тѣмъ требованіямъ новѣйшей школы, о которыхъ мы говорили выше.

О портретахъ господина Штейбена скажемъ послѣ.

Теперь займемся картинами господина академика Рисса: «Крещеніе Великаго Князя Владиміра» и «Крещеніе народа Великимъ Княземъ Владиміромъ въ Кіевѣ». Фигуры на этихъ картинахъ много болѣе нежели въ натуральную величину, такъ какъ картины назначены для церкви и будутъ помѣщены на нѣкоторой высотѣ. — Вообще фигуры нарисованы и сгруппированы довольно удачно; простота положеній и спокойствіе, соответствующее важности изображеннаго художникомъ событія; отдѣлка одеждъ и колоритъ удовлетворительны. Мы только желали бы видѣть въ изображеніи Великаго Князя Владиміра болѣе того величія, и нумественной красоты, которое соединяется съ понятіемъ о простителѣ земли русской и ея повелителѣ, котораго древніе баяны звали Владиміромъ Красныиъ-Солнышникомъ. Сверхъ того, между людьми, стоящими въ Дѣвирѣ, для принатія Святаго Крещенія, мало типовъ истинно южныхъ; самое небо на картинѣ не свѣтитъ тою чудесною лазурью, которая такъ знакома всѣмъ, видѣвшимъ благословенную Украину.

«Руецъ и Нонія» картина того-же художника отличается живостью кисти и отчетливою экспрессіею. Отдѣлка подробностей старательная и удовлетворяющая изящному вкусу; даль и перспектива прекрасны.

Художникъ Григоровичъ, представившій на прошлогоднюю выставку прекрасную картину, изображающую «Спасителя, благословляющаго дѣтей», принадлежитъ къ числу художниковъ, занимающихся избраннымъ искусствомъ съ истинною любовью и понимающихъ важность своего призванія. Онъ строго обдумываетъ предметы своихъ произведеній, не гоняется за эффектами и идетъ

муклою на пути къ совершенству. Его сестра — живопись высшего или религиознаго содержания, всегда отличавшая нашу школу. Господинъ Григоровичъ на этотъ разъ изобразилъ «Спасителя, несущаго крестъ». Кромѣ безукоризненной правильности рисунка, здѣсь замѣчательно выраженіе глубокой покорности и скорби на лицѣ Бого-человѣка. Независимо отъ неумѣнья, надобно быть въ душѣ истиннымъ христіаниномъ, чтобъ постигнуть и изобразить въ достоинствѣ трудный моментъ, когда Спаситель, послѣ жестокихъ мученій, угнѣченный терновымъ вѣнцомъ, взявъ крестъ, идетъ на лежащій ему подлѣгъ искушеній... Посмотрите, сколько величія въ очертаніи головы божественнаго страдальца усталой рѣчью, изъ которыхъ струится кровь, сколько достоинства и снѣженія на этомъ прекрасномъ лицѣ! — Тѣлесный возрѣть дышитъ жизнью; переходы отъ свѣта къ тѣни остепенены и полны гармоній, — словомъ, картина эта, не перемалывая съ перваго взгляда, при болѣе внимательномъ ея разсмотрѣніи, производитъ глубокое впечатлѣніе. Любя искусство, искренно радуемся, что даровитый художникъ такъ добросовѣстно занялся своимъ дѣломъ, и увѣрены, что продолжая изучать высокіе образцы старинныхъ мастеровъ, преимущественно же Караваджо, съ которыми у него есть нѣкоторое родствѣнное сходство, онъ сдѣлается украшеніемъ русской живописной школы.

Изъ учебныхъ программъ, представленныхъ на конкурсѣ живописи, замѣчательнѣе другихъ программы господъ Тимашева, Крыкова, Сорочкина и Космопонтава.

Первый изъ нихъ, въ картинѣ, изображающей «Блуднаго сына», показалъ большую обдуманность сюжета и удовлетворительное исполненіе. Блудный сынъ возвратился. Отецъ, успокоившійся послѣ первыхъ волненій радости, подвелъ его за руку въ нѣдра. Несчастный упалъ на колѣна предъ матерью, встречающую его съ распростертыми объятіями. Сколько искреннаго, глубокаго раскаянія въ лицѣ и всей позѣ сына, который, кажется, не смѣетъ взглянуть взоромъ на мать, которой онъ сдѣлался недостойнымъ. Калоритъ въ картинѣ естественный, драпировка исполнена тщательно. — Многимъ показалось только не вполне удовлетворительнымъ выраженіе лицъ отца и матери: во взорахъ отца, какъ и во всемъ лицѣ его нѣтъ даже слѣдовъ тѣхъ ощущеній, кото-

рыла отъ только что испытала, при встрѣчѣ съ сыномъ; лицо матери выражаетъ болѣе удивленія, чѣмъ радости. — Сверхъ того, при болѣе опытности, господинъ Тимашевскій могъ бы избѣжать еще одного недостатка: мы говоримъ о весьма неудачномъ положеніи правой руки старика отца, вовсе не выражающей задуманной художникомъ цѣли.

Господинъ Крюковъ показалъ знаніе условій, необходимыхъ для историческаго живописца, въ бывшей на прошлагодной выставкѣ картинъ своей: «Геркулесъ, бросающій Ликаса въ море». Онъ явился теперь на судъ публики съ трудомъ, болѣе значительнымъ. Его картина, изображающая «Испытаніе Спасителя бѣснующагося», обратила на себя общее вниманіе. Представляетъ моментъ, когда къ Іисусу Христу приводятъ больнаго и Господь исцѣляетъ его, протянувъ надъ нимъ руки — это могло-бы быть подъ силу только опытному и зрѣлому таланту. При всемъ томъ, молодой художникъ въ трудномъ дѣлѣ остался побѣдителемъ: совладѣвъ съ глубокимъ содержаніемъ картины, онъ доказалъ несомнѣнный талантъ свой, несмотря на видную поспѣшность въ исполненіи и даже на несовершенную оконченность. Въ теперешнемъ видѣ, позволяемъ себѣ судить только о композиціи, а это, по мнѣнію нашему, главное достоинство въ произведеніи господина Крюкова. Но еслибъ картина эта принадлежала болѣе опытному художнику, то можно было бы замѣтить, что въ лицѣ божественнаго учителя мы не находимъ выраженія той небесной любви и милосердія, которыми ознаменована вся земная жизнь Спасителя. — Бѣснующійся мальчикъ нарисованъ господиномъ Крюковымъ не совсемъ правильно: не удачно всего вышли его ноги; притомъ въ лицѣ его и въ глазахъ нѣтъ того выраженія, которое бы давало истинное понятіе о его страшныхъ мученіяхъ. Гораздо удовлетворительнѣе вышла дѣвушка, испуганная и бросающаяся на колѣна.

Въ картинѣ господина Сорокина 2, изображающей «Іисуса Христа, призывающаго Апостоловъ Симона и Андрея, на берегу Галилейскаго моря», прежде всего поражаетъ слишкомъ знойный, огненный колоритъ, къ которому насъ не приучили ни древніе ни новѣйшіе живописцы. Но помирившись съ пылающимъ колоритомъ, мы должны отдать справедливость достоинствамъ этой кар-

тины, которой композиція отличается простотою и обдуманностью. Нѣкоторые зрители находили, что двое нагихъ дѣтей, подбирающіе въ глубинѣ картины рыбу на морскомъ берегу, недостаточно полны; но на это можно замѣтить, что на югѣ дѣти никогда не достигаютъ такой полноты и округлости формъ, какъ на сѣверѣ.

Господинъ Ксенофонтовъ выставилъ картину, изображающую „Товію, который исцѣляетъ слѣпца отца своего“. Представленъ моментъ, когда Товія совершаетъ самую операцію надъ отцомъ своимъ, котораго поддерживаетъ жена. За Товіемъ стоитъ ангелъ. Удачнѣе всѣхъ представлена фигура Товіа, въ лицѣ котораго написаны сыновняя нѣжность и желаніе возвратить отцу зрѣніе. Но выраженіе другихъ лицъ могло бы быть лучше; недостатокъ этотъ устранится, конечно, со временемъ, съ приобретениемъ молодымъ художникомъ болѣе опытности; тогда вѣроятно получится тонъ болѣе естественный, и переходы отъ свѣта къ тѣни будутъ менѣе рѣзки.

Четыре картины, сейчасъ нами названныя, служатъ доказательствомъ серьезнаго, классическаго направленія занятій молодыхъ и даровитыхъ воспитанниковъ нашей академіи, которая постоянно слѣдитъ за развитіемъ талантовъ и оживляетъ ихъ одобреніемъ и наградами.

Копія де-Ладвеза съ картины Батони, изображающей Паденіе Симона Волхва, не многимъ понятна по содержанію. Для поясненія скажемъ нѣсколько словъ. Въ Римѣ, въ портикѣ Casa aurea (золотаго дома), украшенномъ мраморными колоннами, бронзою и позолотою, стоитъ колоссальная статуя. Со всѣхъ сторонъ, на форумѣ толпятся Римляне. Возлѣ колосса, сидитъ на тронѣ Неронъ, окруженный придворными. На самомъ верху, надъ сводами, стоитъ человекъ, съ длинною бородою и огненнымъ взглядомъ, одѣтый въ желтое платье, съ поднятыми руками. Это Симонъ волхвъ. Сверху онъ готовъ взлетѣть на небо, чтобъ занять мѣсто между богами. Между-тѣмъ христіане молятся и постятся. Павелъ молится въ темницѣ, а здѣсь на колѣнахъ, молится Петръ, спокойный и безстрашный передъ Нерономъ и цѣлымъ Римомъ. Но раздастся страшный ударъ. Симонъ-волхвъ взле-

тѣль и вдругъ упалъ на землю съ переломленными ногами. Со всѣхъ сторонъ раздаются крики и хохотъ. Неронъ вскакиваетъ съ трона, бросая народу гнѣвные взгляды. За тѣмъ наступаетъ тишина и всеобщій страхъ. Петръ, возведя взоръ, благодаритъ Бога.

Батони изобразилъ въ картинѣ своей ту минуту, когда Симоъ падаетъ и народъ пораженъ ужасомъ. Во всѣхъ группахъ много жизни и движенія; расположеніе плановъ превосходное. Въ особенноти весьма замѣчательно освѣщеніе; свѣтъ падаетъ косвенно сверху и освѣщаетъ всю картину.

Картина ученика профессора Маркова, господина Мореншильда изображающая «Большаго Антиоха, сына Селевка, царя сирійскаго» обращаетъ на себя справедливое вниманіе.

Селевкъ, одинъ изъ полководцевъ Александра Македонскаго, подъ именемъ Никанора (Побѣдителя), основалъ сирійское царство, около трехсотъ лѣтъ до Рождества Христова. Нобыкновенная красота Стратоники произвела сильное впечатлѣніе на сына Селевка, Антиоха. Молодой царевичъ хотѣлъ заглушить въ сердцѣ тайную страсть; но вмѣсто того впалъ въ болѣзнь, которой причина была для всѣхъ загадкою. — Господинъ Мореншильдъ изобразилъ минуту, когда отецъ приводитъ врача къ сыну; Стратоника сидитъ у ногъ больнаго, который смотритъ на нее, между тѣмъ какъ врачъ по одному пульсу узнаетъ причину болѣзни. — Надобно отдать справедливость мягкости кисти молодаго художника и весьма удачной экспрессіи, составляющимъ главное достоинство его картины, напоминающей собою впрочемъ картину того же содержанія, знаменитаго въ фламандской школѣ Жерарда Лересса (Lairesse). Лучшая фигура въ картинѣ господина Мореншильда, это врачъ, который съ истинно ученою важностію смотритъ на прелестную Стратонику, которая варисована, къ сожалѣнію, до того неудачно, что если бъ она вздумала встать, то голова ея едва ли не касалась бы потолка комнаты, въ которой происходитъ сцена. При дальнѣйшемъ развитіи своего таланта, художникъ, безъ сомнѣнія, не будетъ впадать въ подобныя ошибки; о нихъ мы рѣшаемся упомянуть изъ уваженія къ прекрасному его дарованію, отъ котораго мы вправѣ ожидать многого.

«Король Лиръ», картина господина Страшинского, отличается яркимъ колоритомъ и тщательной отдѣлкой подробностей, доведенной до того, что подобно нѣкоторымъ новѣйшимъ нѣмецкимъ живописцамъ, нѣтъ на одеждѣ написанъ волосокъ къ волоску. — Жаль только, что художникъ, не могъ, по видимому, справиться съ лицомъ Лира, который въ помѣшательствѣ скитается въ лѣсу: выраженіе безумія вышло неудачно до такой степени, что большинство зрителей принимало картину господина Страшинского, то за простой этюдъ, то за портретъ; не многіе подозрѣвали въ этомъ старца, съ поднятыми голубыми глазами, безумнаго короля. Въ оправданіе художника можно однако замѣтить, что для выраженія сумасшествія нельзя найти модели; для этого требуется пособіе воображенія и изученія, которыхъ нельзя требовать отъ молодого, неопытнаго художника.

Господинъ Соколовъ явился на судъ публики съ небольшою картиною: «Моцартъ и Сальери». — Моцартъ представленъ играющимъ на фортепьяно, въ то время, какъ Сальери вливаетъ ему въ бокалъ яду. Рисунокъ смѣлый и освѣщеніе довольно удачное. Жаль только, что талантливый художникъ гонялся за эффектомъ, и оттого лицу Сальери придалъ выраженіе нѣсколько преувеличенной злобы: намъ кажется, что въ минуту своей отчаянной рѣшимости, кромѣ зависти, Сальери долженъ выражать на лицѣ своемъ и чувство страха и опасенія, чтобъ Моцартъ, которому онъ готовитъ убійственный напитокъ, не замѣтилъ его движенія. — Нельзя также не замѣтить, что Моцартъ не могъ носить льнянаго парика: въ его время пудрились, носили косы и пукли, завившіе парики временъ Людовика-Четырнадцатаго.

Перейдемъ теперь къ произведеніямъ по части портретной живописи. Здѣсь первое мѣсто занимаютъ два портрета работы господина Зарянка: господина вице-президента Академіи Художествъ, графа О. П. Толстаго и Д. В. Хвостова. Бывшіе на прошлогодней выставкѣ два портрета господина Зарянка, обратили на него общее вниманіе. Съ тѣхъ поръ художникъ трудился въ тишинѣ и представилъ теперь произведенія, поставившія его на ряду съ величайшими мастерами всѣхъ школъ и народовъ.

Не помню кто опредѣлилъ живопись такимъ образомъ: «Жи-

вопись есть поэзія свѣта, тѣни и цвѣта». — Но что такое поэзія? Опрежденіе поэзіи, также какъ и прекраснаго вообще, занимало величайшіе умы; но дѣло не далеко подвинулось. Въ наше только время, стремящееся къ опредѣлительности и точности, одинъ писатель, говоря о значеніи поэзіи, сказалъ; «поэзія, — это изящная сторона истины». Примѣняя опредѣленіе это къ живописи портретной, мы думаемъ, что въ портретѣ прежде всего должно быть сходство. Но сходства внѣшняго можетъ достигнуть всякій, даже посредственный живописецъ; между тѣмъ, для того, чтобъ быть великимъ портретистомъ, надобно, кромѣ глубокой наблюдательности, обладать даромъ проникать въ самыя сокровенныя склонности и привычки, составляющія характеръ человѣка. — Для выраженія этого характера великіе художники умѣютъ уловить мгновенье, когда лице озарено прекраснымъ чувствомъ, возносящимъ его до поэзіи. Другими словами: условія портрета таковы, что въ немъ необходимо схватить самое неуловимое, — передать душу оригинала, а этого вполне достигъ господинъ Зарянокъ, неограничивающійся воспроизведеніемъ одной дѣйствительности: силою своего таланта, явленіямъ внѣшняго міра онъ сообщаетъ жизнь, раскрываетъ предъ вами ту поэзію, которая, какъ уже сказано, есть изящная сторона истины. — Высокое дарованіе господина Зарянки встрѣчено у насъ единодушнымъ восторгомъ и конечно составитъ эпоху въ исторіи русской живописной школы.

Три портрета работы господина Штейбена, выставленные имъ въ Академіи, принадлежатъ къ лучшимъ на нынѣшней выставкѣ: мягкость кисти, пріятный колоритъ, и изящная отдѣлка, вотъ отличительныя качества этихъ портретовъ. Выше ихъ по исполненію выставленная имъ тамъ же картина-портретъ: прелестная брюнетка срываетъ лепестки полеваго цвѣтка, приговаривая вѣстныя слова: «il m'aime passionnement» и прочая. — Чашетка цвѣтка оборвана только до половины, загалка еще не рѣшена, и взоръ и улыбка красавицы выражаютъ самодовольство и беззаботность. На ней андалузскій нарядъ, простой и изящный; роскошные черные волосы сплетены въ чудныя длинныя косы. — Картина эта входитъ въ составъ картинной галлерей его превосходительства Ѳ. И. Прянишякова.

Обращаясь къ картинамъ de genre, укажемъ на замѣчательнѣйшія изъ нихъ.

Отрадно встрѣчать такія картины, какою украинъ нынѣшнюю выставку господинъ Чернышовъ. Это цѣлая повѣсть, полная правды, жизни и движенія, грустная повѣсть разлуки съ милымъ сердцу. — Передъ зрителемъ русская деревня съ приходскою не вдалекѣ церковью и барскимъ домомъ. У подъѣзда пара почтовыхъ лошадей, запряженныхъ въ телѣгу, съ звенящимъ подлугой колокольчикомъ и лихимъ ящичкомъ. Все готово къ отъѣзду: напутственный молебень совершенъ, всѣ, по старинному обычаю, посидѣли, потомъ встали, и перекрестясь, перецѣловались съ отъѣзжающимъ. Онъ ѣдетъ въ даль, въ большой городъ, онъ бросается въ новый для него міръ, гдѣ всѣ ему будутъ чужіе. Онъ оставляетъ свой мирный уголокъ, гдѣ испыталъ прелесть семейнаго счастья, задушевныхъ бесѣдъ и тихаго, безвѣстнаго существованія.... Но вотъ онъ готовъ уже подняться на перекладную и занести ногу на колесо; но его еще разъ хочетъ обнять жена, и, весь растроганный, онъ опять бросился въ ея объятія. Старушка-мать утѣшаетъ ихъ обонхъ и напутствуетъ благословеніями отъѣзжающаго. Малютка сестра его, закрывъ руки лице, заливаема горькими слезами. Ее старается успокоить добрая няня.—Далѣе несутъ корзинку съ съѣстными припасами: вещь въ дорогѣ не лишняя, также какъ и бутылка вина, которую чуть было не забыли, а теперь торопливо несутъ показавшейся на крыльцѣ человекъ. На право отъ телѣги, у флигеля, старикъ въ накинутомъ на плечи халатѣ, какой нибудь бывшій дворецкій или управляющій, живущій теперь на пенсіи, даетъ наставленія сыну, ѣдущему съ барникомъ, въ качествѣ его камердинера. — «Смотри же Ваня, не пей лишняго, не водись съ дурными людьми, слушайся и береги барина, да не забывай меня старика....» На проводы пришла поглазѣть в кормилица съ ребенкомъ на рукахъ и притащился проходившій мимо старикъ нищій. — Здѣсь все до мелочей описано съ натуры, и вообще мысль, положенная въ основаніе картины, заслуживаетъ безусловныхъ похвалъ. Ничего не ускользнуло отъ наблюдательности художника: начиная съ отвалившейся въ нѣсколькихъ мѣстахъ штукатурки на стѣнахъ барскаго дома и разбитаго стекла въ оконкѣ фли-

гела, до строй кошки, которая съ крыши смотритъ на происходящую внизу сцену. Самый пейзажъ, далекій горизонтъ и дѣтъ неба,— все это просто, исполнено спокойствія и пробуждаетъ въ душѣ то тихое чувство грусти, которое внушаетъ наша сѣверная природа съ своими необозримыми равнинами, синѣющими вдаль лесомъ и небомъ съ сѣренкими тучками. И между тѣмъ ни что не дѣйствуетъ такъ успокоительно на душу, какъ видъ этой беззатѣливой природы, безмятежной и полусонной.

Венеціановъ, первый изъ русскихъ живописцевъ, сталъ изображать сцены изъ простаго, прозаическаго быта. Между тѣмъ, сколько поэзіи въ его произведеніяхъ! Что касается до господина Чернышова, то прекрасный талантъ его былъ уже замѣченъ посетителями прошлагодной выставки. Тогда обратила на себя вниманіе картина его, изображающая «Внутренность чухонской избы», съ неповоротливыми, безмысленно улыбающимися Чухонцами. Не смотря на отчетливость отдѣлки и удачно-придуманный колоритъ, картина эта лишена была внутренняго значенія. Прешедшій годъ употребленъ былъ молодымъ художникомъ съ пользою: нынѣшнее произведеніе его, по внутреннему содержанію, прекрасно схваченному выраженію лицъ и весьма замѣчательному единству идеи, служить доказательствомъ самобытности его дарованія, при дальнѣйшемъ совершенствованіи котораго, господинъ Чернышовъ приобрѣтетъ безъ сомнѣнія и другія качества, которыя дадутъ ему право занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду современныхъ живописцевъ *de genre*; такъ напримѣръ, колоритъ у него нѣсколько блѣденъ, однообразенъ и вершителейъ. Можно бы также пожелать болѣе тщательной отдѣлки въ подробностяхъ, какую мы видимъ у господина Рипцони, котораго небольшая картина, изображающая сцену «Жидовъ ибнѣаль», привлекаетъ вниманіе необыкновенною оконченностью и правдою. Кто не узнаетъ въ этомъ человѣкѣ, съ такимъ упоеніемъ считающаго раскинутыя по столу серебряныя и мѣдныя монеты, потомъ ка Израиля, для котораго деньги выше всего на свѣтѣ. Его товарищъ и сотрудникъ въ дѣлѣ приобрѣтенія денегъ всякими путями, съ истинно жидовскою ужимкой смотритъ на пьянаго мужика; повисшая голова и положеніе всей фигуры мужика, безуспѣшно покушающагося отколотъ какое-нибудь колѣнцо, свидѣтельству-

ють, что возліявіа Бахусу были и усердныя и обильныя. Фигура во весь ростъ другаго крестьянина, съ убитой дичью за спиной, поставлена мастерски.—Господинъ Рицони идетъ по слѣдамъ знаменитыхъ художниковъ фламандской школы, и мы смѣло ставимъ его на ряду съ Д. Теньеромъ, Остадтомъ и Броверомъ.

Сцена изъ крестьянскаго быта, картина господина Рисса, заключаетъ въ себѣ много достоинствъ. Но достоинства эти могли бы получить высшее значеніе, еслибъ представленныя въ картинѣ лица были оживлены мыслью художника, дающей внутренней смыслъ созданію.

Обратимъ еще вниманіе на картину ученика профессора Вилевальде, господина Сверчкова, изображающую «Внутренній караулъ въ Зимнемъ Дворцѣ.» Здѣсь прекрасно выполнено отраженіе солнечныхъ лучей, пробивающихся сквозь окна, изъ которыхъ видна противоположная часть дворца. Въ перспективѣ другая зала, изъ которой яркая полоса свѣта отражается во всю длину паркета. Правильный рисунокъ, блестящій колоритъ и вообще тонъ картины—все исполнено мастерски и съ тактомъ, дѣлающимъ честь вкусу художника.

Другой господинъ Сверчковъ (Н. С.), извѣстный своимъ искусствомъ изображать лошадей, выставилъ двѣ картины: «Рысакъ на бѣгу» и «Фаворитъ рысакъ». Подобно Полю Потеру, писавшему однихъ домашнихъ животныхъ, господинъ Сверчковъ пишетъ только лошадей; это его специальность. За то посмотрите, сколько жизни въ этихъ благородныхъ животныхъ, какой огонь блеститъ въ ихъ глазахъ! Анатомія доведена художникомъ до совершенства. Вотъ почему онъ въ своемъ родѣ искусства занимаетъ такое же мѣсто, какъ баронъ Клодтъ въ скульптурѣ.

Двѣ картины князя МаксUTOва (ученика, профессора Вилевальде), представляютъ сцены изъ бивачной военной жизни. Такъ какъ сцены эти происходятъ въ полѣ, то живопись этого рода слѣдовало бы, кажется, отнести къ пейзажной. Какія же условія этого рода живописи? Главное достоинство пейзажа — это подражаніе дѣйствию свѣта какъ въ воздушныхъ пространствахъ, такъ и на земной поверхности. Такимъ образомъ въ пейзажѣ представляются виды всякаго рода: поля, луга, лѣса, словомъ природа во всемъ своемъ разнообразіи. Сюда ставятъ фигуры, живот-

ныхъ и цѣлые эпизоды историческіе или вымышленные, которые могутъ оживить картину и возвысить интересъ сельскаго вида. Но князь Максудовъ упустилъ изъ виду это обстоятельство, и оттого въ названныхъ нами двухъ картинахъ своихъ занялся исключительно первымъ планомъ, гдѣ фигуры и группы написаны имъ довольно хорошо; но за то пейзажъ вышелъ вовсе неудовлетворителенъ. О перспективѣ и вѣтъ помню: далекій горизонтъ, кончающійся лѣсомъ, означенъ синеватыми пятнами; между-тѣмъ знаніе линейной и воздушной перспективы также важно для живописца, какъ для литератора знаніе грамматики. При большемъ изученіи искусства, молодой художникъ, конечно, избегнетъ недостатка, о которомъ мы говоримъ единственно изъ желанія пользы: учиться и совершенствоваться необходимо тѣмъ, которыхъ природа надѣлила дарованіемъ.

Что касается собственно *пейзажной живописи*, то ею богата нынѣшняя выставка. Двѣ картины господина академика С. Воробьева: «Видъ въ Амальфи» и «Видъ въ Неаполѣ съ Позеліно», не бросаюся въ глаза эффектностью, за которой и не гонялся художникъ. Онъ съ любовью воспроизвелъ только дѣйствительность. Вотъ отчего, всмотрѣвшись въ картину, вы болѣе и болѣе сочувствуете ей; наслаждаетесь зрѣлищемъ этой ослѣпительной лазури полуденнаго неба, этимъ легкимъ паромъ застилающимъ раскинувшееся море и цѣпь далекихъ горъ. Обѣ эти картины принадлежать Ѳ. И. Прянишникову.

Графъ Мордвиновъ выставилъ двѣ картины, представляющія также италіанскіе виды; но характеръ ихъ совершенно другой. Чрезвычайно эффектна картина, изображающая «видъ улицы и собора въ Миланѣ» въ лунную ночь. Возвышающаяся надъ соборомъ луна распространяетъ повсюду какой-то чудовищный, таинственный свѣтъ; соборъ какъ будто тонетъ въ туманѣ; только стрѣлки его рѣзко отдѣляются въ разливѣ серебрястыхъ волнъ мѣсяца. На первомъ планѣ, поперекъ картины, тянется улица съ ярко освѣщенными зданіями. «Большой каналъ въ Венеціи», вторая картина графа Мордвинова, напоминаетъ прошлагоднія его картины, которыми восхищались всѣ посѣтители выставки. Художнику до такой степени удалось схватить природу, что вода въ каналѣ, отражающая въ себѣ зданія, кажется движется и струится. За-

на и въ особенности старыя стѣны ближняго дома, завѣсь въ окнахъ и паруса на плавающихъ въ каналѣ судахъ — все это полно правды и возбуждаетъ удивленіе преимущественно въ тѣхъ которые бывали въ Венеціи. Они отзывались, что глядя на эту картину, «такъ и слышишь сырой воздухъ».

Трудолюбивые господа Чернецовы представили на нынѣшнюю выставку девять картинъ, изъ которыхъ Григорію Чернецову принадлежать двѣ: «Храмъ Св. Петра и благословеніе папы въ день Святой Пасхи» и «Мертвое море въ Палестинѣ». На первой изъ этихъ картинъ очень хорошо выраженъ жаръ италіянскаго дня. Вторая картина, изображающая Мертвое море, приводила многихъ въ недоумѣніе: никто не могъ утвердительно сказать: день ли представленъ или лунная ночь. Большинство, было впрочемъ, въ пользу послѣдняго предположенія. Изъ семи картинъ Никанора Чернецова, больше всего понравился намъ «Римъ съ Монте-Маріо». Здѣсь перспектива, колоритъ, воздухъ — все полно поэзіи и переноситъ насъ въ очаровательный край. Одинъ Италіянецъ, разсматривавшій съ нами эту картину, былъ въ восторгѣ, встрѣтивъ такое вѣрное воспроизведеніе родныхъ своихъ мѣстъ. «Озеро Нони близъ Рима» того же художника, не уступаетъ въ достоинствахъ сейчасъ названной нами картинѣ. Жаль, что мы не можемъ сказать того же о картинѣ его, изображающей «Александрію въ Египтѣ». Знойный воздухъ и жаркій колоритъ — все это очень хорошо; но зачѣмъ же писать солнце на высотѣ горизонта? Всѣ знаменитые художники избѣгали этого, по той простой причинѣ, что живопись не въ состояніи представить окончательный блескъ солнечныхъ лучей. По этому художники передавали только дѣйствіе или эффектъ, производимый этими лучами, а не самыя лучи, никому недоступныя и неуловимыя.

Прекрасный талантъ господина Лагоріо видимо зрѣетъ и совершенствуется. Съ прошлогодней выставки онъ еще подвинулся въ своемъ искусствѣ; доказательствомъ этому служитъ его «Видъ съ Ансьяго носа на финскомъ берегу», который замѣтили всѣ посетители нынѣшней выставки. Тщательность отдѣлки всѣхъ предметовъ заслуживаетъ безусловныхъ похвалъ: онъ съ одинаковымъ искусствомъ и терпѣніемъ изображаетъ и деревья со всѣми подробностями, и воздухъ, и воду, и землю. Намъ показалось только,

что цвѣтъ неба у него слишкомъ теменъ, и не такой какъ мы видѣли на югѣ. Но это замѣчаніе дѣлаемъ потому только, что видимъ въ г. Лагоріо художника, строго воспроизводящаго природу и ничего не предпринимающаго безъ предварительнаго совѣщанія съ нею. Прекрасному этому правилу слѣдуетъ и господинъ Эрасси, добросовѣстно и отчетливо передавшій всѣ особенности нашей сѣверной природы въ своемъ «Сельскомъ видѣ въ окрестностяхъ Выборга». У него очень удачно выполнены также фигуры, у избы, на первомъ планѣ: глядя на нихъ, нельзя усумниться, что это наши сосѣди, флегматическіе Чухонцы.

Говоря о пейзажахъ, нельзя не упомянуть о небольшой картинкѣ господина Львова, замѣчательной по единству и гармоніи. Представленъ моментъ, когда отъ порыва вѣтра нагнулись деревья и трава. Движеніе это отразилось на всемъ: на водѣ, на гривѣ и хвостѣ лошади.

Недавно было замѣчено, что наши дамы играютъ важную роль въ литературѣ. Но вотъ онѣ представляютъ труды свои на судъ публики и по части живописи. Пейзажъ госпожи Сухово-Кобылиной отличается извѣстностью отдѣлки и пріятнымъ колоритомъ. Госпожа Александрова написала довольно искусно копию съ картины Тивторета, изображающей «Исуса Христа, увѣчанаго терновымъ вѣнкомъ». Наконецъ госпожа Григорьева исполнила съ большимъ успѣхомъ копию съ картины господина Песса, представляющей молодую женщину въ итальянскомъ костюмѣ.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о классической гравюрѣ съ Рафаэлева «Преображенія Господня», исполненной господиномъ академикомъ Ф. Юрданомъ.

Въ то время, когда Спаситель преобразился на горѣ Фаворѣ и апостолы увидѣли возлѣ Господа Моисея и Илью, одинъ человекъ привелъ къ апостоламъ своего сына, одержимаго бѣшенствомъ. — Относительно сего изображенія основательно замѣчаніе, состоящее въ томъ, что вмѣсто горы, на которой преобразился Спаситель, Рафаэль изобразилъ небольшое возвышеніе и такимъ образомъ слишкомъ приблизилъ оба плана: верхній и нижній. Но представивъ натуральную высоту горы, ему пришлось бы слишкомъ уменьшить фигуры и тогда они лишились бы того выраженія и

величія, которыя переданы великимъ художникомъ съ неподражаемымъ искусствомъ.

Ни одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ живописцевъ не достигъ тѣхъ красотъ, которыми исполнено это великое созданіе Рафаэля: превосходное расположеніе группъ, очертаніе фигуръ, исполненное величія и вѣстѣ съ тѣмъ граціи, преимущественно же выраженіе лицъ, — искусство, въ которомъ Рафаэль не имѣлъ соперниковъ. Бѣснующійся — это образецъ нравственнаго и физическаго страданія.

Возводя взоры къ небу, мы видимъ Бога; въ лучахъ свѣта и славы. Его ликъ, истинно божественный, исполненъ величія и неземной красоты. Въ положеніи обонхъ Пророковъ выражается благоговѣйная покорность. Три апостола, сопровождавшіе Спасителя, поражены удивленіемъ и ужасомъ. Іаковъ со сложенными руками, поникъ головой къ землѣ; Петръ возвелъ взоръ къ небу, но не можетъ взирать на нисходящій оттуда яркій свѣтъ. Іоаннъ закрываетъ лицо рукою. Зрѣлище это возносятъ душу къ вышнимъ, благоговѣйнымъ помысламъ.

Преображеніе Господне исполнено было Рафаэлемъ по желанію кардинала Юлія Медичи, въ послѣдствіи папы Климента Седьмого, который намѣревался украсить имъ нарбонскій соборъ; но по случаю смерти Рафаэля, послѣдовавшей въ 1520 году, кардиналъ не хотѣлъ лишити Римъ этого великаго созданія и вмѣсто его для нарбонскаго собора приобрѣлъ образъ Севастьяна дель Пюмбо, изображающій: «Воскресеніе Лазаря».

Рафаэль скончался вскорѣ послѣ окончанія своего знаменитаго творенія. Тѣло его, по обычаю того времени, поставленное подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, помѣщено было въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилось его «Преображеніе». — Это безсмертное созданіе, исполненное жизни и движенія, произвело сильное впечатлѣвіе на присутствовавшихъ, стекшихся оплакивать его творца, неподвижнаго и бездыханнаго. Многіе писатели приводятъ это сближеніе въ доказательствѣ почестей, которыя возданы были памяти великаго человѣка. Нѣкоторые изъ современниковъ писали, что при погребальномъ шествіи «Преображеніе» несено было въ видѣ хоругви; но это несправедливо.

Нѣсколько времени спустя послѣ смерти Рафаэля, «Преобра

жесіе» перенесено было во дворець, занимаемый кардиналомъ Медичи. Тамъ образъ этотъ оставался до 1523 года, когда, по приказанію кардинала, онъ былъ поставленъ въ церкви San Pietro in Montorio. Въ 1757 году Стефанъ Поцци произвелъ его въ мозанкѣ для одной изъ алтарей церкви Св. Петра. Въ 1797 году, созданіе Рафаэля вошло въ число ста предметовъ искусства, уступленныхъ Франціи по толентинскому договору. «Преображеніе» доставлено было въ Парижъ; но въ 1815 году возвращено въ Ватиканъ, гдѣ и теперь находится.

Произведеніе Рафаэля было передано въ гравюрахъ многими художниками, и между прочимъ въ 1804 году знаменитымъ Раазелемъ Моргевоиъ.

Что касается до труда господина Юрдана, которому онъ посвятилъ двѣнадцать лучшихъ лѣтъ своей жизни, то по общему отзыву знатоковъ, твореніе Рафаэля ни кѣмъ не было воспроизведено болѣе достойнымъ образомъ. Не смотря на однообразіе штриха, гравюра господина Юрдана даетъ полное понятіе о высокихъ красотахъ Рафаэлевой картины: выраженіе лицъ, въ высшей степени трудное по идеальной высотности содержанія, передано нашимъ художникомъ съ изумительною вѣрностью; тѣлу придана чрезвычайная мягкость и выпуклость, драпировкѣ легкость и граціозность, планы соблюдены вѣрно. По всему видно, что господинъ Юрданъ не гнался за эффектомъ; но онъ достигъ большаго: силою необыкновеннаго терпѣнія и таланта, онъ опередилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ гравировальномъ искусствѣ, и обогатилъ русское художество такимъ произведеніемъ, подобнаго которому еще у насъ никогда не было, и какихъ найдется не много и за границею.

Оканчивая обзоръ нашъ, замѣтимъ, что давно мы не помнили выставки, въ особенности годовой, которая бы представляла столько яркихъ и утѣшительныхъ явленій. Картины Брюллова, портреты Зарянко и гравюра Юрдана, составляютъ главнѣе богатство и украшеніе выставки нынѣшняго года.

ДАВІДЪ ЖАЦКЕВИЧЪ.

=

ХИМИЧЕСКІЕ ЗАКОНЫ

ОБРАЗОВАНІЯ, РАЗРУШЕНІЯ И ПРЕВРАЩЕНІЯ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ФОРМЪ.

Минералогія, уже съ давнихъ временъ, слыветъ, въ общемъ мнѣніи, самую трудною, почти недоступною, естественною наукою; у каждаго образованнаго чловѣка есть извѣстный, конечно различнаго объема, кругъ познаній о животныхъ и растеніяхъ, но едва ли кто знаетъ что-либо о минералахъ; или точнѣе сказать, о животныхъ, всякій знаетъ кое-что, о растеніяхъ гораздо менѣе, а объ минералахъ, кромѣ неясныхъ слуховъ и толковъ, ровно ничего. Съ перваго раза могло бы показаться, что причиной тому единственно то обстоятельство, что одни изъ этихъ тѣлъ къ намъ ближе всего, другія болѣе отъ насъ отдалены, и что наконецъ, минералы рѣшительно намъ чужды, далеки отъ насъ; однакожь, разсмотрѣвъ дѣло поближе, мы легко убѣдимся, что сближеніе и связь наша съ каждымъ изъ трехъ царствъ природы совершенно одинаковы, и что, по этому причиной общаго невѣдѣнія относительно минераловъ, должно быть что-либо иное.

Замѣтимъ, что даже и натуралисты, знатоки дѣла, считаютъ минералогію самую несовершенною изъ естественныхъ наукъ; животные и растенія давно уже приведены, если не въ совершенныя, то по крайней-мѣрѣ въ хорошія *естественныя системы*; между-тѣмъ, какъ всѣ попытки составить естественную систему для минераловъ,

остались до нашихъ временъ напрасными, несмотря на то, что число различныхъ минераловъ, едва ли превышающее цифру 600, въ полномъ смыслѣ ничтожно передъ животными и растениями, которыхъ считаютъ сотнями тысячъ.

Объяснимъ это ближе и нѣсколько подробнѣе. Изученіе природы, *естественно-историческое*, есть чисто *наглядное*, основанное исключительно на наружныхъ признакахъ, на видимой формѣ тѣлъ; дѣло естественной системы состоитъ въ томъ, чтобъ постигнуть значеніе формъ и взаимныя отношенія и подчиненность ихъ между собою, и расположить всѣ известныя тѣла, животныя, растительныя и минеральныя, по этимъ соотношеніямъ, по степенямъ сродства и различія, по сходству и разности ихъ. Въ зоологій и ботаникѣ, все это доведено до такой степени совершенства, что ежели учащемуся объяснены будутъ, надлежащимъ образомъ, значенія цѣлыхъ формъ животныхъ и растений, и всѣхъ частей, изъ которыхъ онѣ составлены, и указана будетъ таблица или система, въ которой организмы расположены по степени сродства ихъ формъ; если къ этому показаны будутъ извѣстныя, и именно весьма немногіе изъ представителей каждаго изъ отдѣловъ системы, то ученикъ, взявъ въ руки фауну или флору какой либо частной мѣстности, можетъ, даже долженъ быть въ состояніи, опредѣлять по ней всѣхъ животныхъ и всѣхъ растеній этой страны. При этомъ опредѣленіи, нѣтъ надобности ни анатомировать, ни разлагать химически, ни разрушать инымъ какимъ-либо образомъ изучаемое животное или растеніе; стоитъ только признаки его формъ сличать съ признаками отдѣловъ системы. Заметьте при этомъ, что дѣльный учитель никогда не позволитъ ученику сличать опредѣляемое имъ животное или растеніе съ рисунками, а заставляетъ отыскивать ихъ въ системахъ по описаніямъ, точно такъ, какъ учитель рисованья не допуститъ срисовывать оригиналъ сквозь свѣтъ, на стеклѣ. Само собою разумется, что системы эти достигли такого совершенства не иначе, какъ при помощи сродныхъ наукъ, анатоміи, физиологій и химіи, и натуралистъ долженъ быть знакомъ съ путями и законами ихъ, но онъ употребляетъ для своего дѣла ихъ результаты, какъ уже приготовленные для него данныя.

Чтобъ убѣдиться, какъ чудны системы ботаники и зоологій, стоять, кажется, только посмотреть на дѣтей, выслушавшихъ нѣсколько

уроковъ у учителя, мало-малышкн дядькаго и смысленаго. Въ первый свободный, дѣльный день, они расходятся по лѣсамъ и лугамъ, кто съ сѣткою — ловить насекомыхъ, кто съ жестяною лядушкою собирать растенія и, воротясь домой, роются въ фавнахъ и флорахъ, чтобъ опредѣлить свои находки. Что нравится женщинамъ и дѣтямъ, то всегда достойно уваженія.

Изъ всего сказаннаго, кажется, понятно, каковы естественно-историческія системы зоологіи и ботаники; посмотримъ теперь, что представляетъ намъ минералогія. Эта наука состоитъ обыкновенно изъ двухъ частей: изъ *общей части*, или *пропедевтики* (приготовительной, вступительной части), иначе называемой также *физиографіею* минераловъ, и потомъ изъ собственно минералогіи, или *системы минераловъ*. Въ первой говорится о всѣхъ физическихъ, химическихъ свойствахъ или явленіяхъ минераловъ, и объ ихъ наружномъ видѣ, то-есть, о кристаллическихъ ихъ формахъ; во второй части описываются минералы по одной какой-либо системѣ, которая бываетъ часто *естественно-историческая*, то-есть основанная на однихъ наружныхъ признакахъ, или *химическая*, или наконецъ, *смѣшанная*, принимающая въ расчетъ и наружные признаки и химическій составъ. Если изучать ее такъ, какъ дѣлается въ зоологіи и ботаникѣ, то-есть, сначала общую часть, а потомъ немногихъ представителей въ каждомъ отдѣлѣ системы, расположенной по наружнымъ признакамъ, то такое изученіе не привело бы ни къ какому положительному результату, и выучившійся не былъ бы въ состояніи опредѣлять ни одного минерала, котораго ему не показывали прежде, но непременно надобно бы было показывать учащемуся если не всѣ, то, по-крайней-мѣрѣ, большую часть известныхъ минераловъ. Этотъ тяжкій трудъ полагали облегчить тѣмъ, что располагали минералы по признакамъ химическимъ, но и тутъ оказывалось, что эти признаки мало вводили на наружный бытъ минераловъ; и то и другое, какъ бы были совершенно чужды другъ другу. Наконецъ, построены были смѣшанныя системы; но и чрезъ это средство, минералогія не сдѣлалась *естественно-историческою наукою*, и чтобъ опредѣлить неизвѣстный или новый минералъ, все же оказывались необходимыми, или полный химическій анализъ, или опыты паяльною трубкою, или испытанія оп-

* 9001: — натура, природа, свойство, *γραφο* — пишу.

тическія, электрическія. Однимъ словомъ, теперь мы дошли до убѣжденія, что изучать минералы чисто естественно-исторически—невозможно, и что поэтому минералогія не будетъ никогда наукою чисто-наблюдательною, но останется всегда наукою опытною, то-есть такою, предметы которой должны быть подвергаемы опытамъ физическимъ и въ особенности химическому анализу. Причина тому заключается въ натурѣ минераловъ, совершенно иной, чѣмъ натура животныхъ и растений. Постараемся развить теперь эту особенность минераловъ, въ противоположность къ организмамъ:

Вся тѣла нашего земнаго міра, органическія и неорганическія, суть извѣстныя химическія соединенія двухъ, трехъ или болѣе простыхъ тѣлъ или началъ, которыхъ доселѣ считается до шестидесяти двухъ. Этотъ опредѣленный химическій составъ, есть самое главное, основное условіе существованія и всего бытія каждаго земнаго тѣла, или, другими словами, извѣстный химическій составъ даетъ тѣлу извѣстную форму, цвѣтъ и всѣ свойства, которыми оно отличается отъ всѣхъ другихъ или сходствуетъ съ ними; еще болѣе, вся жизнь животнаго и растенія состоитъ въ стремленіи поддерживать и сохранять свойственный имъ составъ; точно также и минералъ существуетъ въ свойственномъ ему видѣ и во всемъ бытіе его, только до тѣхъ-поръ, пока сохраняется его химическій составъ.

Вникнувъ ближе въ химическій составъ земныхъ тѣлъ, мы увидимъ, что онъ подчиняется только двумъ главнымъ условіямъ, и именно: 1) однѣ тѣла, или сами по себѣ, суть начала, простые, неразлагаемыя вещества, изъ числа шестидесяти-двухъ, на примѣръ *сѣра, алмазъ (углеродъ), золото, серебро, платина, мѣдь*; или онѣ суть исключительно *двойныя соединенія*, то-есть, сочетанія одного простаго тѣла съ другимъ, въ пропорціяхъ чрезвычайно простыхъ и малочисленныхъ, какъ на примѣръ минералъ, извѣстный подъ названіемъ *красной мѣдной руды*, есть соединеніе двухъ содержаній или двухъ паевъ мѣди съ однимъ павомъ кислорода, и такое соединеніе называется *двойнымъ соединеніемъ перваго порядка*; или наконецъ, эти тѣла суть сочетанія двухъ двойныхъ соединеній, на примѣръ, обыкновенная наша известь есть соединеніе, состоящее изъ сочетанія двухъ простыхъ тѣлъ (кальцій съ кислородомъ) съ двумя же простыми (углеродъ съ кислородомъ), что называется соединеніемъ *втораго порядка*; есть также соединенія *третьаго порядка*, даже *чет-*

второго, которыя необыкновенно рѣдки. И такъ, въ результатѣ выходитъ, что эти тѣла подчиняются самому простѣйшему химическому закону, потому-что онѣ представляютъ, или *простыя тѣла* (начала), или *двойныя соединенія перваго, втораго, третьаго* и очень рѣдко — *четвертаго* порядка.

2) Другаго рода тѣла никогда не бываютъ простыми началами, и кромѣ упомянутыхъ выше *двойныхъ соединеній* всѣхъ четырехъ порядковъ, представляютъ еще *тройныя* и *четверныя*, то-есть непосредственныя сочетанія трехъ и даже четырехъ началъ или простыхъ тѣлъ. Такимъ-образомъ, сахаръ, крахмалъ, растительныя масла, суть *тройныя* соединенія, состоящія изъ простыхъ тѣлъ — *углерода, кислорода* и *водорода*, въ разныхъ пропорціяхъ для каждаго тѣла; съ другой стороны, клеверъ, бѣлокъ, животное мясо, всѣ животныя слизистыя вещества, творогъ, суть *четверныя* соединенія *углерода, кислорода, водорода* и *азота*. Къ тому надобно еще замѣтить, что начала этихъ тройныхъ и четверныхъ соединеній, соединяются между собою въ пропорціяхъ или содержаніяхъ, несравненно разнообразнѣйшихъ, чѣмъ въ тѣлахъ перваго отдѣла. Однимъ словомъ, химическій составъ этихъ тѣлъ до безконечности разнообразенъ.

Такъ-какъ химическій составъ есть главное, основное, коренное условіе всей сущности тѣлъ, то естественно, что изъ двухъ главныхъ, выше изложенныхъ законовъ его, должны проистекать формы тѣлъ также двухъ главныхъ родовъ, и именно:

1) Тѣла простѣйшихъ, и въ тоже время малочисленныхъ химическихъ соединеній, являюся въ формахъ самыхъ простыхъ, геометрическихъ, въ видѣ *кристалловъ*, и число этихъ формъ до того невелико, что для всѣхъ извѣстныхъ минераловъ, главныхъ формъ, или такъ называемыхъ *кристаллическихъ системъ*, только *шесть*. Такъ-какъ простыя химическія соединенія, въ тоже время очень постоянны, то-есть, трудно разлагаются на свои начала, то изъ всего, этого и слѣдуетъ, что *минералы будутъ тѣла, являющіяся въ простыхъ геометрическихъ, и только въ шести главныхъ формахъ*, остающихся неизмѣнными, спокойными, безъ всякаго признака движенія, то-есть, безъ жизни, неизмѣримое, неопредѣленное число лѣтъ.

2) Для другаго общаго закона химическихъ соединеній, открывается несравненно обширнѣйшая дѣятельность; онъ произвелъ огром-

Всё число различных формъ, и каждая, отдѣльно взятая форма, вмѣщаетъ въ себя большое число двойныхъ и разнообразныхъ тройныхъ, и четверныхъ соединеній. Эти соединенія представляютъ жидкія и твердыя составныя ихъ части, непостоянныя въ своемъ составѣ, измѣняющіяся одна на счетъ другой, и пополняющіяся взаимною передачею составляющихъ ихъ началъ, такъ что одна часть необходима для существованія другой, какъ средство, какъ дятель, какъ органъ, почему эти составныя части и называются *органами*, а цѣлая форма, изъ нихъ образованная, называется *организмомъ*, который *живетъ* (то-есть, находится въ безпрестанномъ движеніи разложеній и сочетаній), совокупнымъ и взаимнымъ дѣйствіемъ всѣхъ своихъ органовъ. Таковы *животныя* и *растительныя организмы*, которые, въ свою очередь, различаются между собою степенью сложности ихъ химизма, то-есть; химизмъ животныхъ сложнее чѣмъ растений, и отъ этого органы первыхъ разнообразнѣе вторыхъ, и следовательно цѣлый организмъ животныхъ сложнее организма растений. Для лучшаго уразумѣнія измѣняемости химическаго состава органовъ возьмемъ частный примѣръ. Такимъ-образомъ, глазъ состоитъ изъ наружныхъ оболочекъ, изъ радужной оболочки, замыкающей отверстіе зрачка, и изъ влаги, стекловидной и водяной и чечевички, которыя преломляютъ свѣтъ. Сзади входитъ въ глазное яблоко зрительный нервъ, который внутри его разстилается въ видѣ тонкой, бѣлой оболочки, на которой рисуются вѣнныя предметы. У каждой изъ этихъ частей глаза свой химическій составъ, очень сложный, и потому легко разлагающійся. Лучи свѣта, входящіе въ глазъ, дѣйствуютъ на нервную оболочку въ родѣ того, какъ на дагерротипную доску, то-есть каждый лучъ, по своему свойству, разлагаетъ, измѣняетъ химически то мѣсто этой оболочки, на которое онъ падаетъ, и такимъ-образомъ, всѣ лучи, идущіе отъ вѣннаго предмета, такъ сказать вытравляютъ эту оболочку, производя на ней изображеніе, которое не прежде изглаживается, пока кровеносныя сосуды, здѣсь развѣтвляющіеся, не возстановятъ прежняго химическаго состава ея. Точно также и влаги и чечевичка, и оболочки глаза, представляющія каждая свой собственный химическій составъ, безпрестанно измѣняются, дѣйствіемъ лимфатическихъ сосудовъ, на нихъ развѣтвляющихся и постоянно всасывающихъ въ себя всѣ жидкости, между тѣмъ какъ кровь артеріальная и здѣсь исправляетъ утраченное. Подъ старость,

дѣятельность крови, то-есть, ея творческая, образующая, возстановительная дѣятельность, уменьшается, и въ результатѣ того, влага уменьшается и глазъ дѣлается влаще; точно также и чешуйца или хрусталикъ и прозрачная передняя оболочка глазаго яблока, становится суше и тусклѣе, отъ чего зрѣніе тупѣетъ.

И такъ, все, что доселѣ сказано было о сущности формъ организмовъ и минераловъ, приводитъ насъ къ слѣдующему конечному заключенію: хотя основная причина разности этихъ формъ, какъ для однихъ, такъ и другихъ, заключается въ разности химизма, но организмы различаясь дѣйствіемъ этой причины такъ сложно и разнообразно, и органы ихъ составляющіе, до такой степени подвижны и дѣятельны, что внѣшнее проявленіе этихъ формъ и всей драмы ихъ жизни, уже такъ хорошо рисуютъ передъ нами цѣлый организмъ, что мы ясно понимаемъ его и, слѣдовательно, легко отличаемъ отъ всѣхъ другихъ, не нуждаясь для этого вовсе въ изученіи его химическаго состава. — Совершенно иное представляетъ намъ минералъ: онъ спокоенъ и безъ всякаго движенія; онъ насквозь, во всѣхъ мельчайшихъ частицахъ своихъ одинъ и тотъ же; относительная величина для него вовсе безъ значенія, потому-что одинъ и тотъ-же минералъ можетъ являться кристаллами и чрезвычайно малыи, микроскопическими и гигантскими, смотря потому, сколько было матеріалу для его образованія. Цвѣтъ, столь существенный у животныхъ и растений, потому-что онъ есть произведеніе цѣлой жизни ихъ организма, этотъ цвѣтъ для минерала есть вещь посторонняя, зависящая отъ случайно-попавшаго въ него окрашивающаго вещества; такимъ-образомъ, гранатъ бываетъ краснаго, зеленаго, желтаго, коричневаго и чернаго цвѣта; алмазь есть безцвѣтный, синій, желтый, малиновый и даже дымчатый; цирконъ — бѣлый, сѣрый, зеленый, оранжево-желтый (гіацинтъ), коричневый и красный. — Даже кристаллическая форма не очень резко отличаетъ минералы одни отъ другихъ, потому-что для всѣхъ ихъ только шесть главныхъ формъ или кристаллографическихъ системъ, то-есть, другими словами, большое число минераловъ являются въ одной и той же формѣ; напримѣръ, правильнымъ октаэдромъ являются шпинель, магнитный желѣзнякъ, красная мѣдная руда, золото, серебро, мѣдь, алмазь, и многіе другіе. — Словомъ, какой-бы признакъ для характеръ мы не взяли, все онъ далеко не будетъ рѣшительнымъ или отличительнымъ для

минерала; одинъ химическій составъ останется для него неизмѣннымъ, существеннымъ, всегда отличающимъ его отъ прочихъ минераловъ, между-тѣмъ какъ всѣ внѣшнія его проявленія или наружныя признаки, будутъ болѣе или менѣе второстепенной важности, и какъ побочныя средства для различенія его отъ другихъ минераловъ.

Теперь, кажется, вполне понятно, почему въ минералогіи не можетъ быть чисто естественно-историческихъ системъ, и почему лучшія системы будутъ всегда тѣ, у которыхъ на первомъ планѣ химическій составъ. Однакожъ изъ того, что минералогія не принадлежитъ вполне къ естественно-историческимъ наукамъ, еще не слѣдуетъ, какъ многіе это дѣлаютъ, считать ее наукою несовершенною и недоступно-трудною для изученія. У людей есть не совсѣмъ похвальная привычка порицать другихъ за то единственно, что они или все или не совсѣмъ похожи на нихъ; иной, напримѣръ, готовъ сердиться на всякаго, кто носитъ шапку другаго покроя чѣмъ его, или за то, что у него въ обычаѣ всегда ходить съ палкою; но гуманность учить насъ, что каждый можетъ быть хорошею, превосходною, даже гениаленъ только въ своемъ собственномъ родѣ, и по этому приобретаетъ право на наше къ нему уваженіе. Не мѣряйте всѣхъ на свою мѣрку, и не требуйте отъ каждаго одного и того же. — Минералогія, какъ наука опытно-наглядная, не уступаетъ, въ стройности своей, нисколько прочимъ естественнымъ наукамъ, и изученіе ея кажется труднымъ и недоступнымъ, только оттого, что манера изученія минераловъ иная, чѣмъ изученіе животныхъ и растений.

Когда мы передъ симъ излагали два главныхъ закона химическихъ соединеній, то мы по возможности избѣгали частныхъ, для того чтобъ не запутать и не затемнить выводовъ; теперь же, когда эти выводы у насъ на лицѣ, мы можемъ тѣмъ съ болѣею пользою, рассмотреть поближе главнѣйшіе законы минеральныхъ химическихъ соединеній, и тѣмъ самымъ убѣдимся, что эта сторона минералогіи можетъ быть понимаема безъ затрудненій.

Законы минеральныхъ химическихъ соединеній. — Въ минеральномъ царствѣ есть двоякаго рода соединенія началъ; или случайныя, не подлежащая ни какому правилу механической скучиванія и смѣси, или настоящія химическія соединенія, и эти послѣднія всегда происходятъ по строгимъ, математическимъ законамъ, такъ-что два начала соединяются между собою въ опредѣленныхъ,

такъ сказать, *отмѣренныхъ содержанійхъ вѣса*. Хотя по большей части, каждыя два начала могутъ соединяться между собою въ *различныхъ содержанійхъ*, но при этомъ всегда наблюдается тотъ неизменный законъ, что если въ одномъ какомъ-либо изъ этихъ соединений, содержанія вѣса двухъ началъ будутъ относиться между собою какъ напр. m къ n (пишется $m : n$), то во всѣхъ прочихъ соединенияхъ, на одинъ и тотъ же вѣсъ m одного начала, будутъ приходиться произведенія (*мультипликата*) вѣса n на очень простые числа другаго начала.

Изъ этого закона мы видимъ, что принявъ за основаніе, за исходную точку, одно какое либо начало (простое тѣло, изъ числа шестидесяти-двухъ), мы можемъ построить таблицу, въ которой числами выражены будутъ содержанія вѣса, въ которыхъ различныя начала могутъ между собою соединяться, то-есть представимъ себѣ, что мы выбрали за основаніе начало A , особенно чѣмъ-либо замѣчательное, и изъ различныхъ соединений его съ другими началами B, C, D, E, \dots, Q , то-есть изъ различныхъ соединений A съ B, A съ C, A съ D, \dots, A съ Q , выберемъ, въ свою очередь, по одному какому-либо самому характерному, *нормальному* соединеній, то опредѣливъ вѣсъ началъ этихъ соединеній, и принявъ вѣсъ начала A за 1, мы получимъ, для этихъ нормальныхъ соединеній, выраженія $1 : m, 1 : m', 1 : m''$ и т. д.

Числа $1, m, m', m'' \dots$, называются *вѣсомъ началъ, эквивалентами* (равнозначителями) началъ, и обыкновеннѣе — *вѣсомъ атомовъ* началъ. Последнее названіе основывается на томъ предположеніи, что начала состоятъ изъ *атомовъ* (последнихъ, неделимыхъ частицъ) и что *нормальныя соединенія, суть не что иное какъ одинъ атомъ одного начала, съ однимъ же атомомъ другаго*. По этому числа $1, m, m', m'' \dots$ будутъ выражать вѣсъ атомовъ началъ A, B, C, D, \dots . По-русски многіе химики приняли называть вѣсъ атома *пасмъ*.

Другой, не менѣе важный законъ, состоитъ въ томъ, что числа $m, m', m'' \dots$ удерживаютъ свое значеніе во всѣхъ случаяхъ, то-есть, что они въ одномъ изъ соединеній двухъ началъ, выражаютъ истинное содержаніе ихъ вѣса; такъ напримѣръ въ одномъ изъ соединеній начала B съ C , непременно будетъ такое, которое будетъ выражаться

т: п', и именно когда одинъ атомъ начала В соединенъ съ однимъ же атомомъ С; если же напримѣръ, одинъ пай В соединяется съ двумя паями С, то отношеніе будетъ выражено такъ: п: 2 п'.

Въ практикѣ, нѣкоторые химики принимаютъ весь атома кислорода, большая же часть весь атома водорода за 1, и на этомъ основаніи, по выше изложеннымъ законамъ, опредѣленъ весь атома болѣе части началъ.

Для того, чтобъ выражать химическій составъ каждаго минерала, просто и наглядно, приняты опредѣленные знаки, а именно: каждое простое тѣло, начало, означается или первою буквою, латинскаго названія его, или первою и одною изъ слѣдующихъ буквъ; напримѣръ О значить кислородъ (Oxygenium), Н водородъ (Hydrogen.), Рb свинецъ (Plumbum), Zг Цирконъ. Каждый такой знакъ, въ то же время, выражаетъ одинъ атомъ начала; большее же число атомовъ выражается цифрою, поставленною сзади и сверху знака простаго атома, напримѣръ Рb³ значить три атома, или пай свинца.

Это общее правило измѣняется еще слѣдующими частными: 1) часты такія соединенія, въ которыя входятъ два атома одного начала и три другаго, тогда двойной атомъ, для краткости, выражается чертою, перечеркивающею знакъ одного атома, напримѣръ Al² есть то же, что и Al². 2) Кислородъ и сѣра входятъ въ составъ огромнаго числа минераловъ, по этому согласились вмѣсто О и S (Sulphur сѣра) употреблять для перваго столько точекъ, сколько атомовъ его, а для втораго столько же черточекъ (въ родъ запятыхъ); такъ Al² есть соединеніе изъ двухъ павъ алюминія (глиннѣ) съ тремя паями кислорода; такого состава драгоценные камни сафиръ и рубинъ; As³ значить одинъ пай арсеника (мышьяка) съ тремя спры, что будетъ минералъ оперментъ или аврипигментъ, изъ котораго готовится отличная желтая краска, называемая Königsgeib.

За этимъ, мы предлагаемъ любознательному читателю таблицу простыхъ тѣлъ, или началъ, съ ихъ знаками и весомъ атома каждаго начала. Въ этой таблицѣ не помещены немногія изъ началъ, не давно открытыя и не вполне еще изслѣдованныя, а именно: дидимій, эрбий, тербій, ниобій, нелоній, рутеній и вѣдальій. Google

I. Неметаллическія начала.

Худью проводники электричества и теплоты.

Названія.	Знаки.	Вѣсъ атома.
а) Обыкновенно въ видѣ газа :		
Кислородъ	Oxygenium O	8
Водородъ	Hydrogenium H	1
Азотъ	Nitricum N	14
Хлоръ	Chlorium Cl	36
Фторъ	Fluorium F	18,7
б) Обыкновенно жидкій :		
Бромъ	Bromus Br	78,4
в) Обыкновенно въ твердомъ видѣ :		
Углеродъ	Carbonium C	6
Фосфоръ	Phosphorus P	31,4
Сѣра	Sulphur S	16
Боръ	Boron B	10,8
Селеній	Selenium Se	40
Іодъ	Jodium J	126

II. Металлическія начала.

При обыкновенной температурѣ въ твердомъ видѣ (кроме ртути); большая часть металлическаго вида; очень хорошіе проводники электричества и теплоты.

А) Легкіе металлы; ихъ удѣльный вѣсъ меньше пяти, и они чрезвычайно охотно соединяются съ кислородомъ.

Названія.	Знаки.	Вѣсъ атома.
а) Металлическія основанія щелочей :		
Потассій	Kalium K	39,2
Натрій	Natrium Na	23,2
Литій	Lithium Li	6,4
Барій	Barium Ba	68,6
Стронцій	Strontium Sr	44
Кальцій	Calcium Ca	20
б) Металлическія основанія земель.		
Магній	Magnium Mg	12
Лантанъ	Lanthan La	36 ?
Итрій	Yttrium Y	32
Глицій	Glycium G	4,7
Алюминій	Alumium Al	13,7
Цирконій	Zirconium Zr	22,4
Силицій, Кремній	Silicium Si	15

В) Тяжелые металлы; удельный весъ свыше пяти.

Названія.

Знаки. Въсь атома.

а) Неблагородные металлы, т. е., такіе, которые въ огнь и безъ всякихъ другихъ пособій, не возста- новляются, т. е., не могутъ быть получены въ чистомъ видѣ.

а) Хрупкіе, трудно-плавкіе.

Торій	Thorium	Th	59,6
Титанъ	Titanium	Ti	24
Танталъ	Tantalum	Ta	185
Вольфрамъ	Wolframium	W	96
Молибденъ	Molybdenum	Mo	48
Ванадъ	Vanadium	V	68,6
Хромъ	Chromium	Cr	26,3
Уранъ	Uranium	U	60
Магній	Magnium	Mn	28
Церій	Cerium	Ce	46

β) Хрупкіе, легкоплавкіе или улетучивающіеся.

Мышьякъ	Arsenicum	As	75
Сурьма	Stibium	Sb	129
Теллуръ	Tellurium	Te	64
Висмутъ	Bismuthum	Bi	213

γ) Тягучіе благородные металлы.

Цинкъ	Zincum	Zn	32,2
Кадмій	Cadmium	Cd	86
Олово	Stannum	Sn	59
Свинецъ	Plumbum	Pb	104
Жельзо	Ferrum	Fe	28
Кобальтъ	Cobaltum	Co	29,5
Никель	Niceolum	Ni	29,5
Мѣдь	Cuprum	Cu	31,7

б) Благородные, сами по себѣ въ огнь возста новляющіеся металлы.

Ртуть	Hydrargyrum	Hg	100
Серебро	Argentum	Ag	108
Золото	Aurum	Au	198
Платина	Platinum	Pt	99
Палладій	Palladium	Pd	53,3
Родій	Rhodium	R	52
Иридій	Iridium	Ir	99
Осмій	Osmium	Os	99

Теперь читатель приобрѣлъ столько основныхъ познаній, что смѣло можетъ перейти къ ближайшему, болѣе подробному изученію различныхъ родовъ химическихъ соединений, въ которыхъ являются минералы :

I. Какъ простыя начала, являются многіе минералы, напримѣръ, свѣра S, алмазь C, графитъ (изъ котораго дѣлають карандаши) C, издъ Cu, ртуть Hg, серебро Ag, мышьякъ As, золото, Au, платина Pt.

За этимъ слѣдуютъ все двойныя соединенія, а именно :

II. Двойныя соединенія перваго порядка. Однажды уже сказано было, что кислородъ O и свѣра S, играютъ въ минеральномъ царствѣ важную роль, потому что образуютъ съ другими началами большое число соединений; поэтому-то, между двойными соединеніями перваго порядка, отличаютъ *кислородистыя* соединенія, *сѣрнистыя*, и такія, въ которыхъ ни O ни S неучаствуютъ.

A) *Кислородистыя* соединенія довольно многочисленны, и бываютъ слѣдующихъ родовъ :

1. *Кислоты*, суть электроотрицательныя кислородистыя соединенія, часто растворимыя въ водѣ, и тогда окрашивающія синія растительныя цвѣта, напримѣръ лакмусъ, въ красный цвѣтъ. Одна изъ ихъ составныхъ частей есть известное количество кислорода, другая же называется *радикаломъ*, и по различію сего послѣдняго, онъ бываетъ : а) *кислоты не металлическія*; такія, которыхъ радикалъ есть или *не металлическое* основаніе, напримѣръ азотная или селитряная кислота \ddot{N} , свѣрная \ddot{S} , борная \ddot{B} ; или радикаломъ бываетъ *легкій металлъ*, напримѣръ кислота силиція \ddot{Si} б) *Металлическія кислоты*, ихъ радикалъ есть всегда тяжелый металлъ, напримѣръ мышьяковая кислота \ddot{As} , волчецовая \ddot{V} , Титановая \ddot{Ti} .

При этомъ случаѣ, мы можемъ показать, примѣръ, какъ пропорціи этихъ соединеній выражаются числами. Возьмемъ \ddot{As} : здѣсь одинъ атомъ металла мышьяка съ тремя атомами кислорода; заглянувъ въ таблицу началъ, увидимъ, что весь атома мышьяка, то есть.

$\ddot{As} = 75$, а весь одного атома O = 8, слѣдовательно.

$O^3 = 24$, т. е. 8×3 ; посему

$\ddot{As} = 99$.

Говорено уже было, что каждое простое тело, или начало, состоит из простых атомов; поэтому, если одно начало соединяется съ другимъ и получается сложное тело, то также естественно будетъ принять, что это последнее будетъ состоять изъ атомовъ, но уже сложныхъ. И такъ, весь атомъ мышьяковой кислоты будетъ — 99.

Надобно замѣтить, что этого рода соединенія, то-есть кислоты, въ природѣ никогда не являются какъ отдѣльные минералы, за исключеніемъ одной мышьяковой кислоты As , известной также подъ названіемъ *арсениковыхъ цветковъ*; но онѣ играютъ важную роль въ соединеніяхъ, о которыхъ будетъ послѣ говорено.

Перейдемъ теперь къ разсматриванію другаго рода кислородистыхъ соединеній:

2. *Окислы*, суть электро-положительныя кислородистыя соединенія, имѣющія большое сродство съ кислотами; онѣ, по относительному количеству кислорода ихъ состава, раздѣляются на три группы, *основанія*, *недоокиси* и *перекиси*. а) *Основанія* или называются такія окислы, въ которыхъ есть именно столько кислорода, что онѣ съ кислотами образуютъ соли, или, какъ говорится, они суть *основанія солей*, и бываютъ, смотря по началу, которое здѣсь соединяется съ кислородомъ, или *основанія легкихъ металловъ* (железо и земля), или *основанія тяжелыхъ металловъ*. б) *Недоокиси* суть такія окиси тяжелыхъ металловъ, въ которыхъ слишкомъ мало кислорода, и с) *перекиси*, въ которыхъ его слишкомъ много, такъ что ни тѣ, ни другія не могутъ быть основаніями солей.

Окислы являются часто какъ особые минералы, такъ напримеръ *кварцъ*, во всѣхъ своихъ видахъ, то-есть, *кремень*, *горный хрусталь*, *аметистъ*, *сердоликъ*, *яшма*, *агатъ*, есть окисель легкаго металла *кремнія*, и именно Si , *корундъ* и его видоизмѣненія, *сафиръ* и *рубинъ*, есть также окисель легкаго металла *глинія*, Al . Въ особенности же много минераловъ доставили окислы тяжелыхъ металловъ; таковы напримеръ, *оловянный камень* Sn , *красная лядунная руда* Cu , *анатазъ* Ti .

В. *Сернистыя соединенія* представляютъ много аналогій съ кислородистыми; онѣ точно также какъ и эти послѣднія, распадаются на двѣ группы; а) *сульфиды* (Sulphides), электроотрицательныя, со-

соответствующія кислотамъ, напримѣръ минералъ *серпентинитъ* As есть сульфидъ мышьяка (арсеника); в) *сульфуретны*, электроположительныя, соответствующія основаніямъ, напримѣръ минералъ *свинный блескъ* Pb будетъ сульфуретъ свинца, а *серебряный блескъ* Ag , сульфуретъ серебра.

1) Наконецъ, отличаютъ такія двойныя соединенія перваго порядка, въ которыхъ ни кислородъ, ни сѣра не участвуютъ. Онѣ являются также какъ самостоятельныя минералы, и знаки ихъ пишутся такъ, что спереди становится электроположительное начало, а за нимъ электроотрицательное, причемъ читается на оборотъ, то-есть, съ права къ левой сторонѣ; напримѣръ *роговое серебро* AgCl , а читается — хлористое серебро; *плавиковый шпатъ* CaF или *фтористый кальцій*. — Берцелиусъ называетъ эти соединенія *галоидами**, куда также относится и *каменная* или *поваренная соль* NaCl , то-есть хлористый натрій.

III. Двойныя соединенія втораго порядка являются въ минеральномъ царствѣ, въ двухъ видахъ: а) *кислородистыя соли*, суть соединеніе какого-либо *основанія* (смотри выше) съ различными кислотами. Пишутся онѣ какъ и въ первомъ порядкѣ, то есть прежде электроположительное начало (основаніе), а за нимъ электроотрицательное (кислота), а выповаривается наоборотъ. Эти соединенія доставляютъ много минераловъ, напримѣръ *известковый шпатъ* CaC или углекислая известь, къ которой принадлежатъ *мѣль* и *мраморъ*; *ангидритъ* CaS , то есть сернокислая известь; дорогой камень *гидрацитъ* ZrSi , кремнеземоокислый цирконъ. б) *Сѣрнистыя соли*, то есть соединенія электроположительнаго сѣрнистаго металла съ электроотрицательнымъ сѣрнистымъ металломъ, то есть *сульфидовъ* и *сульфуретовъ*. Онѣ въ водѣ нерастворимы, и играютъ въ минеральномъ царствѣ важную роль, доставляя многіе минералы для *групъ*, *блесковъ*, *колчедановъ* и *блендъ*; таковы минералы: *Медисто-сурмяной блескъ* $\text{Cu}^{\text{II}}\text{Sb}$, *красная* и *серебряная руда* $\text{Ag}^{\text{I}}\text{Sb}$.

Примѣчаніе. Мышьякъ, селеній и теллуръ принимаютъ иногда на себя роль сѣры, образуя мышьяковистыя, селенистыя и теллуристыя

* As соль, *ідея* образъ, видъ; *галонды*, вещества похожія на соли.

металлическія соединения, а эти послѣднія соединяются между собою на манеръ свръстныхъ металловъ.

IV. Двойныя соединения третьяго порядка. Сюда принадлежать: а) такъ называемыя *двойныя соли*, образующіеся изъ соединенія двухъ простыхъ солей въ одно новое тѣло, котораго формула пишется такъ, что знаки двухъ простыхъ солей, соединяются значкомъ +; одна изъ этихъ простыхъ солей всегда электроположительная, другая же электро-отрицательная. Двойныя соли образуютъ огромное число минераловъ; напримѣръ *гранатъ* $\text{Ca}^2 \bar{\text{Si}} + \bar{\text{Al}}\text{Si}$, *смарagdъ* $\bar{\text{Al}}\text{Si}^2 + 3\bar{\text{G}}\text{Si}$. б) Къ третьему порядку причисляются также соединенія, гдѣ кислородистая соль соединяется съ водою въ одно тѣло; таковъ напримѣръ *гипсъ* $\text{Ca}\bar{\text{S}} + 2\text{H}$, или водная сврънокислая известь (здѣсь $\bar{\text{S}}$ есть свръная кислота, H вода).

V. Двойныя соединенія четвертаго порядка, заключаютъ въ себѣ гидраты * двойныхъ солей, или водныя двойныя соли, каковы напримѣръ *квасцы* $3\bar{\text{Al}}\bar{\text{S}} + \bar{\text{K}}\bar{\text{S}} + 6\text{H}$ (цифра 3 передъ первымъ членомъ, означаетъ три атома сложнаго тѣла $\bar{\text{Al}}\bar{\text{S}}$, то есть три атома соли, сврънокислаго глинозема).

Тройцыя и четверныя соединенія, то есть такія, гдѣ три, или даже четыре, начала непосредственно соединены между собою (но не по два, какъ мы видѣли выше), также встрѣчаются въ минеральномъ царствѣ; но онѣ не дѣлаютъ никакого исключенія изъ общаго закона минеральной химіи, потому-что эти тѣла растительнаго или растительно-животнаго происхожденія; слѣдовательно ихъ составъ образовался подъ руководствомъ органическо-химическаго закона. Такимъ-образомъ, большое семейство *каменныхъ углей* и *лигнитовъ*, кромѣ различныхъ земель и металловъ, содержатъ въ составъ своемъ *углеродъ*, *водородъ* и *кислородъ*, въ пропорціяхъ весьма разнообразныхъ, не только по различію сортовъ ихъ, но и по различію мѣстностей, гдѣ ихъ находятъ. Наблюденія геогностическія уже положительно доказали, что вся толща каменныхъ углей и лигнитовъ, была некогда огромными лѣсами тропическихъ древесныхъ растений. Тонкія пластинки нѣкоторыхъ сортовъ каменныхъ углей и

* *иногда* вода.

лигнитовъ, подъ микроскопомъ показываютъ еще растительную ткань, во всей ея подробности, и въ толщахъ каменноугольныхъ очень обыкновенны уцѣлвшіе еще стволы, плоды и отпечатки листьевъ.

Къ этому же роду соединеній, относятся и минеральныя смолы: *асфальтъ*, *горный воскъ*, *горный каучукъ*, которыя состоятъ изъ тѣхъ же трехъ началъ, а *горный каучукъ* содержитъ, кромѣ того, еще четвертое начало — *азотъ*.

Электро-отрицательныя и электро-положительныя составныя части. Въ предъидущемъ, мы иногда употребляли эти названія, но до-сихъ-поръ, не было удачнаго случая объяснить ихъ; теперь же мы это можемъ сдѣлать безъ всякихъ затрудненій. Между составными частями минераловъ существуетъ особаго рода электро-химическое соотношеніе, которое въ особенности резко и ясно является въ томъ случаѣ, когда минеральное вещество, въ сомкнутой гальванической цѣпи, разлагается на свои составныя части. При этомъ одна часть состава *привлекается положительнымъ*, другая же *отрицательнымъ полюсомъ*; такъ на примѣръ, при разложеніи воды, *кислородъ* собирается у *положительнаго*, а *водородъ* у *отрицательнаго* полюса. Въ такомъ соотношеніи находятся не только простые тѣла, или начала, но и сложныя составныя части минераловъ; такимъ-образомъ, если разлагать въ гальванической цѣпи соль, состоящую изъ *кислоты* и *щелочи*, то кислота притягивается *положительнымъ*, а щелочь *отрицательнымъ* полюсомъ.

На этомъ основывается раздѣленіе составныхъ частей минераловъ на электро-отрицательныя и электро-положительныя; первыми будутъ тѣ, которыя привлекаются *положительнымъ*, а вторыми, — *отрицательнымъ* полюсомъ, потому что, по известному общему закону, только противоположныя электричества притягиваютъ одно другое.

Изъ всѣхъ шестидесяти-двухъ началъ, есть только два, *кислородъ* и *потассій*, которыя, во всѣхъ возможныхъ соединеніяхъ съ другими началами, удерживаютъ одно и тоже электро-химическое свойство, то-есть, *кислородъ* является всегда *электро-отрицательнымъ*, а *потассій* *электро-положительнымъ*. Для всѣхъ прочихъ началъ, это свойство что относительнаго значенія, то-есть, если вещество А,

относительно къ веществу В, является электро-отрицательнымъ, то къ телу С оно можетъ-быть электро-положительнымъ; такимъ-образомъ, *сыра*, въ отношеніи къ кислороду, есть начало электро-положительнаго, а къ желъзу — электро-отрицательное. *Неметаллическія* начала, въ отношеніи къ металлическимъ, суть *электро-отрицательныя*, а между металлами, *тяжелыя* — *электро-отрицательныя* въ отношеніи къ легкимъ.

И такъ, въ каждомъ химическомъ соединеніи двухъ началъ, одно будетъ электро-отрицательнымъ въ отношеніи къ другому, а наоборотъ, другое начало будетъ электро-положительнымъ въ отношеніи къ первому. Точно въ такомъ же отношеніи находятся между собой *сложныя составныя части* всякаго минерала; напримеръ въ соединеніи СаС (известковый шпатъ), сложная составная часть Са (известъ) будетъ электро-положительною въ отношеніи къ С (углекислота), а это последнее электро-отрицательнымъ. Здесь, точно также какъ и между началами, электро-химическое свойство сложныхъ веществъ, можетъ быть или абсолютнымъ, неизмѣннымъ ко всемъ веществамъ, съ которыми оно соединяется, напримеръ, *всѣ настоящія кислоты всегда электро-отрицательны* въ отношеніи ко всемъ *основаніямъ*, съ которыми онѣ составляютъ соли; или электро-химическое свойство можетъ быть только *релятивнымъ, относительнымъ*, то-есть, въ соединеніи съ однимъ веществомъ — электро-положительнымъ, а съ другими — электро-отрицательнымъ; такъ *вода Н*, въ соединеніи съ *кислыми окисями металловъ* (перекись), играетъ роль основанія, а съ окисями основными (просто *окись*), принимаетъ на себя роль кислоты, следовательно электро-отрицательнаго свойства.

До-сихъ-поръ мы разсматривали электро-химическія отношенія составныхъ частей соединеній *перваго и втораго порядка*, или какъ ихъ называютъ, *соединеній одночленныхъ*; для *двучленныхъ* соединеній существуетъ тотъ законъ, что простое или сложное вещество, входящее въ составъ обоихъ членовъ химическаго состава какаго-либо минерала, удерживаетъ въ каждомъ изъ членовъ одно и то же электро-химическое свойство, то-есть, когда въ одномъ оно электро-отрицательно, то и въ другомъ таково же, и чтобъ сказать точнее, это общее обоимъ членамъ вещество, чаще всего бываетъ *зак-*

три-отрицательнымъ, такъ какъ и въ соединеніи $\text{CaSi} + \text{AlSi}$ (гранатъ), вещество Si въ обоихъ членахъ электро-отрицательно, потому что въ каждомъ играетъ роль кислоты (кислота кремнія). Гораздо рѣже вещество, обимъ членамъ общее, играетъ двойную роль, какъ и въ соединеніи $\text{AlSi} + 2\text{FeAl}$ (хризоберилъ), вещество Al въ первомъ числѣ играетъ роль основанія, следовательно, электро-положительнаго свойства, а во второмъ членѣ оно является кислотою, веществомъ электро-отрицательнымъ.

Различная химическо-образовательная наклонность веществъ. Какъ начала, такъ и сложные соединенія, представляютъ весьма различную степень наклонности вступать въ разнообразныя соединенія съ другими веществами. Вообще говоря, у электро-отрицательныхъ веществъ эта способность болѣе, чѣмъ у электро-положительныхъ, и между первыми кислородъ входитъ въ разнообразнѣйшія соединенія съ прочими веществами, а за ними, по обширности этого свойства, слѣдуетъ сера.

Относительно сложныхъ веществъ, замѣчается тотъ же самый законъ. Такимъ-образомъ, кислоты, какъ рѣзультатъ электро-отрицательныхъ веществъ, образуютъ съ разнообразнѣйшими основаніями такое множество солей, что большая часть минераловъ суть простыя или двойныя соли: Между настоящими кислотами, углекислота и серная кислота, одарены этимъ свойствомъ въ высшей степени. Кремнеземъ Si, очень рѣдко играетъ роль основанія, но за то какъ кислота, онъ вступаетъ въ огромное число соединеній. — Вода, которая по своимъ свойствамъ стоитъ въ серединѣ между кислотами и основаніями, входитъ также во многія соединенія, но число ихъ гораздо меньше, чѣмъ число кремнеземакислыхъ соединеній. Водныя соединенія замѣчательны между-прочимъ тѣмъ, что пропорція ихъ составныхъ частей неопредѣленна, и что онѣ вообще неустойчивы, т.е. легко разлагаются.

Мы надѣемся, что читатель, прослѣдивъ за нами внимательно все изложенное, приобрѣлъ столько положительныхъ свѣдѣній въ минеральной Химіи, что ему совершенно понятны будутъ слѣдующіе интересные факты зависимости наружнаго вида минераловъ отъ химическаго состава ихъ:

АВТОТВИЩЕСКІЯ И ГЕТЕРОТВИЩЕСКІЯ СОСТАВНЫЯ ЧАСТИ.

Хотя наружные свойства минераловъ зависятъ отъ всѣхъ ихъ составныхъ частей, но опытомъ и наблюденіями дознано, что эта зависимость не одинаковой степени, и что известные составныя части опредѣляютъ эти свойства гораздо рѣшительнѣе и очевиднѣе, чѣмъ другія, такъ-что въ наружномъ бытѣ различныхъ сложныхъ минераловъ, такъ сказать, проглядываетъ, то та, то другая изъ ихъ составныхъ частей, болѣе и очевиднѣе чѣмъ всѣ прочія составныя части. Другими словами, первыя изъ этихъ составныхъ частей даютъ сложному минералу свой видъ, весь свой наружный бытъ; эти *начала одинаковаго съ минераломъ быта*, между-тѣмъ, какъ прочія его составныя части, рѣшительно не похожи на наблюдаемый сложный минералъ, онъ *цнаго быта*, по этому-то, первыя названы *автотипическими*, вторыя же *гетеротипическими**. Такимъ-образомъ, большая часть *неметаллическихъ началъ*, обладающихъ большимъ сродствомъ къ прочимъ началамъ, то-есть легко и часто съ ними соединяющихся, каковы *кислородъ, сера, хлоръ, фторъ*, въ особенности отличаются своимъ *автотипическимъ свойствомъ*; — вообще же всѣ *электро-отрицательныя* начала и сложные тѣла, до того замѣчательны этимъ свойствомъ, что известный химикъ Гмелинъ, называетъ ихъ *образователями*, въ противоположность къ прочимъ, которыя онъ называетъ *образующимися*. Бѣданъ также удачно называетъ первыя *началами минерализующими* (*éléments minéralisateurs*), а вторыя *минерализующимися* (*minéralisables*). Блестательное подтвержденіе этого закона представляетъ намъ семейство минераловъ, состоящихъ изъ соединений серы съ металлами, мышьякомъ, ртутью, серебромъ, цинкомъ и сурьюю, то-есть, семейство *сульфидовъ*, обнимающее минералы: *аврипиgmentъ, реалгаръ*, (савдаракъ), *киноварь*; *красную серебряную руду, красную сурьмяную руду*. Сера до того явственна налагаетъ на нихъ всю свою натуру, что, увидя одинъ изъ этихъ минераловъ, непременно приводишь себя на память и всѣ прочіе, потому-что они во всемъ наружномъ бытѣ своемъ проявляютъ какъ-бы постепенныя измѣненія одного и того же качества ихъ *автотипа* — серы, между-тѣмъ

* *Autos*: самъ, свой, тотъ-самый. *Typos*, отпечатокъ, видъ, образъ, все что глазъ обвиняетъ въ предметъ, тоже что по-латыни *Nabitus* = наружный бытъ или просто *бытъ* *Еτερος* иной, другой, чужой.

какъ натура металловъ, входящихъ въ ихъ составъ, совершенно иная, *естратимическая*. Такимъ образомъ цвѣта этихъ минераловъ составляютъ постепенные переходы отъ желтаго (аврициментъ) оранжево-коричневаго (реалгаръ), оранжево-краснаго (киноварь), до прекраснаго пурпуроваго (красная серебряная и красная сурьмяная руды); эти цвѣта, какъ нельзя лучше напоминаютъ сыру, точно также какъ и перламутровый блескъ ихъ поверхности; кристаллы этихъ минераловъ сильно просвѣчиваютъ насквозь, точно-точно какъ и сыра въ кристаллическомъ видѣ; наконецъ, минералы эти, будучи нагреваемы, издаютъ запахъ сыры. Металлы, входящіе въ составъ, напротивъ того, почти ни сколько не напоминаютъ здѣсь о себѣ: чистый мышьякъ сѣровато-серебрянаго цвѣта, ртуть и серебро блестяще-серебряныя, сурьма сѣро-стальная, и все они рѣзительно непрозрачны и даже въ тончайшихъ пластинкахъ несколько не просвѣчиваютъ.

Диморфизмъ минераловъ. — Минералы, относительно наружной формы, являются двоякимъ образомъ, или какъ массы неопредѣленнаго вида, такъ называемыя *аморфныя* * массы, или въ *кристаллической формѣ*, замкнутой прямыми гранями, ребрами и углами. Общая форма этихъ кристалловъ, равно какъ и видъ, размѣренія и относительныя расположенія всѣхъ частей ихъ, подчиняются строгимъ математическимъ законамъ, вслѣдствіе владычества которыхъ, какъ уже мы однажды упомянули, выходитъ шесть главныхъ формъ, въ которыхъ являются все известные минералы. Эти главные формы называются *кристаллическими системами*, потому-что каждая изъ нихъ есть собственно совокупность нѣсколькихъ простыхъ и сложныхъ формъ, построенныхъ по одному общему условию**. Такъ-какъ всѣхъ минераловъ считается до 600, то и естественно, что на каждую кристаллическую систему приходится значительное число ихъ; но какъ химическій составъ каждаго минерала непременно отличенъ отъ всѣхъ другихъ, то и выходитъ, что многія тела

* *А безъ, Моренъ* видъ.

** Чтобы читатель насъ совершенно повѣлъ, намъ слѣдовало бы поближе развернуть передъ нимъ формы кристаллическихъ системъ; но такъ-какъ этотъ важный и въ высшей степени интересный предметъ, значительно обширенъ, то бесѣду объ немъ, исключительно, отложимъ до другаго случая.

разнообразных химических составов являются въ формахъ одной и той же системы, съ тѣмъ, однакожъ, ограничениемъ, что *одно и то же химическое соединеніе, никогда не падаетъ въ формахъ, принадлежащихъ къ разнымъ кристаллическимъ системамъ.*

Этотъ послѣдній законъ представляетъ однако же исключеніе исключеній; есть химическія соединенія, которые принимаютъ на себѣ формы двухъ совершенно различныхъ системъ, что называется *триморфизмомъ**. Мичерлихъ первый обратилъ вниманіе на это явленіе, увидѣвъ изъ своихъ опытовъ, что *растворенная сера* кристаллизуется въ формахъ системы *моноклинодрической*, между-тѣмъ, какъ въ природѣ она является кристалли *ромбической системы*. За этимъ наблюденіемъ нашлись такіе же явленія и въ самой природѣ; такимъ-образомъ, чистый *углеродъ* является *алмазомъ* (правильной системы) и *графитомъ* (гексагональной), *углекислая известь*—*известковымъ шпатомъ* (ромбодрической), и *аррагонитомъ* (ромбической), *бисульфуретъ железа* въ *спрнхъ колчеданомъ* (правильной) и *маркаситомъ* (ромбической).

Есть даже примѣры *триморфизма*, гдѣ одно и то же вещество является въ трехъ формахъ, напримѣръ, *спрнокислый окисель никеля* кристаллизуется въ формахъ трехъ системъ, *ромбической, квадратной и моноклинодрической*, и *титановая кислота* даетъ три различныхъ минерала, *анатазъ, рутилъ и брукитъ*.

Эти явленія мы назвали исключеніями изъ общаго закона; но мы должны сдѣлать важную оговорку; исключеніе есть дѣйствіе безотчетнаго произвола, прихоти, а такихъ явленій въ природѣ нѣтъ, иначе, вмѣсто стройнаго цѣлаго, вышелъ бы хаосъ. Въ природѣ есть *общіе законы* и имъ подчиненные *частные*, и то, что есть выраженіе сихъ послѣднихъ, намъ кажется исключеніемъ. Когда осуществляется какое-либо химическое соединеніе, то въ немъ лежитъ уже условно осуществиться, явиться въ известной формѣ (общій законъ), когда, напримѣръ, углекислота соединяется съ известью, то углекислая известь, сама по себѣ, должна явиться въ формѣ ромбодрической системы; но каждое химическое соединеніе приводится въ то же время въ дѣйствительность и другими дѣйствительностями, *теплотою и замкнутостію* (частный законъ), по этому-то, напримѣръ, *растворенная*

* *Dis* дважды, *Morph* видъ.

состояніи температуры, при которой происходит одно и то же соединение, может превратиться въ одну или различныя формы, какъ въ угле: въ доменномъ опыте мы имеемъ известкомыя и углеродистыя.

ОТНОШЕНІЕ ХИМИЧЕСКАГО СОСТАВА КЪ СПОСОБНОСТИ ЭТОГО ЭЛЕМЕНТА КРИСТАЛЛИЗОВАТЬСЯ. — Царство минеральное; кроме оскожныхъ коралловъ, состоятъ изъ медлительныхъ или оскожихъ; относительно: растеній, натуралисты двойнымъ мнѣніемъ, одни принимаютъ каждое растение за медлительное, другіе, напротивъ того, говорятъ, что оно есть собраніе стелющихся медлительныхъ, сколько на каждомъ растеніи цвѣтковъ. Объ минералахъ прежде было такое понятіе, что въ нихъ вовсе не находили медлительныхъ, по той причинѣ, что любой минералъ можетъ быть раздробленъ на множество частей, и всѣ онѣ будутъ сходны между собою; теперь же говорятъ, что однѣ аморфныя массы не суть медлительныя, но кристаллы представляютъ въ полномъ смыслѣ медлительнаго царства. Изъ этого видно, что весьма важно и поучительно было бы знать, какія химическія соединенія въ какой степени обладаютъ способностью принимать кристаллическій видъ, потому что намъ было бы тогда понятно, почему одни минералы являются кристаллами отличнаго совершенства, такъ сказать, совершенной отделки; другіе, напротивъ того, кристаллами не ясно развитыми, и наконецъ нѣкоторые только аморфными массами. Къ сожалѣнію, въ этомъ предметѣ еще много проблѣвъ, такъ что мы можемъ указать только на небольшое число законовъ:

1) Началамъ и веществамъ наиболее электро-отрицательнымъ стремленіе кристаллизоваться свойственно въ высшей степени, чѣмъ электро-положительнымъ. Такимъ образомъ, начала, *сѣра* и *углерода* (алмазъ, графитъ) обнаруживаютъ уже сами по себѣ стремленіе къ кристаллизационной, несравненно сильнѣе, чѣмъ большая часть металловъ; въ особенности ясно участіе электро-отрицательныхъ началъ на способность кристаллизоваться различныхъ химическихъ соединений; такъ напримеръ, *кислородъ* и *хлоръ*, которые сами по себѣ никогда не бывають въ твердомъ и, следовательно, въ кристаллическомъ видѣ, вступая въ соединенія съ другими веществами, обыкновенно унаследуютъ кристаллизационную способность этихъ соединений, точно такъ какъ и начала; *сѣра*, *углеродъ*, *селеній*,

мышьякъ, сурьма, теллуры, соединяясь съ металлами, производятъ тела, очень склонныя къ принятію кристаллическаго вида. — Два газообразныхъ начала, кислородъ (абсолютно-электро-отрицательный) и водородъ, производятъ воду, минераль, очень охотно кристаллизующійся.

2.) Способность химическихъ соединений принимать кристаллическій видъ, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ болѣе химически между собою противоположны составныя ихъ части, и вообще тѣмъ сложнѣе это соединеніе. Такъ, соединенія неметаллическихъ и металлическихъ началъ обнаруживаютъ большую способность кристаллизоваться, тѣмъ соединенія металловъ съ металлами, и между ними послѣдними, напримеръ, соединеніе теллура и свинца, мышьяка съ кобальтомъ, сурьмы съ серебромъ, охотнѣе кристаллизуются, тѣмъ соединенія золота съ серебромъ, платины съ желѣзомъ, желѣза съ никелемъ. Взглянувъ въ таблицу началъ, мы увидимъ, что металлы первыхъ соединеній принадлежатъ къ одному и тому же отдѣлу, следовательно сродны между собою; между-тѣмъ какъ металлы послѣднихъ соединеній изъ двухъ разныхъ группъ и потому разнородны. — Выше сказано, что кристаллизационная способность усиливается тѣмъ болѣе, тѣмъ сложнѣе составъ; такъ напримеръ кремнеземистыя соли чаще кристаллизуются тѣмъ самъ кремнеземъ, а двойныя соли еще чаще, тѣмъ простыя.

3.) Вода, входя въ химическій составъ минераловъ, ослабляетъ ихъ кристаллизационную силу; гидратъ окисла желѣза, гидратъ марганца, гидратъ кремнезема, рѣже являются кристаллами, тѣмъ тѣже составы, но безъ воды, а нѣкоторые гидраты досель еще не найдены въ кристаллическомъ видѣ.

4.) Наконецъ вещества, составъ которыхъ произонсгалъ по закону органическо-химическому, то-есть, гдѣ три и четыре начала непосредственно и въ разнообразныхъ пропорціяхъ между собою соединяются, такія вещества никогда не кристаллизуются, каковы камениыя угли и минеральныя смолы.

Минералы и горныя породы. — Минераломъ называется всякое минеральное вещество, всегда и во всѣхъ мѣстностяхъ одного и того же химическаго состава являющееся массами аморфными, или какъ ведлимое, то-есть, кристаллами. Такъ напримеръ: *смазь, турмалинь, гранать, сафирь, рубинь*, будутъ минералами.

Некоторые изъ минераловъ очень рѣдко встрѣчаются въ природѣ, другіе чаще, и наконецъ, изъ числа всѣхъ шести-сотъ минераловъ, сотъ до сорока такихъ, которые весьма обыкновенны, а именно:

- | | | |
|-------------------|---|--|
| 1. Кварцъ. | } Семейство поле-
воплатовыхъ минера-
ловъ. №№ 21—30. | 21. Диаллагъ. |
| 2. Полевой шпатъ. | | 22. Аметистъ, въ своихъ видоизмѣ-
неніяхъ : |
| 3. Албитъ. | | Роговая обманка и |
| 4. Песталитъ. | | Тремолитъ. |
| 5. Ріаколитъ. | | 23. Пироксена видоизмѣненія : |
| 6. Олигоклазъ. | | Диопсидъ и |
| 7. Лабрадоръ. | | Авгитъ. |
| 8. Жадъ. | | 24. Турмалинъ или шорлъ. |
| 9. Трифанъ. | | 25. Гранатъ. |
| 10. Элеолитъ. | | 26. Эпидотъ. |
| 11. Мезотипъ. | 27. Магнитный желѣзнякъ. | |
| 12. Аналицитъ. | 28. Бурый желѣзнякъ. | |
| 13. Аниггенъ. | 29. Углекислая известь. | |
| 14. Содалитъ. | 30. Доломитъ. | |
| 15. Слюда. | 31. Гипсъ. | |
| 16. Лендолитъ. | 32. Ангидритъ. | |
| 17. Хлоритъ. | 33. Каменная соль. | |
| 18. Талькъ. | 34. Глина. | |
| 19. Серпентинъ. | | |
| 20. Гиперстенъ. | | |

Эти минералы, часто сами собою, по одиночкѣ, образуютъ огромныя массы въ горахъ, напримѣръ серпентинъ и лабрадоръ, или часто механическимъ смѣшеніемъ по два, по три и болѣе, являются толстыми и большими пластами и даже цѣлыми горами. Такія большаго размѣра массы одного какого-либо минерала или смѣси нѣсколькихъ, называются *горными породами* (Berg-Arten, roches), потому-что изъ нихъ состоятъ всѣ горы и вся кора нашей земли. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Гранитъ, употребляемый у насъ на постройки, образующій горы въ Финляндіи, есть горная порода, состоящая изъ смѣси минераловъ *полеваго шпата*, *олигоклаза* (иначе натристаго сподумена), *слюда* и *кварца*. Первый изъ нихъ представляетъ по массѣ и представляеть не совершенно разившіеся, закругленные кристаллы красноватаго цвѣта; олигоклазъ, въ видѣ сѣровато-зеленыхъ колецъ, окружаетъ каждый кристалъ полеваго шпата; слюда состоитъ изъ

тоненьких, пластинчатъ сѣраго или чернаго цвѣта, очень тонкихъ и гнѣбно одна отъ другой отдѣляющихся; кварць представляетъ мѣри доминантаго или бѣлаго цвѣта, и какъ стекло свѣтлаго сланца.

Сіенитъ очень похожъ на гранитъ, съ тою только разницею, что вмѣсто слюды, въ немъ черныя кристаллики *роговой обманки*.

Гнейсъ составляетъ изъ тѣхъ же минераловъ, какъ и гранитъ, но слюда образуетъ въ немъ тонкіе прослойки, отчего вся масса сланца слоистаго сложенія. Въ Финляндіи онъ очень обыкновененъ.

Слюдяной сланецъ, образующій также горы въ Финляндіи, состоитъ изъ слюды и до того мелкихъ зеренъ кварца, что онъ незамѣтенъ для глаза, и вся масса кажется будто бы только изъ слюды серебристо-сѣраго цвѣта.

Порфиръ представляетъ, во-первыхъ, основную массу занесеннаго, бурога, красноватаго, или фиолетоваго цвѣта; глазъ въ этой массѣ не замѣчаетъ никакого особеннаго расположенія, она аморфна, но химическій анализъ показываетъ, что составъ ея такой же какъ и полеваго шпата. Въ этой массѣ вкраплены кристаллы полеваго шпата, а иногда кварца и олівина, которые даютъ порфиру яркую пестроту. Ближайшее къ намъ мѣсто, гдѣ порфиръ образуетъ горы, есть островъ Гохландъ, откуда куски или валуны занесены и къ намъ. Гдѣ для шоссѣ разбиваются валуны, любознательные могутъ собрать отличную коллекцію многихъ горныхъ породъ, гранитовъ, гнейсовъ, сіенитовъ, слюдяныхъ сланцевъ, порфировъ, и даже рѣдкихъ минераловъ, какъ *каповы ортитъ*, *квантобиллитъ*, *пираргиллитъ*, *граммитъ*. Особенно мы советуемъ, для этой цѣли, рывыся въ ночь по вѣсѣ устроеннаго шоссѣ, между дачами Льеваго институту.

Известнякъ есть горная порода, состоящая изъ механической смеси углекислой извести, мелкихъ зеренъ кремнезема (песку) и глины. Массы такихъ известняковъ залегаютъ огромными толщами у Морскаго села, по рѣчкѣ Пулковкѣ, Ижорѣ, Тоскѣ, въ Красномъ озе и Ропнѣ, и употребляются у насъ для фундаментовъ и тротуаровъ. *Морскаими* называется также оная смесь, но съ преобладаніемъ глины.

Песчанникъ состоитъ изъ зеренъ разной величины кварца (песку), связаннаго въ одну массу разной плотности известью. Точка залегать изъ этой породы; отличнаго англійскаго окрѣпова, также въ окрѣповѣ.

Гематитовый шифер или *синюць* состоитъ изъ *глины*, и *небольшаго количества* *железа*. Онъ, какъ и *все шиферныя породы*, легко разбивается на тонкія пластинки, что дѣлаетъ его пригоднымъ для *защитныхъ досокъ*, на выработку *дисковъ*, изъ которыхъ за *трещиной* употребляютъ *кромки*. *Плоскыя и толстыя куски доставляютъ камни*.

Раздвоенный шифер есть смесь *двухъ минераловъ*, *малакита* и *мрамора*. По *свойству* *перваго*, эта *горная порода* *жирна на осезаніе*.

Гиперстеновая базальт порода состоитъ изъ смеси *минераловъ*, *шиферстена* и *лабрадора*.

Зеленый камень, *эрионитовый* или *долеритъ*, состоитъ изъ *аффидора* въ видѣ *узкихъ пластинчатыхъ кристалковъ*, *переливающимся* *свѣтлаго цвѣта*, и изъ *черныхъ кристалковъ широмсена*; *отчего* изъ смеси *свѣтлого и чернаго цвѣтовъ*, *происходитъ* *темно-зеленоватый*.

Дюринъ *составленъ* изъ *кристалковъ*, *албита*, *роговой обманки* и *кварца*. — Онъ также известенъ подъ *названіемъ эрионитоваго*.

Мраморъ, почти чистая *углекислая известь*, съ *примѣсью* *напримѣръ* *трамолита*; *этотъ послѣдній* въ *мраморѣ*, *которымъ* *обложены* *наружныя стѣны* *Исакиевскаго собора*, образуетъ *древосидныя шпаны* *зеленоватаго цвѣта*. Онъ ломается у *деревни Рускиля*, въ *Выборгской губерніи*.

Базальты, образующія *всегда коническія горы*, *разтреснувшіяся* на *множество шестигранныхъ столбовъ*, состоятъ изъ смеси *пироксена* и *лабрадора* до *того* *тѣсной*, что *глазъ* не отличаетъ ихъ *болѣе*.

Изъ *этихъ примѣровъ* уже *достаточно* *понятно*, что такое *минералъ* и *горная порода*. *Первое* *выражаетъ* *понятіе частное*, *второе* — *собрательное*. *Если* *хотимъ* *добыть минералы*, то *надобно отправиться* въ *горы* и *порыться* въ *горныхъ породахъ*, изъ *которыхъ* онъ *состоитъ*. *Такимъ-образомъ*, *богемскіе граниты*, *близъ Карлсбада*, *знамениты* *отличными кристаллами* *полеваго шпата*, а *слонднныя сланды* *яркими гранатами*. — *Берегъ Лабрадора* въ *Америкѣ*, состоитъ изъ *породы гиперстеновой*, въ *которой* *падаютъ большыя кристаллы* *минерала Лабрадора*. — Въ *осьмидесяти-пяти верстахъ* *отъ Екатеринбурга*, на *восточномъ склонѣ* *Урала*, въ *слодонномъ сланцѣ*, *падаютъ* *огромной величины* и *чистой воды* *изумруды или смарагды*.

Въ *трещинахъ* и *пустомахъ известняковъ*, *встрѣчаются* *хорошо*

кристаллы *известкового шлата*, который есть также углекислая известь, но чистая и окристаллизованная, то-есть; въ полномъ значеніи минералъ.

Измѣнчивость минеральныхъ формъ. Однажды мы подробно говорили о томъ, что органическія формы; животныя и растительныя, существуютъ только определенное время*. О минералахъ выше сказано было, что они, получивъ однажды определенный химическій составъ и соответствующую ему форму, остаются таковыми на неопределенное число лѣтъ; впрочемъ, эту неопределенность должно разумѣть относительнымъ образомъ, только сравнительно съ организмами, а собственно индивидуальность каждаго минерала подлежитъ также общей участи всего, что въ мирѣ является какъ форма; одни законы вѣчны и непреложны, а формальное проявленіе ихъ, недѣлимая, преходящія и временныя.

Причины изчезновенія организмовъ двоякаго рода: внутреннія, отъ которыхъ нѣтъ никакой возможности уберечься, и внѣшнія, противъ которыхъ все животныя могутъ принимать довольно действительныя мѣры. Къ первымъ принадлежитъ сама жизнь, условія которой таковы, что все процессы, составляющіе сущность и наслажденіе жизни, неминуемо влекутъ за собою прекращеніе ея. Другія причины суть сумма всей внѣшней обстановки организмовъ.

Для минераловъ существуютъ только внѣшнія причины, уничтожающія ихъ индивидуальность. Эти враждебные дѣйствители суть же самыя шестьдесятъ два начала и ихъ различныя двойныя соединенія, изъ которыхъ состоитъ весь минеральный миръ и которыя, явивъ, дѣйствуя одинъ на другаго, разрушаютъ уже существующія соединенія и формы и строятъ новыя.

Изъ сего послѣдняго уже видно, что участіе внѣшнихъ дѣйствителей въ разрушеніи индивидуальности минераловъ будетъ представлять почти тѣже законы, которые изложены были выше, когда рѣчь шла о различной *химическо-образовательной* наклонности *вещества*. — Такимъ образомъ, *кислородъ* стоитъ впереди всѣхъ разрушителей, потому-что большая часть измѣненій минераловъ, производится процессами *окисленія*; простыя или сложныя металличе-

* Общій законъ появленія, существованія и ичезанія организмовъ.
Библиотека для Чтенія, N 1. 1850 г.

скія вещества, точно также какъ и сѣрные металлы и арсенистые соединения, принимая извнѣ кислородъ, превращаются въ окислы, кислоты и соли, напримѣръ, въ самихъ рудныхъ мѣсторожденіяхъ, чистая самородная мѣдь превращается въ окиселъ мѣди, или такъ называемые мѣдные цветы Cu ; металлъ мышьякъ — въ мышьяковистую кислоту, называемую также мышьяковыми цветами As , которую, въ видѣ желтовато-сѣрыхъ игольчатыхъ кристалловъ, покрываютъ самородный мышьякъ; свинцовый блескъ Pb , дѣйствіемъ на него кислорода, превращается въ соль, известную подъ названіемъ свинцоваго купороса PbS , и это превращеніе происходитъ такъ, что сѣра свинцоваго блеска, соединясь съ тремя атомами кислорода, образуетъ сѣрную кислоту S , металлъ свинецъ, съ однимъ атомомъ кислорода, образуетъ окиселъ свинца Pb , и оба новыя вещества, тогда соединясь между собою, образуютъ соль PbS , то-есть, металлъ, называемый свинцовымъ купоросомъ. Въ этомъ послѣднемъ процессѣ, въ новый минералъ вошли обѣ составныя части того минерала, который потерю своей индивидуальности послужилъ ему основаніемъ; но есть примѣры, гдѣ составныя части выпадаютъ и замѣщаются кислородомъ, такъ напримѣръ, сурьмяной блескъ Sb , превращается въ минералъ сурьмяные цветы Sb , въ которомъ уже сѣры нѣтъ, а вмѣсто ея, также три атома кислорода.

Несравненно рѣже случаются превращенія противоположнымъ процессомъ, разокисленіемъ, то-есть, выдѣленіемъ кислорода, какъ напримѣръ, изъ мѣднаго купороса выходитъ чистый металлъ, мѣдь.

Вода, послѣ кислорода, играетъ важнѣйшую роль въ разрушеніи однихъ минераловъ и образованіи вмѣсто ихъ новыхъ. Это происходитъ или такъ, что вода, измѣлячая минералы, дѣлаетъ ихъ тѣмъ доступнѣе дѣйствію другихъ химическихъ агентовъ, или, проникая въ ихъ трещины и пустоты, вводитъ съ собою разрушительный кислородъ; или сама входитъ въ составъ минераловъ, какъ напримѣръ ангидритъ CaS превращается въ гипсъ $\text{CaS} + 2\text{H}$; или наконецъ, вода выладеваетъ изъ соединений, какъ напримѣръ изъ глауберовой соли, соды и многихъ другихъ солей, которыя въ этомъ случаѣ распадаются въ порошокъ, или какъ говорится, выветриваются.

Во всех составных частях животных и растений, то-есть, в тканях и жидкостях ихъ, непременно есть вода, и ее присутствие, кроме прочихъ причинъ, дѣлаетъ органическія соединенія непрочными, легко разлагающимися, точно такъ, какъ и все минеральныя гдѣ-ты не прочны.

Кромѣ кислорода и воды, замѣчательны, какъ разрушители, *злѣра*, *сыра* и различныя кислоты, *сырная*, *арсениковая* и *фосфорная*, въ особенности же *углекислота*; причемъ надобно замѣтить, что такъ-какъ кислоты сами по себѣ въ природѣ чрезвычайно рѣдки, то поэтому являются разрушительными минералами обыкновенно вслѣдствіе того, что выделяются изъ происходящаго уже разрушенія, и *фосфорная кислота*, обыкновенно изъ разрушающаго животныхъ организмовъ: такого происхожденія на примѣръ *фосфорнокислое желѣзо* или *вивіанитъ*, находямый внутри ископаемыхъ раковинъ и въ болотахъ и турфахъ.

Изъ сказаннаго здѣсь о кислотахъ, какъ о разрушителяхъ, читатель могъ уже догадаться, что одинъ и тотъ же минералъ можетъ послужить основой многимъ послѣдовательнымъ разрушеніямъ и сочетаніямъ, то-есть, что изъ одного минерала, вслѣдствіе измѣненія химическаго его состава, происходитъ новый, который, въ свою очередь измѣняясь, даетъ происхожденіе третьему, и такъ далѣе. Есть даже примѣры, что минералъ, переходя въ другіе, наконецъ является въ своемъ первообразномъ составѣ и видѣ. Такъ, *свинцовый блескъ*, превращается часто въ *углекислый свинецъ*, минералъ, называемый *блѣлою свинцовою рудою* $PbCO_3$, которая, если придетъ въ соприкосновеніе съ свѣрноводороднымъ газомъ, отнимаетъ отъ этого послѣдняго свѣру и, выдѣливъ кислородъ и углеродъ, является снова свинцовымъ блескомъ. — Это явленіе напоминаетъ собою превращенія животныхъ; *бабочка* кладетъ *яйцо*; изъ яйца выходитъ *червячекъ* или *гусеница*; изъ этой *куколка*, а изъ куколки выходитъ *бабочка*. Все эти степени превращенія разнятся между собою и химическимъ составомъ частей ихъ тѣла, и формою наружною и внутреннею.

Невысомыя начала, *теплородъ* и *электричество*, принимаютъ также важное участіе въ разрушеніи и превращеніи минераловъ. *Теплородъ*, расплавляя минералы, уже тѣмъ самымъ уничтожаетъ ихъ индивидуальность, и въ тоже время составныя части ихъ; одѣла-

лись подвижными, приходятъ въ ближайшее между собою сопряженіе, и легко могутъ соединяться одна съ другими, въ новыя минеральныя формы. Дѣйствіе вулканическаго огня въ наше время, представляетъ тому превосходные примѣры; лава, вытекающая изъ жерла вулкана, есть ничто иное, какъ подвижныя смѣсь, безъ какой-либо определенной пропорціи составныхъ частей разнообразнѣйшихъ минераловъ, расплавленныхъ огнемъ, въ глубинахъ земли. Поверхность потоковъ ея, быстро охлаждаемая, производитъ вещество, въ которомъ химическій анализъ не находитъ никакихъ правильныхъ сочетаній началъ, и ни глазъ, ни микроскопъ, не открываютъ ни одного кристаллика; точно такая же неопредѣленная масса получается, когда горячую лаву наливаютъ въ формы, гдѣ она еще быстрѣе охлаждается, и потому удерживаетъ то беспорядочное смѣшеніе составныхъ частей, которое представляла она въ расплавленномъ, подвижномъ состояніи. Совершенно иное происходитъ во внутреннихъ частяхъ потоковъ; тутъ теплородъ выдѣляется медленно, и въ такой постепенности, что подвижныя составныя части лавы успѣваютъ сочетаться между собою по законамъ химическаго сродства и образуютъ правильныя соединенія, новыя минералы, принимающіе даже кристаллическій видъ: *гоюинъ*, *оливинъ*, *полевоу шпату*, *роговую обманку*, *лейцитъ*. Въ шлакахъ, нагарахъ и налетахъ плавильныхъ печей горныхъ заводовъ, происходятъ подобныя же процессы, образующіе *оливинъ*, *авгитъ*, *везувіанъ*.

Геологическое изученіе древнихъ огненныхъ породъ, открываетъ точно такое же участіе огня въ ихъ образованіи. Такъ, напримѣръ, гранитъ былъ некогда расплавленной массою, на большихъ глубинахъ земли, и тогда всѣ его составныя части не представляли никакихъ правильныхъ химическихъ соединеній, потому-что были въ безпрестанномъ движеніи; но по мѣрѣ, какъ эта масса, приподымаемая и разламываемая кору земли, выходила наконецъ на поверхность ея, она понемногу охлаждалась, и составныя части ея слагались въ минералы, *полевоу шпату*, *олигоклазъ*, *слюду*, *кварцъ*. Отличное доказательство такого способа происхожденія представляетъ намъ гранитъ, у мѣднаго рудника Орьерви, въ Финляндіи. Слюда, кварцъ и полевоу шпату, развиты въ немъ превосходно, большими массами; слюда шестигороными табличками, которыя, налегая одна на другую, все меньше и меньше, образуютъ усѣченныя шестигороныя пи-

рамки. Эти послѣднія часто сгруппированы вмѣстѣ по шести, такъ что замыкаютъ собою пространство, въ видѣ усѣченной шестисторонней пирамиды, выполненное кварцомъ такъ точно и вѣрно, что онъ, будучи вынутъ, представляетъ также усѣченную пирамидку, на шести площадяхъ которой отпечатаны края всѣхъ пластинокъ слюды, составляющихъ пирамидку. Отпечатки такъ вѣрны до малѣйшей подробности, что эти ложные кристаллы кварца даже блещутъ какъ слюда, зеленовато-серебристымъ, перламутровымъ цвѣтомъ. Тутъ ясно, что кварцъ былъ еще очень мягкимъ, когда слюда уже приняла свой твердый кристаллическій видъ.

Дѣйствіемъ электрической полярности объясняются весьма интересные явленія минеральнаго міра: разложеніе *спрныхъ колчедановъ*, *полеваго шпата* и другихъ минераловъ, *переходы* или блужданіе выдѣлявшихся, при разложеніи, составныхъ частей въ мѣста часто отдаленныя, причѣмъ въ природѣ происходитъ точь-въ-точь то же, что при разложеніи въ сомкнутой гальванической цѣпи, то-есть, однѣ составныя части скопляются у положительнаго, другія у отрицательнаго полюса. Такимъ-образомъ, *спрный колчеданъ* (сѣрнистое желѣзо) разлагается такъ, что сѣра совершенно выдѣляется изъ него, не оставляя вблизи никакого слѣда, а оставшееся желѣзо, соединяясь съ кислородомъ и водою, является минераломъ, *бурнымъ желѣзнякомъ*, въ видѣ *кубовъ*, то-есть, въ формѣ ему не свойственной, но въ той, въ которой былъ *спрный колчеданъ*. Случается также и на оборотъ, то-есть, что устраняется бурый желѣзнякъ, а на мѣсто сѣрнаго колчедана, и именно въ томъ пространствѣ, которое онъ занималъ, напримеръ въ кварцѣ, своими кубическими кристаллами, — остается сѣра, въ видѣ *кубовъ*, между-тѣмъ какъ ей свойственны не кубическія, а ромбическія формы. Эти явленія очень обыкновенны въ золотоносныхъ кварцевыхъ жилахъ березовскихъ рудниковъ. Игрою электрической полярности объясняется также и то явленіе, что при разложеніи *полеваго шпата* ($\text{AlSi}_2 + \text{KS}_2$ и окиселъ желѣза, какъ окрашивающее вещество), образующіеся *бурый желѣзнякъ* и *кремнеземъ*, выполняють оставшіяся отъ полеваго шпата, въ видѣ огромныхъ жилъ, пустоты, въ которыхъ нѣтъ никакого слѣда ни *алюминія*, ни *потассія*. — Точно также изъ порфира исчезаютъ часто кристаллы полеваго шпата, и оставшіяся точь-въ-точь ихъ формы пустоты, вы-

стидаются внутри мелкими кристаллами кварца Si. — Въ пустотахъ, гдѣ прежде были кристаллы полевого шпата, находятъ также кристаллы *железнаго блеска*, *бураго шпата*, кварца, и все это случилось не иначе, какъ дѣйствіемъ электрической полярности.

Изъ того общаго закона, что химическій составъ опредѣляетъ и кристаллическую форму минерала, уже слѣдуетъ, что если какой-либо минералъ измѣнится существенно въ своемъ составѣ, то происшедшій оттого новый минералъ долженъ принять иную форму, свойственную его химическому составу, а не ту, въ которой былъ первый. Однако жъ, этому есть кажущіяся противорѣчія, какъ наприкладъ *бурый железнякъ* и *сыра*, происшедшая изъ разложенія сырнаго колчедана, являются часто *кубами*, ни тому, ни другому не свойственными. Такія кристаллическія формы называются *ложными кристаллами*, и происходятъ, какъ мы сейчасъ видѣли, такимъ-образомъ, что дѣйствіемъ электричества, одна изъ составныхъ частей сырнаго колчедана совершенно устраняется, а остальная, бурый железнякъ или сыра, выполняетъ кубическія пустоты въ камнѣ, гдѣ были прежде кубы сырнаго колчедана. При этомъ надобно замѣтить, что внутреннее *сложеніе*, или какъ иначе его называютъ, *структура** этихъ ложныхъ кристалловъ, не та, что въ кубахъ колчедана, а совершенно такая, какую представляютъ кристаллы бураго железняка и сыры, выкристалловавшіяся безъ участія колчедана, и потому являющіяся въ формахъ имъ свойственной ромбической кристаллизической системы. Изъ этого уже и слѣдуетъ, что оба минерала начали кристаллизоваться по законамъ ихъ химическаго состава, и что еслибъ тутъ мало было или жѣлѣза или сыры, то вышии бы маленькіе ромбическіе кристаллики, сидящіе на стѣнкахъ кубическихъ пустотъ, но такъ какъ здѣсь много было матеріалу, то кристаллизовавшіяся вещества, получали снаружи оттискъ кубическихъ стѣнокъ пустотъ.

Такъ-какъ при превращеніи какого-либо минерала въ другой, выдѣленіемъ прежнихъ, или принятіемъ новыхъ составныхъ частей, строго соблюдается пропорція атомовъ, то отсюда слѣдуетъ, что при этомъ процессѣ никакъ не могутъ происходить соединенія

* *О структурѣ* будетъ рѣчь подробнѣе и обстоятельнѣе въ статьѣ, которую мы надѣемся представить читателямъ о кристаллографіи.

неопределенныя, промежуточные, какъ бы постепенные переходы отъ перваго минерала къ второму, но происходитъ прямо и непосредственно новый минералъ, и именно такъ, что масса перваго минерала не измѣняется вся вдругъ, разомъ, но постепенно снаружи внутрь. Такимъ образомъ, находятъ ложно-кристаллическіе кубы *бурого желѣзняка*, происшедшіе изъ разложенія сѣрнаго колчедана, и внутреннее зерно этихъ кубовъ часто представляетъ еще не разложившійся колчеданъ; точно также, внутри октаэдровъ *мѣдной лазури* $Cu^2C_2 + H$ остается иногда резко ограниченное зерно *красной мѣдной руды* Cu .

Изъ всего, что досель сказано объ измѣняемости минераловъ, непосредственно слѣдуетъ, что минеральный міръ нашего времени, есть собраніе формъ различнаго, постепеннаго происхожденія одной отъ другой, и слѣдовательно, различной древности. Есть минералы, которые называются *первообразными, древними*, другіе *вторичнаго происхожденія*, и наконецъ, въ различной степени, *новѣйшіе*. Признаки, по которымъ объ этомъ судимъ, доставляютъ намъ, отчасти относительная древность* горныхъ породъ, въ которыхъ заключены минералы, отчасти обстоятельства, въ которыхъ мы ихъ находимъ, и наконецъ, бѣльшая или меньшая способность и легкость различныхъ минеральныхъ веществъ разлагаться и вступать въ новыя соединенія. Такимъ-образомъ, *изумруды, ставролиты и гранаты*, плотно лежащіе въ слюдяныхъ сланцахъ, точно также какъ *цирканы* въ гранитахъ, кристаллы *полеваго шпата* въ порфирахъ, *платина* въ горной породѣ серпентиновой (змѣвиковой), будутъ минералы первообразные, древніе, какъ по древности породъ, въ которыхъ заключены, такъ и потому, что они такъ плотно въ нихъ лежатъ, что должны быть одновременнаго съ породами происхожденія, и наконецъ, они первообразны и древни потому, что трудно разлагаются, и въ сосѣдствѣ ихъ нѣтъ такихъ минераловъ, отъ химическаго превращенія которыхъ они могли бы произойти.

Октаэдръ *мѣдной лазури*, содержащій внутри зерно *красной руды*, несмотря на то, что встречается въ древнихъ породахъ, въ рудныхъ

* Объ относительной древности, можно прочесть въ статьѣ: «Общій законъ появленія, существованія и исчезанія организмовъ» въ Библиотекѣ для Чтенія 1850 № 1.

железа, гнейса, слюдяного сланца, есть минералъ вторичнаго происхожденія, потому-что образовался изъ *железной руды*. Таковы же, напримѣръ, и ложно-кристаллическіе кубы *сыры* и *бураго желѣзняка*, въ пустотахъ, гдѣ были прежде *сырный колчеданъ*, и игльчатые кристаллы *мышьяковатаго цѣтковаго*, на металлическомъ мышьякѣ.

Гипсъ, между пластами известняковъ третичной эпохи, гораздо новѣе того, который находится въ пластахъ девонской системы, второй по древности, между всеми палеозойскими.

Цирконъ плутоиническихъ породъ, гранита, гнейса, диорита, есть минералъ древняго происхожденія, между-тѣмъ какъ тотъ же минералъ, въ породахъ вулканическихъ, базальтахъ и миндальныхъ камняхъ, принадлежитъ къ формамъ несравненно новѣйшей эпохи.

Кристаллы *известковаго шпата*, *бураго желѣзняка*, *железнаго купороса*, *поваренной соли*, *селитры*, образуются и теперь, въ трещинахъ и пустотахъ горныхъ породъ и на стѣнахъ и деревянныхъ кровляхъ нашихъ рудниковъ.

Такимъ-образомъ, передъ читателемъ—вся главнѣйшіе законы зависимости наружнаго быта организмовъ и минераловъ, отъ химическаго ихъ состава, законы химическихъ соединений въ царствѣ минераловъ, и законы образованія разрушенія и превращенія минеральныхъ недвѣлимыхъ. Съ этими познаніями, онъ можетъ развернуть любую минералогію, и заглядывать въ общую химическую часть и въ составъ различныхъ минераловъ, какъ въ свой собственный кабинетъ. Не только непонятнаго, но и трудно понимаемаго, не найдетъ онъ въ этой бѣсѣдѣ, и намъ остается попросить только одного, — *внимательнаго и послѣдовательнаго чтенія*.

Всякому по опыту известно, что даже для чтенія о прѣвхавшихъ въ столицу и выѣхавшихъ изъ столицы требуется маленькое вниманіе, безъ котораго можетъ съ инымъ случиться, что онъ явится съ визитомъ къ тому именно господину, который выѣхалъ изъ столицы. — Не только вниманіе, но даже нѣкоторая послѣдовательность, необходимы при чтеніи повѣсти, изъ которой читателю хочется узнать не болѣе того, женится ли герой повѣсти, или застрѣлитъ отъ безнадежной любви. Поэтому легко себя представить, что для чтенія о предметахъ науки, вниманіе и послѣдовательность требуются въ полной мѣрѣ, не смотря на то, что предметъ изло-

женъ послѣдовательно и общепонятнымъ человѣческимъ языкомъ. Конечно, не мѣшало бы видѣть минералы, о которыхъ, здѣсь упоминается, а для этого читатель можетъ являться безъ всякихъ затрудненій, въ богатѣйшей въ цѣломъ мѣрѣ музей, здѣшняго Горнаго института, и съ запискою въ рукѣ разсматривать желаемые минералы. Еще полезнѣе было бы, для пріобрѣтенія наглядности; завести у себя коллекцію минераловъ, съ названіями и въ систематическомъ порядкѣ. Такія коллекціи, въ различныхъ размѣрахъ, даже почти рутныя, цѣною до шестидесяти цѣлковыхъ, можно выписывать изъ-за границы, для чего мы готовы доставить желающему подробныя свѣдѣнія и объясненія.

С. КУТОРГА.

ОЧЕРКЪ ПАЗКИ ДРЕВНОСТЕЙ.

=

I.

Археологія, въ пространнѣйшемъ смыслѣ, есть совокупность всѣхъ свѣдѣній, служащихъ къ объясненію политическаго, общественнаго и частнаго быта древнихъ народовъ, — свѣдѣній, которыя образуютъ собою четыре цикла, обнимающіе: а) языки и литературу, б) искусства съ ихъ памятниками, с) исторію государствъ, религій и нравовъ и д) древнюю географію. Если предметы археологій, какъ въ цѣломъ своемъ составѣ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ, будутъ приведены въ систему, распределены на основаніи извѣстныхъ началъ и соединены въ одно органическое цѣлое, какъ выраженіе древней жизни и стремленій древнихъ, тогда рождается наука древностей, которая, по своему вещественному содержанію, совпадаетъ съ изученіемъ древностей, въ тѣсномъ смыслѣ, но формально отличается отъ него, какъ систематическое знаніе отъ опыта, и при образованіи своей системы руководствуется извѣстными формальными науками, именно изъ области философіи — прикладною логикой, эстетикой и прочая, въ которыхъ не имѣетъ нужды изученіе древностей въ тѣсномъ смыслѣ. Въ наукѣ древностей изученіе древней литературы обращается въ филологію, наука древняго искусства въ частную археологію, занятіе исторіею возвышается до критическо-философской исторіи и даже самая географія принимаетъ по возможности видъ системы. Во всемъ своемъ объемѣ археологія вообще должна была бы представить собою картину всѣхъ народовъ, временъ и частей

свѣта, до той эпохи, когда насталъ совершенно новый порядокъ вещей. Такой всеобщей картины народовъ мы еще не имѣемъ, но имѣемъ только египетскими, индѣйскими, еврейскими, ассирійскими, греческими, римскими, германскими, славянскими и прочими древностями и матеріалами для построения этого огромнаго цѣлага. Древности новѣйшихъ европейскихъ народовъ едва ли могутъ быть доведены до Рождества Христова, а бѣлая часть городовъ существуетъ только съ осьмаго столѣтія по Рождеству Христову; поэтому, древностей новѣйшихъ народовъ надобно искать въ среднихъ вѣкахъ. Исследования эти получили у бѣлой части народовъ національный интересъ и годъ отъ году возбуждаютъ бѣлое участие. Для итальянскихъ древностей существуютъ собранія Муратори, Маффеи, Донати и другихъ; для французскихъ — Монфокона, Миллена и другихъ; для британскихъ — Бекстера и другихъ; для северныхъ Монке, Моне, Грѣтера, Крузе, Раска и другихъ; для германскихъ — Я. и В. Гриммовъ, Гѣрреса, фонъ-деръ-Гагена, Лахмана, Гофмана, Фалерслебена и другихъ.

Египетскія древности сдѣлались для насъ доступными только съ французской экспедиціи; исследования Цоёги, Катрмера, Шпона, Деюна, Моню Минуттоли, Шампольона, Зейфарта, Лепсіуса — основаны на открытыхъ въ то время памятникахъ. О древней Индіи основательныя свѣдѣнія находимъ въ трудахъ Джонеса, Колебрука, Анкетилля-до-Перрона, А. В. Шлегеля, преимущественно же въ сочиненіяхъ Болен; объ ассирійскихъ древностяхъ сочиненія Ботты и Леярда; о Персіи въ сочиненіяхъ Гаммера, Гѣрреса, Роде и другихъ; объ іудейскихъ древностяхъ писали: Икенъ, Фаберъ, Пейферъ, Роландъ, Варнекросъ, Бауеръ, Беллерманъ, Янгъ, Гартманъ, Винеръ и другіе; о древностяхъ христіанской церкви писали Бингамъ, Планкъ, Аугусти, Баумгартея, Мюнтеръ и другіе. Но изученіе греческихъ и римскихъ древностей, безспорно, имѣетъ наибѣольшее значеніе для современнаго міра и производится съ необыкновенною дѣятельностью. Одна эта часть археологіи имѣетъ полную исторію и обработана во многомъ какъ нельзя лучше. Съ четырнадцатаго столѣтія Италияцы, Французы, Англичане, Голландцы и Немцы поочередно старались отличиться въ ревности и въ любви къ изученію классическаго міра, между-тѣмъ какъ остальная Европа болѣе или менѣе примыкала къ однимъ или къ другимъ.

Какъ новый міръ, предсталъ тогда пробужденной отъ долгой дремоты Европа древняго Элада и Лаціума, и тогдашніе европейскіе ученые съ энтузіазмомъ мореплавателей спынили овладѣть богатыми ихъ сокровищами. Сначала присвоила себѣ этотъ чудный кладъ Италия, будучи, по своему географическому положенію, въ отношеніи воспоминаній, памятниковъ искусствъ, ближе поставлена къ древности, чѣмъ всякая другая европейская страна. Предводителемъ этого завоевательнаго легіона былъ великій поэтъ Петрарка, который, вслѣдствіе чистаго вдохновенія, началъ, въ болѣе полѣтническія, чѣмъ ученые времена, собирать забытыхъ латинскихъ авторовъ и съ непоколебимымъ рвеніемъ заботиться о распространеніи греческаго языка, которому самъ научился отъ монаха Варлаама, и, подобно ему, посвятилъ не менѣе любви искусствамъ, и славою своихъ сочиненій воодушевилъ лучшіе умы Италиі. Ободренные его примѣромъ, въ первые ряды вступили Бокаччіо, Іоаннъ Равенскій и другіе герои, замѣчательные болѣе по энергіи и живому сообщенію, чѣмъ по учености. Но трудно и медленно подвигалась работа эта въ первые годы, такъ-какъ имъ доступны были болѣею частью одни только римскіе писатели; однако дѣло пошло быстрее и блестяще, когда въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, угнетенные въ своей родинѣ, греческіе ученые стали все болѣе и болѣе переселяться въ Италию. По паденіи Константинополя (1453) они считали уже ее своею родиною. Вотъ имена главнѣйшихъ изъ нихъ: Мануиль Хризоларъ, Виссаріонъ, Феод. Гаца, Ласкарисы, Н. Аргиропуль, Димитр. Халкондилъ, М. Мазуръ. То, чего сами они не могли-бы сдѣлать при другихъ обстоятельствахъ, такъ-какъ не владѣли ни искусствомъ сочинять, ни глубокими познаніями, ни обширными способностями, — съ избыткомъ было вознаграждено живѣею дѣятельностью тогдашнихъ итальянскихъ ученыхъ и поэтовъ, соревнованіемъ государей, государственныхъ мужей, ученыхъ и юношей, ухватившихся съ неутомимою жаждою за объ древняго літературы и прильпившихся съ фаворитическою любозпательностью къ нравамъ, обычаямъ и понятіямъ древняго міра. Болѣе всѣхъ, способствовавшихъ въ то время наукамъ своими пожертвованіями, прославились Медичи, которые основаніемъ огромной бібліотеки, обширнымъ собраніемъ памятниковъ искусствъ, и въ особенности соединеніемъ гениальныхъ умовъ возвысили Флоренцію до званія столицы музъ Лаціума и Элады; кромѣ ихъ этому благому дѣлу содѣйствовали папы Николай-Пятый

и преемники его. Библиотеки, музеи и ученые общества съ половины пятнадцатаго столѣтія приобрѣли еще высшую степень развитія. Множество наградъ и заманчивыхъ обѣщаній, учительскихъ мѣстъ въ важнѣйшихъ городахъ, авторской славы и содѣйствія частнымъ видамъ вельможъ, привело въ движеніе постоянно возрастающее число археологовъ и умножило ихъ труды. Кодексы были составляемы въ большомъ количествѣ, въ особенности трудами Фр. Роггіо и Фр. Фидельфо; размножались посредствомъ списыванія и подвергались критическому разбору; древніе классики были объясняемы для всеобщей доступности, и обработаны въ многочисленныхъ сочиненіяхъ. И что слагившемъ столь многихъ силъ совокуплено было въ границахъ одного мыслящаго общества, поддерживавшагося сверхъ того изустными сообщеніями, то съ изобретенія книгопечатанія вошло во весь общественные круги и вскоре перешагнуло за Альпы. Гварини, Лавр. Валла, Г. Меруза, Ермолай Барбарусъ, Авг. Полицианъ, Марс. Фицинъ, Н. Пероттъ, Домиц. Кальдерій, І. А. Кампанусъ, Лавдини и Бераальды побѣдоносно водрузили въ Италиі знамя науки въ различныхъ областяхъ науки древностей, гдѣ слѣды этихъ мужей и теперь еще служатъ руководствомъ для изслѣдователей. Съ начала шестнадцатаго столѣтія въ Италиі археологія, вмѣсто прежняго независимаго направленія, получила значеніе особенной науки, которая однако не только нуждалась въ общественной благосклонности и общественномъ отличіи, но и не имѣла положительныхъ схоластическихъ правилъ. Никогда красоты древнихъ не были оцѣняемы съ болѣею вѣрностью, ни распространяемы съ болѣею быстротою въ новыхъ произведеніяхъ; разысканія же по предмету политики и нравовъ, критика классическихъ авторовъ, объясненіе содержанія нѣкоторыхъ мѣстъ въ древнихъ писателяхъ приняло въ опытныхъ рукахъ классическій характеръ. На этомъ обширномъ полѣ изысканій въ особенности отличились: Ald. и Paul. Manutius, Sigonius, Victorius, Ursinus, Macchiavelli, P. Bembo, Gyraldi, Vida, Muretus. Пристрастіе къ латинскому языку удерживало рывительный перевѣсъ до конца этого столѣтія, но съ началомъ семнадцатаго вѣка, когда эта страсть стала исчезать, заботливое стараніе объяснить памятники и древности выступило впередъ и нашло неисчерпаемую помощь въ мѣстномъ содѣйствіи; на этомъ поприщѣ озаменовались: Fabretti, Maffei, Corsini, Marini, Visconti и другіе и Flacciolati, одинъ изъ послѣднихъ латинистовъ. У

большой части археологовъ этого времени замѣчаютъ недостатокъ плана, методы и преимущественно, такъ сказать, руководнаго начала. Наконецъ, Италия перестаетъ быть путеводительницею въ области археологии, хотя не перестаетъ постоянно считать между своими учеными знаменитыя имена Lagomarsini, Garatoni, Morelli, Mai.

Изъ Италіи изученіе древностей распространилось прежде всего и наиболее во Франціи, въ Нидерландахъ и въ Англии. Франція опередила соседственныя земли; классическая ученость была удѣломъ ея типографщиковъ, юристовъ, духовенства и народныхъ учителей (Budæus, Turnebus, Stephani, Lambinus, Cujacius и другіе); ей принадлежатъ учителя всеобщихъ познаній, Casaubonus, Jos. Scaliger — величайшій герой этого періода и Salmasius; въ слѣдующемъ столѣтїи также не потухла любовь къ древности, хотя она все болѣе и болѣе дѣлалась частнымъ призваніемъ, специальною ученостью; въ это время прославились иезуиты: Petav и Sirmond, Gassendi, Valesius, du Fresne, Faber, Anne Dacier, Hardouin, Montfaucon и другіе. Но съ осьмнадцатаго столѣтія пробужденіе народной литературы и возникшій вмѣстѣ съ нею новый вкусъ, вытѣснили археоманію и содѣйствовали паденію схоластики и обширное изученіе греческихъ и римскихъ древностей продолжалось только немногихъ; историческое изслѣдованіе и объясненіе древняго міра наиболее прославили ученыхъ: de Villoison, Letronne, Brunk, Schweighäuser, Boissonade, Coray, Millin, Gosselin.

Ни въ одной странѣ изученіе древностей не имѣло такого непосредственнаго вліянія на практическую жизнь, какъ въ Англии. Высшій схоластическій и преподавательный характеръ рывительно былъ здѣсь основанъ на чтеніи древнихъ авторовъ, а строгость методы, умеренность предмета изученія и практическая твердость народа, имѣли то послѣдствіе, что классическій міръ составилъ важный элементъ народнаго образованія. Изученіе древностей у Англичанъ почерпало свою силу въ критикѣ; образъ изученія древности, историческая метода, даже любовь къ греческой математикѣ болѣе присоединились къ этому, чѣмъ способность толкованія и литературныя изслѣдованія. Попытки въ англійской археологїи сдѣлали въ шестнадцатомъ столѣтїи: Grosop, Linacre, Buchanan. О полигисторїи древностей въ семнадцатомъ столѣтїи писали: Bellenden, Selden, Usher, Pearson, Gataker, Stanley, Dodwell, Barnes, Ruddimann. Эпоху составляетъ Bentley, основатель

критики текстовъ. После него прославились : Davies, Taylor, Markland, Middleton, Wakefield, Porson (глава школы), Elmsley, Gaisford, Bloomfield, Leake, Geff, Dodwell. На ряду съ ними стоятъ : Harris, Gibbon, Gast, Gallies, Mitford, Renneil и другіе. Англійскіе археологи сдѣлали многое въ отдѣльныхъ областяхъ наукъ ; но цѣлаго, яснаго сознанія не послѣдовало изъ практическаго изученія отдѣльныхъ частей

Въ Испаніи и Португаліи изученію древности содѣйствовали : Vives, Ach. Statius, Ciacconius, Augustinus, Sanctius ; въ Даніи : Jo. Rhode, Th. Bartholin, Ole Borch, Jo. Gramm, Chr. Falster, Münster, Thorlacius.

Но нигдѣ археологія не имѣла болѣе рачительныхъ собирателей, болѣе заботливыхъ наблюдателей отдѣльныхъ явленій и болѣе обильныхъ собраній древностей, какъ въ Нидерландахъ. Древніе авторы были уже по большей части объяснены, многіе даже исправлены, для многихъ собрано нѣсколько рукописныхъ списковъ, существенныя вспомогательныя средства развиты и приложены къ дѣлу, объ общепонятности заботились съ рѣдкимъ стараніемъ, но не доставало только истинной дипломатической критики, грамматической точности и наблюденій, связи и полноты антикварскихъ познаній и преимущественно внутренняго пониманія древней жизни и духа классическихъ авторовъ. Чтобы вознаграждать эти недостатки и попасть на методическій путь, должно было положить предѣлы изслѣдованіямъ, и нигдѣ такое ограниченное направленіе не могло удаться лучше, какъ оно удалось въ Нидерландахъ, гдѣ изученіе древностей введено было Скалигеромъ и его сподвижниками въ Лейденъ. Такъ-какъ Голландцы во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, искусства и науки выказали себя умеренными, прилежными, бережливными; незатѣйливыми, въ преданіяхъ и въ обычаяхъ гражданскихъ твердыми и разсудительными во всемъ существенномъ и доступномъ для ихъ ума; то они обработали любимый свой отдѣлъ археологіи съ тѣмъ спокойствіемъ, медленностью и ограниченностью, какъ поступили бы они при упроченіи своего народнаго достоинства. Хотя у появляющихся до исхода шестнадцатаго столѣтія археологовъ Р. Leopardus'a, Canter'овъ, Н. Junius'a и проглядываетъ любовь къ критической, литературной и антикварской дѣятельности и вкусъ, возвышенный Липсіусомъ, однако, строго говоря, изслѣдованія ихъ еще находились на той же степени, на которой вообще стояли у ихъ современниковъ. Даже въ началѣ семнадцатаго столѣтія все еще обнаруживается веселая дѣятельность между голландскими учеными и

государственными людьми, изученіе которыхъ обнимало обширныя области какъ латинской стилистики и грамматики, такъ и самыхъ древностей. Какъ Липсіусъ занимался римскими, такъ Меурсіусъ греческими древностями, хотя и съ меньшимъ успѣхомъ; Гроціусъ, съ творческимъ умомъ своимъ, далъ древности общепринятую новую форму; Г. И. Фоссіусъ, съ тремя сыновьями, былъ основателемъ латинской филологіи въ то время, какъ Салмазіусъ раскрылъ великія богатства существенныхъ изысканій и герменевтики. Но эти историческія и грамматическія занятія мало-по-малу уступили гораздо удобнѣйшему занятію лингвистикою и компиляціямъ, когда И. Фр. Гроновій и Н. Гейніусъ ввели критическую технику и соблюденіе латинскихъ формулъ; непрерывный механизмъ, необыкновенная забота о собираніи памятниковъ, которому не могла удовлетворить частная дѣятельность Перидоніуса, сдѣлались болѣе общими и распространили любовь къ холодному эмпиризму. Наконецъ, около исхода этого столѣтія изученіе древностей стало дѣломъ призванія, вооруженнымъ сколько многостороннею ученостію, столько и цеховымъ ремесломъ. Въ началъ существованія голландской республики, въ ней утвердилось политическое правило, которое обусловило науки и заключило ихъ въ практическіе предѣлы, вслѣдствіе той мысли, что общественное и духовное блага будутъ этимъ болѣе упрочены, нежели распространены. Изслѣдованіямъ и теоріи не дано было мѣста ни въ философіи, ни въ положительныхъ наукахъ; на ряду съ естественными науками и медициною признавали только богословіе и законовѣдніе. Такимъ-образомъ и изученіе древностей было распределено по разнымъ областямъ наукъ. Вся дѣятельность голландскихъ ученыхъ того времени была неестественна, связана и бѣдна идеями; законы методы, какъ сознаніе одушевленнаго цѣлаго, сдѣлались неизвѣстными. Склонность къ римскимъ древностямъ имѣла перевѣсъ, и даже самъ Hemsterhuis не могъ доставить греческимъ древностямъ равнаго значенія. Впрочемъ, нѣкоторыя сочиненія того времени превосходны по своему объему и богатству содержанія и составляютъ истинные кладовыя матеріаловъ для позднѣйшихъ поколѣній. Кромѣ поименованныхъ прославились также: Graevius, Ruck, Almeloveen, Jac. Gronov, L. Vos, и экстремы: Шревель, Минелли. Въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія появились: П. Бурманъ 1. и въ сѣвѣ съ Дракенборхомъ, Оудендорпомъ, Клерікусомъ, Гемстер-

гунсомъ и тремя отличнѣйшими учеными изъ послѣдней половины прошлаго столѣтїя: Валькенеромъ, Рункеномъ и Виттенбахомъ. Не принадлежавшіе къ школѣ Гемстергунса были: Heringa, Wigman 2 и его приверженецъ А. Schultens. Съ паденіемъ республики прекратилось распределение занятій по классамъ, на которыхъ основывалась слава нидерландскихъ археологовъ и перевесенный сюда схематизмъ лишился своего значенія.

Германія весьма рано получила изъ Италїи познанія древнихъ языковъ и писателей и отдаленныя нѣмецкія земли съ теплою восприимчивостью изслѣдовали какъ содержаніе, такъ и классическій образъ выраженія древнихъ авторовъ.

Попытки сдѣланы были въ пятнадцатомъ столѣтїи: Jo. Regiomontanus, Rud. Agricola, Congr. Celtes, Reuchlin и другими; потомъ съ особеннымъ жаромъ дѣйствовалъ Erasmus: явились подлинники вмѣстѣ съ переводами, произведенія въ древнемъ вкусѣ, въ особенности латинскія поэтическія произведенія (Eob. Hessus, Jo. Secundus, P. Lotichius). Впослѣдствїи изученіе древнихъ языковъ было распространено по университетамъ и школамъ.

Кромѣ латинскихъ стилистовъ, выступили на поприще, особенно въ протестантской Германїи, знаменитые критики и комментаторы: Меланхтонъ, Камерарій, Кон. Геснеръ, Г. Фабрицій 1, Казелій, Ксиландеръ, Пьер. Вольфъ, Родоманъ, Зильбургъ, Риттергусъ и другіе, также и превосходные учителя древнихъ языковъ, вышедшіе изъ школъ Меланктона, Юг. Штурма и Камерарія: Блестящая сторона нѣмецкой филологїи того времени есть употребленіе классическаго изученія языковъ для обработки протестантскаго богословія. Но исключительно теологическое направленіе было причиною, что развитіе филологїи отстало отъ быстраго ея хода во Франціи, а въ концѣ шестнадцатаго столѣтїя и совсѣмъ остановилось. Естественно, что филологія не была развита какъ наука, и потому не имѣла еще исключительныхъ поборниковъ: она была болѣе вспомогательнымъ знаніемъ богослововъ, и это продолжалось до настоящаго столѣтїя. Впрочемъ филологическія занятія такъ глубоко пустили свои корни, что въ семнадцатомъ вѣкѣ не было недостатка въ ученыхъ филологахъ, которые известны также какъ и знаменитые критики, грамматики, антикварїи и латинисты. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Таубманнъ, Боррихіусъ, Грутеръ, Линденброгъ, Гудіусъ, Бартъ, Френсгеймъ, Шефферъ, Шпангеймъ, Рейнезіусъ, Цел-

ариусъ, Валлеръ, Форстъ, Бухнеръ, Бальде. Но теологическое направле-
 ніе и возгорѣвшаяся тридцатилѣтняя война произвели застой въ фило-
 логіи, и она сдѣлала даже значительный шагъ назадъ.

Состояніе нѣмецкой филологіи было ограниченное и стѣсненное
 въ семнадцатомъ и въ первой половинѣ осемнадцатаго столѣтія,
 и сосѣдственные народы далеко опередили Германію, тамъ болѣе, что
 даже даровитые нѣмецкіе филологи, какъ напримѣръ Г. І. Фоссіусъ,
 Гревіусъ и другіе, оставили свое отечество и переселились въ сосѣд-
 нія государства. При всемъ томъ, въ началъ осемнадцатаго столѣтія,
 подъ вліяніемъ нѣмецкой точности и прилежанія, голландская манера
 начала тамъ облагораживаться, тогда какъ полигисторъ І. А. Фабри-
 цій занимался особенно обработкою исторіи литературы. Съ поло-
 вины осемнадцатаго столѣтія обнаружился совершенно новыя стре-
 мленія. Съ одной стороны въ Саксоніи пробудилось грамматическо-
 критическое изученіе языка, примкнувшее къ англійскому направле-
 нію; съ другой стороны — новый университетъ въ Геттингенѣ воз-
 будилъ обширную реальную филологію, и именно то болѣе глубокое
 антикварное и историческое изученіе, которое по образцу такого же
 ученія, облагороженнаго во Франціи и Англии, обратилось отъ простаго
 собиранія антикварныхъ матеріаловъ къ систематическому ихъ обра-
 ботыванію. Эта филологія пріобрѣла кромѣ того извнѣ еще обширнѣйшее
 поле для изученія, когда Альбертъ Шультенсъ въ Лейденѣ, незадолго
 до половины осемнадцатаго столѣтія, перешелъ отъ еврейскаго языка
 къ изученію всего класса восточныхъ семитическихъ языковъ; это по-
 слѣднее направленіе вскорѣ было перенесено въ Германію Михаэли-
 сомъ.

Путь, которымъ слѣдовала голландская филологія и который въ
 Англии доведенъ до совершеннаго развитія, введенъ въ Германію І. У.
 Эрнести и И. М. Геснеромъ. Онъ выразилъ это направленіе своимъ из-
 слѣдованіемъ Цицерона, развивъ изъ него строгую грамматическо-сти-
 листическую систему языка, которую взялъ ее за правило для стилистиче-
 скаго упражненія въ латинскомъ языкѣ и для объясненія и очищенія тек-
 ста писателей, почти оставивъ въ сторонѣ всякое реальное объясненіе.
 Ограниченно и односторонно продолжали слѣдовать этой методѣ Рей-
 ске и Морусъ Шюцъ, Геттингеръ; глубже постигъ эту методу Рейцъ, и
 наконецъ, Готфридъ Германъ довелъ ее до высшаго развитія. Эта ме-
 ода, во взынномъ своемъ образованіи, остается почти совершенно сход-

нию съ англійскимъ направлеиіемъ. Съ половины восемнадцатаго столітія наступили особенно благоприятныя обстоятельства для науки древностей. Это было въ то время, когда общество самостоятельныхъ умовъ, основала новѣйшую немецкую литературу, обратилась къ жизни древнихъ народовъ для пользы новѣйшаго образованія и эти взаимныя сообщенія одлодотворило народное стремленіе ко всеобщему образованію. Винкельманъ открылъ область искусства, которуя знали до-сихъ-поръ только антикварскимъ образомъ, а вмѣстѣ съ нимъ открылъ и новую сторону науки древностей, неисчерпаемое сокровище идей. Лессингъ научилъ примѣнять строгое сужденіе и производилу методу въ произведеніямъ литературы и искусства. Клопштокъ, съ рѣзкою воспримчивостію къ формальной сущности языка, руководилъ въ дѣлѣ сближенія немецкаго языка съ греческимъ, что съ величайшимъ успѣхомъ исполнено было Фоссомъ, какъ переводчикомъ. Къ нимъ примкнули, каждый на собственномъ пути и съ отдельною самостоятельностью, Гердеръ, Виландъ, Гете, Шиллеръ. Гете одинъ умѣлъ воскресить древній гоній въ варномъ подражаніи съ полнымъ съзтомъ и съ надлежащею выразительностію. Въ томъ же духѣ трудился надъ археологическими изысканіями I. Ф. Крестъ.

Наковецъ, возникшія во Франціи и Англии историческія и появившіяся въ Германіи антикварныя изысканія въ области реальной филологіи, рязкое отдѣленіе и историческое основаніе факультетскихъ предметовъ, возвышавшееся изученіе исторіи и географіи, приведенная Баумгартеиомъ въ систему эстетика; критическо-эстетическія стремленія судей искусства, начиная съ Кограда Мекена до Лессинга и Николан; основанный Винкельманомъ образъ изученія древняго искусства — все это найдено было существеннѣйшимъ вспомогательнымъ средствомъ для такого направленія. Гейсе первый ясно выразилъ это направленіе, пытаясь разрозненные реальные матеріалы (то-есть, приобретенное отъ древнихъ собраніе миеологическихъ, историческихъ и литературныхъ знаній), представить въ связи между собою и употребить для всесторонняго изясненія писателей. Не отличаясь самъ точностію обработки, грамматическими изслѣдованіями и очищеніемъ матеріаловъ, онъ указалъ, однакожь, многіе источники «прекраснаго». Мейнерсъ, Тидеманъ, Гееренъ, Шнейдеръ, Якобсъ, Бекманъ, Бѣттигеръ, Гушко, Мичерлихъ, Манзо Матіе и другіе старались о дальнѣйшемъ развитіи и о сф:

горизонті этого направления; они внесли много глубинных исследований при употреблении материала, и призмали его съ болыною многосторонностью къ объясненію писателей и къ антикварнымъ изысканіямъ всякаго рода. I. Г. Фоссъ, въ своихъ изысканіяхъ, преслѣдуя этотъ реальный матеріалъ, держался строго хронологическаго порядка въ ювъ и писателей; а Фр. Якоби представилъ свое изслѣдованіе въ картинахъ политическаго, нравственнаго, религіознаго и другихъ состояній древней жизни и общаго греко-римскаго возрванія на міръ.

Ф. А. Вольфъ, принявшій въ свои сочиненія и въ свое ученіе результатъ встрѣчающихся разнообразныхъ явленій, и преимущественно старавшійся изслѣдовать древнія формы, соединилъ весь существовавшій до-тѣхъ-поръ знанія въ одинъ стройный организмъ и основалъ то, что пытался произвести Гейне — науку древностей. По его изложенію вся она распадается на 24 науки, которыя составляютъ 4 группы: 1) грамматическія изученія (философская, греческая, латинская грамматика); 2) критическая реторика (герменевтика, критика, прозаическая и метрическая композиція); 3) исторія Грековъ и Римлянъ съ ея вспомогательными науками (географією и уранографією), древнею всеобщею исторією, хронологією и историческою критикою; греческими и римскими древностями, домашними и общественными; міѳологією обоихъ народовъ; исторією греческой и римской литературы; исторією искусства и науки краснорѣчія у Грековъ и Римлянъ, мимическими искусствами; 4) собственная археологія или изученіе древностей (извѣстія о сохранившихся памятникахъ искусствъ древнихъ народовъ, наука археологія искусства; исторія искусствъ и художествъ, исторія архитектуры, нумизматики, эпиграфики). Последняя (24) часть заключаетъ въ себя исторію филологической и археологической литературы и библіографію*.

Онъ положилъ главною цѣлью своей наукъ древностей — служить всестороннимъ и дѣйствительнымъ средствомъ къ познанію древняго

* См. Вольфа: «Энциклопедія филологія», издаваная по его лекціямъ, Штокхманомъ. Лейпц., 1830, его лекціи о «Alterthumswissenschaft», издаваемыя Гирлеромъ, Лейпц. 1851. 5 том. Другими изслѣдователями матеріалами эти распределены иначе: Bernhardt, «Grundlinien der Encyclopädie der Philologie». Halle, 1852. — Hoffmann, «Die Alterthumswissenschaft für Gymnasiasten und Studierende». Лейпцигъ, 1855. Matthiä, Schaaß и другіе.

міра и къ усвоенію древнихъ литературъ по формѣ и по содержанию. Такимъ-образомъ наука древностей должна помогать намъ дойти до полнаго сознанія древностей человѣка, то-есть раскрыть всю его дѣятельность въ духовномъ, нравственномъ и гражданскомъ отношеніи, съдовательно вполне постигнуть греческую и римскую національности. Для основанія этого новаго, лучшаго, формально-реальнаго объясненія писателей, Вольфъ много трудился, стараясь ввести болѣе строгую критику какъ высшую, такъ и низшую, и прекрасное начало тому положилъ своими глубокомысленными изслѣдованіями Гомера.

Сколько онъ содѣйствовалъ усовершенствованію этой всеобщей науки, это показали ученики его, Гейндорфъ, Шпальдингъ и другіе, въ особенности же Имм. Беккеръ. Послѣдній, кромѣ другихъ заслугъ въ греческой грамматикѣ и въ греческомъ языкѣ, оказалъ въ особенности великую услугу тѣмъ, что вызвалъ болѣе чистое и совершенное обработываніе такъ называемой дипломатической критики текстовъ древнихъ писателей: онъ вызвалъ то критическое стремленіе, въ которомъ, для вѣрнаго и дѣйствительнаго возстановленія и улучшенія текста, принимается за основаніе точное и всестороннее сравненіе всѣхъ имѣющихся рукописей, ихъ очищеніе и раздѣленіе на извѣстные разряды. Отступленіе отъ текста подлинныхъ рукописей (оригиналовъ) Беккеръ считалъ позволительнымъ только тогда, когда того требуютъ грамматика, логика или преобладающее употребленіе (usus) языка. Но онъ не придавалъ той важности критикѣ однихъ чувствъ или одного вкуса, какую признавали голландскіе, англійскіе критики и школа Германа. Шпонъ, Лерсъ и другіе сочли необходимымъ для полноты этой дипломатической критики, кромѣ изученія рукописей, еще тщательное и обширное изученіе грамматиковъ и схоластиковъ. Другіе же, напримѣръ Орелли и Лахманъ, дали ей одностороннее направленіе, при которомъ возстановленіе подлиннаго текста производилось нѣкоторымъ образомъ легче; а это позволяло безъ дальнихъ разсужденій отвергать прочіе дипломатическіе источники.

Въ одно время съ Вольфомъ, но независимо отъ его школы, хоти и подобнымъ образомъ, началъ Крейцеръ свои обширныя археологическія и въ особенности мнѣологическія изысканія въ области религіи древнихъ народовъ. Крейцеръ развилъ явную противоположность изслѣдованіямъ Фосса. Вскорѣ, непосредственно послѣ него, выступилъ Августъ Бёккъ (Aug. Böckh), принадлежавшій къ Вольфовой школѣ и

дѣйствовавшій въ его духъ. Этотъ послѣдній ввелъ глубокое историческое изслѣдованіе въ изученіе « греческихъ древностей », и тѣмъ самымъ подалъ Нибуру поводъ къ введенію исторической критики. Всестороннія изслѣдованія Бѣкка и его учениковъ были потомъ перенесены съ греческихъ древностей и на римскія; они распались на множество частныхъ направленій реальныхъ ученій, какъ напримѣръ, на древнюю исторію и географію съ ея различными отраслями, на государственное право, государственныя учрежденія, уголовные законы, частный бытъ гражданъ, миеологию, археологию, эпиграфику, нумизматику и прочая. Вообще это изслѣдованіе достигло теперь высшей систематической обработки « науки древностей ». Но не смотря на свои удивительные успѣхи, наука древностей еще далека отъ совершенства.

Большіе перевороты, которые въ продолженіе двухъ десятилѣтій потрясли въ Германіи почти всѣ области знанія и учености, или подвергли ихъ различнымъ перемѣнамъ, имѣли вліяніе и на науку древностей. Римское Право изслѣдовано было по источникамъ, историческая критика получила, по своему истинному пространству и своей проникаемости, обширный вѣсъ. На этомъ поприщѣ ознаменовались вообще Савиньи, Мейеръ, Нибуръ, Бекъ, Ваксмуть, О. Миллеръ и другіе.

Къ изслѣдованіямъ послѣднихъ присоединились еще безчисленные выводы сравнительной филологіи (Германъ, Бутманъ, Шеферъ, Лобекъ, Тирингъ) и стремленіе понять, обсудить и привести къ разумному единству всѣ письменные памятники въ смыслъ произведеній искусства, съ другой стороны усердное стремленіе постигнуть древность во всей ея нравственной глубинѣ и слить прошедшее съ настоящимъ (Ниццъ, Гегель). Отъ этого двойнаго направленія ко внѣшнему и внутреннему организму древняго міра, наука древности получила самыя дѣльныя пополненія. Въ настоящее время ученые заняты образованіемъ лучшей методики и обработкою специальныхъ частей; въ цѣлости же теперь менѣе является произведеній, чѣмъ являлось въ послѣдніе десять лѣтъ.

II.

Подъ археологіею, въ тѣсномъ смыслѣ, разумѣютъ изученіе древнихъ памятниковъ, въ протівуположность филологіи, главнѣйшій пред-

метъ которой изученіе памятниковъ письменныхъ. Многие извѣстнѣйшіе ученые не допускали такого раздѣленія, и въ-самомъ-дѣлѣ, объ эти отрасли получаютъ истинное значеніе и настоящую цѣну только въ наукѣ, объемлющей изученіе древностей вообще; но ограниченность человеческихъ способностей и силъ и необъятность открытыхъ матеріаловъ необходимо требуютъ такого раздѣленія. Рѣдкому египтологу достанетъ времени заняться важными археологическими открытіями и рѣдкій археологъ имѣетъ возможность слѣдить за египтологическими изслѣдованіями, хотя для него они еще болѣе необходимы. Не говоря уже о врожденной склонности къ той или другой наукѣ, самый образъ жизни неразлученъ съ изученіемъ той или другой науки и не позволяетъ въ равной мѣрѣ заниматься обѣими вѣдугъ.

Археологъ большую часть своихъ лучшихъ годовъ долженъ посвятить кабинетной жизни. Предметы, его занимающіе, требуютъ личнаго наблюденія, независимаго взгляда, который приобретается долгимъ изученіемъ извѣстныхъ уже памятниковъ, изслѣдованіемъ новыхъ и безпрестанными усиліями достигнуть той вѣрности въ сравненіяхъ, безъ которой эта наука останется безъискуснымъ изученіемъ отдѣльныхъ частей, въ чемъ ее такъ часто и такъ справедливо упрекаютъ. Филологи нашли еще для изученія своего предмета другую методу, придуманную въ концѣ прошлаго вѣка и получившую новое значеніе въ послѣднее двадцатилѣтіе текущаго столѣтія. Всемъ извѣстно, что Винкельманъ далъ археологій совершенно новый видъ, новую органическую жизнь. Хотя онъ имѣлъ въ виду пользу археологій вообще, однакожь преобладающая склонность его къ скульптурнымъ памятникамъ заставила его обратить на нихъ особенное вниманіе. Кроме того онъ оставилъ свои археологическія занятія на половинѣ проложеннаго имъ пути, и потому не успѣлъ продвинуть археологію на столько, чтобы менѣе талантливые ученые могли дѣлать новыя открытія или дойти до положительныхъ фактовъ. Выгода ясной классификаціи вполне обнаружилась при изученіи нумизматики, а именно въ обширномъ сочиненіи Экеля о монетахъ, и при изученіи эпиграфики въ монографіи объ арвальскихъ братьяхъ Газтаио Марини. Оба эти сочиненія должны считаться прочнѣйшими основаніями обѣихъ отраслей археологій. Труды Винкельмана продолжалъ Виедонти, который, при своемъ остроуміи и многосторонней опытности, имѣлъ сверхъ того самый изящный вкусъ. Обоиъ имъ противостоялъ человекъ съ совер-

женно важнымъ направлѣніемъ и превосходившіи ихъ обѣихъ, если не остроуміемъ и тонкостью сужденій, то многосторонностью археологическихъ изслѣдованій и истинно изумительною ученостію. Это былъ знаменитый Датчанинъ Цэга; онъ оставилъ три сочиненія, которыя распространили и обогатили археологію, опредѣливъ границы ея съ такою точностью, какою могутъ похвалиться однѣ положительныя науки. Достойный ученикъ Цэги, Велькеръ, уважаемый не только въ филологіи, но и въ археологіи, напоминаетъ своими многочисленными необыкновенно учеными сочиненіями энтузіазмъ Винкельмана и изслѣдованія Цэги. Послѣ него надобно упомянуть о Гергардѣ, который основалъ, въ Римѣ, археологическій институтъ, и такъ оживилъ изученіе археологіи, что его можно считать первымъ, познакомившимъ публику съ общою археологіею посредствомъ годичныхъ ученыхъ обзорнѣй, помѣщаемыхъ въ «Bulletin». Онъ также старался побудить археологовъ къ изслѣдованіямъ, которыя стремились бы къ одной цѣли. Отъ археологовъ-специалистовъ надобно отличать тѣхъ ученыхъ, которые хотя и занимались археологическими изслѣдованіями, и даже можетъ-быть съ бѣльшимъ успѣхомъ и пользою, нежели первые, но при этомъ держались понятій и методы, болѣе напоминающихъ любителей, нежели дѣйствительныхъ ученыхъ.

При исчисленіи всѣхъ наукъ, которыя, въ настоящее время, входятъ въ составъ археологіи, мы начнемъ не съ художественныхъ и другихъ памятниковъ, а съ болѣе важной (генетической, основной) ея части, то-есть съ исторіи археологическихъ открытій, которая, представляя вездѣ мѣстныя средоточія, переходитъ въ общую топографію памятниковъ, а потомъ пополяется весьма тѣсно связанною съ нею музеографіею.

1. Топографія или изученіе мѣстности памятниковъ. — Подъ этою отраслю археологіи обыкновенно разумють отнюдь не специальное географическое изслѣдованіе, но такое распределеніе болѣе или менѣе извѣстныхъ намъ памятниковъ древности, которое наиболее сообразно съ духомъ и цѣлью археологіи. Конечно, для подобнаго распределенія еще многого не достаетъ: необходимыя для того матеріалы сокрыты еще въ частной исторіи государствъ и въ другихъ монографіяхъ, такъ-что критическій разборъ точныхъ фактовъ, помогающихъ археологіи, былъ бы очень труденъ, но за то онъ принесъ бы большую пользу. Удобнѣе всего было бы слѣдовать

при такомъ разборѣ географической системѣ, принятой для нумизматики. Отъ топографіи памятниковъ и музеографіи существенно отличается, по плану и цѣли, географія древнихъ художественныхъ памятниковъ, помѣщенная К. О. Мюллеромъ, въ его «Руководствѣ къ археологіи искусства». Эта географія написана не съ ученою, а съ чисто-практическою и пропедевтическою (приготовительною) цѣлю. Мюллеръ не обнаруживаетъ, въ этой части своего труда, ни малѣйшаго притязанія на ученость, но мы думаемъ, напротивъ, что если бы его система распределенія памятниковъ была составлена критически и оъ бѣльшими средствами — она была бы важнѣйшимъ основаніемъ для археологіи, потому-что Мюллеръ нашелъ наилучшій способъ дѣльно и ясно распределять многочисленныя археологическія матеріалы, и притомъ допустилъ множество подробностей, необходимыхъ для дальнѣйшихъ изысканій.

Многіе утверждаютъ, что подобная система не должна быть допускаема въ наукъ, такъ-какъ она не можетъ существовать безъ помощи многихъ вспомогательныхъ свѣдѣній; но это возраженіе кажется намъ неумѣстнымъ, потому-что, въ такомъ случаѣ, не могла бы существовать ни одна наука: для каждой изъ нихъ необходимы предварительныя и вспомогательныя познанія. Само собою разумѣется, что археологію можетъ заниматься только тотъ, кто болѣе или менѣе знакомъ съ древностью; кромѣ того онъ долженъ смотрѣть на всѣ памятники вообще, и на тѣ, которыми онъ занимается специально, съ наиболѣе независимой, то-есть прямой точки зрѣнія, и дѣлать по нимъ только непосредственныя заключенія, которыя бы могли быть подтверждены этими памятниками. Только такимъ образомъ можемъ мы достигнуть до яснаго познанія того, что намъ извѣстно, и того, чего нельзя понять безъ посторонней помощи, и это единственное средство привести разнородныя памятники въ ученый и систематическій порядокъ, сообразный съ ихъ внутреннимъ значеніемъ. Если бы всѣ изслѣдователи руководствовались подобными правилами, тогда топографія памятниковъ доставляла бы результаты, совершенно противоположныя тѣмъ, какіе намъ нѣредко случается получать теперь. Быть-можетъ, пройдетъ еще много времени, пока мы будемъ въ состояніи сказать съ достовѣрностью, что имѣемъ определенное понятіе о древнихъ памятникахъ. Впрочемъ, въ новѣйшее время, сдѣлано многое для этой цѣли, и составленіе ката-

логовъ важнѣйшихъ музеевъ принесло большую пользу. Въ этомъ отношеніи замѣчательны послѣ трудовъ Висконти (Museo io Clementino и Musée Napoléon), труды Гергарда, который съ помощью Платнера привелъ въ порядокъ ватиканскій музей и описалъ неаполитанское и берлинское археологическія собранія. О нумизматической статистикѣ писали Сестини и Мюнне. Матеріалы для полного реестра античныхъ рѣзныхъ камней хранятся въ кадисскомъ собраніи. Изученіе вазъ значительно облегчается безпрестанными отрывками, каталогами дурандскаго музея и собранія принца Канино, написанными де-Виттомъ, и въ особенности прекраснымъ сочиненіемъ Гергарда: «Rapporto intorno i vasi volcenti» (Римъ, 1831). Впрочемъ описаніе этого рода памятниковъ, чрезвычайно важныхъ для археологіи вообще, уже прежде было составлено, въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, римскимъ археологическимъ институтомъ.

II. Роды памятниковъ. Слѣдуя правилу: Monumentum artis, qui ipse vidit, nullum vidit, qui mille vidit, unum vidit (то-есть, кто видѣлъ одинъ памятникъ искусства, тотъ не видѣлъ ни одного, а кто видѣлъ ихъ тысячу, тотъ видѣлъ только одинъ), мы полагаемъ, что для занятій археологіею необходимо, прежде всего, уметь отнести каждый памятникъ именно къ тому роду, къ которому онъ принадлежитъ, а потому мы и займемся сначала исчисленіемъ всѣхъ родовъ памятниковъ.

1. *Архитектура.* Сюда относятся памятники религіозные, гражданскіе, военные, надгробные и такъ далѣе, какъ-то: стѣны, дома, храмы, колонны, обелиски, театры, гробницы, общественныя дороги и прочая. Въ новѣйшее время архитектурныя памятники подверглись многостороннему и основательному изученію. Самый предметъ былъ причиною того, что имъ стали заниматься почти исключительно ученые по ремеслу, что рѣдко встрѣчается при изслѣдованіи памятниковъ другаго рода. Любители находятъ важное препятствіе въ ученomъ языкѣ, принятомъ со временъ Витрувія. Къ тому же изображенія и измѣренія, обыкновенно прилагаемыя при подобныхъ сочиненіяхъ, не допускаютъ ни малѣйшей неточности. Чтобы начать съ памятниковъ, носящихъ на себѣ отпечатокъ глубочайшей древности, ученые обратили, въ новѣйшее время, особенное вниманіе на изученіе тѣхъ многоугольныхъ стѣнъ, которыя Павзаній азываетъ

циклопическими. При этомъ особенно важны услуги, оказанныя нау-
кѣ Додуаллемъ, Вил. Галлемъ (ум. 16 января 1836) и римскимъ
археологическимъ институтомъ. Развалины греческихъ храмовъ также
были неоднократно изучаемы новѣйшими путешественниками. Замча-
тельно также Гитторфово сочиненіе о сицилійскихъ архитектурныхъ
памятникахъ, къ которому имѣетъ извѣстное отношеніе составленное
герцогомъ Серрадиалько описаніе всѣхъ художественныхъ памятни-
ковъ его отечества. Въ Италіи обращаютъ на себя вниманіе попытки
отрыть остатки Помпей и римскаго фoрyма; при изученіи перыхъ
могутъ служить пособіемъ снимки съ помпейскихъ фресковъ, изданные
Цаномъ; для изученія послѣдняго важны труды Ниббй, князя Ка-
янино и Буззена. Послѣдній отличается отъ своихъ собратьевъ немец-
кимъ ученымъ образованіемъ и помощію, которою онъ пользовался
со стороны немецкихъ архитекторовъ, но все же онъ не можетъ срав-
ниться съ Итальянцами, которые какъ-бы по врожденному чувству
смотрятъ на древнія развалины съ болѣе практической точки зрѣнія.
Въ этомъ случаѣ ничто не можетъ быть вреднѣе бессознательной
систематики, выведенной изъ литературныхъ сочиненій.

2. *Скульптура*. Сюда относятся: а) *статуи* и б) *бюсты*. Такъ-
какъ этого рода памятниками занимались гораздо чаще, нежели другими,
то изслѣдованія Винкельмана по этому предмету и труды Висконти по-
вели къ важнымъ заключеніямъ. Послѣдній изъ нихъ имѣлъ случай,
при изданіи «Museo Pio Clementino», обнародовать такое множество этихъ
драгоценныхъ остатковъ древняго искусства, что послѣдующія от-
крытія служатъ только дополненіями къ его труду. Такъ-какъ этому,
счастливѣйшему изъ археологовъ, суждено было разобрать и описать
огромную античную коллекцію, составленную Наполеономъ, то имя
его и останется навсегда важнымъ въ исторіи скульптурныхъ изсле-
дованій. Пространчѣйшимъ сочиненіемъ по этой части считается «Musée
Bouillon», и хотя текстъ написанъ не самимъ Висконти, тѣмъ не менше
онъ доставилъ для него самыя существенныя факты. Въ такомъ же
родѣ, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, написанъ «Musée de sculpture»,
графа Кларка. Какъ трудно, въ наше время, обогатить этотъ родъ
памятниковъ новыми открытіями, можно судить по тому, что рим-
скій археологическій институтъ, въ продолженіе осмысленнаго своего
существованія, только однажды имѣлъ случай говорить, въ своихъ
запискахъ, о вновь отрытыхъ статуяхъ. Надобно однако сказать,

что въ новѣйшее время открыто и объяснено множество такихъ памятниковъ, которые одни уже въ состояніи дать настоящее понятіе о высокомъ развитіи скульптуры у древнихъ.

Такъ, напримеръ, лордъ Эльгинъ познакомилъ Европу со статуями, украшавшими фронтонъ Партеона и дающими намъ понятіе объ искусствѣ Фидіа, и съ эгинскими группами, съ которыми такъ тѣсно связано имя Юганна Мартина Вагнера, отличнаго знатока древней пластики, замѣчательнаго глубокою ученостью и мѣткостью суждений. Онъ упрочилъ не только за королемъ Баваріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и за всюю Германію, обладаніе этими единственными произведеніями искусства, и сверхъ-того надзиралъ, самымъ тщательнымъ образомъ, за возстановленіемъ многочисленныхъ обломковъ и первый сообщилъ основательныя свѣдѣнія объ этихъ памятникахъ, замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ. Къ этому надобно прибавить еще Милосскую Венеру, которая нѣсколько объясняетъ состояніе искусства послѣ Фидіа. Изъ изслѣдованій, объясняющихъ состояніе искусства Римлянъ и цвѣтущихъ временъ Греціи, конечно, самое удачное, принадлежитъ Юганну Мартину Вагнеру, по поводу превосходныхъ монтекавальскихъ статуй, имъ же описанныхъ и приведенныхъ въ извѣстность. Результаты его изслѣдованій не только не поддерживаютъ ложнаго взгляда на исторію искусствъ, но, напротивъ, фактически уничтожаютъ мнѣнія тѣхъ, которые ставятъ произведенія Римлянъ на одну высоту съ произведеніями Фидіа.

с) *Барельефы*. О памятникахъ этого рода писали Винкельманъ и Цэга. Первый извлекъ ихъ изъ забвенія, а второй началъ описывать ихъ въ монографіи, очень замѣчательной въ то время. Его неподражаемое сочиненіе «*Bassirilievi antichi*» etc., состоитъ по большей части изъ описанія вилла-альбанскаго музея, котораго главное богатство и нынѣ состоитъ въ подобныхъ памятникахъ. Снимки сдѣланы такимъ искуснымъ художникомъ, что до-сихъ-поръ никто еще не сравнился съ нимъ въ вѣрности и отчетливости рисунка; объясненія свидѣлствуютъ о необыкновенной учености, а необходимыя сравненія предложенныхъ изображеній въ первый разъ приведены въ последовательную систему; недостатку собственной его опытности въ сужденіи объ искусствѣ помогало то отношеніе, въ которомъ онъ находился къ своему соотечественнику, Торвальдсену. Это сочиненіе, предпринятое при

самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, съ какими только можетъ встрѣтиться стремленіе къ археологическимъ трудамъ, должно однако же считаться основою новѣйшей археологіи, потому-что, безъ сомнѣнія, въ ней сдѣланы большіе успѣхи со времени Висконти до Цэги. Предположенія, развитыя Цэгою, были признаны Велькеромъ и Гергардомъ, и отъ послѣдняго тогда уже можно было ожидать обширнѣйшихъ изслѣдованій, которымъ основаніе онъ положилъ своимъ сочиненіемъ: «Древнія, до-сихъ-поръ неизвѣстныя статуи.» Къ важнѣйшимъ открытіямъ по этой части принадлежатъ метопы и фризы, изъ Парфенона и изъ храма Аполлона Фигалейскаго, и олимпійскія произведенія. Множество другихъ рельефныхъ изображеній, по большей части только остатковъ античныхъ композицій, не могутъ сравниться съ этими произведеніями въ эстетическомъ достоинствѣ. Для подробной исторіи искусства важны, однако же, метопы, найденныя въ развалинахъ Селиноса и описанныя Серрадиалько.

3) *Камеи.* Мы упоминаемъ о нихъ здѣсь потому, что они имѣютъ большое сходство съ рельефами, хотя, конечно, это сходство только наружное. Изображенія, представленныя на тѣхъ и другихъ, часто очень различны, и потому ихъ надобно разсматривать особо, при чемъ необходима археологическая критика, потому-что въ статуяхъ достаточно отмѣчать только новѣйшія прибавленія и передѣлки, между тѣмъ какъ въ камеяхъ случаются цѣлыя поддѣльныя коллекціи. Все, что до-сихъ-поръ сдѣлано по этой части, ограничивается, по настоящему, однимъ Винкельмановымъ каталогомъ итоской коллекціи; все лучшее въ Расповомъ тассійскомъ каталогѣ взято оттуда, а на все другія заключенія, приведенныя въ этомъ сочиненіи, надобно смотреть какъ на самыя грубыя заблужденія. Такъ называемыя дактилотеки содержатъ въ себѣ обыкновенно плохіе слѣпки и болѣе ошибокъ, нежели правды; рисунки, по большей части, сдѣланы дурно и, съ малыми исключеніями, невѣрны. Въ этомъ случаѣ особенную похвалу заслуживаетъ римскій рѣзчикъ, Томмазо Кадесъ, который рѣшился исправить свою коллекцію, состоящую изъ пяти-тысячъ тщательно и со вкусомъ сдѣланныхъ слѣпковъ; стараясь очистить ее отъ поддѣлокъ, онъ въ то же время обогащаетъ ее новыми пріобрѣтеніями. Только продолжительными и постоянными трудами достигъ онъ наконецъ того, что собралъ до четырехъ-сотъ этрусскихъ камеевъ, изъ которыхъ, лѣтъ двадцать-пять тому, было извѣстно не болѣе сотни. Желатель-

но, чтобы римскій археологическій институтъ обратилъ болѣе вниманія на этотъ предметъ. Конечно, ученое объясненіе такихъ памятниковъ часто бываетъ очень затруднительно, и поневоля надобно ограничиться помѣщеніемъ новаго открытія въ тотъ или другой разрядъ, означенный Винкельманомъ. Вообще говоря, изученіе камесеевъ можно назвать полемъ не только не воздѣланнымъ, но даже испорченнымъ ложною экономіей.

4. *Терракотты*. После камесеевъ причитыве всего упомянуть о монетахъ, но мы боимся слишкомъ отдалить произведенія изъ жженой глины отъ мраморныхъ произведеній и отдѣлить монеты отъ эпиграфическихъ памятниковъ, съ которыми они какъ будто срослись. Терракотты принадлежатъ къ остроумнѣйшимъ произведеніямъ древняго искусства. Мягкости матеріала мы обязаны тѣмъ, что видимъ на этихъ памятникахъ отпечатокъ руки художника такъ же ясно, какъ слѣдъ звѣря на сырой землѣ. Декоративное назначеніе этихъ памятниковъ заставляетъ насъ быть очень осторожными при объясненіи ихъ; иначе очень легко вывести ложное заключеніе изъ подобныхъ впадовъ художественной фантази. Мнѣологія обогатилась нѣсколькими существенными открытіями вслѣдствіе тѣхъ прекрасныхъ гробничныхъ фризъ, на которыхъ встрѣчаются снаряженіе корабля Арго, узнаанный Одиссей и прочая; но, по болѣе части, терракотты доставляютъ намъ болѣе изображеній изъ ежедневной жизни, что также очень важно, и на что еще не обратили должнаго вниманія. Кроме Аженкурова: «*Recueil de fragments de sculpture antique en terre cuite*», и тѣхъ частей британскаго музея, которыя заключаютъ въ себя такіе же памятники, мы не имѣемъ никакихъ подробныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ; а заняться подобною монографіею было бы тѣмъ легче, что для нея не нужно почти никакихъ постороннихъ изслѣдованій.

5. *Вазы* и другіе остатки древней живописи. Матеріалъ, изъ котораго сдѣланы расписанныя «античныя» вазы, заставляетъ насъ упомянуть о нихъ после терракоттъ. Вазы и фрески, конечно, даютъ только неполное понятіе объ античной живописи, но все же послѣднія гораздо слабѣе остроумныхъ и незатѣйливыхъ рисунковъ, которые мы видимъ на вазахъ. Изученіе ихъ началось только въ прошломъ столѣтіи. Пассери и д'Анварвилль сообщили о нихъ первыя

известія, Вилкельманъ упоминалъ о нихъ съ свойственною ему проницательностью, а потомъ надъ ними трудился Гамльтонъ, какъ собиратель, и Тамбейнъ, какъ художникъ. Вързвѣнный способъ объясненія ихъ вводитъ Миллингономъ, который оказалъ археологич. существенныя услуги описаніемъ вазъ, хранящихся въ разныхъ коллекціяхъ и въ особенн. своемъ сочиненіи: «*Monuments antiques inédits*». Труды этого ученаго проникнуты тою тонкою археологическою критикою, къ которой онъ былъ способенъ болѣе, нежели кто-либо изъ новѣйшихъ археологовъ. При всемъ томъ, не смотря на умозрѣніе матеріаловъ, изслѣдованія эти не повели бы, можетъ-быть и до нашего времени, ни къ чему важному, если бы случайное открытіе некрополиса въ Вульчи не сдѣлало важнаго переворота, не только въ изученіи вазъ, но и въ самой археологич. Это открытіе, сдѣланное въ 1827 - 1828 годахъ, можетъ быть вполне сравнено съ открытіемъ Геркулана и Помпеи. Число найденныхъ тамъ расписанныхъ глиняныхъ вазъ такъ велико, что одному едва можно пересчитать ихъ. Не смотря на то, однако же, Гергарду удалось собрать большую часть рисунковъ новооткрытыхъ вазъ, и онъ въ своемъ сочиненіи «*Rapporto intorno vasi volcenti*» сообщаетъ такое ясное и подробное извѣстіе о всѣхъ родахъ этихъ вазъ, что даже и позднѣйшія открытія и разисканія (напримѣръ въ Керчи) весьма мало къ нему прибавили. Послѣ того онъ опредѣлялъ, съ удивительною догадливостію и практическимъ умомъ, значеніе каждаго разряда, каждаго стилиа и каждой формы ихъ въ исторіи искусства. Онъ находитъ сходство между вазами и разными родами греческой поэзіи, доказывая, что хотя они и развились постепенно, одинъ за другимъ, но въ послѣдствіи встрѣчались все вмѣстѣ какъ условныя формы. Онъ предполагаетъ, что выборъ красныхъ или черныхъ фигуръ имѣлъ особенное отношеніе къ изображаемому предмету, и что онъ, въ свою очередь, имѣлъ вліяніе на выборъ формы сосуда; напримѣръ для изображенія гидрофора избирались гидрин, для вакхическихъ сюжетовъ — амфоры. Обстоятельство, что эти вазы, изображающія греческіе мифы и обнаруживающія греческую работу, найдены въ этрусскихъ гробницахъ, подало поводъ извѣстнѣйшимъ археологамъ дѣлать различныя догадки объ ихъ происхожденіи. Надобно сказать, что Гергардъ съ большою осторожностію занимался этимъ вопросомъ; другіе не знали факта, на который бы могли твердо опрѣ-

реться, а именно, что вульченскія вазы однородны съ вазами Греции, Сициліи и Великой Греции. Результаты этихъ изслѣдованій болѣе или менѣе неполны и неудачны; самый же общій и самый сухой выводъ, который только можно сдѣлать, былъ бы тотъ, что эти вазы распространились посредствомъ торговли, какъ въ наше время китайскій фарфоръ. Въ такомъ случаѣ надобно было бы принять, что однѣ аеинскія и коринтскія фабрики приготовляли эти вазы, и исторія ихъ сдѣлалась бы исторіею древней торговли, но мы считаемъ это мнѣніе неосновательнымъ. Кромѣ стилия рисунковъ и искусства отдѣлки, о разной національности или, по-крайней-мѣрѣ, о разномъ художественномъ преданіи свидѣтельствуетъ различный кругъ изображеній, встрѣчаемыхъ въ разныхъ мѣстахъ, и различная манера изображенія однихъ и тѣхъ же предметовъ. Впрочемъ, никто еще не изслѣдовалъ подробно значенія изображеній, можетъ-быть потому, что это очень трудно, такъ-какъ намъ известна только малая часть рисунковъ найденныхъ вазъ. При этомъ почти всегда дѣлали поверхностныя заключенія; между-тѣмъ здѣсь, какъ и при изученіи языка, необходима грамматическая точность. Но это фактъ, что драгоценная ваза, найденная въ Аеинахъ и описанная Миллингеномъ, кажется существенно отличается отъ вазъ, найденныхъ въ Нолъ, Сициліи и Вульчи. Костюмъ возницы на аеинской вазѣ совершенно оригиналенъ и вобще встрѣчается на вазахъ, открытыхъ въ Италіи. Нельзя сравнивать отдѣлки вазы съ архаическими надписями, найденной Додуэллемъ близъ Коринѳа, съ отдѣлкою вазъ, открытыхъ близъ Черветри, хотя по формѣ и изображеніямъ онѣ принадлежатъ къ одному разряду. Наконецъ, положительнымъ доказательствомъ здѣсь можетъ служить и то, что фрески, найденныя въ некрополяхъ Тарквинія и Вульчи не только по стилю и рисунку, но и по изображенію совершенно сродны вазамъ. Обстоятельство, что рисунки многихъ вазъ, повидимому, скопированы съ гробничныхъ фресковъ, даетъ поводъ думать, что этрусскимъ художникамъ знакомы были греческая живопись и греческіе обычаи и миѳы. Нѣкоторые изъ тѣхъ гробничныхъ фресковъ замѣчательнѣе всего помпейскихъ и геркуланскихъ. Послѣднія часто нарисованы смѣлѣе, но за-то не такъ окончены и какъ будто сдѣланы не художникомъ, а ремесленникомъ.

Античныя фрески, геркуланскія и помпейскія, были уже въ прошломъ столѣтіи довольно хорошо изслѣдованы. Museo Borbonico во-

обновили нынче изучение ихъ, но безъ большого успѣха. Число известныхъ изображеній увеличилось нѣсколькими новыми картинами, напримеръ: «Бракъ Кроноса съ Реєю». Въ новѣйшее время перестали придавать этимъ остаткамъ преувеличенную важность, и теперь уже отличаютъ произведенія, принадлежащія древнему искусству вообще отъ отдѣльныхъ памятниковъ второстепенной важности. Только недавно стали обращать вниманіе на мѣстное достоинство античныхъ картинъ. Летроннъ и Рауль-Рошетъ съ разныхъ сторонъ подробно разобрали, всѣ мѣста древнихъ писателей, въ которыхъ они упоминаютъ объ этой отрасли искусства. Къ сожалѣнію, число памятниковъ еще слишкомъ недостаточно, а извѣстія древнихъ слишкомъ темны и неопредѣленны, чтобы, основываясь на нихъ, можно было сдѣлать какія-либо положительные выводы. Въ настоящемъ положеніи дѣла мнѣнія зависятъ отъ взгляда на предметъ, и всѣ усилія ведутъ только къ отысканію вѣроятностей, подкрѣпляемыхъ примѣтными примѣрами и аналогією. Исключительное мнѣніе того или другаго ученаго уже и потому кажется подозрительнымъ, что древность вообще подробно и гениально обсужена со всѣхъ сторонъ. Вѣроятію и здѣсь наибольшую пользу можетъ принести изслѣдованіе незначительныхъ и разсѣянныхъ памятниковъ, и они только могутъ поднять впередъ и увеличить извѣстія о древнихъ. Хотя до насъ дошло очень мало замѣчательныхъ мозаикъ, но все же мы обязаны имъ высшими понятіями о древней живописи. Значительнѣйшая изъ такихъ работъ есть, безспорно, найденная въ Помпѣяхъ битва Александра, представляющая намъ такую искусственную композицію, безъ которой бы мы не имѣли, ни малѣйшаго понятія о древней мозаикѣ. Прочія мозаики по большей части болѣе декоративны, но они даютъ понятіе съ одной стороны о великолѣпнѣйшихъ комнатныхъ украшеніяхъ у древнихъ, а съ другой о чистотѣ ихъ вкуса. Эти памятники также полезны для изученія изображеній, потому-что здѣсь, болѣе нежели гдѣ-либо, можно предположить копія съ отличныхъ или, по-крайней-мѣрѣ, извѣстнѣйшихъ тогда картинъ.

6. *Металлическія работы.* Металлическія издѣлія древнихъ свидѣтельствуютъ о такомъ развитіи этого искусства, котораго до-сихъ-поръ еще не могутъ достигнуть въ новѣйшія времена. Такъ-какъ это искусство происходило изъ ясныхъ и вѣрныхъ понятій, то они легко находили самыя простыя и вѣрныя средства обработывать свои произве-

денія. Въ обработкѣ металловъ искусство отливки не такъ важно какъ окованье, а о послѣднемъ свидѣтельствуютъ съ отличной стороны золотыя вещи, найденныя въ этрусскихъ гробницахъ. При отливаніи статуи они никогда не заботились о томъ, чтобы сдѣлать что-нибудь необыкновенное, а старались только сдѣлать что-нибудь изящное. Такъ какъ имъ прежде всего надобно было отлить чисто и красиво, то они и разлагали модель на столько частей, на сколько она можетъ дѣлиться, а потомъ имъ уже легко было соединять эти части въ одно цѣлое. Поэтому-то не только колоссы, но и предметы меньшихъ размѣровъ вылиты изъ нѣсколькихъ частей — особенность, на которую въ новѣйшее время не обратили должнаго вниманія, что и сдѣлалось причиною заблужденій. Сколько извѣстно, въ Наполеоновомъ музее было болѣе всего бронзовыхъ издѣлій, и число ихъ увеличилось только не многими вновь открытыми вещами, изъ которыхъ замѣчательнѣе другихъ танцующій фавнъ. Разрытія, произведенныя въ сороковыхъ годахъ, обогатили, впрочемъ, нѣсколько римскихъ музеевъ. Статуя Марса, найденная въ Тоди, замѣчательна стилемъ и италійскою надписью. Колоссальная рука Нептуна, найденная въ морѣ, близъ Чивитта-Веккиа, представляетъ отличнѣйшій остатокъ бронзовой работы, времянъ Траяна; а статуя Матроны, которая перешла изъ Ватикана въ Глиптотеку, можетъ быть причислена къ лучшимъ античнымъ изваяніямъ. Кромъ этихъ произведеній, въ Этрурии вырыто значительное количество маленькихъ бронзовыхъ статуй, которыя представляютъ много истинныхъ красотъ и расширяютъ кругъ извѣстныхъ изображеній, потому-что между ними нѣрѣдко встрѣчаются подражанія извѣстнымъ греческимъ образцамъ. Къ лучшимъ произведеніямъ чисто-греческаго искусства принадлежатъ тѣ превосходныя рельефныя изображенія битвы Амазонокъ, которыя прежде принадлежали Брендштеду, а теперь находятся въ Британскомъ музее. Но древніе дѣлали изъ бронзы не одни только статуи и рельефы; изъ этого же матеріала сдѣлано множество домашней посуды. Бронзовые кандеябры, треножки, вазы и другія вещи были находимы въ Этрурии, въ Геркуланѣ и Помпѣяхъ, и представляютъ археологическій и художественскій интересъ, но ученые еще очень мало занимались ими. Нѣкоторыя изъ нихъ срисованы Микали. Онъ же первый описалъ золотыя уборы, которыми такъ богаты вульченскія и черветрійскія разрытія. Найденный въ Черветри уборъ жреца прямо ука-

зывает на сходство этрусских нравов и обычаевъ съ восточными. Серебряное блюдо, лежавшее въ той-же гробницѣ, показывает замѣчательное сходство съ подобными произведениями египетскаго искусства; тоже можно сказать и о бѣльшей части бронзовыхъ издѣлій, найденныхъ въ тоже время. Вообще подробное изученіе древнихъ металлическихъ произведеній, въ особенности тѣхъ, которыя принадлежатъ болѣе отдаленной эпохѣ, обѣщаетъ неожиданные и любопытные результаты. Отъ нихъ можно было бы перейти къ тѣмъ чернымъ сосудамъ съ античными рельефами, которыя представляютъ съ ними нѣкоторое сходство, но отличаются болѣе солидною отдѣлкою, что и заставляетъ думать, что рельефы не были просто фантастическія украшенія безъ мнѣческаго значенія. — Всѣмъ этимъ еще очень мало занимались и о подобномъ различіи едва упоминали, не только-что не опредѣлили его навѣрное, что, конечно, потребовало бы сравненія всѣхъ доселѣ найденныхъ металлическихъ сосудовъ, число которыхъ довольно велико. Но до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ сдѣлано подобнаго раздѣленія ихъ на разряды и пока не будетъ рассмотрѣна цѣль орнаментальнаго элемента вообще, ученые все будутъ имѣть не твердыя понятія объ ихъ древности, употребленіи и значеніи. Какое вниманіе древніе обращали на выборъ украшенія къ каждому предмету, можно яснѣ всего видѣть изъ металлическихъ зеркалъ, которыя прежде принимали за *патыры* или жертвенныя блюда. Эти блюда нерѣдко сдѣланы съ большимъ вкусомъ и положены въ ящики или такъ называемыя мистическія цисты, гдѣ иногда находятъ грести и другія уборы, которыя украшены съ задней стороны рѣзьбою, изображающей эротическія сцены. Если иногда встрѣчается изображеніе битвы Ахиллеса съ Пентезилеею, то развѣ потому, что этотъ мужественный герой былъ побѣжденъ красотою гордой женщины. Въ этихъ изображеніяхъ никогда не встрѣчается Харонъ съ своею ситою, котораго мы такъ часто видимъ на этрусскихъ надгробныхъ урнахъ. Вообще рисунки этихъ зеркалъ такъ оригинальны, что имъ нерѣдко подражали при украшеніи вазъ или даже блюдецъ. Важность этихъ изображеній увеличивается еще этрусскими надписями, встрѣчаемыми надъ отдѣльными фигурами и составившими родъ словаря такъ-мало извѣстнаго намъ этрусскаго языка.

Чрезвычайная польза, которую доставляетъ намъ изученіе этихъ памятниковъ, была причиною того, что на нихъ давно уже обратили внѣ-

наше. Ихъ очень долго считали мистическими зеркалами. Нигирами первый собралъ въ Сивасри точные рисунки всѣхъ тогда известныхъ зеркалъ; впрочемъ, съ-тѣхъ-поръ число этого рода памятниковъ вдвое увеличилось этрусскими и керченскими разрытіями. Гергардъ заказалъ рисунки ихъ и издалъ ихъ при сочиненіи, къ которому также приложены цѣсты или туалетные ящики, украшенные такими же рисунками, а иногда литыми рельефными изображениями. Одинъ изъ такихъ ящиковъ, вокругъ богато украшенный амазонскими битвами, перешелъ съ мѣста отрытія въ этрусскій ватиканскій музей, но изображеніе аргонавтовъ на цѣствъ, найденной Кирхеромъ въ Пренестъ, все еще остается превосходнѣйшимъ рисункомъ, доставившимся намъ отъ древнихъ, и однимъ изъ лучшихъ произведеній древняго искусства.

7. *Нумизматика.* Съ-тѣхъ-поръ, какъ Экель привелъ нумизматическія изслѣдованія къ блестящему результату, въ продолженіе многихъ лѣтъ почти ничего не было сдѣлано для этой науки. Только во второе десятилѣтіе нынѣшняго вѣка стали появляться сочиненія, поддерживающія колоссальное зданіе нумизматики. Миллингеновы труды составляютъ въ этомъ случаѣ эпоху. Остроумная критика и углубленность выбора придаютъ его коллекціи вновь найденныхъ монетъ вѣроятіе и интересъ. Неутомимое стремленіе къ составленію коллекцій привело его въ сношенія со всѣми известнѣйшими нумизматиками, а влияніе его вездѣ принесло несомнѣнную пользу. Такъ напримѣръ, большая монетская коллекція, по-крайней-мѣрѣ, мало-по-малу частями, получала ученый характеръ. Основаніе миланскаго собранія медалей и значительное распространеніе мюнхенскаго, произошли въ эту же эпоху. Первое было обогащено коллекціями Миллингена, Санклемента и въ особенности канонискою коллекціею герцога моденскаго. Кроме того вездѣ основаны были коллекціи, которыя почти все разсмотрѣны и описаны Сестини. Этотъ Флорентинецъ принесъ большую пользу наукъ своими многочисленными нумизматическими сочиненіями. Онъ былъ въ особенности искусенъ въ опредѣленіи монетныхъ дворовъ, но за-то во всемъ прочемъ разсуждалъ чрезвычайно произвольно и до-того не-критически, что все, сколько-нибудь нетвердья, его убжденія, надобно признавать скорѣе сомнительными, нежели достойными вѣроятія. Все это можно сказать только о греческихъ и не-римскихъ монетахъ. Совсемъ другое видимъ мы въ римской нумизматикѣ. Цѣлыхъ реестровъ, каковъ напримѣръ Мюнетовъ, здѣсь почти вовсе не

существуетъ, и даже разысканія Экеля о римскихъ монетахъ заставляютъ желать еще очень многого. Только неполныя извѣстія сообщаютъ намъ «*Doctrina numismatum*» о консульскихъ или фамильныхъ монетахъ. При изученіи императорскихъ монетъ недостаточныя познанія Экеля въ эпиграфикѣ были весьма вредны. Но эти слабыя стороны были бы не такъ замѣтны, если бы ими не занимался человекъ, принадлежащій, безъ сомнѣнія, къ отличнѣйшимъ и счастливѣйшимъ изслѣдователямъ древностей. Это Бартоломео Боргези, который своими нумизматическими декадами, напечатанными въ «*Giornale Arcadico*», сообщилъ изученію фамильныхъ монетъ совершенно другое направленіе. Эти монеты до того проникнуты тогдашнимъ духомъ Римлянъ, что, кажется, видны на нихъ слѣды важныхъ происшествій того времени. Нравы, права и вся случайности римской жизни изображались на нихъ граціозными эмблемами. Смотри на нихъ, исторія оживаетъ передъ нами со всеми мельчайшими ея подробностями. Однимъ словомъ, тутъ мы встречаемся съ нумизматикою, столь же отличною отъ нумизматикъ другихъ народовъ, сколько римская исторія отлична отъ всякой другой. Со времени Морелли мало сдѣлано для коллекцій этого рода. Впрочемъ Боргези составилъ каталогъ всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ, фамильныхъ монетъ. Такою же важностью имѣетъ и другой трудъ по части италійской до-римской нумизматики, издаваемый римскимъ іезуитскимъ коллегіумомъ. Богатое собраніе бронзовыхъ гирь или ассовъ, доставило ему главные матеріалы. Памятники самыхъ отдаленныхъ, почти до-историческихъ временъ, получаютъ посредствомъ этого труда точное опредѣленіе и представляютъ исторію искусства точку опоры и смѣлѣйшіе результаты.

8. *Эпиграфика*. Эту отрасль большой науки древностей несправедливо причисляютъ къ филологіи, потому-что эпиграфическіе памятники вовсе не литературныя произведенія; они имѣютъ совершенно монументальный характеръ и изученіе ихъ рѣшительно принадлежитъ къ археологіи. Конечно, для эпиграфическихъ изслѣдованій необходимо знаніе языка, но одно оно все же недостаточно; къ тому же эпиграфика такъ тѣсно и существенно связана съ нумизматикою, что ихъ никакъ невозможно раздѣлить. Быть можетъ, этого нельзя сказать о греческихъ надписяхъ, но замѣчаніе наше вполне справедливо, если дѣло идетъ о римской эпиграфикѣ. Здѣсь объ страсти археологіи такъ важны одна для

возвращенія другой, что каждая изъ нихъ отдѣльно принесетъ только умеренные результаты. Греческая эпиграфика достигла высокой степени совершенства трудами Бека. Новыя открытія, напримеръ «Inscriptions», издавныя въ Аеннахъ Россомъ, только пополняютъ ихъ.

Римская эпиграфика не можетъ похвалиться ни чѣмъ подобнымъ, и не смотря на все усилія ученыхъ послѣ Мануція и Грутера, наука эта, вмѣсто облегченія, становится постоянно труднѣе и труднѣе. Два главныя препятствія, встречаемыя въ ней, — множество поддѣльныхъ надписей и трудность чтенія ихъ. Мы уже сказали, что сдѣлалъ по этой части Марини. Его ученикъ Бартоломео Боргези всю свою жизнь посвятилъ на то, чтобы собрать все надписи времяя консульства въ одно цѣлое, и пока былъ живъ Келлерманъ, на котораго Боргези смотрѣлъ какъ на своего ученика, была надежда видѣть полное собраніе всехъ римскихъ надписей, потому что послѣдній занимался надписями времяя римской имперіи. Лучшими эпиграфиками новѣйшаго времени считаются Лабусъ, Орелли и Клеменсъ Кардинали, который очень искусно воспользовался бумагами, оставшимися послѣ Марини. Величайшимъ эпиграфикомъ послѣ Боргези могъ бы сдѣлаться Эмиліано Сартти, если бы этотъ ученый изложилъ письменно свои обширныя познанія. Результаты изученія этрусскихъ надписей не превышаютъ палеографическихъ свѣдѣній. Въ этомъ случаѣ замѣчательнъ Лепсіусъ, первый, приложившій сравненію новѣйшихъ языковъ къ изученію этихъ новоязыхъ памятниковъ. Предметы, изображаемые на древнихъ памятникахъ, могутъ быть разсматриваемы критически и объяснены подробно только по опредѣленію различныхъ родовъ памятниковъ, на которыхъ они встрѣчаются. Также точно надобно поступать и при сравненіи разныхъ памятниковъ. Конечно, мы обязаны древней литературѣ многими позваніями, безъ которыхъ нельзя было бы и думать объ объясненіи древняго искусства вообще, но все же она не такъ полезна, какъ привыкли думать до-сихъ-порѣ. Это зависитъ частью отъ разности литературы и искусства, частью же это дѣло неблагоприятнаго случая. Писатели проходятъ сдвершеннымъ молчаніемъ именъ, обычай и тысячи случайностей, о которыхъ такъ живо говорятъ памятники. Позднѣйшему и частью настоящему времени предоставленъ трудъ сравнить памятники и исполнить свѣдѣнія о нихъ. Винкельманъ и Висконти счастливо воспользовались нынѣшними средствами для своихъ отдѣльныхъ

трудоу, а Цюга старалась сделать изъ нихъ болѣе общій выводъ. Наконецъ, даяши возможность понять нѣкоторые изъ важнейшихъ расчѣркѣвъ вазъ, найденныхъ въ восточной Этрурии, представляють одинъ изъ вѣрнѣйшихъ (гермесовитическихъ, объяснительныхъ) элементовъ; но, не смотря на значительное количество, изъ нихъ еще не извлечеи возможной пользы. Одинъ пользуются ими, но не указываютъ на нихъ, другіе вовсе оставляють ихъ безъ вниманія. Если въ какой-нибудь области изученія древностей господствуетъ произволъ, то конечно болѣе всего въ указаніяхъ и объясненіяхъ искусства; и естественныя слѣдствіемъ этого были самыя недостаточныя свѣдѣнія о понятіи древнихъ объ искусствѣ. Гиртovy «Bilderbuch für Mythologie, Archäologie und Kunst», и Милленова «Galérie mythologique», только отчасти познакомили публику съ мисологическими изображеніями. Кажется, отъ нихъ большаго и не ожидали, да и «Bildatheke» О. К. Мюллера и Эстерля не сделали ничего болѣе. Репертуаръ древнихъ искусственныхъ изображеній, съ приложеніемъ вѣрныхъ рисунковъ извѣстныхъ и подробно объясненныхъ памятниковъ, чрезвычайно важенъ, но для составленія его нужны значительныя издѣнія и обширныя свѣдѣнія въ археологической литературѣ и о самыхъ памятникахъ. Только съ помощію такого сочиненія можно было бы приступить къ истинно-ученымъ и полезнымъ трудамъ и объясненіямъ. Рауль-Рошетъ сдѣлалъ важное для науки описаніе цѣлаго ряда значительнѣйшихъ памятниковъ, хотя, по видимому, онъ, и не занимаясь этимъ спеціально; довольно подробный реестръ нынѣ извѣстныхъ изображеній, до нѣкоторой степени объясненныхъ, находится въ Мюллеровомъ руководствѣ къ археологіи искусства, но онъ ничего не сдѣлалъ ни для классификаціи этихъ изображеній, ни для пользы археологіи собственно, и этотъ отрывокъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить такого репертуара. Чрезвычайно полезна въ этомъ отношеніи Мюллерова классификація, составленная частью по плану Миллена, но она требуетъ пополненій и поправокъ, по списку, прибавленному къ античнымъ изваяніямъ Гергарда.

III. *Исторія искусства.* Эта наука заключаетъ въ себя всю археологію, то-есть, окончательные ея результаты, и составляетъ ея систематическую часть, въ которой должно быть соединено все, что выведено изъ всѣхъ упомянутыхъ отдѣловъ, и потому для точнаго ураз-

узнать исторію искусства необходимо хорошо знать вся археологическо-этнографическія; также, какъ для уразумѣнія исторіи литературы необходимо ознакомиться съ извѣстною словесностью; къ сожалѣнію на это не обращаютъ должнаго вниманія; молодымъ людямъ наиблаговѣстнѣе изучать, неслучайны свѣдѣніи, вмѣстѣ того, чтобы сознательно или прикрасъ всего съ трудностью археологическія изысканія. Исторія искусства почти всегда излагается общими и вышними фразами. Въ новѣйшее время явились даже историки искусства съ самыми удивительными понятіями, и потому, если бы кому-нибудь вздумалось предпринять строгое изчисленіе всѣхъ полныхъ результатовъ, то число ихъ ограничилось бы весьма немногимъ. Послѣ Винкельмана очень мало трудился надъ учено-историческимъ распределеніемъ и объясненіемъ археологическихъ деталей, и при этомъ всего менѣе заботился о памятникахъ: вообще большая часть писателей опирались на литературныя свидѣтельства, то-есть, одинъ списывалъ съ другаго, или еще искажалъ его, своимъ остроумнымъ толкованіемъ. Только трудъ Шорна: «Объ изученіи древнихъ художниковъ», составлялъ въ то время утѣшительное исключеніе. Безъ помощи отличныхъ художниковъ также нельзя сдѣлать ничего важнаго, ни для объясненія памятниковъ, ни для исторіи искусства; Винкельманъ и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, показалъ примѣръ ученой ревности и самоотверженія.

Для историческихъ изысканій необходима способность уразумѣнія техническихъ деталей. Общія взгляды, аналогія политической и литературной исторіи древнихъ, даже понятіе объ ихъ поэзіи, могутъ считаться предметами второстепенной важности. Для литературныхъ изысканій необходимо знаніе языка, а для пользы историческихъ изысканій археологу надобно заботиться о художественномъ понятіи памятниковъ.

Чѣмъ болѣе чувствуемъ мы недостаточность нашихъ свѣдѣній о памятникахъ, тѣмъ съ болѣею похвалою слѣдуетъ намъ упомянуть о томъ рвеніи, которое въ послѣдніе двадцать лѣтъ одушевляло ученыхъ, занимающихся приготовленіемъ матеріаловъ для исторіи искусства. Хронологическія опредѣленія и всестороннія изысканія письменныхъ памятниковъ имѣющихъ какое-либо вліяніе на эту исторію, очень замѣчательны. Никто не выказалъ при этомъ болѣе таланта и способности какъ К. О. Мюллеръ; его обширная и во всѣхъ

отношеніяхъ полезная «Археологія искусства», привела историческія изъясненія къ удовлетворительному результату. Но краткость изложенія, къ которой онъ былъ принужденъ самымъ предметомъ, нѣсколько пополняется рецензією на эту книгу Фридриха Тирна и сочиненіями: «Объ эпохахъ изящныхъ искусствъ у грековъ», «Вѣнскіи летописи» («Jahrbücher») и «Всеобщюю литературною газетою, въ которой напечатано. «Обозрѣніе исторіи греческаго искусства»

M. K.

=

ИСПАНСКІЕ ОБЫЧАИ и ПРАВЫ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Гвадалквивиръ далеко не принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣкъ, на которыхъ взоръ путешественника можетъ остановиться съ удовольствіемъ. Отъ Санъ-Лукара до Севильи теченіе его медленно, воды мутны и гнилы, берега похожи на берега кавала. Оттого поэты, которые прославляли другія рѣки полуострова и воспѣвали золотой песокъ Таго, ничего не могли сдѣлать изъ Гвадалквивира и благоразумно обошли его молчаніемъ; самые отважные превознесли только его оливковый вѣнецъ, разумѣя, вѣроятно, подъ этимъ оливковымъ деревья, которыя въ изобиліи растутъ у его верховья. Въ самомъ дѣлѣ, это названіе довольно хорошо идетъ къ верхней части его теченія, но, пониже Севильи, онъ мало-по-малу лишается всякаго рода украшенія и наконецъ становится какимъ-то широкимъ стокомъ водъ, которыя текутъ медленно среди обширной равнины. Земля около этой рѣки только нѣсколькими футами выше поверхности воды, такъ что часто бывають наводненія, уносящія стада. Это случилось въ 1837

году, когда рѣка отъ частыхъ дождей вышла изъ береговъ и затопила всю страну около Севильи, такъ что сообщеніе между деревнями совершенно прекратилось и даже часть города была въ водѣ.

Почти за двѣ мили пониже города, на правомъ берегу, находится церковь святаго Іоанна Алваракскаго, гдѣ, какъ предпологаютъ, существовалъ некогда римскій городъ Osset. Обыкновенно, пароходъ проходитъ мимо этого мѣста поздно вечеромъ и путешествіе оканчивается въ совершенной темнотѣ. Но путешественнику не нужно свѣту, чтобы узнать, что онъ приближается къ царницѣ Андалузій. Задолго еще до прибытія къ мѣсту парохода, онъ чувствуетъ сильный запахъ отъ апельсинныхъ деревьевъ; въ этой странѣ благоуханіе такъ сильно, что съ трудомъ его переносишь и чувствуешь даже нѣкоторое удовольствіе, когда избѣгнувъ его вліянія, къѣдешь въ городъ.

Прошло уже то время, когда Севилья считалась какимъ-то чудомъ между городами. Слава ея теперь покоится только на прошедшемъ и на развалинахъ древняго величія. На ней лежитъ печать совершенно почтенной древности. Большая часть памятниковъ, воздвигнутыхъ христіанами, ведутъ начало свое съ открытія Новаго Свѣта. Въ это время, какъ будто золотая волна вдругъ нахлынула на стѣны Севильи, потомъ также быстро ушла. Верно эта принесла блестящее, но непродолжительное, доводство, во время котораго воздвиглись тѣ великолѣпныя зданія, общественныя и частныя, которыя теперь составляютъ такой рѣзкій контрастъ съ бѣдной наружностью населенія. Но въ Испаніи упадокъ не сопровождается печалью, какъ въ другихъ мѣстахъ; легкій умъ Андалузцевъ живетъ еще до сихъ поръ, и придаетъ отпечатокъ веселости стенамъ, гдѣ все свидѣтельствуетъ о разрушеніяхъ времени и непрочности фортуны. Гидальги прогуливаются по улицамъ, гдѣ растетъ трава, не съ угрюмой и унылой наружностью, но съ совершеннымъ равнодушіемъ къ обыкновенному для нихъ виду и, кажется, думаютъ только объ удовольствіяхъ настоящаго. Дайте имъ рязо, сигару и кофе, и они будутъ также счастливы, какъ ихъ предки, когда тѣ разгуливали по городу въ золотеныхъ аждахахъ, сопровождаемые толпою лакеевъ, соревнуя между собою въ роскоши и блескѣ. Застѣ

не дуть-вдъ выйдете во 'всѣхъ классахъ общества. Каждой оцотреть на вышитыя шкы на второстепенный предметъ въ жизни и старается похвастать имъ какъ можно менше времени. Лавочники выносятъ въ рынокъ шкы только нѣсколько часовъ, потому уходитъ или на рынокъ-мароду гуляние, или въ военный домъ, чтобы присутствовать съ друзьями-приятелями. Мастерской побуждаютъ хозяину, и вы видите его выходящимъ по улицамъ съ товарищами въ то время, когда во 'всѣхъ другихъ странахъ работа еще въ полной деятельности. Такимъ-образомъ, все населеніе Севильи представляется востановило въ праздничной наружности, что придаетъ ей видъ совершенно отличный отъ того, какой имѣютъ большіе города, лишившіеся прежняго довольства. Публичныя увеселенія тамъ въ изобиліи, и даже бѣдный откажетъ себя въ нищѣ, чтобы выйти мѣсто въ театрѣ или аренѣ. Наклонность къ тѣлесвию — общая; готовы худо есть, только-бы на прогулкахъ показаться въ щегольскихъ платьяхъ. Немного хлѣба и салату, съ стаканомъ воды — вотъ обѣдъ тѣхъ, наружность которыхъ показываетъ довольство. Все это придаетъ Севильѣ роскошный и веселый видъ, который вводитъ въ заблужденіе путешественника на счетъ ея действительнаго положенія.

Городъ этотъ съ осьмидесятью тысячами жителей ни сколько не увеличился въ своихъ размѣрахъ со времени владычества Маравей. Выстроенная ими стѣна служить и теперь его границею, и, за исключеніемъ одного или двухъ мѣстъ, изъ тѣхъ улицъ прямо переходите на блестящее солнце и къ пустынному андалузскому пейзажу. Черезъ какіе бы ворота вы не вышли, вездѣ вамъ представится замѣчательно печальный видъ: вы не увидите ни предмѣстій, ни загородныхъ дачъ, а только, можетъ-быть, уединенную вету (харчевню) или кладбище; да еще — обширное пространство, возводѣнное, или обработанное, но все-таки безъ всякой ограды. Всеобщая тишина до того поражаетъ, что, не смотря на удивительную лазурь неба, сіяніе солнца и чистоту атмосферы, вынѣ охватываетъ грустное чувство. Въ городѣ улицы узки, кривы, зданія высоки и массивны; это настоящій лабиринтъ, гдѣ легко заблудиться, и, прежде многихъ обходовъ и поворотовъ, спастъ придется къ тѣму же мѣсту, съ котораго отправился.

Изъ открытых; замѣчательныхъ зданій расположены съ одной изъ

талъ и въ соседствѣ другъ съ другомъ. Соборная церковь, Алкасаль, Лонха (биржа) и табачная фабрика занимаютъ его южную оконечность, близъ вѣшной стѣны, не вдалекѣ отъ рѣки. Первое изъ этихъ зданій, — бесспорно самый прекрасный памятникъ, воздвигнутый испанской религіозностью. Гигантской прелестью такой колоссальной церкви былъ вполне достоинъ религіознаго энтузіазма, вдохновлявшаго Испанію, въ шатнадцатомъ столѣтіи. Последующія поколѣнія съ благочестивымъ усердіемъ продолжали воздвигать соборную церковь, среди внутреннихъ раздоровъ и войнъ съ Маврами, до-тѣхъ поръ, пока исполнилось намѣреніе ея основателей, то-есть, положенъ послѣдній камень, что совершилось съ торжественною церемоніей, въ 1519 году, спустя сто-семьдесятъ лѣтъ послѣ закладки. Трудно вообразить что-нибудь болѣе внушающее благоговѣніе, какъ видъ этого великолѣпнаго зданія. Оно соединяетъ въ себѣ самый смѣлый полетъ воображенія и самыя мелочныя подробности готической архитектуры. Внутренность этой церкви, вмѣстѣ съ религіозными церемоніями, производитъ глубокое впечатлѣніе. Вѣра, воздвигнувшая этотъ храмъ, соединяла въ немъ все, что можетъ растрогать челоуѣка до глубины души, въ благородномъ и святомъ значеніи этого выраженія.

Въ многочисленныхъ придѣлахъ соборной церкви находятся образцовыя произведенія севильской школы живописи; тамъ собраны картины Roelas'a, Zurbaran'a, Герреры и Мурильо. Последние, родившіяся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Севильи, въ особенности украсили церковь, госпитали и монастыри лучшими произведеніями своей удивительной кисти.

На сѣверо-восточномъ углу собора, возвышается знаменитая башня, извѣстная подъ именемъ Хиральда. Эта колоссальная башня болѣе всѣхъ другихъ монументовъ Севильи вѣзывается къ памяти путешественника. Не говоря уже объ ея оригинальной формѣ, это — первый предметъ, который видишь, приближаясь къ городу, и послѣдній, который перестаешь видѣть, выѣзжая изъ города. Во время владычества Мавровъ, съ высоты этой башни, муэдзинъ призывалъ правоверныхъ къ молитвѣ, въ мечеть, которая занимала мѣсто нынѣшней соборной церкви. Разрушенная въ 1396 году землетрасеніемъ, она снова была воздвигнута сто

сорок пять летъ музета. Верхъ ея увѣнчанъ изящными изобрѣженіями Вѣры, вертящася на перпендикулярной оси, которую вѣтеръ повертываетъ; отсюда происходитъ и названіе Хиральда. Вскладать туда по наклонной спиральной лѣстницѣ. Слѣдой значительной вышины можно любоваться обширной панорамой.

Близъ соборной церкви, къ югу, находится Лонжа или севильская биржа. Зданіе это въ своемъ цѣломъ очень просто, безъ великихъ претензій, но обширно и изящнаго рисунка. Это произведеніе Хуана де Герреры, архитектора Эскуріала; оно составляетъ четверугольникъ, котораго каждая сторона имѣетъ двѣсти футовъ длины; тосканскіе пиластры украшаютъ фасады. Лонжа была некогда центромъ торговли Испаніи и Индіи; тамъ собирались европейскіе купцы и стекались золотыя рѣки, источники которыхъ находились въ отдаленныхъ провинціяхъ испанской имперіи; теперь это пустынный дворъ, поросшій травой, котораго ворота отворяются, въ продолженіе двухъ-сотъ-лѣтъ, только любопытнымъ путешественникамъ. Широкая и великолѣпная мраморная лѣстница ведетъ въ рядъ комнатъ, занимающихъ три четверти всего зданія; въ этихъ комнатахъ сложены индійскіе архивы, все, что осталось Испаніи отъ ея сношеній съ Новымъ Свѣтомъ. Какаяд бездна мыслей толпится въ головѣ, при взглядѣ на рѣшетку, за которой находятся эти старинные документы. Буквы этихъ древнихъ рукописей, вполнѣ стертая, съ трудомъ читаемая, начертаны были руками тѣхъ, которые первые перенесли воинственные крики стараго свѣта на берега новаго и завоевали цѣлыя имперіи своимъ повелителямъ. Тамъ есть депеши Христофора Колумба, Пизарро и Кортеса, писанныя въ странахъ, открытыхъ имъ Европѣ. Въ этихъ комнатахъ находятся и другіе, не менѣе драгоцѣнные, документы, хоть совсѣмъ другаго рода, на которые Испанецъ не можетъ смотрѣть безъ тягостнаго воспоминанія. Въ одномъ шкапу хранится собраніе *контрактовъ по продовольствію непобѣдимой Армады*, этой могущественной экспедиціи, въ которой гордость и сила Испаніи потерпѣла крушеніе. Во многихъ мѣстахъ расположены документы, касающіеся исторіи обширныхъ колоній, изъ которыхъ очень немногія въ настоящее время признають испанскія владѣнія. Надпись, сдѣланная на

весь, лишавшись короля, показывалъ решимую волю, всецѣлю руководящую Изабеллю во всемъ; что касалось ея земель, Овилья извѣстна въ исторіи результаты этой воли, безъ утѣхи ея: самой Изабелли. Въ продолженіе старости, Изабелли была въ шкотовомъ родѣ на нейсіонѣ у своихъ земель, жила вѣдомъ, и плодами ихъ трудовъ. Когда же они отпали отъ нея, она осталась, подобно работнику, разстроившему свое имѣніе, вѣдомъ въ бедности, но, по своей прошедшей жизни, неспособна вѣдомъ. Ея похвасты и макулатуры почти совершенно исчезли; естественныя богатства земли были въ употребленіи; приближа къ труду, печали, и жила широкъ, такъ и стоящую въ главѣ ея, приучили себя разчитывать болѣе на другихъ, нежели на самихъ себя. Это вѣдомъ черта въ національномъ характерѣ Испанцевъ, де-силъ-веръ сохранилась, всего чаще поражаетъ путешественника.

На востокъ отъ Лонха очень высокая стѣна скрываетъ отъ взора Алкасаръ Севилья, который былъ некогда крѣпостью и дворцомъ ея королей — Арабовъ, и служилъ резиденціей многимъ вѣдомъ государямъ. Тутъ, путешественникъ, прибывшій въ Испанію чрезъ Кадыксъ, въ первый разъ увидитъ арабскую архитектуру со всею роскошью, которую она выказывала при украшеніяхъ королевскихъ жилищъ. Вездѣ видна отличительная арка въ видѣ подковы; стѣны и потолки обременены арабскими; бездна мраморныхъ колоннъ, тонкихъ и высокихъ, открытые дворы, залы и корридоры, перемѣшанные между собою; все это придаетъ совершенно восточный характеръ этому старинному зданію. Самая величественная изъ этихъ залъ — зала посланниковъ, которая по величинѣ и богатству можетъ соперничать съ Альгамброю. Когда король, сидя на тронѣ, посреди этой залы, принималъ посланныхъ отъ сосѣднихъ вѣдомъ, это должно было имѣть видъ необыкновеннаго великолѣпія.

На главномъ дворѣ Алкасаръ была некогда площадка на восточной, ея мраморною скамьею. Тамъ-то, по восточному обычаю, король давалъ народу судъ и расправу. Многія изъ его рѣшеній, о которыхъ еще сохранилась память, носятъ на себѣ почти вѣдомъ рода справедливости; приспособленной къ тому, чтобы

получить народное одобрение, такъ какъ эта справедливость основывается на правѣ возмездія, хорошо согласующемся съ грубости и почти варварскими нравами.

Старинная тюрьма Севильи, которая сломана нѣсколько лѣтъ тому назадъ (на мѣсто ея выстроена блестящая гостинница и кафе-ресторантъ), находилась въ Calle de las Sierras. Въ эпоху испанской войны, она представляла иногда любопытный видъ, потому что туда помещали шибаньихъ, вѣнчанъ на ножъ преступниковъ, до отсылки ихъ въ Кадаксъ.

Во время моего посѣщенія, рассказываетъ господинъ Dundas Ипгау, въ этой тюрьмѣ помещался остатокъ шайки грабителей, обращенныхъ въ бѣгство королевскою арміею. Въ первомъ этажѣ зданія, уже достаточно обваливавшегося, я нашелъ квартиры овицеровъ и ихъ прислуги. Небольшой отрядъ национальныхъ гвардейцевъ занималъ корридоръ около *patio* или открытаго двора, который составляетъ центръ всякаго андалузскаго зданія; у воротъ разставлены были часовые съ заряженными ружьями. Я былъ далекъ отъ той мысли, что встречу шибаньихъ, одѣтыхъ въ правильной формѣ; но несчастный видъ ихъ превзошелъ всѣ мои ожиданія. Нѣкоторые были на взглядъ четырнадцать—пятнадцать лѣтъ; они принадлежали къ породѣ мальчишекъ-бродягъ, которые наполняютъ улицы въ городахъ Испанія. Ихъ заперли въ особую комнату. Увидавъ меня, они тотчасъ же перестали играть и принялись за роли вищихъ, просящихъ милостыню. Другіе, ни въ осанкѣ, ни въ одеждѣ не были ничего, напоминающаго солдата. Глядя сквозь деревянную рѣшетку, я думалъ, что вижу передъ собою толпу крестьянъ съ видомъ нѣсколько суровѣ обыкновеннаго. Большая часть ихъ одѣта была въ валенскую мантилью, которая нѣ служила одождною дномъ, одѣломъ ночью; остальной постройкой была очень бѣдная и самыхъ различныхъ формъ, какія только въ употребленіи въ сѣверныхъ провинціяхъ. Многие изъ нихъ сидѣли на землѣ, прислонившись спиною къ стѣнѣ, неподвижные и молчаливые. Они казался убитыми до такой степени, что не могли говорить. Я выпросилъ дозволенія войти въ эту комнату, но старательный запахъ, выходящій изъ нея, заста-

мнѣ меня отказаться отъ этого намѣренія. Этими заключеніемъ отпускалось каждый день по пяти копеекъ мѣсячно; на одну половину они покупали хлѣба, на другую саладъ: этимъ ограничивалась вся ихъ пища; оттого усталость убивала однихъ, другіе въ большомъ числѣ гибли отъ лихорадки.

Слѣдуя за мной проводникомъ къ другой двери, которую онъ отворилъ, я вошелъ, не освѣдомившись, куда меня ввелъ, и очутился въ небольшой комнатѣ, довольно темной, куда свѣтъ проникалъ сквозь узкое и очень высокое окно. Первымъ движеніемъ мной было выйти оттуда, такъ-какъ это была комната офицеровъ, и я не зналъ чѣмъ оправдать мое присутствіе среди ихъ; но это было уже слишкомъ поздно, да притомъ никто, казалось, не обратилъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Въ комнатѣ было шесть офицеровъ и постели ихъ занимали столько мѣста, что оставляли пространство, едва достаточное чтобы пройти одному человѣку. Одинъ изъ нихъ ходилъ по комнатѣ въ сильномъ волненіи, какъ-бы погруженный въ безотрадные мысли; остальные устроили изъ одной постели игорный столъ, и, столпившись, слѣдили съ живымъ интересомъ за каждою картой, падавшей изъ рукъ ихъ. Наружность этихъ людей не представляла ничего военнаго. Ихъ одежда, простая и безъ претензій, состояла изъ сюртука и панталонъ зеленого сукна, безъ всякихъ вышивокъ и украшеній. Еслибы они одѣты были по модѣ, принятой въ той странѣ, ихъ можно-бы было счесть за фермеровъ или лавочниковъ.

Довольно замѣчательно, что въ Испаніи, гдѣ вообще не слишкомъ дорожатъ жизнью человѣка, очень рѣдко употребляется смертная казнь, даже въ отношеніи уголовныхъ преступниковъ. Я имѣлъ случай присутствовать при исполненіи судебного рѣшенія надъ однимъ преступникомъ, осужденнымъ къ казни *garróte vil*, родъ смерти, существующій, какъ я полагаю, только въ одной Испаніи. Этотъ злодѣй убилъ свою жену и тетку при самыхъ ужасныхъ обстоятельствахъ. Почти тотчасъ же арестованный, по просьбѣ мужа его тетки, онъ оставался семнадцать мѣсяцевъ въ тюрьмѣ до окончательнаго исполненія приговора. Сначала, по обыкновенію, дѣло это рассматривалось въ

судъ первой инстанціи, въ вѣдомствѣ котораго совершенно было преступленіе. Виновный приговоренъ былъ къ десятилѣтнему заключенію въ тюрьмѣ; мужъ его жертвы подалъ апелляцію въ высшій судъ, который, уничтоживъ рѣшеніе суда первой степени, присудилъ его къ смертной казни *gagote vil.* Осужденный апеллировалъ на это опредѣленіе, но безуспѣшно. Его перемѣстили въ капеллу, гдѣ онъ пробылъ сорокъ-восемь-часовъ. Священникъ, бывшій при немъ день и ночь, приготовлялъ его къ смерти и предлагалъ ему утѣшенія религіи. На третій день, утромъ, его вызвали оттуда для совершенія надъ нимъ смертной казни.

Мѣсто, гдѣ исполняются теперь смертныя приговоры, нѣкогда совершенно другое назначеніе, и равнодушіе, съ которымъ смотрѣли на эту перемѣну, доказываетъ, какъ католическое чувство ослабло въ Испаніи. За старой окружной стѣной, недалеко отъ моста, устроеннаго черезъ Гвадалквивиръ, находится старинное зданіе, бывшее нѣкогда монастыремъ августинцевъ, известнымъ подъ именемъ Монастыря Народа. Названіе это дано ему вслѣдствіе чуда, совершившагося въ сосѣдствѣ, предметъ котораго былъ вѣренъ храненію монаховъ августинскаго ордена. Въ 1626 году, во время большаго наводненія, вода, разлившаяся изъ Гвадалквивира, проникла въ стѣны дома, сосѣдняго съ монастыремъ, и увлекла съ собою бывшій тамъ образъ Божіей-Матери *del popolo*. Преданіе говоритъ, что, спустя три дня, видѣвъ былъ образъ, плавающий, стоя, по волнамъ, съ маленькой ланпадой, которая все еще продолжалась теплится. Монахи выпросили себѣ этотъ чудесный образъ, который долженъ былъ придать еще больше святости ихъ монастырю, прозванному по этому случаю *Convento del Populo*.

Однакожъ, когда монастыри были уничтожены, правительство сдѣлало изъ него тюрьму, и позади строеній устроено было мѣсто въ видѣ амфитеатра для исполненія смертныхъ приговоровъ. Туда-то отправился я, не задолго до роковой минуты, думая встрѣтить тамъ большую толпу зрителей; но ожиданіе мое не сбылось: я увидѣлъ очень немногихъ людей изъ самаго простаго класса народа. На возвышеніи, среди ограды, расположены были орудія казни. Это было кресло, прочно сдѣланное изъ дерева

мрачнаго цѣнту; къ снѣжкѣ его прирѣзаны массивныя стѣлы, около четырехъ саженъ вышины. На мѣстѣ, гдѣ должна была прикочиться шея сѣдшаго человѣка, видѣлось нѣчто въ родѣ желѣзной цѣпи. Этой-то цѣпью палачъ задумалъ преступника, употребляя для этого желѣзную полосу, подобно тому, какъ стѣгиваютъ веревки, окружающія тюкъ съ товарами, для прочной ихъ укладки. Одинъ или два оборота этой полосы достаточны, чтобъ произвести задуманіе и, вѣроятно, это производитъ меньше страданія, нежели всякій другой родъ смерти, наводившійся въ уголовномъ кодексѣ другихъ образованныхъ народовъ.

Какъ скоро колоколъ соборной церкви пробилъ часть, назначенный для исполненія приговора, нѣсколько солдатъ вышло и расположилось около платформы, въ сопровожденіи многихъ лицъ, одѣтыхъ въ черное, между которыми былъ палачъ съ своими помощниками; наконецъ показался и преступникъ. Не слышно было ни крика, ни шопота при его появленіи; публика оставалась молчаливой, а онъ твердой поступью приближался къ роковому креслу. Лишь только онъ сѣлъ, палачъ подошелъ къ нему, чтобъ привязать руки и ноги къ соответствующимъ частямъ кресла. На преступникѣ было длинное бѣлое платье, испещренное широкими желтыми пятнами; завязанное у шеи, оно падало до ногъ, скрывая все тѣло и оставляя видимымъ только одно лицо, страшная блѣдность котораго еще болѣе отъ этого выказывалась. Сдѣлавши первоначальныя приготовленія, палачъ и его помощники удалились, уступивъ мѣсто священнику, который пришелъ выслушать послѣднюю исповѣдь преступника. Священникъ подставилъ свое ухо къ самому рту осужденнаго и закрылъ свою голову и его своею сутавою, чтобъ никто изъ присутствующихъ ничего не могъ слышать. Когда онъ кончилъ свое дѣло, подошелъ палачъ, схватилъ желѣзную полосу, быстро повернулъ ею и закрылъ лицо преступника чернымъ покрываломъ; послѣдній вскрикнулъ: Ave Maria purissima.

Два или три легкія вздрагиванія видны были въ ногахъ и рукахъ несчастнаго — и все было кончено. Потомъ открыли его лицо. Черты его, нѣсколько измѣнившіяся, не показывали признаковъ страданія. Зрители восторгъ разошлись и, полчаса спустя, мѣсто было пусто.

На сѣверо-восточной оконечности города находится обширное мѣсто для гулянья, которое съ своими деревьями, расположенными въ видѣ аллеи и каменными скамьями, представляетъ очаровательный оазисъ среди массы домовъ этого квартала. Его называютъ старая Аламеда, и хотя оно теперь уединенно и пусто, однакожъ тамъ-то въ прекрасные дни Севильи собирается блестящее и любезное кавадеро; тамъ происходятъ различныя приключенія въ старинныхъ испанскихъ романахъ. Но со времени учрежденія превосходныхъ гульбищъ, простирающихся вдоль береговъ Гвадалквивира, и столь справедливыхъ заслуживающихъ награды *las Delicias*, старая Аламеда потеряла свой блескъ, и въ ея длинныхъ аллеяхъ теперь рѣдко встрѣчаются одинокіе прохожіе. На южной оконечности ея видны двѣ колонны, испорченныя временемъ, которыя некогда составляли часть храма Геркулеса, а теперь служатъ пьедесталомъ двумъ статуямъ Геркулеса и Цезаря, другимъ остаткамъ римскаго искусства. По надписямъ, сдѣланнымъ на нихъ, видно, что испанская гордость посвятила ихъ императорамъ Карлу-Пятому и Филиппу Второму. Но всего болѣе поражаетъ взоръ мрачное и пустынное зданіе, находящееся въ сѣверномъ углу Аламеды. Тамъ, въ послѣднее время своего существованія, инквизиція имѣла свои тайныя засѣданія. Это страшное судилище сначала занимало старинную мавританскую крѣпость, выстроенную на другой сторонѣ рѣки для защиты предмѣстія Гіана; зданіе, которое вполне ему соответствовало по числу и прочности подземныхъ темницъ. Оно находилось тамъ съ 1481 по 1524 годъ, и надпись на стѣнѣ показываетъ, что въ продолженіе этихъ сорока-трехъ лѣтъ, оно обратило двадцать тысячъ еретиковъ и сожгло ихъ на кострѣ тысячу. Но такъ-какъ старая крѣпость мало-малу разрушалась, то инквизиція оставила ее и, послѣ многихъ перемѣнъ мѣстъ своего засѣданія, наконецъ заняла коллегію іезуитовъ, въ Аламедѣ, когда они были изгнаны изъ испанскаго королевства, и пребыла тамъ до своего уничтоженія, въ 1820 году. Позже, изъ этого зданія сдѣлали казармы, и наконецъ оно осталось безъ всякаго назначенія, съ своими нечистыми развалинами, бросающими мрачную тѣнь на уединенное гульбище.

Теперь нѣтъ никакихъ слѣдовъ ауто-да-фе, на которомъ сожги

гались жертвы инквизиціи; въ 1809 году, Французы разрушили его до основанія. Это была прямоугольная масса изъ кирпича, на каждомъ углу которой поставлена была статуя изъ жженой глины. Преданіе говоритъ, что первый сожженъ былъ архитекторъ, выстроившій это зданіе; достовернѣе то, что послѣдняя жертва была слѣпая сестра милосердія, въ 1781 году.

Первою мыслью Донъ-Кихота, когда онъ рѣшился искать приключеній, въ Испаніи, было — купить себѣ лошадь, вторую — поискать конюшаго. Примѣромъ его не надо пренебрегать. Хорошій Санчо Панса для странствующаго рыцаря нужнѣе Дульцинен. Когда хочешь объѣхать полуостровъ не по большимъ дорогамъ, ловкій слуга необходимъ, потому что тутъ, какъ на Востокъ, ему часто придется служить и поваромъ и переводчикомъ и собесѣдникомъ своему господину.

Главные недостатки здѣшнихъ слугъ — обыкновенные недостатки людей испанской породы изъ низшихъ слоевъ общества. Они легко принимаютъ привычки неосмотрительности, низости, нечистоты, упрямь, не смыслены, останавливаются за малѣйшимъ препятствіемъ, съ большими предрасудками, не понимаютъ того, что сами ничего не знаютъ, беззаботны, какъ восточные. Или изъ гордости, или изъ самолюбія и лѣности, они мало спрашиваютъ и не обращаютъ никакого вниманія на отвѣтъ, если онъ не по ихъ желанію. Какъ да Испанца, если у него просятъ одолженія — значить обыкновенно *нѣтъ*, они не могутъ понять, что *нѣтъ* — дѣйствительно имѣетъ отрицательное значеніе, когда они просятъ у васъ позволенія предаться своей милой лѣности. Но выведите ихъ изъ городовъ и тотчасъ въ нихъ дѣлается совершенная перемѣна; кочующая жизнь пробуждаетъ ихъ дѣятельныя силы, они становятся прилежными и преданными слугами. Эта отважная жизнь имъ по вкусу, какъ достойнымъ потомкамъ Арабовъ, ненавидящихъ однообразіе правильного хозяйства и сидячихъ занятій.

Въ лучшихъ испанскихъ домахъ напрасно будете искать эту несправность службы, порядокъ и подчиненность, которыя встрѣчаются во всей Европѣ. Здѣсь, слуги спѣшатъ кое-какъ исполнить свою должность и потомъ идти къ своимъ дѣламъ или удо-

юльствіямъ. Послѣ обѣда и сіесты, поварь съ своими помощниками, камердинеръ и лакеи на-скоро сбрасываютъ ливрею и надеваютъ вышитый камзолъ, бархатную шляпу, пунсовый поясъ и идутъ съ гитарой въ рукѣ разыгрывать какую-нибудь сцену гваіа и любви.

Впрочемъ, у испанскихъ слугъ есть качества превосходныя; они терпѣливы, веселы, не капризны, остроумны, новятливы, честны, достойны довѣрія, трезвы, благочестивы, исполнены природнаго такту.

Путешественнику, который не можетъ или не хочетъ брать съ собою многихъ слугъ и, слѣдовательно, долженъ выбрать или камердинера или повара, мы посоветуемъ одѣваться самому и взять такого слугу, который бы имѣлъ какое-нибудь понятіе въ поваренномъ искусствѣ. Горшокъ и кастрюлька необходимы для путевой ѣды въ Ventas полуострова, гдѣ люди ѣдятъ почти какъ скоты, умирающіе съ голоду. Тотъ, у кого есть провізія и деньги, всегда найдетъ напрокатъ горшокъ и огня въ гостинницѣ, чтобы сострипать обѣдъ. Но путешествующій верхомъ не можетъ возить съ собою провізій, слуга долженъ о томъ позаботиться и это его главное, ежедневное занятіе. Въ Испаніи предусмотрительность необходимѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, если не хочешь страдать отъ голоду. Къ-счастью, въ хлѣбѣ нѣтъ недостатка и онъ тамъ качества превосходнаго. Да и самъ Санчо Пансо говорилъ философически ослу: Todos los dueños, con pan son buenos: великое горе съ хлѣбомъ — не горе.

Лучшій хлѣбъ въ Испаніи дѣлается въ Alcala de Guadaira, возлѣ Севильи. Это почти единственная отрасль промышленности этого города, который называютъ по этому Alcala булочниковъ. Почти передъ каждымъ домомъ висятъ гирлянды изъ toscas, круглыхъ хлѣбовъ, а на столахъ разложены hogazas, другаго рода хлѣбы. Всѣ классы народонаселенія выработываютъ себѣ хлѣбъ хлѣбомъ; мельницы вѣчно въ движеніи; женщины и дѣти занимаются отдѣленіемъ зерна отъ частичекъ земли, всегда пришедшихъ къ зерну, вслѣдствіе методы молотить пшеницу на гумнѣ въ полѣ. Въ областяхъ, производящихъ зерновыя ра-

отеня, гумна находится при вѣздѣ въ деревню. Туда вносят снопы, и четыре лошади возят родъ борозы, называемой *trillo*, на которой сидитъ кондукторъ, побуждающій ихъ голосомъ и движеніями. Такимъ-образомъ зерно отдѣляется отъ соломы, зарубленной для пищи животнымъ. Потомъ вѣютъ, бросая все на воздухъ, по самому первобытному обычаю, потому-что ни одно изъ повѣйшихъ усовершенствованій еще не проникло до испанскихъ земледѣльцевъ. Это производство представляетъ зрѣлище истинно живописное. Земледѣльцы толпятся всѣ вѣсты, содѣливая труды свои и объѣдъ, женщины и дѣти приходятъ въ праздничныхъ платьяхъ, самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Собравшись подъ деревьями, укрывающими ихъ отъ солнца, они пьютъ, ѣдятъ, поютъ, танцуютъ, потому-что всегда найдется тутъ гитара. Между-тѣмъ лошади дѣлаютъ свое дѣло и работа часто продолжается по заходѣніи солнца съ факелами. Днемъ полуодѣтые крестьяне пренебрегаютъ жгучимъ зноемъ и даже какъ-будто наслаждаются имъ, словно баснословная саламандра; все — жизнь и движеніе, руки и ноги непрерывно въ дѣлѣ, глаза бросаютъ молвіи, слышатся пронзительные крики, а когда настанетъ ночь, сцены придмутъ этой картинѣ совершенно фантастическій видъ. Собрать хлѣбъ съ гумна, относятъ на красивыя мельницы, построенныя на возвышеніяхъ, чтобы пользоваться малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтра, которыя еще и теперь напоминаютъ гигантовъ дошъ-Кикота. Мука проходитъ черезъ нѣсколько сѣтъ, для придачіи ей надлежащей тонкости, и тѣсто мѣсятъ нѣсколько разъ съ особеннымъ стараніемъ. Отсюда происходитъ твердость, плотная и ломкая корка, за которую, по словамъ Плиція, Римляне высоко цѣнили испанскій хлѣбъ, примѣчательно легкій.

Путешественникъ хорошо сдѣлаетъ, если запасется этимъ хлѣбомъ, потому-что въ горныхъ провинціяхъ хлѣбъ, гораздо меньшаго качества. А въ Испаніи запасъ хлѣба, изъ котораго образуютъ, есть первая необходимость путешественника, который прибавивъ къ нему сыраго чеснока, можетъ спокойно пуститься въ путь *con pan y ajo crudo se anda seguro*.

Запасшись хлѣбомъ, поваръ, приготовивъ ужинъ, долженъ позаботиться о завтракѣ. Сцена совершенно сервантическая — завтракъ

на берегу ручейка, въ какомъ-нибудь тѣнистомъ уединеніи, гдѣ на свѣжей муравѣ разстилаютъ скатерть, покрытую вчерашними остатками; между тѣмъ, какъ бутылка съ виномъ прохладается въ водѣ, прибавьте къ десерту превосходную сигару и у васъ будетъ гастрономическое наслажденіе, вѣсть и самое простое и самое вкусное въ Испаніи. Утонченности же кухни, встрѣчающейся только въ городахъ, имѣютъ особенный отпечатокъ, довольно странный и иногда уже слишкомъ восточный. Основное начало испанскаго поварства — стюада, то-есть мясо, перевое въ духовой печкѣ. По рѣдкости топлива, жаркое на вертелѣ почти неизвестно или по-крайней мѣрѣ дѣлается посредствомъ настрялки, зарытой въ горячую золу. Горшокъ, или olla, сдѣлалась снѣжникомъ испанскаго обѣда, точно также какъ бешкетъ и лягушки считаются главной пищею Англичанъ и Французовъ. Великій разъ, какъ кушанья сами по себѣ не сочны, соусъ приобретаетъ большую важность; въ Испаніи онъ составляется изъ прованскаго масла, чесноку, шафрану и краснаго перцу. Въ жаркихъ странахъ, гдѣ скоть тощъ, оливковое масло замѣняетъ мясной жиръ; чеснокъ, служащій приправой, возбуждаетъ дѣятельность желудка. Въ Испаніи соусъ націоналенъ и никогда не измѣняется. Цвѣтъ его — любимая краска Мурильо, общій цвѣтъ Испаніи, гдѣ все коричнево, и люди и вещи. У Испанца тотъ же цвѣтъ водѣ преобладаетъ: одежда его, домъ, жена, волъ, оселъ, все, что принадлежитъ ему, болѣе или менѣе, коричнево. А этотъ соусъ не только всегда одного и того же цвѣта, но и одинаковаго вкуса, отчего очень трудно различить кушанья, которыя имъ приправляются. Самый взысканный знатокъ не успеетъ въ томъ. И потому надо рѣшиться вотъ не заботясь, зацѣпъ ли это или кошка, говядина или телатина, следуя испанской пословицѣ: quien las cosas mucho mira, non vive vida segura; кто смотритъ близко, тотъ живетъ не долго.

Кто объѣхалъ полуостровъ, тотъ знаетъ жажду въ безводныхъ долинахъ и голодъ въ безплодныхъ степяхъ. Голодъ и жажда лучшіе стражи Испаніи противъ вторженія чужестранцевъ. Въ сіеррахъ, какъ въ степяхъ, эти тощіе часовые караулятъ повсюду, и какъ пугалы охраняютъ этотъ рай, какимъ Виргилій представляетъ его намъ въ адскихъ областяхъ:

Malesuada fames et turpis egestas
Horribiles visu.

Труды путешествія по полуострову часто сравнивали съ трудами военнаго похода и говорятъ: хочешь ли узнать нужду — ступай въ Испанію. Однако съ предусмотрительностью можно избѣгнуть нужды безъ большаго труда. Но надо всегда помнить, что Веллингтонъ писалъ изъ Моралехи лорду Гиллу: «Если вамъ угодно обѣдать, такъ привезите свой обѣдъ, потому что у меня ничего нѣтъ». Благоразумный путешественникъ хорошо сдѣлаетъ, если запасется провизіей, по крайней мѣрѣ на три дня. Въ каждомъ городѣ, сколько-нибудь значительномъ, надо запастись чаемъ, сахаромъ, кофеемъ, водкой, оливковымъ масломъ, виномъ и солью, не считая основательной живности. Съ хорошимъ запасомъ, какъ напримѣръ дичью и окорокомъ — всегда легко превратить степь въ оазисъ. И притомъ, если предусмотрительность становится бесполезною, въ Испаніи никогда нѣтъ недостатка въ бѣдныхъ и голодныхъ, которымъ вкусъ говядины почти невѣстенъ и которымъ крошки со стола богача — раздолье. Пыкая признательность, съ какою они пожираютъ эти остатки, столько же пріятна сердцу дающаго, какъ желудку принимающаго, а извѣстно, что лучшее лекарство бѣдняку находится въ подвалахъ, кухняхъ и кладовыхъ богача.

Образцовое произведеніе испанскаго поварства — olla, кушанье, приготовляемое въ глиняномъ сосудѣ того же имени. Французы, воображающіе себя первыми гастрономами въ мірѣ, сѣются надъ испанской кухней, увѣряя, что въ Испаніи завтракаютъ ложечкой шоколаду, обѣдаютъ головкой чеснока и ужинаютъ сгаркой, а olla, по ихъ мнѣнію, состоитъ изъ двухъ сигаръ, сваренныхъ въ двухъ кружкахъ воды. Это чистая клевета.

Olla хорошо дѣлается только въ Андалузіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, славящихся приготовленіемъ ея; въ остальной Испаніи она называется ричего и больше ничего какъ плохое говяжье фрикасесъ, сваренное съ garbanzos или овечьимъ горохомъ и сосисками. Эту garbanzos можно назвать туземнымъ картофелемъ, показывающимъ невѣжество Испанцевъ въ огородничествѣ. Введеніемъ ея они обязаны Карагенцамъ. Эту garbanzos надо долго кипятить

тить, а то она въ желудкѣ настоящая свинцовая дробь, которую можно стрѣлять птицъ. Подливную *олью*, деревяную и почтенную *olla rodgida*, попурии или *гнилой горшокъ* состригать не легко. Поваръ долженъ положить весь свой геній въ горшокъ или скорѣе въ горшки, потому-что *олья* собственно дѣлается въ двухъ горшкахъ. Какъ для хорошаго супу такъ и для *ольи*, мѣдная посуда никуда не годится. Надо взять два горшка или двѣ фаянсовыя кастрюли, налить водою, и поставить на огнѣ. Въ горшокъ, номеръ 1, положите горошку, который простоялъ всю ночь въ водѣ и разбухъ; говяжій огузокъ или филей, курицу, дичь и порядочный кусокъ шпеку; вскипятите все это быстро и оставьте на легкомъ огнѣ на четыре или пять часовъ. Въ горшокъ, номеръ 2, положите всего возможнаго — латуку, капусты, груздей, или шампиньоновъ, паррен, моркови, бобовъ, сельерей, цикорію, луковокъ чесноку, турецкаго перцу; все это должно быть заранѣе промыто и изрѣзано какъ для пикулей. Къ тому нужно прибавить сосисекъ или *chorizos* и кусокъ ветчины, вымоченной съ вечера. Когда все сварилось впрокру, воду надо слить и содержаніе стараго горшка, то есть зелень, выложить толстымъ слоемъ на блюдо; на эту зелень изъ перваго горшка, кладется огузокъ, курица, дичь, шпекъ, а изъ втораго, окорокъ; изъ сосисекъ же по краямъ образуется гирлянда. Поверхъ всего наливается соусъ, оставшійся въ первомъ горшкѣ и блюдо подается горячимъ. Запахъ этого кушанья, приготовленнаго по всемъ правиламъ — восхитителенъ. Одинъ паръ *ольи* — объяденіе!

Это *олья классическая*, *олья* донъ кихотовская. Подобно англійскому черепашьему супу и русской окрошкѣ, ею можно начать и кончить обѣдъ. Одинъ севильскій гастрономъ, который славился хлѣбосоломъ, рассказывалъ намъ, что въ праздники у него курицу замѣняли индѣйкой и къ зелени прибавляли еще малагскаго картофеля. Мнѣніе его чрезвычайно уважительно, потому-что желудокъ его варилъ отлично... Впрочемъ, общее правило — въ *олью* кладите все, что угодно.

У частныхъ людей національное блюдо принимаетъ болѣе скромные размѣры, но огородная зелень и шпекъ во всякомъ случаѣ необходимы. Свиинца высоко уважается на всемъ по-

луостровѣ. Правда, что съ окороками и сосисками испанская сви-
нина несравненна; она отличается трансцендентальнымъ вкусомъ,
даже, по выраженію Діодора Сицилійскаго, человекъ со вкусомъ,
знаніемъ и сужденіемъ отличными.

Въ Испаніи свиней почти больше, чѣмъ ослловъ. Боге всѣхъ
уважаются свиньи эстрамадурскія. Эта провинція, такъ мало по-
сѣщаемая путешественниками, исполнена интереса и для анти-
кварія и для естествоиспытателя. Подъ властью Ринлаги и Ма-
вровъ это была изобильная житница; она теперь предоставлена
стадамъ барановъ, саранчѣ и свиньямъ. Эвтомологія Эстрамадуры
богатый рудникъ для разработки; природа тамъ столько же дѣ-
тельна и плодovitа, сколько человекъ лѣнивъ и неприводите-
ленъ. Въ этихъ обширныхъ уединеніяхъ, которыхъ безмолвіе не
нарушалъ человѣческій голосъ, въ благовономъ воздухѣ раздается
веселое жужжаніе безчисленнаго множества насѣкомыхъ. Бара-
ны, свиньи, кузнечники и голуби единственные живыя существа,
встрѣчаемыя путешественникомъ. Иногда кое-гдѣ показывается
человѣкъ, будто для того, чтобы доказать, какъ его порода рѣдка
въ этихъ мѣстахъ.

Обширные уѣзды въ этой заброшенной провинціи покрыты
дубовыми, буковыми, каштановыми лѣсами. Но эти природные
парки не имѣютъ никакой прелести для жителей, которые толь-
ко занимаются расчитываніемъ, сколько свиней могутъ разжирѣть
отъ собиранія жолудей, которые слаще и больше нашихъ.

Жолуди составляли съ водою единственную пищу древнихъ
Иберійцевъ и свиней ихъ; изъ сухихъ толченыхъ жолудей дѣла-
ли родъ хлѣба, который ѣли съ свѣжими жолудями. Еще въ на-
ше время, знатныя дамы въ Мадридѣ ѣдятъ ихъ безпреставно
на прогулкахъ, въ оперѣ, повсюду. Вѣрно помнятъ, что жена
Санчо-Пансы прислала ихъ въ подарокъ герцогинѣ, и что она
послужила донъ-Кихоту текстомъ краснорѣчивой рѣчи, обращен-
ной къ пастухамъ о радостяхъ золотого вѣка и пастушескомъ
счастіи.

Большую часть года свиньи предоставлены самимъ себѣ и
ищутъ пищу, гдѣ могутъ. Когда созрѣлые жолуди падаютъ съ де-
реьевъ, эти животныя выходятъ легіонами изъ деревень, которыя
справедливѣе бы назвать конюшнями для свиней. Они возвраща-

ются вечеромъ безъ вожатого и съ хрюканьемъ бросаются каждая въ свою берлогу. Эти любимцы крестьянъ, которые воспитываютъ ихъ вмѣстѣ съ дѣтьми, раздѣлая съ ними, какъ въ Ирландіи, свое не слишкомъ-то удобное жилище — пользуются большимъ уваженіемъ, и, кажется, справедливо, потому что здѣсь скотъ платитъ подати; слѣдовательно — скотъ можно назвать гражданиномъ, а человекъ тамъ — есть только второстепенное существо, созданное для надзиранія стада свиней, которыя ведутъ жизнь привольную и по смерти еще увеличиваются въ цѣнность.

Предпочтеніе Испанцевъ къ мясу этого животнаго не мѣшаетъ имъ питать къ нимъ отвращеніе какъ къ типу нечистоты, обжорливости и цинизму. *Muu ruerso* — выраженіе глубочайшаго презрѣнія. Любопытно, что вліяніе мавритацкое встрѣчается еще въ перифразахъ, употребляемыхъ почти всегда прекраснымъ кастильскимъ языкомъ, чтобы не произносить имени животнаго, считавшагося когда-то нечистымъ.

Уздъ, который болѣе всего славится свиньями въ Эстрамадурѣ, *Montanches*. Тамъ разводятъ свиней въ мѣстахъ, обильныхъ эхиднами, которыми они питаются и отъ которыхъ жирѣютъ безъ всякаго для себя вреда. Естественныиспытатели замѣтили, что въ Америкѣ змѣи бѣгутъ враговъ своихъ — свиней. Послѣ *олы* другое блюдо испанской кухни представляютъ мало разнообразія. *Pisto*, яичница, *guisado*, рагу изъ дичины, *pollo con arroz*, цыпленокъ съ рисомъ, *huevos estrellados*, выпускная яичница — всё похоже одно на другое вкусомъ и цвѣтомъ. Это все та же смѣсь оливковаго масла, шпека луку, чесноку турецкаго, составляющая главное основаніе. Даже валенцкое масло составлено изъ чесноку и шпеку, которые въ равныхъ частяхъ растираютъ въ ступкѣ и потомъ намазываютъ на хлѣбъ для болшей пріятности любителей. Но чтобы вкусить всю его прелесть, нуженъ ротъ испанскаго мужика. Иностранцу не худо отъ того воздержаться, такъ же какъ и отъ *зора de gato*, родъ супу изъ кусочковъ хлѣба и чесноку, изжаренныхъ въ оливковомъ маслѣ и разведенномъ въ горячей водѣ.

Вещь истинно превосходная въ Испаніи — салатъ. Чтобы сдѣлать его, говорить испанская пословица, нужны четыре человека: мотъ для масла, скряга для уксусу, совѣтникъ для соли, и угорлый для ворочанья. Это любимое кушанье всѣхъ классовъ, хо-

тя только однимъ богатымъ извѣстна вся его утонченность. Овъ одинъ почти составляетъ обычную пищу земледѣльца, который никогда не ходитъ на работу безъ двухъ воловьихъ роговъ, содержащихъ необходимыя снадобья для составленія нѣкотораго роду салада, называемаго gazracho, то-есть корокъ хлѣба, изжаренныхъ въ оливковомъ маслѣ съ чеснокомъ и перцомъ. Когда время холодно, gazracho, разогрѣваютъ. «Oh! dura mezzogum ilia!» О, крѣпкое чрево пахарей!

ДРЕВНІЯ ГРЕЧАНКИ.

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Ограниченію женщинъ вполне соответствуетъ и то обстоятельство, что не только въ іоническихъ государствахъ, но и во всѣхъ остальныхъ, исключая Спарту и нѣкоторыя другія, женскій полъ не учился гимнастическимъ упражненіямъ, которыя считались для него неприличными. Упраженія или гимнастика спартанскихъ дѣвицъ состояла въ бѣганьѣ, борьбѣ, бросаніи диска и копья, въ прыганьи и хороводахъ, которыми онѣ отличались. О женской гимнастикѣ упоминается еще въ Элидѣ и у Коркирцевъ.

Позволялось ли Гречанкамъ присутствовать на театрѣ, когда давались комическія и трагическія представленія, или онѣ лишены были такого удовольствія? Рѣшеніе этого вопроса подняло сильный споръ между учеными, рѣшавшими его утвердительно и отрицательно. Первый поводъ къ спору поданъ еще въ 1796 году извѣстнымъ тогда нѣмецкимъ ученымъ Беттигеромъ, отрицавшимъ присутствіе женщинъ, а теперь, кажется, окончательно рѣшенъ, или по крайней мѣрѣ до такой степени уясненъ, что не требуетъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Говоря строго, весь матеріалъ, собранный предшествовавшими изслѣдователями этого предмета, не представляетъ ни одного мѣста, въ которомъ бы отвергалось присутствіе женщины въ театрѣ; но, съ другой стороны, не представляетъ также ни одного мѣста, которое бы ясно говорило о присутствіи ихъ въ театрѣ, какъ зрительницъ драматическихъ представленій, ни одного достовѣрнаго анекдота, ни одного достаточ-

наго доказательства, по крайней-мѣрѣ для Аѳонъ, для лучшаго времени греческой драмы. На этомъ-то молчаніи преимущественно и основываются возраженія отвергающихъ присутствіе въ театрѣ женскаго пола. Въ опроверженіе ихъ приводили много намековъ, которые, если разобрать безъ предубѣжденія, достаточно доказываютъ противное, то есть присутствіе. Такъ соювь Кратонъ, отвергавшій мимическіе тавцы и не соглашавшійся быть зрителемъ ихъ, говоритъ у Лукіана : «Одно только мнѣ остается — сидѣть вмѣстѣ съ этою длинною бородою, съ этими сѣдыми волосами среди женщинъ и зрителей, похожихъ на бѣшеныхъ, рупкоплексать и кричать неприличныя похвалы какому нибудь мерзавцу, который ломается и коверкается.» Такъ Плутархъ, хваля простоту и умѣренность своей жены, говоритъ : «Нѣтъ ни одного гражданина, который бы не видѣлъ твоей скромности и простоты при священныяxъ церемоніяхъ, при жертвоприношеніяхъ и на театрѣ.» — Скажутъ, что эти мѣста недоказательны, потому что они приведены изъ писателей, жившихъ въ самыя развращенныя времена, когда строгость нравовъ древнихъ Грековъ упала и измѣнилась извѣженностью и пороками. Если признаютъ эти мѣста не слишкомъ доказательными, то можно привести доказательства изъ древнѣйшихъ писателей. Такъ у Аристофана Эсхиль упрекаетъ Эврипиду за то, что онъ, избирая для своихъ трагедій непристойныя предметы, развращаетъ женщинъ и убиваетъ у нихъ всякую стыдливость. Если бы женщины не присутствовали на театрѣ, то этотъ упрекъ былъ бы совершенно неумѣстенъ. Развѣ допустить, что мужа, вышедши изъ театра, слышали подѣлиться театральными впечатлѣніями съ своими женами, и что отъ нихъ то жены узнавали объ этихъ безнравственныхъ исторіяхъ. Но принимая это, надобно допустить и то, что разсказъ самый живой никогда не произведетъ такого впечатлѣнія, какъ самое дѣйствіе; тѣмъ болѣе, что басни, взятая Эврипидомъ для трагедій, были древни и вѣсѣмъ извѣстны. Развѣ предположить, что жены покупали эти произведенія тотчасъ же послѣ ихъ появленія и читали въ рукописяхъ? Но тогда надобно предположить, что книжная торговля у Аѳонянъ Аристофанова времени была сильно развита: но и этого не было. Слѣдовательно, остается принять, что женщины, присутствуя на театрѣ, сами

смотрѣли на Эврипидовы произведенія. Подтверженіе этому находимъ у Платона, который въ законахъ говоритъ: «Дѣти болѣе взрослые предпочтутъ комедію, трагедію же благовоспитанныя женщины, юноши и почти весь народъ». Платонъ, разумеется, не сказалъ бы этого и не сослался бы на вкусъ женщинъ относительно приговора надъ трагедіею, если бы мнѣнія его не оправдывала дѣйствительность. Въ другомъ мѣстѣ Платонъ еще яснѣе выражается объ этомъ. Здѣсь Платонъ предполагаетъ: «Что бы могли сказать граждане его государства трагикамъ, поэтамъ и актерамъ, пришедшимъ къ нимъ съ тѣмъ, чтобы слушали ихъ и смотрѣли на нихъ? Они отвѣчали бы: вы творцы трагедій, да и мы тоже соперники и состязатели вамъ въ этомъ родѣ; и потому не думайте, что мы легко позволимъ вамъ разбить палатки (*скенасы*) на площади, ввести прекрасно-голосыхъ актеровъ, которые будутъ говорить громче, нежели мы, и допустимъ, чтобы вы говорили къ нашимъ дѣтямъ и женамъ и ко всему народу о тѣхъ же предметахъ, но не то, что мы говоримъ, и часто противное.» — Не приводя другихъ мѣстъ, болѣе или менѣе доказательныхъ въ этомъ же родѣ, но въ которыхъ надобно признаться, только по наведенію можно предположить присутствие Гречавки въ театрѣ во время представленій, мы укажемъ на одно мѣсто, гдѣ прямо говорится о томъ, что Гречавки посѣщали театръ. Такого рода свидѣтельство представляетъ намъ отрывокъ изъ жизнеописаній перипатетика Сатира, жившаго во второмъ столѣтіи предъ Рождествомъ Христовымъ. Говоря объ Алкивиадѣ, объ его необыкновенной переимчивости и умѣньи примѣняться къ нравамъ другихъ народовъ, объ его необыкновенной красотѣ, о необыкновенномъ родѣ обуви, которую онъ носилъ и которая извѣстна была въ Греціи подъ именемъ Алкивиадъ, Сатиръ прибавляетъ: «Алкивиадъ всякій разъ, какъ давалъ публичныя зрѣлища на свой счетъ, одѣвшись въ пурпуръ и входя въ театръ, поражалъ удивленіемъ не только мужчинъ, но и женщинъ». Надобно замѣтить, что это говорится объ Аеннахъ, и притомъ во время пелопонезской войны. Къ этому доказательству можно прибавить еще извѣстный рассказъ объ ужасѣ, постигшемъ женщинъ, когда выступилъ на сцену хоръ въ Эсхиловыхъ Эвменидахъ. Какъ вы будемъ смотрѣть на этотъ рассказъ,

станемъ ли считать его не лишеннымъ правды и современнымъ представленію драмы, или причислимъ его къ позднѣйшимъ выдумкамъ и утрированнымъ украшеніямъ — во всякомъ случаѣ онъ можетъ служить тоже въ числѣ доказательствъ, что Греки присутствовали на театрѣ.

Даже безъ этихъ намековъ и указаній трудно себѣ представить, отчего Греки не могли присутствовать въ театрѣ, особенно когда давали трагедію. Греческая трагедія, возникшая изъ религиозныхъ началъ и вѣрованій, исполненная строгой важности, не позволявшая себѣ ничего неприличнаго, говорившая благороднѣйшимъ языкомъ, представляла такое зрѣлище, которое не только не было опасно, или неприлично, или постыдно для Грековъ, но напротивъ — чрезвычайно полезно и поучительно. Тутъ въ живыхъ, художественныхъ картинахъ обрисовывались слабость и безсиліе смертнаго, сравнительно съ могучею и несокрушимою властью и силою боговъ; тутъ, съ одной стороны, ясно и вразумительно для каждаго изображались гибельная сторона страстей, выраженныхъ въ дѣйствующихъ лицахъ, а съ другой благородные поступки и дѣянія, великодушныя жертвованія, высокіе помыслы, давали слушателю поразительный примѣръ глубокаго значенія, какое можетъ имѣть человѣкъ, прямо дѣйствующій и неослабляющійся страстями. Древняя трагедія представляла все, что могло питать, раздражать, умѣрять и успокаивать чувства, что наполняло душу благоговѣніемъ къ богамъ, отвращеніемъ отъ преступленій и злодѣяній, глубокимъ уваженіемъ къ законамъ. Это было нравоученіе въ лицахъ, живое, проникшее прямо въ душу и сильно дѣйствовавшее на духовное образованіе древнихъ Грековъ. Слѣдовательно, при такомъ достоинствѣ и направленіи древней трагедіи, трудно представить себѣ, почему бы женщина не могла быть зрительницею ея? Какія цѣли могли имѣть Греки, отстраняя лучшую половину себя самихъ отъ наслажденій, которыя обѣщала и доставляла трагедія? Быть можетъ Греки потому не бывали въ театрѣ, что считалось неприличнымъ для нихъ и предосудительнымъ — являться и сидѣть среди мужчинъ, что на появленіе женщинъ публично смотрѣли какъ на соблазнъ. Предположивъ это, надобно допустить и то, что не трагедія была виною, по которой исключались женщины изъ театра, но понятіе

о приличіи изгоняло ихъ оттуда. Но и это несправедливо: если дѣти, при воспитаніи которыхъ особенно обращали вниманіе на приличіе и пристойность, не только могли посѣщать театръ во время представленій трагедій, но даже позволялось имъ видѣть и комическія представленія, то тѣмъ болѣе можно и должно было позволить женщинамъ присутствовать, по крайней-мѣрѣ, на трагедіи. Если Аристофановы комедіи, которыя, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, при всей остротѣ и бойкости насмѣшки, при всей гѣрности и живости, съ какою описываютъ жизнь тогдашнихъ Афинянъ, при всей важности и строгости, которыя скрываются юдъ шутками, при всемъ значеніи политическомъ, которое Аристофановы комедіи имѣли для афинскаго народа, не изъяты отъ упрека за неприличіе и сальность многихъ мѣстъ, за излишнее желаніе заслужить рукоплесканія толпы; если эти комедіи до-ступны были дѣтямъ, впечатлительность которыхъ и восприимчи-вость гораздо быстрѣе, чѣмъ взрослыхъ, то рѣшительно нѣтъ ни-какой причины, почему бы женщины не допускались въ театръ смотрѣть, по крайней-мѣрѣ, трагедію; потому что содержаніе ко-медіи, особенно древней и отчасти средней — Аристофановой и предшествовавшихъ ему комиковъ, дѣйствительно было неприлич-нымъ для женщины.

Гречанки садилась за столъ, или говоря по древнему, возлежали за столомъ виѣтъ цѣлою семьею; тутъ присутствовали мужескій и женскій полъ, но только въ томъ случаѣ, если у мужа не было гостей или постороннихъ лицъ; въ противномъ случаѣ Гречанка, если хотѣла быть порядочною женщиною, не рѣшалась явиться къ мужу за столъ. Оттого-то у Демосоеена ставится въ вину, что Неэра и ѡла, и шла въ присутствіи многихъ; но ораторъ прибавляетъ, она поступала такъ потому, что была вуртизанка. Извѣстно, что Гречанки не допускались на пиры, на которыхъ пировали ихъ мужья. Объ этомъ ясно говоритъ македонскій царь Анти-та персидскимъ посланцъ, когда они выражали, что у нихъ виѣтъ съ мужьями пируютъ и молодыя жены. Феопомпъ говоритъ съ изумленіемъ о существовавшемъ обычаѣ у Илирійцевъ по-зволать своимъ женамъ присутствовать на пирахъ и заставлять ихъ провожать себя домой. Историкъ Филархъ считаетъ при-знакомъ крайняго разврата нравовъ въ Сибарисѣ приглашеніе,

которое дѣлалъ нуженъ въ этомъ городѣ своимъ жителямъ принять участіе въ ихъ пирахъ. Чтобы это обыкновеніе не пошло слишкомъ рѣзкимъ и противорѣчающимъ неличнымъ обычаямъ — Сибариты скрѣпили его закономъ. Но словами оратора Неса никто въ Греціи не вздумаетъ давать серенаду или пиръ порядочной женщинѣ; никогда женщины не сопровождаютъ своихъ супруговъ на пиръ, и почти бы: для себя безчестіемъ принять даже за свой столъ постороннихъ людей. Непотъ тоже въ предельномъ къ жизнеописаніямъ говоритъ: женщина не принимается на пиръ, исключая родныхъ, и сидитъ только во внутренней части дома; который называется *gynaecopolis*, куда входятъ, исключая родныхъ, запрещенъ всѣмъ. Это же подтверждается всѣми описаніями пировъ, которые мы находимъ у древнихъ авторовъ, и у которыхъ нигдѣ не упоминается о другихъ женщинахъ, кромѣ вѣнцы и музыкантшъ. Гречанки не допускались также въ народные собранія и на другія сходки, гдѣ участвовали мужчины и гдѣ толковали о разныхъ дѣлахъ, не относящихся къ женскому полу.

Таково было состояніе древней Гречанки: сравнительно съ состояніемъ новѣйшей женщины, оно было во многомъ хуже, стѣснительнѣе; но хотя оно отнимало у нее во многомъ личную свободу, однакоже было слишкомъ далеко отъ того, чтобы обратить женщину въ покорную и безволежную рабыню, въ послушное орудіе привычекъ и напризовъ мужа. Мы думаемъ—и уже выше напомнимъ, что это состояніе было несравненно лучше на дѣлѣ, чѣмъ въ идеѣ, въ предположеніи. Гречанка никогда не сидитъ дома въ четырехъ стѣнахъ, никогда была заключена, какъ говорятъ лица Аристофановой комедіи, но находила много случаевъ показываться внѣ дома и располагать собою и своимъ временемъ, какъ пожелаетъ. Спартакскія дѣвушки, никогда не подвергались заключенію и одностороннему житію въ женскомъ отдѣленіи, но пользовались, во всей вѣроятности, полною свободою, какъ можно заключить изъ того, что нигъ не только позволялось упражняться въ бѣганьи и въ борьбѣ всенародно. О замужнихъ Спартаккахъ нельзя сказать того же; потому что онѣ вели жизнь болѣе домашнюю и менѣе свободную; на нихъ, какъ на матеряхъ и женахъ, лежало гораздо болѣе обязанностей и больше отвѣтственности, чѣмъ на дѣвушкахъ.

Разумѣется, это ограниченіе свободы было добровольною данью со стороны спартанскихъ женъ; ихъ не принуждали къ нему и не обзывали законами; оно не исключало возможности и права выходить изъ дому и присутствовать на праздникахъ, торжествахъ и прочая. Такъ, мы знаемъ, что спартанскія жены присутствовали при введеніи въ должность (инаугураціи) вновь избраннаго сенатора; что, воспѣвая ему похвалы, онѣ провожали его во все храмы, въ которые онъ входилъ поблагодарить боговъ и принести обѣты различнымъ божествамъ; что онѣ сопутствовали ему даже до дверей залы, назначенной для пира по случаю вступленія его въ должность. Впрочемъ бывали и другіе случаи, при которыхъ замужнія женщины показывались всепародно, напримѣръ общественные праздники, общественныя танцы, гдѣ мужчины и женщины танцевали вмѣстѣ, и прочая.

Въ другихъ государствахъ Греціи тоже не было недостатка въ случаяхъ, которые вызывали женщинъ изъ дому и давали имъ возможность являться въ народѣ. Къ такимъ случаямъ мы относимъ общественные праздники. Въ Греціи было ихъ много: одни изъ нихъ праздновались исключительно женскимъ поломъ, какъ Тесмофоріи, праздникъ Діонису въ Спартѣ, праздникъ Адониса, праздникъ Ареса въ Тегей; другіе же, хотя тоже причислялись къ женскимъ праздникамъ, но были посѣщаемы и мужчинами, какъ напримѣръ праздникъ Деметеры, Керы и Діониса въ Сикионѣ, въ которыхъ принимали участіе оба пола, праздникъ Кестеры Мизійской подлѣ Пеллены въ Ахаіи, изъ котораго мужчины удалялись только на третій день. Если женскіе праздники посѣщались мужчинами, то на оборотъ то же можно сказать и о мужскихъ, посѣщеніе которыхъ и принятіе участія въ нихъ не избривалось женщинами; таковы были напримѣръ Панфестей, Фонисій и прочіе. Изъ аоническихъ женскихъ праздниковъ самыя замѣчательныя были Тесмофоріи, которыя праздновались замужними женщинами въ Аониахъ и Элевзисѣ, въ продолженіе трехъ или пяти дней, въ совокупности съ нѣкоторыми дѣвницами, которыя были необходимы для исполненія извѣстнаго рода азыческихъ обрядовъ. Незадолго до настоящаго праздника, въ извѣстномъ мѣстѣ подлѣ Аонія, которое называлось Стенія, совершалось ночью вѣнчаніе, такъ сказать, въ праздникъ, называвшееся Стенія и состо-

явшее въ шуткахъ, взаимныхъ насмѣшкахъ, острогахъ, въ воспоминаніе объ Ямбѣ, который, говорили, вынулъ улыбку у горящей Деметеры. Праздникъ начинался торжественнымъ выходомъ женщины въ Элевзисъ, которыя несли на головахъ таблицы постановленій (*oesmoi*), какъ эмблему устройства гражданской жизни, введеннаго съ земледѣліемъ Деметерою. На второй, или на третій день женщины наблюдали трауръ: онѣ сажали на землю у подножія статуй Деметеры, плакали и голосили, ѣли пироги изъ сезама съ медомъ; пѣнныя получали на этотъ день свободу, прекращалось судопроизводство и не было присутствія въ сенатѣ. Потомъ слѣдовалъ входъ въ Аены, причѣтъ женщины босикомъ шли къ *Θεσμοφρίονу*, храму Деметеры, за колесницею, на которой находились корзины съ мистическими знаками. На третій день, о которомъ мало извѣстно, и который назывался *καλλιγενεία*, женщины призывали Деметеру, величали ее *Καλλιγενεєю*. Кромѣ этихъ обрядовъ, къ празднику принадлежали и другіе обычаи, исполненіе которыхъ совершалось неизвѣстно въ какой день, какъ то: построеніе шалашей (*μεγαράσις*), пени, имѣвшая мѣсто вѣроятно въ послѣдній день для приниженія съ божествомъ за нарушеніе праздника, особеннаго рода тапы (*οκλασμα*).

Кромѣ Аены и Спарты, и въ другихъ мѣстахъ Греціи были общественные праздники, на которые сходились не только мѣстные жители, но и сосѣди, а часто и жители отдаленныхъ мѣстъ. Такъ, напримѣръ, островитяне Эгейскаго моря толпами собирались на островъ Делосъ съ своими женами и дѣтьми, чтобы тамъ совершать праздникъ Аполлона. Въ Аркадіи мужчины присутствовали вѣсть на праздникахъ и на общественныхъ жертвоприношеніяхъ; тутъ дѣвцы и юноши составляли хоры и танцевали. На островѣ Хиосѣ дѣвцы и юноши упражнялись вѣсть въ гимнастикѣ. Женщины города Міуса даже во время войны пришли въ Милетъ, чтобы принести жертвы Діанѣ, и мужчины, по этому случаю, встрѣчали ихъ. Молодая Гречанка, выходя изъ дому чтобы присутствовать при торжественныхъ церемоніяхъ и принимать участіе въ праздникахъ, могла свободно и легко встрѣчаться съ молодыми Греками, знакомиться съ ними, вступать въ бесѣду, тѣмъ болѣе, что греческіе празд-

ники не обходивась безъ многолюднаго стѣченія народа, безъ торжественныхъ процессій и ходовъ, безъ жертвоприношеній, безъ принианія гостей и прочая. Основывалась на этомъ, мы думаемъ, что встрѣча Аброкома и Аноиѣ, описанная въ романѣ Келлоюнта Эссоскаго, вполне вѣрна дѣйствительности и можетъ быть принята не только къ тому времени, въ которое жилъ романистъ, но и къ древнѣйшему. «Совершился, говоритъ онъ, торжественный праздникъ Артемиды; для исполненія его слѣдовало явиться всемъ туземнымъ дѣвицамъ и совершеннолѣтнимъ юношамъ. Велико было стеченіе народа на это торжество; много было туземцевъ, много и гостей; потому что было обыкновеніе выбирать на этомъ праздникѣ жениховъ невестамъ, и женъ совершеннолѣтнимъ. Праздникъ начался процессією, которая подвигалась въ порядкѣ. Впереди дѣвушекъ шла Аноиѣ, которая, далеко превосходя прочихъ смутницъ цвѣтущею красотою, умѣла придать ей много прелести убранствомъ: ея руины воланы отчасти были занесены, отчасти волнуясь рассыпались по вѣтру; глаза живые, ясные, веселые, какъ у дѣвицы, строгіе какъ у скромной. Одежда — хитонъ пурпуровый, вискадавшій до колѣнъ, наброшенная оленья кожа, повѣшенный колчанъ и лукъ; она несла оружіе и стрѣлы, за нею слѣдовали собаки. Часто Эссосы, видя ее въ священнои рощѣ, призывали богиню: на праздникѣ же чуть увидѣлъ ее народъ, не могъ удержать своего удивленія и выражалъ его различно: одни отъ изумленія; призывали ее богинєю, другіе же подругою богини, но всѣ кланялись ей, и блаженными считали ея родителей. Всѣ говорили объ Аноиѣ, и хотя было много дѣвушекъ, однако слышалось только ея имя. Но къ концу скоро появился Аброкомъ съ юношами, дѣвочки были забыты и глаза всѣхъ обратились на его одного. Слышалось иногда, какая была бы пара — Аброкомъ и Аноиѣ. Это было началомъ ихъ любви: тотчасъ того и другую преинило желаніе увидѣться. По совершеніи процессіи всѣ стѣснились въ храмъ привести жертву. Сюда сошлись мужья и жены, юноши и дѣвицы. Тамъ-то оба они увидѣлись; Аноиѣ являлась красотою Аброкома; а онъ, устремивъ глаза, смотрѣлъ на нее. Аноиѣ не смѣла оторвать отъ него своихъ глазъ; не забе-

• тая о томъ, что прилично дѣвушкамъ, она такъ громко гово-
 • рила, что Аброкомъ могъ слышать ее. По совершеиіи жертво-
 • приношенія, они расходятся грустные, досадуя на скорую раз-
 • луку; желая еще посмотрѣть другъ на друга, они часто оста-
 • навиваются, оборачиваются и выдумываютъ разные причины,
 • чтобы замедлить удаленіе. На другой день они еще разъ увидѣ-
 • лись, когда Анея вышла, чтобы исполнить свой обѣты предъ
 • богами, а Аброкомъ, чтобы идти въ гимназію — для обычныхъ
 • тѣлесныхъ упражненій. На праздникъ Венеры и Адониса въ
 • Сестосѣ сходилось также много мужчинъ и женщинъ. Агузей
 • такъ описываетъ этотъ праздникъ: «Уже наступалъ народный
 • праздникъ, торжествуемый въ Сестосѣ Адонису и Киптеръ:
 • нацереры въ спѣшать въ этому дню всѣ жители окрест-
 • ныхъ мѣстъ, ни одна женщина не осталась въ городахъ, ни
 • одинъ житель не отказывается отъ присутствія на праздникѣ.
 • Юноши спѣшать сюда столько для того, чтобы принести
 • жертвы богамъ, сколько и для красоты дѣвушекъ, которыя
 • собираются туда. Тутъ-то Леандръ и Гери познакомились другъ
 • съ другомъ; онъ тамъ успѣлъ высказать ей свою любовь. Слова
 • повторимъ, что на праздникахъ, которыхъ въ Греціи было такъ
 • много, что, какъ выразился кто-то, весь годъ былъ праздникомъ
 • Греціи, мужчины и женщины сходились, знакомились и могли
 • бесѣдовать совершенно свободно, не навлекая этимъ ни нареканій,
 • ни упрековъ.

Такое отсутствіе стѣсненій для выхода Гречанки изъ дому
 подтверждается не только позднѣйшими, но и древнѣйшими пи-
 сателями. Такъ, напримѣръ, Перикль у Фукидида въ наегирихъ
 въ память павшихъ при осадѣ Самоса, обращаетъ слово къ же-
 нщинамъ, а Плутархъ прибавляетъ, что когда онъ сошелъ съ мѣ-
 ста, на которомъ говорилъ рѣчь, всѣ женщины спѣшили обнять и
 увѣнчать его цвѣтами и повязками, какъ-бы атлета, воротникаго-
 ся побѣдителемъ съ народныхъ игръ, и что онъ особо говорилъ
 имъ рѣчь. Когда мы читаемъ у Геліодора, что Хориклен показы-
 валась въ народѣ безъ всякой боязни за свое доброе имя, въ хра-
 махъ, на площадяхъ, на общественныхъ прогулкахъ, что полны
 дѣвушекъ выходили ей на встрѣчу; когда у Ахиллеса Тація мы
 видимъ, что не только женщины извѣстнаго возраста, даже моло-

дья дѣвушки выходятъ изъ домовъ свободно. И чтобы еще болѣе убѣдиться, что древнія Гречанки пользовались гораздо болѣе свободою, нежели полагаютъ, то можно указать на историческіе факты, которые ничуть не противорѣчатъ фактамъ, находящимся у поэтовъ. Жена и дочь Писистрата пользовались совершенною свободою, выходили когда и куда имъ было угодно. Сцену въ темницѣ, подобную описанной въ романѣ Ахиллеса Тація, встрѣчаемъ въ дѣйствительности, читая, что супруга ферайскаго владѣтеля Александра посѣщала Пелопида въ темницѣ, и что строгая и цѣломудренная Феано, не терпѣвшая даже, чтобы хвалили красоту ея рукъ, посѣщала своего друга, сломившаго себѣ ногу, чтобы освѣдомиться объ его положеніи.

Всѣми этими фактами прекрасно подтверждается, что сказано нами выше, именно: что на-самомъ-дѣлѣ Гречанки были гораздо свободнѣе и пользовались гораздо болѣе правомъ, нежели по теоріи, и что совершенно несправедливо, будто на женщину Греки смотрѣли не много выше, чѣмъ на животное. Это рѣшительно противорѣчитъ характеру древняго Грека, особенно Афинянина. Можно ли, чтобы у того народа, у котораго образованіе умственное и художественное развилось такимъ блестящимъ и многостороннимъ образомъ, у котораго дивныя творенія пластики и живописи украшали храмы и галереи, высокія пѣсни лирики раздавались на праздникахъ и на въражъ, гениальныя произведенія драмы трогали и поражали слушателей въ театрѣ, у котораго безсмертныя произведенія эпопей изучались всѣми возрастами — у того народа, у котораго воѣ силы духовныя и тѣлесныя были развиты, женщина считалась не много выше, чѣмъ животное? Тутъ очевидная натяжка, очевидное противорѣчіе и нежеланіе выкинуть изъ положеніе древней Гречанки внимательно, безъ предубѣжденія, съ желаніемъ доискаться истины. Мы не отвергаемъ вполне принужденнаго состоянія Гречанки, а думаемъ, что болѣе или меньшая степень подобнаго состоянія и зависимости Гречанки были только относительны и измѣнялись сообразно характеру родителей и супруговъ; что и въ Аѳонахъ, какъ и вездѣ, были нужья ревнивые, которые, безъ сомнѣнія, запрещали своимъ супругамъ выходить изъ дому, были даже и такіе, которые, по сло-

вамъ Аристофана, запечатывали печатями двери женскаго отдѣленія, запирали ихъ засовами и приставляли къ нимъ молосскихъ собакъ и прочая.

И такъ, если примемъ во вниманіе частыя и многочисленныя исключенія изъ общаго правила, допущенныя либо вслѣдствіе обычая, либо по снисходительности и слабости супруговъ, либо исторгнутые насильно хитростью и ловкостью Гречавокъ, то увидимъ, что строгость, требовавшаяся общимъ правиломъ, ни къ чему не служила и имѣла только номинальную силу. Замѣчательно, что Миллеръ, въ своемъ сочиненіи о Доріанцахъ, считаетъ всѣ установленія и обычаи іонійскіе и аттическіе, не греческими, но чуждыми народу греческому, занесенными туда съ другихъ странъ, восточными и даже варварскими, и только доріанскіе, по его мнѣнію, надобно признавать чисто греческими, европейскими и собственными западными народамъ. Слѣдовательно, по его взгляду, свободная жизнь Спартавокъ носить на себѣ печать чистаго гречизма и европеизма, а принужденное состояніе Афинянокъ есть варость, принявшая къ Греціи впоследствии, черезъ сообщеніе съ азіатскими народами. Это мнѣніе одного изъ ученѣйшихъ эллинистовъ новѣйшаго времени опровергается, кромѣ другихъ обстоятельствъ, понятныхъ всякому, знакомому съ исторіею Афинъ, еще слѣдующимъ: а) описаніемъ, находящимъ у древнихъ писателей, той внимательной, или, лучше, той ревнивой и подозрительной заботливости, которой держались Персы и которой держатся и до сихъ поръ восточные народы касательно присмотра и надзора за женскимъ поломъ, и отъ которой слишкомъ далеко были самыя строгіе и суровыя изъ Грековъ. Варвары, говоритъ Плутархъ, и особенно Персы, безчеловѣчны и жестоки къ своимъ женамъ, по ревности. Они берегутъ не только своихъ женъ, но даже и невольницъ съ такою строгостью, что никому не позволяютъ видѣть ихъ въ своихъ домахъ, а на путешествіяхъ перевозятъ ихъ въ телегахъ, старательно закрытыхъ со всѣхъ сторонъ. б) Внимательнымъ сравненіемъ состоянія греческой женщины въ героическія времена съ женщиною послѣдующихъ временъ: отсюда вытекаетъ, что въ древнія времена строгость родителей къ своимъ дочерямъ и супруговъ къ своимъ женамъ были гораздо суровѣе и требовательнѣе, какъ и слѣ-

дуетъ ожидать, при грубости тогдашнихъ нравовъ, при обыкновеніи покупать женъ, или, точнѣе, брать ихъ, либо за дары, предложенные родителямъ невѣсты со стороны жениха, такъ что тотъ только получалъ руку ея, кто больше давалъ, либо за какой-нибудь подвигъ, за какую-нибудь услугу — при важности и значеніи, которыя играли въ то время тѣлесная сила и крѣпость, которыми женщина никогда не могла похвастать передъ мужчиною. Даже у Гомера, у котораго героическая жизнь идеализирована, открываются слѣды этой зависимости и совершенной подчиненности. Во всякомъ случаѣ, можно вывести отсюда то заключеніе, что древніе, гомерическіе Греки не слишкомъ большое обращали вниманіе на врожденную женщины скромность и стыдливость, не слишкомъ дорожили приличіемъ, и что у нихъ женщина пользовалась незавидными правами. Примѣровъ можно бы привести достаточно, по нашему для того, чтобы доказать, что принужденная жизнь и подчиненное состояніе позднѣйшей женщины юническаго и аттическаго племени не есть новостъ, пришедшій къ Греціи впоследствии, черезъ сообщеніе съ азіатскими и другими варварскими народами, но есть продолженіе того же гомерическаго времени, тѣхъ же привычекъ и обычаевъ, только измѣнившихся по требованію цивилизации; и что, съ другой стороны, свобода, которою пользовались Спартакки, и которою начали пользоваться и другія Гречанки, не была остаткомъ древнихъ нравовъ, сохранившихся какъ преданіе сѣдой старины, но были слѣдствіемъ отчасти мѣстныхъ причинъ, историческаго развитія народа и вліянія законовъ, какъ случилось съ Спартакками; отчасти же слѣдствіемъ образованности, развившейся и облагородившей понятія и взгляды на женщину, какъ было съ Афинянами и другими Греками изъ дорическаго племени.

Разумѣется, этому измѣненію въ отношеніяхъ женщины не мало способствовало усиліе и развитіе роскоши, внесенной съ собою сначала ослабленіе древней строгости, а потомъ и разрывъ въ нравы Грековъ. Нѣтъ никакой возможности прослѣдить шагъ за шагомъ развитіе у Грековъ этой нравственной порчи и указать начала ея. Слѣды порчи замѣчаемъ уже въ самыя древнія времена.

Само собою разумѣется, что были употребляемы Гречанками сред-

ства, чтобы возвысить красоту и повравиться большому числу лиц. Съ развитіемъ цивилизаціи и эта сторона греческой жизни получила большее значеніе и чувство: женщины стали употреблять для своихъ украшеній и дорогія одежды, драгоценные камни, благовонія, притиранія и множество другихъ средствъ изысканной роскоши, между которыми есть много такого, значеніе чего утеряно для нашего времени. На одно описаніе туалета древнихъ Гречанокъ позднѣйшаго періода надобно много времени и много труда. Удивляться надобно, гдѣ Гречанки брали столько досуга, чтобы исполнять всѣ приготовленія, необходимыя, по ихъ понятіямъ, для бани. Не говоримъ уже о благовоніяхъ, которыя потреблялись въ чрезвычайномъ количествѣ, и на которыя издерживалось много денегъ. Эти благовонія составляли отдѣльную статью туалета Гречанки и разнообразіемъ своимъ могутъ изумить самое прихотливое воображеніе; были особыя помады для ногъ, рукъ, волосъ и прочая. « Если, говоритъ Лукіанъ, кто-нибудь увидитъ « женщину, вставшихъ утромъ съ ночнаго ложа, то почтетъ ихъ « отвратительнѣе обезьянъ : не оттого ли онѣ крѣпко на-крѣпко за- « пираются дома и непоказываются никому изъ мужчинъ ; стару- « хи же и толпы служанокъ стоятъ кругомъ ихъ, раскрашивая « ихъ несчастныя лица разнаго рода снадобьями. Печетомъ « водою смываютъ онѣ сонливую дремоту съ своихъ лицъ, что- « бы тотчасъ приняться за какое-нибудь важное дѣло, но раз- « нообразныя составы притираній возвращаютъ непріятному цвѣ- « ту лица свѣжесть и живость. Подобно тому, какъ на обществен- « ной церемоніи каждая изъ участницъ выѣтъ свое названіе, « такъ и здѣсь служанки держатъ на-готовѣ серебряныя тазы, « рукомойники, зеркала, и какъ въ аптекѣ множество баночекъ, « наполненныхъ разнаго рода мазями и притираніями, то для « чистки зубовъ, то для окраски бровей въ черный цвѣтъ. Но « самая большая часть времени и труда тратится на уборку во- « лосъ : одна, чтобы при содѣйствіи солнечныхъ лучей дать во- « лосамъ блѣлокурый цвѣтъ, красятъ ихъ, какъ шерсть, уничтожая « природный цвѣтъ, тѣ же, которымъ правится черный, удержи- « ваютъ на это богатство своихъ мужей, выливая на волосы всю « Аравію; желѣзныя орудія, разогрѣтыя на слабomъ огнѣ, завиваютъ « ихъ въ кольца. Женщины любятъ папускать ихъ до рѣсницъ, оста-

• была между ними небольшой промежутокъ на лбу, сзади распуска-
 • ютъ ихъ до плечныхъ лопатокъ въ волнистыхъ кольцахъ. Зачѣмъ
 • говорить объ эретрійскихъ драгоценныхъ камняхъ, висящихъ у
 • нихъ изъ ушей, и стоящихъ много талантовъ; объ этихъ драко-
 • нахъ вокругъ рукъ и плечей, которые желательно чтобы обра-
 • тились въ настоящихъ драконовъ; объ вѣнкахъ на головѣ, ис-
 • шенренныхъ индійскими камнями; о драгоценныхъ монне-
 • тахъ, что висятъ у нихъ на шеѣ, и объ этомъ несчастномъ
 • золотѣ, которое опоясываетъ ихъ ноги около пятъ. Лучше бы
 • онѣ желѣзомъ сковали ихъ. Когда же все тѣло ихъ какъ-бы
 • наколдвано (*biamagetoe*) обманчивою прелестью поддѣльной кра-
 • соты, онѣ окрашиваютъ безстыдныя щеки накладными румя-
 • нами, наводя бѣлизну съ цвѣтущимъ румянцемъ.»

Греческіе романы позднѣйшаго времени представляютъ допол-
 • ненія къ жизни древнихъ Гречанокъ; они посвящаютъ вь досказы-
 • ваютъ многое, на что намекаютъ только древніе греческіе авторы;
 • они округляютъ, такъ сказать, картину, дѣлаютъ ее выпуклѣе,
 • нагляднѣе, осязательнѣе. Въ этихъ-то романахъ читаемъ, то исторію
 • молодой вдовы, предлагающей кому-нибудь свою руку, какъ напри-
 • мѣръ въ романахъ Ахиллеса Тація Меланте, которая просто навязы-
 • вается ему на шею; то рассказъ о безчеловѣчной матери, оставляю-
 • щей напроизволь судьбы плодъ своей любви; то невѣрной жены,
 • которая не боится сдѣлаться клятвопреступницею, только бы об-
 • мануть своего мужа; то видимъ картину семейства, въ которомъ
 • отецъ женится на второй женѣ, она успѣваетъ прибрать его совер-
 • шенно къ своимъ рукамъ и сдѣлать своимъ покорнѣйшимъ рабомъ —
 • онъ исполняетъ всѣ ея желанія и прихоти, не хочетъ выслушать
 • оправданій своего сына, котораго она оклеветала.

Гораздо больше можно было бы набрать у греческихъ писа-
 • телей, особенно у романистовъ и примѣровъ и мѣстъ, для изобра-
 • женія порочности древнихъ Гречанокъ, если бы мы считали недо-
 • казательнымъ то, что уже приведено. Мы думаемъ, что и этого
 • уже слишкомъ достаточно, чтобы совершенно убѣдиться въ той
 • истинѣ, высказанной нами прежде, что Гречанки не могли по-
 • хвалиться чистотою нравовъ; что онѣ пользовались перѣдко
 • свободою, которую довели до своеволія. Судить о порочности Гре-
 • чановъ и Гречанокъ тогда только можно было бы надлежащимъ и

справедливымъ образомъ, когда бы мы были въ состояніи уяснить себѣ этотъ предметъ до такой степени откровенности и полноты, что разумъ можно бы повести и объхватить эту сторону греческой жизни со всѣми ея подробностями, частности и мелочами. Въ оправданіе Грековъ надо замѣтить, что они сами по себѣ одни и попадали въ тѣ же ошибки, какъ и другіе народы, переходившіе отъ бѣдности къ богатству, отъ простоты пастушеской и земледѣльческой жизни къ роскоши и великолѣпію, иногда не достигали ни роскоши, ни извращенія нравовъ и безнравства въ такихъ ужасныхъ размѣрахъ, въ такихъ немовѣрныхъ объемахъ, какъ замѣчаемъ это у азіатскихъ народовъ, въ государствахъ греко-азиатскихъ, образовавшихся изъ обломковъ Александровой монархіи, и особенно у Римлянъ. Древніе Римляне, простые и утѣренныя люди, но невѣжественные и грубые, собраніе въ своей столицѣ дивныя произведенія изящныхъ искусствъ, которыя насильно были исторгнуты изъ греческихъ городовъ, и которыхъ цѣности и превосходства они сначала совершенно не понимали; эти самые Римляне, сдѣлавшись владыками міра, обогатившись сокровищами Азіи и Македоніи, изъ защитниковъ отечества благородныхъ и безкорыстныхъ, какими были еще недавно, сдѣлались жадными разбойниками, изъ покровителей невинности и правосудія обратились въ вѣроломныхъ и клятвопреступныхъ грабителей, изъ отцовъ трезвыхъ и цѣломудренныхъ, сдѣлались обжорами, пьяницами безстыдными и безчестными. Римляне быстро погрузились въ грязь самой отвратительной испорченности, незнакомившись напередъ съ роскошью, которая вела къ нему; они извратились прежде, чѣмъ были оболщены и увлечены; они испытали всѣ гибельныя послѣдствія роскоши, никогда не насладившись благодѣяніями цивилизаціи. Но ходъ и развитіе испорченности у Грековъ совершался другимъ путемъ. Исключая Спартанцевъ, которые въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, имѣютъ много сходнаго съ Римлянами, цивилизація у Грековъ возникла въ той же странѣ, гдѣ они жили, на той же землѣ, гдѣ они росли и воспитывались, за которую съ такимъ геройскимъ самопожертвованіемъ умирали и страдали. Богатства, которыя они пріобрѣли, не были только слѣдствіемъ войнъ и непрерывныхъ побѣдъ, но доставлялись въ Грецію торговлею и

дѣятельности. Греки не употребляли ихъ исключительно на удовлетвореніе чувственности. Греки не были ни извращены, другими, ни увлечены изоммачи; они сами цеспортили себя, и развратились; — но пороки ихъ не были необузданы и блудны; они умѣрялись и удерживались то недостатками средствъ, то врожденнымъ чувствомъ прекраснаго, то постепеннымъ и соразмѣрнымъ ходомъ ихъ нравственнаго униженія. Испорченность Грековъ не была паденіемъ; это была больше небрежность, беззаботность, постепенное нисхождение къ худшему; это не была обдуманная и рассчитанная порча, приведенная къ систему холоднымъ разсудкомъ и эгоизмомъ, маравшая и вортившая все, къ чему ни прикасалась, потерявшая стыдъ и совѣсть, нещадившая ничего завѣтнаго, хваставшая своими ранами и выставлявшая ихъ на показъ предъ цѣлымъ обществомъ.

Къ чести Грековъ надобно замѣтить, что они отъ времени до времени старались удерживать развитіе и успѣхи испорченности. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ великой похвалы древніе законодатели, обращавшіе самое строгое вниманіе на эту сторону своихъ соотечественниковъ, заботившіеся объ ихъ нравахъ, проникавшіе въ своихъ повелѣніяхъ до мелочей. Женщины во многихъ государствахъ Греціи, особенно въ Аонахъ, строго наказывались, если забывали свою обязанность относительно мужа и семейства, и предавались непозволительнымъ связямъ. Соблазнитель считался гораздо виновнѣе противъ семейства и мужа, у которыхъ отнималъ привязанность жены и добродѣтель матери, извращалъ ея душу и давалъ иное направленіе чувствамъ. Женщину же, увлеченную въ прелюбодѣяннн, наказывали безчестіемъ и срамомъ: ей запрещалось входить въ храмы, не позволялось носить богатыхъ одеждъ и дорогихъ украшеній. Если она не внимала закону, отказывалась повиноваться ему и не хотѣла разстаться съ нарядами, то всякій, встрѣтившись съ нею, могъ снять ихъ съ нея, избить ее, только не убивать и не увѣчить. Наконецъ законъ не оставлялъ безъ наказанія и тѣхъ, которые помогали виновнику. Такимъ лицамъ положена была смертная казнь. — Въ Кумахъ женщину-виновную наказывали публично на площади, и водили по городу, посадивъ на осла.

На островъ Критъ голову виновнаго покрывали шерстью въ родѣ вѣнка, какъ эмблемою его правотъ, изнѣженныхъ и женоподобныхъ, и лишали его гражданскихъ правъ. Въ Лепрей (Lepreux) соблазнителя водили по городу три дня въ цѣпяхъ, а соучастнику его преступленія, выставляли на одиннадцать дней на посмѣяніе народу.

И. ТИХОНОВИЧЪ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

=

Статья третья.

=

I.

МУЗЫКА ВЪ ГАНОВЕРѢ — ПРИЗВАНІЕ ВЕЛИКАГО ВИРТУОЗА.

На свѣтѣ нѣтъ существа, которому труднѣе было бы угодить, чѣмъ человѣку. То, чего не имѣеть, считаетъ онъ единственнымъ предметомъ, достойнымъ желанія; обладать имъ — кажется ему верхомъ земнаго блаженства. Но это продолжается только, пока онъ не обладаетъ этою вещью. Какъ скоро онъ достигнетъ цѣли своихъ самыхъ пламенныхъ желаній, онъ находитъ въ ней тысячу вещей, подлежащихъ осужденію, и такимъ образомъ переходитъ отъ желанія къ желанію, отъ цѣли къ цѣли, всегда недовольный настоящимъ, пока не дойдетъ до убѣжденія, что все было бы несравненно лучше, еслибъ было не то, что есть. Въ наше время всего чаще приходится слышать стованія и жалобы на развитіе промышленности. Мягкія, чувствительныя души въ-особенности возстаютъ противъ промышленности, находя въ ней источникъ всякаго зла. «Мы живемъ въ вѣкъ преобладанія матеріализма, говорятъ они; свободное, высокое развитіе духа уже невозможно; промышленность налегла на него всею тяжестью своей удушливой прозы и дѣлаетъ его рабомъ земли. Поэтому-то не является въ наше время великихъ творцовъ, ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ; поэтому великіе поэты и композиторы вымерли. Настоящее поколѣніе можетъ создавать громадныя промыш-

шленные планы, но не безсмертныя поэтическія творенія, уиѣтъ считать, но не пѣть. Замѣчательно, что подобныя жалобы чаще всего слышимъ мы изъ устъ тѣхъ именно людей, которымъ всего труднѣе было бы отказаться отъ удобствъ, доставляемыхъ имъ тою промышленностью, которую они такъ преслѣдуютъ своимъ непримиримымъ гнѣвомъ. Они сидятъ передъ отличными лондонскимъ или парижскимъ роелемъ и стонутъ надъ матеріальнымъ направленіемъ вѣка; передъ ними самыя новыя, роскошно изданныя музыкальныя произведенія, а они неодолютъ на армію, которое подавляетъ дѣятельность духа; вздумается ли имъ повутешествовать, они летятъ съ быстротою вѣтру съ одного конца Европы на другой, и между-тѣмъ разсыпаются въ проклятіяхъ на промышленность, какъ на самаго страшнаго врага усѣхонъ ума. Поставить бы однажды, передъ этими господами недовольными, вмѣсто отличнаго эраровскаго роая, клавесинъ прошлаго вѣка; вмѣсто нынѣшнихъ четко и изящно печатанныхъ нотъ положить бы передъ ними одну изъ тѣхъ пьесъ, которыя Себастьянъ Бахъ принужденъ былъ самъ, непривычною рукою, рѣзать на мѣди; или заставить бы ихъ проѣздиться въ такомъ экипажѣ и по такимъ дорогамъ, какіе были въ концѣ прошлаго вѣка, когда на проѣздъ изъ Лейпцига въ Дрезденъ нужно было употребить трое сутокъ, и притомъ подвергаться столькимъ и такимъ опасностямъ, что каждый, рѣшавшійся на этотъ подвигъ, считалъ обязанностью предварительно написать свое духовное завѣщаніе — тогда, конечно, эти сѣтователи на нашъ вѣкъ заговорили бы другимъ языкомъ и согласились бы, что его матеріальное, промышленное направленіе не только не вредитъ духовной дѣятельности, но даже, напротивъ-того, принесло ей, какъ и матеріальнымъ нашимъ потребностямъ, существенную пользу. Желѣзныя дороги распространяютъ духовную дѣятельность по всѣмъ странамъ, развиваютъ духовную жизнь точно такъ же, какъ общественныя и торговыя сношенія. Это Ноевъ ковчегъ, который принимаетъ подъ свою защиту все существующее, отъ самаго повседневнаго до самаго высокаго, и безопасно переноситъ его сквозь пучину времени на мѣсто назначенія.

Въ то время, къ которому обращаются теперь мои воспоминавія, въ Германіи еще и не помышляли о желѣзныхъ дорогахъ;

однако же можно было уже пускаться в путь без очень серьезных опасений за свою жизнь. Экспра - почта и почтовые пакеты перевозили путешественника довольно сносно из конца в конец, по дорогамъ, которыя весной, осенью и зимою, конечно, были нестерпимо скверны, но летомъ, за исключениемъ обламовъ пыли, а подчасъ и добраго толчка, не представляли особенныхъ неудобствъ. Перевозка лошадей на станціяхъ, рѣдко употребляема болѣе двухъ часовъ времени; зато въ продолженіе этого времени трактирщикъ дунитъ съ васъ ужасныя деньги за перекуриваніе кувшины. Вообще, пускаться в путь было не то чтобы очень страшно, особенно когда путешественникъ умѣлъ списать благосклонность фуражана или кондуктора, отъ котораго зависело болѣе или менѣее промедленіе на станціяхъ, скорость или медленность ѣзды, однимъ словомъ — все, чего путешественникъ не хотѣлъ желать или бояться. При такихъ обстоятельствахъ очень естественно, что большая часть развѣзжающей публики состояла изъ отправлявшихся на ярмарки купцовъ, Жидовъ, наездниковъ, студентовъ, изъ которыхъ нѣмалка присоединялась отставной военный; странствующіе артисты, которые теперь встрѣчаются почти въ каждомъ повозѣ паровоза, были въ то время рѣдкимъ явленіемъ. Нужно было артисту имѣть въ виду очень значительныя выгоды, очень богатыя предложенія, чтобы рѣшиться на издержки и неудобства путешествія. А какъ большыя выгоды и богатыхъ предложеній могъ ожидать конечно только артистъ, пользовавшійся большою и повсемѣстною славой, то само-собой разумеется, что посредственность сидѣла дома, а путешествовали только артисты истинно великіе, и которые, куда бы они ни прѣзжали, вездѣ должны были принести пользу и себѣ и искусству. Такъ артистъ вездѣ въ какой-нибудь большой городъ, столицу, гдѣ его ждали, и гдѣ онъ былъ увѣренъ въ обильныхъ сборахъ; впрочемъ, разъ пустившись в путь, онъ не преслѣдуетъ и болѣе скромныхъ выгодъ. Онъ посѣщаетъ дорогою каждый городокъ, если онъ былъ не слишкомъ удаленъ отъ его маршрута; вездѣ устраивались концерты, которые содѣйствовали распространенію его славы, увеличивали его выгоды, и въ то же время служили ему отдохновеніемъ отъ предшествовавшихъ трудовъ.

Какъ Гансберъ, при тогдашнемъ образѣ путешествія, считался

очень далеко отъ главныхъ центровъ артистической дѣятельности, отъ Вѣны, Берлина, Лейпцига и Франкфурта на-Майнѣ, и не имѣлъ съ ними никакихъ сношеній, то въ мой родной городъ заѣзжали обыкновенно только артисты, на пути въ Ганзейскіе города или въ Англію. Послѣдній случай былъ самый обыкновенный. Ганверъ, какъ провинція Великобританіи, былъ въ частыхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ Лондономъ; рекомендательныя письма знатныхъ Ганверцевъ, особенно же герцога Кембриджскаго, просвѣщеннаго покровителя искусствъ, шли большой вѣсъ въ метрополіи. Это доставило намъ случай слышать многихъ великихъ артистовъ; напримѣръ Мошелеса, этого тѣкаго, изящнаго вианиста и умнаго импровизатора; Молле, который вдвойнѣ пользовался заслуженною славой, какъ скрипачъ и какъ потребитель пива, и остроумнаго, блестящаго Лафона, гордость французскихъ скрипачей. Всѣ они пріѣзжали въ Ганверъ болѣе ради рекомендательныхъ писемъ, чѣмъ ради денежной выгоды. Недолжно впрочемъ воображать, будто мы для концертовъ должны были довольствоваться одними заѣзжими артистами. Нашъ оркестръ пользовался вполне заслуженною славой; опера всегда имѣла хорошую, иногда даже отличную труппу; а директоръ придворнаго театра, графъ фонъ-Платенъ-Галлериюнде утилъ и имѣ театру достойно употреблять для пользы искусства отличныя средства, которыми онъ располагалъ. Каждую зиму онъ устраивалъ концерты по подпискѣ, въ которыхъ исполнялась каждый разъ по-крайней мѣрѣ одна большая оркестровая пьеса, и виртуозы и пѣвцы имѣли случай отличиться въ исполненіи сона. Я уже говорилъ, что въ ганверскомъ оркестрѣ, за исключеніемъ Гейнмейера, которому въ прошломъ году такъ дивился Петербургъ, не было ни одного очень замѣчательнаго виртуоза. Но каждый членъ придворной концертной капеллы ставилъ себѣ въ честь и въ обязанность явиться втеченіи зимы по-крайней мѣрѣ въ одномъ изъ концертовъ по подпискѣ. Такимъ-образомъ не было недостатка въ солистахъ; однако же главнымъ украшеніемъ ихъ былъ по большей части самъ концертмейстеръ, отъ котораго всегда требовалось, какъ непремѣнное условіе, чтобы онъ былъ замѣчательный скрипачъ, и опытный, талантливый дирижёръ. Съ восторгомъ вспоминаю я всегда о невыразимомъ наслажденіи,

которое доставляли эти концерты въ то время, когда даровитый Лидовикъ Мауреръ былъ въ главѣ нашего оркестра. Всѣ музыканты вѣтлово безусловно преклонялись передъ его высокими дарованиями и его вѣрнымъ возрѣніемъ на искусство, но — почти несмысленное явленіе въ артистическомъ мірѣ — были душою преданы ему лично, такъ что они вѣрѣдко дѣлали изъ личнаго уваженія къ нему то, чего, можетъ-быть, не сдѣлали бы изъ любви къ искусству. Такимъ образомъ оркестръ достигъ такого необыкновеннаго единства въ исполненіи и даже въ постиженіи пьесъ, какое я съ-тѣхъ-поръ встрѣчалъ только изрѣдка, какъ исключеніе.

Во всю жизнь не забуду впечатлѣнія, которое произвелъ на меня симфоніи Бетховена подъ управленіемъ Маурера. Конечно, я тогда еще въ первый разъ слышалъ исполненіе этихъ дивныхъ твореній, и могучій гений Бетховена долженъ былъ произвести чрезвычайно сильное впечатлѣніе на воспримчивую душу юноши, выходящую всѣмъ энгузіазмомъ молодости, такъ-что можно предположить, что я въ восторгѣ своемъ не успѣлъ отдѣлать творенія отъ его исполненія, и придавалъ послѣднему болѣе настоящаго его достоинства; однакожъ тогдашнія впечатлѣнія сохранились въ моей памяти свѣжи и живы, какъ-бы со вчерашняго дня, и сколько я ни стараюсь теперь оцѣнить ихъ холоднымъ, критическимъ умомъ, я могу только подтвердить свое сужденіе. Впрочемъ Мауреръ былъ украшеніемъ нашихъ концертовъ не только какъ дирижёръ, но принадлежалъ также къ числу лучшихъ въ свое время скрипачей и композиторовъ для скрипки. Его умѣнье и плодовитость въ послѣднемъ отношеніи были истинно изумительны. Концерты давались постоянно каждую субботу; Мауреръ долженъ былъ играть почти въ каждомъ концертѣ, и не только игралъ всегда собственныя свои сочиненія, но почти къ каждому разу писалъ новую пьесу. Въ одну недѣлю онъ успѣвалъ сочинить большой концертъ въ трехъ частяхъ, отдать его въ переписку, разучить, сдѣлать пробы, такъ, чтобы въ слѣдующую субботу играть его публично. И это не были легкія, поверхностныя произведенія человѣка, набившаго себѣ руку въ музыкальной композиціи; напротивъ, это были всегда произведенія глубоко обдуманнаго, тщательно обработаннаго, мастерски пи-

струментованные — несомненным свидетельством могучего дарования и образованного вкуса. Многие из них и доныне, двадцать лет спустя после своего быстрого создания, не сохранили истощения из репертуара великих скрипачей, что дает самую ясную картину их достоинства. И как виртуозъ Мауреръ былъ любимцемъ публики, несмотря на то, что игра его никогда не была совершенно чиста, иногда даже, отъ недостатка гибкости въ смычкѣ, нѣсколько шероховата; это особенно поразило меня послѣ того, какъ я услышала плачущую, рыдающую, столь извѣстную и чудную игру Ласона. Сынъми Маурера, Всеволодъ и Александръ, тогда еще дѣти, также участвовали иногда въ нашихъ концертахъ вмѣстѣ съ отцомъ, и возбуждали тѣмъ болѣе сильный восторгъ, что жода на удивительныхъ дѣтей была въ то время въ самомъ разгарѣ.

Отличная опера и превосходные концерты развивали и преиспещали музыкальный образъ въ публикѣ любовь къ искусству и широкое понятие о немъ.

Въ обществѣ цвѣтѣло тогда несравненно болѣе возвышенный вкусъ, чѣмъ нынче. Беллини и прочіе новыя итальянскія композиторы, съ своею музыкою безъ содержания, стремящаяся къ одной внѣшней красотѣ формы, не проникали еще къ намъ; Россини, бывшій въ это время кумиромъ всей Германіи, являлся нашей публикѣ творцомъ «Танкредя», «Семилетнего Цырлянина», «Юлио» и «Вильгельма Телля», но не успѣвъ еще прочно утвердиться на нашей сценѣ. Главными столпами репертуара были произведенія вѣнскихъ композиторовъ: Моцарта, Витера, Вебера, Бетховена, Вебера и Шуберта; отъ времени до времени прибавлялись къ нимъ и французскія опера, въ произведеніяхъ лучшихъ своихъ представителей, Мегюля, Керубини, Спонтини, Бойельды, и въ-особенности, конечно, Герольда и Обера. Сладостельно и опера уже вводила публику на истинное художественное, серьезное направление въ музыкѣ, но главѣйшимъ, самымъ могущественнымъ рычагомъ къ достиженію этой цѣли служили концерты. Многолѣтнимъ, тысячу разъ подтвержденнымъ опытомъ должно, что ничто не имѣетъ такого сильнаго и рѣшительнаго вліянія на художественное образованіе публики, какъ постоянные концерты, которые знаменитъ до сего времени

инструментальными сочиненіями, разумно выбранными и хорошо исполненными. Въ оперѣ, грубыя, чувственные красоты часто отвлекаютъ вниманіе отъ музыки, и потому она одна не въ состояніи произвести глубоко-проникающаго впечатлѣнія на вкусъ публики. Когда же удается пріобрѣсти многочисленную публику для симфоній Гайдна, Моцарта и Бетховена, тогда можно уже смело торжествовать побѣду; тогда сѣмя истиннаго искусства пустило ростки въ сердца города, ему будетъ доступно и пріятно все прекрасное въ музыкѣ; тогда даже нечего уже бояться обстоятельнаго блеску, который распространяетъ вокругъ себя помпѣзшая музыка, столь бѣдная внутреннимъ содержаніемъ, нужно только, чтобы вожатые общественнаго вкуса умѣли соблюдать благоразумное равновѣсіе, представляя во временахъ произведенія, болѣе витательныя, чѣмъ современныя порожденія моды. Когда я скажу еще, что не только концерты по подпискѣ, но и академія нѣтъ, основаніемъ которой Алоизій Шмидтъ оказалъ Гаковеру незабвенную услугу, исполняла большія духовныя сочиненія, которыя всегда посѣщались многочисленною публикою и пріемались съ самымъ живымъ участіемъ,—тогда всѣ согласятся со мною, что это время было золотымъ вѣкомъ искусства для моего роднаго города.

Къ сожалѣнію, это отрадное положеніе вещей было не продолжительно, многое измѣнилось еще при мнѣ. Мауреръ возвратился, по семейнымъ дѣламъ, въ Петербургъ. Всѣ истинные любители искусства смотрѣли на его отъѣздъ какъ на общественное бѣдствіе. Какъ прискаты ему достойнаго преемника было не легко, то Маршнеру поручили на время исправлять должность концертмейстера. Онъ, правда, не пользовался такою любовью, какъ Мауреръ, однакожъ оркестръ болѣе его, и подъ его умнымъ управленіемъ все шло хорошо. Но въ слѣдующемъ году, когда новый концертмейстеръ, Антонъ Бореръ, вступилъ въ свою должность, все быстро пошло къ упадку. Бореръ былъ человекъ добрый, но чрезвычайно слабый, совершенно неспособный внушить надлежащее почтеніе оркестру, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ концертомъ явѣе выказывалось его ничтожество какъ артиста и какъ дирижера. Въ первую же зиму произошла открытая ссора между нимъ и всѣми членами оркестра. Давали симфонію

В-дуг Бетховена, Бореръ взялъ первое аллегро въ очень медленномъ темпѣ и началъ тактировать по четыре удара въ тактъ; музыканты, на пробѣ, стали дѣлать ему замѣчанія, но онъ ничего не хотѣлъ слушать. Оркестръ, не хотѣвшій уродовать Бетховена и уронить свою славу подобнымъ исполненіемъ, сговорился, и въ концертѣ взялъ аллегро, какъ привыкъ его играть прежде, въ быстромъ темпѣ *alla breve*, къ великому гнѣву Борера, который игралъ прежалкую роль съ своими медленными четырьмя ударами. Онъ жаловался дирекціи, которая, разувѣтая, приняла сторону музыкантовъ. Этотъ случай навсегда урвалъ артистическую славу Борера въ глазахъ и артистовъ и публики. Къ счастью моему, это бѣдственное время, когда такъ быстро утрачены результаты многолѣтнихъ трудовъ и усилій, и искусство въ этомъ городѣ упало на такую же низкую степенъ, какъ въ другихъ мѣстахъ,— я провелъ не въ Ганноверѣ, и теперь долженъ опять возвратиться къ радостной эпохѣ процвѣтанія искусства: къ этому времени принадлежитъ поразительное, богатое послѣдствіями явленіе, которое имѣло самое благодѣтельное вліяніе на всю мою послѣдующую артистическую дѣятельность.

Когда жизнь или искусство достигнетъ воображаемаго верха совершенства и начинаетъ отдыхать съ самодовольствіемъ, какъ будто они достигли крайняго предѣла успѣха и нить остается только на вѣки держаться на высотѣ, которой они добились съ такою славой, въ какомъ-нибудь углу горизонта, до-тѣхъ поръ подернутомъ непроницаемымъ мракомъ, вдругъ показывается чудное, свѣтлое явленіе, и раскрываетъ своими лучами цѣлый міръ новыхъ, негаданныхъ красотъ, передъ которыми блескъ прошедшаго, стараго меркнетъ, какъ свѣтъ лампы передъ лучемъ солнца. Такое свѣтло явилось неожиданно въ 1828 году надъ музыкальнымъ міромъ, и съ такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, что черезъ годъ по появленіи его никто не зналъ еще, былъ ли это метеоръ, быстро промелькнувшій, не оставя послѣ себя никакихъ слѣдовъ, или дѣйствительно чудное, новое свѣтло. Изъ-за Альпъ двинулся въ Германію Генузецъ, который скрипкою наигрывалъ древнія сказки объ Орфеѣ и Амфіонѣ. Онъ не только побѣждалъ всѣ трудности скрипичной игры, но дѣлалъ вещи невѣроятныя, даже невозможныя; по-крайней-мѣрѣ исполненіе цѣлыхъ пьесъ на ол-

ной струнѣ, руды, исполненныя на половину пиццикато и смычкомъ, и въ особенности полную гамму флажолетныхъ тоновъ всѣ скрипачи единодушно объявляли вещь рѣшительно невозможною. Всѣ, недавшіе новаго явленія въблизи, рѣшительно отвергали его и даже смѣялись надъ нимъ; многіе слыжавшіе новаго скрипача, не имѣя возможности отрицать чудо, старались низвести его до своего уровня и объяснить самымъ пошлымъ образомъ. Повсюду носились самые разнорѣчивые, самые странные слухи. Одни утверждали, что новый виртуозъ просто самый нахальный шарлатанъ. Другіе рассказывали, что онъ въ порывѣ ревности убилъ свою жену, что ему было позволено взять съ собою въ тюрьму скрипку, и что на ней порвались, одна за другою, всѣ струны кромѣ баска; что въ многолѣтнемъ заключеніи приобрѣлъ онъ свое необыкновенное искусство, и въ особенности на баску, которое теперь, послѣ удачнаго побѣга изъ тюрьмы, стяжало ему такой неслыханный успѣхъ. Третьи наконецъ утверждали, что онъ, не имѣя твердости души своего предшественника Тартини, не устоялъ противъ искушеній злаго духа и заключилъ съ нимъ договоръ. Въ это ультра-романтическое время, эти нелѣпыя сказки, безъ соинтереса, не мало содѣйствовали къ тому, чтобы возбудить во всѣхъ, даже въ той части публики, которая обыкновенно занималась тѣмъ, что дѣлалось въ музыкальномъ мірѣ, и которая въ то время была гораздо многочисленнѣе, чѣмъ нынче, — непреодолимое желаніе видѣть и слышать этого чудеснаго чело-вѣка.

Очень естественно, что феноменъ, обращавшій на себя взоры всей Европы, долженъ былъ сильно занять и исполнить весь нашъ музыкальный кругъ. Каждая журнальная статья о великомъ Генуэзцѣ была читана въ нашихъ собраніяхъ съ комментаріями и толкованіями и подавала поводъ къ самымъ жаркимъ спорамъ, потому-что каждый изъ насъ составилъ себѣ свое собственное понятіе о новомъ виртуозѣ. Прежде на насъ нельзя было напастись нотами, а теперь нерѣдко случалось, что мы и не принимались за музыку, потому-что цѣлые вечера проходили въ преніяхъ о нашемъ Итальянцѣ, которыя болѣею частью вращались около вопроса, прійдетъ ли онъ въ Ганноверъ, или нѣтъ. Каждая

съ жаромъ воспринятая и разбираемая идея, пока она не будетъ удовлетворительно разрѣшена яснымъ результатомъ или соответствующимъ ей дѣйствіемъ, порождаетъ въ душѣ болѣзненное раздраженіе, которое можетъ дойти даже до физическаго страданія. Такъ было почти со всеми членами нашего пріятельскаго круга. Лихорадочное состояніе овладѣло мною и Гаусманомъ. День и ночь задавали мы себѣ вопросъ: «прійдетъ ли онъ?» Мы должны его слышать, это было у насъ дѣло рѣшеное; и много баломшыхъ плановъ мы задумывали каждый день, и строили между собою для осуществленія своего желанія. Валерштейнъ впалъ въ глубокую меланхолію и оочинялъ безчисленное множество тонкихъ, унылыхъ пѣсень, въ которыхъ еще чаще обыкновеннаго нарушалъ законъ о неупотребленіи кодовъ напѣтанн. Доселѣ онъ питалъ въ душѣ отрадное убѣжденіе въ своемъ безусловномъ превосходствѣ передъ всеми скрипачами прошедшаго и настоящаго времени; и вдругъ долженъ онъ былъ сознаться, что другой выдѣлывалъ вещи, которыя онъ считалъ рѣшительно невозможными. Ему стоило, не востоящему, только взглянуть на свои влюбленныя романсы, испещренныя рядами квинтъ, чтобы убѣдиться, что въ этомъ, не крайней мѣрѣ, Итальянецъ не могъ вступить съ нимъ въ состязаніе; но онъ этимъ не довольствовался. Однажды пришелъ я къ нему, когда онъ лѣзъ изъ кожи вонъ, отъискивая на скрипкѣ новые флажолетные тоны. Увидѣвъ меня, онъ положилъ скрипку, отеръ потъ съ лица, и сказалъ мнѣ печально, но голосомъ, въ которомъ проглядывала профессорская важность и увѣренность, водившія за нимъ съ котораго времени:—Потѣрь мнѣ, любезный Данка, все рассказы о флажолетной гаммѣ — вздоръ. Говорю тебѣ, я самъ не знаю другихъ флажолетныхъ тоновъ, кромѣ оптим, детонъ квинтъ, епять октавъ, и наконецъ, кочетакъ, терцы, у самой подставки; послѣ этого ты можешь достаточно убѣдиться, что никакой виртуозъ въ свѣтѣ не можетъ отыскать въ больше. Что касается до шнццианато, это совсѣмъ другое дѣло, я давно уже умѣю это дѣлать; только не употребляю его, потому что нахожу, что оно вовсе не музыкально.

Счастливейшимъ изъ насъ всехъ былъ Гётце. Онъ былъ безпрестанно въ какомъ-то восторженномъ состояніи, глядя его

музыка и танцевально подмигивала, торжествующая улыбка прыгала по безчисленнымъ рябцамъ его лица. Онъ былъ убѣжденъ, что Итальянецъ открылъ потерянную, уже болѣе тысячи лѣтъ истинную теорїю древне-греческой музыки, и ему казалось очевъ просто и ясно, что человекъ, играющій по той же системѣ, какъ Орфей и Исмеїи, необходимо долженъ производить такое же дѣйствіе, какъ онъ. Онъ развивалъ свою мысль слѣдующимъ образомъ.

— Никому изъ насъ, говорилъ онъ, не придетъ въ голову ставить нашу новѣйшую музыку хотя издали парави съ древне-греческою. Сколько и какъ громко мы ни пой, ни цимъ на скрипц. какъ и ни дуемъ въ духовые инструменты, мы не въ состоянїи произвестъ то, что производили Греки, которые своими дивными звуками исцѣляли больныхъ, прогоняли чуму, водворяли войну и миръ, творили тысячу другихъ вещей, которыя намъ кажутся теперь баснословными и незаслуживающими никакой вѣры. Послѣ паденїя греческихъ государствъ, древнее искусство начало мало-по-малу утрачиваться, и наконецъ страшныя политическія бури, потрясавшія и преобразившія всю Европу, стерли до послѣднихъ слѣдовъ греческую музыку въ общественной жизни. Только при дворѣ императоровъ, въ Константинополѣ были мудрецы, тщательно хранившіе тайны искусства, чтобы воззвать ихъ снова къ жизни въ болѣе благопрїятное время. Въ тринадцатомъ вѣкѣ, когда Турки взяли Константинополь, большая часть этихъ греческихъ ученыхъ бѣжала въ Италію, гдѣ Медичи, Эсте и другіе владѣтельные дома встрѣчали ихъ съ распростертыми объятїями. Тутъ они начали мало-по-малу открывать свои сокровища и тайны древняго искусства, они обнародовали музыкальные трактаты Платона, Аристоксена, Птолемея и Аристотеля, такъ долго считавшіеся утраченными, и всѣ съ величайшимъ рвенїемъ принялись за возстановленіе древней греческой музыки. Но войны и безконечныя беспорядки снова обрушились на Италію и разрушили только-что начатый трудъ. Многія изъ дворянскихъ семей, принявшихъ греческихъ учителей, вымерли; другія бѣжали, скрывавъ свои сокровища въ погребахъ своихъ старинныхъ дворцовъ или въ другихъ мѣстахъ. — Слушайте теперь со вниманїемъ. — Извѣстно, что большая часть тюремъ въ Италіи устрое-

на на чердакахъ или въ погребахъ старинныхъ дворцовъ. Въ одну изъ такихъ тюремъ попался дивный скрипачъ, который приводитъ теперь въ изумленіе весь свѣтъ, когда его осудили за убіеніе своей возлюбленной. Желая прорыть себѣ путь къ бѣгству, онъ сталъ копать полъ своего подземелья, и наткнулся на закопанный глубоко въ землю сундукъ, наполненный старинными рукописями, которыя открыли ему главнѣйшія тайны греческой музыки. Къ счастью, ему дозволено было имѣть въ тюрьмѣ скрипку, и онъ тотчасъ принялся усвоивать себѣ практически открытія, которыя достались ему такимъ чудеснымъ образомъ. Когда наконецъ, послѣ многихъ лѣтъ заключенія, ему удалось бѣжать, онъ успѣлъ уже, неотступно слѣдуя правиламъ греческой музыки, достигъ того непостижимаго для насъ совершенства. Слѣдовательно генуэзскій скрипачъ возвращаетъ намъ утраченную, древне греческую музыку! Чтобы разсѣять послѣднее ваше сомнѣніе въ истинѣ этой догадки, я замѣчу вамъ, что Генуэзецъ такой же великій виртуозъ на гитарѣ, какъ и на скрипкѣ; и что такое гитара, какъ не лира Грековъ, переделанная на новый ладъ? — Понимаете? неправда ли? Скорѣе бы пріѣхалъ къ намъ этотъ новый Исменій! онъ вылечитъ меня отъ боли въ бокахъ, которая давно уже не даетъ мнѣ покою.

Такъ проводили мы время въ непрестанномъ тревожномъ ожиданіи. Наконецъ, однажды вечеромъ, когда мы опять собрались играть квартеты, явился Гётце въ необыкновенно веселомъ духѣ. Лице его было подернуто тусклымъ румянцемъ; острые концы маленькихъ усовъ, торчащихъ у него подъ носомъ, прихотливо топырились вверхъ лукавыми вопросительными знаками; тихая улыбка, которую мы привыкли видѣть на его устахъ, обратилась въ глухой, непрерывный смѣхъ. Мы начали квартетъ Моцарта; но не успѣли сыграть осьми тактовъ, какъ Гётце вдругъ ударилъ изо всѣхъ силъ на своей виолончели три пустыя квинты, и мы всѣ, пораженные происшедшимъ отъ того страшными диссонансами опустили инструменты. Онъ въ тоже мгновеніе вскочилъ, поднялъ смычокъ надъ головою и вскричалъ: — «Штъ, не могу выдержать, не могу играть! Вы видно еще не знаете, если можете свѣдѣть и пилить себѣ такъ спокойно! Такъ слушайте же! онъ ѣдетъ, — ѣдетъ! Паганини ѣдетъ! послѣ завтра онъ будетъ уже

здѣсь, и на слѣдующій же день дать свой первый концертъ! — И намъ виолончелюстъ принялся хохотать, и выдѣлывать по концертъ самые мудреные прыжки. Валлерштейнъ поблѣднѣлъ; а Гаусманъ и я почти готовы были дѣлать такія же дурачества, какъ Гётце. Стало быть мы услышимъ его, услышимъ этого чуднаго челоуѣка, Паганини! наше пламенное желаніе наконецъ осуществится! Но точно ли все правда, что говорилъ намъ Гётце? не было ли тутъ обману, ошибки? Конечно, не до того уже намъ было, чтобы продолжать начатый квартетъ; мы положили свои инструменты по мѣстамъ. Валлерштейнъ сказалъ, что онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ. — Пустяки, закричалъ Гётце, продолжая хохотать, послѣ завтра не будетъ болѣе больныхъ, Паганини насъ всѣхъ вылечитъ! — Несмотря однако же на это утѣшительное обѣщаніе, Валлерштейнъ вышелъ украдкою, съ глубокимъ вздохомъ. Мы, оставшіеся, то есть я и Гаусманъ, принялись успокоивать помѣшавшагося нашего виолончелюста, и заставили его еще разъ повторить важное извѣстіе во всей подробности. И дѣйствительно, все было такъ, какъ онъ намъ говорилъ прежде. Паганини ѣхалъ изъ Лейпцига прямо въ Ганноверъ, чтобы потомъ посѣтить Ганзейскіе города и оттуда отправиться, черезъ Голландію, во Францію.

На третій день послѣ того Паганини былъ уже въ Ганноверѣ.

Въ самый день его пріѣзда была назначена проба его концерта въ театрѣ. Я сгоралъ желаніемъ по-крайней-мѣрѣ видѣть славнаго артиста, какъ можно скорѣе; у меня былъ уже готовъ въ головѣ планъ для осуществленія своего желанія, и я посѣвшилъ привести его въ исполненіе. Корридоръ, въ которомъ находился входъ на сцену, не запирался, даже служилъ проходнымъ корридоромъ для публики, когда въ дворцѣ, къ которому принадлежалъ театръ, производилась нѣкоторыя постройки. Я сталъ въ этомъ корридорѣ и ждалъ появленія Паганини съ такою неусыпною бдительностью, какъ будто я стоялъ часовымъ на крайнемъ постѣ военнаго лагеря, и долженъ былъ ежеминутно ожидать нападенія врага. Тутъ я могъ быть увѣренъ, по-крайней мѣрѣ, что увижу великаго скрипача; при счастіи я могъ даже надѣяться незамѣтно отъ всѣхъ пробраться на сцену и присутствовать на пробѣ.

Долго долженъ былъ я ждать. Я уже начиналъ болѣть, что проба отложена, или даже совсѣмъ отменена, какъ вдругъ у наружнаго входа въ корридоръ, гдѣ собралось довольно много людей, очевидно съ тою же цѣлю, какъ и я, началось движеніе и шумъ. Тогда въ ту же минуту разступилась, и посреди ея оказались три человѣка. По сторонамъ шли директоръ и канцелярская стеръ, оба съ непокрытыми головами; между ними шелъ молодой, первическою поступью Паганини, великій артистъ, котораго всѣ ждали такъ давно и съ такимъ трепетомъ въ сердцахъ. Кудряво забилось мое сердце, какъ будто хотѣло высочотить изъ груди; всѣ силы души сосредоточились въ глазахъ и съ жадностью вливались въ образъ человѣка, который столько времени уже былъ единственнымъ предметомъ всѣхъ моихъ мыслей.

Паганини было тогда сорокъ - пять лѣтъ. Онъ былъ тогда средняго росту, но въ темномъ бешетѣ, застегнутомъ доверху и опускавшемся до самой ступни, казался нѣсколько больше. Его руки, на которыхъ онъ обыкновенно не носилъ перчатокъ, и особенно его ноги, были огромны. Все его тѣло было необычайной худобы; кости на локтяхъ, на плечахъ и на лопаткахъ выдвигались острыми углами въ гладко натянутомъ платьѣ. Голову онъ, какъ большая часть скрипачей, наклонялъ нѣсколько впередъ, — но что за голова! Такой головы я никогда не видывал ни прежде, ни послѣ. Необыкновенно высокій и величественный лобъ получалъ какую-то особенную странную печать отъ глубокой впадины посерединѣ, образованной выпуклостями надъ глазами. Скулы, подбородокъ и носъ выступали острыми углами; щеки напротивъ образовали двѣ огромныя впадины. Кожа его глянцевитая какъ пергаментъ, была темножелтаго цвѣта, почти съ зелеными отцвѣтами. Лоснящіеся, черные какъ смоль, волосы, начинавшіеся очень высоко надъ лбомъ, отчего лобъ казался еще огромнѣе, ниспадали беспорядочными кудрями на плечи и на спину. Среди всѣхъ этихъ странныхъ выпуклостей и впадинъ, отъ которыхъ лице казалось пожелтѣвшимъ отъ старости пергаментомъ съ древними, руиническими письменами, сверкали большіе, черные глаза, такимъ прожигающимъ блескомъ, что меня обняла какой-то непонятный страхъ; мнѣ казалось, будто предъ мною предстало живьемъ одно изъ тѣхъ таинственныхъ, злобныхъ су-

места, которые играют такую важную роль въ рассказахъ Гофманна. Самая даже улыбка, медькавшая къ это мгновение на лицѣ Итальянца, только усиливала это тягостное впечатлѣніе; и если я до тѣхъ поръ смѣлся надъ страшными, адскими звуками, которые сопровождали повсюду появленіе Паганини, то тутъ я долженъ былъ сознаться по крайней мѣрѣ въ томъ, что невозможно было придумать наружности, болѣе соответствующую этимъ звукамъ.

И такъ наружность Паганини произвела на меня совершенно особенное, невыразимое впечатлѣніе. Если удивленіе, которое еще прежде внушала мнѣ великій, гениальный артистъ, влекло меня къ нему, и душа моя рвалась съ восторгомъ приветствовать его, то съ другой стороны страшная наружность его наполдала меня какими то необыкновенными, непонятными чувствами страха и таинственнаго ужаса, которое сблизало меня съ толку, и подавало къ сердцѣ порывы энтузіазма.

Не успѣвъ я еще опомниться, какъ Паганини съ сопровождавшими его директоромъ и вацельмейстеромъ прошелъ уже на сцену, и дверь затворилась за ними. Надежда моя присутствовать на пробѣ была такимъ образомъ разрушена. Я долженъ былъ серьезно подумать о томъ, какъ бы достать билетъ въ концертъ. Это было дѣло очень нелегкое, и мнѣ не малаго труда стоило добиться билета въ послѣднія галереи, то есть, попросту, въ раекъ. На слѣдующій вечеръ, за нѣсколько часовъ до начала концерта, я былъ уже въ театрѣ; но множество народу предупредило меня, и раекъ былъ такъ набитъ, что мнѣ рѣшительно невозможно было протереться въ первый рядъ, откуда я могъ бы видѣть сцену. Какъ населеніе райка толкалось и тѣснилось въ беспорядкѣ, безъ всякаго уваженія къ сосѣдямъ, то мнѣ оставалось на выборъ или стремглавъ броситься въ тѣсную толпу и, не взирая на толчки и брань, пробить себѣ путь въ первый рядъ силою локтей, или смирно сидѣть, ничего не видя, кромѣ волнующагося моря головъ и, вдали, послѣднихъ лампъ люстры. Я избралъ послѣднее, разсудивъ, что слабъ мнѣ и удалось завоевать одно изъ лучшихъ мѣстъ, тѣснота и жаръ отъ напирющей на меня массы людей, жеваніе и шптъ, которыми она сокращаетъ время, особенно же разговоры, которые я бы принужденъ былъ слышать, — все это, въ настоящемъ

моемъ состояніи тревожнаго ожиданія, было бы для меня невыносимо. Напротивъ того, мѣсто, на которое я попалъ, позади въ углубленіи окна близъ лѣстницы, было чрезвычайно благопріятно моему настроенію духа. Это было въ тихій, свѣтлый осенній вечеръ; глубоко подо мною, красноватый струя Лейны, омывая основанія театра, проносилась мимо, разбивалась бѣлою пѣною о мельницы, по противоположному берегу и потомъ терлась прямо подъ аркою моста. За низкими кровлями мельницъ видѣлась Ватерлооская площадь, испещренная красными мундирами солдатъ, собравшихся на ней для ученія. Въ глубинѣ на площади стояла высокая Ватерлооская колонна, съ парящею на ней богинею побѣды; въ сторонѣ, небольшая часовня, съ прекрасною мраморною статуею, напоминала о великомъ философѣ Лейбницѣ, который такъ справедливо гордится Ганноверъ. Прихотливыя линіи отдаленныхъ горъ, облитыя синеватымъ полусвѣтомъ наступающаго вечера, обрамляли прекрасную картину, въ созерцаніе которой я погрузился до такой степени, что совершенно забылъ шумное кашляніе толпы, и пробудился изъ своихъ мечтаній не прежде, какъ при первыхъ звукахъ увертюры.

Увертюры и слѣдовавшихъ за нею вокальныхъ номеровъ почти невозможно было слышать; говоръ и волненіе слушателей заглушали музыку. Но потомъ вдругъ водворилась во всея театръ мертвая тишина; она показала мнѣ, что наконецъ наступило великое мгновеніе, котораго я такъ пламенно ждалъ, — что Паганини наконецъ вышелъ на помость. Нынѣшній обычай, встрѣчать появляющагося артиста громкими рукоплесканіями, былъ еще неизвѣстенъ; публика хотѣла сначала слышать, а потомъ уже судила и одобряла. Среди этой торжественной, невозмутимой тишины, даже на моемъ неудобномъ, далекомъ мѣстѣ, можно было отлочно слѣдить за каждою нотою тихаго, таинственнаго тунта, которымъ начинался концертъ. Паганини долженъ былъ играть свой концертъ *es-dur*. Самое уже вступленіе, рѣзко отступавшее отъ общепринятыхъ до того времени формъ, глубоко обдуманное и инструментованное по совершенно новымъ, оригинальнымъ, неслыханнымъ дотолѣ приемамъ, поразили всѣхъ слушателей изумленіемъ, и приготовили ихъ къ еще болѣе изумительнымъ вещамъ впереди; когда же, послѣ короткой паузы, началось соло въ са-

ныхъ высокихъ, рѣзкихъ регистрахъ скрипки, и съ такою необычайною, почти провзительною силою — о, тутъ меня обдало холодомъ, и.... но я убѣжденъ, что читатели охотно уволятъ меня отъ описанія того, что я въ то время чувствовалъ, потому что описаніе только утомить ихъ, а не будетъ въ состояніи дать я малѣйшее понятіе объ ощущеніяхъ, которыя овладѣли мною, когда я услышалъ въ первый разъ величайшаго изъ артистовъ, когда-либо являвшихся на землѣ. Скажу только, что кромѣ концерта es-dur, Паганини исполнилъ въ этотъ вечеръ молитву изъ «Моисея» Россини, на баску, и вариацин на итальянскую народную пѣсню «O mamma, сага mamma», и что я возвратился изъ концерта домой въ такомъ состояніи, котораго не выразить никакими словами; до поздней ночи спѣлъ я за фортепіано и съ восторгомъ припоминалъ несказанное наслажденіе, которое имѣлъ счастье вкусить въ этотъ вечеръ.

II.

Повѣдка съ Паганини.

На слѣдующій день, рано утромъ, пришелъ ко мнѣ разсылный оркестра и сказалъ, что я долженъ явиться вечеромъ на придворный концертъ въ *Man brillant*, прелестный загородный дворецъ герцога Кембриджскаго, окруженный восхитительнымъ паркомъ.

— Сегодня концертъ при дворѣ! вскричалъ я въ изумленіи чтожъ будутъ играть?

— Мы будемъ играть квартетъ съ Паганини, отвѣчалъ разсылный, который привыкъ совершенно сливать свою личность съ театромъ и со всѣмъ принадлежавшимъ къ нему.

— Квартетъ съ Паганини! вотъ будетъ чудесно! по мнѣ что тамъ дѣлать?

— Не могу знать. Только господинъ директоръ записалъ васъ съ другими; вотъ извольте сами видѣть повѣстку, которую онъ отдалъ мнѣ вчера вечеромъ, въ концертѣ. Васъ, вѣроятно, заставятъ играть соло, — или что тамъ будетъ угодно. А между тѣмъ, къ слову о концертѣ, какъ показался вамъ Паганини? Господинъ Николъ говоритъ, что это величайшій изъ скрипачей, какого мы

здѣсь еще никогда не слыхивали, а господицѣ Валлерштейнѣ утѣрять, что смычекъ его ужасно скрипитъ, и что это происходитъ оттого, что итальянская канцѣоль никуда не годится.

— Я раздѣляю вполне мнѣніе господина Никола.

— Конечно; оно ни сколько и не удивительно, что онъ такъ хорошо играетъ. Вѣдь вамъ извѣстно, что онъ бѣжалъ изъ какого-то подземелья, гдѣ содержался въ заключеніи, и что онъ десять лѣтъ скрывался отъ повсѣковъ полиціи гдѣ-то на чердакѣ, не могъ выходить изъ своей каморки ни днемъ ни ночью, и только и зналъ, что играть на скрипкѣ. — Однако же пора мнѣ отправляться; у насъ нынче утромъ проба. Смотрите же, не опоздайте къ концерту; онъ начнется ровно въ семь часовъ.

Мысль, что мнѣ придется играть соло въ присутствіи Паганини, встревожила меня на цѣлый день, и не безъ тайнаго страха явился я въ назначенное время въ *Mon brillant*. Однако же, какъ скоро я вступилъ въ небольшую концертную залу, тотчасъ убѣдился, что отъ меня не потребуется никакого соло, потому что въ залѣ даже не было приготовлено концертнаго рояля, а было только маленькое фортепиано, служащее для акомпанированія пѣнію. Кромѣ меня собралось четыре музыканта, изъ чего очевидно было, что предполагалось исполнить квартеты и квинтеты. Однакоже, какъ не было назначено пѣнія, то я рѣшительно не могъ подать, какому счастливому случаю я былъ обязанъ своимъ приглашеніемъ.

Паганини въ этотъ день обѣдалъ у герцога и явился съ цѣнъ вмѣстѣ въ концертную залу, въ сопровожденіи очень небольшого придворнаго штата. Слуги тотчасъ поставили квартетный шпиръ, разложилъ на немъ квартетъ Гайдна и самъ герцогъ сѣлъ за первую скрипку. Паганини былъ только слушателемъ.

Герцогъ Кембриджскій былъ хорошій скрипачъ, даже очень замѣчательный для такой высокой особы. Онъ хорошо владѣлъ всѣми трудностями своего инструмента, и былъ одаренъ тонкимъ, образованнымъ вкусомъ. Квартеты Моцарта и Гайдна онъ игралъ превосходно; Бетховенскіе были для него немножко трудны. Въ такихъ случаяхъ, когда онъ не могъ справиться съ труднымъ мѣстомъ, онъ начиналъ горячиться, и черезъ чуръ ускорялъ темпо; также сдвигалъ скрипку съ надлежащаго мѣста и

долженъ былъ безпрестанно придерживаться еѣ подбородкомъ, что значитѣльно вредило чистотѣ интонаціи. Любовь его къ музыкѣ была искренна, глубока, и, при его знаніи искусства и искусства, должна была имѣть благотворное вліяніе на обнаружившихъ его. Ему было искусство преимущественно обязано тѣмъ цѣлующимъ состояніемъ, въ которомъ я упоминалъ выше. Поэтому всѣ музыканты почитали его какъ отца, между-тѣмъ какъ весь народъ обожалъ его за другія прекрасныя свойства его души. Онъ скончался въ вышѣшемъ году, въ Лондонѣ, гдѣ также постоянно и всеми своими силами старался объ успѣхахъ искусства.

Если герцогъ такъ смѣло садился за первую скрипку при Паганини, на что не рѣшился бы ни одинъ музыкантъ по знанію, то это было вовсе не изъ тщеславія, а только изъ похвального чувства деликатности, которое вдвойнѣ заслуживаетъ признательности въ такой высокой особѣ. Паганини изъявилъ желаніе играть тольکو передъ небольшимъ числомъ слушателей, и потому назначенъ былъ квартетъ. Вѣнскій другой скрипачъ неохотно взялъ бы первую скрипку при такомъ страшномъ соперникѣ, а какъ велика было ожидать, чтобы Паганини игралъ весь вечеръ, то герцогъ рѣшился на это самопожертвованіе. Онъ съ улыбочкою обратился къ великому артисту, котораго онъ принимая съ величайшими почестями, какъ знатнаго гостя, извинился въ томъ, что, можетъ-быть, у него кой-гдѣ проскочитъ ошибка, и за тѣмъ взялъ скрипку и игралъ не только въ квартетѣ, но и въ сѣдѣвшемъ за нимъ квинтетѣ Оаслова.

Затѣмъ мажоронецъ Паганини открылъ ящикъ, но вынулъ изъ него не скрипку, а гитару. Музыкантамъ роздали квартетъ, сочиненій самого Паганини, для скрипки, альты, гитары и віолончели, и величайшій изъ скрипачей явился такимъ же великимъ гитаристомъ. Гитара, этотъ презрѣнный инструментъ, который почти всѣ считали способнымъ только къ безцвѣтному блестянію, безъ энергіи и безъ инѣи, и годнымъ только, за неимѣніемъ чего лучшаго, къ аккомпанированію самыхъ простыхъ пѣсень, въ рукахъ Паганини получала такую силу и такую полноту звуковъ, что, казалось, будто онъ игралъ на арфѣ или на фортепіано. Аккорды слышались за аккордами, сильныя и звучныя, безъ малѣй-

шаго дребезжанія или тренія струнъ; мелодіи явились, то протымъ, полнымъ выраженіемъ напѣвомъ, которому прочіе инструменты служили акомпаниментомъ, то перешлетенныя огромными арпеджіями и пассажами, изредки которыхъ онъ рѣзко выступалъ въ оригинальномъ колоритѣ, совершенно отличномъ отъ фигуръ, въ которыя они были облечены. Съ удивительною легкостью исполнялъ Паганини, на бѣдной, жалкой гитарѣ, трудности, надъ которыми задумались бы лучшіе арписты и пианисты нашего времени; даже триллеры, которые, казалось бы, должны быть совершенно невозможны на инструментѣ, на которомъ все играетъ пиццикато, и «лажолетные» звуки въ его дивной игрѣ были также совершенны, также изумительно прекрасны, какъ и все остальное.

И такъ, Паганини не только былъ такимъ же великимъ виртуозомъ на гитарѣ, какъ и на скрипкѣ, но онъ же первый открылъ, на этомъ всѣми презираемомъ инструментѣ, своими мелодіями, выступающими изъ цѣлаго лабиринта перешлетенныхъ пассажей, путь, на которомъ, впоследствии, образовалась новѣйшая фортепианная игра.

Нѣсколько лѣтъ спустя, я слышалъ другаго, весьма замѣчательнаго гитариста, Карла Штолле, изъ Вѣны, который объѣзжалъ всю Германію и повсюду возбуждалъ необыкновенный восторгъ. Однако же онъ былъ только слабый подражатель Паганини, и если восхищенная публика дала ему гордое названіе *Паганини гитары*, то онъ этимъ обязанъ только тому, что самъ Паганини никогда не игралъ на гитарѣ въ публичныхъ концертахъ. Впрочемъ, даже въ рукахъ гениальнаго виртуоза, плавная игра на гитарѣ невозможна, и слѣдовательно она неспособна къ истинно музыкальной обработкѣ; этимъ достаточно оправдывается пренебреженіе, въ которомъ оставляется этотъ инструментъ.

Когда Паганини окончилъ свою дивную игру и восторгъ герцога и прочихъ слушателей нѣсколько успокоился, на пиюитрѣ была положена тетрадь Моцартовыхъ квартетовъ. Великій артистъ уложилъ гитару въ ящикъ, и взялъ свое главное оружіе, скрипку, чтобы сыграть первый изъ шести дивныхъ квартетовъ, которыми Моцартъ воздалъ безсмертную дань удивленія своему образцу и учителю, Іосифу Гайдну.

Моцартъ и Паганини! Самый высокій классицизмъ, въ чистыхъ и спокойныхъ формахъ возбуждающій самыя глубокія чувства души, и самый бурный романтизмъ, привыкшіи видѣть въ гармоніи, въ ритмѣ, въ виртуозности одно средство къ самымъ страстнымъ, иногда демонскимъ потрясеніямъ! Не должно ли было бояться? не долженъ ли былъ одинъ изъ двухъ быть принесенъ въ жертву другому? Моцартъ или Паганини?

Дѣйствительно, сляніе тутъ было невозможно. Паганини, который всякое другое произведеніе, даже Бетховенское, умѣлъ бы вносить въ волшебный кругъ своей индивидуальности, долженъ былъ подчиниться Моцарту. Чистое пламя этого генія не пропускало въ себя ни одного атома чуждаго элемента. И такъ, мы слышали это дневное, такъ обаятельно свѣтлое произведеніе, которое даже строгую, суровую фугу оживило тихой радостью, вселеннымъ съ высокимъ, однако же вовсе не недоступнымъ совершенствомъ. И тогда уже мнѣ приходило на умъ замѣчаніе, которое впоследствии подтверждалось каждый разъ, какъ я слышалъ въ квартетѣ какаго либо великаго скрипача. По большей части, виртуозъ, который держитъ первую скрипку, старается первенствовать, выступать впередъ, нарушая тѣмъ основной элементъ квартета, единство. Этотъ недостатокъ часто происходитъ отъ самаго играющаго первую скрипку, когда онъ увлекается своимъ артистическимъ тщеславіемъ, и хочетъ даже тутъ некстати пощеголять эффектами, или когда онъ не видитъ въ то, что квартетъ требуетъ игры, совершенно отличной отъ концертной. Чаще же гораздо недостатокъ этотъ происходитъ отъ участвующихъ въ квартетѣ, которые чувствуютъ во сколько они, по таланту, ниже великаго виртуоза и не могутъ вознестись до сознанія, что въ квартетѣ они имѣютъ совершенно равныя права. Поэтому они играютъ робко, стараются умѣрить тонъ, будто боясь быть выѣченными, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они должны бы выступать съ самостоятельностью и во всей силѣ; такимъ-образомъ они даютъ первой скрипкѣ преобладаніе, перевѣсъ, вовсе тутъ не у мѣста и разрушаетъ настоящее дѣйствіе, которое имѣлъ въ виду композиторъ. Въ этомъ отношеніи предпочтительнѣе квартету такъ называемый соло-квартетъ, не смотря на все, что можно возражать противъ этого кокетливаго, незаконнаго дитяти не-

куства, которого направление такъ же неправильно и безцельно, какъ и названіе.

И такъ мы слышали Моцарта, а не Паганини. Онъ самъ очень хорошо чувствовалъ, какъ мало дѣйстви онъ произвелъ, и ходилъ взадъ и впередъ, съ досадою единувъ свои черныя какъ смоль брови. Герцога повросилъ его сыграть соло.

— У меня нѣтъ въ себѣ нота, сказалъ Паганини довольно грубо.

— Это ничего не значить, возразилъ герцогъ добродушно; вы отличаетесь передъ всеми другими виртуозами, между прочимъ, и тѣмъ, что даже въ концертахъ играете безъ нота. Вы первые, сколько мнѣ извѣстно, выгнали изъ концертной залы отаративельный, прозаическій инструментъ.

— Хорошо, я буду играть. Но найдется ли здѣсь кто, кто могъ бы аккомпанировать мнѣ безъ нота? сказалъ Паганини, съ странною, лукавою улыбкою.

— Я поставлю за фортепиано молодого человека, котораго вы навѣрно отстанете довольны.

Этотъ молодой человекъ былъ я. Тутъ только понялъ я, зачѣмъ былъ приглашенъ въ концертъ, и сѣлъ за фортепиано.

— Были вы въ моемъ вчерашнемъ концертѣ? спросилъ меня Паганини.

— Былъ.

— Ну, такъ вы знаете мои венедикскіи вариации. Ихъ-то я буду играть. Вамъ слѣдуетъ только брать аккорды а-дуг и е-дуг, разбивая каждый на три обмышки. Только строго слѣдите за моею игрою, чтобы держаться въ тактѣ.

Но смотря на то, что аккомпаниментъ былъ чрезвычайно простъ, состоялъ только изъ двухъ попеременно сдѣлывавшихся аккордовъ, однако же задача была не легкая слѣдить за саринкою во всѣхъ ея пестрыхъ и ужасно перелетенныхъ насажахъ и не сбѣгаться съ толпою въ ритмахъ, иногда до того измѣняемыхъ, что ихъ почти невозможно было узнать. Трудности эти были еще увеличены волнениемъ, которое должна была произвести во мнѣ одна мысль аккомпанировать Паганини. Однако же, дѣло сошло съ рукъ какъ нельзя лучше; такъ счастливо даже, что въ концѣ, гдѣ встрѣтились нѣкоторыя модуляціи, къ которымъ я не былъ приготовленъ,

я все-таки успѣлъ взять надлежащіе аккорды. Паганини, не переставая играть, громко закричалъ мнѣ bravo.

Всякій легко представить въ какой радости, съ какими торжествомъ я возвратился домой. Самый блестящій успѣхъ передъ многочисленною публикою не могъ бы наполнить меня такою гордостью, какъ это одно *bravo* изъ устъ Паганини.

Но мнѣ предстояла еще другая, несравненно бѣльшая честь.

На слѣдующій день, послѣ концерта при дворѣ, пришелъ ко мнѣ мой пріятель Германъ Гаррисъ, принадлежавшій къ моему музыкальному кружку въ качествѣ пѣвца романсовъ и поэта. Отецъ его былъ редакторомъ «Тромбона», музыкальнаго журнала, не очень страшнаго, но нѣмашаго довольно большой кругъ читателей; названіе свое получилъ этотъ журналъ не потому, чтобы онъ въ особенности былъ посвященъ интересамъ сомнительнаго ему инструмента, а по той простой причинѣ, что онъ поставилъ себѣ задачей какъ можно громче трубить на весь околодокъ всѣ новости, какого бы роду онѣ ни были. Само собою разумѣется, что редакторъ такого журнала былъ самымъ короткимъ другомъ и совѣтникомъ всѣхъ артистовъ, пріѣзжавшихъ въ Ганноверъ, если только они подписывались на «Тромбонъ» или другимъ какимъ образомъ старались снискать его благорасположеніе.

Германъ зашелъ ко мнѣ и сказалъ, съ приличною важностію, что отецъ его не могъ отказать просьбамъ своего почтеннаго и добраго друга, Паганини, и согласился сопровождать его до Бремена, чтобы помогать ему въ концертахъ, которые онъ долженъ дать въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ на пути, служа ему секретаремъ, касиромъ, и прочая.

— Паганини, продолжалъ Германъ, хочетъ совершить эту поездку какъ можно скорѣе, потому что второй концертъ задержитъ его здѣсь долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. По этому, а также и по тому, что боятся плохихъ оркестровъ въ небольшихъ городахъ, онъ рѣшился взять съ собою отсюда пианиста, который бы сопровождалъ его въ концертахъ. Отецъ, уговариваясь съ нимъ нынче утромъ, предложилъ ему взять тебя, и Паганини съ радостью принялъ предложеніе, потому что ты ему очень угодилъ вчерашнимъ своимъ аккомпаниментомъ. Если ты можешь отлучиться отсюда на недѣлю или на двѣ, и если пред-

ложеніе тебѣ по душѣ, то отецъ немедленно представитъ тебя Паганини, чтобы ты могъ узнать дальнѣйшія подробности отъ него самого.

Я съ восхищеніемъ принялъ предложеніе, и въ тотъ же день редакторъ «Тромбона» повелъ меня къ Паганини. Артистъ принялъ меня чрезвычайно ласково, и тотчасъ объяснилъ мнѣ свои намѣренія. Немедленно послѣ его втораго концерта должны мы были выѣхать изъ ГанOVERA; Гаррисъ долженъ былъ ѣхать впередъ, чтобы все приготовить. Нигдѣ не слѣдовало оставаться болѣе самаго необходимаго времени для концерта, и давъ концертъ тотчасъ отправляться далѣе. Такимъ-образомъ должны мы были объѣхать Ниебургъ, Ферденъ, Оснабрикъ и нѣкоторые другіе города, и разлучиться въ Бременѣ. Маршрутъ нашъ былъ такъ рассчитанъ, чтобы ни одного дня не проходило безъ концерта.

— Остается еще рѣшить одно важное обстоятельство, продолжалъ Паганини; у меня имѣется только два или три изъ моихъ сочиненій въ арранжировкѣ для фортепiano; поэтому вамъ придется арранжировать другія самимъ, и какъ можно поспѣшнѣе.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я; дайте мнѣ свои партитуры и я тотчасъ примусь за дѣло.

— Нѣтъ, молодой человѣкъ, я никогда не отпускаю своихъ партитуръ съ своихъ глазъ. Уже въ концертахъ нѣкоторые предатели музыканты, подкупленные лейпцигскими издателями, записали украдкою нѣкоторыя изъ моихъ сочиненій со слуха, потомъ наполнили ихъ по своему и съ безпримѣрною наглостью издали подъ моимъ именемъ. Ну я скоро положу конецъ этому грабежу. Погодите, вы, собаки! довольно долго позволялъ я вамъ обкрадывать себя! какъ ни виляйте хвостами, а какъ примусь я стегать васъ арапникомъ, такъ вы у меня полетите, какъ мякина отъ вѣтру.

И Паганини принялся гнѣвно расхаживать по комнатѣ; глаза его пылали, губы были полурастворены и между нихъ видѣлись два ряда острыхъ, ослѣпительной бѣлизны зубовъ; онъ былъ истинно страшенъ въ эту минуту бѣшенства; попался ему тутъ подъ руку кто-нибудь изъ тѣхъ, кого онъ считалъ своими врагами, плохо пришлось бы ему.

Мало-по-малу онъ успокоился. Взоръ его случайно упалъ на

малолѣтнаго сына, Ахилла, котораго онъ нѣжно любилъ, и котораго въ это время забилъ въ уголъ, боясь гнѣва отца. При этомъ видѣ послѣдніе слѣды ярости мгновенно исчезли съ его лица; онъ взялъ ребенка, посадилъ его себѣ на колѣна и осыпалъ самыми нѣжными ласками. Потомъ онъ опять обратился ко мнѣ и сказалъ: — Вы сами согласитесь, что послѣ всего этого я никому не могу отдать въ руки своихъ партитуръ, хотя бы только на одинъ часъ, на одну минуту. Но вы можете сдѣлать аранжировки для фортепіано здѣсь, на моихъ глазахъ. Приходите ко мнѣ каждое утро, и мы будемъ работать вмѣстѣ; я же вѣдь долженъ еще дать вамъ кой-какія наставленія на счетъ аккомпанированія.

Затѣмъ оставалось условиться о слѣдовавшемъ мнѣ вознагражденіи. Оно было очень незначительно, и вовсе несоразмѣрно огромнымъ сборамъ, которые Паганини повсюду получалъ отъ своихъ концертовъ. Но что мнѣ было въ этихъ деньгахъ! Конечно, я не могъ предпринять такой поѣздки на свой счетъ; какъ скоро же Паганини принималъ на себя путевыя издержки, я съ радостью готовъ былъ слѣдовать за нимъ все время, пока онъ былъ согласенъ имѣть меня при себѣ.

На слѣдующее утро, я отправился опять къ Паганини, чтобы приняться за возложенную на меня работу. Онъ далъ мнѣ сначала партитуру концерта Es-dur, который я слышалъ уже въ его первомъ концертѣ. Она была писана вся собственною его рукою довольно четко, и безъ большихъ поमारокъ; но какъ изумился я, когда началъ искать главнаго голоса, и вмѣсто него нашелъ только мѣстами, какіе то причудливые, непонятные іероглифы! Самой важной части сочиненія, его ядра, заключающаго мотивъ, мелодію, пассажи, однимъ словомъ, что собственно составляетъ сочиненіе, въ ней не было; Паганини ея не писалъ, и я могъ разсудить, что онъ, вѣроятно, поступалъ точно такъ-же и съ прочими своими произведеніями. Такая мнительность, такая боязнь показала мнѣ преувеличеніемъ. И дѣйствительно, кому и къ чему могла годиться такая партитура, безъ главнаго голоса? Одинъ главный голосъ, безъ этой партитуры, былъ во сто тысячъ разъ важнѣе и полезнѣе. Но его-то и недоставало, а конечно никакой музыкантъ, даже одаренный самымъ тонкимъ слухомъ и самою

счастливою памятью, не будь въ состояніи насладиться съ одоро слуха, хоть бы только приблизительно, такой необыкновенный и такой сложный первый голосъ, какъ въ концертныхъ сочиненіяхъ Паганини.

Однако-же я скоро мнѣ случай убѣдиться, что я ошибаюсь, и что Паганини не совсѣмъ безъ основанія боялся грабителей.

Я уже нѣсколько дней занимался у Паганини, и кромѣ концерта Es-dur аранжировалъ уже молитву Моисея и рондо «Колодчика», когда ко мнѣ явился совершенно незнакомый чужецъ, рекомендовался сначала любителемъ музыки, желавшимъ познакомиться со мною, но вскорѣ затѣмъ обнаружилъ совсѣмъ иные виды.

— Я страстный почитатель Паганини, сказалъ онъ. Съ-тѣ-поръ, какъ я слышалъ въ первый разъ, въ Вѣнѣ, этого дивнаго виртуоза, я повсюду ѣзжу за нимъ, и не пропускаю ни одного его концерта. Жаль мнѣ только одного, что Паганини до-сих-поръ не издалъ еще ни одного изъ своихъ сочиненій, и, какъ слышно, не намѣренъ ихъ издавать. Какъ я самъ играю немножко на скрипкѣ, то счелъ бы за величайшее счастье приобрести хоть что-нибудь изъ его гениальныхъ произведеній. Если я и не въ состояніи ихъ исполнять, то все-таки я могъ бы надъ нимъ припоминать то несравненное наслажденіе, которое они доставили мнѣ, когда я слышалъ самого Паганини. Я охотно далъ бы тому, кто возьмется доставить мнѣ нѣкоторыя изъ его сочиненій, все, что онъ только отъ меня потребуеть.

Я очень хорошо понималъ, куда мѣтилъ мой незнакомый любитель музыки; но показалъ видъ, будто ничего не подозревалъ.

— Кстати, продолжалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, съ самою вкрадчивою любезностью, я слышалъ, что вы должны жить съ Паганини, и по этому случаю находитесь съ нимъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ. Стало быть, вы необходимо должны часто имѣть въ рукахъ его рукописи и легко могли бы списать для меня два, три его сочиненія. Если бъ вы согласились оказать мнѣ эту услугу, вы приобрѣли бы право на вѣчную, безграничную мою благодарность.

— Нѣтъ, милостивый государь, прервалъ я, этого не сдѣлаю и не могу сдѣлать. Я вовсе не желаю отплатить Паганини за его

нѣрѣе предательствовати; да если бы и закотѣлъ Паганини при-
цѣл свой нѣръ на такой случай; онъ никогда не вынетъ пер-
лаго голоса, а только партитуру оркестрового аккомпанимента.

— Это, конечно, очень прискорбно, предлагалъ незнакомецъ.
Впрочемъ, — буду говорить съ вами откровенно, — нѣтъ уже въ
Вѣнѣ и въ Лейпцигѣ хорошіе музыканты нависали еѵ слуха пер-
вого голоса яѣсколькихъ сочиненій Паганини. Конечно, такнжъ
нужно трудно получить совершенно безошибочные списки, од-
нако же я могу похвалиться, что мои списки теперь вѣрны, по-
тому что, бывая въ каждомъ концертѣ Паганини, я имѣлъ доста-
точно случаевъ повѣрить ихъ и попоминать. Но мнѣ недостаетъ
аккомпанимента. И такъ, если бы вы могли доставить мнѣ только
аккомпаниментъ, — разумѣется, тѣхъ пьесъ, которыхъ я имѣю
первое голоса, — я довольствовался бы и этимъ.

Выпроводивъ своего искusstеля короткимъ, рѣшительнымъ
нѣтъ, я поспѣшилъ тотчасъ къ Паганини и разсказалъ ему обо-
всемъ случившемся. Онъ разразился ужаснымъ гнѣвомъ.

— Повѣрите мнѣ, вскричалъ онъ, это вовсе не любитель му-
зыки, а просто человекъ, подосланный лейпцигскими издателями!
О, я знаю этихъ змѣй! Они слѣдуютъ за мною по пятамъ и ста-
раются хитростью и обманомъ добыть то, въ чемъ видятъ
весомѣнную выгоду! — И онъ гремѣлъ проклятіями на издате-
лей, любителей, артистовъ; не пощадилъ даже меня и осывалъ
меня упреками за то, что я не постарался притворнымъ согла-
сіемъ выманить у незнакомецъ списки, уже добытые имъ, чтобы
уничтожить ихъ.

— Богъ далъ человеку гений, продолжалъ онъ; — онъ убилъ
пошловину своей жизни на ученіе, на образованіе себя; наконецъ,
тяжелыми трудами и непоколебимымъ терпѣніемъ онъ добился
того, что можетъ создать нѣчто замѣчательное, нѣчто великое,
и надѣется, что вотъ онъ будетъ вознагражденъ за свои много-
лѣтніе усилія! А вмѣсто того, онъ видитъ, что его со всѣми
сторонами обираютъ, грабятъ, и награда, слѣдовавшая ему за его
труды переходитъ въ руки подобныхъ мошенниковъ, которыхъ
весь умъ, весь талантъ заключается въ томъ, что они умѣютъ
пользоваться благоприятнымъ случаемъ для воровства и обману!
Въ Италіи, во Франціи, есть по крайней мѣрѣ хоть тѣмъ право

собственности для композиторовъ; въ Германіи же, въ этомъ отношеніи, доньягъ держится кулачное право. Моцартъ, напирма, великій Моцартъ, своими безсмертными твореніями обогащалъ и долго, долго еще будетъ обогащать безчисленное множество издателей; а самъ онъ какую получилъ награду? Когда онъ умеръ, у него было всего на-все сорокъ восемь крейцеровъ! У творца «Донъ-Жуана» и «Волшебной флейты» всего сорока восемь крейцеровъ! А между-тѣмъ Шиканедеры и прочіе мошенники, воровавшіе его сочиненія, нажили себѣ ими домъ, помѣстья, несчѣтныя богатства! — Я не Моцартъ, — но тѣмъ болѣе долженъ стараться извлечь пользу для себя самаго, изъ того, чѣмъ меня создалъ Богъ и изъ дарованія, которе онъ далъ мнѣ.

Тогда было еще, конечно, очень плохое время для композиторовъ. Издатели безпрестанно похищали у нихъ сочиненія и издавали ихъ, и никакого суда не было на воровъ. Впрочемъ и самимъ издателямъ было оттого не много лучше. Какъ скоро одинъ изъ нихъ издавалъ сочиненіе, имѣвшее успѣхъ, его соперники тотчасъ перепечатывали его, и почти весь свой барышъ онъ долженъ былъ получить съ того числа экземпляровъ, какой онъ могъ сбыть на мѣстѣ своего жительства. Очень естественно, что при такомъ положеніи вещей, почти никогда рѣчи не было о вознагражденіи сочинителя. Издатель, державшій въ то время издавать неизвѣстную рукопись, слылъ уже между композиторами почтеннымъ, благороднымъ человекомъ, не смотря на то, что онъ ничего не платилъ сочинителямъ и удерживалъ весь барышъ для себя одного. Большинство издателей презираю такую взбалмошную смѣлость, и выжидало, какой успѣхъ будетъ имѣть новое сочиненіе; потомъ, увѣрившись въ хорошихъ барышахъ, перепечатывало его. Еслибъ теперь вдругъ возвратились тогдашнія стѣснительныя обстоятельства, многіе ли изъ нашихъ настоящихъ композиторовъ продолжали бы сочинять и печатать? Очень, очень не-многіе; и сколькихъ бы самыхъ громкихъ нынче именъ, не досчитаться бы въ числѣ этихъ немногихъ! Только тѣ, которые пишутъ, потому что чувствуютъ въ душѣ истинное призваніе и нераздѣльную съ нимъ, непреодолимую потребность творить, только тѣ, которые служатъ

искусству для самаго искусства, а не для денегъ, тѣ только были бы нашими композиторами. И истинное искусство не только не-пало не пострадало бы отъ этого уменьшенія числа дѣятелей, но напротивъ еще, много бы выиграло.

Однако же пускаться въ такія мысли, значитъ—стронуть воздушные замки. Художнику надо жить, надо жить своимъ искусствомъ, если онъ не имѣетъ большаго состоянія,—что случается очень рѣдко,—или если онъ не обладаетъ тайною питаться воздухомъ,—что еще рѣже. По этому прекрасно и отрадно, что всѣ издатели въ Германіи сами заключили между собою союзъ, чтобы прекратить разорительное для нихъ перепечатаніе. Это совершилось въ Лейпцигѣ, лѣтъ десять или двѣнадцать назадъ. Сначала въ союзъ вступили только нѣкоторые изъ самыхъ значительныхъ издателей, но скоро и остальные принуждены были приступить къ нему. Какъ основаніе союза составляетъ обязательство не перепечатывать вещей, изданныхъ другими и не продавать перепечатанныхъ экземпляровъ, то распространеніе союза обезпечило право собственности издателей и вмѣстѣ съ тѣмъ проложило путь вынѣшнимъ взаимнымъ отношеніямъ композиторовъ и издателей, въ которыхъ, правда, все еще большая часть барыша предоставляется издателю, однако же и композитору удѣляется по-крайней-мѣрѣ кусокъ хлѣба, необходимый для существованія.

Но пора возвратиться къ Паганини. Онъ нашелъ, что ему теперь больше чѣмъ когда-либо угрожало грабительство издателей, и онъ рѣшился на открытую мѣру, для огражденія своей собственности. Вскорѣ затѣмъ, во всѣхъ значительнѣйшихъ нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ газетахъ явилось *предостереженіе публикѣ*, въ которомъ Паганини объявлялъ всѣ явившіяся до того времени подъ его именемъ сочиненія, кромѣ «24 каприціо для скрипки», «6 сонатъ для скрипки и гитары», «6 квартетовъ для скрипки, альты, гитары и виолончели», подложными, и присоединялъ, что онъ вскорѣ намѣренъ издать полное собраніе своихъ сочиненій.

Однакожь, это обѣщанное изданіе сочиненій Паганини донинѣ не являлось, что весьма прискорбно для искусства; потому что только изъ его сочиненій могла бы исторія почерпнуть вѣр-

нью характеристику гонимъ этого необыкновеннаго, артиста, именуя его какъ тогда имя Паганини, предостереженъ только блестящими, быстро промелькнувшими метеорами въ воспоминаніи слыжавшихъ его, для внуковъ же нашихъ, будетъ однимъ томнымъ преданіемъ. Удивительно, что его сыны и наследники не потеряли памяти отна изданіемъ его сочиненій; или что никакая школа, которую Паганини учредилъ въ своемъ родномъ городѣ, и которая безъ сомнѣнія имѣетъ въ своихъ рукахъ некоторые творенія своего основателя, не приняла этого дѣла на себя. Однимъ только могу я объяснить себѣ совершенное нечужое въ этихъ многочисленныхъ, въ высшей степени замѣчательныхъ твореній: или что Паганини никогда не могъ рѣшиться написать главный голосъ, или что его продолжительная болѣзнь, окончившаяся совершеннымъ параличемъ, не позволила ему приняться за это дѣло, и что такимъ-образомъ они сошли съ него имѣть въ могилу. Сивори, называющій себя ученикомъ Паганини, утверждаетъ, правда, что имѣетъ многія сочиненія своего учителя. Но это утвержденіе ложно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, Паганини не образовалъ ни одного ученика; во-вторыхъ, сочиненія, обладаемія которыхъ хвалялся Сивори, достались ему отъ одного нештскаго дилеттанта, который долго бѣгалъ вслѣдъ за Паганини и записывалъ его сочиненія со слуху; следовательно этихъ списковъ никакъ нельзя признать за подлинные, или за вѣрные. Даже въ знаменитомъ «Венеціанскомъ журналь» одна только основная мысль принадлежитъ Паганини. Она заключается въ томъ, чтобы къ вариациямъ на простую, народную венеціанскую мелодію «О мамма, сага мамма!» приложить аккомпаниментомъ одну фигуру, состоящую изъ двухъ аккордовъ, которая повторяется съ начала до конца не прерываясь и безъ перемѣны. Сивори, Эрнстъ, Вьётанъ, взяли ту же тему, удержали ту же форму аккомпанимента, вариации же сочиняли сами; и въ нихъ, также какъ и въ образѣ исполненія, они значительно расходятся между собою; съ сочиненіемъ же Паганини тутъ нѣтъ ни тѣни сходства.

Наконецъ Паганини далъ своей второй концертъ. Онъ исполнилъ въ немъ новый концертъ d-moll, съ дивно величественнымъ адажіо fis moll; потомъ «Шабашъ вѣдьмы»; сонату для одного ба-

онъ да, тому нѣтъ «Сладкій Фигаро». Non più andrai, farfallona, и non-plus-ultra трудности, вариации на тему: Nel cor più non mi sento. При моихъ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Паганини, которые доставляли мнѣ возможность слышать его каждый день, я надѣялся получить отъ него даровой билетъ. Эта надежда была однако же обманута, онъ не позволилъ мнѣ даже присутствовать на пробѣ, а на концертъ я долженъ былъ купить билетъ, какъ и другіе. Если Паганини рассчитывалъ на такой же сборъ, какой онъ получилъ отъ перваго концерта, то онъ очень ошибся; къ стыду своего роднаго города, я долженъ сказать, что на второмъ концертѣ стеченіе публики было очень значителенно. Любопытство толпы было удовлетворено; а число людей, готовыхъ слышать его въ другой разъ и платить возвышенную цѣну, было слѣшкомъ ограничено, чтобы наполнить театръ.

Редакторъ «Тромбона» уже отправился въ путь, не дожидаясь конца концерта. На слѣдующее утро все было уложено въ назначенную дорожную карету Паганини и онъ сѣлъ въ нее. Своего Ахилла онъ посадилъ себѣ на колѣна, а подлѣ себя поставилъ ящикъ со скрипкою и еще другой, довольно большой ящикъ, котораго назначенія я никакъ не могъ угадать. Мнѣ отвелъ онъ мѣсто впереди. Дорогою Паганини былъ все время угрюмъ, почти не говорилъ, и занимался только своимъ Ахилломъ. Я очень обрадовался, когда, послѣ обѣда, мы прибыли въ Ниебургъ, гдѣ назначенъ былъ на тотъ же вечеръ концертъ, и когда Гаррисъ встрѣтилъ насъ съ самою радостною улыбкою и объявилъ, что все готово. Добрый Гаррисъ воображалъ, что онъ устроилъ концертъ самымъ блестящимъ образомъ и заранѣе ожидалъ отъ Паганини искренней благодарности. Ему не только удалось уговорить двухъ лицъ, вѣвшихъ большой вѣсъ въ городѣ, пѣть въ концертѣ, но даже симфоническое общество, — оркестръ любителей, пользовавшійся большимъ уваженіемъ между согражданами, взялось исполнить двѣ увертюры. Едва Паганини услышалъ это, какъ лобъ его грозно нахмурился и глаза засверкали гнѣвомъ.

— Извольте немедленно отиѣнить всѣ эти глупости! закричалъ онъ пораженному редактору. Мнѣ не нужно никакаго оркестра, а господа ниебургскіе дилеттанты, если хотятъ меня

слушать, пусть платятъ за билеты; свои увертюры могутъ они сохранить для себя.

Бѣдный редакторъ желалъ бы провалиться сквозь землю, когда получилъ это страшное приказаніе.

— Побойтесь вы Бога! вскричалъ онъ въ отчаяніи; это невозможно! Теперь уже поздно, афишки отпечатаны и разсланы; объявлено, что филармоническое общество будетъ участвовать въ концертѣ. Если не дать ему сыграть свои двѣ увертюры, члены обидятся, взбѣсятся; вся публика приметъ это за оскорбленіе! И все падетъ на меня одного, — никто не станетъ обвиниваться на мой «Тромбонъ», — а у меня здѣсь такъ много подписчиковъ!

— Мнѣ-то какое дѣло! прервалъ Паганини съ гнѣвомъ; здѣсь, кажется, дѣло идетъ не о вашей выгодѣ, а о моей! Вчера уже былъ у меня плохой концертъ, а сегодняшний будетъ еще хуже, если я пушу большую часть любителей даромъ, подъ предлогомъ участія въ концертѣ. Нѣтъ, никогда! пусть господа филармониче-ски платятъ мнѣ за входъ, какъ и всѣ другіе; тогда я позволю имъ играть свои увертюры, — иначе ни за что! Не будетъ денегъ, — не будетъ и увертюръ!

— Но помилуйте, любезнѣйшій, почтеннѣйшій другъ, сказалъ Гаррисъ, почти со слезами, — умоляю васъ, не будьте же такимъ чудакомъ! Клявусъ вамъ всѣмъ свѣтомъ, что я все такъ устроилъ къ вашей же пользѣ. Я лучше васъ знаю, какъ должно вести дѣла въ этихъ провинціальныхъ городахъ. Здѣсь одна половина жителей въ родствѣ или въ кумовствѣ съ другою половиною; и сколько здѣсь людей, у которыхъ не выманншь таланта изъ кармана даже такимъ славнымъ именемъ, какъ ваше, и которые дадутъ его охотно, чтобы подивиться въ вашемъ концертѣ своему куму или свату, и съ гордою, самодовольною улыбкою сказать сосѣду: — «Смотрите, вотъ за тѣмъ пюпитромъ, что такъ славно играетъ, — это мой такой-то». Если же вы теперь обидите филармоническое общество, вы обидите не только членовъ его, но и всю ихъ родню, всѣхъ кумовъ и сватовъ, то-есть почти весь городъ, и никто не тронется изъ дому. Тогда, а се-

массонъ съ вами, концертъ вашъ будетъ самый жалкій и одна покровость издержки.

Паганини хотѣлъ отвѣчать, и — я убѣжденъ, — подтвердить свое первое приказаніе; но въ это мгновеніе Гарриса вызвали. Отсутствіе его продолжалось съ минуту; потомъ онъ возвратился, совсѣмъ другимъ, съ радостнымъ лицомъ, и бросился на шею Паганини, не смотря на то, что тотъ остался очень равнодушенъ къ этимъ обниманіямъ.

— Теперь, вскричалъ онъ, я увѣренъ, что вы будете вполне довольны, любезнѣйшій другъ, и не будете роптать на мои разочарованія! Мнѣ сейчасъ пришли сказать, что уже всѣ билеты проданы. Даю вамъ слово, что вы соберете почти четыреста талеровъ. Теперь вы должны позволить филармоническому обществу играть въ вашемъ концертѣ, потому-что оно и за деньги не достанетъ билетовъ.

— Развѣ въ залѣ больше народу не помѣстится? спросилъ Паганини.

— Не думаю. Впрочемъ, я сейчасъ пойду, взгляну самъ. Еслибъ у насъ была еще сотня билетовъ, ее расхватали бы мигомъ.

Онъ поспѣшно вышелъ; но въ дверяхъ остановился и спросилъ Паганини, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, приметъ ли онъ предсѣдателя филармоническаго общества, который желаетъ поздравить его съ пріѣздомъ?

— Нѣтъ, сухо отвѣчалъ Паганини.

— Пойдемте со мною, любезный Дамке, сказалъ Гаррисъ, обращаясь ко мнѣ; господа пѣвцы желаютъ сдѣлать съ вами пробу.

— Ужасный человѣкъ этотъ Паганини! сказалъ онъ, когда мы вышли. — А я еще не все сказалъ ему!

— Что же еще? спросилъ я.

— Да то, что я принужденъ былъ обѣщать даровой билетъ каждому члену филармоническаго общества. По принятому обычаю, имъ слѣдуетъ каждому по пяти билетовъ, но на этотъ разъ они согласились довольствоваться однимъ, изъ уваженія ко мнѣ, потому-что я обѣщала поговорить о нихъ въ «Тромбонѣ». Я теперь въ ужасномъ положеніи. Сказать Паганини объ этихъ да-

реальна близка къ я не оуба, а павить за: анъ нтъ: своео кр-
мана нтъ нтъ охоты. Если не удастся устроить дѣло-кларетно-
я, провалъ!

Видя, въ большой общей залѣ гостиницы увидѣли мы пред-
сѣдателя «лармонического общества. Гаррисъ объявилъ ему,
что Паганини слишкомъ усталъ съ догори, чтобы принять его
въ настоящее время, но что онъ желаетъ видѣть его послѣ кон-
церта. Затѣмъ онъ представилъ меня городскому писемоводите-
лю, высокому, толстому господину, съ квадратною, почти совер-
шенно лысою головою, который, какъ я тутъ же узналъ, благо-
волилъ содѣйствовать блеску концерта своимъ пѣніемъ. Онъ при-
вѣтствовалъ меня съ шумною веселостью, и потомъ пригласилъ
меня къ себѣ на квартиру, чтобы повторить съ нимъ назначен-
ныя въ концерту пьесы. Тамъ застали мы офицера съ огромными
усами и бакенбардами, котораго мнѣ представили какъ втораго
пѣвца, и затѣмъ началась проба.

Сперва они спѣли дуэтъ изъ Моцартова «Донъ Жуана», *O statua
gentilissima*. Офицеръ пѣлъ партію Донъ-Жуана, а городской писем-
оводитель — Лепорелло. У обоихъ былъ сильный, звучный голось,
но ни тотъ, ни другой не имѣлъ ни вкуса, ни малѣйшаго понятія
объ искусствѣ пѣнія; они воображали, что все дѣло въ томъ,
чтобы кричать какъ можно громче. На мой вопросъ, кто про-
нотъ отытъ статуя, писемоводитель отвѣчалъ мнѣ съ таин-
ственной улыбкою: — Объ этомъ вы ужъ не безпокойтесь! все
предусмотрѣно и устроено какъ нельзя лучше. Вы сами изуми-
тесь, когда услышите въ концертѣ. Болѣе сказать вамъ теперь
я не могу.

— Второю вокальною пьесою была арія изъ «Сотворенія міра»
«*Nun strahlt in halbem Glanz die Sonne*», съ предшествующимъ
большимъ речитативомъ. Ее пѣлъ городской писемоводитель. Въ
концѣ речитатива онъ заключилъ фразу «*Am Boden Kriecht das
Gewinn*», оглушительнымъ контра-д, который онъ прореклъ съ
ужасною силою и тянулъ цѣлые два такта.

— Что вы скажете на мой контра-д? спросилъ онъ послѣ
меня.

— Превосходно, безподобно! отвѣчалъ я.

— Я думаю! такіе вещи вамъ не каждый день дастся слы-

цать. Я уверяю, что даже первому басу геттесверской оперы едва ли сдать эту фразу, так какъ я ее знаю,

— Вы совершенно правы, такъ ему конечно не пѣть шансона!

— Моя подруга, новизанному, очень понравилась городскому писмоводителю; онъ принялъ ее въ буквальный смыслъ, вовсе не подозревая, чтобы въ ней могла быть какая нибудь двусмысленность. Когда проба кончилась и я сталъ раскланиваться, я могъ заметить, что произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе.

Между тѣмъ прошло много времени, и когда я возвратился въ гостиницу, Паганини былъ уже въ ужасномъ безпокойствѣ.

— Идите поскорѣ въ концертную залу, сказалъ онъ мнѣ, и посмотрѣте, все ли уми въ порядкѣ? Да скажите Гаррису, котораго вы вѣроятно встанете въ залѣ, чтобы какъ скоро будутъ поставлены свѣчи, которыя я послалъ ему, онъ пришелъ сюда за мною.

Зала была уже великолѣпно освѣщена и наполнена самою прекрасною толною народомъ. Въ первыхъ рядахъ сидѣли жены и дочери знатѣйшихъ лицъ въ городѣ, одѣтыхъ по послѣднимъ модамъ предъидущаго года. Молодые и старые юноши порхали около нихъ и угощали ихъ сахарною водою, чаемъ и другими лакомствами. Далѣе, въ глубинѣ залы, цѣлые ряды чулковъ, надъ которыми спидцы ходили съ удивительнымъ проворствомъ; — трогательное доказательство, что нѣнбургскія хозяйки никогда за пріятнымъ не забываютъ полезнаго. И нынѣ еще вовсе не рѣдкость встрѣтить даму съ чулкомъ въ рукахъ въ концертныхъ залахъ большихъ нѣмецкихъ городовъ.

Я только что хотѣлъ приняться за осмотръ оркестра, какъ увидѣлъ Гарриса, который старался пробраться ко мнѣ сквозь люстры и щели съ инструментами всякаго рода. Я вспомнилъ порученіе Паганини, и избавилъ редактора отъ половинны пути. Какъ скоро мы сошлись, онъ взялъ меня подъ руку и отвелъ въ самый отдаленный конецъ оркестра, гдѣ стоялъ только старшій кивальдъ-контробасъ, прислоненный къ стѣнѣ, и своими многочисленными трещинами и пробоями умалюно просилъ объ отставкѣ.

Гаррисъ былъ въ ужасномъ волненіи.

— Представьте себѣ, началъ онъ, что Паганини сейчасъ при-
слалъ мнѣ цѣлый ящикъ свѣчныхъ огарковъ, чтобы я ими освѣ-
тилъ залу.

— А мнѣ поручилъ сказать вамъ, какъ скоро вы окончите это
дѣло, чтобы вы пришли за нимъ.

— Идти за нимъ, такъ! но заботитесь о его свѣчныхъ огаркахъ,
слуга покорный! На такую службу ему слѣдовало взять теа-
тральнаго ламповщика, а не меня! Я думалъ, что ѣду съ арти-
стомъ; для такого низкаго скряги, копѣчника, я право съ нѣста
бы не тронулся. Ну, не гадко, не стыдно ли? Такому человѣку,
какъ Паганини, который каждый день собираетъ сотни, тысячи
талеровъ, таскать съ собою огарки, оставшіеся отъ послѣдняго
концерта, чтобы освѣщать имъ залу въ слѣдующій концертъ!

Тутъ понялъ я назначеніе ящика, который Паганини такъ бе-
режно уложилъ въ карету подлѣ своей скрипки.

— Конечно отъ такого артиста, какъ Паганини, оно немножко
мелко и смѣшно, возразилъ я; однако же, если разсудить, какъ
деруть съ путешествующаго артиста, какъ его обманываютъ, и
именно въ мелочахъ, въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, то
нельзя не извинить его въ томъ, что онъ старается оградить се-
бя по возможности отъ расходовъ; тѣмъ болѣе, что вѣдь главная
цѣль его путешествій — собирать деньги.

— Я знаю, продолжалъ Гарриезъ, что Мошелесъ, Гуммель и
нѣкоторые другіе виртуозы также возили съ собою ящики свѣчъ;
но я всегда находилъ это въ высшей степени недостойнымъ ар-
тиста, прозячѣвшимъ; и увѣряю васъ, еслибы я могъ только
подумать, что Паганини такъ грязно скупъ, я ни за что не взялся
бы устроить его концерты. Хоть бы онъ по-крайней-мѣрѣ ска-
залъ мнѣ напередъ о своихъ огаркахъ! а то теперь уже поздно,
свѣчи куплены, поставлены, зажжены.

— А что вы заплатили за свѣчи? спросилъ я.

— Шестьдесятъ талеровъ..

— Шестьдесятъ талеровъ! — Ну разсудите же сами; возмите
артиста менѣе знаменитаго, который можетъ давать концертъ
здѣсь, въ Нienбургѣ, не по талеру, какъ Паганини, а много-что
по шести грошей*; шестьдесятъ талеровъ, — вѣдь онъ едва-ли

* Двадцать-двѣ копѣйки серебромъ.

столько соберетъ своихъ концертовъ! Послѣ этого можно ли винить артиста за то, что онъ не хочетъ дарить своихъ свѣтъ, стоившихъ ему такъ дорого и не догорѣвшихъ до половины, содержателю гостиницы, а беретъ ихъ съ собою, чтобы на слѣдующій концертъ избѣгнуть такого огромнаго расхода?

— Я, можетъ быть, простилъ бы это всякому другому артисту, только не Паганини, отвѣчалъ Гаррисъ. И онъ отошелъ отъ меня, борючка сквозь зубы: — тьфу! что за гадкое скряжничество! — и вымѣстилъ свою досаду здоровымъ толчкомъ на бѣдномъ контробасѣ, который издалъ глухой, жалобный стонъ.

Многіе обвиняли Паганини въ скупости; нашлись однако же друзья, которые заступались за него и старались представить его человѣкомъ великодушнымъ и щедрымъ. Въ доказательство этого повторяютъ по большей части извѣстную исторію двадцати тысячъ франковъ, которые онъ, будто бы, услышавъ симфонію Берліоза, подарилъ этому композитору, находившемуся тогда въ нуждѣ. Сколько я зналъ Паганини, я скорѣе готовъ подозрѣвать его въ томъ, что онъ позволилъ употребить свое имя въ мистификаціи, которая должна была обратить вниманіе парижской публики на гениальнаго молодаго артиста, страдавшаго въ неизвѣстности, чѣмъ повѣрю, чтобы онъ могъ сдѣлать пожертвованіе изъ своего кармана, особенно такое значительное, для кого бы то ни было. Не будь онъ больше чѣмъ бережливъ, не будь онъ рѣшительно скупъ, онъ, сынъ бѣднаго ремесленника, не получившій отъ отца ни гроша, никогда не могъ бы оставить послѣ себя 1,700,000 франковъ. Конечно, концерты доставляли ему огромные сборы; но періодъ его громкой славы былъ очень непродолжителенъ, не болѣе шести лѣтъ, съ 1828 до 1834 года; потомъ усиливающаяся болѣзнь не позволяла ему уже путешествовать. Чтобы откладывать каждый годъ почти триста-тысячъ франковъ, ему нужно было вести жизнь очень похожую на жизнь скряги. Послѣ Паганини, Листъ долго получалъ такіе же, если еще не значительнѣйшіе сборы отъ концертовъ. Характеръ Листа извѣстенъ; никто, даже злѣйшій его врагъ, не смѣетъ сказать, что онъ скупъ; но зато никто не предполагаетъ, чтобы онъ могъ имѣть состояніе, сколько ввудъ подходящее къ богатству Паганини.

Гаррисъ пошелъ за Паганини; до концерта оставалось не болѣе получаса, мнѣ некогда было терять времени. Громкія виолы и октавы, которыя настройщикъ бралъ на «ортепиано», заставили меня оглянуться, и я замѣтилъ, что роуль былъ поставленъ слишкомъ далеко, почти въ самой срединѣ оркестра; надо было выдвинуть его впередъ. Пробирался между пюпитровъ, я замѣтилъ, что оркестръ былъ составленъ самымъ страннымъ образомъ. Вместо гобойныхъ и кларетныхъ голосовъ лежали скрипки, чалторны были замѣнены трубами; также не видно было ни одного контробаса, кромѣ инвалида, стоявшаго въ углу. Но всего болѣе поразили меня четыре пюпитра, выстроенные въ рядъ на самомъ передѣ, въ виду публики. Позади ихъ было приготовлено мѣсто для Паганини, а за нимъ уже стоялъ роуль, совершенно скрытый за скрипками. Подойдя, чтобы переставить эти четыре пюпитра, такъ дерзко лѣзшіе впередъ, въ другое мѣсто, я увидѣлъ, что на всѣхъ четырехъ лежали голоса первыхъ фаготовъ.

— Четыре первыхъ фагота, подумалъ я, и ни одного втораго! это что-то мудро! Впрочемъ, не мое дѣло! Эй, служитель! отставь-ка эти четыре пюпитра подальше, назадъ.

Слуга рѣшительно отказался отъ исполненія моего требованія.

— Эти четыре пюпитра, сказалъ онъ, приготовлены для господъ бургомистра, городского письмоводителя, директора суда и совѣтника у сбора податей. Это первыя лица въ городѣ, тѣмъ имъ неприлично сидѣть позади другихъ. Поэтому имъ отведены мѣста здѣсь, впереди всѣхъ, и я не смѣю отставить ихъ пюпитровъ въ другое мѣсто.

— Какъ же это, спросилъ я, они всѣ четверо играютъ первыя фаготы?

— Разумеетсяъ, отвѣчалъ слуга; всѣ эти господа въ одномъ чинѣ, слѣдовательно нельзя никому изъ нихъ унизиться передъ другими, и взять второй голосъ. Вотъ секретари ихъ также учатся играть на фаготѣ; когда они выучатся, такъ будутъ у насъ и вторые фаготы; тѣмъ оно и прилично.

Къ счастью, я увидѣлъ въ это мгновеніе своего пріятеля, городского письмоводителя, который пробирался между пюпитровъ, въ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами, въ бѣломъ жилетѣ, бѣломъ жилетѣ, синихъ панталонахъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ,

съ свернутыми въ трубку нотами подъ мышкою. Я обратился къ нему, и, послѣ нѣкотораго размышленія, онъ приказалъ отставить фанотные подпеты, не назадъ, какъ я просилъ, но по-крайней-мѣрѣ въ сторону, на столько, что мѣсто Паганини можно было выдвинуть къ самой публикѣ, а рояль поставить за нимъ. Четыре фанота представляли такимъ-образомъ публикѣ не орутъ, какъ обыкновенно, а флангъ.

Благополучно устранивъ затрудненіе, я не могъ удержаться, чтобы не изъяснить городскому письмоводителю своего удивленія предпочтенію, которое онъ и его сослуживцы оказывали фаноту.

— Оно очень понятно, какъ вы сами увидите, отвѣчалъ онъ съ живостью. Когда меня избрали въ предсѣдателя филармоническаго общества, — три года назадъ, когда общество было въ очень бѣдственномъ положеніи, такъ что того только и ждали, что оно совсѣмъ разстроится, — я только пѣлъ, и слѣдовательно не могъ назваться музыкантомъ. Желая добросовѣстно исполнить возложенную на меня обязанность, и въ то же время подать добрый примѣръ другимъ, я рѣшился учиться играть на какомъ нибудь инструментѣ, чтобы лично участвовать въ нашихъ концертахъ. Вотъ я и сталъ серьезно думать, какой бы мнѣ избрать инструментъ. Флейтъ у насъ было достаточно; гобоя и кларнета я не люблю, потому-что играющіе на нихъ дѣлаютъ пресмѣшныя рожи. Гобоистъ смотритъ совершеннымъ австомъ съ своимъ длиннымъ ключомъ; а кларнетистъ, ни дать ни взять — человекъ, который поперхнулся, и, раскраснѣвшись во все лице, силится проглотить то, что у него застряло въ горлѣ. Поэтому-то въ нашемъ оркестрѣ эти два инструмента замѣнены скрипками, которыхъ у насъ много. Волторны я не хотѣлъ, потому-что она слишкомъ гронка, чтобы играть въ комнатѣ. Контробасъ не въ милости у дамъ; — противъ фанота же нельзя было возразить рѣшительно ни слова, онъ удивлялъ всѣми моими желаніями. Да согласитесь сами: есть ли другой инструментъ пріятнѣе фанота? Нѣжный, меланхолическій тонъ его напоминаетъ мужской голосъ; онъ не загромождаетъ своею громадною, подобно другимъ инструментамъ, играющаго; напротивъ, онъ стройно и плавно слѣдуетъ за всѣми мелкими движеніями; то скромно жметъ къ моему боку, то, — въ

мѣстахъ, требующихъ выраженія, — поднимается въ порывѣ чувства выше головы; когда играешь на немъ, ни одна черта въ лицѣ не исказится; эсъ* граціозно змѣнится передъ ртомъ, и фэготная партія исполняется съ привѣтливою улыбкою и безъ малѣйшаго напряженія. Этихъ преимуществъ не найдете вы ни въ одномъ инструментѣ. По вѣснмъ этимъ причинамъ я и выбралъ фэготъ, а мой выборъ не только былъ всѣми одобренъ, но нашелъ даже подражателей; трое изъ моихъ друзей стали также учиться на фэготъ и теперь занимаютъ свои мѣста рядомъ со мною.

Во время этого длиннаго объясненія собрался прочіе члены оркестра, и вдругъ рпнцились настраивать свои инструменты и прелюдировать, каждый на свой ладъ, такъ долго и такъ громко, что еслибъ я хотѣлъ отвѣчать письмоводителю, онъ не слышалъ бы ни слова. Въ тоже время я увидѣлъ Гарриса, который показывалъ мнѣ знаками, что Паганини въ сосѣдней комнатѣ, и что онъ желаетъ меня видѣть. Я оставилъ поклонника фэгота, и пошелъ съ Гаррисомъ къ Паганини. Между ними обонии произошла передъ тѣмъ страшная сцена по случаю вопроса объ освѣщеніи, и Паганини былъ очевидно въ самомъ недобромъ духѣ. У Гарриса также барометръ показывалъ рѣшительно не къ лсной погодѣ.

Между тѣмъ, какъ оркестръ игралъ увертюру, въ которой трубы и литавры рѣзко выступали впередъ, Паганини держалъ смычъ на колѣнахъ и пробовалъ струны своей скрипки. Когда пришло время ему выходить, и публика въ сильномъ волненіи ожидала великаго виртуоза, онъ подошелъ къ дверямъ и украдкою окинулъ взоромъ залу, потомъ спросилъ Гарриса:

— Чьи свѣчи горять въ оркестръ? общества, или мой?

— Ваши, отвѣчалъ Гаррисъ.

— Такъ прикажите ихъ теперь погасить. Пока эти господа не играютъ, имъ не нужно свѣчь. А когда станутъ играть вторую увертюру, можно будетъ опять зажечь.

Гаррисъ притворился, будто не слышалъ приказанія. Вскорѣ за

* Эсомъ называется тоненькая мѣдная трубка въ фэготѣ, на которую насаживается амбушюра, по сходству ея съ опрокинутымъ латинскимъ *S*.

тѣмъ Паганини вышелъ, и я послѣдовалъ за нимъ. Появленіе его произвело здѣсь такое же дѣйствіе, какъ и вездѣ. Всѣ затанли дыханіе, и среди глубокой тишины, водворившейся во всей залѣ, слышенъ было только тихій шорохъ проворно работавшихъ пальцевъ, какъ чирканіе сверчковъ. Произвелъ ли концертъ Ес-диг, который исполнилъ артистъ, на здѣшнюю публичку обычное дѣйствіе, я не берусь рѣшать. Впрочемъ аплодировали ему очень усердно.

Затѣмъ слѣдовалъ дуэтъ изъ «Донъ-Жуана»; оба пѣвца исполнили его съ такою силою, что заглушили бы самый могучій оркестръ; моего бѣднаго аккомпанимента на фортепіано было вовсе не слышно. Когда дошло до мѣста, гдѣ на вопросъ Донъ Жуана: «Будешь ты моимъ гостемъ? говори, придеши ли?» статуя отвѣчаетъ свое грозное «да», — три товарища господина городского писемоводителя схватили свои фаготы, и прогремѣли вмѣсто статуи ея громкое Е. Этими дѣломъ ихъ было кончено, и они положили инструменты. Писемоводитель же продолжалъ кричать во всю глотку: «Горе, горе, это духи!» что какъ нельзя лучше относилось къ предшествовавшему и произвело огромный эффектъ. Ни одна пьеса Паганини не производила такого энтузіазма въ публикѣ, какъ этотъ дуэтъ. Рукоплесканій къ концу не было; рассказываютъ даже, что по этому случаю во многихъ чулкахъ было опущено по нѣсколько стежковъ.

Я остался за фортепіано, ожидая Паганини, который долженъ былъ играть свою вторую пьесу. Тутъ я увидѣлъ преуморительную сцену. До-сихъ-поръ свѣчи въ оркестръ преспокойно продолжали горѣть. Вдругъ вижу я Паганини, который обходитъ люпитры одинъ за другимъ, говоритъ нѣсколько словъ каждому музыканту и при этомъ удобномъ случаѣ гаситъ одну свѣчу за другою. А по пятамъ идетъ раздосадованный редакторъ, рѣшившійся подшутить надъ нимъ, со свѣчою въ рукѣ, и только что Паганини отойдетъ отъ люпитра и отправляется къ другому; Гаррисъ опять зажигаетъ погашенную свѣчу. Наконецъ, окончивъ свое дѣло, то-есть погасивъ послѣднюю свѣчу, Паганини беретъ скрипку и выходитъ впередъ. Я начинаю интродукцію. Между-тѣмъ артистъ еще разъ оглядывается назадъ съ самодовольствіемъ. О, какое ужасное для него пораженіе! тамъ, гдѣ онъ надѣялся встрѣтить пріятный полумракъ бережливости, свѣ-

чи горять невыносимымъ свѣтомъ мотовства! — Всѣ черты въ его лицѣ задрожали и исказились; однако же онъ началъ соло. И право, никогда я не слыхалъ, чтобы онъ игралъ «Шабанъ вѣдмъ» такъ превосходно, съ такимъ огнемъ, какъ въ этотъ разъ, когда подавленный гнѣвъ своимъ адскимъ пламенемъ прожигалъ всю его душу.

Послѣ этого онъ уже не пытался въ другой разъ погасить свѣчь, и остальные части концерта, вторая увертюра, арія городского писемоводителя съ знаменитымъ контра-д и еще пьеса Паганини сошли съ рукъ благополучно и безъ всякой помѣхи.

По окончаніи концерта, старшины филармоническаго общества приблизились къ Паганини и вручили ему дипломъ на званіе почетнаго члена ихъ общества; потомъ пригласили его на ужинъ, который давался въ честь его въ той же концертной залѣ. Дипломъ онъ принялъ, но отказался отъ ужина.

Черезъ полчаса Гаррисъ опять уѣхалъ впередъ съ строгимъ наказомъ уклоняться впредь отъ содѣйствія оркестровъ любителей и соблюдать всевозможную экономію въ употребленіи свѣщагося при насъ запаса свѣчъ. Какъ мы должны были переѣзжать въ Нienбургъ, то я охотно принялъ приглашеніе на ужинъ филармоническаго общества. Ужинъ прошелъ чрезвычайно живо и весело. Меня просили играть, и я имѣлъ счастье такъ угодить господамъ членамъ своимъ импровизаціями, что они въ восхищеніи убѣдительно просили меня на возвратномъ пути дать у нихъ концертъ; что я обещалъ съ большимъ удовольствіемъ.

Во все продолженіе нашего путешествія не проходило ни одного дня безъ концерта. Я съ каждымъ днемъ лучше познавалъ нидерландскій гевій Паганини и болѣе дивился ему. Паганини былъ первый истинно-великій артистъ, встрѣтившійся мнѣ въ жизни, и какъ это случилось именно въ ту важную эпоху моей жизни, когда мое техническое образованіе было окончено и дальнѣйшее развитіе мое должно было завѣсть только отъ моего возрѣнія на искусство, отъ моихъ требованій на него, то я очень хорошо понималъ, что поѣздка съ этимъ человѣкомъ, которая съ каждымъ днемъ расширяла, обогащала и очищала мои познанія, мои понятія, мой вкусъ, должна была имѣть богатые и важные послѣдствія для всей моей будущности. Въ это время только-что устро-

Клосъ мое поступленіе въ придворный оркестръ, и я дѣйствительно поступилъ вскорѣ по моемъ возвращеніи, о чемъ я уже говорилъ въ началѣ этихъ воспоминаній; — но теперь я чувствовалъ, что это положеніе, которое доселѣ казалось мнѣ высшею цѣлью, какой я могъ только желать, не долго будетъ удовлетворять меня. Я жаждалъ болѣе обширнаго поприща, болѣе значительной дѣятельности, чѣмъ могъ мнѣ представить мой родной городъ.

Нера, однако жъ, сказать нѣсколько словъ объ особенностяхъ Паганиниева гевія, которыя я имѣлъ такой удобный случай изучить въ этомъ путешествіи.

Какъ виртуозъ, этотъ артистъ стоитъ на высшей степенн, какой кто когда-либо достигалъ, — на степенн, которой едва ли кто другой когда достигнетъ, и которой никто не превзойдетъ. Ни одинъ артистъ, какому бы инструменту онъ ни посвятилъ себя, не умѣлъ такъ значительно расширить и преобразовать способъ пользованія имъ и кругъ доступнаго ему дѣйствія, какъ Паганини. А между-тѣмъ, инструментъ его самый старый изъ тѣхъ, которыми завладѣла виртуозность! Въ началѣ семнадцатаго вѣка были уже виртуозы на скрипкѣ; позднѣе встрѣчаемъ мы Корелли, Тартини, Джеммиани, которые возвели этотъ инструментъ до высшей степени виртуозности, и притомъ въ такое время, когда всѣ прочіе инструменты были еще въ состояніи крайняго неразвѣтія, въ дѣтствѣ. И этотъ-то инструментъ, прошедшій уже черезъ руки величайшихъ артистовъ двухъ вѣковъ, и достигшій, какъ полагали, крайняго предѣла своего развитія, Паганини вдругъ двинулъ такъ далеко и высоко, что все совершенное до него явилось однимъ только незначительнымъ приговлениемъ. Въ исторіи другихъ инструментовъ, напримѣръ фортепіано, мы также встрѣчаемъ такіе внезапные толчки, которые мгновенно переносятъ его въ область, считавшуюся до того недоступною, невозможною; но тутъ всегда въ устройствѣ инструмента происходило какде-нибудь существенное усовершенствованіе и этимъ открывалось болѣе обширное поприще артисту. Напротивъ того, скрипка, на которой игралъ Паганини была та же, и осталась тою же, какъ и всѣ прежнія скрипки; тутъ усовершенствованіе принадлежитъ единственно гению виртуоза, а не

сколько не инструментальному мастеру. За то надо сознаться, что могучъ и неисчерпаемо богатъ прекрасными средствами долженъ быть инструментъ, который, послѣ двухвѣшовой обработки, заключалъ еще въ себѣ столько неизвѣстныхъ средствъ.

Съ появленіемъ Паганини кончился старый періодъ скрипичной игры, и начался новый; нынѣшняя скрипичная игра — чисто его созданіе.

Въ чемъ же заключаются нововведенія, которыми онъ произвелъ этотъ переворотъ?

Въ техническомъ отношеніи ихъ три. Онъ возвелъ басокъ ю самостоятельнаго значенія, отыскалъ полную гамму флажолетныхъ звуковъ, и наковецъ, открылъ пиццикато лѣвой руки.

Ни одна струна на скрипкѣ не имѣетъ тембра, столь способнаго къ благородному пѣнію, столь похожаго на теноровой голосъ, какъ басокъ, или струна g. Старая школа никогда не пользовалась этимъ свойствомъ, даже рѣшительно пренебрегала имъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что какъ эта струна принадлежитъ къ альту, то она менѣе характерна для скрипки, чѣмъ квинта, (струна e), которой не имѣется ни на какомъ другомъ струнномъ инструментѣ. Но струна g на скрипкѣ послѣдняя, и слѣдовательно находится совсѣмъ въ иномъ положеніи на подставкѣ и въ отношеніи слуховыхъ стверстей, чѣмъ на альтѣ, гдѣ она третья, и гдѣ за нею слѣдуетъ с. (Не говоря уже о значительномъ различіи тембровъ, которое должно быть между двумя струнами, настроенными на одинъ и тотъ же тонъ на инструментахъ, столь различныхъ размѣрами.) Паганини понялъ всѣ эти свойства и далъ самостоятельность баску. Настроявъ его иногда однимъ или двумя тонами выше, онъ дѣлалъ даже особенности его тембра еще рѣзче и поразительнѣе. Изъ пьесъ, которыя онъ исполнялъ на одномъ баску, молитва «Моисей» вся состоящая изъ широкаго, благороднаго пѣнія, производила невыразимо прекрасный эффектъ. Прочія по большей части, особенно соната на тему pop piu andrai, могли возбудить всеобщее удивленіе какъ чудеса техники; но въ нихъ слишкомъ замѣтно было умышленное уклоненіе отъ употребленія прочихъ струнъ, и множество быстрыхъ и запутанныхъ пассажей на самыхъ верхнихъ позиціяхъ струнъ

не имѣло довольно опредѣленнаго и чистаго тону, чтобы эти пьесы могли истинно удовлетворять душу.

Если басокъ былъ извѣстенъ и даже употреблялся, только инымъ образомъ, и прежде, то Паганиниевы флажолетные тоны были рѣшительно новостью. До него были извѣстны только тѣ, которые простекаютъ изъ естественнаго дѣленія струны. Паганини же открылъ, что если струну крѣпко прижать къ грифу перстомъ, и въ то же время легко тронуть ее четвертымъ пальцемъ, каждая нота будетъ флажолетомъ. Это было важное открытіе, приведшее къ самымъ поразительнымъ эффектамъ. Скрипка получила такимъ образомъ полный регистръ флажолетныхъ звуковъ. Впрочемъ, какъ для извлеченія флажолетныхъ звуковъ нужны всегда тѣ же самыя два пальца, и они должны постоянно передвигаться съ одной ноты на другую, то этимъ способомъ можно исполнять только медленные мелодіи, а не скорые пассажи.

И пиццикато Паганиниѣво было новостью. Онъ производилъ его, крѣпко ударяя струну пальцами лѣвой руки. Такимъ образомъ не нужно было уже опускать смычекъ и измѣнять положеніе правой руки, какъ при обыкновенномъ пиццикато; чрезъ это же сдѣлались возможны самыя быстрые пассажи, даже перемѣшанные съ смычковыми нотами, или связанныя съ ними. Впрочемъ это пиццикато лѣвой руки, никогда не даетъ настоящаго тону, какъ пиццикато правой руки, и только приблизительный; и онъ ничто иное, какъ поразительное, правда, но вовсе не музыкальное дребезжаніе.

Флажолетные тоны, пиццикато, игра на баску, вотъ самыя замѣчательныя техническія нововведенія Паганини. Имъ преимущественно завладѣли всѣ подражатели, вызванныя его появленіемъ. Наиболѣе талантливые изъ этихъ подражателей Сивори и Оле Буль. Но они, какъ и вся ихъ братья, для удобнѣйшаго и болѣе легкаго исполненія флажолетовъ и пиццикато, принуждены были навязать тонкія струны и такимъ образомъ пожертвовать для своихъ виртуозическихъ фокусовъ тономъ, этимъ главнѣйшимъ достоинствомъ скрипача. Паганини имѣлъ передъ ними то огромное преимущество, что онъ не имѣлъ нужды приносить эту жертву и выдѣлывалъ всѣ свои фокусы на толстыхъ струнахъ. Полный, прекрасный тонъ былъ однимъ изъ его самыхъ

замѣчательныхъ свойствъ. Онъ имѣлъ случаи приобрести и развить его еще въ самомъ юномъ возрастѣ, когда онъ каждое воскресенье долженъ былъ играть въ пространныхъ перлахъ Италіи.

Но исчислить техническіе преимущества виртуоза, — значитъ не много сказать о немъ; одно техническое совершенство не составляетъ истиннаго искусства, и не можетъ произвести, ни очень глубокаго впечатлѣнія, ни переворота въ искусствѣ. Виртуозность, сама по себѣ — только средство; какъ она не будъ блестяща, цѣну и значеніе даетъ ей только цѣль, къ которой она будетъ направлена. Если она не стремится къ прекрасному въ музыкѣ, то она ничто иное, какъ картинка моды, которая показываетъ, какое платье въ модѣ, но нисколько не дѣйствуетъ ни на умъ, ни на сердце.

Постараемся объяснить на счетъ того, что мы называемъ прекраснымъ.

Прежде всего надлежитъ намъ разграничить три стороны, которыя можно разсматривать и какъ три элемента прекраснаго и какъ три формы его, и изъ которыхъ происходятъ три закона прекраснаго изображенія. Основаніе этого тройственнаго существа находимъ мы въ условіяхъ всякаго изображенія вообще. Все изображаемое, есть, во-первыхъ, вещь, явленіе, и слѣдовательно имѣетъ форму, во-вторыхъ, оно есть недѣлимое, и слѣдовательно имѣетъ свой индивидуальный характеръ; въ третьихъ, наконецъ, оно открываетъ еще нѣчто другое, болѣе общее, выражая идею, которую она заключаетъ въ себѣ вполне или отчасти, и такимъ-образомъ находясь въ извѣстномъ отношеніи къ чему-то высшему. Если мы теперь понимаемъ подъ красотою совершенство изображаемаго, то мы должны находить въ немъ совершенство явленія, реальности и идеальнаго бытія.

Изъ этого мы видимъ, что въ прекрасномъ заключаются три элемента; формальный, характеристичный и идеальный, отсюда же три рода красоты: *формальная красота*, которой основной законъ — *гармонія*; *характеристичная красота*, которой законъ — *выраженіе*, и *идеальная красота*, которой законъ — *идеальность*. Истинно прекрасное художественное произведеніе заключаетъ въ себѣ соединеніе всѣхъ этихъ элементовъ; ни одинъ

изъ нихъ не можетъ быть совершенно исключенъ. Но смотря по тому, который изъ этихъ элементовъ, формальный, характеристичный или идеальный, является въ высшей степени, преобладаетъ, можно и художественное произведеніе относить къ одному изъ этихъ родовъ. Въ высшей степени совершенства художественнаго произведенія, всѣ три элемента проникаются взаимно въ равной степени и съ равнымъ значеніемъ, почему основной законъ художественнаго изображенія заключается въ единствѣ приведенныхъ законовъ.

Вообще, Итальянецъ довольствуется одною формальною красотою, между тѣмъ какъ Французъ стремится къ красотѣ характеристичной, а Нѣмецъ къ идеальной. Большая часть композиторовъ этихъ націй могутъ служить доказательствомъ этого факта. Италия имѣетъ Россини и Беллини; Франція — Обера, Галлеви и Берлиоза, Германія — Шпора и Мендельсона. (Великихъ гениевъ, соединяющихъ въ своихъ твореніяхъ всѣ элементы прекраснаго, каковы Гайднъ, Моцартъ и Бетховенъ, нельзя принимать въ расчетъ тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ общемъ характерѣ народовъ). Но если мы признаемъ за истину, что Итальянецъ довольствуется одною формальною красотою, что мы можемъ подтвердить безчисленнымъ множествомъ примѣровъ, то Паганини должно рѣшительно признать за исключеніе изъ общаго правила. Какъ Итальянцу, ему врожденно было чувство формальной красоты, которое Италия, эта страна пластическаго искусства, влагаетъ въ душу всѣхъ своихъ сыновъ; но оригинальность, индивидуальность этого артиста не находила довольно простору въ одной формальной красотѣ, чтобы развиться въ ней вполне. Virtuozъ дѣлается художникомъ, когда въ немъ есть оригинальность, особенность, принадлежащая ему одному. Этой особенности онъ не можетъ вполне раскрыть въ чужихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ онъ долженъ подчиняться данному, а долженъ для того самъ создавать соотвѣтствующія ей формы. Если ужъ виртуозу, не столь оригинальному, какъ Паганини, необходимы собственныя сочиненія, то тѣмъ болѣе чувствовалъ эту необходимость Паганини, который зашелъ такъ далеко за предѣлы всего, совершеннаго до него, и слѣдовательно долженъ былъ отвергать сочиненія всѣхъ

предшествовавшихъ ему скрипачей. И такъ, его сочиненія лучшее нѣрило для обсуждения его направленія. Къ сожалѣнiю, эти сочиненія утрачены, и я принужденъ ограничиться воспоминанiемъ; впрочемъ, къ счастью, воспоминанiе о немъ во мнѣ такъ живо и свѣжо, что мнѣ нечего бояться ошибиться.

Никогда не нарушая формальной красоты, Паганини однако во преимущественностремился къ характерности. Въ прекрасную форму онъ старался влить нѣчто полное мысли, полное оригинальности. Сущность его музыкальнаго характера оставляетъ страсть. И страсть всегда рѣшительно преобладаетъ во всѣхъ его сочиненiяхъ; то она стоитъ мрачною бурей, то разгорается свѣтлымъ пламенемъ. Особенно раздолье ему въ самыхъ рѣзкихъ контрастахъ и диссонансахъ. Для него не существуетъ слишкомъ рѣзкихъ диссонансовъ, ни въ своей ярости, ни въ аккомпаниментѣ. За самыми сильными фортиссимо часто слѣдуетъ едва слышимый лентъ, за самою свирѣпою, демоноскою бурей — самая сладостная, самая душевная мелодiя. Я припоминаю одну примѣръ, который въ высшей степени замѣчателенъ, «Рондо Колокольчика», одно изъ сочиненiй Паганини, въ которыхъ всего ярче проглядываетъ его характеръ. Въ мрачной, впрочемъ очень оригинальной темѣ, онъ съчастливо состязается съ колокольщикомъ, настроеннымъ на ноту *fa*. Пiеса написана въ тонѣ *b-moll*. Затѣмъ слѣдуютъ пассажи, потомъ вторая мелодiя, и опять живой, наполненный ужасными трудностями пассажъ, который наконецъ переходитъ въ длинную фермату, къ продолженiю которой аккомпаниментъ умолкаетъ. Эта

фермата восходитъ фортиссимо до *fa* съ тремя черточками (fa³). тутъ останавливается на нѣкоторое время и дѣлаетъ триллеръ,

потомъ восходитъ еще на октаву выше, до *fa*, такъ близко къ подставкѣ, что едва остается мѣсто для смычка. На этой ужасной высотѣ, на которой почти невозможенъ чистый тонъ, бьется безконечно длинный триллеръ; причемъ смычекъ сначала ходитъ такъ скоро и сильно, что слышатся только ужасные, визгивые звуки, отъ которыхъ волосъ становится дыбомъ. Но мало-по-малу мажъ смычка дѣлаются длиннѣе и мягче, звуки становятся чище, и на-

конецъ изъ раздражавшаго уши писку звукъ распускается дивнымъ, роскошнымъ цвѣтомъ, какъ изъ-за взорванныхъ тучъ показывается звѣздочка. Триллеръ продолжается еще нѣсколько времени, потомъ невыразимо очаровательною хроматическою мелізою сходитъ на одну октаву, гдѣ начинается опять тема. Слѣдовательно здѣсь некрасивое служитъ къ тому, чтобы придать еще болѣе прелести прекрасному. Если я скажу, что изъ этого одного приѣра можно видѣть одну существенную сторону направленія Паганини, то долженъ присоединить, что страсть его къ рѣзкимъ контрастамъ очень рѣдко завлекала его за предѣлы изящнаго вкуса, и что даже въ этихъ случаяхъ, пылъ генія если не вполне оправдывалъ его, то по крайней мѣрѣ служилъ ему извиненіемъ, которое слушатель охотно принималъ.

Изъ сказаннаго не трудно угадать, какъ онъ обходился съ другими предметомъ своей любви, диссонансами. Онъ употреблялъ ихъ также какъ контрасты, придававшіе болѣе обаятельности звукамъ. Даже аккомпаниментъ къ самымъ простымъ мелодіямъ былъ у него полонъ диссонансовъ. Если они тутъ были не совсѣмъ у мѣста, то онъ уиѣлъ за то, съ помощью ихъ, придавать мѣстамъ, выразившимъ сильную страсть, особенно въ адажіо, такую пронзающую силу, какой не достигъ кромѣ его ни одинъ композиторъ, а которая, при его несравненномъ исполненіи, производила неотразимый эффектъ. Паганини ясно понималъ также могущество ритма, и съ свойственною ему оригинальною пользовался этимъ могучимъ элементомъ для произведенія громаднхъ эффектовъ. По всему этому нельзя не признать его приуготовителемъ вѣдшей, романтической школы музыки, во главѣ которой стоитъ во Франціи Берліозъ, а въ Германіи Рихардъ Вагнеръ. Нововведенія, которые онъ внесъ въ скрипичную игру, породили сначала множество подражателей, которые, не постигая ихъ истинной цѣли, хваталась только за внѣшнее, блестящее, и такимъ образомъ низвели искусство до шарлатанства. Время уже произвело свой приговоръ надъ этимъ стадомъ рабскихъ подражателей; и только теперь, когда истинные, мыслящіе художники внесли стѣжкія Паганини въ свое искусство, только теперь можемъ мы вполне оцѣнить важность и обширность послѣдствій появленія этого великаго человѣка.

Что касается до Паганини, какъ человѣка, онъ былъ совсѣмъ не то, что какъ художникъ. Изъ того, что я разсказалъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ, читателю, можетъ быть, уже составили себѣ нѣкоторое понятіе о его личномъ характерѣ. Единственное высокое чувство, какое я могъ въ немъ замѣтить, была его любовь къ сыну. За исключеніемъ этого чувства, предметомъ всѣхъ его мыслей и стремленій были деньги; и никогда эта алчность къ богатству не была тревожна чувствами состраданія и человѣколюбія, которыя врождены почти каждому артисту. Во всю жизнь онъ не далъ ни одного концерта въ пользу бѣдныхъ. Когда онъ проѣзжалъ черезъ какой-то небольшой городокъ, хоръ полковой музыки предложилъ участвовать въ его концертѣ; но онъ, какъ всегда, отказался отъ его содѣйствія. Бѣдные музыканты, надѣявшіеся чему нибудь научиться, слушая знаменитаго виртуоза, но не имѣвшіе возможности платить большія деньги за входъ, просили его понизить для нихъ цѣну; но онъ отказалъ имъ и въ этомъ. Для него музыка не была даромъ, посланнымъ не одному человѣку, а для всѣхъ, кто захочетъ имъ пользоваться; нѣтъ, онъ видѣлъ въ немъ только средство пріобрѣтать деньги. Когда я размышляю о психологической загадкѣ двойственности этого человѣка, который въ искусствѣ выражалъ самыя высокія, самыя благородныя чувства, а въ дѣйствительной жизни былъ неспособенъ ни къ одному изъ этихъ чувствъ, мнѣ приходитъ на память ироническое опредѣленіе генія, которое я слышалъ однажды отъ барона Брамбеуса.

— Гейнъ, говорилъ остроумный баронъ, есть ничто иное, какъ способность высказывать въ художественномъ произведеніи то, чего человѣкъ не чувствуетъ въ душѣ.

Еслибъ это прискорбное изрѣченіе было истиной, Паганини могъ бы служить ей отличнымъ подтвержденіемъ.

Романтическіе слухи, распространенные на счетъ жизни Паганини, едва ли заслуживаютъ опроверженія. Они чистый вымыселъ. Обстоятельства его жизни не представляютъ рѣшительно ничего необыкновеннаго; необыкновенное встрѣчается только въ его артистической дѣятельности. На осьмомъ году онъ уже игралъ публично, въ Генуѣ, вариацин своего сочиненія на «Карманьолу», которая была тогда въ большой модѣ. Онъ уже написалъ тогда

также большую сонату, но тотчасъ же увидѣлъ ее, когда педагогъ-учитель, Коста, насмѣшливо сказалъ ему, что Моцартъ уже на шестомъ году сочинилъ концертъ для фортепiano съ аккомпаниментомъ полного оркестра, и такой трудный, что почти ни одинъ виртуозъ не могъ его исполнить. Послѣ онъ учился у Ромлы, и наконецъ у знаменитаго Паэра. До четырнадцатаго года онъ путешествовалъ съ отцомъ, но потомъ сталъ ѣздить одинъ. И такъ, за исключеніемъ обстоятельствъ, что онъ въ удивительнаго ребенка сдѣлался великимъ художникомъ, жизнь его рѣшительно ничего не представляетъ необыкновеннаго. Это, кажется, потребность народной фантазіи — необыкновенное окружать еще болѣе своею обстановкою. Отсюда всѣ романтическія сказки, которыми всегда должны были служить предметомъ имена всѣхъ великихъ людей, отъ Карла-Великаго до Фридриха-Барбароссы, отъ Палестрины до Бетховена.

Никто, конечно, не могъ менѣе ожидать такой романтической обстановки, чѣмъ Бетховенъ, котораго вѣшняя жизнь была крайне проста, и съ двадцатилѣтняго его возраста до самой смерти переносилась только изъ Вѣны въ Медлингъ и обратно, на земную квартиру, въ Вѣну. Если вымыселъ не нашелъ тутъ ничего, къ чему бы онъ могъ примѣниться, то онъ овладѣлъ за то рожденіемъ великаго композитора. Не малому числу знаменательныхъ выводовъ дало поводъ и то обстоятельство, что въ имени Ludwig van Beethoven столько же буквъ, какъ и въ Napoleone Buonaparte. Все это, однако же, еще ничего въ сравненіи съ слѣдующимъ. Въ 1837 году какой-то господинъ фонъ Марсдейкъ напечаталъ письмо къ боннскому бургомистру, въ которомъ онъ доказывалъ, что Бетховенъ Голландецъ, и что городъ Боннъ несправедливо присвоиваетъ себѣ честь быть мѣстомъ его рожденія. Доказательства, которыя приводитъ господинъ фонъ Марсдейкъ, слишкомъ любопытны, чтобы не привести ихъ.

«Всѣ жители Цюптепа, говоритъ онъ, очень хорошо помнятъ, что Бетховенъ родился въ одномъ постояломъ домѣ, гдѣ обыкновенно останавливались странствующие музыканты. Еслибъ Бетховенъ былъ Нѣмецъ, онъ назывался бы не Бетховеномъ, а *Рюбенгертенемъ* (!), и былъ бы, вѣроятно, не композиторомъ, а сбор-

щикомъ податей (?). Но какъ онъ назывался Бетховеномъ, а не Рюбенгертеномъ, и былъ композиторомъ, а не сборщикомъ податей, то изъ этого слѣдуетъ, что онъ не Нѣмецъ, а Голландецъ.

Вотъ чтò называется ясный, логическій выводъ!

Если же простая прозаическая жизнь Бетховена сдѣлалась предметомъ вымысловъ и сказокъ, то это ни сколько не удивительно въ отношеніи къ Паганини, котораго первые годы были скрыты за Альпами, въ Италіи. Паганини умеръ 27 мая 1840 года, въ Ниццѣ. Трупъ его набальзамированъ и поставленъ въ его погребѣ, Виллагавонѣ. Носится, однако же, слухъ, что его ночью бросили въ море.

Я разстался съ Паганини въ Бременѣ. На обратномъ пути я давалъ концерты въ разныхъ городахъ. Въ Нienбургѣ пріятель мой, городской писмоводитель, еще разъ спѣлъ свою арію съ знаменитымъ контра-д, а филармоническое общество исполнило въ моемъ концертѣ двѣ увертюры, и также избрало меня въ свои почетные члены.

Своихъ гановерскихъ друзей я засталъ еще подъ вліяніемъ впечатлѣнія, которое произвелъ на нихъ Паганини. Гётце былъ по прежнему убѣжденъ, что Паганини открылъ тайну древне греческой музыки; Гаусманъ не давалъ мнѣ покою, заставляя меня рассказывать и пересказывать всѣ обстоятельства моей поѣздки; а Валлерштейнъ сочинилъ новую пьесу, «*Élégie dramatique et passionnée*», въ которой флажолетъ, пиццикато и басокъ играли главную роль. Когда онъ сыгралъ ее намъ въ слѣдующее наше собраніе, Гаусманъ сказалъ:

— Да это совершенно à la Паганини.

— Ну да! отвѣчалъ Валлерштейнъ, съ гордостью; а вы думаете, пожалуй, что намъ не сдѣлать этихъ фокусовъ также хорошо?

— Фокусы! вскричалъ Гётце, да, да, именно такъ! Фокусы-то вы подсмотрите умѣли; но не смотря на всѣ ваши флажолеты, баски и пиццикато, никому изъ васъ не бывать другомъ Паганини.

В. ДАМКЕ.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ПРОИЗВОДСТВО ДЪЛЪ И РАБОТЪ НА ЖЕЛЪЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Въ числѣ большихъ заведеній при кемденской станціи особенно замѣчательно заведеніе для ремонта багажныхъ и товарныхъ вагоновъ южной дистанціи, то-есть, отъ Лондона до Бирмингема. Тутъ находится 2,000 вагоновъ и соразмѣрное число платформъ. Мастерская этого заведенія, въ которой работаетъ 130 человекъ, имѣетъ 437 футовъ въ длину, и 64 въ ширину. Въ ней и на боковыхъ путяхъ можетъ помѣщаться и исправляться одновременно до 100 экипажей. Въ кузницѣ дѣйствуетъ одновременно 14 постоянныхъ горновъ съ помощью паровъ и четыре переносныхъ. Рядомъ, въ запирающихся магазинахъ, со сводами, сложено, кромѣ досокъ, на 25,000 руб. серебромъ дубоваго лѣсу въ брусьяхъ различныхъ потребныхъ размѣровъ; каждый сортъ снабженъ надписью съ означеніемъ размѣровъ. На постройку товарныхъ вагоновъ употребляется огромное количество жѣлаза и дубоваго лѣсу. И не смотря на то, что эти вагоны относительно крѣпче всякаго корабля, потому что дубовые

брусья, будучи прямые, а не криволинейныя, при столкновѣніи ударяются концами, перпендикулярно къ длинѣ, — однако-же послѣдствія несчастныхъ случаевъ бывають ужасны; часто самыя большіе дубовыя брусья раскалываются; замѣчательно, что вообще при столкновѣніяхъ англійскій дубъ или вовсе не повреждается или распадается въ щепки. Впрочемъ, за исключеніемъ несчастныхъ случаевъ, товарный вагонъ служитъ обыкновенно лѣтъ двѣнадцать.

Между товарными вагонами особенное вниманіе должно обратить на пороховыя магазины патентованнаго устройства. Они покрыты сваружи листовымъ желѣзомъ, одѣтымъ деревомъ, имѣють свинцовыя полы, и оси обложены грабомъ, для уменьшенія силы толчковъ. Съ этими предосторожностями, можно везти до $4\frac{1}{2}$ тонъ пороха, не опасаясь ни искръ, безпрестанно вылетающихъ изъ дымовой трубы, ни раскаленныхъ угольевъ, выпадающихъ изъ зольника паровоза.

Какъ скоро товарный повзѣдъ разгруженъ, всѣ колеса вымѣриваются, для удостовѣренія вѣтъ ли согнутыхъ осей и не раскались ли ихъ оконечности, которыя иногда раскаляются до красна. При большомъ грузѣ, отъ сильнаго сотрясенія, составъ желѣза въ осѣхъ измѣняется; а если оси разъ накалялись, то хотя онѣ, охладивши, такъ же крѣпки какъ и прежде, однако-же легко снова накаляются, соединяются съ мѣдными подшипниками, и тогда оконечности самыхъ толстыхъ осей часто разламываются какъ морковь. Товарныя вагоны тщательно осматриваются на каждой станціи и, если нужно, смазываются.

Изъ всѣхъ служителей при желѣзной дорогѣ, ни на одномъ не лежитъ такихъ важныхъ обязанностей, какъ на *стрѣльщикѣ*, то есть, сторожѣ при такъ-называемыхъ *стрѣлкахъ*, механизмѣ, служащемъ для переводу повзда съ одного пути на другой. Такъ какъ переводы требуютъ тщательнаго надзора и днемъ и ночью, то обыкновенно при каждой станціи полагается два стрѣльщика, которые дежурятъ каждый по двѣнадцати часовъ, одинъ днемъ, другой ночью, и притомъ очередуется понедельно для дневнаго и ночнаго дежурства. На кемденской станціи одному служителю поручено четырнадцать переводовъ, а на волвертонской — тринадцать. Въ послѣдствіи мѣствъ, стрѣльщикъ, для большей предосторожности, всегда выкладываетъ флагъ, означающій опасность; увидя же версты за двѣ приходящій повзѣдъ, онъ показываетъ сигнальству на станціи зеленый

флагъ, и не прежде опускаетъ флагъ опасности, какъ получивъ отвѣтъ, «что все готово». Въ темныя ночи, онъ самъ, посредствомъ механизма, проведеннаго подъ землею, приводитъ въ движеніе вспомогательные сигналы, шагахъ въ осьмистахъ, состоящіе въ фонаряхъ разныхъ цвѣтовъ. Въ туманную погоду, чтобы поездъ не въѣхалъ на станцію, посылается версты за полторы по линіи, служитель, который чрезъ каждые 300 шаговъ кладетъ на рельсы туманный сигналъ, который, лопая подъ паровозомъ съ шумомъ небольшой пунки, предупреждаетъ машиниста, чтобы онъ остановился и ждалъ приказаній. На станціи Кру (Stewes), откуда расходятся три важныя дороги, на-право въ Манчестеръ, прямо въ Ливерпуль, и на-лѣво въ Честеръ, постоянно дежурятъ три стрѣльщика; одному изъ нихъ поручено семнадцать переводовъ, а именно: пять принадлежащихъ честерской линіи, одинъ ливерпульской, и одиннадцать, ведущихъ въ манчестерскія.

Летя по желѣзной дорогѣ черезъ зеленыя поля, вы подъѣзжаете къ станціи и городку Волвертону, собирающу отъ трехъ до четырехъ сотъ маленькихъ, красныхъ, кирпичныхъ домиковъ, выстроенныхъ подъ прямыми углами, высокихъ красныхъ кирпичныхъ фабричныхъ трубъ, множества красныхъ кирпичныхъ мастерскихъ, — красныхъ домиковъ для служащихъ, — школы и чистенькой церкви. Все это построено при станціи по распоряженію правленія желѣзной дороги, для желѣзнодорожныхъ служителей, ихъ женъ и дѣтей; все здѣшнее населеніе живетъ желѣзною дорогою, получаетъ отъ нея пищу для тѣла и для души; самое время здѣсь опредѣляется свистками приходящихъ и отходящихъ поездовъ.

Жена машиниста съ спящимъ младенцемъ на рукахъ, не уснетъ, пока не услышитъ свистка послѣдняго отходящаго поезда. Съ такимъ же безпокойствомъ прислушивается ея дочь на разсвѣтъ, къ мѣрному стуку перваго приходящаго товарнаго поезда, на тендеръ котораго живетъ женихъ, краснощекій, испачканный сажей кочегаръ. Кузнецъ, ударяя по наковальнѣ — токарь у своего станка, дѣти ихъ въ школы, все съ удовольствіемъ слушаютъ знакомые звуки на рельсахъ, возвѣщающіе имъ приближеніе отдыха.

Все мастерскія въ Волвертонъ, вмѣстѣ взятыя, составляютъ одну огромную больницу для больныхъ и раненыхъ паровозовъ. Тутъ во всякое время отъ пятидесяти до шестидесяти паровозовъ подвергаются болѣе или менѣе значительнымъ исправленіямъ. Мастерскія

при этой станции такъ обилжны, что почти невозможно ихъ описать. Тутъ вы видите токарные станки, пильные, струальные, винто-разрезныя машины; для примѣра точности, съ какою дѣйствуютъ эти машины, скажемъ, что на токарной машинѣ отдѣляются иногда стружки холоднаго желѣза футовъ въ сорокъ, не ломаясь. Тутъ же выходятъ большія чугуныя и мѣдныя литейни; машины для точенья и полировки желѣза; рѣзакъ разрезывающій желѣзо, и буравы просверливающіе его какъ картонъ; огромныя печи для нагрѣванья колесныхъ ступицъ; кузница съ двадцатью четырьмя горнами, дѣйствующими въ одно время.

Есть еще здѣсь прекрасное зданіе, получающее свѣтъ днемъ чрезъ стеклянную крышу, а ночью освѣщенное газомъ, и отапливаемое паромъ. Посерединѣ находится узкая возвышенная площадка, на которой ходитъ маленькій паровозъ, приводящій въ зданіе вращающій на тринадцати путяхъ, двадцать шесть паровозовъ, для осмотра и починки. Снаружи, подъ открытымъ небомъ, вы видите такъ называемый скребной барабанъ, который, вращаясь, очищаетъ старый, ржавый желѣзный ломъ. Этотъ желѣзный ломъ, будучи такимъ образомъ очищенъ отъ ржавчины, складывается за деревянныя доски, потомъ нагрѣвается и кладется подъ паровой молотъ, котораго удры, весомъ около десяти тоннъ каждый, скоро перерабатываютъ изломанные болты, полосы, гвозди, винты, обрезки листового желѣза, и прочія, въ одну сплошную массу. Въ другой плавильной камерѣ, имѣющей 150 футовъ длины, дѣйствуютъ одновременно четырнадцать горновъ, шесть токарныхъ станковъ, машина для просверливанія и другая для обрѣзыванія желѣза. Есть тутъ еще и газовое заведеніе, выдѣлывающее ежедневно отъ семидесяти до осьмидесяти кубическихъ футовъ газу, для всей станции съ мастерскими.

Наконецъ есть еще при станции чрезвычайно интересное заведеніе, гдѣ дѣйствуютъ семь, не паровыхъ машинъ, а молодыхъ, хорошихъ дѣвушекъ. Это заведеніе называется *буфетомъ*. Трудно описать сцены, происходящія здѣсь по прибытіи поезда. Между-тѣмъ, какъ молодыя дѣвушки чинно стоятъ за столомъ, уставленнымъ блестящими самоварами, кофейниками, чайниками, чашками, блюдами пирожковъ, бутылками молока и другими лакомствами, отданными въ ихъ распоряженіе, разнообразная толпа пассажировъ, вышедшихъ вдругъ изъ поезда, стремится къ нимъ со скоростью серва-

мърною апетиту каждому. Голодныице входятъ первые, а за ними валится толпа, совершенно какъ публика, стремящаяся разомъ изъ опернаго театра. — Принявъ въ соображеніе, что этотъ рядъ молодыхъ дѣвушекъ имѣетъ только семь правыхъ рукъ, и притомъ съ самыми маленькими пальчиками, трудно постигнуть, какъ онѣ успеваютъ въ такое короткое время такъ часто протягивать и отдергивать руки, то чтобы подать чашку чаю, то чтобы принять деньги и дать сдачу, потомъ подать пожилому господину тарелку горячаго супу, или прибавить кусокъ сахару въ его чашку кофе, — потомъ получить три копейки серебромъ за пирожекъ. Имъ приказано, по возможности, ни съ кѣмъ не говорить; но дозволяется улыбаться самымъ пригожимъ изъ пассажировъ, и дѣлать самыя ласковыя личики тѣмъ, которые щедро платятъ за трудъ.

Между-тѣмъ какъ онѣ заняты этимъ на серединѣ буфета, по концамъ его идетъ раскупориваніе и наливаніе въ большіе стаканы множества черныхъ бутылокъ портера, или подаваніе желающимъ изъ пассажировъ рюмки водки, рому или джину.

Въ этой комнатѣ съдаютъ и выпиваютъ въ годъ до полтора миллиона кексовъ и пирожковъ разнаго названія, 200,000 окороковъ, 48,000 сыровъ, 450 пудовъ чаю, 920 пудовъ кофе, 2,000 пудовъ сахару, 4,000 пудовъ говядины, 10,000 цыплятъ и около 60,000 ведеръ разныхъ водокъ, винъ, и другихъ напитковъ.

На краю города разведены сады для увеселенія жителей Волвертона. Компания завела также бесплатные покои для чтенія и бібліотеку, освѣщенные газомъ, и снабженные лучшими англійскими періодическими изданіями. Кромѣ того есть еще летучая бібліотека для чтенія, составленная изъ всевозможныхъ сочиненій, кромѣ книгъ политическихъ, и назначенная для чиновниковъ, служителей, полицейскихъ, ихъ женъ и семействъ, живущихъ въ различныхъ мѣстахъ по линіи. Книги разсылаются бесплатно по различнымъ станціямъ въ девятнадцать ящикахъ, принадлежащихъ компаніи и вмѣщающихъ каждый отъ двадцати до пятидесяти томовъ. Для обученія этой служителей общества построена школа на здоровомъ и высокомъ мѣстѣ, и окруженная маленькимъ дворомъ и садомъ. Средняя комната назначена для дѣвочекъ, которыя, отъ девяти часовъ утра до пяти вечера, обучаются гувернанткою чтенію, письму, арифметикѣ, географіи, исторіи, грамматикѣ ирукодѣльнымъ работамъ.

На всѣхъ главныхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ въ Англіи устроены постоянныя конторы для пріема писемъ на почту, и кромѣ того каждый вечеръ, съ такъ-называемымъ мальпостнымъ поездомъ, отправляются изъ Лондона *летучія почтовые конторы*, съ писмами и журналами.

Между многоразличными учрежденіями, характеризующими внутреннее устройство британскаго улья, немногія заслуживаютъ такого вниманія и уваженія, какъ тѣ, въ которыхъ проявляется заботливость объ удобствахъ частной корреспонденціи жителей. До введенія желѣзныхъ дорогъ, англійское почтовое устройство удивляло всѣхъ иностранцевъ. Почтовые кареты были легки и прочны, лошади хорошей породы, ямщики ловки, почтари смѣлы и расторопны, макадамовскія дороги въ наилучшемъ состояніи; наконецъ во всѣхъ классахъ народа было какое-то общее, врожденное чувство, побуждавшее каждаго ревновать объ исправности и быстротѣ корреспонденціи, какъ объ общемъ достояніи. За то, какая-бы ни была тѣснота на городскихъ улицахъ и площадяхъ, и тяжелая телега, развозящая по домамъ мясо или пиво, и пыльный ландо вельможи, и старинная колымага помѣщика, и таратайка мызника, словомъ всѣ экипажи, сколько бы ихъ ни было, и зачѣмъ бы они ни съѣхались, сторовники при первомъ звукѣ почтоваго рожка; и толпа, собралась ли она погулять, повеселиться или пошумѣть, разступалась съ единодушнымъ восклицаніемъ: — Дай дорогу почтѣ!

При магическомъ свисткѣ паровоза, вся эта мелкая, медленная, сложная система разлетѣлась въ прахъ. Но оживлявшій ее духъ перешелъ и на желѣзныя дороги; и хотя новое, денежное почтовое устройство меньше кидается въ глаза, однако-же по всей странѣ попрежнему видно тоже ревнованіе о возможной исправности и быстротѣ корреспонденціи по всему соединенному королевству.

Между-тѣмъ какъ пассажиры спокойно занимаютъ свои мѣста и готовятся къ отправленію, два или три почтовыхъ фургона въѣзжаютъ въ ворота юстонъ-скверской станціи, и подъѣзжаютъ къ послѣднимъ каретамъ поезда. Чиновники постоянной почтовой конторы быстро разгружаютъ эти фургоны и помѣщаютъ часть сумокъ въ летучую контору, а остальные въ два большіе вагона; сторожъ тотчасъ запираетъ ихъ и самъ садится въ летучей конторѣ. Въ этой конторѣ, во всю дорогу, пока поездъ летитъ изъ Лондона въ Глазговъ,

почтовые чиновники занимаются сортировкой писемъ, въ комнатахъ, обитой коврами и имѣющей двадцать одинъ футъ въ длину и не больше семи въ ширину, и освѣщенной четырьмя лампами съ отражающими зеркалами, помѣщенными въ потолокъ, и пятою въ углу, для сторожа. Вдоль стѣны въ двѣ трети длины комнаты, стоитъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, подъ которымъ навалены сумки съ письмами; пространство отъ стола до потолока занято шестью полками, четырнадцати футовъ въ длину, раздѣленныхъ на тридцать пять отдѣленій, величиною съ гвезда въ голубятникъ. За этимъ столомъ, противъ гвездъ, стоятъ три почтовые чиновника, которые быстро сортируютъ письма, лежащія передъ ними на столѣ, и раскладываютъ ихъ по отдѣленіямъ полокъ; какъ скоро масса ихъ истощится, старшій чиновникъ раскрываетъ новую сумку, и сторожъ высыпаетъ ее на столъ для сортировки. По правую руку отъ старшаго чиновника, остальная треть комнаты набита почти до потолока сумками различныхъ видовъ и размѣровъ, которыя другой сторожъ, безъ кафтана, въ обложенномъ галунами жилетѣ, взвѣшиваетъ въ надлежащемъ порядкѣ, и наполняетъ согласно съ находящимися на нихъ мѣдными ярлыками. Чиновники проводятъ за этимъ утомительнымъ занятіемъ около четырехъ часовъ съ половиною; сперва сортируютъ письма изъ Лондона въ Темвортъ, потомъ изъ Темворта въ Престонъ, изъ Престона въ Карлайль; и наконецъ изъ Карлайля въ Глазговъ.

Сумки, развѣшенные на мѣдныхъ гвоздяхъ, по стѣнамъ вагона, отъ быстроты хода получаютъ содрогательное движеніе, которое при каждомъ толчкѣ измѣняется на нѣсколько минутъ въ качательное. Лицо сторожа лоснится отъ поту и такъ же красно, какъ его кафтанъ, висящій подлѣ на гвоздѣ, и щеки его оспариваютъ блескъ висящей надъ нимъ лампы. Правыя руки трехъ чиновниковъ ходятъ безъ остановки въ разныхъ направленіяхъ, между столомъ и отдѣленіями полокъ, съ такою же быстротою какъ рука наборщика, раскладывающаго шрифты по соответственнымъ ящикамъ. Отъ времени до времени вы видите, какъ чиновникъ размѣщаетъ по разнымъ отдѣленіямъ цѣлую пачку траурныхъ писемъ, написанныхъ одной рукой, и очевидно содержащихъ извѣщеніе о чьей-нибудь смерти; или два, три строковыхъ письма, въ зеленыхъ конвертахъ. Другой чиновникъ нѣкоторое время занятъ единственно наполненіемъ сумокъ газетами, назначенными въ различныя мѣста. Отъ времени до вре-

шени, сторожъ высовываетъ свою косматую голову въ большое окно, находящееся за нимъ въ совершенноый мракъ, прерываемый только искрами, вылетающими изъ трубы паровоза, чтобъ замѣтить, по проносящимся мимо его фонарямъ, минуту прохода поезда мимо станцій, для отмѣтки въ росписи времени. Потомъ вы слышите сильный запахъ горящаго сургуча, показывающій, что онъ прикладываетъ почтовую печать къ сумкамъ, изъ которыхъ три или четыре крѣпко связываются вмѣстѣ для сдачи. Вдругъ вся летучая контора получаетъ сильный толчокъ, который раздается какъ пушечный выстрѣлъ. Этотъ толчекъ извѣщаетъ, что на почтовой станціи, мимо которой только что промчался поездъ, передано ему нѣсколько кожаныхъ сумокъ съ письмами; высунувъ голову въ окно, вы можете даже видѣть ихъ, въ концѣ поезда, въ крѣпкой, окованной желѣзомъ привальной люлкѣ, которую сторожъ передъ тѣмъ опустилъ, для принятія ихъ. При этомъ толчекѣ поездъ не только получилъ нѣсколько сумокъ, но въ то же время облегчился нѣсколькими другими у той же станціи, гдѣ чиновникъ мѣстной неподвижной почтовой конторы ожидалъ ихъ. Ударъ, полученный сумкою, брошенной на поездъ, идущій со скоростью шестидесяти верстъ въ часъ, долженъ быть, конечно, гораздо сильнѣе удара, полученнаго сумкою, брошеною, при той же скорости, съ поезда на дорогу. То и другое дѣйствіе производится посредствомъ снаряда, выходящаго изъ летучей конторы, и приходящаго въ столкновение съ соответственнымъ снарядомъ, при постоянной почтовой конторѣ.

По мѣрѣ того, какъ чиновники наполняютъ отдѣленія бѣлокъ, письма такъ же скоро изъ нихъ вынимаются сторожемъ, связываются въ пачки и раскладываются по сумкамъ. Чиновники, впрочемъ, при сортировкѣ писемъ, рѣдко раскладываютъ ихъ въ отдѣленія по надписямъ, и болѣе размѣщаютъ ихъ пачками въ порядокъ, который они одни знаютъ и помнятъ; но какъ каждый чиновникъ отвѣчаетъ за правильность сортировки, то весьма естественно, что ему предоставляется производить ее такъ, какъ ему самому кажется удобнѣе. Не говоря уже о неразборчивыхъ почеркахъ и безграмотности, замѣтельно сколько встрѣчается безтолковщины въ надписяхъ на письмахъ, какъ—будто надписыватели имѣли цѣлю скрыть отъ чиновника именно то, что ему нужно знать, названіе почтоваго города, въ которомъ слѣдуетъ сдать письмо. Терпѣніе и сметливость этихъ чи-

возникновѣ истинно удивительны, и хотя иногда они должны нѣсколько секундъ вертѣть письмо подѣ лампою, однако жѣ очень рѣдко случается, чтобѣ они не разобрали надписи. Мелочная аккуратность, необходимая для производства этой работы ночью, когда повѣздъ летитѣ во мракѣ, превосходить всякое описаніе. Это занятіе требуетѣ самаго напряженнаго вниманія, чрезвычайно утомительнаго и для тѣла и для ума. Однажды, въ 1848 году, между-тѣмъ, какѣ чиновники занимались сортировкой писемъ, а сторожѣ, съ позолоченными пуговицами и гаунами по краямъ жилета, запечатывалъ сумки, повѣздъ столкнулся съ другимъ. При этомъ было убито четыре человека, и сортирующіе чиновники были мгновенно отброшены отъ своего стола въ то отдѣленіе, гдѣ сторожѣ наполнял сумки. Черезъ нѣсколько времени главный чиновникъ очнулся, но долго еще не могъ совершенно опомниться, и понять, что такое случилось, и какимъ-образомъ онѣ лежалъ ничкомъ на сумкахъ, и никто не продолжалъ работы.

Самая важная станція на лондоно-сѣверо-западной желѣзной дорогѣ — Кру (Crew). Находящіяся здѣсь постройки даютъ самое лучшее понятіе объ огромности и обширности учреждений, потребныхъ для содержанія большой линіи желѣзной дороги. Мастерскія въ Кру состоятъ изъ паровознаго и экипажнаго отдѣленій. Въ первомъ строятся и ремонтируются всѣ потребные паровозы и тендера для сѣверной дистанціи, то-есть, между Бирмингемомъ и Ливерпулемъ; между Рогби и Стафордомъ; между Кру и Голигедомъ; между Ливерпулемъ и Манчестеромъ; между Ливерпулемъ, Манчестеромъ, Варрингтономъ и Престономъ; между Престономъ и Карлайломъ. Въ настоящее время протяженіе всѣхъ этихъ дорогъ составляетъ всего 550 верстъ; но оно увеличивается съ открытіемъ каждой новой ветви. Въ этомъ отдѣленіи находятся до 220 паровозовъ и тендеровъ, цѣною каждый около 12,500 рублей серебромъ; изъ нихъ бываетъ ежедневно въ работѣ по-крайней-мѣрѣ 100. Кромѣ исправленія этихъ, заведеніе съ перваго января 1848 года поставило еженедѣльно одинъ новый паровозъ и тендеръ. Число рабочихъ въ этомъ отдѣленіи — 1,600 человекъ и плата имъ составляетъ около 25,000 рублей серебромъ въ двѣ недѣли. Счетъ этимъ издержкамъ и книга о *приключеніяхъ*, въ которую вносится каждый несчастный случай, и каждая задержка, случающаяся съ повѣздами,

разсматриваются два раза въ мѣсяцъ, особаннымъ комитетомъ директоровъ.

Не пускаясь въ подробности, мы опишемъ эти заведенія только въ нѣкоторыхъ наиболее любопытныхъ ихъ чертахъ.

У самаго входа въ паровозное отдѣленіе стоитъ его первый движитель, высокая труба паровой водоподъемной машины, снабжающей водою, не только машины мастерскихъ и находящіяся на станціи паровозы, но и новый, принадлежащій желѣзной дорогѣ городъ Кру, имѣющій въ настоящее время до 8,000 жителей. Эта водоподъемная машина накачиваетъ отъ осьмидесяти до девяноста тысячъ галлоновъ воды, въ день, изъ протекающаго подъ нею ручья въ очистительныя топки, а отсюда еще на сорокъ футовъ въ большой резервуаръ, гдѣ вода еще разъ пропускается чрезъ уголь, для продовольствія города. Когда войдете въ главные ворота этого отдѣленія, въ контроу котораго ведетъ маленькая лѣстница на лѣво, вниманіе ваше прежде всего обращается на огромный паровозный сарай, въ который входятъ только что возвратившіеся, горячіе, запыленные паровозы, для чистки, осмотра и починки; если же починки не требуется, то для смазки и другихъ приготовленій къ отъезду; послѣднее дѣло, разведеніе пару, здѣсь дѣлается не коксомъ, а углемъ, и требуетъ около двухъ часовъ времени. Пройдя мастерскую, въ которой находится тридцать четыре стругальныхъ и пильныхъ машинъ, вы входите въ кузницу, имѣющую 260 футовъ въ длину, и содержащую сорокъ горновъ. У нѣкоторыхъ наковаленъ работаетъ по три и по четыре молотобойца; безчисленное множество искръ, летающихъ надъ каждою, и поднимающихся и опускающихся въ воздухъ молотовъ, жилистыхъ, обнаженныхъ шен и руки, блѣдныхъ, но здоровыхъ работниковъ, представляютъ зрѣлище, передъ которымъ стоитъ остановиться на минуту. Такъ какъ въ этой мастерской производится вся тяжелая работа и все желѣзо получаетъ первую грубую отдѣлку, то можно себя представить, какой ужасный шумъ должны производить эти сорокъ наковаленъ. Здѣсь, однако же, могильная тишина, въ сравненіи съ смежною мастерскою, гдѣ дѣлаются котлы для паровозовъ. Тутъ и думать нечего просить объясненій у проводника; заклепка болтовъ и листовъ на столькихъ котлахъ, производятъ такой оглушительный шумъ, что въ немъ совершенно теряешься. Работники знаютъ это, и потому встрѣчаютъ посетителя такимъ шумомъ,

что разбудить хоть покойника. Слыша вырваться из этого ада, нельзя однако жъ, не остановиться передъ котломъ, обложеннымъ внутри мѣдью, а снаружи железомъ, и въ которомъ сидитъ на короткаяхъ, какъ Негръ между деками невольничьяго корабля, смысленный мастеровой, и держитъ обѣими руками молотокъ подъ болтомъ, въ который, снаружи, въ несколькихъ дюймахъ отъ его ушей, два товарища ударяютъ изо всѣхъ силъ и съ удивительною быстротою. Непостижимо, какъ человеческое ухо можетъ вынести гулъ, раздающійся внутри котла въ добавокъ къ шуму, происходящему снаружи. Въ слѣдующей мастерской помѣщается чугунная и мѣдная литейная, въ ней работаютъ семь мѣднолитейщиковъ и пять чугунолитейщиковъ. Тутъ же вы можете взглянуть на мальчика, изучающаго практически свойства самаго удивительнаго произведенія царства ископаемаго, — магнита. Въ доставляемой сюда для переливки масса, между мѣдными и другими обрѣзками, находится часто нѣкоторое количество желѣзныхъ опилокъ. Занятіе мальчика состоитъ въ томъ, что онъ мѣшаетъ эту массу магнитомъ, вынимаетъ его покрытымъ желѣзными частицами различной величины, обтираетъ его и снова опускаетъ въ массу; это продолжается до тѣхъ поръ, пока магнитъ не выйдетъ изъ нея совершенно чистый. За этой мастерской находится другая, въ которой приготовляются модели и формы для отливокъ. Пройдя черезъ большой дворъ, покрытый кучками желѣзнаго лому, въ которомъ многіе куски не больше обыкновенной пуговицы, вы входите въ мастерскую о двѣнадцати горнахъ, въ которой исключительно приготовляются колеса для паровозовъ; они надвѣваются на оси и снимаются съ нихъ очень замысловатымъ и необыкновенно сильнымъ механизмомъ. Рядомъ съ открытымъ дворомъ, вы видите въ дѣйствиіи большой тесниновскій паровой молотъ; на верхушкѣ его сидитъ человекъ, который можетъ умѣрять силу удара отъ двадцати-пяти тоннъ, до удара, достаточнаго только для забивки обыкновеннаго гвоздя. Какъ скоро открывается заслонка, находящейся по одну сторону его печи, изъ нея вынимается огромный кусокъ сваренныхъ желѣзныхъ обрѣзковъ, раскаленный до бѣла и подводится посредствомъ крана на ваковальню подъ молотъ. Въ то же время изъ противоположной печи вынимается длинный желѣзный прутъ, раскаленный только съ одного конца, который однимъ легкимъ ударомъ молота приковывается къ раскаленной массѣ,

и потому служит рукоятью главному кузнецу для переворачивания массы под молотом, который выковывает ее в надлежащую форму. Для этой тяжелой работы избирается, разумеется, самый сильный из людей, являющихся в наличности. Ростомъ и плотностью, онъ будетъ съ известнаго итальянскаго пэвца, сеньора Лабина, а силою не уступитъ самому Вулкану. Ничто не можетъ лучше указать силу мускуловъ, какъ различныя положенія, принимаемыя этимъ богатыремъ, когда онъ, не обращая вниманія ни на искры, ни на жаръ раскаленнаго до бѣла металла, переворачиваетъ его на всѣ стороны до-тѣхъ-поръ, пока другой кузнецъ, по данному знаку, не положитъ на желѣзный пруть родъ тяжелаго рязака, который съ одного удара молота отсѣкаетъ его отъ массы; затѣмъ выкованная масса снимается съ наковальни, и на ея мѣсто тащется изъ вѣн другой кусокъ.

Вслѣдъ за этою циклопическою картиною находится мастерская, назначенная исключительно для обточки колесъ и осей, которыя приносятся сюда, грубо отдѣланныя, изъ описанныхъ нами кузницъ, и выходятъ уже совершенно готовые для помѣщенія подъ паровозъ, къ которому они назначены.

Пропустивъ безъ вниманія толчею и мѣдноквадьную мастерскую, вы входите въ очень важное и занимательное отдѣленіе, имѣющее 330 футовъ въ длину и 60 въ ширину. Оно называется *пригоннымъ*, потому что здѣсь издѣлія, приносимыя изъ прочихъ отдѣленій, окончательно отдѣлываются и пригоняются. Здѣсь кромѣ 11 стругальныхъ, 36 пильныхъ, и 30 точильныхъ станковъ, приводимыхъ въ движеніе паромъ, стоятъ вдоль всего зданія, пять рядовъ столовъ, за которыми прилежно работаютъ восемь рядовъ винтовщиковъ. Здѣсь все наилучшіе мастера; въ примѣръ важности ихъ обязанностей, можно привести то, что они додѣлываютъ безчисленное множество мелочей, потребныхъ для починки 200 старыхъ и сборки до 30 новыхъ паровозовъ. Одни изъ нихъ заняты исключительно нарезкою винтовъ изъ болтовъ и пригонкою гаекъ; другіе дѣлаютъ мѣдные свистки; однимъ словомъ, въ этомъ отдѣленіи, почти каждый мастеръ доканчиваетъ какой-нибудь членъ, или сочлененіе, или другую составную часть пассажирскаго или товарнаго паровоза.

Осмотрѣвъ большой магазинъ, въ которомъ сложены въ безчисленномъ множествѣ отдѣленій, различныя принадлежности паровозовъ,

ведь при просмотрѣ особеннаго сторожа, выходящаго въ канту все приписанныя и списуемыя издѣлія, вы вступате наконецъ въ мастерскую, составляющую вѣнецъ всего заведенія ; именно въ сборное отдѣленіе. Де-сикъ-поръ, обходя литейныя, кузницы, токарни, вы надѣян обработку всехъ составныхъ частей паровоза, какъ-то : болтовъ, вшитовъ, гаскъ, паровыхъ трубокъ, насосовъ, дымовыхъ трубъ, вентонныхъ трубъ, предохранительныхъ клапановъ и клапановъ, редуктивныхъ ящиковъ, нориней, цилиндровъ, соединительныхъ прутьевъ, эксцентрикъ; ведущихъ и поддерживающихъ колесъ, и прочая; всего 5,414 штукъ, изъ которыхъ слагается паровозъ. Теперь вы достигли наконецъ той части заведенія, гдѣ все эти отдѣльныя части, вылитыя, выкованныя, докопченныя въ различныхъ мѣстахъ, собираются для осуществленія той цѣли, для которой они были приготовлены съ такимъ трудомъ и такими издержками. Паровозъ долженъ быть собранъ также тщательно, какъ карманные часы.

Мѣщаніе сборнаго отдѣленія въ Кру, имѣетъ 300 футовъ въ длину и 100 въ ширину, и содержитъ пять рядовъ рельсовъ, изъ которыхъ два назначены для сборки новыхъ паровозовъ и тендеровъ, а три остальные для большихъ починковъ старыхъ. Число употребляемыхъ здѣсь мастеровыхъ простирается до 220. Въ этомъ великолѣпномъ зданіи, вы видите въ сборкѣ и пассажирскіе и товарныя паровозы ; а какъ изъ заведенія долженъ выходить каждую недѣлю одинъ новый паровозъ и тендеръ, то вамъ представляются тутъ паровозы во всехъ періодахъ своей постройки.

Въ самомъ концѣ ряда рельсовъ, около сварной стѣны, видна длинная изогнутая черная масса желѣза безъ покрывки и безъ колесъ, въ которой еще трудно узнать зародышъ будущаго паровоза. Нѣсколько ближе подобная же масса имѣетъ уже болѣе определенное очертаніе; еще ближе таже масса стоитъ уже на колесахъ; къ другой массѣ уже приделаны котель и очагъ, но еще нѣтъ ни колпака, ни выпускнаго клапана, ни дымовой трубы; еще ближе вы видите обнаженный паровозъ въ главныхъ чертахъ совершенно оконченный ; работники обтягиваютъ котель войлокомъ въ полдюйма, а другіе въ тоже время надвываютъ на него кожу изъ однодюймовыхъ досокъ, который плотно обтянется еще брезентомъ, и потомъ все укрѣпится желѣзными обручами; еще ближе колпакъ паровоза одѣвается такимъ же образомъ, не по деревомъ, а мѣдью. Нано-

еще передъ вами стоитъ великолѣпный паровозъ, совершенно оконченный, окрашенный въ яркую зеленую краску, на которой не успѣлъ еще высохнуть лакъ; онъ совершенно готовъ къ сдачѣ въ понедѣльникъ, для начатія своихъ рейсовъ. На другихъ рельсахъ внутри зданія, точно также разставлены строящіеся тендера; и если взглянуть вдаль по рельсамъ, то кажется, будто стоящіе передъ вами паровозъ и тендеръ непримѣтно разсѣваются, по мѣрѣ удаленія, какъ сонъ, пока не останется отъ нихъ одна только неопредѣляемая, черная масса затѣйливыхъ желѣзныхъ штукъ.

Въ экипажномъ отдѣленіи строятся и починяются всѣ потребныя для желѣзной дороги, на протяженіи 600 верстъ, пассажирскія кареты, багажные вагоны, летучія почтовые конторы, съ ихъ тендерами, фургоны и тельжки для развозки посылокъ, молочные фургоны, особенно для снабженія Ливерпуля.

Въ ливерпульскомъ экипажномъ заведеніи изготовляются всѣ товарные вагоны, платформы для перевозкѣ частныхъ экипажей, вагоны для льсу, для коксу, для скота и лошадей.

Въ Кру ремонтируется всего до 670 экипажей разнаго рода, и около 100 бываетъ въ починкѣ во всякое время. Новыхъ экипажей во всякое время строится отъ 30 до 40; рабочихъ до 260 человекъ. Мастерскія раздѣляются на два разряда, одинъ для постройки новыхъ экипажей, другой для починки старыхъ. Большая мастерская, имѣющая 300 футовъ въ длину, согревается паромъ и освѣщается ночью газомъ, а днемъ большими окнами съ обѣихъ сторонъ; во всю длину зданія идетъ торцевая мостовая съ осмью рядами рельсовъ, на которыхъ разставлено множество строящихся и починяющихся экипажей, окруженныхъ работниками, которые усердно заняты отдѣлкою ихъ сообразно потребностямъ различныхъ классовъ общества. Одна артель въ красивую краску окрашиваетъ снаружи первоклассную карету, между-тѣмъ какъ товарищи набиваютъ, стегаютъ и обиваютъ внутренность. Другая артель наводитъ глянецъ на окрашенные подъ дубъ внутреннія стѣны второкласснаго экипажа, котораго наружность уже отдѣлана со всевозможнымъ стараніемъ; третья артель оканчиваетъ крытый экипажъ третьяго класса.

Въ другомъ мѣстѣ мастеровые экономически обращаютъ старую первоклассную карету во второклассную; для этого превращенія стоитъ только снять обивку и большія красивыя овальныя окна за-

изъять маленькими квадратными. Оконныя рамы экипажей всѣхъ классовъ, и даже багажныхъ вагоновъ, всегда дѣлаются изъ краснаго дерева; задняя и передняя стѣны изъ англійскаго дуба; все же остальное изъ ясеневаго дерева. Буфера обкладываются ивовымъ деревомъ, которое выдерживаетъ обыкновенно десять недѣль употребленія. Рядомъ съ этимъ сборищемъ экипажей находится кузница о двадцати осми горнахъ. Надъ нею магазинъ, наполненный тѣсьмами, конскимъ волосомъ, тонкимъ сукномъ, лакированной клеенкой, гвоздями и, между прочимъ, зеркальными стеклами для оконъ. Переднія стекла въ трехмѣстныхъ каретахъ (coûrre) имѣютъ полдюйма толщины, чтобы они не лопали отъ горячей золы, выбрасываемой иногда паровозомъ. Отдѣленіе для исправленія экипажей, въ Кру, помѣщается въ огромномъ сарае, въ 600 футовъ длины и 180 ширины. Онъ вмѣщаетъ въ себя до 90 каретъ, довольно свободно для производства работъ; впрочемъ, обыкновенно бываетъ въ починкѣ не болѣе 80. Въ числѣ ихъ стоитъ нѣсколько летучихъ почтовыхъ конторъ и ихъ фургоновъ съ королевскимъ гербомъ. Подлѣ находятся кузница, большой дворъ, гдѣ сложенъ, въ сараяхъ, огромный запасъ лѣсу, и контора для записыванія принимаемаго и отпускаемаго ежедневно количества. Войдя въ салотопню, которая противъ всякаго ожиданія чиста, какъ молочная кладовая, вы видите около стѣнъ большія бочки русскаго сала и желтаго пальмоваго масла, ящики поташу и водяные краны. Въ другомъ концѣ небольшой паровикъ для нагреванія двухъ огромныхъ котловъ и два деревянныхъ холодильника. Этотъ снарядъ служитъ для приготовленія желтой мази для осей экипажей. Составъ ея слѣдующій: 200 фунтовъ русскаго сала, 70 пальмоваго масла, 20 фунтовъ поташу, и 50 галлоновъ воды. Отъ паровика идутъ также толстыя желзныя трубы къ двумъ чанамъ, вмѣщающимъ каждый по тоннѣ китоваго жиру, который такимъ образомъ содержится въ жидкомъ состояніи, и предохраняется въ холодную погоду отъ кристаллизаціи.

Мастеровые и работники при заведеніяхъ желзной дороги работаютъ лѣтомъ и зимою съ шести часовъ утра до половины шестаго вечера, кромѣ субботы; въ этотъ день они распускаются въ четыре часа. Шагахъ въ полтораста отъ двухъ помянутыхъ заведеній, находится чистенькій домикъ, въ которомъ помѣщаются холодныя ванны, паровыя бани и души для рабочихъ и ихъ семействъ; жены и до-

чери пользуются ими, пока ихъ мужья, сыновья и братья работаютъ, какъ сказано по расписанію часовъ, висящему у входа. Компания содержитъ также врача, которому дается домъ и больница; сверхъ того онъ получаетъ отъ каждаго рабочаго около рубля серебромъ въ годъ; за эту плату онъ долженъ лечить и снабжать лекарствами все населеніе станціи, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Пасторъ, получающій приличное содержаніе отъ компаніи, управляетъ тремя школами для 300 мальчиковъ и дѣвочекъ. Есть также библиотека и школа ремесленниковъ, для содержанія которыхъ собирается по подпискѣ по три рубля серебромъ въ годъ съ человека. Тутъ многіе мастера почтенныхъ лѣтъ, которымъ не удалось получить надлежащее воспитаніе въ молодости, учатся по вечерамъ читать, писать и арифметикъ. Есть тутъ наконецъ и классъ музыки и пѣнія, который посещается многими рабочими, ихъ женами и дочерьми.

Городъ Кру имѣетъ до 600 домовъ, церковь, три школы и городское собраніе; все эти зданія принадлежатъ обществу желѣзной дороги. Очень занимательно слѣдить за рожденіемъ и развитіемъ новыхъ городовъ по линіи желѣзной дороги; почти не успѣемъ оглянуться, какъ при станціи возникаетъ уже городъ. Первоначально дома въ Кру были выстроены только для служащихъ при желѣзной дорогѣ; но вскорѣ оказалось нужнымъ построить еще много другихъ домовъ, для торговцевъ и другихъ лицъ, желающихъ присоединиться къ новому поселенію, такъ что нынѣ изъ 10,000 душъ составляющихъ населеніе Кру, половина состоитъ изъ людей, не принадлежащихъ къ желѣзной дорогѣ. Не только все улицы освѣщаются газомъ и довольно широки, но и дома вообще очень хороши и ве смотря на недавнее ихъ существованіе, въ нихъ уже поселились люди и роскошь. У многихъ лавокъ большія окна стараются прійти за зеркальными. У банмачниковъ, рядомъ съ толстыми сапогами жителей желѣзной дороги, красуются банмачки и ботинки, которыхъ подошвы едва имѣютъ половину ширины и длины обыкновенной человѣческой ноги. Рабочіе сперва завели было простаго учителя танцеванія изъ своихъ, но аристократія Кру потребовала болѣе эстетическихъ прыжковъ, и теперь артистъ болѣе искусный и щеголеватый даетъ уроки въ общественной залѣ, вмѣщающей до тысячи человекъ. Драматическія представленія даются здѣсь нередко странствующими

трупами, которыми не позволяют долго оставаться; правление компании не жалуеть развлеченій, разорительныхъ для работниковъ.

Для освѣщенія города и лавокъ изъ заведенія компании выходитъ до 40,000 кубическихкихъ футовъ газа въ день; тротоары для переходовъ сдѣланы изъ асфальту, составленнаго изъ каменно-угольной смолы, смѣшанной съ древесной золой, добываемою изъ мастерскихъ. Городъ управляется совѣтомъ изъ пятнадцати членовъ, изъ которыхъ двѣ трети избираются рабочими и жителями, и одна треть назначается директорамъ правленія. Въ распоряженія ихъ объявляются отъ имени совѣта.

Число людей при лондоно-сѣверо-западной желѣзной дорогѣ, со включеніемъ занимающихся сборкою и раздачею посылокъ, было въ 1848 году слѣдующее: 2 секретаря, 1 директоръ, 2 инспектора, 966 прикащиковъ и писмонодителей, 3,054 служителя, 701 полицейскій, 734 машиниста и кочегара, 3,347 мастеровыхъ, 1,452 чернорабочихъ. Итого 10,263 человека. Число лошадей 612, конныхъ вагоновъ 253. Этотъ небольшой очеркъ, можетъ быть и скучный въ подробностяхъ, показываетъ трудность и обширность учрежденій, потребныхъ для движеній на большихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Когда была введена въ Европѣ нынѣшняя система сообщенія посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, парламентъ и правительство въ Англіи серьезно разсматривали, должны ли эти національныя дороги устраниваться и управляться самимъ правительствомъ, посредствомъ особеннаго учрежденнаго для того департамента, или же устройство ихъ должно быть предоставлено множеству компаний на акціяхъ. Не вступая въ разсмотрѣніе доводовъ, приводимыхъ въ пользу той или другой системы, мы скажемъ только, что въ Англіи была принята система компаний, и всѣмъ капиталистамъ и спекулянтамъ, то-есть, имѣющимъ средства и не имѣющимъ ихъ, было дозволено на своемъ иждивеніи соорудить желѣзныя дороги самаго торговаго государства въ мірѣ, пользоваться и управлять ими. Первые слѣдствія этой мѣры были такія, какъ слѣдовало ожидать. Какъ скоро было дознано, что желѣзная дорога, соединяющая пункты, въ которыхъ сосредоточиваются огромныя массы народонаселенія, какъ наприкладъ Лондонъ, Бристоль, Бирмингемъ, Ливерпуль, Манчестеръ, и тому подобныя, доставляетъ хорошіе барыши, сотни невѣждъ тотчасъ

вообразили, что каждая желѣзная дорога должна давать барыши, хотя бы она соединяла двѣ деревушки. Такое неблагоразумное соребновеніе надѣлало много и добра и зла. Новыя сооружеія были предпринимаемы и ведены съ необыкновенною дѣятельностью. Съ другой стороны, какъ инженерное искусство не такъ легко присѣсть, какъ капиталъ, то многія важныя работы были производимы вѣдурнымъ присмотромъ; и какъ лѣсъ, желѣзо, и всѣ матеріалы, потребныя для сооружеія желѣзной дороги, вдругъ значительно поднялись въ цѣнѣ, издержки на эти дороги многимъ превзошли то, чего онѣ стоили бы при спокойномъ, разсчетливомъ и благоразумномъ веденіи дѣла. Нынче доказано разсчетомъ, что желѣзныя дороги Великобританіи могли быть построены менѣе чѣмъ за половину тѣхъ суммъ, которыя неопытныя правленія различныхъ компаній на нихъ промотали. Изъ Гирспетова «Журнала желѣзныхъ дорогъ» видно, что по нынѣшнее время на эти постройки издержано до 950,000,000 рублей серебромъ, и что общая выручка барышей доставляетъ акціонерамъ въ сложности не болѣе 3,62 процентовъ дивиденда. Результатъ такой ужасенъ для капиталистовъ, которые купили акцій желѣзныхъ дорогъ, въ надеждѣ удвоить и утроить свое достояніе въ короткое время. Когда сложность представляетъ такія числа каковы 3,62 (вѣсь большимъ 3½ процента), то на дѣль должно оказываться, что если компанія, болѣе прочихъ счастливая, получаютъ по 6 процентовъ отъ своего капитала, другія несчастныя, должны получать по 2, по 1, и по 0. Нельзя однакожь сказать, чтобы англійскія желѣзныя дороги приносили худой доходъ: если принять въ соображеніе то, что онѣ построены мотовски, безъ разсчета, а иногда и безъ совѣсти въ издержкахъ, и что ихъ можно было соорудить менѣе чѣмъ за половину того страшнаго капитала, то надо согласиться, что они даютъ въ сложности около 8 процентовъ барыша отъ состоящаго своего достоинства. Не желѣзныя дороги следовательно виновны передъ капиталистами, а сумасбродныя правленія, которыя акціонеры поручали распоряженіе своими деньгами.

ИСТОРИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЧЕРНОМОРСКОЙ и АЗОВСКОЙ ТОРГОВЛИ

ОТЪ НАЧАЛА ВОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ ДО НОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ и ПОСЛѢДНЯЯ.

=

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

*Отъ учрежденія одесскаго порто-франко до адрианопольскаго
мира.*

Въ то время, когда почти все европейскія государства и преимущественно Англія и Франція, стѣснили ввозъ иностраннаго хлѣба, введеніе въ Россіи новой тарифной системы, облегчившей привозъ иностранныхъ товаровъ, не могло имѣть благоприятнаго вліянія на успѣхи черноморской торговли. Послѣ значительнаго вывоза хлѣба въ 1816 и 1817 годахъ, по случаю неурожаевъ въ Западной Европѣ, отпускная торговля въ нашихъ южныхъ портахъ, съ уменьшеніемъ требованія на хлѣбъ, примѣтно ослабѣла, какъ видно изъ слѣдующихъ итоговъ отпуска за десяти-лѣтній періодъ:

Отпускано:	Хлѣба.	Другихъ товаровъ.	Всего.
Въ 1817 году на	57,433,651	5,050,628	62,489,279 руб. ас.
— 1818 — —	32,978,319	6,880,961	39,859,280 — —
— 1819 — —	21,652,305	5,605,569	27,257,874 — —
— 1820 — —	20,279,142	8,664,052	28,943,194 — —
— 1821 — —	17,232,593	5,169,041	22,401,634 — —
— 1822 — —	12,223,061	6,523,721	18,746,782 — —
— 1823 — —	14,804,569	9,071,768	23,876,337 — —
— 1824 — —	9,080,894	9,246,232	18,327,126 — —
— 1825 — —	14,149,002	11,736,169	25,885,171 — —
— 1826 — —	10,968,784	9,382,729	20,351,513 — —

Отпускъ хлѣба, въ теченіе этого періода почти съ каждымъ годомъ упадалъ. Единственными истоками для сбыта нашей пшеницы оставались Греція съ Архипелагомъ, Италия, Триестъ, Мальта и Марсель; изъ складочныхъ для пшеницы портовъ Средиземнаго моря она отправлялась, по временамъ, въ Англію и другія мѣста, въ случаѣ возвышенія тамошнихъ цѣнъ. Иностранцы, закупая въ нашихъ южныхъ портахъ пшеницу, обыкновенно въ такое время, когда цѣны на нее были низки, сбывали ее потомъ, по выгоднѣйшимъ цѣнамъ, въ тѣ мѣста, куда она требовалась. Такимъ-образомъ, большая часть выгодъ отъ хлѣбной торговли доставалась генуэзскимъ, ливорскимъ, триестскимъ и марсельскимъ торговымъ домамъ, черезъ посредство которыхъ иностранные рынки снабжались черноморскою пшеницею. Съ прекращеніемъ чрезвычайнаго требованія и высокихъ цѣнъ на хлѣбъ въ нашихъ южныхъ портахъ, доходы отъ хлѣбопашества въ Новороссійскомъ краѣ должны были значительно уменьшиться. Средняя цѣна пшеницы, доходившая въ этихъ портахъ въ 1847 г. до 31 р., составляла въ 1818 г. 24 р., въ 1822 г. 19 р., въ 1825 г. 15½ р., а въ 1826 г. только 11 р., за четверть. При какомъ упадкѣ хлѣбныхъ цѣнъ, сельскіе хозяева и портовые купцы обратили вниманіе на другія отрасли торговли и уже съ двадцатыхъ годовъ вывозъ сѣдла, шерсти, кожъ сырыхъ, сталъ примѣтно возрастать; но хлѣбъ оставался важнѣйшею статьею черноморской торговли, такъ-что даже въ самые неблагопріятные годы вывозъ его по цѣнѣ превышалъ дѣятельность отпуска всѣхъ другихъ произведеній.

Стѣпенное положеніе хлѣбной торговли, составлявшей главный источникъ богатства и благосостоянія Новороссійскаго края, прелят-

отвозило развитію тамъ потребленія иностранныхъ товаровъ. При благоприятныхъ для хлѣбной торговли обстоятельствахъ, привозъ представлялъ постоянное приращеніе, но съ упадкомъ цѣнъ и требованія на хлѣбъ, привозная торговля, въ свою очередь, подверглась застою. Въ эпоху цвѣтущаго состоянія хлѣбнаго торга въ нашихъ южныхъ портахъ, привозъ туда иностранныхъ товаровъ составлялъ слѣдующія суммы:

Въ 1816 г.	7,179,902	руб. ас.
— 1817 —	8,968,759	— —
— 1818 —	9,965,334	— —

Значительный перевѣсъ отпуска надъ привозомъ въ этихъ портахъ объясняется самымъ свойствомъ тамошней торговли. Малолюдное населеніе Новороссійскаго края, недостатокъ сообщеній съ внутренними губерніями и отдаленность южныхъ портовъ отъ главныхъ центровъ сбыта и потребленія иностранныхъ товаровъ, ограничивали привозъ ихъ такъ, что иностранцы должны были платить за наши произведенія болышею частью звонкою монетою. Платежи за хлѣбъ, покупаемый въ этихъ портахъ, всегда прѣвышали, въ значительной пропорціи, ту сумму, на какую простирался привозъ иностранныхъ товаровъ въ южную Россію и хотя потребленіе ихъ, съ развитіемъ благосостоянія этаго края, постепенно увеличивалось, однако привозъ этихъ товаровъ отнюдь не могъ соразмѣряться съ отпускомъ такого предмета какъ хлѣбъ, сбытъ котораго всегда подверженъ измѣчивости, смотря по соединенію урожаевъ, и много зависитъ отъ заграничныхъ спекуляцій. При послѣднихъ и случайныхъ закупкахъ хлѣба въ нашихъ портахъ, иностранцы принуждены были высылать туда звонкую монету, а не товары, привозъ которыхъ долженъ былъ оставаться соразмѣрнымъ съ действительною въ нихъ потребностью для южной Россіи.

Учрежденіе въ 1819 г. порто-франко въ Одессѣ, открытіе въ то же время транзита къ этому порту отъ западной сухопутной границы и введеніе съ 1820 г. облегчительнаго тарифа таможенныхъ пошлинъ — все эти событія способствовали нѣкоторому приращенію ввоза иностранныхъ товаровъ въ 1819, 1820 и 1821 г.; но развитіе привозной торговли было кратковременно: оно остановилось по изданіи запретительнаго тарифа 1822 года. Иностранныхъ товаровъ въ черноморскіе и азовскіе порты привезено:

Въ 1819 г.	14,763,349	руб.	ас.
— 1820 —	12,923,992	—	—
— 1821 —	12,723,228	—	—
— 1822 —	11,001,896	—	—
— 1823 —	10,298,182	—	—
— 1824 —	10,062,081	—	—
— 1825 —	8,448,025	—	—
— 1826 —	11,100,014	—	—

По трехлѣтней сложности этотъ привозъ составлялъ: въ 1819—1821 г. 40,350,369 р., а въ 1824—1826 г. 29,610,210 р., слѣдственно на 10 милліоновъ руб. менше.

Въ то же время значительно уменьшился и транзитъ въ Одессу. Иностранные товары доставлялись отъ западной сухопутной границы транзитомъ въ одесскій порто-франко, какъ для мѣстнаго потребленія, такъ и для вывоза внутрь Имперіи. Сбытъ ихъ не могъ не потерпѣть отъ тарифа 1822 г., по которому не только возвышены пошлины съ иностранныхъ товаровъ, но многія издѣлія вовсе запрещены къ привозу. — Транзитныхъ товаровъ доставлено въ Одессу:

Въ 1819 г.	на 1,753,440	руб.	ас.
— 1820 —	— 4,482,257	—	—
— 1821 —	— 5,745,608	—	—
— 1822 —	— 1,929,088	—	—
— 1823 —	— 1,744,828	—	—

Въ теченіе этого періода, Одесса и Таганрогъ были главными центрами визитной торговли въ южной Россіи, а другіе ея порты, какъ по привозу, такъ и по отпуску товаровъ, далеко отставали отъ этихъ двухъ портовъ. На Азовскомъ морѣ, Таганрогъ былъ единственнымъ пунктомъ для привоза иностранныхъ товаровъ: вина греческихъ, масла деревяннаго, сухихъ фруктовъ и другихъ. Иностранцы покупали здѣсь пшеницу, икру, масло коровье, желѣзо, юсть и др.; а для нагрузки пшеницы отправлялись также въ Маріуполь. Между крымскими портами первенствовала Феодосія, по близкимъ сношеніямъ ея съ Малою Азіею. Къ облегченію этой торговли правительство разрешило привозъ къ этимъ портамъ турецкихъ бумажныхъ и шелковыхъ издѣлій съ уменьшенной пошлиною. Хлѣбъ, шерсть, сырыя кожи, были главнѣйшими статьями отпуска изъ Феодосіи и Евпаторіи; тѣ же предметы вывозились изъ керченскаго порта, открытаго для иностран-

ныхъ кораблей съ 1821 г. Вообще торговля всѣхъ упомянутыхъ портовъ въ трехлѣтіе съ 1824 по 1826 г. включительно, составляла слѣдующія суммы :

	Въ 1824.	1825.	1826 г.	
<i>Отпускъ :</i>				
Въ Одессѣ	13,039,575	20,029,370	14,711,834	руб.
— Таганрогъ	4,425,909	5,552,858	4,807,267	—
— прочихъ портахъ	861,644	502,963	832,412	—
Итого	18,327,126	25,885,171	20,351,513	руб.
<i>Привозъ :</i>				
Въ Одессѣ.	6,946,714	5,801,012	6,879,504	руб.
— Таганрогъ	2,458,682	2,395,359	3,724,621	—
— прочихъ портахъ.	656,785	251,654	495,889	—
Итого	10,062,181	8,448,015	11,100,014	руб.

По трехлѣтней сложности, цѣнность хлѣба, сала, шерсти, сырыхъ кожъ и другихъ товаровъ, вывезенныхъ изъ одесскаго порта, составляла 74 проц. всей отпускной торговли ; на часть Таганрога приходилось 22 проц., а для прочихъ южныхъ портовъ 4 проц. Въ привозной торговлѣ первенство принадлежало также одесскому порту : по трехлѣтней сложности привозъ иностранныхъ товаровъ составлялъ здѣсь 66 проц., въ Таганрогъ около 29 проц., а въ другихъ южныхъ портахъ не болѣе 5 проц. всей суммы привоза по черноморской и азовской торговлѣ.

Успѣхамъ процвѣтанія Одессы много способствовали льготы, дарованныя этому городу, какими не пользовался ни одинъ изъ городовъ Россійской имперіи : учрежденіе порто-франко на 30 лѣтъ, освобожденіе жителей Одессы отъ гильдейскихъ и другихъ повинностей на 25 лѣтъ, предоставленіе въ пользу городскихъ доходовъ пятой части пошлинныхъ и питейныхъ сборовъ — всѣ эти мѣры не могли не содѣйствовать умноженію народонаселенія, развитію промышленности и торговли и успѣхамъ благосостоянія Одессы. Какъ мѣстопробываніе главнаго управленія Новороссійскимъ краемъ, этотъ городъ сдѣлался предметомъ особенныхъ попеченій мѣстнаго начальства, и вскорѣ сравнялся съ лучшими городами Россіи. Учрежденіе порто-франко въ Одессѣ привлекло сюда защиточное населеніе изъ окрестныхъ губер-

ний: помещики и капиталисты стали сюда стекаться, чтобы пользоваться удобствами жизни и роскоши, но доставлять здесь разнообразных предметов потребления, которыми Одесса снабжалась из-за границы, съезжаемых только въ пользу города нѣтой части таможенных пошлинъ. Возраставшее съ каждымъ годомъ число потребителей иностранныхъ товаровъ въ Одессѣ оживляло различную торговлю и мелкую промышленность. Все это не могло-бы, однако, возвысить Одессу на степень значительнаго коммерческаго города, если-бы географическое положеніе одесскаго порта не доставляло ему существенныхъ преимуществъ передъ всеми портами южной Россіи въ отношеніи къ заграничному сбыту хлѣба и другихъ продуктовъ этого края. Таганрогъ, находясь въ отдаленномъ углу Азовскаго моря, долженъ былъ уступить первенство Одессѣ, которая, имѣя превосходный портъ, ближайшій къ иностраннымъ рынкамъ, привлекала къ себѣ корабли для нарузки пшеницы. Другіе южные порты получали всѣ нужные товары только изъ окрестныхъ мѣстъ. Единственнымъ истокомъ для сбыта хлѣба изъ всей югозападной Россіи была Одесса, которая и обязана этому обстоятельству своимъ важнымъ значеніемъ въ хлѣбной торговлѣ Европы.

До открытія порто-франко въ 1819 г., Одесса пользовалась съ 1809 г. складочнымъ правомъ, состоявшимъ въ томъ, что всѣ иностранные товары, къ этому порту привозимые, могли быть оставлены на складкѣ въ особоустроенныхъ магазинахъ, безъ платежа пошлинъ, полтора года. Манифестъ отъ 16 апрѣля 1847 г. даровалъ порту и городу Одессѣ права и свободу торговли, присвоенныя порто-франко. Права эти были дарованы на тридцать лѣтъ, считая со дня совершеннаго окончанія черты порто-франко, съ тѣмъ, что «по усмотрѣнію пользы и выгоды, съ оными сопряженныхъ, могутъ быть оныя распространены и на должайшее время». Главныя основанія порто-франко, изложенныя въ манифестѣ, заключались въ томъ, что въ портъ и городъ Одессу съ его округомъ дозволенъ свободный и безпошлинный привозъ всѣхъ иностранныхъ товаровъ безъ различія, исключая и тѣхъ, которые по общему тарифу къ ввозу въ Россію запрещаются. Привозимые такимъ образомъ товары сначала разрешалось впускать въ городъ безъ таможеннаго досмотра и безъ подлинныхъ установленныхъ объявленій; но въ 1820 г. эта привиллегія измѣнилась тѣмъ, что въ пользу города Одессы определено взимать съ нихъ

1/2 часть пошлины, уплачиваемой по тарифу. Затѣмъ, для пропуска иностранныхъ товаровъ за черту порто-франко, учреждена таможенная и таможенно, вся товары, вывезенные въ городъ съ уплатою 1/2 пошлины для внутреннего въ намѣ потребленія, очищать остальными 1/2 пошлины по тарифу при вывозѣ внутрь имперіи за черту порто-франко. Все это потребовало устройства и усиленія таможенной стражи, а также усугубленія строгости таможенныхъ досмотровъ, которымъ должны были подвергаться не только купеческіе транспорты, но и жители всѣхъ вообще проезжающихъ, потому-что черта порто-франко, отдѣляя Одессу отъ Россіи, поставила этотъ городъ въ положеніе Заграничнаго мѣста. Порто-франко, съ одной стороны облегчая сбытъ иностранныхъ товаровъ въ Одессу, съ другой, имѣло нѣкоторое вліяніе на правильную торговлю ими съ внутренними городами: вмѣсто выписки потребныхъ предметовъ изъ Одессы, съ платежемъ за нихъ тарифной пошлины при вывозѣ изъ порто-франко, представилась возможность ввозить ихъ оттуда подъ видомъ пассажирскаго имущества. Жители окрестныхъ губерній, пріѣзжая въ Одессу на время, стали запасаться здѣсь всими потребными имъ вещами и этимъ способомъ открылся законный путь къ водворенію внутри имперіи иностранныхъ товаровъ, облаченныхъ только 1/2 пошлины или запрещенныхъ къ привозу по общему тарифу. Сбытъ этихъ товаровъ, въ видѣ необходимыхъ предметовъ для собственнаго употребленія, сдѣлался весьма выгодною и значительною отраслью одесской промышленности и магазинной торговли, которая привлекла сюда значительное число иностранныхъ ремесленниковъ и торговцевъ, и открыла имъ вѣрный источникъ къ нажитію капиталовъ. Эта отрасль коммерческой дѣятельности, завязанная собственно отъ порто-франко, развивалась въ Одессѣ съ распространеніемъ потребленія иностранныхъ товаровъ въ южной Россіи; но и при существованіи порто-франко, привозъ ихъ составлялъ второстепенную отрасль одесской торговли, которая опиралась преимущественно на заграничный сбытъ хлѣба и внутреннихъ произведеній. Не порто-франко, а благоприятное для отпускной торговли географическое положеніе одесскаго порта, было главнымъ источникомъ ея процвѣтанія въ этомъ мѣстѣ; не порто-франко, а выгоды отпускнаго торгова побудили иностранцевъ къ учрежденію коммерческихъ конторъ въ Одессѣ, подобно тому, какъ такія же конторы ими заведены были въ Архангельскъ и Ригѣ. Благотворное вліяніе Одесской торговли на

промышленность южной Россіи, въ отношеніи къ сбыту ея произведеній, обнаружилось, какъ мы видали выше, еще прежде нежели открытъ былъ порто-франко въ Одессѣ. Въ двадцатыхъ годахъ, при упадкѣ хлѣбной торговли, число одесскихъ капиталовъ значительно уменьшилось: въ 1821 г. объявлено ихъ на 10,760,000 р., въ 1822 г. 7,190,000 р., въ 1823 г. 5,804,000, а въ 1824 г. 4,668,000 р. Эти цифры очевидно доказываютъ, что порто-франко не отвратило уменьшенія купеческихъ капиталовъ въ Одессѣ, куда они привлечены были выгодными обстоятельствами хлѣбнаго торга, и что процвѣтаніе вѣншей торговли въ этомъ мѣствѣ зависѣло не отъ порто-франко, но собственно отъ сбыта хлѣба и другихъ отпускныхъ продуктовъ, для которыхъ Одесса была важнѣйшимъ рынкомъ въ южной Россіи.

Разныя неблагопріятныя обстоятельства препятствовали успѣхамъ черноморской торговли въ двадцатыхъ годахъ: безпокойства въ Италіи и греческая революція, остановивъ коммерческую дѣятельность въ тѣхъ мѣстахъ, которыя находились въ ближайшихъ торговыхъ сношеніяхъ съ портами южной Россіи, имѣли пагубное вліяніе на торговлю этихъ портовъ, которая и безъ того уже страдала отъ запретительныхъ пошлинъ на хлѣбъ, установленныхъ въ Англіи и во Франціи. Въ 1827 г., по случаю возникшаго требованія на хлѣбъ, черноморская торговля вновь оживилась: хлѣба отпущено въ этомъ году 18,985,707 руб. ас., а другихъ товаровъ на 9,240,589 руб. Съ увеличеніемъ заграничнаго отпуска возвысился и привозъ: въ 1827 г. иностранныхъ товаровъ привезено на 14,989,578 руб. Развитіе коммерческой дѣятельности въ портахъ южной Россіи было прервано потомъ на два года войною съ Турціею. Военныя дѣйствія, начавшіяся въ апрѣль 1828 г., кончились осенью 1829 г., и поэтому торговля воспользовалась только краткимъ промежуткомъ времени, для послышняго отправленія товаровъ. Весь отпускъ и привозъ ихъ въ черноморскихъ и азовскихъ портахъ составлялъ слѣдующія суммы:

	Отпускъ.	Привозъ.	
		Моремъ.	Транзитомъ въ Одессу.
Въ 1828 году на	2,197,302	1,066,546	5,740,882 р. ас.
1829 —	7,589,852	2,585,640	3,784,523

Транзитная торговля черезъ Броды и Одессу, значительно ослабѣвшая по введеніи тарифа 1822 года, стала усиливаться съ открытіемъ

незаго пути для транзитныхъ товаровъ, а именно изъ Одессы въ Закавказскій край черезъ Редуть-Калё. Льготы, дарованныя указомъ 8 октября 1821 года Грузинъ и другимъ закавказскимъ областямъ и между-прочимъ постановленіе о взиманіи тамъ съ иностранныхъ товаровъ только пяти-процентной пошлины съ цѣны, возбудили коммерческую предпримчивость не прежде какъ въ 1823 году, когда некоторые одесскіе купцы, рѣшились отправить въ Редуть-Калё оставшіеся у нихъ, за нераспродажею, мануфактурные и другіе товары. Успѣхъ этого предпріятія произвелъ совершенный переворотъ въ закавказской торговлѣ. На слѣдующій годъ тифлисскіе Армяне пріѣхали въ Одессу для закупки товаровъ, потомъ стали ѣздить на лейпцигскую ярмарку и отправлять товары въ Редуть-Калё черезъ Броды и Одессу. Эта новая отрасль торговли усилила привозъ транзитныхъ товаровъ въ Одессу, который въ 1823 году составлялъ, какъ выше показано, только 1,744,828 руб., а въ слѣдующіе годы примѣтно возвысился. Транзитныхъ товаровъ привезено въ Одессу и изъ нихъ отправлено въ Редуть-Калё :

	Привезено.	Отправлено.
Въ 1824 году на	2,413,528	— р. ас.
1825 —	2,256,596	397
1826 —	2,477,125	1,262,231
1827 —	2,344,157	918,947
1828 —	5,740,482	2,001,390
1829 —	3,784,523	1,988,865

Въ послѣдніе два года, война съ Турціею, остановивъ торговлю по Черному морю, благоприятствовала усилению этого транзита. Часть транзитныхъ товаровъ отправлялась въ Закавказскій край, а другая часть оставалась на потребленіе въ одесскомъ порто-франко и для вывоза внутрь имперіи. Платежи за провозимые транзитомъ товары производились обыкновенно вексельными переводами и звонкою монетою, оттого, что транзитъ иностранныхъ товаровъ изъ Одессы въ Броды былъ весьма маловаженъ. Этимъ путемъ отправлено товаровъ изъ одесскаго порто-франко :

Въ 1824 году на	63,788 руб.
1825 —	27,718
1826 —	48,876
1827 —	23,168
1828 —	57,913
1829 —	27,954

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Отъ адрианопольскаго мира до нынѣшняго времени.

Война Россіи съ Турціею кончилась заключеннымъ 2 сентября 1829 года въ Адрианополь мирнымъ трактатомъ, по которому путь чрезъ Босфоръ и Дарданеллы объявленъ совершенно свободнымъ и открытымъ для кораблей всѣхъ націй; Оттоманская Порта обязалась наблюдать, чтобы торговля и въ-особенности плаванія по Черному морю не подвергались какимъ-либо препятствіямъ, обѣщая, съ своей стороны, впредь никогда не задерживать и не останавливать суда съ грузомъ или баластомъ, принадлежащія какъ Россіи, такъ и другимъ державамъ, съ которыми Оттоманская имперія не состоитъ въ объявленной войнѣ, когда суда ихъ будутъ проходить черезъ Константинопольскій каналъ (Босфоръ) или Дарданельскій проливъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, или же изъ Средиземнаго моря въ черноморскіе порты Россіи. Этимъ трактатомъ достигнута цѣль, которую Великій Петръ и Великая Екатерина постоянно имѣли въ виду — обезпеченіе свободы плаванія по Черному морю. Россія, своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, открыла купеческимъ судамъ всѣхъ націй безпрепятственный ходъ черезъ Дарданеллы и Босфоръ и положила конецъ препятствіямъ, которыя Оттоманская Порта противопоставляла торговлѣ и судоходству по Черному морю.

Въ теченіе двадцати лѣтъ, протекшихъ послѣ турецкой войны, движеніе торговли въ портахъ южной Россіи продолжалось непрерывно, болѣе или менѣе благоприятствуемое переменчивостью обстоятельствъ хлѣбнаго торга, составляющаго главнѣйшую отрасль тамошней торговой промышленности. Къ этому же времени относится приращеніе отпуска изъ тѣхъ портовъ сала, шерсти и льнянаго семени, которыя въ предъидущемъ періодѣ вывозились еще въ маловажномъ количествѣ. Изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ отпущено :

	Пшеницы.	четв. на	Прочихъ хлеб. зерн. произв.	руб. сер.	руб. сер.
Въ 1830 г.	2,057,264	на 11,755,954 р.	2,702,006	11,917,500	р. с.
1831 —	1,085,647	—	3,007,050	6,071,338	
1832 —	1,000,292	—	3,772,047	3,791,351	11,564,078
1833 —	603,743	—	3,104,064	5,733,468	2,902,452
1834 —	132,072	—	849,034	2,301,877	2,150,911
1835 —	680,984	—	3,707,636	6,942,425	10,650,061
1836 —	1,410,006	—	6,042,883	7,198,567	13,241,450
1837 —	1,308,654	—	3,009,753	6,121,168	14,130,919
1838 —	2,791,617	—	10,844,997	7,291,203	17,936,200
1839 —	2,048,667	—	16,284,868	3,020,353	24,505,521
Итого	14,276,946	—	74,860,226	58,846,579	153,706,805 р. с.
Въ 1840 г.	1,706,653	четв. на 11,215,606	7,291,024	18,506,630	р. с.
1841 —	1,444,778	—	8,091,754	7,666,491	15,758,245
1842 —	1,712,738	—	9,505,694	7,843,930	17,349,624
1843 —	1,908,312	—	9,255,313	7,433,405	16,688,718
1844 —	2,330,261	—	10,719,201	13,790,260	24,509,461
1845 —	2,716,148	—	13,500,740	11,287,308	24,868,048
1846 —	3,036,424	—	16,393,685	10,182,474	26,778,159
1847 —	5,066,183	—	32,225,271	14,058,847	46,284,118
1848 —	2,941,744	—	16,347,134	9,051,774	25,398,908
1849 —	2,247,782	—	13,072,386	9,428,312	22,500,698
Итого	25,111,023	—	140,608,784	98,033,825	238,642,609 р. с.

Въ первое десятилетіе, послѣ значительнаго отпуска пшеницы въ 1830 году; доходившаго до двухъ милліоновъ четв., вывозъ ея былъ почти вполнину менше въ 1831 году, по случаю безпокойствъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, а потомъ, неурожан, бывшіе въ южной Россіи, ограничили отпускъ пшеницы съ 1833 по 1835 годъ вклучительно; въ 1834 году вывезено только 132,000 четв. пшеницы, а привезено иностраннаго хлѣба, для продовольствія этого края, на 1,738,000 руб. сер. Съ 1836 года вывозъ пшеницы постоянно возрасталъ и за исключеніемъ 1841 года, составлялъ ежегодно болѣе $1\frac{1}{2}$ милліона четв., а съ 1844 года—свыше двухъ милліоновъ четв.; въ 1846 году вывезено три милліона четвертей, и при необыкновенномъ требованіи на хлѣбъ въ западной Европѣ, въ 1847 году отпущено пшеницы изъ южной Россіи слишкомъ пять милліоновъ четв., кромѣ разнаго другаго хлѣба, котораго въ томъ же году вывезено на 3,298,000 руб. сер. Въ общей сложности отпускъ пшеницы въ пе-

оладнее десятилѣтїе, увеличился, противъ перваго десятилѣтїа, по количеству на 76%, а по цѣнѣ на 87%.

Вывозъ прочихъ товаровъ былъ незначителенъ, въ сравненїи съ отпускомъ пшеницы, въ первые три года послѣ турецкой войны; но съ 1833 года сталъ возрастать, и за исключенїемъ тѣхъ годовъ, когда было большое требованїе на пшеницу, цѣнность отпуска прочихъ товаровъ почти равнялась той суммѣ, до которой доходилъ вывозъ этого хлѣба. Такой результатъ былъ слѣдствїемъ распространенїа торговыхъ сношенїй южныхъ портовъ Россїи съ Англїею, которая стала получать отсюда льняное сѣмя, сало и шерсть; сверхъ-того, для новороссїйской шерсти открылся сбытъ въ Бельгїю. Эти три новыя статьи преимущественно способствовали, въ новѣйшее время, приращенїю черноморской торговли, при колебанїяхъ хлѣбнаго торговаго, который, впрочемъ, также усилился, иш-только Англїя облегчила свой тарифъ по привозу иностраннаго хлѣба. При измѣнчивости прежней пошлины съ хлѣба по англїйскому тарифу, торговцы не имѣли никакой возможности исчислить съ нѣкоторою достовѣрностью, какую цѣну можно будетъ выручить за хлѣбъ по привозу въ Англїю и поэтому, выписка его изъ такихъ дальнихъ портовъ, какъ Одесса, была сопряжена съ большимъ рискомъ. Обстоятельства хлѣбной торговли съ Англїею приняли болѣе благоприятный оборотъ по установленїи тамъ, съ 1846 года, однообразной и постоянной пошлины съ хлѣба. Послѣдствїя этой перемѣны не замедлили обнаружиться въ торговлѣ Одессы. Отпускъ пшеницы изъ этого порта распределялся слѣдующимъ образомъ:

	Въ Англїю.	Въ сѣв. Европу.	Въ порты Средне-земнаго моря.
Въ 1849 году	844,245	36,042	834,451 четв.
1848 —	897,904	52,727	1,108,466 —
1847 —	708,918	103,451	1,963,468 —
1846 —	263,659	127,116	1,733,630 —
1845 —	148,768	98,230	1,671,932 —
1844 —	108,288	75,300	1,999,482 —

Изъ этого сравнительнаго обзора оказывается, что отпускъ пшеницы прямо въ Англїю съ 1844 года значительно увеличился: въ этомъ году онъ составлялъ только 8 $\frac{1}{2}$ % проц., а 1849 году 50

прод. всего количества отправленной изъ Одессы пшеницы. Съ развитіемъ прямаго отпуски въ Англію, ограничилось посредничество портовъ Средиземнаго моря въ нашей глубокой торговлѣ: пропорція одесскаго отпуски пшеницы въ эти порты составляла въ 1844 году 86½ проц., а въ 1849 году около 48 проц. Должно замѣтить при этомъ, что въ этой таблицѣ вывозъ пшеницы изъ Одессы въ порты Средиземнаго моря показанъ со включеніемъ грузовъ, отправляемыхъ въ Константинополь за приказами, а какъ многіе корабли съ пшеницею отходили изъ этого порта прямо въ Англію, то пропорція доставленной туда пшеницы изъ Одессы должна быть около половины всего одесскаго отпуски. Пшеница отправляется изъ Одессы въ Англію только зерномъ, и до-сихъ-поръ не обращено вниманія на вывозъ туда пшеничной муки, между-тѣмъ какъ Северо-Американскіе Соединенные Штаты снабжаютъ Англію пшеничною мукою въ большомъ количествѣ*.

Льняное сѣмя отправлялось изъ южныхъ портовъ до 1830 года въ самомъ ничтожномъ количествѣ и то лишь случайно, а съ 1830 года начался постоянный отпускъ, который съ-тѣхъ-поръ значительно увеличился. Заграничное требованіе поощрило къ умноженію посѣвовъ льна въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ воздѣлываніемъ этого продукта стали заниматься преимущественно для продажи сѣмени въ заморскій отпускъ. Быстрое и значительное развитіе этой отрасли торговли обнаруживается изъ слѣдующей таблицы. Льнянаго сѣмени отпущено :

Въ 1830 году	6,331 четв.	Въ 1840 году	227,137 четв.
1831 —	22,495 —	1841 —	154,525 —
1832 —	44,785 —	1842 —	240,276 —
1833 —	61,976 —	1843 —	128,037 —
1834 —	17,209 —	1844 —	421,957 —
1835 —	23,315 —	1845 —	382,512 —
1836 —	57,440 —	1846 —	330,354 —
1837 —	110,458 —	1847 —	729,079 —
1838 —	235,055 —	1848 —	459,016 —
1839 —	243,189 —	1849 —	157,870 —
Итого	822,553	Итого	5,250,663 четв.

* Изъ Одессы вывозится пшеничная мука только въ Константинополь.

Въ послѣднее десятилетіе, средний вывозъ сала изъ черноморскихъ портовъ въ Англію.

Сала, отправленнаго въ Англію, въ 1825, и 1826 г., вывозлено было на основаніи списка на сумму 300,000 пуд. Въ первое десятилетіе послѣ турецкой войны, самый значительный вывозъ сала изъ России, въ 1834 и 1835 годахъ, когда на сѣверо-восточномъ берегу въ южной Россіи, большое количество овецъ размножено на скотоводствѣ. Съ тѣхъ поръ отпускъ сала не разу не доходилъ до того количества, какое вывозено было въ эти два года; но за исключеніемъ этого чрезвычайнаго отпуска, оказывается, что въ послѣднее десятилетіе, вывозъ сала, значительно уменьшился противъ предшлагаго періода.

Въ 1830 году	256,473 пуд.	Въ 1840 году	411,243 пуд.
1831 —	300,619 —	1841 —	394,689 —
1832 —	305,007 —	1842 —	399,636 —
1833 —	427,063 —	1843 —	591,169 —
1834 —	819,435 —	1844 —	471,017 —
1835 —	632,786 —	1845 —	362,612 —
1836 —	385,567 —	1846 —	561,027 —
1837 —	334,111 —	1847 —	578,706 —
1838 —	292,365 —	1848 —	621,529 —
1839 —	228,954 —	1849 —	284,054 —
Итого	3,963,040 пуд.	Итого	4,666,082 пуд.

Въ общей сложности, отпускъ сала увеличился въ послѣднее десятилетіе, противъ предшлагаго періода, только на 17 проц.; но если исключить 1834 и 1835 годы, то средний отпускъ въ этотъ періодъ составитъ 313,852 пуд., между-тѣмъ какъ въ послѣднее десятилетіе среднее количество отпуска доходило до 466,600 пуд. въ годъ, т.-е. на 48 проц. болѣе. Должно, однако, замѣтить, что возрастающій привозъ въ Англію сала изъ Южной Америки и другихъ странъ можетъ остановить дальнѣйшее развитіе этой отрасли черноморской торговли. Слѣдствіемъ усилившагося соперничества иностраннаго сала съ русскимъ, на англійскихъ рынкахъ было значительное уменьшеніе вывоза сала изъ черноморскихъ портовъ въ 1849 году.

Шерсть присоединилась къ главнымъ статьямъ черноморской тор-

годы, въ тридцатыхъ годахъ и вывозъ этого продукта. Благодаря
столькимъ чрезвычайнымъ расстройствомъ, существовавшимъ въ южной
Россіи, сбытъ шерсти въ недавнее время. Отпущено шерстян:

Въ 1830 году	36,502 пуд.	Въ 1840 году	180,459 пуд.
1831 —	87,475 —	1841 —	237,650 —
1832 —	107,192 —	1842 —	325,842 —
1833 —	162,129 —	1843 —	291,200 —
1834 —	192,037 —	1844 —	567,082 —
1835 —	246,274 —	1845 —	485,698 —
1836 —	204,225 —	1846 —	278,818 —
1837 —	168,607 —	1847 —	227,546 —
1838 —	201,869 —	1848 —	161,077 —
1839 —	227,297 —	1849 —	362,350 —
Итого 1,637,028 пуд.		Итого 3,129,740 пуд.	

По десятикратней сложности, вывозъ шерсти въ последний періодъ
былъ болѣе противъ перваго періода на 90 проц. После 1845 года,
требованіе на шерсть нѣсколько ослабло, потому-что въ 1846 —
1847 годахъ большая часть капиталовъ обратилась на закупку
хлоба, а въ 1848 году, политическія смуты въ западной Европѣ привели
къ разстройству фабрики и торговлю; но съ оживленіемъ фаб-
ричной дѣятельности въ 1849 году, вывозъ шерсти изъ черномор-
скихъ портовъ вновь усилился, однако все-еще былъ менѣе нежели
въ 1844 и 1845 годахъ. Кроме неблагоприятныхъ обстоятельствъ,
упомянутыхъ выше, которыя имѣли вліяніе на уменьшеніе вывоза
шерсти въ послѣдніе годы, сбыту ея на иностранныхъ рынкахъ,
особенно въ Англіи, стало вредить возрастающее соперничество шер-
сти, привозимой туда изъ Австраліи, Южной Америки, Африки и
Ост-Индіи: привозъ тамошнихъ шерстей годъ-отъ-году усиливается
и австральская уже появилась на нѣмецкихъ ярмаркахъ. До-сихъ-
поръ заграничный сбытъ новороссійской шерсти поддерживался пре-
имущественно ея дешевизною; но теперь, когда привозъ въ Европу
низкихъ, дешевыхъ шерстей изъ другихъ частей свѣта значитель-
но усиливается, отпускъ этого предмета изъ южной Россіи мо-
жетъ возвыситься только черезъ улучшеніе качества тамошнихъ шер-
стей и продажу ихъ по цѣнамъ, сколько возможно сходнымъ, для
продуктивности, этому соперничеству на заграничныхъ рынкахъ.

Другія статьи черноморской торговли еще не успѣли приобрести значительный сбытъ и некоторымъ изъ нихъ, напримеръ жѣлѣзо, масло коровье, икра, юфть, мѣдь, мягкая рухлядь, сырыя кожи, въ прежнее время составлявшія немаловажную часть отпуска изъ нашихъ южныхъ портовъ, сдѣлались второстепенными предметами тамошней торговли.

Жѣлѣзо уральское, которое вывозилось въ большомъ количествѣ изъ Таганрога, преимущественно въ Турцію, вытѣснено съ тамошнихъ рынковъ дешевымъ англійскимъ жѣлѣзомъ и оттого эта отрасль торговли пришла въ упадокъ. После первой турецкой войны, въ текущемъ столѣтїи, средній отпускъ жѣлѣза съ 1813 по 1817 годъ, составлялъ, по пятилѣтней сложности, 578,871 пудъ въ годъ, съ 1818 по 1827 годъ 338,474 пуд., съ 1830 по 1839 году 211,216, а съ 1840 по 1849 годъ только 154,921 пудъ; следовательно, отпускъ въ последнее десятилѣтїе, въ сравненїи съ первымъ періодомъ, уменьшился на 73 процента.

Масло коровье сибирское также утратило свою прежнюю важность въ черноморской торговлѣ, но по-крайней-мѣрѣ отпускъ этой статьи, уже нѣсколько лѣтъ сряду, остается почти въ одномъ размѣрѣ. Въ первое пятилѣтїе послѣ турецкой войны, кончившейся въ 1812 году, средній отпускъ (съ 1813 по 1817 годъ) доходилъ до 40,000 пуд.; потомъ, съ 1818 по 1827 годъ включительно, уменьшился до 21,867 пуд.; съ 1830 по 1839 отпускалось, среднимъ числомъ, 32,882 пуда, а съ 1840 по 1849 годъ 22,815 пуд. въ годъ. Масло коровье вывозится только въ Турцію и Грецію.

Вывозъ икры, которая отправляется обыкновенно въ Архипелагъ и Грецію, представляетъ подобный же результатъ. Во время греческой революціи, отпускъ икры изъ Таганрога и другихъ нашихъ южныхъ портовъ значительно уменьшился: по десятилѣтней сложности съ 1818 по 1827 годъ, вывозилось, среднимъ числомъ, по 28,668 пудовъ въ годъ, между-тѣмъ какъ въ предшедшее пятилѣтїе (1813—1817 годъ) средній отпускъ составлялъ до 47,000 пудовъ. По восстановленїи спокойствїя и торговли въ Архипелагъ и Грецію, послѣ турецкой войны 1828—1829 г., вывозъ икры увеличился противъ предшедшаго десятилѣтїя, но съ-тѣхъ-поръ средній отпускъ не представлялъ болѣе никакого приращенїя: съ 1830 по

1839 годъ вывозилось шкуры ежегодно по 39,446 пудовъ, а съ 1840 по 1849 годъ 39,561 пудовъ.

Требованіе на мягкую рухлядь въ оба эти періода оставалось так же въ одинаковомъ положеніи: средній отпускъ ея съ 1830 по 1839 годъ простирался на 25,171 руб., а съ 1840 по 1849 годъ на 25,063 руб. сер.; но въ десятилѣтній періодъ до послѣдней турецкой войны, а именно съ 1818 по 1827 годъ, отпускалось мягкой рухляди среднимъ числомъ на 62,000 руб. сер. въ годъ.

Въ новѣйшее время также значительно уменьшился вывозъ юфти: за пять лѣтъ до послѣдней турецкой войны отпускалось среднимъ числомъ ежегодно 4,665 пудовъ, потомъ съ 1830 по 1839 до 4,000 пудовъ, а съ 1840 по 1849 годъ средній отпускъ составлялъ только 1,411 пудовъ въ годъ.

Вывозъ сырыхъ кожъ былъ великъ только въ 1834 году, когда по случаю необыкновеннаго неурожаа, большое количество скота въ южной Россіи поступило на убой за недостаткомъ корму. Въ этомъ году отпущено сырыхъ кожъ 359,260 пудовъ; но впоследствии вывозъ ихъ сдѣлался, по прежнему, незначительнымъ. Въ первое десятилѣтіе послѣ турецкой войны (то-есть съ 1830 по 1839 годъ), среднее количество отпуска доходило до 93,149 пудовъ, а съ 1840 по 1849 годъ только до 39,496 пудовъ въ годъ.

Отпускъ шкуры, которая требовалась наиболѣе въ Турцію, стала приходить въ упадокъ съ распространеніемъ разработки тамошнихъ (Токатскихъ) рудниковъ. По десятилѣтней сложности, средній вывозъ шкуры изъ южныхъ портовъ нашихъ составлялъ ежегодно съ 1830 по 1839 годъ 15,621 пудовъ, а съ 1840 по 1849 годъ только 8,691 пудовъ, или на 44 проц. менше.

Канаты и веревки съ давняго времени принадлежать къ отпускнымъ статьямъ черноморской торговли и сбываются преимущественно въ Турцію и Грецію. Послѣ первой турецкой войны въ текущемъ столѣтіи, отпускъ канатовъ и веревокъ по пятилѣтней сложности съ 1813 по 1817 годъ, составлялъ 68,847 пудовъ въ годъ; но потомъ, во время греческой революціи, уменьшился такъ, что съ 1818 по 1827 годъ средній отпускъ доходилъ до 60,847 пудовъ. Съ оживленіемъ торговли и судоходства, послѣ второй турецкой войны, требованіе на канаты увеличилось и съ 1830 по 1839 годъ

среднее количество ихъ отпуска возрасло до 92,550 пудовъ; но съ 1840 по 1849 годъ составляло уже только 58,737 пудовъ, оттого, что потребности въ нихъ въ Турціи уменьшилась съ учрежденіемъ тамъ казенныхъ канатныхъ заводовъ, и нынѣ русскіе канаты требуются только для купеческихъ судовъ.

Обозрѣвъ движеніе черноморской торговли главнѣйшими статьями отпуска, не можемъ не обратить вниманіе на то, что нынѣ эта торговля поддерживается преимущественно заграничнымъ сбытомъ хлѣба, что въ первѣйшее время увеличился отпускъ только льняного сѣмени, шерсти и сала и что вывозъ другихъ предметовъ болѣе или менѣе уменьшился. Достаточно взглянуть на слѣдующія цифры, чтобы удостовѣриться въ первостепенной важности хлѣба для отпускной торговли нашихъ южныхъ портовъ. По десяти-лѣтнимъ сложностямъ, средній отпускъ составлялъ ежегодно:

	Съ 1830 по 1839 г.	Съ 1840 по 1849 г.
Хлѣба	на 7,845,855	14,924,354 руб. сер.
Прочихъ товаровъ —	5,524,445	8,439,906 — —
Итого	13,370,680	23,864,260 руб. сер.

Пропорція отпуска хлѣба равнялась въ первый періодъ 58%, а въ послѣдній 62%. — Вывозъ хлѣба увеличился на 90%, а прочихъ товаровъ отпущено въ послѣдній періодъ на 60% болѣе, нежели въ первый, но большая часть этого приращенія относится къ усилившемуся вывозу только льняного сѣмени, шерсти и сала, которые вмѣстѣ съ пшеницею сдѣлались главными предметами промышленности и торговли южной Россіи.

Втеченіи послѣдняго двадцати-лѣтія, отпускная торговля распределялась между главными городами на слѣдующія суммы:

	Среднія суммы отпуска.	
	Съ 1830 по 1839 г.	Съ 1840 по 1849 г.
Въ Одессѣ	на 7,868,207	15,027,146 руб. сер.
— Таганрогъ	2,524,774	2,705,497 — —
— другихъ азовскихъ портахъ —	1,393,925	4,562,334 — —
— крымскихъ, дунайскихъ и прочихъ портахъ	1,583,774	1,569,253 — —
Итого	13,370,680	23,864,260 — —

При значительномъ вывозѣ хлеба въ послѣднее десятилетіе, одесскій отпускъ увеличился на 90% и составлялъ не менѣе 58% всей черноморской отпускной торговли. Въ Таганрогѣ, гдѣ пшеница также составляетъ главную статью отпуска, ценность всего вывоза въ оба десятилетія была почти одинакова: приращеніе ея въ послѣдній періодъ доходило только до 7%. Такой результатъ объясняется чрезвычайнымъ развитіемъ отпускной торговли въ азовскихъ портахъ. До 1834 года, на Азовскомъ морѣ былъ только одинъ главный портъ — Таганрогъ, куда иностраннымъ кораблямъ дозволялось приходить прямо изъ-за границы; въ этомъ портѣ они выдерживали карантинъ, и по выгрузкѣ привезенныхъ ими товаровъ, нагружались русскими продуктами, которые доставляемы были частью изъ окрестныхъ мѣстъ сухимъ путемъ, а большею частью на перевозныхъ судахъ изъ Ростова-на-Дону. Корабли, выдержавшіе карантинъ въ Керчи или въ какомъ-либо другомъ портѣ Чернаго моря, нагружались также отпускными товарами въ Мариуполѣ, для доставки изъ отсюда въ иностранные порты. По объявленіи, въ 1833 году, Азовскаго моря практическимъ, то-есть открытымъ только для кораблей, выдержавшихъ карантинъ, и по учрежденіи въ Керчи карантинна для кораблей, идущихъ въ Азовское море, произошелъ переворотъ въ тамошней торговлѣ, благоприятный для развитія отпуска мѣстныхъ произведеній и для успѣховъ каботажнаго судоходства. Правительство разрѣшило отправлять товары прямо за границу изъ Ростова-на-Дону и открыло для внешней торговли Бердянскій портъ, который вскорѣ возвысился на степень важнаго торговаго пункта по отпуску пшеницы и льнянаго сѣмени. Корабли, приходящіе изъ иностранныхъ портовъ, освободились отъ необходимости отправляться въ Таганрогъ, для выгрузки товаровъ и для приѣма обратныхъ грузовъ, по выдержаніи тамъ карантинна. Съ отмѣненіемъ карантинной очистки при таганрогскомъ портѣ, и по учрежденіи главнаго карантинна у входа въ Азовское море, при керченскомъ портѣ, кораблямъ, приходящимъ изъ-за границы, представилась возможность выгружать товары въ Керчи для отпавленія ихъ на каботажныхъ судахъ въ Таганрогъ и принимать черезъ керченскій карантинъ грузы отпускныхъ товаровъ, привезенные каботажными судами изъ азовскихъ портовъ, или по выдержаніи карантиннаго термина, отходить въ Таганрогъ, Мариуполь, Бердянскъ и Ростовъ-на-Дону, для полученія тамъ обратныхъ грузовъ. При та-

комъ измѣненіи хода азовской торговли, Таганрогъ, по своему географическому положенію, остался главнымъ портомъ только для привоза иностранныхъ товаровъ, которые, по очисткѣ ихъ пошлиною, отправляются изъ этого мѣста во внутреннія губерніи; но отпускная торговля, которая прежде сосредоточивалась въ Таганрогѣ, приобрѣла новые пути и значительно усилилась въ новооткрытыхъ для нея портахъ: Ростовъ-на-Дону и Бердянскъ. Въ послѣднее десятилетіе, вывозъ товаровъ изъ этихъ двухъ портовъ и Мариуполя увеличился противъ предшедшаго десятилетія, на 227 процентовъ. Напротивъ-того, въ крымскихъ и дунайскихъ портахъ, отпускная торговля въ оба десятилетія оставалась почти въ одинаковомъ положеніи. Такая неподвижность ея въ этихъ портахъ зависитъ частью отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, частью оттого, что кругъ тамошней торговли ограничивается сношеніями болѣею частью съ Константинополемъ и другими ближайшими портами Турціи. Развитіе торговли въ нашихъ дунайскихъ портахъ: Измаилъ и Рени, весьма стѣсняется притомъ отъ соперничества соседственныхъ портовъ: Галаца и Браилова, откуда вывозятся за границу, въ гораздо болѣею количествѣ, почти тѣ же самые продукты, какъ изъ нашихъ дунайскихъ портовъ. Удобства сбыта иностранныхъ товаровъ въ Галацъ и Браиловъ на потребленіе дунайскихъ княжествъ, гдѣ эти товары обложены только пяти-процентною пошлиною, привлекаютъ туда иностранную торговлю, и оттого значительно усилился заграничный сбытъ тамошнихъ произведеній. Въ этомъ отношеніи Измаилъ и Рени не могутъ состязаться съ Галацомъ и Браиловомъ: по своему географическому положенію, наши дунайскіе порты служатъ только истокомъ для произведеній ближайшаго края Бессарабіи, а потребленіе тамъ иностранныхъ товаровъ весьма незначительно, потому-что болѣею часть юго-западной Россіи снабжается ими черезъ Одессу.

Привозная торговля въ черноморскихъ и азовскихъ портахъ, несмотря на значительное приращеніе отпуска, оставалась въ сравненіи съ нимъ весьма маловажною и сосредоточилась въ одесскомъ порто-франко, по удобству сбыта оттуда иностранныхъ товаровъ внутрь имперіи. Привозъ ихъ, по десятилетнимъ сложностямъ, составлялъ слѣдующія среднія суммы въ годъ:

	Съ 1830 по 1839 г.	Съ 1840 по 1849 г.
Въ Одессѣ	4,038,487	5,773,299 руб. сер.
— Таганрогъ	1,230,979	1,476,181 — —
— другихъ юж- ныхъ портахъ.	461,899	693,631 — —
Итого	5,730,865	7,943,111 руб. сер.

Въ эти оба періода изъ всего привоза поступало въ Одессу $\frac{2}{10}$, а во все прочіе порты, съ причисленіемъ къ нимъ и Таганрога — только $\frac{1}{10}$ доли. Привозъ иностранныхъ товаровъ въ одесскомъ порто-франко увеличился, въ послѣднее десятилѣтіе, противъ предшлагаго, на 36%; въ Таганрогъ пропорція приращенія ихъ привоза составляла 19%, а въ прочихъ портахъ 50%, но совокупный привозъ къ нимъ иностранныхъ товаровъ, въ послѣднее десятилѣтіе не доходилъ даже до той суммы, на какую простирался привозъ къ одному таганрогскому порту.

Такое слабое развитіе привозной торговли показываетъ, что сбытъ иностранныхъ товаровъ, въ южной Россіи, отнюдь не возрасталъ въ соразмѣрности съ умноженіемъ отпуска ей продуктовъ за границу. Къ объясненію этого факта достаточно замѣтить, что привозъ издѣлій всякаго рода съ 1822 года былъ обложенъ высокими пошлинами и запрещеніями, и поэтому порто-франко въ Одессѣ сдѣлался единственнымъ источникомъ для снабженія иностранными издѣліями всей южной Россіи. Напротивъ-того, въ другихъ товарахъ этотъ край мало нуждается и большая часть ихъ идетъ изъ Одессы и Таганрога во внутреннія губерніи; къ такимъ предметамъ принадлежатъ нѣкоторыя фабричныя матеріалы, получаемыя изъ южной Европы и Леванта; но отдаленность черноморскихъ портовъ отъ центра нашей мануфактурной промышленности затрудняетъ развитіе въ нихъ этой отрасли привозной торговли.

Транзитъ иностранныхъ товаровъ отъ сухопутной границы въ Одессу уменьшился въ послѣднее десятилѣтіе, съ приращеніемъ въ то же время ихъ привоза къ этому порту моремъ. Иностранныхъ товаровъ привезено въ Одессу:

	Средняя сушная привоза :	
	Транзитомъ.	Моремъ.
Съ 1830 по 1839 г.	на 553,262	3,485,225 руб. сер.
— 1840 — 1849 — —	324,314	5,44,8985 —

Въ последнее десятилетіе привозъ транзитомъ былъ менше на 41%, а привозъ моремъ болѣе на 56%.

Отправленіе транзитныхъ товаровъ изъ Одессы въ Закавказскій край, послѣ турецкой войны, прекратилось съ введеніемъ въ черноморскихъ портахъ этого края, въ 1831 г., тарифа таможенныхъ пошлинъ, по окончаніи срока десятилетней льготы, дарованной въ 1821 г. закавказской торговлѣ. Этотъ транзитъ возобновился на основаніи новаго устава и тарифа для закавказской торговли, изданнаго въ 1846 году; но до сихъ поръ остается маловажнымъ и едва ли достигнетъ значительнаго развитія; все иностранное товарное потребление въ Закавказскомъ краѣ привозится въ Родутъ-Кале не только чрезъ Одессу, но и моремъ, прямо изъ-за границы; а съ верная Персія, получающая изъ этихъ портовъ во время льготной торговли въ Родутъ-Кале, снабжается съ 1831 г. европейскими и колоніальными товарами черезъ Трбизондъ.

Транзитныхъ товаровъ изъ Одессы въ Закавказскій край отправлено:

Въ 1847 г.	на 3,011	руб. сер.	
— 1848 —	— 44,066	—	—
— 1849 —	— 40,575	—	—

За исключеніемъ этого транзита, цѣнность товаровъ, отправляемыхъ изъ Одессы транзитомъ къ сухопутной границѣ, то-есть, въ Австрію и царство Польское, весьма маловажна; съ 1830 по 1839 г. средній отпускъ ихъ составлялъ по цѣнѣ 13,427 руб., а съ 1840 по 1849 г. только 5,151 руб. сер.

По незначительности привоза иностранныхъ товаровъ къ черноморскимъ и азовскимъ портамъ, въ сравненіи съ вывозомъ отсюда русскихъ произведеній, въ эти порты ежегодно доставляются, болѣе или менше значительныя суммы звонкой монеты изъ-за границы на покупку русскихъ товаровъ, и въ-особенности привозъ наличныхъ денегъ возрастаетъ при большомъ требованіи на хлѣбъ. Въ последнее десятилетіе, съ 1840 по 1849 г., привезено звонкой монеты 29,431,118 руб. сер., въ томъ числѣ 6,689,237 руб. въ 1847 г., по случаю значительнаго вывоза хлѣба. По десятилетней сложности съ 1830 по 1839 г., привозъ звонкой монеты составлялъ 20,180,078 руб., следовательно, съ 1840 по 1849 г. привезено на 9,251,040 руб. серебромъ болѣе.

Все эти факты доказываютъ, что въ черноморской и азовской торговлѣ отпущекъ усиливался совершенно независимо отъ привоза иностранныхъ товаровъ; даже въ Одессѣ, гдѣ порто-франко благоприятствуетъ ихъ сбыту, привозная торговля весьма маловажна въ сравненіи съ отпущкою. Срокъ существованія одесскаго порто-франко кончился въ 1849 г., но продолженъ еще на пять лѣтъ, именно: во 15 августа 1854 г. Эта мѣра, конечно, не ослабитъ привоза иностранныхъ товаровъ къ одесскому порту, который уже сдѣлался главнымъ мѣстомъ ихъ сбыта во всю южную Россію, а будетъ способствовать умноженію привоза и въ другіе тамошніе порты, куда иностранные товары доставляются до-сихъ-поръ въ гораздо меньшемъ количествѣ нежели въ Одессу, оттого, что соседственныя мѣста снабжаются ими преимущественно черезъ порто-франко.

Вывозная торговля въ южныхъ портахъ Россіи, основанная главнымше на вывозъ хлѣба, требуетъ большаго числа кораблей и приходъ ихъ туда значительно усиливается при оживленіи хлѣбнаго торгова, а какъ привозъ товаровъ къ этимъ портамъ, въ сравненіи съ отпущкомъ, маловаженъ, то большая часть кораблей приходитъ съ балластомъ. По десятилѣтней сложности, кораблей было въ приходѣ ежегодно:

	Съ 1830 по 1839 г.	Съ 1840 по 1849 г.
Съ балластомъ	863	1,368
— товаромъ	578	648
<hr/>		
Итого	1,441	2,016
Въ среднѣ:		
Съ балластомъ	428	109
— товаромъ	1,299	1,879
<hr/>		
Итого	1,427	1,988

Въ послѣдній періодъ, при усилившемся вывозѣ хлѣба, приходъ балластныхъ кораблей увеличился на 60 проц., между-тѣмъ какъ съ товаромъ прибыло ихъ почти столько же, какъ и въ предшедшемъ періодѣ. — Число отшедшихъ съ балластомъ кораблей было, въ оба періода, почти одинаково, а съ товаромъ отошло въ послѣдній періодъ болѣе на 44 процента.

Въ какой мѣрѣ хлѣбная торговля оживляетъ движеніе судоход-

ства въ портахъ южной Россіи можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія числа принадлежныхъ кораблей въ 1843 и 1847 г.

Кораблей:	Въ 1843 г.	Въ 1847 году.
Русскихъ	307	568
Англійскихъ	227	480
ГанOVERскихъ	4	8
Шведскихъ	8	121
Прусскихъ	17	37
Датскихъ	6	11
Голландскихъ	1	17
Бельгійскихъ	1	5
Бременскихъ	2	59
Любскій	1	»
Мекленбургскихъ	5	9
Ольденбургскій	»	1
Французскихъ	2	242
Итальянскихъ	325	908
Австрійскихъ	222	438
Турецкихъ	107	223
Греческихъ	193	653
Юническихъ	52	72
Американскихъ	1	1
Итого	1,481	3,855

Въ 1847 г., когда изъ южныхъ портовъ Россіи отпущено хлѣба на 35 милліоновъ руб. сер., приходъ кораблей къ этимъ портамъ былъ на 160 проц. болѣе нежели въ 1843 году, когда вывезено хлѣба только на 9 милліоновъ руб. — Въ обыкновенное время, перевозка товаровъ изъ южной Россіи въ иностранные порты Средиземнаго моря производится болѣею частію на корабляхъ итальянскихъ, австрійскихъ и греческихъ; на англійскихъ корабляхъ отправляются товары наиболѣе въ Англію; турецкія суда употребляются только въ торгово-снотеніяхъ съ Турціею. Русскія суда, принадлежащія черноморскимъ и азовскимъ портамъ, почитаются русскими только по флагу, а экипажа ихъ состоятъ болѣею частью изъ Грековъ и другихъ иностранцевъ.

До 1845 г., иностраннымъ кораблямъ разрѣшено было каботажное плаваніе между портами Чернаго моря, но съ этого года оно присвоено исключительно русскимъ судамъ. Каботажныхъ судовъ и грузовъ изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ было въ отходъ ежегодно :

	Съ 1830 по 1839 г.	Съ 1840 по 1849 г.
Судовъ	3,716	7,073
Грузовъ на	3,390,852	7,850,277 руб.

Въ последнее десятилѣтїе, отправленіе каботажныхъ судовъ увеличилось на 90 проц., а грузовъ на 118 проц. противъ предшедшаго десятилѣтїя.

Съ учрежденіемъ пароходства на Черномъ и Азовскомъ моряхъ облегчились сообщенія между тамошними и заграничными портами. Постоянное пароходство между Одессою и Константинополемъ началось съ 1835 г.; въ новѣйшее время устроено пароходное сообщеніе между Одессою, Херсономъ и крымскими портами, также между Керчью, Бердянскомъ, Ростовомъ и Таганрогомъ, между Одессою и Редуть-Калѣ, и наконецъ между Одессою и Галацомъ, куда приходятъ по Дунаю пароходы изъ Песта и Вьны. Постоянныя сообщенія между упомянутыми портами, посредствомъ пароходовъ, содержатся на казенный счетъ и за перевозку пассажировъ и товаровъ взимается въ казну плата, по установленной таксѣ. Одесса, какъ главный портовой городъ на Черномъ морѣ, сдѣлалась центромъ пароходства, которое соединяетъ ее къ югу съ Константинополемъ и чрезъ него со всеми портами Средиземнаго моря; къ западу съ Галацомъ, Вьною и другими городами, лежащими по Дунаю, а къ востоку — съ Крымомъ, азовскими портами и Закавказскимъ краемъ.

Исчисливъ въ этомъ историческомъ обзорѣ важнѣйшія мѣры, принятыя правительствомъ на пользу черноморской торговли, укажемъ, въ заключеніе, на тѣ изъ нихъ, которыя всего болѣе содѣйствовали успехамъ этой торговли въ новѣйшее время: поощреніе овцеводства открыло заграничный сбытъ для новороссійской шерсти; учрежденіе новыхъ портовыхъ городовъ облегчило заморскій отпускъ произведеній не только ближайшихъ, но и отдаленныхъ мѣстъ; льготы, дарованныя купечеству по платежу гильдейскихъ повинностей въ разныхъ городахъ южной Россіи, привлекли туда купеческія капиталы; пароходныя сообщенія оживили коммерческія связи между портами Чернаго и Азовскаго морей и облегчили сношенія Одессы съ Европою и Левантомъ. Главнымъ двигателемъ и дѣятелемъ въ предпріятїяхъ къ развитію внѣшней торговли этихъ портовъ, является правительство, которое, своею просвѣщенной заботливостію о преуспѣянїи промы-

шенности южной Россіи, открыла этому краю обильные источники богатства и благосостоянія. Торговля, поощряемая покровительством и содѣйствіемъ правительства, распространила заграничный сбытъ продуктовъ, которыми южная Россія можетъ изобильно снабжать двоякранныя государства; но дальнѣйшее распространеніе этого сбыта существенно зависитъ нынѣ отъ улучшенія коммуникаціи внутри края, къ облегченію и ускоренію доставки продуктовъ, назначаемыхъ для заморскаго отпуска. Въ новѣйшее время, когда значительно усилилось, на чужеземныхъ рынкахъ, соперничество другихъ частей свѣта съ Россіею въ торговлѣ хлѣбомъ, саломъ и шерстью, главнѣйшими статьями отпуска изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ, усовершенствованіе путей сообщенія въ Южномъ краѣ ставится весьма важнымъ для успѣшнаго сбыта этихъ продуктовъ: оно доставитъ тамошнимъ производителямъ и торговцамъ возможность водозитъ отпускные товары къ портамъ своевременно и съ экономіею въ провозныхъ расходахъ и тогда соперничество другихъ странъ будетъ менѣе опасно для южной Россіи. Если при настоящихъ средствахъ перевозки отпускная торговля въ тамошнихъ портахъ достигла, въ новѣйшее время, столь значительнаго развитія, то тѣмъ болѣе ожидать можно приращенія отпуска продуктовъ того края при улучшеніи внутренней коммуникаціи. Правительство, оказавшее южной Россіи столь много благодѣній, уже обратило вниманіе на облегченіе судоходства по Днѣпру и Дону; желѣзнодорожная дорога, устроенная акціонерною компаніею, соединила Донъ съ Волгою; но какъ значительнѣйшая часть продуктовъ въ этомъ краѣ перевозится сухимъ путемъ, то улучшеніе сухопутной перевозки составляетъ главную потребность тамошней торговли, и въ этомъ отношеніи, одѣ желѣзныя дороги могутъ вполне удовлетворить нуждамъ торговой промышленности. Можетъ-быть, уже недалеко то время, когда главнѣйшіе торговые пункты этого края соединены будутъ между собою желѣзными дорогами; тогда откроются новые источники богатства и благосостоянія для всей южной Россіи, промышленность оживится новою жизнью въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ недостатокъ сообщеній стѣснялъ торговую предпримчивость, и съ того времени наступитъ новая эпоха развитія черноморской и азовской торговли.

V.

К Р И Т И К А.

Воспорское царство съ его палеографическими и надгробными памятниками, *расписными вазами, планами, картами и видами*. Сочиненіе Антона Ашика. Три части, 1848 и 1849 годовъ.

Уже въ самой отдаленной древности, Черное море представляло поприще мифологическихъ героевъ. На берегахъ его, воображеніе переноситъ васъ въ міръ, созданный Гомеромъ и изъясненный въ его географіи, въ концѣ девятаго столѣтія до Рождества Христова, но онъ описалъ только извѣстные тогда мѣста. Онъ создалъ фантастическій міръ, на границахъ котораго жили чудовища. Гомеръ упоминаетъ о Таврахъ, жившихъ въ горахъ Тавриды и о Киммеріанцахъ, жившихъ на Керченскомъ и на Таманскомъ полуостровахъ, на краю Чернаго моря, которое казалось древнѣйшимъ Грекамъ послѣднимъ рубежомъ царства Нептуна, гдѣ находился таинственный Элизіонъ. Сюда отправился Улиссъ, и сначала присталъ къ берегу Лестригоновъ. И дѣйствительно, въ Тамани и въ Керчи и теперь находятся источники черной нефти, подобные Коциту и Ахерону и сопки, которыя иногда возгораются и извергаютъ ручьями огненную жидкость. Побывавъ у Цирцен, Улиссъ возвращается въ Итаку, и вы-

ходить изъ Чернаго моря, мимо Харибды и Сциллы, этихъ двухъ скалъ, окруженныхъ безднами и замыкающихъ собою входъ въ Черное море. Гомеръ, одушевленный фантазією, хотѣлъ заставитьъ Улисса странствовать по негостепріимному Черному морю, которое, по современнымъ понятіямъ, было предѣломъ свѣта. Подъ Сциллой и Харибдой, тогда разумѣли именно упомянутые острова или скалы, которыя сѣлое Арго успѣло счастливо миновать отправляясь на островъ Аку, въ Колхиду, гдѣ царствовала Цирцея, сестра Актеи. Кто усомнится въ этомъ, при описаніи той широкой рѣки, въ которую входятъ суда Улисса, тѣхъ лѣсовъ, осыпавшихъ берега; тѣхъ оленей, скрывающихся въ лѣсахъ; тамъ вино въ изобиліи, мѣдъ свѣжъ и женщины непревѣжно заняты шитьемъ. Въ Мингреліи все это совершенно такъ и нынѣ, какъ было во времена Гомера; впрочемъ, чтобъ опредѣлить мѣстоположеніе острова Аки, поэтъ говоритъ, что тамъ находится дворецъ Авроры, разверзающій врата востока. Цирцея послала Улисса вопрошать боговъ ада, посредствомъ прорицателей. Герой этотъ, прошедши все царство Нептуна, нашелъ берегъ низкій, осыпанный высокими тополями, гдѣ находились Киммерійскія пещеры; здѣсь онъ полагалъ найти мѣсто ада.

Древніе писатели обыкновенно употребляли слишкомъ общія этнографическія наименованія, по этому недостатокъ положительныхъ свѣдѣній представляетъ обширное поле для предположеній, однако вѣрно, что Киммеріане, въ гомерическія времена, находились уже на берегу Киммерійскаго Востора, въ Тамани и въ Керчи. Киммеріане играли важную роль на этихъ берегахъ, которые отъ того и получили названіе киммерійскихъ.

Владычество этого народа распространилось не только на одни берега керченскаго пролива, но и на весь Крыиъ и часть Кавказа. Все это довольно вѣрно: но свѣдѣніе, когда именно учредились на берегахъ Чернаго моря первыя поселенія Грековъ, погибло въ пучинѣ минувшаго. Интересно было бы доказать фактами: Милетійцами ли учреждены были эти поселенія, или только пересозданы ими.

Мѣстные мѣны предшествуютъ поселенію Милетійцевъ, но какъ истина, въ этомъ случаѣ, смѣшана болѣе или менѣе съ

вымыслами, — то нѣтъ возможности сказать что-нибудь положительное объ этомъ предметѣ. По словамъ Діодора, который также часто увлекается вымыслами, и истолкователей сочиненій Эврипида, первыя поселенія Пеласговъ въ Малой Азіи были сдѣланы въ 1734 году до Рождества Христова, подъ предводительствомъ Ксанона.

Извѣстно, что происхожденіе греческихъ колоній, вообще покрыто мифологическою оболочкою. Однакожь остроуміе проникло значеніе мифовъ и мы можемъ заключить, что въ самыя отдаленныя времена, когда корыстолюбивый духъ Грековъ заставлялъ ихъ скитаться по морямъ, искать приключеній и добычи, народъ этотъ учредилъ на берегахъ Чернаго моря поселенія Ахеянъ и Геніоховъ. Метрополія первыхъ доселѣ не извѣстна исторіи. Ее затмило сосѣдство воспорскаго царства, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя кавказскія племена считались подвластными Воспору.

Диоскурія, находившаяся въ центрѣ Абхазіи, была столицею Геніоховъ. Древніе утверждали, что въ Диоскурію, возстановленную Митридатомъ, стекалось отъ 70 до 300 различныхъ кавказскихъ племенъ, болѣею частью Савроматовъ, говорившихъ различными нарѣчіями: теперешнія укрѣпленія наши на восточномъ берегу Чернаго моря, Давдры и Илоры находятся въ прежнихъ владѣніяхъ Геніоховъ. Тамъ существуютъ еще остатки исполинской стѣны, огромнаго оплота древней торговой республики Геніоховъ, которая, промѣнивая соль Пантикапеи жителямъ сосѣднихъ горъ, получала отъ нихъ шѣхъ и другія произведенія, и такимъ-образомъ проложила себѣ путь черезъ Кавказскія горы.

Перейдемъ къ Скинамъ, исторія которыхъ тѣсно связана съ исторіею Воспора. Скины сдѣлались весьма могущественными на сѣверѣ Кавказа: они избираютъ себѣ царя, проходятъ чрезъ морскія врата (Дурабевди) и чрезъ Даріель и покоряютъ всѣ племена, жившія между Араратомъ и Миссиси. Преслѣдуя Киммеріянъ, они не могли нагнать ихъ. Киммеріяне шли по берегу Чернаго моря, чрезъ Абхазію и Колхиду, а Скины проходили чрезъ Дербентъ, напали на западную часть Азіи, и покоривъ ее, наложили на нее дань. Владѣвъ внутреннюю Азію въ теченіе двадцати осьми лѣтъ, они были

вытѣснены оттуда, въ 605 году до Рождества Христова, хитростью мидійскаго царя Кіаксара, котораго государство простиралось до кавказскаго хребта, и заключало въ себѣ Албанію, Колхиду и Иверію. Скиѣны, обращенные въ бѣгство царемъ Кіаксаромъ, возвратились къ берегамъ Воспора. Такимъ-образомъ Скиѣны остались покойными владѣтелями воспорскаго пролива, получая дань отъ сосѣдственныхъ народовъ.

Между-тѣмъ Милетійцы неравнодушно взирали на возрастающее владычество Персовъ, которыхъ побѣды ихъ устрашала. Владѣя нѣкоторою частью Чернаго моря, Милетійцы вполне предались торговлѣ и промышленности, и довели ее до возможной степени развитія. Желая распространить торговля свои сношенія, они, выходя изъ Милета, знаменитаго іонійскаго города, метрополія многихъ греческихъ городовъ, основали нѣсколько торговыхъ поселеній: въ Синдикѣ, Колхидѣ и Херсонисѣ Таврическомъ, равно и на Воспорѣ, шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ возвращенія Скиѣновъ, какъ полагаютъ, въ 545 году до Рождества Христова, почти въ одно время съ основаніемъ абдеритской колоніи, Феицевъ. Города ихъ строились при устьяхъ всѣхъ значительныхъ рѣкъ, вездѣ, гдѣ только Милетійцы могли основать торговые пріюты, или надежную пристань для вѣрнаго сбыта своихъ товаровъ. Такъ Ольвія, находясь при впаденіи Буга въ Днѣпръ, отправляла богатая произведенія Скиѣновъ-хлѣбопашцевъ и получала въ замѣнъ этого вино и плоды Греціи.

Въ составъ древняго Воспорскаго царства на европейской сторонѣ входили: Пантикапея, гдѣ нынѣ Керчь, Парсеионъ, Миринкіонъ, Гераклея, Діа, Нимфеопъ, Тпритака, Акра, Киты, Зефиріумъ Киммеріонъ и Θεодосія.

Пантикапея, царица Воспора, одна изъ главныхъ рынковъ Греціи, привлекала къ себѣ всѣ отрасли торговли Танаиса и Фанагоріи, и поддерживала торговые обороты хлѣбомъ, своего плодороднаго полуострова и солью своихъ озеръ. Изъ рѣчи Демосѣна противъ Лептина (л. 909) видно, что аѳонскіе купцы шлѣли по всему протяженію берега Воспора Киммерійскаго конторы и своихъ комисіонеровъ, которые въ зимнюю пору заготовляли грузъ для отправленія его вес-

вом и льтою. Грузъ этотъ состоялъ изъ пшеницы, соленой рыбы, кожь и шерсти.

Важнѣйшими городами послѣ Пантикапеи, были Нимфеонъ и Θεодосiя. Нимфеонъ, основанный Милетiйцами въ одно время съ Пантикапеею, достался Аѳинянамъ со времени правленiя Грецею Перикла, въ 452 году до Рождества Христова. Намъ извѣстенъ поводъ, по которому Аѳиняне лишились Нимфеона. Вотъ что находимъ мы въ рѣчи Эсхила противъ Демосоена: „Нѣкто Гилонъ, изъ Керамики, передалъ неприятелю городъ Нимфеонъ, намъ принадлежащiй. Измѣнникъ, не ожидая приговора суда, обрешаго его на смертную казнь, бѣжалъ и прибылъ въ Веспоръ, гдѣ получилъ отъ тамошнихъ владѣтелей въ вознагражденiе за свои вѣроломныя и преступныя дѣйствiя, мѣсто, называемое Кинось, и женился на богатой женщинѣ скиѣскаго происхожденiя; отъ нея онъ имѣлъ двухъ дочерей, которыхъ послалъ въ Аѳины съ большою суммою денегъ; одну онъ выдалъ за извѣстнаго человѣка котораго не назову, чтобы не нажить себѣ враговъ. Демосоевъ изъ Пеанеи, попирая всѣ наши законы, женился на другой (Клеобулѣ), которая родила намъ этого интригана, лжеца (оратора Демосоена); и такъ, со стороны праматери, онъ врагъ народа, — вы осудили на казнь его предковъ, — по матери онъ Скиѣтъ, варваръ, не имѣющiй ничего греческаго, кромѣ языка, его сердце такъ развращено, что онъ не можетъ быть Аѳиняниномъ.“ Аѳиняне лишились Нимфеона во время владычества Спартока-Втораго, около 460 года до Рождества Христова.

О Нимфеонѣ, въ царствованiе Митридата, то-есть въ 63 году до Рождества Христова, историки упоминаютъ какъ о мѣстѣ весьма значительномъ, гдѣ расположена была нѣкоторая часть войска, назначенная для войны противъ Римлянъ. Страбонъ говоритъ, что въ его время, то-есть въ 18 году нашей эры, владѣнiя веспорскихъ царей въ Тавридѣ были непрерывно опустошаемы войною, однако упоминаетъ о Нимфеонѣ, какъ о городѣ, еще существовавшемъ. Время совершеннаго паденiя Нимфеона неизвѣстно.

Въ сосѣдствѣ деревни Чурубашъ, вверхъ по ручью, впадающему въ Чурубашское озеро, до самой вершины горы, на

разстояніи двухъ верстъ отъ деревни, находятся развалины древняго зданія, укрѣпленнаго ровомъ, которыя признаются развалинами Тиритаки, о которой упоминаетъ Птоломей.

Киммеріонъ, лежащій у подошвы горы Опукъ, на которой находились укрѣпленія. Мѣсто это носитъ и доселѣ явственныя слѣды бывшаго здѣсь многочисленнаго населенія. Противъ Киммеріона видны двѣ скалы, прозванныя по сходству своему съ судами: петра *Каравія* (каменные суда). Эти скалы служатъ неоспоримымъ свидѣтельствомъ существованія здѣсь Киммеріона, потому что Схимнъ Хіосскій говоритъ: „противъ Киммеріона находятся два маленькіе скалистые острова, въ небольшомъ разстояніи отъ берега“. Страбонъ говоритъ, что въ Крыму находится гора Киммеріонъ, живой памятникъ владычества Киммеріянъ на Воспоръ и Меотидъ. Надо полагать, что Страбонъ говоритъ именно о горѣ Опукѣ. Константинъ Порфирородный измѣнилъ названіе Киммеріона въ Киберникусъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ повѣствуетъ, что Пантикапеяне, разбитые Херсонесцами, назначили границей своихъ владѣній насыпь, которая простиралась отъ Азовскаго моря до Киберникуса.

Время основанія Θεодосіи положительно неизвѣстно. Вѣрно то, что она въ началѣ своего существованія не принадлежала воспорскимъ царямъ, и что ее завоевалъ Левконъ-Первый. Страбонъ, Мела, Арріанъ и Стефанъ Византійскій называютъ ее *Θεοδοσιεύ*. Мы обязаны Келлеру открытіемъ монетъ Θεодосіи; послѣ него найдено было еще пять или шесть монетъ, хранящихся въ разныхъ кабинетахъ.

На азиатской сторонѣ воспорское царство состояло изъ слѣдующихъ греческихъ городовъ и поселеній: Фанагоріи, Германассы, Кипоса, Горгиппи, Киммеріона, Ахиллеума, Патреуса и Корокондама.

Фанагорія, счастливо расположенная на берегахъ Кубани, имѣла портъ, который служилъ ей для сообщеній съ Понтомъ, Воспорскимъ проливомъ и съ Азовскимъ моремъ, и была складочнымъ мѣстомъ — *emporія*, торговли Воспорцевъ въ Азіи, Меотовъ и всѣхъ сѣверныхъ жителей Кавказа. Скимнъ считаетъ колонію эту еейскою; по словамъ же Арріана, основателемъ ея былъ Фанагоръ, бѣжавшій отъ Пер-

совъ во время Кира, то-есть, около того времени, когда была основана Пантикапея. Вѣсть съ Фанагоромъ прибылъ туда Гермонъ, предводитель Юнянъ и былъ основателемъ знаменитой колоніи Гермонассы. Беккъ, соображаясь съ сказаніемъ Арріана, заключаетъ, что Митиленець Скамандръ отправился въ Киммерійскій проливъ съ *Вейцами* Фанагоромъ и Гермономъ, что жена Фанагора была или сестра или дочь Гермона, и наконецъ что этотъ Скамандръ могъ быть однимъ изъ митиленскихъ археанактидовъ, завладѣвшихъ воспорскимъ престоломъ. Основываясь на этомъ, Беккъ полагаетъ, что *фанагорійскіе* Митиленцы археанактиды основали на берегу Воспора Ахиллеумъ.

Исторія Кипоса тѣсно связана съ исторіею Греціи, что видно изъ приведеннаго нами описанія Нимфеона.

Танаисъ, расположенный на Дону, служилъ мѣстомъ соединенія всѣхъ торговцевъ, отправлявшихъ свои товары по водянному сообщенію, равно и мѣстомъ, гдѣ сходились караваны, шедшіе изъ Индіи и Сибири. Изъ Танаиса отправлялись въ Грецію сибирскіе мѣха, пряности и индѣйскія издѣлія и взаи́нъ этихъ товаровъ получалось чистое золото. Танаисъ, вѣроятно, составлялъ часть воспорскаго царства, потому что Полемонъ-Первый опустошилъ его за непокорность. Особые рынки Танаитовъ были: Навбарисъ и Эксополисъ, при рѣкѣ Танаисъ. Эксополисъ лежалъ на рукавѣ Танаиса, ближайшемъ къ Волгѣ.

При устьѣ Кубани находился синдскій портъ, населенный Греками. Синдскій берегъ простирался до предѣловъ Ахеянъ. Кромѣ синдскаго порта тамъ находился еще городъ Синдика, столица Синдовъ; ближайшій къ ней городъ на берегу Понта — Горгиппія, основанная Горгиппіемъ, тестемъ Перисада-Перваго, отцомъ Комосаріи.

Считаемъ также не излишнимъ сказать нѣсколько словъ о народахъ, обитавшихъ въ предѣлахъ воспорскаго царства, о которыхъ свидѣлствуютъ найденныя надписи, именно: о Синдахъ, Торетахъ, Дандарахъ, Мэотахъ, Псессахъ и другихъ. Слово Мэоты означало у древнихъ географовъ названіе собирательное, заключавшее въ себѣ, кромѣ означенныхъ народовъ многія кавказскія племена: Дашевъ, Темеоовъ, Тирак-

бовъ, Тарпетовъ, Обидиссѣнцевъ, Аспурговъ, Аринговъ, Цяншевъ. По словамъ Геродота, Азовское море называлось *Μαῖτις*, или *Μαίτις*, то-есть матерью, кормилицею моря. Сидомъ называли его Темеридою, то-есть, Матерью моря. Беккъ думаетъ, что море это получило свое названіе отъ Мэотовъ, обитавшихъ по берегамъ его, потому что, если бы оно было кормилицею моря, то было бы названо *Μαία*. Народы, жившіе по берегамъ Мэотиды, а также и тѣ, которые обитали между Мэотидою и первыми вершинами Кавказа, по обширнѣ берегамъ Кубани, назывались Мэотами: они говорили почти однимъ языкомъ и сходствовали между собою нравами.

Скилаксъ, безымянный авторъ Перипла Чернаго моря и Плиній, говоря о Мэотахъ, не упоминаютъ ни о Синдахъ, ни о Торетахъ, ни о Дандарахъ; поэтому надобно думать, что во время Спартокидовъ эти послѣдніе народы не были причисляемы къ Мэотамъ; и дѣйствительно, въ открытыхъ надписяхъ они показаны отдѣльно отъ Мэотовъ. Страбонъ полагаетъ въ числѣ ихъ также Синдовъ, Торетовъ и Дандаровъ—это произошло въ послѣдствіи отъ того, что всѣ племена, обитавшія въ той странѣ, смѣшаны были подъ однимъ названіемъ. Впрочемъ Стефанъ-Византійскій, замѣтивъ, что страна Синдовъ простирается до южной части Мэотиды, говорить, что нѣкоторые писатели присоединили Синдовъ къ Мэотамъ. Синды, вѣроятно, составляли народъ, отдѣльный отъ Мэотовъ, управляемы были своими царями, подвластными Воспору, и чеканили свою монету. Судя по языку Синдовъ, можно предположить, что они вышли изъ Мидіи или изъ Персіи, потому что страна Синдъ лежала около Бактріаны. Владѣнія Синдовъ на Кавказѣ простирались отъ береговъ Мэотиды до Баты: на ихъ землѣ были построены греческіе города азіатскаго Воспора. Такимъ-образомъ Синды составляли значительную часть народонаселенія воспорскаго царства.

Тореты также считались племенами сильными и многочисленными. Владѣнія ихъ простиралось на югъ отъ Кубани до черкесскихъ горъ, выше Геніоховъ и достигали до Понта. Мела ошибся, говоря, что Тореты жили между Воспоромъ и Танаисомъ, вопреки описанію другихъ географовъ. Плиній относитъ владѣнія ихъ къ югу отъ Синдовъ. Стефанъ-Ви-

зентійскій и Арріанъ считаютъ ихъ народомъ пентійскимъ, а Діонисій Періегетъ смѣшиваетъ Торетовъ съ Черкесами и Ахоями. На землѣ, занимаемой Торетами или Черкесами, находилса греческій городъ Торикъ, съ приетанью. Жители этого города подвластны были Митридату. По свидѣтельству древнихъ и новыхъ изыскателей, Торикъ находился на землѣ Черкесовъ, ближе къ Колхидѣ, то-есть, въ синдскихъ владѣніяхъ, за Батою.

Дандары жили недалеко отъ Кубани, согласно Маннергу и Страбону, и причислены этимъ послѣднимъ къ Мэотамъ. Плиній и Стефанъ-Византійскій также смѣшиваютъ эти два народа и полагаютъ, что Дандары обитали на Кавказѣ. Тацитъ называетъ ихъ Дандаридами, и говоритъ объ нихъ какъ о народѣ сильномъ, жившемъ въ сосѣдствѣ Воспора; Плутархъ, помѣщая ихъ около Мэотиды, упоминаетъ о какомъ-то предводителѣ ихъ, Дандаровѣ, Олтахусѣ, который служилъ подъ начальствомъ Митридата-Великаго. Мэоты занимались хлѣбопашествомъ, хотя и были народъ кочующій. Народы, жившіе близъ Танаиса, были болѣе дики чѣмъ тѣ, которые находились въ сосѣдствѣ съ Воспоромъ; д'Анвиль ошибся, опредѣляя мѣсто жительства Дандаровъ между Діоскуриадою и Пицундою по берегу моря, тамъ, гдѣ нынѣ укрѣпленіе Дандары. Воспорскія владѣнія никогда не простирались до этого мѣста. Аспурги обитали близъ Тирамба, а въ послѣдствіи, между Фанагорією и Горгиипією на пространствѣ 500 стадій.

Фатейцы обитали при Мэотидѣ и составляли также часть мэотскаго народа: имя ихъ положительно неизвѣстно; оно въ первый разъ встрѣчается на надписи Комосаріи — ФАТЕОН. Діодоръ называетъ одну изъ рѣкъ близъ Меотиды *Фатенз*. По этой рѣкѣ вѣроятно жили Фатейцы. Птоломей также пишетъ о какомъ-то народѣ, обитавшемъ близъ Танаиса, и называетъ его: *Фемеотами и Фетмойтами*.

Названіе Воспоръ принадлежало всему царству вообще, но въ частности относилось также и къ столицѣ его Пантикапее; и потому нѣкоторые ученые думали, что слово ВОСПОРУС означало только городъ Пантикапею. Въ древности многимъ городамъ чужестранцы давали свои прозвища: настоящее же имя находимъ только на памятникахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Пан-

тикапей называлась настоящимъ своимъ именемъ на монетахъ и въ надписяхъ, — но во всей Греціи, во время Демосеена, ее знали подъ именемъ Воспора. Ольвія представляетъ намъ другой примѣръ этого двойнаго названія. Жители ея называли всегда свой городъ Ольвіею; а иноплеменные Ворисееномъ, названіе весьма не правильное, потому что Ольвія лежала не на берегу Ворисеена, а Гипаниса.

Страбонъ говоритъ, что европейскія владѣнія воспорскихъ царей были больше азіатскихъ, — но едвали это справедливо. Изъ одной найденной надписи (№ 6) мы видимъ, что во время Перисада—Перваго, азіатскими предѣлами Воспора на востокъ и югъ былъ Кавказъ, а въ Европѣ — Таврскія горы. Это означеніе границъ слишкомъ не опредѣленно; по свидѣтельству же Формалеони, рубежемъ владѣній Перисада—Перваго былъ Четырдагъ. Цари Воспора, по временамъ владѣли также Херсонесомъ, и въ первомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ югозападный Крымъ зависѣлъ отъ нихъ: Труднѣе опредѣлить границы Кавказа. Извѣстно, что нѣкоторыя племена горцевъ повиновались царямъ Воспора, — но какъ далеко простирались границы этой страны — означить невозможно. Впрочемъ владычество Воспорцевъ надъ варварскими народами было слабо и непостоянно, и слѣдственно границы его въ Азіи часто измѣнялись.

Царямъ воспорскимъ, царствовавшимъ съ 438 до 375 года до Рождества Христова, то-есть начиная со Спартока—Перваго до Асандра—Втораго, — при которомъ вторгнулись въ предѣлы воспорскаго царства Гунны, и совершенно уничтожили его, — авторъ посвящаетъ цѣлую главу. Все сказанное здѣсь о каждомъ изъ сорока-двухъ царей основано г. Ашикомъ частью на сказаніяхъ древнихъ писателей, частью на монетахъ и надписяхъ, открытыхъ на развалинахъ древняго воспорскаго царства, въ новѣйшее время.

Только императоръ Юстиніанъ возвратилъ Воспоръ Восточной имперіи и возстановилъ стѣны и укрѣпленія Пантикапей; въ исходѣ седьмаго вѣка здѣсь утвердились Хазары; въ 1127 году этимъ краемъ овладѣли Половцы; въ 1237 году татарскіе князья съ своими ордами заняли всѣ равнины Крыма и Керчи и держались здѣсь до 1479 года, — до

основанія здѣсь ханомъ Менгли-Гиреемъ крымскаго царства, четыре года послѣ паденія двухъ-вѣковаго владычества здѣсь Генуэзцевъ. Спустя 300 лѣтъ крымское царство покори-лось Россіи.

Послѣ краткаго понятія, даннаго нами о первыхъ посе-леніяхъ на берегу Чернаго моря, древнихъ городахъ и на-родахъ, входившихъ въ составъ древняго воспорскаго цар-ства, скажемъ нѣсколько словъ о сохранившихся остаткахъ древнихъ зданій и земляныхъ памятниковъ. Исполинскія раз-валины стѣнъ, такъ называемой циклопической работы, сложен-ныхъ изъ огромныхъ глыбъ камня, безъ цемента, и съ удиви-тельной прочностью, видны: 1) На горѣ Опукъ, въ тридцати-пяти верстахъ отъ Керчи, гдѣ по сличенію сказаній, безымен-наго автора со сказаніями Скимна, существовалъ портъ Кимме-ріонъ, какъ уже сказано, котораго не должно смѣшивать съ городомъ Киммеріонъ, находившимся по той сторонѣ Воспор-скаго пролива, въ Азіи. Элькинское озеро, близъ горы Опу-ка, образовалось, очевидно, изъ обширнаго морскаго залива, при которомъ находился портъ Киммеріонъ, и именно на томъ мѣстѣ гдѣ, на картѣ Мухина, показаны развалины та-тарской деревни Тучлы. Озеро это отдѣляется теперь отъ моря косою, составившеюся изъ грудъ песку, наносимаго мо-ремъ. 2) На возвышенномъ мѣстѣ, называемомъ Змѣинымъ го-родкомъ, въ оградѣ нынѣшняго керченскаго карантина, видно цѣлое основаніе полукруглаго строенія, въ центрѣ котораго найдены были два мраморные саркофага. 3) Золотой курганъ обнесенъ былъ стѣною циклопической работы. Безспорно, что гробница, найденная въ золотомъ курганѣ, принадлежитъ од-ному изъ могущественныхъ царей Воспора первой династіи, но кому именно угадать мудрено; мнѣніе Спасскаго: „что по преданію тутъ была гробница Митридатова“, едва ли осно-вательно. Г. Ашикъ, прожившій въ Керчи болѣе двадцати-пяти лѣтъ, — никогда ни отъ кого не слышалъ объ этомъ преданіи. Нѣкоторые воспорскія развалины по стилю своему отно-сятся къ памятникамъ циклопической архитектуры.

На таманскомъ полуостровѣ, ниже Пересыпской станціи, встрѣчается валъ, простирающійся почти до Таманскаго за-лива.

Керченскій полуостровъ въ древности былъ огражденъ тремя валами, защищавшими воспорскія владѣнія отъ вторженій непріятельскихъ. Первый валъ, до сихъ поръ видный къ сѣверу отъ Золотаго кургана до самаго Азовскаго моря, составлялъ, вѣроятно, первую межу воспорскаго царства на европейской сторонѣ; къ этой межѣ примыкали отъ Золотаго кургана къ востоку, до горы Митридата— скалы, на которыхъ, повидимому, были укрѣпленія, защищавшія воспорскія владѣнія отъ набѣговъ сосѣднихъ Скивовъ. Въ двадцати-семи верстахъ отъ Керчи, къ западу, по дорогѣ къ Θεодосіи, въ четырехъ верстахъ за первой ставціей, Султановкой, существуетъ третій валъ: онъ имѣетъ направленіе по всей ширинѣ керченскаго полуострова, то-есть, отъ Азовскаго моря до соленаго озера Актамъ-Анчинъ. Этотъ валъ долженъ быть признанъ за вторую черту пантикапейскихъ владѣній и отнесенъ къ тѣмъ временамъ, когда воспорскіе цари распространили власть свою на окрестныя земли и защитили ихъ этою охранительною линією отъ вторженія дикихъ народовъ, кочевавшихъ въ степяхъ. По свидѣтельству Скимна, городъ Киты находился близъ этого вала, служившаго границею между воспорскимъ царствомъ и владѣніями Херсонитанъ; объ немъ упоминаетъ также Константинъ-Багрянородный.

Страбонъ вѣроятно говоритъ объ этомъ валѣ въ слѣдующихъ строкахъ: „*Cimmericum urbs fuit quondam in peninsula jacens, isthmum fossi et aggere claudens. Fuit quondam tempore magna Cimmeriorum in Bosphoro potentia*“. Очень можетъ быть, что насыпь эта, только возобновленная Пантикапейянами, воздвигнута Кеммеріянами для защиты своихъ владѣній на европейской сторонѣ. Есть еще знаменитый валъ, называемый Асандровымъ: слѣды его видны близъ деревни Шабанъ, онъ простирается отъ Арабата до Θεодосійскихъ горъ къ западу, и отдѣляетъ керченскій полуостровъ отъ Крыма.

Затѣмъ авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о божествахъ, чтимыхъ на Воспорѣ, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ нумизматическихъ замѣтокъ, о лѣтосчисленіи у Воспорцевъ, о знакахъ почестей и о характерѣ находимыхъ тамъ монетъ.

Вторая часть сочиненія г. Ашика посвящена описанію вос-

иорскихъ гробницъ, кургановъ, надгробныхъ памятниковъ и разнаго рода надписей.

Въ пантикапейскихъ гробницахъ были найдены яйца, каштаны, орѣхи, миндали и кости бараньи, птичьи и другихъ животныхъ, принесенныхъ богамъ въ жертву при погребеніи покойника. Птичьи кости почитались обыкновенно символомъ легкости и погребались вмѣстѣ съ покойникомъ съ тою мыслью, чтобы земля, его покрывающая, была столь же легка, какъ птицы; по этому Римляне часто на надгробныхъ камняхъ вырѣзывали слѣдующую надпись: *sit tibi terra levis*. Каштаны, миндали и орѣхи найдены въ скорлупѣ и сохраняются въ керченскомъ музеумѣ; но яйца, при одномъ прикосновеніи, рассыпались въ мелкія части.

Первый и главный рядъ высокихъ пантикапейскихъ кургановъ тянется почти непрерывною дугообразною цѣпью отъ Азовскаго моря, съ сѣвера, къ Павловскому мысу; другой рядъ, господствующій надъ всѣми окрестностями Керчи, идетъ съ запада и оканчивается у горы Митридата, упирающейся своею подошвою въ проливъ. Къ сѣверу отъ Керчи, по дорогѣ къ нынѣшнему карантину, встрѣчается множество кургановъ, воздвигнутыхъ рядами. На всей покатости горы Митридата видны также насыпи, расположенныя правильными рядами; подъ этими насыпями находятся пантикапейскія катакомбы. Сверхъ-того, по всему пространству земли, составляющему нынѣшній керченскій городской округъ, отъ Чернаго до Азовскаго моря, въ окружности болѣе двадцати верстъ, находятся курганы, расположенные или группами, или отдѣльно. Внутренній составъ и образованіе каждаго изъ нихъ нѣсколько между собою различествуютъ; достоверно, однакоже, то, что всѣ они принадлежатъ къ одной системѣ — къ курганамъ ионическихъ Грековъ. Разница въ сооруженіи ихъ заключается въ слѣдующемъ: большая часть нашихъ кургановъ насыпана изъ одной только земли, нанесеной изъ близкихъ къ нимъ мѣстъ, отъ чего по сю-пору замѣтны кое-гдѣ низменности: въ составъ однихъ входила морская трава, вѣроятно, для болѣе прочности; слой земли заливали водою и убивали ее плотно, отъ чего земля на такихъ курганахъ крѣпостью равняется почти камнямъ; другіе соору-

жались изъ чистаго дикаго камня; третьи изъ слоя земли и слоя камня; нѣкоторые изъ земляныхъ кургановъ окружены, у подошвы, каменною стѣною, на подобіе кургановъ, встрѣчаемыхъ въ тверской губерніи. Всѣ они къ поверхности устроены конусомъ, нѣкоторые только плосковаты. Известно, что по одному сооруженію кургановъ, нельзя заключить объ ихъ вѣкѣ; устройство же гробницъ, въ нихъ находимыхъ, и въ особенности вещи, въ нихъ открываемыя, представляютъ возможность приблизительно опредѣлить время, къ которому принадлежатъ насыпи. Вообще курганы первой цѣпи, равно и второй, должны быть отнесены къ самымъ древнимъ временамъ; курганы по дорогѣ къ карантину, принадлежатъ также къ лучшей эпохѣ греческой образованности, къ вѣку Александра. Впрочемъ и въ другихъ мѣстахъ встрѣчались отдѣльные курганы, которые, по отысканнымъ въ нихъ вещамъ, могли быть отнесены къ весьма отдаленной эпохѣ. Гробницы попадались рѣдко въ центрѣ кургановъ, болѣею же частью съ боку. Есть курганы, въ которыхъ — одинъ только склепъ въ центрѣ: они навѣрное уже отысканы. Если на поверхности кургана замѣтна малѣйшая впадина, то можно безошибочно заключить, что онъ тронутъ. Впрочемъ есть насыпи, которыхъ главныя гробницы были расхищены и въ которыхъ, однако жъ, по бокамъ, находили склепы цѣлыя. Въ нѣкоторыхъ насыпяхъ находили до десяти гробницъ, и блѣе, въ которыхъ покойники лежали лицомъ къ западу, а въ другихъ къ югу и даже къ сѣверу. Въ одномъ и томъ же курганѣ открыты тѣла въ деревянныхъ гробахъ и безъ гробовъ, на ложѣ изъ лавровыхъ листьевъ, стружекъ, или морской травы, и простыя глиняныя урны съ прахомъ покойниковъ. Въ устройствѣ гробницъ также встрѣчается въ пантикапейскихъ курганахъ удивительное разнообразіе. Находили гробницы, углубленныя въ материкъ болѣе чѣмъ на двѣ сажени; другія находились на поверхности материка, а иногда и выше. Есть курганы, въ которыхъ болѣею частью находятся гробницы съ животными костями, вырытыя въ землѣ и безъ всякой плиты сверху. Находили также въ каменныхъ гробницахъ одни только пепельныя бронзовыя, или расписныя урны, покрытыя тканью, съ золо-

тины листочками на крышкѣ, расположенными въ видѣ вѣночка, точно такъ какъ ихъ описываетъ Гомеръ. Открываемы были также гробницы кирпичныя: вообще къ большихъ курганахъ заключаются склепы великолѣпныя, но гробницы такого рода рѣдко находимы были не тронутыми. Нѣкоторые курганы увеличивались постепенно. Замѣчено, что когда устраиваема была первая гробница, то воздвигалась надъ нею насыпь; потомъ, когда нужно было предать землѣ тѣло родственника или друга усопшаго, строили другую гробницу въ сосѣдствѣ съ первою, и насыпая надъ нею холмъ, соединяли его съ первымъ курганомъ, такъ что изъ обоихъ составлялась одна только насыпь. Поступая такимъ-образомъ съ многими гробницами, воздвигаемъ былъ подъ конецъ курганъ очень высокій. Иногда же выкапывали въ готовомъ уже курганѣ яму, опускали туда гробницу, и потомъ засыпали это мѣсто ровно съ курганомъ: все это очень примѣтно по слоямъ насыпи. Большою частью курганы болѣе продолговаты съ юго-запада, чѣмъ съ другихъ сторонъ. Въ мѣстахъ этихъ часто находили цѣлыя гробницы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменистыхъ открыты гробницы, вырытыя въ скалѣ. Изъ этого видно, что ни въ способѣ погребенія, ни въ расположеніи гробницъ, ни въ устройствѣ самыхъ кургановъ, древніе не слѣдовали извѣстнымъ, неизмѣннымъ правиламъ.

Въ нѣкоторыхъ гробницахъ находимы были конскіе кости. Обычай, по смерти челоуѣка, убивать принадлежавшую ему лошадь существовалъ у многихъ народовъ.

На землѣ войска черноморскаго кургановъ еще больше, чѣмъ въ Керчи. Господинъ Ашикъ сообщаетъ здѣсь отчетъ, представленный Кавказскому Намѣстнику, объ археологическихъ розысканіяхъ, произведенныхъ по его желанію на Таманскомъ полуостровѣ въ 1846 году.

Затѣмъ авторъ помѣщаетъ извѣстіе о нѣкоторыхъ своихъ раскопкахъ.

Самая замѣчательная гробница есть безспорно та, которая названа господиномъ Ашикомъ царскою: она находится въ четырехъ верстахъ отъ Керчи, близъ карантинныхъ зданій. Мало памятниковъ, которые могутъ соперничать въ изяществѣ съ этою гробницею. Огромныя стѣны составляли входъ въ гроб-

пицу, который почти въ самомъ началѣ своемъ, былъ заключёнъ большими плитами, сирѣчь каменными по концамъ свѣдкомъ. Курганъ; по его огромности, наименованъ царскимъ.

Устройство этого кургана совершенно отлично отъ тѣхъ, которые донныя были раскопываемы: всѣ они сооружены изъ одного только камня или изъ земли; царскій же курганъ состоитъ изъ толстыхъ слоевъ глины и крупнаго камня. По этому самому, никакъ нельзя было ожидать, чтобы хранившися въ немъ сокровища, были похищены; между тѣмъ вышло противное. Изъ историческихъ записокъ путешественниковъ видно, что Генуэзцы; при самомъ началѣ своего владычества въ Крыму, тотчасъ обратили корыстолюбивые виды свои на пантикапейскіе курганы. Вообще Генуэзцы были гораздо искуснѣе насъ въ раскопкѣ кургановъ, потому что разрытыя ими насыпи не представляютъ снаружы никакихъ признаковъ раскопки. Царскій курганъ имѣетъ въ окружности, у самой подошвы, 125 сажень. Огромныя боковыя стѣны его, украшенныя рустиками, сходятся вверху на разстояніи $5\frac{1}{2}$ сажень отъ основанія и составляютъ коническій сводъ, состоящій изъ одинацати уступовъ камней, лежащихъ горизонтально одинъ на другомъ. Вышина самой гробницы, отъ основанія до верхняго камня, замыкающаго сводъ, простирается на пять сажень. Надъ нижними стѣнами видны другія стѣны, составляющія сначала много-угольникъ, а потомъ кругъ, восходящій въ видѣ правильнаго конуса.

Кругообразныя гробницы, какъ видно изъ VII-й книги Павзанія, относятся къ самымъ древнимъ временамъ. Колоссальность труда этой гробницы, изящество отдѣлки — очаровательны. Каждый открытый здѣсь памятникъ не имѣетъ ничего равнаго себѣ въ сферѣ древняго зодчества; и если не долженъ стоять выше, то по-крайней-мѣрѣ на ряду съ гробницами Италіи. На стѣнахъ этой гробницы замѣтны впадины, въ которыя, вѣроятно, были вѣданы мраморныя и бронзовыя плитки или разрисованныя деревянныя дощечки. Гробницы, подобныя этой, могутъ служить доказательствомъ, что съ Пантикапея, также какъ и въ Египтѣ; царскія гробницы, сооруженіе которыхъ требовало много времени, создаемы

были при жизни тѣхъ лицъ, для которыхъ онѣ должны были служить мѣстою вѣчнаго успокоенія.

Трудно опредѣлить время постройки этой гробницы, и какому именно изъ воспорскихъ архонтовъ она принадлежала. Господинъ Ашикъ относитъ ее, подобно гробницамъ въ Золотомъ курганѣ и кулобскую, къ первымъ вѣкамъ владычества Грековъ въ этомъ краѣ, не представляя, впрочемъ, этому доказательствъ.

Послѣ этого авторъ довольно пространно говоритъ о гробницѣ, открытой въ 1830 году, въ шести верстахъ отъ Керчи на восточной возвышенности горы Кулобы, Стемпковскинъ, и о всѣхъ своихъ раскопкахъ, произведенныхъ имъ до 1846 года, а къ концу обзорѣнн своихъ розысканій упоминаетъ о гробницѣ, открытой въ 1832 году господиномъ Корейшею, на горѣ Митридатъ. Гробница эта была уже прежде разорена, но внутренность ея уцѣлѣла совершенно. Сводъ гробницы египетскій, изъ керченскаго камня, съ тою особенностью, что первый рядъ камней отрѣзанъ косвенно. Стѣны и сводъ покрыты были штукатуркою, на которой представлены фрески. Вокругъ гробницы, ниже свода, находились картины, изображающія разные эпизоды изъ известной басни: битвы пигмеевъ съ журавлями. Древніе вѣрили въ существованіе пигмеевъ: объ нихъ упоминаетъ уже Гомеръ.

Фронтонъ и ряды камней, составляющіе сводъ, украшены были гирляндами и арабесками краснаго цвѣта (*à la sanguine*), какъ и прочіе рисунки. Надъ фронтономъ, озади гробницы, нарисованы были два павлина, пьющіе изъ одного сосуда; а напротивъ, у входа гробницы, крылатый геній, держащій въ рукъ корзину съ плодами. Всѣ эти изображенія имѣютъ аллегорическое значеніе, относящееся къ кончинѣ погребенной въ этой гробницѣ особы. Нельзя не пожалѣть, что не только не сохранились рисунки этой гробницы,—но даже стѣны ея разломаны.

Любопытнѣйшими памятниками древности, открытыми въ Керчи и въ ея окрестностяхъ, надобно считать вазы.

Древнія вазы вообще могутъ быть раздѣлены на три класса: вазы религиозныя, торжественныя и домашнія. Нынѣ доказано, что названіе вазъ зависѣло отъ употребленія, какое имъ назначалось, а не отъ ихъ часто измѣняемой формы, какъ прежде думали; напримѣръ, вазы для храненія сластей обыкновенно назывались *кюсселе*, а для кушанья — *киссе*.

Вазы съ надписями извѣстны были у Римлянъ подъ именемъ *rosula literata*. Многіе изъ нихъ служили собственно для украшенія шкаповъ, и рисунокъ на лицевой сторонѣ такихъ вазъ всегда правильнѣе и богаче, чѣмъ на задней; многія даже не имѣли дна, что ясно доказываетъ, что онѣ сдѣланы были не для употребленія, а для украшенія. На передней части вазы были изображенія религиозныя, воинскія, аллегорическія; сцены изъ жизни общественной, плоды, гирлянды, арабески и прочая. Есть однако изображенія, которыхъ объяснить невозможно; обряды Грековъ и событія, восходящія къ временамъ первобытнымъ, покрыты мракомъ невѣстности. Изображенія эти относятся бѣльшею частью къ временамъ героическимъ; иногда они приводятъ на память разныя печальныя происшествія глубокой древности, случившіяся съ нѣкоторыми знаменитыми семействами; этииъ средствомъ Греки думали утѣшить друзей и родныхъ покойника, доказавъ имъ, что никто изъ смертныхъ не можетъ въ жизни избѣгнуть скорбей. Изображеніемъ языческихъ обрядовъ посвященія на погребальныхъ вазахъ, Греки думали освободить усопшаго, въ послѣдней земной обители его, отъ злаго духа, который, по мнѣнію язычниковъ, былъ неразлучнымъ спутникомъ челоука отъ колыбели до могилы; подобныя вазы ставились въ гробницы. Рисунокъ на передней части вазы всегда почти отдѣланъ съ тщаніемъ, а на задней — небрежно, одними почти очерками; рисунки эти бѣльшею частью представляютъ фигуры съ непокрытою головою, завернутыя въ длинныя безрукавныя широкія мантии, которыхъ одинъ конецъ наброшенъ на плечо, по обычаю Римлянъ. Въ этихъ фигурахъ обнаруживается характеръ жреца или лица посвященнаго въ языческія таинства, завернутаго въ торжественную мантию. Подобныя фигуры, выражающія

мысль посвященія въ таинства Цереры или Вакха, видѣютъ иногда въ рукахъ виноградную кисть, вазу для душистыхъ маселъ, патеру, миртовый вѣнокъ, опахало, повязки, зонтики и палицу. Посреди фигуръ этихъ, обыкновенно представленъ жертвенникъ, а возлѣ него какія-нибудь листья или цвѣты, всего же чаще пирогъ (placenta). На пирогахъ видны нѣкоторые мистическіе знаки, о чемъ говоритъ Клементій — Александрійскій — placenta, *varies signata umbilicis*. Знаки эти суть слѣдующіе | . | . — ÷ | ÷ | — | — | С Э Θ. Къ нимъ можно прибавить повязку. Между-тѣмъ, какъ мы уже замѣтили, изображенія на передней части вазы различны; многіе рисунки созидаемы были собственно изобрѣтательною и плодovитою фантазіею художника. Нѣтъ почти двухъ рисунковъ на множествѣ найденныхъ вазъ, которые были бы совершенно между собою сходны. Истолкованіе ихъ при одномъ только изслѣдованіи нѣмого рисунка безъ нужныхъ для этого поясненій, чрезвычайно трудно и сбивчиво.

Познакомимъ нашихъ читателей съ важнѣйшими вазами, находящимися въ керченскомъ музеумѣ.

Урна съ изображеніемъ свадьбы — *іеронгамом*. Это одна изъ лучшихъ вазъ не только Керченскаго музеума, но едва ли не всѣхъ вообще собраній древнихъ вазъ; она вполне заслуживаетъ вниманіе своимъ изяществомъ, полнотою очерковъ, и чистымъ, возвышеннымъ стилемъ — отличительными чертами аттическаго искусства. На вазѣ изображены красныя фигуры по черному полю, въ одеждахъ голубаго и зеленаго цвѣта, съ бѣлыми промежутками и позолоченными выпуклыми украшеніями, во вкусѣ лучшихъ нолійскихъ вазъ. Шеи у женскихъ фигуръ украшены ожерельями, а руки запястьями. На лицевой сторонѣ вазы изображены девять фигуръ, составляющихъ самую изящную группу. На одной изъ вазъ, описанныхъ Миллингеномъ, видно изображеніе, имѣющее нѣкоторую аналогію съ этою картиною. Миллингенъ полагалъ, что это эротическая сцена. Эта группа, очевидно, изображаетъ молодую чету, и имѣетъ непосредственное отношеніе къ браку Либеры и Либеры или Вакха

и Коры (Ариадны). Это въ древности составляло одинъ изъ обрядовъ свадьбы, которая совершалась при пѣніи гимновъ и при звукахъ флейты, лиры или тамбурина.

Гименей этотъ съ свойственными ему религиозными обрядами и таинствами, былъ представляемъ Греками на ирапорахъ и вазахъ. Однако это же соединеніе изображаемо было и между другими божествами и не принадлежало исключительно одному Вакху. На этой вазѣ, два генія парятъ надъ четюю; у нихъ тѣло покрыто бѣлою краскою, а крылья позолочены: они осѣняютъ взаимную любовь молодыхъ супруговъ. Одинъ изъ геніевъ держитъ повязку невѣсты, у другаго видна въ рукахъ патера. Женщина, стоящая передъ этою группою, должна быть Писо—убѣжденіе: далѣе еще женская фигура, готовая почерпнуть изъ золотого кратира вино; у этой фигуры недостаетъ въ правой рукѣ симпуліума для набранія вина; однако положеніе ея доказываетъ, что назначеніе ея состояло въ томъ, чтобъ исполнить возліаніе и пить въ честь счастливой четы. Съ лѣвой стороны главной группы видна еще стоящая женская фигура.

Въ этихъ двухъ фигурахъ мы видимъ Венеру и Адониса. Венера, бросающій значительный взглядъ на Адониса, кажется понимаетъ ему ихъ дни счастія и любви. Здѣсь Венера исполняетъ должность Пронубы: тѣло ея покрыто бѣлою краскою; нижняя часть тѣла закрыта туникомъ голубаго цвѣта. Женская фигура, изображенная въ углу, съ правой стороны и находящаяся выше прочихъ фигуръ, какъ будто надзираетъ за происходящимъ дѣйствіемъ и, по мнѣнію господина Ашпи, представляетъ какое-нибудь мѣстное божество. Урна эта обращаетъ на себя предпочтительно вниманіе наше и потому въ особенности, что она есть третій и самый замѣчательный памятникъ древней греческой живописи на воску.

Но къ какой эпохѣ отнести этотъ драгоценный памятникъ? Можно съ достовѣрностью сказать, что подобныя вазы начали появляться только во времена преемниковъ Александра, потому что первое объ этихъ вазахъ извѣстіе въ исторіи художествъ относится къ знаменитой эпохѣ Птолемея Фила-

дѣла, эпохѣ роскоши и усовершенствованія искусствъ. Рауль-Рашетъ упоминаетъ объ этой знаменитой вазѣ мимоходомъ, въ первомъ выпускѣ издаваемого имъ сочиненія о помпейской живописи; онъ считаетъ эту вазу одною изъ самыхъ рѣдкихъ и драгоценнѣйшихъ, какъ по аттическому ея происхожденію, такъ и по краскамъ и позолотѣ, которыми она украшена.

Ваза съ изображеніемъ *Нептуна и Амфитриты*. Нептунъ, не успѣвъ склонить къ себѣ Амфитриту, заставилъ ее бѣжать; но она открыта была дельфиномъ, и такимъ-образомъ Нептунъ достигъ своей цѣли. Первая фигура представляетъ сидящаго Нептуна съ трезубцемъ; передъ нимъ Амфитрита, везома дельфиномъ и предшествуемая геніемъ, держащимъ въ рукѣ ящикъ съ брачными нарядами; за Амфитритою видѣны Гименей съ пальмою въ лѣвой рукѣ, что означаетъ торжество Нептуна надъ сердцемъ его молодой невѣсты. Подобныя изображенія не рѣдки на древнихъ вазахъ. Нептунъ любилъ дельфина, потому, что онъ былъ посланникомъ его къ Амфитритѣ. Чтобы наградить дельфина за его услуги, Нептунъ помѣстилъ его среди небесныхъ созвѣздіи. Аппіанъ пишетъ: Нептунъ любилъ дельфина, потому что узналъ отъ него, что молодая черноокая дѣва, дочь Нереи, прекрасная Амфитрита, которую тщетно искалъ Нептунъ, скрылась въ чертогахъ Океана.

Ваза, которой лицевая сторона представляетъ *убіеніе Пріама*. На ней вырѣзаны четыре выпуклыя фигуры. Главная фигура изображаетъ стараго Пріама, который ищетъ спасенія у алтаря; фигура съ лѣвой стороны, безъ бороды, съ шлемомъ на головѣ, вооруженная мечемъ и щитомъ, представляетъ Пирра, стремящагося къ убіенію Пріама. Павзаній пишетъ, что Пирръ повелѣлъ умертвить Пріама у дверей дворца. Съ правой стороны алтаря воинъ съ бородою и шлемомъ, украшеннымъ перьями, есть Аяксъ, царь Локриды, увлекающій Кассандру отъ ея отца. Одыяніе этой женской фигуры, состоитъ изъ длинной туники, покрытой пеплусомъ. Эта туника безъ рукавовъ — дорическая, оставляетъ руки обнаженными. Изъ двухъ изображеній на этой картинѣ, представленныхъ вмѣстѣ, одно есть убіеніе

Приама, а другое, похищеніе Кассандры Аяксомъ, сыномъ Пелевильмъ. Въ Бурбонскомъ музеумъ, въ Неаполь, есть ваза, которую считаютъ единственною по своему сюжету : на ней изображена послѣдняя ночь Трои : — Эней съ маленькимъ Асканіемъ и тощю Анхисомъ; Аякъ, увлекающій Кассандру, тщетно прибѣгавшую къ покровительству Палладіона, и Пирръ, готовый поразить Приама, который закрываетъ лицо руками и держитъ на колѣнахъ тѣло младшаго своего сына. Керченская ваза, сверхъ своей рѣдкости по изображенію, имѣетъ то преимущество, что фигуры на ней представлены выпукло; она почитается единственною въ своемъ родѣ.

Ваза, на лицевой сторонѣ которой представлена *Идрія съ изображеніемъ Тавроволіона*. Крылатый геній, женскаго рода, ведетъ на жертву быка, передъ которымъ идетъ женщина съ лирою въ рукѣ. Съ лѣвой стороны быка видна мужская фигура, на лѣвое плечо которой небрежно наброшена хламида. Въ рукахъ этой фигуры — палица, служившая, вѣроятно, для умерщвленія жертвы, послѣ чего употреблялся тавроволическій мечъ, которымъ извлекали кровь, назначенную для окропленія. При совершеніи тавроволіона, обыкновенно исполнялся обрядъ кріоболіона или жертвоприношеніе барана. Тавроволіонъ совершался слѣдующимъ образомъ: доски на которыхъ ставили жертву, были во многихъ мѣстахъ просверлены; жрецъ находился подъ ними, и при убіеніи жертвы принималъ текущую кровь на свою бѣлую одежду и на лицо. Тавроволіонъ относился къ языческому богослуженію Цибеллы, божества, бывшаго въ почтеніи на берегахъ Воспора: къ тавроволіону присоединяли кріоболіонъ въ честь Аписа. Тавроволіонъ и кріоболіонъ имѣютъ также отношеніе къ посвященію въ таинства Вакха.

Ваза съ изображеніемъ *Вакха и Ариадны*. Съ передней стороны — группа изъ семи фигуръ. Главная изъ нихъ представляетъ Вакха, увѣнчанныя повязкою съ распущенными волосами, съ тирсомъ въ правой рукѣ. Передъ Вакхомъ стоитъ дерево, съ котораго крылатый геній Вакха, молодой Акрать, или Гименей, срываетъ плоды и отдаетъ ихъ поддерживающей

его невѣсть Аріаднѣ, завернутой въ широкій плащъ. Подлѣ дерева изображена сидящая фигура, играющая на двойной цѣвицѣ. Фигура эта — олицетвореніе Пана, играющаго на флейтѣ во время свадебнаго празднества Вакха и Аріадны, что составляетъ главный сюжетъ этого рисунка. За играющею фигурою стоитъ, вѣроятно, Семелея, потому что прическа ея не прилична ни Юнонѣ, ни Венерѣ; за Семелею изображенъ Силенъ-Марсій, смотрящій съ удивленіемъ на происходящую сцену. Позади Вакха стоитъ, съ видомъ смиренія, кормилица его. Вакхическія повязки (*credemnon*), браслеты, безрукавный хитонъ и пеплумъ, составляютъ нарядъ женщины, исключая Аріадны. Противуположная сторона вазы также украшена рисункомъ, представляющимъ брадатаго фавна съ тирсомъ и двухъ вакханокъ: одна изъ нихъ несетъ мистическое вѣяло; у другой такое же вѣяло стоитъ у ногъ, а въ правой рукѣ она держитъ маленькую вазу съ благовопіями. Изображеніе это имѣетъ прямую связь съ Діонисіемъ, и дополняетъ собою смыслъ картины, на лицевой сторонѣ вазы.

Урна, на которой представлено приготовленіе къ празднеству, называвшемуся *лампадидромія* — бѣгъ съ лампадами, состоящее изъ пяти фигуръ: четырехъ *лампадифоровъ*, то-есть, носящихъ лампы и парящей Побѣды. Первая изъ фигуръ представляетъ молодаго человѣка съ зажженнымъ свѣточемъ, готоваго пуститься въ бѣгъ; онъ обернулся къ крылатой Побѣдѣ, которая показываетъ повязку, долженствующую служить ему наградою, если онъ первый прибѣжитъ къ цѣли. За Побѣдою стоятъ еще два лампадифора, одинъ изъ которыхъ держитъ, также какъ и первый, зажженный свѣточъ: эти двѣ фигуры бесѣдуютъ между собою; четвертая фигура съ стриженнымъ представляетъ человѣка, приготовляющагося къ бѣгу, потому что тѣ, которые для этого предназначались, должны были омытъ свое тѣло. Всѣ четыре фигуры имѣютъ на головахъ вѣнки изъ листьевъ, или изъ перьевъ: кромѣ того, что подобныя вѣнки придавали лампадифорамъ пріятный видъ при бѣганіи, они показывали, что люди эти заняты исполненіемъ обряда религіознаго.

Лампадидроміи были учреждены въ честь Прометея, Меркурия и Вулкана и праздновались во многихъ мѣстахъ Греціи, особенно въ Аеннахъ. Лукрецій тоже упоминаетъ объ этихъ празднествахъ. Бѣгъ съ лампадами заключался въ слѣдующее: молодые люди, искавшіе назначенной при этомъ празднествѣ награды, собирались подѣ вечеръ вокругъ алтаря посвященнаго Прометею, и при свѣтѣ пылавшаго на немъ огня зажигали свои факелы. Если бѣгъ совершался верхомъ, то состязатель долженъ былъ прискакать во весь опоръ къ цѣли съ зажженнымъ факеломъ; если же пѣшкомъ, то при самомъ скоромъ бѣгѣ должно было достигъ цѣли также съ непотухшею лампадою. Кто исполнялъ это условіе, тотъ провозглашался побѣдителемъ и получалъ награду. Алтарь, видимый на вазѣ, также замѣчательнъ: на немъ стоитъ очагъ (*эсхара*); о такихъ очагахъ упоминаютъ многіе писатели.

На одной вазѣ (пелікѣ), рисунокъ изображаетъ: лошадиную голову съ уздой и профиль женской головы съ распущенными волосами, во фригійской шапкѣ, усыпанной цвѣточками или звѣздочками; сзади этой головы видна голова грифона. Лицо женщины прелестно. Ваза украшена овами и пальметтами. Въ 1833 году, въ Одессѣ найдена была ваза съ такимъ же рисункомъ; на ней не было только лошадиной головы, и рисунокъ ея былъ самый посредственный. Стемпковский говоритъ, что рисунокъ, видимый на ней, относится къ служенію Аполлона, которому былъ посвященъ грифъ. Ваза съ такимъ же изображеніемъ, какъ наша, давно уже находилась въ ватиканской библіотекѣ. Въ послѣднее время найдены въ Сиренскомъ некрополѣ и въ Эгинѣ вазы съ рисункомъ, совершенно одинаковымъ съ нашимъ, съ нѣкоторыми только маловажными измѣненіями. Ваза, открытая въ Эгинѣ, пріобрѣтена была Рауль-Рошетомъ, который, нѣтъ предѣ глазами четыре вазы различнаго происхожденія, съ однимъ и тѣмъ же почти рисункомъ, нашелъ что, онѣ имѣютъ назначеніе погребальное. Въ лантакапейскихъ гробницахъ найдено нѣсколько вазъ съ такимъ же рисункомъ. Въ женской головѣ Рошетъ видитъ изображеніе богини ночи *нох*, которую древніе представляли подѣ дик-

нить покрываломъ *тамиславес*, или подъ чернымъ вѣдентъ *меламмедлоса*. По мифологическимъ сказаніямъ, богиня ночи сидѣла верхомъ на черной лошади; такъ она представлена на знаменитой вазѣ музея Блакаса. Изображеніе это, согласное съ преданіями, которымъ Греки слѣдовали, замѣчено уже на подножии трона Юпитера Олимпійскаго, гдѣ Селеня, богиня луны, то-есть, одно и то же, что богиня ночи, представлена съ лошадыю. Вслѣдствіе мысли, которой обязаны своимъ осуществленіемъ рисунки этихъ вазъ, грифъ изображенъ, какъ эмблема дня или жизни, и находится на вазахъ въ противоположность лошади, эмблемѣ ночи или смерти. Эти животныя, нарисованныя по сторонамъ бюста богини ночи, аллегорически выражаютъ, посредствомъ солнца и ночи, или Геліуса и Селеня, переходеніе человѣческой жизни.

Ваза обь одной ручкѣ (оспосное), на которой выпукло представлена лучезарная женская фигура подъ покрываломъ, сидящая на козѣ. Изображеніе это покрыто бѣлою, черною, красною и голубою красками. Объяснить значеніе этого замѣчательнаго рисунка очень трудно. Извѣстно, что козель былъ посвященъ Вакху. Фигура, сидящая на козѣ, можетъ быть признана за вакханку; всего же вѣроятнѣе, что эта фигура представляетъ самую покойницу, отправившуюся на козѣ въ страну усопшихъ. Греки, для означенія перехода душъ въ другой миръ, изображали ихъ сидящими на лошади, гиппокампахъ, а иногда на nereидахъ. Лучи, видимые вокругъ головы сидящей на козѣ фигуры и часто встрѣчающіеся въ гробничной живописи и на вазахъ, почитаются изображеніемъ растенія каприфоля, которое, по мнѣнію язычниковъ, имѣло свойство осушать слезы. Вазочка эта носитъ на себѣ изображеніе совершенно новое, не встрѣчавшееся еще на памятникахъ Грековъ. Арнетъ, директоръ вѣнскаго музеума, въ сидящей фигурѣ признаетъ Венеру, или Меркурія; Гергардъ относитъ это изображеніе къ Юнонѣ. Различіе мнѣній доказываетъ только, какъ сбивчива наука древностей! Какъ-бы то ни было, ваза есть археологическая рѣдкость. Въ кабинетѣ древностей Poutalès-Gorgier находится ваза, найденная въ Эгиптѣ и

имѣющая форму козы. Владѣтель этой вазы полагалъ, что видъ козы, данный вазѣ, напоминаетъ собою имя Эгины, *A. uini.*

Ваза съ изображеніемъ пяти фигуръ. Картина эта представляетъ также какую-нибудь вакхическую сцену. Посрединѣ рисунка видѣнъ сидящій Вакхъ, съ тирсомъ въ правой рукѣ; предъ нимъ сидящій Силенъ, касающійся правую руку до ноги парящаго между нимъ и Вакхомъ генія, или бога любви. Съ правой стороны Вакха находится вакханка: она подходитъ къ нему, одною рукою закрываетъ грудь, а въ другой подноситъ богу что-то стертое. За всюю этою группою видна еще уходящая вакханка, обернувшаяся къ Вакху и къ наставнику его Силену, какъ-будто для того, чтобъ лучше вслушаться въ разговоръ ихъ о силѣ и власти любви.

Главная изъ фигуръ группы, нарисованной на вазѣ, помѣщенной на одиннадцатой таблицѣ, представляетъ Вакха съ тирсомъ въ правой рукѣ, въ полу-лежащемъ положеніи: голова его увѣнчана повязкою, а волосы ниспадаютъ на щеки; передъ нимъ двѣ женскія фигуры: у обѣихъ головы украшены повязками; въ рукахъ женщины, стоящей близъ Вакха, какъ кажется, кастаньеты; два крылатыхъ генія, по видимому управляютъ пляскою, а Силенъ играетъ на двойной флейтѣ, сидя на опрокинутой амфорѣ, отчего можно заключить, что танцы происходятъ послѣ пиршества.

На крышкѣ красивой и рѣдкой вазы, помѣщенной на двѣнадцатой таблицѣ, и называемой леканэ, изображены три группы: первая состоитъ изъ сидящей женщины въ нарядномъ уборѣ (*florida vestis*): она разговариваетъ со своею прислужницею, одѣтой въ хитонъ и несущую въ одной рукѣ опахало, а въ другой ящикъ съ дарами: передъ прислужницею паритъ крылатый геній съ покрываломъ. Еще далѣе двѣ сидящія женскія фигуры почти въ такомъ же положеніи и нарядѣ, какъ первая; два крылатыхъ генія съ покрывалами и двѣ женщины: одна завернутая въ мантию, а другая въ безпоясномъ хитонѣ, съ повязкою въ правой рукѣ. За сѣ-

дѣятели фигурами у ногъ ихъ, видны какіе-то значки, которыхъ нельзя разобрать. Геніи покрыты бѣлою краскою; нѣкоторые предметы сдѣланы выпукло и позолочены. Древніе, какъ мы уже сказали, любили представлять на вазахъ сцены изъ домашней жизни, возбуждавшія пріятныя воспоминанія. Ящикъ, видимый въ рукахъ женщины, называвшійся пиксида, былъ одною изъ главныхъ принадлежностей туалета Гречанки. Въ пиксидѣ хранились драгоценныя вещи, служившія особенно для убранства въ день брака (*munea sponsalitia*), или при совершеніи другихъ гражданскихъ или религіозныхъ торжествъ. Потому-то, парящіе геніи, пиксида, повязки, опахало, — все это доказываетъ, что картина, изображенная на вазѣ, представляетъ приготовленіе. Арнетъ находитъ эту лекану превосходною и говоритъ, что изображеніе представляетъ сидящую Афродиту, бесѣдующую съ Пиео.

На вазѣ, нарисованной на тринадцатой таблицѣ, изображены красныя фигуры по черному полю; на одеждѣ нѣкоторыхъ фигуръ видны слѣды голубаго и зеленаго цвѣтовъ, съ бѣлыми промежутками и позолоченными выпуклыми украшеніями; фигуры эти составляютъ самую изящную группу, изъ пяти лицъ. Большая часть подобныхъ этому изображеній относится къ лучшему стилю живописи на вазахъ; сюжетомъ ихъ обыкновенно бывають битвы Тезея и Геркулеса съ Амазонками, и потому этотъ рисунокъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, представляетъ битву Тезея съ царицею амазонокъ Антипою. Тезей въ шлемѣ, съ мечемъ, висящимъ на перевязи, съ копьемъ въ рукахъ и щитомъ, по срединѣ котораго видна звѣзда, нападаетъ съ ожесточеніемъ на амазонку, поборницу царицы и намѣревается пронзить ее копьемъ; хламида его брошена на лѣвую руку. Амазонка отражаетъ нападеніе Тезея и готова нанести ему въ голову ударъ сѣкирою. Другая амазонка повержена къ ногамъ Тезея; копье и щитъ ея лежатъ на землѣ. Позади Тезея изображена царица-воительница верхомъ, съ хвостомъ: убѣгая съ поля сраженія, она обернулась къ своей подругѣ, и поднявъ правую руку приказываетъ, вѣроятно, прекратить бой. Позади группы изображенъ бѣгушій на цо-

мощь Тезею воинъ, вооруженный копьемъ и щитомъ: на немъ безрукавный хитонъ, подвязанный поясомъ; на головѣ вѣнокъ. Правая рука его поднята вверхъ: обернувшись въ лѣвую сторону, онъ какъ будто призываетъ сподвижниковъ на полъ битвы. Картина эта увѣнчана позолоченною одивковою гирляндю. Амазонки одѣты въ подвязанные поясами хитоны. Чаще всего на амазонкахъ встрѣчается костюмъ дорическій, или скиѣскій: одежда же вонпельницы на лошади не принадлежитъ ни къ одному изъ этихъ нарядовъ: на ногахъ у нея длинные стиблсты съ позолоченными пуговками. Битвы Геркулеса и Тезея съ амазонками и вообще вторженія этихъ послѣднихъ въ Аттику, признаваемые баснословными, древнѣе Греки считали однимъ изъ самыхъ достопамятныхъ происшествій исторіи, временъ героическихъ; по этому изображенію, напоминающія о событіяхъ этихъ, довольно часто встрѣчаются на памятникахъ Грековъ. Во всѣхъ подобныхъ картинахъ, амазонки всегда почти остаются побѣжденными. Самолюбіе и тщеславіе Грековъ всегда побуждало ихъ представлять себя въ рисункахъ побѣдителями. Они никогда не покорялись въ бою; а если и случалось изобразить воина, падающаго подъ ударами противника, то другой воинъ спѣшитъ къ нему на помощь и означаетъ, что гибель его товарища еще не вѣрна. На крышкѣ вазы изображены двѣ женскія головы и лежащій тигръ: одна изъ женщинъ держитъ аллебастриту, а другая повязку; этотъ рисунокъ относится къ служенію Вакха. Задняя часть вазы украшена арабесками. Урна эта принадлежитъ къ памятникамъ древней греческой керамографіи и относится къ той же эпохѣ, къ какой урна съ изображеніемъ свадьбы.

Еще интереснѣе картина, представленная на одной великолѣпной вазѣ *Центавромазія*. На лицевой сторонѣ изображена самая изящная группа, изъ десяти фигуръ. Брадатый центавръ, съ вѣнкомъ на головѣ, похищаетъ молодую женщину; пеплусъ ея, на которомъ видны слѣды зеленой краски, закрываетъ нижнюю часть туловища женщины, оставляя ноги обнаженными; руки ея подняты къ небу; волосы пл-

спадаетъ худрями на шею, на голову вънокъ. Парящій геній, съ вѣнкомъ на голову, осѣняетъ крыломъ и руками похищаемую женщину; съ боку подлѣ нея видна женщина въ положеніи, выражающемъ страхъ и отчаяніе; руки ея воздѣты къ небу, по извѣстному обычаю, во время молитвы поднимать вверхъ руки. Правая рука поднималась только при торжественныхъ восклицаніяхъ. Откинутый назадъ плащъ вполне выказываетъ формы женщины; передъ нею стоитъ мужчина, съ хламидою на лѣвой рукѣ; волосы его поддерживаются вѣнкомъ; въ правой рукѣ онъ держитъ мечъ и намѣревается поразить имъ центавра. За плечами похитителя виденъ мужчина, вѣроятно Тезей, съ оливковымъ вѣнкомъ на голову, поднимающій правою рукою суковатую палицу, чтобы ударить ею своего противника; надъ Тезеемъ геній, съ вѣнкомъ на голову, устремляетъ копьё въ похитителя. За Тезеемъ стоитъ женщина на колѣняхъ, одѣтая въ іоническую туннику, безъ рукавовъ; взоры ея, исподненные страданія и горести, устремлены на центавра; лѣвою рукою она держится за голову, а правую простираетъ къ нему, умоляя освободить похищенную имъ жертву: позади женщины этой стоитъ бородатый старецъ, съ повязкою на голову, также поражающій копьёмъ центавра. Плащъ старца спущенъ съ праваго плеча. Словомъ, вся группа нападаетъ кругомъ на центавра. Последняя женская фигура стоитъ позади старца и въ изступленіи смотритъ на битву. Рисунокъ этотъ, какъ кажется, относится къ одной изъ самыхъ древнѣйшихъ центавромахій. Въ Греціи много медалей, на которыхъ изображены центавры: они, обыкновенно, послѣ пиршества, воспламененные виномъ, похищали женъ: эти похищенія, равно и сраженія центавровъ съ Лапнеами, были предметомъ многихъ знаменитыхъ группъ; напримѣръ: Деяндра, похищенная центавромъ Несосомъ, и освобожденная Геркулесомъ; похищеніе Альціоны и прочая. Но рисунокъ на этой вазѣ не подходитъ къ разряду упомянутыхъ группъ. Главныя дѣйствующія лица въ этой картинѣ — центавръ и мужчина съ палицею, котораго надобно принять за Тезея, потому что палица принадлежала не одному Геркулесу. Тезей отнял ее у Перифета и часто употреблялъ въ битвахъ.

Задняя сторона вазы также покрыта живописью. По срединѣ сидящій Вакхъ съ тирсомъ въ правой рукѣ: длинныя, вьющіеся волосы ниспадають на его шею; они приподняты надъ челою и увѣнчаны повязкою изъ плюща; хламида спущена. Свинцовые шарики (goiscol) прикрѣплены къ полу хламиды, чтобы потянуть ее къ низу. Вакхъ обращается къ уходящей вакханкѣ, которая повернулась къ нему лицомъ, чтобы выслушать его приказаніе; въ рукахъ вакханки истическое вѣяло; перлюмъ у нея спущенъ съ праваго плеча; волосы поддерживаются повязкою; за нею стоитъ музичина, съ повязкою на головѣ; на лѣвой рукѣ его виситъ хламида; передъ Вакхомъ изображенъ брадатый фавнъ съ челою, украшеннымъ повязкою (medemnon); на лицѣ его изображена готовность исполнить велѣніе Бахуса. Вся эта вторая группа, вѣроятно, готовилась къ выполненію пляски. Многіе предметы рисунка, какъ-то: крылья геніевъ, вѣки на головахъ, копья и украшенія женскія сдѣланы выпукло и вѣроятно были позолочены. Тѣло геніевъ и похищаемой женщины покрыто бѣлою краскою. Ваза украшена ованъ шахматною каймою, квадратами, называемыми лабиринтами и пальметтами. Она, конечно, вышла изъ рукъ одного изъ самыхъ знаменитыхъ художниковъ Коринфеа, Сикіона, Левія, Азія, или, можетъ-быть, и самой Пантикапей. Изящество и полнота очерковъ на вазѣ очаровательны.

Урна съ крышкою, украшенною рисункомъ (таб. XV). По срединѣ ея изображена сидящая женская фигура, съ браслетами на рукахъ: лѣвою рукою она опирается на сѣдалище, а правою держитъ какой-то неавственный предметъ. Голова ея убрана сѣндономъ: на женщинѣ двѣ туники, украшенныя шитьемъ,—одна длинная, а другая короткая. Сзади этой фигуры паритъ, въ граціозномъ положеніи, геній, и касается руками головы сидящей женщины. Другой крылатый геній стоитъ на колѣняхъ сидящей женщины, положивъ на плечі ей свою лѣвую руку. За этою группою видна стоящая женщина, съ повязкою на головѣ; въ рукахъ у нея двѣ вышитыя повязки, алебастрита и пиксида; передъ группою изображены еще двѣ женщины, несущія повязки и вазу съ крыш-

кою (леканэ). При сравненіи этого изображенія съ многими другими подобнаго же рода, нельзя не заключить, что рисунокъ на этой урнѣ представляетъ сцену изъ частной жизни той особы, которой она сохраняла кости. Сидящая фигура, по всѣмъ вѣроятіямъ, изображаетъ невесту, которой подносятъ дары, въ знакъ почтенія. Рисунокъ хорошаго стиля и напоминаетъ собою лучшія греческія вазы. Между костей въ урнѣ найдены были нѣкоторыя золотыя вещи, относящіяся къ женскому туалету.

Двѣ одинаковыя вазы обѣ одной ручкѣ (таб. XVI и XVII), съ узкимъ горломъ (prothoriculum). Рисунокъ съ лѣвой стороны представляетъ двѣ женскія сидящія фигуры; одна изъ нихъ держитъ въ рукахъ черпало; крылатый геній подноситъ ей вѣяло; правая нога генія стоитъ на чемъ-то, неясственно изображенномъ; вѣроятно на камнѣ. На другой вазѣ, изображены также двѣ женщины, изъ которыхъ одна играетъ на лирѣ; между ними крылатый геній, съ покрываломъ и дискомъ. Изображенія, подобныя этимъ двумъ рисункамъ, часто встрѣчаются на древнихъ вазахъ, но еще не достаточно изъяснены наукою. Должно думать, что большая часть ихъ относится къ жизни душъ за гробомъ, или къ посвященію въ языческія таинства. На другой вазѣ изображенъ геній, готовящійся къ метанію диска, при гармоническихъ звукахъ лиры. Изображеніе это аллегорическое. Лира была постоянно эмблемою погребенія, потому что употреблялась при совершеніи погребальныхъ игръ.

Обломокъ вазы (таб. XVIII) съ любопытнымъ изображеніемъ четырехъ грифоновъ, терзающихъ лань; тѣло двухъ верхнихъ грифоновъ покрыто бѣлою краскою. Обломокъ этотъ очень замѣчательнъ по находящемуся на немъ рѣдкому и, вѣстѣ съ тѣмъ, аллегорическому рисунку. Грифы, терзающіе оленя или лань; львы, одолевашіе быковъ, часто встрѣчаются на расписныхъ вазахъ, самаго древняго стиля; въ подобныхъ рисункахъ, грифъ и левъ выражаютъ аллегорически идею о началѣ огненномъ — жизни; а олень и быкъ о началѣ влажномъ — смерти; слѣдовательно, битва этихъ кивотныхъ означаетъ борьбу двухъ элементовъ — рожде-

и уничтоженіе. Вотъ почему подобныя изображенія Греки почитали самыми приличными украшеніемъ для гробичныхъ вазъ, саркофаговъ и самыхъ гробницъ.

Ваза (т. XXV) украшена однимъ изъ рѣдкихъ живописныхъ изображеній: — битвою Геркулеса съ стимфальскими птицами. Въ Аркадіи было озеро Стимфаль, на берегахъ котораго водились необыкновенныя птицы, похожія на страусовъ, съ страшными когтями, съ желѣзными крыльями и носомъ: когда онѣ летѣли стадомъ, то заслоняли собою солнце. Мисерва дала Геркулесу что-то похожее на медный тимпанъ: шумъ, производимый тимпаномъ, пугалъ этихъ птицъ. Геркулесъ употребилъ это орудіе, чтобъ выгнать ихъ изъ лѣсу, въ которомъ они скрывались, и истребилъ ихъ. Мисеологи полагаютъ, что это повѣствованіе аллегорически относится къ какой-нибудь шайкѣ разбойниковъ, нивѣвшихъ притонъ близъ озера Стимфала, и разбитыхъ Геркулесомъ съ помощью его товарищей. На этомъ рисункѣ видны четыре вооруженныя палицами воина; на нихъ нападаютъ три птицы; у двухъ воиновъ въ рукахъ щитъ, или тимпанъ, о которыхъ упоминали. Впрочемъ, ясно, что первая фигура съ лѣвой стороны рисунка держитъ въ лѣвой рукѣ родъ щита, или тимпана и наскокомъ ударяетъ въ него.

Ваза съ изображеніемъ прекрасной группы, изъ шести фигуръ (т. XXXIX). Главное лицо въ этой группѣ сидящій Вакхъ: голова его увѣнчана, ноги поддерживаются табуретомъ; предъ Вакхомъ крылатый богъ любви, съ покрываломъ въ лѣвой рукѣ; правую рукою амуръ освѣняетъ голову обернувшагося къ нему Вакха. Предъ этими двумя фигурами находится женщина съ щитомъ въ правой рукѣ, а за ней видна еще женская фигура, облокотившаяся лѣвою рукою на плечо Вакха. У ногъ этого послѣдняго изображена сидящая женская фигура, а передъ нею тоже сидящая фигура мужчины; онъ правую рукою дотрогивается до щита, находящагося въ рукахъ третьей фигуры и, разговаривая съ сидящею женщиною, указываетъ на щитъ.

Всѣ вообще вазы, назначенныя для хранения жидкостей, и

въ особенности тѣ, которыя показаны на приложенныхъ рисункахъ, известны были у Грековъ подъ именемъ *алавастра*; отчего и камень, изъ котораго онѣ дѣлались, названъ *алабастромъ*. Греки почитали его самымъ удобнымъ для хранения въ немъ маселъ, и потому онъ былъ въ большой цѣнѣ Угвентаріи дѣлались также изъ драгоценныхъ металловъ и розысканія древностей подтверждаютъ въ этомъ случаѣ свидѣтельство историковъ.

Въ числѣ драгоценныхъ древнихъ вещей, открытыхъ въ Керчѣ, находилась маленькая золотая вазочка съ крышечкою для хранения благовоній, украшенная 83-мя разной величины сирійскими гранатами и имѣющая въ суммѣ 19½ золотниковъ; она была прикрѣплена къ золотой цѣпочкѣ и висѣла на шеѣ жены царя Рискупорида.

За тѣмъ особенное вниманіе обращаетъ на себя серебряная патера о двухъ ручкахъ: внутри ея, на днѣ, изображенъ на четырехъ-конной колесницѣ лучезарный Вакхъ, съ бичемъ въ правой рукѣ: рисунокъ этотъ украшенъ позолоченною каймою. Збруя лошадей и одежда Вакха также вызолочены. Фигура на колесницѣ можетъ быть принята за Аполлона. Но ближайшее разсмотрѣніе другихъ вещей, найденныхъ въ одной гробницѣ съ патерою, привело г. Ашика къ заключенію, что эта фигура — Вакхъ. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что по сказанію Орфея и Гезіода, Вакхъ есть тоже самое, что Аполлонъ, то есть, всеобщая сила тѣлъ небесныхъ, душа и согласіе міровъ. Макробій увѣряетъ, что Аристотель почиталъ Вакха и Аполлона однимъ и тѣмъ-же божествомъ. Философы и поэты давали одно общее названіе солнцу, Вакху и Аполлону.

Серебряная ваза объ одной ручкѣ, украшенная виноградными лозами и позолоченными гирляндами. Ручка вазы ссучена въ видѣ веревки и оканчивается головою фавна.

Серебряная ваза, въ родѣ нашихъ чайниковъ, о двухъ ручкахъ съ крышкою, украшенная фестонами и барельефами,

изображающими виноградныя листья. Два брадатыхъ фавна, оцоясанные кожею и играющіе на гептакордѣ, составляютъ ручки вазы; крышка ея приделана къ цѣпочкѣ, прикрѣпленной къ рукѣ одного изъ фавновъ; посреди виноградныхъ листьевъ на задней части вазы, видна крылатая маленькая фигурка, — вѣроятно Акратъ, а на другой сторонѣ — геній Вакха — Ампель, сынъ Силена. На носкѣ вазы двѣ маски: верхняя изображаетъ сатира, а нижняя нимфу. Не только нимфы, но и всѣ спутники Вакха служили украшеніемъ фонтановъ. Эти изображенія имѣли цѣлью воспламенить воображеніе проходящихъ и возбудить въ нихъ жажду. Всѣ фигуры и украшения вазы позолочены.

Обложки вазы съ рѣдкимъ и хорошимъ рисункомъ: — на окрыленной колесницѣ сидитъ мужская фигура съ патерою въ правой рукѣ; за нею женская фигура съ короною, съ распущенными волосами и съ двумя факелами въ рукахъ. Съ правой стороны сидящей фигуры стоятъ женщина и мужчина, съ длинными шепами или скипетрами въ рукахъ. Рисунокъ этой вазы представляетъ Триптолема, сидящаго на окрыленной колесницѣ, въ минуту его отъѣзда изъ Элевзиса. Любимецъ Цереры, которая ввѣрила ему пшеничное колосъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ научилъ людей хлѣбопашеству, принимаетъ возліаніе изъ рукъ самой богини. У Цереры въ лѣвой рукѣ скипетръ; правою рукою, недостающею на рисункѣ, она вѣроятно держала вазу съ виномъ, которое должна была налить въ патеру, видимую въ рукахъ Триптолема. По сторонамъ этихъ двухъ лицъ изображены другія два божества элевзинскія — Прозерпина съ факеломъ и супругъ ея Плутонъ съ скипетромъ. Это одно изъ знаменитыхъ древнихъ изображеній.

Къ третьей части труда г. Ашика приложены рисунки глиняныхъ статуекъ, найденныхъ въ разныхъ пантикапейскихъ гробницахъ. Всѣ почти статуйки съ задней стороны плоски и для того, чтобы могли быть привѣшаны къ стѣнѣ, имѣютъ здѣсь дырочки. Нѣкоторыя фигурки принадлежатъ къ категоріи геніевъ, которые у древнихъ играли большую роль. Паматники Грековъ и Этрусковъ доказываютъ, что многіе города, публичныя

иѣста, фонтаны, бани, времена года, мужчины, женщины и даже самые боги ииѣли своихъ геніевъ. Горацій говоритъ, что были геніи, присутствовавшіе при нашемъ рожденіи. По вѣрованію древнихъ, геніи управляли всѣми дѣйствіями челоуѣка, отъ рожденія его до самой кончины: стихи Менадра свидѣтельствуютъ объ этомъ. Вотъ почему геніи такъ часто встрѣчаются на древнихъ изображеніяхъ. Вообще, всѣ окрыленные фигуры назывались прежде геніями; но ученый Цега доказалъ неправильность этого названія, и нынѣ они извѣстны подъ именемъ камиловъ или лавръ. Женскія статуйки изображаютъ иногда богинь; большею же частью представляютъ фигуры (обѣтныя) усопшихъ, или друзей ихъ. Различить статуику обѣтную отъ той, которая представляетъ какую-нибудь богиню — дѣло трудное. Часто, для наружняго украшенія статуи, искажался ея символическій смыслъ. Статуйки, найденныя въ дѣтскихъ гробницахъ: плясуи и прочія, вѣроятно были положены сюда, какъ игрушки.

Между статуиками есть очень изящныя. Статуйки обѣтныя, хорошо драпированныя. Женская статуика на подножіи, легко драпированная; въ правой рукѣ ея птичка, а въ лѣвой виноградная кисть. По этимъ признакамъ видимъ въ этой статуикѣ богиню Либеру.—Бюстъ Кору подъ покрываломъ; руки богини сложены на груди ея. Венера Либитина, или погребальная, на подножіи, сидящая на вазѣ съ очистительною водою. Позади богини амуръ безъ крыльевъ. Венера Либитина, или Уранія, судя по нимбусу; позади ея колонна, на которой представленъ какой-то круглый предметъ. Колонна можетъ быть принята за эмблему цѣли жизни челоуѣческой, а круглое изображеніе надъ колонною, вѣроятно, означаетъ земной шаръ, или солнечные часы, принадлежность Парки. — Эфебъ, играющій съ собакой.—Юноша, играющій съ лебедемъ.—Сидящая Венера; возлѣ нея гусь, изображеніе сладострастія. Птица эта имѣла также значеніе въ языческихъ таинствахъ, относившихся къ апофеозу за гробомъ.— Прекрасный глиняный бюстъ, вѣроятно Прозерпины. Лице и грудь богини покрыты бѣлою краскою. — Превосходная и выразительная голова комическаго актера. — Изображеніе самаго усопшаго, въ

скиескомъ или савроматскомъ одѣяніи: правую руку онъ положилъ себѣ на голову, поддерживаемую лѣвою рукою. Положеніе этой фигуры аллегорически выражаетъ покой, или кончину. Работа статуйки хорошаго стиля.—Еще одна очень замѣчательная статуйка: въ лѣвой рѣкѣ ея палица, а на головѣ львиная кожа. Указательнымъ пальцемъ правой руки фигурка касается своего рта. Если нельзя признать въ этой статуйкѣ Геркулеса въ карриатурѣ, то надобно заключить, что она сдѣлана по образцу бронзовой или мраморной статуи Саміона, извѣстнаго шута древнихъ, возбуждавшего смѣхъ своими кривляньями и разными тѣлодвиженіями. Поза и выраженіе статуйки, возводятъ ее на степень лучшихъ памятниковъ этого рода. Въ Помпей найдены нѣкоторые живописныя карриатуры: Эней, который несетъ на плечахъ отца своего Анхиса, а за руку ведетъ молодаго Асканія. Фигуры эти—съ головами животныхъ, что вообще употреблялось въ карриатурахъ. Галліенъ изображенъ въ видѣ козла; Манцій въ видѣ пѣтуха: а софистъ Варронъ со вздернутымъ носомъ, въ видѣ аиста.

Рисунокъ, представляющій погребальную Венеру сидящую на скалѣ: подлѣ Термеса стоитъ геній тапнствъ въ граціозномъ положеніи. Внизу видны два амура, или генія, — одинъ на дельфинѣ, другой на лебедѣ. Эти изображенія часто встрѣчаются на саркофагахъ, надгробныхъ камняхъ и урнахъ, и служили символомъ души человеческой, отправившейся къ счастливымъ островамъ, въ страну блаженства. Вся группа прекраснаго стиля; у Венеры недостаетъ передней части руки, а у амура головы. Родъ пастушеской шляпы на головѣ Венеры и другихъ статуекъ Гергардъ называетъ нимбомъ. Нимбъ Венеры, въ особенности обращаетъ на себя вниманіе совершеннымъ сходствомъ своимъ съ шляпами имеретинскихъ княгинь и съ русскимъ войничкомъ.

Венера въ раковинѣ. Къ сожалѣнію раковина нѣсколько разбита: не смотря на то, фигурка восхитительна по своей выразительности.—Воинъ въ фригійской шапкѣ, опирающійся на щитъ. — Голова Цереры, отличной работы. Статуйка, пред-

ставляющая юношу съ пѣтухою въ рукахъ : это, можетъ-быть, геній Меркурія, которому былъ посвященъ пѣтухъ. Впрочемъ, пѣтухъ посвящался также Минервѣ и Цибеллѣ; Лакедемоняне приносили пѣтуха въ жертву Марсу. Эліанъ пишетъ, что пѣтухъ былъ пріятель Латонѣ и что его приносили въ жертву этой богинѣ, испрашивая благополучнаго разрѣшенія отъ бремени.

Два круглые обломка, изъ которыхъ на одномъ изображено шесть женскихъ фигуръ въ мантияхъ; отъ седьмой уцѣлѣла только часть драпировки; на другомъ обломкѣ были такія же изображенія, но теперь они стерты совершенно. Очень вѣроятно, что эти обломки принадлежатъ къ верхней части возвышенія находившагося въ храмѣ Цереры: и потому можно заключить что фигуры, на немъ представленныя, относятся къ одному изъ элевзинскихъ празднествъ, которыя продолжались девять дней и состояли изъ торжествъ въ честь Вакха и изъ нѣкоторыхъ особыхъ обрядовъ и народныхъ шествій; одно изъ нихъ, вѣроятно, представлено на этомъ барельефѣ. Во время подобныхъ процессій обыкновенно впереди находилась колесница, влекомая быками; за нею слѣдовали женщины, которыя несли ящики съ пирогами, шерстью, травою, гранатами и макомъ. Впрочемъ, многіе города имѣли особые мѣстные праздники въ честь Прозерпины, во время которыхъ совершалось шествіе: въ нихъ принимали участіе женщины, мужчины и даже дѣти; по этому невозможно положительно сказать, какое именно торжество представляетъ этотъ барельефъ.

Мраморный саркофагъ можетъ стать на ряду съ лучшими произведеніями греческаго ваянія; къ сожалѣнію, онъ жестоко пострадалъ: всѣ почти фигуры, изображенныя на саркофагѣ, обезглавлены, вѣроятно мусульманами, которые считали религіознымъ долгомъ искажать вообще всѣ памятники иновѣрцевъ. По этой причинѣ трудно составить полное описаніе саркофагу: мы упомянемъ только о предметахъ, которые больше прочихъ сохранились на немъ. Крыша саркофага (р. 118) имѣетъ въ длину 3 аршина 11 вершковъ; въ ширину 1 аршинъ 11 вершковъ, а въ толщину 6 вершковъ.

На ней очень ясно изображенъ мужчина, опирающійся лѣвымъ плечемъ на изголовье; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ свитокъ вѣроятно въ знакъ своихъ гражданскихъ занятій, а правую обнимаетъ молодую женщину. Одежаніе фигуры состоитъ изъ туники, покрытой длинною эпанчою; правая рука украшена браслетомъ. Одежда мужской фигуры сходна съ женскою — туника, покрытая хламидою; отъ головы мужчины уцѣлѣла только маленькая часть бороды.

Замѣтимъ, что работа крышки этого саркофага, и особенно нѣкоторыя рельефныя изображенія боковъ его, отличаются превосходнымъ стилемъ. Нижняя его часть украшена выпуклымъ карнизомъ, весьма тщательно исполненнымъ; по выше находится еще карнизикъ, и между ними изображены гирлянды отличной отдѣлки изъ виноградныхъ листьевъ, дубовыхъ съ желудями и медвѣжьей лапы; тутъ же находятся головы разныхъ животныхъ. Вообще гирлянды служили эмблемою вѣчнаго спокойствія и наслажденія, предназначеннаго праведнику по освобожденіи его отъ земной жизни. Внизу, въ углу фриза изображены: левъ, борьба атлетовъ, дикая коза и собака.

Самая замѣчательная и наиболѣе сохранившаяся сторона этого гроба, гдѣ находилась, какъ кажется, голова покойника (р. III, а), представляетъ четыре фигуры изящной отдѣлки. Главная изъ нихъ изображаетъ брадатаго мужчину съ распущенными по плечамъ волосами и сидящаго на табуретѣ, покрытаго львиною кожею; глазные впадины фигуры пусты: въ нихъ, вѣроятно, вставлены были глаза изъ драгоценныхъ камней; въ лѣвой рукѣ мужчина держитъ свитокъ, а правую сильно прижимаетъ къ груди; вокругъ пояса собрана драпировка одежды. Положеніе фигуры выражаетъ глубокую скорбь, или можетъ быть и самую кончину лица, покоившагося въ саркофагѣ. Передъ этою фигурою и за нею, еще два мужскія изображенія: близъ группы представленъ воинъ въ туникѣ до колѣнъ, лѣвою рукою держащій за поводъ лошадь. Рельефы правой и главной стороны саркофага представляютъ группу изъ семи фигуръ: всѣ они искажены до такой степени, что почти невозможно

догадаться выражаемой ими мысли. Больше прочих уцѣлѣли три драпированныя фигуры: одна изображена сидящею; другая, стоящею на лѣвомъ колѣнѣ и обращенною въ сторону, противоположную сидящей фигурѣ; на правой ногѣ ея замѣтна сандаля. Третья фигура, также драпированная, стоитъ подлѣ сидящей, со сверткомъ въ лѣвой рукѣ; тутъ же находится еще мужская фигура съ накинутою на лѣвое плечо хламидою.

Работа лѣвой стороны саркофага посредственна и, какъ кажется, исполнена другимъ художникомъ; здѣсь изображены гирлянды изъ разныхъ плодовъ: сосновыхъ шишекъ, апельсинныхъ и прочая. Посреди гирляндъ стоитъ крылатый геній, впереди и сзади его амуръ на колесницахъ, влекомыхъ львами: на этой же сторонѣ, по концамъ, представлены женскія фигуры, покрытыя длинною эпанчею со шлейфомъ; съ головъ ихъ виспадаютъ локоны завитыхъ волосъ. Четвертая сторона саркофага совершенно изломана, и на ней едва только замѣтны ноги лошадей.

Описываемый здѣсь памятникъ превосходитъ изяществомъ работы своей все, что только было открыто доселѣ на землѣ воспорскаго царства. Разсматривая искаженные мѣста этого саркофага, трудно заключить, кому служилъ онъ гробницею: жрецу или какому нибудь знаменитому сановнику. Известно, что подобныя гробницы часто приготавливались безъ всякаго опредѣленнаго назначенія, ваятели изображали на нихъ предметы мнѳологическіе и самыя обыкновенныя случаи жизни, чтобы продать потомъ свои произведенія тѣмъ лицамъ, которыя были не слишкомъ взыскательны въ выборѣ изображеній.

Весьма жаль, что ни одна надпись, или другіе слѣды, не показываютъ времени, къ которому можно было бы отнести этотъ саркофагъ; сравнивая же его съ памятниками, извѣстными по своей изящной отдѣлкѣ и разсматривая стиль его украшеній, должно полагать, что этотъ саркофагъ принадлежитъ къ цвѣтущимъ временамъ греческаго искусства.

Въ отдѣленіи золотыхъ вещей помѣщена нѣкоторая часть золотыхъ вещей, служившихъ для нарядовъ пантикапейскихъ женщинамъ и мужчинамъ. Судя по множеству такихъ вещей и отличной ихъ отдѣлкѣ, можно утвердительно сказать, что золотыхъ дѣлъ мастерство находилось тамъ на высокой степени развитія, и что обитатели Пантикапеи были весьма богаты. Кромѣ того, что пантикапейскія золотыя вещи украшаютъ эрмитажъ Его Величества и керченскій музей, нѣтъ ни одного любителя археологіи, у котораго бы не было чего либо изъ подобныхъ вещицъ; г. Ашикъ видѣлъ даже за границей нѣкоторыя мелочи, принадлежащія безспорно керченскимъ курганамъ, увѣряетъ, что много золотыхъ вещей перетоплено и передѣлано. Это впрочемъ доказываетъ, что до открытія музея въ Керчи, жители ея тайно раскапывали курганы и всегда съ величайшею прибылью. Даже и тогда, когда правительство учредило правильныя розысканія и опредѣлило наказаніе за тайныя раскопки, случались похищенія.

Пантикапейскія золотыя вещи, служившія для нарядовъ женщинъ, — браслеты, ожерелья, серьги, перстни, застежки, пуговицы, и прочая, похожи на вещи геркуланскихъ и помпейскихъ дамъ. У насъ найдены очень замѣчательныя ожерелья: они состоятъ изъ золотой тесьмы, безъ шелку и сходствуютъ совершенно съ ожерельемъ, хранящемся въ бурбонскомъ музеѣ, которое считается единственнымъ.

Ваза изъ электрума съ изображеніемъ группы людей, въ скиѣскихъ одеждахъ. — Большой медальонъ, представляющій голову Минервы. — Два медальона поменьше, украшенные цѣпями изъ золота съ финифтью. Эти три медальона самой изящной работы; къ нимъ привѣшивали чашечки на золотыхъ цѣпочкахъ.

Всѣ эти вещи будутъ изданы и описаны подробно въ сочиненіи, приготовляемомъ Эрмитажемъ Его Величества; г. Ашикъ ограничился только легкимъ объ нихъ упоминаніемъ.

Многія пантикапейскія ожерелья составлены изъ золо-

тыхъ бусъ, соответствующихъ тѣмъ, которые назывались— *сазмля* отъ сходства ихъ съ каплею воды. Неподдѣльный жемчугъ былъ однимъ изъ главныхъ уборовъ женщинъ; одна нитка его стоила сто тысячъ рублей.

Изъ перстней въ особенности замѣчательнъ перстень, имѣющій необыкновенную форму и величину и хорошо сохранившійся. Подобный этому перстень отправленъ въ Эрмитажъ; третій, такой же формы, украшенный превосходнымъ большимъ гранатомъ съ вырѣзкою, отосланъ также въ Эрмитажъ. На описываемомъ перстнѣ, находящемся въ керченскомъ музеумѣ, видна голова въ каскѣ, вырѣзанная выпукло въ три четверти, на самомъ темномъ сирійскомъ гранатѣ, обдѣланномъ въ золото. Подобный способъ вырѣзки очень рѣдко встрѣчается въ греческихъ древностяхъ. Г. Ашикъ видитъ въ этой головѣ Минерву-воительницу; лице Минервы прелестно и выразительно: художникъ далъ ей видъ гордый, но въ общности, въ чертахъ богини царствуетъ спокойствіе, чуждое всякой страсти. На головѣ Минервы шлемъ съ тройнымъ украшеніемъ; грудь богини покрыта обыкновенною эгидою, посреди которой изображена голова Медузы. Величина этихъ перстней не позволяетъ допустить, чтобы древнія женщины украшали ими свои пальцы. Надо полагать, что это перстни обѣтныя болѣе потому, что гробница, въ которой они были найдены, принадлежитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, жрицѣ.

Къ памятникамъ разнаго рода, отнесены между-прочимъ доски деревяннаго катафалка изъ зеленицы. Отъ этого катафалка, въ которомъ покоились останки царя, уцѣлѣло только нѣсколько досокъ, съ показанною на рисункѣ живописью. По сторонамъ общей картины видны двѣ четырехконные колесницы (квадриги); по срединѣ — мужскія и женскія фигуры въ греческихъ одеждахъ, въ разныхъ позахъ, и наконецъ гусь и лебедь. На доскахъ нижней части катафалка нарисованы грифы и тигры.

Деревянный гробъ. При открытіи его, когда подняли гробничную плиту, гробъ этотъ, казавшійся цѣлымъ, разсыпался при первомъ къ нему прикосновеніи; г. Ашикъ возстановилъ его такъ, что съ него можно было снять, если не точный, то самый приблизительный рисунокъ, дающій понятіе о величинѣ, формѣ и отдѣлкѣ. Онъ испещренъ разными украшеніями наборной работы изъ слоновой кости, позолоченными карнизами и вырѣзными изображеніями; карнизы окрашены бѣлою, желтою, синею, зеленою, черною и красною красками, которыя обыкновенно употреблялись у древнихъ Египтянъ, въ Греціи и въ Сициліи. У головной части гроба видны двѣ вырѣзныя, позолоченныя фигуры; одна изъ нихъ представляетъ мужчину въ длинномъ, безпоясномъ хитонѣ, съ накинутою на плечи хламидою и съ хастою въ лѣвой рукѣ; другая изображаетъ, какъ кажется, генія римскаго сената, завернутаго въ мантию, съ масличною вѣтвью въ правой рукѣ; голова его увѣнчана повязкою. Обѣ фигуры — прекраснаго стила. По угламъ гроба стояли четыре вызолоченныя каріатиды, отличной работы: къ сожалѣнію онѣ до того сгнили, что г. Ашикъ сохранилъ только обломки ихъ. Каріатиды эти представляютъ женскія фигуры.

Черепъ Макрокефала. Черепъ этотъ, найденный близъ Эпиголя, въ очень древней гробницѣ, изсѣченной въ скалѣ, замѣчательнъ по своей продолговатой формѣ; онъ можетъ служить доказательствомъ о существованіи давно исчезнувшаго племени людей, о которыхъ упоминаютъ древніе писатели. Гиппократъ, между прочимъ, говоритъ, что въ его время берега Азовскаго моря заселены были Макрокефалами, отличавшимися необыкновеннымъ устройствомъ головы. Эти древніе обитатели восточныхъ береговъ Тавриды давали головаи дѣтей своихъ, посредствомъ сжиганія еще незатвердѣвшаго черепа, продолговатую форму. Плиніи-Младшій и Пемпониі Мела тоже говорятъ объ этомъ народѣ: сказанія ихъ, казавшіяся прежде баснословными, теперь подтвердились достовернымъ фактомъ.

Замѣтимъ еще мимоходомъ, что лучшіе мраморные памятники, надписи и монеты найдены были въ разныхъ мѣ-

слова горы Митриаса. Нетъ никакого сомнѣнія, что въ надъ
находятся еще остатки слова Пантикаленъ.

Въ третьей части своего труда господинъ Ашикъ приво-
дилъ рисунки лучшихъ памятниковъ керченскаго музея; въ
сверхъ-того рисунки древностей, открытыхъ въ Керчи и на-
ходящихся теперь въ Эрмитажѣ. Все это однако жъ соста-
вляетъ только малую часть археологическихъ богатствъ, из-
веченныхъ изъ развалинъ воспорскаго царства.

Мы старались познакомить читателей нашего изданія са-
мыми подробными образомъ съ трудомъ господина Ашика,
трудомъ прекраснымъ и весьма замѣчательнымъ въ литературѣ
древностей вообще. Авторъ оказалъ большую услугу наукамъ
своими подробными описаніями всего найденнаго на древней
воспорской почвѣ. Но всякій ученый и литературный трудъ
какъ бы прекрасенъ и тщателенъ онъ ни былъ, не чуждъ
недостатковъ; по этому и трудъ господина Ашика имѣетъ
ихъ. Къ нимъ по долгу критики надобно отнести всѣ до-
гадки и предположенія автора, не подкрѣпленныя никакими до-
водами, чего никакъ не терпятъ науки историческія. Кромѣ
того критика никакъ не можетъ согласиться со многими
истолкованіями господина Ашика изображеній, находящихся
на вазахъ: это самая шаткая часть археологіи. Каждый ри-
сунокъ можно толковать какъ кто хочетъ, на основаніи пре-
даній мнѣологическихъ. Для доказательства основательности
нашего мнѣнія ссылаемся на многія и многія мѣста самаго
же разбираемаго нами сочиненія, въ которомъ, по поводу
какого-нибудь изображенія на вазѣ, находимъ нѣсколько
мнѣній, совершенно различныхъ, извѣстнѣйшихъ европейскихъ
археологовъ: Рауль-Рошетъ толкуетъ это изображеніе такъ,
Пановка иначе, Гергардъ опять иначе, Арнетъ еще иначе,
Минервини совершенно противоположно, Миллингенъ предста-
вляетъ совершенно особенное истолкованіе, Стемпковскій
думаетъ по-своему, Спасскій опять по-своему, Корейша на-
шелъ, что это вотъ что, Мариньи видитъ въ этомъ же изо-
браженіи то-то, Миллеръ думаетъ объ этомъ же опять
иначе, Винкельманъ такъ-то, а господинъ Ашикъ, въ свою

очередь, не согласенъ съ ихъ мнѣніями и думаетъ вотъ какъ.... Послѣ этого какая благоразумная критика рѣшится сказать, что истолкованія такихъ-то изображеній на такихъ-то вазахъ, объяснены такимъ-то вѣрно. Разумѣется, все это одивъ только догадки.

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНІЕ МАЛОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ ВСѢХЪ РОДОВЪ
ОРУЖІЯ. Составилъ генераль-лейтенантъ А. Е. Энгельгардъ 1.
1850 года. 4 части.

МАЛАЯ ВОЙНА. Составилъ гвардейскаго генеральнаго штаба
полковникъ Вунчъ. 1850 года.

Съ каждымъ днемъ мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, что наши военные писатели не только трудолюбивѣйшіе изъ русскихъ писателей, но и вообще люди дѣльные, хорошо знакомые съ областью своихъ спеціальныхъ знаній. По каждой отрасли этихъ знаній, не смотря на обширное ихъ развѣтвленіе, есть люди, которыми можетъ гордиться наша военная литература, благодаря которымъ, она занимаетъ почетное мѣсто въ русской литературѣ вообще. Обширность развѣтвленія военныхъ знаній соразмѣрна разнообразію, разнородности и многочисленности средствъ для успѣшнаго веденія войны, которыя, въ свою очередь, постоянно увеличиваются, сообразно общимъ успѣхамъ человеческого разума. Понятно, что при такихъ условіяхъ изслѣдованіе средствъ для веденія войны въ одной наукѣ, гуртомъ, еслибъ и было возможно для одного человѣка, лишило бы самую науку необходимой системы и ясности: отсюда произошло раздробленіе науки войны на отдѣльныя части, образовавшія цѣлый рядъ военныхъ наукъ.

Вопросами о системахъ набора войскъ, содержанія его и управленія, занимается *военная администрація*. У насъ этотъ предметъ съ надлежащей полнотой изслѣдованъ въ сводѣ военныхъ постановленій; но особаго русскаго сочиненія о военной администраціи, сочиненія, достойнаго славной на-

шей арміи — нѣтъ еще. Судя, однако же потому, что эта наука входитъ въ учебный курсъ Императорской Военной Академіи, надобно полагать, что и руководство по ней не замедлитъ явиться въ русской военной литературѣ. Сколько намъ извѣстно, основаніе курсу военной администраціи положено генераль-маіоромъ Вольфомъ, обширнѣйшему же развитію изслѣдованій по этому предмету посвятилъ себя нынѣшній профессоръ этого предмета въ Императорской Военной Академіи, генеральнаго штаба подполковникъ Лебедевъ.

Набранныя войска были бы только тягостью для государства, если не дать имъ хорошее боевое устройство. Здѣсь является къ услугамъ другая военная наука — *тактика*. Указавъ правила для наилучшаго боеваго устройства войскъ, давъ основаніе уставу, она ведетъ устроенныя ею войска на данную мѣстность, и рассказываетъ, какъ на этой мѣстности ставить ихъ, двигать и какъ имъ биться съ непріателемъ. По части тактики у насъ есть нѣсколько прекрасныхъ сочиненій; таковы тактика генерала барона Медема, высшая тактика генерала Веймарна, руководство къ изученію тактики флигель-адъютанта полковника Горемыкина, наконецъ, на дняхъ вышедшая тактика генеральнаго штаба полковника Карцева, принятая за руководство въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Мы сказали, что тактика даетъ правила для наилучшаго употребленія войскъ на данной мѣстности; но какъ определить эту мѣстность, то-есть, гдѣ и съ какою цѣлью искать встрѣчи или боя съ непріателемъ, это разсматриваетъ особая военная наука — *стратегія*, имѣющая своимъ предметомъ главныя общія соображенія, необходимыя при употребленіи на войнѣ набранныхъ и устроенныхъ уже войскъ. Стратегіей у насъ занимались генераль Жюини, генераль баронъ Медемъ, генеральнаго штаба полковникъ Богдановичъ, генеральнаго штаба капитанъ Неѣловъ и нѣкоторые другіе. Въ особенности замѣчательно сочиненіе барона Медема „Обозрѣніе извѣстнѣйшихъ правилъ и системъ стратегіи“.

Чтобы назначать пути для войска и опредѣлять мѣстности для ихъ дѣйствія, надобно имѣть ясное понятіе о статистическихъ и географическихъ данныхъ тѣхъ странъ, въ

которыхъ приходится дѣйствовать, потому-что эти данныя не могутъ не имѣть сильнаго вліянія на успѣхъ общаго хода военныхъ дѣйствій. Изслѣдованіемъ такихъ данныхъ занимаются *военная географія и военная статистика*. По этому предмету на рускомъ языкѣ замѣчательны опыты генерала Языкова и сочиненія генеральнаго штаба полковника Милютина. Послѣднія имѣютъ важное значеніе не только въ русской, но и въ европейской военной литературѣ.

Сколько необходимы для стратегическихъ соображеній военная географія и статистика, столько же необходима для тактическихъ соображеній *военная топографія*, показывающая средства узнавать всѣ подробности мѣстоположенія, изображать ихъ на планѣ и обратно, по плану судить о свойствахъ самой мѣстности. У насъ изслѣдованіями по этому предмету связанными съ геодезическими работами, прославилъ себя генеральнаго штаба генераль-маіоръ Болотовъ.

И стратегія и тактика и военная администрація, съ одной стороны, создались на основаніи вѣковыхъ опытовъ, съ другой, постоянно совершенствуются изслѣдованіями новѣйшихъ военныхъ событій. Такимъ-образомъ въ разрядъ военныхъ наукъ входятъ *исторія войны и исторія военнаго искусства*; одна съ критическимъ разборомъ всѣхъ причинъ успѣховъ и неудачъ той или другой стороны, другая съ критическимъ изслѣдованіемъ прежняго устройства войскъ и образа дѣйствій ихъ въ сраженіяхъ.

Сочиненій по части военной исторіи и исторіи военнаго искусства у насъ очень много. Изъ ряду сочинителей по этой части болѣе выдаются имена генераловъ Жоинни, Бутурлина, Михайловскаго-Данилевскаго, преемника его по военной исторіографіи, генеральнаго штаба полковника Милютина, полковника Висковатова, генеральнаго штаба полковниковъ князя Голицына и Богдановича, генерала Веригина, и нѣкоторыхъ другихъ; наконецъ въ десятой книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ мы познакомили публику съ прекраснымъ военно-историческимъ сочиненіемъ * генеральнаго штаба подполковника Лебедева.

* Графъ Радецкій и его походы въ Италію въ 1848 и 1849 году. Google

Этимъ еще некончился рядъ военныхъ наукъ. Войска вооружены, — стало-быть надо знать устройство и употребленіе каждаго оружія; этимъ занимается *артиллерійская наука*.

Каждая крѣпость, съ одной стороны, строится на основаніи стратегическихъ соображеній, а съ другой, имѣетъ вліяніе на эти соображенія, тоже и полевая укрѣпленія относительно тактики; поэтому и *фортификація* входитъ въ разрядъ военныхъ наукъ.

Многіе изъ изчисленныхъ военныхъ наукъ до-того обширны и многосложны, что имѣютъ свои подраздѣленія, такъ-что нѣрѣдко части одной и той же науки изучаются отдѣльными лицами, исключительно на это посвятившими себя. Къ числу такихъ отдѣльныхъ частей по тактикѣ принадлежитъ и *малая война*. Правила и наставленія для дѣйствій малой войны были изложены въ „Руководствѣ молодымъ офицерамъ“, изданномъ въ 1831 году; частью, въ „Курсѣ тактики“ генерала Медена (засады), изданномъ въ 1838 году; въ „Наставленіи для содержанія передовыхъ постовъ“, составленномъ по Высочайшему повелѣнію въ 1838 году и изданномъ въ 1841 году; въ третьей книгѣ устава о пѣхотной службѣ 1846 года, гдѣ вторая часть посвящена полевой службѣ въ военное время. Наконецъ двѣ книги по этому предмету передъ нами. Одна изъ нихъ составлена кавалерійскимъ генераломъ, бывшимъ, въ продолженіе тридцати-пяти-лѣтней службы, въ вѣсколькихъ кампаніяхъ; другая, офицеромъ генеральнаго штаба, бывшимъ профессоромъ тактики въ Императорской Военной Академіи.

По словамъ генерала Энгельгарда малая война „та часть военныхъ наукъ, которая разсматриваетъ дѣйствія вспомогательныя, хотя и не ведущія прямо къ главной цѣли войны, но облегчающія достиженіе этой цѣли“. — Къ этому слѣдуетъ примѣчаніе: „Малую войною называютъ также иногда дѣйствія въ гористыхъ, лѣсистыхъ, болотистыхъ и вообще пересѣченыхъ и закрытыхъ мѣстахъ, самое свойство которыхъ заставляетъ дѣйствовать только малыми отрядами; но подобныя дѣйствія не должно смѣшивать съ собственно такъ называемыми дѣйствіями малой войны, которыя отличаются отъ дѣйствій главныхъ силъ на какомъ-нибудь театрѣ войны, но

столько по числу дѣйствующихъ силъ, сколько по свойству самыхъ дѣйствій“.

По словамъ полковника Вуича: „малую войну называютъ вообще дѣйствія войскъ небольшими частями, въ разныхъ мѣстахъ, и большею частью одна отъ другой отдѣльно“. Къ этому опредѣленію также сдѣлано примѣчаніе: „при возстаніяхъ народныхъ, которыя только частными нападеніями и непрерывными тревогами въ мелкихъ неуволнимыхъ частяхъ могутъ надѣяться нанести вредъ непріятелю, особенно же въ странахъ гористыхъ, лѣсистыхъ или покрытыхъ обширными болотами, всѣ почти дѣйствія будутъ не иное что, какъ дѣйствія малой войны“.

Намъ кажется, что опредѣленіе генерала Энгельгарда, по нынѣшнему взгляду на малую войну, точнѣе опредѣленія полковника Вуича.

Въ объемъ малой войны, входятъ именно только тѣ дѣйствія малыхъ отрядовъ, которыя состоятъ въ связи, болѣе или менѣе тѣсной, съ дѣйствіями главныхъ силъ. При возстаніяхъ, въ горной войнѣ совсѣмъ другое значеніе дѣйствій малыхъ отрядовъ; тамъ каждый изъ нихъ составляетъ нѣчто цѣлое, имѣетъ въ виду нанесеніе вреда непріятелю, преимущественно своими собственными средствами, нерѣдко руководствуется своими собственными видами и цѣлями дѣйствій; между-тѣмъ какъ ничего этого нѣтъ и не можетъ быть, и не должно быть при дѣйствіи отрядовъ, отдѣляемыхъ отъ арміи. Мысль эту подтверждаетъ и самъ полковникъ Вуичъ содержаніемъ своей книги.

Въ первой части его „Малой войны“ разсматриваются: *всѣ мѣры, необходимыя для охраненія войскъ отъ внезапныхъ нападеній*. Сюда входятъ статьи: 1) о расположеніи передовыхъ постовъ вблизи отъ непріятеля, 2) вдали и 3) патрули и разъѣзды. Первая изъ этихъ статей заключаетъ въ себя: составъ аванпостнаго расположенія, разстановку передовыхъ постовъ, примѣненіе аванпостнаго расположенія къ мѣстности, отправленіе службы на передовыхъ постахъ, — то есть, въ цѣпи, на пикетахъ, на главныхъ караулахъ, въ резервахъ аванпостовъ, — дѣйствія передовыхъ постовъ при тревогахъ и наступленіи непріятеля, особенныя части аванпост-

наго расположенія, то-есть, отдѣльные, наблюдательныя посты и секреты, содержаніе передовыхъ постовъ казакки. Вторая ~~послѣ~~ сказанныхъ статей заключаетъ въ себѣ расположеніе передовыхъ постовъ при бивоачномъ или лагерномъ расположеніи и при расположеніи по ~~квартирамъ~~ квартирамъ.

Во второй части разсматриваются дѣйствія отрядами. Сюда входятъ: рекогносцировки, засады и нечаянныя нападенія, сопровожденіе обозовъ или транспортовъ и нападеніе на нихъ, фуражировки и нападенія на фуражировъ, и наконецъ, дѣйствія партизанскія.

Изчисленіе предметовъ, подлежащихъ изслѣдованію полковника Вунча, показываетъ, что въ его „Малой войнѣ“ рѣчь идетъ исключительно о дѣйствіи тѣхъ только отрядовъ, которые отдѣляются отъ арміи для вспомогательныхъ дѣйствій и нѣтъ ни одной статьи изъ области горной войны или вообще войны малыми отрядами. Значитъ и самъ господинъ Вунчъ не разсудилъ написать свою книгу сообразно сдѣланному имъ опредѣленію. А между-тѣмъ ни что бы нешѣло выполнить опредѣленіе, прибавивъ къ тому, что сдѣлано почтеннымъ полковникомъ, — еще часть, въ которой бы разсматривались дѣйствія самостоятельными малыми отрядами, гдѣ бы эти отряды ни дѣйствовали — въ горахъ ли, на равнинахъ-ли, въ слѣдствіе ли возстанія, или въ войнахъ съ племенами народовъ, неорганизованныхъ еще въ благоустроенныя государства*. Тогда бы его „Малая война“ получила бѣльшій объемъ, и по содержанію своему болѣе бы вышшаго гармонировала со своимъ заглавіемъ.

Исторія войнъ дала бы для второго отдѣла „Малой войны“ богатые матеріалы, а исторія военной литературы, почетно записала бы на своихъ страницахъ имя полковника Вунча.

Содержаніе книги генерала Энгельгарда согласнѣе съ сдѣланнымъ имъ опредѣленіемъ малой войны. По принятому генераломъ Энгельгардомъ плану, руководство его раздѣлено на четыре части.

Первая часть содержитъ: вступленіе и правила для обез-

* Въ этомъ родѣ есть прекрасная статья, въ руководствѣ къ изученію тактики полковника Горелыкина, содержащая въ себѣ краткое понятіе о дѣйствіяхъ въ горахъ.

печенія войскъ на мѣстѣ; здѣсь разсматриваются аванпосты во всемъ ихъ объемѣ, то-есть, пикеты, передовая цѣпь, дозоры и объѣзды, главные караулы и резервы аванпостовъ.

Во второй части разсматриваются: а) обезпеченіе войскъ во время ихъ движенія; сюда входятъ статьи: объ авангардахъ, аріергардахъ и открытыхъ движеніяхъ; б) особыя мѣры обезпеченія, принимаемыя войсками въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ то: выставленіе наблюдательныхъ постовъ, секретовъ и отдѣльныхъ охранительныхъ постовъ; в) мѣры, принимаемыя для собиранія различныхъ свѣдѣній въ военное время, какъ-то: употребленіе разъѣздовъ, рекогносцировокъ и прочая; г) мѣры для скрытія отъ непріятеля своихъ распоряженій и предпріятій, и д) правила для содержанія сообщеній въ арміи, разъѣзды, конвойныя прикрытія, коммуникаціонные посты, летучіе отряды.

Въ третьей части говорится: а) о различнаго рода прикрытіяхъ, о фуражировкахъ, реквизиціяхъ, о транспортахъ, о конвоированіи военноплѣнныхъ; б) о мѣрахъ для нанесенія всякаго вреда непріятелю малыми силами, какъ-то: о тревогахъ, засадахъ, нечаянныхъ нападеніяхъ; в) о нанесеніи вреда непріятелю нападеніемъ на его аванпосты, сообщенія и т. д. и г) о партизанскихъ отрядахъ.

Четвертая часть заключаетъ въ себѣ: дѣйствія небольшихъ отрядовъ на пересѣченной и закрытой мѣстности; такъ-же оборона и атака дефилей, мостовъ, бродовъ, гатей, лѣсовъ, высотъ, бой на мѣстности, перерѣзанной оврагами, глубокими канавами и тому подобными препятствіями, оборона, атака отдѣльныхъ строеній, селеній и городовъ.

Сличая содержаніе сочиненій господъ Энгельгарда и Вунча, видимъ, что сущность ихъ почти одинакова; есть небольшая разница въ системѣ, есть въ сочиненіи генерала Энгельгарда нѣсколько лишнихъ статей (какъ напримѣръ статьи объ авангардахъ и аріергардахъ; объ атакахъ и оборонѣ разныхъ предметовъ мѣстности, — сказать мимоходомъ, не идущія къ малой войнѣ), — но эти и другія мелочныя разности еще не такъ важны, чтобы по нимъ можно было сказать рѣшительно, имѣютъ ли сочиненія генерала Энгельгарда и полковника Вунча одинаковое, или разное значеніе въ военной литературѣ. Для рѣшенія этого вопроса и

чтобы достойно оцѣнить два разныхъ сочиненія о малой войнѣ, надобно прежде всего обратить вниманіе на назначеніе каждаго изъ нихъ; а потомъ и на самое выголоженіе предположенной сочинителями цѣли.

„Главнѣйшая причина“ — говоритъ генераль Энгельгардъ, побудившая меня написать эту книгу, состояла въ томъ, чтобы доставить руководство, или подробное наставленіе для тѣхъ случаевъ военного времени, когда всякому расторопному офицеру ввѣряется небольшая часть войска, долженствующая по назначенію своему дѣйствовать въ продолженіе извѣстнаго времени отдѣльно отъ главныхъ своихъ силъ, то есть, когда дается порученіе, для исполненія котораго необходимо знаніе правилъ малой войны.

„Имѣя въ виду сказанную цѣль, я не стремился придавать этому сочиненію высокое тактическое значеніе, но, руководствуясь главнѣйшими тактическими основаніями и не отступая отъ нихъ, старался изложить одни правила и практическіе выводы для всѣхъ приведенныхъ мною случаевъ, относящихся къ дѣйствіямъ малой войны“.

Стало-быть книга генерала Энгельгарда назначается для всякаго военного, не обращая вниманія на большую или меньшую степень его образованности, лишь-бы онъ былъ грамотный. Совершенно съ другой цѣлью написана книга полковника Вуича; она назначена преимущественно для людей съ высшимъ военнымъ образованіемъ, потому-что въ ней, какъ мы увидимъ впоследствии, не одни правила и практическіе выводы, а изслѣдованія этихъ правилъ, съ ихъ историческимъ развитіемъ и критической оцѣнкой. Ничего этого нѣтъ у генерала Энгельгарда: онъ составилъ уставъ малой войны, говоритъ: въ такомъ-то случаѣ — поступайте вотъ такъ, а въ этомъ — этакъ. Съ людьми, не довольно приготовленными, иначе и говорить нельзя.

Генераль Энгельгардъ, въ теченіе тридцати-пяти-лѣтней своей службы, безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ сотни случаевъ убѣдиться, что для большинства первое условіе положительность и ясность правилъ, безъ всякихъ разсужденій. Подъ вліяніемъ этого убѣжденія написалъ онъ и книгу свою.

Вотъ въ чемъ существенная разность между трудами ге-

нерала Энгельгарда и полковника Вуича. Оба они говорят объ одномъ и томъ же предметъ, одинаково толково, хорошо. Но рѣчь одного обращена къ людямъ кабинетнымъ, другаго — въ ряды нашей славной арміи, къ офицерамъ и унтеръ-офицерамъ, которымъ некогда читать длинныхъ разсужденій, а нужно знать только свои прямыя обязанности.

Смотря на оба сочиненія о малой войнѣ съ объясненной нами точки зрѣнія, въ каждомъ изъ нихъ найдемъ свои достоинства и увидимъ, что оба они составляютъ полезное и замѣчательное явленіе въ русской военной литературѣ.

Разность направленія разсматриваемыхъ сочиненій обнаруживается съ первыхъ страницъ. Полковникъ Вуичъ введенеіе къ своей книгѣ посвятилъ легкому обзору предметовъ, въ ней изслѣдуемыхъ. Не такъ распорядился генералъ Энгельгардъ со своимъ вступленіемъ.

Онъ счелъ за нужное предварительно разсказать своимъ читателямъ нѣкоторыя общія правила при дѣйствіяхъ малой войны, а потому во введеніи помѣстилъ, кромѣ изчисленія предметовъ, входящихъ въ объемъ его книги, кромѣ отличительныхъ свойствъ вспомогательныхъ дѣйствій, — еще: какія войска болѣе идутъ для употребленія въ малой войнѣ, обязанности отряднаго начальника, приобрѣтеніе свѣдѣній о цѣли порученія, составъ и снабженіе отряда, надзоръ за подчиненными, общія правила для собиранія свѣдѣній, о знаніи мѣстности, о проводникахъ, о формѣ и сущности донесеній, и наконецъ о свѣдѣніяхъ, необходимыхъ для начальника отдѣльной части.

Все это очень хорошо и кстати въ книгѣ, назначенной для всеобщаго употребленія.

Разсматривая по частямъ, по статьямъ объ книги, находимъ, что у полковника Вуича въ особенности хорошо обработаны: служба передовыхъ постовъ, рекогносцировки и партизанскія дѣйствія. Дѣльны также общія замѣчанія и правила къ сохраненію войскъ.

Въ книгѣ генерала Энгельгарда тщательнѣе прочаго обработаны статьи о рекогносцировкахъ, о содержаніи сообщений въ арміи, о фуражировкахъ и реквизиціяхъ.

Подробнѣйшее разсмотрѣніе обѣихъ этихъ книгъ, вполне

убѣждаетъ, что окончательные выводы, собственно правила для дѣйствій въ малой войнѣ, у нихъ одинаковы и изложены почти съ равнымъ знаніемъ дѣла; — но самое изложеніе, пути, избранные для достиженія одной и той же цѣли, еще повторить, совершенно разные.

Возьмемъ въ примѣръ изложеніе правилъ у того и другаго автора о разстояніи между парами въ передовой цѣпи.

У Энгельгарда объ этомъ сказано:

„Разстояніе между ведетами или парными часовыми опредѣляется самымъ свойствомъ мѣстности, болѣе или менѣе открытой; они должны находиться на такомъ отдаленіи одинъ отъ другаго, чтобы на этомъ промежуточномъ пространствѣ никто не могъ незамѣтно между ними прокрасться или ускользнуть отъ ихъ наблюденія“.

„Разстояніе это можно примѣрно опредѣлить: для ведетовъ (такъ называются кавалерійскіе парные часовые) отъ 300 до 500 шаговъ, а для парныхъ часовыхъ (пѣхотныхъ) отъ 100 до 200 шаговъ.“

У Вунча мы читаемъ о разстояніи между парами слѣдующее:

„Чтобы никто не могъ прокрасться незамѣченнымъ между постами, они размѣщаются на такомъ одинъ отъ другаго разстояніи, чтобы днемъ, въ ясную погоду могли видѣть, а ночью или въ сильный туманъ, слышать другъ друга и все между ними происходящее.“

„Трудно опредѣлить разстояніе между парами часовыхъ въ цѣпи какими-нибудь цифрами. Кромѣ сказаннаго предъ симъ общаго выраженія, нѣтъ никакого точнѣйшаго опредѣленія ни въ „Руководствѣ молодымъ офицерамъ“, изданномъ въ 1831 году, ни въ сочиненіи Жакино де-Прель (*Cours d'art et d'histoire militaires*). Въ первыхъ запискахъ Военной Академіи о малой войнѣ разстояніе между кавалерійскими ведетами было положено отъ 300 до 400 шаговъ, а между парами пѣхотныхъ часовыхъ среднѣе числомъ 150 шаговъ. Въ „Наставленіи для содержанія передовыхъ постовъ“, составленномъ по Высочайшему повелѣнію въ 1838 году и изданномъ въ 1841, сказано: „Могутъ быть мѣста, гдѣ придется ставить пару отъ пары и на 50 шаговъ, въ мѣ-

ствахъ же открытыхъ и при ясной погодѣ можно увеличить между ними разстояніе до 300, 400, 500 шаговъ и даже болѣе“.

„Дѣйствительно, разстояніе это не только должно зависть отъ свойствъ мѣстоположенія, но и отъ степени зоркости, внимательности и расторопности людей, и потому не только въ различныхъ случаяхъ и мѣстахъ, но даже „въ одной и той же цѣпи, инны пары будутъ стоять чаще, а другія рѣже“. Можно присовокупить, что въ одной и той же цѣпи, смотря по измѣненію погоды или степени темноты, придется иногда добавлять число паръ, чтобы уменьшить между ними разстояніе; иногда же, напротивъ, выводить пары изъ цѣпи, чтобы безъ надобности не имѣть ее слишкомъ густою, и не утомлять болѣе людей, чѣмъ сколько необходимо“.

„Основываясь на той степени силы въ зрѣніи человеческомъ, какая всего чаще встрѣчается, можно положить, что на мѣстахъ, даже совершенно открытыхъ и ровныхъ и при совершенно ясной погодѣ, трудно будетъ часовымъ наблюдать за пространствомъ между ними, если это пространство болѣе версты. — На кордонахъ, каковы на-примѣръ расположенны на кавказской линіи и вдоль Кубани, въ землѣ черноморскихъ казаковъ, посты разставлены на двѣ, на три версты и болѣе; но тамъ для часовыхъ устроены особые сигналы или вышки, и притомъ, люди, на этихъ кордонахъ употребляемые, казаки черноморскіе и линейные, отличаются чрезвычайною зоркостью“.

„Чтобы показать другой предѣлъ, то-есть, случай, въ которомъ необходимо становится крайнее сближеніе паръ, припомнимъ то, что часто бываетъ у насъ на Кавказѣ, и что непременно должно часто встрѣчаться вообще въ странахъ весьма гористыхъ, закрытыхъ и пересѣченныхъ. — Тамъ каждой парѣ трудно обозрѣвать большое пространство передъ собою, притомъ цѣпь опасно удалять отъ войскъ, слѣдовательно, назначеніе ея не ограничивается только извѣщеніемъ о неприятели, а имѣть отчасти цѣлью и задержаніе его: тамъ часто, для споспѣшествованія подобной цѣли, ограждается передовая цѣпь застѣками, или такъ назы-

важными *завалами*, въ которыхъ продѣлываются отверстія и за ними пары часовыхъ располагаются уже въ видѣ рѣдкой стрѣлковой цѣпи, на двадцать пять, на тридцать шаговъ одна отъ другой. Но случится какой-нибудь крутой изгибъ въ завалѣ, котораго направленіе обыкновенно слѣдуетъ извѣстна-намъ мѣстоположенія, или встрѣтится какая-нибудь рывина, ложбина, за которою нужно особенное наблюденіе — тогда для обзора подобнаго углубленія, или для наблюденія за обоими фасадами входящаго угла завала, придется ставить пары еще ближе, иногда даже не далѣе пяти шаговъ одну отъ другой“.

„Не смотря на встрѣчающееся такимъ-образомъ различіе въ разстояніяхъ, необходимо опредѣлить, основываясь на большемъ числѣ случаевъ, какое-нибудь среднее число, которое бы могло служить для заблаговременнаго, хотя призмѣрнаго назначенія числа войскъ, потребнаго для занятія передовой цѣпи, и потому“:

„Хотя разстояніе между парами зависить отъ мѣстоположенія, времени дня и погоды, но среднимъ числомъ можно положить: для кавалерійскихъ ведетовъ (выставляемыхъ преимущественно въ открытыхъ мѣстахъ) 500 шаговъ, а для пѣхотныхъ часовыхъ (въ мѣстахъ закрытыхъ) 150 шаговъ“.

„Разумѣется, что при необходимости занимать кавалерію цѣпь въ мѣстахъ закрытыхъ, должно принимать въ расчетъ разстояніе меньшее, и напротивъ, при расположеніи пѣхотной цѣпи на открытыхъ мѣстахъ, разстояніе больше здѣсь показаннаго. — Но не излишнее припомнить, что въ пѣхотной цѣпи разстоянія всегда должны быть менѣе чѣмъ въ кавалерійской, потому что съ лошади можно обозрѣвать большее пространство, чѣмъ пѣшкомъ.“

Сущность правилъ относительно разстоянія между парами въ передовой цѣпи одна и таже, но изложеніе полковника Вунча слишкомъ отвлеченно и глубоко для неопытнаго, можно держать пари, что даже и молодой прапорщикъ, произведенный изъ юнкеровъ, скорѣе пойметъ генерала Энгельгарда.

Статья о *дѣйствіяхъ передовыхъ постовъ при тревогахъ и наступленіи непріятеля* у полковника Вунча и полнѣе и лучше изложена, нежели у генерала Энгельгарда. Последній рассказы-

ваетъ только о ибракѣ, въ случаѣ нападенія противника; но пикетъ долженъ знать, что ему дѣлать не только въ то время, когда уже объяснилось, что непріятель нападаетъ, но и когда онъ только-что услышалъ выстрѣлы въ цѣпи. Эти выстрѣды иногда могутъ быть произведены въ цѣпи случайно и не составляютъ вѣрнаго признака нападенія непріятеля; слѣдуетъ ли *вслѣдствіе* пикетамъ и карауламъ тотчасъ по выстрѣлу принимать боевое расположеніе, или только нѣкоторымъ, непосредственно стоящимъ за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ произошелъ выстрѣлъ, — это обстоятельство и другія подобныя слѣдовало бы рассмотреть подробнѣе и изложить яснѣе.

Въ статьѣ генерала Энгельгарда объ *отдѣльныхъ пикетахъ* сказано, что число этихъ пикетовъ зависитъ отъ числа постовъ. Передовые пикеты для охраненія себя не могутъ ограничиться выставкою однихъ ведетовъ или часовыхъ; они должны кромѣ того посылать разъѣзды, какъ къ сторонѣ непріятеля, такъ и для связи съ главными передовыми постами; слѣдовательно величина отдѣльнаго пикета, зависитъ не только отъ числа выставляемыхъ постовъ, но и отъ числа разъѣздовъ или патрулей.

Напримѣръ, если для безопасности поста нужно поставить два ведета или двѣ пары и посылать два разъѣзда или патруля по двумъ направленіямъ, ведущимъ къ непріятелю, да еще одинъ патруль или разъѣздъ, для связи съ главными передовыми постами, каждый изъ разъѣздовъ или патрулей въ три человека и имѣть три смѣны какъ часовыхъ или ведетовъ, такъ и патрулей или разъѣздовъ, — то придется на такой пикетъ поставить 39 человекъ, то-есть почти полуроту, или же пѣхотный взводъ.

Упущено также изъ виду наставленіе начальнику отдѣльнаго пикета, чтобы онъ всѣ извѣстія о дѣйствіяхъ непріятеля, сколько-нибудь важныя, передавалъ не только начальнику передовыхъ постовъ, но и ближайшему отъ него пикету, или главному караулу.

Статья о *промежуточныхъ* постахъ помѣщена у полковника Вуича рядомъ съ *отдѣльными*. На мѣстѣ ли это? Промежуточные посты ставятся между цѣпью и пикетомъ, въ расположеніи аванпостовъ, стало-быть приличнѣе и говорить о нихъ въ статьѣ о передовой цѣпи, рядомъ съ извѣща-

тельными постами, дозорами и объездами, какъ это сдѣлано у генерала Энгельгарда.

Статья о *транспортахъ* несравненно лучше обработана у полковника Вуича, нежели у генерала Энгельгарда. Генералъ не обратилъ вниманія, что назначеніе войскъ, придаваемыхъ въ прикрытіе обозу, бываетъ не только для защиты его отъ непріятеля, но также и для соблюденія порядка въ обозъ и для споспѣшествованія къ скорѣйшему и безостановочному его слѣдованію. Последнія двѣ обязанности лежатъ на войскахъ постоянно, во всякомъ случаѣ, какъ только онѣ прилагаются обозу для сопровожденія его; первая, очевидно, только тогда, когда обозъ слѣдуетъ совершенно отдѣльно отъ главныхъ силъ, когда онъ идетъ отъ базиса къ арміи, или обратно отъ арміи къ базису, и когда притомъ предстоитъ опасность отъ нападенія или непріятельскихъ отрядовъ, или жителей.

Отъ этого различія въ обстоятельствахъ происходитъ значительное различіе и въ числѣ и въ составѣ назначаемыхъ къ обозу войскъ, и въ самыхъ ихъ дѣйствіяхъ, а потому генералу Энгельгарду слѣдовало рассмотретьъ отдѣльно сперва сопровожденіе обозовъ внѣ опасности отъ непріятеля, а потомъ уже сопровожденіе ихъ при возможности нападенія, а равно и самыя дѣйствія для отраженія нападеній.

Не худо бы также *подраздѣлить* обозы или транспорты, какъ это сдѣлано у полковника Вуича, для того чтобы показать, какіе разряды обозовъ нуждаются въ прикрытіяхъ и какіе обыкновенно слѣдуютъ безъ нихъ.

Можно бы привести еще нѣсколько недосмотровъ и у генерала Энгельгарда, и у полковника Вуича; но эти недосмотры нисколько не затемняютъ неотъемлемыхъ достоинствъ обѣихъ разсматриваемыхъ книгъ, достоинствъ, происходящихъ не только отъ полнаго знанія сочинителями своего дѣла, но и отъ умѣнья употреблять свои знанія для предположенной цѣли.

У Вуича многія правила подтверждаются примѣрами. Очень интересенъ примѣръ нападенія на транспортъ: въ немъ описывается дѣло подъ Гальберштатомъ $\frac{1}{3}$ мая 1813 года, въ которомъ партизанскій отрядъ генерала Чернышева (нынѣ военнаго министра, князя) напалъ на французскій транс-

портъ, слѣдовавшій подъ начальствомъ вестфальскаго генерала Окса изъ Ганновера къ Магдебургу.

Полковникъ Вунтъ говоритъ, что онъ приводитъ въ прикрѣ этотъ случай сколько по отважности дѣйствія, при обстоятельствахъ самыхъ затруднительныхъ (потому-что обозъ былъ на мѣстѣ построенъ въ каре), сколько по блистательности успѣха, столько и потому, что о немъ есть достаточно подробныя описанія, случай, довольно рѣдкій въ отношеніи къ побочнымъ, вспомогательнымъ дѣйствіямъ, которыя по большей части, поглощаются главными дѣйствіями и описываются слегка. А между-тѣмъ одно лишь только подробное описаніе, въ которомъ бы указывались самыя обстоятельства исполненія, можетъ быть полезно для того, чтобы дать истинное понятіе о подобныхъ нападеніяхъ, о случайностяхъ, которыя могутъ при нихъ встрѣтиться, и о средствахъ къ преодолѣнію различныхъ этихъ случайностей.

„Въ 1813 году, генераль-адъютантъ Чернышевъ, находясь на правомъ берегу Эльбы, близъ Ратенау, съ отрядомъ изъ двухъ эскадроновъ гусаръ, четырехъ эскадроновъ драгунъ, пяти казачьихъ полковъ и четырехъ конныхъ орудій, 16 мая, ввечеру, узналъ изъ перехваченнаго партіями на лѣвомъ берегу Эльбы письма, что четырнадцать пушекъ, восемьдесятъ зарядныхъ ящиковъ, восемь-сотъ лошадей и обозъ съ амунниціею и оружіемъ слѣдуютъ изъ ганноверскаго депо въ Магдебургъ, подъ прикрытіемъ двухъ-тысячъ человекъ пѣхоты и конницы, и съ 17 на 18 мая будутъ ночевать въ Гальберштадтѣ. Чернышевъ немедленно переправился черезъ Эльбу у Феркланда и устремился на Гальберштадтъ усиленнымъ маршемъ. Въ семи верстахъ отъ города опять перехвачено было донесеніе, изъ котораго узнали, что въ селеніи Гессенъ, въ трехъ миляхъ отъ Гальберштадта, по дорогѣ въ Брауншвейгъ, ночевалъ другой артиллерійскій паркъ, изъ шестнадцати орудій, прикрытый четырьмя тысячами человекъ пѣхоты и пятьюстами конницы, и въ то же утро долженствовалъ соединиться съ паркомъ, стоявшимъ при Гальберштадтѣ, для продолженія вмѣстѣ съ нимъ марша. Такое извѣстіе побудило Чернышева, не взирая на усталость людей, напасть немедленно. 18, по утру, въ четыре часа, приблизился Чернышевъ къ Гальберштадту, гдѣ командовалъ

вестфальскій генералъ Оксъ. Извѣщенный о появленіи казаковъ, онъ поѣхалъ обозрѣвать ихъ и принять мѣры къ оборонѣ. Паркъ и обозъ, построенные вагенбургомъ, стояли близъ города, между предмѣстьемъ, рѣкою и дорогою въ Гессенъ, обрытою рвами. Вокругъ разиѣщены были орудія и пѣхота; по сторонамъ стояла конница. При появленіи русскихъ, пѣхота побѣжала къ парку“.

„Чернышевъ послалъ полкъ Сысоева къ Гессену, откуда долженъ былъ идти второй паркъ; полковнику Грекову 18-му, съ его полкомъ и двумя эскадронами рижскихъ драгунъ, приказано ворваться въ Гальберштадтъ, поражать находившихся въ немъ непріятелей, а потомъ нападать на паркъ изъ города; а полковнику Власову, съ двумя казачьими полками, атаковать батареи съ фронта. Грековъ овладѣлъ Гальберштадтскими воротами и отрѣзалъ тамъ нѣсколько пѣхоты; но Власовъ былъ встрѣченъ и отбитъ ружейнымъ огнемъ и картечами. Тогда открыли пальбу изъ нашихъ двухъ орудій и взорвали пять ящиковъ. Въ то же время Сысоевъ донесъ, что подкрѣпеніе втораго парка уже приближалось изъ Гессена, и ускорило шагъ, услышавъ канонаду при Гальберштадтѣ. Медлить было нельзя: надлежало отступить, или атаковать почти неприступное каре. Чернышевъ избралъ последнее. По данному сигналу, казаки, гусары и драгуны, составлявшіе отрядъ, бросились на батареи, выдержали картечный залпъ и начали рубить артиллеристовъ. Французская и вестфальская пѣхота отчаянно защищалась штыками, но мужественная оборона послужила только къ гибели ихъ, потому-что наши, приведенные въ ожесточеніе упорствомъ обороны, изрубили большую часть пѣхоты, даже подъ повозками, откуда непріатели стрѣляли. „Никогда не могъ я себя „представить“, писалъ Чернышевъ въ донесеніи, „столь удивительной, примѣрной атаки. Рѣшительность войскъ при ударѣ на батарею, и быстрота, съ какою достигли они до орудій, превзошли всѣ мои ожиданія. Ни одинъ изъ двухъ-тысячъ непріятелей не избѣжалъ смерти или плѣна.“ Трофеями побѣды были всѣ четырнадцать орудій, зарядные ящики и болѣе тысячи плѣнныхъ, въ томъ числѣ дивизіонный генералъ Оксъ, полковникъ и пятнадцать офицеровъ. Взято много провіанта, аммуниціи и оружія. Едва кончилось дѣло,

показался неприятель изъ Гессена. Чернышевъ выступилъ ему на встрѣчу, и удерживалъ его четыре часа ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ, а между тѣмъ отбитые трофеи отправили назадъ къ Эльбѣ. Обезпечивъ путь ихъ, Чернышевъ послѣдовалъ за ними и пошелъ чрезъ Бернбургъ въ Росслау.“ (Описание войны 1813 года генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго.)

Самая романтическая часть малой войны — это партизанскія дѣйствія. У полковника Вуича партизанами называются вообще легкіе отряды, отдѣляемые отъ армии для отважныхъ поисковъ или для какихъ-нибудь частныхъ, но тѣмъ не менѣ смѣлыхъ и рѣшительныхъ нападеній. Въ томъ же родѣ опредѣляетъ партизанскіе отряды и генералъ Энгельгардъ, но прибавляетъ, что они имѣютъ назначеніе дѣйствовать независимо отъ прочихъ частей армии.

Это прибавленіе не совсѣмъ вѣрно. Бываютъ случаи, когда партизанскіе отряды дѣйствуютъ въ связи съ арміей и подчиняются общему управленію для сохраненія единства дѣйствій.

Въ послѣднихъ европейскихъ войнахъ, партизанскіе отряды почти исключительно назначались для дѣйствій противъ операціонной линіи неприятеля, и одинъ изъ знаменитыхъ нашихъ партизановъ, Давыдовъ, въ сочиненіи своемъ: „Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія“, признаетъ одно только это назначеніе достойною, истинною цѣлю партизанской войны. Въ самомъ дѣлѣ наиболѣе полезными и блистательными дѣйствіями партій будутъ всегда дѣйствія на флангъ и преимущественно въ тылу у неприятеля, дѣйствія, обращенныя на прекращеніе и затрудненіе сообщеній его съ источниками его продовольствія, снабженія, укомплектованія и на самое уничтоженіе этихъ источниковъ. — дѣйствія, которыя могутъ подорвать существенныя основанія его силы и способности къ войнѣ; но тѣмъ не менѣ могутъ быть и другіе случаи, въ которыхъ легкіе отряды смѣлыхъ наѣздниковъ могутъ принести пользу частными нападеніями, хотя бы они направлены были и не на самыя существенныя средства неприятельской армии. Такъ напримѣръ, въ конфедератскую войну (1769 — 1772), когда Суворовъ легкими отрядами разилъ польскія ополченія, гдѣ бы они ни скрывались, — хотя

эти дѣйствія и не были направлены собственно на операционную линію непріятеля, но ихъ трудно назвать иначе, какъ дѣйствіями партизанскими.

Вообще партизанскіе отряды могутъ принести весьма большую пользу, какъ оборонительной, такъ и наступательной войнѣ.

Что-бы окончательно показать разницу въ способѣ изложенія генерала Энгельгарда и полковника Вунча, выпишемъ, какъ тотъ и другой писатель излагаютъ различные случаи дѣйствія партизанскихъ отрядовъ.

Генералъ Энгельгардъ говоритъ: „Главная цѣль партизанскаго отряда состоитъ въ затрудненіи непріятельскихъ сообщеній, въ истребленіи его военныхъ припасовъ, построекъ и магазиновъ, въ собираніи свѣдѣній, въ захватываніи курьеровъ, транспортовъ, малыхъ отрядовъ, въ препятствованіи реквизиціямъ, въ обезпечиваніи и утомленіи непріятеля и въ стараніи притомъ возстановить и поддержать хорошее расположеніе къ намъ въ краѣ и пріобрѣсть нѣкоторую власть надъ жителями, дабы съ ихъ содѣйствіемъ пользоваться всеми мѣстными выгодами. Чѣмъ неожиданнѣе появленіе летучихъ отрядовъ, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, ими производимое“.

Полковникъ Вунчъ о томъ же говоритъ слѣдующее:

Дѣйствія партизанскихъ отрядовъ могутъ имѣть цѣлю:

„1. Уничтоженіе запасовъ въ тылу непріятельской арміи, сожженіе ея магазиновъ, военныхъ учрежденій (пороховыхъ и оружейныхъ заводовъ, арсеналовъ), собраніе контрибуцій съ городовъ и селеній.

„2. Перехватываніе транспортовъ, разбитіе, плѣненіе или разбѣганіе колоннъ изъ рекрутовъ или выздоравливающихъ, идущихъ на усиленіе непріятельской арміи отъ базиса ея; — частныя нападенія на отдѣльные непріятельскіе отряды или подвижныя колонны, назначаемыя непріятелемъ для охраненія операционной его линіи, — освобожденіе своихъ плѣнныхъ.

„Кромѣ существеннаго убытка, причиняемаго непріятелю удачными нападеніями на транспорты и вообще дѣйствіями на операционную его линію, отъ лишенія его нужныхъ для него запасовъ, наносится ему еще тотъ вредъ, что онъ приводится въ необходимость усиливать свои подвижныя колонны или прикрытія, и [черезъ то ослаблять главныя свои силы; между-тѣмъ партизанскіе отряды, составленные изъ

небольшаго числа войскъ и притомъ такихъ войскъ, которыя мало полезны (??) въ дѣйствіяхъ рѣшительныхъ, въ строгихъ бояхъ, по легкости своей могутъ являться въ короткое время въ разныхъ мѣстахъ, и своею дѣятельностію какъ-бы удвоивать, утроивать свою силу.

„Въ 1813 году, отважный набѣгъ Генерала Чернышева на Гальберштадтъ и овладѣніе близъ этого города французскими транспортомъ генерала Окса, навели такой страхъ, что всѣ парки и подвозы, бывшіе на пути къ французской арміи, получили приказаніе остановиться, и артиллерію, формировавшуюся въ Ганноверѣ, перевезли отсюда въ Минденъ. („Описание войны 1813 года“, генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго.)

„3. Прекращеніе сообщеній между непріятельскою арміею и основаніемъ ея дѣйствій, равно между различными непріятельскими корпусами или отрядами, перехватываніе почтъ, курьеровъ, захватываніе какихъ-либо важныхъ лицъ.

„4. Открытіе сообщенія между раздѣленными частями собственныхъ нашихъ войскъ.

„5. Поднятіе народныхъ ополченій въ тылу непріятеля, если жители расположены въ нашу пользу, и составленіе опоры для этихъ ополченій.

„Въ 1812 году, въ Россіи, народныя ополченія составились по распоряженію правительства. Во время войны Французовъ на Пиринейскомъ полуостровѣ (1807—1814), ожесточеніе жителей и потеря ими довѣренности къ регулярнымъ своимъ арміямъ, заставили ихъ самихъ образовать отряды, которые, подъ названіемъ *партидасовъ* (partidas) въ Португаліи и *герильясовъ* (guerillas) въ Испаніи, приобрѣли себѣ безсмертную славу тѣми безчисленными затрудненіями и опасностями, которыми они окружили вторгнувшагося въ ихъ страны непріятеля. Но это было время событій необычайныхъ, и притомъ не вездѣ столь сильно чувство народности, какъ въ Россіи, въ Испаніи, въ Португаліи. Потому-то признается вообще самымъ надежнымъ средствомъ для побужденія народа къ вооруженію, появленіе среди его нѣсколькихъ, хотя и небольшихъ партій, изъ войскъ регулярныхъ или даже и иррегулярныхъ. Доказательствомъ тому можетъ служить Сѣверная Германія въ 1813 году. Всѣ тя-

готились владычествомъ Французовъ и готовы были къ восстанію. Но осуществилась мысль восстанія только съ появленіемъ нашихъ партизанскихъ отрядовъ за Одеромъ, за Эльбою и наконецъ за Везеромъ. Тогда лишь, города и области стали объявлять себя независимыми отъ французскаго правительства и стали вооружать собственныя войска для защиты независимости (въ Гамбургъ это произошло по настоянію партизана Тетенборна 7^{го} марта; скоро послѣ того и въ Люнебургъ; а устроенное Наполеономъ Вестфальское королевство объявлено уничтоженнымъ только по вторженіи въ Кассель партизанскаго отряда Чернышева 19^{го} сентября).

„6. Добываніе свѣдѣній на флангахъ и въ тылу непріятеля о томъ, что происходитъ въ его арміи, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюденіе за всякими покушеніями непріятеля противъ фланговъ нашихъ войскъ.

„Свѣдѣнія о непріятелѣ получаютъ обыкновенно всего болѣе отъ шпіоновъ, и по многимъ обстоятельствамъ рѣдко бываютъ надежны: рѣдко можно имѣть полную увѣренность въ преданности и вѣрности этихъ людей; еще рѣже бываютъ они въ состояніи понимать, въ военномъ отношеніи, тѣ дѣйствія, которыя происходятъ даже и предъ глазами ихъ, — понимать столь хорошо, чтобы дѣлать донесенія совершенно основательныя; наконецъ, по самой трудности сообщенія съ ними, донесенія ихъ не всегда бываютъ своевременны. Гораздо полезнѣе взглядъ военнаго человѣка, начальника партизанскаго отряда, который, при быстротѣ переходовъ, въ короткое время, обозрѣваетъ нѣсколько частей расположенія непріятельскаго, или въ нѣсколькихъ мѣстахъ пріобрѣтаетъ о немъ свѣдѣнія самыя положительныя, можетъ обсуживать значеніе различныхъ движеній или же мѣръ, предпринимаемыхъ непріятелемъ, и скоро и вѣрно доносить обо всемъ главному начальнику своихъ войскъ.

„Разумѣется, что, для облегченія при этомъ дѣйствій партизановъ, начальникамъ отрядовъ должны быть сообщены свѣдѣнія о тайныхъ нашихъ приверженцахъ въ краю занятъ непріятелемъ, и должны быть доставлены средства войти съ этими людьми въ сношенія.

„7. Введеніе непріятеля въ недоумѣніе на счетъ истиннаго направленія нашихъ дѣйствій.

„Изъ дѣйствій подобнаго рода можетъ быть отнесено на-
правление въ 1739 году казаковъ арміи Миниха прямо къ
Хотину: они распускали слухъ, что за ними идетъ вся армія
и эти слухи продержали Турецкія войска у крѣпости, между-
тѣмъ какъ Русская армія двинулась вправо, безпрепятственно
переправилась черезъ Днѣстръ, выше Хотина, и уже съ пра-
вой стороны рѣки подошла къ этой крѣпости.

„Въ 1813 году, въ началѣ февраля, когда войска наши
только-что подходили къ рѣкѣ Одеръ, партизаны уже пере-
правились за нее и $\frac{5}{20}$ февраля, соединенные отряды Чер-
нышева и Теттенборна сдѣлали нападеніе на Берлинъ, занятый
французскимъ корпусомъ Ожеро. Успѣхъ непосредственный
ограничился незначительною тревогою; но изъ этого напа-
денія заключилъ Ожеро, что уже всѣ силы графа Витген-
штейна (до 50,000) переправились чрезъ Одеръ и идутъ на
Берлинъ; и что главнымъ силамъ французской арміи, (быв-
шій подъ начальствомъ вице-короля италіанскаго), нельзя
долѣе оставаться на Одерѣ, потому-что, съ появленіемъ графа
Витгенштейна у Берлина, будетъ обойдено лѣвое крыло фран-
цузскихъ войскъ въ Пруссіи. Основываясь на донесеніяхъ и
убѣжденіяхъ Ожеро, вице-король отошелъ отъ Франкфурта
въ Кепеникъ (на Шпрее), вскорѣ потомъ потянулся къ Эльбѣ
и велѣлъ очистить Берлинъ. — Такимъ образомъ смѣлое,
можно сказать дерзкое, вторженіе казаковъ въ Берлинъ имѣло
слѣдствіемъ отступленіе главныхъ силъ непріятеля отъ Одера.
(„Описаніе войны 1813 года“, генераль-лейтенанта Михай-
ловскаго-Данилевскаго.)

„Въ томъ же году, въ началѣ марта, когда главная армія
была еще въ Калишѣ, а передовые корпуса лѣваго фланга
союзныхъ войскъ Винцингероде и Блюхера, только-что дви-
нулись изъ Равича и Бреславля къ Дрездену, партизаны,
шедшіе впереди Винцингероде, Орловъ, Прендель, Левен-
штернъ, Гейсмаръ, переправились уже чрезъ Эльбу, между
Дрезденомъ и Торгау, а Давыдовъ занялъ предмѣстье Дрез-
дена. Маршалъ Даву, занимавшій этотъ городъ, принялъ сбли-
женіе нашихъ легкихъ войскъ къ Эльбѣ и появленіе ихъ на
лѣвомъ берегу ея, за начало общей переправы союзной
арміи черезъ Эльбу, и, не почитая себя довольно сильнымъ,
чтобы удерживать Дрезденъ, очистилъ его и потянулся къ Маг-

дебургу. Черезъ нѣсколько дней Винцигероде, не встрѣтивъ ни какого сопротивленія, занялъ Дрезденъ.

„Подобные случаи, конечно, болѣе всего могутъ встрѣтиться при дѣйствіяхъ наступательныхъ; но и при оборонительныхъ дѣйствіяхъ, партизанскіе отряды равномерно могутъ вводить непріятеля къ недоумѣнію, составляя вокругъ нашихъ войскъ непроходимую для него завѣсу, и часто могутъ даже лишить непріятеля возможности воспользоваться одержанною имъ побѣдою.

„8. Всякаго рода тревоги въ расположеніи непріятеля, чтобы лишать его необходимаго для него отдыха, и тѣмъ приводить его въ изнуреніе и разстройство.

„Примѣромъ подобнаго дѣйствія могутъ служить набѣги казачьихъ отрядовъ Петра Великаго въ 1708 году, лишившіе армию Карла XII возможности воспользоваться отдохновеніемъ на зимовыхъ квартирахъ, занятыхъ имъ въ Малороссіи предъ Полтавскимъ сраженіемъ.“

Изъ этого достаточно видно, какая у гг. Энгельгарда и Вуича разница въ способѣ изложенія однихъ и тѣхъ же основныхъ началъ науки.

Силу партизанскихъ отрядовъ полковникъ Вуичъ полагаетъ отъ 500 до 3,000 человекъ, генераль Энгельгардъ отъ 50 до 200 лошадей, а иногда до 1000 и болѣе человекъ, къ которымъ придаются и орудія, преимущественно конныя.

Положительно опредѣлить силу партизанскихъ отрядовъ невозможно; ихъ составляютъ и изъ 50 лошадей, слѣдуя генералу Энгельгарду, и изъ 3,000 человекъ, слѣдуя полковнику Вуичу. Это совершенно зависитъ отъ обстоятельствъ, не надобно только забывать, что, съ одной стороны, одно изъ необходимѣйшихъ качествъ партизанскаго отряда, подвижность; а съ другой, что онъ долженъ быть довольно силенъ, чтобы одолевать непріятельскія подвижныя колонны, прикрытія транспортовъ, и фуражировокъ, прикрытія депо и магазиновъ.

Генераль Давыдовъ (въ „Опытѣ теоріи партизанскихъ дѣйствій“) предлагаетъ составлять каждую партію изъ трехъ казачьихъ полковъ донскаго, черноморскаго или уральскаго войска, съ двумя орудіями конной артиллеріи.

Для составленія перваго партизанскаго отряда, въ 1812 году, онъ же, въ чинѣ еще подполковника, получилъ подъ начальство свое только 50 гусаровъ и 80 казаковъ. — Дру-

гіе отряды, вскорѣ послѣ того составленные, рѣдко превышали 500 человекъ и были большею частію изъ казачьихъ войскъ, къ которымъ иногда присоединяли малое число регулярной кавалеріи. Впрочемъ эти отряды, кромѣ мелкихъ нападеній на операционную линію непріятеля, въ первую половину войны ничего особенно важнаго и не предпринимали.

Для взятія (28 сентября, 10 октября н. с.) 1812 года Вереи, укрѣпленной французами, генераль-маіору Дорохову подчинили уже 5 баталіоновъ пѣхоты, 4 эскадрона гусарь, 2 казачьихъ полка, 8 орудій и партію князя Вадбольскаго. Около того же времени, у генерала Винцингероде, на дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ, у Клина, было съ небольшимъ 3000 человекъ; полки лейбъ-казачій, изюмскій гусарскій, казанскій драгунскій, 6 донскихъ и два конныхъ орудія, — а впослѣдствіи времени присоединилась къ нему и часть тверскаго ополченія.

Въ 1813 году, партіи вообще дѣлались уже многочисленнѣе, хотя рѣдкія изъ нихъ доходили до 3000 человекъ. У Теттенборна близъ Гамбурга, въ началѣ марта, было 4 казачьи полка, 6 эскадроновъ регулярной кавалеріи и 2 конныхъ орудія, всего до 1300 человекъ. — Въ двухъ отрядахъ Дернберга и Чернышева, соединившихся для нападенія на Люнебургъ, въ концѣ марта, было 1000 человекъ пѣхоты, 2500 конницы и 10 орудій. Но въ томъ же году, у Пруссаковъ были партіи гораздо малочисленнѣе. Въ маѣ мѣсяцѣ, у Коломба, при нападеніи на паркъ французскій у Цвикау, было подъ начальствомъ всего только сотня волонтеровъ и 10 гусарь, а у Люцова, при дѣйствіяхъ между Гофомъ и Плауэнномъ, 400 пруссаковъ и сотня казаковъ.

Къ книгѣ полковника Вуича приложено семь чертежей: пять изъ нихъ относятся до аванпостовъ, шестой представляетъ порядокъ слѣдованія обоза и построенія его въ Вагенбургѣ. Седьмой служитъ для объясненія дѣлъ подъ Гайнау, Гальберштатомъ и Люнебургомъ.

Къ книгѣ генерала Энгельгарда приложено нѣсколько статей объ атакахъ и оборонѣ разнаго рода мѣстностей. Эти статьи мы считаемъ не иначе какъ приложеніями, потому что онѣ вовсе не относятся къ малой войнѣ.

Атака и оборона лѣсовъ, высотъ, селеній, городовъ и т. д. — дѣйствія самостоятельныя, а не вспомогательныя въ

томъ смыслѣ, въ которомъ разсматриваются дѣйствія, составляющія предметъ малой войны, какъ напримѣръ аванпосты, рекогносцировки и прочая. Даже статья объ авангардахъ и арьергардахъ не принадлежитъ къ малой войнѣ, не смотря на оговорку, сдѣланную авторомъ, относительно того, что онъ разсматриваетъ только малые авангарды и арьергарды, и не смотря на то, что эти части войскъ дѣйствительно служатъ для обезпеченія движенія главныхъ силъ.

Все это есть достояніе тактики; но генераль, вѣроятно, убѣдился опытомъ, что значительная часть офицеровъ, служащихъ въ арміи, не имѣли случая изучить тактики теоретически, а потому и включилъ статьи о сказанныхъ предметахъ въ свой уставъ о малой войнѣ, находя изученіе ихъ необходимою потребностью для каждаго военнослужащаго.

Изданіе обѣихъ книгъ генерала Энгельгарта и полковника Вуича довольно исправно. Шрифтъ и форматъ приурочены къ разнымъ цѣлямъ издателей. У полковника Вуича всѣ статьи, служащія для объясненія или доказательства излагаемыхъ имъ правилъ, напечатаны особымъ, мелкимъ шрифтомъ.

Въ заключеніе повторимъ еще разъ, что оба разсматриваемыя „Руководства къ малой войнѣ“ имѣютъ совершенно разныя назначенія и оба достигаютъ каждое своей цѣли.

Генераль Энгельгардъ подарилъ своею книгою всѣхъ армейскихъ офицеровъ и даже грамотныхъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ кругъ дѣйствій исключительно ограничивается малой войною. — Книга его имѣетъ и тонъ и видъ наставленія, заключающаго простое указаніе правилъ, безъ критическаго развитія причинъ и ихъ послѣдствій. — Полковникъ Вуичъ оказалъ тоже услугу своею книгою тѣмъ военнымъ, которые подробно занимаются *изученіемъ* своего предмета; поэтому онъ не довольствуется изложеніемъ однихъ правилъ, но для объясненія ихъ, для доказательства ихъ несомнѣнности, приводитъ замѣчанія и примѣры, ссылки на разныя сочиненія. — Онъ знаетъ что человѣкъ, изучающій предметъ, не охотно вѣритъ на слово, но всегда желаетъ убѣдиться въ изысканіяхъ, имѣющихъ возможность повѣрить ихъ. — Книга полковника Вуича не уставъ, а ученое руководство, не чуждое занимательности даже и не для военныхъ.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=

ОКТАБРЬ, 1850.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

1. ГРАФИНЯ САДЦСБЮРИ. *Сочиненіе Александра Дюма. Переводъ съ французскаго А. Д.....вой. (Москва, 1850, въ-16., четыре части).*

2. ДОКТОРЪ СЕРВАНЪ. *Романъ Александра Дюма. Переводъ съ иностраннаго. (Москва, 1850, въ-16., два части).*

3. АЛИЦІЯ ПАУЛИ. *Романъ Поля Февала. Переводъ съ французскаго. (Москва, 1850, въ-12., четыре части).*

Насчетъ переводныхъ романовъ — позвольте вамъ доложить — что по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Парижа, изобретенъ тамъ *Всобщій языкъ*, или *Мгновенное сообщеніе мыслей*, на всѣхъ возможныхъ разстояніяхъ, помощью карманнаго снаряда, названнаго *кемпасомъ пазилалиническо-симпатическимъ* — такъ, что отнынѣ въредъ переводы становятся ненужными, переводчики отменяются, мысли и чувства авторовъ будутъ передаваться читателямъ прямо изъ ума въ умъ, изъ сердца въ сердце, улитками и устрицами, мгновенно, во всѣхъ направленіяхъ, по всей поверхности земли и моря. Писатель и всѣ читатели, гдѣ бы они ни находились, вооружась пазилалиническо-

симпатическими, то есть, *всеразговорно-сочувствующими* компасами, въ условленный часъ дня или ночи вынимаютъ ихъ изъ кармановъ и садятся всѣ передъ ними, каждый въ своемъ уголку; писатель начинаетъ мыслить передъ своимъ компасомъ, отъѣвая на чертлать тѣ слова, которыя написалъ бы онъ въ книгѣ, на какомъ угодно языкѣ, и всѣ читатели, сидя передъ своими компасами, мгновенно сочувствуютъ и сопонимаютъ эти мысли и эти слова на всѣхъ возможныхъ языкахъ — даже могутъ, если имъ что не нравится, дѣлать писателю тутъ же возраженія, вступать съ нимъ въ разговоръ, въ преніе, передавать ему свою критику, на что, разумеется, немедленно отвѣтитъ онъ имъ антикритикою. Другими словами, найдено средство читать книги прямо въ головѣ авторовъ, до написанія и напечатанія ихъ на бумагѣ, что послѣ этого и становится ненужнымъ. Производство чрезвычайно сокращается. Подробное и обстоятельное описаніе этого чудеснаго средства читалъ я случайно въ одной известной парижской газетѣ, которой давно уже читать не стоить, и которую, следовательно, читаютъ вездѣ на-расхватъ. Газета называется la Presse. Она немножко помъшана на универсальныхъ средствахъ, въ томъ числѣ и на животномъ магнитизмѣ, который, какъ кажется, играетъ главную роль въ этомъ открытіи, объявляемомъ очень серьезно за несомнѣнную истину и за огромное благодѣіе для человечества. Сколько я могъ понять запутанное, многословное и безконечно растянутое описаніе дивнаго процесса, представляемое въ фельетонѣ газеты какимъ-то господиномъ Жюліемъ Алликомъ, который старается ученость согласить съ мистицизмомъ, изобретеніе состоитъ въ слѣдующемъ :

Сочувствіе и предчувствіе — фактъ созданной природы, даромъ что, во мнѣніи ученыхъ, это — фактъ экстрафизическій, не подлежащій положительной повѣркѣ наблюденія. Господинъ Алликъ вѣрить сочувствіямъ такъ же твердо какъ и животному магнитизму, месмеризму, сомнамбулизму, ясновидѣніямъ и *симпатической жидкости*, очевидно связывающей творенія, рожденныя сочувствовать между собою. Но сочувствіе, въ человеческомъ родѣ, учреждается обыкновенно между двумя только существами, избранными и предназначенными сочувствовать другъ другу и пополнять себя взаимно. Напротивъ, улитки, устрицы и другія раковинстыя животныя предназначены сочувствовать сомежду бою массами, кучами. Наваливъ кучу та-

нихъ животныхъ, особенно обыкновенныхъ улитокъ, и оставивъ ихъ, какъ кажется, безъ пищи втеченіе довольно долгаго времени, всѣ улитки этой кучи такъ сдружаются между собою, что отнынѣ впредь, будучи даже раздѣлены и разбросаны по всему земному шару, онѣ мыслятъ однимъ умомъ и чувствуютъ однимъ сердцемъ: троньте одну изъ нихъ въ Европѣ, всѣ прочія въ то же мгновение вздрогнутъ въ Америкѣ, Азіи, Африкѣ и Австраліи, и передадутъ наблюдателю *улиточно-электро-магнито-симпатическій ударъ*. Для всеобщей, повсемственной и тожевременной передачи мыслей между людьми больше и не нужно. Возьмите двадцать четыре бочки улитокъ, и на каждой бочкѣ напишите по одной изъ двадцати четырехъ буквъ алфавитовъ латинскаго, греческаго, русскаго, арабскаго, еврейскаго, сирійскаго, армянскаго, грузинскаго, зендскаго, санскритскаго или гогентотскаго. Черезъ нѣсколько времени улитки въ бочкѣ совершенно сочувствуютъ, не только между собою, но и съ ея письменными знаками; каждая бочка становится живою многоязычною буквою, и улитки ея по всюду откликнутся мгновеннымъ содроганіемъ за приближеніемъ одной изъ нихъ къ одной изъ алфавитныхъ фигуръ, которыя были написаны на ея бочкѣ. Послѣ того, можно устроить небольшіе снаряды, похожіе на употребляемые въ электрическихъ телеграфахъ; на циферблатъ, раздѣленнымъ на двадцать четыре части, нарисовать съ наружной стороны двадцать четыре группы буквъ всѣхъ извѣстныхъ алфавитовъ; на нижней части циферблата подъ группами буквъ укрѣпить двадцать четыре улитки, взятыхъ изъ двадцати четырехъ бочекъ; для удобства въ употребленіи, придѣлать клавиатуру, состоящую изъ двадцати четырехъ клавишей, которыми бы можно было быстро дотрогиваться до сочувствующихъ съ буквами улитокъ и составлять изъ нихъ слова на любомъ языкѣ; и такіе снаряды или *пизилалическо-симпатическіе компасы* разслать во всѣ части свѣта и всѣ земли къ своимъ почтеннѣйшимъ корреспондентамъ. Въ условный часъ, вы разгнѣваете у себя по-буквенно потребныя слова на клавиатурѣ компаса, а эти господа ощущаютъ ихъ, также по-буквенно, посредствомъ улиточно-магнито-электро-симпатическихъ ударовъ. Для возбужденія чувствительности и поддержанія симпатіи въ улиткахъ, господа Беноа, Парижанинъ, и Біа или Біать, Американецъ, изобрѣтатели, устрояютъ еще подъ циферблатомъ гальваническій столбикъ, состоящій изъ полоски красной мѣди и двадцати четырехъ крошеч-

ныкъ яружковъ цинку; и такимъ-образомъ, сколько можно понять умное описаніе, сообщаемое свѣту господиномъ Алликомъ, приборъ представляетъ существенное сходство съ Боненбергеровымъ гальваническимъ мультипликаторомъ, котораго чувствительные листочки золота замѣнены въ настоящемъ случаѣ органическимъ веществомъ, живыми улитками. Известно, до какой удивительной степени чувствительности возбуждается здѣсь металлъ, золото, чрезвычайно слабымъ гальваническимъ токомъ. Повода по воздуху, въ сухой комнатѣ, устланной совершенно сухими коврами, пруткомъ слегка натертаго стекла, сургучу или сухаго дерева, иногда въ разстояніи девяти и десяти шаговъ отъ этого мультипликатора, плотно закрытаго стекляннымъ колпакомъ и отдѣленнаго еще отъ земли стекломъ и лакированнымъ деревомъ столика, повѣшенные въ немъ надъ гальваническимъ столбикомъ листки золота движутся съ точностью по направленію прута. Можно сказать, что они слѣдуютъ за пруткомъ уже по сочувствію, потому что прямаго электрическаго вліянія между мультипликаторомъ и пруткомъ черезъ такую массу сухаго воздуха и черезъ столько разбѣженныхъ веществами, не проводящими электричества, почти и предполагать невозможно. До-сихъ поръ чудо было довольно понятное, если бы сочувствующія улитки дѣйствовали на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, или даже нѣсколькихъ десятковъ шаговъ; но господинъ Алликъ увѣряетъ, божится, и напередъ ругаетъ всѣхъ могущихъ сомнѣваться, что самъ онъ, лично, посредствомъ пазилалическаго компаса и симпатическихъ улитокъ, въ квартирѣ господина Беноа въ Парижѣ, и въ присутствіи достоуважаемыхъ свидѣтелей, переписывался или переговаривался съ господиномъ Біатомъ, его товарищемъ, Американцемъ, находившимся въ тотъ день въ Сѣверной Америкѣ, въ Нью-Йоркѣ. Приборъ еще не совсемъ готовъ и изобрѣтеніе не можетъ покамѣстъ быть представлено оффиціально ученому свѣту, какъ это и всегда бываетъ съ сверхестественными изобрѣтеніями. До вступленія времени торжественной повѣрки дѣла, позволительно предполагать, что доврчивое добродушіе господина Аллика было въ этомъ случаѣ, принесено въ жертву одному изъ тѣхъ фокусовъ мезмеризма, которыми поклонники животно-магнитическихъ чудесъ поддерживаютъ отъ времени до времени ихъ мистическую славу, и что американскіе отвѣты на его парижскіе вопросы приходили къ нему не далѣе какъ изъ смежной комнаты.

Не желая ничего убавлять ни прибавлять относительно къ такому необычайному открытію, которое необходимо возбудить страшный энтузіазмъ въ толпѣ вѣрующихъ всему напечатанному въ la Presse, я долженъ присовокупить, что циферблатъ компаса господъ Бенаа и Біата вертится наподобіе покойнаго электро-магнитнаго двигательнаго колеса, которое надѣялись приспособить къ мореплаванію и къ ѣздѣ по желѣзнымъ дорогамъ. Кажется, что, кромѣ гальваническаго снаряда, подѣ циферблатомъ расположены еще маленькіе временныя магниты, какъ въ этомъ колесѣ, и что отсюда происходитъ названіе *улиточно-электро-магнито-симпатической жидкости*, дѣйствующей *гальвано-улиточными* ударами и сообщаемой изъ одного свѣта въ другой *сквозь землю*. Господинъ Алликсъ увѣряетъ, что, по опытамъ изобрѣтателей, *сквозь воздухъ* эта жидкость не сообщается. Они поднимались, одинъ въ Европѣ, а другой въ Америкѣ, на воздухъ помощью аэростатовъ, но, въ этомъ положеніи, улитки оставались безъ сочувствія и разговоръ Француза съ Американцемъ не осуществлялся.

Слышали ль вы, какъ синьора Персіани съ мужской, могучей Паганиниевской скрипки переводитъ на женскій голосъ варіаціи на тему *Nei suoi piú non mi sento?* Это тоже любопытный переводъ!

Симпатическія улитки подоспѣли очень кстати для Парижанъ, которые пропали бы безъ нихъ со скуки нынѣшней зимою. Вообразите, что у нихъ за италянская опера! Новый директоръ, господинъ Ломли, объявилъ, что у него все готово — представленія начинаются съ перваго ноября — и вотъ блестятельный составъ тамошней вокальной труппы: *Пьвцы*: Маріо (который поетъ въ Петербургѣ до марта мѣсяца), Тамберликъ (тоже), Дюпрѣ (который уже и не поетъ), Моріани, Ривзъ, Луккези, Бриньоли, Ронкони (который до конца карнавала поетъ въ Мадридѣ вмѣстѣ со всеми вокальными свѣтлами, съ Фредзолини, съ Виард), съ Альбони, съ синьорой Ронкони, съ Лаблашемъ, съ Гардони: о! трижды, четырежды счастливый Мадридъ!..., Сальватори, Ферранте, Маевскій, Сольди, Валенти (какія имена!); *Пьвцы*: Кастелланъ, Ровелли, Луксоръ, синьора Ронкони (въ Мадридѣ съ мужемъ), Каролина Дюпрѣ, Ида Бертранъ, Сегенъ, Гризи (въ Петербургѣ, до марта), Амико, Маевская, Фачіолн. Простое утѣшеніе! Общуютъ давать все старое, за исключеніемъ четы-

рехъ оперъ, болѣе или менѣе не новыхъ, Елеопога, Macbeth, il Giugamento, il Bravo. Какъ не веселиться!

Но я забываю о переводныхъ романахъ; которые кучею симпатическихкихъ улитокъ лежатъ передо мною. Эти бѣдные романы!... Судя по слогу, формату и въ некоторымъ обстоятельствамъ обертокъ, кажется, какъ-будто эти три изданія составляютъ одну спекуляцію, принадлежать къ одному подряду на поставку самоскорвѣйнаго продовольствія той читательской жадности, для которой и черныи хлѣбъ грубой переводной прозы — отраднaя пища. Была бы только въ книжномъ лобазѣ романнaя мука какого-нибудь достоинства: ее пожрутъ съ наслажденіемъ.

Намололи въ Москвѣ-Бѣлокаменной десять кулковъ такой муки. Въ первыхъ четырехъ, въсколко получше прѣсѣянныхъ — чистые отруби; ни исторія, ни романъ, продолженіе несчастнаго «Эдуарда VII», вялой и скучной компиляціи Александра Дюма, писателя, остроумнаго и пріятнаго въ другихъ случаяхъ, но которому въ этотъ разъ не удалось, или нужно было, для исполненія фельетоннаго заказа, явиться ни тѣмъ ни другимъ. Въ двухъ слѣдующихъ кулкахъ — довольно безцвѣтная повѣсть, и при томъ еще повѣсть не того Александра Дюма, о которомъ думаетъ заглавіе, а Александра Дюма Сына: что составляетъ огромную разницу въ цѣнѣ товару. Въ четырехъ послѣднихъ — истинный судебный случай, передѣланный господиномъ Февалемъ въ романъ, въ которомъ художества, искусства, воображенія, ровно столько, сколько бываетъ въ истинномъ судебномъ случаѣ. Переводъ достоинъ подлинника.

Библиотека путешествій для маленькихъ читателей. *Путешествіе вокругъ свѣта Дюмонъ-Дюрвиля. (Санктпетербургъ, 1850, въ 16, десять томиковъ съ 45-ю иллюминированными картинками.)*

Въ 1848 году вышли въ свѣтъ десять томиковъ «Библиотеки для маленькихъ читателей». Они были назначены для дѣтей, только-что начинающихъ читать. Теперь выходитъ продолженіе этой «Библиотеки для маленькихъ читателей» подъ нѣсколко измѣненнымъ заглавіемъ: «Библиотека путешествій для маленькихъ читателей». Она должна составить чтеніе для читателей повзрослѣе. *Для начала, по словамъ предисловія, избрано уже извѣстное русской публикѣ «Пу-*

тешествіе Дюмонъ-Дюрвилля»; и, разумеется, говорить издатель, что оно сокращено и *передѣлано* сообразно съ своимъ новымъ назначеніемъ; но въ чемъ состоитъ *передѣлка* — не сказано. Нѣсколько далѣе, въ предисловіи, издатель находитъ, напротивъ, что *передѣлывать* путешествія, такъ чтобы они были понятны дѣтямъ безъ посторонней помощи, нигуда не годится. *Простое, но живое, описаніе путешествія*, по его мнѣнію, *должно больше нравиться дѣтямъ*, потому что пробудить въ нихъ такое любопытство, что они станутъ обращаться къ родителямъ или наставникамъ, *когда встрѣтятъ непонятное. Для любящаго сердца матери какаѣ находка*—объяснять непонятную книгу, написанную «просто, но живо»! Издатель намъ вренъ держаться этой теоріи и при изданіи послѣдующихъ путешествій, еще неизвѣстныхъ русской публикѣ.

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНІЕ МАЛОЙ ВОЙНЫ, *для всѣхъ родовъ оружія*. Составилъ генераль-лейтенантъ А. Е. Энгельгардъ 1. С. П.-бургъ, 1850, въ-16, *четыре части въ двухъ томикахъ*).

Малая война (я предполагаю, что не всѣ читатели этого отдѣленія знаютъ, что такое малая война), это — самая романтическая часть большой войны, это — война, которую ведутъ маленькіе полководцы вокругъ и возлѣ большихъ полководцевъ, и которую они способствуютъ или препятствуютъ ихъ успѣхамъ, это — поприще самыхъ замѣчательныхъ опытовъ и самыхъ блестящихъ подвиговъ для частной храбрости, смѣлливости, рѣшимости, дѣйствующей отдѣльно отъ главныхъ силъ, по собственному соображенію обстоятельствъ, при оборонѣ или атакѣ дефилеевъ, мостовъ, бродовъ, гатей, лѣсовъ, высотъ, овраговъ, улицъ, отдѣльныхъ строеній, деревень, городовъ, при внезапныхъ ночныхъ нападеніяхъ и засадахъ, при размѣщеніи передовыхъ постовъ, пикетовъ, карауловъ, дозоровъ, цепей, при назъздахъ для обозрѣнія мѣстностей, для собранія справокъ о неприятелѣ, для испытанія силъ его, для обезпеченія своихъ корпусовъ и армій, для маскированія ихъ движеній, для прикрытія обозовъ, для юдачи вѣстей, для фуражировокъ, и такъ далѣе. Сюда относятся вообще всѣ дѣйствія авангардовъ, арьергардовъ, боковыхъ и летучихърядовъ, объѣздовъ, преслѣдованій, гдѣ при всякомъ шагѣ встрѣчается голько разнообразныхъ положеній, столько непредвидимыхъ опасностей, столько странныхъ случаевъ и невѣроятныхъ приключеній; гдѣ

каждый офицеръ и даже каждый солдатъ можетъ показать свой умъ, свое мужество, всю свою воинскія способности, явиться героемъ, прославить или свое необыкновеннымъ подвигомъ, и принести неисчислимую пользу или вознаградимый вредъ главному дѣлу и соображеніямъ полководца. Романическая часть войны состоитъ изъ исторій этихъ дѣйствій, которыя обыкновенно исчезаютъ въ цѣломъ, но которыя всегда такъ увлекательны въ частныхъ военныхъ разсказахъ. Для каждаго тома правилъ малой войны, имѣющей, какъ все на свѣтѣ, свои правила или условія, можно было бы набрать въ новѣйшихъ военныхъ летописяхъ десятки томовъ полнѣйшихъ примѣровъ, сильно дѣйствующихъ на воображеніе блескомъ частныхъ подвиговъ и важностью послѣдствій ихъ для общаго успѣху; и это составило бы, безспорно, книгу необыкновенно интересную для всѣхъ родовъ читателей.

Авторъ «Краткаго начертанія малой войны», одинъ изъ ученыхъ русскихъ воиновъ, легко могъ бы придать такой могущественный интересъ своему сочиненію, почерпая пояснительные примѣры въ одной только своей опытности и своей памяти, но онъ имѣлъ въ предметъ начертать лишь общія правила, основныя положенія, дія руководства молодыхъ офицеровъ, особенно кавалерійскихъ. Изложеніе его, строго техническое, отличается той свѣтлой методой, которая умѣетъ приводить въ порядокъ безчисленныя подробности очень сложнаго предмета и наставлять въ нихъ безъ утомленія.

НОВѢЙШАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА, заключающая въ себя тысячу сорокъ шесть правилъ, составленная русскимъ поваромъ Н. Б. Г...мъ, (Москва, 1850, въ-12., три части).

Ученый «русскій поваръ» начинается «Новѣйшую поваренную книгу» физиологическимъ разсужденіемъ о дѣйствіи пищи на внутренніе оболочки желудка, и опытами Гросса надъ сваримостью и несваримостью различныхъ веществъ. Вотъ это по-крайней-мѣрѣ — ново, если книга сама старая. Ученый «русскій поваръ» показываетъ, что горячія кушанья умножаютъ желчи, холодныя производятъ ветры, сырыя ослабляютъ желудокъ, сухія съ трудомъ варятся и зараждаютъ желчи, сладкія засоряютъ печень и селезенку, горячія вредны для желчи и пузыря и возбуждаютъ острые пары, соленыя сожигаютъ кровь и причиняютъ свербѣзъ, кислыя разстраиваютъ

нижнему часть внутренностей. Коротко сказать, ни одного изъ тысячи сорока шести блюдъ, которыя поваръ-физиологъ умѣетъ приготовить, есть нельзя. Доказать превосходно вредъ всякой пищи для здоровья, ученый поваръ, или смѣтливый литературный джентльменъ, переодѣвшійся поваромъ, перепечатываетъ изъ старыхъ поваренныхъ книгъ устарѣлыя, неполныя и плохіе рецепты отличныхъ кушаньевъ. Ради Вулкана, милостивый государь, поменьше физиологін, да побольше соусовъ! Сварить обѣдъ не штука: на то есть повара и кухарки, которыя, къ счастью, книгъ не читаютъ у очага. Настоящее, великое искусство — заказать хорошей обѣдъ, и полезное литературное произведеніе по кухонной части должно стремиться къ наставленію читателей и читательницъ въ глубокой наукѣ тонкаго и удачнаго сочетанія блюдъ сообразно съ достоинствомъ, образованностью и потребностями угощаемыхъ желудковъ. Сколько пагубныхъ послѣдствій, сколько огорченій, неудачъ, бѣдствій для хозяевъ и хозяекъ, для чести семействъ, для расчетовъ честолюбія, для счастья сердецъ, происходитъ въ жизни отъ дурно заказанныхъ обѣдовъ! Какъ часто обѣдъ, по не-искусству заказывающихъ, вмѣсто того чтобы расположить нужнаго или дорогаго гостя, раздражаетъ его противъ нихъ или наполняетъ презрѣніемъ! Кредитъ колоссальныхъ банкирскихъ домовъ, важнѣйшія дипломатическія негодіанія, блистательнѣйшія партіи, прекрасно начатыя карьеры, нерѣдко разстраивались по милости одного мерзкаго обѣда. Всякій порядочный и благоразумный человекъ долженъ въ известной степени быть поваромъ. Мосье Пикодъ, знаменитый поваръ покойнаго князя К***, говаривалъ о своемъ незабвенномъ Меценатѣ: O! monsieur le prince est un grand homme!... il est essentiellement cuisinier. Сводя дружбу съ человекомъ, первое правило мудрости — подслушать, какъ онъ разсуждаетъ съ своимъ поваромъ. Вы можете какъ разъ связаться съ отравителемъ. Обѣдъ — вѣрнѣйшая характеристика человека; или, лучше сказать, весь человекъ заключается въ своемъ обѣдѣ. Тутъ вы видите его умъ, его сердце, воображеніе, страсти, и даже самыя тайныя наклонности. Скажите мнѣ, какой вы сегодня заказали обѣдъ, для себя и для меня, я скажу вамъ, кто вы таковы. Хотите ли подать о себѣ гостямъ высокое понятіе?... умѣйте скрыть свой характеръ и свои чувства неуклюжимъ составомъ обѣда. Такъ важна въ семъ мѣрѣ наука заказывать

обиды? Кто употребитъ книгу читать описаніи индусовъ, тотъ долженъ помнить, что онъ обрѣдается не къ тому племени, который поселятъ въ Австралію, а къ тому, который расселяется въ Индію, и вѣстать его въ подробности, каковыя его знаетъ.

—

ИЗЪВѢСТІЯ О ПЕРСИИ.

ОПИСАНІЕ ВЪРЪЯЙШИХЪ ПРАВИЛЪ ШАНЕЧНОЙ ИГРЫ, составленное по лучшимъ источникамъ. (Москва, 1850). — По мнѣнію сочинителя этого общепользнаго творенія, шанечная игра происходитъ отъ шахматной. Такую смѣлую гипотезу не легко было бы ему доказать. Идея и начала двухъ игръ, которыя были извѣстными еще во времена Фараоновъ и встрѣчаются въ древнѣйшихъ барельефахъ, совершенно различны. Въ шахматной игрѣ два шаха съ своими воеводами и ратниками воюютъ между собою, стараясь, не истребить, но поработить другъ друга разными хитростями. Вся восточная игра — аллегорія: шахматная игра изображаетъ вмѣстѣ военныя дѣйствія и придворныя хитрости древнихъ владыковъ. Въ шанкахъ, двѣнадцать владыковъ, *шахъ*, уменьшительнѣе, *шахекъ*, отчего и происходитъ слово *шапки*, двѣнадцать витязей свѣтлыхъ, восточныхъ, сражаются противъ двѣнадцати витязей черныхъ, варварскихъ, западныхъ, о томъ, кто изъ нихъ женится на прекрасной царевнѣ, которая живетъ далеко и невидимо, въ теремъ, въ последнемъ ряду доски, и обладаетъ талисманомъ счастья: проворнѣйшій изъ нихъ, получивъ руку красавицы, пользуется немедленно необыкновенными преимуществами въ движеніяхъ для довершенія побѣды надъ прочими. Въ шанкахъ, вѣроятно, осуществлено незапамятное и знаменитѣйшее преданіе древняго міра, Троянская Война.

ЕЩЕ ЧѢТО БОЛЬШЕЕ ОБЪ ИСКУССТВѢ НАЖИВАТЬ ДЕНЬГИ. Сочиненіе А. Б. (Спб., 1850). — Еще чѣто большее значить собственно: еще чѣто скучнѣйшее и бесполезнѣйшее. Сочиненіе начинается тѣмъ, какія деньги были у Грековъ и Римлянъ, и описываетъ выгоды богатства, которая, посредствомъ эконома, можетъ нажить покуда по тридцати рублей серебромъ жалованья въ мѣсяцъ: въ этомъ, по мнѣнію сочинителя, состоитъ приспособленіе

содержанія брошюры барона Ротшильда къ нашимъ нравамъ. За квартиру съ дровами и прислужкою предлагаетъ онъ платить пять рублей; обѣдъ брать у кухмистра за тридцать копѣекъ; питаться этакъ обѣдомъ два дня, а еще лучше три; по-крайней-мѣрѣ три раза въ недѣлю обѣдать даромъ у друзей; и другіе такіе же остроумные совѣты, следуя которымъ, можно, по нашимъ нравамъ, сберечь двадцать рублей въ мѣсяцъ. Общее правило его: чтобъ быть богатымъ, надо трудиться и беречь деньги на черный день. Это правило онъ проситъ купить у него за двадцать пять копѣекъ, и отъвѣчаетъ за его спасительность. Нѣтъ сомнѣнія, что господинъ А. Б. совершенно въ правѣ, по случаю остроумной брошюры барона Ротшильда, сочинять, напечатать и продавать по двадцати пяти копѣекъ еще большія бессмыслицы, если это въ его нравахъ: но онъ странно понимаетъ нравы вообще, и наши нравы въ особенности, совѣтуетъ труженникамъ, получающимъ по тридцати рублей мѣсячнаго жалованья, обѣдать своихъ друзей на пользу добродѣтели, бережливостью называемой, съ цѣлью наживать деньги. Нѣтъ, жалованіемъ, ни въ какихъ нравахъ въ мірѣ нельзя наживать денегъ; да не такова цѣль жалованья. Наживать деньги должна промышленность, а не должность. Учите быть промышленнымъ, а не блюдолизомъ, если у васъ есть излишекъ науки. Учите тѣмъ оборотамъ, которые намъ сподручны по нашимъ нравамъ, если хотите получить благопристойно по двадцати пяти копѣекъ за урокъ. Наживать деньги честно и прилично можно только однимъ образомъ: купить вещь или матеріалъ за цѣлковый, приложить къ нему крошку своего ума, искусства и времени, и продать за два, за три, пожалуй и за десять цѣлковыхъ. Деньга деньгу ловить. Одинъ изъ богатѣйшихъ лондонскихъ промышленниковъ издалъ, въ нынѣшнемъ году, очень милую книжечку, въ которой откровенно и умно излагаетъ исторію своего обогащенія. Вотъ правило, которому онъ во всю жизнь слѣдовалъ для наживы денегъ: промышленность, порядокъ, честность, възлivity; хорошая плата за хорошую услугу; ничего — для тщеславія; все — для пользы общей и своей, которыя, по его убѣжденію, нераздѣльны; а главное — чистая нравственность: женщины — разореніе, бичъ капиталовъ! За это наставленіе не стыдно по-крайней-мѣрѣ было бы убѣждать въ предисловіи «дать четвертакъ.»

РАВНЫЯ ЗВѢСТІЯ.

— Господинъ В. Зейберлингъ открылъ, что въ лошадахъ есть антропология; только, она здѣсь называется ипнологіей. Вслѣдствіе этого, онъ рѣшился осмотрѣть лошадь всесторонно въ сочиненіи, которому далъ заглавію: «Опытъ опредѣленія совершенствъ и недостатковъ лошади». (Санктпетербургъ, 1850). Господинъ В. Зейберлингъ нашелъ, что, при соблюденіи всѣхъ правилъ неподвижной школы классицизма, къ которой принадлежитъ онъ существенно, такой опытъ о лошадиныхъ совершенствахъ и недостаткахъ легко можно, для краткости, сжать въ шесть томовъ, помѣстивъ въ первыхъ двухъ естественную исторію лошади, анатомію лошади и физиологію лошади, въ третьемъ томѣ, діететику лошади, въ обширномъ смыслѣ этого слова, а въ четвертомъ теорію кованія лошади. Совершенства можно описать въ пятой части, а недостатки заключить въ шестую. Такимъ-образомъ «Опытъ опредѣленія совершенствъ и недостатковъ лошади» будетъ составлять по-крайней-мѣрѣ такъ сказать полную энциклопедію лошади. Чтобы никто не могъ подвѣлать такихъ рѣдкихъ соображеній лошадиного классицизма, господинъ В. Зейберлингъ рѣшился собственноручно подписывать предисловія своего «Опыта», объявляя, что безъ его подписи счастливыя мысли эти неважны и недействительны. Въ первой, вышедшей въ свѣтъ части заключается общее всестороннее понятіе: что такое лошадь? — естественная исторія лошади, и начало анатоміи этого классическаго животнаго.

=

Н О Я Б Р Ъ , 1850.



Н О В Ы Я К Н И Г И .

1. ОРЕСТЬ И ПИЛАДЪ НА ЧЕРДАКЪ , или : *А кинь имь кость, такъ что твои сабаки !* *Водевиль въ одномъ дѣйстви, передьлан- ный съ французскаго актеромъ Федоромъ Бурдиннымъ. (Москва, 1850, въ—12.)*

2. ДРУГИХЪ СПАСАЙ , а самъ хоть въ петлю полезай (то- есть, ползай), *шутка-водевиль, въ одномъ дѣйстви, передьланная съ французскаго актеромъ Федоромъ Бурдиннымъ. (Москва, 1850, въ—12.)*

Читатели петербургскихъ и московскихъ «афинекъ», если они вни- каютъ какъ слѣдуетъ въ чудныя заглавія плодовъ русской Мелпоме- ны, должны быть въ безконечномъ удивленіи передъ изобрѣтатель- ностью человѣческой водевильной природы. Чтò выдумаютъ наши драматурги, которые впрочемъ ничего не выдумываютъ, а только *передьльиваютъ*, того не выдумать никому на свѣтъ. Кромъ смыслу, до котораго имъ дѣла нѣтъ, и кромъ слогу, въ которомъ никто не нуж- дается, сколько остроты, сколько соли, какая грація, какая ловкость во всемъ, чтò они ни скажутъ ! *Другихъ спасай, а самъ хоть въ петлю полезай—Орестъ и Пиладъ, или: А кинь имь кость, такъ что твои сабаки* — это такъ мило, такъ вкусно, такъ свежопросольно, отъ

этих заглавій несетъ такимъ ароматомъ самобытности, такимъ сильнымъ духомъ мѣстности, что жирныя губы нижнихъ ярусовъ должны облизываться, а тонкія ноздри, витающія въ горнихъ областяхъ юстры, чихать отъ наслажденія. Наверное, сами Французы, которые выдумали эти водевилы, не съумѣли бы *передѣлать* ихъ такъ удачно, какъ они *передѣланы съ французскаго* у насъ господиномъ Бурдиньмъ, передѣльвателемъ съ большими надеждами, который обѣщаетъ все со временемъ передѣлать такъ, что ничего нельзя будетъ узнать, ни французскихъ подлинниковъ, ни русскаго языка, ни даже орфографіи.

Что касается до содержанія, то водевиль «Орестъ и Пиладъ на чердакѣ», несмотря на передѣлку, сохранилъ въ себя столько оригинальности и смыслу, какъ-будто его не передѣлывали. Парижскіе герои пьесы, какимъ-то чудомъ не превратились ни въ петербургскихъ, ни въ московскихъ героев: остались, какимъ-то чудомъ, парижскими.

Сюжетъ богатъ натурою, сценическими положеніями, комизмомъ, если-бы господинъ Бурдинъ *передѣлалъ* его съ французскаго такъ, чтобы эти люди говорили чисто по-русски, пьеса была-бы очень сносною, несмотря на пошлое заключеніе.

Шутка-водевиль «Другихъ спасай, а самъ хоть въ петлю ползай» была и есть очень плохая шутка по содержанію, при всемъ талантѣ господина Бурдина къ передѣлыванію шутокъ. Но, на театрѣ, она совершенно удалась, увѣчалась безконечными рукоплесканіями, и повторяется уже цѣлый годъ съ успѣхомъ какъ случай и средство выказать сценическія дарованія двухъ неподражаемыхъ комиковъ, Мартынова и Самойлова, въ игрѣ которыхъ состоитъ все достоинство пьесы. Дѣйствующихъ лицъ всего въ ней два, *Лопуховъ* (Мартыновъ), молодой богатый, праздный, разъявившійся до того что, имѣя черно-волосую жену, блондуру дочь и рыжую племянницу, уже нѣсколько лѣтъ живетъ съ ними на дачѣ лѣтомъ и зимою, страшась хлопотъ переезду въ городъ, и *Милостивый Государь* (Самойловъ), лицо, незнакомое Лопухову, который отказалъ ему письменно въ рукъ рыжей племянницы изъ опасенія тревогъ и шуму свадьбы въ домъ. Остроумный Милостивый Государь, высмотрѣвъ минуту, когда жена, дочь и племянница ушли гулять и всѣ люди разбрѣлись по окрестностямъ, приходитъ на дачу Лопухова и, въ шутку, для смѣху, вѣшается на деревъ передъ окномъ и при глазахъ лѣннца. Лопуховъ, испугавшись, принужденъ нарушить свой покой, встать, схватить

себя, перерезать веревку и спасти отчаяннаго самоубійцу. Милостивый Государь, придя въ себя, дунуть въ объятіяхъ своихъ достойнаго спасителя, объявляетъ, что не оставитъ его никогда изъ благодарности, поселится въ его домъ, наряжается въ его праздничныя платья, передвигаетъ мебель, ломаетъ фруктовыя деревья, прыгаетъ по грядамъ, узнаетъ, что у Лопухова есть черноволосая жена и собирается признательно волоочиться за ней, слышитъ о рыжей племянницѣ и не отвѣчаетъ за себя: у него рышительная страсть къ рыжимъ — онъ не оставитъ ее въ поков. Коротко сказать объ этой длинной шуткѣ: спасенный отъ петли Милостивый Государь дѣлаетъ столько проказъ, говоритъ столько глупостей, позволяетъ себѣ такія несообразности въ домъ нарѣченнаго дядюшки, что Лопуховъ, въ отчаяніи, готовъ бѣжать съ женой въ Америку и пишетъ въ поpxахъ письмо къ отвергнутому жениху племянницы съ изъявленіемъ согласія своего на самоскорѣйшій бракъ ихъ. Лишь-только письмо кончено, Милостивый Государь овладѣваетъ имъ и почтеннѣйше доводитъ до свѣдѣнія хозяина, что отвергнутый женихъ — самъ онъ. Плохая шутка благополучно оканчивается плохимъ куплетомъ.

Но, во всякомъ случаѣ, господинъ Бурдинъ можетъ ласкать себя мыслью, что все-таки лучше передѣлывать такія шутки, чѣмъ переводить такіе романы, каковъ нижеслѣдующій:

Двумужница. Романъ Поля Февала. (Москва, 1850, въ 12, четыре части.)

Знаете ли что это такое? Исторія каторжника и его жены!.... Мосѣ Полю Феваль рубить романы съ плеча: вымыслы свои онъ почерпаетъ въ изящномъ источникѣ архивовъ уголовного суда, преступленія — его музы, и интересное онъ знаетъ на свѣтъ только одно: семейные ужасы, мерзкіе и глупые случаи, происходившіе не въ примѣръ всемъ прочимъ случаямъ гдѣ-нибудь внѣ общества, внѣ человѣческой природы, внѣ обыкновеннаго порядку дѣлъ и повѣствовательнаго правдоподобія. Злостный банкротъ, воръ, мошенникъ, Клодъ Рамберръ, бывшій въ Калѣ значительнымъ и извѣстнымъ бакиромъ, осужденъ и сосланъ на каторгу. Молодая жена его Робертана, дочь нѣмецкаго музыканта Шварца и супруги его, Англичанка

ки, отправляются въ Парижъ, принявъ ложно англійское прозвище и званіе лондонскихъ артистокъ. Мисъ Робертина Рамбреръ красива и игрою своею на арфѣ волнуеъ весь дворъ Наполеона. Особенно и преимущественно влюбляется въ нее молодой наполеоновскій баронъ, Арманъ д'Озеръ, красавецъ, франтъ, любимецъ владыки Франціи, осыпанный имъ почестями и деньгами. Онъ предлагаетъ свою руку несравненной арфисткѣ. Предложеніе принято, и жена каторжника выходитъ замужъ за барона. Впрочемъ Робертина любила его и считала себя вдовою: въ газетахъ было напечатано подробное извѣстіе о гибели ея перваго супруга во время попытки его бѣжать изъ острога черезъ годъ послѣ заключенія. Но извѣстіе было ложно: каторжникъ не погибъ; онъ спасся, пробрался до Парижа и, послѣ возвращенія Бурбоновъ, занялся тамъ производствомъ фальшивой монеты съ наполеоновскимъ чеканомъ, укравъ нужныя для этого чеканные инструменты и интмпеля у барона Армана д'Озеръ, который утаилъ ихъ съ другою цѣлью, при паденіи императора, бывъ тогда однимъ изъ директоровъ монетнаго двора. Бѣглый каторжникъ успѣлъ даже вступить въ тайныя сношенія и свиданія съ бывшею своею супругой, баронессою, чтобы мстить барону. Подробности бездарнаго разсказу достойны этихъ основныхъ данныхъ.

Объ искусствѣ переводчика судите по двумъ слѣдующимъ примѣрамъ: бѣлаго каторжника, который не смѣеъ объявить своей фамиліи, называютъ по-французски *monsieur chose*; въ русскомъ переводѣ онъ является вездѣ *господиномъ Шозомъ*. Во Французскомъ Театрѣ давали бенефисъ въ пользу Флѣри: Тальма былъ прекрасенъ; Дюшенонъ *былъ чудесенъ!*....

Но читатели «Ваньки Каина», для которыхъ переведено и издано это замысловатое твореніе, не взыщутъ съ переводчика за такіе бездѣлицы.

Перейдемъ теперь къ оригинальнымъ твореніямъ.

Полное собраніе сочиненій Франца Майера, члена разныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Съ портретомъ автора. (Москва, 1850. въ 8.)

Почтенный Францъ Майеръ — я не знаю этого писателя, но полагаю, что онъ долженъ быть очень знаменитъ гдѣ-то далеко отъ

царства печатной словесы, въ тѣхъ миръ плодотворности, на волнѣхъ правосыяннн, въ добрыхъ дѣловодней мудрости, когда счелъ за нужное водвнгнути собственными руками монументъ своей знаменитости *полнымъ собраніемъ* ея твореній, — почтенный Францъ Майеръ сидитъ съ огромною налкою въ рукъ въ началъ этой почтенной книги и объясняетъ читателямъ, что *давно уже собирался собрать и издать свои труды*, да *затруднился только въ примѣканіи широкаго, сильнаго, всеобъемлющаго слова*, которымъ можно было бы начать такое собраніе. Наконецъ, гдѣ-то, въ *статьѣ одного почтеннаго автора*, встрѣтилъ онъ это рѣдкое слово, выражающее все нужное для полной и всеобщей пользы собранія. Это слово — *нѣмечина*. Значеніе его такъ велико, что почтенный Францъ Майеръ не беретса и самъ опредѣлить точный смыслъ благополучно открытаго рѣченія. Но онъ объясняетъ его примѣрами. И такъ, напримѣръ — сколько можно понять примѣры почтеннаго Франца Майера — если Нѣмецъ въ нѣмецкой сторонѣ, дѣлаетъ что-нибудь *дѣльное* и оно ему удастся, такъ это будетъ, просто дѣльное, а не нѣмецкое; но если Русскій, на Руси, захочетъ сдѣлать дѣльное, а выйдетъ вздоръ, то это будетъ *нѣмечина*. Да зачѣмъ далеко искать примѣровъ! говорить почтенный Францъ Майеръ: вотъ, напримѣръ, самъ я, говорить, писалъ много дѣльныхъ статей на Руси и по-русски; а пусть, говорить, кто-нибудь попробуетъ дѣйствовать такъ, какъ я *предлагалъ и предлагаю: выйдетъ чистая нѣмечина!*.....

Счастливъ авторъ, который, приступая къ изданію полнаго собранія своихъ писаній, нашелъ такое дѣльное слово для выраженія ихъ результата!

Послѣ такого вступленія, которое имѣетъ заглавіемъ — *О нѣмечинѣ вмѣсто предисловія* — почтенный Францъ Майеръ представляетъ первый томъ трудовъ своихъ и, прежде всего, забытое сочиненіе о сельской полиціи, изданное въ 1835 году. До перепечатанія этого творенія, онъ просмотрѣлъ его внимательно, чтобы убѣдиться, въ какой степени были справедливы возраженія и критики, къ которымъ подало оно поводъ со стороны опытныхъ сельскихъ хозяевъ со дня своего появленія. По надлежащемъ соображеніи дѣла, онъ нашелъ, что твореніе его дѣльно, а всѣ возраженія и критики — нѣмечина. Сочиненіе о сельской полиціи показалось ему такимъ полнымъ, такимъ совершеннымъ, что въ немъ рѣшительно нельзя измѣнить ни

«Опыт» строгий, и только не знает, отъ, отчего ему это такъ по-
дается: оттого ли, что съ ермиски изданія «Опыта» о сельской по-
лиціи онъ не занимался болѣе этими предметами и не имѣлъ слу-
чая дѣлать дѣланнымихъ усилковъ по этой части, или отъ
необыкновеннаго совершенства перваго опыта, что гораздо вѣрнѣе.
Вслѣдствіе чего, онъ перепечатывается «Опытъ» отъ слова до слова.
Послѣ «Опыта о сельской полиціи» идетъ разсужденіе о гласовод-
ствѣ, которымъ первый томъ и заключается. Авторъ отъ
занимался сорокъ лѣтъ.

При всей сельской наивности почтеннаго Франца Майера, я го-
товъ думать, что въ полномъ собраніи его сочиненій найдется много
дѣльнаго, несмотря на нѣмецкую формы и изложенія.

Настольная книга, или Экономическій портфель для го-
родскихъ и деревенскихъ хозяевъ и хозяекъ, заключающій въ
себѣ въ простомъ, ясномъ порядкѣ, правила, множество тайнъ,
секретовъ и улучшеній по всемъ отраслямъ хозяйства. (Москва
1850, въ-12.)

Простой, ясный порядокъ изложенія этихъ правилъ, тайнъ, се-
кретовъ и улучшеній, состоитъ въ томъ, что за способомъ откар-
мливать лошадей идетъ статья о приданіи горчицы лучшаго вкусу,
потомъ рецептъ для колбасъ, потомъ правила для составленія сур-
зучу, который, по системѣ автора «Настольной книги» принадле-
жить къ скотоводству, а тамъ описаніе новозобрѣтенныхъ печей,
вслѣдъ за которымъ — секретъ, какъ отличить соловья самку отъ
самца, и тайны артезіанскихъ колодезевъ. Въ томъ же простомъ,
ясномъ порядкѣ являются способы разводить махровыя розы и истреблять таракановъ, варить уху и лечить ужаленія пчелъ, со-
леть мяса и починивать паркетные полы, ловить раковъ и выводить
вятна изъ полотна.

Но самыя правила, тайны и секреты еще любопытнѣе этого про-
стаго, яснаго порядку. Способъ откармливать лошадей: поймай
живую лисицу и, снявъ съ нея, съ живой, коксу, высуши мя-
со, истолчи въ порошокъ, посылай имъ овесъ, и давай каждыи
день порцію. Способъ предохранять коровъ отъ падежа: поймай
живую лисицу и, снявъ съ нея кожу, мясо все высуши, истол-
чи въ порошокъ и давай каждой сметникъ по щепоткѣ съ лимъ

и динья. Способъ проращивать въ мажорскомъ водѣ, и во вѣдѣ
 другія года, садить, бобы, бобурцы, и прочее: проращивать въ прохлад-
 ную погоду чотырѣ часовъ семѣна въ водѣ или въ сафурѣ.
 приломъ унозу и посади въ гаршокъ, намыленный морковникомъ.
 Въ одинъ часъ растенія принимаютъ и въ чотырѣ часа времени
 совершенно вырастаютъ... Значитъ, способность вѣрить вздору
 превосходить въ чотырѣ разъ способность, когда такіе случаи
 мы находимъ писателей, издателей, читателей, покупателей!



НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

О Галликанской церкви въ настоящемъ ея устройствѣ. (Мо-
 ска, 1850). — Читатели французской исторіи найдутъ въ этомъ малень-
 комъ сочиненіи хорошее изложене такъ называемыхъ льготъ галли-
 канской церкви и отношеній правительства какъ къ папѣ, такъ и къ
 своимъ подданнымъ духовнаго чина. Авторъ придерживается исклю-
 чительно основаній нынѣ существующаго конкордата. Въ концѣ раз-
 сужденія находится бюджетъ французскаго духовенства, который,
 на 1851 годъ, простирается на сумму 38,051,850 франковъ, или
 9,500,000 рублей серебромъ, и ведомость о числѣ священниковъ и
 семинаристовъ во Франціи.



РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ Кіевѣ, господинъ Максимовичъ началъ издавать простран-
 ный «Сборникъ украинскихъ пѣсенъ», котораго первую часть мы
 уже видали въ Петербургѣ. Въ ней помѣщены двадцать такъ назы-
 ваемыхъ думъ малороссійскихъ, въ подлинникѣ, съ учебнымъ велико-
 руссійскимъ предисловіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что достоинства этого
 рода поэзіи, потому-что *поэзіей* называютъ въ такихъ случаяхъ вся-

кій безладный наборъ словъ сражающаго просторечія, могутъ быть открыты и оценены одними только туземцами. Другіе, безъособи мнотныхъ впечатлѣній и родныхъ воспоминаній, напрасно стараются примѣнить въ ней историческую важность или прелесть словеснаго искусства.

— Тамъ же, въ Кіевѣ, явилась въ свѣтъ первая часть собранія духовныхъ словъ, бесѣдъ и поученій, подъ заглавіемъ: *«Кругъ всенужныхъ праздниковъ Церкви»*.

=

VII.

С М Ъ С Ъ.

О ЗЕНДСКОМЪ ЯЗЫКЪ КНИГЪ ЗОРОАСТРА. *Статья первая.* Изученіе Востока составляетъ въ настоящее время особенную привлекательность, подобно тому какъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ было изученіе древняго міра. Въ этой, такъ мало извѣстной намъ странѣ съ каждымъ днемъ дѣлаютъ новыя открытія, добывая драгоценные остатки прошедшаго. Но всю страну обнимаетъ еще вѣковой мракъ; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появляются смѣлые изслѣдователи, и факелы ихъ виднѣются издали посреди этой ночи. Нѣкоторыя отблески ихъ сіянія освѣщаютъ постепенно одну точку за другой, и такимъ образомъ мало-по-малу разсвѣтаетъ день въ этихъ мѣстахъ. Должно только опасаться, чтобъ мы не испытали нѣкотораго головокруженія и ослѣпленія, вступивъ въ эту почти неизвѣстную страну, и не понеслись бы по ней скачками воображенія, вмѣсто того, чтобъ избрать большую дорогу изысканій. Въ Германіи уже строили не одну систему относительно Индіи, Игравы, Персіи, тогда какъ главные литературные памятники послѣднихъ двухъ странъ еще не переведены вполне; нѣкоторые изъ нихъ даже не напечатаны; нѣкоторые совоишь не существуютъ въ Европѣ. Теперь нужно только терпѣніе и обдуманность въ трудѣ; чтобы вѣдать вещи въ истинномъ свѣтѣ, должно ихъ искать тамъ, гдѣ онѣ въ-самомъ-дѣлѣ находятся

Труды Е. Бюруфа представляют явное доказательство истинности этой системы. Если мы узнаемъ что-нибудь точное о Зороастри, то будемъ обязаны медленному и точному изслѣдованію Бюруфа, который самымъ тщательнымъ образомъ разобралъ все элементы языка Зороастра; чтобы познаться съ его ученіемъ, конечно прежде нужно было познаться съ его языкомъ.

Имя Зороастра принадлежитъ къ небольшому числу восточныхъ именъ, прославленныхъ древними; но это прославленіе не можетъ намъ сообщить ничего точнаго о самомъ лицѣ, и о томъ религіозномъ преобразованіи, которое совершилъ онъ. Древніе говорятъ намъ, что религія Персовъ состояла въ поклоненіи огню и въ вѣрованіи въ два начала: это почти все, что мы узнаемъ отъ нихъ объ ученіи Зороастра.

Только въ однихъ книгахъ, приписываемыхъ Зороастру, можно узнать объ его ученіи. Мы сказали *приписываемыхъ*, потому что, если не все онъ, то по-крайней-мѣрѣ часть ихъ не могла быть написана самимъ Зороастромъ. Невозможно, кажется, чтобы Зороастръ былъ сочинителемъ воззваній, обращенныхъ собственно къ его лицу.

Но если эти книги не принадлежать совершенно Зороастру, а то онъ навѣрно содержитъ въ себѣ его ученіе.

Какъ бы то ни было, только онъ, или лучше, существующіе въ нихъ отрывки, написаны языкомъ, на которомъ нынѣ уже не говорятъ. Это зендскій языкъ, древне-персидскій идиомъ, сходствующій съ санскритскимъ; отъ него произошелъ новый персидскій языкъ. Чтобы дойти до нѣкотораго понятія о Зороастровой религіи, нужно было сперва найти зендскія книги, потомъ изучать зендскій языкъ, чтобы читать ихъ. Два Француза раздѣлили честь этого двойкаго завоеванія. Анкетиль-Дюперронъ (Anquetil-Duperron), въ прошедшемъ вѣкѣ, послѣ тысячи трудностей привезъ зендскій текстъ; а въ наше время, ученый, стоящій теперь въ Европѣ въ первомъ ряду восточныхъ изслѣдователей, господинъ Бюруфъ, началъ отъискивать зендскій языкъ. Этотъ подвигъ весьма важенъ, и читатель позволитъ намъ войти въ нѣкоторыя подробности по этому предмету.

Послѣ завоеванія Персіи мусульманами, ученіе Зороастра не было совершенно уничтожено. Нѣкоторые изъ этой секты остались въ Кирманѣ; нѣкоторые же, спустя сто лѣтъ послѣ мусульманскаго шествія, отправились въ Ормузь къ Персидскому заливу; послѣ раз-

личныхъ попытокъ утвердиться тамъ, они положили конецъ своему переселенію, пріютились на западномъ индѣйскомъ берегу въ Гузуратъ. Тамъ-то еще и теперь существуетъ остатокъ древней религіи Зороастра; тамъ Персы или Гебры сохранили свой законъ и свое служенію, не смотря на всѣ перевороты, бывшіе въ Индіи съ осьмагаго вѣка до нашихъ дней.

Съ теченіемъ времени, индѣйскіе Парсы (Parsis) потеряли Зороастровы книги; и только въ концѣ четырнадцатаго вѣка, они вновь получили ихъ: одинъ жрецъ принесъ ихъ изъ Персіи, гдѣ онъ охранялся.

Къ оригинальному тексту на зендскомъ языкѣ въ нихъ былъ присоединенъ еще переводъ на языкъ пеглевійскомъ. Этотъ послѣдній языкъ извѣстенъ весьма мало, знаютъ только, что въ немъ преобладаетъ семитическій элементъ, то-есть, элементъ, принадлежащій совершенно не къ тому семейству языковъ, къ какому принадлежатъ зендскій и санскритскій, къ семейству еврейскаго и арабскаго. Пеглевійскій языкъ, кажется, наследовалъ въ Персіи зендскому и предшествовалъ ново-персидскому. Нынѣ индѣйскіе Парсы понимаютъ пеглевійскій языкъ гораздо лучше зендскаго, и Зороастровы книги изучаютъ въ пеглевійскомъ переводѣ, не смотря на то, что онъ при самомъ началѣ написаны по-зендски. По собственнымъ словамъ Персовъ, все, сохраненное ими, составляетъ только двадцатую часть первообразнаго цѣлага; это одно лохмотье древняго устава Персіи.

Говоря о Зороастрѣ, нельзя не посвятить нѣсколько словъ тому, кто съ опасностью своей жизни доставилъ Франціи обладаніе этимъ памятникомъ и языкомъ, куда рывился проникнуть, чтобы разъяснить тайну, Бюрнуфъ, съ храбростью не менѣе рѣдкой, хотя въ другомъ родѣ.

Въ 1754 году, одинъ двадцати-двухъ-лѣтній юноша, безъ всякаго состоянія, съ однимъ стремленіемъ къ знанію, возымѣлъ мысль отправиться на Востокъ, искать Зороастровы книги, изъ которыхъ нѣкоторыя еще прежде были привезены въ Англію, и также индѣйскія Веды, извѣстныя Европѣ только по одному имени. Не имѣя ровно ни какихъ средствъ, чтобы отправиться въ Индію, молодой Анкетиль вздумалъ записаться солдатомъ въ войско, снаряженное въ Пондичеріи. Зимой, онъ отправился изъ Парижа, вмѣстѣ съ рекрутами къ порту Лоріену (Lorient); съ нимъ были между небольшимъ чи-

одежды, книги: «Королевская Библия», сочинения Монтана, (Montana), Шаррона (Charron), ящикъ съ математическими инструментами, дюрбангити, два платка и одна пара туфель.

Прибывъ къ Лоріону, онъ получилъ отвѣтъ со стороны министра. Тогда некоторые ученые, въ томъ числѣ и аббатъ Бартеlemi, трогутые его ревностью, выхлопотали ему пенсіонъ въ пятьсотъ ливровъ и большую сумму на переездъ въ Пондишери.

Въ Индіи, Анкетиль долженъ былъ бороться со всеми возможными затрудненіями и препятствіями. Онъ представилъ свое рекомендательное письмо губернатору французскихъ поселеній, и объяснилъ ему свои планы; но на все это, губернаторъ сказалъ — *«посмотрите»*, положить въ карманъ письмо его. Такимъ образомъ начало не было благоприятно. Анкетиль тогда довольно смутно блуждалъ между Ведами и Зороастровыми книгами, равно желая собрать ихъ и принести въ свое отечество. Безъ проводника, безъ руководства, безъ денегъ, не зная ни языка санскритскаго ни зендскаго, имѣя только одно сокровище и одну опору въ своей непобѣдимой волѣ, онъ бросился въ эти отважные поиски, подобно тѣмъ романтическимъ рыцарямъ, которые ходили на край свѣта завоевывать неизвѣстныя царства, или искать какую-нибудь царевну, приснившуюся имъ во снѣ. Онъ долженъ былъ бороться съ болѣзнями, которыя нѣсколько разъ доводили его до послѣдней крайности, съ различными обольщеніями, тѣмъ болѣе, что къ тому способствовали его возрастъ, личность, нравъ и климатъ Индіи; и послѣ всего этого Анкетиль долженъ былъ видѣть паденіе своихъ плановъ, въ слѣдствіе неудачныхъ военныхъ дѣятелій. Наконецъ клевета и оскорбленія напали на него въ то время, когда онъ, преданный своей родинѣ, среди различныхъ изученій, рисовалъ своей жизнью, отправясь по собственному побужденію искать у набоба помощи атакованному городу Шандернагору. Увлеченный безмысленными подозрѣніями, онъ отправилъ единъ пѣшкомъ въ Шандернагора въ Пондишери. Онъ долженъ былъ пройти четыреста лье отъ сѣвера къ югу, черезъ страну, никогда не переходивъ Кароиджемъ, рассчитывая въ тоже время почти на такую же дорогу съ юга на сѣверъ — чтобы достигнуть до Сурата и найти тамъ воспользователей и книги Зороастра.

Въ Суратѣ новыя затрудненія ожидали его со стороны парсидскихъ жрецовъ. Сначала они дали ему неподобный и искаженный текстъ въ

попытки текстъ Зороастра. Отъ нѣтъ онъ никогда не могъ получить сколько-нибудь основательнаго познанія въ вѣдскомъ языкѣ; между-тѣмъ какъ Бюрнуѣзъ изучая его совершенно одинъ, не вызывая нѣтъ Париза и не имея никакой другой помощи кромѣ своихъ соображеній и заключеній, извлеченныхъ изъ сравненія языковъ, научился болѣе, чѣмъ Анкетиль среди Парсовъ Сурата, слушая уроки знаменитаго побѣда, Дараба. Будучи нѣсколько разъ болѣвъ, и во время одного выздоровленія раненный среди бѣлаго дня двумя ударами шпаги и двумя саблѣ, Анкетиль продолжалъ свои занятія и изъясненія съ тѣмъ жаромъ, котораго ничто не могло умѣрить. Наконецъ онъ отправился въ Европу, взявъ съ собою часть Зороастровыхъ книгъ, сохранившуюся у Гебровъ; но еще до этого онъ сдѣлалъ переводъ ихъ, съ помощью истолкованій суратскихъ жрецовъ и ученыхъ Парсовъ. Корабль, везшій все эти богатства едва не погибъ; за тѣмъ послѣ опаснаго плаванія Анкетиль елихалъ на англійскій берегъ военнопленнымъ. Наконецъ 15 марта 1762 года онъ возвратилъ королевской библіотекѣ вѣдскій текстъ Зороастра, завоеванный цѣною столькож опасныхъ трудностей. Этотъ-то самый текстъ Бюрнуѣзъ увидѣлъ во всей его цѣлости. Переводъ Анкетилѣ, какъ увидимъ ниже, далеко неудовлетворителенъ. Но каковъ бы онъ ни былъ, обнаруженіе его, особенно пріобрѣтеніе текста, было безмѣрной заслугой для восточной словесности. Но тотъ, кому мы имъ должны, въ награду за свои труды, опасности и храбрость, былъ освященъ въ одной маленькой брошюркѣ; она написана весьма остроумно на французскомъ языкѣ и человѣкомъ, отъ котораго должно бы было ожидать болѣе основательнаго труда; это былъ знаменитый W. Jones, основатель азіатскаго общества въ Калькуттѣ.

Бюрнуѣзъ старался понять эти древнія книги Зороастра, и началъ издаваемъ ихъ; онъ наизюграфировалъ вѣдскій текстъ, для того, чтобы можно было его сравнить съ переводомъ Анкетилѣ; и такимъ-образомъ вызывалъ все усилія филологовъ къ объясненію этого драгоценнаго текста.

За тѣмъ онъ приступилъ къ работѣ; онъ избралъ Ясну нашу книгу жертвоприношенія, и началъ переводить ее. Такой переводъ книги, написанной на языкѣ, для котораго нѣтъ ни грамматикки, ни лексикона, могъ состоять только въ одномъ многотрудномъ истолкованіи, и результатомъ этого были два тома in-quarto, касающіеся

объясненія одной первой главы. Такимъ образомъ было возможно освѣтленіе новому изслѣдованію.

При переводѣ Ясны Бюрнуфу служили пособіемъ :

Изданный имъ зендскій текстъ; переводъ Анкетилля, сдѣланный сообразно съ тѣми истолкованіями, которыя дали ему на нем-версидскомъ языкѣ его суратскіе учителя, пользуясь сами исключительнымъ переводомъ. Наконецъ санскрито-варварскій переводъ, относящійся къ пятнадцатому вѣку, сдѣланный нѣкимъ Нериозенгомъ (Neriöseug) и также не съ зендскаго текста, а съ пеглевійскаго перевода.

Но самымъ полезнымъ пособіемъ въ смылѣмъ предпріятія Бюрнуфа, неоспоримо была аналогія, заключеніе, выведенное изъ сравненія языковъ того семейства, къ которому принадлежитъ языкъ зендскій, и особенно съ языкомъ санскритскимъ. Бюрнуфъ въ высшей степени одаренъ этой остроумной провицательностью, которая угадываетъ тайны загадочнаго образованія языковъ, и открываетъ законы, управляющіе ими.

Въ нашъ вѣкъ создана наука, которая замѣнила произвольные, основанные на догадкахъ и часто смѣшные этимологическіе выводы. Она, вмѣстѣ и анатомія и сравнительная фізіологія языковъ, проникаетъ анализомъ въ ихъ связи, въ ихъ постоянныя общія условія и условія частныя, измѣняющіяся отъ ихъ организаціи. Для нея языки — живыя существа, которыя имѣютъ свои собственныя формы; а случайныя измѣненія ихъ могутъ быть приведены къ постоянному типу; между этими существами; которыя рождаются, развиваются, погибаютъ по определеннымъ законамъ, существуютъ связи родства, и можно мѣрять его степень. У каждаго своя фізіономія, свои побужденія, своя антипатія, и даже, смѣемъ сказать, свой характеръ и свои нравы; такъ что можно предчувствовать, что сдѣлаетъ такой-то языкъ въ такомъ-то обстоятельствѣ, какую онъ приметъ форму и прочая, какъ будто бы рѣчь идетъ о живомъ существѣ, о какомъ-нибудь лицѣ. Такое изученіе языковъ имѣетъ весь интересъ изученія организаціи, и эта наука, по своей методѣ, если не по своему предмету, можетъ занимать мѣсто среди естественныхъ наукъ.

Ее создалъ великій германскій філологъ Якобъ Гриммъ своимъ удивительнымъ анализомъ языковъ германскихъ, давъ ему скромный титулъ *нѣмецкой грамматики*. Онъ строго опредѣляетъ основное единство всѣхъ этихъ нѣдомовъ и прослѣдилъ исторію ихъ разво-

образнаго развитія съ четвертаго вѣка до нашихъ дней. Онъ открылъ постоянные законы измѣненія буквъ; слѣдуя этимъ законамъ, такой-то идиомъ принимаетъ всегда такую-то букву, тамъ, гдѣ другой идиомъ отбрасываетъ ее и принимаетъ постоянно другую, соотвѣтствующую ей.

Такимъ-образомъ, когда данъ корень германскаго слова, можно почти угадать и построить слово верхне-нѣмецкое, нижне-нѣмецкое, саксонское, исландское, слово двѣнадцатаго или тринадцатаго вѣка, какъ для грамматическихъ формъ, такъ и для синтаксиса. Удивительное упрощеніе! Черезъ него языки одного и того же семейства, подобны нарѣчіямъ одного и того же языка; по известнымъ знакамъ, можно опредѣлить возрастъ каждаго изъ нихъ, какъ возрастъ растенія или животнаго. Наконецъ, судя по его настоящему составу, можно съ точностію дойти до его древняго состава, или угадать его будущее состояніе; точно такъ, какъ смотря на звезду въ небѣ, мы можемъ знать, черезъ какую точку прошла она, и какую линію еще опишетъ.

Это однажды открытое начало философскаго сравненія языковъ, приложенное въ большемъ размѣрѣ къ великому германскому семейству, должно было еще распространиться и объять большее число идиомовъ. Общее сходство древняго языка Индіи, санокритскаго, съ греческимъ и латинскимъ, и потомъ этихъ послѣднихъ съ языками германскими и славянскими, было доказано еще прежде простымъ сличеніемъ словарей и грамматикъ. Это дѣло начато было Фридрихомъ Шлегелемъ*, который первый въ девятнадцатомъ вѣкѣ обратилъ вниманіе Германіи на Индію; имъ же занимался и Вильгельмъ Гумбольдтъ**, раздѣлившій съ своимъ братомъ владычество надъ человеческими знаніями; Боппъ предпринялъ сдѣлать для всѣхъ индо-европейскихъ языковъ то, что Яковъ Гриммъ сдѣлалъ для языковъ германскихъ***. Наконецъ Датчанинъ Раскъ, подобно Анкетілю по своему предпріятію и отважности въ отыскиваніи Зороастровыхъ книгъ въ Индіи, одинъ изъ первыхъ положилъ камень въ основаніе философскаго сравненія греко-латинскихъ, германскихъ и славянскихъ язы-

* Ueber die Sprache und die Weisheit der Indier.

** Многіе важные мемоары, помѣщенные въ сборникъ Берлинской Академіи.

*** Vergleichende Grammatik.

ковъ*. Въ концѣ этого вѣка, почти всѣ европейскіе языки, включи- юще литературу, языки древніе и часть восточныхъ, вероятно, можно будетъ изучать, какъ одинъ языкъ...

Сравнительная грамматика Боппа обнимаетъ восемь языковъ, санскритскій, зендскій, греческій, латинскій, литовскій, древне-славянскій, готскій и древне-германскій. Послѣ грамматики нужно имѣть сравнительный лексиконъ. Сюда остается еще ввести кельтическія нарѣчія. Пикте (Piclet) своими недавними трудами нагляднымъ образомъ доказалъ ихъ право гражданства въ индоевропейской области.

Изысканія Бюрнуфа относительно Зороастрова языка стоятъ въ первомъ ряду филологическихъ трудовъ, отыскивающихъ общее единство и особенные законы языка вообще, отъ истоковъ Ганга до Исландіи.

Дѣйствительно, зендскій языкъ составляетъ важное звено въ этой огромной цѣпи, соединяющей Гималаи и Геклу; онъ составляетъ промежуточное кольцо между санскритскимъ и германскими языками; находясь въ братскомъ родствѣ съ древнимъ языкомъ брамновъ, онъ показываетъ намъ на свое происхожденіе и въ то же время содержитъ тайну многихъ санскритскихъ формъ, которыхъ санскритскій языкъ самъ по себѣ не можетъ объяснить. Кроме того зендскій языкъ еще любопытенъ относительно степени того развитія, до какого онъ достигъ во время Зороастра. Терпѣливымъ изслѣдованіемъ зендской азбуки, Бюрнуфъ дошелъ до слѣдующаго заключенія: «Все показываетъ намъ ядіомъ, остановившійся при своемъ развитіи въ тотъ моментъ, когда трудно бываетъ проникнуть въ языкъ, гдѣ всѣ элементы его организаціи вступаютъ въ игру между собою; дѣйствіе должно было бы соединить ихъ, и опредѣлить каждый, одинъ посредствомъ другаго, но вдругъ оно останавливается и оставляетъ свое дѣло неоконченнымъ.»

Прежде чѣмъ мы пойдемъ далѣе, покажемъ, какую методу употребилъ Бюрнуфъ въ своемъ «Толкованіи на Ясну». Въ подобномъ трудѣ метода столько же важна, какъ самый результатъ; здѣсь сама метода есть уже результатъ. Взявъ какое-нибудь зендское слово, чтобы опредѣлить его смыслъ, Бюрнуфъ сначала освобождаетъ корень отъ всѣхъ возможныхъ грамматическихъ измѣненій, и потомъ

* Undersoegelse om det gamle Norden eller islandske sprogs oprindelse, 1818.

сближать его съ сходнымъ кореннымъ санскритскимъ словомъ. Но онъ неудовольствовался этой обширною аналогіею корней, которая еще не доказала бы ничего, онъ долженъ былъ отыскать въ самой коренной формѣ частный характеръ зендскаго языка. Для него Бюрнуфъ сдѣлалъ то же, что сдѣлалъ Гриммъ для германскихъ нарѣчій; онъ открылъ особенные законы, по которымъ языкъ образуетъ свои слова, и сличеніе этихъ законовъ, свойственныхъ зендскому языку, служило для автора повѣркой его этимологическихъ операций. Французскій переводъ Анкетилля и санскритскій Періозенга, какъ мы сказали, сдѣланы съ пеглевійскаго языка и притомъ людьми, которые никогда не прибѣгали къ зендскому подлиннику; оба перевода часто наводили Бюрнуфа на общій смыслъ того или другаго мѣста, хотя и не могли привести его къ назначенной имъ цѣли, которая состояла въ строгомъ опредѣленіи смысла каждаго слова и грамматической силы каждой буквы. Этой цѣли можно достигнуть только сказанною нами методою, методою осязанія (tâtonnement); ея результаты имѣютъ тѣмъ болѣе цѣнности, что она занимается надъ болѣею массою текста, и объясненіе одного слова, употребленнаго въ одномъ мѣстѣ, подтверждается тѣмъ смысломъ, какъ представляется это же слово въ другомъ мѣстѣ. Бюрнуфъ превосходитъ въ своихъ осторожныхъ изысканіяхъ; съ нимъ точно присутствовалъ на химическомъ опытѣ, производимомъ искуснымъ человекомъ.

Бюрнуфъ показалъ особенно поразительное сходство зендскаго языка съ древнѣйшимъ санскритскимъ, съ языкомъ Ведъ, и это есть одинъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ труда его. Теперь мы видимъ, что зендскій языкъ не сынъ, а братъ санскритскаго. Тоже самое можно сказать и о многихъ другихъ языкахъ великаго индо-европейскаго семейства; такъ напримѣръ латинскій не происходитъ отъ греческаго, и ни тотъ ни другой не происходятъ отъ санскритскаго, но все эти языки составляютъ отрасли одной вѣтви. На латинскомъ языкѣ есть формы древнѣе соответствующихъ имъ санскритскихъ формъ; въ этомъ случаѣ народы какъ и языки: Латинцы, Готы, Персы не происходятъ изъ Индіи, а вмѣстѣ съ самими Индійцами имѣютъ одну общую, хотя и неизвѣстную колыбель.

Совершая свой путь, Бюрнуфъ встрѣчалъ любопытныя словопроизводства, исторію словъ, которыя составляютъ исторію идей.

Часто глубокое изученіе зендскаго или санскритскаго слова бросаетъ неожиданный свѣтъ на начало и первообразную силу греческаго или латинскаго слова.

Труды Бюрнуфа надъ зендскимъ языкомъ, составляли бы сами по себѣ образецъ аналитической тонкости, дѣлая большой шагъ въ сравнительномъ и философскомъ изученіи языковъ; но кромѣ своего существеннаго достоинства, они повели автора и къ другимъ счастливымъ открытіямъ.

Знаніе зендскаго языка уже бросаетъ драгоценный свѣтъ на нѣкоторыя точки древней географіи Востока. Посредствомъ производствъ мѣстныхъ именъ Бюрнуфъ опредѣлялъ протяженіе и границы Аріи, то есть, страны, которую занимали при самомъ своемъ началѣ языкъ и религія Зороастра; такимъ-образомъ онъ начерталъ, такъ сказать, филологическимъ способомъ историческую карту.

Путь, предпринятый Бюрнуфомъ, длиненъ, но за то вѣренъ; чтобъ разобрать какую-нибудь книгу, нужно прежде прочесть ее, а чтобъ научиться читать, нужно прежде складывать буквы. Бюрнуфъ имѣлъ отвагу начать съ самаго начала, что дѣлаетъ ему большую честь. Должно прежде отворить дверь, чтобъ войти въ домъ; тотъ, кто захочетъ сдѣлать иначе, разобьетъ себѣ черепъ о стѣну.

Во многихъ мѣстахъ Бюрнуфъ ясно показалъ, что настоящій смыслъ замѣненъ въ переводѣ Неріозенга смысломъ грубо-буквальнымъ и матеріальнымъ; конечно это было такъ уже и въ пехлевійскомъ переложеніи, съ котораго Неріозенгъ снялъ чистый слѣпокъ; персскіе переводчики дѣлали изъ существъ отвлеченныхъ, существа дѣйствительныя. Наконецъ Бюрнуфъ, показывая сходство нѣкоторыхъ персидскихъ наименованій съ соответствующими имъ санскритскими, представляетъ любопытное отношеніе между Зороастровой религіей и древней религіей браминовъ. Это отношеніе соответствуетъ тому, которое открылъ онъ между языками зендскимъ и древне-санскритскимъ книгъ Веды. Онъ приводитъ насъ къ тому времени, когда еще не послѣдовало раздѣленія обояхъ языковъ, обояхъ религій, того и другаго народа, до самаго ихъ древнѣйшаго начала.

Но мы еще не сказали о самомъ важномъ приложеніи, которое сдѣлалъ Бюрнуфъ изъ своего открытія. Знаніе происхожденія и законовъ зендскаго языка много помогло ему въ одномъ трудномъ предпріятіи — это прочесть надписи, собранныя въ Хамадъ и, въ древ-

ной Экбатанъ ; азбука ихъ похожа на азбуку персепольскихъ надписей. Только лѣтъ за сорокъ назадъ, какъ начали разбирать эту странную азбуку ; она известна подъ именемъ клинообразной (гвогдеообразной), потому что каждая буква составлена изъ нѣсколькихъ нарубокъ, представляющихъ видъ клина. Этотъ родъ письма находится на великолѣпныхъ персепольскихъ обломкахъ и на гигантскихъ развалинахъ Вавилона. Имъ покрыты вавилонскіе кирпичи и памятники, которые вѣроятно оно объясняетъ. Когда совершенно разберутъ эту азбуку, тогда, можно предполагать, мы проникнемъ въ нѣкоторыя званія Халдеевъ. Когда прочтется все написанное на кирпичахъ храма Бамы, въ которомъ думаютъ видѣть вавилонское столпотвореніе, тогда мы узнаемъ, что думали ея строители.

До-сихъ-поръ известны три такихъ азбуки, составленныя изъ одного и того же начала, клина ; онѣ разнятся между собою, въ бѣльшей или меньшей степени, свойствами буквенныхъ изображеній, образующихъ клинъ : повторяются и ставятся въ различномъ положеніи. Изъ нихъ только одну надвѣются разобрать въ настоящее время ; но какъ тѣ же самыя начертанія часто повторяются во всѣхъ трехъ азбучныхъ системахъ, то, по справедливости можно надвѣяться, что чтеніе одной поведетъ къ прочтенію другихъ, такъ какъ розетская надпись навела на путь къ истолкованію іероглифовъ.

Объясненія Бюрнуфа, относящіяся къ клинообразной азбукѣ гораздо полнѣе и удовлетворительнѣе всѣхъ предшествовавшихъ объясненій ; эта азбука принадлежитъ персепольскимъ памятникамъ ; а языкъ ея необходимо долженъ быть тотъ, на которомъ говорили въ Персіи во времена ихъ построенія. Теперь повѣстно, какую пользу принесли Бюрнуфу его труды надъ зевдскимъ языкомъ, когда онъ попытался разобрать надпись. Узнавъ языкъ, онъ могъ болѣе чѣмъ кто другой воспользоваться этой находкой, чтобы сдѣлать другое открытіе : на пути званія не теряется ни одинъ шагъ, и достигнутая цѣль всегда служитъ точкой исхода для другой дальнѣйшей цѣли. Чтобы оцѣнить прогрессъ, сдѣланный Бюрнуфомъ въ изслѣдованіи персепольской азбуки, необходимо бросить бѣглый взглядъ на усилія, произведенныя прежде него по этому пути.

Первый шагъ не былъ счастливъ. Въ 1803 году Лихтенштейнъ издалъ систему совершеннаго истолкованія. Ничего тамъ не было пропущено ; все было объяснено безъ затрудненія и безъ запинанія. Но къ

несчастію онъ началъ съ той мысли, что направлено въ которой разбираемыхъ имъ буквъ расположено, какъ у Евреевъ, отъ правой руки къ левой, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, буквы идутъ на оборотъ подобно нашимъ. Эта одна ошибка одвѣдала бесполезнымъ весь трудъ его. Что можно сказать о такомъ человѣкѣ, который, желая разобрать трудное писмо, будетъ читать все слова наизуотъ? Другіе ученые, какъ напримаръ константинопольскій епископъ Монтеръ или Тихсенъ (Tychoesen) дѣлали также попытки, болѣе остроумныя, но все-таки не рѣшили ничего. Наконецъ Гротендъ открылъ поприще одною изъ тѣхъ чертъ счастливаго остроумія; сильной догадки, которыя играютъ весьма большую роль въ исторіи человѣческихъ открытій. Гротендъ подошелъ къ персепольскимъ надписямъ, не зная ни ихъ языка, ни азбуки; и вотъ какимъ образомъ принялся за дѣло. Онъ сказалъ самъ себѣ: какой бы ни былъ незнакомый мнѣ почеркъ, только на чемъ же могъ бы вертѣться смыслъ находящихся передо мною надписей? На новѣйшихъ намятникахъ находили надписи на пехлевійскомъ языкѣ въ подобныхъ словахъ: такой-то царь сынъ такого-то царя. Отчего тоже самое не можетъ находиться и въ моихъ клинообразныхъ надписяхъ? думалъ Гротендъ. И счастье оправдало его предположеніе. Безъ него еще можетъ быть искали бы и теперь ключъ къ персепольской азбуцѣ. Далѣе онъ думалъ: если это персидскій царь сынъ другаго персидскаго царя, то можетъ быть это Камбизъ, сынъ Кира. Но, по разумномъ размышленіи, онъ скоро отказался отъ этого предположенія: въ такомъ случаѣ оба неизвѣстныхъ слова должны бы были начинаться однимъ начертаніемъ (слово Камбизъ и Киръ начинаются одною и тою же буквою). И такъ надпись не могла относиться къ Камбизу сына Кира, но она можетъ выражать Кееркса сына Дарія. Судьба хотѣла, чтобъ это было такъ, и благодаря смѣлости, проницательности и счастью, Гротендъ нашелъ тоже самое число буквъ, какое составляютъ оба собственныхъ имени Кееркса и Дарія. Онъ справедливо думалъ, что надпись была написана на эондскомъ языкѣ, но имѣя только одно пособіе въ маленькомъ, весьма не полномъ словарѣ Анкетіля Дюперрона, онъ могъ опредѣлить лишь нѣсколько буквъ. И такъ первый шагъ былъ одѣланъ и рано или поздно замысловатое открытіе Гротенда должно было совершиться и исполниться. Это не заставило себя долго дожидать. Въ 1823 году Сентъ-Маръ

титу (Saint-Martin) пришлось на обязанности профессора Гротендумъ; его разнообразныя занятія и оригинальный умъ могутъ быть основаны только поодиножю възхъ его помертвыхъ произведений. Но не смотря на свою удивительную проницательность, умный Французъ оставилъ задачу почти въ такомъ же положеніи, какъ и нашелъ ее; онъ направилъ некоторыя списки Гротендума, но самъ сделалъ другія. Однако не доставало имъ обихъ для рачительнаго задания — это точнаго перевода языка надписей. Больше изъ зналъ по-зандски Датчанинъ, Роскъ, и онъ подкинулъ вопросъ, отъ какихъ буквъ М и Н, которыми прежде него принимались за гласныя; черезъ это открытіе слѣда и особенно ихъ окончанія болѣе опредѣлились. Наконецъ Бюрнуэ, знатокъ зандскаго языка, изучившій закомы его организма, тайну его окончаній, открылъ еще двенадцать буквъ, такъ что моль уже переписать и перевести двѣ надписи, и во всемъ этомъ нельзя не видать правдоподобія.

Остается только решить споръ о немногомъ числѣ буквъ. Лассенъ, занимаясь въ Боннѣ тѣми же изысканіями, дошелъ до результатовъ, которые, разоглася только въ некоторыхъ пунктахъ съ Бюрнуэомъ, согласны съ нимъ въ большемъ числѣ случаевъ. Все доказываетъ, что наконецъ можно достигнуть до познанія этой таинственной персепольской азбуки, и даже теперь можно думать о прочтеніи ассирійскихъ и вавилонскихъ надписей. Когда Бюрнуэ издастъ зандскія лексиконъ, то сделаетъ для Зороастровою религіи болѣе верхъ жрецовъ и мабедовъ Гузурага и Кирмана.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЕГИПТУ. *Верхній Египетъ.*

Первая станція за Фивами на разстояніи около двухъ мѣ есть *Гермонтисъ*. На пути къ нему мы проехали мимо храма, который въ запискахъ египетской экспедиціи называется *храмомъ построеннымъ на концѣ гипподрома*. Корридоръ, къ которому примыкаютъ боковыя часовни, ведетъ въ храмъ. Архитектура времени императоровъ. Здѣсь Шамполионъ нашелъ іероглифы, изъ которыхъ составлено имя Оттона, царствовавшаго такъ не долго. Кажется этого имени болѣе нигдѣ не находили. Въ одномъ изъ угловъ того же храма, Лелюсье проналъ имена другияхъ императоровъ, какъ-то Галлы, Вителія и Деція: имя послѣдняго — самое позднѣе изъ именъ,

императоровъ, которыхъ существованіе подтверждается египетскими памятниками.

Оставивъ храмъ вправо, мы скоро достигли большой площади, окруженной валликами; эту площадь египетская коллегія называетъ гипподромемъ. Шамполлионъ предполагаетъ, что это было поле, постоянно занятое войсками, составленными египетскій гарнизонъ и гвардію Фароновъ. По мнѣнію Вилкинсона, это было священное озеро, которое проходили мертвые, чтобы достичь мѣста своего погребенія, какъ то и видно изъ изображеній похороненныхъ процессій, — это озеро, бывшее, какъ кажется, типомъ греческаго Ахерона, мысль о которомъ должна была родиться въ народѣ, часть года живнаго такъ связать на водѣ.

Длинное шоссе привело насъ въ Гермонтисъ. Главнѣйшій памятникъ въ Гермонтисѣ, есть храмъ, посвященный Клеопатрою богу Мѣнду и богинѣ Риво. Мѣнду былъ богъ-покровитель Гермонтиса подобно тому, какъ Аммонъ въ Эмбахъ. Въ маленькомъ храмѣ, мимо котораго мы проѣхали, отправляясь изъ Эмвъ, который находится на предѣлахъ двухъ округовъ, тоже поклонялись обоимъ этимъ божествамъ. Такимъ-образомъ мѣстные божества одной провинціи (нома), подавали дружелюбно руку божествамъ ближайшей къ ней провинціи и, такъ сказать, были ихъ соседями. Храмъ въ Гермонтисѣ производитъ пріятное впечатлѣніе. Непосредственно подлѣ него возвышаются, на подобіе купола, бѣлыя кущи сантоновъ (santon) и пальмовыхъ деревъ. Голуби цѣлыми тысячами летаютъ и кружатся около куполовъ или длинными рядами садятся на архитравахъ. Впечатлѣніе, которое здѣсь чувствуешь не есть то онемѣніе, въ которое впадаешь при видѣ развалинъ въ Карнакѣ. Эти развалины имѣютъ что-то граціозное и совершенно подходятъ къ воспоминанію о Клеопатрѣ.

Во внутренности храма насъ ожидало печальное зрѣлище: тамъ устроена темница. Насъ тотчасъ окружили печальныя лица, въ которыхъ выражалось терпѣніе и покорность судьбъ. Я не имѣлъ тогда времени заняться разборемъ іероглифическихъ надписей начертанныхъ на стѣнахъ храма; а жаль, потому что, кажется, онъ любопытенъ. Вообще міеологія временъ Птолемеевъ и императоровъ римскихъ гораздо сложнѣе, чѣмъ міеологія временъ фараоновъ. Они въ особенности представляютъ много не разрѣшенныхъ проблемъ и не разгаданныхъ загадокъ

Углубленіе, сдѣланное недавно на некоторомъ разстояніи отъ храма, обратило мое вниманіе. Тутъ вырыли древніе обломки для постройки моста. Это углубленіе сдѣлано не болѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ, потому что путешественники, бывшіе здѣсь передо мною, не говорятъ о немъ; къ счастью я замѣтилъ его. Я нашелъ тамъ остатки зданія, на фундаментъ котораго были употреблены камни, на которыхъ были іероглифы не испорченныхъ временъ Клеопатры, но прекрасные іероглифы вѣка Тутмосиса. На одномъ изъ камней я нашелъ имя Тутмосиса Третьяго. Съ помощію искаженныхъ отрывковъ, я прочелъ іероглифическое посвященіе богу Мѣсунду, это доказываетъ, что уже при Фараонахъ осемнадцатой династіи, здѣсь существовалъ храмъ въ честь этого божества, и что этотъ храмъ доставилъ матеріалы зданію новѣйшему, которое теперь разрушено. Слѣдовательно во всю эпоху поклоненіе богу Мѣсунду было въ Гермонтисѣ. Зданіе, на постройку котораго былъ употребленъ древній храмъ, вѣроятно относится ко времени Антонинновъ; по-крайней-мѣрѣ на обломкѣ одной колонны я нашелъ имя Адріана, написанное *Adrianos*. И такъ два имени возобновляютъ въ памяти нашей два памятника. Пришедши на мое судо, я любовался на луксорскую колонаду, которая, подрубленная заходящимъ солнцемъ, отражалась въ Нилѣ.

Большой храмъ въ Эснѣ, который по причинѣ своего зодіака, повсюду храму въ Дендерахъ, считался однимъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ Египта, не восходитъ далѣе временъ Птоломеевъ и римскихъ императоровъ. На стѣнахъ его читаешь имена многихъ изъ нихъ, начиная съ Клавдія до Каракаллы. Іероглифическая орфографія этихъ именъ, то-есть переменное употребленіе то того, то другаго знака для выраженія соответствующаго ему звука, здѣсь представляетъ много интереснаго для изслѣдователя, потому что доставляетъ много удовольствія узнавать имя одного и того же императора, писанное различнымъ образомъ, и этимъ синонимическимъ сходствомъ буквъ можно дойти до знанія произношенія употребленныхъ знаковъ. Такъ я нашелъ слогъ *то* въ имени Антонина, изображенный *парусомъ*, это іероглифъ, котораго смыслъ довольно ясно видѣнъ изъ его формы, но произношеніе его, кажется, было неизвѣстно. Отъ такого рода наблюдений съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе будетъ представляться возможность определять смыслъ и звукъ. соответствующій каждому іероглифу

Храмъ въ Эфесе могъ бы произродить большое впечатление. Архитектура его прекрасна; портикъ его совершенно сохранился, былъ, недавно разрушенъ по приказанію пашы; но онъ представляется, какъ бы провалившимся въ яму. Что касается до стѣн скульптурныхъ украшеній и іероглифовъ, то онѣ очень грубы, въ особенности въ римской части. Здѣсь, какъ и въ Дендерахъ, видно на скръдьку кратъ архитектура сохранила лучше чѣмъ скульптура вѣдѣніе о древнемъ совершенствѣ. Первое изъ этихъ искусствъ подвергнулось вліянію греческому, которое, придавъ ему болѣе легкости, нѣсколько не уменьшило его величія. Что касается до скульптуръ, то странно, что вліяніе Греціи сдѣлало ее варварскою.

Яркость и изобиліе свѣта здѣсь ни съ чѣмъ несравнимы, даже болѣе чѣмъ въ самой Греціи и Іоніи. Розовая краска утренняго зѣба, жгучій пурпуръ, золотистый цвѣтъ солнца, заходящаго на береги Иліа, превосходятъ всѣ прелестныя и сильно поражающіе эффекты свѣта въ Афинахъ и Смирнѣ. Это уже не Европа, не Малая Азія — это Африка. Солнце здѣсь не лучистое, свѣтъ его повсемѣтенъ; земля, не только что въ изобиліи согрѣта дневнымъ свѣтиломъ, она, такъ сказать, вопирается имъ. Вотъ почему солнце, подъ именемъ Аммонъ-ра, Озириса, Горуса, было главнымъ божествомъ этой страны. Стоитъ только пріѣхать въ Египетъ, даже въ январѣ мѣсяцѣ, и всякое сомнѣніе, что религія египетская была религія солнца, уничтожается. *Блескъ ночи* еще необыкновеннѣе, чѣмъ дневной свѣтъ. Болъ Расинъ, сынъ, никогда не выезжавшій изъ Франціи, могъ, сославшись на Гомера, употребить выраженіе, *блестящая ночь*, и можетъ быть имѣю право говорить здѣсь о сияніи ночей египетскихъ. Мы проводимъ длинныя вечера, которые здѣсь происходятъ отъ близости тропиковъ, созерцая звезды. Мы видимъ созвездіе, которое дѣлалъ перо одного александрійскаго поэта, а именно Каллимаха, назвавъ *односамы Вереники*. Звезды, составляющіе это созвездіе, кажутся начертывають на себѣ это имя Вереники, которое мы такъ часто уже читали на памятникахъ, блестящими и незгладимыми іероглифами. Мы любимъ всегда видѣть передъ собою *Канона*, эту гро-

* Такъ въ санскритскомъ языкѣ слово *радж*, ночь (Rajāna, XXIV, 1, назаніе Герезія), кажется, происходитъ отъ корня *радж*. Для Иліа это понятво.

двигнуто въздонку, всидитую во Франкии, которой блескъ почти равнъ блеску Сатурна. Полярная звезда возшла на горизонтъ. Новые звезды, новый видъ неба еще болѣе чѣмъ чуждая земля даютъ чувствовать отдаленность милаго отечества. Скоро мы увидимъ Южный Крестъ. Это свѣтило другаго полунарія, которое у Данте оозвѣщаетъ таинственные входы въ рай.

Если Озирисъ, который имѣеть своимъ іероглифомъ глаза надъ треномъ, есть богъ солнца, то Изида, носящая на головѣ вкругъ съ другою четвертью луны, есть именно луна — это безъсомнѣнія. Кажется горизонтальный вругъ звезды есть челюсть богини.

Настоящее народонаселеніе береговъ Нила имѣеть своимъ корнемъ болѣе или менѣе чистое древнее народонаселеніе Египта. Языкъ феллаховъ есть языкъ арабскій, по они собственно не Арабы ни по физическому образованію, ни по характеру. Они все еще Египтяне, крайней-мѣрѣ сохранили еще много египетскаго. Часто, въ особенности въ женщинахъ, я видѣлъ образцы маленькихъ статуй, находимыхъ въ гробницахъ, которыя суть портреты древнихъ обитателей Египта. Одежъ погонщикъ ословъ имѣлъ совершенно профанъ Сезестриса. Египетское племя, кажется, произвело съ одной стороны феллаховъ, съ другой Коптовъ*. И ты и другіе въ разныхъ случаяхъ напоминають древнихъ Египтянъ. Это два видоизмѣненія одного и того же типа, происшедшія при различныхъ обстоятельствахъ и отъ разныхъ смѣшеній, которыхъ многія составныя части языкъ неизвѣстны, но элементъ арабскій вошелъ туда въ чрезвычайно маломъ количествѣ. Но каково было древнее племя египетское, что это за племя? Теперь уже оставили мнѣнію, что это было племя вогрское**. Всего вѣроятнѣе кажется то, что оно рано измѣнилось отъ соотворенія съ народонаселеніемъ египетскимъ. Такимъ-образомъ можно объяснить некоторыя черты лица фараоновъ, и выраженіе Геродота, который говоритъ о Египтянахъ, что цвѣтъ лица ихъ чер-

* По крайней мѣрѣ ученый докторъ Пруверъ придерживается этого мнѣнія (die Ueberbleibsel der alten Aegyptischen Menschenrace).

** Блуменбахъ, Кювье, Семмерингъ, доктора Leach, Мортонъ и другіе занимались собраніемъ египетскихъ череповъ и ихъ результаты совершенно сходны въ томъ, что сочетаніе костей въ головахъ нушіи приближается къ кавказскому типу.

ный и волосы курчавые. Чѣмъ выше поднимаешься по Нилу, тѣмъ болѣе находишь сходства между теперешнимъ береговымъ народонаселеніемъ и древнимъ племенемъ, какъ его представляютъ памятники и какъ оно сохранилось въ муміяхъ. Каллію, путешествуя по верхней Нубіи, безпрестанно поражается этими сходствами. Ларри нашелъ черепы мумій чрезвычайно схожими съ теперешними Нубійцами. Это достаточно подтверждаетъ общее мнѣніе, по которому египетское племя вышло изъ Еѳіопіи и шло внизъ по теченію Нила. Я очень охотно допускаю справедливость этого мнѣнія; но слишкомъ далекъ отъ того, чтобы заключить, какъ то многіе думали, что образованность египетская шла тѣмъ же путемъ и, вышедъ изъ Еѳіопіи, достигла Нижняго Египта. Совершенно напротивъ: образованность египетская, по моему мнѣнію, шла вверхъ по теченію Нила. Мемфисъ предшествовалъ Фивамъ. Такъ напримѣръ памятники въ Еѳіопіи, ирмиды Мероэ, которые считали первоначальнымъ типомъ египетскихъ пирамидъ, оказались несравненно позднѣйшими памятниками; время ихъ построенія опредѣляется никакъ не древнѣе греческой эпохи. И такъ Египетъ населялся съ юга, а образованность получалъ съ сѣвера. Это безъ всякаго сомнѣнія. Корень народа и его разрожденіе два обстоятельства, совершенно различныя. Въ Греціи Пеласги и Эллины пришли съ сѣвера, а между тѣмъ образованность греческая прежде началась на югъ, — съ другой стороны образованность, свойственная племенамъ скандинавскимъ, достигла своего полного развитія на западной оконечности Европы въ Исландіи, между тѣмъ какъ эти племена шли съ востока.

Первое что поражаетъ взоры путешественника, приближающагося къ городу Эль-Кабу, древней Эллией, это его ограда, совершенно сохранившаяся. Ограда эта построена изъ кирпича и представляетъ четырехугольникъ, окружавшій древній городъ, отъ котораго остались только ветхія развалины. Это обстоятельство совершенно противуположно тому, что видишь въ Фивахъ, гдѣ сохранились огромныя памятники, а ограда обрушилась. Поэтому Эллией можетъ, тѣмъ сказать, дополнить то чего недостаетъ въ Фивахъ.

На некоторомъ разстояніи отъ города видишь погребальныя ниши, семейныя могилы, которыхъ стѣны покрыты живописью и надписями. На одной изъ этихъ могилъ Шамполіонъ прочелъ надпись, которую земледѣлецъ обращаетъ къ воламъ своимъ, и которая есть,

разумѣется, самая древняя пьеса, намъ известная. На картинахъ, писанныхъ на этихъ гротахъ, я замѣтилъ то, что весьма часто встрѣчалъ и въ другихъ мѣстахъ, что цвѣтъ мужчинъ красный, а цвѣтъ женщинъ желтый или розовый. Очевидно, что все это условное, но, я думаю, что живописецъ хотѣлъ этимъ выразить, что кожа женщинъ, мезе подвергающаяся вліянію солнца чѣмъ кожа мужчинъ, не имѣетъ столько яркаго цвѣту. Цвѣтъ болѣе блѣдный, кажется, былъ принадлежностью высшаго класса общества, подобно какъ въ Индіи, гдѣ высшія касты пишутся цвѣтомъ болѣе свѣтлымъ, чѣмъ низшія; Несторъ л'Отъ уже замѣтилъ это въ отношеніи къ сыновьямъ Сезостриса, а д'Артигъ нашелъ на кладбищѣ въ Фивахъ двѣ маленькія жемскія ноги, имѣвшія аристократическую невжность и удивительную бѣлизну.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ изученія жизни древнихъ Египтянъ въ этихъ жилищахъ смерти, разединенія семействъ, которыя ихъ вырыли для своего сна, познакомившись, такъ сказать, между этими надгробными картинами и надписями съ мертвыми, которыхъ изображенія сопровождаютъ ихъ именами, извѣстіемъ о родѣ занятій, степени родства, связяхъ; пробывъ такимъ-образомъ въ созерцаніи этихъ древностей, такъ прекрасно сохранившихся, можно сказать въ созерцаніи настоящаго, мы съѣли на нашихъ оловъ и продолжали удалаться отъ рѣки вдоль по голой равнинѣ. Остановившись нѣсколько, чтобы посмотреть на два маленькіе храма, изъ которыхъ одинъ построенъ Сезострисомъ, а другой однимъ изъ Птолемеевъ, мы къ вечеру пріѣхали къ одному прекрасному зданію, какъ и всѣ, которыхъ архитектура относится къ славной эпохѣ Тутмосисовъ и Аменофисовъ.

Аменофисъ-Третій, котораго Греки смѣшивали съ Мемнономъ,¹ и который изображенъ въ видѣ двойнаго колосса, находящагося въ египетской равнинѣ, Аменофисъ этотъ представляется здѣсь приносящимъ жертву мѣстной богинѣ * и своему отцу, который, какъ часто тоже случается, причисленъ къ числу божествъ. Я списалъ большую часть надписей, начертанныхъ на стѣнахъ этого храма, которыя еще не были собраны вмѣстѣ, но вполнѣ того заслуживаютъ; картины, находящіяся

* Богиня Советъ, которая была покровительницею разрѣшеній отъ бремени, въ слѣдствіе чего Греки называли и городъ Элмоіею.

Здѣсь, тоже должны были бы быть сняты съ вслѣдующимъ трудомъ, потому что въ нихъ есть очевидные признаки поправокъ и значительныхъ прибавленій (приписокъ). Такого рода поправки встречаются на многихъ памятникахъ Египта и Нубии, и кажется, относятся къ какому-нибудь религиозному и политическому перевороту, который точно связанъ съ поклоненіемъ богу Амону и съ именемъ Амоса-са-Третьяго, имя, въ которое входитъ также имя помянутого божества. Это обстоятельство очень любопытное для изслѣдователя. Я ограничусь описаніемъ храма лежащаго къ западу отъ Элмеи, который представляетъ самые поразительные и меньше всего обработанные образцы поправокъ въ некоторыхъ картинахъ и картушей другими картинами и картушами.

Большой храмъ въ Эдеу есть одинъ изъ самыхъ поразительныхъ египетскихъ развалинъ; путешественнику, поднимающемуся по Нилу, два огромные столба составляющіе гигантскія ворота, кажутся башнями собора.

Оба храма въ Эдере, по времени построенія не восходятъ дѣле времени Птолемеевъ; большой храмъ есть одинъ изъ самыхъ поразительныхъ и величественныхъ памятниковъ Египта. Здѣсь греческій вкусъ не придалъ болѣе легкости пропорціи колоннъ, какъ-то видимъ въ Эоне. Напротивъ, египетская архитектура сдѣлалась болѣе громадною и сложною, чѣмъ во времена фараоновъ. Если хотите видѣть типъ этой архитектуры, какъ его обыкновенно себя представляютъ, то взгляните на большой храмъ въ Эдеу, и этотъ храмъ именно не принадлежитъ къ эпохѣ египетской архитектуры. Приближаясь къ нему, видите двѣ громадныя колонны, совершенно сохранившіяся и на нихъ изображеніе царя, держащаго въ лѣвой рукѣ за волосы толпу побѣжденныхъ, которыхъ онъ хочетъ ударить правою рукою. Это одинъ изъ Птолемеевъ, который изображенъ въ этомъ положеніи, основанномъ на преданіи, съ каинимъ весьма часто изображаются цари-завоеватели девятнадцатой династіи; кажется, этотъ Птоломей подражаетъ Сезострису. Прежде думали, что эти изображенія указываютъ на принесеніе человеческихъ жертвъ у древнихъ Египтянъ; но это ошибка. Царь, замахнувшійся палицею, пльнныя, простертыя передъ нимъ и схваченныя его мощною рукою за волосы, представляютъ иероглифическую группу, выражающую въ общирномъ смыслѣ,

идею о безусловной покорности побѣдителя, о правѣ на жизнь и смерть, которыми онъ былъ облеченъ и болѣе ничего.

Дворъ, окруженный перистилемъ, къ несчастію почти весь загроможденъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, огромныя капители кажутся выходящими изъ земли и распускающимися на поверхности ея подобно цвѣтку безъ стебля. Это производитъ необыкновенный эффектъ, заключающій въ себѣ что-то чудовищное. Очищеніе этого мѣста, которое сдѣлать очень не трудно, дало бы возможность рассмотреть это зданіе въ его настоящемъ видѣ; теперь настоящіе его размѣры ускользаютъ отъ глазъ подобно исполину, зарытому по поясъ въ землю и все еще превосходящему своимъ бюстомъ бѣдный ростъ человѣческой.

Силасилсъ былъ родиною ѳивскихъ памятниковъ. На востокъ отъ рѣки находятся каменоломни, которыхъ высокія и заостренныя къ верху стѣны почти не представляютъ никакихъ іероглифовъ. Мы блуждали нѣсколько часовъ между этими огромными стѣнами, между этими открытыми пропастями, гдѣ нѣтъ никакихъ признаковъ жизни и гдѣ только по временамъ слышны были странныя жалобы невидимой птицы, похожія на звуки, отъ которыхъ бы камни стонали. Это удивленіе, эта тишина подъ палящимъ небомъ, погрузили меня въ думы. Я былъ пораженъ мыслью, что эта огромная пустыня была взрыта для того, чтобы достать оттуда великолѣпныя обломки, которые еще недавно видѣлъ. Изъ этихъ мѣстъ вынуты колоннады карнаксія, лусорскія, гурнаксія и колоннады Мединеть-Абу, которыя какъ дѣти выходятъ изъ утробы матери, и въ это время я былъ въ глубокихъ пещерахъ, которыя, углубляясь въ продолженіе вѣковъ, породили эти чудныя зданія ѳивъ. На противоположномъ берегу рѣки, на западномъ берегу, находишь стѣны скалъ и погребальныхъ гротовъ, покрытыя іероглифами. Тамъ, какъ и на противоположномъ берегу, находятся каменоломни, но менѣе замѣчательныя. Я тамъ снялъ нѣсколько знаковъ, которыхъ еще не снималъ ни одинъ путешественникъ и которые я видѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на скалахъ. Это не іеролифы и они не похожи на буквы какой-либо известной азбуки. Можетъ-быть, знаки эти были начертаны безграмотными народами береговъ Нила. Однако же между этими странными фигурами можно отличить знаки, выражающіе идею жизни и другіе іероглифическіе знаки. На тѣхъ же скалахъ были безобразно начертаны и изображенія различныхъ животныхъ; я замѣтилъ львовъ,

жирафовъ, страусовъ, слона; эти два послѣднія животныя не встрѣчаются въ іероглифической письменности. Къ изображенію жирафа въ этомъ письмѣ прибавляютъ слово *великій*, какъ дополненіе къ идее величія. Слоны бытъ изображаемы на египетскихъ бареліефахъ; страусъ не встрѣчается ни на бареліефахъ, ни между іероглифами.

Вслѣдъ за вершиннами, или лучше сказать, скатами скалъ, на которыхъ начертаны большія историческія надписи, относящіяся къ разнымъ Фараонамъ девятнадцатой династїи и вслѣдъ за часовнями, въ которыхъ эти цари изображены или приносящими жертву, или принимающими ее, я посѣтилъ выдолбленные въ скалъ погребальныя пещеры. На эти пещеры я обращаю особенное вниманіе, потому что заключающіяся въ нихъ надписи болѣе всѣхъ другихъ надписей бросаютъ яркій свѣтъ на организацію семействъ и общества, и исторїи ихъ, выражающая не факты, а бытъ человечества, интересуетъ меня болѣе всего. Кажется, я первый собралъ нѣкоторыя изъ этихъ надписей. Гробницы эти иногда высѣкались въ скалъ на известной высотѣ, и чтобъ добраться до нихъ и перейти отъ одной къ другой, не славъ шен или ногъ, я имѣлъ большую нужду въ помощи проводника.

Во многихъ этихъ пещерахъ находятся статуи, представляющія обыкновенно умершее семейство, которое тутъ погребено. Эти статуи изображены сидящими въ глубинѣ пещеры, какъ статуи боговъ въ глубинѣ храмовъ. На стѣнахъ представлены тѣже лица принимающими жертвы своихъ потомковъ. Предъ ними находится столъ, уставленный дарами, на которомъ имъ приносились жертвы какъ и передъ богами. И такъ почитаніе предковъ породило здѣсь истинное поклоненіе; почитаніе мертвыхъ было въ Египтѣ чисто религіознымъ. Погребальныя пещеры были часовнями. Здѣсь, какъ и въ Элиоѣ, видна процессія семейнаго погребенія въ большихъ храмахъ, высѣченныхъ въ скалахъ Ипсамбула и Герше-Гассанъ. Не забуду при этомъ, что по понятіямъ Египтянъ, которые съ каждымъ обстоятельствомъ соединяли мысль о смерти, каждая гробница есть храмъ и каждый храмъ есть въ нѣкоторомъ отношеніи погребальный памятникъ.

Огромный омбосскій храмъ, замѣчательнѣйшій между всеми египетскими храмами странностью архитектуры, которой нигдѣ нѣтъ ничего подобнаго. Храмъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей, онъ имѣетъ двойное назначеніе и два главныхъ входа. Одна половина зданія посвя-

жена Гѳерусу, богу солнца, а другая Севеку, богу-крокодилу. Оба эти божества, по видимому столь различныя, были въѣсть почитаемы одинаково.

Первая представляющаяся идея есть та, что богъ-крокодилъ долженъ быть богомъ пожвращающимъ и изображать начало развращенія и смерти, между тѣмъ какъ богъ солнца долженъ быть богомъ благотворительнымъ и изображать начало плодородія и жизни; но основная черта египетской мѳеологїи состоитъ, по моему мнѣнію, въ соединенїи въ однихъ и тѣхъ же изображенїяхъ самыхъ противоположныхъ свойствъ. Нѣтъ ни одного египетскаго божества, которое бы не было въ свою очередь силою свѣтою и силою тмы, выражало бы идею жизни и идею смерти. Озирисъ, богъ добра, какъ это объясняется однимъ изъ его названїй — *Онофрисъ*, богъ солнца, какъ это видно изъ іероглифа его имени, изображающаго глазъ надъ трономъ. Озирисъ есть также богъ ада, страшный судья умершихъ; по той же самой причинѣ Севекъ уподобляется богу солнца Гѳерусу, богъ крокодилъ, богъ пожирающїй, котораго хвостъ есть іероглифъ тмы. На стѣнѣ омбосскаго портика, оба эти божества поставлены обращенные другъ къ другу, имѣя на главахъ солнечные круги. Такое соединенїе въ одномъ и томъ же типѣ самыхъ противоположныхъ свойствъ, есть, по моему мнѣнію, основной характеръ египетской мѳеологїи, и я думаю, что настоящее происхожденїе поклоненїя крокодилу есть его сравненїе съ Гѳерусомъ въ омбосскомъ храмѣ.

Нѣтъ надобности прибѣгать къ изслѣдованїямъ, какъ это было до-сихъ-поръ, и предполагать, что Египтяне поклонялись крокодилу, потому что подымаясь вверхъ въѣсть съ разлитїемъ водъ Нила, онъ предвѣщаетъ время наводненїя. Эта догадка, допущенная многими современными учеными, основывается на сказанїи Евсевїя, который утверждаетъ, что въ іероглифическомъ языкѣ, крокодилъ означалъ воду, *годную для питья*; но можно утвердительно сказать, что это сказанїе не имѣетъ основанїя и что крокодилъ, въ іероглифическомъ значенїи, никогда не имѣлъ того смысла, какой придаетъ ему Евсевїй. Мы знаемъ изъ Ювенала, что существовали большїя распри между жителями деревень Омбоса и Тентирисъ (Дендерахъ), потому что первые были ревностными поклонниками, а послѣдїе непримиримыми врагами крокодила. Эти ожесточенныя распри были

ободотворить истребить поклоненій и показывать, какаа египетская цивилизация поклонниковъ. Основываясь на этихъ и прочихъ аналогическихъ фактахъ, и видя что каждый египетскій городъ былъ преданъ поклоненію божества, когда-то изгнаннаго изъ другаго города, я убѣдился, что въ весьма отдаленныя времена каждая часть Египта имѣла свое животное, которое было для нея истиннымъ естествомъ, египетскимъ истиннымъ, какъ это въ обыкновеніи у дикихъ племенъ, населяющихъ прочія части Африки. Основываясь на этой гипотезѣ, каста жрецовъ, владея не высшими познаніями, но въ некоторую степеню высшаго взгляда на религію, на которому идея жизни, выраженная солнцемъ и знакомъ возрожденія, была главнѣйшимъ основаніемъ. Эта каста жрецовъ, находя въ каждомъ уголку Египта водворившійся мѣстный египетизмъ, приняла бы этотъ египетизмъ, приспособивъ его къ своимъ собственнымъ идеямъ о жизни и смерти, сохранила бы эти типы, заимствованные изъ животной природы, и народное суевѣріе, которое сдѣлало божествами овна, шакала, голубятника, крокодила — сдѣлало бы ихъ богами своего пантеона. Если въ этомъ именно заключается основаніе египетской религіи, если она создана такимъ образомъ помощью жреческихъ правилъ, привитыхъ мѣстнымъ египетизмомъ, то понятно, почему разные города были посвящены различнымъ богамъ, и почему боги эти были первоначальнымъ предметомъ поклоненія туземцевъ, послѣдователи однихъ могли быть ненавистниками прочихъ. Крокодилъ, сдѣлавшись въ египетской мифологіи богомъ Себекомъ, былъ, вѣроятно, первоначальнымъ египетскимъ Омбоса. Это очевидно касается изложенія цѣлой системы египетской религіи, о которой я не намѣренъ здѣсь распространяться, но на что считалъ долгомъ указать при удобномъ случаѣ, говоря о частномъ богослуженіи Омбоса и о необыкновенномъ расположеніи его храма.

Египетскій годъ не раздѣлялся, какъ нашъ, на четыре времени года. Не существовало ни весны, ни лѣта, ни осени, ни зимы, но было время посѣва, время наводненія и время жатвы. Это водраздѣленіе времени не открыли Шамполіону іероглифы, который былъ первымъ ихъ истолкователемъ. Это раздѣленіе года на три части существуетъ еще до-сихъ-поръ въ Египтѣ, какъ я слышалъ отъ моего Солымана, который не нашелъ этого обстоятельства въ іероглификахъ. Оно протекаетъ изъ необходимой потребности климата этой ст-

обливною страной, въ которой нѣтъ ни холоднаго ни жаркаго времени года, ни засухи, ни продолжительныхъ дождей. Впрочемъ подразделение года на три части очевидно не одному Египту; оно существуетъ также въ Индіи; потому оно не должно считаться въ число возраженій, которыя противупоставляютъ мнѣнію, что египетская образованность вышла изъ Индіи, мнѣнію, съ которымъ я однако далеко не соглашаюсь.

Египетъ есть страна необыкновенно плодородная; здѣсь обыкновенная поэзія и краснорѣчивыя иперболы не въ состояніи ничего преувеличить. Здѣсь въ теченіе года совершенно легко собираются три жатвы. Тоже можно сказать и объ Индіи. Египетъ снабжалъ римскую имперію хлѣбомъ на четыре мѣсяца. Почему древніе полагали, что земледѣліе возникло первоначально въ Египтѣ, и что Озирисъ былъ изобрѣтателемъ плуга. Достоверно только то, что плугъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ на памятникахъ и такой, какимъ онъ представляется нынѣ въ рукахъ феллаха, былъ первоначальнымъ плугомъ. Это опрокинутыя вилы, вложенныя быками.

Мы вроснули на скатъ крутаго берега, поглощеннаго восходящимъ солнцемъ и увѣнчаннаго пальмовыми деревьями. Стѣны разрушеннаго пальмоваго города окаймляли берегъ рѣки: городъ этотъ Сиена (нынѣ Асуанъ), крайній египетскій городъ со стороны Нубіи. Страбонъ былъ въ Сиенѣ, а Ювеналъ былъ сосланъ туда. Мы достигли одной изъ оконечностей римскаго міра.

Утверждаютъ, что хотя Сиена лежитъ не между тропиками, но въ слѣдствіе различныхъ климатическихъ обстоятельствъ, есть самое жаркое мѣсто на землѣ. Я не знаю такъ ли это, но могу сказать, что утро, судя по времени года, было изрядно жаркое. Блуждая третьяго февраля по мѣсту, на которомъ находились древній городъ, мы чуть не умерли отъ жары. Съ трудомъ можно найти здѣсь нѣкоторые остатки древностей. Попадаются въ изобиліи надгробныя камни, означающіе мѣсто погребенія магометанъ. Это мѣсто считается у мусульманъ священнымъ и сюда приносятъ издалека тѣла богомольцевъ, изъявившихъ желаніе быть здѣсь погребенными. Размышляя о томъ, что островъ Филоэ, лежащій близъ Сиены, былъ мѣстомъ, гдѣ Египтяне предполагали гробъ Озириса, близъ котораго они изъявляли желаніе быть погребенными, мнѣ пришло въ голову, что обыкновеніе

мусульманъ могло быть заимствовано отъ обычаевъ древнихъ Египтянъ. Это былъ бы одинъ изъ примѣровъ того, что иногда передать не можеть указать на свое начало, а между тѣмъ есть обстоятельства, прямо на него указывающія. Мусульманнитъ, приходя издалика отыскивать могилу въ окрестностяхъ священнаго острова, не перестаетъ, не помышляя о томъ нисколько, исполнять старинный египетскій обрядъ поклоненія гробу Озириса.

Мы съ любопытствомъ блуждали по сиенскимъ каменоломнямъ. Эти каменоломни составляютъ равнину изъ гранита, высѣкаемаго подъ открытымъ небомъ для архитектурныхъ работъ, и въ особенности для египетской скульптуры. Странно, что въ Египтѣ весьма мало зданій построенныхъ изъ гранита, между тѣмъ какъ вся обелиска, множество статуй и сфинксовъ сдѣланы изъ гранита и именно изъ особеннаго розоваго сиенскаго гранита, почему онъ и получилъ названіе сиенита*. И такъ вотъ мѣсто происхожденія монолитовъ, которые, бывъ сперва украшеніемъ Оивъ и Гелиополиса, нынѣ украшаютъ площади Рима и Парижа.

Понятно, какъ эти массы могли быть отдѣлены. Отверстія, расположенныя на протяженіи горизонтальной трещины доказываютъ, какимъ способомъ отдѣляли отъ скалы куски гранита. Въ эти отверстія вколачивались клинья, съ помощью которыхъ разбивали скалу. Въ сиенской каменоломнѣ даже показываютъ обелискъ, который не былъ совершенно отдѣленъ; онъ лежитъ на массѣ, къ которой онъ еще прикрѣпленъ одною стороною. Разсматривая эти очевидныя доказательства работы, прекращенной столько столѣтій тому назадъ, кажется, что присутствуешь при этихъ работахъ и видишь какъ онъ прекратились. Кажется, что ремесленники, послѣ обычнаго отдыха, придуть оканчивать свою работу; неокончанное дѣло кажется какъ-бы продолжающимся.

Не смотря на то что преувеличиваніе свойственно поэтамъ и путешественникамъ, я не вѣрю, чтобы свидѣтельство древнихъ было совершенно ложно и соглашаюсь съ тѣмъ, что стѣна скалъ, перест-

* Не смотря на то, названіе сиенитъ не есть родъ гранита, входящагося въ сиенъ, потому что отличительное его свойство есть отсутствіе слюды, которая замѣнена какою-то смѣсью.

кающихъ Нилъ выше Сьены, могла отъ времени понизиться отъ напора рѣки.

Весьма любопытный фактъ, приведенный Лепсіусомъ, можетъ имѣть некоторое отношеніе къ этому пониженію скалъ. Выше второго водопада, при Семнехъ, онъ нашелъ знаки начертанные около четырехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, на скалахъ, для означенія степени повышенія уровня рѣки въ разныя эпохи царствованія того фараона, который на другомъ краю обширнаго его царства рылъ Меридовое озеро и строилъ лабиринтъ. Эти знаки, вмѣстѣ съ обозначеніемъ года царствованія и теперь еще видны на утесистыхъ берегахъ Нила.

Я началъ углубляться въ скалы, ища тамъ надписей. Изображенныя на этихъ скалахъ событія сходны съ тѣми, которыя видны на погребальныхъ колоннахъ. Онѣ представляютъ семейства, молящіяся богамъ. Имя и званіе каждаго лица обозначены подлѣ него іероглифами, которые я списалъ, потому что тщательно собираю всѣ памятники, которые могутъ облегчить мнѣ изслѣдованіе организаціи семейства и общества древнихъ Египтянъ.

Мы посѣтили островъ Элефантину, на которомъ часть развалинъ, найденныхъ еще египетскою экспедиціею, болѣе не существуетъ. Что меня въ особенности поразило, это ворота изъ гранита, на которыхъ начертано имя Александра*. Формулы, которыя непременно сопровождаютъ имена всѣхъ фараоновъ, всѣхъ Птолемеевъ, всѣхъ императоровъ, производятъ удивительное впечатлѣніе, когда онѣ сопровождаются именемъ Александра. Эти наименованія, какъ-то: властитель міра, побѣдитель сѣвера и юга, востока и запада, обладатель троновъ, въ этомъ случаѣ совершенно справедливы. Слава осуществила эти преувеличенныя наименованія.

Завтра лодка переправится за другіе ворота, а мы отправимся туда сухимъ путемъ, чтобы оттуда переправиться на островъ Филоэ, потому что по этой дорогѣ можно видѣть остатки древней стѣны, воздвигнутой противъ нашествія кочующихъ племенъ, для защиты поклонниковъ гробу Озириса; здѣсь можно также найти іероглифы. Скалы покрыты ими какъ и при сьенскихъ воротахъ. Съ вечера я началъ мой

* По словамъ Шамполіона, здѣсь дѣло идетъ о сынѣ завоевателя, а не объ вѣщъ саконѣ.

понски, которые не остались безъ результата. Я нашелъ извѣстныя на скалахъ имена многихъ неизвѣстныхъ лицъ и прозвища одного изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ фараоновъ Мантонотомъ. Здѣсь обозначенъ сороковой годъ его царствованія.

Не смотря на полноту моего дорожнаго портфеля, я съ жаждою искалъ именъ неизвѣстныхъ, потому что собираю собственныя египетскія имена. Въ земѣ найдется много матеріаловъ для любопытныхъ изслѣдованій. Имена знаменитѣйшихъ фараоновъ иногда носились и частными людьми. Такъ мы встрѣчаемъ египетскихъ гражданъ, которые назывались Рамзесами, Тутмосисами и прочая. Что тутъ удивительнаго? Были даже люди, которые носили имена божествъ Аммона и Атора. Я нашелъ на этихъ скалахъ имя Оортасена и часто повторяемое имя Аммона, того, котораго Греки переименовали въ Аммоніуса и который нѣсколько разъ встрѣчается въ исторіи Александрійской школы. Вслѣдъ за этимъ именемъ я часто замѣчалъ странный знакъ, не признаваемый мною за іероглифъ, похожій на Греческое η . Можно полагать, что это была начальная буква названія Филоэ. Очевидно, что эти іероглифическія надписи имѣютъ народное происхожденіе. Нѣкоторые изъ нихъ, можетъ-быть, служили развлеченіемъ солдату гарнизона Филоэ. Это можетъ удивить тѣхъ, которые полагаютъ, что іероглифы были тайною, принадлежавшею единственно жрецамъ и вѣдоущему народу; но это долго господствовавшее мнѣніе не можетъ удержаться претивъ слѣдующихъ фактовъ. Храмы, дворцы, гробницы и употребительнѣйшая домашняя утварь, самая обыкновенная посуда, даже дѣтскія игрушки, находямыя въ гробницахъ, покрыты іероглифами, очевидно предназначенными для того, чтобы ихъ все читали. Разсѣяныя здѣсь по скаламъ надписи, не заключающія ничего таинственнаго, достаточно доказываютъ всеобщность и изобиліе іероглифическихъ знаковъ; онѣ также доказываютъ, что во все время нѣкоторые люди имѣли страсть начертывать для будущности неизвѣстныя имена и сдѣлать ихъ неизвѣстность бессмертною.

Мы утомившись идя по песку, переходя съ одной громадной скалы на другую, то подымаясь вверхъ, то опускаясь, смотря по тому, какъ мы замѣчали на вершинѣ или въ равнинѣ бѣлый цвѣтъ отдаленныхъ отъ черныхъ камней іероглифовъ. Съ вершины одной изъ этихъ громадныхъ скалъ, куда привлекло насъ любопытство таинство

реда, мы увидѣли Филлоэ, которое превозмогло наше ожиданіе. На краю песчаной равнины мы вдругъ замѣтили, при лучахъ угасающаго солнца, подымающееся въ уединеніи памятники острова Филоэ. Эти памятники почти не повреждены, а намъ казались совершенно уцѣлѣвшими. Ничего современнаго не прибавлено къ этимъ древнимъ зданиямъ, столь удивительно сохранившимся. Можно было думать, что мы видимъ передъ глазами египетскій городъ, еще населенный. Когда паллиримы, пришедшіе поклоняться гробу Осириса, открыли храмы Филоэ, то эти храмы представились имъ на горизонтѣ точно въ такомъ же видѣ. Что поразило ихъ, то теперь поразило насъ, и при этомъ восклицанномъ видѣ древняго города, спускаясь вдругъ въ степь, сердца паллириновъ науки бились не менѣе ихъ сердца.

Не встрѣтивъ ни одного самаго маленькаго льва, мы достигли деревни, гдѣ съѣли въ лодку, чтобы переправиться на этотъ островъ, послѣднее убѣжище египетскаго богослуженія, которое существовало здѣсь въ шестомъ столѣтіи.

Нельзя войти здѣсь на озеро, котораго прачае и утѣшныя берега очень извѣстны. Блаудая въ этой одинокой равнинѣ, кажется удаляешься отъ міра живыхъ существъ и испытываешь какое-то странное чувство молчанія и уединенія; на лѣвой сторонѣ видишь скалу, покрытую большими большими іероглифами, которые стѣвляются на темномъ грунтѣ камней.

Развалины Филоэ величественно господствуютъ надъ этимъ хаосомъ. Приближаясь, видишь передъ глазами возрастающую огромную колоннаду, которая какъ бы пересѣкаетъ линію холмовъ. Развалины, произведенныя людьми, кажутся здѣсь гораздо болѣе развалинъ, произведенныхъ рукою природы.

Я на время пришелъ отдохнуть въ этомъ молчаливомъ мѣстѣ, въ которомъ блуждалъ, но черезъ нѣсколько времени множество іероглифовъ, окружавшихъ меня, возбуждали мое любопытство; я всталъ чтобы сообразиться съ чѣго мнѣ начать между этимъ множествомъ памятниковъ, которые покрываютъ и наполняютъ необитаемый островъ Филоэ. Здѣсь нѣтъ ничего слишкомъ древняго, нѣтъ ни одного памятника, который былъ бы древнѣе времени Кесаря и Птолемея, развѣ только маленькій храмъ, построенный на южной оконечности ос-

трова и колоннада *, носящая имя Нектанебо, послѣднiе народнаго государя Египта, современника Александра и будто бы отца его, согласно легендѣ, изобрѣтенной египетскимъ самохвальствомъ. Этотъ послѣднiй изъ фараоновъ, есть вмѣстѣ ихъ единственный представитель на островѣ Филоэ.

Этотъ южный храмъ, подлѣ котораго возвышается обелискъ, былъ посвященъ Изидѣ, какъ показываетъ иероглифическая надпись; вотъ ея буквальный переводъ: «Нектанебо воздвигъ своей матерн Изидѣ великое ея жилище въ этомъ вѣчномъ строенiи.» Идя по галлерей, ведущей къ сѣверу, видишь Тиберiя, одѣтаго фараономъ, приносящiя жертву богу Аммону. На одной колоннѣ, я видѣлъ начало имени этого императора, Тиб.... Конецъ слова не былъ написанъ. Скитаясь между развалинами храма, который возвышается на западной сторонѣ острова, на лѣвой сторонѣ въ первомъ дворѣ находится надпись, которая въ послѣднее время очень занимала ученыхъ по своему сходству съ знаменитою надписью, найденною въ Розеттѣ, въ которой, какъ извѣстно, одинъ и тотъ же текстъ повторяется три раза: первая надпись иероглифическая, вторая написана письменами египетскимъ, называемыми демотическими или народными, третья писана по-гречески. Всемъ извѣстно, что счастливая находка въ Розеттѣ, которой мы обязаны Французамъ, была первымъ исходнымъ пунктомъ безсмертнаго открытiя Шамполiона. Тѣ, которые не вѣрятъ этому открытiю, спрашиваютъ: отчего же въ продолженiе двадцати или лѣтъ, съ помощью греческаго перевода, находящагося подлѣ иероглифическими текстами, не могли достигнуть полнаго перевода этой надписи?

Я не думаю, чтобы и теперь невозможно было сдѣлать этотъ переводъ; но трудность, которую должно преодолѣть при этомъ, слишкомъ велика. Во-первыхъ, текстъ иероглифическiй на розетской над-

* На этой колоннадѣ и на большой колоннадѣ времени Птоломеевъ, въ которой она пристроена, читаешь различныя надписи, греческiя и латинскiя. Многiя изъ нихъ начертаны прежде фигуръ и знаковъ иероглифическихъ, которые отчасти ихъ покрываютъ, что очень затрудняло ученыхъ въ то время, когда думали, что все египетское должно быть древнѣе всего греческаго. Дюранъ доставилъ многiя изъ этихъ надписей Лестрону, который обогатилъ ими атласъ 2 тома своего ученаго и гениальнаго сочиненiя о греческихъ и латинскихъ надписяхъ въ Египтѣ.

ином не дошелъ до насъ во всей своей полнотѣ; камень на верху совершенно обломанъ, такъ что сверху совершенно недостаетъ нѣсколькихъ строчекъ и прочія на концахъ не полны. Однимъ словомъ въ этомъ текстѣ нѣтъ ни одной линіи совершенно цѣлой; къ тому же выраженія его, какъ и всѣ выраженія надписей времени Птолемея, были изысканы и не такъ понятны какъ надписи времени фараоновъ. Страннымъ покажется, что я сужу о выраженіяхъ іероглифической надписи точно такъ, какъ судятъ о латинизмѣ римскаго писателя; но достаточно довольно поверхностнаго знанія іероглифовъ, чтобъ тотчасъ узнать не только по формѣ знаковъ, но и по выраженіямъ, къ какой эпохѣ относится надпись, къ эпохѣ фараоновъ или къ эпохѣ Птолемея. Въ послѣднемъ случаѣ, стиль іероглифическій, мы будемъ употреблять это выраженіе, — гораздо сложнѣе; знаки этой эпохи, если вспомнимъ, суть то буквы, то слова, и представляютъ столько странностей и такую сложность, какой не найдемъ на древнихъ памятникахъ. Еслибъ розетская надпись была тысячу годами древнѣе, то разобрать ее было бы гораздо легче. Но, скажете вы, на то есть греческій текстъ, который можетъ объяснить смыслъ египетской? Конечно общій смыслъ понять можно, но сдѣлать совершенно буквальный переводъ, я смѣю увѣрить, — дѣло рѣшительно невозможное. Вся эти обстоятельства причиною тому, что мы до-сихъ-поръ имѣемъ отъ розетской надписи только переводъ нѣкоторыхъ фразъ*.

Все это относится къ іероглифическому тексту розетской надписи. Что касается до демотического, находящагося подъ первымъ, то онъ въ послѣднее время сдѣлался предметомъ важнаго открытія. Шамполлионъ ничего не говоритъ о демотическомъ текстѣ. Такъ назывались письмена, совершенно различныя отъ іероглифовъ, которыя, кажется, были болѣе въ общемъ употребленіи. Несмотря на то, что іероглифы, какъ мы видѣли выше, не были, какъ многіе думали, единственно достойнымъ жрецовъ, письмена демотическія, или народныя, чаще употреблялись. Сохранилось множество актовъ, писанныхъ этими письменами, и въ Египтѣ я не встрѣчалъ памятника, на которомъ бы не была вырѣзана какая-либо демотическая

* Шамполлионъ привелъ нѣкоторыя изъ нихъ въ своей грамматикѣ. Саволинъ началъ дѣлать аналитическій переводъ розетской надписи.

надпись. Наконецъ существуетъ очень драгоценный папирусъ, или, по латинскому папирусу, который представляеть много словъ, писанныхъ демотическими письмами, вывотъ съ нихъ переложенныхъ на греческія буквы. Латинскій папирусъ, который открытъ въ египетскихъ впадинахъ около розеттскаго камня, алфавитъ, введенный переложеніемъ въ греческій текстъ буквъ въ письмъ содержащихся, не достаточно для того, чтобы съ помощью его можно было читать демотическій текстъ на этомъ камнѣ. Вотъ въ какомъ положеніи былъ дѣла*, когда де-Сольси напечаталъ демотическій алфавитъ, самый полный изъ всѣхъ когда-нибудь извѣстныхъ алфавитовъ. Употребивъ способъ измышленный имъ для чтенія демотическаго розеттскаго текста, онъ написалъ слова, которые означаютъ, объясненныя съ помощью коптскаго языка, сходственныя съ содержаніемъ греческаго текста. Де-Сольси продолжаетъ описывать своей методы, применяя ихъ же во всей сохранившейся части демотическаго текста. Опытъ только тогда будетъ рѣшительнъ, когда будетъ доведенъ до конца; но можно утвердительно сказать, уже теперь же, что истинное начало чтенія и истолкованія демотическихъ писемъ были положены де-Сольси. Благодаря ему, двѣ женщины, которыхъ не замѣтилъ Шамполлювъ, теперь понятны для науки. Во-первыхъ, что языкъ іероглифическаго текста не совершенно таковъ, каковъ языкъ текста демотическаго; одинъ соответствуетъ священному діалекту, а другой народному нарѣчію. Во-вторыхъ; за исключеніемъ весьма малыхъ исключеній, въ которыхъ писмена демотическія сохранили фигуры іероглифовъ, эти писмена не суть подобны перьямъ, отчасти идеографическія и отчасти фонетическія

* До-сихъ-поръ де Сольси напечаталъ одинъ только томъ, содержащій 262 страницы, въ которомъ заключаетъ самая обширнѣйшая часть розеттскаго демотическаго текста, основанная на глубокомъ анализѣ этого текста, разобраннаго въ первый разъ. Невозможно, чтобы въ средѣ египетовъ и воровъ трудъ нѣкоторые провахи не ускользнули отъ видѣнія де Сольси; но бесспорно то, что эти трудомъ наука значительно подвинулась впередъ. Новый опытъ подтвердилъ начатое де Сольси. Этотъ ученый читалъ въ академіи надписей переводъ палескаго отрывка, писаннаго демотическими буквами. Тамъ говорится о богѣ Амонѣ. Де-Сольси относитъ это ивееологическое сказаніе ко времени Де-Клизиана, говоря, что оно тогда было писано въ Александріи.

(то есть, не выражаютъ знаковъ то идей, то звуковъ), но что они чисто фонетическія, такъ что выражаютъ только звуки и настоящія буквы. Следовательно демотическій алфавитъ есть настоящая азбука. Кажется, эти два мнѣнія, предложенныя въ первый разъ де-Сольси, очень основательны, и должны утвердиться, если успѣхи науки, нить созданной, оправдаютъ нѣкоторые результаты, до которыхъ онъ дошелъ. Вотъ вся исторія изслѣдованій, къ которымъ привела насъ тройкая надпись розетская.

Понятно какъ интересъ ученыхъ долженъ былъ возрасти, когда узнали, что Лепсіусъ открылъ на одной стѣнѣ большаго храма въ Филоэ другой экземпляръ розетской надписи, писанный знаками іероглифическими и демотическими буквами. Здѣсь недоставало греческаго текста; но недостатокъ этотъ былъ незначителенъ, такъ какъ онъ находится почти вполнѣ на розетскомъ камнѣ. Велика была радость египтологовъ. Въмѣсто надписи, изъ которой верхняя треть разрушена, и въ которой ни одна строка не осталась нетронутою, вдругъ нашли надпись, въ которой іероглифическая часть совершенно полна и которая представляетъ прекрасный источникъ для опредѣленія сомнительныхъ знаковъ демотической надписи. Если желаніе привести какъ можно скорѣе въ мое отечество снимокъ этой драгоценной надписи, не было для меня единственнымъ побужденіемъ къ путешествію въ Египетъ, то по-крайней-мѣрѣ оно ускорило мое рѣшеніе предпринять его.

Я самъ видѣлъ ту надпись, которую прежде меня разсматривали Сальтъ и Шамполіонъ и повѣлъ тотчасъ, почему они не списали ее. Во-первыхъ она находится на высотѣ десяти футовъ, и безъ лѣстницы, привезенной изъ Каира, Дюранъ не могъ бы снять снимокъ съ нея на бумагу. Разумѣется она не такъ хорошо сохранилась, какъ сообщили намъ перья о ней извѣстія. Камень, на которомъ нарезаны буквы, поврежденъ и въ особенности на первоначальной надписи начертаны большія фигуры съ іероглифами: это іероглифическій палимпсестъ. Я опасуюсь, что въ немъ можно будетъ понять только отдѣльные отрывки, а не цѣлую связную фразу; въ отношеніи къ розетской надписи это *obscutum per obscurius*. Впрочемъ надпись въ Филоэ не будетъ безпользною, она можетъ доставить любопытные варианты въ тѣхъ частяхъ, гдѣ дополняетъ розетскіи

текстъ ; но еще не доказано, что эта надпись есть совершенное повтореніе помянутаго текста. Последняя строка текста, которая въ обоихъ случаяхъ одна и таже, содержитъ повеленіе напечатать декретъ *знаками священными, буквами народными и греческими буквами*; но можетъ-быть это формула, которая была общая для всѣхъ декретовъ и подписывалась внизу. Замѣчательно различіе : въ Филоэ подлѣ имени царя Эпифана читаемъ имя царицы Клеопатры, котораго не находимъ на розетскомъ камнѣ. Этотъ фактъ одинъ уже доказываетъ, что оба эти декрета не тождественны, потому что въ то время, какъ былъ изданъ розетскій декретъ, Эпифану было только двѣнадцать съ половиною лѣтъ, и въ это время онъ не былъ женатъ на Клеопатрѣ.

Большой храмъ носить на себѣ имена Птолемея Филадельфа и Вереники. Въ тѣснинѣ воротъ, обращенной къ Нилу, я списалъ весьма-странную надпись въ честь одного царя; вотъ нѣсколько стиховъ изъ нея :

«Благотворительный богъ; золотой и серебряной рудникъ всѣхъ странъ.

«Благотворительный богъ, солнце Египта, луна чужихъ странъ.»

Часть храма, построенная при Филадельфѣ, относительно вкуса скульптурныхъ работъ, превосходить части, пристроенныя его предшественниками; но разстояніе еще больше между памятниками Нектанебо, послѣдняго фараона и Филадельфа втораго Птолемея. Начало паденія при переходѣ отъ эпохи египетской къ эпохѣ греческой, очень чувствительно. Послѣ этого паденія продолжается, но оно не такъ очевидно. Маленькій храмъ на западѣ, очень красивенькій, не совсѣмъ оконченъ. Эти колонны съ капителями на водобіе лотусовыхъ листовъ, возвышаются какъ не совершенно оконченная корзина. Только постоянно встрѣчаемъ имя Трояна. Ланкре говоритъ : Эти колонны не вытянуты болѣе чѣмъ въ другихъ храмахъ, но она покрыты, такъ сказать, наперстками, равными четверти ихъ высоты, которые придаютъ всей массѣ зданія легкій видъ, совершенно противоположный съ обыкновеннымъ размѣромъ памятниковъ.

расширь въ юзъ, (въ Провансъ). Седьмаго ноября 1661 года, молодой человекъ, въ сопровожденіи проводника, медленно вхалъ по дорогъ изъ Понъ-Сентъ-Эспри, въ Юзъ. Осейнее солнце на безоблачномъ небѣ согрывало еще благотворными лучами веселья деревеньки Прованса. Молодой путешественникъ по временамъ останавливался полюбоваться богатствомъ, красотою мѣстоположенія и не переставалъ расправлять проводника. Наконецъ онъ увидалъ хорошенькій строившійся домъ, гдѣ работало множество каменщиковъ и плотниковъ. Мѣсто показалось ему восхитительнымъ; виноградники, оливковыя деревья, еще не утратившія зеленыхъ листьевъ, нѣсколько померанцевыхъ деревьевъ оживляли окрестности очаровательной виллы.

— Вѣрно эта дача принадлежитъ какому-нибудь провансальскому дворянину? сказалъ молодой человекъ, обращаясь къ своему проводнику.

— Нѣтъ, баринъ, отвѣчалъ тотъ съ сильнымъ провансальскимъ акцентомъ.

— Ну какому-нибудь парламентскому совѣтнику города Э?

— Вы не отгадали, баринъ; этотъ домъ принадлежитъ Скопену....

— Моему дядѣ, воскликнулъ путешественникъ.... Такъ мы не далеко отъ города Юза?

— Остается еще полмили. Прощенья просимъ, баринъ, что мы осмѣлились говорить съ вами такъ свободно; мы не знали, что ѣдемъ съ племянникомъ богатаго и знатнаго Скопена Видите ли вы Юзъ на этой горѣ, состоящей изъ непрерывныхъ утесовъ? Здѣсь вы не будете имѣть надобности въ толстыхъ башмакахъ, потому что какое бы ни было время, можно обойти пѣшкомъ весь городъ не замаравшись. Знаетъ ли дядюшка о нашемъ прѣздѣ?

— Я писалъ къ нему, но самъ не думалъ, что прѣзду такъ скоро.

— Если бы онъ зналъ, что мы у воротъ Юза, то вышелъ бы къ вамъ на встрѣчу

Проводникъ вдругъ замолчалъ, приподнялъ поля своей широкой шляпы и захопалъ бичемъ. Помѣщики, купцы, всѣ праздные мужчины и молодыя дѣвушки города Юза, услышавъ у воротъ и у оконъ посмотреть на молодаго иностранца, проѣзжавшаго черезъ городъ къ дому своего дяди. Скопенъ садился уже за столъ, когда Перретта, старая его ключница, запыхавшись вошла въ столовую.

— Племянникъ вашъ прѣхалъ, воскликнула она.

— Племянникъ! сказала Сконенъ... Мое милое дитя, пускай онъ войдетъ скорѣе; мнѣ такъ хочется его видѣть!

И въ тоже мгновеніе Парижанинъ въ дорожномъ платьѣ вошелъ въ комнату и бросился въ объятія дяди.

— Я не ожидалъ тебя такъ скоро, дитя мое, сказала каноникъ, не много успокоившись послѣ перваго волненія; братъ писалъ, что ты выѣдешь недѣлею позже.

— Я нетерпѣливо желаю видѣть васъ, дядюшка.

Тебѣ надобно хорошенько пообѣдать, дитя мое; проѣхавъ семь миль безъ отдыха, въ особенности двѣдцати-двухъ лѣтній юнона, никогда не отказывается отъ обѣда. Ну, слава Богу! Я не думалъ, что у меня будетъ сегодня за столомъ такой дорогой гость. Перретта, сказалъ онъ, ступай, скажи Симиу, Тьеръ-де-Барскому, Феликсу, и нотариусу Пюимезону, что племянникъ мой, Иванъ Расинъ пріѣхалъ, и что по этому случаю я приглашаю ихъ на обѣдъ.

— А чѣмъ вы накормите столько гостей?

— Не беспокойся; кто веселъ и доволенъ, тотъ не будетъ голоденъ.

Сконенъ усялся въ широкихъ креслахъ; силою посадилъ къ себѣ на колѣна Расина и въ восторгѣ радости, ласкалъ его какъ ребенка.

— Я доволенъ тобою, племянникъ, сказалъ онъ; если не ошибаюсь, ты сдѣлаешь честь нашему семейству: Леметръ любилъ тебя съ нежностью отца; Гамонъ, докторъ Поръ-Ройяля заботился о воспитаніи твоёмъ; въ такой нежной молодости, ты уже имѣешь знаменитыхъ друзей. Мнѣ много говорили о твоихъ стихахъ, о гимназѣ, переведенныхъ тобою съ латинскаго служебника, и переведенныхъ такъ хорошо, что самъ Заси тебѣ завидуетъ. А твоя ода подъ названіемъ «*Нимфа Сены*»... Можетъ ли быть что нибудь лучше? Я ни сколько не удивляюсь, что Шапленъ, Аполлонъ французскаго Парнасса, принялъ тебя, какъ любимое дитя музъ. Будь смѣлѣе, Ваня: сто лундоровъ, присланные тебѣ Кольберомъ, по прочтеніи «*Нимфы Сены*», служатъ ручательствомъ новыхъ триумфовъ. А твои хорошенькіе стихи, по случаю рожденія дочери у мадамъ Вятаръ? Ты уже много сдѣлалъ, дитя мое, но если взрѣть моль, тебѣ еще болѣе предстоитъ сдѣлать. Смѣлѣе, Ваня, слава тебѣ улыбается: Apollo dat fores Camenis.

Старый Сконенъ, исчисляя юныя творенія своего племянника, пла-

калъ отъ вѣжности и радости. Онъ ласкалъ его и обѣщаль употребить всѣ свои усилія сдѣлать для него пріятнымъ пребываніе въ Юзѣ.

— Вы слишкомъ добры, дядюшка, отвѣчалъ Расинъ, смущенный преувеличенными похвалами дядя. Я не доверяю славѣ: Арно часто говорилъ мнѣ въ нашемъ поръ-ройальскомъ уединеніи, что слава подобна мимолѣтному метеору, который проблеснетъ на одинъ мигъ и потомъ опять угаснетъ на вѣки.

— Арно немного мизантропъ, отвѣчалъ Скопенъ; молодому человѣку въ двадцать два года неприлично ограничиваться выпрепностью мыслей какъ неприступной крѣпостью. Нужно имѣть больше веселости, милостивый государь; въ Провансѣ смѣются, поютъ, хорошо объѣдаютъ, словомъ, весело проводятъ жизнь.

Скопенъ располагался развѣивать первую идею своей веселой бесѣды, когда гости его вошли одинъ за другимъ въ сопровожденіи старой Перретты. Сперва они обмѣнялись одними поклонами, не произнося ни слова. Наконецъ докторъ Симиль прервалъ молчаніе, столько же непріятное для гостей какъ и для молодого Расина.

— Почтенный другъ мой, сказалъ онъ приближаясь къ Скопену, отъ имени всѣхъ собесѣдниковъ приношу вамъ поздравленіе съ счастливымъ прѣздомъ господина вашего племянника; а вы, господинъ Расинъ, можете быть увѣрены, что найдете въ Юзѣ радушное гостепримство и неизмѣнную дружбу.

— Будемъ ли мы достойны посѣщенія столь знаменитаго поэта на нашемъ Парнасѣ? сказалъ молодой человѣкъ, по имени Фелюксъ, пользовавшійся на десять миль въ окружности репутаціею неутомимаго стихотворца.

— Подойди, Цецилія, сказалъ Симиль своей дочери: сдѣлай книжсень господину Расину.

Цецилія Симиль не было еще двадцати лѣтъ: ея провансальскій костюмъ, огромные черные глаза, скромно опущенные, смущенный видъ, тотчасъ обратили вниманіе молодого поэта, съ любезностью благодарившаго молодую дѣвушку за посѣщеніе и пригласившаго ее сѣсть подле него.

— Хорошо, очень хорошо, племянникъ, воскликнулъ Скопенъ; красота должна возсѣдать рядомъ съ поэзіею; одна безъ другой не можетъ существовать; Аполлонъ всегда былъ сопровождаемъ девятью музами. Чего вы боитесь, дѣти мои? мы не такъ страш-

ны, какъ кажемся. Бьюсь объ закладъ, что племянникъ думалъ найти стараго дядю, гордаго какъ іезуита. Успокойся, милый Ваня: Скопенъ умѣетъ уважать лучше всякаго другаго старую поговорку: *пока молодъ — веселись.*

— Я постараюсь быть достойнымъ вашихъ милостей, дядюшка, отвѣчалъ Расинъ.

— Безъ церемоніи племянникъ, отложи до завтра свою благодарность; за столомъ сидятъ за тѣмъ, чтобы пить. Скажи-ка, племянничекъ, прибавилъ Скопенъ, опорожнивъ свою серебряную кружку, такъ ли хороши Провансалки какъ Парижанки?

— Гораздо лучше, дядюшка, если судить по дѣвицъ Смиль.

— Онъ очень уменъ, сказалъ Скопенъ нотаріусу Пюмезону. Затѣмъ вы не привели своей дочери?

— Мари въ деревнѣ.

— Тѣмъ хуже; если бы она теперь была за моимъ столомъ, то я могъ бы сказать племяннику, что въ первый день его прѣзда я представилъ ему двухъ самыхъ пригожихъ дѣвицъ города Юза.

Разговоръ сдѣлался общимъ и шумнымъ, много говорили о Портъ-Ройяль, о спорахъ ученыхъ, о войскахъ короля и о путешествіи принца Конти, по его прованской провинціи, о новыхъ сочиненіяхъ, о трагедіяхъ, разыгрываемыхъ въ Бургонской оперѣ. Расинъ не принималъ участія въ этомъ разговорѣ; все вниманіе его было обращено на Цецилію Смиль; скоро молодой поэтъ сталъ говорить съ нею посвободнѣе; молодая дѣвушка также оправилась отъ своего смущенія, и прежде окончанія объѣда, Расинъ обѣщалъ Цециліи быть на другой день у ея отца. Послѣ объѣда прогуливались въ обширномъ саду дяди; по наступленіи же вечера, поужинавъ по обычаю предковъ, всѣ разошлись по домамъ, чтобы лечь спать въ девять часовъ. Девять дней пролетѣло въ праздникахъ, объѣдахъ, прогулкахъ, и молодой Расинъ болѣе и болѣе очарованный прелестями Цециліи Смиль, такъ участилъ къ ней свои визиты, что Скопенъ сильно встревожился. Чтобы исторгнуть своего племянника изъ опасностей первой любви, онъ увезъ его въ Нимъ. Поэтъ осмотрѣлъ римскія древности этого города 29 ноября 1661 года; и до возвращенія въ Юзъ, писалъ къ аббату Ле Вассеру:

«Я былъ въ Нимѣ, и хочу описать его вамъ: дорога изъ Юза въ Нимъ хуже всѣхъ худыхъ дорогъ на свѣтѣ; но городъ одинъ

изълучить во всемъ королевствѣ. Нѣтъ увеселенія, котораго нельзя бы здѣсь найти.»

Черезъ нѣсколько дней онъ выѣхалъ и на другой же день по приѣздѣ своемъ въ Юзъ, побѣжалъ къ хирургу Симмию, взглянуть на свою возлюбленную Цецилю, заболѣвшую съ самаго отъѣзда поэта. Присутствіе Расина, клятвы его, возвратили ей здоровье, веселость, свѣжесть, и старый дядя не зналъ что и думать о любви племянника, которому онъ не слишкомъ смѣлъ противорѣчить. Феликсъ печально вывелъ его изъ затрудненія; провансальскій стихоплетъ, пламенно желавшій короче познакомиться съ парижскимъ поэтомъ, пригласилъ Скопену съ племянникомъ провести нѣсколько дней въ его загородномъ домѣ.

— Охотно, любезный Феликсъ, отвѣчалъ Скопенъ; могу отлучиться на недѣлю.

— Такъ мы поведемъ завтра; могу ли я надѣяться на посѣщеніе вашего племянника?

— Мы приѣдемъ ровно въ двѣнадцать часовъ; надѣюсь найти объѣдъ великолѣпнымъ, у меня будетъ чудесный аппетитъ.

На другой день, Скопенъ отправился, и дорогою разговаривалъ съ племянникомъ объ исторіи графовъ прованскихъ, о богатствѣ земан, о красотѣ мѣстоположенія.

Расинъ, выслушавъ въ молчаніи нескончаемую рѣчь дяди, вдругъ спросилъ:

— Дядюшка, Цецилія будетъ на дачѣ у Феликса?

— А тебѣ что за дѣло?

— Она чрезвычайно любезная молодая дѣвушка.

— Слишкомъ любезна для воспитанника, вышедшаго изъ Поръ-Ройяля.

Расину не трудно было угадать мысль Скопена, и онъ снова пустился въ путь, ничего не отвѣчая. При поворотѣ дороги, онъ увидалъ хирурга съ дочерью, сидѣвшихъ на бугоркѣ въ ожиданіи ихъ.

— Дядюшка, воскликнулъ Расинъ, видите вы тамъ Симмию и Цецилю?

— Великій Боже! подумалъ Скопенъ, я хотѣлъ разлучить ихъ, и вмѣсто того сблизжаю. Племянникъ, прибавилъ онъ, возвышая голосъ, не забудь этого правила: Qui amat periculum, peribit in illo.

Скопенъ, Расинъ, хирургъ и его дочь были въ нѣсколькихъ

шагать другъ отъ друга ; раскланявшись, осѣдомившись о здравьи другъ друга, они отирались вмѣстѣ. Они были за колѣни отъ дачи Феликса.

— Часть провести вмѣстѣ съ Цецилією, сказалъ про себя Расинъ.... Одинъ часъ счастья послѣ недѣли смертельной тоски.

Онъ воспользовался минутою, когда докторъ читалъ его дяди нисьмо, полученное изъ Парижа, подавъ руку Цециліи, и счастливая чета ускорила шаги ; вилла Феликса была уже видна, когда захывшійся Скопенъ закричалъ племяннику :

— Куда ты такъ бѣжишь ? Намъ нечего сплнить, еще вѣтъ двѣнадцати часовъ.... Къ тому же, неприлично молодому человеку идти одному съ молодою дѣвушкою.

— Дядюшка, я не зналъ....

— Не поръ — ройяльскіе ли ученые научили васъ, племянничекъ, влюбляться ?

— Для этого не нужно учителей, сказалъ докторъ Симиль.

Трепещущая Цецилія подошла къ отцу, у котораго не достало духу свлать ей выговоръ. Чтобы прервать гнѣвъ дяди, Расинъ также подошелъ къ доктору и сказалъ ему :

— Какъ называете вы эти деревья, покрытыя маленькими зеленоватыми плодами ?

— Оливками, любезный Расинъ.

— Мнѣ много говорили объ оливкахъ, должно быть превосходные плоды.

— Сладкіе какъ медъ, отвѣчалъ Скопенъ, поди-ка, племянникъ, попробуй ихъ и скажи мнѣ, каковы они тебѣ покажутся.

Расинъ побѣжалъ въ фруктовый садъ Феликса, пока дядя, докторъ и Цецилія медленно приближались къ дому. Всѣ гости провансальскаго поэта, услышавъ о шуткѣ, сыгранной надъ Расиномъ, собрались у калитки сада. Черезъ нѣсколько минутъ поэтъ возвратился.

— Хороши ли оливы ? племянникъ, воскликнулъ Скопенъ, хочешь во все горло.

— Отвратительны, дядюшка ; я сорвалъ нѣсколько оливокъ съ перваго попавшагося дерева, и положилъ ихъ въ ротъ, думая съѣсть съ величайшимъ наслажденіемъ, но избави Богъ когда-нибудь испытать такую горечь.

— Экой лакомка, сказалъ Скопенъ..... зачѣмъ ты такъ во-

пордился, и разсказалъ бы тебѣ, что надо прежде много хлопотъ и приготовленій, чтобы сдѣлать ихъ пріятными на вкусъ, то-есть, такими, какими ихъ можно зсть.

Злополучное приключеніе молодого Парижаннина заставило много смѣяться веселыхъ гостей Феликса. Одна Цецилія нашла эту шутку очень неумѣстною, и выразила свое мнѣніе съ такимъ жаромъ и энергією, что все догадались, что защищая Расина, она защищала возлюбленнаго. Внезапное появленіе хозяина не позволило насмѣшникамъ дать свободу провансальскому остроумію. Пробыло двѣнадцать часовъ — время, назначенное для обѣда, и Скопенъ, мучимый апетитомъ, шелъ впереди общества, въ два ряда направлявшася въ залу пиришества. Расинъ имѣлъ счастье захватить мѣсто возлѣ Цециліи и свободно разговаривалъ съ нею, пока его дядя угощался различными яствами.

Обѣдъ кончился слишкомъ рано для гастронома и влюбленнаго. Цецилія и нашъ поэтъ скоро скрылись, и только три часа спустя, съ большимъ трудомъ отыскали ихъ въ рошъ, окружавшей домъ Феликса. Скопенъ сперва хотѣлъ разсердиться, но наружная покорность, чистосердечіе его племянника тотчасъ же его обезоружили.

— Мосье Феликсъ ходатайствовалъ за тебя, сказалъ онъ съ приторною строгостію, и я долженъ былъ уступить его просьбамъ; я тебя прощаю, и даже даю позволеніе сопровождать Цецилію до самаго Юза.

— Благодарю, дядюшка, милый дядюшка, благодарю! воскликнулъ поэтъ, въ восторгъ живѣйшей благодарности.

Дорога показалась ему слишкомъ коротка. Расинъ до безумія былъ влюбленъ въ молодую двушку, а Цецилія обожала своего милаго поэта. Все шло какъ нельзя лучше; влюбленные говорили о бракѣ, о счастьи; Расинъ обещался поселиться въ Юзъ, отказаться отъ славы и Парижа; начальникъ провинціи не могъ отказаться дать ему мѣстечко въ своей канцеляріи. Къ несчастію для Цециліи, Скопенъ былъ предувѣдомленъ своими шпионами объ ихъ свиданіяхъ. Онъ скрылъ свое неудовольствіе и похвалъ съ племянникомъ въ Авиньонъ, чтобы тамъ ему доставить какое-нибудь выгодное адвокатское мѣсто. Но молодой Расинъ такъ мало выказывалъ склонности къ этому званію, что дядя его принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Скопенъ возвратился въ Юзъ, рѣшивъ

лись предоставить племяннику полную и совершенную свободу, если только онъ согласится не видаться болѣе съ Цецилію. Старикъ усталъ слыше своихъ надеждъ. Расинъ снова почувствовалъ страсть къ стидотворству, съ жаромъ принялся за работу, и сочинилъ несколько сценъ своей трагедіи «*Фебаида или братья враги*». Святой Фомы, блаженный Августинъ, Виргилій, Аріостъ, греческіе трагики занимали все его время. Дядя былъ ему благодаренъ за эту новую рвимость. Тщетно Цецилія писала къ нему письмо за письмомъ; всѣ письма оставались безъ отвѣту: искусство восторжествовало надъ любовью. Каждый четвергъ Расинъ ходилъ обѣдать съ дядею къ хирургу Смилю; часто видалъ Цецилію, но съ равнодушіемъ, и молодая Провансалка, думая, что обманута недостойнымъ образомъ, возненавидѣла поэта. Праздники, даваемые жителями города Юза въ честь архіепископа арльскаго и принца Конти, правителя провинціи, отыкали вниманіе сосѣдей отъ маленькой семейной интриги. Расинъ несколько разъ видалъ принца, былъ приглашенъ къ его столу, и имѣлъ честь сопровождать его въ прогулкахъ.

— Возвратитесь въ Парижъ, другъ мой, говорилъ ему принцъ; написавъ чудесную оду на бракъ короля, не должно оставаться въ неизвѣстности въ маленькомъ городкѣ Прованса. Повѣрьте мнѣ, Расинъ, вы призваны къ великимъ дѣламъ; Шапленъ уважаетъ васъ, а между нами будь сказано, онъ довольно скупъ на похвалы.

Похвалы принца вскружили голову молодому поэту. Онъ рѣшился тотчасъ же ѣхать въ Парижъ; дядя его сначала противился этому намѣренію; онъ любилъ его съ вѣжностью отца, и тяжело было ему разстаться съ нимъ. Одно довольно странное происшествіе ускорило отъѣздъ Расина. Какая-то молодая дѣвушка въ Юзѣ, жившая недалеко отъ дома Сковена, отравилась мышьякомъ. Слухъ прошелъ въ городъ, что она отравилась отъ отчаянія и любви, и умирая призналась, что уже давно страстно любила племянника Сковена. Это происшествіе испугало старика, онъ посѣщилъ дать благословеніе племяннику и самъ проводилъ его въ дорогу.

Цецилія Смиль, видя мечты свои разрушенными, сочла за счастье выйти за Феликса, и сдѣлалась подругою провансальскаго стихоплета! Бѣдная Цецилія! Будь она не такъ завязчива и не такъ ревнива, племянникъ Сковена продолжалъ бы любить ее, и она могла бы звать свое имя мадамъ Расинъ.

Исторія одного знаменитаго живописца. Въ 1629 году, въ одно прекрасное утро, въ красивомъ домѣ молодого Діега Веласкеса, происходило большое волненіе. Дворъ усыпалъ пескомъ; ковчегы устилали коврами, и особенно убирали обширную мастерскую художника. Все показывало, что хозяинъ готовится къ приему какого-нибудь важнаго посетителя.

Слава тридцати-четырехъ-лѣтняго Веласкеса безпрестанно возрастала въ Испаніи; многочисленные ученики съ жадностью пользовались его уроками; король Филиппъ-Четвертый, любимшій художества, иногда самъ принимался чертить эскизы подѣ наблюдениемъ этого артиста. Діега Веласкесъ путешествовалъ по Италіи, Голландіи и Фландріи; онъ видѣлъ Рубенса, и во время своихъ странствованій, приобрѣлъ тѣ знакомства, которыя для искусства тоже, что обращеніе въ свѣтъ для общества.

Въ домѣ Веласкеса посетители часто встрѣчали странное существо, мулата, робкаго, боязливаго невольника, котораго живописецъ любилъ и покровительствовалъ, но который, въ отсутствіе его, служилъ игрушкою и предметомъ насмѣшекъ его учениковъ, обыкновенно безжалостныхъ до приобрѣтенія первой опытности въ свѣтъ. Вотъ любопытная исторія этого мулата. Онъ былъ купленъ въ Индіи адмираломъ Пареха, съ котораго Веласкесъ списалъ портретъ. Восхищенный адмиралъ пришелъ благодарить живописца, въ сопровожденіи молодого невольника — мулата. Этотъ послѣдній несъ въ подарокъ Веласкесу дорогую золотую цѣпь. Когда адмиралъ уходилъ, мулатъ, по имени Хуанъ, хотѣлъ было послѣдовать за своимъ господиномъ, но морякъ сказалъ: «Съ этой минуты, ты принадлежишь синьору Веласкесу.»

Съ этимъ словомъ онъ вышелъ.

Бѣдный мулатъ, съ своимъ страннымъ, испуганнымъ лицомъ явился передъ учениками въ родѣ дурачка, надъ которымъ, по ихъ мнѣнію, можно было позабавиться. Они стали, шутя, называть его именемъ перваго господина, то-есть Хуаномъ Пареха, и это имя осталось при немъ навсегда. Веласкесъ, съ своей стороны, сжалившись надъ несчастнымъ, поручилъ ему присмотрѣть за мастерскою, должность не трудную, но долго служившую испытаніемъ терпѣнія мулата. Хуанъ былъ счастливъ въ присутствіи художника; но едва

онъ приходилъ, какъ ученики тотчасъ на него нападали. Мулатъ выносилъ ихъ насмѣшки съ великодушнымъ самоотверженіемъ.

Утомившись наконецъ напаками молодыхъ людей, Хунтъ рѣшился, на время отсутствія Веласкеса, скрываться въ какомъ-нибудь отдаленномъ уголкѣ дома. Говорятъ, что человекъ любитъ водражать, что искусства распространяются отъ соврикосновеніи. Присматривалъ къ живописи въ продолженіе года, прислушиваясь къ словамъ вѣнчѣйшихъ особъ, превозносившихъ до небесъ это искусство, мулатъ захотѣлъ также сродниться съ красками, то-есть, онъ вознамѣрился писать, для развлечения себя, въ длинные часы ожиданія возврата маэстро. Для этого онъ подбиралъ выбрасываемыя кисти и остатки красокъ. Онъ самъ видѣлъ очень хорошо, что живопись его просто маранье, но и въ самомъ мараньи находилъ особенную прелесть, и наблюдалъ такое глубокое молчаніе на счетъ своихъ тайныхъ занятій, что никто, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, не зналъ объ нихъ.

Въ минуту волненія въ домъ Веласкеса, о которомъ сказано выше, бѣдный мулатъ совсѣмъ потерялся : всякій приказывалъ ему что-нибудь. Ожидали двухъ славныхъ посѣтителей : Филиппа-Четвертаго, и Петра-Павла Рубенса. Въ то время Европа произносила съ особеннымъ восторгомъ знаменитое имя Рубенса. Его уважали вездѣ : и въ достойномъ его отечествѣ, Голландіи, и въ Нѣмецкой имперіи, и во Франціи, и въ Италіи, и въ Англии, и въ Испаніи. Рубенсъ былъ другомъ многихъ владѣтельныхъ особъ : его чтитъ Марія Медичи; Филиппъ-Четвертый осыпалъ почестями; англійскій король, Карлъ-Первый, пожаловалъ кавалеромъ въ полномъ собраніи парламента; инфанта Изабелла любила сидѣть подлѣ его мольберта. Картины Рубенса находились во всехъ галереяхъ Европы; онъ образовалъ школы живописи и гравированія, долженствовавшія изумить свѣтъ. Какъ архитекторъ, онъ построилъ себѣ домъ, воздвигъ великолѣпный храмъ Іезуитовъ въ Антверпенѣ; какъ дипломатъ, заключалъ мирные договоры, въ то время, какъ списывалъ портреты съ государей; какъ писатель, велъ переписку съ первыми европейскими учеными.

Характеръ Рубенса соответствовалъ его генію. Онъ содержалъ въ своемъ иждивеніи молодыхъ артистовъ въ Римѣ. Врагамъ своимъ онъ вѣдалъ благодарности : узнавъ, что Корнелій Шютъ немалъ работы, онъ тотчасъ послалъ къ нему заказы. Фанъ-Удснъ и другіе уч-

ники его писаніе на его картинахъ зверей и ландшафты, отдал распускать слухъ, что самъ художникъ не можетъ писать этихъ предметовъ : черезъ нѣсколько времени онъ выставилъ превосходныя картины, изображающія охоту, и величественные ландшафты, все писанное его рукою. Находили недостатки въ изображаемыхъ имъ лицахъ : онъ написалъ «Снятіе со Креста». Однимъ словомъ, Рубенсъ своими отвѣтами обезоруживалъ критику, дѣлая то, въ незнаніи чего она обвиняла его. Онъ повторялъ испанскую пословицу : «Дѣлайте хорошо, наживете завистниковъ ; дѣлайте лучше — уничтожите ихъ».

Веласкесъ ощущалъ сильное безпокойство при мысли, что его будутъ судить знаменитѣйшій художникъ. «Слава моя ничто, говорилъ онъ, если меня не похвалитъ Рубенсъ!»

Онъ хотѣлъ явиться передъ нимъ, окруженный своими лучшими произведениями, и нарочно для этого свиданія приготовилъ знаменитую картину «Платье Іосефа», которую Французы увезли было, въ 1809 году, и которая послѣ паденія Наполеона возвращена въ Испанію. Веласкесъ надѣялся на эффектъ этой картины : за два года передъ тѣмъ, Рубенсъ, живя въ Мадридѣ, оставилъ въ этомъ городѣ нѣсколько блистательныхъ произведеній своей кисти, которыми испанскій художникъ не могъ налюбоваться.

Въ полдень, два великолѣпные поезда прибыли почти въ одно время на дворъ дома, занимаемаго Веласкесомъ. Прежде вѣзхалъ Филиппъ-Четвертый, окруженный испанскими грандами ; за нимъ двинулся второй поездъ : то былъ Рубенсъ, сопровождаемый фанъ-Дейкомъ, Снейдерсомъ, фанъ-Уденомъ, Гаспаромъ Грейеромъ, Вайденсомъ и другими художниками, своими учениками, которыхъ онъ возилъ съ собою во время своихъ посольствъ. Въ это время онъ пріѣзжалъ въ Испанію вторично, въ качествѣ посланника.

Фламандскій артистъ приблизившись къ королю, постыпился сойти съ лошади и почтительно поклонился государю. Филиппъ-Четвертый остановилъ его. Въ это же время онъ взялъ художника за руку и оба пошли въ мастерскую.

Веласкесъ, съ учениками, встрѣтилъ знаменитыхъ гостей. Особенно казался смущеннымъ Хуанъ Пареха, мулатъ : его пламенные глаза смотрѣли на Рубенса съ неизъяснимымъ восхищеніемъ. Видно было, что онъ бросился бы передъ нимъ на колѣна, если бы смѣлъ на то рѣшиться.

Рубенсъ имѣлъ тогда отъ роду пятьдесятъ два года; голова его была прекрасна, лице величественно, осанка благородная, важная. Жизнь при дворахъ соединила въ немъ величіе гения съ изысканымъ обращеніемъ придворнаго.

Сердца всѣхъ присутствовавшихъ сильно трепетали въ то время, какъ глава фламандской школы молчаливо разсматривалъ произведенія главы школы испанской. Взглянувъ на «Платье Юсена», онъ выразилъ глубокое удивленіе, и молчаливо подалъ руку Веласкесу, который бросился въ его объятія.

— Вотъ, вскричалъ онъ, величайшій день въ моей жизни! Вы довершите мое счастье и славу, сеноръ, если удостоите взяться за кисть въ моей мастерской.

И Веласкесъ, указавъ рукою на главнѣйшія картины, подалъ Рубенсу кисти и палитру, въ надеждѣ, что великій художникъ набросаетъ на нѣкоторыя части его произведеній черты своего таланта. —

«Все, что я здѣсь вижу, конечно», сказалъ Рубенсъ, нагнулся къ присловенной къ стѣнѣ картинѣ. У него вырвался крикъ изумленія: то была картина, извѣстная потомъ подъ названіемъ «Погребенія».

Невольникъ помертвѣлъ отъ страха, увидавъ, въ какія руки нечаянно попала писанная имъ втайнѣ картина. Онъ дрожалъ, какъ преступникъ, поникнулъ головою, ожидая и выговора господина и насмѣшекъ учениковъ. Между-тѣмъ, Рубенсъ смотрѣлъ на картину внимательно.

— Я подумалъ сначала, сказалъ онъ наконецъ, что это мое произведеніе, Веласкесъ....

Невольникъ поднялъ голову, не вѣря своимъ ушамъ, вообразилъ, что все это происходитъ во снѣ. Никто не смотрѣлъ на него.

— Но, взглядываясь пристальнѣе, продолжалъ Рубенсъ, вижу, что картина писана кѣмъ-нибудь изъ вашихъ учениковъ. Какъ бы то ни было, а написавшій ее можетъ отнынѣ называться художникомъ, потому что въ картинѣ есть талантъ и гений.

Каждое слово усиливало біеніе сердца бѣднаго Хуана.

— Я не знаю, возразилъ Веласкесъ, посмотрѣвъ на картину, кто это писалъ, потому что не видалъ этого въ мастерской.

Онъ бросилъ безпокойный взглядъ на своихъ учениковъ, и потомъ спросилъ:

— Господа! кто изъ васъ писалъ картину?

Никто не отвѣчалъ. Глаза Веласкеса устремились нечаянно на мулату. Хуанъ Пареха палъ къ его ногамъ въ страшномъ волненіи.

— Это я! сказалъ онъ.

И фанъ-Дейкъ принужденъ былъ поддержать его. Хуанъ плакалъ и не могъ выговорить ни слова. Рубенсъ и Веласкесъ обняли его. Фьинппъ-Четвертый, счастливый свидѣтель этой трогательной сцены, подойдя къ мулату и положивъ ему руку на плечо, сказалъ :

Господинъ твой сейчасъ получить за тебя двѣсти унцій золота.

— Которыя принадлежать тебѣ, Хуанъ, прибавилъ Веласкесъ : я и безъ того приобрѣлъ много, найдя въ тебѣ, вмѣсто невольника, живописца и друга.

— Нѣтъ! вскричалъ Хуанъ Пареха : я всегда хочу оставаться вашимъ невольникомъ!» и обнималъ колѣна своего господина.

Восхищенный Рубенсъ положилъ палитру и кисти. Онъ отложилъ до завтрашняго дня исполненіе желанія Веласкеса. Всѣ удалились.

На другой день, Рубенсъ пріѣхалъ по обѣщанію ; онъ занимался съ часъ, и оставилъ эскизъ. Хуанъ прислуживалъ ему. При прощаніи, артистъ объявлялъ новаго своего собрата.

Заклучимъ описаніе этого случая нѣкоторыми подробностями о жизни Хуана Парехи. Онъ никогда не забывалъ о ласковомъ обращеніи Веласкеса ; никогда не хотѣлъ разстаться съ нимъ, сопровождалъ его всюду, и въ Римъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ одинъ день былъ принятъ въ сенъ-луцскую академію, въ числѣ членовъ которой находились : Доменикино, Гвидо, Пуссенъ, Петро Кортоне, Гверчино и Сандрертъ (Sandrært). Веласкесъ умеръ въ Мадридѣ, 1660 года, отъ заразительной болѣзни. Отъ его одра Хуанъ перешелъ къ одру его вдовы. Она умерла черезъ восемь дней, тою же болѣзнію, и тогда онъ пошелъ къ дочери своего учителя, которая тогда была замужемъ за пейзажистомъ Мартинесомъ дель-Масо.

— Сеньора! сказалъ онъ ей : вы однѣ остаетесь у меня ; если не хотите, чтобы я умеръ, возьмите меня въ услуженіе.

Хуанъ не разставался болѣе съ Масо, который обязанъ ему жизнью. Это случилось въ 1670 году. Одинъ мадритскій вельможа, оскорбленный сатирическою картиною, которую и теперь показываютъ въ аранхуэскомъ дворцѣ, подкупилъ убійцу умертвить живописца. Хуанъ Пареха, всегда сопровождающаго Масо, бросился на кинжалъ, и погибъ.

Много превосходныхъ портретовъ мулата-артиста находится въ Луврскомъ музее. Отдѣленіе парижскаго музея, называемое испанскимъ, имѣетъ двѣ его картины: одна изображаетъ «Жель-Муронскаго при гробѣ Спасителя», другая—знаменитое «Погребеніе», открытое Рубенсомъ. Въ Эрмитажной галлерей Императорскаго Зимняго Дворца есть одна картина Хуана Парехи: это превосходный портретъ католическаго монаха. «Привзаніе святаго Матвѣя», считающагося образцовымъ произведеніемъ Парехи, находится въ аранкуэсскомъ дворцѣ.

Д. МАЦКЕВИЧЪ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ. Колоссальная статуя Баварин, заманная королею Людовикомъ-Первымъ, поставлена недавно на холмъ Святой Терези, въ окрестностяхъ Мюнхена. Мюллеръ, директоръ казеннаго литейнаго завода, трудился осемь лѣтъ надъ отливкой этой бронзовой статуи, весомъ въ четыре тысячи пятьсотъ пудовъ. Металлъ стоитъ шестьдесятъ тысячъ рублей серебромъ.

Статуя маршала Удино, сдѣланная изъ бронзы Августомъ Дебё, открыта въ Мёзскомъ департаментѣ 29 сентября новаго стиля. Маршалъ представленъ въ военномъ плащѣ, съ жезломъ въ правой рукѣ: лѣвая лежитъ слегка на рукояткѣ. Положеніе просто и благородно. Лицо чрезвычайно сходно.

ЕЛИСАВЕТА АВСТРІЙСКАЯ, ЖЕНА КАРЛА-ДЕВЯТАГО. Въ луврскомъ музеумѣ есть портретъ Елисаветы Австрійской, жены Карла-Девятаго. Исторія этой королевы написана, такъ сказать, на ея вроткомъ и покорномъ лицѣ. Едва выйдя изъ дѣтства, она стала женою чловѣка, созданнаго не для нея, и презирая удовольствіями суетнаго двора, предалась строгому исполненію своихъ обязанностей. Когда преждевременное вдовство сдѣлало ее независимую, она, вместо того, чтобы отвергнуть всякое воспоминаніе о несчастномъ союзѣ, напротивъ того привязалась къ нему съ энергической рѣшимостью, думая, что ей слѣдуетъ загладить въ этомъ мѣрѣ проступки своего супруга.

Елисавета или Изабелла Австрійская была внукою Карла-Пятаго. Катерина Медичи устроила бракъ ея съ своимъ сыномъ. Ей было тогда четырнадцать лѣтъ. Императоръ Максимилианъ, отецъ ея, не рѣшался отдать ее за Карла, удерживаемый вмѣстѣ и тайными нотами испан-

снго короля, который не хотѣлъ никакого союза между Франціей и Австріей, и безлюбопытномъ отослать любимую дочь въ страну, раздираемую междоусобною войною; однако сомнѣе было заключить, и юную принцессу, обвѣчанную въ Шпейрѣ по доверенности, 22 октября 1570 года, увезли въ ея новое государство.

Карлъ-Девятый выехалъ къ ней на встрѣчу съ сильными противъ нея предубѣжденіемъ. Разсказываютъ, что онъ переодѣлся, чтобы ее увидеть. По склонности своего характера къ противорѣчію, онъ былъ не прочь найти ее непригожою; но испытаніе приняло совсѣмъ другой оборотъ: свѣжесть принцессы, благородство ея осанки, возвышенноі изяществомъ испанской одежды, которая чрезвычайно къ ней шла, произвели на него живѣйшее впечатлѣніе. Удовольствіе короля рвалось восторгъ придворныхъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, празднества, балы, пыльные поѣзды безостановочно сдѣлались въ честь новопрїзжей, но потомъ равнодушіе и забвеніе замѣнили угожденія. Карлъ-Девятый удалился отъ жены; и какъ ея важность, аккуратная жизнь и невинность не могли удержать вокругъ себя ни остряковъ, ни придворныхъ интригантовъ, то она осталась одна въ обществѣ воспитавшихъ ее испанскихъ дамъ. Объ ней говорили только въ народѣ, по случаю ея благотвореній, потому что все ея деньги тратились на милостыни и на освобожденіе плѣнныхъ за долги.

Имя ея не замѣнено ни въ одно политическое дѣло тогдашняго времени. «Я слышалъ, говорить Брантомъ, что во время Варооломеевской ночи, она, ничего не зная, легла по обыкновенію спать, и только проснувшись утромъ, узнала о разъягрявавшейся драмѣ».

- А известно ли это государю? спросила она.
- Все дѣлается по его повелѣнію, отвѣчали ей.
- Боже мой! вскричала она, молло Тебя, прости ему!

Она спросила молитвенникъ и начала молиться со слезами.

Съ этого пагубнаго дня она предалась самой строгой набожности, вставала ночью молиться и плакать на постели. Желая скрыть отъ свѣта скорбь, побуждавшую ее къ этому набожному умиленію, она выбирала то время, когда думала, что дежурныя дамы спятъ, но ей слышались заглушаемыя рыданія и ея тѣнь, которую свѣтъ отъ ночника выказывалъ за занавѣсью. Наконецъ смерть короля позволила ей дать

свободное изліяніе своему герою и выбрать родъ жизни, лучше согласившейся съ состояніемъ ея мыслей. Окончивъ въ Парижѣ глубокий трауръ королевскій, продолжавшійся полтора года, она возвратилась въ Вьну къ отцу и къ матери, радуясь, что у ней не было сына, котораго малолѣтство причинило бы новый раздоръ въ госуларствѣ. Жители Парижа провожали ее при отъздѣ и разстались съ нею съ величайшими знаками привязанности и сожалѣнія. Вся говорила, что она уносила съ собою счастье Франціи.

Возвратясь въ Вьну, она основала тамъ женскій монастырь Святой-Клары. Эта обитель была убжищемъ, въ которое она часто удалялась молиться, посвящая чрезвычайно мало времени для наслажденія пріятностями семейной жизни. Самыя великолѣпныя предложенія не могли заставить ее прервать свое суровое вдовство. Король испанскій, Филиппъ-Второй желалъ на ней жениться, но ни его собственныя старанія, ни ловкость хитраго іезуита, посланнаго вести переговоры объ этомъ союзѣ, не могли поколебать ея постоянства. Елисавета Австрійская умерла на тридцать-осьмомъ году своего возраста, на рукахъ кларистокъ, 22 января 1592 года. На портретъ, какъ думаютъ, работы Клауе, въ луврскомъ музеѣ, она представлена осемнадцати лѣтъ. Она не хороша, но глаза прекрасны, исполнены кротости, лобъ умный и цвѣтъ лица оживленъ блескомъ. Другая прическа лучше бы выказала наружные преимущества этой королевы и особенно эту грацію, о которой говорятъ всѣ современники.

МАЛИБРАНЪ ВЪ МИЛАНѢ. Обѣзжая Италію въ 1832 и 1833 годахъ, Малибранъ пріѣхала въ Ломбардію, предшествуемая и сопровождаемая громогласной славой. Хотя утомленная, разбитая дальнею дорогой, она однако непременно хотѣла явиться въ la Scala, въ тотъ же вечеръ и выбрала для своего дебюта оперу «Норма». Это значило бросить двойной вызовъ миланской публикѣ. Избравъ отважно высшую роль Пасты, роль еще и теперь памятную Ломбардцамъ, пріѣзжая подвергалась ужасной опасности. Тутъ успѣхъ скорѣе зависѣлъ отъ счастья, чѣмъ отъ таланта. Кому известно музыкальное соперничество столицъ Италіи, тотъ легко пойметъ, что торжество Маріи Малибранъ въ Римѣ возбуждало противъ нея неблагоприятное предубѣжденіе, которое могло помѣшать ея успѣху въ la Scala. Къ соперничеству городовъ, къ вопросу о музыкальномъ первенствѣ,

присоедините восторгъ Миланцевъ къ предшественницъ испанской пѣвицы и вы поймете какихъ подкупленныхъ судей, какихъ непримиримыхъ враговъ предстояло Малибранъ переубѣдить и оболѣстить — еще лучше, превратить въ восторженныхъ поклонниковъ.

Едва двѣнадцатый часъ пробилъ на городскихъ часахъ, какъ уже la Scala окружали зрители втрое болѣе, чѣмъ могло умѣститься въ огромной залѣ. Волненіе возрастало до такой степени, что сочли благоразумнѣе открыть театръ въ три часа пополудни.

Сначала публика ждала терпѣливо, занимаясь музыкальными спорами, угощая себя фруктами и пирожнымъ, но скоро настала скука, нетерпѣніе, утомленіе и наконецъ одинъ диллетантъ въ партерѣ затянулъ славнымъ басомъ интродукцію *Оровезе* и хоръ *Друидовъ*. Ему отвѣчали со всѣхъ сторонъ и ложи наполнились мало-по-малу при звукахъ хора въ три тысячи человекъ.

Въ ту минуту, какъ занавѣсы въ ложѣ графа Торреджани открылись, зрители, узнавшіе синьору Пасту, между графомъ и графиней, приподнялись съ своихъ мѣстъ, замахали платками и шляпами съ крикомъ *E viva!* Пѣвица сначала старалась уклониться отъ докучливаго триумфа, но ея друзья, видѣвшіе въ этихъ внезапныхъ восклицаніяхъ помѣху успѣху ея соперницы, заставили ее противъ воли поклониться нѣсколько разъ восторженной толпѣ.

Между-тѣмъ за занавѣсомъ разыгрывалась совсѣмъ различная сцена: Малибранъ, идя въ свою ложу по корридору, была свидѣтельницей этихъ шумныхъ восторговъ. Триумфъ Пасты показался ей враждебнымъ дѣйствіемъ противъ ея таланта и даже угрозой противъ ея особы. Войдя въ комнатку, со вкусомъ убранную для нея импресарио, она упала на диванъ въ судорожныхъ конвульсіяхъ.

Въ продолженіе цѣлаго часу невыразимаго безпокойства, директоръ послѣ долгаго совѣщанія съ Беріо, рѣшился возвратить деньги; уже онъ отдавалъ приказаніе режиссеру поднять занавѣсъ, какъ Малибранъ, страдающая и почти полумертвая до этой минуты, вдругъ вскричала, вскричавъ съ лихорадочной пылкостью:

— Нѣтъ, нѣтъ! я буду играть или моя слава погибнетъ! отступленіе обезчеститъ! колебаться невозможно.

— Но подумай, отвѣчалъ Беріо, если голосъ и силы измѣнятъ тебѣ, это будетъ уже не отступленіе, а проигранное сраженіе!

— Проигранное сраженіе иногда лучше триумфа. Паста въ залѣ,

а я должна быть на сценѣ. Мнѣ нечего бояться нечаянности, неприятель у меня въ виду.

— Душенька, позволь еще тебя замѣтить: Норма не только утомительна для дѣйствія, но и трудна для пѣвца Spriavato. Твоя душа и энергія придадутъ тебѣ силы для перваго тріо, но одно спокойствіе можетъ придать твоему органу простоту, требуемую каватинкой: *Ca-sta diva*.

— Ахъ, Карлъ, а мое чудное крѣпительное? развѣ оно не помогаетъ мнѣ въ минуту опасности?

И Малибранъ откупорила графинъ съ мадерой и проглотила несколько глотковъ.

— Ну какъ хочешь! сказалъ Беріо.

До самой минуты торжественнаго появленія Нормы, Миланцы разсыпано слушали оперу. Наконецъ она приблизилась въ дубовомъ вѣнкѣ и съ вѣткой зеленаго остролиста въ рукахъ. Можно сказать, что въ этомъ огромномъ театрѣ все молчали какъ одинъ. Въ извѣтельномъ огнѣ трехъ тысячъ взглядовъ, Малибранъ отыскала и угадала только одинъ неутомимый взоръ Пасты. Она выдержала сіяющій пламень съ стонческимъ мужествомъ, но лихорадка мало-по-малу смѣнилась ледяной дрожью и что ни дѣлала она, чтобы поддержать эту гигантскую борьбу, Норма чувствовала, что каменяющія вѣки ея тяжело закрываются, передъ немилосердно-пристальнымъ взглядомъ соперницы. Съ этой минуты вдохновеніе ея, раздраженное страхомъ, досадой и мадерой, порою ужасную чепуху, странности замѣнили у ней гений, преувеличеніе заняло мѣсто драматическаго жару. Между-тѣмъ какъ публика избивала себя руки, хлопая всѣмъ дурачествамъ безумнаго исполненія, Малибранъ плакала отъ бѣшенства, видя себя безмолвно осужденною единственнымъ судьбою, котораго она себя избрала.

— Что скажете, *diva*, спросилъ графъ Терреджани сибѣру Пасту, когда упалъ занавѣсъ, что скажете вы о Маріи Малибранъ?

— Что вы разумѣете, графъ, успѣхъ ея или талантъ? Успѣхъ не подлежитъ сомнѣнію, а о талантѣ не мое дѣло говорить: и притомъ надо вамъ знать, что я принимаю большое участіе въ Маріи. Отецъ ея, мой бывший товарищъ, былъ первымъ теноромъ Италіи....

— И славою Гарсиа; дочь его долго можетъ быть известна, продолжалъ графъ, улыбаясь и взявъ за руку своего знаменитаго друга.

Выѣзжая изъ театра, два экипажа встрѣтились подъ перистилемъ la Scala: одинъ влекомый двумя стами рукъ dilettanti, увозилъ Норму, красившую отъ стыда при этомъ незаслуженномъ триумфѣ, другой, на который никто не обращалъ вниманія, везъ въ палаццо Торреджани сеньору Пасту, счастливую, улыбающуюся какъ бывало прежде, когда она являлась къ друзьямъ послѣ побѣдоноснаго вечера.

Но едва оба экипажа вѣхали въ толпу, увеличивавшуюся ежеминутно волнами зрителей изъ всѣхъ выходовъ театра, какъ лошади были окружены человѣческой стѣною. При свѣтъ огненной полосы, образуемой факелами около двухъ экипажей, Паста и Малибранъ были, одна напротивъ другой, какъ двѣ царицы воздушнаго театра. Положеніе ихъ становилось щекотливымъ. Вдругъ крики, раздавшіеся изъ толпы, вывели Малибранъ изъ страдательной роли, которую энтузіазмъ Миланцевъ заставилъ ее играть при соперницѣ.

— Мы хотимъ втораго представленія «Нормы», ревѣли на всѣхъ тонахъ бышєнные диллетанты.

— Пусть diva пропоетъ теперѣ для народа, который не могъ попасть въ залу!

— Casta diva! Casta diva! кричали другіе голоса.... Досада, изображавшаяся на подвижныхъ чертахъ героини этого триумфа замѣнилась радостью, которой она не умѣла скрыть. Бросивъ взглядъ, исполненный гордости, на Пасту, видимо смущенную, она сдѣлала толпѣ повелительный знакъ, украшенный тонкой улыбкой и вдругъ какъ-будто волшебная палочка опустила на безумную толпу, всѣ остались неподвижны, съ полуоткрытыми устами. Какъ въ картинахъ великаго маэстро, жизнь и движеніе еще видѣлись въ этой неподвижности различныхъ позъ.

Малибранъ отбросила шубу, которою мужъ закрылъ ей плечи. Цѣломудренно скрестивъ руки на груди, граціозно закинувъ голову, съ взоромъ, устремленнымъ на небеса, она начала воззваніе свое къ цѣломудренной Февѣ. Въ ночномъ безмолвіи, голосъ ея былъ ласковъ и сладостенъ, медленно проникалъ въ сердце и ускорялъ его біеніе.

Боясь возмутить этотъ сверхъ естественный голосъ, зрители этой странной сцены сильно сжимали грудь, чтобы задушить рыданія и крики восторгу. Это была чудная минута! вдохновеніе, напрасно вызываемое Нормою во весь вечеръ, примѣшалось наконецъ къ звукамъ восторженной пѣвицы.

Малибранъ перестала пѣть, никто не рукоплескалъ, всѣ плакали. Энтузиазмъ толпы пробудился, когда коляска, увозящая великую артистку, тронулась, сопровождаемая всѣмъ миланскимъ народомъ съ факелами и съ радостными криками.

Коляска графа Торреджани уединенно воротилась въ палаццо по пустыннымъ улицамъ.

— Вы видѣли мою наследницу, сказала Паста своему старому другу. Паста скончалась: да здравствуетъ Малибранъ!

ЗАЕМЪ БОНАПАРТА. Не знаете ли вы, любезнѣйшій Бурриеннъ, что Кареагенъ, отправляя Аннибала въ Италію, отпустилъ его безъ копѣйки?

При этомъ вопросъ Бурриеннъ расхохотался.

— Ахъ! генераль, признаюсь, исторія или скорѣе исторіи, которыхъ я читывалъ, умалчиваютъ объ этомъ обстоятельстве. Но, вѣроятно, великій полководецъ не пустился бы въ такую далекую, опасную экспедицію безъ полковой казны, для выдачи жалованья солдатамъ; онъ зналъ, что главная пружина войны — золото.

И старый товарищъ предался новому припадку веселости, который Бонапарте принялъ въ хорошую сторону.

— Такъ, и я одного мнѣнія съ вами, любезный Бурриеннъ, сказалъ генераль; кареагенское правительство не могло отпустить полководца значительной арміи, не снабдивши его средствами для удовлетворенія потребностей, необходимыхъ въ его положеніи. Его не носымали съ босыми ногами, безъ плаща, переходить Ширеней и Альпы, завоевать Италію, разбить Римъ. А мы, нѣмѣ прочіе генералы французской республики, должны давать сраженія, покорять области ...

— Да, и часто случается, что вамъ и лошади не на что купить.

— Ужъ куда тутъ до лошади! хоть бы было средство одѣться, да обуться, ужъ и то было бы половиною горя меньше; мы считали бы себя счастливыми.

Генераль сопровождалъ слова свои глубокимъ вздохомъ; его серьезная, задумчивая физіономія выражала такую тяжелую думу, что Бурриеннъ тотчасъ понялъ, что Бонапартъ былъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, получивъ назначеніе полководца въ итальянскую армію, и не имѣя средствъ туда отправиться. Бурриеннъ при-

ступилъ прямо къ цѣли и облегчилъ Бонапарта, сдѣлавъ экономическій вопросъ :

— А сколько вамъ надо, генералъ? Какой суммы требуется для выступления вашего въ походъ?

На лицъ Бонапарта выказалось удивленіе, онъ никакъ не ожидалъ такого яснаго и опредѣлительнаго вопроса. Увѣренность, съ каково Бурриеннъ произнесъ его, на минуту обманула генерала.

— Чортъ возьми, сказалъ онъ своему старому товарищу, вы спрашиваете у меня, любезнѣйшій, точно такъ, какъ будто въ состояніи оказать мнѣ великое одолженіе и сейчасъ же отсчитать денегъ, сколько мнѣ надо.... Клянусь вамъ, мнѣ надо очень немного; но деньги нынче такъ рѣдки, на капиталистовъ же и ростовщиковъ напала такая робость!

— Но скажите же, въ какой суммѣ вы нуждаетесь?

— Я не могу взать, если не найду четырехъ или пяти сотъ лундоровъ.

— Пять сотъ лундоровъ, о! это много, генералъ.

— Вѣдь я говорилъ, вамъ любезнѣйшій?... Вотъ и вы испугались такъ же какъ ростовщики, къ которымъ я обращался. Но менѣе четырехъ сотъ лундоровъ невозможно.... въ статьѣ о процентахъ, я не буду упрямиться. Теперь посмотримъ, любезнѣйшій, можете ли вы дать мнѣ въ займы или не можете ли занять для меня?

Бурриеннъ не торопился отвѣчать, онъ перебиралъ въ памяти всѣхъ капиталистовъ, у которыхъ могъ бы ходатайствовать за генерала, друга своего. Бонапарте боялся помышлять его думъ, хотя не предвѣщавшей ему ничего добраго.

— Генералъ, сказалъ Бурриеннъ, подумали ли вы о братьяхъ Ганкѣ. Можетъ-быть, они дали бы вамъ въ займы.

— Ахъ! эти поставщики!. . Они не хотѣли даже принять меня. Я очень учтиво просилъ ихъ назначить время, когда можно ихъ видѣть, и вотъ до-сихъ-поръ жду ихъ отвѣта. Не надо и думать объ этихъ поставщикахъ; такіе люди не очень заботятся о томъ, чтобъ быть ростовщиками, отдавать деньги за болшіе проценты, они берегутъ свои капиталы для спекуляцій върныхъ, а главное, болѣе выгодныхъ.

Бурриеннъ выслушалъ генерала и узнавъ его мнѣніе о барышникахъ, которое, впрочемъ, уже предчувствовалъ, сказалъ съ живостью:

— Генералъ, я наймю чѣловѣка; какого вы хотите. Скорѣе, скорѣе, надвѣайте сапоги и пойдѣмъ... если только какія нибудь извѣстныя дѣла не задерживаютъ васъ.

Бонапарте не возражалъ и поспѣшно одавался. Бурриенъ генералъ съ такою увзрешностью, что генералъ снова сталъ надѣяться. Они вышли, въ молчаніи отиравшисъ въ улитку Тевно и остановились предъ домою № 9. Бурриенъ, ускорившій свои шагн для предварительнаго освѣдомленія, возвратился :

— Здѣсь! здѣсь! кричалъ онъ, онъ дома, пойдѣмъ!

И потащилъ генерала за собою.

— Пойдемъ, повторилъ генералъ; теперь уже нельзя отступать.

Оба друга скоро вошли во второй этажъ, гдѣ находилась квартира капиталиста; очень темная и очень грязная лѣстница вызвала замѣчаніе генерала, которое Бурриенъ вполголоса назвалъ совсѣмъ неумвстнымъ. Онъ сильно дернулъ за колокольчикъ, старуха отворила дверь :

— Мы желали бы говорить съ господиномъ Деламъ *** можно ли его видѣть?

Старуха была сестра Деламъ*** и отвѣчала, что онъ боленъ и не встаетъ съ постели, что они, впрочемъ, должны уже знать, потому что ихъ ожидали. Посѣтители переглянулись; Бурриенъ понялъ, что тутъ есть ошибка, но хотѣлъ воспользоваться ею, какъ единственныиъ средствомъ видѣть капиталиста, который, вѣроятно, не захотѣлъ бы принять новыхъ гостей, если бы зналъ причину ихъ посѣщенія. Старуха же, принимая ихъ за докторовъ, торопливо ввела въ комнатку, гдѣ лежалъ ея братъ. Суровая физиономія Бонапарте, по видимому, произвела на нее глубокое впечатлѣніе.

— Ахъ! милости просимъ, произнесъ почти замогильный голосъ, выходявшій изъ глубины алькова; прошу васъ, господа, садитесь.

Изъ этихъ словъ видно было, что Деламъ *** ошибался. Слѣдовало какъ можно скорѣе вывести его изъ заблужденія, Бурриенъ прямо пошелъ на приступъ :

Милостивый государь, сказалъ онъ, подходя къ кровати больного, какъ вы себя чувствуете? Признаюсь вамъ, я нѣсколько сердитъ на васъ, за то, что вы не предупредили меня о своей болѣзни....

— Какъ! что вы говорите, государь мой? кто вы? Кажется, я не имѣю чести васъ знать!

Старикъ сдѣлалъ привѣтъ, чтобы лучше рассмотреть своихъ по-свѣтлой, съ трудомъ, съ болѣзненными отожоми, исторгнутымъ подалрою; ему, однако, удалось приподняться.

— Я искренній другъ вашего прежняго товарища Бри^{***} и из-сколже разъ ималъ удовольствіе встрѣчаться съ вами у него....

— Извините, господа, но я принималъ васъ за докторовъ. Вы врно пожаловали говорить со мною о дѣлахъ? Если такъ, то вы сами видите, что я совсѣмъ не въ состояніи отвѣчать вамъ. Но съ камъ я имью честь говорить?

Имя мое Бурриеннъ; вроятно это имя не совсѣмъ вамъ неизвѣ-стно.

— Натъ, я кажется слыкалъ его отъ друга своего Бри^{***}.

— Но имя моего товарища. вроятно, вамъ еще извѣстнѣе; это генералъ Бонапарте.

— Генералъ Бонапарте! генералъ Бонапарте! за чѣмъ же вы не сказали мнѣ прежде? Генералъ Бонапарте у меня въ домъ! Сдѣлай-те одолженіе, прошу васъ, господа, садитесь. Скажите же, въ чѣмъ дѣло? Какая причина доставляетъ мнѣ честь видѣть васъ у себя?

Друзья взяли стулья и усѣлись:

— Любезнѣйшій мосье Делама^{**}, сказалъ Бурриеннъ, намъ нужно пять сотъ или шесть сотъ лундоровъ.

— Вы нуждаетесь въ пяти или шести стахъ лундорахъ? Ахъ! какъ мнѣ жаль, какъ мнѣ жаль васъ!

— Какъ! развѣ вы не хотите оказать намъ атого маленькаго одо-лженія?

— Кто вамъ говоритъ объ этомъ? Я сказалъ, что жалю, видя васъ въ необходимости занимать пять сотъ или шесть сотъ лундо-ровъ. Развѣ тутъ есть чему радоваться? Нынче деньги рѣдки, вы сами это знаете, господа, а вѣдь мы поплачиваемся за неблагоразу-міе въ дѣлахъ своихъ. Но развѣ вы оба нуждаетесь въ деньгахъ?

— Не совсѣмъ: я говорю мы, по старой привычкѣ товарищества. Нуждается же генералъ Бонапарте.

— А зачѣмъ же вы прежде не сказали? Но я думалъ, что гене-ралъ уже ухалъ въ главную квартиру итальянской арміи....

Бонапарте принужденъ былъ побѣдить отвращеніе свое вступить въ разговоръ:

— Я уже ухалъ бы, сказалъ онъ больному, если бы....

— Еслибы у васъ были необходимы деньги.

— Кажется, вы хорошо знаете обстоятельства, и потому я только прибавлю, что много одолжить меня тотъ, кто дастъ мнѣ въ займы. Я честный человекъ, и кромѣ того въ обезпеченіе предлагаю то, что мнѣ должна національная казна. Самъ военный министръ уполномочилъ меня дать векселя подъ залогъ его казны.

— Векселя! векселя! ха! ха! ха!

Это восклицаніе, сопровождаемое оглушительнымъ смѣхомъ, было единственнымъ отвѣтомъ старика. Бонапарте пришелъ въ замѣшательство; но движеніемъ показалъ, что не будетъ болѣе настаивать и считаетъ за лучшее удалиться. Но его товарищъ не терялъ надежды, зная характеръ и привычки Делама***, старика желчнаго и насмѣшливаго. даже нѣсколько грубаго, всегда, повидимому, отпывавшаго, когда готовъ уже былъ рзыться на всѣ условія.

— Послушайте же, любезнѣйшій Делам***, если вы не принимаете ручательства военнаго министра, то намъ остается только уйти.

— Уйти! уйти! А за чѣмъ, прошу сказать! Развѣ я сказалъ вамъ что обидное? Вы мнѣ предлагаете векселя на имя военнаго министра.... А я не хочу; въ моей конторкѣ такихъ векселей ужъ на триста тысячъ франковъ, а одинъ Богъ въдаетъ, когда это заплатится.

— Въ такомъ случаѣ, генералу остается только предложить вамъ векселя на свое имя.

— Я и этого не хочу.

— Это значить, что вы не хотите съ нами имѣть дѣла.

— Вотъ бѣдовый человекъ! кто вамъ сказалъ это? Генералъ Бонапарте долженъ бы выбрать другаго повѣреннаго по дѣламъ.

— Какъ, вы не хотите ни залогоу, ни векселей?...

— Нѣтъ, нѣтъ, для меня довольно одного слова генерала.

Друзья съ удивленіемъ взглянули другъ на друга.

— Благодарю васъ, сказалъ Бонапарте, благодарю за это доказательство довѣренности; но въ моемъ ремеслѣ, жизнь виситъ на волоскѣ, объявленная кампанія будетъ продолжительна и кровопролитна, я могу быть убитъ въ первомъ же сраженіи.

Больной устремилъ пронизательные взоры на безстрастное лицо Бонапарте.

— Вы не будете убиты, генераль, я въ томъ порука.... вы возвратитесь побѣдителемъ и заплатите мнѣ.

— А! вы хотите представиться колдуномъ, чтобы скрыть свою деликатность.

— Я не колдунъ, генераль; что касается до деликатности, не мнѣ судить о томъ. Но я убѣжденъ и это убѣжденіе руководитъ моими поступками, которые, кажется, удивляютъ васъ. Да, я увѣренъ, что вы не будете убиты, ни ранены, и что по возвращеніи въ Парижъ первое посѣщеніе ваше будетъ ко мнѣ. И потому, генераль, прошу васъ, не благодарите меня, право, не стоитъ труда.... Впрочемъ, довольствуясь однимъ честнымъ словомъ, я долженъ, однако, предложить вамъ нѣкоторыя условія, которыя можетъ быть не понравятся вамъ.

Бурриеннъ мигнулъ Бонапарту, тотчасъ появившему, что дѣло идетъ о процентахъ.

— Я знаю, что деньги трудно достать и потому приготовился, на всѣ условія....

— Вы говорите, вамъ надо пять сотъ лувдоровъ; ну! а я дамъ вамъ шесть сотъ. Любите ли вы картины, генераль? ...

Этотъ вопросъ нѣсколько смутилъ обоихъ друзей.

— Любите ли вы картины генераль? повторилъ старикъ.

— Люблю, цемного, отвѣчалъ Бонапарту запинаясь; но я плохой знатокъ и совсѣмъ не имѣю времени научиться быть хорошимъ цѣнителемъ.

— Вы будете хорошимъ знаткомъ, и должны сдѣлать начало для своей будущей картинной галереи.... А у меня именно есть двѣ картины Ванъ-дербъ-Мейлена, которыя очень вамъ пригодятся. Они достались мнѣ изъ галереи эмигранта, графа де-Ланжака, выѣзшняго генерала въ арміи принца Конде. Это двѣ лучшія картины великаго художника. Я уступаю ихъ для васъ за сто лувдоровъ....

— Но, клянусь вамъ, я совсѣмъ не нуждаюсь въ картинахъ.

Бурриеннъ вдругъ прервалъ Бонапарта.

— Какъ! генералу отказываться отъ двухъ картинъ Ванъ-дербъ-Мейлена, отъ картинъ, представляющихъ битвы, которыхъ продаютъ за сто лувдоровъ!.... Да это неслыханная вещь. Мосье Дела** правъ, эти картины вамъ очень пригодятся и вы покупаете ихъ.

Бонапарте понялъ, что не будетъ у него пяти сотъ лундоровъ, если онъ не возьметъ картинъ и покорится.

— Хорошо, сказалъ онъ старику, я покупаю картины.

— Угодно ли вамъ видѣть ихъ ?

— Ничъ это бесполезно, я полагаюсь на ваши слова.

Большой позвонилъ, вошла старая его оестра. Делла^т сказала ей на ухо нѣсколько словъ, она вышла и скоро возвратилась съ мешкомъ, полнымъ золота.

— Отсчитай пять сотъ лундоровъ генералу Бонапарте, сказалъ онъ ей.

Деньги были пересчитаны съ обѣихъ сторонъ, и на окончаніи этой предварительной статьи, старикъ предложилъ генералу положить деньги въ карманъ.

— Завтра утромъ, сказалъ онъ ему, картины будутъ у васъ. Прощайте, генераль, прощайте, господинъ Бурриеннъ, не наде ли и вамъ чего нибудь ?

Бурриеннъ поблагодарилъ старика, и размѣнявшись кустыми привѣтствіями, оба друга простались съ нимъ. Выхода, генераль казался очень невеселымъ.

— Ужъ не думаете ли вы сердиться за условіе — спросилъ у него Бурриеннъ.

— Двѣ картины за сто лундоровъ ! немного дорого.... Бьюсь объ закладъ, что это работа какого-нибудь маляра....

— Работа маляра или художественное произведеніе, что въ этомъ нужды ! Вы имѣли нужду въ пяти стахъ лундорахъ, теперь вы имѣете ихъ, и можете отправляться въ армию. Воздайте же благодарность Ванъ-дерь-Мейлену, безъ него вы бы и теперь должны были читать римскую исторію Роллена.

Бонапарте не жаловался болѣе, и на другой день послѣ посѣщенія капиталиста въ улицъ Тевно, отправился въ главную квартиру итальянской арміи.

А на картины Ванъ-дерь-Мейлена, онъ не потрудился даже взглянуть, когда принесли ихъ къ нему. Куда онъ дѣвался ? Это неизвестно ; но въ послѣдствіи замѣчали, что императоръ Бонапарте, посѣщая музей, всегда со смѣхомъ останавливался предъ большими картинами фламандскаго живописца ; безъ сомнѣнія, онъ напоминалъ ему необыкновенное обстоятельство, заставившее его впервые узнать

ими Ванъ-деръ-Мейлева и такъ дорого заплатится за первыя познанія въ живописи.

ТАЙНА. Въ то время когда мы пишемъ эти строки, Ирландія не слыветь самую богатою странною въ міръ : она не была богаче и въ концъ послѣдняго столѣтія. По этому бѣднякъ Донаго, содержавшій школу въ деревункѣ недалеко отъ Арклово, жилъ очень недостаточ-но доходами отъ уроковъ ; дюжина школьниковъ, съ которыхъ онъ получалъ по четыре и пяти шиллинговъ, чаще же мукою и картофе-лемъ — была единственнымъ источникомъ его доходовъ. Съ этимъ трудно вести роскошную жизнь ; и потому онъ часто довольствовал-ся пятью обѣдами въ недѣлю.

Однако же Донаго былъ не только ученый, но и превосходный че-ловѣкъ, одаренный самымъ счастливымъ характеромъ и веселымъ расположеніемъ духа. Мать священника нашла его на перекресткѣ до-роги. Добрая женщина воспитала его какъ собственное свое дитя, а священникъ выучилъ всему, что зналъ самъ.

Донаго былъ очень любимъ въ деревункѣ, во-первыхъ потому, что доказывалъ свое неутомимое терпѣніе въ ежедневныхъ занятіяхъ со школьниками ; во-вторыхъ, на зимнихъ посидѣлкахъ у него всегда была на готовѣ сказка о волшебницѣ или о великанѣ. Онъ зналъ всѣ легенды этой страны. Однако же этотъ неистощимый рассказчикъ умѣлъ остановиться во-время, и если замѣчалъ въ углу какую-ни-будь группу, невнимательную къ его словамъ, тогда брался за свою волынку и игралъ плясовыя пѣсни, которыхъ его выучилъ старшій пастухъ.

Но заставляя танцевать молодыхъ двушекъ и рассказывая имъ исторіи, Донаго наконецъ и самъ почувствовалъ, что у него бьется сердце и часто подмывали его взгляды, устремленные на Мери Леаги, самую красивую, но и самую кокетливую двушку изъ всего округа.

Мери мало думала о школьномъ учителѣ, у котораго не было ни красоты, ни богатства, къ тому же была влюблена въ Томаса, сына сосѣдняго помѣщика, дюжаго, веселаго малаго, который оста-навливалъ лошадей на всемъ бѣгу, и былъ героемъ всѣхъ праздни-ковъ этого мѣстечка. Бороться съ подобнымъ соперникомъ, былъ бы напрасный трудъ ; и потому Донаго старался изгнать изъ своего сердца любовь и довольствовался тѣмъ, что могъ иногда созерцать

предметъ своей вѣжности, никогда не говоря ему о своихъ страданіяхъ.

Вскорѣ однако неопредѣленная озабоченность изобразилась въ чертахъ лица школьнаго учителя; веселость его мало-по-малу исчезала, лобъ омрачился думою, улыбка оставалась въ безмолвіи на губахъ. Нѣкогда такой веселый, такой говорунъ, теперь хранилъ онъ молчаніе, когда просили его рассказать какую-нибудь изъ прежнихъ исторій; даже сталъ мало заниматься съ учениками, о которыхъ обыкновенно имѣлъ такое пламенное попеченіе, и задавъ имъ съ разстѣпаннымъ видомъ самые необходимыя уроки, оставлялъ свою лѣжку и прогуливался одинъ за горою, на берегу небольшого ручья, катившаго свои грязныя волны по тинистому и песчаному руслу. Онъ часто проводилъ ночи въ этихъ уединенныхъ прогулкахъ.

Такое состояніе духа школьнаго учителя привело въ безпокойство всю деревеньку. Сперва думали, что любовь къ Мери Леаги была причиною столь глубокой печали. Когда его спросили объ этомъ, онъ пожалъ плечами. Словомъ, самые умныя головы деревеньки держали совѣтъ и было рѣшено, что Донаго... сошелъ съ ума.

Невозможно было долѣе довѣрять воспитаніе дѣтей человеку, потерявшему разсудокъ: единогласно рѣшили, что школа Донаго должна быть оставлена.

Только что былъ произведенъ приговоръ, какъ дюжина мальчишекъ, учившихся въ школѣ, прибѣжали съ крикомъ и прыжками: учитель распустилъ ихъ.

— Дѣти, сказалъ онъ, сегодня въ послѣдній разъ я вамъ даю урокъ, и прошу, скажите вашимъ родителямъ, чтобы они сѣискали вамъ другаго учителя; жаль было бы прервать на долго ученіе, такъ хорошо начатое.

— Теперь ужъ нечего сомнѣваться, онъ сумасшедшій, воскликнулъ одинъ изъ членовъ совета, выслушавъ разсказъ.

— Я думаю, сказалъ другой, мы сдѣлаемъ хорошо, если предудомимъ господина шерифа. Сумасшедшіе бывають иногда опасны.

Такимъ-образомъ рѣшено было идти къ шерифу; но когда на другой день утромъ пришелъ шерифъ, Донаго уже не было.

Хижина его была не заперта, въ нее вошли. Величайшій порядокъ царствовалъ внутри. Начались розысканія, болѣе нескромныя, нежели подозрительныя. Донаго никогда не дѣлалъ никому зла и поведеніе

его было безукоризненно. Скамейка стояла на обыкновенномъ мѣстѣ подлѣ плетки, которую онъ никогда не приводилъ въ дѣйствіе, а только грозилъ самымъ упрямымъ ученикамъ; словомъ, все было въ обыкновенномъ порядкѣ, какъ будто школьный учитель долженъ былъ возвратиться на другой день.

Однако онъ не возвращался. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней покоились объ его участи, но такъ какъ все забывается въ мірѣ, то перестали заботиться о Донаго, и пригласили другаго школьнаго учителя. Всѣ согласились, что новый учитель не обладалъ глубокими познаніями, ни веселымъ характеромъ, ни музыкальнымъ талантомъ прежняго наставника. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ въ особенностяхъ были недовольны молодыя дѣвушки, а какъ зима приближалась и вечера становились длинные, то на посидѣлкахъ часто стали сожалѣть объ отсутствіи бѣднаго Донаго.

Дѣйствительно бѣдный Донаго! всѣ были увѣрены, что онъ оставилъ ихъ сторону для того, чтобы освободиться отъ пожиравшей его любви. Кокетка Мери Леаги не опровергала этого слуха.

Такъ протекло шесть недѣль послѣ отсутствія школьнаго учителя. Въ одно воскресенье вся деревня собралась въ церковь къ обѣднѣ, какъ увидали вошедшаго Донаго, который спокойно занялъ свое обыкновенное мѣсто на скамьѣ. Онъ сталъ на колына не бросивъ не одного взгляда вокругъ себя; но за то всѣ глаза были устремлены на него. Да и было отчего притти въ изумленіе; Донаго не былъ уже бѣднымъ школьнымъ учителемъ; на немъ было темное, платье, бархатный жилетъ гранатоваго цвѣта и брюки изъ шерстяной желтой матеріи, самыя яркія. Прибавьте къ этому узорчатые чулки, башмаки съ серебряными пряжками и подвязки съ розетками; на головѣ прекрасный парикъ, тщательно напудренный, съ широкимъ кошелькомъ изъ черной тафты на затылкѣ; наконецъ манжеты изъ тонкаго полотна, и широкое, кружевное жабо; можно было подумать, что это одинъ изъ модниковъ Корка или Дублина.

По выходѣ изъ церкви произошла страшная суматоха. Всякій хотѣлъ подойти, поговорить, даже только прикоснуться къ школьному учителю, чтобы убѣдиться въ дѣйствительности его присутствія. Когда же не осталось на этотъ счетъ никакого сомнѣнія, все народонаселеніе громко выразило свою радость, увидѣвши неутомимаго раз-

оцаника, снисходительнаго музыканта, дурнаго учителя. Впередъ выпадешь градемъ.

— Мы думали, что вы провали, Донаго; откуда вы пришли такъ хорошо завѣтый и одѣтый? спрашивали у него.

— Откуда я пришелъ! отвѣчалъ простодушно Донаго, я пришелъ изъ Дублина.

— Но зачѣмъ же вы были въ Дублинѣ?

— Я ѣздилъ туда для своего удовольствія.

— Для своего удовольствія?

— Безъ сомнѣнія, и почему же не такъ? Я не хочу болѣе быть школьнымъ учителемъ; уроки меня утомляютъ. Поразмысливъ объ этомъ, я рѣшился лучше быть помѣщикомъ.

— Помѣщикомъ! воскликнули всѣ окружающіе его.

— Я говорилъ вамъ, что онъ сумасшедшій, разсудительно замѣтилъ въ полголоса, тотъ, который шесть недѣль тому предувѣдомилъ шерифа.

— Да, добрые друзья мои, отвѣчалъ Донаго, отнынѣ я хочу быть помѣщикомъ, я всегда чувствовалъ склонность къ этому состоянію и, чтобы не разставаться съ вами, я рѣшился купить ферму Беллинагоръ. Не правда ли, Патрикъ, славное имѣніе?

— Да, Донаго, но за это имѣніе надо заплатить огромныя деньги.

— Что жъ такое! Зато я всегда буду съ вами, и если вы придете ко мнѣ на ферму, я вамъ всегда буду радъ.

Изъ снисхожденія, крестьяне во всемъ соглашались съ Донаго; онъ боялся оскорбить его разстроенный разсудокъ и говорилъ между собою, что лучше оставить ему его мечты, нежели разрушать ихъ.

— Если чрезъ некоторое время, говорили они, разсудокъ къ нему возвратится, онъ будетъ очень счастливъ, когда найдетъ въ насъ прежнихъ друзей, готовыхъ отпустить новаго школьнаго учителя и вручить ему нашихъ дѣтей и деньги за нихъ.

Но Донаго, вмѣсто того, чтобы возвратиться въ свою хижину, пошелъ на ферму Беллинагоръ, гдѣ ждалъ его деревенскій нотаріусъ. Контрактъ былъ подписанъ. Онъ заплатилъ за имѣніе чистыми деньгами и тотчасъ же принялъ его въ свое владѣніе.

На этотъ разъ всѣ были поражены изумленіемъ.

Донаго былъ ужъ не сумасшедшій, но хуже, — колдунъ. Но развѣ кол-

дуны обладаютъ веселостью, которая, казалось, возвратилась къ прежнему школьному учителю? Наконецъ, колдуны не даютъ такихъ прекрасныхъ праздниковъ и не заставляютъ танцовать молодыхъ двушекъ. Для того, чтобы остаться вѣрнымъ историкомъ, надобно же сказать, что Донаго угостилъ всю деревню и послѣ объѣда залы фермы превратились въ танцевальныя залы. Если богатство не испортило превосходныхъ качествъ школьнаго учителя, то оно также нисколько не ослабило новаго помѣщика. Какъ человекъ опытный, Донаго нанялъ лучшихъ земледѣльцевъ и съ ихъ помощью самъ обрабатывалъ землю, и такъ хорошо управлялъ своимъ имѣніемъ, что наконецъ все убѣдились, что онъ никогда не терялъ разсудка.

Однако часто вечеромъ видали, что онъ по прежнему ходилъ въ ту сторону, гдѣ была гора и углублялся въ долину. Какая была цель его удивленныхъ прогулокъ? Никто не могъ этого сказать, а все же хотѣлось знать. Не одинъ разъ хотѣли подсмотреть за нимъ, но онъ былъ остороженъ и тотчасъ же возвращался въ деревню по другой дорогѣ. Тайна оставалась непроницаемою такъ же, какъ и причина столь внезапнаго и удивительнаго богатства. Этотъ важный предметъ занималъ все умныя головы. Злые же тщетно старались объяснить это чудо.

— Онъ получилъ наслѣдство, говорили одни.

Но Донаго не имѣлъ родственниковъ, отъ которыхъ могъ бы получить наслѣдство, а священникъ, воспитавшій его, умеръ не оставивъ ему ничего.

— Онъ нашелъ кладъ въ старой баннѣ замка, говорили другіе.

Но развалины замка давно уже заросли высокою травою, и камни нѣкъмъ не были тронуты. Ясно, что рука Донаго никогда не прикасалась къ нимъ.

Другіе же, глубоко уважая ученость прежняго школьнаго учителя, полагали, что Донаго былъ въ Дублинѣ для того только, чтобы посягнуть вице-короля ирландскаго, который пришелъ въ такой восторгъ отъ глубокой учености профессора, что тотчасъ же приказалъ отсчитать ему порядочную сумму денегъ, въ доказательство своего удовольствія. Это предположеніе было также невѣроятно, какъ и прежнія и доказывало, что знаменитая тайна оставалась не открытою. Мужчины бредили ею, а женщины не спали отъ нея. Подобное по-

ложеиіе было невыносимо; чего бы не стоило, надо было изъ него выйти.

Давно уже известно, что женщины самыя любопытныя существа въ мірѣ и, вѣроятно для того, чтобы согласить способности ихъ съ потребностями, небо одарило ихъ чудною прозорливостію, искусствомъ проникать тайны и овладѣвать секретами, что дѣлаетъ ихъ столь опасными или полезными, какъ хотите. И потому-то всѣмъ женщинамъ деревеньки очень хотѣлось бы поднять покрывало, за которымъ скрывалось богатство Донаго. Чтобы снискать его до-вѣренность, они бросали на него самыя умилыныя взгляды и рачтчали сладкія улыбки и мимоходомъ дарили его словами, которыя открываютъ сердце; онъ мило предупреждали всѣ его желанія, вѣроломно завлекали его. Но Донаго, знавшій человеческое сердце и воспитавшій себя, воспитывая другихъ, оставался непоколебимъ и непроницаемъ. Онъ такъ былъ недоверчивъ, что всѣ дѣлаемыя ему любезности и глазки оставались безъ успѣху. Надобно же было, чтобы любовь вмѣшалась въ это дѣло. Донаго не забылъ Мери, а Мери помнила, что Донаго некогда любилъ ее. Можетъ-быть это пламя не потухло еще. Когда носятъ имя Мери, имѣютъ продолговатыя голубыя глаза, прекрасныя русыя волосы, стройную талію, правильное овальное лицо, когда свѣжій румянецъ разливается по щекамъ и зубы какъ слоновою кость блистаютъ между пурпуровыми губами, невозможно сомнѣваться въ своемъ могуществѣ. Мери поклялась, что или откроетъ тайну, или лишится красоты своей.

Сперва начались открытыя взгляды, потомъ смущеніе, искусно выказываемое, восхитительный румянецъ, разливавшійся по щекамъ, неопредѣленные слова при встрѣчѣ, вопросы, оставаемые безъ отвѣта. Наконецъ робко предоставили свою руку, сами отвѣчали легкимъ пожатіемъ и однажды вечеромъ, за кустарникомъ, нагнули голову и позволили сорвать поцѣлуй. Донаго попался въ сѣти волшебницы и черезъ недѣлю чары произвели свое дѣйствіе. Донаго не обманывался на счетъ внезапной любви Мери.

— Богатство мое, говорилъ онъ, обольстило ее.

Но какъ онъ любилъ ее сильно и искренно, то въ одно утро, взявъ трость съ золотымъ набалдашникомъ, и надѣвъ свой прекрасный парикъ и темное платьѣ, отправился къ жилищу Мери.

Увидавъ его, она не могла скрыть коварной улыбки; она ждала этого посвященія и оттадала цѣль его.

Донаго, собравъ всю свою бодрость, приветствовалъ Мери, и сѣлъ противъ нея на скамью, которую она ему предложила. Онъ кашлянулъ три раза, какъ смущенный ораторъ, желающій придать себѣ бодрости и храбро началъ разговоръ о главномъ предметъ своего посвященія.

— Мери, сказалъ онъ, хотите ли быть моею женою?

Молодая дѣвушка молчала, потупивъ голову. Молодой человѣкъ продолжалъ :

— Я буду для васъ нѣжнѣйшимъ мужемъ, и буду имѣть о васъ попеченія отца; скажите, хотите вы этого?

Мери на это ничего не отвѣчала, но прелестный румянецъ, разлившійся по ея щекамъ, ни на минуту не позволялъ сомнѣваться въ ея чувствахъ.

Но Донаго хотѣлъ опредѣлительнаго отвѣта.

— Мери, началъ онъ, скажите одно слово, и вы сдѣлаете меня счастлѣннѣйшимъ изъ людей; хотите имѣть меня своимъ мужемъ?

На это третье воззваніе, робкое да, было наконецъ тихо произнесено устами молодой дѣвушки. Для Донаго ничего не нужно было болѣе; онъ бросился къ ея ногамъ и покрылъ поцѣлуями ея руку. Куда дѣвалась мудрость Донаго? Когда любовь овладеетъ нами, тогда можно сказать: прости благоразуміе.

— Потихе, воскликнула Мери съ нѣжною улыбкою; я соглашусь выйти за васъ замужъ, но только съ условіемъ.

— Какое бы оно ни было, я согласенъ.

— Берегитесь обязательства, которое принимаете.

— Не боюсь ничего, потому что люблю васъ.

— Надобно это доказать.

— Что же я долженъ сдѣлать?

— Все, если не любите меня; ничего, если правда, что любите, соглашаться съ моими желаніями, повиноваться моей волѣ и дѣлаться со мною вашими радостями и печалями.

— Только-то?

— Нѣтъ не все.

— Что-же еще?

— Имѣть полное ко мнѣ довѣріе и не скрывать отъ меня ничего, чего я захочу узнать.

Лице Донаго омрачилось, голова склонилась на грудь; онъ хранилъ молчаніе.

Легкая ручка, нѣжно положенная ему на плечо, приподняла его голову, и тогда онъ увидѣлъ наклонившуюся къ нему хорошенькую головку Мери, съ улыбкою на губахъ и съ сладкимъ взглядомъ въ глазахъ. Всякое сопротивленіе было бесполезно, Донаго не могъ уже отступить; свадьба была назначена. Съ этого дня Донаго былъ объявленъ женихомъ Мери Леаги и въ деревнѣ только и говорили о ихъ будущей свадьбѣ.

Съ каждымъ днемъ богатство школьнаго учителя увеличивалось, съ каждымъ днемъ онъ дѣлалъ новыя пріобрѣтенія; если онъ въ водилъ съ нечистою силою, то навѣрное отырытъ философскій камень. Нѣсколько уже разъ Мери спрашивала Донаго о таинственномъ происхожденіи его богатства; но онъ оставался непроницаемъ. Всегда веселый, предупредительный, любезный, онъ вдругъ становился мраченъ, разсѣянъ, задумчивъ, лишь только молодая дѣвушка начинала его спрашивать. Какія предосторожности она для этого употребляла! Какія нѣжности, какія упительныя ласки она расточала для того, чтобы исторгнуть у него эту непонятную тайну. Но чѣмъ болѣе она употребляла усилій, тѣмъ болѣе Донаго оставался непоколебимъ.

— Вы не любите меня, сказала Мери.

— Обожаю! отвѣчалъ Донаго.

— Такъ скажите мнѣ тайну вашего богатства.

— Нѣтъ, Мери, послѣ нашей свадьбы, вы все узнаете.

Тогда Мери отъ нетерпѣнія топала ножкою и дулась въ продолженіе двухъ или трехъ дней. Но видя что Донаго оставался непреступнымъ, она, соскучась своею ролью, снова принималась за ласки и нѣжности.

Наконецъ приблизился день свадьбы.

— Такъ какъ завтра день нашей свадьбы, Донаго, сказала молодая дѣвушка, то вы можете теперь вѣрить мнѣ свою тайну.

— Нѣтъ; я скажу вамъ завтра; что значитъ одинъ день, когда вы уже такъ долго ждали?

— Я хочу знать сегодня, или буду думать, что вы никогда меня не любили.

— Злая! вы знаете, что это неправда.

— Нѣтъ, я не знаю и знать объ этомъ не хочу. Кажется, если бы вы у меня потребовали чегонибудь, я не отказала бы вамъ съ такимъ упорствомъ.

— Мери, вы несправедливы, малѣйшее желаніе ваше было исполнено. Вы захотѣли дорогихъ украшеній, я вамъ ихъ подарилъ; захотѣли прекрасныхъ платьевъ, какія носятъ дамы въ Аркловъ, я вамъ выписалъ ихъ.

— Простите, воскликнула Мери съ взрломными слезами на глазахъ; простите, я знаю, что вы любите меня, и вина доброта равняется моимъ капризамъ; но что же дѣлать, тайна эта мучитъ, убиваетъ меня; и если я должна ждать до завтра, я могу съ ума сойти и съ отчаянія сдѣлать надъ собою чтонибудь, потому что эта тайна должна быть очень ужасна, если наканунѣ нашей свадьбы, за нѣсколько часовъ, когда мы будемъ соединены на всегда, вы храните молчаніе, отказываетесь открыть мнѣ эту страшную тайну.

— Ахъ Мери, можете ли вы думать!

— Я не думаю ничего, но боюсь всего. Ахъ! еслибъ вы меня любили, какъ я васъ люблю!

И молодая дѣвушка привялась плакать. Донаго не могъ противиться болѣе.

Къ тому же, сказалъ онъ себѣ, завтра она будетъ моею женою!

И взявъ тогда за руку Мери, онъ сталъ передъ нею на колѣна и привлекъ ее къ себѣ:

— Мери, сказалъ онъ съ такимъ глубокимъ выраженіемъ въжности, что могъ бы тронуть каменное сердце, выслушайте меня, я ввѣрю вамъ, но только одной вамъ, тайну моего богатства; но не говорите объ этомъ никому, потому что это богатство, которое вамъ же будетъ принадлежать, можетъ еще болѣе увеличиться, вдвое, въ трое, во сто разъ, если вы сохраните молчаніе; напротивъ, если вы расскажете объ этомъ, мы останемся бѣдными фермерами.

Мери клялась быть молчаливою какъ могила.

— Такъ знайте же, сказалъ школьный учитель, я открылъ.... золотыя розсыпи.

— Золотыя розсыпи! гдѣ же?

— Завтра.... послѣ нашей свадьбы, я васъ поведу туда.

— Почему же не сейчасъ?

— Зачемъ? и далеко и поздно.

— Такъ хоть скажите, въ какомъ мѣстѣ, я ни о чемъ болѣе вѣсь не буду просить.

— Видите ли эту гору, сказалъ Донаго, указавъ рукою на востокъ; за нею течеть грязный ручей; въ кучѣ песку на берегу этого ручья, я нашелъ богатство. Цѣлый годъ я весь ночи проводилъ въ томъ, что промывалъ грязь и собиралъ золотыя зерна. На нигто я купилъ Бельминагоръ и эти прекрасныя луга и превосходныя стада и драгоценности, которыя завтра должны украситъ васъ.

— Завтра, тѣло повторила Мери.

На другой день, когда Донаго прислалъ своихъ друзей за невестою, чтобы сопроводить ее въ церковь, ее нашли въ постели больной, почти умирающею. Не смотря на это, она отказалась отъ всякой помощи и лекарства; потребовала только отложить свадьбу на недѣлю, чтобы имѣть время оправиться. Донаго такъ любилъ Мери, что не могъ не согласиться со всѣми ея желаніями, тѣмъ болѣе, когда онъ казались ему справедливыми. И такъ свадьба отложена была на недѣлю и, вѣроятно, для препровожденія времени, нашъ Донаго возобновилъ прежнія прогулки къ источнику своего богатства.

Хотя состояніе больной казалось не опасно, однако Мери два дни не допускала къ себѣ Донаго.

— Это тоже капризь, говорилъ Донаго, но терпѣніе! когда мы женимся, я окружу ее такими попеченіями, такую предупредительностью, что она наконецъ полюбитъ меня.

И въ этой блаженной надеждѣ Донаго продолжалъ блуждать около источника своего богатства. Въ этомъ состояло все его утѣшеніе. Онъ мечталъ еще о средствахъ для удовлетворенія всѣхъ желаній прекрасной кокетки, когда подошелъ къ долинь. Вдали показались ему двѣ тѣни, сходящія къ рѣкѣ по другой тропинкѣ.

— За мною все еще подсматриваютъ, сказалъ онъ.

Онъ думалъ уже вернуться назадъ, когда странный смѣхъ поразили его слухъ и приковалъ къ землѣ какъ статую. Этотъ смѣхъ былъ ему знакомъ и глубоко проникъ ему въ сердце.

Между-тѣмъ тѣни все болѣе и болѣе увеличивались и приближались. Донаго сдѣлалъ невѣроятное усиліе, чтобы сойти съ тропинки и скрыться отъ взоровъ за кустарникомъ

— Нѣтъ, невозможно, говорилъ онъ, вѣрно слухъ обманулъ меня.

Варю ужъ въ природѣ челоуѣка, отвергать до послѣдней минуты, какъ невозможное то, что разбиаетъ его надежды. Наконецъ, надобно же согласиться съ тѣмъ, что виднѣсь. Такъ было и съ Донаго, когда въ двухъ шагахъ отъ него прошла Мери Леага подъ руку съ его соперникомъ, Томасомъ. Молодые люди остановились на берегу ручья. Донаго помѣстился такъ, чтобы не потерять ни одного слова изъ ихъ раговора.

— Теперь мы увидимъ, правду ли онъ мнѣ сказалъ, говорила Мери.

Томасъ, вооруженный палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ, началъ разрывать рыхлаю землю; Мери же на колынахъ слѣдила взоромъ за всѣмъ, что, казалось ей, блестяло какъ золото. Они не долго искали. Едва только Томасъ раскопалъ землю на дюймъ, какъ золотая песчинка заблестала передъ глазами молодой дѣвушки.

— Этотъ дуракъ правду сказалъ! закричала она.

Она воскликнула съ большою живостью, но языкъ у нее отнялся и ноги подкосились, когда приподнявшись, она увидала передъ собою спокойную и гордую фигуру Донаго. Со сложенными на груди руками и съ блистающимъ какъ стальное лезвие взоромъ, съ презрительною улыбкою на устахъ, этотъ челоуѣкъ, казалось, выросъ на несколько футовъ и уничтожилъ тяжестью своего превосходства коварную женщину.

— Да, дуракъ, отвѣчалъ онъ, это справедливо сказано, и въ первый разъ, можетъ-быть Мери, я слышу отъ васъ истину. Я имѣю право сказать это, потому что въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ вы не сказали мнѣ, ни одного слова, которое не было бы ложью, не сдѣлали ни одного движенія, которое не было бы лицемеріемъ. Вы лукаво воспользовались моею доверчивостью, чтобы похитить мою тайну и теперь, когда вы узнали ее, вы мнѣ измѣняете... не о золотѣ жалѣю я, Мери, но о вашемъ низкомъ поступкѣ: никогда я не могъ думать, чтобы столько вѣроломства скрывалось подъ такими кроткими взорами! Но кто вамъ далъ право сомнѣваться въ моемъ словѣ? Да, здѣсь находится мое сокровище, сюда приходилъ я съ великимъ трудомъ собирать богатство, которое для васъ готовилъ; но вы нарушили клятву, ищите же золото, котораго вы такъ жаждете, но не одинъ вы будете искать его. Я иду въ деревню

и сейчас же сотни людей прибьгуть къ этому берегу и раздѣлятъ безъ всякой пользы то, что составило бы состояніе одного.

Мери смутилась и даже Томасъ, устранивъ угрозы школьнаго учителя, казалось, потерялъ свои силы и свѣлость.

Дѣйствительно, Донаго послѣдно возвратился въ деревушку, и собравъ всѣхъ жителей, сказалъ имъ :

— Друзья мои, если вы желаете знать источникъ моего богатства, то слѣдуйте за мною, я покажу его вамъ.

Всѣ послѣдовали за Донаго. На дорогѣ онъ разсказалъ имъ о своемъ приключеніи, которое повсюду разнеслось. Всѣ такъ возмущались на Мери Леага, что увидавъ молодую дѣвушку и ея сообщника, хотѣли утопить ихъ въ рѣкѣ; одно посредничество Донаго избавило ихъ отъ насильственнаго купанья; но ихъ простили съ условіемъ, что виновные не будутъ имѣть участія въ раздѣлѣ сокровища. Этотъ приговоръ былъ единогласно утвержденъ.

Скоро повсюду распространился слухъ объ открытій золотаго рудника. Этотъ золотиносный песокъ былъ въ послѣдствіи взятъ и откупъ компаніей, которая до-сихъ-поръ добываетъ изъ него золото; но или рудная жила истощилась, или она никогда не заключала въ себя много золота, только въ настоящее время, общество, получившее привилегію, съ трудомъ покрываетъ издержки пятидесяти работниковъ, которыхъ тамъ содержать.

Донаго жилъ и умеръ холостякомъ, оставивъ все свое богатство прежнимъ ученикамъ. На сельскомъ кладбищѣ ему воздвигли прекрасный памятникъ; на которомъ прохожіи могутъ прочесть въ честь его похвальное слово, вырванное рукою его преемника.

ЗЕРКАЛО. Письмо первое. Ты хочешь, Анакса, чтобы и, буди слѣпая, писала къ тебѣ? развѣ ты не боишься печали моихъ писемъ, начертанныхъ во мракѣ? не пугаешься грустныхъ мыслей, осаждающихъ меня?

Добрая Анакса, ты счастлива, *ты видишь*; о! видѣть! различать лазурь неба, лучъ солнца, зелень луговъ, какое упоеніе! и какъ все это красиво, мой Боже! И я наслаждалась этимъ; когда слѣпота моя поразила, мнѣ было только десять лѣтъ. Теперь, мнѣ двадцать-лѣтъ! Вотъ уже пятнадцать долгихъ лѣтъ все темно вокругъ меня!...

Напрасно стараюсь я припомнить чудеса природы, я все забываю.

Слышу запахъ розы, отгадываю ея форму осизаніемъ, но цвѣтъ ея, который такъ хвалятъ, съ которымъ сравниваютъ красавицъ, я забыла. Иногда по этой мрачной снѣти, пробьжить странное сіяніе.... Доктора говорятъ, что это кровь и подаетъ искусству надежду. Безумная химера! когда пятнадцать лѣтъ лишнись свѣта, которымъ обогашается земля, его должно увидѣть только въ небѣ. Недавно мнѣ случилось быть въ странномъ волненіи. Рука моя попала ощупью на зеркало. О! какъ бы мнѣ хотѣлось увидать себя!.... посмотрѣть, хороша ли я!... такъ ли бѣла моя кожа какъ она нѣжна при прикосновеніи, красивы ли глаза подъ моими длинными рѣсницами.... Ты меня спрашиваешь въ письмѣ твоемъ, которое сейчасъ мнѣ прочтала, правда ли, что банкротство нашего банкира раззорило моихъ родителей? Я этого не слыхала. Мои родители богаты, потому что я окружена не только необходимымъ, но даже излишнимъ. Вездѣ, гдѣ ни дотронуся рука моя встрѣчаетъ бархатъ и шелкъ, цвѣты и дорогія матеріи. Стало быть милые родители мои живутъ въ довольствѣ. Пиши ко мнѣ, душенька, если тебѣ сколько-нибудь жаль бѣдной снѣпой.

Письмо второе. Знаешь ли, Анаиса, о! какъ ты будешь смѣяться, подумаешь, что я потеряла рассудокъ со зрѣніемъ. Есть человекъ, который въ меня влюбленъ! Да, душенька, у меня, у женщины безъ глазъ, есть вздыхатель томный, неотступный. Чтò прикажешь? любовь вѣдь снѣпа и мнѣ, какъ сестрѣ своей, обязана была сдѣлать это удовольствіе. Какъ онъ попалъ къ намъ, и зачѣмъ — не знаю, я могу только тебѣ сказать, что онъ сидѣлъ возлѣ меня за столомъ напередни, и ухаживалъ за мною съ чрезвычайнымъ вниманіемъ.

— Кажется, я имѣю честь въ первый разъ *слышать* васъ у насъ? сказала я.

— Точно такъ, но я давно знаю и уважаю вашихъ родителей.

— А я уважаю васъ, если вы умѣли ихъ оцѣнить.

— Я умѣлъ оцѣнить не однихъ ихъ, прибавилъ онъ нѣжнымъ, замырающимъ голосомъ.

— А кто же вамъ еще здѣсь понравился? вскричала я необдуманно.

— Вы! отвѣчалъ онъ.

— Я! чтò вы хотите сказать?

— Что я васъ люблю.

— Вы любите.... меня?

— Страстно.

Я покраснѣла, онъ молчалъ.

— Можно ли говорить это такъ вдругъ!

— Но это видно въ моемъ взорѣ, въ движеніяхъ, въ поступкахъ....

— Можетъ быть, но я слыла, за слѣпой не уважаваютъ какъ и другими женщинами.

— Какая мнѣ нужда, сказалъ онъ съ восхитительнымъ выраженіемъ чистосердечія, что ваши глаза не видятъ свѣту? Развѣ у васъ нѣтъ стройнаго стана, микроскопической ножки, мялцовой поступи, длинныхъ свѣтлорусыхъ волосъ, алебастровой кожи, нѣжнаго румянца, лилейной ручки?

Онъ пересталъ говорить, а я еще слушала! Такъ у меня былъ, какъ онъ говорилъ, стройная талія, дѣтская нога, благородная поступь, шелковистые волосы, бѣлая кожа и розовый цвѣтъ лица. О Анаиса! добрая Анаиса, для всехъ дѣвушекъ влюбленный, описывающій ихъ совершенства, только вздыхатель, для бѣдной слѣпой, онъ болѣе чѣмъ возлюбленный, онъ — зеркало.

— Какъ, сказала я, неужели я такъ хороша?

— Все что я сказалъ, еще ниже истины.

— Что же мнѣ дѣлать съ вашей любовью?

— Сдѣлайтесь моей женой.

Я громко захохотала.

— Что вы это? вскричала я. Бракъ слѣпой съ зрячимъ, дни съ ночью; но мнѣ пришлось бы оцупью приколоть померанцевый вѣнокъ. Нѣтъ, нѣтъ! родители мои богаты. Я могу остаться въ старыхъ дѣвахъ и останусь.

Онъ ушелъ не говоря ни слова.... Что нужды! я отъ него узнала, что я хороша!.... Не знаю почему, но мнѣ кажется, будто я люблю немножко его, мое зеркало.

Письмо третье. О! Анаиса, сколько новостей мнѣ надо рассказать тебѣ, и сколько въ жизни случается вещей невѣдомыхъ.... Вотъ что случилось со мной, и когда я рассказываю тебѣ это, слезы льются изъ потухшихъ глазъ моихъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свиданія моего съ тѣмъ, кого я называю *своимъ зеркаломъ*, я сошла въ садъ, опираясь на руку ма-

тушки, когда ее вдруг отозвали. Мнѣ показалось, что у служанки, прибывшей за нею, было въ голосъ что-то безпокойное.

— Что такое, матушка? спросила я невольно смутившись.

— Ничего, вѣрно пріѣхали гости; съ нашимъ состояніемъ, у насъ есть обязанности къ обществу.

— Ступай же, сказала я цѣлуя ее, я тебя не удерживаю, ступай принимать гостей съ твоимъ привычнымъ радушіемъ; а я въ гостиной ничего не значу.

Матушка поцѣловала меня; губы ея показались мнѣ холодны какъ ледъ. Послѣ ея уходу я услышала двухъ сосѣднихъ работниковъ, которые разговаривали между собою, думая, что они одни. Ты знаешь, Аванса, что когда природа лишитъ насъ одной способности, она усиливаетъ всѣ другія. У слѣплаго слухъ тоньше чѣмъ у того, чей взоръ проникаетъ въ пространство.... Я не потеряла ни одного слова изъ разговору, хотя онъ происходилъ шопотомъ. Вотъ что говорили :

— Бѣдное семейство! въ какой нищеть! Опять пришли полицейскіе.

— А барышня ничего не знаетъ.

— Не знаетъ, что пользуются ея слѣпотой, чтобы составить ея счастье.

— Какъ это?

— Разумеется! все, до чего она дотрогивается, красное дерево и бархатъ, только этотъ бархатъ и это дерево истерты. За столомъ кушаютъ вкусныя блюда, не зная, что тутъ же отецъ съ матерью ѣдятъ почти всегда сухой хлѣбъ.

О! Аванса, понимаешь ли ты мою горестъ и волненіе? Моею слѣпотой воспользовались для моего счастья, мнѣ создали во мракѣ роскошь и комфортъ въ ущербъ необходимому.... О! это верхъ самоотверженія и деликатности и всѣ сокровища признательнаго сердца не въ состоявіи выплатить этотъ неуклонный долгъ.

Письмо четвертое. Я никому не сказала, что узнала эту печальную и милую тайну: матушка была бы въ отчаяніи, что всѣ ея старанія скрыть отъ меня нашу бѣдность были бесполезны. Я еще притворяюсь, будто вѣрю въ цвѣтущее состояніе нашего дома, но рѣшилась спасти моихъ родителей. Мосье-де-Совъ, такъ зовутъ моего жениха, опять былъ у насъ и я принялась съ нимъ кокетничать.

— Все ли еще вы привязаны ко мнѣ? спросила я.

— Да, отвѣчалъ онъ. Я люблю васъ, потому что вы прекрасны красотою благородной, цѣломудренной и скромной.

— Какой у меня станъ?

— Стройный и гибкій какъ лиана.

— А лобъ?

— Открытый, гладкій, какъ слоновою костью.

— Право?

И я начала смѣяться.

— Зачѣмъ вы смѣетесь?

— Мнѣ пришло въ голову, что вы мое зеркало; я вижу себя въ вашихъ словахъ.

— Мнѣ бы хотѣлось, милое дитя мое, чтобы всегда такъ было.

— Вы бы согласились?...

— Быть вашимъ вѣрнымъ зеркаломъ, отражать все ваши качества, все добродѣтели. Согласитесь быть моею женою: у меня есть состояніе, ни въ чемъ вы не будете имѣть недостатку и я употреблю все усилія, чтобы сдѣлать васъ счастливою.

При этихъ словахъ я подумала, что мое замужество избавитъ моихъ родителей отъ огромной тяжести, и что помощь и вліяніе достаточнаго зятя, можетъ-быть, спасетъ ихъ отъ бѣдности.

— Если я соглашусь за васъ выйти, сказала я, ваше мужское самолюбіе пострадаетъ, я не буду васъ видѣть.

— Ахъ! сказалъ де-Совз, я долженъ вамъ признаться....

— Въ чемъ?

— Природа меня обидѣла въ физическомъ отношеніи, у меня нѣтъ ни пріятности въ лицѣ, ни благородства въ осанкѣ и, къ довершенію несчастія, оспа обезобразила меня безъ пощады.... Видите, желая на слѣпой я поступаю эгоистически.

Я протянула ему руку.

— Не знаю, слишкомъ ли вы строги къ самому себѣ, но я считаю васъ добрымъ и искреннимъ; возьмите же меня такую, какъ я есть, по-крайней-мѣрѣ ничто не отвлечетъ мысль мою отъ вашей, ваша дружба будетъ оазисомъ въ пустынь моей ночи.

Хорошо или дурно я сдѣлала? Не знаю, Анакса, но я помогаю моимъ родителямъ и, можетъ-быть, оцупью нашла хорошую дорогу.

Письмо пятое. Благодарю тебя за поздравленія и желанія, добрая Анакса. Да, я замужемъ уже два мѣсяца и считаю себя счастливою.

ней женщиной на свѣтъ. Мнѣ ничего не остается желать. Обожаемая мужемъ и родителями, которые не разстались со мною, я не жалую о зрѣнн, потому что Эдмонъ видитъ за насъ обоихъ. Въ день брака, мое зеркало, такъ я его называю, отразило мой умильный видъ, по его милости я знала, что мое креповое платье хорошо сшито, что померанцовый вѣнокъ приколотъ къ лицу. Много ли зеркалъ такъ вѣрно показываютъ? Вечеромъ мы гуляемъ вмѣстѣ въ саду, онъ заставляетъ меня восхищаться цвѣтами по ихъ запаху, птичками по ихъ пѣнью, плодами по ихъ вкусу. Иногда мы вмѣстѣ вздѣмъ въ театръ и тамъ опять онъ воспроизводитъ своимъ умомъ то, что мои закрытые глаза не могутъ видеть. О! что мнѣ за дѣло до его безобразія, я не различаю ни красиваго, ни безобразнаго, но нежность и доброту я понимаю превосходно. Радуйся моему счастью, Анаиса!...

Письмо шестое. Я мать, Анаиса, мать крошечной дѣвочки, и не могу ее видѣть. Говорятъ, что она премиленькая и моя живая миниатюра, а я не могу ею любоваться! Ахъ! какъ сильна материнская любовь! Я безъ сожалѣнн согласилась не видѣть лазурь неба, блескъ цвѣтовъ, взоровъ моего мужа, моихъ родителей и никакъ не могу свыкнуться съ мыслью не видѣть моего ребенка. О! если бы повязка, покрывающая глаза мои упала на одну минуту, на одну секунду, если бы я могла взглянуть на нее, какъ на мелькающую молнію.... Я была бы счастлива на всю жизнь. Эдмонъ не можетъ тутъ служить мнѣ зеркаломъ; напрасно говоритъ онъ мнѣ, что у милой крошки свѣтлые волосы въ кудряхъ, большіе живые глѣзки, жемчужная улыбка, къ чему мнѣ это служить?... я не могу видѣть моего ребенка, когда онъ протягиваетъ ко мнѣ руки!...

Письмо седьмое. Мужъ мой человекъ удивительный, несравненный. Знаешь ли, что онъ дѣлаетъ? Ухаживаетъ за мною цѣлый годъ безъ моего вѣдома, хочетъ возвратитъ мнѣ зрѣнн, а докторъ онъ самъ!... Рѣшился посвятитъ себя званію, противному его ужасной чувствительности, чтобы вырвать жертву изъ пасти человѣческихъ страданій.

— Знаешь ли, что я надѣюсь, сказалъ онъ мнѣ вчера.

— Возможно ли?

— Да, эти умыванія, которыя я заставлялъ тебя дѣлать, какъ будто для улучшенія цвѣта лица, были только приуготовленіемъ къ операци.

— Къ какой?

— Къ снятію бѣльма.

— Не будешь ли ты дрожать?

— Нѣтъ, рука моя будетъ вѣрна, потому что сердце предано.

— О! сказала я, кто въ міръ сравнится съ тобою?

— Ахъ! отвѣчалъ онъ, поцѣлуй меня еще, дай мнѣ насладиться послѣдними минутами обманчивой мечты.

— Что ты хочешь сказать, другъ?

— Что скоро, съ Божіею помощію, ты будешь видѣть.

— И тогда?

— Тогда ты увидишь, какъ я ничтоженъ и безобразенъ.

— Милостивый государь, сказала я съ гнѣвомъ, если вы не вѣрите любви моей, или полагаете, что какова бы ни была ваша наружность, я не буду вашей покорной рабой, оставьте меня въ моемъ ничтожествѣ, въ моемъ хаосѣ.

Онъ не отвѣчалъ, но сжалъ мнѣ руку. Операцию можно сдѣлать черезъ мѣсяцъ, сказала мнѣ матушка. Теперь я припоминаю, что мнѣ сказывали о моемъ мужѣ. Матушка говорила, что онъ рабой, батюшка, что у него волосъ мало на головѣ, Нисетта, моя горничная, что онъ старъ. Быть рабымъ — значитъ быть жертвою несчастнаго случая. Быть плзвивымъ — знакъ умственной силы, сказалъ Лазартеръ. Но быть старымъ.... жаль.... Если онъ умретъ прежде меня, у меня будетъ мало времени любить его. Молись за меня; если Господь поможетъ, я скоро буду читать сама твои дорогія письма.

Письмо послѣднее. О, другъ мой, не смотри на конецъ этого письма прежде чѣмъ прочитаешь начало.... Слѣдуй по порядку за всеми перипетіями. Операция сдѣлана.... двѣ недѣли тому назадъ.... Дрожащая рука дотронулась до моихъ глазъ.... я страшно вскрикнула два раза, потомъ мнѣ почудился свѣтъ, блескъ, солнце, потомъ тотчасъ наложили повязку на мой пылающій лобъ. Я исцѣлилась! Исцѣлилась! надо было еще немножко терпѣнія и мужества, Эдмондъ возвратилъ меня къ слабостямъ жизни.... Но надо тебѣ признаться, я сдѣлала неосторожность.... не послушалась моего доктора; но онъ этого не узнаетъ, къ тому же это не можетъ быть теперь опасно. Мнѣ принесли поцѣловать дочь, малютка говорила своимъ вѣжливымъ голоскомъ: *маменька!* Я не выдержала.... подняла повязку!

— Дочь моя! о! какая она хорошенькая, вскричала я, я вижу!

Нисетта поскорѣе опустила платокъ на мои вѣки, но я была уже

не одна во мракъ; это милое личико, воспроизводимое воспоминаніемъ, освѣщало мою ночь. Вчера матушка пришла одѣть меня: многою тоаалогомъ долго занимались, надѣли на меня прекрасное шелковое платье, кружевной воротникъ, убрали волосы à la Marie Stuart. Потомъ матушка сказала:

— Сними повязку.

Я повиновалась и хотя въ комнатѣ царствовалъ полусвѣтъ, мнѣ показалось, что я никогда не видѣла ничего прекраснѣе, прижимала къ сердцу матушку, батюшку, моего ребенка.

— Ты видѣла всѣхъ, сказалъ батюшка, исключая себя.

— А мой мужъ, вскричала я, гдѣ мой мужъ?

— Онъ прячется, сказала матушка.

Я вспомнила тогда объ его безобразіи, о рѣдкихъ волосахъ, о лицѣ, изрытомъ оспою.

— Бѣдный и милый Эдмонъ! сказала я, пусть онъ придетъ, онъ для меня красивѣе Адониса.

— Въ ожиданіи свиданія съ твоимъ властелиномъ и повелителемъ, продолжала матушка, полюбуйся на себя; взглянись въ зеркало.

Я повиновалась, немножко изъ послушанія, немножко изъ любопытства.... Если я безобразна.... если отъ меня скрывали безобразіе, какъ бѣдность? Меня подвели къ трюмо и я вскрикнула отъ радости, потому что, право, показалась себѣ удивительной милашкой — тоненькая талія — лицо маковъ цвѣтъ — глаза нѣсколько подернутые дрожащей влагой, словно бирюзовая волна. Однако я не могла видѣть себя хорошенько, потому что зеркало безпрестанно дрожало и мое изображеніе, отражавшееся на блестящей поверхности, точно будто прыгало отъ радости. Я взглянула за зеркало, чтобы посмотреть отчего оно двигается. Оттуда вышелъ красивый молодой человекъ, съ большими черными глазами, величественнаго росту, въ изящной одеждѣ, съ орденкомъ Почетнаго Легіона въ петлицѣ. Я покраснѣла, подумавъ, что такъ шалила при постороннемъ....

— Посмотри же, говорила матушка, не обращая на него вниманія, посмотри, какая ты бѣленькая и розовенькая.

— Чтò вы это, матушка! прошептала я.

— Но посмотри на свои руки, бѣлоснѣжныя, какъ у русской кня-

И она безъ всякаго зазрѣнія совѣсти приподняла рукава мои до локтя.

- Но, матушка, сказала я, какъ это можно при постороннемъ?
- Какой посторонній, это зеркало.
- А за зеркаломъ-то, развѣ вы не видите?
- Дурочка! вскричалъ батюшка, не стыдись, это твой мужъ!
- Эдмонъ! вскричала я, бросившись обнять его.

Потомъ я отступила, такъ онъ былъ хорошъ, такъ я была счастлива!... По слѣпотѣ моей я любила съ довѣренностью, теперь моя любовь заставляла биться мое сердце.... любовь, еще увеличенная великодушнѣмъ этого благороднаго человѣка, который увѣрилъ меня, что безобразенъ, для того, чтобы утѣшить меня въ слѣпотѣ.

Эдмонъ сталъ на колѣна, матушка толкнула меня въ его объятья, отирая слезы.

- Какъ ты хороша! сказалъ мнѣ мужъ мой съ восторгомъ.
- Лстець! прошептала я опустивъ глаза.
- Нѣтъ; когда я одинъ служилъ тебѣ зеркаломъ, я всегда тебѣ это говорилъ.... а теперь, посмотри! сказалъ онъ, показывая на зеркало, собратъ мой того же мнѣнія.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ НОСА. Въ одномъ изъ предмѣстій Парижа, на углу узкой улицы, смышленный прохожій, избранный зѣвака, не довольствующіеся наблюдениями надъ тѣмъ, что происходитъ на тротуарахъ и около лавокъ, но обращающіе высренніе взоры въ верхніе этажи, не могли не замѣтить, два года тому назадъ, небольшое хорошенькое окно, все украшенное зеленью и цвѣтами. Настурція, крапивка, душистый горошекъ и другія вьющіяся растенія, составляли восхитительную рамку не менѣ очаровательной головки молодой дѣвушки.

Чудесные черные волосы, прелестные голубые глаза и, въ особености носъ, одинъ изъ тѣхъ носовъ, которые встрѣчаются только въ Парижѣ, носъ, выражающій въ одно время лукавство и веселость, дѣлала Нанетту самою очаровательною дѣвушкою, какую только могли создать воображеніе поэта. Къ сожалѣнію, нельзя было смотреть на Нанетту безъ какой-то грусти. Бѣдность и можетъ-быть печаль не допустили развернуться свѣжему цвѣту юности на блѣдныхъ щекахъ молодой дѣвушки. Она наследовала болѣзнь матери; преждевременные и чрезмѣрные труды, бессонныя ночи, уединенная жизнь ускори-

ли быстрое развитіе этой болѣзни; блѣдность ея лица была слѣдствіемъ лимфатическаго сложенія; словомъ Нанетта походила на цвѣты, стоявшіе на ея окнѣ, зачухшіе и изнеможенные безъ воздуха и солнца.

Нанетта осталась сиротою, и если вѣрить словамъ ея сосѣдей, принадлежала къ семейству некогда богатому, потерявшему въ слѣдствіе какого-то несчастнаго случая, какъ это нерѣдко бываетъ, все богатство и благосостояніе. Оставшись одна въ цѣломъ мірѣ, Нанетта безропотно покорилась судьбѣ, посвятила себя труду, вышивала цѣлые дни; единственное ея удовольствіе составляли цвѣты, птички, летавшія на свободѣ между гирляндами зелени, и тихое и грустное пѣніе, услаждавшее долгіе часы одиночества. Ея голосъ трогалъ сердца слушателей, слезы невольно навертывались у нихъ на глазахъ, хотя они сами не могли дать себѣ отчета, почему сердца ихъ были такъ умилены.

Нанетта иногда выходила утромъ для того только, чтобы отнести работу къ швеѣ и взять новую. Никогда она не прогуливалась, никогда не танцевала, не имѣла никакихъ сношеній съ сосѣдями, кромѣ ласковаго привѣтствія и улыбки, когда встрѣчалась съ ними на площадкѣ узкой лѣстницы. Видѣть ее можно было только у окна да въ воскресенье у обѣдни.

Какъ разъ напротивъ окна Нанетты, была мастерская столяра, въ которой работалъ прекрасный молодой человекъ лѣтъ тридцати, по временамъ обращавшій свои черные и умные глаза на окно Нанетты. Никто лучше Жоржа не умѣлъ выдѣлать красное или палисандровое дерево, или дѣлать рѣзныя украшенія изъ дуба. Онъ былъ скорѣе художникъ, нежели ремесленникъ, и не одинъ разъ случалось нашимъ знаменитымъ антикваріямъ заказывать ему мебель шестнадцатаго столѣтія или бауль, современный Людовику—Одиннадцатому.

Жоржъ былъ родомъ изъ Нидерландъ, значитъ совершенно преданный труду своему, но онъ былъ одаренъ мечтательнымъ умомъ, и, обтесывая дерево или работая своимъ рѣзцомъ или стругомъ, воображеніе его предавалось безчисленнымъ фантазіямъ. Воображеніе всегда представляло восхитительную квартиру, свѣтлую, веселую, убранную съ простотою, исполненною вкуса, которая служила бы гнѣздынкомъ двумъ прелестнымъ крошкамъ и хорошенькой женщинѣ, чрезвычайно

походившей на Нанетту. Словомъ, если Жоржъ не былъ еще влюбленъ, то начиналъ уже влюбляться или по-крайней-мѣрѣ самъ не сознавалъ еще своей любви.

Но чтобы ни было, столяръ съ разсвѣтомъ приходилъ въ свою мастерскую, чтобы подсмотреть, какъ отворится окно у сосѣдки: онъ находилъ всегда средство выходить изъ мастерской, тогда толкъ, какъ окно уже затворялось: часто смотрѣлъ онъ на огонь, тихо свѣтившійся сквозь окно. Наконецъ всякій разъ, когда Нанетта, такъ рѣдко выходившая со двора, проходила мимо мастерской, Жоржъ снималъ свою фуражку и приветствовалъ головой и взоромъ молодую дѣвушку, которая кротко отвѣчала на его поклонъ.

Эти неопредѣленные сношенія, понятныя не только для всякаго молодого сердца, и даже для состарѣвшагося, продолжались уже около года; когда мало-по-малу замѣтныя измѣненія стали проявляться въ привычкахъ Нанетты. Она рѣже отворяла окно, перестала играть съ птичкой и голосъ ея, такой пѣвительный, такъ восхищавшій Жоржа, хотя онъ слышалъ его очень издалека, теперь замолкъ; она перестала пѣть. Наконецъ вмѣсто того, чтобы идти утромъ къ швеѣ, она выходила только вечеромъ, закрывшись платкомъ; когда Жоржъ приветствовалъ ее, она вздрагивала, и не отвѣчала ему; однажды она громко зарыдала, и ускорила шаги, чтобы скорѣе удалиться отъ Жоржа.

Этого было уже слишкомъ довольно, чтобы произвести живое впечатлѣнiе на воображенiе Жоржа. Онъ дѣлалъ тысячи предположенiй, болѣе или менѣе нелѣпыхъ, но всегда одинаково грустныхъ, наконецъ рѣшился идти къ Нанеттѣ, спросить у нея причину такой перемены, и предложить ей свою руку.

Не много робкiй какъ и всѣ его соотечественники, онъ два дни размышлялъ о намѣренiи, которое Парижанинъ привелъ бы въ исполненiе въ ту же минуту. Отложивъ посѣщенiе до субботы, онъ точно также отложилъ его до воскресенья; когда же наступило воскресенье, онъ надѣлъ праздничный сюртукъ, и направляя шаги свои къ дому, гдѣ жила Нанетта, приподнялъ голову, чтобы взглянуть на дорогое окошечко, для того, чтобы придать себѣ бодрости. Но, увы! хотя это было въ серединѣ лѣта и десять часовъ уже пробило въ сосѣдней церкви, однако окно было закрыто.

Нанетта больна! такая была первая мысль, единственная мысль, при-

шедшая въ голову Жоржа; однимъ прыжкомъ, онъ вскочилъ на верхъ лестницы, и задышался, тихо постучалъ въ дверь.

Ему не отвѣчали. Онъ еще постучалъ, разъ, два, тоже молчаніе. Сдѣлавъ трубу изъ обѣихъ рукъ и приставивъ къ замочной скважинѣ, онъ очень почтительно назвалъ Нанетту, потомъ сказалъ свое имя, спросилъ не больна ли она, не нужно ли послать какую-нибудь сосѣдку, чтобы присмотрѣть за нею?

Все тоже молчаніе, молчаніе упорное, совершенное, гробовое. Не знаю, что происходило въ душѣ Жоржа: отъ страха или отъ гнѣва, онъ однимъ толчкомъ отворилъ дверь и вошелъ.

Маленькая комната опустѣла, мебели не было, и даже цвѣты, стоявшіе на окнѣ, поддерживавшіеся поддѣльною жизнью, по милости воды и поветрій, которыми окружали ихъ, эти чахлые цвѣты начинали увядать, стебли ихъ склонились, желтыя и увядшіе листья опали. Ударъ кинжала не могъ бы такъ жестоко поразить сердца Жоржа. Въ небогатыхъ домахъ не бываетъ дворника; Жоржъ не зналъ, къ кому обратиться, чтобы узнать, куда дѣвалась Нанетта. Все что онъ могъ узнать отъ сосѣдки, вызванной на площадку стукомъ, который онъ надвѣвалъ выбиная дверь, заключалось въ томъ, что молодая дѣвушка однажды утромъ съѣла въ карету и уѣхала, продавъ прежде мебель купцу, жившему въ томъ же кварталѣ.

Жоржъ выкупилъ всю мебель, поставилъ ее въ пустой комнаткѣ, которую нанялъ и поселился между этими дорогими его сердцу остатками, теперь уже совершенно влюбленный, съ полнымъ сознаніемъ своей любви, попеременно то оплакивая, то обвиняя Нанетту. Вечеромъ того же дня, когда онъ блуждалъ по уединеннымъ улицамъ, онъ замѣтилъ въ сѣнѣ женщину, которая при видѣ его вскрикнула и закрыла лицо обѣими руками. Онъ бросился за каретою, догнавъ ее, остановилъ, и бросившись къ дверцамъ:

— О мадамозель Нанетта, воскликнулъ онъ рыдая, мадамозель Нанетта, сколько вы заставили меня страдать!

— Еще съ большимъ стараніемъ скрывая лицо, она съ волненіемъ прешестала:

— Жоржъ, не спрашивайте о моей тайнѣ. Я умру съ отчаянія, если буду вынуждена вамъ признаться. Прощайте навсегда!

— О! кто бы это могъ водумать, воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ; она, которую я считалъ такою целомудренною, она признается,

что недостойна моей любви! Ступайте, я васъ не удерживаю боле и да накажетъ васъ Господь за зло, причиненное мнѣ.

Онъ отошелъ отъ кареты и скрылся. Нанетта, отеревъ глаза, приказала кучеру продолжать дорогу. Вскорѣ карета остановилась передъ больницею Hôtel-Dieu. Нанетта вошла подъ темныя своды больницы, и скоро скрылась.

На другой день, около осьми часовъ, человекъ, въ петличкѣ котораго виднѣлась ленточка Почетнаго Легіона, проходилъ по обширнымъ заламъ этого жилища страдальцевъ, останавливался передъ каждою кроватью, которыя стояли по двѣ въ рядъ подъ длинными арками, спрашивалъ больныхъ, читалъ краткіе лекціи безчисленнымъ ученикамъ, толпившимся вокругъ, чтобы не пропустить его слова, диктовалъ дежурному необходимые рецепты. Подошедъ къ послѣдней постели, онъ съ осторожностью отдернулъ занавѣсъ и съ важностью, смѣшанною съ кротостью, сказалъ:

— Ну! что-же! бѣдное дитя мое, достанетъ ли у насъ мужества?

— Я постараюсь его имѣть, отвѣчалъ голосъ.

Онъ опустилъ занавѣсъ, и обратившись къ слушателямъ, сказалъ:

Весною прошедшаго года показалась носовая сыпь; въ нѣтъ-немъ году въ тоже самое время, появились нарывы на мягкихъ частяхъ ноздрей. Одинъ шарлатанъ приложилъ сильное ѣдкое средство къ этимъ нарывамъ. Теперь передней части носа не существуетъ, ноздри отпали, такъ же какъ и часть перегородки; какимъ-то чудомъ сохранился одинъ хрящъ. Словомъ, поврежденіе и разрушеніе остановились; верхняя губа вздернулась, но кожа смежныхъ частей сохранила подвижность; здоровье вообще очень хорошо и больной нѣтъ еще двадцати лѣтъ. Мы приступимъ къ дѣланію искусственнаго носа, по индѣйской методѣ.

Сказавъ эти слова, онъ отправился въ амфитеатръ, куда скоро за нимъ послѣдовала Нанетта, поддерживаемая двумя Сестрами Милосердія, которыя съ кротостью ее ободряли, и молились за нее.

Не поднимая покрывала, скрывавшаго лице несчастной дѣвушки, хирургъ далъ вдохнуть больной большую губку, напитанную морфомомъ. И стоя надъ нею, ожидалъ послѣдствій.

Его прекрасная смуглая голова, спокойный и вмѣстѣ пламенный взоръ, черныя волосы и бѣлый передникъ, покрывавшій его грудь,

наименявший тунику, въ которой, по преданію, представляютъ Данта— все это очень уюдобляло его итальянскому поэту, въ то мгновеніе когда онъ хотѣлъ проникнуть въ юдоль скорби, на дверяхъ которой начертаны слѣдующія слова: «Оставьте всякую надежду».

Мало-по-малу, члены Нанетты вытянулись, голова опрокинулась назадъ, и она заснула спокойнымъ и глубокимъ сномъ. Хирургъ снялъ покрывало, скрывавшее лице молодой дѣвушки и инопотъ ужаса пронесся по всей залѣ, при видѣ страшной язвы, разрушившей часть этого прелестнаго лица.

Тогда твердою рукою, не колеблясь, не теряя ни одной секунды, онъ образовавъ своимъ ножомъ края раны, заживилъ ее, и съ каждой стороны основанія носа сдѣлалъ два надрѣза, въ небольшомъ разстояніи одинъ отъ другаго, провелъ ихъ внутри и снаружи къ средней части щеки, и тамъ соединилъ между собою. Потомъ разсѣкъ эти надрѣзы, обернулъ ихъ вокругъ ствола, оставшагося при основаніи, и съ каждой стороны, заживленными краями носовой выемки, и прикрѣпилъ булавками. Двѣ маленькія трубочки, поддерживали двойное отверстіе.

Въ эту минуту Нанетта стала приходить въ себя отъ безчувствія произведеннаго хлороформомъ; ее перенесли на постель, гдѣ обѣ Сестры Милосердія ухаживали за нею и, по приказанію доктора, не прикладывая къ ранъ другихъ перевязокъ, кромѣ компрессовъ съ холодной водою, часто перемѣняемыхъ.

Черезъ четыре дня послѣ операциі, булавки были вынуты, открылась лихорадка, но больная не подвергалась болѣе никакой опасности. Черезъ два мѣсяца гноеніе совершенно исчезло. Рана почти зажила, и ливія, образовавшаяся отъ вырванныхъ кусковъ, представляла какъ разъ правильную черту, которая въ обыкновенномъ состояніи отдѣляетъ носъ отъ самаго носа: каждый изъ надрѣзовъ образовалъ носъ. Аппетитъ, сонъ, силы находились въ самомъ отличномъ состояніи. Съ этой минуты положеніе больной не представляло уже ничего особеннаго. Когда Нанетта почувствовала ужасные припадки болѣзни, обезобразившіе ее и рѣшилась подвергнуться страшной операциі, она сознавалась, что между нею и Жоржемъ все кончилось и рѣшилась оставить Парижъ навсегда и удалиться въ какой-нибудь неизвѣстный уголокъ въ провинцію, чтобы влечить въ неизвѣстности существованіе отнынѣ обреченное одиночеству и отчаянію. По этому-

то, до вступленія въ больницу, она продала свою мебель. Въ первые дни, послѣдовавшіе за операциею, и пока перевязки покрывали ее лицо она не перемѣняла своего намѣренія, и съ нетерпѣніемъ ждала совершеннаго выздоровленія, чтобы скорѣе оставить городъ, въ которомъ жилъ Жоржъ.

Въ одно утро, когда она печально думала о своемъ отъездѣ, котораго желала всеми силами души и вмѣстѣ приводившаго ее въ отчаяніе, пришелъ докторъ для своего ежедневнаго утренняго осмотра. Онъ подошелъ къ Нанеттѣ и, съ грубою добротою, отличавшею его, какъ равно и многихъ его собратьевъ, долго осматривалъ послѣдствія своей операци и, казалось, былъ доволенъ ею. Вдругъ онъ сказалъ молодой дѣвушкѣ :

— Ну, дитя мое, довольны ли вы? находите ли вы, что я не слишкомъ обезобразилъ васъ?

— Я еще не имѣла духу посмотреть на себя, пролетѣла она, отворачивая голову, чтобы скрыть слезы.

— Подайте зеркало, матушка, сказалъ хирургъ, обращаясь къ одной изъ монахинь, спѣшившей исполнить его желаніе.

Нанетта, блѣдная какъ смерть, съ глубокимъ волненіемъ сложила руки, перекрестилась, и послѣ краткой, но горячей молитвы, сказала все еще дрожащимъ голосомъ :

— Дайте, докторъ.

Зеркало выпало изъ ея рукъ на постель, но вооружась рѣшимостью, она снова взяла его, и радостный крикъ вырвался изъ ея груди, когда она увидала, что не была изуродована.

Дѣйствительно, раны, произведенныя кусками вырванной кожи, мало-по-малу закрылись и не оставили другихъ слѣдовъ, кромѣ узенькаго рубчика, сперва очень краснаго, потомъ перешедшаго въ блѣдно-розовый цвѣтъ, и наконецъ отъ нихъ оставались только бѣлыя, едва заметныя полоски. Нанетта была такъ же хороша какъ и прежде и хотя форма ея носа нѣсколько измѣнилась, но отъ этого нѣсколько не потерпѣло ея кроткое и правильное лицо. Даже можетъ быть фizioномія ея, потерявъ выраженіе маленькаго лукавства, приняла другое, болѣе гармонированное съ нѣжнымъ и яснымъ взглядомъ ея голубыхъ глазъ.

— О докторъ, докторъ, воскликнула она, да благословитъ васъ Богъ за то, что вы сохранили мою красоту!

Она вдругъ смѣшалась, замолчала, ея прекрасное лицо покрылось живайшимъ румянцемъ.

— Простите меня, сказала она, я не за себя радуюсь, а за него.

И она еще болѣе покраснѣла! Не по истинѣ, очень естественно съ ума сходить отъ радости, когда думаешь уже, что сдѣлался уродемъ и вдругъ находишь себя еще лучше прежняго.

Въ тотъ же самый вечеръ, Жоржъ только что возвратился въ свою маленькую комнатку; онъ употребилъ все средства, чтобы утѣшиться и забыть; но напрасно; напрасно безпрестанно повторять, что Нанетта заслуживаетъ только презрѣнiе, сильный голосъ возставалъ въ его сердцахъ, чтобы защищать и оправдывать ее.

Такъ, сидя въ этой комнаткѣ и предаваясь обычнымъ думамъ, онъ слышалъ тихій стукъ въ свою дверь, и отворивъ ее, увидѣлъ Нанетту, стоявшую у порога его комнаты; взволнованнымъ голосомъ она спросила его :

— Все ли вы еще любите меня Жоржъ?

Подозрѣнiя, отчаянiе, все было забыто въ это счастливое мгновенiе; онъ упалъ къ ногамъ Нанетты, покрывая ея руки поцѣлуями.

Въ девять часовъ, женихъ и невѣста разстались. Жоржъ отправился на ночь къ одному изъ товарищей по ремеслу, а Нанетта, съ очень понятною радостью, поселилась опять въ своей хорошенькой комнаткѣ.

На другой день носильщикъ, согнувшись подъ тяжестью своей ноши, принесъ Нанеттѣ множество цвѣтовъ, такъ, что она могла не только замѣнить увядшіе цвѣты на своемъ окнѣ, но украсить ими всю мебель маленькой комнаты.

Спустя три недѣли, вѣнчали скромную свадьбу въ предмѣстiи. Однако невѣста прiѣхала въ церковь въ прекрасной каретѣ и шла, опираясь на руку челоуѣка, по наружности котораго можно было судить о высокомъ его званiи.

Онъ подвелъ сиротку къ алтарю и замѣнилъ ей отца, котораго она лишилась еще въ дѣтствѣ.

Выходя изъ церкви, Жоржъ велъ жену свою подъ руку, и сказалъ ей тихо :

— Теперь, Нанетта, когда ты принадлежишь мнѣ на всю жизнь, откроешь ли ты мнѣ тайну своего таинственнаго побѣга?

— Спроси у доктора, отвѣчала она, указывая на челоуѣка, кото-

рый волею ея къ алтарю. Послѣ милосердаго Бога, ему болѣе всего въ мірѣ мы обязаны благодарностью.

ИТАЛІЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПАРИЖѢ. Въ то время когда итальянская опера, великое наше наслажденіе, такъ сильно занимаетъ всѣхъ въ Петербургѣ, каждому интересно будетъ знать странныя похождения ея въ Парижѣ, гдѣ некогда она была такая блистательная. Уже лѣтъ семь или восемь какъ тамошняя опера, находясь въ самомъ печальномъ положеніи, поддерживалась болѣею частью продѣлками особеннаго искусства, которое называется шарлатанствомъ. Въ послѣднее время импресариомъ и директоромъ ея былъ известный пѣвецъ Ронкони. Въ эти двѣ зимы парижскій итальянскій театръ, за недостаткомъ въ зрителяхъ, закрывался два или три раза. Артисты и служители подавали безпрестанно жалобы въ коммерческій судъ за неплатежъ имъ жалованья. Наконецъ министерство внутреннихъ дѣлъ отняло у Ронкони данную ему трехъ-лѣтнюю привилегію, а управленіе оперой поручило директору лондонскаго Театра королевы, великому мастеру театральнаго дѣла и продвлокъ, господину Ломли. Повѣренный сеньора Ронкони протестовалъ противъ этой мѣры, уверяя, что прежній импресарио совершенно въ состояніи исполнить условія контракта, заключеннаго съ министерствомъ, и что у нихъ все готово къ немедленному открытію представленій: въ удостовѣреніе чего и напечаталъ онъ торжественно списокъ ангажированныхъ имъ для нынѣшней зимы артистовъ, въ числѣ которыхъ — о! удивленіе! — стояли Гриси и Маріо, ангажированные для той же зимы въ Петербургѣ. Между-тѣмъ, банкиръ, представившій за Ронкони обезпеченіе, подалъ, съ своей стороны, въ коммерческій судъ прошеніе, которымъ домогается онъ объявленія его несостоятельнымъ. Изложеніе дѣла, представленное адвокатами обѣихъ сторонъ, такъ любопытно въ театральномъ и оперномъ отношеніи, что мы считаемъ нужнымъ привести его для назиданія дилетантовъ.

Господинъ Шайе, *стряпчій банкира Лероа-де-Шаброль и Комп.* — Предстаю передъ почтеннѣйшій судъ съ требованіемъ объявленія несостоятельнымъ господина Ронкони, бывшаго директора театра Итальянской Оперы въ Парижѣ.

Мои вѣрители искренно желаютъ раскрыть истину передъ судомъ, правдивымъ и точнымъ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла, и вмѣстѣ

съ тѣмъ извести мнѣніе публики изъ забужденія, въ которое вовлекло печатное распространеніе разныхъ ложныхъ толкованій.

Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ изложенію фактовъ, да будетъ намъ позволено опровергнуть два невѣрныхъ слуха, распространенныхъ газетами.

Утверждали, будто господъ Лероа-де-Шаброль и Комп., въ засѣданіи 30 сентября, отступились отъ собственного своего иску, и что судъ, по этому случаю, постановилъ рѣшеніе по неявкѣ истцовъ; осмѣлялись даже печатно утверждать, что 55,000 франковъ, къ уплатѣ которыхъ господинъ Ронкони былъ уже приговоренъ, были имъ представлены въ присутствіи.

На самомъ дѣлѣ было вотъ что: прошеніе объ объявленіи господина Ронкони несостоятельнымъ, должно было поступить на сужденіе въ засѣданіи 3 сентября. Мои вѣрители требовали, чтобы было приступлено къ разбирательству дѣла; господинъ Ронкони, напротивъ, воспротивился этому, требуя, чтобы дѣло было присоединено къ дѣлу объ уплатѣ счетовъ, назначенному на 30 сентября. Судъ постановилъ соединить эти два дѣла.

Что же было 30 сентября? Я былъ боленъ, и просилъ судъ о назначеніи другаго срока. Но наши противники дозволили себѣ поставить на видъ совершенно ложное обстоятельство: они объявили передъ судомъ, что если дѣло не будетъ рѣшено въ этомъ засѣданіи, то господинъ Ронкони будетъ смѣненъ. Я отвѣчу на это числомъ. Распоряженіе о смѣнѣ директора Итальянскаго театра было уже подписано министромъ 27 сентября.

Выманивъ такимъ образомъ рѣшеніе по неявкѣ истцовъ, противники наши вставили его въ отчетъ, который былъ перепечатанъ въ нѣсколькихъ журналахъ, и въ которомъ они не посовѣстились утверждать, что помянутыя 55,000 франковъ были представлены въ присутствіи.

Я вовсе не приписываю этихъ постыдныхъ продѣлокъ самому господину Ронкони, а только лицу, называющему себя его товарищемъ и которое во всемъ этомъ дѣлѣ исполняло роль агента по низкимъ продѣлкамъ клеветника.

Теперь я приступаю къ изложенію дѣла, безъ потворства и безъ злобы, потому что нѣтъ нѣтъ въ сердцахъ и въ намѣреніяхъ моихъ вѣрителей; я буду дѣйствовать только противъ негоціанта, который

имѣть несчастіе не исполнить своихъ коммерческихъ обязательствъ, но не выйдя изъ предѣловъ уваженія, которое я питаю лично къ господину Ронкони, какъ къ великому артисту.

Какое взаимное положеніе тяжущихся сторонъ?

Господинъ Ронкони получилъ привилегію на содержаніе Итальянскаго театра до 1855 года, по двумъ министерскимъ резолюціямъ. На него возложены два условія: 1) представить залогъ въ 60,000 франковъ, въ обезпеченіе платежа жалованій слѣдующихъ артистамъ; 2) предъявить 100,000 франковъ оборотнаго капитала для пользованія привилегією.

Законодательное собраніе даровало ему 60,000 франковъ ежегоднаго пособія.

Господинъ Ронкони, подъ вліяніемъ некоторыхъ знатныхъ лицъ, явился въ банкирскій домъ Лероа-де-Шаброля и Комп., и просилъ ихъ доставить ему средства къ исполненію требованій министерства. Помянутые банкиры не желали мѣшаться въ это дѣло, потому что такого рода кредитъ не въ обычаѣ ихъ и ихъ учрежденія. Однакоже, мои вѣрители согласились, за поручительствомъ некоторыхъ лицъ, которыхъ имена я умолчу, открыть кредитъ господину Ронкони. Последствіемъ было то, что къ 22 апрѣлю оказался дебетъ на господина Ронкони.

Всѣ суммы, записанныя въ этомъ счетѣ на сторонѣ кредита, заключаются въ уплатахъ жалованій артистамъ и служителямъ, въ ордерахъ господина Ронкони или его повѣреннаго, господина Глад.

Что касается до залога, его долженъ былъ доставить другой банкирскій домъ, къ которому господинъ Ронкони обратился по этому предмету. Господинъ Ронкони подписалъ на 60,000 франковъ векселей на имя этого дома, который передалъ ихъ господамъ Лероа-де-Шабролю и Комп.; деньги же были внесены прямо и отъ ихъ имени въ кассу залоговъ, съ запискою кредиторовъ въ гипотечную книгу и предоставленіемъ имъ правъ втораго разряда*.

Вотъ положеніе дѣла въ апрѣль 1850 года.

Театральный сезонъ былъ заключенъ, сборовъ впереди уже было; векселямъ на сумму залога наступалъ срокъ, и они были

* То есть права взысканія съ имущества должника предпочтительно черезъ кредиторами высшихъ разрядовъ.

уплачены; счетъ по кредиту, открытому господомъ Лероа-де-Шаброль и Коми. также не былъ уплаченъ; на самомъ залогѣ въ 60,000 франковъ было на 62,000 записанъ претензіямъ артистовъ и постороннихъ кредиторовъ; въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ господа Лероа-де-Шаброль и Коми. оказывали снисходженіе и терпѣніе, рѣдко встрѣчающіяся въ коммерческихъ дѣлахъ; они полагались на предложенные госпожиномъ Ронкони переводы платежей на Ковентгарденскій театръ, изъ жалованья, которое онъ будетъ тамъ получать. Эти переводы оказались пустою мечтою.

Между-тѣмъ почти въ каждое засѣданіе коммерческаго суда поступали жалобы на господина Ронкони со стороны ангажированныхъ имъ артистовъ и служителей, и по всѣмъ этимъ жалобамъ судъ присуждалъ его къ уплатѣ. Мало того: артисты подали прошеніе объ объявленіи ихъ директора несостоятельнымъ; изъ этого видно, что не въ первый разъ разражается такая буря надъ господиномъ Ронкони.

Всѣ эти обстоятельства обратили вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ, обязаннаго наблюдать за употребленіемъ казенныхъ денегъ. Директоръ былъ нѣсколько разъ призываемъ въ министерство для объясненій, но не являлся; съ другой стороны, господинъ Лероа-де-Шаброль, въ самыхъ снисходительныхъ выраженіяхъ, убѣждалъ господина Ронкони принять какія-нибудь мѣры для того, чтобы вырваться изъ бездны, готовой поглотить его. Господинъ Ронкони не хотѣлъ ни о чемъ и слышать. Наступило время открывать театральнй сезонъ, но съ какими средствами? гдѣ была труппа, способная оживить прежнюю славу и прежній блескъ Итальянскаго театра? на какое употребленіе должно было идти пособіе отъ правительства? Наконецъ министръ, резолюціею 27 сентября, смѣнилъ Ронкони. Эта резолюція, въ которой отдается полная справедливость безплоднымъ усиліямъ директора, основывается на томъ, что его финансовое положеніе очевидно не позволяетъ надѣяться, чтобы онъ могъ содержать театръ согласно съ тѣми условіями, на которыхъ дарована ему привилегія и пособіе отъ правительства.

Въ такихъ обстоятельствахъ, благоразуміе предписывало моимъ зрителямъ выйти изъ своего снисходительнаго бездѣйствія; надлежало обезпечить права поручителей. Притомъ господа Лероа-де-Шаброль и Коми. должны были тѣмъ болѣе дѣйствовать рѣшительно, что,

нѣтъ право простираетъ свою претензію, предпочтительно вѣрѣ пречными кредиторами, на всю сумму обезпеченія въ 60,000 франковъ, они не могли требовать ни гроша изъ залога, не обративъ предварительно своего иска на самаго главнаго должника. Тогда господина Лероа-де-Шаброль и Комп., исходатайствовавъ предварительно въ надлежащемъ судѣ постановленія о присужденіи господина Ронкони, лично, къ уплатѣ 55,000 франковъ векселей, представили свое домогательство объ объявленіи его несостоятельнымъ. Тогда-то господинъ Эрнестъ Беръ сталъ протестовать противъ резолюціи министра; и утверждать, что онъ въ состояніи открыть театръ съ 1 октября; онъ утверждалъ, что финансовыя дѣла господина Ронковъ отличномъ состояніи, что процессъ, объявленный господами Лероа-де-Шабролемъ и Комп. несправедливъ и безчестенъ, и что не смотря на отрѣшеніе господина Ронкони, онъ откроетъ представленія перваго ноября. Ложность всѣхъ этихъ возгласовъ равняется развѣ только ихъ нелѣпости; любопытно было бы послушать объясненія господина Бера съ префектомъ полиціи, если бъ товарищъ господина Ронкони вздумалъ привести свою угрозу въ исполненіе.

Заключаю: господинъ Ронкони прекратилъ ли платежи? Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, и я уже доказалъ это фактами, которыя теперь повторяю: многочисленными судебными приговорами, состоявшимися уже по различнымъ претензіямъ на господина Ронкони, и представленнымъ уже домогательствомъ объ объявленіи его несостоятельнымъ, которое было приостановлено только наложеніемъ запрещенія на дарованное ему пособіе отъ правительства.

Прошу почтеннѣйшій судъ обратить вниманіе на сумму долга господина Ронкони моимъ вѣрителямъ, и на состоявшееся уже присужденіе его, лично, къ уплатѣ 55,000 франковъ векселей, вслѣдствіе котораго движимость должника уже описана и назначена въ скоромъ времени къ продажѣ съ аукціона. Равно представляю на вниманіе суда множество другихъ претензій, числящихся на залогъ, который доставленъ господину Ронкони моими вѣрителями.

Еще обстоятельство. На имущество господина Ронкони наложено запрещеніе и по претензіи его домохозяина, за неплатежъ денегъ за квартиру. Мало того, господинъ Ронкони бѣжалъ, и не смѣлъ вѣрнуться въ Парижъ. Наконецъ и владѣлецъ вандамурской замы, гдѣ

возмещается Итальянскій театръ , отказавою отъ возобновленія контракта.

Какія средства господина Ронкони къ пользоваію привилегіею? Есть ли у него хорошая труппа , подающая какую нибудь надежду на успѣхъ? Правда , господинъ Беръ радпустилъ объявленія о составѣ труппы , которая должна явиться въ наступающемъ году; но теноры Маріо и Тамберликъ еще ангажированы въ Петербургъ до будущей весны; а госпожа Гризи не въ состояніи явиться на сцену до совершеннаго оправленія отъ болѣзни.

Всѣ эти факты не оправдываютъ ли домогательства моихъ вѣрителей, и въ тоже время резолюціи объ отрженіи, которой я, впрочемъ , не обязанъ защищать? Но мнѣ ненавистна всякая неправда; даже неправды господина Бера; слѣдовательно и неправды возносимыя на господина Барона, который поступилъ справедливо и какъ просвѣщенный министръ.

И такъ я повторяю свое домогательство. Господинъ Ронкони, или скорѣе господинъ Беръ, началъ обратный искъ противъ господъ Лероа-де-Щаброля и Комп., домогаясь уплаты 300,000 франковъ вознагражденія за убытки. Я не намѣренъ унижаться до разбора претензій. Когда я долженъ ходатайствовать объ объявленіи несостоятельнымъ какого-либо негоціанта, я принимаюсь за эту обязанность скрпя сердце, потому что я вполне понимаю, какъ тяжелъ и горестенъ для него такой искъ, въ которомъ идетъ дѣло о защитѣ его добраго имени и чести; а какъ ни нелпы и не безразсудны его оправданія, я чувствую къ нимъ нѣкоторое снисхожденіе, и стараюсь опровергать ихъ безъ желчи и безъ запальчивости. Однако же въ настоящемъ случаѣ я не могу не замѣтить, что претензія, объявленная отъ имени господина Ронкони и сочиненная господиномъ Беромъ, возбуждаетъ неблагопріятное для моихъ вѣрителей подозрніе, которымъ онъ вѣроятно попытается еще воспользоваться. Онъ утверждаетъ, что если господинъ Ронкони смѣненъ, то это вслѣдствіе ходатайствъ и происковъ моихъ вѣрителей, которымъ будто бы нужно было отрженіе его для нѣкоторыхъ коммерческихъ предпріятій, которыя они задумали съ новымъ директоромъ Итальянскаго театра, господиномъ Ломли; я протестую противъ его намека, и ссылаюсь на приведенные мною факты въ объ-

ложеніе мѣры, которую министерство сочло нужнымъ править относительно господина Ронкони.

Господинъ Ланъ, страпчій господина Ронкони, возразилъ слѣдующее :

Милостивые государи, противники наши имѣютъ огромный интересъ въ томъ, чтобы господинъ Ронкони былъ объявленъ несостоятельнымъ; и если они долго удерживались отъ всякихъ мѣръ къ достиженію своей цѣли, то только изъ опасенія публичности суда. Я постарюсь раскрыть суду дѣло, ему еще неизвѣстное.

Въ 1848 году, послѣ февральскихъ событій, тогдашній директоръ Итальянскаго театра уступилъ свою привилегію господину Дюпену, который не могъ продолжать пользованіе ею. Театръ приходилось вѣминуемо закрыть, когда артистъ, таланту котораго самъ противникъ мой отдаетъ справедливость, господинъ Ронкони рѣшился сохранить этотъ театръ для искусства и спасти артистовъ отъ нищеты. Ронкони имѣлъ мужество просить привилегіи, жертвуя желованіемъ, которое онъ получалъ бы, оставшись просто пѣвцомъ.

Въ 1849 году, по заключеніи театральнаго сезона, не смотря на все бѣдствія, какія онъ долженъ былъ выдержать, господинъ Агудо, снабдившій его капиталомъ, не лишился ни копейки своихъ денегъ. Самъ Ронкони, правда, пожертвовалъ всею, что онъ успѣлъ скопить многолѣтнимъ трудомъ. Онъ сталъ ходатайствовать о продолженіи ему привилегіи еще на три года; что и было ему даровано съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ обезпеченіе въ 60,000 франковъ, и сверхъ того внесъ треть сбора отъ абонементовъ въ сберегательную кассу залоговъ. Слѣдовательно, надлежало ему найти требуемые капиталы. Господа братья Кулонъ и Лемеръ взяли за это дѣло.

Господа Кулонъ и Лемеръ занимаются особенною отраслью коммисіонерства; они устриваютъ все дѣла между директорами театровъ, нуждающимися въ деньгахъ и банкирами, которые осужаютъ ихъ. Само собою разумется, что они оказываютъ эти услуги не даромъ, а берутъ небольшую коммиссію съ устроеннаго ими займа. Въ настоящемъ случаѣ, они вызвались доставить господину Ронкони требуемый залогъ въ 60,000 франковъ, отъ известнаго банкирскаго дома Деламара. Тотъ же домъ долженъ былъ открыть ему кредитъ въ 100,000 франковъ. По заключеніи займа, они выговорили себе

отъ господина Ронкони 18,000 франковъ за комиссію, которой часть и была имъ заплачена.

Между-тѣмъ, банкирскій домъ принялъ всѣ мѣры для облегченія своей ссуды. Прежде всего, онъ взялъ съ господина Ронкони двѣнадцать векселей по 5,000 франковъ; на всю сумму залога; относительно же открытаго кредита въ 100,000 франковъ, онъ обезпечился ручательствами надежныхъ лицъ на 60,000 франковъ. Какое же отношеніе нашихъ противниковъ къ господину Ронкони? кредиторы ли они? товарищи ли на вѣр? Ихъ стряпчій говорилъ сейчасъ о книгахъ господина Ронкони, которыя, по словамъ его, велись истинно артистическимъ образомъ.

Господа Лероа-де-Шаброль очень хорошо знаютъ, какъ велись эти книги, потому что они же сами приставили бухгалтера; но мы любопытствовали бы взглянуть въ книги господъ Лероа, чтобы узнать, какимъ именемъ именуется въ нихъ сдѣлка между господами Лероа и господиномъ Ронкони: кредитъ ли это или товарищество? Господинъ Ронкони былъ поставленъ въ странное положеніе: господа Лероа возложили все управленіе на своего чловѣка, господина Глада. Ему была ввѣрена вся хозяйственная часть, а господину Ронкони предоставлена только искусственная. Онъ долженъ былъ покориться этому условію. Господинъ Гладъ получалъ 500 франковъ жалованія въ мѣсяць; отъ кого? отъ господина Ронкони? Нѣтъ, отъ банкирскаго дома Лероа-де-Шаброль и Комп.

Г. Шийе. Это ложь!

Г. Ланъ. У меня въ рукахъ росписки. Дѣло въ томъ, что господа Лероа-де-Шаброль были собственно директорами Итальянскаго театра, а господинъ Ронкони былъ только режиссеромъ.

Въ подтвержденіе этого факта господинъ Ланъ привелъ, что значительное число билетовъ и ложъ было предоставлено на распоряженіе господъ Лероа-де-Шабрель, что господинъ Ронкони долженъ получать 4,000 франковъ въ мѣсяць, и получалъ свое жалованіе только одинъ разъ, а девяносто разъ пѣлъ даромъ.

Говорять, продолжалъ господинъ Ланъ, что господинъ Ронкони обижалъ. Это гнусная клевета, выдуманная его противниками. Вотъ какъ было: господинъ Ронкони получаетъ обыкновенно 60,000 франковъ зимою, въ Парижѣ, и столько же лѣтомъ, въ Лондонѣ. Въ апрѣль мѣсяць онъ рассудилъ, что не мѣшаетъ ему играть лѣтомъ

на Ковентъгарденскомъ театрѣ. Позжайте непременно, отвѣчалъ господа Лероа, только потрудитесь сначала зайти къ вашему нотариусу, и дать намъ переводную записку на получение 20,000 франковъ изъ вашего жалованія.

Господинъ Ронкони согласился, и вотъ что эти господа называютъ «бѣжать». Когда лондонскій сезонъ кончился, господинъ Ронкони похалъ въ Мадридъ, на театръ del Circo. Ему предлагали 90,000 франковъ съ тѣмъ, чтобы онъ остался на весь сезонъ; онъ не могъ принять этого предложенія, и пѣлъ перспективно.

Дохожу теперь до самаго процесса. Господинъ Ломли, директоръ одного лондонскаго театра, предложилъ господамъ Лероа-де-Шаброль пригласить господина Ронкони уступить свою привилегію ему, господину Ломли. Господинъ Ронкони отвѣчалъ: «Очень охотно. Господинъ Ломли можетъ ангажировать меня, или нѣтъ, какъ ему угодно; но онъ долженъ расплатиться съ вами. Сверхъ того я заключилъ контракты съ другими артистами, и желаю, чтобы господинъ Ломли принялъ на себя мои обязательства.» Господинъ Ломли отказался отъ этихъ условій. Тогда господинъ Помье, частный страпчій дома Лероа-де-Шаброль, погрозился господину Ронкони, что они вступятъ въ переговоры мимо его; что они и исполнили; какъ они ни отпирайся, а договоръ этотъ существуетъ. Тогда начались систематическія гоненія на господина Ронкони, и послѣднее изъ нихъ — домогательство объ объявленіи его несостоятельнымъ.

Затѣмъ господинъ Ланъ старался доказать, что еслибъ не это домогательство, то господинъ Ронкони успѣлъ бы удержать за собою Итальянскій театръ; что господинъ Беръ пріискалъ товарища съ капиталомъ, и что абонированіе ложъ дополнило бы необходимую сумму, хотя бы даже абонементъ не составилъ 546,000 франковъ, какъ въ 1847 году, въ управленіе господина Вателя.

Господамъ Лероа нечего опасаться за свои деньги; они утверждаютъ, что имъ слѣдуетъ получить 100,000 франковъ, а у нихъ въ рукахъ на 137,000 франковъ переводовъ и ручательствъ.

Я могъ бы, сказалъ господинъ Ланъ въ заключеніе, сослаться на 1246 статью Уложенія и просить судъ о разсрочкѣ, въ чемъ онъ бы мнѣ не отказалъ. Но къ чему? Господинъ Ронкони обладаетъ талантомъ, благодаря которому онъ можетъ безъ труда расплатиться съ господами Лероа. Мы живемъ въ вѣкъ, въ который

дѣвцы получаютъ баснословныя суммы. Госпожа Альбони, на примѣръ, ѣдетъ въ Мадридъ, гдѣ она должна получать по 4,000 франковъ за каждое представленіе; Женни Линдъ, въ Соединенныхъ-Штатахъ, получаетъ по 20,000 долларовъ, то-есть по 100,000 франковъ въ мѣсяцъ.

Если Ронкони согласится остаться на театрѣ del Circo, онъ можетъ заработать 90,000 франковъ въ одинъ сезонъ; будьте увѣрены, что ему не трудно будетъ расплатиться. Онъ проситъ объ одномъ только, чтобы судъ пощадилъ его доброе имя и честь.

Послѣ короткаго возраженія со стороны господина Шайе, дѣло отложено на двѣ недѣли.

=

КНИГИ ПО УМѢРЕННОЙ ЦѢНѢ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Комп., комиссіонера Императорской Библіотеки, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петяля, № 3.)

- TRICOT.** Nouvelles leçons de littérature française et de morale, ou recueil en prose et en vers des plus beaux morceaux de la littérature française ancienne et moderne. 2e édition. St.-Petersbourg 1850. 1 vol. in-9. 1 rbl. 50 c.
- ARMENGAUD FRÈRES ET AMOUROUX.** Cours élémentaire de dessin industriel à l'usage des écoles primaires. Paris 1850. 1 vol. in-fol. oblong. 2 rbls. 50 c.
- BRANDT (l'abbé).** Méditations pour tous les jours et fêtes de l'année sur la vie et les mystères de N.-S. Jésus-Christ. Paris 1848. 4 vols. in-12. 2 rbls. 80 c.
- CALLAT.** Parallèle des maisons de Paris construites depuis 1830, jusqu'à nos jours. Paris 1850. 1 vol. in-fol. 33 rbls.
- CARPANTIER (Mlle.).** Enseignement pratique dans les écoles maternelles ou premières leçons à donner aux petits enfants. Paris 1848. 1 vol. in-8. 1 rbl. 50 c.
- Conseils sur la direction des salles d'Asile. Paris 1847. 1 vol. in-18. 50 c.
- CORNAY.** Éléments de morphologie humaine. Paris 1850. 1 vol. in-12. 1 rbl. 50 c.

- CONSILIER.** Le médecin de la famille, ouvrage indispensable à toutes les familles. Paris 1850. 1 vol. in-8., orné de 40 planches colorées. 5 rbls.
- DEBAY.** Hygiène de visage et de la peau. Paris 1850. 1 vol. in-12. 80 c.
- DECAENE ET HÉRINECQ.** Figures pour l'almanach du bon jardinier. 10^e édition. Paris. 4 vol. in-12. 2 rbls. 35 c.
- MURGET.** Manuel de l'étudiant magnétiseur. 2^e édition augmentée. Paris 1850. 1 vol. in-12. 1 rbl. 15 c.
- EVANS.** L'art de préparer, monter et conserver les oiseaux ainsi que les papillons et autres insectes. 2^e édition. Paris 1850. 1/2 in 8, 40 c.
- GORGAS.** Éloquence et improvisation, art de la parole oratoire au barreau, à la tribune, à la chaire. Paris 1846. 1 vol. in-8. 2 rbls. 15 c.
- HAAS.** Mémorial du médecin homœopathe; traduit de l'allemand par Marchand. Paris 1850. 1 vol. in-18. 1 rbl.
- HÉRING.** Médecine homœopathe domestique; traduit de l'allemand par Marchand. Paris 1850. 1 vol. in-12. 1 rbl. 75 c.
- JAHR.** Du traitement homœopathe des maladies de la peau. Paris 1850. 1 vol. in-8. 2 rbls 50 c.
- LAVITTE.** Symptomatologie ou tableau synoptique de toute matière médicale pure. Paris 1844. 1 vol. in-4. 11 rbls.
- LANGUEN.** Petit manuel de la langue russe. St.-Petersbourg 1850. 1 vol. in-12. 1 rbl.
- LE MAOUT.** Atlas élémentaire de la botanique, avec le texte en regard. Paris 1846. 1 vol. in-4., contenant 2,340 figures. 5 rbls.
- MONTIGNY.** Manuel de l'éleveur ou méthode simplifiée de dressage des chevaux au montoir et au trait. Paris 1850. 1 vol. in-8. 1 rbl. 25 c.
- PAYER.** Botanique cryptogamique ou histoire des familles naturelles des plantes inférieures. Paris 1850. 1 vol. gr. in-8, avec 1.105 gravures. 5 rbls.
- PUVIS.** De l'emploi des eaux en agriculture. Paris 1849. 1 vol. in-8. 1 rbl. 50 c.
- QUICHERAT.** Traité de versification française. 2^e édition. Paris 1850. 1 vol. in-8. 2 rbls. 50 c.
- RASPAIL.** Histoire naturelle de la santé et de la maladie chez les végétaux et chez les animaux en général et en particulier chez l'homme. 2^e édition. Paris 1846. Fig. en couleurs. 3 vols in-8. 11 rbls.
- Revue élémentaire de médecine et pharmacie domestiques, ainsi que des sciences accessoires et nouvelles mises à la portée de tout le monde. 2 vols. in-8. 4 rbls.
- Manuel annuaire de la santé pour 1850. 1 vol. in-16. 50 c.

P.M.

ИСТОРИЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЖИВОПИСИ ВЪ СЕМНАДЦАТОМЪ И ВОСЕМНАДЦАТОМЪ ВѢКѢ. Самая цвѣтущая пора итальянской живописи относится къ тому періоду, когда папы, высшіе представители католической Церкви, достигли вмѣстѣ и верха земной власти, заняли важное мѣсто въ ряду свѣтскихъ государей. Но это оригинальное явленіе, осуществившись вполнѣ, обнаружило противорѣчіе, заключавшееся въ немъ, и пало вслѣдствіе такого противорѣчія. Свѣтское могущество папъ пробудило реформацію, какъ на Сѣверѣ, такъ и въ самой Италиі, и это время, натурально должно было чрезвычайно вредно дѣйствовать на искусство. Внутреннее основаніе искренней вѣры въ духовное достоинство искусства исчезло, на мѣсто ея появились манерность и жеманство. Къ этому присоединились внѣшнія, политическія неблагопріятныя обстоятельства, и довершили упадокъ римской школы наравнѣ съ флорентинскою; только венеціанская школа еще долго оставалась на высокой степени процвѣтанія, вслѣдствіе благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Политическое броженіе общественныхъ и нравственныхъ стихій началось въ исходѣ шестнадцатаго вѣка. Для Италиі явилось новое могущественное папство, которое старалось возратить старинное достоинство духовнымъ стремленіемъ и такимъ-образомъ вдохнуть новую жизнь въ искусство. Но то была эпоха *реставраціи*, какъ для искусства такъ и для политическихъ отношеній, — пора истиннаго творчества миновала безвозвратно.

Большая часть художниковъ этой эпохи, конца шестнадцатаго и первой половины семнадцатаго вѣка, обыкновенно называются *электиками* (выбирателями), потому что они старались брать изъ про-

изведеній великихъ мастеровъ лучшимъ ихъ качества и соединить въ одно цѣлое, не упуская однако изъ виду изученіе природы. Разумѣется, въ такомъ эклектическомъ направленіи, когда оно доведено до крайнихъ предѣловъ, заключено ложное понятіе о чисто художественной концепціи и выполненіи, потому что старинные художники были велики именно своими особенностями, а соединять внутренно различное есть уже само по себѣ противорѣчіе.

Рядомъ съ эклектиками и въ противность имъ, явилось другое направление, которое старалось рѣшать свои задачи самостоятельно и отлично отъ манеры старинныхъ великихъ художниковъ, думая найти рѣшеніе этой задачи въ вѣрномъ и рѣзкомъ копированіи обыкновенной, грубой природы. Художниковъ этого направленія подражать грубой природѣ обыкновенно называютъ *натуралистами*. Но и то и другое направленіе не обошлись безъ взаимнаго вліянія, по-крайней-мѣрѣ натуралисты имѣли вліяніе на эклектиковъ, и художники одного направленія не всегда явно отличаются отъ художниковъ другого направленія.

Эклектическія школы. — Важнѣйшею изъ эклектическихъ школъ была школа, основанная въ Болоньѣ семействомъ живописцевъ Караччи. Настоящій основатель школы былъ Людовико Караччи (родился въ 1555, умеръ въ 1619 году), ученикъ Проспера Фонтаны, а потомъ Тинторета, въ Венеціи. Художникъ этотъ провелъ свою молодость въ тщательномъ и строгомъ изученіи, которое было чуждо современнымъ художникамъ и навлекало часто ему насмѣшки и презрѣніе. Тѣмъ сильнѣе онъ чувствовалъ потребность реформы, необходимость ввести въ искусство правила и разумныя основанія, вмѣсто необузданнаго своеволія современныхъ манеристовъ. Но при такомъ намѣреніи ему приходилось начать формальную войну съ превосходными силами этого развратившагося сословія, и онъ прежде всего позаботился запастись сильнымъ подкрѣпленіемъ. Онъ нашелъ его въ двухъ своихъ племянникахъ, Агостино и Аннибале Караччи (Агостино 1558 — 1601; Аннибале 1560 — 1609). Тотъ и другой были дѣти портнаго. Агостино готовился быть золотыхъ дѣлъ мастеромъ, Аннибале — къ отцовскому ремеслу. Людовико угадалъ отличный талантъ обоихъ мальчиковъ къ живописи и занялся ихъ художественнымъ образованіемъ.

Потомъ, вмѣстѣ съ ними онъ открылъ въ Болоньѣ академію ху-

дожествъ, названную академіей *Incamminat* (странниковъ). Они снабдили ее средствами, нужными для ученія, гипсовыми формами, рисунками и гравюрами; позаботились о потребномъ рисованіи и живописи съ натуры, о преподаваніи теоретическихъ частей перспективны, анатоміи и такъ далѣе, и обучали своихъ воспитанниковъ кратко и съ любовью, тогда какъ ученики старинныхъ художниковъ принуждены бывали много терпѣть отъ капризовъ учителей. Не смотря на вражду старыхъ мастеровъ, школа Караччи со дня на день распространялась, и вскорѣ прочія городскія школы живописи должны были закрыться за недостаткомъ учениковъ.

Правилами новой школы было изученіе природы и подражаніе великимъ мастерамъ. Подражаніе бывало таково, что они либо старались всѣ частныя красоты образцовъ сливать въ одну общую красоту, либо (съ нѣскольکو грубымъ вкусомъ) рисовали отдѣльныя фигуры своихъ картинъ, смотря по ихъ частному характеру, во вкусъ того или другаго художника. Есть одинъ сонетъ Агостино Караччи, гдѣ онъ высказываетъ правило своей школы такъ: надѣ подражать рисунку антиковъ, краскамъ Венеціанцевъ, колориту Ломбардцевъ (то есть да Винчи), натуральности Тиціана, величію Микель-Анджело, чистому и возвышенному (*sovrano*) стилю Корреджіо, благородной симметріи Рафаэля, благоприличію Тибальди, изобрѣтенію Приматиче, отчасти (*sic!*) граціи Пармиджіанино — все это впрочемъ уже соединено въ произведеніяхъ Николо дела'Абате. Разумѣется, изъ такихъ разнородныхъ частей не могло составляться истинно цѣлое. Собраніе техническихъ красотъ разныхъ художниковъ, которыя у нихъ были плодомъ живаго и самобытнаго художественнаго воззрѣнія, могло еще, пожалуй, повести къ правильности и техническому достоинству, но отнюдь не могло породить духовно-живленнаго произведенія. Общій характеръ эклектической школы есть вышняя правильность, которая, конечно, составляетъ большую заслугу сравнительно съ ближайшимъ предъидущимъ періодомъ; но у эклектиковъ рѣдко встрѣчаются произведенія, которыя носятъ печать самобытнаго, истиннаго вкуса.

Людовико Караччи вообще былъ больше учителемъ, нежели важнымъ, самобытнымъ творцомъ въ искусствѣ. Въ Болоньѣ, особливо въ тамошней пинакотекѣ, находится наибольшее число его картинъ и между ними въ цѣлой композиціи рѣдко попадается что-нибудь пре-

красное и достойное; хорошаго надо искать больше въ частности. Къ лучшимъ изъ картинъ, находящихся въ пинакотеку, принадлежатъ Мадонна, окруженная ангельскими лицами, стоящая на лунѣ, съ святыми Францискомъ и Иеронимомъ по сторонамъ ея, — картина эта взята изъ церкви S. Maria degli Scalzi, — тутъ Мадонна и младенецъ названы съ оригинальной прелестью и съ удачнымъ подражаніемъ Корреджіевой свято-тѣни. Далѣе, Рождество Іоанна Крестителя имѣетъ много красотъ. — Въ монастырѣ S. Michele in Bosco, въ Болоньѣ, Лодовико съ своими учениками написалъ событія изъ жизни святаго Бенедикта и святой Цециліи, которыя въ частности такъже имѣютъ много прекраснаго, даже величественно-привлекательнаго.

Агостино Каррачи писалъ мало картинъ. Онъ былъ человекъ ученый и завѣдывалъ теоретическимъ преподаваніемъ въ академіи. Преимущественно славился онъ какъ граверъ. Важнѣйшая изъ его картинъ въ болонской пинакотеку: св. Иеронимъ, принимающій св. причастіе передъ кончиною (взята изъ болонской Картейзерской церкви). Въ этой картинѣ, какъ во всемъ великомъ того времени, видна умышленность композиціи, но впрочемъ она исполнена характеристически и въ частности есть много прекраснаго.

Самый значительный изъ Карраччівъ — Аннибале. Вслѣдствіе образованія его въ Верхней Италіи, въ раннихъ его произведеніяхъ видно преимущественное подражаніе Корреджіо, потомъ Павлу Веронезу; напротивъ, во время позднѣйшаго его пребыванія въ Римѣ, у него преобладаетъ стиль римской школы. Въ болонской пинакотеку найдется одна изъ его картинъ (принадлежавшая церкви S. Giorgio), гдѣ Мадонна нарисована во вкусъ Павла Веронеза, младенецъ и маленький Іоаннъ во вкусъ Корреджіо, Іоаннъ Евангелистъ во вкусъ Тиціана, а св. Екатерина во вкусъ Пармиджіанино. — Подобныя жемчужины находимъ въ одномъ изъ его знаменитѣйшихъ произведеній, въ картинѣ Дрезденской галлерей, гдѣ изображенъ св. Рохъ, раздающій милостыню. — Всего совершеннѣе и всего самобытнѣе является Аннибале въ мелкихъ композиціяхъ. Прекрасная картина такого рода есть въ флорентинской трибунѣ; другая картина въ берлинскомъ музее. — Замѣчательна его Pietà, которую онъ повторялъ нѣсколько разъ: святое съ креста тѣло Спасителя въ объятіяхъ Маріи и два плачущіе ангела. Картина хорошо сочинена и особенно образъ Маріи отличается общимъ достоинствомъ художниковъ начала этого столѣтія; очень хо-

ропейскій экзemplаръ этой картины находится въ Римѣ въ галлерей Бергезе, и другой въ Неаполитанскомъ музеѣ. Главнымъ произведеніемъ Аннибала считается обыкновенно большой циклъ фресковъ, писанныхъ имъ въ римскомъ дворцѣ Фарнезе, особливо въ такъ-называемой галлерей этого дворца; онъ изобразилъ въ нихъ сцены изъ древней мифологіи. Въ-самомъ-дѣлѣ, эти произведенія лучше всего характеризуютъ точку зрѣнія его школы. Въ нихъ есть много мастерскаго въ рисункѣ, въ складкахъ и въ прекрасной свѣтлой краскѣ; много удачно исполненной моделировки, свѣто-тѣни. Но не смотря на очевидное изученіе Рафаэля и Микель-Анджело, не видно истинной внутренней жизни, настоящей чувственной формы, которая преимущественно требуется въ предметахъ такого рода. Такъ напримѣръ въ Галатей, находящейся между прочимъ въ циклѣ этихъ изображеній, судя по композиціи и положенію, художникъ имѣлъ въ виду самую сильную чувствительность, за то въ выраженіи она совершенно холодна и непривлекательна. Тоже должно сказать и о прочихъ мифологическихъ изображеніяхъ Аннибала, въ которыхъ иногда находимъ самую мастерскую отдѣлку колорита, какъ напримѣръ въ его знаменитой Вакханкѣ, во флорентинской трибунѣ и въ неаполитанскомъ музеѣ. Впрочемъ, живопись дворца Фарнезе есть последнее значительное произведеніе Аннибала. Несоразмѣрность полученнаго вознагражденія раздражила его и подѣйствовала вредно на его здоровье, которое потомъ разрушила повѣдка въ Неаполь и гоненія, потерпѣнные отъ тамошнихъ живописцевъ. Вскорѣ по возвращеніи онъ умеръ въ Римѣ.

Кромѣ работъ въ области исторической живописи, Аннибале былъ также однимъ изъ первыхъ художниковъ, занимавшихся ландшафтною живописью какъ самостоятельнымъ родомъ. Но въ его ландшафтныхъ картинахъ по большей части нѣтъ еще привлекательной прелести позднѣйшихъ произведеній; онъ отличаются больше замысловатостью декораций. Многія изъ нихъ находятся въ римской дорійской галлерей; въ берлинскомъ музеѣ есть превосходная картина чрезвычайно энергическаго эффекта и поэтической композиціи.

Изъ школы Караччи вышелъ рядъ замѣчательныхъ художниковъ, которые достигли разнообразной самобытности и отчасти превзошли самихъ учителей. Лучшіе и славнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе:

Доменико Кампьери, по прозванію Доминикино (1581 — 1641). Въ

его картинахъ иногда прегладываютъ та всеподдѣльная живность и свободное, прекрасное постиженіе природы, какія были свойственны современникамъ Рафаэля и какихъ не видать ни у одного изъ современныхъ Доминикану художниковъ. Но и онъ въ целомъ и существенно не могъ возвыситься надъ стѣснительными правилами его школы, тѣмъ болѣе, что, кажется, не былъ одаренъ очень богатой фантазіей. Онъ часто пользовался готовыми композиціями, какъ напримеръ его знаменитая картина, причащеніе св. Іеронима, находящаяся теперь въ римской ватиканской галлерей, есть подражаніе такой же картинѣ Агостина Караччи; однакожъ подражаніе не робкое и въ нѣкоторыхъ головахъ изображенныхъ лицъ видна прекрасная самостоятельность. Гдѣ нужно было изобразить высшее значеніе жизни, величественно движущееся дѣйствіе, тамъ Доминикино холоденъ, мелоченъ и расчитанъ. Напротивъ, второстепенныя лица смотрящаго народа, въ которыхъ должна была обнаруживаться меньшая степень участія въ сценѣ, привлекательны и благородно прекрасны. Поразительный примѣръ тому представляютъ фрески изъ жизни св. Цециліи въ римской церкви S. Luigi. — Лучшія его произведенія находятся въ Фано, въ соборной капеллѣ, гдѣ художникъ написалъ *al fresco* событія изъ жизни Св. Дѣвы. Фрески закоптыли отъ дыму во время пожара церкви, однако тутъ (особенно въ наилучше-сохранившейся картинѣ, свиданіи Маріи съ Елизаветою) еще явно видны такое совершенное чувство красоты, такая чистота, ясность и кротость, какія едва ли можно найти въ какомъ-нибудь изъ прочихъ его произведеній. — Фрески, написанныя Доминикиномъ въ Римѣ въ Грота-ферратъ (произшествія изъ жизни св. Нила), и въ церкви S. Andrea della Valle, особенно историческія событія въ сводѣ трибуны, отличаются въ частностяхъ многими красотою, но и тѣми недостатками, о которыхъ мы сказали.

Другое изъ лучшихъ произведеній Доминикина, масляная картина, находится въ римской галлерей Боргезе и представляетъ Діану съ нимфами, которыя стрѣляютъ въ цель, а другія купаются: прелестная композиція, исполненная съ оригинальной чистотою очертаній и съ прекрасными характерическими движеніями. Но и тутъ выраженіе лицъ уже не соблюдено вполне.

Подобно Аннибалу Караччи, Доминикино былъ призванъ въ Неаполь, и также гонимъ неаполитанскими живописцами, которые не

давали простора никакому чужеземцу. Важнѣйшія его картины, писанныя въ Неаполь, тѣ, которыя находятся въ соборѣ въ капеллѣ Tesoro. Онъ умеръ прежде окончанія ихъ, какъ говорятъ, отравленный врагами.

Доминикино былъ вмѣстѣ и превосходнымъ ландшафтнымъ живописцемъ. Его ландшафты имѣютъ такой же декоративный характеръ, какъ у Аннибала Караччи, но удачно соединяютъ съ нимъ теплоту и прекрасную одушевленную веселость. Лучшія этого рода картины находятся въ Римѣ, въ виллѣ Людовизи и въ дорійской галлерей.

Доминикино образовалъ мало учениковъ; къ числу ихъ принадлежитъ Джіамбатиста Пассери, одинъ изъ лучшихъ историковъ итальянской живописи.

Франческо Альбани (1578 — 1660). Это художникъ нарядныхъ предметовъ. Онъ любилъ рисовать веселые сюжеты, гдѣ фантазія разыгрывается вполне; событія и образы древней міеологіи лучше всего Венеру съ ея подругами; мирные ландшафты и рои красивыхъ амуровъ, которые окружаютъ главныя фигуры его картинъ или сами служатъ прямымъ предметомъ картины. Но во всѣхъ его картинахъ преобладаетъ декоративный характеръ; красота почти никогда не доходитъ до внутренней, одушевленной граціи, игривость никогда не превращается въ настоящую потребность чувства. Подобныя картины не рѣдки въ галлерейяхъ. Образовъ онъ писалъ немного; за то въ нихъ, — напримѣръ въ находящихся въ болонской пинакотекѣ, — онъ если не глубже, но-крайней-мѣрѣ свободнѣе отъ преувеличенія жеманства. Одна изъ лучшихъ его композицій и часто встречающаяся, есть Христосъ-младенецъ, уснувшій на крестѣ.

Въ Римѣ и Болоньѣ Альбани образовалъ многихъ учениковъ. Важнѣйшіе изъ нихъ: Джіовани Батиста Мола, Французъ, простой, но хорошій художникъ, котораго извѣстны особенно прекрасные портреты. — Карло Чиньяни, неважный художникъ. Особенно извѣстна его картина въ дрезденской галлерей: Іосифъ съ женою Пентефія.

Андреа Сакки, лучшій художникъ этой школы, котораго картина, прекрасная въ своемъ родѣ, находится въ ватиканской галлерей въ Римѣ: св. Ромуальдъ среди своихъ монаховъ — фигуры невеличественныя, но благородныя, въ прекрасныхъ бѣлыхъ одеждахъ. Прочія его работы гораздо посредственнѣе. Карло Маратта, ученикъ Сакки, жившій въ концѣ семнадцатаго вѣка, былъ художникъ очень посредствен-

ный, съ полнымъ стремленіемъ къ идеальности. Вся жизнь его въ исторіи искусства состоитъ въ томъ стараніи, съ какими онъ боролся фрески Рафаэля въ Римѣ и хлопоталъ объ ихъ очисткѣ.

Гвидо Рени (1575 — 1642). Этотъ художникъ былъ одаренъ высокимъ чувствомъ красоты, какъ для отдѣльныхъ формъ такъ и для группировки цѣлаго. Въ лучшую эпоху онъ, можетъ-быть, произвелъ бы что-нибудь образцово-совершенное; но въ его произведеніяхъ именно всего яснѣе проглядываетъ несамостоятельность современнаго искусства. Его идеаломъ была не только прекрасная природа, въ ея облагороженномъ, очищенномъ состояніи, но и безсодержательный, пустой абстрактъ, лишенный самостоятельной жизни, личнаго интереса. Въ красотѣ его формъ, особливо головъ, двланныхъ болѣею частью по образцу славнѣйшихъ антиковъ, особенно ніобидъ, въ группировкѣ на картинахъ, виднѣтъ холодный расчетъ ума, и рѣдко пробивается сквозь нихъ какое-нибудь живое чувство. — Гвидо Рени прошелъ самобытный путь развитія и оставилъ по себѣ произведенія весьма различныхъ достоинствъ. Произведенія его ранней поры имѣютъ важный, почти повелительный характеръ: грандіозныя, могучія фигуры, въ чудесномъ расположеніи и съ оригинальнымъ темнымъ освѣщеніемъ, обличившимъ сродство съ манерою натуралистовъ, особливо Караваджіо; о которомъ скоро будемъ говорить. Известная его картина, съ намѣреніемъ исполненная во вкусъ Караваджіо, съ Распятіе св. Петра, находящаяся нынче въ римской ватиканской галерей. Она имѣетъ тяжелыя, величавыя формы Караваджіо, но лишена свойственной тому художнику страсти, служившей источникомъ его манеры. Далѣе, сюда же можно причислить нѣсколько примѣчательнѣйшихъ картинъ болонской пинакотеки. Таковы, во-первыхъ, такъ называемая *Madonna della Pietà*, большая картина, которой верхняя половина изображаетъ коверъ, а на немъ лежащее тѣло Иисуса, Скорбящую Богоматерь и по бокамъ ея двухъ плачущихъ ангеловъ; внизу ковра изображены святые покровители города Болоньи, фигуры, не столь замѣчательныя въ художественномъ отношеніи. Еще величественнѣе другая картина, изображающая «Распятіе» и по сторонамъ креста стоящихъ Дѣву Марію и Іоанна; Дѣва Марія — образъ высокой торжественной красоты, одно изъ превосходнѣйшихъ и дѣйствительнѣйшихъ созданій Гвидо Рени. Третья знаменитая картина въ Болоньѣ есть «Избіеніе младенцевъ въ Вилеамъ», съ прекрасными жи-

скими фигурами и одушевленной композиціи; но тутъ уже оченьъ замѣтно выступаетъ чувство красоты только на общія отношенія. Прочія картины того же рода, частью также знаменитыя, но не столь значительныя, мы пропускаемъ, и назовемъ еще только одну превосходную картину ранней поры художника, находящуюся въ берлинскомъ музее и представляющую двухъ пустынножителей, Павла и Антонія, двѣ могучія фигуры, истинныхъ героевъ пустыни.

Впослѣдствіи въ художникъ унялось это стремленіе къ величественному, и вмѣсто его явилась натуральность; но отъ этого прекраснаго переходнаго періода сохранилось мало образцовъ. Къ этому періоду относится самая лучшая, къ-сожалѣнію не вполне оконченная картина Гвидо. Она находится въ хорѣ неаполитанской церкви S. Martino. — Художникъ былъ также призванъ въ Неаполь и также удаленъ оттуда завистью неапольскихъ художниковъ. — Въ ней изображено Рождество Спасителя, и въ фигурахъ пастуховъ и женщинъ, пришедшихъ на поклоненіе, выражено столько прекрасной простоты, какъ ни въ одномъ изъ прочихъ его произведеній. Другое отличное твореніе Гвидо — большая потолочная картина въ бесѣдкѣ при дворцѣ Роспильози въ Римѣ: Аврора съ Фебомъ, на колесницѣ, запряженной бѣлыми конями, съ Горами позади ихъ. Между Горами есть нѣсколько прелестныхъ, оживленныхъ фигуръ; цѣлое отличается великозвѣпными блестящими красками. — Переходъ къ менѣе привлекальной манерѣ виденъ уже въ картинѣ, которая существуетъ во множествѣ экземпляровъ (въ Капитоліи, въ Шлейсгеймѣ, въ берлинскомъ музее, и т. д.). Фортуна паритъ надъ земнымъ шаромъ, между-тѣмъ какъ геній усиливается удержать ее за покрывало и за волосы.

Произведенія этой переходной эпохи отличаются изящными одушевленными красками. Картины позднѣйшаго времени имѣютъ блѣдный серебристо-сѣрый колоритъ. Въ нихъ больше и больше является идеальность въ крайнемъ своемъ искаженіи, безхарактерность, печать пустой тривіальной пріятности. Самъ Гвидо въ это позднѣйшее время рисовалъ часто необдуманно и торопливо; онъ предавался игрѣ и старался только какъ можно скорѣе и легче зарабатывать деньги на уплату игорныхъ долговъ, доходившихъ нередко до огромныхъ суммъ. По большей части къ этому времени относятся его многочисленныя картины Клеопатрѣ, Сивиллѣ и прочая, которыя встрѣчаются во всѣхъ галлерейхъ.

Гвидо образовалъ множество учениковъ, подражавшихъ по большой части воздвѣнней манеръ своего учителя. Таковы: Сомецца, Джесси, Доменико Канути, Гвидо Каньяччи. Лучшіе изъ нихъ: Симоне Кантарини и Джіовани. Андреа Сирани, котораго дочь и ученица, Елисавета Сирани, также отличалась въ этомъ вкусѣ.

Джіовани Франческо Барбіери, называемый Гверчино да Ченто (1590—1666.). Кажется, онъ не принадлежитъ прямо къ школѣ Караччи, или принадлежалъ ей только короткое время, но рѣзительно слѣдовалъ направленію этой школы. Его развитіе вообще сходно съ развитіемъ Гвидо Рене, но онъ отличается отъ Гвида выраженіемъ болѣе одушевленнаго чувства, тогда какъ тотъ болѣе увлекается своимъ оригинальнымъ идеаломъ красоты. Въ раннихъ произведеніяхъ Гверчино видна таже могучесть, таже суровость и обиліе теней, но уже смягченныя нѣкоторою пріятностью. Сюда принадлежатъ между-прочимъ двѣ прекрасныя картины въ болонской пинакотецѣ, св. Вильгельмъ Аквитанскій, принимающій монашескую одежду, и св. Бруно, которому является Богоматерь. Далѣе, замѣчательны въ ватиканской галлерей картины: Фома, осязующій язвы Христа, гдѣ особенно профиль Христа отличается прекраснымъ выраженіемъ. Между прочими нѣсколько значительными произведеніями этого рода упомянемъ еще о Пророкахъ, которыхъ Гверчино написалъ въ куполѣ піаченческаго собора, и объ Аврорѣ, въ небольшой бесѣдѣ римской виллы Людовизи.

Въ позднѣйшую эпоху, Гверчино также перешелъ къ болѣе нѣжной манерѣ, въ которой развилъ необыкновенную прелесть нѣжнымъ сочетаніемъ красокъ. Картины этого періода имѣютъ извѣстный сентиментальный характеръ, который въ нѣкоторыхъ изъ нихъ обработанъ до необыкновенной прелести. Къ лучшимъ картинамъ такого рода принадлежатъ «Изгнаніе Агари», въ миланской галлерей, и Сивилла, во флорентинской трибунѣ. Однако жъ въ позднѣйшее время у него очень часто беретъ перевѣсъ небрежность также, какъ у Гвида Рени; сентиментальность переходитъ въ непріятную манерность, краски становятся блѣдны и мутны. — Гверчино испытывалъ свои силы и въ ландшафтной живописи, гдѣ отличался прекрасными свѣжими красками.

Учениками и подражателями Гверчино были нѣсколько живописцевъ изъ семейства Дженнари.

Джіованни Ланфранко (1581 — 1647.). Въ этомъ художникѣ

—звѣтъ является возвратъ къ чисто ремесленному стремленію, достигать эффекта и значенія ловкостью и легкими средствами. Разкія противоположности свѣта и тѣни, группировка по школьнымъ правиламъ, а не по требованію изображаемаго дѣйствія, сокращенія безъ нужды, только для рисовальнаго фокуса, лица, которыя, не смотря на напряженіе всѣхъ чертъ, не выражаютъ ничего — вотъ характеристическія черты художника. Даже изученіе природы по-видимому пренебрежено въ картинахъ Ланфранко, и строгость и основательность Караччи начинаетъ исчезать; только легкость и ясность красокъ можно считать въ немъ похвальнымъ качествомъ. Впрочемъ, Ланфранко былъ едва ли не счастливѣе всѣхъ художниковъ этой школы; особенно имъ исполнено много значительныхъ купольныхъ картинъ: въ церкви S. Andrea della Valle въ Римѣ, въ Tesoro, въ Неаполѣ, гдѣ онъ одинъ умѣлъ ужиться съ Неаполитанцами, и прочая.

Прочіе не столь славные ученики школы Караччи: Алессандро Тиарини, отличающійся преимущественно хорошей практикою, — наибольшее число его картинъ находится въ болонской пинакотекѣ. — Лионелло Спада, степенный живописецъ, который въ тонѣ и въ исполненіи болѣе склоненъ къ манерѣ натуралистовъ. — Джакомо Каведоне, также хорошій живописецъ, котораго прекрасная картина находится въ болонской пинакотекѣ. — Ландшафтный живописецъ Джіованни Франческо Гримальди, подражавшій декоративной манерѣ, которую мы видѣли въ картинахъ Аннибала. Въ римской галлерей Боргезе есть рядъ ея ландшафтныхъ картинъ; есть также хорошая картина въ берлинскомъ музее. — Живописецъ плодовъ: il Gobbo da' frutti, (Кортонскій горбунъ и пр.

Говорятъ, подъ вліяніемъ школы Караччи образовался и моденскій живописецъ, Бартоломео Скедоне, умершій въ молодыхъ лѣтахъ въ 1615 году. Въ его произведеніяхъ, особенно въ раннихъ, замѣтно преобладающее изученіе Корреджіо, отъ котораго нѣжности однако жъ онъ далекъ по своей рѣзкости и грубости. Гораздо привлекательнѣе ть картины, въ которыхъ, независимо отъ этого направленія, является грубоватое подражаніе природѣ, во вкусъ натуралистовъ. Много интересныхъ картинъ этого рода, — особливо двѣ, въ которыхъ раздаются милостыня нищимъ, — находятся въ неаполитанскомъ музее, гдѣ вообще собрано наибольшее картинъ Скедоне.

Джіованни Батиста Сальви, по прозванію Сассоферрато, отъ мѣста

его рожденія (1605—1685) также, говорятъ, образовался художниками школы Караччи, особенно будто бы Доменикиномъ. Но и этотъ художникъ развивался довольно самостоятельно и независимо отъ всею-идеальной неопределенности позднѣйшихъ учениковъ Караччинской школы; онъ особенно довольно удачно обратился къ извѣстному подражанію старымъ художникамъ, жившимъ въ началѣ шестнадцатаго вѣка, съ которыми онъ въ-самомъ-дѣлѣ сходенъ своей оригинальной, но нѣсколько принужденной нѣжностью. Картины его не очень глубоки, но ровны и пріятны. Онъ писалъ очень много Мадоннъ съ младенцами, и произвелъ нѣсколько превосходныхъ картинъ этого рода; самая славная его картина *Madona del Rosario* въ римской церкви *St. Sabina*.

Одновременно со школою Караччи, въ Италиіи возникли и другія эклектическія школы. Такова школа Кампи въ Кремонѣ, процвѣтавшая еще въ половинѣ и въ исходѣ шестнадцатаго вѣка. Глава этой школы, Джуліо Кампи, который первоначально учился у Джуліо Романо, а потомъ слѣдовалъ стилю разныхъ великихъ художниковъ. Джуліо образовалъ своего брата Антоніо, который, однако же, показываетъ болѣе манерное стремленіе, и другаго своего родственника, Бернардино Кампи, который былъ замѣчательнѣйшимъ художникомъ этой школы. Ихъ произведенія находятся преимущественно въ Кремонѣ.

Третья эклектическая школа — Прокаччини въ Миланѣ, которая подъ покровительствомъ Борромеевъ превзошла предъидущую. Основателемъ этой школы былъ Эрколе Прокаччини. Художникъ этотъ, родившійся и образовавшійся въ Болоньѣ, жилъ во второй половинѣ шестнадцатаго вѣка. Онъ не только замѣчательнъ въ своихъ произведеніяхъ, но отличается тщательностью и прилежаніемъ, которыя сохранили его отъ манерности современниковъ и сдѣлали преимущественно хорошимъ преподавателемъ. Важнѣйшимъ ученикомъ этой школы былъ сынъ его, Камилло Прокаччини, жившій въ началѣ семнадцатаго вѣка. Въ его картинахъ, вмѣстѣ съ изученіемъ прочихъ мастеровъ, видно особенно подражаніе Корреджіо и Пармиджіанино, отчасти весьма удачное и соединенное съ вѣрнымъ пониманіемъ природы. Но онъ очень не ровенъ; большая легкость въ композиціи и выполненіи часто увлекала его въ злоупотребленіе своего таланта, особенно въ работахъ, какія выполнялъ онъ въ Миланѣ. Лучшія его работы находятся въ миланскихъ церквахъ и въ миланской галлерей; въ

нѣтъ видна оригинальная нѣжность композиціи, напоминающая иногда прѣзную манеру Сассоферрато. Привѣчательны между-прочимъ одна его Мадонна съ младенцомъ въ церкви S. Maria del Carmine, и «Поклоненіе волхвовъ» въ Бреръ. — Джуліо Чезаре Прокаччини, братъ предъидущаго, также особенно старался о подражаніи Корреджіо, и иногда съ большимъ успѣхомъ въ мелкихъ кабинетныхъ картинахъ. Хорошая картина такого рода находится въ берлинскомъ музеѣ: она изображаетъ Іосифа, которому является ангелъ во снѣ. Прочія его произведенія находятся въ Миланѣ. Но и онъ также очень не ровенъ и часто манеренъ.

Изъ школы Прокаччини вышло много учениковъ, между которыми особенно отличается Джіовани Батиста Креспи, прозванный, по мѣсту его рожденія, Черано (1557—1653). Въ немъ видна печать самобытныхъ, хотя не совершенно свободныхъ отъ манерности, силы и величія. Прекрасныя картины этого рода находятся въ Бреръ въ Миланѣ; есть очень хорошая его картина въ берлинскомъ музеѣ. — Не столь замѣчательнъ его сынъ и ученикъ, Даниеле Креспи, котораго однакожъ есть рядъ хорошихъ картинъ въ миланской церкви S. Maria della passione. — Къ послѣдователямъ школы Прокаччини принадлежатъ еще прѣжній ученикъ Кампи, Энеа Сальмеджіа, по-прозванію Тальпино, художникъ замѣчательный оригинально-ровнымъ достоинствомъ и прекрасными слѣдами стиля Корреджіо и Леонардо да Винчи. Въ миланской галлерей много его картинъ. Впослѣдствіи школа эта впала въ безхарактерную плоскость; къ этому времени относится Эрколе Прокаччини младшій.

Въ Римѣ, Федерико Бароччіо (изъ Урбино, родился 1528 умеръ 1612) первый возсталъ противъ направленія манеристовъ, стараясь образовать себя, подобно исчисленнымъ досель художникамъ, по образцамъ великихъ мастеровъ, особливо Корреджіо. Онъ отличается, если не глубиной содержанія и не силою представленія, по-крайней-мѣрѣ удачнымъ колоритомъ, и часто нѣжнымъ идилическимъ изображеніемъ, а иногда выраженіемъ рѣзкаго чувства. Когда онъ работалъ въ Римѣ въ Ватиканѣ, соперники старались его отравить, такъ что онъ счелъ за лучшее удалиться на родину и тамъ исполнить порученныя ему произведенія. Картины его распространились по Италіи и пробудили разныя подражанія. Одна изъ значительнѣйшихъ его кар-

тингъ, большое «Снятие со Креста», находится въ порудийскомъ соборѣ. Часто встрѣчаются его Мадонны и святые Семейства.

Къ послѣдователямъ его въ Римѣ принадлежатъ: Кристофоро Роккалли (*il Cavaliere delle Romagnone*), котораго тамъ много работъ, но большей части посредственныхъ, Джіо Баліоне; нѣсколько генуэзскихъ художниковъ, и другіе.

Важнѣйшій послѣдователь Барочіо — Флорентинецъ Людовико Карди да Чиголи (1559—1613), художникъ, который отличается прекраснымъ живымъ колоритомъ, но въ выраженіи вообще переходитъ въ излишнюю мягкость или непомерную страсть. Во Флоренціи, особливо въ галлерей Уффици, много его картинъ. Одна изъ важнѣйшихъ, столь же прекрасная по колориту, сколько напыщенная въ выраженіи страсти, есть мученіе святаго Стефана, въ Уффици. Очень часто писалъ онъ святаго Франциска; лучшій экземпляръ этой картины находится въ галлерей Питти. — Къ числу его учениковъ принадлежатъ Григоріо Пагани, Доменико да Гассиньяно, римлянинъ Доменико Фети, художникъ болѣе натуралистическаго направленія, и многіе другіе.

Къ тому же направленію относится и Флорентинецъ Кристофано Аллори, сынъ названнаго выше Александро Аллори (1577—1621). Это одинъ изъ лучшихъ художниковъ своего времени, который въ нѣсколькихъ своихъ произведеніяхъ значительно выше господствовавшаго тогда направленія, и показываетъ прекрасную и благородную оригинальность. Лучшая его картина, которая находится во Флоренціи въ галлерей Питти, изображаетъ Юдифь съ головою Олоферна; эта прекрасная, пышно одѣтая женщина, идущая въ самомъ величественномъ поествѣ; въ лицѣ ея что-то дивно-прекрасное, медузическое и все, что глубочайшая поэзія можетъ выразить въ характеръ Юдифи: — «нѣжная дикость, угрюмая нѣжность, чувствительная злоба играютъ на чертахъ прекрасной смертной», говоря словами поэта. Говорятъ, будто художникъ представилъ въ отрубленной головѣ Олоферна свой собственный портретъ, а въ Юдифи портретъ своей наденной возлюбленной. Встрѣчается много повтореній этой картины: одно, въ величину оригинала, находится въ вѣнской галлерей; другое, меньшаго размѣра, весьма тщательно выполненное, во Флоренціи въ Уффици, и такъ далѣе. — Во Флоренціи, въ галлерей У-

ещи, сошь и другія произведенія этого художника, отчасти прекрасныя. Остальное за тѣмъ не такъ замѣчательно.

Вообще флорентинское искусство въ началѣ семнадцатаго вѣка представляетъ довольно отрадные явленія. Сюда принадлежатъ Джакони да Эмпольи, отличившійся въ портретной живописи, и особенно Маттео Росалли. Работы послѣдняго — въ галлерей Питти; картина, изображающая торжество юнаго Давида; по живой свѣжести, по ясной красотѣ, она можетъ сравниться съ самыми счастливыми созданіями Доминикина. Маттео образовалъ большую школу, которой замѣчательнѣйшіе ученики Джованни ди С. Джованни (по-прозванію Маноччи), Балдассаре Франческини (Вольтеррано Джованни) и Франческо Фурины, художники, которые если не сравнялись съ учителемъ, по-крайней-мѣрѣ произвели много прекраснаго, особливо въ портретной живописи. Работы перваго есть прекрасная картина, «Общество охотниковъ», во дворцѣ Питти, но есть и безвкусная картина въ галлерей Уффици, Венера, расчесывающая волосы амуру.

Карло Дольчи (1616—1686) также вышелъ изъ школы Маттео Росалли. Этого художника можно поставить почти наравнѣ съ его современникомъ, Сассоферрато. Но отъ Сассоферрато онъ отличается гораздо бѣльшей сентиментальностью изобрѣтенія, которая въ частныхъ случаяхъ весьма пріятна, но нерѣдко ниспадаетъ до переслащеннаго кокетства. Его картинъ много по всемъ галлереймъ. Въ дрезденской галлерей — святая Цицилія, которой нѣсколько повтореній видимъ въ другихъ мѣстахъ; въ галлерей Питти—Мадонна съ младенцемъ, въ берлинскомъ музеѣ евангелистъ Іоаннъ, и прочіе принадлежатъ къ лучшимъ его произведеніямъ.

Въ продолженіе семнадцатаго вѣка, противъ вліянія, довольно уже ослабѣвшаго, эклектическихъ школъ, возникло новое манерное стремленіе, которое постепенно брало верхъ. Главнымъ основателемъ этого искаженнаго направленія, которое заботилось о возможно дешевѣйшемъ наполненіи большихъ пространствъ, былъ Пьетро Береттини да Кортона (1596—1669). Онъ жилъ и работалъ во Флоренціи и въ Римѣ, гдѣ главное его произведеніе аллегорическая живопись на потолокъ одной большой залы барберинскаго дворца. И въ томъ и въ другомъ городѣ оставилъ онъ множество учениковъ, которые вѣрно слѣдовали его мысли и проложили дорогу вкусу осем-

надцатаго вѣка. Къ числу ихъ принадлежатъ: Чиро Ферри, Даванени Франческо Романелли, и многіе другіе.

Натуралисты. Мы уже говорили о противоположности натуралистовъ эклектикамъ, особенно школы Караччи, противоположности, которая проявлялась не только кистью, и другими орудіями. Натуралисты получали свое названіе отъ пониманія и представленія обыкновенной природы, которой преимущественно придерживались въ своихъ произведеніяхъ. Но такое пониманіе у нихъ не было простое случайнымъ и не плодомъ особенной заботы объ оригинальности; напротивъ, оно основано на самостоятельномъ образѣ мысленія, который въ ихъ произведеніяхъ впервые выступилъ въ искусствѣ въ совершенной и, конечно, односторонней рѣзкости. Страсть есть преобладающая тема ихъ изображеній. Фигуры, въ ихъ произведеніяхъ представляются (не такъ какъ бывало у великихъ художниковъ началъ шестнадцатаго вѣка) не въ облагороженномъ состояніи жизни, въ которомъ красота является узами смягченныхъ нравовъ, а чувства любви проблесками божественной силы. Въ ихъ фигурахъ нѣтъ этихъ узъ и этой божественности; онѣ преданы земнымъ духамъ и даже когда въ картинѣ не изображено дѣйствія, то чувствуешь, что эти фигуры способны къ самымъ дикимъ проявленіямъ жизни. Но предавшись совершенно одному этому направленію и отвергнувъ трезво-разумный идеалъ своихъ современниковъ, натуралисты дошли до самобытно-художественнаго совершенства, которое своимъ эффектомъ на душу зрителя далеко превосходитъ большую часть произведеній эклектиковъ. Манера ихъ представленія, тамъ, гдѣ она является во всей своей односторонности, очень не одобрительна. Оттуда ихъ подражаніе обыкновенной природѣ, въ ея подчиненіи чувственнымъ стремленіямъ; отсюда оригинально-рѣзкій, яркій свѣтъ и темныя тѣни (особливо темные грунты), употребляемые въ ихъ картинахъ.

Главный художникъ этого направленія — Микель-Анджело Амриги да Караваджіо (1569 — 1609), художникъ, котораго жизнь, волнуемая дикими страстями, была образцомъ его художественной дѣятельности. Онъ болѣею частью проживалъ въ Римѣ и впоследствии ѣздилъ въ Неаполь, Мальту и Сицилію. Произведенія его, при всей тривіальности изображенія, имѣютъ самобытную грандіозность и извѣстный, почти трагическій пафосъ, который особенно выражается

въ величественныхъ лирихъ одежды. Одна изъ главныхъ его картинъ «Положеніе Спасителя во гробъ», находится въ римской ватиканской галлерей; картина эта исполнена торжественности, хотя не совсѣмъ естественной. Таково же колоссальное изображеніе «Святаго Семейства», въ римской галлерей Боргезе, также оригинально-величественная картина, отзывающаяся не натуральностью. Подобное противорѣчіе между предметомъ и изображеніемъ его натурально исчезаетъ тамъ, гдѣ требуется представить не какой-либо священный предметъ. Караваджо всего совершеннѣе тамъ, гдѣ надо было писать волнебства, убійства, ночную измѣну и тому подобное. Одна изъ его превосходнѣйшихъ картинъ этого рода представляетъ «альпинскихъ игроковъ»; она находится во многихъ экземплярахъ; лучшій въ римской галлерей Sciatga. Сюда же принадлежитъ мастерская картина его въ берлинскомъ музеѣ, представляющая земную любовь. Это мальчикъ съ ястребиными крыльями, наглый и смѣшной «форманъ и движеніемъ», который вскакиваетъ съ постели и топчетъ ногами книги, музыкальные инструменты, лавры и прочіе принадлежности духа.

Караваджо имѣлъ много учениковъ и послѣдователей, между которыми особенно замѣчательны Monsieur (Моисей) Валентинъ, и Симонъ Вуз — Французы. Работы перваго — въ ватиканской галлерей въ Римѣ. «Мученіе святыхъ Процесса и Мартиріана, исполненное въ мозаикъ, въ церкви святаго Петра, довольно неважная и плохая картина. Карло Сарачено, Венеціанецъ, также слѣдовалъ манерѣ Караваджо, однако не отказываясь совершенно отъ первоначальнаго вліянія отечественной школы.

Всего могущественнѣе явились такъ называемые натуралисты въ Неаполѣ; они-то здѣсь постоянно бывали врагами послѣдователей школы Караччи. Во главѣ художниковъ-натуралистовъ стоялъ Джузеппе Риббона, Испанецъ, и оттого прозванный Эспаньолетомъ (1593 — 1656). Онъ образовался преимущественно по Караваджо, но въ некоторыхъ произведеніяхъ своей ранней поры, вмѣстѣ съ слѣдами испанской школы, обнаруживаетъ счастливое изученіе Корреджіо и великихъ венеціанскихъ художниковъ. Этому изученію онъ обязанъ и въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ все еще оригинально-прекрасной живостью красокъ. Въ сакристїи церкви S. Martino въ Неаполѣ есть

ога. «Святые со креста», где надъ тладомъ Спасителя, восторженъ бы-
 шя, — чрезвычайно мастерская картина, заслуживающая званія
 лучшей произведений итальянскаго искусства. Не даромъ голландцы
 въ осьмъ Эспаньолетова «Тайная Вечеря», сильнаю имитацию имъ
 перу Павла Вероваса и также заключенною имъ вразумъ и въ
 красноречіи, особенно въ скульпр Спасителя. Въ Навионахъ сего же
 оубладе картинъ этого лучшаго его періода. Но, въ болыпей че-
 сти, въ сего произведенія въ видна, дикая, страшная, фантазия, кото-
 рая провощиваетъ въ многочисленныхъ грудахъ изображеній
 анахоретовъ, философовъ, — все угловатыя, косязныя скульпры, —
 и особенно въ его болышихъ историческихъ картинахъ. Тутъ онъ
 любилъ самыя ужасныя предметы: казни, пытки, мученія воижаго ра-
 да. Оригинально-мастерская картина его, представляющая приготавле-
 нія къ мученію сятаго Варооломея, находится въ Берлинскомъ му-
 зее. Тутъ зритель приходитъ въ небольшое, ужасъ и омер-
 гается, между-тѣмъ какъ находящіяся въ другихъ мѣстахъ картинъ,
 гдѣ мученикъ представленъ уже полурасстерзанный, возмущаютъ
 душу. Многія картины, находящіяся въ галереяхъ подъ его именемъ,
 принадлежатъ однако же его ученикамъ, которые подражали манеру
 учителя и часто копировали его работы.

Современно Эспаньолету жили въ Неаполѣ несколько другихъ ху-
 дожниковъ, которые придерживались болые манеры Карачіо, однако
 подчинились сильному вліянію натуралистическаго направленія. Сюда
 принадлежатъ въ особенности Беллизаріо Корренио, Грекъ, образова-
 шійся первоначально въ Венеци, въ школѣ Тинторетто, и Джамбатиста
 Карачіоло, художники, которыхъ произведенія въ Неаполѣ не рѣди.

Ученикъ Карачіоло былъ Массиме Стациони (1585;— 1655), ко-
 торый, кажется, образовался преимущественно по образцамъ Кара-
 ваджіо и Эспаньолетто: по-крайней-мѣрѣ болышая часть его картинъ
 напоминаетъ этихъ художниковъ. Однако же въ некоторыхъ произ-
 веденіяхъ видно гораздо благороднѣе чувство, нежели у всѣхъ ху-
 дожниковъ, принадлежавшихъ къ одному съ нимъ направлению, особен-
 но въ живописи, которою онъ украсилъ насадлу сятаго Бруно, въ ле-
 адопитанской церкви S. Martino. Тутъ видна средняя красота и собо-
 ствие, благородная простота и ясность эртервцій: содмлены съ глян-
 цистыми красками, какъ ворбще рѣдко, бывало въ то время. Вро-
 чемъ Стациони торпалъ отъ запальчиваго Эспаньолетто такіа же жо-

тогда гонима, какъ и туземные художники. Станціон образовалъ много учениковъ, изъ которыхъ лучше, какъ на примѣръ Доменико Фалько, Джузеппе Марульо и прочіе, складываютъ однако же больше къ манерѣ Эспаньолета.

Къ не столь замѣчательнымъ натуралистамъ того времени принадлежатъ также Марія Прети (il cavalier Calabrese), первоначально бѣглый ученикомъ Гвертино и Генузецъ Бернардо Строцци, по прозвищу: il prete Genovese.

Изъ школы Эспаньоleta вышли двое художниковъ, которые сами вошли въ искусство оригинальнаго направленія, Аниелло Фальконе и Сальваторъ Роза. Впрочемъ, послѣдній не долго учился у Эспаньоleta и образовался преимущественно подъ руководствомъ Аниелло. Аниелло Фальконе былъ первый живописецъ, начавшій писать сраженія, и основалъ большую школу. Аниелло отправился во Францію, Сальваторъ въ Римъ.

Сальваторъ Роза (1615—1673) развилъ большую многосторонность; онъ былъ историческимъ, ландшафтнымъ живописцемъ, и такъ дѣлалъ, сверхъ того, повтомъ и музыкантомъ. Большое собраніе картинъ его кисти находится во Флоренціи, въ галлерей Питти. Въ исторической живописи онъ держался направленія натуралистовъ, которое обрабатывалъ отчасти удачно; нѣкоторыя произведенія этого рода у него сухи и незначительны, за то въ другихъ видна самобытная, важная жизненность. Лучшая изъ такихъ картинъ, «Заговоръ Катилины», въ галлерей Питти. Сальваторъ прѣвосходенъ въ портретахъ, которые исполнялъ также въ духѣ натуралистовъ. Въ военной живописи онъ мастерски развилъ манеру Аниелло Фальконе и произвелъ въ ней также нѣсколько прекрасныхъ картинъ.

Въ области ландшафтной живописи Сальваторъ Роза образовался, кажется, преимущественно по Клоду Лоррену; въ нѣсколькихъ его произведеніяхъ этого рода видна таже идеализирующая концепція, таже ясность воздуха и простая чистота линий, которая отличаютъ картины Клода Лоррена. Но въ подобныхъ картинахъ у Сальватора проглядываетъ какая-то принужденная умышленность; онъ прекрасно и самобытно тамъ, гдѣ изображаетъ дикіе горные лѣса и тому подобно, а всего лучше въ ландшафтахъ небольшого размѣра, гдѣ такъ, больше естественное, пониманіе природы сосредоточено на маломъ пространствѣ, и цѣлое представляетъ скорѣе одинокій аккордъ,

нокусный намекъ, мгновенное настроеніе, чьятъ исполненіе общирной мысли. Въ такихъ ландшафтахъ Сальваторъ обыкновенно ставитъ свои оригинальныя принадлежности, пустышниковъ, разбойниковъ, бродящихъ солдатъ, и тому подобное, которыя способствуютъ еще ярче выражать общій характеръ картины, печать одиночества, суровости и жестокости. Лучшія этого рода картины находятся въ вѣдѣльной аугсбургской галлерей. Наконецъ, въ другихъ картинахъ элементъ ландшафта становится еще второстепеннѣе и главный предметъ картины составляютъ фигуры. Тутъ-то талантъ художника, его фантастически-поэтическая концепція, раскрываются въ полной самобытности. Часто въ такихъ картинахъ является изображеніе кающагося воина. Прекрасный экземпляръ небольшого размера и превосходнаго исполненія продавался въ 1832 году, въ Карлсруэ; картина изображала дерево среди дикой мѣстности; на вѣтвяхъ дерева повиснѣнъ деревянный крестъ, подъ нимъ воинъ, лежащій, полуобнаженный, только въ шлемъ и части брони, связанный по рукамъ и по ногамъ, но такъ, что руки простерты къ кресту. Другой, также превосходный экземпляръ, съ нѣсколькими перемѣнами и побольше размеромъ, находится въ вѣнской императорской галлерей.

Сальваторъ Роза образовалъ двухъ ландшафтныхъ живописцевъ, Римлянина Бартоломео Торреджани, который въ искусствѣ иногда напоминаетъ Клода Лоррена, и Неаполитанца Доменико Гарджуолъ (Микко Спадаре), который испытывалъ силы свои и въ маленькихъ фигурныхъ изображеніяхъ. Въ Неаполь много картинъ послѣдняго.

Живопись *de genre* и военная, кромѣ названныхъ нами художниковъ, обрабатывались и другими художниками того времени. Особенно замѣчательнъ изъ нихъ Микель Анджело Черкоцци (Michel Angelo delle baagie), который превосходенъ въ изображеніяхъ битвы, а еще болѣе народныхъ сценъ. Прекрасная его картина, представляющая въездъ паны въ Римъ, находится въ берлинскомъ музѣй. Ученикъ Черкоцци былъ Французъ Жакъ Куртоа или Бургиньонъ (Jacopo Cortese, Borgognone), одинъ изъ славнѣйшихъ военныхъ живописцевъ.

Энергія, какую обнаружили неаполитанскіе художники этого періода, не имѣла подражателей въ ихъ преемникахъ. Они обратились преимущественно къ направленію Пьетро да Кортона и ввели въ неаполитанское искусство его бѣдную манеру. Сюда относятся скоро-

стишний живописецъ Лука Джордано, по прозванію *Лука* (1632 — 1705), который еще отличается живыми красками; Паоло де Маттеозъ (его ученикъ), Соллимена, Конка, и другіе.

У Венеціанъ въ теченіе семнадцатаго вѣка являлись неоднократно манерныя искаженія и вліянія чужихъ школъ; однакожъ у нихъ оригинальное направленіе отечественной школы, преимущественно во вкусъ современныхъ натуралистовъ, оставалось господствующимъ, и въ частностихъ произвело еще много хорошаго.

Джакомо Пальма младшій (1544 — 1628), котораго произведеніями наполнена Венеція, не смотря на всю ремесленность, съ какою онъ работалъ, представляетъ еще много таланта и прекрасныхъ подробностей, особенно въ головахъ. Нѣсколько его замѣчательнѣйшихъ картинъ находится въ дожескомъ дворцѣ и въ академіи; много другихъ по церквамъ. Позднѣе его, Джованни Контарино, склонявшійся къ подражанію Микель-Анджелу. Современникъ Контарина, Карло Ридольфо, въ картинахъ котораго видно нѣсколько меныше манерности, имѣетъ большое достоинство какъ историкъ венеціанской школы.

Важнѣйшій изъ художниковъ венеціанской школы семнадцатаго вѣка есть Падуанецъ Алессандро Варатари, по прозванію Падованнио (1590 — 1650). Онъ отличается, если не величавостью и благородствомъ композиціи, то оригинальной, привлекательной вѣжностью головъ. Главная его картина, «Ниръ въ Канаанъ», находящаяся въ венеціанской академіи, компонированная во вкусъ Павла Веронеза, замѣтно отличается достоинствами, о которыхъ сейчасъ сказано. Не столь привлекательны картины другаго Падуанца, Пьетро Либери. Также довольно значительное мѣсто между художниками этой эпохи занимаетъ Веронецъ, Алессандро Турки, по прозванію Орбетто, котораго картины отличаются вѣжностью и пріятностью.

Въ первой половинѣ осьмнадцатаго вѣка, между живописцами венеціанской школы замѣчательнѣе Джовани Батиста Тьеполо, страннѣйшій фантазеръ. Потомъ, Пьетро Ротари, изъ Вероны, отличающійся простотою и тщательной отдѣлкою. Но всего важнѣе — двое архитектурныхъ живописцевъ; Антонио Канале и племянникъ его Бервардо Белотто, прозванные Каналетто. Городскіе проспекты, особливо проспекты венеціанскихъ каналовъ, у этихъ художниковъ прекрасно напи-

самы и имело много итальянского для зрителя. Картины этого рода представляло много.

Новое направление. Въ продолженіе ослѣдующаго вѣка, въ сущности искусство итальянскаго искусства опять поддается строгому изученію, пробужденное преимущественно иностранцами: Винколлементи, который первый выставилъ духъ антиковъ въ глубокомъ осознаніи, и Рафаэль Мансонъ, котораго картины носятъ печать новаго эклектизма. Всего замѣчательнѣе этотъ характеръ въ произведенияхъ Помпео Батони (1708 — 1787), изъ которыхъ заслуживаетъ особеннаго вниманія запрестольная картина въ римской церкви S. Marie degli angeli, изображающая «Паденіе Симона Волхва».

Между-тѣмъ это новое движеніе искусства было не совершенно успѣшно. Въ исходъ вѣка, французскій живописецъ Давидъ прослылъ первымъ художникомъ новаго искусства, и итальянскіе художники пошлѣ по проложенному имъ пути. Въ началъ девятнадцатаго вѣка явились разныя произведенія, въ которыхъ видно то же подражаніе античнымъ образцамъ, та же сценичность французской трагедіи (область, въ которой вращался гений Давида); но значительныхъ картинъ изъ нихъ мало. Важнѣйшіи между этими художниками Пьетро Бенвенуто въ Перуджіо. Его «Юдишь», показывающая голову Олоферна собравшемуся народу (въ соборъ въ Ареццо); его Пирръ, убивающій Пріама во время взятія Трои (во дворецъ Корсини, во Флоренціи), принадлежатъ къ лучшимъ картинамъ, вышедшимъ вообще изъ школы Давида. Также замѣчательнъ римскій художникъ этого направленія, Винченцо Камуччини.

Но и это направленіе миновало, не оставивъ по-видимому прочныхъ результатовъ для новаго расцвѣта итальянскаго искусства. На выставкахъ современныхъ художественныхъ произведеній, которые теперь встрѣчаетъ путешественникъ, находитъ онъ мало такого, что могло бы приковать его вниманіе. Копія съ великихъ твореній прошедшаго, виды славнѣйшихъ ландшафтныхъ мѣстъ Италіи, иногда сцены народной жизни, которыя путешественникъ беретъ съ собою въ отечество, какъ воспоминаніе о живописномъ костюмѣ, все болѣе коммерческія спекуляціи, нежели пережданіе живой художественной потребности, — таковы по большей части произведенія новаго искусства. Немногое, что процвѣтало хорошо и длительно, стоитъ далеко среди прочаго. Италія, на которую, набога, падаетъ все.

вотъ чинорядный творческій талантъ, во чарованіи природы, въ томъ только различіи, что блещетъ общимъ величіемъ илаушлага; какъ блещетъ различіемъ студія, въ грунъ и коринтѣ, носится она на бурныхъ волнахъ историческаго. Писательна удаленъ изъ нея всякъ общій смыслъ.

ВЕЙМАРСКАГО ФРАНЦИЗСТВА. Жюфаръ де-Нерваль помѣстилъ въ журналъ «Amis» описаніе своего художественнаго путешествія, по случаю празднествъ, бывшихъ въ Веймарѣ, въ день открытія статуи, воздвигнутой Гердеру; случилось, что этотъ день совпалъ съ днемъ рожденія Гёте, торжественно празднуемаго въ Германіи.

«Отправляясь на это торжество — пишуъ оупъ — я хотѣлъ провѣхать чрезъ Франкфуртъ, гдѣ Гёте родился и гдѣ недавно воздвигли ему колоссальную статую, работы Шванталера. Площадь, называемая прежде площадью Комедіи, носитъ теперь названіе Goethe-Platz — *Гетева площадь*. — Въ стѣнахъ Франкфурта заключаются только двѣ статуи: статуя Гёте и Карла-Великаго; первая изъ бронзы, въ ора изъ рейнскаго краснаго камня.

«Гёте представленъ въ созерцательномъ положеніи, прислонившись къ стволу дуба, вокругъ котораго вьется виноградная лоза. Статуя и барельефы, окружающіе пьедесталь, сочинены превосходно. На передней сторонѣ видны три фигуры, изображающія Трагедію, Философію и Поэзію; на другихъ сторонахъ главные сцены изъ его трагедій, поэмъ и романовъ «Вертеръ» и «Миньона», занимаютъ цѣлую сторону; Вертеръ подъ руку съ Шарлоттой, а съ Миньоной стары аркасть.

Налюбовавшись статуею, я отправился смотреть домъ въ улицѣ Зеленаго Рынка, гдѣ родился поэтъ ровно сто — одинъ годъ тому назадъ. Домъ можно узнать по мраморной дощечкѣ, на которой находится надпись, что Гёте родился здѣсь двадцать-восьмага августа — August по нѣмецки — 1749 года. Надъ главнымъ входомъ вырезанъ старинный гербовый щитъ, на лазуревомъ полѣ котораго, по удивительному стеченію обстоятельствъ, находится полоса, усыпанная золотыми драми. Я вошелъ въ домъ и могъ еще видѣть комнату поэта, его маленькій столикъ, стулья, покрытыя утрехтскимъ бархатомъ, коллекцію птицъ и рамку, въ которую онъ самъ вставлялъ свои патенты на званіе президента франкфуртскаго минералогическа-

го общества, которое онъ гордился болѣе чѣмъ всеми прочими достоинствами. Когда посмотрѣшь внизъ изъ этой комнаты, находящейся въ третьемъ этажѣ, котораго окна съ левой стороны выходятъ на улицъ дворъ, а съ правой на кровли домовъ, переизмѣненныхъ съ деревнями, но почти безъ горизонта, — то очень понятна дѣлается фраза Фауста:

«И вотъ тутъ твой міръ!... И это называется міромъ!»

«Лѣстницы обширны, и въ каждомъ этажѣ видны огромныя разныя шкафы во вкусъ возрожденія».

«Я хотѣлъ здѣсь только сравнить двѣ крайности въ жизни великаго поэта, его первоначальную бѣдность и великолѣпіе, въ которомъ онъ окончилъ жизнь. Два дня спустя, я былъ въ Веймарѣ.

«Прѣхавъ днемъ позже, послѣ открытія статуи, я могъ по-крайней-мѣрѣ дивиться ей и участвовать въ празднествахъ слѣдующихъ дней. Для совершенной точности, я долженъ передать подробное описаніе этой церемоніи, занимательной и для художниковъ для литераторовъ.»

«Безпрерывно Германія воздвигаетъ новые памятники, которыхъ назначеніе прославить и сдѣлать народными своихъ знаменитѣйшихъ мужей. Этотъ фактъ, частію, можно приписать могущественному воощренію всѣхъ художествъ Лудовикомъ, королемъ баварскимъ, въ особенности скульптуръ, воощренію, которое онъ не ограничивалъ предѣлами своихъ владѣній. Вѣкамъ будущимъ онъ хотѣлъ представить вѣка прошедшіе въ долговѣчныхъ художественныхъ произведеніяхъ, и люди, въ которыхъ природа вложила искру творчества, сдѣлали выполнить такое благородное предпріятіе. Могъ ли Шванталеръ проявить міру всю силу своего генія, если бы ему не вспомоществовала могучая воля и несмѣтныя жертвы, принесенныя Лудовикомъ въ пользу художествъ? И скоро Мюнхенъ съ гордостью увидѣлъ отличныхъ художниковъ, собравшихся около знаменитаго своего мастера, и скоро все государства Германіи, соревнуя Баваріи въ такихъ сокровищахъ, пытались послѣдовать ея благородному примѣру. Большіе города свои украшали памятниками, желая, съ тонкою разборчивостью, сначала дать почетное мѣсто произведеніямъ скульптуры, которыя напоминали бы великихъ людей, ихъ прославившихъ, Мало-по-малу все герои ихъ возстали и съ высоты своихъ иде-

стало господствовать надъ мѣстами, прославленными ихъ гениемъ. Изъ всѣхъ городовъ Германіи, одинъ городъ, второстепенный въ политическомъ отношеніи, но заслужившій безсмертную славу по стеченію обстоятельствъ, вызванныхъ великимъ государемъ, каковъ былъ Карлъ-Августъ, одинъ городъ владычествуетъ въ умственной сферѣ надъ всеми обширѣйшими столицами и по справедливости заслуживаетъ прозваніе *Новой Аѳины*.

Лейпцигскій университетъ, находясь по близости этого города, способствуетъ славы его; съ многочисленныхъ кафедръ его, въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ протекшаго столѣтія и первыхъ годовъ настоящаго, раздавались слова извѣстнѣйшихъ ученыхъ и литераторовъ этого государства. Знаменитѣйшіе люди по всѣмъ отраслямъ наукъ и художествъ, люди, которыми гордится Германія, вызванные и покровительствуемые государемъ, именемъ котораго могъ бы назваться вѣкъ его, долго встрѣчались въ цвѣтущихъ окрестностяхъ Веймара, какъ постоянные гости, или какъ мимолетные посѣтители. Казалось, этому городу должны бы принадлежать первыя усилія народовъ воздать почеть великимъ людямъ, воздвигая имъ статуи; но не такъ было. Правда, немногіе изъ числа необыкновенныхъ гениевъ, проводившихъ жизнь свою въ Веймарѣ, родились тамъ; но Веймаръ съ такою гордостью украшался славою ихъ, что очень естественно было ожидать, что онъ первый подумаетъ повести бремя, неразлучное со всякимъ преимуществомъ, и, безъ сомнѣнія, не намъ первымъ пришлось подивиться, что въ Штутгартѣ и Франкфуртѣ воздвигали статуи Шиллеру и Гете, прежде нежели въ Веймарѣ поставленъ былъ памятникъ кому-нибудь изъ великихъ мужей, которымъ онъ обязанъ своею славою.

Въ Дармштадтѣ вознамѣрились, нѣсколько лѣтъ тому, вознаграждать, хотя частью, этотъ недостатокъ, открыли подписку для статуи Гердеру, и обратились къ извѣстнѣйшимъ мюнхенскимъ художникамъ, а рисунокъ поручили сдѣлать Шафферу. При этомъ случаѣ нельзя не вспомнить еще разъ благородной любви къ художеству, глубокаго познанія національнаго духа, отличающихъ баварскаго короля Лудовика, нельзя не вспомнить достопамятныхъ словъ его. Посѣтивъ, однажды, мастерскую Шаффера, онъ увидѣлъ рисунокъ Гердера, и, по внимательномъ разсмотрѣніи, нѣсколько разъ съ досадою повторилъ слова: *слишкомъ мала, слишкомъ мала*. Нѣсколько

времени сауты, король оный привезъ въ Магдебургъ, 1806 году, бѣжалъ эскизъ и повторилъ тѣ же слова. Художникъ задумалъ, что статуя будетъ двѣсти футовъ въ вышину, и, что разсѣры, каменныя, соответственны обычаю требоватьъ подобнаго памятника.

— Вы не понимаете меня, возразилъ король: буди она сто футовъ, все будетъ слишкомъ мала. Для Веймара нужна цѣлая группа, которая представляла бы Карла-Августа, окруженнаго четырьмя великими поэтами, свѣтлыми его века, и, если вамъ закажутъ подобную группу, вы можете поручиться, что я, на свою долю, беру все издержки на бронзу и чугуны этого памятника,

Почему это благородное предложеніе не вызвало отвѣту, почему Веймаръ не сосредоточилъ всѣхъ силъ на исполненіе своей истинной обязанности споспѣшествовать этому патриотическому возмѣнію. — это остается неразрѣшимою загадкою. Подписка, открытая для статуи Гердера, дѣятельно продолжалась содѣйствіемъ не только цѣлой Германіи, но и всѣхъ сыновъ ея, разсыянныхъ въ отдаленнѣйшихъ странахъ, даже въ Америкѣ. Когда собранная сумма оказалась достаточною, Шафферъ отлилъ статую и окончилъ ее весною вѣдвѣняго года. Долго мы смотрѣли на нее, то-есть, дивились ей цвѣтъ бронзы слишкомъ свѣтлѣ, даже можетъ-быть слишкомъ яркѣ. Пьедесталь изъ тюрингскаго мрамору, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, на немъ вырвано имя поэта, день его рожденія и день смерти. Внизу слова: «Von Deutschen allen Länder». «Отъ Германцевъ всѣхъ странъ». Статуя сочтена чрезвычайно удачно. Художникъ запечатлѣлъ ее необычайнымъ благородствомъ. Ему удалось передать, въ идеальномъ видѣ, характеръ своего образца положеніемъ тела и выраженіемъ лица. Въ день рожденія поэта, 25 августа, назначено открытіе памятника, а прошедшій годъ вся Германія торжествовала двадцать-восьмое августа, какъ столѣтіе послѣ рожденія Гете.

Веймаръ — отчина по избранію двухъ великихъ людей и сими многими знаменитостей, соединилъ все свои силы, чтобы торжествовать память Гердера и еще разъ почтить Гете воспоминаніемъ. Къ этому времени назначено представленіе некоторыхъ драматическихъ произведеній и выполненіе великихъ лирическихъ твореній; въ настоящее время городъ обладаетъ блистательнѣйшею знаменитостію нашего времени и все вниманіе жителей его сосредоточено на успѣхъ развитія музыки. Этими развитіемъ она обладаетъ прославлен-

дому, везшему в акробатическую Монпарназ, которая въ высшей степени, гласардъ, даждеть жить искусство и искусство: въ арден-
 -на, человекъ достоинъ: одеть и наслаждаться волею, возмездъ, креп-
 -коме и ягилемъ его, и разумной, неутомимой дилетантской Лица,
 , который слабый, орудия, предоставлены ему въ Веймара, дивясь
 до совершенной степени совершенства. На пытливымъ яду, какъ
 лавъ и въ проведирить, главная прелесть, привлекшими иностран-
 -цевъ на эти праздники, основывалась на праздности, даваятъ
 по яду случаю. Открытие статуи Гердера произошло 25 числа
 дугромъ. Народная стража и горожанъ селови проходили це-
 -рамоніально въ огромномъ числѣ. Площадь была открыта беззвон-
 -ка и умиленномъ толпою. Произнесено было несколько речей, но
 гадью рѣчь совѣтника Шюля, президента комитета, занимавшіею
 злымъ предпріятіемъ, была слышна; слова же прочихъ ораторовъ бы-
 -ли совершенно потеряны для возхъ, не слишкомъ близко стоявшихъ,
 въ особенности же для особъ царствующей фамили (къ которымъ
 они часто обращались), которые, сидя на приготовленныхъ мѣстахъ,
 на другомъ краю площади, конечно, не могли разобрать ни одного
 слова. Последнюю рѣчь говорилъ совѣтникъ докторъ Гернгъ, тома-
 -рингъ и другъ Гердера, следовательно уже по мѣстному возрасту
 не способный громко говорить. Въ эту минуу все вниманіе слуша-
 -телей снова устремилось на музыку. При звукахъ чуднаго марша Ли-
 -ста проходила вся свита, а статуя открывалась во время хора, сочинен-
 -наго Листомъ же на слова, написанныя совѣтникомъ Шюлемъ, гдѣ
 удачнымъ выраженіемъ мысли и чувствованій объяснялся девизъ, при-
 -нятый Гердеромъ, выгравированный на его гробницѣ и начерченный
 на свитѣ, который статуя держитъ въ правой рукѣ: *свѣтъ (Licht),
 жизнь, любовь.*

Замѣтъ этого хора былъ безразительнъ и самый умилительный изъ
 всей церемоніи. Слова, которые вслѣдъ могъ читать, находили чужой
 ирлудній отъякъ въ аккордахъ, широко модулированныхъ, что все сердца
 встреаснулось... Статуя Гердера воставлена не далеко отъ соборной цер-
 -кви. Намъ казалось, что выборъ мѣстности вдовольно благоприятнъ.
 Въ соборѣ уже покоится прахъ этого проповѣдника, голосъ котораго
 такъ часто раздавался надъ сводомъ и съ такою убѣждающею слы-
 -достью, а для статуи гораздо бы приличнѣе выбрать площадь въ са-
 -мой парадной части города. Чтобы достойно почтить терни-

отъ этихъ великихъ людей, на всѣхъ роляхъ велико-героическаго театра давали «Освобожденнаго Прометея», Гюндера, драматическую поэму, для которой Лютъ, канцеляристъ великаго герцога, написалъ музыку, названную огромнымъ усавьемъ. Почему новую оперу Вагнера, подъ названіемъ: *Lohengrin*, представившую 28 числа, въ день рожденія Гёте. Музыка Вагнера, ученая, высокопарная, взвучивала одобреніе знатоковъ; но въ поэму, которую онъ самъ сочинилъ, оказались сухими дилеммы. Теперь я желалъ бы въ итальянскихъ словахъ описать Веймаръ въ эти торжественные дни.

«Мадамъ Сталь сказала о Веймарѣ: «Это не городъ, а село съ домами». — Замѣчаніе, справедливое въ отношеніи множества гульбищъ и садовъ, украшающихъ и раздѣляющихъ кварталы столицы. Я долженъ однако признаться, что, возвращаясь домой, два раза заблудился, проходя по здѣшнимъ улицамъ. Я не стараюсь назвать красивому городу, но долгомъ считаю сказать, что онъ выстроилъ лабиринтомъ, вѣроятно изъ самолюбія основателей, желавшихъ выставить его обширивѣйшимъ въ глазахъ путешественника.

«Но есть ли возможность негодовать на нихъ, когда на каждомъ шагу встрѣчаешь воспоминанія великихъ людей, любившихъ это мѣстопробываніе, когда можно блуждать по безмолвнымъ тропинкамъ парка, занимающаго цѣлую часть города, гдѣ, какъ въ Лондонѣ, вдругъ находишь мечту и очарованіе, только на мигъ уединясь отъ шумной дѣятельности города! Рѣка зеленыхъ водъ течетъ между дерномъ и древесною тѣнью и шумъ этихъ водъ далеко слышится, словно Ниагара въ уменьшительномъ видѣ. Подъ тѣнью моста, соединяющаго городъ съ предмѣстіемъ, замѣчательна игра свѣта на массахъ зелени, въ противоположность свѣтосарныхъ отблесковъ, пробѣгающихъ по водѣ.

«Вездѣ покой, гармонія, свѣтъ; вотъ скамья, гдѣ Гёте любилъ сидѣть и наблюдать на приходившихъ черпать воду въ фонтанъ, у входа въ гротъ. Я нетерпѣливо желалъ сравнить маленькую комнатку студента, которую два дня назадъ видѣлъ на мѣстѣ его рожденія, съ дворцомъ, гдѣ онъ окончилъ свое долгое, благородное поприще. Мнѣ позволено было входить туда, но позволеніе было не вполне благоклонно; потому-что кабинеты и спальни не отворяются для посѣтителей. Потомки Гёте, то-есть, внуки его, изъ которыхъ одинъ, однако же, поэтъ, а другой музыкантъ, — не наследовали его европейскаго великодушія. Онъ

отказались отъ предложеній всѣхъ германскихъ государствъ, соединившихся вмѣстѣ, для пріобрѣтенія дома Гёте, чтобы сдѣлать изъ него національный музей. Они все еще надѣются, что Англія дастъ имъ больше за воспоминанія и коллекціи, оставленныя ихъ дядомъ. Во всякомъ случаѣ, посмотримъ, по-крайней-мѣрѣ, на то, что позволяетъ видѣть. На неправильной площади, въ центрѣ которой находится фонтанъ, стоитъ обшій домъ, не имѣющій ничего замѣчательнаго въ своей наружности, за то внутренность, начиная съ самыхъ сѣней; отличается духомъ порядка и великолѣпія, которыми блистаютъ и сочиненія поэта. Лѣстница, украшенная статуями и античными барельефами, грандіозна какъ въ царскомъ дворцѣ; мраморъ, фрески, карнизы, вновь обновленные, блистаютъ со всѣхъ сторонъ и образуютъ величественный входъ въ залы, и въ галерею, гдѣ находятся коллекціи. При входѣ, васъ поражаетъ множество статуй и бюстовъ, которыми уставлены комнаты. Эту фантазію можно приписать классическимъ занятіямъ, которымъ предавался Гёте въ послѣдніе годы жизни. Колоссальная голова Юноны прежде всего бросается въ глаза: окруженная богами ларами, она царственно рисуется какъ покровительствующее божество. Когда я разсматривалъ художественныя сокровища, одна юная принцесса, привлеченная такимъ же любопытствомъ, посетила жилище великаго писателя; ея бѣлое платье, герцогаевая мантилья, часто касались барельефовъ и мраморовъ. Я благодарилъ случай, ниспославшій это августайшее, очаровательное явленіе, какъ неожиданное добавленіе къ воспоминаніямъ подобнаго мѣста. На минуту отвлеченный отъ художественныхъ произведеній, я съ участіемъ смотрѣлъ на эту дочь промеднаго, блуждающую между образами минувшаго! Подъ этою прозрачною, бѣлою оболочкою, въ этихъ тонкихъ жилахъ течетъ кровь германскихъ цезарей; эти черныя глаза пламенны и повелительны какъ у орла, и только грусть, смѣшанная съ благоговѣніемъ, иногда увлажала ихъ небесною кротостію. Эта прелестная фигура чрезвычайно была на мѣстѣ въ безжизненномъ жилищѣ, какъ античное изображеніе Психеи, представляющее жизнь на могильномъ камнѣ. Вокругъ первой залы разставлены высокіе, стеклянныя шкафы, заключающіе антики, барельефы, этрусскія вазы, и коллекція медальоновъ, работы Давида, между которыми вѣроятно видѣть профили Кювие, Шатобріана, потомъ Виктора Гюго, Дюма, Беранже, Сентъ-Бѣва, на которыхъ взоры

старца могли еще поклониться. За темъ слѣдуетъ галлерей, гдѣ видны
 междуи оконъ зашиты массивными шпанами съ богатою кожаной
 древеси въ гравюрь; переплетенныхъ въ огромныхъ in-folios. Между
 ними стоятъ стеклянные колпачки, подъ которыми хранятся медальоны
 народовъ. Галлерей разрисована ерванами въ помпейскомъ стилѣ.
 Надъ полукруглыми дверями живопись на полотнахъ, художникъ Шил-
 лера, котораго талантъ правилъ Гёте. Живопись изображаетъ пред-
 меты древности, отчетливо отдѣляемыя съ большими знаменъ дѣл,
 холодныя, правильныя, словомъ, точно живописная скульптура. Видъ
 замѣтны здѣсь фигуры Кановы, и бюстъ самого Гёте, говоритъ;
 чрезвычайно похожий, но въ достоинствѣ много уступающій бюсту
 Давида. Потомъ насъ впустили въ садъ, довольно обширный, но ситу-
 ация скорѣе для пользы, нежели для удовольствія, чѣмъ называется у
 насъ пригороднымъ садомъ. Впрочемъ, деревянный навѣсъ въ саду
 швейцарской хижинѣ и италерникъ изъ самороднаго винограда
 придавали отличительный характеръ цѣлому. Великое герцогство Сак-
 сенъ-Веймарское чисто литературное мѣсто. Поставъ и художни-
 камъ раздають здѣсь титулы маркизовъ, графовъ и бароновъ....
 Карлъ-Августъ, сдѣлавшій Гёте своимъ первымъ министромъ, самъ
 повелѣлъ погребти прахъ свой между гробницами Гёте и Шиллера.
 Иностранцы посѣтителѣ проводили, также какъ и я, часть своего
 времени въ старинныхъ жилищахъ великихъ мужей, какъ напримеръ
 Луки Крахта, украсившаго соборную церковь превосходное карти-
 ной, Виланда, Гердера и Шиллера. Я тоже посѣтилъ Шиллера, те-
 сь, скромную комнатку, когда-то занимаемую имъ въ домѣ, ко-
 тораго хозяинъ сдѣлалъ надъ воротами простую надпись: «Здѣсь
 жилъ Шиллеръ.» Я удивился, что его мебель гораздо лучше и новѣе
 нежели мебель въ комнаткѣ Гёте, во Франкфуртѣ; но мнѣ сказали,
 что стулья и кресла время отъ времени покрываются вышиваньемъ
 веймарскихъ дамъ. Въ невѣроятной простотѣ сохранились только
 клавирды, то-есть, фортепиано съ крѣпкими вместо желѣзокъ. При-
 видъ формы его, нельзя не помянуть, когда вспоминаешь
 нѣжный рояль. Деревянный звукъ его струвъ не вылилъ смирной
 наружности. Лишь, благосклонно сопровождавшій меня въ почтитель-
 номъ посѣщеніи великаго драматурга Германия; рылся отыскать за-
 пасники надъ инструментомъ, который въсегда былъ дорогъ ему.
 Пальцы его пробѣжали по помолтавленнымъ клавишамъ и отыски-

серьезными, восторженными, иными словами, потрясенными, душою и сердцем и заставила меня съумасно и восторженно слушать *«Мелодию молодого денщика»*, эту старинную мелодию, выраженную Шубертом, и такой разраженной мелодией, которую Листъ переработалъ для фортепиано съ необыкновеннымъ колоритомъ; ему одному, своеобразному и слушая его, я думалъ, что ты, Шиллера должна радоваться, и видя моею словамъ, выражающимъ такъ сердца и горла его и оправдывающимъ такимъ чуднымъ званъ въ дружки духъ гения. Мы оставалось только осмотреть велико-герцогский дворецъ; величественная архитектура его была довершена Фигельемъ, выстроенный великою гарцекинсер. Благородная подруга Карла-Августа, другъ Гёте и Шиллера, она всегда оказывала покровительство великимъ людямъ; живящая въ Веймаръ, и все дышетъ на половинъ, ей принадлежащей, воспоминаньемъ и любовью къ ихъ памяти. Четыре главные залы посвящены Виланду, Герцелю, Гёте и Шиллеру. Замысловатая и таинственная по живописной отделкѣ зала Виланда. На красномъ мраморномъ полу отделяются медальоны *«à fresco»*, изображающіе главные сцены изъ «Оберона». Фрески работы Галлера, умнаго сгруппировать въ замчателѣннѣйшихъ пейзажахъ романтическія фигуры поэта. Арабески, окружающіе рамы; — работы Симона; въ нихъ изображены раковины, животные, группы гениевъ, выходящихъ изъ цестовъ, и все отично расположено и соответствуетъ колориту. Зала Гердера работы Йегера. На серединѣ паркета мозаика представляетъ въ мраморномъ полѣ золотую крылатую лиру, краснымъ рванымъ гербъ, пожалованный Гердеру Карломъ-Августомъ; на каминѣ — бюстъ Гердера. Между двумя дверьми бюстъ Луки Красса, друга Лютера и герцога веймарскаго, Иоанна-Фридриха, раздвинувшаго пятидесятее заключеніе съ реформаторомъ въ плену Карла-Пятцаго. Бюстъ Себастьяна Баха, долгое время занимавшаго место канцлера веймарскаго въ Веймарѣ, также заслуживаетъ вниманія. Зала Гёте украшена картинами, изображающими главные сцены изъ его сочиненій. Мизологическая сцена изъ второго «Фауста» покрываетъ большую часть стѣнъ. Мысли автора граціозны, но исполненіе живописца не выветъ тогда же достоинства. Въ медальонахъ, находящихся въ залѣ Шиллера, есть прелестныя подробности, особенно въ сценахъ Иоанни д'Аркъ и Марія Стюартъ. Въ дворцовой часовне стѣны и колонны мраморныя, ковры, развѣшанныя на веревкахъ галлерей, возмѣ-

иметь красоты ея. Въ герцогскихъ комнатахъ замѣчательны еще превосходные пейзажи Геллера; кисть его, туманная и грустная, напоминаетъ Рюндалей. Это виды Норвегии, озвѣщаемыя сврымъ приятнымъ свѣтомъ, виды зимы и кораблекрушенія, очерки величественныхъ утесовъ, дивно возвышающіяся волны, природа, заставляющая содрогаться и погружаться въ думу.

«По случаю смерти Лудовика-Филиппа, при дворѣ не было баловъ. Большая часть иностранцевъ, съѣхавшихся въ Веймаръ, послѣ праздниковъ отправились въ Лейпцигъ присутствовать при представляемыхъ надмоавель Рашель. Прежде отъезда изъ Веймара, я хотѣлъ еще разъ посетить соборъ, гдѣ находится превосходная картина Луки Кранаха, представляющая Спасителя на крестѣ, олакиваемого Святыми женами.

«Въ библиотекѣ я еще видѣлъ три бюста Гете, одинъ изъ нихъ работы Давида, и бюстъ Шыллера, отданный Даннекеромъ. Могила Виланда находится въ некоторомъ разстоянн отъ города. Камень, осыпанный дерьявьями, облеженный дерномъ, — вотъ его гробница. На одной сторонѣ его имя, надъ нимъ лира, на другой имя жены его, третья сторона посвящена памяти Цецилин Брентаво, его идеальному и поэтическому другу; надъ послѣднею надписью изображена бабочка. Въ наши времена слѣдуетъ подкрывать иногда душу подобными воспоминаніями. Если бы Веймаръ сохранилъ одни только могилы, мы оставили бы его съ приятнымъ и грустнымъ чувствомъ. Но умственная жизнь пребываетъ въ немъ, она хранится въ сердцахъ вѣрныхъ, которые передадутъ ее вѣкамъ грядущимъ».

Любопытно выслушать теперь рассказъ самого Листа о томъ же праздествѣ, помѣщенный въ одномъ парижскомъ журналѣ. Играетъ ли, пишетъ ли, онъ всегда стѣять того, чтобы его послушать. Статьи Листа тѣмъ достойнѣе вниманія, что великій пианистъ говоритъ въ ней объ одномъ, почти вовсе неизвѣстномъ у насъ композиторѣ, какъ о первомъ музыкальномъ гениѣ нашего времени. Многие удивятся, прочитавъ его имя. Но Листъ — хороший судья дѣла, превосходный знатокъ, и по уму и по чувству, и по наукѣ, и отзывъ его не можетъ не произвести впечатлѣнія.

«Люди, возвышавшіеся, по своему гению, надъ подобными себѣ, были всегда предметомъ уваженія, принимавшаго различныя формы, судя по степени просвѣщенія времени, въ которыя они жили. Конечно, люди дѣйствующіе и люди мыслящіе заслуживаютъ одинаковую

длю въ ночестяхъ , которыя справедливость требуетъ воздавать чело-
вѣческому превосходству. А чѣмъ народнѣе и достославнѣе можно
почтить людей, какъ не воздвиженіемъ статуи на избранномъ мѣстѣ?
И въ тоже время какой болѣе достойный трудъ можно возложить
на скульптора, заботящагося о продолжительности своего созданія и
своего имени? Этотъ способъ прославленія имѣетъ преимущество прод-
лить для будущихъ поколѣній существованіе этихъ привилегированныхъ
созданій. Кажется, какъ будто вызываемыя ихъ самихъ, заставляя
мраморъ или бронзу представить глазамъ ихъ соотечественниковъ.

• Эти идеи столпились въ головѣ нашей по случаю статуи Гердера,
открытой въ Веймарѣ, и искуснаго художника, на котораго было воз-
ложено представить эту благородную голову грядущимъ поколѣніямъ.
Твореніе превосходно, достойно представляемаго образца и не
возможно не цѣнить всего достоинства скульптора, умѣющаго
поврекать дѣло смерти. Статуя Гердера, сдѣланная Шассе-
ромъ въ Мюнхенѣ, дѣйствительно произведеніе замѣчательное,
она доказываетъ совершенное знаніе и остроумную оцѣнку великаго
человѣка, какъ мы усматриваемъ изъ его сочиненій. Кроткая ясность,
чело безъ морщинъ и безъ заботъ, улыбка привѣтливо миролюбивая,
умный взглядъ Гердера воспроизведены съ чрезвычайнымъ благород-
ствомъ осязки, съ чрезвычайною добротой выраженія. Въ правой
рукъ онъ держитъ свитокъ, на которомъ вырѣзанъ девизъ, при-
нятый имъ, и который Карлъ-Августъ велѣлъ вырѣзать на его
гробницѣ, надпись менѣе романтическая и болѣе трогательная, не-
жели та, которою Виландъ обременилъ свой надгробный памятникъ * :
Свѣтъ, Любовь, Жизнь. Рука, держащая бронзовый свитокъ, не только

* Виландъ погребенъ въ Османштедтѣ, небольшомъ его владѣніи,
находящемся на часъ ѣзды отъ Веймара. Наobeliskѣ съ тремя ли-
цевыми сторонами, видна съ одной стороны бабочка, надъ нею имя
Христіаны Брентано, его искренняго друга; съ другой — двѣ соеди-
ненныя руки и имя его жены. Obeliskѣ окруженъ какъ поясомъ
этой надписью: «Любовь и дружба соединены въ могилѣ». Три гроба
этихъ трехъ особъ точно находятся въ этомъ мѣстѣ. Виландъ, умирая,
назначилъ небольшую сумму на приращеніе процентами, до-тѣль-поръ,
пока ее будетъ достаточно на покупку желѣзной рѣшетки, окружающей
это надгробное мѣсто.... Она была поставлена спустя болѣе тридцати
лѣтъ послѣ его смерти.

необыкновенной красоты и рѣдкаго совершенства, но дивнѣе ее исполнено твердости и энергіи. Въ наклоненіи головы, въ сгибѣхъ лица, въ томъ, что говорятъ глаза, виднѣется эта чувствительность, такъ легко возбуждаемая, такъ постоянно растрогиваемая, которая внушила Гердеру этотъ, вмѣстѣ и протосердечный и ученый языкъ, который принимаетъ природная чувствительность въ лепетѣхъ народной поэзіи самыхъ различныхъ націй. Шафферъ умѣлъ искусно соединить въ впечатлѣннѣй, производимомъ его прекрасной статуей, волненіе, которое долженъ былъ оставить въ душѣ слушателей и которое возбуждаетъ еще въ душѣ читателей, поэтъ-философъ, которому мы обязаны столькими великими мыслями, истинно вылившимся изъ сердца и которыхъ влияніе было огромно въ Германіи. Да, находя философа, мыслителя, мы также находимъ и много мечтателя, оставившаго столько прелестныхъ поэмъ, исполненныхъ граци, востодушія, вдохновенія лучшихъ, нѣжѣйшихъ и благороднѣйшихъ чувствъ человеческого сердца.

«Статуя Гердера прислонена, или почти — что прислонена, къ соборной церкви, гдѣ онъ имѣлъ привычку провозглашать съ кафедръ истины; вѣроятно, что статуя заняла мѣсто на порогѣ этого храма, гдѣ такъ часто раздавалось его краснорѣчивое слово, однако мы не можемъ не сознаться, что часть парка, находящагося насупротивъ одной изъ прекраснѣйшихъ улицъ города, конечно представляла бѣльшія преимущества перспективы и историческаго интересу.

«Вечеромъ, 24 августа, наканунѣ праздника на веймарскомъ театрѣ представляли «Освобожденнаго Прометея», котораго Гердеръ сочинилъ, не назначая его для сцены, и котораго называлъ, такъ какъ нѣкоторые другія разговорныя поэмы, не такъ извѣстныя: «Драматическія сцены». Намъ показалось, что «Освобожденный Прометей» отличается отъ поэмъ того же рода колоритомъ чувства и сцѣвленіемъ идей, исполненныхъ величія и гармоніи. Какъ сказалъ онъ самъ, музыка должна была соединиться съ великими волненіями, которыя эта поэзія имѣла цѣлью возбудить въ нашихъ душахъ. Это можно сказать и объ исполненіи поэмы, а что касается до цѣлаго, то невозможно было поставить его на сцену иначе, какъ развивая пѣніемъ и оркестромъ глубокія и возвышенныя чувства, которымъ авторъ хотѣлъ дать въ стихъ бѣглыхъ словъ одинъ только очеркъ; но самый этотъ очеркъ можно сравнить съ карто-

нами, рисованными великими живописцами, какъ образцы для ковровыхъ картинъ или мозаики, по которымъ очень много воспроизводили ихъ творенія съ удивительной отчетливостью. Мнѣ поручили написать для «Прометея» увертюру и хоры; я написалъ ихъ какъ умѣлъ вдохновившись какъ только-могъ, мыслью и твореніемъ поэта, съ живымъ сожалѣніемъ, что не могъ лучше повиноваться вдохновенію поэмы. Между хорами, удивительно пѣтыми, являлись театральны артисты, декламировавшіе чудный діалогъ. Обстановка и появленіе дѣйствующихъ лицъ въ древнихъ костюмахъ, въ представленіи, котораго сущность приближалась гораздо болѣе къ ораторіи, чѣмъ къ драмѣ, производила странный эффектъ, получившій одобреніе публики. Драма ли это или симфонія, навѣрно не знали. Мнѣ же казалось, будто я вижу на этомъ театрѣ, оживленномъ столь различными волненіями, рядъ великихъ образовъ, пробуждавшихся мало-по-малу въ сложномъ волненіи хора, поэмы, оркестра, декламации.

«Въ числа многочисленныхъ иностранцевъ, прибывшихъ въ Веймаръ присутствовать при торжествѣ, мы упомянемъ о Шафферъ, тверцъ статуй; о Форстеръ изъ Мюнхена; Дингельштедтъ, написавшемъ прекрасный прологъ, произносимый на годичномъ праздникѣ Гете, до представленія «Lohengrin», большой оперы Вагнера, данной въ этотъ день въ первый разъ; Гуцковъ, издающемъ теперь романъ въ десяти томахъ; Черле, изящномъ и остроумномъ авторѣ двухъ томовъ «Music and Manners in Germany», писателѣ, исполненномъ вкуса, тонкой и доброжелательной насмѣшливости, требованій въ отношеніи искусства умныхъ и умѣренныхъ, критическихъ сужденій, воздержныхъ и справедливыхъ, умѣющаго съ тактомъ, котораго такъ трудно достигнуть, требовать необходимыхъ правилъ, не отнимая бодрости у попытокъ любознательнаго и изобрѣтательнаго воображенія.

«Мы бы желали, чтобъ, по обещанію программы этихъ празднествъ, «der Messias» Генделя, была исполнена вечеромъ 25 въ соборной церкви. Музыканты, привхавшіе изъ разныхъ мѣстъ слушать колоссальное произведеніе Вагнера, — который введеніемъ системы, превосходящей даже идеи Глюка о внутреннемъ сочетаніи музыки и драмы, привлекаетъ въ настоящее время вниманіе музыкальныхъ критиковъ всей Германіи, — съ радостью выслушали бы эти простые и высокіе аккорды такого стиля, отъ котораго мы

далеки; безъ всякаго сомнѣнія имъ бы пріятно было сравнить впечатлѣнія, производимыя этими образцовыми произведеніями такихъ различныхъ орденовъ, какъ различны дорическія колонны отъ колоннъ египетскихъ, которыхъ массивные стволы украшены каптелями изъ топчайшихъ линий и богатыхъ листьевъ. Какое-то недоразумѣніе помѣшало исполненію этой ораторіи, потому-что текстъ, пѣтый въ Германіи, есть именно переводъ самого Гердера съ англійскаго текста.

«Цѣлый городъ былъ въ этотъ день въ домѣ, въ которомъ жилъ Гердеръ и преемникъ его, покойный Боръ, почтившій малѣйшую подробность въ жилищѣ генія. Въ маленькой голубой гостиной еще находится нѣсколько портретовъ Гердера; эти портреты, списанные съ самого Гердера, далеко не съ такой истиной показываютъ его намъ какъ статуя Шаффера. Въ этой комнатѣ, кромѣ другихъ драгоценныхъ воспоминаній, тщательно сохранныхъ, находятся утренняя шапочка, вышитая великой герцогиней, въ знакъ ея глубокаго сочувствія къ ученію своего знаменитаго учителя; возлѣ этого драгоценнаго воспоминанія лежитъ послѣднее перо, до котораго дотронулась слабѣющая рука Гердера; Библия, ему принадлежавшая, на истертomъ сафьянѣ которой еще виднѣются золотыя буквы: F. G. Herder. Мы съ благоговѣніемъ приблизились къ этой книгѣ и отискивали съ уваженіемъ, налагаемымъ на насъ остатками трудовъ вѣликаго ума, не осталась ли какая-нибудь замѣтка на какой-нибудь страницѣ, для которой онъ писалъ ученныя толкованія, приводившія всѣхъ въ такой восторгъ.

«Двадцать-осьмаго августа былъ другой національный праздникъ въ Веймарѣ: день рожденія Гёте. Прологъ въ очень хорошихъ стихахъ былъ произнесенъ Жаффѣ передъ многочисленной публикой, наполнившей театръ, которая, не довольствуясь рукоплесканіями, изъявила желаніе, чтобы авторъ вышелъ, для изъявленія ему своего удовольствія. Можно сказать, что выборъ «Lohengrin» для праздника въ память Гёте, былъ во всѣхъ отношеніяхъ достоинъ его, потому-что музыкантъ Вагнеръ, столько же поэтъ какъ музыкантъ, придалъ либретто этой оперы всю занимательность, все литературное совершенство трагедіи. Онъ сдѣлалъ болѣе: вполне вдохновившись своимъ сюжетомъ, онъ расцвѣтилъ языкъ колоритомъ древности, увеличивающій общій эффектъ этой милой композиціи. Онъ не заимствовалъ у старин-

наго дѣлакъ словъ и оборотовъ, которые бы трудно было понять, но взявъ у него, съ рѣдкою умѣренностью, нѣкоторые отгѣнки слога, дѣлающіе еще совершеннѣе обманъ воображенія, которымъ онъ самовластно отрываетъ зрителя отъ настоящаго времени и торжественно переноситъ его въ области поэзіи и идеала. Вагнеръ безспорно одинъ изъ первыхъ нынѣшнихъ гармонистовъ, одинъ изъ тѣхъ, которые обладаютъ самыми дивными тайнами инструментаци и обогащаютъ музыку самыми чудными мелодическими идеями, и однако Вагнеръ не хочетъ, чтобы въ сочетаніи, устанавливаемомъ театромъ между поэзіей и музыкой, послѣдняя похищала права своей сестры. Онъ подчиняетъ ту и другую требованіямъ драмы, хочетъ, чтобы каждая изъ нихъ принесла свою часть могущества впечатлѣнію, которое публика должна чувствовать въ такой полнотѣ, цѣлости и обилии, чтобы умъ самый предубѣжденный къ музыкѣ, самый восторженный къ поэзіи, не могъ различить, которому изъ искусствъ, употребленныхъ въ этой драмѣ, онъ болѣе одолженъ своими слезами, волненіемъ и восторгомъ. Это мнѣніе сдѣлалось правиломъ у Вагнера и мы видѣли его провозглашающимъ въ своихъ сочиненіяхъ убѣжденіе, что театру предстоятъ огромныя и неизбѣжныя перемѣны и что новая система должна отнынѣ замѣнить рутинныя привычки, которыми до-сихъ-поръ живутъ наши трагедіи, комедіи, водевили и оперы. Каждое изъ этихъ произведеній обозначилось успѣхомъ на этомъ новомъ пути. «Корабль-Призракъ», первая опера Вагнера, въ которой этотъ способъ уже замѣчательно проявляется. «Риенци» напоминалъ еще наши старые обычаи въ рисунокъ речитативовъ, дуэтовъ, хоровъ; но «Таннхаузеръ» уже совершенно отъ нихъ освободился, и мы утверждаемъ еще разъ, что это произведеніе такъ хорошо вылиты, такого высокаго совершенства въ малѣйшихъ подробностяхъ, что ему конечно предназначается получить въ будущемъ, уже не отдаленномъ, и съ одного конца музыкальнаго міра до другаго, успѣхъ, равный тому восторженному успѣху, который получили въ Дрезденѣ и Веймарѣ, единственные театры, которымъ новизна стиля не помѣшала поставить на сцену это образцовое произведеніе. «Lohengrin» задумано по плану еще болѣе грандіозному, либретто представляетъ драму полнѣе, искуснѣе, совершеннѣе въ литературномъ отношеніи, и по учености оригинальности слога, красотѣ стопосложенія, замысловатому расположенію драматической интриги, словамъ краснорѣчивой

страсти, конечно заслуживалъ занимать первое мѣсто въ поэтическихъ произведеніяхъ, вдохновенныхъ музою старой Германіи, въ последнее время, для торжества праздника, котораго Гёте былъ достойнымъ героемъ.»

Листъ отложилъ до сѣдующей статьи разборъ новой оперы Вагнера; онъ говоритъ однако, что, не смотря на ничтожныя предѣтствія, мѣшающія въ настоящую минуту знаменитости этого мастерскаго произведенія, невозможно не смотреть не «Lohengrin», какъ на событіе въ нѣмецкой музыкѣ и какъ на нетлѣнное выраженіе новой системы.

КАКЪ ДОСТАЕТСЯ ЗНАМЕНИТОСТЬ. Въ концѣ ноября 1770 года, въ аптеку мистра Ника Эльми, въ городкѣ Виккембрукѣ, на границѣ Норфолька, происходило необыкновенное волненіе. Пока жена аптекаря съ племянницей Сарой, убирала чердакъ, стоявшій два года безъ жильца и старалась сдѣлать его удобнымъ для жилья, два мальчика, одинъ лѣтъ двѣнадцати, другой нежножко помоложе, поочередно бѣгали къ двери и какъ сестра Анна, въ сказкѣ *Синяя Борода*, смотрѣли пристально въ даль. Самъ аптекаръ, занимаясь приготовленіемъ лекарства по рецепту, взглядывалъ по-временамъ на дѣтей, чтобы прочесть по выраженію ихъ физіономіи, сбылось ли въ ожиданіе. Прогулки къ двери долго оставались безъ послѣдствій. Мистрисъ Эльми съ племянницей уже сошли съ чердака и привялись за иголку, когда вдругъ одна престранная фигура заставила повернуться на петляхъ и зазвонить родъ рѣшетки, съ колокольчикомъ, закрывавшей входъ въ лавку. Этой фигурѣ могло быть лѣтъ около осемнадцати. Странность одежды оправдывала громкій смѣхъ мальчиковъ и улыбку мисъ Сары. На длинномъ, тощемъ, блѣдномъ чловѣкѣ, который явился на порогъ двери, былъ старыи черный сюртукъ, слишкомъ широкій, а ноги болтались въ шерстяныхъ чулкахъ, оканчивавшихся огромными башмаками. Но самое смѣшное въ этомъ чловѣкѣ, смѣшное, превосходившее все что шаловливое воображеніе могло представить, было его лицо, прятавшееся подъ огромнымъ парикомъ безъ пудры, увѣнчанымъ трехъугольной шляпой, казавшейся столѣтней по своей формѣ и истасканности. Къ довершенію несчастія, бѣдняга, такъ наряженный, совершенно потерялся при такомъ веселомъ приѣмѣ. Краска покрыла его лицо. Онъ хотѣлъ поклониться, но парикъ такъ былъ друженъ съ шляпой, что не хотѣлъ

съ ней разстаться и оставилъ обнаженною только-что выбритую голову несчастнаго. Самъ мистръ Элли не могъ удержаться и принялъ участіе въ общей веселости. Нѣсколько минутъ смѣхъ помышалъ ему взять и прочесть письмо, которое привѣзій вынулъ изъ кармана. Не возможно выразить, сколько страдалъ несчастный, пока продолжался этотъ припадокъ невольной насмѣшливости. Потъ текъ по лицу, глаза наполнились слезами, и если бы ноги не подгибались подъ нимъ, онъ бы убѣжалъ. Наконецъ онъ бросилъ такой отчаянный взоръ на мисъ Сару, что дѣвушка сжалась надъ несчастнымъ.

— Падо намъ простить, сказала она вставая и подходя къ жертвѣ: въ нашей уединенной жизни насъ смѣшить всякая бездѣлица.

Сострадательныя слова племянницы возвратили мистру Нику всю его важность. Онъ отеръ глаза, еще омоченные слезами отъ смѣху, и заставилъ лицо свое принять важность и спокойствіе, приличныя аптекарю.

— Молодой человекъ, сказалъ онъ, моя племянница права: мы поступили неблагоразумно. Семъ, отведи моего ученика въ ту комнату, которая ему назначена.

Сему не хотѣлось окончить такъ серьезно вечеръ, начатый слишкомъ весело.

— Пойдемте, сказалъ онъ, но ваиа поклажа очень тяжела, позвольте мнѣ помочь вамъ.

И онъ наклонился съ притворнымъ усиліемъ, чтобы поднять небольшой узелъ, завернутый въ платокъ, который принесъ крестьянинъ на палкѣ. При этой новой шуткѣ Давидъ, братъ Сема, опять началъ смѣяться, но ударъ по ушамъ, нанесенный сухою рукою отца, заставилъ его перейти отъ смѣха къ стонамъ. Испуганный Семъ, ожидая и себя того же, поспѣшно повелъ ученика по крутой, узкой и черной лѣстницѣ на чердакъ. Молодой человекъ, оставшись одинъ, не съелъ, а упалъ на единственный стулъ своей комнаты и началъ горько плакать, потому-что давно уже его стѣсненное сердце имѣло нужду въ облегченіи. Потомъ нѣсколько ободрившись, снялъ злополучный черный сюртукъ, бросилъ парикъ въ уголъ и накрылъ голову синимъ шерстянымъ колпакомъ; зеленый саржевый фартукъ скрылъ ширину панталонъ и чулокъ. Если эта одежда не сдѣлала его очень красивымъ, то по-крайней-мѣрѣ отняла все смѣшное.

Бѣдный, робкій, не обладая ни чѣмъ, что могло бы подать объ

ннмъ хорошее мнѣніе, Джорджъ Краббъ соединялъ въ себя всѣ нужныя условія, чтобы поощрить расположеніе мистра Эльми употребить во зло труды его. Не только Эльми наложилъ на него всю трудную и утомительную работу фармацевтическихъ приготовленій, но еще заставлялъ его обрабатывать садъ, гдѣ медицинскія растенія росли дружно съ хозяйственными овощами. Чтѣ же касается до смѣшенія различныхъ лекарственныхъ снадобьевъ, которыя могли бы причить ученика къ настоящему изученію его новаго званія, мистру Няку не приходило даже на мысль вытаться растолковывать это такому дураку. И такъ Джорджъ Краббъ принужденъ былъ уносить химическія книги изъ бібліотеки мистра Эльми въ садъ, и читать, дѣлая видъ, что копаешь землю, или красть огарки у мисъ Сары, занимавшейся хозяйствомъ и проводить ночь въ изученіи, завѣсивъ окно одеяломъ, чтобы nepозволительный свѣтъ не измѣнилъ ему снаружи. Однажды Сара застала его за покражей. Краббъ упросилъ ее не доносить о томъ старой мистрисъ Эльми и признался въ ночныхъ занятіяхъ. Сара позволила себѣ растрогаться и съ-тѣхъ-поръ ученикъ уже не кралъ свѣчей, а получалъ ихъ отъ Сары. Это сообщничество скоро повело за собою и другое. Джорджъ Краббъ, истощивъ фармацевтическую бібліотеку хозяина, обратилъ жадный взоръ на Шекспира, который мистръ Эльми держалъ въ заперти въ сообществѣ тридцати или сорока другихъ томовъ, въ старомъ дубовомъ шкапу. Джорджъ осмѣлился доверить своей благодѣтельницѣ желаніе прочесть эти томы и каждый постепенно и тайно былъ ему врученъ мисъ Сарой. Въ награду за великодушное покровительство, она нашла однажды вечеромъ стихи въ новой Библіи, которую Краббъ привезъ изъ Бюри, куда ходилъ получать небольшой окладъ, выплачиваемый ему каждый мѣсяць его семействомъ. Покупка книги стоила двухъ-мѣсячнаго оклада. Стихи, въ которыхъ Краббъ выражалъ Сарѣ свою признательность, были такъ хороши, что Сара, изумленная и очарованная, готова была думать, не волшебница ли своей могущественной палочкой извлекла изъ этой бесплодной скалы разумъ и поэзію. Она не ошибалась: волшебница была она. Съ-тѣхъ-поръ, мало-по-малу, въ аптекарскомъ ученикѣ произошли замѣчательныя перемѣны. Голая голова нечувствительно украсилась прекрасными светлорусыми волосами, вырывавшимися длинными кольцами изъ-подъ шапочки, кокетливо наклоненной на ухо; онъ умѣлъ приладить свои

скромный нарядъ такъ, что почти придавъ ему княжество, а кротость характера приобрѣла ему дружбу Сема и Данила, которые не предпринимали ничего безъ совѣта Крабба. Мистрисъ Эльми не могла безъ него обойтись, потому—что никто лучше его не помогая ей по хозяйству и самъ мистръ Никъ не только сталъ давать книги Краббу, но даже повѣрилъ ему ключъ отъ шкапа. Полтора года совершенно измѣнили положеніе ученика. Въ немъ нуждались и всѣ его любилъ. Посудите же, какое огорченіе разовростврилось по всему дому, когда въ одно утро онъ объявилъ, со слезами на глазахъ; что оставляетъ викембрукскую аптеку и ѣдетъ въ Лондонъ. Мистрисъ Эльми съ отчаяніемъ подняла руки къ небу; Семъ съ братомъ принялись плакать, аптекарь не хотѣлъ вѣрить ушамъ, а Сара поблѣднѣла какъ мертвецъ. А между-тѣмъ сама Сара требовала этого отъѣзда. За недѣлю передъ тѣмъ, возвратившись изъ церкви, гдѣ молилась по Библии, подаренной ей Краббомъ, она пошла къ молодому человѣку, занимавшемуся въ аптекѣ.

— Мистръ Джорджъ, сказала она, я хочу говорить съ вами о серьезныхъ и важныхъ вещахъ.

Джорджъ такъ смутился, что уронилъ вѣсы и не нашелъ ни слова въ отвѣтъ.

— Послушайте, продолжала она. Вотъ уже три года живете вы въ аптекѣ маленькаго города, три года ничего не предпринимаете для вашей будущности.

— Для моей будущности! О какой будущности можетъ мечтать сынъ бѣднаго сборщика податей? Я счастливъ въ этомъ домѣ, окруженъ людьми, которые меня любятъ и....

Онъ хотѣлъ прибавить возлѣ васъ, но одни глаза выразили его мысль. Сара покраснѣла, потупила глаза и молчала нѣсколько секундъ. Но скоро подняла взоръ и мужественно устремила его на молодого человѣка, который покраснѣлъ въ свою очередь и отвернулся.

— Мистръ Краббъ, сказала она съ усиліемъ, въ такихъ торжественныхъ обстоятельствахъ ни ложь, ни притворство неумѣстны. Я знаю, что вы меня любите.

Въ замѣшательствѣ сложилъ онъ руки, какъ будто желая выразить глубину и чистоту своей любви.

— Я также люблю васъ.

Она дрожала всѣми членами, говоря это, однако повторила:

— Я также люблю васъ и именемъ этой любви прошу васъ выйти изъ ничтожества и апатіи, приобрести положеніе, достойное васъ и меня. Мистръ Джорджъ, Богъ мнѣ свидѣтель, что я всегда желала жизни смиренной и неизвѣстной, но для васъ чувствую себя честолюбивою. Мы бѣдны, вы сдѣлайтесь богаты; мы неизвѣстны, будьте знамениты за насъ обонхъ, пусть я горжусь вами! Эти мысли, странныя для простой и бѣдной дѣвушки, пришли ко мнѣ съ-тѣхъ-поръ, какъ я васъ полюбила. Таинственный голосъ повторяетъ мнѣ, что вы призваны для участи знаменитой.

— Что мнѣ до этой участи, если для достиженія ея я долженъ разстаться съ вами! вскричалъ онъ горестно.

— Прочь слабость! прочь ничтожныя идеи! вскричала юная энтузіастка. Прочь все это, или я перестану васъ любить! Ступайте по пути, который я вамъ указываю. Я буду ждать, буду за васъ молиться. Клянусь памятью моей матери, ничто не утомитъ моего терпѣнія, ничто не лишитъ меня бодрости. Если мы должны соединиться въ дряхлой старости, даже въ небѣ, никогда не будетъ у меня другой мысли, кромѣ васъ! Съ этихъ поръ вы мнѣ женихъ; примите залогъ моей клятвы, о, мой женихъ!

Она сняла съ пальца серебряное кольцо, надѣла его на палецъ Джорджа и исчезла. Молодой человекъ остался въ изумленіи и очарованіи. Голосъ Сары возбудилъ въ немъ тысячу мыслей, дремавшихъ неопредѣленно и бессильно на днѣ его сердца. Глаза его словно открылись невѣдомому свѣту и онъ только начиналъ жить настоящей жизнью. До-тѣхъ-поръ онъ не смѣлъ признаться себѣ ни въ своихъ мечтахъ на славу, ни даже въ любви къ Сарѣ. Никогда не надѣялся онъ взаимности.... а вотъ она его любить!... признается въ томъ, общается счастьемъ, богатствомъ, славою! клянется принадлежать ему! называетъ своимъ женихомъ! О! Боже мой! Боже мой! какъ перенести такую радость? какъ заслужить такое блаженство? Она научила, какъ сдѣлаться того достойнымъ.... и онъ клянется, что будетъ достоинъ.

Скоро это восторженное состояніе смѣнилось глубокой грустью и отчаяніемъ. Послѣ радости быть любимымъ Сарой, наступила горестъ разлуки.... Разстаться съ ней на неопредѣленное время, можетъ-быть навсегда, — у него не достало твердости. Онъ хотѣлъ броситься къ ногамъ Сары и умолять ее быть тотчасъ его женой, не гоняясь за

невозможною удачей богатства и славы. Но бѣдность предстала передъ нимъ, холодная и неумолимая! И притомъ онъ понялъ, что подобная слабость покроетъ его стыдомъ въ глазахъ дѣвушки. На другое же утро онъ началъ приготовляться къ отъезду. Въ послѣдовавшую за тѣмъ недѣлю, Сара ни сколько не перемѣнила обращенія своего съ молодымъ человѣкомъ, избѣгала особеннаго разговора и даже самыхъ отдаленныхъ намековъ на то, что произошло между ними. Однако находила тысячу средствъ придать ему бодрость. Это ободреніе Джорджъ читалъ въ голосъ, во взглядахъ, въ малѣйшихъ движеніяхъ Сары. Однако, когда онъ объявилъ о своемъ отъездѣ, мужественная дѣвушка не могла скрыть ни смущенія, ни бѣдности въ виду потребованнаго пожертвованія: силы чуть ей не измѣнили. Подъ изголовьемъ, наканунѣ отъезда, Джорджъ нашелъ запечатанный конвертъ, написанный рукою Сары: *Распечатать въ Лондонѣ.*

Пока въ домѣ аптекаря всѣ умирали отъ скуки безъ Крабба, Сара чувствовала, какъ ея нѣжность къ молодому человѣку принимала болѣе живой и болѣе глубокой характеръ. Дни ея протекали въ долгихъ мечтаніяхъ, въ которыхъ она вызывала одно по одному воспоминаванія о малѣйшихъ подробностяхъ Джоржевой жизни. Кто лучше заслуживалъ, говорила она, глубокую привязанность дѣвушки, если не несчастный молодой человѣкъ, котораго страдающее дѣтство никогда не утѣшала материнская улыбка. Родясь отъ семейства рыбаковъ, въ дрянной хижинѣ, на берегахъ моря, онъ зналъ опасность, трудъ, утомленіе, въ тѣ лѣта, когда другіе дѣти не имѣли никакого понятія о жизненныхъ страданіяхъ. Отецъ его, раненый въ морской экспедиціи, былъ принужденъ оставить свои сѣти и сдѣлаться школьнымъ учителемъ, уча тому, чего самъ не зналъ и проводилъ большую часть времени въ харчевнѣ. Пока онъ пьянствовалъ, дочь старшая зарабатывала хлѣбъ для шестерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ сдѣлалась матерью. Скоро нищета и голодъ уменьшили на половину бѣдную семью. Трое самыхъ младшихъ умерли, а старшая сестра, покровительница двухъ оставшихся мальчиковъ, тоже вскорѣ уснула на вѣки, моля небо не оставлять бѣдныхъ сиротъ. Тогда отцу надо было заняться ими. Онъ опять принялся за рыбацье ремесло вмѣстѣ съ сыповьями. Но лѣность и развратъ ослабили и руки его и бодрость. Джорджъ, когда отецъ не уводилъ его на ловлю, проводилъ дни у старой сосѣдки, которая его любила,

учила читать, рассказывала волшебныя сказки и легенды, которыя онъ страстно любилъ. Но старуха умерла, завѣщавъ своему любимцу бѣдную мебель своего домишка, чтобы, продавъ ее, онъ могъ учиться въ сосѣднемъ городкѣ, Стоумрекетъ. Пока ребенокъ съ жаромъ предавался труду, отецъ проматывалъ въ харчевнѣ наследство сына, и Джорджа выслали изъ пансіона, потому-что за него перестали платить. Надо было воротиться въ Альдебургъ, отказаться отъ ученія, развивающаго разумъ и приняться за ручныя работы, которыя не состояли уже въ утомительной ловлѣ: отецъ Крабба посылалъ его въ магазины Слангденской набережной, гдѣ молодой чело-вѣкъ дѣлалъ масло и сыръ. Онъ занемогъ, его не хотѣли держать, потому-что въ рукахъ не доставало надлежащей силы и тогда-то одинъ мызникъ сжалился надъ нимъ и рекомендовалъ какъ учителя мистру Эльми.

Нѣжность Сары такъ сильно дѣйствовала на ея воображеніе, что прїездъ Крабба къ аптекарю возбуждалъ въ ней трогательное воспоминаніе. Она не помнила ни широкаго платья, висѣвшаго на тощельтѣ Джорджа, ни парика, ни пльшивой головы, такъ ее насмѣившихъ, а видѣла блѣднаго, страдающаго, покнутаго юношу, мужественно переносившаго нищету! Потомъ она составляла тысячу золотыхъ грѣзъ для будущаго. Ни малѣйшее сомнѣніе не поднималось въ душѣ о успѣхахъ жениха ея въ Лондонѣ. Она видѣла его поэтому, прославляемымъ, упоеннымъ славой и хвалами... Ахъ! письмо Крабба, давно ожидаемое и адресованное къ мистру Эльми — помолвленные не приняли мѣръ, чтобы писать другъ къ другу прямо и втайнѣ, — увѣдомляло, что поэтъ, не найдя издателя для сочиненной имъ поэмы, открылъ аптеку въ деревнѣ. Это не было средствомъ достигнуть богатства и славы. Краббъ скоро это понялъ и нѣсколько строкъ изъ журнала, который онъ писалъ каждый вечеръ, дадутъ идею о состояніи ума его и претерпѣваемыхъ имъ страданій.

«Цѣлый годъ горестей, заботъ, нищеты, страданій, жестокихъ неудачъ! О! Господи! вспомни мольбы мои и слѣзы! прости прегрѣшенія и заблужденія мои! О! Ты! источникъ истиннаго счастья, научи покоряться Твоимъ опредѣленіямъ, внуши умерять надежды, приводящія меня въ заблужденія, переносить горе безъ слабости! Пусть протекшій годъ, о! мой Боже! не будетъ для меня мученіемъ, пусть насту-

паціці не принесеть мнѣ новаго горя! Впрочемъ, да будетъ Твоя воля!»

Во время этихъ горестныхъ дней, онъ часто блуждалъ по полямъ то съ Овидіемъ, то съ Тибуллою, то съ Катуллою, то съ Горациемъ. Цѣлью его прогулки былъ Горнсейскій лѣсъ. Тамъ онъ отыскивалъ растенія и насѣкомыхъ. Вотъ выписка изъ его журнала:

«25 апрѣля. Сегодняшній «Advertiser» спрашиваетъ секретаря. Обратиться къ мистру Бруку, Conpentry Street, Hay Market. Пойду завтра.

«27 апрѣля. Безуспѣшно. Брукъ отвѣчалъ черезъ служанку, что мѣсто занято уже вчера. Мнѣ не въ чемъ упрекать себя.

«1 мая. Въ кошелекъ пять шиллинговъ, шесть пенсовъ; Богъ знаетъ, что у меня будетъ въ концѣ мѣсяца.

«16 мая. Глупое искушеніе очень убавило мой кошелекъ. Я торговалъ сочиненіе Драйдена, три тома въ 8°. Просили пять шиллинговъ, я далъ три и попался; уступили, и вотъ у меня трома шиллингами менше. Непріятно имѣть одно только платье. Я разорвалъ локоть, проходя мимо лавки. Воротившись на свой чердакъ, я прибѣгнулъ къ хозяину, который далъ мнѣ иголку, нитку и четыре листа сврой бумаги, я сдѣлалъ себѣ довольно сносный локоть.

«18 мая. Я пошелъ гулять по берегу ручейка; на серединѣ этого ручейка, покрытаго ужами и болотными растеніями, гидрофилъ началъ наматывать на листочекъ тростинку гвзздо для складки лицъ. При видѣ тысячи блестящихъ лучей, развѣтвившихъ призматическими красками крылья жука, въ сердце мое проникла надежда. «Господь, сказалъ я самъ себѣ, хранить это насѣкомое и не покинетъ свроту, идущаго по Его путямъ.» Я сталъ необыкновенно веселъ и могъ молиться!

«20 іюня. О милая Сара! я получилъ отъ васъ письмо... первое, которое вы написали къ тому, кого еще называете своимъ женихомъ... Въ какое отчаяніе приводите вы меня!... хотите знать весь ужасъ моего положенія!... нельзя же однако всего сказать вамъ, нельзя открыть всего горя... Сказать ли, что у меня ничего нѣтъ болве!... что я продалъ все пожитки, заложилъ часы и книги.... что я долженъ хозяину, не знаю чѣмъ прожить будущую недѣлю? О! нѣтъ, добрая Сара, не требуйте отъ меня призваній.... я не въ состояніи сдѣлать ихъ вамъ.... Болве всего меня приводятъ въ отча-

яніе то, что у меня нѣтъ приличнаго платья.... Терпѣніе! въ недѣлю можетъ случиться много переменъ. Несчастія мои все увеличиваются.... Неужели Ты покинешь меня въ бѣдствіи? О! нѣтъ, Ты Искупитель мой!...»

Онъ обращался къ многимъ значительнымъ особамъ, вкладывая въ каждое письмо свое стихотвореніе, въ надеждѣ выказать себя и получить денежное пособіе. Бѣдный поэтъ!... Молчаніе или презрительный отказъ были слѣдствіями его посланій.... Счастливое доживеніе внушило наконецъ ему постучаться въ дверь къ знаменитому Бруку и трогательныя жалобы его на этотъ разъ не были отвергнуты благороднымъ сердцемъ; письмо его оканчивалось слѣдующими словами:

«Десять дней тому я былъ принужденъ подписать вексель въ половину той суммы, которую долженъ, чтобы не попасть въ тюрьму. Я тотчасъ написалъ къ друзьямъ съ просьбой о помощи; всѣ такъ же бѣдны, какъ я. Съ великимъ трудомъ выпросилъ я недѣлю отсрочки у моего заимодавца, а послѣ пощады не будетъ, меня ждуть тюрьма. Простите, милостивый государь, что я утомляю васъ этими подробностями, обращаюсь къ вамъ, какъ къ соотрадателю и, позвольте прибавить, великому человеку; кромѣ несчастія я не имю другихъ правъ на ваше благодареніе. Угодно ли доказательствъ въ моей справедливости? я дамъ ихъ. Я часто обманывался самъ, но никогда не обманывалъ никого; да тронется ваше сердце моею просьбой! Я знаю, что особамъ, занимающимъ въ свѣтѣ высокія мѣста, надоедаютъ докучными просьбами и они чаще всего принуждены отвѣчать отказомъ и потому я мало имѣю надежды быть принятымъ лучше многихъ другихъ. Но если вы откажете мнѣ въ помощи, то по-крайней-мѣрѣ не откажите въ уваженіи и скажите, что просьба моя не оскорбила васъ.»

Бурке далъ ему пять фунтовъ, это пособіе скоро истощилось. Долгъ снова явился и Краббъ рѣшился обратиться къ министру Дудли Норту, которому отецъ его оказалъ услугу во время избирательствъ. Это былъ человекъ умный и благородный, способный судить о нравственныхъ достоинствахъ Крабба. Онъ ободрилъ его, далъ совѣтъ идти въ Лондонъ и сунулъ ему десять фунтовъ стерлинговъ. Молодой человекъ вообразилъ себя разбогатѣвшимъ навсегда и на другой же день ушелъ на купеческомъ суднѣ. Когда онъ высадился у Уарвской бани, сумма уменьшилась уже на половину. Тамъ молодого человека ожида-

утѣшеніе. возвратившее ему всю энергію, — второе письмо миссъ Сары Эльми.

«Дорогой женихъ, писала она, знаю въ ваши страданія и горести. Ванна Сара разделяетъ ихъ, но не теряетъ надежды. Покорная воля Провидѣнія, она ожидаетъ съ живѣйшею върою окончанія предназначенныхъ вамъ испытаній.»

Она оканчивала, прося его сходить къ торговцу сукнами въ Корнгалль. Жена этого купца была другомъ матери Сары и какъ нельзя лучше приняла Джорджа. Мужъ ея подалъ ему хорошіе совѣты, помогъ деньгами, хотѣлъ даже дать у себя квартиру. Джорджъ благодарилъ, общалъ обѣдать у нихъ каждое воскресенье, поселился на чердакъ, у парикмахера, принялся съ жаромъ писать и наконецъ нашелъ книгопродавца, согласившагося издать его поэму. Этотъ книгопродавецъ, называвшійся Пейнъ, изумился успѣху книжечки, заказалъ автору написать другое сочиненіе и на этотъ разъ общалъ заплатами. На бѣду Пейнъ обанкрутился прежде чѣмъ кончилъ печатаніе «Деревни» и этотъ случай къ спасенію опять неудался Краббу. Бурке снова пришелъ на помощь поэту, помѣстивъ его въ собственномъ домѣ въ Биконсфилдѣ, ссудилъ нужнымъ капиталомъ для начатія изданія подъ названіемъ «Деревенская бібліотека». Когда успѣхъ оправдалъ мысль этого сочиненія, знаменитые писатели сдѣлались сотрудниками и полюбили молодого собрата, основавшаго это изданіе. Рейнольдъ, Самуилъ Джонсонъ и Фоксъ были въ числѣ ихъ. Они угговорили Крабба вступить въ духовное званіе, онъ послѣдовалъ этому совѣту, согласовавшемуся съ его религіозными идеями. Его литературная извѣстность, вмѣстѣ съ вліяніемъ друзей, доставили ему мѣсто капеллана въ замкѣ теймутскомъ, принадлежавшемъ герцогу Ротланду. Это было положеніе приличное, но не позволявшее еще возможности союза съ миссъ Сарой. Однажды канцлеръ лордъ Турло, оказывавшій ему много дружбы, осоздался о причинѣ грусти молодого пастора. Тотъ признался ему въ любви, говорилъ какъ-бы онъ былъ счастливъ, если бы положеніе его улучшилось и позволило жениться на своей невѣстѣ. Лордъ Турло выслушалъ эти признанія съ наружною холодною. Черезъ нѣсколько дней онъ предложилъ Краббу сопутствовать ему въ поездкѣ по обязанностямъ его службы въ Стетернъ, въ дортскомъ графствѣ. Краббъ охотно согласился и оба уехали.

Черезъ десять лѣтъ послѣ отъезда Крабба съ лордомъ Турло Вальтеръ-Скоттъ, еще молодой и уже знаменитый по своей поэзі «Magnum», вѣхалъ на почтовыхъ по дорогѣ въ небольшой городъ въ дортокомъ графствѣ; экипажъ остановился передъ прелестнымъ домикомъ, котораго бѣлый фасадъ возвышался среди группъ деревьевъ, съ большимъ садомъ вокругъ. По мѣрѣ приближенія къ дому, молодой поэтъ любовался тысячами замысловатыхъ расположеній, еще увеличивавшихъ природныя пріятности этихъ живописныхъ мѣстъ. Въ искусственномъ пруду прыгали рыбы; небольшая лужа позволяла болотнымъ насвкомымъ свободно слѣдовать своимъ нравамъ, которыя такимъ-образомъ было легко изучать; для птицъ были огромныя клеткы, а для скота славныя стойла, возлѣ богатаго скотнаго двора. Четверо дѣтей, изъ которыхъ старшему было лѣтъ девять, играли на муравъ съ козой и большой собакой, между тѣмъ какъ мать низко смотрѣла на нихъ въ окно а отецъ осматривалъ чудесную оранжерею, наполненную чужеземными растеніями. Увидѣвъ Вальтеръ-Скотта, онъ поспѣшно вышелъ изъ этого благоуханнаго убѣжища и побѣжалъ въ объятія друга,

— Милый Вальтеръ!

— Милый Джорджъ!

Оба пошли на встрѣчу матери дѣтей, сходившей съ крыльца поклониться гостю.

— Другъ мой, представляю мою жену, мою милую Сару! Сара, вотъ другъ нашъ, Вальтеръ-Скоттъ.... Онъ оставилъ свой дорогой Эдмбургъ, чтобы подарить намъ цѣлую недѣлю.

Хотя уже не въ первой молодости — ей было тогда около тридцати лѣтъ — мистрисъ Краббъ однако была еще большая красавица. Она приняла Вальтеръ-Скотта съ улыбкой, неизянно пріятной. Дѣти тоже прибѣжали и по инстинкту, но никогда ихъ необманывающему, тотчасъ поняли, что къ нимъ пріѣхалъ другъ. Мальчики весело завладѣли книгой, которую гость держалъ въ рукъ и побѣжали положить ее въ комнату, назначенную для пріѣзжаго. Дѣвочки, болѣе скромныя, только подвигали на него свои большіе голубые глаза и низко присѣли. Вальтеръ-Скоттъ сначала сѣлъ въ гостиной, любящею ее исполненнымъ вкуса расположеніемъ. Стекланная дверь, открывавшаяся въ оранжерею, позволяла любоваться ея великолѣпными сокровищами: изъ окна видѣлся прелестный пейзажъ: наконецъ мебель,

хотя простая и обитая не дорогою матеріей, соединяла однако съ изяществомъ умное удобство. Библіотека и столовая представляли тѣже выгоды, а спальни отличались удобствомъ и изящной чистотою, которыя должны были умножать и сонъ и спокойствіе.

— Я понимаю, что вы никогда не ѣздите въ Лондонъ, любезный Краббъ, сказалъ Вальтеръ-Скоттъ. Но зачѣмъ, по-крайней-мѣрѣ, не издаете вы ни стиховъ, ни книгъ, вы, самый знаменитый изъ нашихъ поэтовъ и самый народный изъ писателей.

— Я не имѣю времени писать, отвѣчалъ Краббъ съ простотою. Въ виду поэзіи природы, поэзія писанная страннымъ образомъ бѣднѣетъ. Попеченіе о моихъ прихожанахъ, семейныя радости, изученіе естественной исторіи, не оставляютъ мнѣ времени. Когда у меня выдается свободная минута, я сажусь у ногъ моей милой Сары, беру на колѣна одного изъ дѣтей, другія меня окружаютъ и такимъ образомъ я остаюсь погруженъ въ радости сердца, передъ какимъ-нибудь чудомъ природы, или передъ великоцвѣтнымъ кактусомъ, медленно развивающимъ свою золотую, алмазную и пурпуровую чашечку, или слѣдую взоромъ за борьбой и любовью насѣкомыхъ, живущихъ въ моихъ огромныхъ стеклянкахъ. Вотъ свѣтляки, сохраняемые два года въ стеклянныхъ сосудахъ, гдѣ я развелъ для нихъ искусственный лужокъ. Другъ привезъ мнѣ ихъ изъ Италіи и ничто еще не затемнило свѣтлой звездочки, которую они всюду носятъ съ собою. Потому у меня мои книги, оранжерея, проповѣди! Едва остается время писать къ друзьямъ, которыхъ я нѣжно люблю, какъ васъ, милый Вальтеръ!

— И этимъ чистымъ, безоблачнымъ счастьемъ наслаждаетесь вы десять лѣтъ!

— Да, другъ мой, Господь осыпаетъ меня этимъ блаженствомъ съ-тѣхъ-поръ, какъ благодѣтель мой, канцлеръ Турло, привезъ меня въ эти мѣста, такъ прекрасно устроенныя какъ видите. Мы были еще въ каретѣ, когда я увидалъ любимую женщину, которую не видѣлъ уже нѣсколько лѣтъ, мою Сару, бѣгущую мнѣ на встрѣчу.

— Джорджъ, сказалъ мнѣ лордъ, вотъ ваша жена.

И не давъ мнѣ времени опомниться, повелъ въ церковь, гдѣ насъ ждалъ священникъ, который благословилъ союзъ нашъ и ввелъ въ должность здѣшняго пастора. Съ-тѣхъ-поръ Господь осыпалъ меня благословеніями, сдѣлалъ отцомъ, ввелъ блаженство въ сердце му-

жа, женатаго по сердцу, отца, видящаго вокругъ себя четверыхъ возлюбленныхъ дѣтей. У насъ бывали, время отъ времени, дни горести и испытаній, но мы приняли ихъ безропотно, къ тому же они были оченьъ рѣдки.

Въ теченіе недѣли, проведенной у своего друга, Вальтеръ-Скоттъ не могъ довольно надивиться глубокимъ познаніямъ Крабба и удивительнымъ его изученіямъ. Оставивъ Лондонъ, онъ не зналъ ни слова ни по-французски, ни по-итальянски, а теперь изъяснялся на обоихъ языкахъ съ необыкновенною легкостью. Онъ переписывался о геологій съ Кювиэ; самые знаменитые энтомологи совѣтовались съ нимъ объ исторіи насѣкомыхъ, которыхъ нравы никто лучше его не изучалъ; наконецъ, не менѣе счастливый ботаникъ, онъ открылъ нѣсколько породъ англійской флоры.

Черезъ недѣлю Вальтеръ-Скоттъ оставилъ Крабба и его милую жену съ живѣйшимъ чувствомъ сожалѣнія.

— Я васъ оченьъ любилъ, сказалъ онъ увѣжая, но теперь люблю больше, люблю васъ съ женою и дѣтьми.

Счастіе Крабба продолжалось еще восемь лѣтъ, послѣ которыхъ испуганія, поражающія его въ началѣ поприща, возобновились. Здоровье мистрисъ Краббъ ослабѣло, мужъ сталъ серьезно беспокоиться, выходилъ мало, видѣлся только съ короткими друзьями; между ними находились два брата, Дудлей и Ричардъ Торперъ; въ последнемъ онъ нашелъ не только любезнаго человека, но и справедливаго критика. Мистрисъ Краббъ умерла въ концѣ 1813; какъ ни мучительно было для поэта болѣзненное существованіе жены, эта потеря причинила ему самую жестокою горестъ; онъ былъ пораженъ ею какъ непредвидѣннымъ ударомъ, занемогъ и безпрестанно просилъ, чтобы могилу его милой Сары не зарывали, потому-что его туда положутъ скоро. Окруженный усердными попеченіями своего семейства, онъ мало-по-малу возвратилъ себя силы и бодрость, но уже не предавался обычнымъ занятіямъ. Садъ, который онъ такъ любилъ, не имѣлъ уже для него прелести, онъ чувствовалъ необъяснимую перемѣну во всемъ своемъ существѣ. Въ это время открылось мѣсто въ тробриджскомъ приходѣ; сынъ герцога Ротланда, наследовавшій отъ отца сильную привязанность къ поэту, и зная, какъ Краббъ страдалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ счастливъ, тотчасъ предложилъ ему это мѣсто. Краббъ поспѣшилъ принять. Здоровье его, дав-

но уже ослабѣвшее, приходило въ упадокъ день-отъ-дня. Припадки нервной боли въ лицѣ, которою онъ страдалъ послѣ смерти жены, сдѣлались чаще отъ 1822 до 1831 года. Въ январѣ послѣдняго года онъ написалъ къ сыну слѣдующее письмо:

«Впадаю въ изнеможеніе и бездѣйствіе; это состояніе приводитъ меня въ отчаяніе, съ трудомъ покоряюсь ему. Конечно я знаю, что это недугъ возраста; старость дѣлаетъ во мнѣ непостижимые успѣхи, я не могу остановить ихъ, она особенно нападаетъ на мою память, жестокосердая!... Однако благодарю Бога, что не страдаю болѣе.... Боль въ горлѣ мѣшаетъ мнѣ читать громко молитвы передъ завтракомъ, но потомъ не слишкомъ меня беспокоитъ. Не думай однако, что ослабленіе моихъ способностей перешло въ рѣзительную болѣзнь.... я не боленъ!... Какъ король Лиръ, я — бѣдный безумецъ, съ тою разницею, что меня не мучать дочери. Вы все такъ добры ко мнѣ!...»

Напрасно Краббъ успокаивалъ себя; сильный кашель окончательно потрясъ его организацію, растроенную лѣтми и недугами; черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого письма онъ провелъ нѣсколько дней въ сильныхъ страданіяхъ и испустилъ послѣдній вздохъ въ объятіяхъ дѣтей.

При извѣстїи объ его смерти лавки въ городѣ закрылись, многочисленное народонаселеніе Труэбриджа открыто изъявляло свою горесть. Главныя жители присутствовали на похоронахъ; печаль, изображавшаяся на всѣхъ лицахъ, сожалѣнія, громко выражаемыя огорченной толпой, торжественность церемонїи, все соединилось воздать блистательныя почести двойному характеру чловѣка — драго и гениальнаго.

Вотъ для окончанія этого очерка о жизни одного изъ величайшихъ англійскихъ поэтовъ, портретъ, начертанный лордомъ Байрономъ, который посвятилъ его вмѣстѣ съ Томасомъ Муромъ:

«Въ первый разъ я увидѣлъ Крабба въ Holland House, гдѣ онъ, Томасъ Муръ и я провели часть утра въ паркѣ и въ библиотекѣ. Мы разговаривали о разныхъ предметахъ, онъ явился ревностнымъ приверженцемъ Фильдинга, я взялъ сторону Смолетта. Онъ поддерживалъ свое мнѣніе съ прелестной кротостью, которая нѣсколько не уменьшила силы его доказательствъ. Для разговорныхъ пустяковъ и

надеждъ въ немъ менѣе способности, нежели разнообразныя дарованія его заставляли меня предполагать. Онъ сказалъ мнѣ :

« — Я лишился счастья съ смертью жены.

« — Человѣкъ, котораго нравъ такъ кротокъ и чистъ, котораго разговоръ такъ изященъ и оковываетъ общее вниманіе, не можетъ быть совершенно несчастнымъ.

« Муръ оставилъ насъ. Принималъ Фосколе ; какая противоположность между нимъ и Краббомъ ! это два великіе человѣка, но мнѣ казалось, что съ одной стороны у меня шумящій водопадъ, а съ другой — спокойный источникъ ».

КОКОСОВОЕ ДЕРЕВО. Мы вѣли на Маркизскіе острова и корабль нашъ, подъ жгучимъ тропическимъ небомъ, искалъ тѣхъ несчастныхъ береговъ, окруженныхъ рифами, гдѣ Индійскій океанъ видитъ каждый день, какъ самый малый изъ микроскопическихъ животныхъ, непримѣтный коралловый полипъ, завладеваетъ его берегами, возвышая противъ ярости бурь постепенно увеличивающіяся и непоколебимыя преграды. Мы скоро открыли одинъ изъ многочисленныхъ островковъ, которые эти микроскопическія животныя извлекаютъ изъ нѣдръ водъ, и которые они увеличиваютъ съ каждымъ днемъ, до-тѣхъ-поръ, пока они составятъ, можетъ-быть, цѣлый континентъ. Уже этотъ островокъ, вѣроятно бывшій прежде подводнымъ камнемъ, скрытымъ подъ волнами, украсился свѣжей зеленью, обѣщая естествоиспытателямъ нашей экспедиціи богатую жатву новыхъ растеній. Спустили якорь въ море и мы причалили. Но увы ! надежды нашихъ ученыхъ были обмануты, потому-что вся тамошняя флора ограничивалась нѣсколькими злаковыми растеніями, папоротникомъ, а рощи состояли изъ одной породы дерева. Фауна этой дѣвственной земли была также бѣдна, потому-что изъ млекопитающихъ животныхъ примѣтили мы только тюленей, съ трудомъ ползающихъ по скаламъ и нетопырей или большихъ летучихъ мышей, величиною съ кролика, прищипившихся задними лапами къ длиннымъ листьямъ деревьевъ ; птицы всѣ были болотныя : чайки, рыболовы, нырки и утки. Я спросилъ у нашего ботаника, то-есть, у хирурга, что это за прекрасныя, тонкія и кривыя деревья ?

— Кокосы, отвѣчалъ онъ.

— Перестаньте, докторъ, вы хотите меня истощить. Какъ !

гадки, желтоватые вѣтви, торчащія на некривленныхъ черешкахъ, будто тѣ самые кокосы, такъ въизящно представляемыя въ описаніяхъ путешественниковъ и на театральныхъ декорацияхъ?

— Тѣ самыя.

— Какъ! это то самое дерево, которое, по словамъ ботаниковъ, соединяетъ изящество съ величіемъ, котораго стволъ возвышается прямо какъ столбъ, котораго зеленѣющая верхина граціозно качается въ воздухъ на восемьдесятъ или сто футовъ вышины?

— Рѣшительно то самое, если вамъ угодно будетъ взять въ соображеніе, что вышина преувеличена на половину, что столбъ кривъ и согнутъ, что зеленѣющая верхина немножко сбивается на цвѣтъ сухаго сѣна. И такъ вы видите, что стволъ кокосоваго дерева вовсе не прямъ, какъ говорятъ ботаники, а часто кривъ и всегда согнутъ: по-крайней-мѣрѣ я находилъ его всегда такимъ, объѣхавъ всю землю между тропиками, то-есть, видѣлъ въ страны, гдѣ кокосовыя деревья могутъ расти. Стволъ достигаетъ обыкновенно сорока футовъ вышины, рѣдко пятидесяти и никогда болѣе, оканчивается чѣмъ-то въ родѣ зонтика изъ двѣнадцати и до двадцати крылатыхъ листьевъ съ мечевидными, горизонтальными лепестками и каждый листъ достигаетъ обыкновенно отъ восьми до двѣнадцати футовъ длины. Во внутренней части нижнихъ листьевъ видны большіе чашлы или овальные мышечки, которые пропускаютъ вѣтви или грозды цвѣтковъ, смѣняющіеся плодами, величиною съ человѣческую голову.

Хирургъ кончилъ тѣмъ свое описаніе; а какъ наши ботаники, обманувшись въ ожиданіяхъ, были очень не въ духъ, а я почувствовалъ къ кокосовымъ деревьямъ рѣшительное отвращеніе, и тѣмъ еще болѣе, что сдѣлалъ четыре тысячи миль, чтобы видѣть ихъ; — то мы и приготовились съѣсть въ шлюпку и воротиться на корабль. Вдругъ нашъ геологъ началъ пыхтѣть какъ бегемотъ, схватилъ за руку доктора въ лихорадочномъ волненіи, показывая пальцемъ на дымъ, поднимавшійся надъ группою пальмъ. Надо вамъ знать, что нашъ геологъ былъ ревностнымъ приверженцемъ бѣлокалености земнаго шара, нутроземнаго огня, поднятій, изломовъ и прочая и прочая.

— Я вамъ говорилъ, докторъ, вскричалъ онъ, какъ только воденіе позволяло ему говорить, острова южнаго моря, какъ всѣ континенты, всѣ горы на земномъ шарѣ, очевидно одолжены своимъ на-

чаломъ нутрежнему огню, выброшенному изъ изъ ядра водъ, изъ эти острова — вулканы, и вотъ дымъ, густой столбъ дыму, поднимающийся изъ огромнаго жерла !

И геологъ пустился опрومتью въ ту сторону, откуда видѣлся дымъ. Мы послѣдовали за нимъ какъ могли.

— Видите, говорилъ онъ, поворачиваясь время отъ времени къ доктору, видите, ваши труды о подипахъ и коралловыхъ отшельтхъ совершенно пропадаютъ передъ очевидностью моихъ вулкановъ и....

Геологъ остолбевалъ, потому-что мы вошли въ рошу и не нашли тамъ жерла, а просто огонь сухихъ травъ, на которыхъ индѣйскя семья варила раковины, только-что вытасценныя изъ моря. Наше внезапное появленіе нѣсколько испугало бѣдняковъ, но хирургъ очень хорошо говорилъ на языкъ этого архипелага и скоро ихъ успокоилъ. Мы подарили имъ кой-какія бездѣлны, а они пригласили насъ разделить обѣдъ, на что мы охотно согласились.

Сначала намъ предложили, для прохлажденія, свѣжее, сладкое, свѣтлое питье, немножко похожее на сыворотку, но несравненно вкуснѣе.

— Что это такое? спросилъ я у доктора.

— Кокосовое молоко, отвѣчалъ онъ.

— А!

Потомъ намъ подали бѣлое вещество, прозрачное, нѣсколько плотное, какъ сырое ядро рагульника (водяной орехъ), очень вкусное, хотя немножко твердое, похожее на орехъ. Я съелъ нѣсколько большихъ кусковъ съ необыкновеннымъ аппетитомъ, потомъ спросилъ, что это такое.

— Ядро кокосоваго ореха, отвѣчалъ докторъ.

— А! а!

Черезъ минуту Индѣянка принесла черный, гладкій, блестящій сосудъ, украшенный рѣзбою, довольно хорошо сдѣланныю, хотя безъ вкуса; сосудъ этотъ былъ изъ очень жесткаго, прочнаго дерева.

— Это скорлупа кокосоваго ореха, сказалъ докторъ и у туземцевъ нѣтъ другой посуды.

— Ба!

Этотъ сосудъ наполнили превосходною вязкою жидкостью, кото-

рую называютъ *калу*, и отъ которой можно такъ же опьянѣть какъ и отъ шампанскаго.

— Чтобы добыть это вино, сказалъ докторъ, срзываютъ мяшо-чекъ тотчасъ какъ онъ образуется, оттуда вытекаетъ чистый сокъ, которому даютъ сутки бродить — это то вино, что вы пьете.

— Просто, превосходная вещь!

Тогда на траву, служившую намъ скатертью, принесли большую корзину, сплетенную такъ плотно и такъ искусно, что и вода бы не протекла. На этомъ блюдѣ лежалъ огромный кочанъ капусты, вареный въ печкѣ, съ превосходнымъ соусомъ изъ смѣси масла и молока. Я нашелъ это кушанье хорошо приправленнымъ, замѣтивъ однако, что у этой капусты листья длиннѣе и тоньше, чѣмъ у обыкновенной капусты, и запахъ нѣжнѣе.

— Блюдо, на которомъ лежитъ это кушанье; сказалъ докторъ, сдѣлано изъ гибкихъ частей кокосовыхъ листьевъ; капуста ни что иное, какъ конечная почка этого дерева, отрезанная еще зеленою; соусъ состоитъ изъ соку недозрѣлаго кокосоваго ядра.

— Вотъ странное дерево! вскричалъ я.

Последнее кушанье состояло изъ раковыхъ хвостовъ, сваренныхъ въ морской водѣ и приправленныхъ масломъ и уксусомъ.

— Какъ вы находите это масло? спросилъ меня докторъ.

— Очень хорошимъ, отвѣчалъ я, даже лучше оливковаго.

— Это кокосовое масло; а что скажете объ уксусѣ?

— Онъ очень крѣпокъ и очень вкусенъ.

— Это кокосовое молоко, скиснувшееся на солнцѣ.

Какъ находите эту водку? продолжалъ онъ, наливая въ мою чашку какую-то жидкость.

— Превосходная, только немножко крѣпка.

— Это водка, перегнанная изъ кокосоваго вина. Постойте, нашъ хозяинъ подастъ вамъ кусочекъ леденцу, чтобы подсластить ее, а этотъ леденецъ ни что иное, какъ сокъ кокосоваго дерева, сгущенный огнемъ и кристаллизированный или высушенный.

— Какъ! это дерево дало весь нашъ обѣдъ?

— Мало того; изъ волоконъ его ствола сплетены красивыя ци-новки, на которыхъ мы сидимъ. Хорошенькая шляпка нашей хозяйки, которую вы бы могли принять за шляпку изъ итальянской со-ломы, соткана изъ молодыхъ листочковъ этого дерева; шапка на-

шего Индійца просто чахолъ или мѣшокъ, въ которомъ завернуть вѣничекъ цвѣтка. Плащъ мужа и платье жены сотканы изъ густаго пунжа, обвивающаго недозрѣлый орѣхъ; тюфякъ, на которомъ они спятъ, паруса байдары, удочка, которою ловятъ рыбу и множество другихъ вещей сдѣланы изъ того же вещества. Заборъ садика, брусья хижины, все изъ кокосоваго дерева, которое очень крѣико; кровля, непроницаемая для солнца, вѣтра и дождя, состоитъ изъ его листьевъ, искусно переплетенныхъ. Изъ волоконъ вѣничка Индѣецъ дѣлаетъ канаты и снасти легче гибче и прочнѣе пеньковыхъ. Даже зонтикъ, поставленный обязательными хозяевами надъ вашей головой, для предохраненія отъ знойнаго солнца, составленъ весь изъ различныхъ частей этого драгоценнаго дерева. И потому-то Индѣйцы обрабатываютъ его съ большимъ стараніемъ. Такъ-какъ оно не имѣетъ ни вѣтвей, ни отпрысковъ, то его можно разводить только свѣянками, для чего выбираютъ самыя большіе, самыя спѣлыя плоды, и сажаютъ на берегу моря или другой какой солоноватой воды; оно принимается на всѣхъ почвахъ, только бы онѣ были влажны, особенно если въ яму, куда посаженъ орѣхъ, положить густой слой соли. Пока дерево молодо, Индѣйцы поливаютъ его соленой водой, и каждый годъ, когда оно сдѣлается плодороднымъ, подсыпаютъ къ корню известное количество соли. Между тропиками кокосовый орѣхъ пускаетъ ростокъ въ пятнадцать или двадцать дней. Въ оранжереяхъ же въ три года едва разовьется пять или шесть листьевъ.

Когда пушечный выстрѣлъ увѣдомилъ насъ, что пора воротиться на корабль, я бросилъ послѣдній взглядъ на кокосовыя деревья; они показались мнѣ выше, прямѣе, красивѣе, словомъ украшенные всею пользою, которую мнѣ открыли въ нихъ. Эти деревья сущее благодѣяніе для острововъ индѣйскаго архипелага.

ИСТОРИЯ ЧЕПЧИКА или зачѣмъ дѣло стало. Прелестная маркиза де Д*** лѣниво позвонила въ колокольчикъ, чтобы позвать свою горничную; было уже одиннадцать часовъ утра.

— Разсвѣло ли, Жюльета? спросила она, потягивая свои бѣленькія и кругленькія ручки и зѣвая выказала два ряда жемчужинъ.

— Почти-что разсвѣло, маркиза.... отвѣчала Жюльета, лукаво улыбаясь .. только одиннадцать часовъ утра.

— Одиннадцать часовъ!... уже? подхватила маркиза, вставая, одиннадцать часовъ!... Такъ Леонаръ уже пришелъ?

— Нѣтъ еще, но вѣроятно не замедить придти.... Вы изволите знать, что мосьё Леонаръ аккуратенъ какъ солдатъ.

Изнѣне мамзель Жюльеты сильно подтвердилось второю горничною, которая, полуотворивъ дверь, провозгласила о прибытїи мосьё Леонара, перваго парикмахера въ парижскомъ свѣтъ. Маркиза торопливо встала съ постели и перешла къ уборному столу. Мосьё Леонаръ вошелъ; прїемъ, ему сдѣланный, соответствовалъ его громкой знаменитости.

При этомъ удобномъ случаѣ слѣдуетъ упомянуть, что извѣстный парикмахеръ Леонаръ игралъ очень важную роль. Онъ былъ любимцемъ мадамъ Дюбарри и состоялъ при ней только собственно для ея головки; очень немногія особы, къ которымъ особенно благоволила мадамъ Дюбарри, получали позволеніе наслаждаться его неоцѣненными талантами. Однако никакъ не думайте, чтобы подъ словомъ получали позволеніе, мы подразумѣвали, что мосьё де-Леонаръ даромъ убиралъ головы счастливыхъ красавицъ. Совсѣмъ нѣтъ. Мадамъ Дюбарри позволяла одолжаться своимъ знаменитымъ артистомъ, но самъ онъ назначалъ высокую цѣну своему таланту. Слѣдовательно для достиженія чрезвычайной чести имѣть голову, убранную его художническими руками, требовались два необходимыя условія — милости и богатства.

Изъ слѣдующихъ немногихъ словъ можно видѣть, какую важную роль занималъ великій человекъ, съ какимъ уваженіемъ обращались съ этимъ властелиномъ причесокъ даже самыя знатныя красавицы.

— А! здравствуйте мосьё де Леонаръ, прїѣтствовала его маркиза.

Замѣтьте мимоходомъ — передъ именемъ парикмахера она приставила аристократическую частичку *де*, но это скорѣе изъ уваженія къ себѣ, нежели къ нему. Это преданіе возобновилось во времена реставраціи. Если знатные столбовые дворяне, *de la vieille roche*, какъ ихъ тогда называли, удостоивали знакомствомъ какого-нибудь разночинца, то они никогда не упускали возвести его въ разговоръ въ дворянское достоинство, считая это необходимымъ изъ уваженія къ самимъ себѣ, и для удовлетворенія собственнаго самолюбія.

— А! здравствуйте, любезнѣйшій мосьё де Леонаръ!... Видѣли ли вы сегодня нашу очаровательную графиню?

— Да, маркиза, я имѣлъ это счастье, отвѣчалъ Леонаръ, подражая хваткамъ молодыхъ щеголей; качаясь со стороны на сторону, онъ засунулъ руку въ карманъ, а другою придерживалъ шляпу.

— А ея драгоценное здоровье, все ли находится въ цвѣтущемъ состояніи?

— Точно также... Сегодня утромъ, она была прекрасна какъ Венера... и свѣжа какъ Аврора, прибавилъ Леонаръ съ увѣренностью восхитительнаго безстыдства.

Прекрасная маркиза взглянула на него, розовыя губки ея сложились отъ желанія расхохотаться ему подъ носъ, но она удержалась, вспомнивъ, что головной артистъ чрезвычайно обидчивъ и малѣйшее подобнаго рода нарушеніе уваженія къ нему, можетъ навсегда лишить ея счастья пользоваться искусствомъ Леонара, искусствомъ, въ которомъ она такъ нуждалась въ настоящее время. Послѣ двудневныхъ соображеній, послѣ двадцати визитовъ къ своей модисткѣ, маркиза де Д*** создала наконецъ новый чепчикъ, но такого страннаго вкуса, такого необычайнаго воображенія, что только художническая рука великаго парикмахера могла создать прическу, которая соответствовала бы чепчику. Не удивляйтесь же, что въ это утро прелестная маркиза усилила свою любезную внимательность и осыпала утѣвостями парикмахера.

— Жюльета, сказала наконецъ маркиза, окончивъ привѣтствія, — скажи швейцару, что сегодня утромъ я никого не принимаю.

— Какъ, маркиза? — подхватила Жюльета, лукаво поглядывая на свою госпожу, — даже и кавалера?

— Ты очень безтолкова, Жюльета, съ живостью возразила маркиза, ты очень хорошо знаешь, что кавалеръ не включается въ общее число.... Я взялась устроить дѣло, собственно до него касающееся; по этому случаю мнѣ приходится видаться съ нимъ и очень часто.... Но кромѣ его, я никого не принимаю, понимаешь ли?... Мы должны заняться съ москѣ Леонаромъ очень важными дѣлами.... следовательно, никто не долженъ намъ мѣшать.... Поспѣши же передать мое приказаніе, да возвращайся поскорѣе, ты будешь нужна намъ.

— Чортъ возьми! сказалъ Леонаръ, лишь только Жюльета скрылась, — дѣло, кажется, великой важности.... и сегодня, маркиза, мы имѣемъ еще нужду въ политической.... прическѣ?...

— Самой политической, мосьё де-Леонарь.... дѣло идетъ о моемъ счастьи....

— И вамъ угодно, маркиза, поймать счастье какъ случай.... за волосъ, сказалъ Леонарь, кладя свою шляпу на стулъ.

— Не смѣйтесь, мосьё де-Леонарь, часто самыя ничтожныя бездѣлицы производили великія дѣла.... Садитесь жѣ, пожалуйста, и выслушайте меня; я увѣрена, что узнавши въ чемъ дѣло, вдохновеніе освѣтитъ васъ и вы выкажете во всемъ блескъ талантъ, на который я возлагаю свои надежды. Не колеблясь, вѣррую вамъ свои тайны и надежды: вы не дюжинный парикмахеръ, мосьё де-Леонарь, съ вами надо поступать совсѣмъ иначе нежели съ другими.

Леонарь преклонилъ голову въ знакъ признательности за такой комплиментъ, и приготовился выслушать довѣренность маркизы.

— Вотъ въ чемъ дѣло, мосьё де-Леонарь. Вы слышали, что Жюльета сейчасъ спрашивала меня о кавалерѣ?

— Точно такъ, маркиза.

— Я ничего не скрою отъ васъ, мосьё де-Леонарь, продолжала маркиза задинаясь.... Я люблю его.... и хочу выдти за него замужъ. Я вдова и богата, совершенно независима; казалось, ничто не могло бы препятствовать моему счастью, если бы злая судьба, играющая предположеніями смертныхъ, не бросила непреодолимой преграды для достиженія его. Тотъ, кого я люблю — мальтійскій кавалеръ!

— И слѣдовательно обреченъ на безбрачіе, прервалъ Леонарь.

— Остается одна возможность просить разрѣшенія отъ объѣта, подхватила маркиза. О! я знаю, что вы хотите сказать... это почти невозможно, случаи бывали очень рѣдкіе.... Но препятствія не пугаютъ меня, притомъ же и положеніе кавалера совсѣмъ исключительное. Будучи младшимъ знатной дворянской фамиліи, Гекторъ де-Маньи принужденъ былъ вступить въ мальтійскій орденъ, чтобы предоставить старшему брату, графу Генриху де-Маньи, все наследство предковъ, чѣмъ тотъ могъ бы поддерживать достоинство своего званія. Все это въ порядкѣ вещей, и противъ этого нельзя было возставать. Но теперь дѣла приняли совсѣмъ другой оборотъ: графъ де-Маньи умеръ холостымъ, слѣдовательно не оставилъ наследника; Гекторъ де-Маньи, въ настоящее время, единственный представитель фамиліи де-Маньи, и если онъ не женится, то послѣдуетъ неизбеж-

ное пресъщеніе знатной фамилии. А вѣдь это очень важное обстоятельство!...

— Чрезвычайно важное, отвѣчалъ Леонаръ, и вы полагаете, маркиза, что обратившись съ просьбою къ графинѣ, которая любитъ васъ....

— Я просила уже ее.... но всѣ старанія добройшей графини Дюбарри оказались безуспѣшными.... Но вы, безъ сомнѣнія, удивляетесь, какое отношеніе можетъ имѣть вся эта исторія къ головному убору?

— Дѣйствительно....

— Такъ знайте же, что сегодня послѣ обѣда будетъ концертъ при дворѣ, и гротмейстеръ мальтійскаго ордена въ числѣ приглашенныхъ.

— Понимаю, живо произнесъ Леонаръ съ напыщенной любезностью своего времени, понимаю: вамъ угодно силою красоты своей защищать дѣло брака, передъ глазами гротмейстера. О! это будетъ очень легко!

— Ахъ! мосьё де-Леонаръ, воскликнула маркиза съ лицензною улыбкою, которую парикмахеръ, порядочно упитанный самолюбіемъ, принялъ за улыбку полного удовольствія, но мы, смотря глазами, не помраченными самолюбіемъ, ясно видимъ, что въ этой улыбкѣ выражалась только насмѣшка.... ахъ! мосьё де-Леонаръ, *защищать передъ глазами!* какъ это мило! сколько тонкости ума! .. Знаете ли, мосьё де-Леонаръ, у васъ бездна ума!

— Вы слишкомъ милостивы маркиза! отвѣчалъ парикмахеръ, вполне довольный собою.

— Да, да, снова начала маркиза:... я хочу просить гротмейстера... Вотъ по какой причинѣ я призываю на помощь вашу геній, вѣдь вы еще не все знаете: нашъ гротмейстеръ большой чудакъ въ некоторомъ отношеніи, онъ имѣетъ страсть къ женскимъ головнымъ уборамъ; эта страсть перешла въ ученую манію, и я знаю изъ достоверныхъ свѣдѣній, что онъ готовитъ намъ трактатъ дамскихъ головныхъ уборовъ, начиная отъ Фарамонда до нашихъ временъ.

— По-крайней-мѣрѣ, это человекъ со вкусомъ, сказалъ Леонаръ, очевидно довольный лестью, и я смѣю надѣяться, что мои прически à la Дюбарри займутъ мѣстечко въ его собраніи.

— И я въ томъ никакъ не сомнѣваюсь. Но согласитесь же, что немного выиграешь во мнѣннн человека, столько знающаго въ дѣлѣ уборокъ, какимъ нибудь чепчикомъ à la Henri IV, или другимъ старьсьсь, около трехъ мѣсяцевъ уже надоздавшимъ во всехъ гостинькхъ. Чтобы предстать его съ перваго взгляда, надобно явиться предъ нимъ въ оригинальной уборкѣ, въ такой уборкѣ, которая заключала бы въ себя что-нибудь неожиданное, необыкновенное, очаровательное!

— Прекрасно! воскликнулъ Леонаръ, вскакивая и схвативъ гребень, я все уже предвижу.... ахъ! маркиза, вы возбудили во мнѣ все вдохновенiе; но я отвѣчаю только за волоса; я берусь придать имъ столько кокетливости и оригинальности... Но чепчикъ?... кто поручится намъ за чепчикъ?

— Я, мосьё де-Леонаръ, я, отвѣчала маркиза, позволивъ въ колокольчикъ, чтобы позвать Жюльету, которая, мимоходомъ сказать, довольно долго передавала приказанiя госпожи.

Жюльета прибѣжала запыхавшись, и по приказанiю маркизы поставила на туалетъ картонъ, тщательно закрытый.

— Осторожнѣе, Жюльета, ты трясешь этотъ картонъ, какъ будто сито у тебя въ рукахъ.... закричала маркиза, исполненная негодованiя.... ты не понимаешь, какую драгоценность держишь.

— Еще какiя-нибудь тряпки! проворчала Жюльета уходя въ сторону и премило надувъ губки.

— Посмотрите-ка, мосьё де-Леонаръ.... какъ вамъ это кажется? спросила маркиза, вынимая изъ картона самый странный чепчикъ, какой только можно себя вообразить.

Представьте себѣ маленькiй чепчикъ à la paysanne, изъ самыхъ лучшихъ блондъ, плоскiй, безъ рюшу, и вмѣсто украшенiя съ каждой стороны.... отгадайте, что?... Рьпа! да, рьпа вмѣсто цвѣтовъ, рьпа съ своими зелеными курчавыми листьями. На минуту Леонаръ безмолвствовалъ отъ удивленiя и восхищенiя, потому-что въ самомъ дѣлѣ ничто не могло быть оригинальнѣе. Можетъ быть это непонятно для васъ? Очаровательный чепчикъ съ рьпами? Однако это такъ и было.

— Говорите же, какъ онъ вамъ кажется? спросила маркиза, наслаждаясь впечатлѣнiемъ, произведеннымъ на Леонара.

— Ахъ! маркиза, нѣтъ ничего необыкновеннѣе этого, отвѣчалъ парикмахеръ, улыбаясь... Но кто могъ подать вамъ такую мысль?

— Молодецкая крестьянка, которую я встрѣтила на днѣхъ, стиралаясь въ Лоннанъ; она несла на головѣ связку рвцы, и была такъ прелестна... Это подало мнѣ мысль сдѣлать чепчикъ, который, я увѣрена, произведетъ фуроръ... и конечно онъ такъ бросается въ глаза своею необыкновенностью, что можетъ доставить удовольствіе нашему grosмейстеру... Теперь, мосьё де-Леонаръ, вотъ чепчикъ... отъ васъ зависитъ остальное... Предоставляю голову свою на волю художественнаго гребня вашего.

Леонаръ не заставилъ себя повторять два раза: оригинальность чепчика задѣла за живое его самолюбіе и два часа спустя онъ прѣстился съ маркизою, создавши самую воздушную, самую кокетливую, самую граціозную прическу, какую только удалось ему сдѣлать въ жизни. Между-тѣмъ маркиза не переставала любоваться на себя въ зеркало, а кавалеръ, очень подсмѣивавшійся надъ ея выдумкою, соглашался однако съ нею, что никогда ни одинъ чепчикъ не былъ ей такъ къ лицу. Наконецъ наступило время концерта, и маркиза отправилась съ трепещущимъ сердцемъ, потому-что отъ блестящаго успѣху въ гостинныхъ быть-можетъ зависѣло ея счастье. Неизвѣстность не долго продолжалась: при входѣ ея въ залы Версали, послышался одобрителный шопотъ; женщины переглянулись съ тайною яростью. Сначала онъ подсмѣивались между собою надъ странностью идеи и находили, что ничего не было возвышеннаго въ выборѣ подобныхъ овощей; однако невольнo соглашались, что въ цѣломъ не было недостатку въ прелести и наконецъ принуждены были сознаться, что уборка маркизы очень мила. Мужчины же, не имѣя равносильныхъ причинъ къ зависти, провозгласили маркизу очаровательною, а чепчикъ ея самаго изящнаго вкуса, именно по оригинальности его. Словомъ, этотъ вечеръ былъ настоящимъ триумфомъ для прекрасной маркизы Д***. Даже самъ король удостоилъ ее привѣтомъ объ эксцентричности ея выдумки и прелести ея очаровательной особы.

— Все это очень мило, подумала маркиза, нѣсколько времени наслаждаясь своимъ успѣхомъ, все это очень мило, но я не должна забывать важнаго дѣла, которое занимаетъ меня.

— Графъ, сказала она подзывая стараго вельможу, стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея.

— Прелестная маркиза! послѣнно отвѣчалъ графъ, бросившись къ ней... Я стоялъ тамъ... любясь издали... и не дерзалъ при-

близиться... отъ страху обжечь свои крылья, подобно Икару, на огнь свѣтила, которое лучами своими освѣщаетъ этотъ праздникъ.

— Ахъ! любезный графъ, вы все такъ же любезны!... Я принимаю вашъ комплиментъ, но не вѣрю ему... а что вы оставались вдалекѣ... безъ сомнѣннй тутъ была другая причина... прибавила маркиза шутивво... Можетъ-быть вы не охотникъ до рвны?

— Я очень люблю ее! быстро отвѣчалъ графъ, въ томъ же шутиввомъ тонѣ.

— Поговоримте о дѣлѣ, любезный графъ, здѣсь ли нашъ grosмейстеръ?

— Здѣсь, обожаемая маркиза... я сейчасъ видѣлъ его... я говорилъ ему о дѣлѣ мнленькаго рыцаря... онъ не то, чтобы очень расположенъ... но, когда я сказалъ ему, что вы желаете ему представиться... мнѣ казалось, что это очень польстило его самолюбію, и я ни чуть не сомнѣваюсь, что съ вашею очаровательною любезностью, вамъ легко будетъ склонить grosмейстера на желаніе вашего сердца... Но погодите... кажется, я вижу его вонъ въ томъ углу залы... позвольте предложить вамъ руку и подойдемте къ нему. Графъ де-Шабль подавъ руку прекрасной маркизѣ и вскорѣ, подошедши къ grosмейстеру, торжественно представилъ ее. Но едва grosмейстеръ бросилъ взглядъ на чепчикъ маркизы, прежде нежели она успѣла произнести слово, онъ поблѣднѣлъ, пробормоталъ себѣ что-то подъ носъ и обратился въ бѣгство, бросивъ гнѣвный взглядъ на графа. Маркиза и графъ обомлѣли отъ удивленія, ничего не понимая въ его внезапной ретирадѣ.

— Что это значить, воскликнула маркиза... развѣ онъ испугался меня?

— Не васъ, отвѣчалъ графъ съ живостью, но вашего чепчика, потому-что, мнѣ показалось, по направленію его глазъ... при взглядѣ на эту часть наряда, онъ взмѣнился въ лицѣ...

— Но что же это значить?

— Я повторю ваши слова, маркиза... быть можетъ онъ не охотникъ до рвны...

— О не шутите, графъ... подумайте только, что отъ него зависитъ мое счастье... Бѣгите за нимъ, постарайтесь объясниться съ нимъ, узнать причину его не понятнаго поступка.

Графъ удалился и вскорѣ опять возвратился съ извѣстіемъ, что

всѣ ушляя его отъѣхать гроемейстера, остались безуспѣшны. Въ это время подошелъ кавалеръ де-Маньи и съ отчаяніемъ объявилъ маркизу, что гроемейстеръ, встрѣтивъ его въ послѣдней залѣ, сказалъ:

— Господишь мальтійскій кавалеръ.... совѣтую вамъ болѣе не думать о женитьбѣ, пока я живу.... вы не получите разрѣшенія отъ обитовъ своихъ.... Передайте, прошу васъ, маркизу, что эпиграма въ чепчикъ можетъ быть очень остроумна, но совѣтъ не деликатна... она должна считать себя счастливою, что не родилась мужчиною.... Что касается до графа Шабли; принявшаго участіе въ этой мистификаціи.... о! тутъ дѣло другаго рода, завтра я буду имѣть честь видѣться съ нимъ.

— Послѣ этихъ словъ онъ ухалъ, прибавилъ кавалеръ.

— Клянусь! вотъ странный чудакъ! сказалъ графъ, удивленный не менѣе маркизы и кавалера, которые никакъ не могли понять, какую мистификацію отыскалъ гроемейстеръ въ чепчикъ прелестной кокетки.

Эта вѣсть разнеслась повсюду, всѣ толковали объ этомъ происшествіи; всякій уже привыкъ къ выходкамъ гроемейстера; но подобная странность превосходила уже все до того времени извѣстное, и никто не могъ понять, что за причина его бышенства. На другой день гроемейстеръ явился къ графу Шаблю, но вѣроятно объясненія показались удовлетворительными тому и другому, потому-что дуэль не состоялась. А между тѣмъ бѣдная маркиза, въ крайнемъ затрудненіи, ломала себѣ голову, чтобы разгадать причину его гнѣва, когда доложили о прѣздѣ графа.

— Я все знаю, дорогая маркиза, кричалъ онъ, неволью смѣяться... о! гроемейстеръ никогда не проститъ вамъ....

— Но что за причина?

— Ваша несчастная рыва!.... онъ взбѣшенъ.... онъ принялъ это за самый язвительный намекъ.... и считаетъ, что вы оскорбили его.

— Но я не понимаю, чѣмъ?

— Знайте же, что у гроемейстера есть братъ, сельскій козникъ, не имѣющій понятія о придворной жизни.... однимъ словомъ, баронъ де-Френёзъ, который всегда живетъ въ деревнѣ, и занимается... какъ вы думаете чѣмъ?... разведеніемъ и улучшеніемъ разныхъ родовъ рывы.... Это приводило въ отчаяніе гроемейстера; недавно онъ

взданъ къ брату.... убъждалъ его всею силою краснорѣчя бросить образъ жизни, который приноситъ ему безчестіе, по словамъ его.... Но братъ его, не увлекаясь честолюбіемъ, съ живостью претиворѣчалъ. Дѣло дошло до ссоры и кончилось такимъ ожесточеніемъ, что взбѣшенный баронъ привазалъ выставить на воротахъ своего дома гербъ, изображающій морковь, рѣпу и другія овощи, съ слѣдующимъ девизомъ. *Воздѣлывающій землю также служитъ отечеству.* Разъяренный grosмейстеръ ухалъ съ клятвою никогда уже не видаться съ братомъ. Вотъ вамъ причина вчерашняго бѣшенства его: онъ вообразилъ, что вѣсть о семейной неприятели разгласилась повсюду, и вы надѣли этотъ чепчикъ собственно изъ желанія узанить его. Тщетно я силлся доказать ему невинность вашу! Онъ ничему не вѣрять, и повторялъ мнѣ, что пока отъ него будетъ зависть, кавалеръ не получитъ разршенія отъ обѣта.

Grosмейстеръ сдержалъ слово: кавалеръ получилъ приказаніе возвратиться въ Мальту, маркиза была въ отчаяніи въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, а потомъ кавалеръ.... былъ забытъ! Бѣдный кавалеръ! если бы маркиза не встрѣтила крестьянну отъ рѣпою на головѣ, если бы у grosмейстера не было брата, если бы этотъ братъ не былъ такимъ упорнымъ агрономомъ, а маркиза такою причудливою кокеткою, любительницею новыхъ модъ, ты былъ бы счастливейшій изъ смертныхъ, какъ говорятъ мадригалы твоего времени. Но увы!.... на прическѣ должно было утвердиться твое счастье, а двѣ рѣпы разрушили его! И подумаешь, зачѣмъ только дѣло стало!...

Между тѣмъ уборка маркизы произвела фуроръ; повсюду разгласившееся приключеніе grosмейстера много споспѣшествовало возведенію на тронъ моды *челчиковь съ рѣпками*; славою этой она пользовалась цѣлую зиму.

ГОЛУБАЯ ЛЕНТА. Любите ли вы невздомыя деревушки, полузанрытыя завѣсою высокихъ тополей, гдѣ рѣдникъ занимаетъ много океана, — вмѣсто горизонта же холмъ, скрывающій отъ любопытныхъ взоровъ бѣлые домики, окруженные виноградными вѣтвями, сквозь которыя проглядываетъ только остроконечный кончикъ колокольни, указывающій прямо на небо? Какъ хорошо отдохнуть вечеркомъ на этомъ министомъ пѣтѣ, смотреть на заходящее солнце, внимать общедъ

гармоніи природы, — всѣмъ этимъ мелодическимъ голосамъ, прямо восходящимъ къ небу! Какъ сладко укрыть свою любовь въ уютной хижинкѣ, покрытой соломой, гдѣ птички вьютъ гнѣзда!.... А это поле, усыянное цвѣтами, а тропинка, извивающаяся въ тѣни изгороди; какое блаженство прогуливаться тутъ, склонивъ голову на бѣлое плечико, приглаживая рукою свѣтлорусые шелковистые волосы!

Въ одной изъ такихъ-то благоуханныхъ пустынь, пріютился бѣшенскій домикъ, точь-въ-точь какъ сейчасъ описанный. Передъ нимъ разбросаны кусты розъ, гвоздикъ, далій, позади же разстлался зеленый дернъ, усыянный маргаритками, да два вишневыя дерева, покрытыя цвѣтомъ; около стѣнъ южной стороны вьются виноградныя лозы; съ сѣверной же, жимолость и повелюха; — все это, перемеживаясь съ необыкновенно-роскошною растительностью, улыбалось солнцу и лазуревому небу. На окнѣ стоялъ тюльпанъ.

Этотъ домикъ принадлежалъ молодому ремесленнику, который проводилъ цѣлые дни на скамьѣ, около известнаго вамъ тюльпана и переставалъ работать только для того, чтобы взять книгу, лежавшую подлѣ него. Тогда прекрасное лицо его озарялось отблескомъ ума, и долго еще послѣ того, какъ онъ закрывалъ книгу, блистали черные глаза его. Потомъ онъ долго мечталъ, тихо повторяя стихи, которые произвели на него глубокое впечатлѣніе, и часто мать его должна была извлекать его изъ задумчивости.

— О чемъ задумался, Павелъ? говорила она ему, ты что-то печаленъ.

— Нѣтъ, матушка! отвѣчалъ онъ, качая головою, какъ-бы желая прогнать эти блѣдные призраки; нѣтъ, я не печаленъ; но мнѣ хочется плакать.

Эта книга и эти орудія представляютъ всю жизнь Павла: труды и мечтанія.

У Павла была одна изъ тѣхъ умныхъ, кроткихъ и гордыхъ натуръ, которыя смотрятъ на трудъ какъ на самую высокую поэзію. Въ продолженіе двухъ лѣтъ онъ обошелъ всю Францію, вездѣ шатаясь своими трудами и возвратился на родину за тѣмъ, чтобы принять послѣдній вздохъ умирающаго отца. Съ-этихъ-поръ, то есть, около года, онъ жилъ тихою семейною жизнью, гдѣ отдыхаетъ сердце послѣ долгаго странствованія! Онъ нашелъ мать все такую же доброю и вѣжною, а кузину Клару еще похорошѣвшаго двумя года-

ми. Онъ проводилъ жизнь тихую и безмятежную, посвященную трудамъ и мечтамъ. Хотя ему было уже двадцать два года, однако сердце его было невинно и чисто и величайшимъ счастьемъ считалъ онъ каждый вечеръ прислушиваться къ гармоніи вѣтра, шелестившаго листьями. Когда по воскресеньямъ ему удавалось ускользнуть отъ товарищей, онъ уходилъ въ поле веселый, счастливый счастьемъ птичекъ, которыя летали въ пространство, весело чирикавая. Потомъ возвращался къ опушкѣ лѣсу, смотрѣлъ на закатъ солнца, и на измѣненіе бѣгущихъ облаковъ.

Однажды, лежа на травѣ, онъ бесѣдовалъ съ своими возлюбленными поэтами; вдругъ слышитъ онъ шелестъ листьевъ не вдалекѣ отъ него; онъ обернулся и увидалъ что-то только скрывшееся между извилинами лѣса; онъ покачалъ головою, думая что то была мечта, его воображенія, однако поспѣшно бросился въ ту сторону: все уже исчезло, и съ грустью въ душѣ онъ уже хотѣлъ удалиться, когда внезапный вѣтеръ, закачавшій вѣтви, сорвалъ голубую ленту, зацѣпившуюся за кустъ. Онъ сталъ на колѣни, чтобы поднять ее, прижалъ къ губамъ и тихо прошепталъ: — Боже мой! еслибъ то была она!

Съ-тѣхъ-поръ это мѣсто сдѣлалось цѣлью всѣхъ его прогулокъ; тутъ витали его самыя драгоценныя воспоминанія, самыя сладостныя мечты. Павелъ проводилъ здѣсь многіе часы. Однажды вечеромъ, возвращаясь домой, устремивъ глаза на небо, а сердцемъ улѣтѣвъ далеко отъ всего окружающаго, на поворотѣ тропинки вдругъ явдась передъ нимъ Клотильда де-Вальзенъ. Онъ отскочилъ назадъ, прижавъ руку къ сердцу:

— Это она! воскликнулъ онъ.

Мадамъ де-Вальзенъ покраснѣла; Павелъ, испугавшись своего восклицанія, поклонился, еще болѣе покраснѣвъ и удалился шатаясь, какъ будто пьяный. Мадамъ де-Вальзенъ, прислонившись къ дереву, долго слѣдовала за нимъ глазами, но вдругъ вздрогнула и наклонила голову.

— Господи! сказала она съ дѣтскимъ простодушіемъ: сдѣлай чтобъ я его не любила!

Клотильдѣ Сюланжъ было всего шестнадцать лѣтъ, когда она оставила свой пансіонъ, чтобы выйти за Вальзена, богатаго негодяя, друга ея отца. Она прожила съ нимъ три года въ большомъ городѣ, любя мужа какъ любила отца, нисколько не жалѣя о прошедшемъ.

Послѣ смерти мужа, она поселилась одна въ сельскомъ доминѣ, вѣсть ея рожденія и смерти ея отца. Она жила здѣсь уже около года, не имѣя другаго развлеченія кромѣ своего фортепiano и прогулокъ по лугамъ и долинамъ, въ сопровожденіи огромной бѣлой борзой собаки; ей нельзя было даже терять одного или двухъ часовъ въ каждомъ днѣ для упойтельныхъ воспоминаній о балахъ съ ихъ изящными кавалерами. Нѣтъ, она никогда ихъ не знала; вся жизнь ея протекла возлѣ двухъ стариковъ — отца и мужа. Когда она передавала фортепiano всѣ таинственныя поэмы своего сердца, она наклонялась иногда къ звучному инструменту, прислушиваясь, не отвѣчаетъ ли отъ ей что-нибудь; нѣтъ, ничего!... Она переносила свой взоръ на поле, облитое солнцемъ, смотрѣла на птичекъ прятавшихся въ цвѣтушки, изгородяхъ, и сколько мыслей тогда волновали ея сердце!

Тогда Клотильда цѣлые дни проводила въ какомъ-то изнеможеніи и уныніи, пугавшихъ ее; на другой же день она чувствовала необходимость въ неутомимой дѣятельности: перебѣгала пустынную долину, взбиралась на холмы; когда же первыя минуты восторженности проходили, она медленно продолжала свой путь, склонивши голову на грудь, и иногда останавливаясь только для того, чтобы оборвать листочки бѣлой маргаритки. Въ одну-то изъ такихъ прогулокъ, она увидѣла Павла и боясь, чтобъ онъ не узналъ ее, поспѣшно убѣжала, оставивъ одну ленточку, зацѣпившуюся за кустъ. Съ-тѣхъ-поръ молодой человѣкъ часто проходилъ мимо ея оконъ и Клотильда кричала при шумѣ его шаговъ. Теперь уже не пустота сердца пугала ее, она боялась грустнаго образа, часто мелькавшаго въ ея мечтахъ.

Однажды, когда листья на деревьяхъ волновались отъ нежнаго дуновенія ласкающаго ихъ вѣтерка и солнце загло-пожаромъ гесь небо-склонъ, — Клотильда безотчетно прошла черезъ садъ и примыкающій къ нему виноградникъ и вскорѣ очутилась въ лѣсу; машинально направила она шаги по тропинкѣ, которая вела къ прогалинѣ, гдѣ она видѣла Павла. Думала ли она о немъ? не знаю; но вдругъ она остановилась и тихо вскрикнула. Молодой человѣкъ былъ тутъ, точно какъ и въ первый разъ; только по временамъ онъ возводилъ взоръ къ небу и, казалось, бесѣдовалъ съ деревьями; она приблизилась, что бы лучше разслушать, сухая ветка захрустѣла подъ ея ногой, и Павелъ обернулся. Оба они чрезвычайно смутились; но гордость во вре мяподоспѣла къ Клотильдѣ на помощь. Она говорила самой себѣ, что

не дружно пугаться встрѣчи съ ремесленникомъ, и спросивъ у него почти съ насмѣшкою, что такое онъ рассказываетъ дубовымъ и каштановымъ деревьямъ: Павелъ замаялся; она иронически стала настаивать: тогда молодой человекъ взволнованнымъ голосомъ, не смѣя поднять глазъ, сталъ декламировать слѣдующіе стихи:

Quand sous l'ombre des bois la brise chante ou pleure
 Quand chaque fleur frémit sous un baiser d'oiseau
 Et que l'insecte d'or, sur l'onde qu'il effleure,
 Bribe comme un tambour;

Quand une nuit d'amour règne sur la nature,
 Quand la terre se tait pour écouter le ciel
 Et que l'on n'entend plus, ainsi qu'un doux murmure,
 Le cantique éternel.

J'appelle tout joyeux le rêve de mon âme,
 Je cause avec mon cœur,
 Et ma lèvre tout bas murmure un nom de femme
 Un nom... tout mon bonheur!

Мало-по-малу взоръ Павла приподнимался, наконецъ онъ осмѣлился устремить его на Клотильду, которая, въ свою очередь краснѣя, склонила голову. Когда онъ окончилъ, нѣсколько мгновений они оба молчали; потомъ ихъ взоры встрѣтились и Клотильда затрепетала.

— Да, вы поэтъ! сказала она, желая скрыть свое волненіе.

— О! воскликнулъ Павелъ съ восторженностью: я мечталъ о дивномъ видѣніи, на мигъ оно мнѣ явилось и съ-тѣхъ-поръ міръ отверзся передо мной. Я люблю...

Самъ испугавшись своихъ словъ, онъ остановился и опустилъ руку, голубая лента выпала изъ нея.

— Ахъ, моя лента! сказала съ изумленіемъ Клотильда, протянувъ руку и желая ее поднять. Павелъ также наклонился, чтобы схватить ее и руки ихъ встрѣтились и волосы коснулись. Оба держались за конецъ ленты, но молодой человекъ устремилъ на Клотильду такой умоляющій взглядъ, что она выпустила ленту, которую Павелъ поднесъ къ своимъ губамъ.... ихъ взоры встрѣтились еще разъ и руки опять сблизились.

— Cherche Blakъ! тутъ кто-то есть; сказалъ чей-то голосъ.

То былъ лѣсничій въ сопровожденіи своей собаки. Клотильда возбуждала какъ безумная отъ стыда и счастья, а Павелъ въ безсмысленнѣйшій уналъ на дѣрнѣ, прижимая къ своему сердцу голубую ленту. Онъ возвратился домой и отправился, не попросившись съ матерью, въ свою комнату, страшаясь, чтобы чье-нибудь прикосновеніе не разрушило всѣ его сладкія мечты.

На другой день, по наступленіи вечера, онъ прошелъ черезъ лѣсъ и скрылся въ саду мадамъ Вальзенъ. Павелъ былъ пораженъ необыкновенною дѣятельностью, царствовавшей въ домѣ; горничныя бѣгали и суетились съ узлами въ рукахъ, но все исчезло для него: онъ увидалъ, какъ Клотильда проходила черезъ гостиную и сѣла за фортепiano; сначала она сѣгирала нѣсколько мелодій, пріятныхъ и грустныхъ какъ счастье; потомъ вдругъ и безъ всякаго перехода стала играть «Послѣднюю мысль Вебера». Павелъ, не смѣя дышать, слушалъ эту мелодію, растерзавшую его сердце. Ему казалось, что всѣ его золотыя мечты одна за другою исчезали и когда музыка замолкла, онъ долго еще слушалъ замиравшіе звуки, не зная чему приписать печаль, которую не могъ преодолѣть. На другой день онъ опять пришелъ къ дому Клотильды, окна были заперты, повсюду царствовала тишина.

— Ахъ! воскликнулъ онъ, она уѣхала!...

Съ-тѣхъ-поръ началась для него жизнь мучительная, однообразная, безъ будущности, безъ мечты. Прогулка уже не имѣла для него никакой прелести, лѣса лишились гармоніи, закатъ солнца поэзи. Онъ глубоко заглянулъ въ свое сердце и, разсмотрѣвъ его, нашелъ въ немъ только одно отчаяніе: жизнь казалась ему холодна, безцвѣтна, безъ цѣли, — смерть благодѣяніемъ. Павелъ, не говоря ни слова садился за работу подлѣ своей матери, которая смотрѣла на него со слезами на глазахъ и молчала, а Клара, печальная и дрожащая иногда подходила къ своему кузену, клала руку на его плечо и спрашивала, не боленъ ли онъ. Павелъ грубо отталкивалъ ее и она убѣгала въ садъ осушить слезы, текшія по ея щекамъ. Клара была прехорошенькая дѣвушка, полная, стройная, ножка у нея была не очень маленькая, а ручка довольно бѣленькая, притомъ прекраснѣйшіе глаза, густые черные волосы, мягкіе и блестящіе какъ ворново крыло. Она была внимательна къ малѣйшему желанію своего кузена, но тотчасъ удалялась отъ него, вся вспыхнувъ, когда онъ, бы-

вало, инуя обвинить ее; но съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ пересталъ говорить съ нею, вся робость ея исчезла и она, въ свою очередь, часто употребляла все стараніе, чтобы вызвать улыбку на губы Павла. Напрасныя усилія! онъ уходилъ тотчасъ-же, какъ только начинало смеркаться и бродилъ около жилища Клотильды. Часто онъ оставался неподвиженъ, устремивъ глаза на то окно, гдѣ видѣлъ, какъ она садилась за фортепіано и вспоминала мелодію, заставившую его предчувствовать несчастіе.

Какъ, скажутъ мнѣ, столько отчаянія по случаю отъезда женщины, съ которою онъ говорилъ всего только одинъ разъ! — столько словъ изъ-за голубой ленты!... Увы! совершенная правда, прекрасныя читательницы: мой бѣдный Павелъ такъ ужъ былъ сотворенъ. Уже давно онъ носилъ въ своемъ сердцѣ идеалъ женщины, мечталъ о лѣтнихъ очаровательныхъ вечерахъ, проведенныхъ съ нею въ разговорахъ о любви, встрѣтилъ ее, былъ любимъ и все это вдругъ исчезло, суровая дѣйствительность уничтожила весь его прекрасныя мечты, какъ вѣтеръ обиваетъ осеннія листья.

Такъ протекли двѣ недѣли. Однажды вечеромъ, онъ направлялъ шагъ къ любимому мѣсту, исполненному такихъ сладостныхъ воспоминаній. Онъ шелъ склонивъ голову, обивая листья палочкою изъ ореховаго дерева, которую держалъ въ рукѣ. Вдругъ онъ поблѣднѣлъ и остановился: она была тамъ! Опъ дрожа подошелъ къ небольшому холму, покрытому мохомъ, гдѣ такъ часто онъ сживалъ.

— Наконецъ вы возвратились, Клотильда! сказалъ онъ со слезами; о какъ я страдалъ! посмотрите, вотъ мѣсто, гдѣ вы оставили голубую ленту, которая мнѣ говорила объ васъ.... Я люблю васъ, ахъ не увѣжайте болѣе!

При этихъ словахъ Павла, Клотильда снова ощутила все блаженство, такъ напугавшее ее; она припомнила мгновеніе этой кроткой и чистосердечной любви и оставалась нѣсколько минутъ въ задумчивости. Не знаю, что отвѣчала бы она, если бы вдругъ молодой человекъ, одѣтый съ изящной изысканностью, не подошелъ къ ней:

— Не хорошо, прелестная кузина, уйти, не дождавнись меня.

Клотильда отскочила отъ Павла, который задрожалъ отъ ярости, увидя, что она пошла подъ руку съ этимъ молодымъ человекомъ, словамъ котораго она внимала, краснѣя.

Онъ старался нѣсколько разъ встрѣтить этого денди, котораго ненавидѣлъ болѣе чѣмъ кого-нибудь; Клотильда всегда была съ нимъ.

Павелъ видѣлъ, какъ молодая женщина опиралась на руку его и, казалось, со счастьемъ слушала его. Онъ нѣсколько разъ, встрѣчаясь съ нею, кланялся Клотильдѣ, но она отворачивалась отъ него, а Фердинандъ, прекрасный ея кузенъ, осматривалъ его съ головы до ногъ, съ гордымъ и высокомернымъ видомъ. Павелъ, робкій какъ все люди мужественные, передъ женщиной, которую любятъ, проходилъ мимо, подавляя все чувства гнѣва. Въ одинъ день, онъ встрѣтилъ Фердинанда одного въ виноградникъ, примыкавшемъ къ саду Клотильды и смотрѣлъ на него съ такою настойчивостью, что Фердинандъ подошелъ къ нему и спросилъ, кто ему позволилъ взойти и прогуливаться въ саду?

— Я вамъ буду отвѣчать, сказалъ Павелъ, когда мнѣ объявите, во какому праву вы спрашиваете меня?

— О еслибъ вы только умѣли владѣть шпагой, воскликнулъ Фердинандъ въ бѣшенствѣ.

— Но это не будетъ служить помѣхой; есть оружія, которыя равняютъ все силы. Если вы захотите быть завтра утромъ здѣсь съ пистолетами, я буду къ вашимъ услугамъ.

— Правда! воскликнулъ Фердинандъ съ радостью, и такъ до свиданія!

И они разстались.

Мадамъ Вальзень, почувствовавъ, что сердце ея готово полюбить Павла, рѣшилась бѣжать, прежде нежели бѣгство сдѣлалось невозможнымъ и уѣхала на двѣ недѣли въ Парижъ, къ одной изъ пансионныхъ подружекъ, гдѣ встрѣтила Фердинанда, своего кузена, который, подъ предлогомъ носѣтитъ своего дядю, жившаго въ небольшомъ замкѣ близъ жилища Клотильды, сопутствовалъ ей во Фландрію. Двухъ недѣль достаточно было, чтобы произвести перемѣну въ сердце Клотильды. Навяная любовь показалась ей очень смѣшною предъ высокопарными комплименстами, расточаемыми ея кузеномъ; головка ея закружилась отъ разсказовъ о чудныхъ праздникахъ, она совсѣмъ не была расположена проводить зиму въ деревнѣ. Фердинандъ приходилъ къ ней всякій день и она вспоминала о Павлѣ для того только, чтобы удивляться, какъ могла она слушать стихи этого молодого человека. Она любила Фердинанда. На другой день послѣ встрѣчи его съ Павломъ, она увидѣла, что онъ идетъ къ лѣсу съ ящичкомъ, въ которомъ находились пистолеты; сперва она не обратила на это большаго

вниманія, но вдругъ подозрѣніе мелькнуло въ ея умѣ, она вско-
чила съ пронзительнымъ воплемъ и шобькала къ прогаламъ...

Два противника стали въ разстояніи двадцати пяти шаговъ и начали
подходить одинъ къ другому. Потомъ въ одно время выстрѣлили, —
и Павелъ упалъ.

Когда раздался выстрѣлъ, двѣ женщины бросились къ мѣсту по-
единка; одна изъ нихъ подбѣжала къ Фердинанду. Благодарю за уча-
стіе, прелестная кузина, сказалъ онъ; но я не раненъ и долженъ пре-
дложить свои услуги моему противнику. Другая женщина бросилась
на колѣна передъ Павломъ, рыдая и ломая руки.

Прошло пять мѣсяцевъ послѣ этого происшествія. Въ прекрасный
сентябрьскій вечеръ молодая женщина, верхомъ, печально ѣхала по
тропинкѣ, извиравшейся вдоль лѣсу, гдѣ происходилъ, разсказываемъ
здѣсь случай; она по временамъ прислушивалась къ отдален-
нымъ звукамъ деревенскаго оркестра.

— Любезный Моренъ, сказала она лѣсническому, вышедшему изъ
лѣсу, что значить эта музыка?

Старикъ приподнял голову.

— Ахъ, это вы, мадамъ Вальзенъ? сказалъ онъ, снимая шапку.
Какъ! вы уже возвратились!.. Эта музыка, прибавилъ онъ, играетъ
на свадьбѣ Павла, вы знаете его...

— Павла! воскликнула Клотильда, блѣднѣя.

— Да, сударыня, онъ женится на своей кузинѣ; бѣдная Клара
такъ давно его любила, и показала столько преданности и доброты,
когда онъ былъ раненъ, что онъ самъ захотѣлъ заплатить за всѣ
ея попеченія пламенною любовью; они любятъ другъ друга и сегодня
ихъ свадьба. Тѣмъ лучше; для хорошенькой дѣвушки, женихъ моло-
децъ! Извините, сударыня, я заболтался, а мнѣ надо быть у нихъ
къ ужину.

Онъ поклонился и ушелъ.

Клотильда долго оставалась въ задумчивости; жгучая слеза ска-
тилась по ея щекѣ. Она склонила голову и прижала руку къ сердцу.

— И онъ также! сказала она со вздохомъ, онъ также! Боже
мой, какъ все забывается!

новости русской литературы. Обзоры дѣятельности русской литературы за 1850 годъ не замедлятъ явиться въ мѣсячныхъ периодическихъ изданіяхъ. Изъ нихъ мы увидимъ, что принесли въ соврѣщеннику нашего ума и чувства прошедшіе двѣнадцать мѣсяцевъ этого года? отвѣтъ будетъ утѣшительный: 1850 годъ скорѣе богатъ, нежели бѣденъ литературными произведеніями. Но объ этомъ намъ скажетъ еще январь мѣсяцъ 1851 года. У насъ еще впереди декабрь, роковой мѣсяцъ для журнальной подписки; въ этомъ мѣсяцѣ читающая публика болѣе всего интересуется новостями литературы, и потому журналы наши готовятъ къ этому и къ слѣдующему мѣсяцу, обыкновенно, лучшія произведенія своихъ сотрудниковъ. Подождемъ. Теперь же, пока, сообщимъ нашимъ читателямъ, то, что готовится въ міръ belle-тристики къ будущему 1851 году нѣкоторыми изъ писателей, извѣстныхъ подписчикамъ «Библіотеки для Чтенія». Надѣемся, что это извѣстіе будетъ интересно, тѣмъ болѣе, что редакция «Библіотеки» надѣется большую часть произведеній, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ, помѣстить на страницахъ своего журнала.

М. Н. Загоскинъ окончилъ драму-комедію въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, взятую изъ современныхъ нравовъ русскаго московскаго общества. Драма-комедія называется «Женатый женихъ».... Самое заглавіе уже показываетъ, что комическая сторона этой пьесы основана на обычаяхъ извѣстнаго круга людей: ловить жениховъ въ свѣтъ разсчетливаго брака. Здѣсь выходятъ въ сатиру «Ловля жениховъ» и лицо, около котораго группируются характеры, служащіе для проявленія комическаго элемента идеи комедіи, — «Женатый женихъ», показываетъ собою ложную сторону жизни своего общества... Мы слышали отрывки этой драмы-комедіи изъ устъ самаго автора, и смѣло говоримъ нашимъ читателямъ, что подобной *высокой комедіи*, написанной стихами и взятой изъ русскаго быта, у насъ не являлось со времени «Годе отъ Ума»... Здѣсь выразилась вся чудная сторона того *русскаго, юмористическаго* дарованія, которое насъ, еще въ дѣтствѣ, увлекало — въ «Юривъ Милославскомъ» и въ либретто «Аскольдовой Могилы.» До какой степени даровитыя произведенія автора «Женатаго жениха» полюбили Русскимъ, видно изъ того уже, что «Аскольдова Могила» выдержала «шесть сотъ представленій» на разныхъ русскихъ сценахъ, а пишущій эти строки, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ имѣніяхъ тульской и московской гу-

берній, видѣль сельскіе, жѣнскіе платки, изображающіе въ набивныхъ рисункахъ сцены съ подписями, изъ романа: «Юрій Милославскій.» Наконецъ сочиненія господина Загоскина — *первыя* стали во множествѣ переводится на языки западной Европы. Мы на дняхъ слышали о переводѣ, въ одной лондонской литературной газетѣ на англійскій языкъ романа господина Загоскина «Москва и Москвичи» или «Записки Богдана Ильича Бельскаго» — романа, напечатаннаго въ нашемъ журналѣ. Въ «Библіотекѣ для Чтенія» господинъ Загоскинъ напечаталъ большую часть своихъ произведеній, переведенныхъ на иностранные языки. Кстати, исчислимъ здѣсь главные изъ переводовъ сочиненій М. Н. Загоскина.

а) «Рославлевъ» переведенъ въ Парижѣ, 1834 года, Г. И. Коге-номъ, на французскій языкъ.

б) На нѣмецкій переведенъ въ 1832 году — въ Лейпцигѣ, — Эргардомъ Герингомъ.

с) «Юрій Милославскій» переведенъ на французскій языкъ, въ Парижѣ, 1831 года, госпожею С. Э., урожденною Д'оттъ.

д) «Юрій Милославскій» на нѣмецкій языкъ переведенъ въ Кенигсбергѣ Эргардомъ Герингомъ.

е) «Кузьма Рощинъ» переведенъ Фонъ-Ольбергомъ, въ «Съверныхъ цвѣтахъ» (Nordische Blüthen).

г) Кромѣ того переводили сочиненія Загоскина Мериме и еще нѣкоторые писатели голландскіе и шведскіе.

Выше мы сказали, что новая комедія господина Загоскина есть — лучшая комедія въ стихахъ послѣ «Горя отъ Ума». Въ этомъ *пока* поспорить съ Загоскинымъ развѣ одинъ Григорьевъ, авторъ «Житейской Школы», которая теперь на Александрійскомъ театрѣ производитъ такой фуроръ, какого не запомнятъ и старые обычаики (habitués) русскаго театра въ Петербургѣ... Въ провинціяхъ номера «Библіотеки для Чтенія» въ которыхъ напечатана «Житейская Школа» не успѣваютъ переходить изъ рукъ въ руки. Небольшое отдѣльное изданіе этой комедіи разошлось въ Петербургѣ все — въ двѣ недѣли...

А. О. Вельтманъ написалъ либретто въ стихахъ къ новой оперѣ... именно къ оперѣ господина Алябьева: «Амалать-Бекъ.» Сюжетъ этой оперы заимствованъ изъ романа того-же имени Марлинскаго. По словамъ читавшихъ это либретто, авторъ его, по-

дарившей насъ въ началъ этого года сказкою въ стихахъ «Занавъ и Бала», выразилъ въ немъ много прекраснаго и необычнаго. Многие даже жалуютъ, что художественный въ вышней степени стигъ, употребленъ здѣсь для такого рода рѣчей, которыя на сценѣ, за музыкой и особеннымъ пронавошеиёмъ фразъ либретто каждой оперы, ускользнуть отъ уха олушателей. Но мы надеемся увидѣть это либретто — въ печати.

И. М. Григорьевъ, известный нашъ актеръ и заслуженный водевилецъ, комедю «Житойская Школа» началъ новое поданье своей дѣятельности. Больше 60 водевилей его списали въ Россіи громкую извѣстность, и до-сихъ-поръ, не сходя со сцены, не смотря на то, что обыкновенно были висаны *на случай*, считаются любимыми пьесами сценъ провинціальныхъ и столичныхъ. Господинъ Григорьевъ опрокинулъ свою «водевильную чернильницу». Теперь онъ вступилъ въ родъ «высокой комедіи» — въ стихахъ... Онъ изучилъ классиковъ этой комедіи и въ первомъ опытѣ своемъ еще не отдѣлился отъ личности своихъ учителей. Его «Школа» напоминаетъ и «L'école des femmes» и «Школу Злословія»... Но комедія имѣла огромный сценическій успѣхъ — и этого пока, кажется, довольно. Теперь господинъ Григорьевъ приготовилъ *двѣ новыя комедіи*... Одна изъ нихъ называется: «Геній новѣйшаго поколѣвія», «а другая: Заговорило ретивое.»

А. Н. Островскій, пишетъ теперь драму *въ стихахъ*, — въ родъ драмъ послѣднихъ годовъ жизни Лорда Байрона. Въ новой драмѣ А. Н. Островскаго, изъ которой отрывки мы слышали изъ устъ самаго автора, видно уже дальнѣйшее развитіе нашего молодаго драматурга; здѣсь «искуство — само себѣ цѣль». Страстная природа молодаго сердца и слово, сотканное изъ чистой гармоніи русскаго стиха, здѣсь проявилось въ самомъ интересномъ сюжетѣ, — сюжетѣ, взятомъ изъ исторіи древняго Востока... Драма господина Островскаго называется «Александръ Великій въ Вавилонѣ.» Въ этой драмѣ представлены три совершенно различныя народности. Кромѣ драмы, господинъ Островскій приготовилъ къ печати переводъ Шекспировой драмы-комедіи: «Укрощеніе строптивой жены.»

5) *Г. П. Данилевскій*, авторъ поэмы «Мексиканскія ночи» и переводчикъ трагедіи Шекспира «Ричардъ третій», — приготовилъ къ печати «Степныя письма» и «Крымскія стихотворенія» и переводъ еще мало-

известной у нас омиастической трагедии Шекспира, въ стихахъ, «Цимбелинъ».

Я. П. Молоцкий, стихотворения котораго: «Гамлы» и «Сазандаръ» известны съ самой выгодной стороны русской публикѣ, и котораго теперь, уже третій годъ живя на русскомъ Востоцѣ, въ Телисѣ, занимается постоянно, кромѣ редакціи Закавказскаго Вѣстника, изученіемъ исторіи русскаго Закавказія, — пишетъ драму въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ — «Нареджана, Имеретинская царица»... Мы также, къ величайшему удовольствію нашему, слышали три дѣйствія этой драмы изъ устъ самаго молодого поэта-драматурга. По нашему убѣжденію, господину Молоцкому предстоитъ блестящая участь въ молодой, художественно-ученой русской литературѣ. Кто стихъ сильнѣе и глубже, если можно такъ сказать, многіхъ изъ нашихъ современныхъ поэтовъ...

Н. С. Щербина, авторъ «Преческихъ стихотвореній», теперь пребываетъ изъ Одессы въ Москву, и, кромѣ множества прекрасныхъ антологическихъ стихотвореній, готовитъ къ печати поэму «Нсилая».

Н. В. Березъ, идетъ своею дорогою. Онъ занимается теперь переводами «Пѣсенъ народовъ», но пѣсенъ — *всего міра*... французскія, немецкія, англійскія, венескія, итальянскія, швейцарскія, шведскія, финскія, татарскія, и все славянскія пѣсни — предстанутъ въ русскомъ переводѣ. И какъ это кстати? Теперь, когда народная пѣсенка вездѣ вытѣсняется — романами, кулетами и оперными аріями, господинъ Березъ собираетъ народныя пѣсни и на русскомъ языкѣ дрокоетъ намъ все ихъ разомъ. Пома онъ перевелъ только большую часть пѣсенъ славянскихъ племенъ.

Грѣфиня Е. Н. Ростопчина — продолжаетъ печатать въ «Москвитинѣ» свой романъ въ стихахъ «Поэзія и проза жизни» и готовитъ къ печати полное собраніе своихъ «Стихотвореній».

А. В. Струговицковъ готовитъ къ печати оконченный имъ переводъ въ стихахъ «Фауста», Гете.

А. А. Григорьевъ, бывший редакторъ «Пантеона», готовитъ къ печати переводъ драмы Шекспира: «Сонъ въ лѣтнюю ночь».

Госпожа Т. Ч., изящная и поэтическая произведенія которой известны читателямъ «Библиотеки для Чтенія» изъ библиографіи нашего журнала и, вѣроятно, давно, съ наслажденіемъ, прочтены въ «Путевыхъ запискахъ» госпожи Т. Ч., издаваемыхъ въ великобывныхъ типо-

граціяхъ великолѣпной Одессы, — написала новый романъ. Мы всегда съ нетерпѣніемъ ожидаемъ «Стихотвореній-романовъ», если можно такъ назвать чудныя произведенія молодаго женскаго пера, и съ жадностью читаемъ эти романы госпожи Т. Ч. По этому мы не могли себя отказать въ извѣщеніи нашихъ читателей, что сочинительница «Путевыхъ замѣтокъ» — написала новый романъ.

Въ Одессѣ же — Г. Фумели, издавшій нѣсколько времени назадъ первый выпускъ альманаха «Литературные вечера» готовить второй выпускъ этого альманаха. Между прочими произведеніями, тамъ мы увидимъ повѣсть новаго одесскаго романиста, О. А. Рабиновича, подъ названіемъ «Морицъ Сафарда», повѣсть, взятую изъ одесскихъ нравовъ, и нѣсколько новыхъ стихотвореній господъ Щербаны, Дашлевскаго, Полонскаго и другихъ.

Въ Москвѣ къ новому году готовятся альманахи — а) «Юридическій Сборникъ», б) Древне-классическій сборникъ, с) Литературный сборникъ и d) «Театральный... Объ именахъ» издателей этихъ сборниковъ мы до времени умолчимъ.

Наконецъ въ Москвѣ мы слышали, что Н. И. Гоголь, который теперь увхалъ по дорогѣ въ Константинополь, гдѣ проведетъ эту зиму, къ слѣдующей осени готовить второй томъ «Мертвыхъ душъ».

ПОМПЕО ДЖИРОЛАМО БАТОНИ. Батони родился въ Луккѣ 1708 года, получалъ первоначальное художественное образованіе на родинѣ. Пріѣхавъ въ Римъ, въ весьма молодыхъ лѣтахъ, онъ съ большимъ усердіемъ принялся за изученіе Рафаэля и антиковъ. Такимъ образомъ онъ постигъ тайну воспроизведенія природы въ которой черпалъ ту истину и разнообразіе красотъ, которыхъ недостаетъ нѣкоторымъ художникамъ, гоняющимся за идеаломъ. Въ природѣ онъ заимствовалъ движеніе и выраженіе, пріятныя изображаемому предмету. Убѣдясь опытомъ, что одного воображенія мало для того, чтобъ усвоить тѣ условія, которыя составляютъ искусство живописца, онъ каждый предметъ въ созданіяхъ своихъ бралъ прямо изъ природы; каждое движеніе заимствовалъ изъ жизни, каждую часть человѣческаго тѣла писалъ съ натуры, а драпировку не иначе, какъ по моделямъ. Обладая тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, онъ всегда заботился объ общемъ эффектѣ, которому сообщалъ оригинальный, ему одному свойственный, колоритъ. Батони не чуждъ былъ нѣкоторыхъ странностей; такъ напричмръ, говорятъ, что приступая къ ис-

полненію картины, онъ завѣшивалъ ее полотномъ и начиналъ работу съ верхняго лѣваго угла, открывая постепенно часть картины, по совершенной ея отдѣлкѣ. Хотя Батони, какъ мы уже сказали, придавалъ весьма большое значеніе вѣрному подражанію природѣ, но онъ увлекался иногда порывами своей творческой фантазіи: въ одной изъ картинъ своихъ, желая изобразить мечты и желанія молодой дѣвушки, онъ представилъ ее погруженною въ легкій сонъ; предъ ней являются два амура съ запасомъ разныхъ дорогихъ вещей и роскошныхъ нарядовъ; ближе къ дѣвушкѣ, художникъ помѣстилъ третьяго амура съ колчаномъ и стрѣлами — зрѣлище это занимаетъ красавицу и она во снѣ улыбается ему. Въ этомъ родѣ есть довольно много произведеній Батони. — Но занимаясь преимущественно живописью историческою и портретною, онъ написалъ множество картинъ и портретовъ. Изъ послѣднихъ замѣчательнѣйшіе — папъ: Бенедикта-Четырнадцатаго, Клементя-Тринадцатаго и Пія-Шестаго, императора Юсифа-Второго и императрицы Маріи-Терезинъ, Леопольда-Второго, его брата и наследника. — Русскій Дворъ также удостоивалъ Батони своими заказами. — Изъ картинъ его, собственно историческихъ, замѣчательнѣйшія: «Магдалина», находящаяся въ дрезденской галлерей и «Возвращеніе Блуднаго сына» въ галлерей вѣнской. — Занимаясь сначала некоторое время миниатюрною живописью, Батони съ успѣхомъ принималъ необходимую для миниатюры тонкую отдѣлку къ большимъ картинамъ, избѣжавъ при этомъ сухости. Для многихъ церквей, въ Италіи, онъ произвелъ запрестольные образа, отличающіеся тщательностью отдѣлки, которой онъ, однако жъ, не доводилъ до излишества. Изъ образовъ Батони, находящихся въ Римѣ, Рафаэль Менгсъ отдаетъ преимущество св. Цельсію, поставленному за главнымъ престоломъ церкви того же имени. Картина, изображающая «Паденіе Симона Волхва» съ которой копія написанная де-Ладвезомъ, украшала нашу послѣднюю академическую выставку, находится въ церкви Santa Maria degli Angeli. Картину эту хотѣли было воспроизвести въ мозаикѣ для Ватикана, вмѣсто картины того же содержанія, написанной Вани; но намѣреніе это осталось безъ исполненія, вѣроятно потому, что содержаніе картины заимствовано не изъ Евангелія. Помпео Батони умеръ въ Римѣ въ 1789 году.

Батони занимаетъ замѣтное мѣсто въ ряду живописцевъ римской школы восемнадцатаго столѣтія. Кавалеръ Боми въ своемъ сочиненіи «Elogio di Pompeo Batoni», сравнивая его съ Рафаэлемъ Менгсомъ, говоритъ, что Менгсъ былъ живописцемъ философа,

а Батони — живописцемъ природы, прибавляя, что Батони безсознательно воспроизводилъ изящное, тогда какъ Менгетъ достигъ того же наукою и размышленіемъ. И дѣйствительно, если Батони уступаетъ Менгету въ глубинѣ и отчетливости, за то превосходитъ его въ истинѣ и простотѣ, и этими качествами обязавъ своему врожденному расположенію къ живописи.

ДОМЕНИКО ЧИМАРОЗА И ТАЙНЫЙ ВРАКЪ. — Доменико Чимороза родился 17 декабря 1749 года, въ городѣ Аверса, между Капуа и Неаполемъ. Отецъ его, Януарио Чимороза, былъ бѣдный шютиникъ, который переселился въ Неаполь въ то время, когда тамъ строили дворецъ *Caro di Monte*. Отецъ и мать Чимарозы жили въ маленькомъ жалкомъ домикѣ близъ монастыря *Санто-Сесервю*, принадлежащаго французцамъ. Ему было семь лѣтъ, когда отецъ его убился, свалвшись съ подмостковъ, на которыхъ работалъ. Въ горести, мать Чимарозы обратилась къ своему духовнику и поручила ему сына. Отецъ Полькано, бывший органистомъ въ монастырѣ, коимъ котораго жила мать будущаго композитора, вращалъ ребенка съ добродушіемъ и сообщалъ ему первоначальныя понятія въ латинскомъ языкѣ. Замѣтивъ въ молодомъ ученикѣ живой умъ и счастливыя способности, добрый монахъ занялся не только его образованіемъ, но и содержалъ его на свой счетъ.

Когда отецъ Полькано заболѣлъ пѣніемъ въ своей кельѣ, аккомпанируя себя на клавесинѣ, молодой Чимароза, бывшій всегда съ нимъ, съ большимъ вниманіемъ слушалъ эти первые аккорды дивнаго искусства, въ которомъ онъ долженъ былъ впоследствии отличиться. Добрый монахъ, видя рѣдкія способности своего молодого ученика, сталъ учить его также и музыкѣ; потомъ помѣстивъ его, въ 1761 году, въ консерваторіи *Santa-Maria-di-Lorette*. Чимарозѣ было тогда двѣдцать лѣтъ. Тамъ, въ одной изъ школъ, учрежденныхъ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, откуда вышли Жомелли, Пиччини, Гулиельми, Саксини, Паззіелло, группою бессмертныхъ пѣнцовъ, составившихъ славу искусства въ Италіи, — Чимароза сначала учился пѣнію у Франческо Манна, потомъ изучалъ контрапунктъ, подъ руководствомъ Фенароли, ученика Дуранте. Платонъ говоритъ гдѣ-то, что произведенія поэтовъ писаны на божественномъ языкѣ, который они слышали въ другомъ мірѣ и который вспоминаютъ, какъ счастливый сонъ. Это справедливо, особенно въ отношеніи такихъ людей, какъ Чимароза.

Вышедъ изъ консерваторіи девятнадцати лѣтъ, онъ началъ импровизировать музыкальныя сочиненія съ невѣроятною легкостью. Успѣхъ его былъ внезапный и общій. Всѣ города Италіи, непрерывно другъ передъ другомъ, старались заманить къ себѣ молодого композитора, у котораго музыка, казалось, текла въ жилахъ вмѣстѣ съ кровью. Онъ объѣхалъ Римъ, Флоренцію, Венецію, Туринъ, расточая повсюду образцовыя произведенія, возбуждавшія всеобщій энтузіазмъ. Столько произведеній, блиставшихъ силою, граціей и естественностью, распространили славу его по всей Европѣ, и онъ былъ вызванъ въ Россію Екатерину, при дворѣ которой были Галуппи, Третта, Паэзіелло, то-есть, самыя великія маэстро и знаменитѣйшіе пѣвцы осемнадцатаго столѣтія.

Итакъ, Чимароза отправился въ Россію Одиннадцатаго іюня, сѣвъ на корабль въ Ливорно, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ 2 декабря 1789 года, и былъ принятъ здѣсь очень милостиво. Императрица назначила его учителемъ музыки у Великихъ Князей, съ богатымъ содержаніемъ.

Чимароза пробылъ въ Россіи три года, и въ это время сочинилъ кантату «*Felicità inaspettata*», множество оперъ, какъ напри- мѣръ, «*Cleopatra*» и «*Vergine del Sole*». Последняя въ особенности имѣла блистательный успѣхъ.

Сѣверный климатъ былъ вреденъ для его здоровья, и онъ оставилъ Россію въ 1792 году и остановился на время въ Вѣнѣ гдѣ написалъ свое безсмертное произведеніе: «*il Matrimonio Segreto*». Онъ снова увидѣлъ Италію въ 1792 году и объѣхалъ ея настоящимъ триумфаторомъ, сочиняя точно также, какъ и прежде, съ тою же плодovitостью и свѣжестью. Въ Неаполь онъ возвратился въ 1799 году, откуда, по разнымъ политическимъ обстоятельствамъ, уѣхалъ въ Венецію, гдѣ и умеръ 14 января 1801 года, пятидесяти-одного году отъ роду.

Чимароза написалъ до сотни оперъ и множество отдѣльных піесъ, которыя остаются погребенными въ бібліотекахъ любителей музыки, потому-что въ его время очень мало печатали музыкальныхъ произведеній. Чимароза пробовалъ писать во всѣхъ родахъ: сочинялъ оперы buffo, оперы seria, кантаты, ораторіи, мессы, и изъ его серіозныхъ оперъ, самыя замѣчательныя: «*Sajo Mario*» и «*Gli Orzi e i Curiazi*», написанная въ Венеціи, въ 1794 году. Въ этомъ же городѣ онъ сочинилъ, въ 1781 году, «*il Con- vitato di Pietra*», то-есть Дощъ Жуана, который возбудилъ такой

Энтузіазмъ при первомъ представленіи, что публика и гондолеры провожали съ факелами Чимарозу до его квартиры.

«Gli Ozzi e i Surgizi» самая извѣстная изъ серьезныхъ оперъ Чимарозы въ Европѣ. Во времена французской имперіи ее часто исполняли при дворѣ Наполеона Грассини и Крепелеттиса, два великіе таланта, для которыхъ Чимароза написалъ это произведение. Хотя серьезныя произведенія Чимарозы стлчаются первокласными достоинствами, однакожъ родъ, въ которомъ геній его въ особенности выказался и гдѣ нѣтъ ему соперника, это опера-буффа. Здѣсь онъ истинно неподражаемъ. Ничто не можетъ сравниться съ живостію и точностью его ума, съ увлеченіемъ и текучестью стила, съ разнообразіемъ, изобиліемъ и свѣжестію его идей. Его веселость является вдругъ, подобно свѣту, и сообщается слушателямъ съ такой же быстротой. Это добродушіе и грація въ совершенствѣ. Кто не знаетъ милую арію «Scimorgelli, delle trame deluse, чудеснаго дуэта, исполненнаго Lena cara, Lena, bella, de' traci amanti; комическую арію Mentre io era un frasco. тона, и сотни другихъ, такъ же милыхъ вещей? Но самыя счастливыя вдохновенія этого генія выходятся особенно въ «Тайномъ бракѣ».

Мы уже сказали, что это образцовое произведение написано въ Вѣнѣ, въ 1792 году, то-есть, годъ спустя послѣ смерти Моцарта. Казалось, Чимароза хотѣлъ собрать всѣ свои силы и почтить память автора «Донъ - Жуана», написавъ сочиненіе, надъ которымъ германскій маэстро подписалъ бы свое безсмертное имя.

«Тайный Бракъ» — образецъ полухарактерныхъ оперъ, гдѣ истинный комизмъ смѣшанъ съ граціей и чувствомъ. Это многообразное изображеніе радостей безъ коварства, страстей безъ угрызений совѣсти, въ нѣдрѣ почтеннаго семейства и въ свѣтлой душѣ, которая не взволнована ни влеченіями въ идеалу, ни тяжелыми заботами о матеріальныхъ нуждахъ. Въ этой оперѣ каждое лицо имѣетъ свою особенную фізіономію, каждая часть составляетъ прекрасное цѣлое. Сначала, увертюра, начинающаяся тихой игрою скрипокъ, среди которой, по временамъ, возвышаются тонныя звуки флейты, какъ вздохъ, вылетающій изъ стѣсненнаго сердца очень-хорошо знакомитъ, этимъ соединеніемъ веселости и нѣжности, съ характеромъ простой житейской исторіи. Потомъ слѣдуетъ превосходный дуэтъ сага; другой, столь же прелестный, Io ti lascio; арія Джороніо, Udite, tutti udite, которая одна стоитъ цѣлой комедіи; столь извѣстное тріо трехъ женщинъ, въ которомъ обрисованы три различные характера въ гармоническомъ

цѣломъ; квартетъ *Sento in petto*, написанный мастерской рукой и наконецъ финалъ, оканчивающій первое дѣйствіе.

Второй актъ начинается знаменитымъ дуэтомъ баса, который служилъ Россіи образцомъ для всѣхъ дуэтовъ, сочиненныхъ имъ въ этомъ родѣ, но далеко не такъ совершенныхъ. Потомъ слѣдуетъ самая превосходная арія для тенора, каковая только существуетъ въ музыкальномъ мірѣ, *Pria che arriti in ciel l'aurore*. Рассказываютъ, что Чимароза, готовясь написать ее, отдыхалъ двѣ недѣли. Каждое утро онъ ходилъ гулять по берегу Дуная, вдыхая полной грудью ароматный воздухъ полей. Душа его, освѣщенная такимъ образомъ соприноповеніемъ съ природою, вышлась въ этомъ гимнѣ юности и любви. Первая часть этой неподражаемой ариі, кажется, отражаетъ въ себѣ послѣдніе лучи вечерней зари и пропитана росой луговъ. Потомъ слѣдуетъ дуэтъ, *Stendimi per la mano*, который обыкновенно проходитъ незамѣченнымъ публикой, изнуренной впечатлѣніями всего предшествоваващаго. Пусть вообразятъ себѣ прелестную женщину, въ бѣломъ платьѣ, подъ таинственностью ночи. Трепещущая отъ любви и дочернаго благоговѣнія, она опирается на руку любимаго, говоря ему самыя нѣжныя слова. Дверь, открытая въ садъ, пропускаетъ въ комнату благоуханіе весеннихъ цвѣтовъ съ скромными лучами луны. Вотъ что видишь и чувствуешь, слушая этотъ дуэтъ, который наполняетъ васъ упоеніемъ и переноситъ въ очарованный міръ. Кромѣ этого, въ оперѣ «Тайный бракъ» есть прекрасный секстуръ и веселый финалъ.

Оркестровка Чимарозы, не имѣя полноты и разнообразія оркестровки Моцарта, можетъ быть, самая совершеннѣйшая, каковая только существуетъ въ родѣ комической оперы, ясная, выдержанная, исполненная силы, ума, веселости, мелодическихъ идей и поразительныхъ подробностей. Чимароза употребляетъ духовые инструменты съ большою осторожностью; не гонится за шумными эффектами, которые въ такомъ ходу въ наше время; онъ хочетъ нравиться и очаровывать выборомъ мотивовъ и обольщеніемъ формы, гдѣ соединены грація и очаровательная фантазія Аріоста.

«Свадьба Фигаро», «Тайный бракъ» и «Севильскій цирюльникъ» — три образцовыя произведенія, выражающія три совершенно различныя стороны природы человѣческой. Снѣхъ Моцарта — снѣхъ, смоченный слезами, по прекрасному выраженію Гомера; снѣхъ Чимарозы — произведеніе счастливаго характера живой и чистой веселости, тогда какъ снѣхъ Россіи полонъ сатирическаго,

насмѣшливаго лукавства. Между двумя послѣдними маэстро существуетъ очень большая разниа, и не всегда въ пользу лучшаго музыкальнаго генія нашего столѣтія.

Чувствуешь, что веселость Россіи имѣетъ въ себѣ что то лихорадочное и грозное; овъ въ отношеніи Чимарозы, то же, что Бомарше въ отношеніи Мольера: въ немъ больше полной насмѣшливости, нежели истины, болѣе блеску, нежели глубины; музыка его, какъ вино, бросается вамъ въ голову, между тѣмъ, какъ образцовое произведеніе Чимарозы — прелестный плодъ высшаго момента искусства, радостный крикъ счастливаго часу въ жизни.

Послѣ пятидесяти лѣтъ успѣха, «Тайный бракъ» Чимарозы до сихъ поръ еще моложе и свѣжѣе произведеній, написанныхъ спустя долгое время послѣ него.

Въ исторіи искусства замѣтны три эпохи: высокій крикъ, неусласмый истиникомъ при его пробужденіи къ жизни, услія, употребляемая имъ потомъ, чтобы создать языкъ, въ которомъ нуждается, затѣмъ наступаетъ та высокая минута, когда сердце можетъ выразить все волнующія его чувства. Восемнадцатое столѣтіе золотой вѣкъ музыки, а Доменико Чимароза одинъ изъ превосходнѣйшихъ композиторовъ*.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ МОЕГО МОЛОДАГО ЗНАКОМЦА. *Разсказъ женщины-писательницы.* Въ литературѣ есть разныя тайны: тайны страшныя и тайны миленькія. Миленькія тайны, это — моя часть. Какъ женщина, я ихъ развѣдываю, какъ писательница, разбалтываю. Это очень занимательно.

Однажды вечеромъ, въ моей маленькой гостиной, за чайнымъ столомъ, одинъ изъ короткихъ моихъ знакомыхъ, собратъ мой, если хотите, потому что онъ такой же literary gentleman, литературный господинъ, какъ я литературная госпожа, literary lady, разсказывалъ мнѣ свои литературныя похождения.

Надо вамъ знать, что это еще очень молодой человекъ, но воображающій, будто онъ уже ужасно старъ и нестерпимо опытенъ, проживъ двадцать-четыре года; наружности весьма интересной, стройный, блѣдный, пользующійся большимъ успѣхомъ у насъ, женщинъ, не только за то, что онъ интересенъ, блѣденъ и строенъ, но главное, потому, что онъ рисуетъ женскіе характеры оче-

* Либретто «Тайнаго брака» написано поэтомъ Бертагги, который замѣнилъ Лоренца да-Понте, при вѣнскомъ дворѣ.

ровательно, восхитительно, неподражаемо, какъ до него, у насъ, Русскихъ, не рисовалъ почти никто. Мы съ нимъ были бы очень дружны, такъ дружны, какъ только можетъ быть дружна женщина съ мужчиной, который моложе ея, то-есть, когда въ эти дружескія сношенія не примѣшивается никакого притязанія, слабобы знакомый мой, вслѣдствіе ли характера или этой опытности, которою онъ такъ гордится, не сохраняя въ рѣчахъ своихъ и въ наружности какой-то непроницаемости. Его холодная осторожность, по правдѣ сказать, сильно мѣшаетъ той пріятности, какую мы могли бы находить оба въ тѣхъ короткихъ сношеніяхъ, къ которымъ влечетъ насъ и сходство занятій и взаимное удивленіе другъ къ другу, потому-что надо вамъ еще знать, что я въ большомъ восторгѣ отъ его таланта, а онъ отъ моего. Но въ этотъ вечеръ мой знакомый былъ, противъ обыкновенія, очень разговорчивъ и безъ дальнихъ предисловіиъ рассказалъ... но пусть говоритъ онъ самъ.

« — Нѣсколько недѣль тому, я зашелъ въ магазинъ Печаткина, спросить вышли ли наши журналы. Въ магазинѣ шла суета. Старшій прикащикъ отвѣчалъ въ реестрѣ, двое другихъ завертывали и дѣлали надписи на журналахъ, приготовляемыхъ къ отсылкѣ; я протянулъ уже руку, чтобы взять свой экземпляръ «Библіотеки для Чтенія», какъ въ эту самую минуту одна молодая женщина откинула свой воаль и наклонилась взглянуть на оглавленіе той книги, которую я хотѣлъ взять. Лицо ея бросилось мнѣ въ глаза ... »

— Ну такъ и есть! перебила я. Опять красавица! Позвольте, однако, замѣтить, что я уже перестала вѣрить вашему вкусу. По милости вашей близорукости, всѣ женщины кажутся вамъ удивительно красивы...

« — Нѣтъ, на этотъ разъ я не ошибся, отвѣчалъ мой знакомый улыбаясь. Я очень хорошо разсмотрѣлъ эту женщину, лицо ея бросилось мнѣ въ глаза не потому, что было правильно и прекрасно, но у ней были голубые глаза и свѣтлорусые волосы, именно такихъ оттѣнковъ, какіе я особенно люблю.

« — Не можете ли вы продать мнѣ біографію Маріо? спросила она, обратившись къ старшему прикащику.

« — Біографію Маріо отдѣльно по-русски не выходило, отвѣчалъ онъ.

« — Какая досада! сказала она почти съ сердцемъ. Мнѣ такъ хочется ее имѣть!

« — Купите по-французски, замѣтилъ я.

« — По-французски тоже нѣтъ отдѣльно, отвѣчала она, бросивъ на меня бѣглый взглядъ.

« — Есть въ « Galerie de la presse....»

« — Знаю; но та книга слишкомъ дорога....

« — Дорога? три тома съ превосходно гравированными портретами, гдѣ вы найдете всѣ европейскія знаменитости....

« — Но онѣ мнѣ не нужны, я желаю имѣть только біографію одного Марио и не хочу заплатить за нее такой цѣны.

« — Извините за нескромность, сказалъ я, но мнѣ бы хотѣлось знать, чтѣ вамъ угодно дать за эту біографію?

« — Незнакомка бросила на меня взоръ, въ которомъ я прочелъ опасеніе, не насмѣхаюсь ли я надъ ея экономіей. Кажется, однако, что она успокоилась на этотъ счетъ, потому что отвѣчала:

« — Я готова дать за нее пять рублей серебромъ, но не болѣе.

« — Если позволите, я вамъ достану за эту цѣну....

« — Какимъ это образомъ?

« — У меня есть экземпляръ, который уже мнѣ не нуженъ, я охотно уступлю вамъ одинъ томъ. Если вамъ угодно, то оставьте мнѣ вашъ адресъ, я пришлю вамъ книгу сегодня-же, а вы потрудитесь отдать деньги моему человѣку.

« — Тонкая улыбка промелькнула на губахъ молодой женщины, но въ тоже мгновеніе она скромно опустила глаза и сказала послѣ минутной нерѣшимости:

« — Я очень благодарна за ваше любезное предложеніе, но заставить васъ разрознить экземпляръ....

« — Онъ и безъ того разрозненъ. Одинъ томъ я подарилъ моему другу, другой почту за величайшее счастье уступить вамъ....

« — Но этотъ томъ все-таки стоитъ болѣе пяти цѣлковыхъ.

« — Вовсе нѣтъ. Онъ уже не новъ, листы разрѣзаны, кажется даже на оберткѣ много чернильныхъ пятенъ. Пять цѣлковыхъ даже слишкомъ много за него....

« — Я бы охотно согласилась, если бы могла купить эту книгу здѣсь и сейчасъ, но сказать фамилію и адресъ для пяти цѣлковыхъ....

« — Для меня это не составитъ ровно никакого затрудненія, черезъ часъ книга будетъ у васъ.

« — То есть, вы сами ее принесете.... и не могу этого позволить....

« — Почему же? Развѣ въ Петербургѣ можно избѣгнуть новыхъ знакомствъ ?

« — Но знакомства должны дѣлаться приличнымъ образомъ....

« — Вячеславъ Петровичъ, сказалъ я, обратившись къ хозяину магазина, — вы человѣкъ известный въ книжной торговлѣ, сдѣлайте одолженіе, поручитесь за меня вотъ этой дамѣ и скажите ей мое званіе и фамилію....

« — Этого вовсе не нужно, перебила она сухо, сдѣлавъ шагъ къ дверямъ.

« — Позвольте, сказалъ я, если я долженъ отнаться отъ удовольствія познакомиться съ вами, не откажите, по крайней мѣрѣ, внять отъ меня эту книгу здѣсь. Я пришлю ее къ Вячеславу Петровичу, а онъ передастъ ее вамъ.

« — Увѣрившись, что нечего опасаться послѣдствій этой встрѣчи незнакомка сняла перчатку, вынула изъ кошелька пяти-рублевою бумажку и подала мнѣ ее.

« — Я сберегу эту бумажку навсегда, она принесетъ мнѣ счастье, сказалъ я.

« — Молодая женщина слегка мнѣ поклонилась. Два голубые глаза, крошечная ножка промелькнули мимо меня и все исчезло. Я хотѣлъ было броситься за нею, но хозяинъ магазина остановилъ меня.

« — Позвольте, позвольте, сказалъ онъ торопливо, а что же похоть, которую вы обѣщали извѣстной вамъ особѣ ?

« — До повѣсти ли мнѣ теперь! подумалъ я и вышелъ изъ магазина на улицу.

« Но незнакомки уже не было видно. Я прошелъ весь Невскій Проспектъ, заходилъ въ боковыя улицы, — нѣтъ! она пропала!

« Какъ я глупъ! подумалъ я, переходя отъ досады къ радостной надеждѣ. Въ магазинѣ вѣрно знаютъ, гдѣ она живетъ, можетъ быть когда-нибудь относили книги на домъ. Скорѣе опять туда! » Я бросился домой, взялъ проданную книгу и пошелъ на проспектъ. Но у Печаткина никто не зналъ этой дамы, ее видѣли въ магазинѣ въ это утро въ первый разъ. Напрасно подъ разными предлогами оставался я тамъ, перебирая и разсматривая книги и журналы, за моей книгой никто не приходилъ. Не могъ же я поселиться на цѣлый день въ магазинѣ и, скрѣпя сердце, долженъ былъ уйти. На другой день мнѣ сказали въ магазинѣ, что книга была уже взята съ восьми часовъ утра той самою молодою дамой. Я воротился домой очень не въ духѣ. «Зачѣмъ сдѣлала она на меня такое сильное впечатлѣніе, думалъ я съ досадою!

Но я ей не поддамся! Не брошу для нея ни занятій моихъ, ни знакомыхъ, и есть ли у меня время думать объ ней! И къ чему поведетъ все это? Какъ могъ я отыскать ее въ Петербургѣ, а если бы и удалось, подъ какимъ предлогомъ явиться къ ней съ визитомъ? Конечно! выкину ее изъ головы!» Разсуждая такимъ образомъ, я протянулъ руку къ афинкамъ, валявшимся на письменномъ столѣ моемъ. Въ тотъ вечеръ давали «Сонамбулу» и Марію по возвращеніи пѣлъ въ первый разъ. Можетъ-быть она не пропуститъ этого представленія? подумалъ я. Поскорѣе за билетомъ въ театръ! Съ трудомъ досталъ я мѣсто въ самомъ заднемъ ряду креселъ и какъ ни очаровательно пѣла Персіани, какъ ни хорошъ былъ Марію, признаюсь, я ихъ не слушалъ. Ни одной ложы не оставилъ я безъ подробнаго обзору; по крайней-мѣрѣ цѣлый часъ напрасно я искалъ. Вдругъ, вообразите мою радость, я увидалъ ее, ее, мою очаровательную, свѣтлорусую незнакомку, въ четвертомъ ярусѣ, среди множества и женскихъ и мужскихъ лицъ. Она показалась мнѣ еще вдвое лучше. Ея прелестные волосы того чуднаго, пепельнаго цвѣту, съ которымъ на однихъ цвѣтъ на свѣтѣ я не сравню, были въ короткихъ локонахъ и зачесаны назадъ, моя любимая прическа, какъ вы изволите это знать.»

— То-есть, вы окончательно влюбились?

«— Почти что такъ. Передъ концомъ послѣдняго акта, я отправился въ четвертый ярусъ, съ твердымъ намѣреніемъ прогуливаться по корридорѣ до тѣхъ-поръ, какъ она выйдетъ изъ ложи. Можетъ-быть мнѣ удастся съ ней заговорить, можетъ-быть я подмѣчу, куда она поѣдетъ; но пока я взбирался въ четвертый ярусъ, опера кончилась, въ корридорѣ было страшно тѣсно и ложа, въ которой она сидѣла, была уже пуста. Съ тѣхъ-поръ я буквально изнывалъ отъ желанія ее увидѣть. Напрасно не пропустилъ я ни одного представленія въ Большомъ Театрѣ, я ни разу не встрѣтилъ ее тамъ.»

— Неужели вы еще способны такъ сильно привязаться? перебила я шутя. Не вы-ли говорили мнѣ недавно, что такъ много уже испытали въ жизни, что сердце ваше охолодѣло, что вы уже не въ состояніи любить?...

«— Я не зналъ, что встрѣчу женщину, которая, какъ нарочно, соединяетъ въ себѣ все, что нравится мнѣ на этомъ свѣтѣ....

— То-есть, цвѣтъ волосъ и глазъ.... прическа, перебила я.

«— И лѣта, лѣта! я увѣренъ, что ей только лѣтъ девятнадцать, двадцать....

— Да я и забыла, что вы въ женщинахъ любите только девятнадцатый и двадцать-третій годъ.

«— Да, признаюсь, я крѣпко не жую Балзаковскихъ героннъ.

— Чѣмъ же кончилось ваше приключеніе?

«— Недавно отправился я навѣстить нашу общую знакомую, Софью Петровну. Я засталъ ее съ книгой въ рукѣ.

«— Чтò вы читаете? спросилъ я небрежно.

«— Биографію Маріо, отвѣчала она, кинувъ книгу на столъ.

«— Вся кровь бросилась мнѣ въ лицо. Невольно протянулъ я руку къ книгѣ и, вообразите, на оберткѣ увидѣлъ знакомое мнѣ чернильное пятно!

«— Откуда достали вы эту книгу? спросилъ я съ сильнымъ біевіемъ сердца.

«— Софья Петровна взглянула на меня съ удивленіемъ.

«— Отъ одной знакомой, отвѣчала она.

«— Можно узнать, кто она такая?

«— Очень миленькая и интересная особа.

«— А, какъ ее зовутъ?

«— Зачѣмъ вамъ это?

«— Такъ, изъ простаго любопытства.

«— А, вы скрытничаете со мною! Такъ вотъ нѣтъ же, не скажу! Будетъ съ васъ знать, что это дѣвушка безъ состоянія и принуждена трудиться для того, чтобъ содержать себя.

«— Вы часто ее видите?

«— Напротивъ, очень рѣдко. Ея занятія не позволяютъ ей часто выѣзжать.

«— Чѣмъ же она занимается?

«— Даетъ уроки музыки и переводить.

«— Я такъ люблю музыку, мнѣ-бы хотѣлось ее послушать....

«— Она не играетъ ни при комъ.

«— Познакомьте меня съ нею.

«— Съ какой стати? вы просите моего посредничества, а не хотите ничего мнѣ рассказать.

«— Я видѣлъ, что ничего не добьюсь отъ Софьи Петровны, если не объясню того, чтò ей хотѣлось знать. Я рассказывалъ ей встрѣчу въ магазинѣ, умолчавъ о томъ, чтò былъ уже влюбленъ и сваливъ все на простое любопытство. Но Софью Петровну не легко проведеть.

«— Она васъ заинтересовала, сказала она мнѣ послѣ моего разсказу и именно потому, что отказалась отъ вашего знакомства,

и вы понимаете, что не могу же и взять это на себя. Она живеть не одна, а съ сестрами и съ братьями; съ какой-же стати и повезу васъ къ нимъ?

«— Прекрасно! вы выманяли мою тайну и отказываетесь мнѣ помогать?»

«— Для вашей-же пользы. Мечтайте объ ней, наслаждайтесь воспоминаніемъ, вѣдь вы счастливы теперь? А познакомитесь только съ нею, вы страшно разочаруетесь....»

«— Отчего? развѣ она не такъ мила въблизи, какъ мнѣ показалось?»

«— О! нѣтъ! не то! но.... но....»

— Но что же, что?

«— Софья Петровна засмѣялась и какъ я ни упрощивалъ, она ничего не хотѣла мнѣ сказать.»

— Что жъ далѣе? спросила я, видя, что мой знакомый остановился.

«— Далѣе то, что вся надежда моя на васъ.»

— Какъ на меня? развѣ я знаю эту таинственную особу?

«— Можете узнать. Поручите Софью Петровну дать ей что-нибудь для перевода, и такимъ-образомъ познакомитесь сначала сами съ нею, а тамъ познакомьте и меня.»

— Какъ вы славно посвѣщили все устроить, но позвольте васъ спросить, съ какой стати я буду хлопотать?

«— О! затѣмъ, чтобы я былъ навсегда вашимъ преданнымъ, покорѣйшимъ слугою.»

— Хорошо! услуга за услугу! я доставлю ей работу, познакомлю васъ, но вы обязаны за это каждый годъ писать по дѣмъ новѣсти для моего любимого журнала....

Въ эту минуту въ передней раздался звонокъ. Знакомый мой въ радости бросился было цѣловать мнѣ руки, съ обѣщаніемъ исполнить всѣ мои условія, но при видѣ той, которая къ намъ подходила, онъ остановился на половинѣ неоконченнаго слова. То была дѣвушка, очень милая и умная, которая часто у меня бываетъ, но которую послѣднее время я не видала уже давно. Она была очень занята и теперь зашла ко мнѣ только на минуту, говоря, что сестры ждутъ ее внизу. Исключительно завнимись ею, я не замѣтила, какое дѣйствіе произвело ея появленіе на моего гостя и не опомнилась отъ удивленія, когда онъ по уходѣ этой дѣвушки радостно вскричалъ:

«— Это она! это она! о какое счастье!»

— Какъ! что такое? кто она?

«— Обожательница Маріо! моя незнакомка, которую я обожаю. Я прѣвлялась громко хохотать. Знакомый мой смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

«— Не знаю, что вы находите тутъ смѣшнаго? сказалъ онъ съ досадою на лицѣ.

— Я смѣюсь надъ вами. О! какъ-же вы попался!

«— Попался?... я?...

— Ну да! Софья Петровна сказала правду. Вы разочаруетесь или, можетъ-быть, исправитесь....

«— Отчего?

— Отъ вашего предубѣжденія, господинъ ненавистникъ тридцатилѣтнихъ женщинъ.

«— Какъ? развѣ она?...

— Черезъ два года вступитъ въ возрастъ Бальзаковскихъ героинь.

«— Неужели ей?...

— Двадцать-восемь лѣтъ, по самому вѣрному счѣту. Не будь вы близоруки, вы бы не ошиблись такъ. По лицу она несколько не моложе. Что, милостивый государь, попался? Тридцатилѣтняя женщина свела съ ума. А кто говорилъ, что женщина интересна только отъ девятнадцати до двадцати-трехъ лѣтъ? Сознайтесь-же, что и Бальзаковская героиня можетъ-быть мила!

Знакомецъ мой, не говоря ни слова, взявъ шляпу и пренизко мнѣ поклонился.

— Куда-же вы это?

«— Иду къ Милльсу.

— Къ оптику?

«— Да!... куплю себѣ непременно фразэнгоферскія ахроматическія очки, самыя чистыя, самыя свѣтлыя, не обрадуживающіе предметовъ, показывающіе все вѣрно и правдиво.

— Вы испортите свое счастье!

«— Нужды нѣтъ. Я уже испортилъ его опытностью.

— Вы лишитесь, изъ ста, девяноста-девяти случаевъ къ восторгамъ.

«— Но я останусь вѣрнымъ моей теоріи. Девятнадцать или двадцать три!... я написалъ это и не могу измѣнить моему литературному убѣжденію. Прощайте.»

ДРАМА ПОДЪ ТРАВОЮ. Разъ весною, вскорѣ послѣ восхожденія солнца, я сидѣлъ на лугу, и наклонясь къ зеленой муравь, старался проникнуть въ тайны ея.

Свободная фантазія мечтателя представляла мнѣ дѣвственный

лѣсъ въ миниатюрѣ въ этой миниюлетной растительности, гдѣ я могъ произвести яростную бурю своимъ дуновѣніемъ.

Стебельки, сплетшіся между собою, напоминали мнѣ безчисленныя кустарники, затрудняющіе путь странника по пустынямъ новаго міра. Солнечные лучи, сквозившіе черезъ цвѣты и листья, достигали до земли только въ видѣ прозрачной и тонкой пыли, серебристаго цвѣту. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, мелчайшія насѣкомыя не могли найти выхода между тонкими и слабыми стебельками микроскопическихъ пальмъ. Перовный грунтъ покрывался древними остатками сѣмянъ и моху. Тамъ-и-сямъ, между двумя сухими былинками, дрожала крупная капля росы, въ ней утонула бы мошка, еслибъ безъ должной осторожности вздумала переправиться чрезъ это бурное озеро.

Въ глубинахъ лѣса — карлика волновался маленькій міръ дикихъ тварей, слѣдующихъ эгонистическому нистантку, непрерывно покоряющихся праву сильнѣйшаго или хитрѣйшаго. Паукъ разстилалъ свою бѣлую паутину, чтобъ запутать на пути дикихъ вѣтренницъ; клещакъ преслѣдовалъ несчастную улитку-слизня, которая тщетно искала убѣжища въ своей перламутровой раковинѣ; пчела оспаривала у осы пурпуровую чашечку колокольчика, а пока овѣ дрались, великолѣпный подалирій-бабочка безнаказанно высасывала нектаръ изъ спорнаго цвѣтка. Свѣтлякъ искалъ отдохновенія подъ тѣнью пахучей богородицкой травки, а въ двухъ дюймахъ отъ него, лукавый сверчокъ скрипѣлъ шумными цимбалами.

Отдѣльный эпизодъ травяной поэмы привлекъ все мое вниманіе.

На широкомъ листѣ мяты, на ея тонкомъ и мягкомъ пушку, я примѣтилъ хорошенькое насѣкомое изумруднаго цвѣту, величавую съ весенній горошекъ и принадлежащее, какъ мнѣ казалось, къ красному роду короткошей (*buprestes*).

Мало-по-малу оно пробуждалось подъ тонкимъ лучемъ солнца, свѣтлою ниточкою проникавшаго сквозь занавѣсы ея листовнаго алькова. Беззаботное насѣкомое потягивало крошечныя лапки и при каждомъ движеніи отливалось блескомъ живаго изумруда. По ея томной прелести, жеманнымъ пріемамъ, я тотчасъ узналъ маленькую кокетку женскаго рода. Она торопливо подползла къ ближней фіалкѣ, на которой сверкала великолѣпная жемчужина росы и премило привялась за тглетъ свой въ капелькѣ благоуханной росинки. Сначала она помочила блестящія лапки, потомъ вертлявую головку, на которой острыя глазки сверкали точно

черные брильянты въ золотой оправѣ, потомъ рожки и усики, очаровательное украшеніе миловидной головки.

Окончивъ свои наряды, Изумрудка бросила довольный взглядъ въ остатокъ росивки, точно въ зеркало; потомъ свѣжая, счастливая, испустила серебряный звукъ, едва доступный для монхъ грубыхъ чувствъ, подобный звукамъ божьей коровки на лиліяхъ нашихъ цвѣтниковъ: то была сладостная пѣснь любви.

Листья другаго кустика мяты, не вдалекѣ отстоявшей, тотчасъ же пришли въ движеніе и на верхушкѣ вѣтки, какъ на высокой обсерваторіи, появилось второе насѣкомое изъ рода же изумрудокъ.

Щитокъ его не имѣлъ зеленого волнистаго отлива миловидной самки; но скорѣе рыжеватые и блестящіе отбѣнки золотого панцыря. Впрочемъ поступь его благородна и отважна; рожки восвышались величавымъ султаномъ, а усики мужественно поднимались надъ головою, точно перья витязя среднихъ вѣковъ. Тотчасъ можно было угадать влюбленнаго юношу, мужественнаго, прекраснаго, вѣжнаго и учтиваго.

На одно мгновеніе онъ внималъ пѣнію Изумрудки; но вдругъ это пѣніе прекратилось. Вѣроятно его примѣтили и спрятались въ самый сокровенный уголокъ зеленого алькова. Безполезная уловка! она не обманула страстнаго поклонника. Не теряя времени на то, чтобъ распустить крылья, онъ стремительно бросился внизъ и упалъ къ ногамъ кокетки, трепещущей отъ страха и радости. Тутъ они помѣнялись ролями. Златолатникъ, сейчасъ только такъ гордившійся своимъ воинственнымъ снарядамъ, любовью, пылкостью, превратился въ самого смиреннаго и почтительнаго обожателя, вздыхающаго предъ своею красавицею. Видъ его былъ умоляющій; онъ наблюдалъ за собою, чтобы не испугать очаровательной Изумрудки. Подползши къ ней, онъ робко остановился, шевеля свои усики мягкимъ и граціознымъ движеніемъ; вѣрно изображалъ страсть свою въ самыхъ вѣжныхъ выраженіяхъ.

Изумрудка представлялась жестокою: по временамъ отворачивала головку съ видомъ достоинства и стыдливости. Но обожатель, съ своей стороны, былъ настойчивъ. Мало-по-малу разстояніе между ними уменьшилось; двѣ хорошенькія лапки соединились; торжественный султанъ Златолатника — вѣтренникъ не снялъ его, чтобъ обнять свою даму — склонился къ зеленому плечку Изумрудки, и они размѣнялись поцѣлусмъ, эхо не повторило его.

Однако страшный соперник приближался осваривать у Златолатника его обворожительную красавицу.

Вскорѣ я увидѣлъ его, коварно-скользящаго по широкатовому стеблю мяты. Онъ былъ вдвое больше влюбленнаго соперника и по-крайней-мѣрѣ вдвое старѣе его. Наружность его показывала нравъ буйный, задорливый и свирѣпый. Его голова, щитокъ, надкрылія, все было черво, тусклаго, грязнаго цвѣту; его искокавныя и скрученныя усики, казалось, не разъ получали поразеніе во многихъ вровопрлитныхъ сраженіяхъ. Даже одна лапа была изувѣчена; ступая, онъ моталъ въ воздухъ самымъ отвратительнымъ образомъ остаткомъ изувѣченной лапы.

Довѣрчивая чета, ничего не подозрѣвая, упивалась любовью, какъ вдругъ отвратительная голова Калѣки, вооруженная сильными клещами, появилась передъ ними. Саврѣпый, непрощеный гость, осторожный даже въ жестокостяхъ, остановился, положивъ лапы на наружный уголокъ листка. Послѣ минутнаго наблюденія, онъ тяжело заковылялъ по зыбкой платформѣ и нагло сталъ передъ ними. При этомъ гнусномъ явленіи, бѣдная Изумрудка повалилась навзничь. Она трепетала отъ ужасу и умоляла своего любезнаго защитить ее. Потомъ волненіе ея такъ усилилось, что она сдѣлалась неподвижна, какъ будто лишилась чувствъ.

Но храбрый Златолатникъ сталъ передъ нею и оградилъ своимъ тѣломъ. Осанка его была такъ рѣшительна, такъ мужественна, что Калѣка снова невольно остановилась. Соперники, прежде нежели вступили въ бой, измѣряли другъ друга взорами, вызывая другъ друга на бой, на подобіе древнихъ бойцевъ. Бой на смерть былъ неизбеженъ; Изумрудка, очаровательная Изумрудка, должна быть нераздѣльною наградою побѣдителя. Длинноногіе пауки взлѣзли на вершину большой нимфгаргитки, чтобы не потерять изъ виду ни малѣйшей подробности замѣчательнаго турнира. Нарядныя стрекозы желтаго и сянга цвѣту, какъ знатныя дамы съ тонкою тальей, горделиво разсѣлись въ первыхъ ложахъ, на пурпуровыхъ вѣткахъ дикаго гадянта.

Пониже, нѣсколько жуковъ, съ достопочтеннымъ брюшкомъ, важные судьи битвы, наблюдали за сподвижниками въ лорнеты, изъ цвѣтовъ сирени. Черная толпа муравьевъ представляла остальную часть зрителей. Скупая деревенщина прервала на минуту работы свои, и каждый муравей, взлѣзши на кусочекъ зернышка или мошки, который долженъ перенести въ общую кладовую, смотрѣлъ на приготовленія къ битвѣ, разинувъ ротъ.... можетъ

быть за тѣмъ, чтобъ пожать побѣжденнаго. Среди общаго вниманія, началась смертная битва.

Муза! воспой подвиги мужественныхъ сподвижниковъ.

Златолатникъ, какъ самый пылкій и проворный, нанесъ первый ударъ; блестящая ланка его упала на голову свирѣпаго Калѣки. Но тотъ выдержалъ нападеніе съ безстрастіемъ стараго воина. Лѣвою стороною толстой голени, онъ отдалилъ ударъ, и въ тоже время, старался схватить голову врага своими широкими поперечными клещами. Быстрое движеніе спасло Златолатника, начавшаго нападеніе съ новымъ жаромъ. Ратники вскорѣ нанесли уже другъ другу признаки взаимнаго ожесточенія. Остатки усиковъ и рожковъ Калѣки упали къ ногамъ подъ сверкающею ланкою Златолатника, тогда какъ возлюбленный Изумрудки съ удивительной ловкостью умѣлъ сохранить величественныя украшенія своей головки; но мощныя клещи Калѣки напечатлѣли глубокія раны на горлѣ его и кровь потекла по его блестящему вооруженію.

Такъ дѣлалась битва съ почти равномѣрными успѣхами, когда соперники пожелаали, казалось, окончить ее рѣшительнымъ ударомъ. Они бросились другъ на друга, сдѣлались клещами, переднія ланки быстро перекрещивались какъ обнаженные шпаги, а заднія съ силою упирались. Точно двое могучихъ богатырей, сильнѣхся сломать одинъ другаго.

То было торжественное мгновеніе!

Нарядныя зрительницы, сидѣвшія на гіацинтѣ, казалось, страдали нервическими спазмами; толстобрюхіе жуки держали пари, а легкокрылыя бабочки, кругомъ сторожившіе на красномъ макѣ, съ тоскливой неизвѣстностью ожидали результата битвы, чтобы до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ луга разгласить о томъ вѣсть.

Результатъ недолго оставался сомнительнымъ. Храбрый Златолатникъ, увлеченный пылкостью своею, не сумѣлъ разсчитать силъ своихъ. Невѣрное движеніе погубило его; заднія ланки подогнулись.... тотчасъ же его точно сломало по поламъ, и Калѣка сильнымъ толчкомъ головы подбросилъ его на воздухъ.

Такъ погибъ прекрасный защитникъ Изумрудки! Тогда трепеть ужаса распространился отъ корней былиннокъ до самыхъ высокихъ зонтиковъ величественной урсиніи. Стрекозы закрыли себѣ глаза газовыми крылышками; одна слишкомъ чувствительная букашка не имѣла силъ доползти до ближняго ясеня и упала безъ чувствъ въ объятія своего куманька, большаго жука, даже свирѣпый инстинктъ медвѣдки приостановился и она выр-

вила червячка, котораго готова была пожрать. Чтѣ же касается до меня, я не такъ еще жалѣлъ о Златолатникѣ, какъ объ участи его злополучной подруги. Бѣдная Изумрудка, чтѣ-то съ нею будетъ?

Послѣ краткаго отдыха, побѣдитель приступилъ къ ней. Никогда еще онъ не имѣлъ такого гнуснаго виду. Онъ едва могъ двигаться на полувырванныхъ лапахъ; отвратительные ключи отъ рожковъ торчали у него на головѣ; черное вооруженіе было покрыто кровью. А между-тѣмъ, хоть ковыляя, онъ подступилъ къ Изумрадкѣ и положи свою противную лапу на чистую одежду бѣдной крошкн, казалось съ торжествующимъ видомъ говорилъ: «Она моя!»

Одно прикосновеніе возвратило чувство несчастной изумрадкѣ. Она вздрогнула и судорожно поднялась; потомъ, безъ ума отъ страху и горя, бросилась быстро карабкаться по стебельку роднаго растенія. По виду ея, можно было судить, что она рѣшилась на какой нибудь отчаянный и печальный поступокъ.

Но свирѣпый Калѣва, такой же упорный въ любви, какъ и въ ненависти, бросился за нею въ погоню, и, не смотря на боль, принимаемую ему ранами, быстро всходилъ за нею. Бѣдняжка въ себя взбѣжала на самую высоту мяты. Достигши самой высокой точки, откуда открывался весь маленькой горизонтъ, состоящій изъ цвѣтовъ, она кинула вокругъ себя долгій и грустный взглядъ. Можетъ быть, она говорила послѣднее прости роскошной природѣ, великолѣпному солнцу, которые навѣки покидала; можетъ-быть, послѣднюю мысль любви она посвящала тому, кто умеръ защищая ее!... Но содроганіе листковъ, единственнаго убѣжища ея, возвѣстиво приближеніе гнуснаго преслѣдователя ея. Тогда она не колебалась болѣе и цѣломудренно приложивши лапки къ граціозному стану, сбросилась съ ужасной высоты.

Я наклонился, чтобъ посмотреть, чтѣ съ нею сдѣлалось и увидѣлъ ее трепещущую, разбитую близъ бездушнаго тѣла Златолатника. Нѣжная подруга, собравъ всѣ силы, съ трудомъ подползла до него, страстно прижалась къ нему и, казалось, ласками своими хотѣла возвратить его къ жизни. Увы! — все было безутѣшно; и у насѣкомыхъ, какъ у болѣе могучихъ твореній, безжалостная смерть никогда не возвращаетъ своей добычи. Изумрудка повала это, она положила голову на грудь друга, медленно пошевелила шелковыми усиками и тихо умерла, какъ будто уснула безмятежнымъ сномъ.

Я думалъ уже зарыть злополучныхъ друзей подъ розовымъ

лесточкою у подошвы изъ мятлаго пучочка, какъ вдругъ вокругъ меня обнаружился павическій страхъ. Длинновогіе пауки ужасно зашагали къ своимъ домамъ; бабочки быстро улетали; муравьи въ безпорядкѣ бросились бѣжать, забывъ свои ноши; испуганный сверчокъ безмолвно прятался въ щорку. Наконецъ вся трава заколыхалась и вдругъ оттуда высунулась остроконечная морда громаднаго чудовища, то есть, полевой мыши, отиравшейся на охоту.

Прежде нежели я успѣлъ сдѣлать движеніе и закричать, тѣмъ Изумрудки и Златолатника нашли могилу въ обширномъ желудкѣ этого полевого тигра.

Я искалъ глазами Калѣку. Онъ употребилъ на пользу свое утомительное восхожденіе и самымъ философическимъ образомъ глоталъ нѣжныя и сочныя побѣги на верхушкѣ мятлаго куста.

КРЫСА. Въ 1845 году, въ брестской темницѣ содержался одинъ человекъ, съ мрачной физиономіей, по имени Францъ. Злая страсти преждевременно изрыли морщинами его лобъ и изсушили лицо; свирѣпый, молчаливый, онъ способенъ былъ отважиться съ ужающею дерзостью на все отчаянное.

Но однажды замѣтили, что свирѣпый нравъ его какъ будто смягчился: послѣ дневной работы, онъ садился куда-нибудь въ уголокъ, и физиономія его, обыкновенно свирѣпаго вида, принимала не такое ужасающее выраженіе, даже слова нѣжности вылетали изъ губъ, до того постоянно сомкнутыхъ безмолвіемъ. Наконецъ подмѣтили, что онъ скрывалъ что-то за пазуху и ежеминутно съ заботливой нѣжностью наблюдалъ за этимъ таинственнымъ предметомъ.

Приставы стали съ безпокойствомъ доискиваться, что-бы такое могъ скрывать этотъ страшный человекъ; они опасались, не удалось-ли ему утащить какое-нибудь оружіе, съ которымъ онъ могъ отважиться на отчаянный поступокъ. Двое изъ нихъ неожиданно бросились на него, чтобы не дать ему времени понять ихъ намѣреніе и сопротивляться. Увида себя во власти ихъ, онъ съ отчаяніемъ закричалъ:

— Не убивайте ее, не убивайте ее!

Прежде нежели онъ успѣлъ докончить эти слова, одинъ изъ сторожей выхватилъ крысу, спрятанную у него на груди.

— Не убивайте ее, повторилъ онъ! Бейте меня, дѣлайте со мною что хотите, но не мучьте ее! Не давите ее такъ сильно своими

нальщики! Если ужъ вы не хотите ее опять отдать мнѣ, то выпустите ее на волю.

И при этихъ словахъ крупныя слезы, первые слезы въ жизни, покатались изъ глазъ его и упали на грудь.

Сторожа не могли безъ состраданія слушать его просьбы и видѣть его слезы. Державшій крысу, выпустилъ ее изъ рукъ. Мисуганное животное бросилось бѣжать съ необыкновенною быстротою, отличающею крысиный родъ и скрылось за бревнами, лежавшими не вдалекѣ.

Заключенный, утеревъ слезы, слѣдилъ глазами за крысой, и тогда только вздохнулъ свободно, когда увидѣлъ ее внѣ опасности. Не произнеся ни слова, опустилъ голову, онъ всталъ, последовалъ за своимъ товарищемъ и легъ спать.

На другой день утромъ, отправляясь на работу, блѣдный, послѣ бессонной ночи, онъ бросилъ тревожный взглядъ на бревна, и сталъ тихо звать, но этотъ зовъ остался безъ отвѣту, и онъ продолжалъ дорогу, терзаемый глубокою печалью, которую тщетно старался скрыть.

Пришедши на мѣсто, онъ принялся за работу съ лихорадочнымъ жаромъ: одинъ ворочалъ камня, которые двое съ трудомъ могли бы поднять и безъ всякой причины подвергался опасностямъ, какъ-бы желая навѣки проститься съ жизнью.

Онъ наклонился надъ бревномъ, которое собрался нести съ двумя или тремя товарищами, какъ вдругъ почувствовалъ легкое щекотанье на щекѣ; онъ повернулъ голову и радостный вопль вырвался изъ груди его: единственный другъ его въ цѣломъ мѣрѣ, крыса, отыскала его и потихоньку взбѣжала къ нему на плечо. Онъ выронилъ бревно, схватилъ ее на руки, покрылъ поцѣлуями и снова спряталъ за пазуху; потомъ, обращаясь къ одному изъ главныхъ начальниковъ, который въ это время проходилъ мимо:

— Позвольте мнѣ, сказалъ онъ ему, позвольте мнѣ имѣть при себѣ эту крысу, и я клянусь, что съ этого вретени сдѣлаюсь приѣмромъ повиновенія и не буду заслуживать наказанія.

Чиновникъ, къ которому относилась эта просьба, кивнулъ головою въ знакъ согласія и продолжалъ свою дорогу. Францъ приподнял рубашку, чтобы еще разъ полюбоваться на вѣрное животное, и снова принялся за работу.

Съ той минуты, когда ему было дозволено неотлучно имѣть при себѣ крысу, скрывая ее на груди, съ той минуты, свѣрбный Францъ превратился въ самаго кроткаго узника изъ всѣхъ

содержавшихся въ тюрьмѣ, и если иногда случалось ему выказывать свою геркулесовскую силу и моральную энергію, такъ это только для того, чтобы удержать въ порядкѣ своихъ товарищей. Ратапо — такимъ страннымъ именемъ онъ называлъ свою крысу — сдѣлалась для него предметомъ вѣжности, доходившей до страсти: Онъ дѣлался съ нею хлѣбомъ и скорѣе самъ рѣшился-бы голодать, нежели заставить ее ожидать. Въ короткія часы отдохновенія, онъ ухитрялся дѣлать разныя ручныя работы, требовавшія долгаго терпѣнія, для того, чтобы продать ихъ и купить потомъ на эти деньги дюбимыя лакомства Ратапо, напримѣръ пряникъ или кусочекъ сахару. Когда, во время утомительныхъ работъ, Ратапо вылезала изъ подъ рубашки хозяина и садилась къ нему на плечо, онъ съ улыбкою оборачивался къ своему другу и съ удвоенными силами принимался за работу. Но когда, въ прекрасный солнечный день, крыса спускалась на землю, преспокойно усаживалась насупротивъ своего друга, разглаживала шерсть свою, тонкими когтями расчесывала свои длинныя усы и крошечными лапками умывала широкія уши, тогда онъ выходилъ изъ-себя отъ радости: потиралъ руки, не могъ довольно налюбоваться ею; радостныя восклицанія вырывались у него изъ груди; умилно переглядывался онъ съ черненькими лукавыми глазками маленькой грызуныи. А она, довѣряя покровительству и заботливости своего хозяина; уходила, возвращалась, дѣлала что хотѣла, увѣренная, что никто не осмѣлится прикоснуться къ ней съ злымъ умысломъ, потому что прикоснуться къ Ратапо значило уже подвергнуть себя страшному наказанію. Однажды, кто-то бросилъ въ нее маленькимъ камнемъ; но дорого за то поплатился, пролежавъ цѣлую недѣлю въ больницѣ отъ жестокаго удара кулакомъ въ грудь, отъ котораго не отказался бы и самъ покойный — классической памяти — Милонъ Кротоповичъ, однимъ тумакомъ убивавшій быка на мѣстѣ.

Черезъ годъ, онъ былъ переведенъ въ мастерскую и не замедлилъ отличиться какъ самый смысленный, искусный и трудолюбивый работникъ. Съ своей стороны Ратапо сдѣлалась любимицею цѣлой мастерской. Когда не спала, она всегда сидѣла передъ своимъ хозяиномъ и съ какою-то смысленностью слѣдила за движеніями его пилы, но лишь только раздавался звонокъ къ обѣду, она вспрыгивала на него и на просторѣ бѣгала, суетилась и предавалась веселости.

Такъ протекло четыре года, а съ годами дружба Франца къ крысѣ увеличивалась болѣе и болѣе. Францъ спасъ жизнь Ратапо, когда однажды котъ, прокравшись въ мастерскую, предательски бросилъ

ся на нее сзади, потому-что крыса, по величій и силѣ своей легко могла-бы совладѣть съ котомъ. Онъ бросился на вота, схватить его и съ нѣскольکو секундъ расотрошилъ его.

Долго Ратапо не могъ оправиться послѣ такой перепалин: слишкомъ нѣсая галерный перевязывалъ раны своего друга. Онъ утѣшался тѣмъ, что несчастіе, приключившееся съ его крысой, возбуждало всеобщее участіе. Не только служащіе и всѣ узники разсуждали о поступкѣ Франца, какъ о достопримѣчателномъ происшествіи, но и сестры милосердія, находившіяся при больницѣ, снабдили его биндами и лекарствами для перевязыванія ранъ Ратапо. Даже докторъ не поспѣшивался подать нѣскольکو совѣтовъ о методѣ леченія, какое слѣдуетъ предпринять, и о самыхъ дѣйствительныхъ средствахъ.

Наконецъ, послѣ многихъ безпокойныхъ дней, послѣ долгихъ тревожныхъ ночей, Ратапо совершенно выздоровѣлъ и по прежнему сталъ веселъ, только задняя лапка еще не много волочилась, да на бокахъ и на спинѣ были еще примѣтны широкія слѣды ранъ, не закрывшіеся шерстью. Ручное животное снова приняло свои прежнія привычки; но при видѣ кошки, другъ ея приходилъ въ ярость, пряталъ Ратапо за пазуху, и не было уже пощады бѣдной кошкѣ, если она попадалась ему въ руки.

Въ одво прекрасное утро великая вѣсть и великая радость достигли узника. За примѣрное поведеніе, которымъ онъ отличался въ продолженіе четырехъ лѣтъ, вѣчная ссылка смягчалась на двадцати-лѣтнее изгнаніе, въ число котораго включались и пятнадцать лѣтъ, уже приведенныя имъ въ ссылкѣ.

— Я обязанъ этому моему Ратапо! воскликнулъ онъ, узнавъ объ этомъ неожиданномъ счастіи.

И съ сердечнымъ изліаніемъ поцѣловалъ свою крысу.

Но, увы! ему не суждено было наслаждаться этимъ счастіемъ. Внезапная болѣзнь свела его въ могилу. Умирая, онъ вынулъ крысу изъ-за пазухи и передавая ее одному молодому галернику, сказалъ взволнованнымъ голосомъ, прерываемымъ рыданіями:

— Будь къ ней добръ, и люби ее, какъ я любилъ.

Но надо-ли все досказывать? въ продолженіе нѣсколькихъ дней Ратапо показывалъ безпокойство объ отсутствіи своего хозяина; но потомъ — она вскорѣ совершенно забыла его, по-крайней мѣрѣ по наружности, и къ новому хозяину точно также ласкалась, какъ и къ прежнему.

Теперь она жирна, гладка, здорова, немного своенравна, и составляетъ предметъ ужаса кошекъ, потому-что самымъ блиста-

тельнымъ образомъ отплатила за свое пораженіе, задвигнувъ уже четырехъ, и едва завидитъ гдѣ кошку, тотчасъ бросается на нее.

Но крыса не обнаруживала никакого воспоминанія объ умершемъ другѣ, ни малѣйшаго даже признака воспоминанія, когда произносили при ней имя Фравца, то самое имя, которое нѣкогда заставляло ее выпрямлять свои уши и бѣжать съ одного конца тюрьмы на другой.

Увы! это доказываетъ, что и крысы не болѣе людей обладаютъ памятью и благодарностью!

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Справедливы ли слова Бальзака, что «пѣвицы процвѣтаютъ въ Германіи, скрипачи въ Бельгіи, актеры въ Франціи, но только одна Италия производитъ хорошихъ пѣвцовъ?» — Нѣтъ, голосъ — не матеріальное произведеніе, какъ каменный уголь или юсть: онъ составляетъ важную часть человѣческой организаціи, а организація вездѣ одинакова. Не одна Италия, но и другія страны Европы производили великихъ пѣвцовъ. Германія имѣла въ прошедшемъ етолтін Мару, урожденную Шмеллингъ, и въ наше время имѣетъ Зонтагъ; Франція имѣла Фодоръ и Даморо; Англія — Гремъ, Клару Новеллу и мисъ Берчъ; Испанія — Малибранъ и Виардо. Швеція справедливо гордится своею Женн Ливдъ, точно такъ, какъ и Россія своимъ знаменитымъ теноромъ Ивановымъ. Правда, они образовались въ итальянской школѣ и прославились, какъ пѣвцы при помощи итальянскаго пѣнія. Правда, противъ пятидесяти великихъ вокальныхъ именъ итальянскихъ другія земли могутъ выставить только одного или двухъ отличныхъ пѣвцовъ. Но какъ голосъ — главное, какъ безъ чудеснаго голоса нельзя быть великимъ пѣвцомъ, а искусство, при умѣ и талантѣ, можетъ пріобрѣсти каждый, то нѣтъ причинъ утверждать за одною Италіей право производить удивительныя по этой части явленія. Въ Петербургѣ находится въ эту минуту госпожа Гасель-Бартъ, первая пѣвица вѣнскаго императорскаго театра. Слава ея началась въ Италіи, гдѣ она произвела фуроръ на многихъ изъ первыхъ лирическихъ сценъ. Потомъ, она съ триумфомъ объѣхала всю Англію и большую часть Германіи и кончила тѣмъ, что приняла блестящій ангажементъ вѣнскаго императорскаго театра. Въ Италіи она очаровывала дилетантовъ своею превосходной методой и блестящими колоратурами. Въ Германіи — присоединяла къ этимъ превосходнымъ качествамъ пѣвицы, еще качества искусной музыкантши и драматическаго таланта, какого еще не существовало тамъ съ-тѣхъ-поръ, какъ Шредеръ-Девриенъ оставила сцену. Съ ангажементомъ въ Вѣ-

ну началась ея извѣстность, какъ первой драматической пѣвицы въ Германіи.

Мы нѣдѣли удовольствіе слышать госпожу Гассель-Бартъ вскорѣ по пріѣздѣ ея въ Петербургъ. Въ голосѣ ея замѣтны еще были слѣды усталости отъ долговременнаго путешествія. Однако же съ первой ноты мы признали въ ней великую артистку, а послѣ первой аріи, вполне сознались, что слава этой пѣвицы ничуть не преувеличена и что она вполне заслужила ее. Гассель-Бартъ обладаетъ голосомъ, какой очень рѣдко встрѣчается. Не знаешь, чему больше удивляться, могущественной ли звучности и трогательному тембру, или необыкновенному объему его. Но и метода пѣвицы также необыкновенна, какъ и ея голосъ. То въ великолѣпномъ *crescendo* достигаетъ она такой силы и такого блеску, что приводитъ въ сотрясеніе самыя отдаленныя углы огромной залы; то утишаетъ свой голосъ до едва слышнаго *mezzavose*, похожаго на щебетаніе птички или на лепетъ заснуваго ребенка, но тѣмъ не менѣе оно превосходно и внятно. Извѣстно, что хорошее *mezzavose* есть достоинство, которымъ владѣютъ немногія пѣвицы. Вокализанія госпожи Гассель-Бартъ также рѣдкаго совершенства; въ самыхъ сложныхъ, въ самыхъ быстрыхъ пассажахъ, каждая нота отдѣляется у нея чистою и свѣтлою какъ перлъ, когда она выдѣлываетъ хроматическую гамму, вы можете каждую минуту остановиться и всегда найдете каждую ноту также вѣрною и чистою, какъ будто она взята на инструментъ.

Будетъ ли публика имѣть случай услышать госпожу Гассель-Бартъ? До сихъ-поръ еще объ этомъ не было вопроса, но мы думаемъ, что прибытіе такой пѣвицы въ настоящую минуту есть кладъ для нашей Итальянской Оперы, которая обладаетъ госпожею Персіани, превосходной примадонной, но не имѣетъ въ нынѣшнемъ году первой драматической пѣвицы для роли, на примѣръ, Валентивы въ «Гугенотахъ». А Гассель-Бартъ въ этой-то роли и неподражаема. Мы надѣмся, что вскорѣ публика будетъ имѣть удовольствіе познакомиться еще съ одною великою пѣвицею.

Сюда прибыла и другая пѣвица, госпожа Ниссенъ, Шведка, подобно Женни-Линдъ. Она уже была прежде въ Петербургъ, но еще при началѣ своего вокальнаго поприща. Съ того времени она посѣтила Италію и прославилась въ Европѣ. Передъ нами лежатъ журналы Лондона, Берлина, Лейпцига, наполненные величайшими похвалами таланту этой артистки. Перечень всѣхъ этихъ

похваля свидѣтельствуеть, что госпожа Ниссенъ стоитъ въ ряду первыхъ пѣвицъ, что съ необыкновенными природными способностями, она соединяеть основательную методу и рѣдкое совершенство. Чрезвычайно превозносятъ ея манеру выпускать голосъ (*emission de voix*), ея мощное *forte* и пріятное *piano*. Но въ особенностяхъ возбуждають общія похвалы ея трели, и, вѣроятно, вслѣдствіе этихъ трелей, какой-то восторженный журналистъ назвалъ ее «шведскимъ жаворонкомъ». Извѣстно, что Женни Линдъ называютъ вездѣ «шведскимъ соловьемъ». Судя по репертоару пѣвицы, вкусъ ея строже и основательнѣе, чѣмъ у большей части ея соперницъ. Она поеть не одного Верди, или Беллини, но также Моцарта и даже Генделя. Вѣроятно, мы скоро будемъ имѣть удовольствие услышать госпожу Ниссенъ.

Вьетанъ возобновилъ свои музыкальныя утра-квартеты. Въ прошломъ году эти утра разнообразились итальянскими аріями и модною музыкою салонною; теперь же они примуть свой прежій характеръ. Вотъ уже наступилъ пятый годъ, какъ существуютъ эти концерты, и будемъ надѣяться, что они еще долго проживутъ. Такъ называемая серьезная музыка въ Петербургѣ имѣеть только одно убѣжище — собственно на этихъ музыкальныхъ утрахъ, даваемыхъ передъ публикою во-сто или во-сто-пятьдесятъ особъ. Партіи второй скрипки, альты и виолончели въ нынѣшнемъ году исполняютъ господа Альбрехтъ, Кнехтъ и Мауреръ. На первомъ собраніи, бывшемъ 12 ноября, мы слышали сначала прекрасный квартетъ въ *si bemol* Моцарта, потомъ *La Gigantesca* шаконне Себастіана Баха и, наконецъ, квартетъ въ *temore* Франца Шуберта. Вьетанъ исполняетъ это огромное твореніе Баха, носящее скромное названіе танца, съ удивительнымъ совершенствомъ; вѣрно, не было и не будетъ другаго скрипача, который бы могъ лучше его выполнить эту піесу. Мы слышали ее два раза: въ первый разъ Вьетану аккомпанировало фортепіано. Читатели наши, безъ сомнѣнія, помнятъ, что это шаконне написано чрезвычайно оригинально для одной только скрипки, безъ всякаго аккомпанимента, и что Мендельсонъ, чтобы усилить эффектъ этого превосходнаго сочиненія, а можетъ-быть также, чтобы сколько-нибудь уменьшить трудность скрипки, придѣлалъ къ нему аккомпаниментъ фортепіано. Но въ послѣдній разъ вмѣсто фортепіано Вьетану аккомпанировали скрипка, альтъ и виолончель; это переложеніе аккомпанимента не произвело ожидаемаго дѣйствія. Онъ очень сливался въ первую скрипку и иногда даже причинялъ вредъ намѣренію сочиненія. Квар-

тотъ Шуберта написанъ не совсѣмъ въ стилѣ квартета. Въ немъ много прекраснаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно видно, что вышняя камерная музыка не была призваніемъ композитора, который такъ счастливъ въ своихъ восхитительныхъ *Lieder*.

Старый знакомый всѣхъ пианистовъ, пѣвцовъ, читателей, даже танцоровъ, «Нувелистъ», съ первымъ января начнетъ свое новое поприще. «Нувелистъ» въ-самомъ-дѣлѣ лучшій изъ всѣхъ музыкальныхъ журналовъ и сборниковъ, издаваемыхъ въ Россіи. Оно и должно быть такъ: господинъ Бернардъ не только опытный редакторъ, но и хорошій музыкантъ; онъ имѣетъ удивительную способность удовлетворять вкусу каждаго изъ своихъ подписчиковъ. Чтобы придать большее значеніе Литературному Листку «Нувелиста», редакторы имѣютъ намѣреніе помѣщать въ немъ критику на музыкальныя новости. Сюда же прибавится критическій разборъ сочиненій, заключающихся въ «Нувелистѣ»; разборъ этотъ предназначается къ облегченію разучиванія этихъ сочиненій всѣмъ пианистамъ, которые еще не далеки въ искусствѣ, или руководимы плохими учителями.

Изъ заморскихъ земель, самая важная новость, какую можемъ сообщить нашимъ читателямъ — та, что *Верди* убитъ, зарѣзанъ, уничтоженъ.... Да! дорогие читатели, да! превосходныя читательницы! *Верди*, тотъ умный композиторъ, могучія и самобытныя мелодіи котораго такъ услаждали васъ, тотъ, кто первый осмѣлился вывести хоръ итальянской оперы изъ ничтожества, кто вмѣсто того, чтобы аккомпанировать его накладными (*plaque*) аккордами нѣсколькихъ *quintetto*, превратилъ его въ характеристическое лицо, которое дышетъ, говоритъ, поетъ — поетъ даже съ величайшимъ эффектомъ; кто въ особенности въ униссонѣ развиваетъ обширную мелодію, сопровождаемую всеми богатствами оркестра: этотъ *Верди* палъ жертвою фальшивой квинты.

Кто-же такъ безжалостно сгубилъ южнаго Орфея?

Я вамъ тотчасъ назову его. Это нѣкто господинъ Фетисъ-отецъ, ученѣйшій изъ всѣхъ брюссельскихъ теоретиковъ. Эта знаменитая фигура, желающая, во чтобы то ни стало, быть признанною за судью міра музыкальнаго и немзыкальнаго, путешествовала недавно по Италіи. Причиной путешествія было предписаніе врачей, пославшихъ господина Фетиса-Сына въ страну померанцевъ и музыки *Верди*, для возстановленія здоровья. Москѣ Фетисъ, какъ чадолюбивый отецъ, не хотѣлъ отпустить сына одного въ такую опасную страну и поѣхалъ съ

нимъ, чтобы ухаживать и заботиться объ немъ; и потому-то, въ-роятно, для пользы своего чада, онъ и разилъ молніею новѣйшую музыку. А можетъ-быть, тутъ есть и другая причина. Можетъ-быть Италия вообще, и Верди въ особенности, не встрѣтила съ приличнымъ торжествомъ такую важную фигуру, какъ господиновъ Фетисъ-Отецъ! Можетъ-быть, триумфальная арка была слишкомъ узка и никакъ не пропускала директора бельгійской консерваторіи съ его полнымъ грузомъ гордости и схоластики. Должна-же, наконецъ, быть какая нибудь тайна, почему господиновъ Фетисъ бьется изо всѣхъ силъ, какъ бы уничтожить зловреднаго Верди! Въ такомъ нечеловѣколюбивомъ намѣреніи, старый ученый, какъ только пріѣхалъ въ Венецію (то есть, едва вступилъ въ Италію), тотчасъ выписалъ четырнадцать большихъ оперныхъ партитуръ Верди, и выводитъ изъ нихъ заключеніе, будто Верди никогда ничего не изобрѣталъ, будто онъ только воспроизводилъ всѣ ошибки своихъ предшественниковъ, будто.... Но приведемъ лучше собственныя слова Фетиса: «Только Верди суждено представлять собою такой феноменъ, чтобы пробѣжать самую прекрасную карьеру, безъ всякаго удовлетворительнаго на то права, потому-что оригинальность именно и есть то качество, котораго не достаетъ въ его партитурахъ, и только по многочисленности ошибокъ и недостатковъ онъ примѣчательны.» —

Потше, мужъ великій и грозный: вотъ ужъ это и есть что-то необыкновенно феноменальное! Потому-что никогда неслыхано, чтобы кто-нибудь пользовался извѣстностью, безъ какого-нибудь на то права! Случается иногда, что простая сваровка, не основанная ни на какомъ знаніи, ни на какомъ талантѣ, доставляетъ нѣкоторую извѣстность артисту, но это тогда только бываетъ, когда артистъ имѣетъ дѣло съ частью публики, а не съ цѣлою Европою. Мы видѣли *Фосса*, *Розелена* и собратій ихъ по невѣжеству, пользовавшихся подобною извѣстностью. Но это могло случиться только потому, что эти господа имѣли дѣло съ людьми, которые не умѣли ни судить ни понимать, то есть, съ начинающими пидветами. Композиторъ-же оперы, обращающійся къ полному числу публики, никогда не можетъ надѣяться обмануть ее; если его музыка не имѣетъ достоинства, она не можетъ понравиться всѣмъ, и на оборотъ, ежели она нравится массамъ, то значитъ имѣетъ какое-нибудь достоинство. Народы обладаютъ удивительнымъ инстинктомъ понимать изящное и прекрасное также хорошо, какъ понимаютъ ихъ знатоки посредствомъ своихъ знаній и анализа.

Со времени изобрѣтенія музыкальныхъ журналовъ, народы ни на волосъ не измѣнились. И такъ, ежели въ наши дни, какой-нибудь журнальный критикъ, — будь онъ хоть тысяча разъ профессоромъ и директоромъ консерватори, — вздумаетъ объявить, что миѣнне Италія и всей музыкальной Европы ложно, то его голосъ не будетъ услышанъ. Положимъ даже, что онъ достигнетъ того, что его услышатъ: все-таки этимъ онъ не перемѣнитъ всеобщаго миѣннн, а скорѣе можетъ случиться, что его самого назовутъ наглцомъ или невѣждою.

Посмотримъ же, въ какихъ недостаткахъ и несовершенствахъ господина Фетиса упрекаетъ Верди.

Всего болѣе, кажется, разгнѣвало господина Фетиса то, что творецъ «Эрнани» получаетъ за свои партитуры больше денегъ, нежели его предшественники. Какъ намъ кажется, что денежная цѣна не имѣетъ никакого отношенія къ существенному достоинству произведеній искусства, то мы и оставимъ рѣшеніе этого вопроса капиталистамъ и странствующимъ музыкантамъ, замѣтимъ только, что сколько я ни зналъ директоровъ театровъ, всѣ они, кажется, довольно сильны въ счетахъ, чтобы дать за партитуру дороже, нежели чего она стоитъ.

Перейдемъ къ другимъ упрекамъ господина Фетиса: «Верди, пренебрегая ошибками декламированнаго пѣнн», говоритъ онъ, «довелъ голоса до самыхъ провзятельныхъ тоновъ и кончилъ тѣмъ, что уничтожилъ, системою безпрестанныхъ криковъ, все, что оставалось еще отъ древняго искусства пѣнн». Послѣ этого обвиненія, бельгійскій критикъ очень наивно удивляется тому, что италіанская публика любитъ теперь шумъ, что для нея уже болѣе недостаточно оркестра въ девяносто музыкантовъ, что къ нему пужно прибавить одинъ или два отряда солдатъ съ ихъ тромбонами, трубами и турецкими барабанами. Не любопытно ли встрѣчать вѣчно одни и тѣ же упреки, одни и тѣ же сожалѣнн! Чтѣ Фетисъ говоритъ о Верди, тоже самое Мармонтель говорилъ о Глюкѣ, Шауль о Моцартѣ, не считая тысячи голосовъ, упрекавшихъ въ томъ-же Бетховена, Керубини, Спонтини, и другихъ. Вы дойдете такимъ-образомъ до самой колыбели искусства. Однако же музыка шла своимъ путемъ, волею и неволею подчиняясь крайней необходимости *постояннаго усиленія* эффектовъ: одни считали это успѣхомъ, а другіе упадкомъ, и при всемъ томъ музыканты, у которыхъ были идеи, всегда занимали первое мѣсто. Эффекты проходятъ, но мелодія остается: мелодія вѣчна. Можно говорить противъ шума: но не

нужно и слишкомъ бояться его; шумъ не разрушаетъ музыки: былъ бы лишь толкъ въ шумѣ.

Нужно ли говорить о другихъ недостаткахъ, найденныхъ господиномъ Фетисомъ въ четырнадцати партитурахъ Верди? Нужно ли разбирать всё фальшивыя квинты, всё ужасныя повторенія (*gemissements*), въ которыхъ такъ язвительно упрекаютъ гениальнаго Верди? Нѣтъ, мы лучше оставимъ это. А то, говоря о фальшивыхъ квинтахъ Верди, непременно придется разбирать и тѣ, которые сдѣланы Моцартомъ, Гайденомъ, Бетховеномъ, и даже Себастьяномъ Бахомъ. Можно вполне доказать, что всё ошибки сдѣланы великими маэстро умышленно, и что они не такъ важны, какъ хочетъ выставить ихъ господи́нъ Фетисъ. Бельгійскій много ученый болту́нъ поправляетъ каждую фальшивую квинту Верди. Но есть ошибки, которыя могутъ сдѣлать одни только гени́н; поправить же ихъ съумѣетъ каждый школьникъ! Однажды, какой-то педантъ (вѣроятно съ-родни господину Фетису) упрекалъ Бетховена въ фальшивой квинтѣ, найденной имъ въ одномъ изъ его сочиненій. Великій композиторъ спросилъ его: кто же запрещаетъ подобныя квинты?

— Альбрехтс бергеръ, Кирибергеръ и другіе теоретики! отвѣчалъ педантъ.

— Ну, что жъ, Альбрехтсбергеръ запрещаетъ, а Бетховенъ допускаетъ ихъ!

Можетъ-быть и Верди далъ подобный отвѣтъ своему артистуху!

Повторенія, ставимыя въ такое важное преступленіе Верди, которыя находитъ господи́нъ Фетисъ, доказываютъ излишнюю ревность и сильное воображеніе критика, что весьма удивительно встрѣтить въ такомъ сухомъ и систематическомъ писателѣ, который одного только себя умѣетъ хвалить разнообразно и пылко. Еще шагъ.... и будетъ арія «Сжался» — походитъ на вальсъ Штрауса!

Мы не хотимъ провозглашать Верди первымъ въ мірѣ композиторомъ, но находимъ въ немъ много и очень много достоинствъ. Кого не приведетъ въ негодованіе такой недобросовѣстный отзывъ о немъ господина Фетиса? Написавъ какое-то теорическое сочиненіе, впрочемъ довольно сомнительнаго достоинства, онъ думаетъ, что въ правѣ раздавать и отнимать репутаціи! Онъ бранитъ безпощадно Верди и вслѣдъ за тѣмъ, безпощадно, въ той же газетѣ, расхваливалъ самъ себя. Онъ написалъ нѣсколько статей о музыкальныхъ засѣданіяхъ, бывшихъ въ Брюсселѣ. Въ

этихъ статьяхъ онъ осыпаетъ себя величайшими похвалами, говоритъ объ энтузиазмѣ, возбужденномъ имъ и прочая.

На музыкальныхъ засѣданіяхъ господинъ Фетисъ говоритъ рѣчи объ исторіи музыки.

— Вы бывали въ Брюсселѣ?

— Да!

— Замѣтили-ли вы въ королевскомъ паркѣ, противъ замка, два прекрасные павильона? Здѣсь иногда ученики консерваторіи играютъ въ присутствіи короля. Плафонъ этихъ павильоновъ покрытъ небольшими медальонами; на каждомъ медальонѣ написано имя композитора. Господинъ Фетисъ назначалъ имена. Что же вы тутъ найдете? Жоскева, Орландо-ди-Лассо, Люлли, Глюка, Россини, Карафу, и тысячи другихъ композиторовъ, древнихъ и новыхъ.

Они почти всё здѣсь. Недостаётъ только четырехъ, и этотъ несчастный квартетъ, для котораго Фетисъ не нашелъ нигдѣ мѣста, называется: Бахъ, Гайдель, Моцартъ, Бетховенъ!

Увидя такую несообразность, я не хотѣлъ вѣрить глазамъ моимъ, я искалъ ихъ цѣлый часъ во всѣхъ углахъ павильоновъ, увѣренный, что наконецъ отыщу-же гдѣ нибудь эти великія-имена. Но всё мое поиски остались тщетными; я долженъ былъ повѣрить очевидности. Карафа и Меркаванте тутъ, а Моцарта и Бетховена нѣтъ!

Хотѣлось бы побывать на исторической лекціи господина Фетиса, чтобы услышать, какъ человекъ, не знающій самыхъ главныхъ героевъ музыки, преподаетъ исторію этого искусства!—

Въ томъ же номерѣ «Парижской музыкальной газеты» гдѣ господинъ Фетисъ помѣстилъ критику на Верди, или лучше сказать, *противъ* Верди, находится и другая статья его подъ заглавіемъ: «Derniers éclaircissements sur le Requiem de Mozart». Но вмѣсто общанныхъ «éclaircissements», мы находимъ въ ней то, что намъ уже давнымъ-давно извѣстно, и что было напечатано лѣтъ пятнадцать тому назадъ при послѣднемъ выпускѣ партитуры «Requiem», изданной господиномъ Андрѣ въ Оффенбахѣ. Въ этихъ «éclaircissements» нѣтъ ничего новаго, ничего удивительнаго, развѣ только этотъ тонъ самоувѣренности, съ какимъ авторъ старается выдать за собственные открытія то, что уже такъ давно извѣстно.

Но довольно, — можетъ быть даже и слишкомъ довольно; и мы просимъ извиненія у благосклонныхъ читателей.

Если-бы не этотъ тонъ самоувѣренности, который можетъ

легко обмануть простодушныхъ читателей, мы бы ничего не сказали. Но какъ статья господина Фетиса имѣла даже честь быть переведенной въ нѣкоторыхъ русскихъ журналахъ, то мы и считаемъ обязанностью предупредить нашихъ читателей, что это — только вспышка известной всѣмъ наглости въ сужденіяхъ — клевета — и мщеніе оскорбленнаго тщеславія. *Б. Дамке.*

— *Парижъ.* Здѣсь пробылъ нѣсколько дней Мейерберъ. Многие журналы кричали, что онъ пріѣзжалъ за тѣмъ, чтобы поставить какое-то новое произведеніе свое на сцену, но дѣло вышло иначе: ему просто захотѣлось повидаться съ друзьями.

— Въ «Парижской музыкальной газетѣ» помѣщенъ любопытный разсказъ объ утреннемъ посѣщеніи сцены оперы, вилльямскимъ посланникомъ Дженгъ-Багадуромъ. Множество каретъ, посланника и его свиты, вѣхало на парадный дворъ театра. Директоръ проводилъ сначала посланника въ большое танцевальное фойе, гдѣ упражнялись молодые артисты. Бархатное кресло, украшенное золотомъ, было приготовлено для знаменитой особы, которая, казалось, съ необыкновеннымъ любопытствомъ слѣдила за всѣми тѣлодвиженіями учениковъ. Спустя часть времени, когда у него спросили, не наскучило ли ему здѣсь, онъ отвѣталъ, что съ удовольствіемъ бы еще остался до вечера. Изъ танцевальнаго фойе Дженгъ-Багадуръ проведенъ былъ съ церемоніею на сцену театра, гдѣ ожидалъ его балдахинъ, тотъ самый, который служитъ императору въ третьемъ дѣйствіи «Жидовки». Посланникъ сѣлъ, помѣстивъ возлѣ себя Фанни Черито; тогда для него и его свиты исполнены были дивертисменты изъ «Enfant prodigue», новой оперы Обера. Дженгъ-Багадуръ, очарованный этимъ зрѣлищемъ, потребовалъ, чтобы ему представленъ былъ весь танцующій легіонъ. Этого рода аудіенція происходила въ большомъ фойе. Въ небольшомъ привѣтствіи, произнесенномъ на гиндустанскомъ языкѣ и тотчасъ переведенномъ на французскій, принцъ объявилъ, что нигдѣ женщина не представлялась ему въ такомъ очаровательномъ видѣ, какъ на сценѣ оперы и что никогда онъ не забудетъ того, что видѣлъ, какъ бы далеко онъ не былъ и какъ-бы долго небо не продлило его дни. На прощаньи, Дженгъ-Багадуръ схватилъ руку директора, пожалъ ее и оставилъ въ ней богатый платокъ. Директоръ нашелъ въ немъ истинно царскій подарокъ, двѣ тысячи-пять-сотъ франковъ. Позванъ былъ бухгалтеръ и тутъ-же совершено дѣлежъ;

вышло, что на каждого корнета досталось по шестидесяти франковъ, а на каждого ученика и машиниста по тридцати.

— *Лондонъ.* Нѣкто Монкъ-Мезонъ изобрѣлъ и построилъ чудовищный контрабасъ, названный двойнымъ басомъ, необыкновенно-обширнаго діапазона, удивительной звучности и производящій большой эффектъ при многочисленномъ оркестрѣ, но при употребленіи этого инструмента встрѣчено было чрезвычайное неудобство: по его необыкновенному размѣру, играющій на немъ долженъ былъ сидѣть на значительномъ возвышеніи. Неудобство это вскорѣ было устранено. Одинъ механикъ, Бруксъ, нашелъ средство дать двойному басу Монкъ-Мезона размѣры обыкновенныхъ контрабасовъ, сохраняя весь діапазонъ, всю звучность его. Двойной басъ будетъ введенъ въ первый разъ въ концертахъ, называемыхъ «національными», которые будутъ даваться на Театрѣ Ея Величества, подъ дирижерствомъ Бальфа.

Америка. Америка стѣна сходитъ отъ Женни-Линдъ; цѣлые фельетоны наполнены разсказами о музыкальныхъ побѣдахъ ея въ Новомъ-Свѣтѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ нѣтъ и не было другой пѣвицы, которая бы пользовалась такою славой, какъ этотъ шведскій соловей. Вотъ что говоритъ объ ней одна американская газета:

Пятаго сентября Женни-Линдъ прибыла въ Нью-Йоркъ. Огромная толпа собралась на берегу и потомъ провожала ее карету до самаго жилища. Кучеръ, желая открыть себѣ свободный путь, хотѣлъ прибѣгнуть къ помощи бича. «Нѣтъ, нѣтъ», закричала артистка, наклонясь къ дверцамъ кареты: «не трогай, — это друзья мои; они пришли посмотреть на меня». Эти слова встрѣчены были изступленными и продолжительными криками. Директоръ театра, Е. К. Коллетти, ожидалъ Женни-Линдъ у пристани съ огромнымъ букетомъ. Среди набережной воздвигнута была триумфальная арка изъ зелени, съ изображеніемъ орла на верху, который, казалось, привѣтствовалъ соловья съ его счастливымъ прибытіемъ. Въ полночь оркестръ филармоническаго общества далъ ей серенаду, и пѣвица принуждена была цѣлые два часа оставаться у окна, не смотря на свѣжесть вочи. На другой день, господинъ Барнумъ показывалъ ей концертную, не совсемъ еще конченную, залу музеумъ и возилъ ее въ Castle-Garden. Черезъ недѣлю по ея приѣздѣ начались концерты. Первый концертъ ея доставилъ двадцать шесть тысячъ долларовъ (около тридцати-четыре тысячъ рублей серебромъ). Оглушительная браво не умолкала, но въ концѣ концерта можно было подумать, что зданіе обрушивается.

ся, когда вышелъ Барнуиъ и объявилъ, что часть, приходившаяся на долю концертистки, то-есть, слѣшкомъ десять-тысячъ долларовъ, жертвуется ею въ пользу благотворительныхъ заведеній. Второй концертъ доставилъ двадцать-двѣ тысячи долларовъ; Женни-Линдъ объявила, что не позволитъ перепродавать свои билеты и что желаетъ, чтобы они были не дороже двухъ долларовъ. Потомъ ею даны были еще два или три концерта въ Castle-Garden, и каждый былъ ея новымъ триумфомъ.

Женни не можетъ сдѣлать шагу, безъ того, чтобы не окружала ея толпа. Желая осмотрѣть заведеніе журнала «Weekly Herald», она поѣхала туда; черезъ минуту контора наполнилась тысячью посѣтителемъ, хотѣвшихъ видѣть *шведскаго соловья*. Съ трудомъ могла она добраться до кареты; и когда карета тронулась, раздались со всѣхъ сторонъ тысячи голосовъ браво.

Изъ Нью-Йорка знаменитая пѣвица отправилась въ Бостонъ. На дорогѣ ее встрѣчали вездѣ сумасбродства, или, лучше сказать, глупости обезумѣвшихъ отъ восторга Американцевъ. Конечно, можно любить музыку и музыкантовъ, но не до такой степени, чтобы терять для нихъ свой рассудокъ. Сама Женни-Линдъ возстаётъ противъ этого энтузіазма, могущаго вскружить голову женщинѣ. Меръ Бостона, сопровождаемый ольдерменами, представляемъ былъ ей полковникомъ Штевенсомъ. Меръ началъ въ честь ея небольшое привѣтствіе, но когда дошелъ до фразы: «не сверхъ-естественныи талантъ вашъ плѣнилъ наши чувства, но безукоризненная чистота характера вашего, который.... тутъ Женни вдругъ прервала его: «О! милостивый государь, слѣшкомъ ужъ много похвалъ!» потомъ, послѣ небольшой паузы, она подняла голову и спросила: что вы знаете про мой характеръ? Я, милостивый государь, не лучше другой, вѣтъ!» Меръ, не смутясь, старался вывернуться, опираясь на общественное мнѣніе о ней и прочая. Когда онъ кончилъ, Женни поблагодарила его въ очень простыхъ выраженіяхъ, гдѣ проскользнуло слово сожалѣнія о бѣдникахъ, которые стояли у оконъ ея и могли простудиться. Въ Бостонѣ встрѣтилъ ее тотъ же фанатизмъ, съ какимъ ее приняли въ Нью-Йоркѣ. Какой-то восторженный amateur заплатилъ за одинъ билетъ въ ея концертъ шесть-сотъ-двадцать-пять долларовъ (восемь-сотъ-двадцать-восемь рублей серебромъ).

НОВЫЯ НѢМЕЦКІЯ КНИГИ.

(Въ книжномъ магазинѣ Эггера и К., комиссіонера Императорской Академіи наукъ.)

Медицинскія.

- HOEFLE**, Privatdocent, Dr. Mark-Aurel, Chemie und Mikroskop am Krankenbette. Ein Beitrag zur medicin. Diagnostik, mit besond. Rücksicht auf das Bedürfniss des prakt. Arztes bearbeitet. 2. verb. u. verm. Ausg. Mit Holzschn. u. 4 Steindrtaf. 5 Rbl. 85 Cop.
- Journal für Kinderkrankheiten.** Herausg. v. Dr. Fr. J. Behrend u. Sanitätsrath Dr. A. Hildebrandt. XIV. Bd. 6 Hefte. 4 Rbl. 10 Cop.
- Klinik**, deutsche Zeitung für Beobachtungen aus deutschen Cliniken und Krankenhäusern. Herausg. v. Dr. Alex. Göschen. (2.) Jahrg. 1850. 52 Nrn. 12 Rbl. 60 Cop.
- KOCH**, Collegien-Assessor Dr. Thdr., ein Blick auf die wissenschaftl. Richtungen in der heutigen Medicin. 85 Cop.
- MOLESCHOTT**, Privatdoc. Dr. Jac., Lehre der Nahrungsmittel. Für das Volk. 1 Rbl. 60 Cop.
- die Physiologie der Nahrungsmittel. Ein Handbuch der Diätetik. Friedrich Tiedemann's Lehre von dem Nahrungsbedürfniss, dem Nahrungstrieb und den Nahrungsmitteln des Menschen nach dem heutigen Standpunkte der physiolog. Chemie völlig umgearbeitet. 4 Rbl. 20 Cop.
- ÖSTERLEN**, Privatdoc. Dr. Fr., Handbuch der Heilmittellehre. 3. neu umgearb. Aufl. 3 Lfgn. 7 Rbl.
- RIEGLER**, Ob.-Lieuten. Oberarzt Dr. Ludw., einfache und glückliche Behandlung des Typhus, vorzüglich mittelst der Temperatur-Abstufungen der kühlen, kältern und kalten Luft durch mehrere Jahre geschöpft aus fremder Erfahrung und eigener Praxis. 45 Cop.
- SCANZONI**, Dr. Frdr. W., Lehrbuch der Geburtshülfe. 1. Bd. Mit 73 in den Text eingeschalteten Holzschn. 5 Rbl. 15 Cop.
- SCHNITZER**, Hofrath Dr. Adlph., practische Anleitung zur Anwendung d. magneto-elekt. Rotations-Apparates in verschied. Krankheiten, 2. mit e. Nachtrage verm. Ausg. Mit 2 lith. Taf. 1 Rbl. 45 Cop. Der Nachtrag auch besonders u. d. T.:
- der magneto-elektrische Rotations-Apparat und seine Anwendung in verschiedenen Krankheiten. Nach den neuesten Erfahrungen bearb. Mit 1 lith. Tafel. 55 Cop.

JUL 16 1937

